

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИН

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

ТОМ
XVI—XVII

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

2003

Пушкинский кабинет ИРЛИ

УДК 82/821.0
ББК 83.3 (2Рос-Рус)1
П 91

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Э. Вацуро, Р. В. Иезуитова (ответственный редактор), *О. С. Муравьева,
Н. Н. Петрунина, С. А. Фомичев*

РЕЦЕНЗЕНТЫ

П. Е. Бухаркин, О. С. Муравьева, Ю. В. Стенник

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

ISBN 5-02-028294-4

© Коллектив авторов, 2003
© Российская академия наук и издательство
«Наука», серия «Пушкин. Исследования и
материалы» (разработка, оформление),
1956 (год основания), 2003

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной, двоянный том серии «Пушкин. Исследования и материалы», в целом следуя уже традиционно сложившимся в этом издании принципам отбора и распределения статей и публикаций, имеет некоторые особенности, predeterminedные направлением пушкиноведения, — в первую очередь, академического пушкиноведения, — в последние годы. Значительная часть пушкиноведческих сил в последнее время была сосредоточена на подготовке нового академического собрания сочинений Пушкина, которое выдвинуло или поставило вновь целый ряд вопросов, связанных с текстологией и интерпретацией пушкинских произведений. Естественно поэтому появление работ, посвященных истории заполнения рабочих тетрадей Пушкина, — В. Д. Рака и С. А. Фомичева (ПД 830), Я. Л. Левкович (ПД 839) и С. В. Березкиной (ПД 840), в которых продолжено предпринятое Отделом пушкиноведения ИРЛИ РАН фронтальное исследование рабочих тетрадей, составляющих наиболее ценную часть рукописного наследия Пушкина. Начатая еще С. М. Бонди, эта работа систематически ведется уже в течение двух десятилетий и ныне приближается к своему завершению. Потребность в такого рода исследованиях становится особенно очевидной после выхода в свет в 1995—1997 гг. фототипического издания рабочих тетрадей Пушкина, значительно расширившего горизонты восприятия его творчества. Открывая этими статьями очередные тома серийного издания «Пушкин. Исследования и материалы», редколлегия подчеркивает актуальность связанной с ними проблематики для современной пушкиноведческой мысли.

Поисками новых путей в раскрытии роли Пушкина в общественно-культурном сознании его времени отмечены статьи И. В. Немировского и О. С. Муравьевой, касающиеся сложных процессов взаимодействия политики и поэзии, а также работа М. Н. Виролайнен, посвященная проблемам структуральной поэтики.

Углубленному исследованию подверглись программные произведения Пушкина, такие как ода «Вольность» и «Борис Годунов», традиционные представления о которых нередко отличались односторонностью и узкосоциологической направленностью (статьи Е. А. Вилька и Л. М. Лотман). Анализ этих произведений в свете новейших философско-эстетических концепций позволил дать новое прочтение пушкинских текстов, отойти от привычных схем и хрестоматийных оценок. Подобная тенденция характеризует и работы, посвященные роману «Евгений Онегин». В статье М. Г. Альтшуллера исследуются жанровое своеобразие и поэтика романа в стихах. О необходимости рассматривать роман в широком литературно-художественном контексте не только русской, но мировой классики напоминает статья Н. И. Михайловой, о богатстве литературных ассоциаций, связанных с герценовским прочтением пушкинского романа, свидетельствует статья Е. Н. Дрыжаковой. О театральных строфах главы первой «Евгения Онегина» пишет О. В. Астафьева. Свои наблюдения, касающиеся значения имени и фамилии главного героя, предлагает немецкий исследователь Х. Мейер.

Пушкинский юбилей 1999 г. заново поставил вопрос о масштабах влияния Пушкина на последующее развитие русской литературы. На роли пушкинских традиций в творчестве А. Чавчавадзе, Н. А. Некрасова, А. Н. Апухтина сосредоточили свое внимание В. Э. Вацуро, Н. Н. Скатов, Р. В. Иезуитова.

В последние годы были выявлены новые, ранее не печатавшиеся материалы, относящиеся к пушкинской эпохе. Подготовлены к публикации фрагменты трагедии В. К. Кюхельбекера «Товий» (А. В. Архипова), письмо В. Ф. Одоевского к О. С. Павлишевой (М. А. Турьян). Читатель найдет в сборнике также публикации неизданных эпистолярных текстов, освещающих биографии и литературную деятельность литераторов пушкинской эпохи, таких как О. И. Сенковский (А. В. Шаронова) и П. П. Свињин (А. И. Сапожников).

Болезнь и кончина В. Э. Вацуро, неизменного члена редколлегии издания «Пушкин. Исследования и материалы», не позволили ему довести до конца работу над т. XVI, ответственным редактором которого он являлся. В настоящий, сдвоенный том вошли лишь статьи и публикации, подготовленные к печати самим В. Э. Вацуро. В портфеле издания остаются некоторые материалы, над которыми он не успел поработать. По этическим соображениям редколлегия не сочла возможным включить их в настоящий сборник. Статья В. Э. Вацуро печатается без каких-либо исправлений, в том ее виде, в каком она вышла из-под пера автора.

Все цитаты из Пушкина даются по изданию: *Пушкин*. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI; 1959. Т. XVII (справочный). При цитатах указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра).

В разделе «Материалы и публикации» полные шифры публикуемых писем сообщаются полностью во вводных заметках, а при каждом письме или эпистолярном фрагменте и в тексте отдельных примечаний к ним приводятся лишь номера листов архивных дел.

СТАТЬИ

В. Д. РАК

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ПУШКИНА ПД 830

(ИСТОРИЯ ЗАПОЛНЕНИЯ: л. 1—42 об.)¹

Записная книжка ПД 830 (по прежнему шифру: ПБЛ 42), хронологически вторая в ряду рабочих тетрадей Пушкина, использованная с 15 июня 1820 до (предположительно) начала ноября 1823 г., была ему подарена с многозначительным эпиграфом-пожеланием на л. 1:

Epigraphe

Que de beaux chants je méditais encore!
Ma Gloire à peine atteignait son aurore.²

Под этими строками Пушкин указал дату и место, возможно, получения тетради и определенно начала в ней работы:

1820

15 июня.
Кавказ.

Получившийся асимметричный столбик Пушкин отчеркнул с правой стороны, начав линию сверху между цифрами «2» и «0», закруглив ее вправо над «0» и затем проведя по косой справа налево до пересечения с продолжением мысленной вертикали, проходящей через «1» и «К». Эта черта отделяет хронологическую запись от нарисованного карандашом чуть-чуть ниже, в самом центре страницы, неидентифицированного женского профиля. Если умозрительно сдвинуть в столбце вторую и третью строки вправо точно под первую, они окажутся над самую голову, и очень к ней близко. Не исключена вероятность того, что Пушкин сдви-

¹ Описание внешнего вида тетради и ее полистное содержание опубликованы дважды: Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929. С. 19—24; *Пушкин А. С.* Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 46—57 (исп. Т. И. Краснобородько). Наблюдения, касающиеся заполнения отдельных групп листов, опубликованы в работах: *Рак В. Д.* 1) Пушкин в работе над поэмой «Кавказ»: (К истории заполнения тетради ПД 830) // Рус. лит. 1998. № 4. С. 51—70; 2) «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830 // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 133—152. В данной статье они уточнены и дополнены новыми соображениями.

² Эпиграф. Сколько я задумывал еще прекрасных песен! Была только самая ранняя заря моей Славы (*фр.*). По-видимому, это строки из какого-то неустановленного стихотворения. Впервые опубликован: *Бонди С. М.* «Если с нежной красотой»: (Новое альбомное стихотворение Пушкина) // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 74. Чернила, которыми написано слово «Epigraphe», несколько отличаются от чернил в следующих под ним двух стихотворных строках. Первые имеют сероватый оттенок, вторые — бледно-коричневый.

нул их влево, желая сохранить нетронутой всю центральную на листе область рисунка, который, как из этого следует (если верно исходное предположение), уже находился на странице и мог быть выполнен как дарителем альбома до его вручения, так и самим поэтом. В обоих случаях карандашный портрет должен был иметь некий личный, интимный смысл и для того, кто подарил альбом, и для того, кто стал его обладателем, служить второму напоминанием о живом оригинале этого изображения. В кавказском окружении Пушкина только одно лицо может претендовать на его подобное особое внимание, именно — юная Мария Раевская, бывшая, согласно получившей долгое и широкое признание гипотезе П. Е. Щеголева, «мучительным и таинственным предметом любви Пушкина на юге в 1820 и следующих годах».³ Даже если на Кавказе (а может быть, и вообще никогда) чувство не развилось до такой глубины, как представлялось ученому, со стороны поэта велась игра во влюбленность, о чем на склоне лет вспоминала сама М. Н. Волконская.⁴ Одним из проявлений этого безобидного и, конечно же, обоюдного флирта вполне могли стать дарение альбома и нарисованный в центре л. 1 профиль; а кто из двоих, в этой игре участвовавших, его выполнил, сказать с определенностью нельзя.

Теми же бледно-серыми чернилами, что и хронологическая помета на л. 1, т. е., без сомнения, тогда же, на обороте были записаны 20 строк Эпилога к «Руслану и Людмиле», которые опирались на ранее сделанные черновые наброски,⁵ содержат лишь небольшие поправки, внесенные по ходу заполнения страницы,⁶ и с очень малыми изменениями перешли в беловой текст, а потому с полным основанием, хотя стилистически не очень удачно, квалифицированы С. М. Бонди как «первоначальная беловая редакция начала Эпилога» (IV, 273).

Когда Пушкин заполнил л. 1 об. и в тот же присест перешел на л. 2, заготовки к Эпилогу были, видимо, исчерпаны, и текст быстро перерастает в черновой. Первые четыре строки легли еще на едином дыхании:

Теперь заброшенный судьбою
Далече от берегов Невы
Теперь я вижу над собою
Кавказа гордые главы

(ПД 830, л. 2; IV, 274)

Заметив нежелательное повторение слова «теперь», Пушкин легко устраняет этот стилистический огрех: сначала он вычеркивает наречие в третьей строке (этот промежуточный вариант не отражен в Большом академическом собрании сочинений Пушкина), но сразу же восстанавливает, меняя при этом первый стих на «Забытый злобною судьбою». Далее, однако, творческий процесс резко застопорился. Кавказские впечатления, переполнявшие поэта, никак не выстраивались в стройное, связанное описание, которого требовали величественные и живописные картины дикой горной природы. Из-под пера выходили разрозненные, не рифмованные одна с другою строки, не удовлетворявшие Пушкина, который пробовал разные их варианты, но не нашел ни одного для себя приемлемого (см.: ПД 830, л. 2; IV, 274). В этих нескольких строках, против которых слева в момент раздумья была нарисована мужская голова

³ Утаенная любовь Пушкина / Сост., подгот. текста и примеч. Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. СПб., 1997. С. 146.

⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вазуру, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд, доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 207. См. также: Утаенная любовь Пушкина. С. 142—143.

⁵ Один из них, соответствующий шести начальным строкам, сохранился в тетради ПД 829, л. 54 об. (см.: IV, 273).

⁶ Ст. 2: а. На лоне праздной тишины б. *Вместо:* На лоне — *начато исправление:* в ми-ну(ты) в. Под сенью праздной тишины

Ст. 15: а. О дружба!.. мирный утешитель б. О дружба!.. верный искупитель

Ст. 19: а. Ты возвратила мне свободу б. Ты сохранила мне свободу

в профиль, зачеркнуты все слова до единого. Лишь после этого наконец мелькнуло продолжение:

Над их вершин(а)м(и)⁷ крутыми
На к(аменистых) (?)⁸

Далее, кажется, дело не пошло, и, зачеркнув начатую вторую строку, Пушкин на этом остановился.

Вернувшись в Эпилога после какого-то перерыва, он пользовался чернилами коричневого цвета, отличными от предыдущих. Он начал, вероятно, с того, что перечитал уже написанное, сделав две поправки: восстановил исходный вариант во второй строке («На лоне праздной тишины») и третью строку изменил с первоначального «Я пел на лире мне послушной» на «Я славил лирою послушной». Попутно в трех словах он подправил нечетко написанные буквы (строка 4: «преданья», строка 11: «незримой», строка 16: «души»), повторно зачеркнул прилагательное «мирный» (строка 15), а пробегая первые четыре строки на л. 2, оставил против них пером на левом поле два штриха, значение которых не представляется возможным истолковать.⁹ Просматривал, видимо, Пушкин и отвергнутые наброски, в завершение перечеркнув их крест-накрест и несколькими волнистыми линиями. После этого ниже строки «Над их вершин(а)м(и) крутыми» были написаны четыре продолжавших ее стиха:

На скате каменных верш(ин)
Питаюсь чувствами живыми
И чудной прелестью картин
Природы¹⁰ дикой и угрюмой. —
(ПД 830, л. 2; IV, 274—275)

На этом непродолжительный творческий порыв угас; описание кавказской природы по-прежнему не давалось, и позднее, в беловом автографе, для него будут найдены лишь самые общие слова (см.: ПД 830, л. 3 об.; IV, 86—87, ст. 23—29). Перечитывая после очередного перерыва написанное, Пушкин заметил в соседних строках повторяющееся слово («Над их вершин(а)м(и) крутыми / На скате каменных вершин») и заменил его во второй другим («стремнин»), а в следующем стихе, зачеркнув эпитет «живыми», надписал «немыми». Собственно же продолжение Эпилога опять не складывалось, о чем свидетельствуют написанные в этот присест мелким почерком внизу странички наброски — все, кроме последнего стиха («Я прежних вы(мыслов) (?) искал —»), зачеркнутые. Дописал Пушкин Эпилог в черновом виде уже в следующее к нему возвращение на л. 2 об. карандашом.

Характер творческого процесса, каким он предстает из проведенной выше реконструкции заполнения двух первых листов тетради, говорит о том, что жалобы в конце Эпилога покинутого «богиней тихих песнопений» автора на отсутствие вдохновения, хотя его

Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой,
(ПД 830, л. 2 об.; IV, 275)

⁷ В автографе описка: «верншим(и)».

⁸ Конъектура С. М. Бонди.

⁹ По справедливому замечанию С. В. Березкиной, высказанному автору статьи устно, подобные штрихи в рукописной практике Пушкина могут означать перестановку, которая, по мнению исследовательницы, в данном случае и предполагалась, но затем была отменена (в беловом автографе Эпилога соответствующие строки расположены в той же последовательности, как и здесь, — см. л. 3 об.). При отсутствии каких-либо иных признаков якобы задумывавшейся перестановки подобную интерпретацию разбираемых штрихов допустимо рассматривать лишь в теоретическом аспекте как не более чем принципиальную возможность «примеривания» такого расположения строк, но отнюдь не как действительно существовавший какое-то время вариант.

¹⁰ Первоначально описка: Природой

не были одною лишь условною лирическою позою, но выражали действительное в те дни состояние чувств и мыслей поэта-изгнанника.

Какой продолжительности были перерывы в работе над черновиком Эпилога, когда Пушкин ее окончил и когда — тогда же или позднее — нарисовал карандашом на той же странице под текстом две человеческие фигуры, никак пока не соотнесенные с его поэтическим процессом,¹¹ установить не представляется возможным. Перебелил Эпилог Пушкин, согласно помете в автографе под заголовком, 26 июля 1820 г., заполнив обе стороны л. 3 с переходом на л. 4, где написаны три последних стиха и под ними поставлен завершающий спиральный росчерк. Никаких существенных изменений в процессе переписки с черновика текст не перетерпел; немногочисленные разночтения, затронувшие преимущественно эпитеты и предлоги, содержатся в ст. 15, 16, 20, 23 и 37; правился по ходу перебеливания лишь ст. 15. Пять поправок на л. 3 об. и л. 4 (в ст. 15, 21, 33, 36 и 37) были, судя по оттенку чернил, внесены в следующий прием — вполне вероятно, при переписке для отправки в журнал, где впервые был напечатан Эпилог.¹²

Ниже спирального росчерка на л. 4 записаны чернилами другого оттенка ст. 121—123 пятой песни дантовского «Ада»:

Ed ella a me: nessun maggior dolore
Che ricodarsi del tempo felice
Nella miseria.¹³

Поскольку эта «крылатая» в пушкинское время цитата¹⁴ находится между Эпилогом и замыкающими страницу конечными строками первой редакции элегии «Увы! зачем она блистает», то временной интервал, в который она была переписана в тетрадь, определяется, принимая во внимание отличающийся цвет чернил, по темпоральным пометам этих двух произведений: после 26 июля 1820 и ранее 8 февраля 1821 г. Для более узкой датировки надежных палеографических оснований не имеется.¹⁵ Не помогает ее уточнить и автобиографический подтекст этой выписки.

¹¹ Л. Б. Модзалевский (Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. С. 19) и вслед за ним Т. И. Краснобородько определили их как «сидящая женская фигура и фигура св. Себастьяна (?)» (*Пушкин А. С. Рабочие тетради*. Т. 1. С. 46). В новейшем и пока единственном печатном своде (неполном и, к сожалению, в ряде отношений небрежном) графических произведений Пушкина этот рисунок подписан: «„Св. Себастьян“ и „Вирсавия“ (?)». „Искушение Св. Антония“ (?)». Источник, который мог бы послужить Пушкину оригиналом, не установлен даже предположительно; никаких пояснений касательно определения сюжетов не дано. См.: *Пушкин А. С. Рисунки / Сост. С. В. Денисенко, А. В. Дубровский, Т. И. Краснобородько*. М.: Воскресенье, 1996. С. 252. (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*; Т. 18 (доп.)).

¹² Сын отечества. 1820. Ч. 64. № 38. С. 230—231. Все эти исправления вошли в печатный текст.

¹³ И мне она: нет большего мученья / Как о поре счастливой вспоминать / В несчастье (*ит.*; *пер. Д. Д. Минаева*).

¹⁴ См. *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941. С. 385—386. В частности, эту цитату, но без вводящих прямую речь слов («Ed ella a me»), поставил Байрон эпитафией к первой песни «Корсара». Пушкин определенно читал эту поэму с Н. Н. Раевским-сыном в Гурзуфе, а может быть, уже и на Кавказе (см.: *Рак В. Д.* 1) «Гурзуфские листы» рабочей тетради ПД 830. С. 138, 150—151; 2) Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона // *Рус. лит.* 2000. № 2. С. 3—25). Расхождение в начальных словах не позволяет считать эпитафию бесспорным источником выписки в тетради.

¹⁵ Правда, М. А. Цявловский считал, что «очень похожий почерк» Эпилога и цитаты «позволяет предположительно датировать и итальянскую запись этим временем», но оговаривал: «во всяком случае, не позднее 8 февраля 1821 г.» (Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. [1-е изд.] М.; Л., 1935. С. 483). Без изменений это утверждение повторено в издании: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. 2-е изд., перераб. М.: Воскресенье, 1997. С. 455. (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*; Т. 17 (доп.)). Эти же широкие границы датировки: «1820. Июль... 1821. Январь» — указаны и в справочном издании: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1 / Сост. М. А. Цявловский; Отв. ред. Я. Л. Левкович*. С. 194.

Цитата созвучна духовному состоянию Пушкина после высылки из Петербурга,¹⁶ как оно отразилось в ряде написанных в это время произведений, включая «Кавказского пленника». С особенной остротой эти настроения проявлялись, разумеется, в первые месяцы и постепенно затухали, но тем не менее все полгода, на которые приходится датировка записи, отмечены сильным их влиянием, и, следовательно, дантовские строки могли привлечь внимание Пушкина и вызвать отклик в его душе как в начале, так и в конце указанного периода. Не имея возражений против этого представляющегося бесспорным толкования записи и вывода из него касательно датировки, нельзя не отметить возможность и другой интерпретации. В качестве «крылатой» цитаты эти стихи приводились всегда без начальной фразы («Ed ella a me»), отсутствие которой придавало им универсальный, ничем не ограниченный смысл. Пушкин ее сохранил, что дает основание поставить вопрос, не вкладывал ли он в свою запись какое-нибудь конкретное, локальное содержание, т. е. не ассоциировалось ли в его сознании местоимение «она» с какой-то из женщин, с кем он общался в пору, когда сделал в тетради рассматриваемую запись. Если дело обстояло именно так (что не доказуемо, но и не невозможно), то речь должна была бы идти, вероятно, о гурзуфских впечатлениях и том чувстве к одной из сестер Раевских, под влиянием которого были написаны элегии «Увы, зачем она блистает» и «Зачем безвременную скуку». В этом случае нижняя граница датировки могла бы быть гипотетически приближена ко времени либо пребывания в Гурзуфе, либо сравнительно недавнего отъезда из него и расставания с семьей Раевских, когда в прошлое ушли счастливые дни, проведенные с ними на Кавказе и в Крыму.

Как бы то ни было, но, обозначив завершение Эпилога спиральным росчерком, Пушкин закрыл тетрадь и вернулся к ней (если опустить спорный вопрос о выписке из «Ада») уже в Гурзуфе, куда приехал 19 августа. Первые дни он работал в ней карандашом, сделав несколько рисунков и набросав черновики трех стихотворений. Заполнение шло в прямой последовательности, начиная с позднее вырванного и не сохранившегося л. 4а (нижняя часть лицевой стороны и оборот л. 4 были на этой стадии оставлены чистыми), и завершилось на л. 9 дневниковой пометой. К некоторым из этих листов Пушкин возвращался позднее уже с пером в руках. Соответственно в дальнейшем изложении каждый из них будет рассмотрен дважды: сначала в «карандашном» и вторично в «чернильном» циклах работы.¹⁷

Л. 4а. На оборотной стороне корешка заметны остатки карандашного рисунка. На лицевой стороне находятся обрывки черного автографа (в чернилах) первоначальной редакции элегии «Увы, зачем она блистает». Это стихотворение, посвященное, вероятно, Екатерине Н. Раевской, вряд ли могло быть написано сразу после первой встречи с девушкой по приезде в Гурзуф, так как в нем упоминаются ее беседы с поэтом-«страдальцем», которые она оживляла «беспечной, милой остротой», утешая его своею «тихой, ясною душою». Роль «страдальца», в которой выступает здесь Пушкин, исключает возможность того, что «беседы» подразумевали также и петербургский период знакомства. Следовательно, речь идет о неоднократном общении в Крыму, т. е. по крайней мере о нескольких днях, и, таким образом, хотя черновой автограф стихотворения сохранился на «гурзуфских» листах в обрывках первым, он, как и другие записи, сделанные на них чернилами, относится к более позднему времени, а первоначально, как можно с достаточным основанием предполо-

¹⁶ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.]. С. 484.

¹⁷ История заполнения л. 4а—9, условно названных «гурзуфскими», прослежена подробно и со всей необходимой аргументацией в статье, указанной выше в сн. 1. В данной статье приводятся в кратком изложении лишь главные выводы из анализа этих листов, уточненные (как было выше обещано) и дополненные новыми наблюдениями.

жить, на этой странице было что-то написано или нарисовано карандашом.

Согласно описанию тетради, «далее вырван еще один лист»,¹⁸ о содержании которого ничего не известно. Из черновиков немногих произведений, написанных или только начатых в Гурзуфе, не сохранилось никакого следа лишь от самых первых набросков «Кавказского пленника», которые не могли не существовать, поскольку начало поэмы в этой же тетради (л. 10—11) явно перебелялось с какого-то предшествующего текста.¹⁹ Естественно поэтому допустить, что если на изъятом листе находились записи творческого характера, то ими могли быть эти самые гипотетические наброски, а далее позволительно также поставить вопрос, не был ли ими занят частично и л. 4а, о котором шла речь выше. Хотя эта гипотеза и кажется достаточно правдоподобной, но против нее существует сильный контраргумент, вытекающий из анализа л. 5а и состоящий в том, что первая запись в Гурзуфе была сделана, возможно, именно на этом листе, а на предыдущих находились только рисунки, большинством из которых Пушкин не дорожил (см. ниже).

Л. 5. В Гурзуфе обе стороны листа были заняты только карандашными рисунками. На лицевой стороне изображение сильно затерто и едва различимо (в верхней его части угадывается подобие пика горы²⁰). На оборотной стороне нарисованы два женских портрета в профиль, один из которых изображает предположительно С. А. Раевскую в чепце,²¹ а другой не идентифицирован.

Л. 5а. На этом вырванном позднее листе был написан карандашом черновик элегии «Погасло дневное светило», как убедительно предположила В. Б. Сандомирская на основе сопоставления сохранившихся на корешке букв с начальными строками стихотворения.²² По свидетельству самого Пушкина в письме к брату от 24 сентября 1820 г. (см.: XIII, 19), подтверждаемому воспоминаниями М. Н. Волконской в записи П. И. Бартенева,²³ элегия была сочинена во время переезда морем из Феодосии в Гурзуф в ночь с 18 на 19 августа. Разумеется, на палубе корабля в темноте стихи можно было сочинять только в устной форме, а записаны они были, конечно, уже на берегу, и маловероятно, чтобы Пушкин долго с этим тянул. Таким образом, черновой текст элегии «Погасло дневное светило» был занесен в тетрадь, по всей видимости, если не в самый день приезда, то в ближайшие два-три, именно 19—21 августа. Этой датировке придает убедительность и то обстоятельство, что, написав вчерне это стихотворение, Пушкин работал в тетради карандашом еще над двумя, которые давались ему нелегко и, следовательно, заняли некоторое время, а последняя запись карандашом (дневниковая, с датой) была сделана 24 августа. В этом свете очень велика вероятность того, что черновой автограф элегии «Погасло дневное светило» был в Гурзуфе самой первой текстовой записью.

Л. 6. Обе стороны (лицевая полностью, оборотная — на две трети) заняты черновым наброском «Я видел Азии бесплодные пределы» — новой попыткой Пушкина изложить в поэтической форме свои кавказские впечатления. В принятой сейчас во всех изданиях, как научных, так и массовых, сводке, принадлежащей С. М. Бонди (см.: II, 141), сти-

¹⁸ Пушкин А. С. Рабочие тетради. Т. 1. С. 47.

¹⁹ Первым это отметил В. Е. Якушкин (см.: Пушкин А. С. Соч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1905. Т. 2. С. 381—382).

²⁰ Впрочем, коллеги, с которыми консультировался автор статьи, склонны видеть в этом рисунке человеческий профиль.

²¹ Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 296. № 679.

²² См.: Сандомирская В. Б. О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она блистает»: (К вопросу о датировке) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 138—139.

²³ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 210.

хотворение приобрело вид цельного и ритмически стройного отрывка,²⁴ но этот результат достигнут отнюдь не бесспорными приемами реконструкции текста. На самом деле стихотворение у Пушкина «не сложилось», и он оставил его без продолжения на полуслове. Этого не показывают ни напечатанный С. М. Бонди в отделе «Другие редакции и варианты» текст (см.: II, 621—622), дословно (!) совпадающий с помещенным в корпусе стихотворений в качестве основного (отличия лишь в том, что в «вариантном» тексте обозначено одно недописанное слово, а в «основном» введена редакторская пунктуация и разделение на два «строфоида»²⁵), ни подстрочные к нему варианты, должествовавшие отразить последовательное «движение» черновика, но этого эффекта не достигшие в рамках избранной системы их подачи. Реальный процесс работы над стихотворением, прослеженный в Приложении к данной статье (см. ниже, с. 33—42), и конечный результат существенно отличаются от того, как они представлены в Большом академическом издании.

Когда был написан ст. 16 (которому суждено было стать последним цельным) и начали возникать первые наброски следующего, мысль Пушкина, возможно, скользнула по ассоциации от виденных им на водах «увядших юношей, отступников пиров» (варианты: «дряхлах», «бледных») и других больных, над описанием которых он бился, к мучившей его в Екатеринославе и по дороге на Кавказ лихорадке, а от нее к лечившему его доктору Е. П. Рудыковскому. Вспомнив его, Пушкин записал ниже тем же карандашом и сразу набело эпиграмму «Аптеку позабудь ты для венков лавровых». К наброску «Я видел Азии бесплодные пределы» он более не возвращался.

Л. 6а. На лицевой стороне корешка имеются остатки штриховки карандашом, т. е. здесь находился какой-то рисунок и, может быть, текст. Несомненно, что-то было написано или нарисовано и на обороте листа. Закономерно в очередной раз встает вопрос о черновых набросках к поэме «Кавказ» («Кавказский пленник») и эпиграмме (или эпиграммам), ей предшествующей (предшествующим) на л. 8.

Л. 7. На обеих сторонах карандашом написан черновой текст стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку»). Начал Пушкин его со слова «[За чем]» (над которым впоследствии, на поздней стадии, было надписано «Единый звук») на лицевой стороне с большим отступом от верха и, дойдя до конца оборота («Тогда едины(й) / Мечт(ать) (?)» — ср.: II, 626, сн. 3 ж, з), перевернул лист обратно и заканчивал стихотворение на оставшемся пустым месте сверху лицевой стороны. Эту особенность автографа не увидел С. М. Бонди, готовивший текст стихотворения для Большого академического издания, и открыл варианты чернового автографа строками («Тоской (могилой) ~ Единый звук (ее речей)» — II, 626), которые должны находиться в конце.

По ходу работы на обороте листа был нарисован карандашом мужской профиль.

Л. 7а. На листе был написан карандашом какой-то текст, сохранившийся на обороте лишь обрывками, по которым, к сожалению, утраченное не поддается сопоставлению с какими-либо стихами гурзуфских дней. В полистном описании тетради, при составлении которого не была замечена установленная выше последовательность работы поэта на л. 7, допускается возможность того, что «на вырванном листе продолжался черновой автограф стихотворения „Зачем безвременную скуку“, начатого на предыдущем листе».²⁶ Естественной альтернативой этой ошибочной, как теперь ясно, гипотезе становится предположение о том, что здесь

²⁴ Подробный разбор см.: *Рак В. Д.* «Гурзуфские листы» рабочей тетради ПД 830. С. 140.

²⁵ Термин, предложенный М. Л. Гаспаровым в его статье «Строфика нестрофического ямба в русской поэзии XIX в.» (см.: *Гаспаров М. Л.* Избр. статьи. М., 1995. С. 60).

²⁶ *Пушкин А. С.* Рабочие тетради. Т. 1. С. 48.

могли быть начальные строки поэмы «Кавказ», о которых уже несколько раз говорилось выше.

Последняя запись карандашом была сделана в Гурзуфе на л. 9 в виде дневниковой пометы, до сих пор не получившей удовлетворительного объяснения:

Владимир 1820 А(в)густ

24

П. В. Анненков, первым опубликовавший эту запись, и вслед за ним П. А. Ефремов и П. О. Морозов считали, что Владимиром Пушкин предполагал назвать героя поэмы, а его именем и саму поэму.²⁷ С этим объяснением нельзя согласиться по двум причинам. Во-первых (и это главное), имя Владимир ни разу не фигурирует даже на ближайших к указанной дате страницах черновой редакции поэмы. Между тем, если бы эта гипотеза была справедлива, оно не могло бы исчезнуть столь бесследно, поскольку сам факт его записи свидетельствовал бы о том, что Пушкин придавал ему какое-то особое значение. Во-вторых, ни Анненковым, ни его единомышленниками не было дано вразумительного ответа (да его, кажется, и не существует) на вопрос, зачем было Пушкину делать памятную заметку о подобранном для главного персонажа имени, да еще с точным указанием даты, тем более что он так никогда не поступал ни ранее, ни впоследствии.

В. Е. Якушкин²⁸ связал запись с пушкинским замыслом, о котором как о «давно обещанной поэме „Владимире”» упомянул П. А. Вяземский в рецензии на «Кавказского пленника».²⁹ С этим толкованием резко полемизировал П. О. Морозов, отстаивая прежнюю интерпретацию,³⁰ но с течением времени именно оно утвердилось в пушкиноведении. С ним согласились М. А. Цявловский³¹ и комментатор новейшего издания записей дневникового характера Я. Л. Левкович, назвавшая объяснение, предложенное В. Е. Якушкиным, «правильным».³² Однако ряд вопросов, им вызываемых, не позволяет безоговорочно согласиться с этим категорическим определением.

Узнать о поэме «Владимир» П. А. Вяземский мог еще до отъезда Пушкина в ссылку или от него лично при встречах в Петербурге или в Варшаве из какого-то неизвестного нам письма. Если это действительно произошло до мая 1820 г., то замысел, которым с Вяземским поделился молодой поэт, родился во время работы над «Русланом и Людмилой» и был, вероятно, подсказан какими-то ассоциативными ответвлениями от этой поэмы. Насколько глубоким и устойчивым был интерес Пушкина к новому сюжету, сказать невозможно, так как приведенное выше беглое и неопределенное свидетельство Вяземского — это все, что известно о задумывавшейся поэме. Гурзуф, где была сделана запись, находится относительно недалеко от бывшего Херсонеса Таврического — места крещения Владимира и его женитьбы на греческой царевне Анне.

²⁷ Пушкин А. С. 1) Соч. СПб., 1857. Т. 7, ч. 1. С. 66; 2) Соч. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 1. С. 545; 3) Соч. 8-е изд., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. М., 1882. Т. 1. С. 511; 4) Соч. / Под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 2. С. 300; 5) Соч. ... с объяснениями их и сводом отзывов критики / Изд. Л. Поливанова. М., 1887. Т. 2. С. 56; 6) Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 3. С. 111.

²⁸ См.: Пушкин А. С. Соч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1905. Т. 2. С. 382, 413—414.

²⁹ Вяземский П. А. О «Кавказском пленнике», повести соч. А. Пушкина // Сын отечества. 1822. Ч. 82. № 49. С. 125—126. См. также: Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб., 1996. С. 128.

³⁰ См.: Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1908. Т. 2. С. 25.

³¹ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.]. С. 291.

³² См.: Пушкин А. С. Дневники; Записки / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. СПб., 1995. С. 249.

Для Пушкина было бы естественным, оказавшись вблизи столь значительного в русской истории древнего города, вспомнить свои давние творческие планы, а если на самом деле подобного замысла еще не существовало, получить здесь творческий импульс к его возникновению. Нарисованные несколько позднее на полях чернового автографа «Кавказского пленника» (л. 15 об.) шлем и голова в шлеме говорят о том, что какая-то тема из древних времен бродила в голове поэта. До сих пор предположение В. Е. Якушкина выглядит достаточно убедительным — далее начинаются вопросы и сомнения. Если появившуюся в Гурзуфе мысль о поэме «Владимир» Пушкин счел достойной быть отмеченной особой заметкой для памяти с указанием даты, значит, этому давнему либо только что родившемуся замыслу он придавал какое-то важное значение. Почему же он более никогда об этой поэме не думал, не оставив не только ни строчки набросков или плана, но даже ни единого на нее намека? На той самой странице, где находится дневниковая заметка, он нарисовал титульный лист своей новой поэмы, к сочинению которой без промедления приступил, — но это был «Кавказ»! Ни в его собственных письмах осени 1820 г., ни в переписке и воспоминаниях его друзей и знакомых ни разу не мелькает ни единого упоминания о поэме «Владимир». В конце 1820—начале 1821 гг. он перечитывал «Историю» Карамзина, однако возможного героя произведения на сюжет из русской истории увидел отнюдь не во Владимире, а в Вадиме Новгородском (см.: ПД 830, л. 43, 50, 58; VII, 365—366) и Мстиславе, князе тмутараканском.³³ Эти соображения подтачивают внешнюю убедительность гипотезы В. Е. Якушкина, не позволяя признать бесспорной и окончательной его расшифровку смысла памятной заметки.

В гурзуфском окружении Пушкина не было, насколько известно, никого по имени Владимир. Таким образом, приходится констатировать, что загадка разбираемой пометы не может быть решена, если чудом не обнаружатся какие-нибудь дополнительные сведения о пребывании Пушкина в Крыму. Не оставляя надежды на подобное открытие, но понимая реалистически, насколько ничтожна вероятность того, что оно когда-нибудь произойдет, необходимо тем временем выявлять и критически оценивать все случаи, когда Пушкин мог в эти дни столкнуться прямо или косвенно с именем Владимир.³⁴

Применительно к истории заполнения тетради запись о Владимире интересна и важна не своим для нас, вероятно, утраченным смыслом, но обозначением даты, которая стала некоего рода творческой вехой, знаменовавшей начало систематической, продолжавшейся несколько месяцев работы над черновой редакцией «Кавказского пленника».

До этой даты, в интервале между 19 и 24 августа 1820 г., Пушкин, как явствует из предшествующего анализа, написал карандашом, в черновом виде и в приводимой ниже последовательности:

- элегию «Погасло дневное светило»;
- набросок «Я видел Азии бесплодные пределы»;
- эпиграмму «Аптеку позабудь ты для венков лавровых»;
- наброски стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку»);
- предположительно наброски поэмы «Кавказ», находившиеся на вырванных позднее листах и потому не сохранившиеся.

После этого Пушкин оставил надолго карандаш и писал в тетради чернилами, заполняя последовательно, с несколькими перерывами, страницу за страницей черновым текстом «Кавказского пленника». Однако

³³ См. Эпilog к «Кавказскому пленнику» (ст. 22) и авторское примечание к нему (IV, 113, 117), а также планы поэмы «(Мстислав)» (ПД 832, л. 8—9, 16; V, 157—158), где Владимир предполагался лишь как персонаж, дающий начальный толчок действиям главного героя.

³⁴ Несколько таких случаев указаны в статье: *Рак В. Д.* Пушкин в работе над поэмой «Кавказ». С. 52; но ни один из них не мог стать предметом дневниковой записи Пушкина.

пользовался он чернилами, в том числе и в тетради, еще и до того, как приступил к поэме.

На л. 7 об. поверх карандашных строк элегии «Зачем безвременную скуку» Пушкин расписался шесть раз тем же пером и теми же чернилами, какими на л. 9 об. написан эпиграф из «Фауста». Очевидно, это была в буквальном смысле слова проба пера перед тем, как начать новое, большое произведение, а место для нее было выбрано здесь потому, что записанный на листе карандашом первоначальный текст более не был поэту нужен, т. е. был полностью исчерпан. Следовательно, к этому времени Пушкин его уже перебелил — и сделал это, разумеется, чернилами. Этот автограф неизвестен.³⁵

Когда на л. 9 появилась загадочная дневниковая помета, предыдущий лист был уже, по-видимому, частично использован, потому что если бы он к этому моменту оставался чистым, то в соблюдавшейся до тех пор неуклонно прямой последовательности заполнения тетради на нем и была бы сделана запись о Владимире. Если же Пушкин случайно пропустил л. 8, то, вероятнее всего, он бы это заметил и к нему вернулся, когда решил оформить титульный лист поэмы «Кавказ». Наконец, можно предположить, что лист был намеренно оставлен пробельным для то ли еще вызревавшей, то ли уже почти готовой эпиграммы на М. Т. Каченовского («Хаврониос! ругатель закоснелый»), чтобы, записанная в самом недалеком будущем, она не разорвала текст большого произведения, которое должно было занять в тетради много листов подряд. Однако пропустить умышленно чистый лист на какое-то время, чтобы на следующем сделать запись о Владимире и едва ли не сразу оформить тут же титульный лист, было бы противно самой элементарной логике: если запись не помешала титульному листу, то тем более не была бы она препятствием для эпиграммы, а сохранение целостности текста еще только задуманной поэмы вряд ли могло сильно заботить Пушкина, так как, начав ее, он через некоторое время вторгся на ее страницы с посторонним наброском («[Жуковской] / [Как ты шалишь и как ты мил]...» — л. 13) и позднее также неоднократно (л. 24 об.—25, 28—30, 38—40) пережегал ее с другими сочинениями.

Итак, наиболее вероятно, что беловой текст эпиграммы на Каченовского, которого Пушкин счел автором ругательного разбора опубликованных к тому времени отрывков из «Руслана и Людмилы», был записан на л. 8 непосредственно перед 24 августа. Из этого можно заключить, что номер «Вестника Европы» со статьей Жителя Бутырской слободы, вышедший в свет 28 июня, попал в руки Пушкина в Крыму. Может быть, он ожидал его в Гурзуфе, привезенный туда из Киева С. А. Раевской и ее дочерью Екатериной и Еленой?

Первоначально на лицевой стороне л. 8 находилось только это стихотворение, имея заголовки «Эпиграмма». Позднее здесь же были записаны еще две эпиграммы («Когда б писать ты начал сдуру» и «Как брань тебе не надоела?») и переправленный во множественное число заголовок стал общим для всех трех. В отличие от первой, эти эпиграммы точной датировке не поддаются, но и предложенная С. М. Бонди: июль—сентябрь 1820 г. (см.: II, 1082—1083) — должна быть изменена: август (после 24)—сентябрь 1820 г.³⁶ Еще позднее, в третий прием, на обороте была написана четвертая эпиграмма — на гр. Ф. И. Толстого («В жизни мрачной и презренной»), которую С. М. Бонди датировал августом—декабрем

³⁵ Не его ли отдал Пушкин для публикации в «Московском вестнике»? Впрочем, стихотворение могло подвергаться и дальнейшей переработке, так что не исключена вероятность существования также не дошедшего до нас более позднего автографа, не считая находившегося в альбоме В. П. Зубкова и датированного 1 ноября 1826 г.

³⁶ Основания, по которым нижней границей датировки С. М. Бонди указал сентябрь, а не более поздний месяц, неясны. Сравнение чернил, которыми написаны эти две эпиграммы, с чернилами, определенно употребленными Пушкиным в сентябре (ср., например, л. 7), не опровергает, однако и не подтверждает безусловно его заключения.

1820 г. (см.: II, 1083). После этого оставалась незаполненной нижняя половина страницы, и Пушкин вернулся сюда лишь в двадцатых числах (до 27) июня 1822 г., используя это место для переработки по требованию цензуры строк 269—277 части II «Кавказского пленника».³⁷

Работа в записной книжке ПД 830 над черновым текстом «Кавказского пленника» была детально прослежена еще в 1930-х гг. С. М. Бонди в статье, которая предназначалась быть частью комментария к поэме в Большом академическом собрании сочинений Пушкина. Это ценное исследование едва не постигла несчастливая судьба всех подготавливавшихся тогда комментариев; но, в отличие от большинства из них, оно было избавлено от забвения С. Д. Селивановой, изложившей главные наблюдения и выводы С. М. Бонди в своей книге,³⁸ редактором которой был сам выдающийся текстолог, что позволяет считать соответствующие абзацы второй главы, посвященной работе над текстом поэмы, своеобразной авторизованной публикацией.

В текстологической справке академического издания, составленной С. М. Бонди по результатам своего исследования, говорится: «Поэма „Кавказский пленник“ была написана Пушкиным в 1820—1821 гг. Первоначальная редакция поэмы («Кавказ») написана в августе 1820 г. Черновик поэмы писался с августа до декабря 1820 г.» (IV, 468). Подробнее начальная фаза освещена С. Д. Селивановой: «...судить о том, когда была начата работа над поэмой, когда были написаны не дошедшие до нас черновики начальных строф, можно только предположительно. Вполне вероятной кажется догадка С. М. Бонди, полагающего, что вряд ли черновики начала „Кавказа“ были написаны намного раньше беловика, т. е. раньше августа». Напомнив строки 30—39 из помеченного 26 июля 1820 г. Эпилога к «Руслану и Людмиле», в которых поэт жалуется на творческий застой, исследовательница заключает: «Маловероятно, что Пушкин писал эти стихи в разгар работы над новой поэмой. Скорее всего, начат „Кавказский пленник“ в августе 1820 г. Написав пятьдесят один стих,³⁹ т. е. три отрывка и начало четвертого, Пушкин тогда же переписал их набело в записную книжку».⁴⁰

С этим выводом согласно и вытекающее из проведенного выше анализа л. 4а—9 предположение, согласно которому первоначальные, нам неизвестные наброски поэмы «Кавказ» могли записываться карандашом на каких-то позднее вырванных листах. Если это верно, то появились они в тетради между 19 и 24 августа, а к их перебеливанию Пушкин приступил не ранее второй из этих дат, как явствует из памятной заметки о Владимире.

Перебеливание началось с тщательного оформления титульного листа, который, помимо заглавия начинаемого произведения («Кавказ»), его жанрового определения («поэма»), виньеток и рисунка, изображающего горный пейзаж, содержал также указание на время и место работы («1820 / Юрзуф Август»). Линии верхней виньетки в двух местах пересекают карандашную запись поверх буквы «В» и цифры «4». Вокруг цифры «24», написанной под датой «1820 А(в)густ», как раз напротив пробела между нулем и «А» и практически посередине, винетка делает нарушающую ее симметрию петлю. Расположение цифры относительно верхней карандашной строки и отступление от симметрии виньетки являются признаками того, что, выписывая линию, рука художника окружала уже имевшийся на странице элемент.

³⁷ Исправленными эти стихи Пушкин послал Н. И. Гнедичу в письме от 27 июня 1822 г. (см.: XIII, 39—40).

³⁸ См.: *Селиванова С. Д.* Над пушкинскими рукописями / Отв. ред. С. М. Бонди. М., 1980.

³⁹ Происхождение этой цифры неясно: перебелены сорок пять стихов, причем последний — неполный.

⁴⁰ *Селиванова С. Д.* Указ. соч. С. 34.

Когда титульный лист был готов, Пушкин, кажется, сменил перо и, может быть, что-то сделал с чернилами, в результате чего они приобрели темноватый оттенок. Перо нужно было опробовать. Для этого, как уже говорилось, Пушкин вернулся на л. 7 об., где находился ставший уже ненужным черновик элегии «Зачем безвременную скуку». В этот, по-видимому, момент родился и был тут же записан фрагмент:

Забудь меня — твоей любви
Моя душа

Продолжения не последовало, и Пушкин, зачеркнув написанное, провел внизу завершающий горизонтальный штрих. Однако много позднее, дойдя до исповеди пленника, он вспомнил эти строки и первую из них использовал в раннем варианте буквально (л. 31 об.; см. IV, 321, сн. 5).⁴¹

Ниже черточки была произведена собственно проба пера аккуратным почерком написаны слова «И красота», а под ними столбец с шестью вариантами подписи, из которых три последние оборваны на первых буквах как неудовлетворительные. После этого на л. 9 об. Пушкин так же аккуратно написал эпиграф из «Фауста» (см.: IV, 286), а на л. 10 об. заглавие и стал перебеливать черновик. На протяжении первой строки чернила меняли оттенок и к концу посветлели, приобретая тот, который имеет весь перебеленный текст на л. 10—11. Второй эпиграф (см. IV, 286), взятый из неустановленного сочинения на французском языке, был записан позже другим, небрежным почерком и другими чернилами. По содержанию он более отвечает тому времени, когда поэма близилась к концу.

Начав писать текст поэмы, Пушкин, следуя примеру Байрона, стал нумеровать неравнострочные фрагменты, из которых она, в типично байроновской манере, строилась, римскими цифрами;⁴² так он дошел до номера «VII», пропустив, впрочем, «V» (см.: ПД 830, л. 10—11, 16; IV, 286—288, 296), и далее перестал это делать.

Перебеливаемый текст почти сразу начал обрастать поправками. Уже на первой странице (л. 10) по ходу ее заполнения были переставлены две строки (см.: IV, 286, ст. 11—12) и еще две изменены (см. IV, 287, ст. 17—18), а на следующей (л. 10 об.) перерабатывается целый фрагмент (см.: IV, 287, ст. 23—26) и правка оказывается столь обильной, что в конце концов эти строки зачеркиваются и последний на тот момент их вариант пишется заново, обозначаемый выделяющими черточками сверху и снизу. Тем не менее далее на этой же и на следующей (л. 11) страницах текст продолжается как белой и обрывается на середине стиха («В дыму сидели — IV, 288, ст. 45), не доходя приблизительно на четверть страницы до нижнего ее края. Здесь, нужно полагать, Пушкина исчерпались черновые наброски и в работе над поэмой наступила заминка, после которой без какого-либо промежуточного периода, непосредственно с переработки и продолжения последних имевшихся стихов, текст возобновился (другим пером, почерком и, кажется, чернилами) как черновой и оставался таковым на всем протяжении третьей тетради. По наблюдениям С. М. Бонди — С. Д. Селивановой, «поэма писалась Пушкиным в последовательности развития действия. Однако часто, не удовлетворенный сделанным ранее, поэт возвращается к уже написанным стихам, переделывает, правит их; порой же, напротив, забегая впе-

⁴¹ В описании тетради этот набросок определен как не учтенные в Большом академическом издании «варианты стихов черногого фрагмента поэмы на л. 31 об.» *Пушкин А. С. Рабочие тетради*: Т. 1. С. 47). Однако в момент записи он, может быть, и не мыслился Пушкиным заготовкою к поэме, так как в этом случае, вероятно, сохранился бы зачеркнутым, а между тем зачеркивание произведено одними чернилами с записью, отличными от употребленных на л. 31 об.

⁴² Подобный же прием использовал В. Скотт, но с его поэмами Пушкин еще не был знаком.

ред, набрасывает новые стихи, предназначенные для будущей части поэмы». ⁴³

Перебеленный текст прервался на пейзажно-этнографической картине вечера в горах, как раз на том месте, где начиналось изображение мирной жизни аула после трудового дня. Когда Пушкин к нему вернулся, уже написанные пейзажные строки не поддались переделке; решив ими заняться в другой раз (что и было сделано, и так же безуспешно), Пушкин перешел на л. 11 об., где стал записывать складывавшееся по-новому описание черкесов:

В косматых [шапках] [бурках] шапках, [(*нрзб*)] на порогах
[Си(дять)] Черкесы [бранные] [(*нрзб*)] [гордые] мирные сидят
и т. д.
(ср.: IV, 289)

Именно этими стихами, в измененной редакции («В ауле на своих порогах / Черкесы праздные сидят»), открывается беловой автограф (ПД 831, л. 3) и печатный текст (IV, 93) «Кавказского пленника». На этом основании в разделе Большого академического издания «Другие редакции и варианты» С. М. Бонди выделил «Первоначальную редакцию начала поэмы» (сорок пять перебеленных на л. 10—11 стихов с включенной сюда же, вопреки последовательности творческого процесса, более поздней их переработкой — см.: IV, 286—289) и «Основной черновик поэмы» (см.: IV, 289 и след.). Между тем перебеленное начало мыслилось Пушкиным входящим в общий черновик поэмы. Это явствует, например, из того, что цифры «VI» и «VII», проставленные на л. 16 для обозначения главок, продолжают общую, введенную с самой первой страницы нумерацию, в которой, правда, забыта, как уже отмечалось, цифра «V». О том, что разделенные С. М. Бонди части составляли единое целое, говорит и возвращение (судя по чернилам, по крайней мере дважды) на л. 10 об.—11, когда уже шла работа над «основным черновиком». Так, например, лишь на более поздней стадии могла быть зачеркнута на л. 10 об. цифра «III», причем следующей страницей в этот раз поэт не занимался и на цифру «IV» не обратил внимания, так что она осталась неизменной. Предпосылки того, что исходное начало со временем окажется лишним и будет исключено (с переносом из него ряда стихов в другое место), возникли тогда, когда сцена ожидания в засаде и пленения героя поэмы стала дополняться эпизодами, непосредственно к ней не относившимися и представлявшими собою беглые эскизы некоего более обобщенного описания воинственного черкеса. На л. 16—17 об. в характеристику героя вклинился отделенный от нее горизонтальными черточками набросок сцены убийства путника стрелой, пушенной из засады (см.: IV, 315). Хотя, на первый взгляд, он по содержанию не связан с главками, которыми на той стадии открывалась поэма, совершенно от них независимым он не был, потому что приблизительно в это же время, судя по чернилам на л. 14 об., 15 об., записывается на л. 11, т. е. на соседней с эпизодом пленения странице, другой набросок боевого столкновения путника и черкеса (см.: IV, 314—315), похожий по характеру на тот, о котором шла речь выше. Выбор места для этих строк на развороте с эпизодом пленения, хотя там чистое пространство оставалось узкою полосой лишь по левому полю и по низу страницы, является признаком существования между ними какой-то если не прямой, композиционной, то во всяком случае ассоциативной связи. В подобном же отношении к началу стоял, видимо, и набросок на л. 16 об.—17. Разрушение существовавшего начала поэмы предвещала, наверное, и зарисовка на л. 17 об.—18 (см.: IV, 299) возвращения горцев в аул после трудового дня. В ней повторились, но тут же были зачеркнуты два стиха из аналогичного наброска на л. 11 («Влекутся с праздными сохами /

⁴³ Селиванова С. Д. Указ. соч. С. 39.

Четы медлительных волов» — ср.: IV, 288 и 299), где тогда же против них приписываются слова «С полей», вошедшие в текст на л. 18. Вполне вероятно, что на л. 17 об.—18 Пушкин еще раз пытался доработать фрагмент, предназначая его по-прежнему для начала и потому отчеркнув от естественного, казалось бы, его продолжения («Зажглися в хижинах огни» — IV, 300, сн. 16); однако сам факт, что уже намечалось продолжение зарисовки, связанное в свою очередь с дальнейшим повествованием, говорит о том, что повторение будет устраняться за счет эскиза в начале поэмы.

Предпосылки стали обретать реальность позже, когда в записанном на л. 24 об. плане развития сюжета появился пункт «Черкес», который впоследствии вообрал в себя и засаду, и бой, и скачку с пленником на аркане; решающий отказ от исходного начала произошел лишь в окончательном плане поэмы (л. 39 об.), оформившемся уже тогда, когда черновик был почти завершен и ненаписанными оставались три последних пункта «Набег», «Ночь», «Побег» — см.: IV, 285—286).

Если допустить, что карандашная запись о Владимире была сделана в тот самый день, который в ней назван (24 августа), и тогда же был оформлен титульный лист, то в Гурзуфе, откуда Пушкин уехал 5 сентября, он мог работать в тетради над поэмой по самому большому счету 12 дней, а на самом деле, конечно, меньше. Находясь в пути 16 дней, он вряд ли ею занимался, хотя во время остановки в Одессе сочинил небольшое стихотворение «Мне вас не жаль, года весны моей» (см. ниже, с. 20). Прибыв в Кишинев 21 сентября, он сначала закончил элегию «Погасло дневное светило», которую послал брату в письме от 24 сентября. По-видимому, лишь после этого, т. е. не ранее 25 сентября, он вернулся к поэме и работал над нею, с перерывами, до конца года.

Определить с уверенностью, на каком месте Пушкин остановился в Гурзуфе и соответственно с какого продолжил работу в Кишиневе, не представляется возможным. Судя по оттенкам чернил, почерку и характеру записей, в черновике образовался непрерывный, однородный массив текста от л. 11 об. до л. 24 (лицевая сторона) включительно. Верхняя его граница приходится на стык с перебеленным началом поэмы. На последней странице массива, где совершается переход к описанию Кавказа глазами пленника, произошла явная заминка (горный пейзаж по-прежнему не давался поэту — см.: л. 24; IV, 310—311), вызвавшая перерыв, во время которого Пушкин обдумал и составил план продолжения поэмы (л. 24 об.), а затем отвлекся на стихотворение «Дочери Черного Георга (Кара Георгий)» (л. 25—25 об. и 24 об.), помеченное «Кишинев 5 окт.(ября)». На обоих стыках менялись чернила, перо и характер письма.

Совокупность всех этих особенностей автографа подсказывает, что наиболее вероятным местом, на котором Пушкин остановился в Гурзуфе, был один из стыков.

С. М. Бонди, усматривавший смену чернил не на л. 24 об., а на лицевой стороне и соответственно конец массива на л. 23 об., где, кстати, внизу страницы стоит росчерк — знак завершения раздела поэмы,⁴⁴ считал, что текст на л. 11 об.—23 об. (от «В косматых шапках на порогах» до «Он не хотел вспоминать» — IV, 289—310) был написан в Гурзуфе, а в Кишиневе, между 21 сентября и 5 октября, — лишь несложившийся набросок описания Кавказа через восприятие героя поэмы (от «Казалось пленник терпеливый» до «[Казбек] [Къ] [венец]» — л. 24; IV, 310—311) и план (л. 24 об.).⁴⁵ Однако существуют обстоятельства и признаки, ко-

⁴⁴ Ср.: IV, 310; основной текст — Там же. С. 98.

⁴⁵ *Селиванова С. Д.* Указ. соч. С. 40. Здесь допущены неточности. Исследовательница пишет: «...первые строки черновика поэмы (до стихов «Не вдруг увянет наша младость...» и след.) созданы в очень короткий срок: в конце августа—первых числах сентября». Двадцать шесть страниц, написанных, согласно С. М. Бонди, в Гурзуфе, нельзя назвать «пер-

торые вызывают сомнение в справедливости этой гипотезы. Она не учитывает, в частности, того, что в Гурзуфе Пушкин писал, кроме всего прочего, не дошедшие до нас «(Замечания на черноморских и донских казаков)» (о существовании этого сочинения он сообщил брату сразу по приезде в Кишинев в письме от 24 сентября 1820 г. — см.: XIII, 18). Написать менее чем за две недели более 300 стихов на 26 страницах и, кроме того, еще «Замечания» (правда, их объем неизвестен) было бы примечательным взлетом творческой активности, который наложил бы свой отпечаток на распорядок дня поэта. Между тем ни в только что упоминавшемся письме к брату, ни в ретроспективном «Отрывке из письма к Д.», ни в записанных П. И. Баргеновым воспоминаниях М. Н. Волконской — нигде не мелькнуло ни единого намека на что-либо подобное, а, напротив, все свидетельствует об ином времяпровождении. Наконец, тонкое различие оттенков чернил, воспринимаемое всегда очень субъективно и зависящее от многих факторов как в процессе письма, так и в момент чтения (состояние пера, глубина обмакивания его в чернильницу, помешивание ее содержимого, род освещения, при котором происходит чтение, состояние зрения читающего, его пол и возраст и мн. др.), не может служить достаточным и никоим образом единственным аргументом в пользу того или иного предположения. В описываемой тетради можно указать немало примеров того, как оттенок чернил меняется не только в пределах страницы, но и строки, и даже слова (см. л. 5 и первую строку на л. 11 об.). К тому же, само собою разумеется, резкая смена чернил отнюдь не обязательно происходила после перерыва в работе или ее перенесения в другое место. И во всяком случае, чернила, определенно употреблявшиеся Пушкиным в самые первые дни по приезде в Кишинев (см. л. 7 и письмо к брату от 24 сентября 1820 г. — ПД 1261, л. 6—9), более похожи на те, которыми заполнена первая страница «основного черновика» (л. 11 об.), нежели на те, которыми, по мнению С. М. Бонди, Пушкин продолжил черновик поэмы в Кишиневе (л. 24).

Возражения против гипотезы о гурзуфском происхождении л. 11 об.— 23 об., хотя и веские в своей совокупности, не достаточны, однако, чтобы признать ее опровергнутой. То же справедливо и в отношении альтернативы, согласно которой в Гурзуфе Пушкин остановился на перебеленных сорока пяти стихах и вернулся к поэме уже в Кишиневе. Таким образом, приходится констатировать, что на рассматриваемый вопрос нельзя дать категорического, однозначного ответа. Впрочем, за рамками творческой истории «Кавказского пленника» он имеет практическое приложение лишь к датировке непонятого подсчета на л. 12⁴⁶ и небольшого зачеркнутого фрагмента на л. 13:

{Жуковской}
{Как ты шалишь и как ты мил}
{Тебя хвалить тебя порочить}
(II, 467)

Эти три аккуратные строки вверху страницы, предназначавшиеся, возможно, для какого-то задумывавшегося стихотворного посла-

выми строками черновика»; приводимый стих находится на л. 22 об., так что к «след.» отнесены целые две страницы текста, содержащие 24 стиха, не считая зачеркнутых. К сожалению, последняя неточность повторена (со ссылкой на С. Д. Селиванову) в авторитетном справочном издании: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 1. С. 494—495.*

⁴⁶ «35

28

7». Опубликовано (с неверным указанием листа) в числе «не имеющих толкования» «Помет в рабочих тетрадях Пушкина» в издании: *Дубровский А. В., Краснобородько Т. И., Левкович Я. Л., Фомичев С. А. Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина.* СПб., 1997. С. 61. (Неизданный Пушкин; Вып. 2).

ния,⁴⁷ родились, судя по чернилам, в процессе работы на л. 12. Как побочные, мелькнувшие в голове заготовки Пушкин их записал на ближайшей свободной странице; когда же подошла к концу предшествующая ей страница (л. 12 об.), где последней строкой написан стих «Открыл он очи и с трудом», продолжение («С невольным стоном приподнялся») было размещено между строк тогда же зачеркнутого фрагмента, который, следовательно, можно датировать двояко: или около (не ранее) 25 августа (если принять гипотезу С. М. Бонди), или двадцатыми числами (видимо, около и не ранее 25) сентября 1820 г.

С какого бы места Пушкин ни возобновил работу над «Кавказским пленником» в Кишиневе: с л. 11 об. или л. 24, — он до этого возвращался к первым заполненным в Гурзуфе карандашом листам и поверх уже имевшихся на них рисунков и текстов записал несколько стихотворений, двигаясь, вероятно, как и ранее, в прямой последовательности.⁴⁸

Первым, должно быть в промежутке между концом августа и 20 сентября 1820 г., был написан черновик элегии «Увы! зачем она блистает»,⁴⁹ от которого сохранились обрывки на корешке вырванного листа (л. 4а). Более точная датировка этого автографа невозможна, так как пометы «Юрзуф» в первой белой редакции (л. 4 об.) и «1820 Юрзуф» во второй (ПД 833, л. 3) обозначают, как вытекает из наблюдений В. Б. Сандомирской,⁵⁰ не время, когда стихотворение было создано, а место, с которым соотносится его лирическое содержание и где родился его замысел. К этой элегии Пушкин возвратится через несколько месяцев, в Киеве, и на развороте с черновиком, слева, где давно оставалась чистая страница (л. 4 об.), а далее с переходом в обратном направлении на лицевую сторону (л. 4), где под выпискою из Данте тоже было незаполненное пространство, напишет первую беловую редакцию. Произойдет это, согласно пометам под нею, 8 и 9 февраля 1821 г.

20 сентября, согласно послетекстовой помете,⁵¹ были написаны в тетради элегия «Мне вас не жаль, года весны моей» (л. 5) и тогда же — на том же листе — цитата из неустановленной французской пе-

⁴⁷ Стих «Как ты шалишь и как ты мил» использован в стихотворении «К Языкову» («Языков, кто тебе внушил», 1826).

⁴⁸ О причинах выбора Пушкиным для работы листов, на которых находились карандашные тексты и рисунки, см.: *Рак В. Д.* «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830. С. 142—144. Одной из них могло быть нежелание разрывать текст поэмы не относящимися к ней вкраплениями. Но поскольку с небрежно написанным черновиком Пушкин так поступил едва ли не в самом начале (л. 13), то избежать посторонних записей он мог, по-видимому, лишь до тех пор, пока в тетради находился только аккуратно перебеленный текст. Иначе говоря, коль скоро записи поверх карандашного слоя были сделаны до возобновления работы над поэмой в Кишиневе, то появляется еще один (к сожалению, косвенный и не выходящий за рамки догадки) аргумент в пользу предположения о том, что в Гурзуфе Пушкин не продвинулся далее перебеливания имевшихся у него набросков.

⁴⁹ Иную датировку предложила В. Б. Сандомирская. Считая записанный на л. 7 набросок:

В забвеньи чист(ом) (?) насладились —
Наслушайся речей волшебных —
Красы небесной наглядись —

«более ранним этапом» создания элегии «Увы! зачем она блистает» и датировав его убедительно 20—24 сентября 1820 г., исследовательница к этим числам отнесла и рождение замысла стихотворения (см.: *Сандомирская В. Б.* О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она блистает»: (К вопросу о датировке). С. 137—139), хотя в другом месте той же статьи утверждала, что дата «1820. Юрзуф» является датой замысла и создания элегии (см.: Там же. С. 136). Из этого следует, что черновик элегии был написан между началом двадцатых чисел сентября 1820 г. и 8 февраля 1821 г. (дата на л. 4 под беловым автографом). Однако связь между наброском и элегией представляется очень спорной (см.: *Рак В. Д.* «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830. С. 146—149), и как следствие этого возможна и другая датировка.

⁵⁰ См.: *Сандомирская В. Б.* Указ. соч. С. 136.

⁵¹ О чтении этой пометы см.: Там же. С. 138.

сенки: «L'amant que j'adore».⁵² В этот день Пушкин выехал из Одессы в Кишинев.

К 24 сентября была завершена работа над элегией «Погасло дневное светило», начатая в «чернильном» варианте, видимо, не позднее 21 сентября, а может быть и ранее.⁵³ В тетради сохранился черновой набросок ст. 33—38 (л. 7).

Около 24 сентября, после элегии «Погасло дневное светило», был на том же листе записан набросок «В забвеньи чистом насладись».

Отправив брату письмо, к которому была приложена перебеленная элегия, Пушкин вернулся к поэме. Если принять гипотезу С. М. Бонди, то из нее вытекает, что вдохновение к поэту долго не приходило и он застрял на том самом листе (л. 24), с которого возобновил работу. Согласно альтернативному предположению, после 24 сентября Пушкин написал черновиком на едином порыве 25 страниц тетради и остановился лишь дойдя до л. 24. Так или иначе, при любом из этих двух раскладов, именно на этом листе около (до) 5 октября случилась заминка. В это время Пушкин ощутил необходимость привести в порядок свои мысли и продумать дальнейшее развитие сюжета.

В результате на л. 24 об. появился план (см.: IV, 285), и в процессе записи он претерпел существенные изменения. Так, первоначально в нем значился пункт «Девы», предполагавший, вероятно, некую общую этнографическую зарисовку, которая продолжала бы пункты «Песни», «Игры», «Черкес», т. е. картины быта горского народа. Исправив множественное число на единственное, Пушкин кардинально изменил содержание пункта: в этом варианте развивался намеченный на предыдущих страницах отрывочными набросками мотив любви молодой черкешенки к пленнику. Далее последовало «Воспоминанье», а строкою ниже Пушкин начал записывать пункт «Проща(нье)», но, не окончив слова и зачеркнув его, рядом стал намечать новый эпизод «Портр(ет)». О том, что имелось в виду, возможны разные догадки; например, у пленника мог оказаться медальон с «образом девы милой», которая и в черновой, и в белой редакции ему является в видениях «чудным призраком» (л. 35 об.—36; IV, 328—329; в основном тексте: ч. II, ст. 82—91). Опять не дописав слова, Пушкин отказался от этого пункта и вернулся к пункту «Прощанье», под которым поставил завершающий спиральный росчерк. Очевидно, на этой стадии после исповеди героя, поняв безнадежность своей любви, черкешенка помогала ему бежать.

Закончив план, Пушкин, вероятно, прошел по нему глазами еще раз и решил уточнить обстоятельства, при которых совершилось бы освобождение из плена. Дополнять он начал слева от исключенной строки «[Проща(нье)] [Портр(ет)]», но, не дописав второй буквы (вследствие чего получилось нерасшифровываемое «Но» вместо понятного «На(паденье)»), перенес приписку вправо от основного столбца, и, когда она была сделана, последними пунктами стали:

Воспоминанье —
Нападенье —
[война]
Прощанье
Побег —

В этом плане явственно проступают сюжетные контуры основного текста «Кавказского пленника», начиная приблизительно со ст. 201 части I. Не совсем ясен, однако, пункт «Нападенье / [война]». И в более позднем плане (л. 39 об.; IV, 286), и в черновых набросках (л. 40 об., 41; IV, 334, 335), и в основном тексте (ч. II, ст. 178) говорится о набеге,

⁵² Впервые напечатано: Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. С. 20.

⁵³ О датировке см.: *Сандомирская В. Б.* Указ. соч. С. 139.

в который отправляются «дикие питомцы брани». По-видимому, «Нападение» и должно было означать «набег», но самого этого слова Пушкин еще не нашел. Однако нельзя исключать вероятности того, что в первом варианте приписки предполагалось нападение русских войск (или казаков) на черкесов, сражение между ними («война»), во время которого, пользуясь суматохой и отсутствием надзора, пленник должен был бежать, в чем ему помогла бы черкешенка («Прощанье»).

Слева от спирального росчерка, т. е. после того как план был составлен по крайней мере в первом варианте, Пушкин расположил другой столбец из 9 пунктов, которые С. М. Бонди определил как «План начала поэмы» (см.: IV, 285). Действительно, последовательность обозначенных в нем эпизодов соответствует в основном уже написанному тексту и выглядит наметкою того, как соединить в связное целое имеющиеся наброски.⁵⁴ Начало поэмы остается еще прежним, но первый пункт этого плана: «Черкес» — образует параллель так же сформулированному пункту предыдущего, а позднее строки «Ждет (?)» и «Бой» войдут в набросок на л. 59 об.: «[Нередко он в глуши] таится» (IV, 315), написанный уже после того, как в плане на л. 39 об. начало поэмы станет другим. Набросок явится основой ст. 257—263 части I, продолжив описание вооруженного черкеса и притянув к себе для эпизодов «Ждет» и «Бег» ряд стихов из бывшего начала. Таким образом, первые четыре пункта «Плана начала поэмы» как бы превосходящую и детализацию пункта «Черкес» в верхнем столбике.

Обдумав планы поэмы, Пушкин от нее отлекея и 5 октября на л. 25—25 об. записал белой текст стихотворения «Дочери Карагеоргия», которое назвал первоначально «Дочери Георга Черного (Кара Георгий)», а затем, показав надписанными цифрами «2» и «1» перестановку слов, изменил заглавие на «Дочери Черного Георга (Кара Георгий)» и в этой тетради на нем остановился. Несколько строк поэта не удовлетворили, и он испешрил их многослойной правкой, перешедшей и на предыдущую страницу (л. 24 об.), где внизу, под планами, приблизительно треть оставалась чистой.

Очевидно, уже после 5 октября Пушкин приступил к реализации плана и в процессе сочинения, с самого начала, неоднократно отступал от его последовательности, создавая не связный текст, а часто лишь фрагменты, из которых предполагал затем его «сложить». Стихи на л. 26 («Порою вечера ненастной ~ Под влажной буркою сидел» — IV, 311—312) соответствуют первому пункту («Буря — Бешту»). На обороте следуют строки, предвещающие и вводящие картины горского быта («Но больше русского вниманье ~ И легкость ног и силу длани» — IV, 312—313), но переходят они не в намеченные планом «Песни» или «Игры», а, минуя их, сразу в описание черкеса («Смотрел по целым он часам ~ Летел к набегам приучаясь» — IV, 312—313). Последней процитированной строкой заканчивается л. 26 об., и, открывая л. 27, Пушкин намеревался от изображения черкеса на коне перейти к внешности, одежде и военным доспехам горцев, но, когда написал начало верхней строки: «Он любовался», ему на какое-то мгновение, видимо, показалось, что здесь естественно будет вернуться к пропущенному пункту «Игры», и, зачеркнув верхнюю строку, он написал вторую: «Любил их игры» (IV, 313, сноска ба). Однако по этому руслу перо не пошло, а сразу возвратилось в старое, продолжив портрет черкеса, который, в дополнение к первоначальным стихам на л. 26 об., занял еще полностью лицевую страницу л. 27 и верхнюю четверть оборотной («Он любовался красотой ~ Непобедимый, непреклонный» — IV, 313—314). Отсутствие каких-либо помет, которые связали бы эту зарисовку с рассказом о засаде, пленении путника и скачке с влекомой на аркане добычей, является признаком

⁵⁴ Неясным остается предпоследний пункт. С. М. Бонди прочел его: «Хата» (IV, 285), а С. А. Фомичев: «Хар(актер) (?)». Второе чтение кажется предпочтительнее, но не бесспорно; для обоих может быть найдено соответствие в тексте.

того, что написанное в Гурзуфе начало поэмы еще не дезинтегрировалось в творческом сознании автора.

Завершив описание черкеса, Пушкин обратился наконец к играм горских юношей («Бывало в светлый Рамазан ~ Сражают в облаках орлов» — л. 27 об.; IV, 314). Сверху и снизу этот фрагмент отчеркнут, что могло означать его перенос в другое место, но в основном тексте никакой перестановки не произойдет и будет сохранена последовательность чернового.

Далее воображение поэта было увлечено какими-то ассоциациями далеко вперед, и внизу страницы он сделал заготовку на будущее — к признанию пленника черкешенке («Как тяжко мертвыми устами ~ Упав на перси к (ней) главой» — л. 27 об.; IV, 329;⁵⁵ ср. основной текст: ч. II, ст. 68—75). Попутно на левом поле набрасывается рисунок, похожий на изображение костюма горянки.⁵⁶

Между л. 27 и 28 вырваны три листа. Когда их Пушкин изъял, чистыми или заполненными (а в этом случае зачем), установить невозможно, как и то, прерывалась ли в этом месте работа над «Кавказским пленником». Но и без ответа на этот вопрос очевидно, что гладкое, последовательное ее течение на какое-то время нарушилось. После неожиданного забегания вперед Пушкин, даже если не отвлекался от поэмы, а вырвал листы когда-то раньше, совершил еще более неожиданной глубиной экскурс назад, к четвертой главке, занявшись на л. 28 переработкой ее начальных строк (см.: IV, 316, под редакторским обозначением «Наброски нового начала поэмы»). В основной редакции этот фрагмент передвинется в конец поэмы, где станет введением к эпизоду «Побег» (ч. II, ст. 214—221); но об исходном его назначении заменить стихи на л. 11 (от «На темной синеве небес» и до конца страницы) говорят обычная для Пушкина в подобных случаях помета («В своем ауле и проч.») и включение в него в переработанном виде двух строк раннего текста.

Бессистемные перескоки с одной темы на другую, вызванные, очень вероятно, хотя и не обязательно, какими-то творческими затруднениями, или поисками, или обдумыванием, кончились очередным перерывом в работе над поэмой, во время которого Пушкин сочинил в черновом виде надпись «К портрету Вяземского» («Судьба свои дары явить желала в нем») (л. 28) и знаменитую «Черную шаль» (л. 28 об.—29). Оба стихотворения датируются традиционно и бесспорно октябрём 1820 г. (см.: II, 1081—1082); можно попытаться определить несколько точнее время, когда Пушкин находился на этих страницах.

Вспоминая встречу с Пушкиным 2 ноября 1820 г., на следующий день после состоявшегося в кишиневском театре знакомства, В. П. Горчаков писал: «В это утро много было говорено о так названной Пушкиным Молдавской песне „Черная шаль“, на днях им только написанной. Не зная самой песни, я не мог участвовать в разговоре; Пушкин это заметил и по просьбе моей и (Ф. Ф.) Орлова обещал мне прочесть ее; но, повторив вразрыв некоторые строфы, вдруг схватил рапиру и начал играть ею (...) я снова попросил Пушкина прочесть мне Молдавскую песню. Пушкин охотно согласился, бросил рапиру и начал читать с большим воодушевлением; каждая строфа занимала его, и, казалось, он вполне был доволен своим новорожденным творением. При этом я не могу не вспомнить одно мое придиричливое замечание: как же, заметил я, вы говорите: „в глазах потемнело, я весь изнемог“, и потом: „вхожу в отдаленный покой“».⁵⁷ Сообщение о том, что «Молдавская песня» была

⁵⁵ Здесь ошибочно указано, что фрагмент находится на л. 36 об. и 37.

⁵⁶ В полистном описании рисунок определен как «нижняя половина туловища в черкесском костюме» (Пушкин А. С. Рабочие тетради. Т. I. С. 51).

⁵⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. I. С. 231—232. «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» (Т. I. С. 219) датирует этот эпизод, вместе с другими, интервалом «Ноябрь 2... 7».

написана за несколько дней до 2 ноября, т. е. в последних числах октября, подтверждается описываемой в этом же пассаже манерой декламации Пушкина, который наслаждался каждым прочтенным вслух двустишием, что было естественной реакцией, если стихотворение, действительно, было только что написано. Примечательно, что В. П. Горчаков цитирует текст, в котором приведенный им ст. 17 читался так же, как и в двух прижизненных публикациях: «Вхожу в отдаленный покой я один» (II, 634)⁵⁸ (в черновой редакции: «В покой отдаленный вошел я один» — л. 29; II, 632). Этот же текст цитируется и в рассказе о встрече 8 ноября Пушкина с М. Ф. Орловым: «Вошел Пушкин, генерал его обнял и начал декламировать: „Когда легковерен и молод я был” — и пр.».⁵⁹ Вызывает, естественно, сомнение, можно ли доверять цитатам в воспоминаниях, написанных почти три десятилетия спустя после событий, о которых идет речь; мемуарист, подвергший свои давние дневниковые записи существенной переработке,⁶⁰ мог держать перед собою на столе для справок том стихотворений Пушкина. Так оно и было на самом деле. Стихотворения «Виноград» («Не стану я жалеть о розах»), «Чедаеву» («К чему холодные сомненья»), «О дева роза, я в оковах» Горчаков упоминает и цитирует, рассказывая об осени 1820 г.,⁶¹ в то время как написаны они были в 1824 г. Совершенно очевидно, что он опирался на одно из прижизненных изданий «Стихотворений Александра Пушкина» (1826 или 1829), где эти стихотворения были самим автором отнесены к 1820 г. Пояснение Горчакова о том, что «Послание Чаадаеву» (так в мемуарах!) было написано «с морского берега Тавриды», воспроизводит мистифицирующую помету, напечатанную в этих сборниках; отсюда же взято и заглавие «Подражание турецкой песне», которым названо в воспоминаниях стихотворение «О дева роза, я в оковах». Однако если бы Горчаков держал перед глазами печатный текст «Черной шали», когда писал о своем первом знакомстве со стихотворением, он не допустил бы разночтения, цитируя ст. 16 (у Пушкина: «Глаза потемнели, я весь изнемог»); значит, он справлялся со своим дневником, где был записан эпизод обсуждения с Пушкиным двух строк, а может быть, и само стихотворение в том виде, как оно распространялось по Кишиневу и далее в первые дни ноября 1820 г.⁶²

Итак, если верить Горчакову (а точное указание даты и особенности цитирования к этому располагают), в последних числах октября 1820 г. существовал промежуточный между черновой и белой редакциями, близкий к последней текст, который Пушкин читал в кругу знакомых и который, распространяясь устно и в списках, претерпевал неизбежные искажения. Если далее принять, что между этим промежуточным текстом и ему предшествовавшей черновой редакцией прошло хотя бы несколько дней, то ее создание сдвинется к началу двадцатых чисел. С другой стороны, если 25 страниц черновика поэмы (л. 11 об.—23 об.) Пушкин написал — безразлично, в Гурзуфе или Кишиневе, — не более (а реально, конечно, менее) чем за 13 дней, то подобные же, судя по почерку, характеру и объему зачеркиваний, а также другим исправлениям, пять страниц (л. 26—28) между стихотворением «Дочери Георга Черного»

⁵⁸ В «Сыне отечества» и «Стихотворениях А. Пушкина» 1826 г. В белом автографе (ПД 885), «Благонамеренном» и «Стихотворениях А. Пушкина» 1829 г.: «В покой отдаленный вхожу я один».

⁵⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 232. В черновике: «В то время как м(олод) и счастлив я был» (ПД 830, л. 28 об.; II, 631).

⁶⁰ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 485—486.

⁶¹ См.: Там же. С. 251.

⁶² У Горчакова определенно был список того времени (то ли в дневнике, то ли на отдельном листке, неизвестно), на основании которого он и сделал любопытное, но, к сожалению, никак не проверяемое примечание о том, что «при первом появлении» стихотворение начиналось «прямо рассказом: „Когда легковерен и молод я был” — и проч.» (Там же. С. 231).

(5 октября) и надписью к портрету Вяземского, за которой в тетради следует «Черная шаль», были, по всей вероятности, заполнены не позднее числа десятого-двенадцатого.⁶³ Таким образом, получается, что черновые редакции этих двух стихотворений были написаны предположительно между 10 и 20—25 октября.

На следующей за «Черной шалью» странице Пушкин продолжил черновик «Кавказского пленника», отвлекаясь временами на разные мелкие рисунки, связь которых с текстом еще предстоит выяснить. Шесть страниц (л. 29 об.—32) написаны прежними почерком и чернилами, из чего можно с уверенностью заключить, что работа на них велась в Кишиневе. На л. 32 об. однородный характер записей резко нарушается. Чернила сменяются карандашом, которым был набросан очередной фрагмент «Невинный друг, зачем не прежде ~ В те дни — я» (л. 32 об.—33; IV, 323). Затем, оставив почти три четверти лицевой стороны л. 33 чистой, Пушкин перевернул лист и на обороте стал писать уже другим пером, почерком и чернилами, причем начал с того, что ревизовал оставшийся на предшествовавших четырех страницах (двух заполненных чернилами и двух — карандашом) текст недоработанных фрагментов («Прекрасный друг — твоей любви ~ [Дремало] в милом заблуждении» и «Я наслаждался — блеск и шум ~ В те дни — я» — л. 31 об.—33; IV, 321—323). Ранее написанные фрагменты и строки, его удовлетворившие, он переносил в сокращенном виде, обозначая их начальными элементами, а между ними помещал создаваемые заново стихи («Несчастный друг, твоей любви ~ К иному счастью призывало» — л. 33 об.; IV, 323—324). Эти переходы от одних письменных принадлежностей к другим, различие почерков и пересмотр написанных ранее страниц как раз в момент последней смены карандаша на чернила подсказывают предположение о каких-то помехах и сбоях в прежде стабильных, постоянных условиях работы, отражавшихся до тех пор в однородном характере записей. Если оно верно, то наиболее вероятно, что возмущающим фактором стал переезд из Кишинева в Каменку, состоявшийся где-то в интервале 15—22 ноября.⁶⁴ В этом случае последние шесть «кишиневских» страниц (л. 29 об.—32) заполнились во второй половине (или конце) октября — первой половине ноября 1820 г., и столь широкие рамки, в которых возможна их датировка, являются верным признаком того, что в силу каких-то обстоятельств работа над «Кавказским пленником» в октябре—ноябре сильно замедлилась.⁶⁵

В содержательном отношении Пушкин вернулся, после «Черной шали», к своему плану и приступил к пункту «Воспоминанье», занявшему две страницы («[В невольны] думы погруженный ~ С нелицемерною (?) хвалой» — л. 29 об.—30; IV, 317—318), а затем в Кишиневе начал и в Каменке продолжил пункт «Дева» (от «[Но] ты [сгораешь, дева гор]» — л. 30 об. и след.; IV, 318 и след.). В плане эти пункты расположены в обратной последовательности («Дева» предшествует «Воспоминанью» — л. 24 об.; IV, 285), однако запись отражает тот ход мысли, который выстраивался на самом первом этапе, когда существовал пункт «Девы», подразумевавший, как говорилось выше, одну из этнографических зарисовок. Не исключена вероятность того, что эта формулировка

⁶³ С. М. Бонди датировал эти страницы второй половиной октября 1820 г. «Основанием к этому служит помещенный на л. 28 и 29 черновик стихотворения „Черная шаль“, отнесенный к октябрю 1820 г.» (*Селиванова С. Д.* Указ. соч. С. 40).

⁶⁴ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 1. С. 221—222.

⁶⁵ С. М. Бонди датировал эти страницы концом октября—началом ноября, до отъезда в Каменку (см.: *Селиванова С. Д.* Указ. соч. С. 40; в их числе исследовательница не указала лицевую сторону л. 32, утверждая далее ошибочно, что она заполнена карандашом). Таким образом, между 5 октября и 15 ноября Пушкин написал всего 11 страниц чернового текста «Кавказского пленника», и как бы ни распределялись они по частям внутри этого интервала, вывод относительно замедления темпов работы над поэмою остается действительным.

сохранялась и тогда, когда на той же странице составлялся другой план, охватывавший уже написанный текст и содержащий пункт «Дева» (л. 24 об.; IV, 285), а изменено слово «Девы» на «Дева» было позже — может быть, тогда, когда черновик приближался или даже вплотную подошел к этому пункту. Если бы это было сделано много ранее, то следовало бы ожидать, что перемена пунктов местами была бы как-нибудь обозначена. Коль скоро рядом с ними не проставлено никаких указаний подобного рода, то есть основание предположить, что, написав в черновом виде пункты «Черкес» и «Игры», а «Песни» опустив по каким-то соображениям,⁶⁶ Пушкин решил отказаться почему-то также от пункта «Девы» и, переправив последнюю букву, придал ему новое содержание, определившее и его новое место в плане, пометать которое не было необходимости, потому что не требовалось долго держать это в голове и, следовательно, не было опасности забыть.

Изменение формы слова не было, кажется, связано с коррективами сюжетной линии. Вновь появившийся пункт мыслился, очевидно, лишь подразделом той части поэмы, которая была обозначена «Воспоминанье». По крайней мере, в более позднем плане (л. 39 об.) пункт «Дева» на этом месте отсутствует, а соответствовавшие ему в черновике призывные речи влюбленной горянки и ответную исповедь пленника вобрал в себя, видимо, пункт «Воспоминанья» — как и в первом плане до изменения пункта «Девы».

Выстроив на л. 33 об. новую композицию начала исповедных воспоминаний героя, Пушкин их продолжил, и на нескольких страницах, до конца монолога пленника («Услышал я неверный <зов> ~ Тебя мне страшно обма<ну>ть» — л. 33 об.—36; IV, 325—329), записи опять становятся однородными по чернилам и почерку, но вместе с тем носят следы того, что поэма продвигалась с немалыми творческими усилиями и затруднениями. Не складывался и остался во фрагментарном состоянии текст на л. 34 об. («Она мне враг — одни <мученья> (?) ~ На [душу] мрачную м<ою>» — IV, 326); здесь многие стихи зияют пробелами. Большого труда стоил и фрагмент на следующей странице («Оставь же мне мои железы ~ Младое <сердце> обмануть» — л. 35; IV, 327); перепробовав множество вариантов, Пушкин из восьми стихов так и не завершил три. После этого он вернулся назад к тому месту, откуда продолжался монолог юноши («Я полюбил — и сны младые» — л. 34; IV, 325), и, начиная с него, стал перерабатывать все вновь написанное (до «Младое <сердце> обмануть» — л. 35; IV, 327) в поисках нового варианта («Я полюбил — ужасный час ~ Тебя мне страшно обма<ну>ть» — л. 35 об.—36; IV, 327—329).

В противоположность этим фрагментам, густо испещренным зачеркиваниями начатых и отвергнутых вариантов, с большим числом незавершенных стихов, следующие далее строки («Умолкнул он — без слез рыдая ~ Не зная сердца твоего...» — л. 36 об.; IV, 330), в которых описывается состояние девушки, выслушавшей «горькое признание» (л. 36; IV, 329) любимого ею «Русского», написаны аккуратно, со сравнительно небольшими поправками, как если бы это был не первично сочиняемый текст, а перебеляемый с какого-то записанного в ином месте. Однако продолжение «печальной речи» (ч. II, ст. 110) девушки несет явные признаки серьезной заминки. Пушкин много бился над четырьмя стихами («[Не долго дева знала] счастье ~ Увяла я во цвете лет...» — л. 36 об.; IV, 330), но лишь последний сохранил целым, а от трех оставил только рифмующиеся концы.

⁶⁶ Сомнения Пушкина в отношении этого пункта выдает дальнейшее развитие текста поэмы: в первом беловом автографе этот эпизод был досочинен и помещен после эпизода, соответствующего пункту «Игры» (см.: ПД 831, л. 10—10 об.; IV, 355—356), но вычеркнут и, за исключением нескольких строк, посвященных собственно черкесам, перенесен в Эпиграмм.

Работа над этим фрагментом продолжилась на л. 37, где записаны еще три его варианта в сочетании с двумя рисунками каких-то домиков или беседки и домика. Верхний сделан чернилами по уже имевшимся записям, нижний — карандашом, причем по нему написана последняя на странице строка текста. На следующей странице (л. 37 об.) последний из четырех расположенных на ней стихов также проходит поверх рисунков. Эти особенности, вкупе с нюансами содержания отработывавшихся здесь вариантов, позволяют строить предположения о последовательности заполнения л. 37 и 38.

Прикинув еще два варианта («[Увы!] пора моя прошла ~ [Узнала] дева сладострастье» — л. 37; IV, 330—331) строк, не получившихся на л. 36 об., Пушкин остановился, поменял перо на карандаш и внизу страницы, под текстом, нарисовал домик, а на обороте несколько профилей, о которых не высказано пока никаких предположений. Попутно родился и был здесь же (л. 37 об.) записан стих,⁶⁷ который немного позже разовьется в набросок «Когда в листах воспоминанья» (см.: л. 39; II, 467). Тем самым наметилась, кажется, ассоциативная цепочка от воспоминаний пленника и его «милого виденья» (л. 36; IV, 329) к личным воспоминаниям поэта, которые не могли не возвращать его к счастливым дням, проведенным в Гурзуфе. Подталкивать его мысли в этом направлении должно было, конечно, и ежедневное общение с приехавшими в Каменку отцом и сыном Н. Н. и А. Н. Раевскими. Поэтому естественным было появление на л. 38 навеянных гурзуфскими впечатлениями стихов («Я помню край — роскошная природа ~ И страшных (?) скал *(пропуск)* своды» — XVII, 18), явившихся первым черновым наброском стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы». Однако к этому моменту крымская тема еще у Пушкина не созрела, и, находясь лишь на подступах к ней, он, как только иссяк вызванный ею кратковременный творческий всплеск, не стал искать продолжения, а подвел под наброском черту и тем же карандашом — может быть, и на том же порыве — принялся вновь работать над брошенным в незавершенном состоянии ответом черкешенки. Первые вариации на уже опробованные мотивы недолгого счастья и познанного в объятиях пленника сладострастия не дали удовлетворительного результата («Недолго дева знала счастье ~ Не долго дева отдыхала» — л. 38; IV, 331), и в какой-то момент, продвинувшись в своем поиске дальше, Пушкин, отказываясь от этих строк, нарисовал по ним два профиля, остающихся пока неидентифицированными. Ниже, к концу страницы, начал определяться приемлемый вариант («Не долго на груди твоей ~ Счастливый (?) друг(?), я знала радость» — л. 38; IV, 331—332), а на обороте две строки вылились на бумагу даже без всякой правки («Ты был не в силах обмануть / Мою неопытную младость» — л. 38 об.; IV, 332). На последнем из этих стихов Пушкин отложил карандаш и пером, по-прежнему с массой зачеркиваний и отдельными незавершенными стихами, закончил вчерне сцену объяснения между черкешенкой и пленником («Скажи, [конечно] — ты любим!.. ~ Растопчет мой безвестный прах» — л. 38 об.—39; IV, 332—333). Работа над текстом на л. 38 об. перемежается, как и на предыдущих страницах, с рисунками. Изображенные здесь три профиля (два женских и один мужской) исследовательница пушкинской графики Л. А. Краваль датировала, непонятно на каких основаниях, весной 1821 г. и связала их с замыслом «Бахчисарайского фонтана»: «Мария изображена с чертами Софьи Потоцкой, Зарема похожа на Каролину Собаньскую, а

⁶⁷ Чтение Т. И. Краснобородько: «Нашел (?) меня в листах воспоминанья» (*Пушкин А. С. Рабочие тетради*. Т. 1. С. 52). Это чтение принято в новом академическом издании, где квалифицируется в текстологической «легенде» как «черновой набросок ст. 1 поздней редакции» лицейского стихотворения «Когда погаснут дни мечтанья», получившего в поздней редакции заглавие «В альбом» («Пройдет любовь, уйдет желанья»). См.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 406, 761.

Гирей — на татарку Анну, ну как бы родной брат ее».⁶⁸ Обсуждать эти атрибуции бессмысленно, поскольку текст проходит местами поверх этих рисунков, которые, следовательно, ему предшествовали, т. е. появились в тетради в 1820 г. — тогда, когда знакомство с Собаньской еще не состоялось.

По-видимому, в какой-то момент работы на этих страницах Пушкин почувствовал, что в устах впервые познавшей любовь юной черкешенки неестественно звучат слова: «Ты был не в силах обмануть / Мою неопытную младость». Решив их изменить, он стал, вероятно, просматривать ранние варианты на предыдущих страницах. Попутно поверх окончательно забракованных им строк на л. 37 («Как быстро улетело счастье ~ [Прошла пора] исчезло время — IV, 331) он нарисовал чернилами домик (беседку?) с кустами, а на оставшемся незаполненным пространстве между двумя рисунками набросал новый вариант («[Моя] неопытн(ая) младость ~ [Красу] <пропуск> [чуждых] стран (?) / <пропуск> дева» — Акад. IV, 331), в котором предпоследняя, незавершенная строка и единственное в последней строке слово «дева» написаны поверх карандашного рисунка. Не удовлетворенный и этими стихами, Пушкин перевернул лист и на чистом месте наверху страницы, над женским профилем, принялся отрабатывать еще один вариант («[Теряю] — рано жизни сладость ~ Ты мог бы, [пленник] обмануть / Мою <нрзб>»⁶⁹ — л. 37 об.; IV, 331), который и лег в основу белого текста (ПД 831, л. 14 об.; IV, 107). Последняя строка этой записи прошла по верхней части нарисованного здесь ранее карандашом женского профиля.

Заполнение лицевой стороны л. 39 также проходило с некоторыми особенностями. Написав стих «Растопчет мой безвестный прах», Пушкин не закончил работу над фрагментом; но поскольку текст уже подвергся обильной правке и не вмещал новой, то прикидка изменений производилась ниже, где она образовала три строки. Последняя из них имеет следующий вид:

Родился Чеченца конь — [вскоре]
(IV, 333, сн. 8а, 6е)

Слово «Родился» отличается от других почерком.⁷⁰ Ниже, под двумя конечными буквами слова «конь» и под тире, густо замазано какое-то слово, и вместо него в промежутке между «конь» и «вскоре», под тире, начато вписыванием «заб(енный) (?)» (IV, 133, сн. 7). Под всем этим проведена итоговая черта, ниже которой находится строка: «[И он] <пропуск> [вестник] [избавленья] — ». ⁷¹

Заканчивается страница наброском «Когда в листах воспоминанья» (II, 467), под которым нарисован сложный, причудливый завершающий росчерк, похожий на устремляющуюся вверх птицу.⁷²

Ключом к предположительной реконструкции заполнения этой страницы может служить, кажется, положение глагола «Родился». Не имеющее никаких соответствий в находящихся выше и рядом черновых стихах поэмы и написанное другим пером, это слово, явно чужеродное в строке, где оно стоит, представляет собою, по-видимому, осколок какого-то начатого, но не получившего развития наброска, который, может быть, и не был связан с «Кавказским пленником». Сомнительна, хотя и не ис-

⁶⁸ Краваль Л. А. Рисунки Пушкина как графический дневник. М., 1997. С. 142, 158, 489. Ср.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. № 891, 907, со ссылкой на статью: Краваль Л. А. «Милый Демон»: Портреты Каролины Собаньской в рисунках Пушкина // Волга. 1991. № 6. С. 175—176.

⁶⁹ Чтение С. М. Бонди: «неопытную младость».

⁷⁰ Чернила тоже кажутся несколько иного оттенка, но он неоднократно проглядывает на той же странице в тексте выше, так что если письменные принадлежности менялись, то это коснулось, наверное, только пера.

⁷¹ «И» исправлено из первоначального «но (?)». Над «[вестник]» надписано «[И]», а над «[избавленья]» — неразборчивое слово, которое С. М. Бонди прочел предположительно «смерти» (IV, 333, сн. 8 б, в, г, д).

⁷² Опубликовано: Пушкин А. С. Рисунки. С. 312.

ключается категорически, его связь со строкою «[И он] *⟨пропуск⟩* [вестник] [избавленья]», поскольку неодинаков их отступ от левого края страницы. Судя по этим деталям, слово «Родился» было написано ранее строки «Чеченца конь — [вскоре]» и двух ей предшествующих, которые составляют одновременный с нею слой правки расположенного выше текста. Исходя из этого, выстраивается следующий вероятный ход работы на странице. На стихе «Растопчет мой безвестный прах» Пушкин сделал перерыв, после которого, спустившись ниже и оставив некоторый пробел (резервное место для дальнейшей правки?), начал другим пером новую строку: «Родился». Тут же, однако, бросив зарождавшийся у него в голове стих, но рассчитывая, возможно, к нему вернуться позднее, он сдвинулся еще ниже, оставив второй пробел, и, отступив несколько далее от левого края, написал: «И он *⟨пропуск⟩* вестник избавленья — ». Последовавшая сразу же правка оказалась безрезультатной, так что незачеркнутым осталось лишь одно слово. В это время какие-то ассоциации напомнили Пушкину записанный ранее карандашом на л. 37 об. отдельный стих,⁷³ из него теперь вырос набросок «Когда в листах воспоминанья».⁷⁴ Нарисовав под ним, внизу страницы, росчерк-птицу, Пушкин тогда же, по всей видимости, зачеркнул исходный стих на л. 37 об., после чего, должно быть, в работе опять произошел перерыв. Вернувшись к поэме, Пушкин стал, вероятно, просматривать последние относящиеся к ней записи и вносить в них изменения, делая «прикидочные», отрывочные заметки на чистом месте в середине страницы, под строкою «Растопчет мой безвестный прах», и пользуясь тем пером, которое было у него в употреблении до смены на слово «Родился». Нижние записи вышли на уровень этого глагола и легли с ним в одну строку, под которой теперь была проведена завершающая черта, отделившая поэму от наброска.

В творческой истории «Кавказского пленника» наступает важный момент. Перевернув л. 39, Пушкин записал на обороте новый план, который несколькими пунктами отличался от предыдущего (л. 24 об.) и по которому создавался первый беловой автограф (см.: ПД 831, л. 1—18), точно ему следующий. Ко времени составления этого плана три его последних пункта («Набег», «Ночь», «Побег») не были написаны в черновике, и на то, что их предстояло еще осуществить, указывала, возможно, маленькая косая черточка слева между пунктами «Тайна — » и «Набег». Примечательно, что и в первом плане остались незачеркнутыми два последних пункта: «Нападение — » и «Побег» (л. 24 об.).

Обдумывание окончательного плана без каких-либо изменений в уже имевшемся черновом тексте можно истолковать как признак того, что, даже не закончив находившегося в работе эпизода и еще три пока лишь предполагая написать, Пушкин тем не менее почувствовал себя готовым приступить к перебеливанию своего главного произведения, над которым трудился уже несколько месяцев. В голове оно уже полностью сложилось, бóльшая его часть была готова к следующей стадии, досочинить осталось лишь конец (правда, в беловом автографе это составило около 150 строк или несколько более 20%), а в том, что это будет выполнено, существовала, конечно, полная уверенность. Более чем вероятно, что именно подобные настроения и это состояние дел отразила фраза в письме Пушкина к Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 г. из Каменки: «Покаместь у меня еще поэма готова или почти готова» (XIII, 21). Вряд ли эти слова могли быть написаны ранее того, как оформился, хотя бы

⁷³ См. выше, с. 27.

⁷⁴ В новом академическом издании эти стихи напечатаны в качестве «наброска начала поздней редакции» стихотворения «Когда погаснут дни мечтанья» (ср. выше, сн. 67) со странными, никак не мотивированными отступлениями от текста автографа:

Когда в *мечтах* воспоминанья
Увидишь ты *мои* черты...

(см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. С. 406, 761).

мысленно, окончательный план, особенно на том этапе, когда текст продвигался вперед с немалыми заминками, остановками, через множество пробных фрагментарных набросков, к которым поэт возвращался вновь и вновь, но, не находя нужного ему варианта, шел далее. Такой характер носит текст на л. 32 об.—39, которые, как предположено выше, заполнялись в Каменке, и он мог, кажется, в большой степени определяться времяпровождением Пушкина в первые две недели пребывания в имени Давыдовых, когда там было много гостей. «Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами, — сообщал он в том же письме Н. И. Гнедичу. — Общество наше, теперь рассеянное,⁷⁵ было недавно разнообразно и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя — Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов» (XIII, 20). Последние слова можно с полным правом соотнести с л. 32 об.—39, так как если исключить многочисленные повторения, возникавшие в поисках вариантов, и в каждом случае брать в счет только один из всех испробованных поэтом, то новых стихов здесь было написано приблизительно 115, среди которых к тому же немало с «пустотами».

Итак, есть веские основания датировать заполнение л. 32 об.—39 (включая план на обороте) второй половиной ноября—самыми первыми числами декабря 1820 г.⁷⁶

Возвращаться в Кишинев Пушкин намеревался с М. Ф. Орловым, но сильно простудился и был вынужден задержаться в Каменке. Орлов уехал без него между 1 и 10 декабря, а он, как явствует из письма А. Л. Давыдова к И. Н. Инзову, продолжал болеть 15 декабря и какое-то время позже этой даты.⁷⁷ Вполне вероятно, что в этот период работа над поэмою остановилась, и действительно, следующие за планом три с половиною страницы содержат записи, никак с нею не связанные (ранее столь продолжительного перерыва в тетради не было).

В это время, как и в феврале 1818 г., когда Пушкин «занемог гнилою горячкою» (XII, 305), он читал карамзинскую «Историю государства Российского». Дойдя в третьей главе первого тома до раздела «Имена месяцев», он все их выписал столбиком на нижней половине страницы под планом (л. 39 об.).⁷⁸ На обеих сторонах вырванного позднее л. 39а находилась пространная запись на французском языке, о содержании которой можно смутно догадываться лишь по сохранившемуся на корешке обрывку слова «эллефер(ия)» (слова «théâtre» и «mort» на обороте корешка не вносят никакой ясности). На лицевой стороне следующего листа запи-

⁷⁵ О разъезде гостей из Каменки см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 224.

⁷⁶ К тому же выводу, но на иных основаниях, пришел С. М. Бонди. С. Д. Селиванова пишет: «Интересно, что вся эта часть черновика и по характеру почерка, и по типу чернил напоминает некоторые страницы беловика „Кавказского пленника“ (в «Первой кишиневской тетради)», над которыми поэт работал в Каменке. Это наблюдение С. М. Бонди позволяет с известной долей вероятности датировать данный этап работы 20-ми числами ноября—началом декабря (в это время Пушкин находился в Каменке)» (*Селиванова С. Д.* Указ. соч. С. 40).

⁷⁷ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 224—225; [*Смирнов И. А.*] Дело о Пушкине (1820). Одесса, 1899. С. 9.

⁷⁸ «Историю» Пушкин читал последовательно, а не вразброс. Об этом говорит то обстоятельство, что следующая запись, ею навеянная (план трагедии («Вадим»)), находится на л. 43 и соотносится с началом четвертой главы, где говорится о новгородском старейшине Гостомысле, убедившем славян пригласить варягов, и о мятежном Вадиме Храбром, павшем от руки Рюрика. Правда, на л. 50 Пушкин возвратился к предваряющей «Историю» главке «Об источниках Российской истории до XVII века» и выписал из третьего подстрочного примечания к ней сведения о вымышленных древнерусских князьях; но обращение к этому конспективному изложению «сказок», сочиненных «мнимым древнейшим Летописцем Иоакимом», могло быть подсказано чтением пространного примечания 70 в конце первого тома. Другая запись на той же странице тетради связана уже с разделом «Путешествие Даниила» шестой главы второго тома. Таким образом, налицо последовательное движение по страницам «Истории». Начав читать в Каменке, Пушкин мог продолжать, разумеется, в другом месте; однако нельзя исключить вероятности того, что и второй том побывал в его руках в имени Давыдовых и что там заполнялся л. 50.

саны четыре анекдота (три по-французски, один по-русски), относимые в современных изданиях к мемуарному жанру «разговоров».⁷⁹ Присутствие этих миниатюр в тетради свидетельствует о том, что уже в молодые годы Пушкин сознавал ценность анекдота как исторического документа⁸⁰ и считал для себя обязательным их запоминать, собирать и сохранять. Время, свободное от сочинения стихов, оказалось, видимо, удобным, чтобы заносить на бумагу свои наблюдения этого рода, причем выполнено это было по крайней мере в два приема (три анекдота и один).

Лишь после этого на л. 40 об. возобновляется «Кавказский пленник» и продолжается на пяти страницах (последняя — л. 42 об.). На двух первых разрабатывается очередной в плане пункт «Набег», но переход к нему от предыдущего не намечен. Сначала возникают черновые наброски (л. 40 об.), из которых первые четыре стиха («Задумчивый, воссев у берега ~ Быстра глубокая река» — IV, 334) написаны отчетливо, с правкою лишь во второй строке, а ниже идет обычный многослойный черновик («Однажды слышит ~ Уздень воззвал Они — » — IV, 334—335). Верхнюю половину параллельной страницы (л. 41) занимает продолжение первого из этих фрагментов («Мелькнет ли серна меж горами ~ В пустыню темную бежит. — » — IV, 335), причем оно имеет вид перебеленного текста, который в предыдущем варианте был написан где-то в другом месте. На нижней половине страницы перебелен второй фрагмент («Однажды слышит — Руской пленный ~ И поскакали [меж холмов]» — IV, 335). С последней строки текст опять становится черновым и в таком виде переходит на оборот («Замолкли все ~ Они летят толпою бранной» — IV, 335). Как и в первом черновике, это окончание упорно не складывалось, и, оставив его недоработанным, Пушкин приступил к следующему пункту — «Ночь».

Однако описание вечера (ночи) в горах и погрузившегося в тишину аула уже дважды фигурировало в поэме: в самом начале (см.: л. 11 и новая редакция на л. 28; IV, 288—289, 316)⁸¹ и в эпизоде, когда черкешенка пробирается в темноте к пленнику, чтобы дать ему напиться (см.: л. 17 об.—18; IV, 299—300). Первое из них оказалось к этому времени ненужным на прежнем месте, так как по новому плану поэма должна была начаться строкою о черкесах, сидящих в косматых шапках на своих порогах (см.: л. 11 об.; IV, 289; ср. первый беловой автограф — ПД 831, л. 3). Пушкин вспомнил о нем и начал его переносить с л. 28, изменяя, а также по своему обычаю обозначая некоторые строки сокращенно лишь первым словом или даже первыми его буквами («Померкло небо. Степь (уснула) ~ Ум(олкнул поздний крик орлов)» — IV, 336). По ходу дела направление мысли поэта изменилось, и со спящего ночного аула она переключилась на картину черкесского селения, затихшего под солнцем после отъезда в набег всех мужчин. Над этим описанием Пушкин бился на двух с половиною страницах («Утих аул. На солнце спят ~ Всё спит!..» — л. 41 об.—42 об.; IV, 336—337); им-то и кончил он систематическую, последовательную работу в тетради над черновым текстом «Кавказского пленника», хотя и не были еще выполнены пункты «Ночь» и «Побег». Дальнейшие в ней записи, относящиеся к поэме, немногочисленны и разрозненны (л. 59 об., 62 об.—63, 64 об., 8 об.), они были сделаны, очевидно, уже тогда, когда Пушкин писал в тетради ПД 831 беловой текст, чем, по всей видимости, он и занялся, оставив на л. 42 об. черновик не доведенным до конца.

⁷⁹ См.: Пушкин А. С. Дневники; Записки. С. 103.

⁸⁰ Об отношении Пушкина к анекдоту в более поздние годы см.: Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные заметки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / Подгот. текста, ст. и коммент. В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона. М.; Л., 1968. С. 72; Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 193—210.

⁸¹ См. выше, с. 23.

Датировать этот момент, а следовательно и л. 40—42 об., можно лишь неопределенно декабрем (предпочтительно второй половиной) 1820—первой половиной января 1821 г.⁸²

В составленном Пушкиным списке произведений, написанных в 1821 и 1822 гг., первым в столбце «1821» значился «Конец Кавказского пленника» (ПД 831, л. 53),⁸³ что допускает разные толкования, а именно:

— все написанное после составления последнего плана (пункты «Набег», «Ночь», «Побег»), начиная с л. 40 об.—42 об.;

— только те заключительные стихи (пункты «Ночь», «Побег»), которые были сочинены уже после того, как на л. 42 об. оборвалась систематическая работа над черновым текстом;

— вообще окончание работы над поэмой, имея в виду создание белого текста в тетради ПД 831.

Не вносит ясности и дата, указанная в первом анекдоте на л. 40: «O(rlouff) disoit en 1820...».⁸⁴

На первый взгляд подобная фраза могла быть написана только в 1821 г.,⁸⁵ из чего бы следовало, что тогда же заполнялись и дальнейшие страницы. Однако все четыре анекдота отличаются изящной, законченной литературной отделкой; они сразу приведены к форме, готовой для публикации, которая сколько-нибудь конкретно еще не задумывалась, но безусловно предполагалась где-то в далеком будущем. В такой записи указать год, когда состоялся разговор, было естественно и в том случае, если даже он записывался по свежим следам в декабре 1820 г. Во всяком случае, именно так поступил Пушкин десятью годами позже. Заготавливая болдинской осенью «опровержения», предназначавшиеся для публикации в «Литературной газете» в начале 1831 г., он писал загодя о текущем годе как уже миновавшем: «Каково же было нам, Де(львигу) и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного В.(естника) Е.(вропы) найти следующую шутку...» (XI, 150).⁸⁶ То, что было сделано в 1830 г., могло иметь прецедент, и этот пример, без сомнения, придает убедительность датировке записи анекдота «O(рлов) говорил в 1820 году...» декабрем того самого года, однако ни в коем случае не делает ее окончательной или бесспорной.

Нарисованные на л. 42 женский профиль (чернилами) и фигура женщины с распущенными волосами (карандашом) определены, с разной степенью уверенности, как портретные зарисовки Калипсо Полихрони.⁸⁷ Между тем стихи, находящиеся на этой странице («(пропуск) их прадеды седые ~ они» — IV, 336), написаны поверх карандашного рисунка, который, таким образом, им предшествовал и потому никак не мог изображать Полихрони, — знакомство Пушкина с нею началось лишь в июне 1821 г.⁸⁸ Согласиться с предложенной идентификацией чер-

⁸² Мнение С. М. Бонди: «Можно думать, что к декабрю (...) следует отнести (...) черновик. В декабре и, может быть, в январе были написаны не вошедшие в „Записную книжку“ куски текста поэмы, и тогда же Пушкин начал переписывать ее» (Селиванова С. Д. Указ. соч. С. 66; ср.: IV, 468). В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (Т. 1. С. 226) начало работы в ПД 831 датировано: «Декабрь (?)», однако приведенная в обоснование ссылка на В. Е. Якушкина недостоверна, так как в его описании тетради на указанных страницах об этом ничего не сказано.

⁸³ См.: Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18. С. 299; Рукою Пушкина: Несоборанные и неопубликованные тексты. [1-е изд.]. С. 274 (публ. М. А. Цявловского).

⁸⁴ «O(рлов) говорил в 1820 году...» (фр.).

⁸⁵ Я. Л. Левкович датировала все четыре анекдота «началом 1821 г. по положению в тетради» (Пушкин А. С. Дневник; Записки. С. 297). Т. Г. Цявловская-Зенгер определила чрезмерно широкие границы датировки: 1821—1823 гг. (см.: XII, 470).

⁸⁶ См.: Краснобородько Т. И. Болдинские полемические заметки Пушкина: (Из наблюдений над рукописями) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 175.

⁸⁷ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. № 615; Пушкин А. С. Рабочие тетради. Т. 1. С. 53. На этой странице нарисован карандашом также неидентифицированный мужской профиль.

⁸⁸ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 340; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 250.

нильного профиля не позволяет и то обстоятельство, что она предполагает вопиющее нарушение на этом месте хронологии заполнения тетради. Получается, что по неизвестной причине через несколько месяцев после того, как стихи с этой страницы уже нашли свое место в беловике «Кавказского пленника», Пушкин ее открыл только для того, чтобы выполнить небольшой рисунок, причем не в свободном от записей левом нижнем углу или на левом поле, а в исчерканном карандашом месте. Разумеется, все могло произойти именно так по чистой случайности, без каких-либо рациональных намерений и потому не иметь никакого объяснения. Тем не менее это очень маловероятно, и потому гипотеза, согласно которой женский профиль является портретом Полихрони, вызывает сильное сомнение.

С переносом работы над поэмой в так называемую первую кишиневскую тетрадь (ПД 831) записная книжка ПД 830 продолжала служить Пушкину для одновременных творческих записей 1821—1823 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНАЛИЗ АВТОГРАФА «Я ВИДЕЛ АЗИИ БЕСПЛОДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ»

Первые три стиха дались Пушкину легко:

- 1 Я видел Азии бесплодные пределы
- 2 Кавказа дальный край, пустыни обгорелы
- 3 Жилище знойное Черкесских табунов

Позднее, когда в дальнейших стихах появятся слова «знойный» и «пустыни» (или, согласно чтению С. М. Бонди, «пустынный»), они будут в этих строках заменены: «пустыни» на «долины (?)» и «знойное» на «дикое», причем последнее определение чем-то Пушкина не удовлетворит и он его вычеркнет, оставив стих незавершенным.

Теперь в творческой памяти Пушкина оживают и выстраиваются естественно в рифму неоднократно варьировавшиеся в разных падежных формах при попытках описания Кавказа в Эпиллоге к «Руслану и Людмиле» слова «стремнины» и «вершины» (ПД 830, л. 2, 3 об.; IV, 274, 86). После начального двустипия со смежной рифмой намечаются контуры четверостишия:

- 3 Жилище знойное Черкесских табунов
- (4)¹ Утесы мрачные (*пропуск*) стремнины
- (5) [Кругом] в (?)² (*пропуск*) (...?)ные вершины³
- (6) Кругом обвитые венцом⁴ облаков

Начинается кропотливая работа над ст. (4)—(6). По всей вероятности, она велась не только построчно (т. е. с переходом к следующему стиху лишь после завершения на данной стадии либо исключения из текста предыдущего), но в определенные моменты и над всем наброском, в результате чего могли возникать какие-то его варианты, образуемые

¹ Нумерация в скобках применяется к стихам, которые при дальнейшей переработке занимают другие строки либо вообще исключаются из текста.

² По-видимому, первая буква начатого слова.

³ Слова «стремнины» и «вершины» расположены в своих строках чуть-чуть выше их начальных слов «Утесы» и «Кругом», и это дает основание предположить (без полной, однако, уверенности), что набросок, следовавший за ст. 3, мог начинаться с варианта, состоявшего только из концевых рифмуемых слов:

(*пропуск*) стремнины
(*пропуск*) (...?)ные вершины

⁴ Согласно правдоподобной конъектуре С. М. Бонди, здесь пропущен предлог «из». Ранее В. Е. Якушкин вставил его в текст, никак не оговорив его действительного там отсутствия (см.: *Пушкин А. С. Соч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1905. Т. 2. Примеч. С. 368*).

комбинациями вариантов отдельных стихов. Однако вычленив эти предполагаемые сочетания приемами современной текстологии не представляется возможным, и, передавая эту задачу нерешенной текстологам следующего поколения в надежде, что они найдут к ней ключ, приходится, на нынешнем этапе изучения автографа, ограничиться построчным рассмотрением вариантов.

Оставляя в ст. (4) нетронутым конечное слово «стремнины», Пушкин упорно ищет начало: а. Кипящие [ручьи] струи⁵ б. И мутный в. Кубани мутный г. Я видел. На последнем варианте он, видимо, сознает, что стих не получится, и от него отказывается, вычеркивая и начальную («Я видел»), и конечную («стремнины») слова. Ощущение неизбежности, после исключения строки (4), перестройки всего намечаемого четверостишия побуждает его зачеркнуть и наметки ст. (5) («...?)ные вершины»). Вместе с тем от слова «вершины» он отказываться не намерен, тем более что к этому моменту, возможно, уже сформировался ст. (6): «Обвитые венцом летучих облаков»,⁶ — представляющий собою удачное к нему определение и рифмуемый со ст. 3.

Так наметился новый контур четверостишия: опоясывающая рифма сменяется перекрестной, и возникает необходимость найти замену слову «стремнины» (табунов : вершины : облаков : ?). Попутно, в какой-то из предшествующих моментов мысленного поиска и раздумий, Пушкин нарисовал у левого края страницы в небольшом масштабе горную вершину — одну, несомненно, из виденных.

Создавая новый вариант ст. (4), вместо вычеркнутых, Пушкин пробует в нем еще раз уже «примеренную» и не принятую анафору:

Я видел ⟨*нрзб*⟩⁷ гор вершины

Этот стих его не устраивает (может быть, анафора показалась синтаксически неуместной на втором стихе четверостишия⁸), и он ему находит замену, с которой четверостишие приобретает стройный вид и возникают первые наметки следующего:

3 Жилище знойное Черкесских табунов

4 И быструю Кубань и грозные⁹ ⟨вершины⟩¹⁰

5 Обвитые венцом летучих облаков, —

6 И Закубанские равнины! —

Расположенные ниже две строки имеют следующий вид:

(7) [Подкумка б⟨рег?⟩] ⟨*пропуск*⟩ [бранные (?) станицы] пустыни

(8) [Станицы бранные без⟨...⟩]

«Пустыни» надписано над зачеркнутым «[станицы]». Межстрочный интервал между б и (7) уменьшен по сравнению с исходными расстояниями между предшествующими (5 и б, 4 и 5 и т. д.) строками, которые все приблизительно равны; однако интервал между б и (8) с ними сопоставим, из чего допустимо предположить, что строка (8) была написана ранее (7). Как указывающие на это могут быть интерпретированы и другие признаки. Первое слово в (7), начинающееся под самым подножием изображенной горы, прижато к нему без малейшего между ними пробела, что вряд ли бы случилось, если бы строка (7) писалась ранее (8) и,

⁵ Чтение С. М. Бонди.

⁶ Предшествующий вариант переработки исходного стиха: зачеркнуто слово «Кругом» и вместо него начато «Машу(ка?)». Однако нет уверенности, что эта запись относится именно к данной строке, а не к предыдущей, составляя один из ее вариантов.

⁷ Начаты две буквы. Чтение С. М. Бонди: «[ск⟨ал⟩ (?)]».

⁸ Слова «Я видел» вычеркнуты, кажется, отдельно от «гор вершины», т. е. Пушкин, возможно, обдумывал их замену в стихе.

⁹ Чтение С. М. Бонди.

¹⁰ Слово не написано, но явно подразумевается рифмой. О том, что пропуск здесь не означает его исключения, говорит и то обстоятельство, что в дальнейших вариантах оно будет написано.

когда Пушкин ее начинал, было бы чистым все пространство на странице ниже подножия. Конечные слова в (7) («[бранные (?) станицы]») чуть-чуть приподняты над заданной начальными горизонтальной линией, которая задевала бы верх «хвостика» буквы «б» в недописанном слове «без(...)». Это их положение относительно (8) могло быть определено тем, что именно они были первыми написаны в (7), так как если бы строка заполнялась со слова «Подкумка», пишущий вряд ли обеспокоился бы тем, что слегка задевает букву недописанного и к тому же зачеркнутого слова.

Если перевести все сказанное на язык подачи вариантов, то они выстроятся в следующий ряд:

- а. б И Закубанские равнины-! —
 (7) Станицы бранные без(...)
 б. б И Закубанские равнины-! —
 (7) <пропуск> бранные (?) станицы
 в. б И Закубанские равнины-! —
 (7) Подкумка [б<рег?>] <пропуск> пустыни (?)

Последнее слово требует особого внимания и пояснений. В первоначальных транскрипциях и сводках автографа «Я видел Азии бесплодные пределы» оно отсутствовало.¹¹ В текст его ввел С. М. Бонди как прилагательное «пустынные», включив в ст. 4 своей сводки («Подкумка знойный брег, пустынные вершины»), исходя из предположения, что оно было написано позднее, когда в процессе работы над этим стихом, как реконструировал ее исследователь, Пушкин уже не имел свободного места над строкою и поднимался выше и выше, заполняя пространство над ранее написанными строками. Главный и единственный аргумент в пользу этой интерпретации — получившийся ритмически безупречный стих. В то время, когда С. М. Бонди разбирал этот автограф, текст был, можно думать, в лучшем состоянии, чем сейчас, по прошествии семи десятилетий, и это, конечно, придает авторитет предложенному маститым текстологом чтению. В настоящее время концовка разбираемого слова не читается «~нные» (как представлялось С. М. Бонди), а в последующем изложении будет показано, что с прилагательным «пустынный» могли бы существовать более удачные в смысловом отношении варианты, нежели получившийся у С. М. Бонди. Между тем в накопленных Пушкиным впечатлениях, отразившихся в черновой поэме «Кавказ» и много лет спустя в «Путешествии Онегина», пустынные пространства были ассоциированы с расстилающимися перед горами и между ними равнинами, т. е. и с местами, по которым протекает Подкумок:

Пред ним пустынные равнины
 Лежат [зеленой] зеленой пеленой
 Там холмов тянутся грядой
 Едва заметные вершины
 (ПД 830, л. 15 об.; IV, 295)¹²

Порою вечера ненастной
 В пещерах дикого Бешту
 Любил он ветров вой ужасный
 И бури мрачной красоту
 Когда [над ним] [густели] тучи
 Волнуясь вокруг пяти холмов

¹¹ См.: Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 3. С. 111—112; Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1908. Т. 2. С. 16; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1 / Ред. М. А. Цявловского. С. 326—327 (Прил. к журн. «Красная нива» на 1930 г.) (подгот. текста Т. Г. Зенгер).

¹² Ср. другие наброски и варианты: ПД 830, л. 15—15 об.; IV, 294—295; ср. основной текст (ч. I, ст. 53—56): IV, 94.

И по пус(тыне)¹³ прах летучий
Вился (?) как сумрачный покров
(ПД 830, л. 26; IV, 311)

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук...
(«Отрывки из Путешествия Онегина»;
IV, 198—199)

Угоминание Подкумка и пустынь после «закубанских равнин», к которым в «а» и «б» относились и «бранные станицы»,¹⁴ нарушало географическую последовательность рассказа о виденном. Зачеркнув слово здесь (см.: в. (7)), Пушкин его переносит двумя строками выше, пробуя новый вариант:

2. (б) Подкумка [быстрый ток] знойный брег
(7) И Закубанские равнины-! —
пустыни (?)

«Пустыни» остаются на прежнем месте, но мысленно Пушкин читает их, конечно, в одной строке с Подкумком: этого требует и географическая точность, и правило взаимоохватывающих рифмических цепей, согласно которому клаузула этого стиха должна рифмоваться с «вершины» (чему «пустыни» удовлетворяют), Образующийся строфоид-пястистишие Я 66644 по схеме аВаВВ (табунов : вершины : облаков : пустыни : равнины) вполне ограничен для вольных ямбов Пушкина. Таким образом, с большой уверенностью вариант может быть представлен так:

2. (б) Подкумка знойный брег пустыни
(7) И Закубанские равнины-! —

Отказавшись по какой-то причине от работы над получившимся наброском, Пушкин записывает под его последней зачеркнутой строкой («[станцы бранные без(...)]») новый вариант ст. 4—б, возвращаясь еще раз к анафоре:

4 Я видел пред собой (пропуск) гор вершины
5 Обвитые венцом летучим обл(аков)
6 И закубанские равнины — ! —

Предыдущие наброски перечеркиваются крест-накрест, и в эту область попадает незачеркнутое «Подкумка знойный брег», что равносильно зачеркиванию.¹⁵

Ст. 4 требует доработки. Пушкин перебирает несколько вариантов:

а. Я видел снежных (?) гор блестящие вершины
б. Я видел снежных (?) гор кристальные (?) вершины

Анафора в этом стихе продолжает, наверное, смущать Пушкина, и к тому же оба варианта повторяют сказанное в ст. 2: «Кавказа дальный край...». К горам Главного Кавказского хребта была неприложима строка «Обвитые венцом *летучим* облаков», потому что, виденные поэтом изда-дека, они рисовались ему сами *недвижными* облаками. Этот образ появляется впервые наметкою в черновике Эпилога к «Руслану и Людмиле»:

Как ряд недвижимых (облаков)
(ПД 830, л. 2; IV, 274)

¹³ Предыдущие варианты: а. равнинам б. пустыне в. равнинам

¹⁴ «Видел я берега Кубани и сторожевые станицы — любовался нашими казаками», — писал Пушкин брату 24 сентября 1824 г. из Кишинева (XIII, 18).

¹⁵ Незачеркнутыми остались в этой же области, но по положению в ней отменены: «Машука» и «летучих облаков». За ее пределами находится незачеркнутое слово «пустыни», исключенное из текста отменой начала стиха «Подкумка знойный брег».

Он будет развит в письме Пушкина к брату из Кишинева от 24 сентября 1820 г.: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и *недвижными*» (XIII, 17).¹⁶ Мелькает он и в зачеркнутых набросках описания гор в поэме «Кавказ»:

Как *облаков венец недвижный*
Их лучезарный полукруг
Меж них Эльбрус горит хрустальный
Венец недвижных облаков
(ПД 830, л. 24; IV, 311, сн. 3 а, г, м)

Окончательно закрепится этот образ в основном тексте «Кавказского пленника»:

В час ранней, утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков...
(Ч. I, ст. 189—196; IV, 98)

Отказавшись по изложенным, видимо, соображениям от вариантов «а» и «б», Пушкин пробует другое начало стиха:

в. Машука и Бешту *(пропуск)* вершины

Этот недоработанный стих устраняет возражения, которые могли вызвать предшествующие варианты. В частности, он хорошо сочетается со следующим, что подтверждается перенесением их позднее в паре в текст поэмы «Кавказ», где при описании гор, в которых оказался пленник (а неволю он влачил в окрестности Бешту и на его склонах, как явствует из приведенной выше цитаты¹⁷), будет пробоваться двустипие:

Венцом летучим облаков
Обвиты их *(пропуск)* вершины
(ПД 830, л. 13; IV, 291, сн. 9а)

Примечательно, что существительное «вершины» выступает здесь без определения, которое, судя по этому признаку, не было найдено и там, откуда Пушкин взял эти строки, — в черновике наброска «Я видел Азии бесплодные пределы».

Не сумев подыскать эпитета, Пушкин вычеркивает названия обеих гор и прекращает поиски стиха, оставив в нем лишь одно конечное слово:

4 *(пропуск)* вершины

Далее пошла работа над продолжением стихотворения.

Здесь необходимо сделать отступление и вернуться к гипотетическому слову «пустынный». Если С. М. Бонди прочел его правильно, то помянуть ему следовало бы, вероятнее всего, после варианта «б», потому что именно на этой стадии Пушкин мог бы, кажется, наиболее удачно его использовать:

Я видел снежных (?) гор пустынные вершины

или

Машука и Бешту пустынные вершины.

¹⁶ Курсив в этой и следующих цитатах мой. — В. Р.

¹⁷ См. выше, с. 35 («В пещерах дикого Бешту»).

Предпочтительнее кажется второй вариант, так как ему находятся параллели в черновике Эпилога к «Руслану и Людмиле»:

На их вершинах опустелых

(...)

⟨пропуск⟩ брожу я ныне

(ПД 830, л. 2; IV, 274, сн. 6б)

Среди пустынных мрачных скал

искал

(ПД 830, л. 2; IV, 275)

Трудно представить себе, чтобы стих «Машука и Бешту пустынные вершины» не пришел Пушкину в голову, если бы он действительно подобрал сочетание «пустынные вершины»; не менее трудно было бы объяснить, по какой причине он мог бы предпочесть не совсем ясную фразу «Подкумка знойный брег» точному, по его кавказским впечатлениям, образу вершин этих двух гор. Поскольку же они, как было показано, остались и в анализируемом наброске, и в поэме «Кавказ» без самого подходящего, казалось бы, для них определения, предложенное С. М. Бонди чтение «пустынный» вызывает большое сомнение.

Для следующего четверостишия (7—10) создается остов:

7 Ужасный край чудес! — — там жаркие [ключи] ручьи

8 Кипят [и] в утесах раскаленных

9 И их ⟨пропуск⟩ целебные струи¹⁸

10 Поят

В ст. 7 Пушкину не нравится начало, и он подбирает другие варианты (а. Чудесный край б. Земля ⟨нрзб⟩ в. Чудесная земля), но ни один его не удовлетворяет, и строка остается незавершенной:

7 ⟨пропуск⟩ там жаркие ручьи

В ст. 8 не вносятся никаких изменений, а ст. 9 поддается им легко:

9 Благословенные струи!

Ст. 10, напротив, требует усилий (а. Начато: Надежда б. Начато: Надежды в. Надежда верная в (?) ⟨пропуск⟩ осужденных г. Надежда страждущих (?) д. Надежда ⟨нрзб⟩ е. Надежда бранны(х) сил¹⁹), которые дают результат:

10 Надежда верная болезнью изнуренных!

Ст. 11 в сводке С. М. Бонди читается:

[Мой взор встречал] близ дивных берегов

К нему даны предшествующие варианты: а. К б. Близ в. Там г. Я д. ⟨пропуск⟩ целебных берегов е. ⟨пропуск⟩ волшебных берегов. В автографе слова, составляющие этот стих и его варианты, располагаются следующим образом:

[Нрзб] [Там] [мой взор]^[я]
близ дивных
[Къ] [близ] [встречал]
[волшебных]
[цел(ебных)]
берегов

Положение «[я]», написанного над конечным «ъ» от слова «Там» и прижатого к верхнему обрезу листа, указывает на то, что последовательность

¹⁸ Возможно, слово «целебные» вписано.

¹⁹ «Сил» — чтение С. М. Бонди, включенное в предложенный им вариант: «Надежда бранных сил страданьем изнуренных». Не поставлен ли после «сил» восклицательный знак?

записей над исходной, основной строкой ²⁰ отличалась от принятой в вариантах С. М. Бонди:

в. Там г. Мой взор д. Я

Расположение относительно друг друга наречия «Там» и глагола «встречал» дает веское основание предположить, что он появился в строке уже на стадии «в»: для Пушкина было привычным, зачеркнув первые элементы только что начатой строки и надписав над нею замену, далее в нее вернуться и продолжить писать под последними буквами надписанного слова, если оно выступило вправо над зачеркнутым. Найти слово, которого требовал ямб между «Там» и «встречал» (в. Там *⟨пропуск⟩* встречал), не удалось, ритмически правильный вариант образовался заменой первого слова на два (г. Мой взор встречал). Однако здесь, как представляется, возникло затруднение со второй частью стиха (не написанной, но, видимо, державшейся поэтом в голове), которая, вероятно, не сочеталась с «мой взор». Пушкин примеряет местоимение «Я» (д. Я *⟨пропуск⟩* встречал), но снова не может преодолеть собой ритма. Забрав на этой стадии все наметки первого полустиха, он работает, от них независимо, над вторым (е. *⟨пропуск⟩* цел(ебных) (берегов) ж. волшебных берегов) и в очередной раз оставляет стих незавершенным (11. *⟨пропуск⟩* близ дивных берегов).

Следующая строка записей допускает два равноправных в своей предположительности и убедительности решения. Работа в ней прошла через варианты:

а. Начато: И младых
б. И *⟨нрзб⟩*²¹
12 И

Более Пушкин к ней не возвращался. Однако незачеркнутый союз позволяет предположить, что поэт резервировал место для стиха, который открывал бы анафорический ряд (ср. ст. 15, 16) и рифмовался со ст. 14 («осужд(енных)»). В этом случае стихотворение имело бы четкую структуру: три четверостишия с перекрестными рифмами в обрамлении двустиший. С другой стороны, место за союзом, где должна была бы проходить строка, заполнено у правого края листа набросками к предыдущему стиху, и это можно истолковать в том смысле, что первоначально задумывавшийся стих, начинающийся с этого «И», поэт на дальнейшей стадии счел ненужным. Но эта интерпретация действительна лишь в условии, если имеются бесспорные признаки того, что слова «[цел(ебных)] [волшебных] берегов» были написаны позже начального союза. Уверенности в этом нет, из чего следует, что предполагаемый стих мог быть начат на одной горизонтали с уже имевшимся в строке словом «берегов», которое в этом случае не может быть признаком отмены. С. М. Бонди не включил анализируемое «И» в основной текст, а начатое «И младых» представил вариантом к ст. 12 своей сводки (см.: II, 622, сн. 2а). Она имеет 15 стихов, и между обрамляющими двустишиями находятся четверостишие (ст. 3—6) и семистишие (ст. 7—13). Для пушкинских вольных ямбов подобная структура не является чем-то необычным. Хотя их основу составляют четверостишия с варьирующей рифмовкой, во всех почти стихотворениях такого рода присутствует по крайней мере один строфоид из большего, от пяти до восьми, числа строк и употребляются двустишия.²² Таким образом, реконструкция С. М. Бонди имеет естественную для пушкинских вольных ямбов стиховую организацию; но

²⁰ Записи над исходной строкой («близ дивных») показаны более мелким шрифтом.

²¹ По-видимому, первая буква начатого над «[младых]» слова.

²² Например, «Погасло дневное светило...» (ст. 17—23, 28—32), Посвящение к «Кавказскому пленнику» (ст. 9—15, 20—31), «Война» (ст. 5—12), «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем!..» (ст. 5—11) и др.

его текстологическое решение относительно разбираемой строки не может быть признано единственно правильным и окончательным.

Последние четыре стиха (13—16) не требуют сложных и развернутых пояснений, и последовательное становление каждого из них достаточно представить в традиционной системе подачи вариантов:

13. а. *Начато*: И дряхлых юношей Кипр(идой осужденных) (?) б. *Начато*: Отступников веселий в. И бледных юнош(ей) отст(упников) пиров — г. Увявших²³ юнош(ей) отст(упников) пиров —²⁴

14. а. *Начато*: На муку б. На муки²⁵ в. На муки²⁶ <пропуск> Кипридой осужд-(енных) г. На муку тайную Кипридой осужд-(енных)

15. а. *Начато*: И рат(ников) б. На горд(ых) (?) в. На гордых косты(лях) г. На²⁷ [На] <нрзб>²⁸ косты(лях)²⁹ д. И³⁰ Марсовых сын(ов) на <нрзб> косты(лях) е. И воинов <пропуск> на <нрзб> косты(лях) ж. И <нрзб> путников на <нрзб> косты(лях) з. И <нрзб>³¹ ратников на <нрзб> косты(лях). Участие в «ж» и «з» не зачеркнутого при переходе от «е» начального союза «И» небесспорно. Если предполагалась анафора, на что указывает его появление в вариантах предшествующих стихов, то здесь он уместен. С другой стороны, неразборчивое слово перед «путников» / «ратников» написано с заглавной буквы, что, казалось бы, формально исключает союз из стиха. Без него это слово должно быть трехсложным, а написанное явно этому не отвечает; но Пушкин мог прибегнуть к сокращению. Аргументы «за» и «против» взаимно уравновешиваются.

16. а. И старость в <пропуск> седилах б. И хилых стариков в <нрзб> седилах в. И хилых стариков в печальных седилах г. *Начата правка*: И стар[ост]ь хилая

Далее Пушкин увязает в первом же слове, из пяти наметок которого три даже не были дописаны до конца:

17. а. От <пропуск> годов б. Неизлечи(...) в. Искали³² г. Не здра(...) ³³ д. Не возр(...)

В этот момент, устав, наверное, от стихотворения, Пушкин его бросает — в буквальном смысле на полуслове, оставляя последний слой текста в следующем состоянии:

Я видел Азии бесплодные пределы
Кавказа дальный край, долины (?) обгорелы
Жилище <пропуск> Черкесских табунов
<пропуск> вершины
Обвитые венцом летучим обл(аков)
И закубанские равнины! —
<пропуск> там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных
Благословенные струи!

10 Надежда верная болезнью изуренных!

²³ По всей видимости, прилагательное «Увявших», находящееся под «[И бледных]», было написано позже варианта 14а.

²⁴ Здесь и далее последний вариант показывает состояние стиха, в котором он был оставлен Пушкиным.

²⁵ Не имея места для правки над строкою, куда уже вписано прилагательное «Увявших» (см. сноску 110), Пушкин, зачеркнув слово «муку» в варианте 14а, пишет под ним «муки».

²⁶ Зачеркнув оба слова в 14б, Пушкин спускается ниже и пишет слова «На муки» заново.

²⁷ Предлог от варианта «в».

²⁸ Чтение С. М. Бонди: «ранних».

²⁹ Предполагавшаяся началом стиха и соответственно написанная на странице, эта фраза становится его концом. Выше, на правой половине листа, столбиком, параллельным к «а» и «б», идет работа над первым полустихием.

³⁰ Переправлено из начатой буквы «М»?

³¹ Чтение С. М. Бонди: «юных». Однако он не заметил, что «ратников» исправлено из «путников», а приложение к «путников» определения «юных» вызывает сомнения.

³² Чтение С. М. Бонди. Чтение В. Е. Якушкина: «И скалы»

³³ Чтение С. М. Бонди.

(пропуск) близ дивных берегов
И (пропуск)
Увядших юнош(ей) отст(упников) пиров —
На муку тайную Кипридой осужд-(енных)
И (нрзб) ратников на (нрзб) косты(лях)
И стар[ост]ь хилая в печальных седилах

Этот *реально фиксируемый автографом* текст существенно отличается от сводки С. М. Бонди, которая не имеет пустот и представляет набросок законченным, художественно совершенным эскизом, безупречным в своей стиховой организации.

Получившее в пушкиноведческой текстологии приоритет извлечение из черновиков связных поэтических текстов путем конструирования стихов комбинациями зачеркнутых слов и фраз, извлекаемых из разных слоев правки, опирается на несколько главных аргументов. Первый: когда Пушкин работал над стихотворным текстом, в его голове всегда присутствовал какой-то связный его вариант, который мог и не отражаться полностью в незачеркнутом слое автографа. Второй: реконструируемые стихи реально существовали в какие-то моменты работы над произведением и, будучи, таким образом, подлинно пушкинскими, имеют право находиться в тексте на основании предыдущего аргумента. Третий: Пушкин имел обыкновение возвращаться к отвергнутым вариантам, никак этого не отражая в более раннем автографе, а закрепляя лишь в позднем, чему можно привести убедительное множество примеров. Проведенный анализ автографа «Я видел Азии бесплодные пределы» демонстрирует *весьма относительную надежность и большую шаткость* этих оснований.

Вполне правдоподобно допустить, что, если бы Пушкин стал дорабатывать этот набросок, он восстановил бы по крайней мере некоторые из зачеркиваний, так что в подвергшемся новой правке тексте могли бы появиться и сосуществовать стихи:

3. Жилище дикое Черкесских табунов
7. Ужасный край чудес! — — там жаркие ручьи
11. Мой взор встречал близ дивных берегов

Но столь же вероятно, что для пустот, оставшихся в этих стихах, Пушкин нашел бы какие-то иные слова и фразы. Поскольку же он потерял интерес к наброску и более им не занимался, заведомая недоработанность текста предполагает и наличие в нем неоформившихся стихов и ненайденных или не выбранных окончательно из уже написанных лексических элементов.

Решение С. М. Бонди ввести в сводку из предпоследнего, самого, казалось бы, «надежного» для текстологических реконструкций, слоя автографа зачеркнутый эпитет «[дикое]» оказывается, при внимательном рассмотрении, очень спорным и сомнительным. Что имел в виду Пушкин, когда его зачеркивал? Если он его не удовлетворил по каким-то смысловым или эстетическим соображениям, то восстановленный стих «Жилище [дикое] Черкесских табунов» серьезно нарушает авторскую волю и вводит читателя (исследователя) в заблуждение относительно истинного творческого намерения поэта в данном случае. Если же вычеркивание этого прилагательного означало возвращение к эпитету «[знойное]», не обозначенное знаком восстановления, то оно было сопряжено, по всей очевидности, с отказом от полустиха «Подкумка знойный брег», подлежащего, следовательно, изъятию из сводки, которая тем самым разрушается в другом своем слабом звене.

Не подтверждается детальным разбором автографа и предполагаемое существование в какой-то определенный момент единого связного от начала и до конца текста. Когда шла работа над седьмым стихом, четвертый, если верны приведенные выше наблюдения, уже разрушился и остался в виде одного лишь конечного слова. Даже если прав

С. М. Бонди и в последнем варианте четвертый стих был цельным («Подкумка знойный брег, пустынные вершины»), то не сходились одновременно седьмой и одиннадцатый (как он их читал), тем более что обе половины второго из них в процессе работы над ним, кажется, так ни разу не соединились в целое. Наконец, для придания своей сводке законченности С. М. Бонди изъясил из нее строку, в которой значится лишь начальный союз «И». Если же стать на другую, равноправную, как было показано, с этой точки зрения и включить его в текст, появляется стих, для которого место было оставлено, а завершение не было даже намечено.

Предположение, согласно которому какие-то изменения текста, в том числе и мелкие, Пушкин мог держать в голове, не показывая их в автографе, убедительно до тех пор, пока речь идет о черновике небольшого стихотворения, рассматриваемом одиночно, изолированно от других, подобных ему своей запутанностью и содержащих, если верить редакторским сводкам, поэтические шедевры. Стоит представить себе общее число и массив таких черновиков, оставленных Пушкиным без перебеливания, как неизбежно встают вопросы: неужели Пушкин был так равнодушен к этим прекрасным творениям, что не удосужился привести в должный вид хотя бы самые трудноразборчивые из-за обильной правки черновики? или он настолько полагался на свою память, что доверял ей хранить немалое количество стихов из разных черновиков, не давая себе труда хотя бы обозначить четкими условными значками основные перестановки, восстановления и пр.? или же на самом деле не существовало тех совершенных в поэтическом отношении стихотворных текстов, которые представляют редакторские сводки? не по этой ли как раз причине оставались черновики в том виде, какой они имеют? Ответ не может быть типологическим, он может быть только индивидуальным для каждого случая. Применительно к автографу «Я видел Азии бесплодные пределы» для последних двух вопросов он утвердительный.

С. А. ФОМИЧЕВ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ПУШКИНА ПД 830

(ИСТОРИЯ ЗАПОЛНЕНИЯ: л. 43—66 об.)

Л. 42—42 об. записной книжки ПД 830 служит своеобразным водоразделом содержащихся в ней записей.

Вплоть до этого места в записной книжке доминирующее место занимали черновики поэмы «Кавказский пленник». Несмотря на то что поэма не была еще вчерне завершена (оставалось прописать последние пункты намеченного на л. 39 об. плана), систематические поэзные записи в ПД 830 прекращаются. Черновики окончания поэмы (за исключением отдельных строк, о которых речь пойдет ниже) до нас не дошли, так как записывались, по всей вероятности, на отдельных листах, ныне утраченных. Можно предполагать, что, отправившись 28 января из Каменки в Киев (а позже в Тульчин), Пушкин не захватил с собой записной книжки, хотя именно во время этой поездки он и завершил в основном черновую работу над поэмой. Вернулся же он в Каменку лишь 18—20 февраля 1821 г.¹ и в самые первые дни после возвращения переписал набело поэму в новой тетради (ПД 831), поставив там (л. 18) в конце белового автографа помету: «23 февр. 1821 Каменка».

Следовательно, черновые автографы небольших фрагментов поэмы, которые мы находим в конце записной книжки на л. 59 об., 62 об.—63, 64 об., были выполнены в промежутке между 18 и 23 февраля.

В свою очередь, эти записи являются безусловным свидетельством того, что на последнем этапе записная книжка заполнялась не только в прямой последовательности ее листов, но и с обратной стороны. В то время Пушкин еще не выработал навыка заполнения рабочей тетради с ее конца, в положении верхом вниз, что позволяло вести работу не дискретно, а лист за листом. Пока же в записной книжке он просто отлистывал с конца несколько страниц и заполнял их в прямом положении тетради.

О том, что с этого времени работа в записной книжке велась как в прямом, так и в обратном ее направлении, свидетельствуют и записи других произведений: черновики «Кинжала» (л. 45 об.—46 и л. 64) и «(Послания к «Зеленой лампе»)» (л. 64 об.—65 и л. 60—62), подготовительные материалы к поэме «(Вадим)» (наброски плана на л. 43 и л. 58, выписка из Карамзина под заголовком «Предания» на л. 50, книжная виньетка на л. 57²).

¹ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1 / Сост. М. А. Цявловский; Отв. ред. Я. Л. Левкович. С. 222.

² Как показал С. В. Денисенко, здесь была стилизована виньетка, вынесенная на обложку издания баллады Жуковского «Двенадцать спящих дев», вторая часть которой была названа «Вадим» (см.: Денисенко С. В., Фомичев С. А. Пушкин рисует: Графика Пушкина. СПб., 2001. С. 164—168).

Прибегая к отлистыванию последних страниц записной книжки для работы на них, Пушкин, естественно, не мог точно вычислить в каждом случае, сколько места потребуется для воплощения его замысла, и потому между отдельными записями могли оставаться пробельные листы и страницы, которые отчасти заполнялись позже. Это создает особую трудность в исследовании заполнения ПД 830. Однако хронология записей на последних листах записной книжки отчасти проясняется при обращении к автографам тех же произведений, работа над которыми начиналась или была продолжена в других рабочих тетрадях поэта.

На л. 43 записывается план поэмы «(Вадим)» — вероятно, еще до поездки в Киев и Тульчин (т. е. в январе 1821 г.), иначе Пушкину незачем было бы переносить в конце тетради окончание черновой работы над «Кавказским пленником» в процессе перебеливания поэмы между 20 и 23 февраля. Наметки стихов, относящихся к «(Вадиму)» и выполненных размером народной песни «Уж как пал густой туман на сине море», мы находим на отдельном листе ПД 39, на обороте которого — портрет Калипсо Полихрони, датированный «26 sept. 1821». Примерно тогда же записываются фрагменты этой поэмы (трагедии) в тетради ПД 831 (л. 61—61 об.). Казалось бы, уже поэтому наша датировка плана поэмы на л. 43 записной книжки январем 1821 г. не вполне корректна. Однако она поддерживается следующими последовательными записями (на л. 43 об.—45), содержащимися здесь, — черновиком крымских октав «Кто видел край, где роскошью природы» (первый набросок октав находится на л. 38, на л. 43 об.—45 содержатся заключительные строфы данного произведения). Закончив работу над октавами в верхней части л. 45 и отчеркнув их, Пушкин сразу же (те же чернила и почерк), еще в Каменке, прорабатывает вчерне альбомные стихи «Когда в листах воспоминанья...» (II, 467).³

Кто был адресатом мадригала? В Каменке, собственно, в это время проживали лишь две дамы: восемнадцатилетняя А. И. Потапова (до мая 1825 г. гражданская жена В. Л. Давыдова) и А. А. Давыдова (супруга А. Л. Давыдова). Альбомные стихи предназначались, скорее всего, второй из них, — вряд ли Аглая Антоновна не потребовала бы таковых от своего поклонника в ту пору. Но если так, то работу над мадригалом (и над черновиком октав) следует отнести ко времени до отъезда поэта из Каменки в Киев, т. е. к концу января 1821 г.

Вероятно, в то же время начата и работа над «(Посланием к «Зеленой лампе»)» в конце записной книжки (л. 64 об.—65). Основанием такой датировки служит вторгающийся здесь на л. 64 об. фрагмент поэмы «Кавказский пленник» («Нет, я не знал любви взаимной ~ Забытый средь нагих долин» — IV, 333—334); еще один фрагмент («Все понял он — прощальным взором ~ Где пели наши казаки» — IV, 337—338) записан на л. 62 об.—63. Листы же 63 об.—64 тогда были, очевидно, оставлены пробельными. Третий фрагмент поэмы мы находим на л. 59 об. («[Нередко — он в глуши] таится ~ Уже влечет аркан летучий» — IV, 315). Все эти фрагменты имеют соответствие в беловом автографе «Кавказского пленника» (см.: ПД 831, л. 9), а стало быть, и запись на л. 59 об. сделана в промежутке между 18 и 23 февраля.

Следовательно, и эпиграмма «К.(нязь) Г.— [со мною не знаком]», написанная тогда же внизу этой страницы, также имеет достаточно точную датировку: 18—23 февраля 1821 г.

На л. 60—62 расположен пространный черновик «(Послания к «Зеленой лампе»)». Казалось бы, и его можно было датировать 18—23 февраля 1821 г., так как он обрамлен (см.: л. 59 об. и л. 62 об.—63) фрагментами поэмы. Однако едва ли, предпринимая в эти дни довольно сложную работу по перебеливанию «Кавказского пленника», Пушкин

³ См. полистное описание ПД 830, выполненное Т. И. Краснобородько, в издании: Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т. I. С. 54.

мог отвлекаться на другие пространные замыслы. Последняя запись поэмы в прямом положении тетради (до 28 января 1821 г.) была произведена на л. 41 об.—42 карандашом. Возможно, тогда же, задумав большое стихотворение, Пушкин отлистнул с конца тетради несколько листов и на л. 64 об. записал карандашом же первое четверостишие. Остальная часть страницы была оставлена пробельной, так как, не удовлетворенный первым наброском, поэт начал вновь набрасывать послание на следующей странице (л. 65), но и тут оно далеко не продвинулось. Снова перевернув лист, Пушкин на л. 65 об. (может быть, заново обдумывая стихи) делает три зарисовки карандашом: в центре страницы — автопортрет, а ниже — два характерных профиля (возможно, «лампистов»).

Следующие листы записной книжки были вырваны, и потому, отлистнув с конца ПД 830 несколько листов, Пушкин начал на л. 59 заново работать над посланием. Л. 59а впоследствии из тетради был вырван и ныне утерян, а черновик, продолженный строкой «Где своенравный произвол» (явно не начальной), занял далее л. 60—62.

Как уже упоминалось выше, заполнение тетради шло с двух сторон: с начала и с конца. Поэтому достаточно наметить более или менее определенные хронологические вехи, чтобы примерно датировать автографы, сопутствующие этим вехам.

В прямом положении тетради такой вехой служат строки, записанные набело на л. 48:

Не даром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы⁴

Строки эти были отчеркнуты, а далее на л. 48—49 следует довольно сложный черновик, начатый строкой «Не тем горжусь я мой певец». Считается, что это набросок начала послания В. Ф. Раевскому.⁵ Но, судя по содержанию, это, скорее, *монолог узника*: стилизация призыва, которым тот *воззвал из глубины глухой темницы к певцу* (т. е. к Пушкину). Надо полагать, мы здесь имеем дело с подобием замысла написанной несколькими годами позже исторической элегии «Андрей Шенье в темнице» (так было обозначено заглавие в черновике произведения — см.: ПД 834, л. 59 об.).

Стихотворение же в ПД 830 создавалось не ранее июля 1822 г., когда «первый декабрист» в Тирасполе передал И. П. Липранди для Пушкина послание к нему «Певец в темнице»,⁶ на которое Пушкин (едва ли значительно позже) и начал писать свой отклик.

Сначала же вверху л. 48 было записано (также не позже июля 1822 г.) не вполне обработанное четверостишие:

она подарила
 первый сон
И мысль о ней одушевила
Безвестной лиры первый звук.

По характеру записи отрывок напоминает обычную для Пушкина сводку запутанного черновика, когда из него извлекался верхний слой текста, который, в свою очередь, служил заготовкой для дальнейшей работы. Сам черновик нам, однако, остается неизвестным: очевидно, он был записан на предыдущем листе (л. 47а), от которого остался лишь корешок. Впоследствии эти строки, несколько измененные, будут использованы в главе второй «Евгения Онегина». Пока же они также могли быть заготовкой к произведению о В. Ф. Раевском в темнице.

⁴ Строки эти традиционно помещаются в собраниях сочинений Пушкина в качестве отдельного опуса, что, на наш взгляд, некорректно.

⁵ См.: Цявловский М. А. Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Раевскому // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Т.] 6.

⁶ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 1. С. 291.

Обоснованная выше датировка произведения о певце в темнице позволяет датировать записи на предыдущих л. 45 об.—47 об. лишь в таком временном интервале: март 1821 г. (после возвращения из Каменки в Кишинев)—июль 1822 г. Некоторые же дополнительные аргументы по датировкам будут изложены применительно к конкретным текстам записной книжки, к рассмотрению которых мы ниже и перейдем.

На л. 45 об.—46 была начата черновая работа над стихотворением «Кинжал». В сущности, здесь мы имеем две (вторая пока не была завершена) редакции стихотворения, первая из которых сначала была написана так:

Свободы тайный страж недремлющий кинжал
Последний судия Позора и Обиды —
Для рук бессмертной Немезиды
Лемносский бог тебя ковал
Супруг божественной Киприды
Как адский луч как молния богов
Немое лезвие злодею в очи блещет
И средь пиров
Злодей трепещет.

После этой строки ставится черточка, ниже которой записывается еще одно четверостишие:

Везде его найдет удар неожиданный твой
Гром про(гремит) на стогнах под шатрами —
За потаенными замками
На ложе нег, в семье родной...

Только после этого делается сложный росчерк — явный знак концовки стихотворения в его первоначальной редакции.

Однако тема увлекает Пушкина, и на л. 46 он продолжает слово-словить кинжал, развивая исторический мотив: убийство Цезаря Брутом. Можно предположить (под новым фрагментом нет знака концовки), что стихотворение казалось Пушкину еще не законченным и для дальнейшего черновика он оставляет две следующих страницы, а на л. 47 об. записывает:

Ведите же прежде телят вы к полому⁷ вымени юницы
внушить — внять —
И примите ушима вашими словеса уст его. *Иеремия пр(орок)*

По-видимому, это были пробы нетрадиционной метрики, подобные наметкам к замыслу «(Вадима)» размером народной песни в ПД 39. Источник второго стиха указан Пушкиным и легко обнаруживается (Книга пророка Иеремии. Гл. 9. Ст. 20). Возможно, к Книге пророка Иеремии восходит и первый стих, который в таком случае имеет в виду аллегорическое предсказание о нашествии Вавилона на Египет: «Египет — прекрасная телица; но погибель от севера идет, идет. И наемники его среди его все, как откормленные тельцы, — и сами обратились назад, побежали, не устояли...» (Там же. Гл. 46. Ст. 20—21).

Ниже на л. 47 об. записывается черновик четверостишия «Чей голос выразит ясней», впоследствии использованного в тексте «Бахчисарайского фонтана» (см.: IV, 400), но в момент записи, вероятно, связанного с какой-то работой на л. 47а записной книжки, от которого, как уже говорилось, остался лишь корешок.

Стихотворение же о кинжале будет продолжено в обратном порядке записей в тетради — на л. 64 (в положении ее корешком вниз), так как

⁷ Именно к «полому», а не к «полному», как традиционно печатается. Не говоря уже о том, что буквы «н» в этом слове в рукописи нет, не следует нарушать смысла фразы: ведь юница (телица) — это яловая корова.

оставленные для его продолжения л. 46 об.—47 к тому времени были уже заняты беловиком стихотворения «К Аглае» («Кокетке»). На л. 64 будет развит лишь мотив убийства Марата Шарлоттой Корде, но своеобразная наметка двух последующих заключительных строф на этой странице обозначена графически — автопортретом «в образе Занда».⁸ Автопортрет этот венчает сюиту портретных зарисовок, которые в прямом положении записной книжки покрывают всю левую половину страницы, среди них — помета: «22 juin 1822 t. m.», которую следует считать ориентиром при определении времени работы над стихотворением «Кинжал». Традиционная датировка его 1821 г. нам не кажется убедительной, как и предположение Р. В. Иезуитовой о том, что беловик этого стихотворения мог быть записан на утраченном листе тетради ПД 833 среди записей начала апреля 1821 г.⁹

Дата 22 июня 1822 г. соотносится и с черновиком стихотворения «Иностранке» (здесь пока было намечено другое название: «Гр(ечанке)»), которое на смежной странице (л. 63 об.) пишется в прямом положении тетради, несколько позже черновика «Кинжала». Основанием такой трактовки последовательности работы на л. 64 и 63 об. служит украшающая их портретная сюита, в том числе портрет Калипсо Полихрони на л. 64: очевидно, ей и было посвящено альбомное стихотворение.

Черновые строки о Шарлотте Корде, следовательно, были записаны незадолго до 22 июня 1822 г., и это, в свою очередь, позволяет датировать автограф стихотворения «К Аглае» на л. 46 об.—47 об.

Это *единственный* беловой автограф, имеющийся в конце записной книжки ПД 830. Записан он на пропущенных Пушкиным листах, которые он оставлял, как об этом упоминалось выше, для продолжения работы над черновиком «Кинжала», начатой на л. 45 об.—46. Стало быть, беловик язвительного послания к Аглае Давыдовой был записан до 22 июня 1822 г., иначе бы «Кинжал» был продолжен именно здесь, а не в конце записной книжки.

Автограф послания слегка поправлен поэтом, — в частности, было перемещено в конец беловика (на л. 47) четверостишие «Оставим юный пыл страстей» с л. 46, а в связи с этим возникла необходимость переработать концовку стихотворения, что и делается на л. 47 об., где вчерне прописывается итоговое четверостишие новой редакции («Еще пристало им любить» и пр.).

Почему беловик послания записывается на этих листах, вклиниваясь в массив черновых записей, в то время, когда в конце записной книжки было еще много свободного места? Не потому ли, что поэт пожелал поместить свое язвительное послание как можно ближе к черновику (на л. 45) альбомного мадригала, некогда посвященного той же даме?

Выше уже упоминалось о различных записях (и одной зарисовке), тяготеющих к замыслу произведения о Вадиме, первоначальный план которого был записан на л. 43 в январе 1821 г. Замысел этот долго волновал Пушкина (несомненно, под влиянием бесед с В. Ф. Раевским), но так и не был завершен. На л. 58, в частности, имеется запись: «Вадим в мрачную ночь, сокрытый у могилы Гостомысла». Однако эта наметка здесь развития не получила. Ниже, на л. 58 и 58 об., начерно записывается ранняя редакция стихотворения, позже получившего название «Узник». Она представлена в разделе «Другие редакции и варианты» Большого академического издания (см.: II, 790—791), но в основном корпусе текстов стихотворение напечатано под годовой рубрикой 1822 г., что явно неточно. Окончательная редакция этого шедевра пушкинской лирики появилась лишь в 1832 г. в беловом (с поправками) автографе

⁸ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 37.

⁹ См.: Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь ПД 833: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 245.

ПД 420, л. 83 (с пометой: «Кишинев. 1822»),¹⁰ подготовленном для издания ч. 3 «Стихотворений Александра Пушкина». Несомненно, именно в годовой рубрике «1832» это стихотворение и должно печататься с двойной датой «1822, 1832» и с соответствующим разъяснением в комментариях. Дело не только в художественном совершенстве окончательной редакции, но и в том, что первоначальный набросок в 1822 г. осмыслился автором, скорее всего, не в качестве отдельного произведения, а в составе поэмы о разбойниках, которую поэт обдумывал в 1821—1822 гг. Позднее был напечатан, по авторскому определению, «отрывок из поэмы» (под названием «Братья разбойники»), для которого «разбойничья песня» (подобная «черкесской песне» в «Кавказском пленнике» или «татарской песне» в «Бахчисарайском фонтане») не пригодилась.

Другой фрагмент поэмы о разбойниках начерно записан в ПД 830 на л. 49 об. («На Волге в темноте ночной» — IV, 374), очевидно, в начале 1822 г. Выше этого черновика тогда же записано набело четверостишие «В твою светлицу друг мой нежный».

По всей вероятности, хронологически последней записью в ПД 830 стал набросок на л. 51 об.—52 «Вечерня отошла давно».¹¹ Он был начат в ПД 834 (л. 30) в первых числах ноября 1823 г. и, по-видимому, вскоре был развит в записной книжке. Фрагмент этот, вероятно, предназначался также для поэмы о разбойниках: рассказ об исповеди злодея в старом монастыре был последней попыткой расширить сюжет этой поэмы. Однако уже 11 ноября 1823 г. Пушкин все же отошлет Вяземскому «отрывок» «Братья разбойники».

Несколько ранее, в конце апреля 1823 г., на л. 56 об. протекала работа над стихотворением «Наперсница моих сердечных дум». Основанием для такой датировки, как нам представляется, может послужить сделанный одновременно чернилами расчет на смежной странице:

$$\begin{array}{r} 300 \\ \underline{60} \\ 180.00 \end{array}$$

По классу пушкинских помет,¹² данный подсчет принадлежит к вычислению предполагаемых дорожных расходов (в данном случае окончательный итог определяется из расчета 60 коп. за почтовую версту). Но в 1822 г., когда работа в записной книжке с ее конца подошла к этому месту, Пушкин безвыездно жил в Кишиневе (не считая поездок в имение Ралли, Долну, которые, конечно же, совершались не на почтовых). В дальнюю дорогу он собрался лишь в апреле 1823 г., когда Инзов разрешил ему съездить в Одессу.¹³ Путь туда и обратно действительно составлял немногим более 300 верст.

Заслуживает некоторых уточнений (по сравнению с Большим академическим изданием — ср.: II, 173, 645) трактовка данного автографа. С не дошедшего до нас черновика сначала на л. 56 об. было записано четверостишие (вернее, его сводка):

Наперсница моих сердечных дум —
О ты, чей глас — приятный
Не в первый раз утешил ум
И мятежный

Оно было отчеркнуто и снова начато набело, но затем подвергнуто переработке, так и не оконченной. Верхний слой окончательной редак-

¹⁰ В издании 1832 г. «Узником» открывался цикл стихотворений «Разных лет» (см.: Фомичев С. А. Служенье муз: О лирике Пушкина. СПб., 2001. С. 122).

¹¹ О связи этого наброска с другим — «На тихих берегах Москвы...» см.: Неизданный Пушкин. СПб., 1996. Вып. 1. С. 42—45.

¹² См.: Там же. СПб., 1997. Вып. 2. С. 37—38.

¹³ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 1. С. 321.

ции завершается неполной строкой, которая не показана в основном корпусе текстов Большого академического издания:

О верная задумчивая лира,
[Послушная] перстам.

Очевидно, окончательная разработка темы, намеченной в этом отрывке, позже воплощена в стихотворении «Наперсница волшебной старины», сохранившемся в беловом автографе ПД 45, который тем самым тоже следует датировать 1823 г.

Соображения, касающиеся еще одного до сей поры не расшифрованного подсчета (на л. 60 об.), будут предложены в Приложении, посвященном трактовке первоначальной редакции «(Послания к «Зеленой лампе»)».

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНАЛИЗ АВТОГРАФОВ «(ПОСЛАНИЯ К «ЗЕЛЕННОЙ ЛАМПЕ»)»

Стихотворение это в качестве самостоятельного произведения было открыто в черновиках Пушкина С. М. Бонди. Он совершенно обоснованно считал, что стихотворный фрагмент «Горишь ли ты, лампада наша» в письме к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г. входил в послание ко всему дружескому кружку театралов «Зеленой лампы», к которому в послелицейские годы принадлежал и сам поэт. В специальной статье, посвященной анализу сохранившихся черновиков послания, замечательный текстолог предложил реконструкцию полного текста первоначальной редакции стихотворения.¹ «Предположительная реконструкция первоначальной редакции послания» была повторена в Большом академическом собрании сочинений Пушкина (II, 774—776).

Готовя в 1949 г. Малое академическое издание, Б. В. Томашевский уточнил в нем реконструкцию С. М. Бонди, не приняв предложенного им заглавия, но напечатав стихотворение «В кругу семей, в пирах счастливых» в основном корпусе текстов среди произведений 1821 г., а не в отделе «Другие редакции», который имелся в данном издании. Собственно, это было беспрецедентным решением, — ведь под 1822 г. здесь напечатан и отрывок «Из письма к Я. Н. Толстому» («Горишь ли ты, лампада наша»). В необычно пространным (для данного издания) комментарии к ранней редакции сказано: «Неоконченное черновое стихотворение; при жизни Пушкина не печаталось. Долгое время было известно в виде отдельных отрывков, связывавшихся с разными произведениями Пушкина. Впервые в связном виде было напечатано в статье С. М. Бонди (...). Писано, вероятно, в феврале или марте 1821 г. и тогда же брошено неоконченным и недоработанным. Отдельные выражения и стихи позднее вошли в письмо к Дельвигу — от 23 марта 1821 г., в послания Катенину, Юрьеву того же 1821 г.; центральная часть стихотворения в обработанном виде включена в письмо к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 г.; некоторые стихи вошли в строфы XVII и XVIII первой главы „Евгения Онегина“. Текст черногового стихотворения дошел до нас не полностью. Некоторые стихи, означенные точками, совершенно неизвестны, несколько стихов восстанавливаются по письму Я. Толстому».²

Реконструкция ранней редакции стихотворения, предложенная Б. В. Томашевским, на наш взгляд, точнее, но она им не объяснена

¹ См.: Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой Лампе» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1935. [Т.] I. С. 33—52.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 357.

(Малое академическое издание изначально было лишено текстологических комментариев). Уже одно это требует возвращения к анализу источников текста ранней редакции послания, чтобы осмыслить их взаимосвязь.

Таких источников три: 1) черновые наброски в записной книжке ПД 830 (л. 64 об.—65 и л. 60—62); 2) черновые наброски и сводка ранее написанных строк — в тетради ПД 831; 3) беловик отрывка послания — в письме к Я. Н. Толстому.

Работа над посланием была начата на л. 64 об. тетради ПД 830, где карандашом было проработано четверостишие (даем, как и в последующих подобных случаях, лишь верхний слой черногого текста):

В кругу семей в пирах игривых (?)
Я гость унылый и чужой — —
Вдали др(узей) [вольно]люб(ивых)
Теснимый хладною толпой

На этой странице стихотворение не было продолжено, — возможно, поэт предполагал развить здесь позже тему одиночества. На л. 65 карандашом записывается тогда же:

Певец любви печальный странник
Забыв и лиру и покой
Бегу за милю мечтой — —
Где ж отдохну младой изгнанник
Забуду горесть и любовь
И сердца пыл неосторожный
Забро(шу) посох мой дорожный
И равнодушен буду вновь —
А вы товарищи младые
Друзья готовьте шумный пир
Готовьте чаши круговые
Венки цветов и гимны лир

Черновик этот трудно дался Пушкину. Сигналом раздумий станут зарисовки мужских профилей на левом поле листа (нижний из них оттенен штриховкой). Несколько позже поэт снова прошелся по черновику уже с пером в руках, закончив работу на этой странице еще одним рисунком (не до конца прорисованный профиль).

Очевидно, Пушкину становится ясно, что начатое стихотворение будет пространным, и потому он отлистывает с конца записной книжки сразу несколько листов. Сколько именно — решить сейчас трудно, так как после л. 59 вырвано несколько листов, в том числе, несомненно, и лист с черновиком ««Послания к «Зеленой лампе»»». На л. 60 оно продолжено буквально с полуфразы (даем опять верхний слой текста; некоторую его сумбурность попытаемся объяснить ниже):

Где своенравный произвол
Менял бутылки разговоры,
Рассказы, песни шалуна
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина —
Налей же мне *вина кометы*
Желай мне здравия, кал(мык)
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль
[Ты здесь] Амфитрион веселой,
Щастлив(ый), добрый, умный враль! —
Быв(алой?) пламенея (?)
Благослови же мой возврат
Но где же он, твой ми(лый брат)
Недавний рекрут Гименея!
Где ты, приятный Адонис
Жил(ец) Пафоса и Киферы
Любимец ветреных (лаис)

Щаст(ливый) баловень (Венеры)
Услышу ль я мои поэ(ты)
Богов торжественный язык
Налей же мне
Желай мне здр(авия) к(алмык)
Ты здесь о гражда(нин) кулис
Театра злой летопи(сатель)
Очаровательных актрис
Непостоянный обожатель

Вы оба в прежни времена
В ночных беседах пиروвали
И сладкой лестью баловали
Певца свободы и вина

[И я любил их остро(ту)]
Любил улыбку, нежны взоры
Веселый нрав и разговоры —

Нельзя не заметить, что в отличие от черновика на л. 64 об.—65 здесь работа идет стремительно, подтверждением чему служат многие недописанные слова и строки и очевидная сбивчивость текста, когда мысль то спешит, то время от времени возвращается вспять. Но общая логика этого фрагмента, несомненно, Пушкину вполне понятна. Попробуем и мы в ней разобраться.

Дважды в тексте вспоминается калмык — слуга, в обязанность которого входило желать здравия тому из собутыльников «Зеленой лампы», который, забывшись, произносил бранное слово. Строки о калмыке, следующие за стихом «От искр и шуток и вина», в черновик *вписаны позже* и остались незарифмованными, — это, собственно, знак вставки (переноса строк), и действительно ниже упомянуть о слуге было бы неуместно, так как там начиналось перечисление «товарищей» (с попутными их характеристиками). Следовательно, все четверостишие о калмыке должно находиться здесь, после стиха «От искр и шуток и вина». Со стихами об Адонисе-Юрьеве Пушкин явно поспешил — нужно было отдать дань обоим братьям Всеволожским, Никите («Амфитриону веселому») и Александру («Недавнему рекруту Гименея»); это и было сделано в четверостишии, отчеркнутом сверху и снизу (отчеркивания такого рода означали у Пушкина знак переноса).

На л. 61 ранее было уже записано стихотворение «Я не люблю твоей Корины». Отчеркнув его, Пушкин продолжил послание внизу этой страницы:

Но оскорбил я красоту,
Когда [она] блистала славой
В венце любви, в дыму кадил —
В досаде м(ожет) б(ыть) неправой
Хвалы я свистом заглу(шил)

Крайне запутанным, многократно перечеркнутым оказался черновик в начале л. 61 об., но верхний слой текста и здесь, в общем-то, ясен, за исключением лишь двух последних строк:

Погибни мести миг единый
И дерзкой лиры ложный звук, —
[Я виноват]
Перед охаянной Моинной

С. М. Бонди читает две последние строки так:

Она виновна (милый друг)
Пред Мельпоменой и Моинной
(II, 772)

Но слово «Мельпоменой» в черновике вычеркнуто (что С. М. Бонди не отмечает), а «Пред» исправлено на «Перед». Вычеркнув слово «Мельпоменой» (странно было бы уравнивать музу трагедии и А. М. Колосову), Пушкин вверху вписал «охаянной»; это слово С. М. Бонди прочитал как «Она виновна», не указав, что второе слово (при таком чтении) не дописано («Она винов(на)»). Корректнее в дефинитивном тексте принять зачеркнутый вариант «Я виноват» и дополнить эту строку конъектурой, аналогичной с традиционным чтением «любезный друг» (т. е. Никита Всеволожский, основной адресат послания).

Далее на л. 61 об. следуют стихи «Все так же <ль> осеняют своды ~ Софокла гений величайый». Этот сложный черновик в 1931 г. блестяще прочел С. М. Бонди,³ позже в статье о «Послании к «Зеленой лампе»» заметивший: «Может быть, в состав его входил и отрывок о Семеновой. Трудно только найти точное место в „послании“, где должен был находиться этот несколько обособленный эпизод».⁴ В своей реконструкции текстолог не принимал во внимание заполнение записной книжки в обратном направлении, от конца к началу. Отсюда и возникшее у него затруднение, которое легко преодолел Б. В. Томашевский, напечатавший «стихи о Семеновой» в конце ранней редакции послания, т. е. в той последовательности, в какой эти строки на л. 61 об. и следовали. Нам такое решение представляется совершенно верным.

Однако работа Пушкина над посланием на этом не закончилась. В тетради ПД 831 на л. 48 об. мы находим такую запись:

) до меня доходят —
И звуки [мне знакомых] струн
Печаль на душу мне навод(ят)

Угловая скобка перед первой неполной строкой и охватывающая весь этот текст внизу фигурная скобка свидетельствуют о том, что так намечена вставка в некий текст.

Далее записывается и после нескольких исправлений вычеркивается отрывок:

И я потерянный изгнанник
В степях Молдавии забыт
Давно с

и наконец выстраивается после переделок пятистишие:

Непримиримую судьбою
Певцы давно разлучены...
Их лиры ветреной игрою —
Не славят счастья чередою,
Сердца тоской омрачены —

Следующий лист (л. 48а—48а об.) из тетради вырван. В полистном описании он охарактеризован так: «„(Из письма к Я. Н. Толстому)“». На лицевой стороне корешка обрывки слов: „в боя<...>” | „Пром<?..>” | „с др<...?>”. На оборотной стороне: „он<?>”».⁵

Нетрудно заметить, что в сохранившихся фрагментах послания нельзя найти никаких соответствий подобной записи. Логичнее предположить, что данный лист (с совершенно другим текстом) был вырван уже к моменту заполнения л. 48, и работа над посланием была непосредственно продолжена на л. 49, где, после исправлений, записано:

Молчат пиры утихли смехи
Любовницы забыли нас
И разлетелися утехи —
В изгнаньи

³ Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931. С. 34—46.

⁴ Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой Лампе». С. 50.

⁵ Пушкин А. С. Рабочие тетради. Т. I. С. 71.

Горя
Я к вам
Горишь ли ты
Кипи(шь)
Где ты

Датировка этих записей несколько затруднена, но все же можно констатировать, что они сделаны после 24 августа 1821 г. (дата на л. 45 об.) и до 31 марта 1822 г. (дата на л. 50 об.), т. е. тогда, когда письмо к Я. Н. Толстому (от 26 сентября 1822 г.) еще не могло замышляться. Следовательно, мы имеем дело со второй (может быть, незавершенной) редакцией послания.

Третью редакцию послания (из письма к Я. Н. Толстому) приведем для наглядности, выделив курсивом строки, которые (хотя бы в измененном виде) содержатся в других источниках текста (ПД 830 и ПД 831):

*Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Все те ж ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
По-прежнему ль летят на зов
Свободы, Лени и Безделья?
В изгнании скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с вами клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое Равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна;
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!*

Вполне резонно предположить, что для данного письма послание было не просто сокращено, но и коренным образом переработано (какие-то строки в это время, возможно, были написаны заново).

В реконструкции же *ранней редакции* послания следует исходить из следующих соображений:

1. Нужно иметь в виду наличие не двух, как ранее считалось, а трех редакций, вторая из которых была намечена в тетради ПД 831. Заново проработанные в ней на л. 48 об. восемь строк нельзя включать в первую редакцию 1820 г. Наоборот, занесенный на л. 49 «конспект» (начальные слова стихотворных строк) служит подтверждением, что этот текст (просяемый по стихотворному фрагменту из письма к Я. Н. Толстому) существовал в первой редакции и находился, вероятно, на оборванном листе в записной книжке ПД 830, перед л. 60.

2. По-видимому, в первой редакции послания не было ст. 5—9 из эпистолярного фрагмента: они не отражены в «конспекте» и дают обобщенную картину театрального содружества, тогда как первоначально «лампысты» представлялись «по одному» (в частности, упоминался «баловень Венеры» — ср. в эпистолярном фрагменте обобщенное «Друзья

Киприды»). Ст. же 15—20, вероятно, в первой редакции существовали, поддерживая сохранившуюся в записной книжке ПД 830 строку «Где своенравный произвол».

3. При «состыковке» сохранившихся и предполагаемых отрывков первой редакции послания необходимо соблюдать правило альтернанса.

4. В реконструкции той части текста, которая сохранилась на л. 60—61 об. записной книжки ПД 830, нужно соблюсти те конъектуры, которые были обоснованы при демонстрации этого фрагмента.

Следовательно, ранняя редакция стихотворения, вероятно, выглядела примерно так:

⟨ПОСЛАНИЕ К «ЗЕЛеноЙ ЛАМПе⟩

В кругу семей, в пирах игривых(?)
Я гость унылый и чужой —
Вдали друзей [вольно]любивых
Теснимый хладною толпой...
Певец любви, печальный странник,
Забыв и лиру, и покой,
Бегу за милою мечтой...
Где ж отдохну, младой изгнанник,
Забуду горесть и любовь
И сердца пыл неосторожный,
Заброшу посох мой дорожный
И равнодушен буду вновь?
А вы, товарищи молодые,
Друзья, готовьте шумный пир,
Готовьте чаши круговые,
Венки цветов и гимны лир.
В изгнании скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас.
Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров,
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с вами клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое Равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, шутки шалуна;
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Услышу ль я, мои поэты,
Богов торжественный язык?
Налей же мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль,
[Ты здесь], Амфитрион веселой,
Счастливей, добрый, умный враль!
⟨Бывалой дружбой пламеня⟩,⁶

⁶ Стих этот читается весьма неуверенно; С. М. Бонди его прочел:

Быв(алой?) пламеня (?) —

и по аналогии с другими стихами Пушкина предложил конъектуру «Бывалой дружбой пламеня» (см.: Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой Лампе». С. 50). Б. В. Томашевский такое чтение принял. Не найдя более убедительного варианта, принимаем его и мы.

Благослови же мой возврат.
 Но где же он, твой милый брат,
 Недавний рекрут Гименя?
 Вы оба в прежни времена
 В ночных беседах пировали
 И сладкой лестью баловали
 Певца свободы и вина.
 Где ты, приятный Адонис,
 Жилец Пафоса и Киферы,
 Любимец ветренных (лаис),
 Счастливым баловень (Венеры)?
 Ты здесь, о гражданин кулис,
 Театра злой летописатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательных актрис.
 И я любил их остроту,
 Любил улыбк(и), нежны взоры,
 Веселый нрав и разговоры,
 Но оскорбил я красоту,
 Когда [она] блистала славой
 В венце любви, в дыму кадил;
 В досаде, может быть, неправой
 Хвалы я свистом заглушил.
 Погибни, мести миг единый
 И дерзкой лиры ложный звук!
 Перед охаянной Моиной
 Я виноват, (любезный друг)...
 Все так же (ль) осеняют своды
 [Сей храм парнасских трех цариц],
 Все те же ль стаи юных жриц,
 Все те же ль вьются хороводы?
 Ужель умолк волшебный глас
 Семеновой, сей чудной музы,
 Ужель навек, оставя нас,
 Она расторгла с Фебом узы
 И славы русской луч угас?
 Не верю! — вновь она восстанет (?).
 Ей вновь готова дань сердец,
 Пред нами долго [не увянет]
 Ее торжественный венец,
 И для нее, любовник (славы),
 Поклонник милых Аонид,
 Младой Катенин воскресит
 Софокла гений величавый.

Конечно, предложенный текст не более чем реконструкция, в чем-то гипотетичная. Но она примерно верна, что подтверждается сохранившимся в правом верхнем углу л. 60 об. в ПД 830 заштрихованным подсчетом:

50
 41
 90

То, что начертано ниже вычисленной (округленной) суммы, на наш взгляд, лишь обводка штриховки, а не цифры «50», как обычно считалось.⁷

Так Пушкин обычно подсчитывал количество строк в сложном черновике, разбросанном по разным листам.⁸ В самом деле, на л. 60—62

⁷ См.: Неизданный Пушкин. Вып. 2. С. 61.

⁸ Ср., например, подсчет строк в сцене «Чудов монастырь» в тетради ПД 835. См. об этом: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. М.: Воскресенье, 1997. С. 317—318. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.; Т. 17 (доп.)).

содержится 41 строка послания — и это, между прочим, служит окончательным подтверждением, что фрагмент «Все так же <ль> осеняют своды ~ Софокла гений величавый» мыслился в составе послания. До этого (имеются в виду тексты на л. 64 об.—65, а также на вырванном впоследствии из тетради листе) в стихотворении было 50 строк (см. первое слагаемое в пушкинском подсчете). В целом в нашей реконструкции на два стиха меньше (не 91, а 89), и это не такая уж большая погрешность, учитывая, что подсчет Пушкиным производился по черновому автографу, который мог быть потом частично откорректирован.

Что же касается второй редакции послания, о которой упоминалось выше, то вполне понятно, почему Пушкин предпринял переработку произведения. Причина здесь в том, что к середине 1821 г. многие строки из послания, как это указано в комментарии Б. В. Томашевского, разошлись уже по другим произведениям Пушкина.

В частности, отзвук послания проник в стихотворное вступление к письму от 23 марта 1821 г. А. А. Дельвигу — ср.:

Но все люблю, мои поэты,
Фантазии волшебный мир,
И чуждым пламенем согретый,
Внимаю звуки ваших лир.

(XIII, 25)

Но гораздо интереснее в этом письме пушкинское признание: «Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости — как не воспоминаниями?» (XIII, 26).

Здесь, вероятно, имелось в виду и «(Послание к «Зеленой лампе»)», в котором поэт «летел воспоминанием» к своим петербургским друзьям.

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ ПУШКИНА ПД 839
(ИСТОРИЯ ЗАПОЛНЕНИЯ)

Тетрадь, размером в большой почтовый лист белой бумаги (199 × 250 мм; № 149 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского),¹ в темном сафьяновом переплете (по прежнему шифру: ЛБ 2372). На внутренней стороне передней крышки переплета записи: «№ 15» (рукой Л. В. Дубельта), «№ 9» (рукой чиновника Опеки), «1828—29—32» (рукой П. А. Плетнева?). В левом верхнем углу экслибрис Румянцевского музея; в левом нижнем углу помета: «66 л.» — так отмечено количество листов по жандармской нумерации. На внутренней стороне задней крышки переплета опекунская запись: «В сей книжке писанных и номерованных листов шестьдесят шесть» («шесть» исправлено на «девять») — и цифровые записи рукой В. А. Жуковского (в перевернутом положении тетради):

42, 43	} отрывки ²
61—65	

В тетради три нумерации листов: жандармская — красными чернилами посередине листа; опекунская — чернилами в правом верхнем углу, в основном совпадающая с жандармской, и архивная — в правом верхнем углу карандашом. Тетрадь составлена из семи тетрадок. Сейчас в ней 70 листов по архивной нумерации и 66 по жандармской (расхождение объясняется тем, что жандармы не нумеровали чистые листы). Л. 24, как отметила В. Б. Сандомирская, представляет собой два листа, склеенных внутренними сторонами, чтобы уничтожить пробел в рукописи, образовавшийся из-за пропуска страниц при переписывании «Полтавы».³ Восемь листов вырвано из тетради при жизни Пушкина. Сохранившиеся корешки вырванных листов позволяют установить, что первоначально в каждой из семи тетрадок было по шести двойных листов, т. е. по двенадцати одинарных, и что первоначальный объем тетради был равен 12 × 7, т. е. 84 листам плюс два листа форзацев. Таким образом, полный объем тетради составлял 86 листов.

¹ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. опис. / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 325.

² Цифры, записанные В. А. Жуковским, очевидно, соответствуют листам тетради по жандармской нумерации. Если так, то им отмечены отрывки из предисловия к «Борису Годуну» и набросок «Участь моя решена. Я женюсь».

³ См.: Сандомирская В. Б. О датировке стихотворения «Когда в объятия мои...» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 354—361.

Один из листов, вырванных при жизни Пушкина, обнаружен. Это лист той же бумаги № 149. На нем записано стихотворение «Поэт и толпа», названное здесь «Ямб». Связь этого листа с тетрадью ПД 839 была отмечена в описании рукописей Пушкина, куда он занесен с шифром ПД 103.⁴ Точное место этого листа в тетради нашла В. Б. Сандомирская. «Оно определяется тем, — пишет исследовательница, — что его неровный край точно совпадает с корешком листа, подклеенным к л. 70. Значит, листок 103 и есть последний (или первый) лист тетради ПД 839 — одна из половин полного французского форзаца, другая половина которого наклеена на крышку тетради».⁵ В. Б. Сандомирская также отметила, что на внутренней стороне переплета сохранились отпечатки последних строк «Ямба» с первого листа автографа. Это отпечатки слов «На вес», «Ты [ценишь]» и последнего стиха: «Но мрамор сей ведь Бог». Здесь же отпечатались и следы обеих строк двустихия, которое написано на этой странице вдоль левого поля:

Покойник, автор сухошавый
Писал для денег, пил из славы.

Ею же замечены на л. 70 об. следующие отпечатки: размазанное тире в конце стиха «Ты пишу в нем себе варишь» с л. ПД 103 об. и несколько отпечатков (заглавное «В», второе «р» и конечное «о») строки «В разврате каменейте смело» также с л. ПД 103 об. Все это, как и последующие записи, свидетельствует, что л. ПД 103 был первым, а не последним листом тетради.

Записи в тетради делались Пушкиным (с перерывами) в 1828—1833 г., причем заполнялась тетрадь с двух концов. С одного конца (в котором идет порядковая нумерация листов) записаны беловой текст «Полтавы», наброски предисловия к «Борису Годунову», несколько писем и заметок. С другого конца — стихотворения «Когда в объятия мои» и «Поверь, безумные забавы», два плана издания сочинений, отрывок «С французского» («Участь моя решена. Я женюсь»), несколько черновых писем, план статьи «О новейших романах». Кроме того, в тетради имеются две записи, которые в изданиях сочинений Пушкина относятся к «Заметкам и афоризмам разных годов» («Дельвиг говаривал» и «Грамматика не предписывает законов языку»), а также черновики «Медного всадника» и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». Три листа заняты рисунками. Пушкиным поставлены в тетради только три даты: «12 мая (1830)» и «13 мая (1830)» — в начале и в середине отрывка «Участь моя решена. Я женюсь», а также «30 окт(ября) (1833)» — в конце первой части «Медного всадника». Тетрадь заполнялась в Малинниках, в Москве, в Болдине и в Петербурге. По времени появления в тетради записи объединяются в следующие хронологические группы: I — осень 1828 г., II — первая половина 1830 г., III — 1832 г., IV — 1833 г.

Большая часть тетради (л. 1—44) занята «Полтавой». Это окончательная беловая рукопись, переписанная крупным парадным почерком. Одной из особенностей рукописи является отсутствие многих элементов поэмы: эпиграфа, предисловия (помеченного в печати 31 января 1829 г.), посвящения, заключения (т. е. ст. 425—471 «Песни третьей») и примечаний. Позднее внизу л. 15 об., когда перебеливание было закончено, Пушкин записал ст. 490—497 «Песни первой» («Что стыд Марии? что молва?»). Отдельные поправки и замена некоторых стихов не меняют

⁴ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 44.

⁵ См.: Сандомирская В. Б. О датировке стихотворения «Когда в объятия мои...». С. 359. Так как стихотворение «Поэт и толпа» было напечатано в № 1 «Московского вестника» за 1829 г., цензурное разрешение на который было подписано 19 декабря, Сандомирская считает эту дату конечной для датировки стихотворения «Когда в объятия мои». Дату можно уточнить, так как до «Московского вестника» оно должно было еще дойти; поэтому датировать его можно концом октября—началом (до 4) декабря 1829 г., т. е. временем пребывания Пушкина в Малинниках.

общего характера рукописи. Переписав часть текста, Пушкин перечитывал его и аккуратным (также беловым) почерком правил. Очевидно, эта парадная беловая рукопись была переписана с перебеленной, дошедшей до нас в небольших отрывках (ПД 98, ПД 99, ПД 101) с обозначением дат, когда поэт ее переписывал (3, 9 и 16 октября 1828 г.). Заканчивал поэт «Полтаву» в Малинниках, куда он приехал 22—23 октября, выехав из Петербурга в ночь на 20 октября (см. протокол лицейской годовщины 1828 г.).⁶ Над черновым текстом он работал в тетради ПД 838. Предисловия, заключения и примечаний в этой тетради нет. Но посвящение было уже написано. На л. 71 об.—72 тетради ПД 838 имеется его черновой текст, а на л. 72 — перебеленный текст с эпиграфом «I love this sweet name» («Я люблю это нежное имя» — *англ.*) и датой «27 окт.(ября) 1828. Малинники». В беловой рукописи предисловия, заключения и примечаний, как уже говорилось, нет, — очевидно, потому что они еще не были написаны, а готовое посвящение, скорее всего, вызывало сомнения Пушкина. Какое-то время оно могло казаться ему необязательным. До сих пор с посвящением связаны различные догадки и споры. В его черновых вариантах мелькает поэтическая формула «утаенная любовь», которая прочно вошла в исследовательский обиход:

Иль посвящение поэта
Как утаенная любовь —
Перед тобою без привета (?)
Пройдет — непризнанное вновь?

«Утаенная любовь» есть и в перебеленном тексте. Но из печатного текста она уходит, и приведенные строки выглядят так:

Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, не признанное вновь?

Нет сомнений, что посвящение обращено к конкретной женщине. Возможно, прав П. Е. Щеголев, считавший, что это Мария Раевская-Волконская.⁷ Но связывать эту неназванную женщину с некоей «утаенной любовью», о которой так настойчиво писал Пушкин из южной ссылки, поэт уже не хотел. Через год «безымянные страдания» он теснейшим образом соотнесет с романтической порой своего творчества, которая в 1829 г. стала для него пройденным этапом. «Полтава» и романтическая «утаенная любовь» были уже несовместимы.

Колебание поэта и отражает беловая рукопись «Полтавы» в тетради ПД 839. Когда «Полтава» была переписана в эту тетрадь? Мы согласны с Н. В. Измайловым, что, вероятно, это было в дни деревенской осени в Малинниках.⁸ В середине ноября Пушкин закончил работу над поэмой и тогда же начал переписывать ее в тетрадь ПД 839. В Москву в начале декабря (около 5) он привез готовую рукопись. В Малинниках в это время с другого конца тетради уже было записано стихотворение «Когда в объятия мои». К этому мы вернемся ниже.

Занятый мыслями о сватовстве, Пушкин не спешил ехать в Петербург, но печатать поэму торопился. Тетрадь с окончательной беловой рукописью он передал М. П. Погодину, попросив снять с нее копию. Копия эта до нас не дошла, но мы знаем о ней по записям в дневнике Погодина. Все они относятся к тому недолгому периоду, когда Пушкин

⁶ Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. 2-е изд., перераб. М.: Воскресенье, 1997. С. 605. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.; Т. 17 (доп.)).

⁷ См.: Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. М.; Л., 1931. С. 150—254.

⁸ См.: Измайлов Н. В. Пушкин в работе над «Полтавой» // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 111.

оставался в Москве (с начала декабря до 7 января 1829 г.). Приведем эти записи:

«9 (декабря 1828 г.) К Пушкину. Прочел мне (...) Мазепу (т. е. «Полтаву»), который не произвел большого действия, хотя много хорошего.

16 (декабря). К Пушкину (...). Отдал мне Мазепу переписать для Государя (...). Прочел дома Мазепу. Много хорошего (...). Перепис.(ывал) Мазепу. (...)

17 (декабря). Перепис.(ывал) Мазепу. (...)

28 (декабря). Перепис.(ывал) Мазепу. (...)

Январь 2 (1829). Перепис.(ывал) Мазепу.

3 (января). Предчувствовал, что придет Пушкин, и принялся за Мазепу. В самом деле приезжал дважды. Переписал и отдал».⁹

Конечно, Погодин переписывал поэму с белой рукописи. Но она была неполной. В конце каждой из песен были оставлены чистые листы (14, 14 об., 15, 15 об., 30 об., 31). Очевидно, сюда Пушкин собирался вписать еще не готовые примечания. Наверное и писал он их в Москве, на отдельных листах, пока тетрадь ПД 839 была в руках Погодина. Так как Погодин переписывал все песни подряд, то примечания к ним пришлось поместить в конце рукописи, а посвящение, предисловие и заключительные стихи также могли быть записаны на отдельных листах. Следует сказать, что во втором издании «Полтавы»¹⁰ предисловие было убрано.

История публикации «Полтавы» не до конца ясна. В Большом академическом издании указано, что печаталась поэма с белой рукописи в тетради ПД 839. Об этом можно судить и по пометам Плетнева. Рукой Плетнева отмечены печатные листы будущей книги: на л. 16 об. — значок Г₃, на л. 25 об. — Г₄, на л. 34 — Г₅, на л. 43 — Г₆. Кроме того, на л. 42 об. и 43 видим зачеркнутые строки, а на полях написано: «Не набирать этого» и «Тоже». Сделано это явно в расчете на наборщика. Но почему рядом с зачеркнутым текстом нужно было еще и словесное подтверждение? Ответ находим на л. 42 и 43 об. Здесь четко «проступили» линии вычерков с оборотов листов, создавая тем самым иллюзию зачеркнутого текста. Но эти (вроде бы тоже зачеркнутые) строки следовало набирать, поскольку пометы на полях нет. На рукописи нет и помет цензора — значит, в цензуре она не была; цензурная рукопись вообще не сохранилась. Погодин недвусмысленно пишет, что он снимает копию «для Государя». «С дозволения правительства», как отмечено на книге, и печаталась поэма. Но мелкий и нечеткий почерк Погодина заставил Н. В. Измайлова усомниться, что эта копия могла быть представлена царю.¹¹ Правда, делая копию для царя, Погодин мог постараться писать аккуратнее. А в типографию вместе с копией Погодина могла быть передана для наборщика и тетрадь Пушкина с пометами Плетнева.

Уезжая 12 марта 1830 г. снова в Москву, Пушкин берет с собой тетрадь ПД 839. Главная цель поездки — получить согласие Н. И. Гончаровой на брак с ее дочерью. В начале апреля согласие было получено, и 16 апреля Пушкин посылает Бенкендорфу известное письмо, в котором, выполняя просьбу будущей тещи, просит засвидетельствовать его «положение относительно правительства», так как «г-жа Гончарова боится отдать свою дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у Государя» (XIV, 77, 405; подлинник по-французски). В этом же письме он обращается к царю с просьбой разрешить ему печатать «Бориса Годунова». 28 апреля Бенкендорф отвечает Пушкину. Оба его желания удовлетворены. Ответ Пушкин получает 3 мая, так как

⁹ Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 92—93.

¹⁰ См.: Поэмы и повести Александра Пушкина. СПб., 1835. Ч. 2.

¹¹ См.: Измайлов Н. В. Пушкин в работе над «Полтавой». С. 111.

2 мая в письме к Вяземскому он не упоминает об этом разрешении, а 3 мая уже сообщает родителям и о своей будущей женитьбе, и о том, что царь разрешил ему печатать трагедию в том виде, в каком он сочтет нужным, и просит брата передать эту новость Плетневу (см.: XIV, 88, 409). Вслед за этим пишет и самому Плетневу.¹² В этом письме обращают на себя внимание слова: «Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне Ал(ександру) Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется неприлично? реши» (XIV, 89). Пушкин догадывался, что в 1826 г., когда трагедию запретили печатать, секретным цензором его был Булгарин. Догадывался потому, что некоторые сюжетные ходы «Бориса Годунова» были использованы в романе Булгарина «Иван Выжигин». Намекнуть на плагиат Булгарина Пушкин и хотел в своем предисловии. На вопросы Пушкина Плетнев ответил 21 мая. Упомянуть о «блудном сыне» Булгарина в предисловии он счел неуместным и посоветовал ему ввести в него «трактат о Шекспире», противопоставив Шекспиру «классиков-французов», и «вернуть» в трактат любимые его (Плетнева) идеи. Одна из них — объяснить, «зачем перед публикой позволять действующим лицам говорить непристойности». Ответ на это сам Плетнев дает такой: «Эти лица и не подозревают о публике, оне решительно одни» (XIV, 93). В набросках предисловия мы видим, что к советам Плетнева Пушкин прислушался. Он противопоставляет «народные законы драмы Шекспира», которыми он следовал в своей трагедии, «придворному обычаю трагедий Расина» и объясняет, почему должен был ввести в трагедию «шутки грубые, сцены простонародные». «Хорошо, — пишет он, — если поэт может их избежать, — поэту не должно быть площадным из доброй воли, — если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным» (XI, 141), т. е. поэт заставляет народ говорить языком ему свойственным, как будто, по словам Плетнева, «эти лица и не подозревают о публике». Нет здесь и упоминаний о Булгарине. Позднее о плагиате Булгарина Пушкин вспомнит в «Опровержении на критики».

Таким образом, наброски предисловия могли быть закончены не ранее, чем Пушкин получил письмо от Плетнева. Письмо из Петербурга в Москву шло дней 5-6. 27 мая Пушкин был в Полотняном Заводе, где навестил деда своей невесты Афанасия Николаевича Гончарова, а в Москву вернулся 28 мая (29 мая помечены его письма к Бенкендорфу и к Погодину). 28 мая прочитал он и пришедшее без него письмо Плетнева. Но, как мы видели из его письма к Плетневу, мысли о предисловии стали занимать его сразу после получения разрешения на издание трагедии, поэтому можно предположить, что, скорее всего, он, не дожидаясь ответа Плетнева, принялся набрасывать это предисловие, а закончил его, когда получил ответ. Таким образом, датировать наброски предисловия можно началом мая (после 3)—началом июня 1830 г. Мысли, которые могли пригодиться для предисловия, были набросаны Пушкиным еще в 1825 г., сразу после окончания трагедии, в письме к Николаю Раевскому (см.: XIII, 70—71). Почерк и чернила, которыми написаны наброски предисловия, показывают, что принимался за него Пушкин в несколько приемов. Наброски занимают л. 45—47 об.

Л. 45 начинается словами: «Комед(ия) о цар(е) Бо(рисе) и о Гри(шке) писана [была] написана в 1825 г(оду)» (правка не завершена. — Я. Л.) — и кончается словами: «по крайней мере труды мои были ревностны и добросовестны». На левом поле листа рисунок — мужской

¹² В Большом академическом издании это письмо датируется: «около (не позднее) 5 мая». 5 мая датирован почтовый штемпель на конверте. Мы видели, что 3 мая Пушкин еще не собирался сам писать Плетневу, а просил брата сообщить ему новость. Очевидно, письмо Плетневу написано на следующий день, 4 мая, или утром 5 мая, т. е. датировать его следует 4 или 5 мая.

профиль. На л. 45 об. наброски продолжают (судя по почерку, уже в другой день) с фразы: «[Находясь] в строгом (?) уединении, не смущаемый никаким постор(онним) влиянием, я мог ошибочно судить о вкусах чит(ающей) публ(ики)». Эта фраза зачеркнута Пушкиным, поэтому в фототипическом издании, где дано полистное описание тетради, она пропущена и начальной строкой там обозначено следующее предложение: «Долго не мог я решиться напечатать свою драму».¹³ На л. 46 наброски предисловия начинаются словами: «...не из презрения, но единственно...», на л. 46 об. — фразой: «Приступаю к некоторым частным объяснениям». «Частные объяснения» переходят на л. 47. Сверху л. 47 об. Пушкин записывает только конец последней фразы: «...нарекание в странности или бессмысленном подражании иностранцам». Далее после знака концовки — карандашный набросок женского портрета en face (возможно, это Н. Н. Гончарова).

Не решаясь продолжить предисловие без совета Плетнева, Пушкин перевернул тетрадь и начал заполнять ее с другого конца. Здесь уже были записаны перебеленные тексты стихотворений «Ямб» (ПД 103) и «Когда в объятия мои» (л. 70 об.). Поэт делает в них несколько поправок. Поправки эти — обычная для Пушкина неудовлетворенность, критическое отношение к форме своих произведений; поиски наиболее точных и выразительных образов и слов. Тем не менее чувство, вызвавшее стихотворение «Когда в объятия мои», ушло в прошлое, и, перевернув лист, он набрасывает карандашом на л. 70 очень черновые строки недоработанного стихотворного текста. Приводим его:

⟨Поверь: безумные) забавы
Души не трогают моей
И суета безумной славы
⟨пропуск⟩
Я полюбил
⟨пропуск⟩
И мир семей(ный)¹⁴
⟨Не упрекай меня), друг мой нежный.

Во всех изданиях, начиная с морозовского, набросок рассматривается как первый черновик стихотворения «Когда в объятия мои», а само стихотворение связывается с именем невесты поэта. Установленная В. Б. Сандомирской дата (1829 г.) исключает эту связь. Не подтверждают ее и исправления, внесенные в текст. Они никак не свидетельствуют о попытке переадресовать невесте стихотворение, ранее обращенное к другой женщине.

В. Б. Сандомирская высказала предположение, что это набросок нового стихотворения, которое не было продолжено и завершено. Ее мнение подкрепляют положение наброска в тетради на оборотной стороне листа после перебеленного текста (обычно смежные по времени тексты у Пушкина располагаются или рядом, или сперва идет первоначальный вариант, а перебеленный текст следует за ним), да и его содержание.

В основе этих двух стихотворений — разные психологические состояния, они фиксируют разные стадии любовных отношений. «Когда в объятия мои» — устоявшиеся любовные отношения («...речи нежные любви / Тебе с восторгом расточаю»), карандашный набросок — свежее, еще не ставшее привычным чувство («Я полюбил») и надежды на семейное счастье. В первом возлюбленная не упрекает поэта за его былые увлечения и его отречение от них — внутренний монолог-раскаяние. Карандашный набросок строится как ответ на упреки возлюбленной, поэт оправдывается перед ней («Не упрекай меня, друг нежный», «Поверь, безумные забавы / Души не трогают моей»). Если адресат первого сти-

¹³ Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 177.

¹⁴ В Большом академическом издании слово читается: «святой (?)»; чтение В. Б. Сандомирской представляется более правильным.

хотворения нам неизвестен, то второе можно, без сомнения, отнести к невесте поэта.

Все московские записи с этого конца тетради так или иначе связаны с предстоящей женитьбой. Стихотворный набросок не мог быть написан ранее, чем поэт получил согласие Н. И. Гончаровой на брак с ее дочерью. Согласие было получено около 5 апреля (может быть, накануне). Об этом мы узнаем из письма, которое 5 апреля Пушкин пишет Н. И. Гончаровой, излагая свои надежды на будущую семейную жизнь. Стихотворение «Поверь, безумные забавы» могло быть задумано не ранее 5 апреля и не позднее 12 мая (ближайшая дата в тексте на л. 68 тетради). Стихотворение не пошло далее двух едва намеченных строф; житейские дела, мысли о семейной жизни занимают поэта. 12 и 13 мая на л. 69 об.—66 он пишет отрывок «Участь моя решена. Я женюсь» — лирический монолог в прозе, в котором просвечивает реальная обстановка его помолвки. Чтобы скрыть автобиографичность наброска, Пушкин сверху, близко к краю листа, вписывает заголовок «С французского». Очевидно, под таким заголовком он собирался его печатать.

Дата «12 мая» поставлена на л. 68 внизу, после слов: «Вот моя холостая жизнь», дата «13 мая» — на л. 67, перед словами: «Отец вошел и вынес образ Николая Чудотворца». Л. 66 об. начинается со слов: «Все меня поздравляют, все радуются моему счастью...». Потом написанные фразы Пушкин зачеркивает, переносит их ниже черты, а до черты идет сравнение «тайны двух сердец», ставшей достоянием гласности, с поэмой, обдуманной в уединении, а затем вынесенной на суд читателей.

Рядом с текстом наброска — цифровые записи. На левом поле л. 69 зачеркнута запись:

$$\begin{array}{r} 5200 \\ 9300 \\ \hline 15\ 000 \end{array}$$

На левом поле л. 68 — зачеркнутый подсчет:

$$\begin{array}{r} 16\ 300 \\ 6200 \\ \hline 22\ 000 \end{array}$$

К этой сумме прибавляется еще одна, так густо зачеркнутая, что не поддается прочтению, а уточненную сумму от сложения двух чисел «22 500» Пушкин пишет выше и тоже зачеркивает. По-видимому, все эти подсчеты — результат картежных игр.

В один из дней, когда писался прозаический набросок (судя по почерку, 13 мая), на л. 70, под карандашным текстом начатого стихотворения, был записан план издания сочинений в пяти частях. Незадолго до этого Пушкин получил от Плетнева, ведавшего его издательскими и денежными делами, письмо с предложением издать свои сочинения. Письмо было написано 29 апреля, когда Плетнев еще не знал, что «Борис Годунов» разрешен.

План Пушкина истолкован в книге «Рукою Пушкина».¹⁵ В первом томе он собирался поместить «Руслана и Людмилу» и «Кавказского пленника» со своим предисловием ко всему изданию; второй должен был включать поэмы «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» и «Граф Нулин»; третий — «Полтаву» и «Евгения Онегина» (еще в девяти главах; обозначающие главы римские цифры помещены над планом); четвертый — «Трагедию с *Notami* с предисл.〈овием〉»; пятый — «Мелкие стихотворения» и «Разговор поэта». Следует сказать, что Пушкин, видимо, сразу же отказался от идеи пятитомного издания и распределил свои сочинения по четырем томам, объединив поэмы

¹⁵ См.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы. С. 184—185.

в одном томе. «Трагедия» — «Борис Годунов». «Ноты», т. е. примечания, и предисловие так и не были написаны. «Разговор книгопродавца с поэтом» он теперь относит к стихотворениям, и, действительно, первое отдельное издание «Онегина» в 1833 г. вышло уже без «Разговора». Около каждого из названий (справа) поставлено количество стихотворных строк (по-видимому, Пушкин подсчитывал свой гонорар), для простоты он, как обычно, округлял цифры, иногда ошибаясь. Так, в числе стихов «Полтавы» он приписал лишний ноль. Сложив 1500 стихов «Полтавы» с 4000 стихов «Евгения Онегина», он написал сумму этих слагаемых: 5500. В колонке слева над основной записью верхняя цифра (16 300) означает общее число стихов во всех пяти частях. Из нее вычитаются стихи, составляющие две первые части, но, опять допуская ошибку при подсчете, Пушкин вместо 5700 пишет 5800. Если от оставшихся 10 500 отнять сумму стихов, составляющих «Полтаву», «Онегина» и «Трагедию с *Notami*», то на «мелкие стихотворения» и «Разговор книгопродавца с поэтом» остается 2000 стихов.

Значение цифр, записанных в колонке слева от перечня названий (от 6 до 15), может быть объяснено в сравнении с каким-либо из составленных Пушкиным ранее и пронумерованных им списков стихотворений. По-видимому, он проставил здесь номера стихов из старого списка. Таким списком может быть перечень стихотворений, напечатанный в издании «Рукою Пушкина» под № 7 (ПД 95), который относится, как полагает Б. В. Томашевский, к концу мая—июню 1828 г.¹⁶ Почему два номера: 8 и 9 — объединены в один? Скорее всего, Пушкин объединил два стихотворения, посвященные одному и тому же человеку (в данном случае Н. М. Языкову), но ошибся в порядке номеров, так как послания Языкову стоят в этом списке с номерами не 8 и 9, а 9 и 10. Номеру 8 соответствует стихотворение «Прозаику».

Отрывок «Участь моя решена. Я женюсь» закончен на л. 66. Л. 65 об. занят черновым письмом к известному картежному игроку В. С. Огонь-Догановскому, где речь идет о векселе, выданном Пушкиным Догановскому. В это время Пушкин проигрался в Москве и ему срочно нужны были деньги. В нескольких письмах к Погодину с 15 мая по 12 июля он просит достать для него деньги под проценты. Очевидно, эти письма к Погодину и позволили датировать письма к Огонь-Догановскому маем—июнем 1830 г. (см.: XIV, 100). Положение в тетради дает возможность эту дату уточнить. На л. 64 об. находится письмо к невесте, написанное вскоре после того, как Пушкин съездил в Полотняный Завод и 27 мая вернулся в Москву (текст письма карандашом, с поправками чернилами). Письмо к Догановскому на л. 65 об., как и письмо к невесте, можно, таким образом, датировать концом мая—первыми числами июня.

Письмо вызвано стремлением уладить перед женитьбой свои денежные дела. Оно, очевидно, не было отправлено, упомянутых там 18 000 рублей Пушкин так и не нашел, и переговоры с Догановским он вел уже через Нащокина в 1831 г., из Царского Села. На одном развороте с письмом к невесте — ее поясной портрет и незаконченная женская фигура (л. 65). Здесь же еще одна запись, связанная с изданием сочинений. Сперва — запись чернилами, рядом карандашные поправки и дополнения. Почерк и чернила основы списка и поправок в тексте письма очень похожи, так что делались они, вероятно, сразу же, как только Пушкин стал перебеливать черновик письма. Список является копией, с поправками, списка, который мы видели на л. 70. В новом плане две части (III и IV) соединены в один (третий) том и проставлено число стихов у каждой из глав «Евгения Онегина». Как и ранее, Пушкин округляет число стихов. Он считает в главах первой и второй по 500 стихов, в главах с третьей по девятую — по 600 стихов. В действительности в главе первой было 756 стихов, во второй — 560, в третьей — 671,

¹⁶ См.: Там же. С. 179; *Томашевский Б. В.* Пушкин. Л., 1925. С. 112—114.

в четвертой — 601, в пятой — 588, в шестой — 602, в седьмой — 788 (восьмая напечатана не была), в девятой (ставшей в печатном тексте восьмой) — 774. При подсчете общего числа стихов в первом и втором томе Пушкин допускает ошибки (в первом томе вместо 5700 пишет 6400, во втором вместо 6600 пишет 6500).

К списку-плану на л. 65 Пушкин вернулся в 1831 г., после того как 29 августа 1831 г. была закончена обозначенная здесь «Сказка» (имеется в виду «Сказка о царе Салтане»), т. е., по-видимому, в сентябре—начале октября 1831 г., так как в «Евгении Онегине» он по-прежнему считает девять глав. В ноябре была разрешена в печать «последняя», по определению самого Пушкина, но уже не девятая, а восьмая глава «Евгения Онегина».

Дополнения к старому списку делались карандашом. Этот новый «карандашный» список (в сочетании с составленным ранее чернилами) основательно изучен и расшифрован в книге «Рукою Пушкина», где первоначальный чернильный список обозначен как № 12, а список с карандашными дополнениями — как № 13.¹⁷ Приведем выдержку из этой книги: «Список представляет собой проекты распределения произведений по четырем томам собрания. Отчеркивание первых четырех поэм в первом томе списка № 12 указывает, что только эти четыре произведения (у Пушкина они помечены: «Руслан, Кавк.(азский) Пле.(нник), Бра.(тъя) Разб.(ойники), Бахч.(исарайский фонтан)». — Я. Л.) остаются в первом томе. Второй том должны составить перечисленные в списке № 13: „Цыганы“, „Граф Нулин“, „Полтава“, „Октавы“, т. е. „Домик в Коломне“, оконченный в октябре 1830 г., и „Сказка“, то есть „Сказка о царе Салтане“. Третий том — „Евгений Онегин“, и четвертый том — „Трагедия“. Затем в четвертый том Пушкин решил включить: „Трагедию“, „Октавы“ и „Сцены“, то есть написанные в октябре—ноябре 1830 г. „Скупой рыцарь“, „Моцарт и Сальери“, „Каменный гость“ и „Пир во время чумы“. Но потом, видимо, он отказался от четвертого тома и оставил прежнее распределение списка № 12, лишь прибавив в первый том „Октавы“ и в третий том „Сцены“. Затем (...) проставил продажные цены отдельных изданий. (...) За „Бориса Годунова“ Пушкин поставил 15 р., тогда как продавалась трагедия по 10 р. Цифра „20“ при „мелких стихотворениях“ указывает на то, что Пушкин имел в виду две части „Стихотворений“, изданных в 1829 г. Из общего подсчета стоимости произведений, входящих во все три тома, видно, что цену за „Евгения Онегина“ Пушкин по-прежнему считает в 45 р., а за „Полтаву“ — 10 р. Число „45“ под списком произведений третьего тома означает предполагаемую цену за том, при включении в него и сцен.

Наконец, зачеркнутый подсчет внизу страницы является прикидкой стоимости всех произведений без „Евгения Онегина“.

Значение чисел наверху слева объяснить не можем».¹⁸

Следующие после письма к Наталье Николаевне и поправок к плану сочинений 1831 г. записи относятся уже к 1832 и 1833 гг. На л. 64 — программа статьи «О новейших романах» (запись карандашом). На левом поле листа мужской профиль, внизу черновик письма к А. И. Чернышеву от 9 февраля 1833 г., записанный верхом вниз по отношению к плану статьи. В письме Пушкин, сообщая, что он собирается заняться историей графа Суворова, просит позволения ознакомиться с некоторыми архивными документами, в числе которых называет и следственное дело

¹⁷ См.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы. С. 188—189.

¹⁸ Там же. С. 190. Возможно, это подсчеты гонорара или выручки от издания. Считая за том 45 р. (или 45 000 рублей при тираже 1000), Пушкин за два тома надеется получить 90 000 (пишет эту цифру ниже). По первоначальной прикидке третий том стоит 35 рублей, но поэт определяет его стоимость тоже в 45 рублей. Так появляется цифра 135 000, которую мы видим в столбике, где 45 умножаются на 2. Ниже зачеркнутая сумма 18 000. Это долг Огонь-Догановскому.

о Пугачеве. Упоминание об истории Суворова было, как известно, маскировкой для получения материалов о Пугачеве. Л. 63 аккуратно разрезан вдоль и на оставшейся половине л. 63 об. видим две заметки, которые обычно печатаются в составе «Заметок и афоризмов разных годов». Это «Дельвиг говаривал» и «Грамматика не предписывает законов языку». Обе заметки записаны карандашом вдоль корешка тетради. На л. 63 — также карандашом и также вдоль корешка — набросан почти стершийся черновик письма к секретарю Российской академии П. И. Соколову. Пушкин отвечает на запрос Соколова, согласен ли он отдать свой голос за сенатора Баранова. Заседание Российской академии, где было предложено голосовать за Баранова, состоялось 27 мая 1833 г. Очевидно, в тот же день или на следующий Соколов послал свой запрос Пушкину, на который поэт, конечно, сразу же ответил, — так что письмо его можно датировать концом мая (после 27) 1833 г. Поверх письма чернилами, уже сверху вниз, как и принято с этого конца тетради, записан черновик «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях», она продолжается на л. 62 об. и 62, далее «Сказка» прерывается написанным ранее черновиком так называемой «Повести из римской жизни» («Цезарь путешествовал»). Текст повести карандашный и занимает л. 61 об., 61 и две трети л. 60 об. На нижней части л. 60 об. продолжается запись «Сказки». Л. 60 занят черновиком письма к И. И. Дмитриеву. В письме Пушкин просит разрешения поместить в своей работе о Пугачеве воспоминания Дмитриева. После письма (оно записано карандашом) л. 59 об., 59, 58 об. заняты пейзажными (также карандашом) зарисовками, на л. 58 — «Сказка», а с л. 57 об. начинается черновик «Медного всадника». «Сказка» и «Медный всадник» писались уже в Болдине.

Что же и в каком порядке было написано в Петербурге? Полистное перечисление записанных в тетрадь текстов, начиная с 1831 г., не дает представления о порядке заполнения тетради. В 1831 г., собираясь готовить издание сочинений, Пушкин, как мы видели, вернулся к старому, записанному в 1830 г. на л. 65 плану и сделал в нем карандашные поправки. Ориентиром для даты служит включение в план «Сказки о царе Салтане».

Следующее обращение к тетради относится к 1832 г. и связано с намерением Пушкина издавать свою газету, которую он собирался назвать «Дневник». Мы знаем, что в начале июля 1832 г. Пушкин получил разрешение на издание газеты. С этого времени он стал активно приглашать к сотрудничеству близких ему литераторов. С газетой, несомненно, были связаны и его собственные творческие планы. В первой половине сентября он отправляет М. П. Погодину письмо, в котором в общих чертах представляет программу газеты, останавливаясь с большей подробностью на одном из своих замыслов: «Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Lamartine скучнее Юнга, а не имеет его глубины, что Béranger не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, т. е. истины, что романы A. Vigny хуже романов Загоскина; что их журналы невежды; что их критики почти не лучше наших Теле-скопских и графских. Я в душе уверен, что 19-й век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею Францию). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией» (XV, 29). Намеченные в письме мысли Пушкин стал набрасывать в записанном карандашом на л. 64 плане статьи «О новейших романах». Упоминаются здесь романы Жюль Жанена («Barnave», «Confession», «Femme guillotinée»), Эжена Сю, де Виньи, Гюго, Бальзака (вернее, напечатанный под его именем в 1832 г. сборник «Contes bruns», в котором были помещены только две его новеллы), повести Мюссе (сборник Поля Мюссе, брата поэта). Из русских писателей Пушкин называет Муравьева (А. Н.), Полевого, Свиньина и Карамзина. В плане есть и такая запись: «Поэзия французская — Byron». Возможно, в статье, как и в письме к Погодину, отправным моментом для Пушкина послуж-

жило бы рассуждение о французской литературе. Замысел статьи появился, очевидно, в одно время с письмом Погодину, т. е. до отъезда в Москву 17 сентября. План не был окончен и на оставшемся на л. 64 месте позднее были набросаны письмо к А. И. Чернышову и мужской портрет. На оставшейся от отрыва половине л. 63 об. Пушкин записывает две заметки «Дельви́г говаривал» и «Грамматика не предписывает законов языку». Они, очевидно, готовились для газеты. Жанр таких заметок уже был опробован Пушкиным в «Северных цветах на 1828 год». Написаны они могли быть одновременно с размышлениями Пушкина о задуманной статье, т. е. до отъезда в Москву или вскоре после возвращения в Петербург (3 октября он писал жене из Москвы, что собирается домой «на днях» — XV, 34). 21 октября датируется письмо помощника Бенкендорфа А. Н. Мордвинова, в котором Пушкину давалось понять, что любые распоряжения о газете до окончательного одобрения царем могут рассматриваться как проявление неблагонадежности (см.: XV, 35). После этого письма Пушкин понял, что издавать газету ему не придется и уже не продолжал начатые замыслы.

Вновь Пушкин стал делать записи в этой тетради уже в 1833 г. Петербургской записью (сделанной до отъезда в Болдино) представляется карандашный отрывок начатой повести «Цезарь путешествовал» (печатается под редакторским заглавием «Повесть из римской жизни»). Заканчивается текст в этой тетради фразой: «Слуга возвратился и повел нас в дом уже им выбранный — он находился в предместии города». Обычно начало работы над повестью датируют ноябрем 1833 г., т. е. полагают, что она была начата в Болдине. Отрывок повести занимает л. 61 об., 61 и верхнюю половину л. 60 об. В начале и конце отрывка к нему плотно примыкают строки «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях», чернильный черновик которой писался уже в Болдине. Л. 60 занят черновиком письма к И. И. Дмитриеву. Скорее всего, начало повести было написано по времени близко к этому письму. И повесть, и черновик письма писались карандашом и сходным почерком. Письмо к Дмитриеву появилось, когда л. 61 об., 61 и половина л. 60 об. были уже заняты повестью. Опасаясь, что письмо (а письмо к такому уважаемому адресату, как И. И. Дмитриев, требовало тщательной отделки) не поместится на половине листа, оставшегося от повести, Пушкин начал его на следующей странице, очевидно случайно перевернув тетрадь в исходное положение.

Л. 59 об., 59 и 58 об заняты пейзажными зарисовками. На каждой из них видим холмы на берегу реки. Рисунок на л. 59 об. изображает их с одной позиции рисовальщика, два других — с другой. На л. 58 об. поэт более тщательно прорабатывает пейзаж, который уже был изображен на л. 59, дополняет его фигуркой рыбака и плывущей лодкой. Впервые обратил на них внимание А. М. Эфрос, считавший, что Пушкин, уже будучи в Болдине, изображает, видимо по памяти, речной пейзаж, который он «мог видеть во время своего путешествия в Оренбург в летние месяцы 1833 года»,¹⁹ и что нарисованная река — Волга. Второй и третий рисунки он тоже считает зарисовкой Волги, воспоминание о которой возникло у Пушкина при составлении письма к И. И. Дмитриеву. Таким образом, и письмо к Дмитриеву Эфрос относит к болдинскому периоду. Второй раз эти рисунки были опубликованы Э. Ф. Карловой.²⁰ Она согласна с Эфросом, что рисунки делались по памяти и именно в Болдине в 1833 г., но считает, что изображение связано не с путешествием, а с воспоминанием о Тригорском и работой над «Сказкой о мертвой царевне и о семи богатырях», сюжет которой Пушкин слышал от Арины Родионовны еще в годы михайловской ссылки. Так же как и Эфрос,

¹⁹ Эфрос А. М. Рисунки поэта. Л., 1933. С. 343, 345.

²⁰ См.: Карлова Э. Ф. Тригорское в рисунках Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 124—128.

к осенним месяцам в Болдине относит она и набросок письма к Дмитриеву. На рисунках действительно изображены три горы. Три горы и барский дом с колоннами на одной из них — пейзаж, который вряд ли мог быть волжской зарисовкой. Примем за данность, что перед нами действительно пейзаж Тригорского. Волжские пейзажи Пушкин рисовал в так называемой дорожной записной книжке и, конечно, не доставал в пути больших тетрадей, взятых для работы в Болдине. Когда могли появиться в тетради эти рисунки? Тетрадь была у Пушкина в Болдине, рисунки действительно соседствуют со «Сказкой», но само их расположение свидетельствует, что, когда писалась «Сказка», они уже находились в тетради. Вспомним, что в этой тетради Пушкин работал осенью 1828 г., когда он жил в Малинниках и часто пешком наведывался в Павловское к П. А. Осиповой. «Я бы непременно пришел к вам, — писал он Осиповой 3 ноября 1828 г., — но ночь внезапно застала меня среди моих мечтаний. (...) Итак, до завтра, сударыня...» (XIII, 33, 391; подлинник по-французски). «Мечтания» — это работа над «Полтавой». Появившись в Малинниках в начале двадцатых чисел октября 1828 г., Пушкин еще застал осенний пейзаж, и, очевидно, именно в эти дни он, общаясь с Осиповой, нарисовал в тетради «горы» своей соседки в другом имении. В семье П. А. Осиповой Тригорское так и называли — «Горы». «Слава Богу (...) я возвращаюсь в свои горы», — читаем мы в письме Осиповой к Пушкину из Пскова (XV, 21, 313; подлинник по-французски). Итак, скорее всего рисунки делались по непосредственным впечатлениям от частых посещений Осиповой поздней осенью 1828 г. и по воспоминаниям о днях, проведенных в михайловской ссылке. Тогда тетрадь была раскрыта для зарисовок наугад, и рисунки оказались среди не заполненных текстом листов. Перебеленный текст «Полтавы», стихотворения «Поэт и толпа» («Ямб» — на вырванном позднее листе), «Когда в объятия мои» — все эти записи, так же как и рисунки, были сделаны в Малинниках. На одном развороте с первым рисунком на л. 60 — черновик письма к И. И. Дмитриеву. При первых публикациях писем Пушкина письмо это относили ко второй половине ноября 1833 г.²¹ В Большом академическом издании оно датировано (Н. В. Измайловым) мартом—апрелем 1833 г. (см.: XV, 259), в Малом академическом издании (Б. В. Томашевским) — концом мая—началом июня 1833 г.,²² т. е. оба этих издания относят письмо ко времени до отъезда Пушкина из Петербурга. Ближе к истине последняя датировка. Уточнить ее может то обстоятельство, что 8 июня Дмитриев приехал в Петербург и необходимость в отправке письма отпала. Так что написано оно было в начале (до 8) июня. Записки («Взгляд на мою жизнь») Дмитриева были к этому времени уже написаны, но еще не изданы, а из письма следует, что Пушкин знал их содержание и только просил разрешения использовать их в своем труде. Известно, что, еще будучи в Москве, он «заслушивался рассказов Дмитриева». Среди этих рассказов могли быть рассказы о Пугачеве, свидетелем казни которого был Дмитриев. Сведения, основанные на устных рассказах Дмитриева, вошли в «Историю Пугачева», но в «приложениях» к ней приведен уже отрывок из записок. Его Пушкин получил в декабре, когда рукопись в основном была закончена. Посредником между Дмитриевым и Пушкиным в декабре был Погодин. 8 декабря 1833 г. Погодин записал в дневнике: «К Дмитриеву за рукописью Пушкину, которая меня очень тревожит».²³

В очередной раз Пушкин обратился к тетради ПД 839 в Болдине. 17 августа он выехал из Петербурга. Поездка от Петербурга до Болдина

²¹ См.: *Пушкин. Переписка* / Под ред. В. И. Саитова. СПб., 1911. Т. 3. С. 60; *Пушкин. Письма* / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 660.

²² См.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 10 т. М.: Наука. 1965. Т. 10. С. 432.

²³ Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1916. Вып. 23—24. С. 119.

(через Павловское, Москву, Нижний Новгород, Казань, Оренбург) заняла два с половиной месяца, и только 1 октября он прибыл в Болдино, полный творческих планов.

Мы знаем, что в поездку Пушкин взял рабочие тетради ПД 838, ПД 839, ПД 842, ПД 845 и дорожную записную книжку ПД 844. В тетради ПД 839 было достаточно чистых листов для работы. Основной его корреспондент во время поездки и в Болдине — жена, ей он пишет о хозяйственных заботах, о настроении, о творческих планах. В последнем письме перед Болдином, из Оренбурга, от 19 сентября находим такие слова: «А уж чувствую, что дурь на меня находит — я и в коляске сочиняю, что ж будет в постеле?» (XV, 81). Следует отметить, что из множества написанных и бывших в процессе создания произведений Пушкин называет только «Историю Пугачева» (письма от 2, 8, 11 октября — см.: XV, 83—84, 85, 86). Об остальных пишет намеками и обобщенно: «привезу тебе пропасть всякой всячины» (11 октября), «недавно расписался и уже написал пропасть» (30 октября — XV, 89), «Я привезу тебе стихов много, но не разглашай этого, а то альманашники заедят меня» (6 ноября — XV, 93—94). Назойливость альманашников, возможно, и удерживала Пушкина от того, чтобы назвать что-либо из написанной им «всякой всячины». Письмо к Наталье Николаевне от 30 октября содержит сведения о распорядке его дня: «Просыпаюсь в 7 часов, пью кофей и лежу до 3-х часов. В 3 часа сажусь верхом, в 5 в ванну и потом обедаю картофелем да гречневой кашей. До 9 часов читаю. Вот тебе мой день и все на одно лицо» (XV, 89). Мы видим, что работал Пушкин интенсивно, иногда отступая от приведенного в письме графика. Так, в конце перебеленной в Болдине рукописи «Медного всадника» (первая беловая рукопись, называемая «Болдинский автограф») сделана помета: «31 октябр(я). 1833. Болдино. 5 ч. 5 (минут утра)».

С чего же началась в Болдине работа в тетради ПД 839? «В коляске» мог обдумываться «Медный всадник» — черновые рукописи показывают, что сюжет и композиция поэмы, начиная с Вступления, были еще не до конца продуманы. Подталкивал к работе над поэмой и взятый в дорогу четвертый том сочинений Мицкевича, где в одном из стихотворений, включенных в состав поэмы «Dziady» («Деды»), описывалось петербургское наводнение 1824 г., которое было стержнем сюжета поэмы Пушкина. В первые дни после приезда в Болдино Пушкин занялся обработкой привезенных из путешествия материалов для «Истории Пугачева». «Прости — оставляю тебя для Пугачева», — пишет он в первом письме жене из Болдина 2 октября (XV, 84). Но 6 октября уже помечено начало работы над Вступлением к поэме в тетради ПД 845 (л. 7 об.). За связным черновым текстом в этой тетради следует ряд отдельных набросков, относящихся к наводнению, затем еще на нескольких листах отрабатывается эпизод об Александре I и генералах и записано несколько отрывков из Вступления.

Работа над поэмой в тетради ПД 839 скрупулезно рассмотрена Н. В. Измайловым. Проследим ее, сообразуясь с его анализом. Черновик «Медного всадника» начинается на л. 57 об. (л. 58, после третьего рисунка, оставлен пока чистым). На л. 57 об. герой назван по имени — Евгений и здесь же определяется его социальное положение. Выбор имени героя Пушкин объясняет так: «...оно (имя) / Звучит приятно, с ним давно / Мое перо к тому же дружно...». Но, конечно, нельзя сказать, что выбор имени обусловлен лишь привычкой и благозвучностью. Для Пушкина важны не только два одинаковых имени (в «Онегине» и в поэме), но и две параллельные судьбы молодых дворян первой половины 1820-х г. Один — «повеса» и приятель Пушкина — мог оказаться на грани разорения, и укрепило его социальное положение неожиданно полученное наследство. Для другого благополучие родственников уже в далеком прошлом. В одном из черновых вариантов мелькнул намек на возможность иной судьбы Евгения «Медного всадника»: он «...не тужит /

Что дед его Великий муж / Имел 16 тысяч душ». Упоминание о благосостоянии деда Пушкин вычеркивает, оставляя только намек на родовитость героя. Имя его предков, «быть может, и блистало, / И под пером Карамзина / В родных преданиях звучало». Ход истории прервал связь героя со своей средой, обратил его в человека деклассированного, который «Дичится знатных и не тужит / Ни о почиющей родне, / Ни о забытой старине».

На л. 57 об. характеристика героя после двух зачеркнутых строк прервана. Пушкин возвращается к уже начатой в тетради ПД 845 картине наводнения. Верх страницы (л. 57) занимает картина хлынувшей на город Невы. Описание дается поэту с трудом, не все варианты поддаются прочтению, и только два последних стиха записываются без правки. Они настолько очевидны, что концы строк Пушкин заменяет волнистой чертой, и появляются они (с небольшой правкой) уже в первой белой рукописи. Вот как приблизительно намечены на л. 57 стихи, соответствующие ст. 184—189 поэмы:

Бежало все и скрылось вдруг —
[В широкий *(пропуск)* округ —]
[Навстречу ей] слились каналы
И захлебнулись подвалы
И всплыл Петрополь как *(тритон)*
По пояс *(в воду погружен)*.

После этих строк поставлена черта, а далее следует картина города, охваченного наводнением. Конечно, Пушкин читал и описания наводнения, которые печатались по свежим следам в журналах, и слышал рассказы очевидцев. Для тех горожан, кто смотрел на залитые водой городские улицы из окон верхних этажей, многое поначалу казалось забавным. Вот как описывает свое первое впечатление от наводнения А. Е. Измайлов в письме к П. Л. Яковлеву: «Сначала смеялись мы, глядя на проходящих вброд по пояс через улицу. Между прочим, видел я голые лядвня одной охтенки — видел, как мужики на плечах своих переносили людей благородных».²⁴ В первом варианте пушкинского описания видим: «И страх и смех — среди улиц челны». Из перебеленного текста все комическое убирается. Убираются и бытовые сравнения: «Как шапки сорванные кровли» заменяется на «Обломки хижин, бревны, кровли». Описание наводнения подается как народное бедствие. Поэтому «Запасы лакомой торговли» становятся неуместными и в беловом тексте на смену «лакомой торговле» приходит «запасливая торговля», уничтожение которой грозит голодом, а «Колеса дрожек городских» заменяют «Пожитки бледной нищеты».

На л. 56 об. Пушкин опять возвращается к социальному положению героя: «[Не знает он] О том, что в тереме забытом / [В пыли гниют его права]». Далее идут прямые реминисценции из начатой ранее и оставленной «сатирической поэмы» «Езерский». После строк: «Вас спесь боярская не гложет / И век вас верно просветил / Кто б ни был» — Пушкин ставит «etc», т. е. прямо отсылает к строфе VI «Езерского»: «Кто б ни был ваш родоначалник, / Мстислав Удалый, иль Ермак, / Или Митюшка целовальник, / Вам все равно...». Потом, как и в «Езерском», переходит к своей родословной и нападкам Булгарина на родовитость Пушкиных, немного меняя текст «Езерского»: «От этой слабости безвредной / Булг.(арин) отучить не мог / Меня (хоть был он очень строг)».

На л. 56 об. заканчиваются попытки вернуться к поэме «Езерский». Далее на л. 56 об., л. 56 и верхней части л. 55 об. идет трудный, отражающий напряженную работу, черновик сцены, замыкающей часть первую

²⁴ Цит. по: Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1978. Т. 8. С. 162.

поэмы: Евгений сидит «на звере мраморном верхом», и его «испуганные взоры» устремлены «на край один». На этих листах не выдерживаются даже колонки записей, на одном и том же листе записи иногда начинаются в две колонки, потом переходят в одну, потом снова раздваиваются. На л. 55 об. сверху читаются строки, которые, очевидно, мыслились как заключение части первой:

Вдова и дочь — его [Параша]
Его мечта — или во сне —
Он видит гибель... иль и наша
Вся жизнь ничто — как [сон] пустой
Насмешка неба над землей.

Под последней строкой — размашистый росчерк, знак концовки и дата «30 окт.» Такие росчерки Пушкин ставил или в конце произведения, или в конце какой-либо его части. На следующий день или, может быть, в тот же день, позднее, на л. 55—54 об. в конце части первой появляется «кумир на бронзовом коне» — антипод героя. Появление Петра-памятника отрабатывается очень тщательно. Можно выделить пять вариантов его описания: он стоит и в «ужасной тишине», и в «грозной тишине», и в «неколебимой тишине». В последнем слое правки окружающая памятник «тишина» «полуразрушенной» столицы сменяется «неколебимой [вышиной]» самого памятника. «Кумир» словно бы уравнивается со «строителем чудотворным» Вступления.

Строки о памятнике пишутся не подряд. Сперва на л. 55—54 об. появляется новая концовка главы (отличная от окончательного текста):

Над потопленною скалою —
Сидит на бронзовом коне
Неве мятежной — в тишине
Грозя недвижною рукою.

После этих строк снова росчерк, а потом пишутся предшествующие строки о Евгении и его первой встрече с «кумиром на бронзовом коне»:

Сойти не может — вокруг него
Вода и больше ничего.
И обращен к нему [спиною]
В неколебимой [вышине]
Стоит [с простертою рукою]
Кумир на бронзовом коне.

Далее на л. 54 об.—49 продолжается уже в две колонки очень черновой текст поэмы, свидетельствующий о творческом подъеме, строки записаны бегло, слова не дописаны и часто едва намечены. И только на л. 53 об., 52 об. текст записан в одной левой колонке, иногда с поправками в правой половине листа. Л. 51 об. и 51 заполнены не до конца. Начала части второй (ст. 260—290) в черновой рукописи нет. Л. 54 об. начинается прямо с эпизода переправы Евгения (ст. 91 и след. окончательного текста); одновременно в процессе работы над правой колонкой записан план оставшейся части поэмы. План этот никак графически не выделен и сливается со стихами поэмы. Этот необычайно трудно читающийся текст разобран Н. В. Измайловым. Вот как он им прочитан:

[Пустое место]
[На другой день все в пор(ядке)]
Сумасшедший
Конь (?)
[Холодный ветер] [до(ждь) (?)]
Петр(овский) (?) па(мятник) (?)
Остров.

Ниже плана росчерк, похожий на лодку. Характеристика дальнейших записей емко дана Измайловым: «Далее записи идут в виде коротких от-

рывков, даже отдельных слов без строгой последовательности; часты случаи повторений и возвращений к уже написанным словам; подобный характер записей усиливается особенно к концу поэмы. Этот черновик — один из тех, какие более всего заслуживают определение, когда-то найденное Б. В. Томашевским: „Стенограмма творческого процесса”.²⁵

Черновой автограф набросков, соответствующих ст. 390—455 окончательного текста, занимает пять неполных страниц тетради — это отмечено Измайловым. При этом отдельные отрывки обрабатываются с особой тщательностью. Так, например, угроза Евгения, обращенная к памятнику:

Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе! —

повторена на двух листах — 51 и 50 об., пять раз с незначительными вариантами, где только один раз Петр назван не «строитель чудотворный», а «строитель Петрограда». Черновой текст этой части поэмы не поддается полному прочтению, многие слова и строки помечены значками, которые могли быть понятны только самому Пушкину, да и то лишь тогда, когда весь текст поэмы в уме был уже сложен. По этой особенности чернового текста можно судить о темпе работы над поэмой. Начата она была, как мы видели в тетради ПД 845, 6 октября. Очевидно, параллельно с созданием чернового текста шло и перебеливание рукописи. 29 октября было перебелено Вступление (эта дата стоит после Вступления в перебеленной рукописи), 30 октября была вчерне закончена часть первая (в тетради ПД 839), а в ночь с 31 октября на 1 ноября, в 5 часов пять минут, была закончена первая беловая рукопись (ПД 964). Значит, на черновой набросок части второй и перебеливание двух частей у Пушкина ушло около двух суток. Неудивительно, что он не тратил времени на черновую отработку всех стихов поэмы, это были часы вдохновения, о которых в ту же болдинскую осень 1833 г. Пушкин написал в стихотворении «Осень»:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге.
Минута — и стихи свободно потекут.

«Осень» писалась не в один присест. В конце строфы V стоит дата «19 октября», а окончание стихотворения Н. В. Измайлов относит к концу октября.²⁶ Скорее всего, его можно датировать началом ноября и последние строфы пришли, когда с необыкновенным творческим подъемом Пушкин закончил свою «Петербургскую повесть». О необычайной даже для Пушкина скорости (немного лукавя, он убеждал читателей, что «Полтаву» он написал «в несколько дней» — XI, 160) свидетельствуют и три стиха перебеленного текста, которые остались без рифм: это ст. 183, 331 и 364. Первый случай перешел из тетради ПД 845, когда в цензурной рукописи стих «На город кинулась. Пред нею» остался без рифмы. Два других относятся уже к тетради ПД 839. Ст. 331 «И не нашел уже следов» не рифмуется ни с одним стихом (ни в черновике, ни в белой рукописи), также нет и стиха, который бы рифмовался со ст. 364 «А спал на пристани; питался».²⁷

Закончив переписку поэмы в ночь на 1 ноября, Пушкин, очевидно, сразу же приступил к «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях».

²⁵ Измайлов Н. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения // Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978 (Лит. памятники). С. 211. Весь черновой текст поэмы (с указанием каждого листа тетради по жандармской нумерации) виртуозно разобран Н. В. Измайловым (см. с. 45—62 указ. соч.).

²⁶ См.: Измайлов Н. В. Осень // Стихотворения Пушкина 1820-х—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 228.

²⁷ Эти три случая отмечены Н. В. Измайловым (см.: Измайлов Н. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения. С. 213—214).

В левой колонке на л. 49 заканчивается черновик «Медного всадника», а в правой колонке на том же листе начинается черновой текст «Сказки», вернее, второй ее половины, со ст. 297—298 «Раз царевна молодая / Милых братьев поджидая». Черновик начала «Сказки» не сохранился. Первые восемь строк на л. 49 написаны почти без правки, с сокращением только одного слова: «бра(тьев)», как будто зачин этой части «Сказки» был переписан с другого листа. Закончена и переписана набело «Сказка» была, судя по помете Пушкина в конце белового текста, 4 ноября 1833 г. Трудно сказать, когда и где она была начата. Может быть, на отдельных листочках бумаги «в коляске» по дороге из Оренбурга в Болдино. Во всяком случае можно предположить, что замысел «Сказки» возник во время поездки. 21 августа, заехав в Павловское по дороге в Ярополец, Пушкин пишет жене письмо, в котором находим так часто цитируемые слова: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою я люблю еще более твоего лица» (XV, 73). Л. Б. Модзалевский отметил, что слова эти «указывают на то, что „Сказка о мертвой царевне“, написанная в Болдине 4 ноября 1833 г. (почти через два месяца после этого письма), уже задумывалась Пушкиным».²⁸ Действительно, в связи с пребыванием в Павловском и Малинниках, воспоминаниями о тех, кто скрашивал его годы в ссылке, в том числе и об Арине Родионовне, у Пушкина могла возникнуть мысль о некогда записанной с ее слов сказке. Иначе вопрос о зеркале (а сомневаться в том, что жена часто смотрелась в него, не приходилось) был бы необъясним.

Как же записывалась вторая половина «Сказки»? Заполнив колонку на л. 49, Пушкин переходит на л. 48 об. и 48. «Сказка» идет с обычной для Пушкина правкой, не меняющей фабулу. Она настолько продумана и даже сочинена Пушкиным, что многие строки он обозначает только начальными словами или просто волнистой чертой, а многие пропускает (в Большом академическом издании эти пропуски восполнены иногда по беловому тексту в угловых скобках, а иногда дописываются без скобок).

На л. 48 об. «Сказка» записывается в двух колонках. Левая колонка начинается со стиха «...и хлеб взяла», правая — со ст. 339—340 «И с царевной на крыльцо / Пес бежит и ей в лицо». Внизу правой колонки нарисована голова собаки. Переворачивая лист, Пушкин заполняет его также в две колонки. Левая колонка на л. 48 начинается со стиха «Под окно тихо(нько) села», соответствующего ст. 349 окончательного текста, правая — со ст. 371 «Брать(я) в ту пору домой». В середине правой колонки отрабатывается описание яблока до стиха «К алым губкам поднесла». Но отработанные стихи Пушкин зачеркивает. Закончив колонку стихом «Смертью чудной сражена», Пушкин не мог продолжать писать в том же положении тетради. Л. 47 об. был занят еще четыре года тому назад. Здесь был записан конец прозаического наброска «Участь моя решена. Я женюсь» и нарисована головка невесты. Поэтому он продолжает «Сказку» в обратном направлении тетради на оставшихся свободными или не заполненными до конца листах. Первым таким свободным листом был л. 58 (между рисунком на л. 58 об. и «Медным всадником» на л. 57 об.). Левая колонка начинается на этом листе со стиха («И над милою с(естрой)»), соответствующего ст. 407 «Сказки», и текст продолжается до стиха «Было ядом знать оно». Ниже вновь с поправками дописано несколько строчек о проглотившем яблоко «псе», а еще ниже — последняя черновая редакция стихов «Перед мертвою сестрой ~ Что лишь только не дышала» (ст. 385—394 окончательного текста); в правой колонке на л. 58 продолжают размышления братьев (до ст. 408 «Сотворив поклон земной»). Далее в том же направлении писать было нельзя, так как л. 58 об., 59, 59 об. были заняты рисунками, а на л. 60 был набросан

²⁸ Пушкин. Письма. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 604.

черновик письма к И. И. Дмитриеву. За ним следовало тоже написанное еще в Петербурге начало «Повести из римской жизни» (две трети л. 60 об., 61, 61 об.). Пушкин пропускает все эти листы и начинает заполнять л. 62 об. (рассчитывая, вероятно, что на обороте листа закончит «Сказку»). Л. 62 об. тоже заполняется в две колонки. В левой колонке — сетования братьев (от ст. 409 «Старший молвил: „Спи во гробе”»). Потом чертами отделен набросок эпизода с мачехой и зеркалом (стихи эти, уже частично вошедшие в «Сказку», только намечены, не дописаны до конца). В этой же колонке появляется королевич Елисей и набрасывается эпизод его встречи с солнцем. Правая колонка начинается со стиха «Я жених ее — Свет мой», соответствующего ст. 464 текста «Сказки», затем следует беседа с месяцем. Записи переходят на л. 62. В левой колонке продолжается разговор с месяцем (со ст. 465 «Отвечает месяц ясный»). Текст пишется в один прием до стиха «[Ты к нему] — Прощай», соответствующего ст. 476 «Сказки». Далее после черты пишется новый набросок беседы с месяцем. Выделено и подчеркнуто слово «Королевич», а затем намечены стихи «Звезды смотрят на тебя / Твой (*пропуск*) любя» (судя по тому, что слово «тебя» повторяется как начало строки еще раз, строку Пушкин намеревался переставить выше). Экономя место, Пушкин поворачивает тетрадь и начало обращения королевича к месяцу пишет от середины листа к его левому краю (последнюю строчку «Аль откажешь мне в ответе» обозначает одной волнистой чертой). Затем со ст. 489 «Отвечает ветер буйный» начинает правую колонку. Последний поместившийся на л. 62 стих — это ст. 507 «Под горою темный вход». «Сказка» не кончилась, и Пушкин снова ищет свободное место. Ближайшим к написанному тексту (если листать тетрадь в том направлении, как заполнялись л. 62 об. и 62) оказалась незаполненная треть л. 60 об., где заканчивался отрывок «Повести из римской жизни». Пушкин заполняет это место, записывая одну колонку «Сказки» от края листа к корешку. На л. 60 об. «Сказка» начинается со ст. 513 «И о гроб царевны милой». Ст. 509—512 «Перед ним, во мгле печальной, / Гроб качается хрустальный, / И в хрустальном гробе том / Спит царевна вечным сном» в черновике нет. Далее на этом листе Пушкин ставит три знака отбивки: после ст. 520 «Как же долго я спала!», после ст. 522 «Ах и зарыдали оба» и после ст. 528 «Дочка царская жива!». Но это еще не конец «Сказки», и, переверачивая листы в обратном направлении, Пушкин находит половину л. 63, где карандашом был записан черновик письма к П. И. Соколову. Поверх этого черновика Пушкин записывает конец «Сказки». Пишет его скорописью, иногда одними волнистыми линиями вместо слов. Так была сделана последняя запись в тетради. Над черновиком «Сказки» Пушкин начал работать сразу после того, как был закончен «Медный всадник», т. е. 1—3 ноября. 4 ноября помечена уже белая рукопись.

Еще несколько слов о письмах в тетради. Тетрадь ПД 839, может быть, единственная тетрадь, где даты писем не всегда могут служить ориентиром для датировки других текстов. Черновики писем набрасывались на случайно оставшихся чистыми частях листов. Письмо к П. И. Соколову, написанное в конце мая 1833 г., соседствует с заметками, относящимися к лету или началу осени 1832 г., письмо к А. И. Чернышеву от 9 февраля 1833 г. также записано на одном листе с текстом плана статьи о новейших романах, который Пушкин набрасывал в 1832 г.

Напомним еще раз порядок (и соответственно хронологию), в котором заполнялась тетрадь ПД 839.

1828

«Поэт и толпа» («Ямб») — конец октября—начало (до 4) декабря.

«Покойник, автор сухощавый» — конец октября—начало (до 4) декабря.

«Когда в объятия мои» — конец октября—начало (до 4) декабря.
«Полтава» (без эпитафии, предисловия, посвящения и примечаний) — вторая половина ноября.

1830

«Поверь, безумные забавы» — апрель (после 5)—май (до 12).
Наброски предисловия к «Борису Годунову» — начало мая (после 3)—начало июня.
«Участь моя решена. Я женюсь» — 12—13 мая.
План собрания сочинений — 13 мая.
Письмо к В. С. Огонь-Догановскому — конец мая—первые числа июня.
Письмо к Н. Н. Гончаровой — конец мая—первые числа июня.
План собрания сочинений — конец мая—первые числа июня.

1831

Карандашные поправки и дополнения к плану собрания сочинений — сентябрь—начало октября.

1832

«О новейших романах» — июль—октябрь (до 22).
«Дельвиг говаривал» — июль—октябрь (до 22).
«Грамматика не предписывает законов языку» — июль—октябрь (до 22).

1833

Письмо к А. И. Чернышеву — 9 февраля.
Письмо к П. И. Соколову — конец мая (после 27).
Письмо к И. И. Дмитриеву — начало (до 8) июня.
«Повесть из римской жизни» («Цезарь путешествовал») — начало (до 8) июня.
«Медный всадник» — 6 октября—1 ноября.
«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» — 1—4 ноября.

С. В. БЕРЕЗКИНА

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ПУШКИНА ПД 840
(ИСТОРИЯ ЗАПОЛНЕНИЯ)

Записная книжка ПД 840 (по прежнему шифру: ПБЛ 43) поступила в петербургскую Императорскую публичную библиотеку в составе архива А. А. Краевского в 1889 г. К Краевскому она попала в 1837 г., когда он, разбирая бумаги убитого поэта, оставил у себя некоторые его рукописи, в том числе две записные книжки. Вновь поступившая тетрадь была описана И. А. Бычковым.¹ На задней крышке переплета он сделал запись: «С одной стороны четырнадцать (14) и еще крохотный обрывок после л. 7 (л. 7а), а с другой стороны девятнадцать (19) листов. Библ. И. Бычков». Здесь дан подсчет листов с пушкинскими автографами, которые располагаются с двух сторон тетради. Объем записной книжки был использован Пушкиным лишь на одну треть, середина ее осталась чистой.

Ниже записи Бычкова — шифр: $\frac{\text{Инв. № 790}}{\text{Кн. п. № 4976}}$. Новое описание тетради

было сделано Л. Б. Модзалевским (1929),² а затем М. Н. Виролайнен.³

Записная книжка ПД 840 представляет собой тетрадь в картонном оклеенном коричневой мраморной бумагой переплете в восьмую долю листа (159 × 100 мм). Бумага без водяного знака, плотная, желтоватого оттенка, с охристым, едва заметным обрезом. Сейчас в тетради 102 листа. По подсчетам М. Н. Виролайнен, из нее вырвано не менее 8 листов. Листы записной книжки нумеровались четыре раза, при этом жандармской и опекунской нумерации в ней нет. Публикация автографов из ПД 840 в томах III и V Большого академического собрания сочинений Пушкина опиралась на различные нумерации даже в том случае, когда это осуществлялось одним и тем же исследователем. Дважды, О. С. Соловьевой⁴ и М. Н. Виролайнен,⁵ предпринимались попытки объяснения путаницы с номерами листов в записной книжке ПД 840, тем не менее это нужно сделать еще раз. Первым пронумеровал в ней выборочно листы И. А. Бычков. Он начал отсчет с передней крышки переплета, пропустив при этом л. 1 с небольшой пометой биографического характера (Бычкова, по-видимому, интересовали только стихи и объемные учебные записи). С этой стороны он поставил чернилами цифры на л. 8, 9 и 12;

¹ См.: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 51—56.

² См.: Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде / Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929. С. 24—26.

³ См.: *Пушкин А. С. Рабочие тетради*. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 182—187.

⁴ См.: *Соловьева О. С. «Езерский» и «Медный всадник»: История текста // Пушкин: Исследования и материалы*. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 273.

⁵ См.: *Пушкин А. С. Рабочие тетради*. Т. 1. С. 182.

из-за пропуска л. 1 это оказались номера «7», «8» и «11» соответственно. Вторую часть тетради, заполнявшуюся Пушкиным в перевернутом положении от ее задней крышки, Бычков пронумеровал в том же, что и у поэта, направлении и вновь выборочно: это цифры «18» и «19» на л. 83 об. и 81 об. (указанной нумерации соответствует описание ПД 840, данное Бычковым в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1889 год», — см. сноску 1). Л. Б. Модзалевский пользовался уже другой нумерацией, большей частью карандашной, проставленной в нижних углах страниц. Она была сделана как исправление более ранней записи, отличие которой состоит в том, что автор этой нумерации отметил цифрами «8» и «9» корешки, оставшиеся от вырванных листов (это л. 7а и 7б между л. 7 и 8). Расхождение двух нижних нумераций составляет, таким образом, два листа. Цифры внизу исправлялись и карандашом (порой даже с помощью ластика, который употреблять в таких архивных операциях не принято, — см. л. 80), и чернилами. Это было сделано не везде. Остались неисправленными цифры на л. 17, 65—79 и др. Несмотря на неупорядоченность этой нумерации, О. С. Соловьева настаивала на необходимости использования в научной работе именно ее.⁶ Впоследствии, однако, записная книжка была пронумерована, по-видимому ею же, еще раз: это архивная пагинация в верхнем углу листов, цифры обведены кружком. Ею мы и будем пользоваться.⁷

Часть листов (2—4, 5—7 об., 9 об., 12 об.—14 — это стихотворные автографы) имеет значок карандашом «NB», который, возможно, был поставлен рукой Краевского.

Считается, что записной книжкой ПД 840 Пушкин пользовался в 1828—1835 гг. (эта датировка приведена и в факсимильном издании рабочих тетрадей поэта). Л. Б. Модзалевский указывал на 1828—1833 гг.;⁸ верхнюю границу датировки удалось сдвинуть к 1835 г. благодаря изданию «Рукою Пушкина», в котором были проанализированы многие из автографов записной книжки ПД 840 (см. об этом ниже). В настоящий момент в составе записной книжки выявлен автограф, который может быть датирован только 1836 г. Таким образом, время работы Пушкина в записной книжке ПД 840 охватывает более широкий, нежели предполагалось ранее, период — 1828—1836 гг.

Первую по времени запись в тетради Пушкин сделал на л. 2, пропустив первый ее лист (впоследствии на нем появилась небольшая запись, о которой речь пойдет ниже), — это беловик строфы XXI главы седьмой «Евгения Онегина». Возможно, впрочем, что в тетради были и более ранние автографы, до нас не дошедшие. По верному замечанию М. Н. Виротайнен, между л. 1 и 2 вырвано не менее четырех листов.⁹ Можно предположить, что на них находились беловики строф, предшествующих строфе XXI. Они не сохранились, и публикация в Большом академическом собрании сочинений Пушкина беловой рукописи главы седьмой «Онегина» начинается именно со строфы XXI из записной книжки ПД 840.

Строфу XXI, рассказывающую о знакомстве Татьяны с кабинетом Онегина, Пушкин переписал набело из тетради ПД 838 (л. 8). Речь здесь идет о книгах Онегина. В процессе работы над текстом ПД 838 у Пушкина дважды промелькнул вариант строфы, который можно связать с мыслью о дневнике героя: «Потом взялась она за книги / Но тут ее остановил» (VI, 429—430). Этот вариант был поэтом отвергнут, и беловик

⁶ См.: Соловьева О. С. «Езерский» и «Медный всадник»: История текста. С. 273.

⁷ М. Н. Виротайнен полагает, что сбой в нумерации листов ПД 840 был связан с существованием двух незакрепленных листов с автографами Пушкина, которые впоследствии из записной книжки исчезли (см.: Пушкин А. С. Рабочие тетради. Т. 1. С. 182). Едва ли это предположение справедливо.

⁸ См.: Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. С. 24.

⁹ См.: Пушкин А. С. Рабочие тетради. Т. 1. С. 182.

строфы XXI в записной книжке ПД 840 в первоначальной редакции говорил только о книгах Евгения.

Строфу XXI в ПД 840 Пушкин правил дважды. Первый слой исправлений был сделан им сразу же после записи, теми же рыжеватыми чернилами. Пушкин отверг мысль о книгах и остановился на альбоме, способном раскрыть перед Татьяной душу ее избранника:

Сперва ей было не до книг
И вдруг открылся между их
Альбом и чтенью предала(ся).

Этот слой записи «рассыпан» в подстрочных вариантах Большого академического издания, поэтому здесь он приведен нами полностью.

Переключение внимания Татьяны на альбом определило дальнейшую работу Пушкина над черновым текстом главы седьмой, которая, по-видимому, была вновь перенесена поэтом в тетрадь ПД 838 (л. 8 об.—11). Создавая здесь черновой текст строфы XXIa (описание внешнего вида «Альбома Онегина»), Пушкин ориентировался на беловик предшествующей строфы в ПД 840. Именно поэтому в строфе XXIa из тетради ПД 838 нет слова «альбом» (оно промелькнуло лишь в одном отвергнутом Пушкиным варианте) — поэт указывает на находку Татьяны с помощью местоимения «он» («Он был исписан, изрисован»). При публикации в Большом академическом издании черновых материалов тетради ПД 838 (строфы XXI—XXIa) не было учтено промежуточное положение правки в беловике строфы XXI из записной книжки ПД 840 (оно могло бы быть отмечено в виде примечания к черновому автографу следующих за ней строк). Это внесло несообразность в черновой текст главы седьмой «Евгения Онегина», напечатанный в Большом академическом издании: строфа XXI говорит в нем о книгах, а XXIa, следующая за ней, — об альбоме, при этом он даже не называется (VI, 429—431).¹⁰ В. Б. Сандомирская в своем описании тетради ПД 838 попыталась дать такое объяснение «неувязке» в черновом тексте главы седьмой. По ее мнению, черновик строфы XXIa (л. 8 об.) и «Альбома Онегина» (л. 8 об.—11) был написан ранее сюжетно предшествующих строк XIV—XXI на л. 6 об.—8 (некоторое время они, по предположению исследовательницы, могли оставаться пробельными).¹¹ Однако вероятнее всего, что этой перестановки не было. Имела место лишь какая-то пауза в работе Пушкина, разделившая карандашные автографы на л. 6 об.—8 и чернильные на л. 8 об.—11, а между ними, определив дальнейшее течение сюжета главы седьмой, «вклинился» исправленный беловик строфы XXI из записной книжки ПД 840. Этот беловой автограф можно датировать по черновику строк XIV—XXI из тетради ПД 838, которые В. Б. Сандомирская отнесла к концу февраля 1828 г.¹²

Следующее обращение к записной книжке ПД 840 также было связано с переписыванием набело онегинских черновых текстов из ПД 838. На л. 2 об. Пушкин перебелил (с небольшими исправлениями) строфу XXIa, на л. 3—7 об. — «Альбом Онегина». Беловик «Альбома Онегина» в записной книжке ПД 840 не был дописан до конца. Цифрой «11» отмечен в нем последний отрывок (л. 7), вслед за которым (на обороте листа) почему-то стоит «13» (в Большом академическом издании эта цифра не приведена). Тринадцатого отрывка в «Альбоме Онегина» нет, значит, какая-то часть задуманного Пушкиным текста осталась вне рамок беловика. Интересно отметить, что он почти не содержит каких-либо неизвестных по черновому тексту «Альбома Онегина» в ПД 838 фрагментов. Исключение составляет лишь отрывок 10, отмеченный в запис-

¹⁰ Та же сюжетная «неувязка» обнаруживается в публикации беловой рукописи главы седьмой: VI, 613—614.

¹¹ См.: Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД, № 838): История заполнения // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 241.

¹² См.: Там же.

ной книжке ПД 840 следующим образом: « — — — я вас люблю etc.» (л. 7). Б. В. Томашевский полагал, что здесь имелась в виду написанная Пушкиным ранее для главы третьей романа строфа XXVII беловой редакции «Но вы, кокетки записные» (VI, 581).¹³ При этом строфа, вероятнее всего, должна была иметь другую редакцию, поскольку ни в черновом, ни в беловом тексте «Альбома Онегина» нет ни одного отрывка в форме онегинской строфы. Наиболее близок к ней отрывок 9, но и у него есть отличительная особенность — иная схема рифмовки. Свобода формы альбомных отрывков, несомненно, входила в замысел автора, стремившегося с помощью своего рода стиховых инкрустаций (письмо Татьяны, песня девушек) разнообразить гладкое течение онегинских строф.

В беловой текст «Альбома Онегина» не вошел ряд весьма удачных фрагментов его черновика. Трудно сказать, было ли это следствием сознательных сокращений или же автор просто не успел вписать их в беловую рукопись до того момента, когда работа над «Альбомом Онегина» была прекращена. Р. В. Иезуитова справедливо заметила о судьбе этого оставленного Пушкиным сюжетного ответвления романа: «„Альбом” был исключен из романа по соображениям не только этического, но и чисто художественного свойства. Слишком очевидными и откровенными были его биографические реалии, слишком значителен был временной разрыв, отделяющий светского повесу первой главы от задумавшегося, трагически настроенного Онегина финала романа».¹⁴ Решив оставить дневник Онегина, Пушкин отчеркнул цифру «13» на л. 7 об. и здесь же, но другими чернилами (видимо, спустя какое-то время) начал писать начерно строфу XXV (номер не проставлен), которая, по нашему мнению, ошибочно включена в Большом академическом издании в число беловиков: «Часы бегут — она забыла / Что дома ждут ее давно —» (VI, 617). Затем, вернувшись на л. 2, Пушкин еще раз правит этими же темными чернилами по ранней рыжеватой записи строфу XXI: «[Хотя] Сперва ей было не до книг / [Но] показался выбор их» (VI, 613). После этого на л. 2 об. поэт в задумчивости рисует симметричные линии по сторонам косога креста, аккуратно перечеркнувшего строфу XXIa с описанием внешнего вида альбома. Однако и этот крест еще не был свидетельством окончательности принятого автором решения, поскольку сам его текст Пушкин оставил незачеркнутым. Затем в работе над романом была сделана длительная пауза (два-три месяца), которую мы связываем с раздумьем поэта, не решавшегося расстаться со столь привлекательным для него поворотом сюжета, как раскрытие перед читателем дневника Онегина. Он предоставлял богатые возможности для углубления образа главного героя, и Пушкин, оценив сделанную работу как не вполне удачную, видимо, не исключал, что он еще вернется к доработке дневника.

Пушкин продолжил работу над главой седьмой романа в тетради ПД 838. На л. 18 он записал черновую редакцию строфы XXII, которую на основании описания В. Б. Сандомирской можно датировать концом июня 1828 г.¹⁵ В ней речь идет о знакомстве Татьяны с книгами Онегина, причем упоминаний об альбоме здесь нет, и Пушкин как бы «вызнет» в перечислении составлявших библиотеку героя авторов (VI, 438). За этой редакцией явилась другая, написанная Пушкиным уже по иному плану: поэт назвал в ней лишь несколько наиболее любимых Онегиным

¹³ На эту строфу указано в издании: *Гофман М. Л.* Пропущенные строфы «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1922. Вып. 33—35. С. 181—182. См. об этом также: *Иезуитова Р. В.* «Альбом Онегина»: (Материалы к творческой истории) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 27.

¹⁴ *Иезуитова Р. В.* «Альбом Онегина»: (Материалы к творческой истории). С. 31. См. об этом также: *Соловей Н. Я.* Из истории работы Пушкина над сюжетом «Евгения Онегина»: (Альбом Онегина) // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 101—117.

¹⁵ См.: *Сандомирская В. Б.* Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД, № 838): История заполнения. С. 242—243.

имен писателей, определив тем самым решение сложного сюжетного узла (ПД 838, л. 70).¹⁶

Пушкин закончил главу седьмую романа в Малинниках в конце октября—начале ноября 1828 г. Когда же создавалась беловая рукопись «Альбома Онегина» и обрамляющих его строф в записной книжке ПД 840? По мнению Р. В. Иезуитовой, осенью 1828 г. в Малинниках.¹⁷ На наш взгляд, это произошло раньше — вскоре после создания чернового текста строф ХХI—ХХIа и «Альбома Онегина» в тетради ПД 838, но не позднее конца июня 1828 г., когда Пушкин обратился к описанию книг Онегина, изменив тем самым принятое ранее решение о введении в роман дневника героя (это заключение можно сделать на основе исследования В. Б. Сандомирской). Отнесение беловика «Альбома Онегина» к осени 1828 г. делает крайне затруднительным объяснение следующего момента в истории пушкинского романа — появления черновых редакций строфы ХХII в тетради ПД 838: почему в начале лета 1828 г. Пушкин вновь обратился в ней к описанию библиотеки Онегина? Отвечая на этот вопрос, приходится предположить, что работа над «Альбомом Онегина» была завершена и критически оценена взыскательным автором уже весной 1828 г. (вероятнее всего, это произошло до начала интенсивной работы Пушкина над «Полтавой», т. е. в конце марта 1828 г.).

Принятое на данном этапе решение не казалось тем не менее Пушкину окончательным. Альбом героя продолжал волновать его воображение. Об этом свидетельствует один из отвергнутых черновых вариантов главы седьмой «Онегина», относящийся к периоду жизни поэта в Малинниках: после обозрения нескольких книг Евгения «взор мечтательной девицы / Упал на», далее пропуск (стих не дописан), а затем вновь — «Красноречивые страницы», под которыми мог подразумеваться онегинский альбом (VI, 439). Однако «соблазн» дневника героя, этого избитого сюжетного хода романтических повестей и романов пушкинского времени, был Пушкиным тут же преодолен, и теперь уже навсегда.

После онегинского текста работа в записной книжке ПД 840 велась на л. 7а и 7б, которые затем были поэтом вырваны (на корешках, в особенности на л. 7а об., сохранились окончания отдельных строк). На л. 8 нарисованы карандашом три профиля. Нижний представляет собой набросок, оставленный Пушкиным без доработки. Этот женский профиль повторен выше. Удостоверившись в портретном сходстве, Пушкин обвел некоторые детали рисунка пером: это изображение энергичной, уверенной в себе женщины средних лет. В ее лице Пушкин подчеркнул хорошо вылепленный волевой подбородок (из-за неудачи с этой деталью портрета им был оставлен нижний набросок) и приветливую, располагающую к себе улыбку. Справа нарисован карандашом еще один профиль — мужчины с пышными бакенбардами и мрачноватым выражением худощавого лица. Все портреты на этом листе не атрибутированы. Они были сделаны во время остановки работы поэта, осуществлявшейся на л. 7а об. Пушкин закрыл тетрадь, не дав просохнуть тексту на нем, и л. 8 сохранил таким образом отпечаток автографа, ныне неизвестного.

Л. 8 об.—9 Пушкин пропустил и на развороте листов 9 об.—10, перевернув тетрадь корешком вниз, записал карандашом беловой текст стихотворения «Каков я прежде был, таков и ныне я». Предшествовавший этому перебеленный автограф стихотворения находится на отдельном листе ПД 84. Автограф был создан поэтом во время поездки в Псковскую губернию в ноябре—декабре 1826 г. Тогда Пушкин записал его также карандашом; текст ниже ст. 8 совершенно затерт и прочтению не

¹⁶ См.: Там же. С. 260.

¹⁷ См.: *Иезуитова Р. В.* «Альбом Онегина»: (Материалы к творческой истории). С. 31. См. также: *Иезуитова Р. В., Левкович Я. Л.* Пушкин в работе над «Евгением Онегиным» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Горький, 1989. С. 44.

поддается (см.: III, 715—716 и 1174; подготовка текста и комментарий Н. В. Измайлова). В издании «Стихотворения Александра Пушкина» (ч. 3) 1832 г. поэт поставил над текстом «Отрывка из Андрея Шенье» (так названо стихотворение «Каков я прежде был, таков и ныне я» в оглавлении этой книги) дату «1828». Т. Г. Цявловская писала по поводу соотношения двух автографов стихотворения (они имеют незначительные расхождения как друг с другом, так и с печатным текстом): «Отличия (...) настолько несущественны, что они делают ясным, что стихотворение было создано не в 1828 году, как утверждал Пушкин, а в 1826 году (...) ему надлежало бы быть напечатанным среди стихотворений 1826 года».¹⁸

Действительно, при переписывании в записную книжку ПД 840 указанного стихотворения Пушкин почти ничего не изменил в его тексте, а лишь дописал ст. 9 и отбросил совершенно не читаемую ныне часть более раннего автографа. Тем не менее едва ли можно согласиться с мнением Т. Г. Цявловской о необходимости перенесения произведения в раздел стихотворений 1826 г. К 1828 г. относится важный момент в творческой истории произведения, когда оно приобрело в глазах поэта жанровую специфику, обусловленную его заголовком «Отрывок». Это обстоятельство позволило автору поставить под беловым автографом штриховую строку, свидетельствующую, по-видимому, о том, что стихотворение завершено. Два года Пушкин медлил с доработкой произведения, возможно, из-за своего первоначального намерения более основательно опереться в нем на сюжетiku А. Шенье. Вопреки заголовку стихотворения (неслучайно Пушкин впоследствии от него отказался), в «Каков я прежде был, таков и ныне я» обнаруживаются лишь отдельные мотивы элегий французского поэта «*Tel j'étais autrefois et tel je suis encor*» ((1)) и «*Aux deux frères Trudaine*» (XL).¹⁹

На этом записи 1828 г. в записной книжке ПД 840 заканчиваются. Автографы на л. 8 (рисунки) и 9 об.—10 (стихотворение) можно датировать так: 1828 год, не ранее марта. Расхождение с Большим академическим собранием сочинений Пушкина в датировке беловика стихотворения «Каков я прежде был, таков и ныне я» (1828 г., не ранее апреля—мая) связано с датировкой «Альбома Онегина», которая была принята в этом издании (апрель—май 1828 г.).

Л. 10 об.—11 записной книжки Пушкин оставил чистыми. Следующие ее страницы заполнялись болдинской осенью 1830 г. На развороте л. 11 об.—12 (в положении корешком вниз) находятся три автографа стихотворения «На перевод Илиады»: во-первых, черновой (чернилами, с карандашной правкой, все варианты зачеркнуты; л. 11 об), во-вторых, перебеленный (карандашом, с правкой чернилами, перечеркнут одной линией; л. 12), в-третьих, беловой (чернилами, под заглавием «На перевод Гнедича», относящимся, по-видимому, именно к этому автографу; л. 12). Последний автограф выполнен красивым почерком, завершен изящным росчерком и датой «8 N. (оября)». Здесь, несомненно, имеется в виду именно 1830 г. Незадолго до 8 ноября, а именно 1—10 октября 1830 г. (см.: III, 1216), Пушкин написал на отдельном листе ПД 131 эпиграмму «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера» («[К переводу Илиады]»). Текст ее поэт старательно зачеркнул, понимая, что не этим ему следует отвечать на трогательное письмо Гнедича с благодарностью за отклик «Литературной газеты» на сделанный им перевод «Илиады». Среди вариантов черновика на л. 11 об. мы видим часть первого стиха «Илиады» в переводе Гнедича: «Гнев богиня воспой». По предположению М. А. Цявловского, высказанному в комментарии к первой

¹⁸ Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 289.

¹⁹ См. об этом: Шенье А. Сочинения 1819 [г.] / Изд. подгот. Е. П. Гречаная. М., 1995. С. 551. (Лит. памятники).

публикации автографа, запись стиха была сделана Пушкиным для «скандирования гекзаметра» (этим размером написано стихотворение «На перевод Илиады»)²⁰ В том, что у поэта, пытающегося освоиться с гекзаметрами, была такая необходимость, убеждает и другой черновой вариант, где метрические паузы были расставлены им в несколько неожиданном порядке: «Чужд мне | был | Гомеров | язык | сладкозвучный» (III, 866). Пушкин недолюбливал гекзаметры с лицейских лет. Это отразилось в его эпиграмме 1813 г. «Несчастье Клита»²¹ В одной из черновых редакций поэмы «Домик в Коломне» (1830) Пушкин выразил свое отношение к гекзаметру со всей определенностью, сославшись при этом на его техническую сложность: «Он мне не в мочь» (V, 373).

В Большом академическом издании запись «Гнев богиня воспой» была введена в число вариантов стихотворения с отсылкой в примечании к «Илиаде» (III, 867; подготовка текста и комментарий Т. Г. Цявловской). Из второго издания книги «Рукою Пушкина» (1997) черновой текст «На перевод Илиады» с цитатой из Гнедича, а также комментарий М. А. Цявловского были исключены.²² Такое решение нельзя признать бесспорным. На наш взгляд, запись «Гнев богиня воспой» следует вернуть в раздел «Выписки из книг, журналов и газет, копии произведений, цитаты» издания «Рукою Пушкина».

На л. 12 в обычном положении тетради Пушкиным были записаны два слова: «Самыя известныя». Эта запись, впервые опубликованная М. Н. Виротайнен,²³ еще ждет своего включения в корпус издания «Рукою Пушкина». В записной книжке ПД 840 она появилась ранее автографов на развороте л. 11 об.—12, связанных со стихотворением «На перевод Илиады». Возможно, что запись «Самыя известныя» имела отношение к замыслу какой-то заметки для «Литературной газеты» о той же работе Гнедича. Грамматическая форма этих слов указывает на то, что они связывались Пушкиным с существительным женского рода в родительном падеже. Может быть, это было начало фразы такого рода (приводим ее в современной орфографии): «Самой известной (поэмы перевод) (?)»?

На этом записи 1830 г. в записной книжке ПД 840 заканчиваются. Вновь Пушкин обратился к ней весной 1832 г., причем записи начали появляться с обеих сторон тетради. В прямой последовательности — это л. 12 об.—14 с черновыми строфами (1)—(2) поэмы «(Езерский)», а от задней обложки — л. 100—95 об., связанные с работой поэта в библиотеке Вольтера. При этом л. 101, последний лист записной книжки, а также л. 100 об. Пушкин пропустил; о сделанном потом на л. 100 об. рисунке см. ниже. На л. 100 Пушкин поставил дату, которая может быть точкой отсчета при описании всех автографов, относящихся к этому году: «10 mars 1832 Bibl. (iothèque) de Volt. (aire)» (10 марта 1832 Библ. (отека) Вольт. (ера) — *фр.*). Что же появилось в записной книжке ПД 840 раньше — «(Езерский)» или библиотечные выписки? О. С. Соловьева, отвечая на этот вопрос, указывала на последние.²⁴ К дате «10 mars» хронологически очень близко примыкали наброски поэмы «(Езерский)». Похоже, что Пушкин почти одновременно начал две большие, как он полагал, работы, отведя под них начало и конец записной книжки ПД 840, — исторические разыскания в библиотеке Вольтера и новую поэму.

²⁰ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. текстов и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. [1-е изд.] М.; Л., 1935. С. 179.

²¹ См. об этом: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука. 1999. Т. 1. С. 577.

²² См.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. 2-е изд., перераб. М.: Воскресенье, 1997. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.; Т. 17 (доп.)).

²³ См.: Пушкин А. С. Рабочие тетради. Т. 1. С. 184.

²⁴ См.: Соловьева О. С. «Езерский» и «Медный всадник»: История текста. С. 282.

Несмотря на более ранний характер библиотечных выписок, остановимся сначала на «(Езерском)». Его набросками заканчиваются автографы ПД 840, располагающиеся в прямом порядке, от начала тетради; автографы с другого ее конца — это комплекс записей, который следует рассматривать целостно. Начало работе над поэмой «(Езерский)» было положено поэтом в записной книжке ПД 840. Затем созданные на л. 13—13 об. строфы (1)—(2) были переработаны в тетради ПД 842 (л. 21 и 20 об.). Я. Л. Левкович датировала автографы в ПД 842 второй половиной марта—апрелем 1832 г.²⁵ К этому же времени можно отнести и автографы строф (1)—(2) первоначальной редакции поэмы в ПД 840.

Строфа (1) «(Езерского)» записана Пушкиным вчера на л. 13. На его обороте поэт тут же набросал четыре стиха строфы (2). Герой в ней назван Зориным (первоначально «3 — »). В Большом академическом издании публикация этой записи строф (1)—(2) разделена вторым черновым вариантом строфы (1) (V, 387—388),²⁶ хотя хронологически это неверно. То, что Пушкин оставил строфу (2) недописанной, а также нарисованный под ней пейзаж (горы, деревья) указывают на заминку в работе Пушкина, связанную с выбором героя новой поэмы — аристократа или же, напротив, бедного чиновника. Затем Пушкин не один раз перебелил и переработал строфы (1)—(2) «(Езерского)». О. С. Соловьева считала, что рабочие рукописи поэта чередовались при этом следующим образом: после записной книжки ПД 840 тетрадь ПД 842, затем отдельный лист ПД 954, оборот этого же листа и, наконец, вновь ПД 840.²⁷ Вернувшись к записной книжке, Пушкин на л. 12 об. (он оставался незаполненным) вписал напротив первоначального черновика новую редакцию строфы (1). Ее автограф из перебеленного постепенно стал черновым, и Пушкин закончил работу над ним, перечеркнув всю вторую часть строфы. Видимо, одновременно он вновь начал работать и над строфой (2) (л. 14), где герой поэмы, бедный чиновник, впервые получил имя «Ив.(ан) Езерский». В записной книжке поэт его вычеркнул, но впоследствии именно оно закрепилось за героем поэмы.

Изучение рукописей «(Езерского)» (и в том числе строф (1)—(2)) позволило О. С. Соловьевой указать на просчеты, допущенные в ходе подготовки раздела «Другие редакции и варианты» поэмы в Большом академическом издании: это хронологические смещения — следствия нередких «разрывов» при публикации автографов, появившихся в процессе единовременной записи Пушкина. Разделение рукописей «(Езерского)» на три редакции, осуществленное Н. В. Измайловым с присущим его текстологической работе блеском, не было свободным от такого рода «анахронизмов». Выявление просчетов в подаче рукописного материала в Большом академическом издании (в настоящий момент это в значительной мере сделано авторами описаний пушкинских тетрадей) ставит перед текстологами новую задачу: на основе достигнутого в этом издании привести публикацию редакций и вариантов в большее соответствие с хронологией развития конкретного пушкинского замысла.²⁸ О. С. Соловьева принадлежала к поколению, которое было воспитано пушкинистами, выпустившими в свет Большое академическое собрание сочинений поэта. Ее работа о «(Езерском)» и «Медном всаднике» указывала то направление дальнейшей текстологической работы, которое рассматривалось редакторами академического издания как вполне перспективное и актуальное.

Обратимся теперь к записям Пушкина, сделанным в библиотеке Вольтера 10 марта 1832 г. Этой датой Пушкин отметил в записной книж-

²⁵ См.: *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 842: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 157.

²⁶ Тексты, подготовленные в Большом академическом издании Н. В. Измайловым, уточнены О. С. Соловьевой (см.: *Соловьева О. С.* «Езерский» и «Медный всадник»: История текста. С. 273—279).

²⁷ См.: Там же. С. 278.

²⁸ См. об этом: Там же. С. 273.

ке ПД 840 первое ее посещение (см. выше). В то время библиотека Вольтера находилась в Эрмитаже. Работе в ней поэта посвящены исследования Д. П. Якубовича,²⁹ М. А. Цявловского,³⁰ И. Л. Фейнберга,³¹ М. П. Алексеева.³² Ее началу предшествовала деловая переписка, в которой указывалось на цель обращения Пушкина к книгохранилищу Вольтера — поиск материалов для задуманной им «Истории Петра» (см. письмо Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 24 февраля и ответ на него от 29 февраля 1832 г.; в документах III Отделения и II Экспедиции двора, касавшихся работы поэта в библиотеке Вольтера, оставили свои резолюции А. Н. Мордвинов, П. М. Волконский и Е. Е. Келлер).³³ М. П. Алексеев писал: «Пушкин был, вероятно, единственным русским писателем первой половины XIX в., который получил доступ к вольтеровским книгам, другие их читатели нам, во всяком случае, неизвестны. Вскоре после смерти Пушкина доступ к ней и вовсе был прекращен».³⁴

Пушкин понимал исключительность полученного им разрешения. Прикосновение к библиотеке великого человека он пережил с особым волнением. С собой Пушкин принес в Эрмитаж записную книжку ПД 840. Отметив в ней записью на л. 100 дату и место, в котором он находился, Пушкин выписал (с небольшими ошибками) на л. 99 об.—97 об. названия пяти изданий на латыни: это Библия, изданная в 1532 г. Р. Этьеном, а также собрания сочинений знаменитых отцов церкви первых веков христианства (II—IV вв.) Иустина Философа, Тертуллиана, Иеронима Стридонского, Евсевия Памфила. Часть книг имеет параллельные тексты на греческом языке. Л. Б. Модзалевский охарактеризовал эти записи Пушкина как «заметки о книгах из библиотеки Вольтера».³⁵ Он же разобрал запись поэта под списком книг: «première page du Catalogue de la Bi(bliothèque) de V.(oltaire)» (первая страница каталога би(блиотеки) В.(ольтера) — *фр.*) (л. 97 об.). Публикацию списка книг дал Д. П. Якубович, охарактеризовавший каждое издание в нем (некоторые книги имеют многочисленные пометы их владельца). Он полагал, что «Пушкин переписал начало какого-то каталога библиотеки Вольтера. Видел ли он самые книги — неизвестно».³⁶ То же мнение высказал и М. А. Цявловский в комментариях к выпискам из записной книжки ПД 840.³⁷

Каталог, с которым имел дело Пушкин, обнаружил М. П. Алексеев, снабдивший свою статью о библиотеке Вольтера фотоснимком его первой страницы.³⁸ Именно ее скопировал в 1832 г. Пушкин. С какой же целью? Цявловский полагал, что он хотел снять копию с «каталога, но, списав первую страницу, бросил это делать».³⁹ М. П. Алексеев иначе оценил намерения Пушкина: «Переписать весь каталог Пушкин явно не имел ни нужды, ни возможности, судя по его объему. Остается предположить, что сделанная им выписка имела то же назначение, что и набросок гудоновской статуи на соседней странице: для памяти, для за-

²⁹ Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 905—922.

³⁰ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.] С. 533—535 (статья «Выписки из каталога библиотеки Вольтера»).

³¹ Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 6-е изд. М., 1976. С. 119—129 (гл. «Пушкин в библиотеке Вольтера»).

³² Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России // Библиотека Вольтера: Каталог книг. М.; Л., 1961. С. 41—54.

³³ См. об этом: Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. С. 908—910; Пушкин. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М., 1935. Т. 3. С. 480—481.

³⁴ Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России. С. 52.

³⁵ Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. С. 26.

³⁶ Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. С. 920.

³⁷ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.] С. 534.

³⁸ См.: Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России. С. 51.

³⁹ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.] С. 534.

крепления первых впечатлений о посещении библиотеки; это была почти механическая работа руки в то время, когда Пушкин нетерпеливо ожидал допуска к действительно интересовавшим его книгам и рукописям».⁴⁰ Дополним эти выводы осторожным предположением. Вероятнее всего, Пушкин знал о традиционном принципе составления библиотечных каталогов: их всегда начинали с Библии и трудов отцов церкви. Тем не менее поэт, по-видимому, был просто удивлен первой страницей увиденного им каталога. Библия и святоотеческие труды — вот что открывало каталог библиотеки великого Вольтера! Делая копию первой его страницы, Пушкин мог думать и об использовании ее в какой-то заметке о Вольтере (так полагал Д. П. Якубович),⁴¹ и о рассказе в кругу своих друзей, среди которых было немало горячих поклонников «фернейского мудреца».

Пропустив затем страницу (л. 97), Пушкин сделал на л. 96 еще одну выписку из каталога (как установил М. П. Алексеев — с л. 43).⁴² Его интерес вызвал рукописный трактат о секте конвульсионеров. Она возникла в Париже в 1730 г. в среде янсенистов. В рукописи, принадлежавшей Вольтеру, речь шла о событиях 1744 г. Пушкин мог узнать о ней из воспоминаний о Вольтере Ф. Лонгшана и Ж.-Л. Ваньера (эта книга была в библиотеке поэта).⁴³ Здесь рукопись охарактеризована как запись видений женщин-сектанток.⁴⁴ Интересно, что, в отличие от выписок на л. 99 об.—97 об., Пушкин отметил местонахождение манускрипта: «*ag-touge 2*» (шкаф 2 — *фр.*). Это указывает на желание Пушкина ознакомиться с ним. Во времена Вольтера конвульсионеры получили известность благодаря многочисленным пророчествам и чудесным явлениям, совершавшимся в их среде. Сообщения о чудесах и экстатических состояниях сектантов проникали в печать. Разговорами о них были полны аристократические дома Парижа.

Д. П. Якубович расшифровал и следующую запись Пушкина на л. 96: «*manuscrit La Poloniade*». Речь идет о бурлескной поэме прусского короля Фридриха II «Полониада» (1771), сатирически изображавшей действия польских конфедератов накануне первого раздела Польши. Исследователь дал всесторонний анализ этой выписки Пушкина.⁴⁵ Он указал на многочисленные упоминания «Полониады» в переписке Вольтера и Фридриха II, с которой Пушкин был знаком по сорокадвухтому вольтеровскому собранию, имевшемуся в его библиотеке (почти все указанные Д. П. Якубовичем страницы находятся среди разрезанных страниц издания). «Полониада» неоднократно издавалась, и, по-видимому, интерес к ней Пушкина был связан с желанием увидеть автограф великого короля. Поэта ожидало разочарование: в копии «Полониады», которая хранилась у Вольтера, автографов Фридриха II не было.

На следующей странице (л. 95 об.) находится зарисовка мраморной статуи сидящего в кресле Вольтера, автором которой был Ж.-А. Гудон (1781).⁴⁶ В «Санкт-Петербургских вечерах» (1821) Ж. де Местра дано описание вольтеровской библиотеки в Эрмитаже: «Статуя Вольтера, изваянная из белого мрамора (...) установлена на фоне этой библиотеки и как будто наблюдает за ней».⁴⁷ Под рисунком Пушкин еще раз написал: «10 mars 1832 Bibl.(iothèque) de V.(oltaire)». Таким образом, все записи на л. 100—95 об. были сделаны им в один день.

⁴⁰ См.: Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России. С. 46.

⁴¹ См.: Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. С. 920.

⁴² См.: Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России. С. 46.

⁴³ См.: Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. С. 915—916. См. также: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиогр. опис.). М., 1988. С. 276 (№ 1110). [Репринт].

⁴⁴ См.: Longchamp, Wagnière. Mémoires sur Voltaire. Paris, 1826. Т. 1. P. 24.

⁴⁵ См.: Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. С. 912—914.

⁴⁶ См.: Мацулевич Ж. Скульптурные портреты французских писателей в советских собраниях // Литературное наследство. М.; Л., 1939. Т. 33—34. С. 958—959.

⁴⁷ Цит. по: Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России. С. 34.

Записная книжка ПД 840 отразила лишь начальный этап работы поэта в библиотеке Вольтера (знакомство с ее интерьером, фронтальный просмотр каталога). Впоследствии Пушкин изучил здесь пять томов рукописных материалов о Петре I, которые были присланы Вольтеру И. И. Шуваловым. Одна из рукописей была им скопирована («Хронологический перечень главных событий царствования Петра I», заглавие по-французски; X, 443—455). Несмотря на этот осязаемый результат исторических штудий Пушкина, записная книжка ПД 840 свидетельствует о том, что в библиотеку Вольтера его «влек (...) более общий интерес, выходящий за пределы специального исследовательского задания. Пушкин, — писал М. П. Алексеев, — не упустил случая составить себе более ясное представление о фернейской библиотеке».⁴⁸

Д. П. Якубович считал, что с работой в книгохранилище Вольтера связаны и учебные записи на следующих страницах записной книжки (л. 95—93 об.). Однако, на наш взгляд, они примыкают к более ранним записям лишь хронологически. Автографы на л. 95—93 об. отражают занятия Пушкина с еврейским алфавитом. Здесь три записи. Первая из них помечена датой «16 mars» (16 марта — *фр.*) (л. 94 об.). Под ней в две колонки Пушкин записал еврейский алфавит «с обозначением звукового качества букв, названий букв и соответствий отдельных букв в греческом (и русском) алфавите».⁴⁹ Эта запись — своеобразный лингвистический поиск Пушкина. Размышляя и порой ошибаясь,⁵⁰ Пушкин расставлял на странице еврейские буквы; он продолжил свой поиск далее, перевернув страницу тетради. На л. 94—93 об. Пушкин теми же чернилами сделал вторую запись еврейского алфавита в выборочной латинской, греческой и русской транскрипции (в восьми случаях рядом написаны еврейские названия букв). Не окончив эту работу (здесь также не обошлось без ошибок как в алфавитной последовательности, так и в буквенных соответствиях), Пушкин перевернул страницу назад и на л. 95 карандашом (это, кстати, тот же карандаш, что и на л. 100—95 об.) стал рисовать еврейские буквы (третья запись). Смысл графического эксперимента, проделанного Пушкиным над буквами еврейского алфавита, становится ясен при сопоставлении его с отрывком (VI) из «Table-talk» (1835—1836).⁵¹ В нем Пушкин вывел «форму цифров арабских» из фигуры (XII, 157). Нечто подобное он попытался предпринять в 1832 г. с еврейским алфавитом. При этом Пушкин поочередно опирался на три фигуры. Две из них, по-видимому, были им отвергнуты почти сразу же. Более внимательно Пушкин отнесся к центральному, самому крупному своему рисунку: . Неясно, остался ли он удовлетворен сопоставлением этой фигуры с начертаниями еврейских букв. Вероятнее всего, нет.

В библиотеке Пушкина имелись две книги с таблицами еврейского алфавита.⁵² В одной из них представлены несколько его графических систем (шрифтов), соответствующих различным письменным и историко-культурным памятникам.⁵³ На эти книги указал Д. П. Якубович, который тем не менее считал, что «записи Пушкина восходят, видимо, к устному источнику». При этом он ссылаясь на особенности перевода еврейских букв в автографах поэта.⁵⁴ В научной литературе еще не высказывалось предположений о том, кто дал Пушкину начатки сведений

⁴⁸ Там же. С. 43.

⁴⁹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.] С. 62.

⁵⁰ Указание на это см.: Там же.

⁵¹ Впервые отмечено Д. П. Якубовичем в его работе «Пушкин в библиотеке Вольтера» (с. 920).

⁵² См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиогр. опис.). С. 150 (№ 582), 255 (№ 1014).

⁵³ См.: Atlas des œuvres complètes de J.-J. Barthelemy / Composé de soixante-huit planches. Paris, 1822. P. 43, 47 etc.

⁵⁴ См.: Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. С. 922 (примеч. 36).

о еврейском алфавите. Полагаем, что это мог сделать о. Герасим Павский (1787—1863), автор учебных пособий по еврейской грамматике. Пушкин познакомился с ним еще в Лицее. Известен сочувственный его отзыв о Павском как об «умном, ученом и добром священнике» в дневнике поэта 1835 г. Здесь, кстати, Пушкин упоминает и о его глубоких знаниях в области еврейского языка: «Шишков, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в числе членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в *корнях* президента» (XII, 336—337).

Следует отметить однотипность записей Пушкина, сделанных в записной книжке 10 и 16 марта 1832 г.: в обоих случаях работа начиналась с даты на французском языке, поставленной в верхней части страницы. Видимо, перевернув записную книжку другим концом, поэт намеревался всю ее посвятить занятиям одного рода — учебным, нетворческим. В следующих обращениях к записной книжке ПД 840 Пушкин придерживался этого плана, нарушив его для двух стихотворных работ.

На л. 93—92 находится черновик стихотворения «В тревоге пестрой и бесплодной», посвященного А. О. Смирновой-Россет. Появление этого произведения было связано с той, по выражению А. Г. Тартаковского, «стимулирующей деятельностью в области мемуаристики», которую активно осуществляли писатели пушкинского круга.⁵⁵ В альбоме Смирновой сохранился беловик стихотворения с датой «18 марта 1832» (ПД 180). Смирнова вспоминала: «В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякий день почти ко мне, также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал: „Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои записки“, — и на первом листе написал стихи: „В тревоге пестрой и бесплодной“ и пр.»⁵⁶ В другом месте она писала об этом несколько иначе: «У меня есть альбом, который в день моего рождения мне подарила Сонюшка Карамзина, а Пушкин принес (свои стихи) и сказал, что я должна писать свои мемуары...».⁵⁷ Наконец, последнее по времени воспоминание Смирновой об этом эпизоде: «У меня есть альбом (...) мне его подарила Софи Карамзина ко дню рождения или именин, не помню. Пушкин написал в этом альбоме:

Записки А. О. Смирновой
В тревоге пестрой и бесплодной (...).⁵⁸

С. В. Житомирская, указав, что Смирнова родилась 6 марта, посчитала рассказ о подарке альбома Карамзиной (а не Пушкиным) самым точным.⁵⁹ Вывод основывался на сравнении двух дат (одна из них пушкинская) — 6 и 18 марта. При этом, к сожалению, исследовательницей была забыта третья дата — 19 марта (день памяти мученицы Александры), когда Смирнова, по-видимому, праздновала свои именины. Вероятнее всего, что именно к ним был приурочен подарок Пушкина — альбом со стихотворением.

Автограф «В тревоге пестрой и бесплодной» в ПД 840 — это исчерпанный черновой текст, создававшийся не в гостиной, а за рабочим столом поэта. Между тем запись Смирновой над принадлежавшей ей рукописью стихотворения гласит: «Этот альбом дан был мне Пушкиным в 1832 г. со стихами, которые он написал у меня».⁶⁰ Едва ли это утверждение могло относиться к автографу из записной книжки ПД 840.

⁵⁵ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. С. 165. О деятельности в этой области Пушкина см. с. 228—236.

⁵⁶ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 25. (Лит. памятники).

⁵⁷ Там же. С. 284.

⁵⁸ Там же. С. 492.

⁵⁹ Там же. С. 641, 685.

⁶⁰ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.] С. 659 (подлинник по-французски).

По-видимому, у Смирновой Пушкин по памяти переписал стихи в заранее подготовленный им для этого альбом.

Из ряда обычных «стишков на именины» текст «В тревоге пестрой и бесплодной» выделяют две особенности: во-первых, это произведение написано от лица адресата, который сам себя характеризует, а во-вторых, оно является эпитафией к альбому с совершенно особой судьбой. Над текстом в альбоме Пушкин поставил заголовок: «Исторические записки А. О. С.***». Само стихотворение вписано как эпитафия — правее и ниже заголовка. Вне этого контекста произведение не вполне понятно. Именно поэтому, рассказывая о нем Н. С. Киселеву, Смирнова посчитала необходимым дать следующее объяснение: «А я-то никогда не писала ни строчки до тех пор, пока вы не попросили меня писать воспоминания».⁶¹ Ср. у Пушкина: «И шутки злости самой черной / *Писала* прямо набело» (III, 284; курсив наш. — С. Б.). Не случайно автор воспоминаний придала стихотворению заголовок «Записки А. О. Смирновой»: она хотела им подчеркнуть, что напрямую стихи относятся не к ней, а к некоему тексту. В таком случае встает резонный вопрос: где должен находиться заголовок пушкинского беловика «Исторические записки А. О. С.***» и что делать с формой его подачи (в виде эпитафии)? В Большом академическом собрании сочинений Пушкина эти особенности рукописи отражены Н. В. Измайловым в примечании к публикации белового автографа в разделе «Другие редакции и варианты» (III, 884). Беловик был опубликован в полном соответствии с автографом в первом издании «Рукою Пушкина».⁶² Из второго издания эту публикацию исключили. Возникла опасность «растворения», как это и произошло в Большом академическом издании, интереснейшего автографа в сносках раздела «Другие редакции и варианты» и комментариях нового академического собрания сочинений Пушкина. Между тем вне полной публикации беловой рукописи замысел стихотворения «В тревоге пестрой и бесплодной» понят быть не может. Ему, на наш взгляд, не соответствует и заголовок «(В альбом А. О. Смирновой)», данный в Большом академическом издании.⁶³ Следует признать, что он неточно отражает содержательную сторону стихотворения, поскольку Пушкиным оно не предназначалось для рядового дамского альбома (таковым его сделала впоследствии Смирнова). Возможны два решения проблемы текста «В тревоге пестрой и бесплодной»: оставить его без редакторского заголовка (так сделал Б. В. Томашевский)⁶⁴ или же дать текст в виде, соответствующем беловому автографу, с сохранением авторского заглавия (а это очень важно!) и эпитафической формы его подачи. Последнее предпочтительнее, хотя в таком случае над словами «Исторические записки А. О. С.***» придется поставить дополнительный заголовок, редакторский (например, «(А. О. Смирновой)»).

Смирнова рассказывала Киселеву: «Из этих стихов возникла моя репутация злочки».⁶⁵ Как бы предчувствуя этот упрек, Пушкин, уже набросав вчерне все стихотворение, дважды пытался переделать последнее четверостишие (это нижняя половина л. 93 и вариант на л. 92), однако оставил его в первоначальном виде. Позднее Киселев говорил Смирновой: «Но вы действительно очень остро высмеиваете то, что смешно, и в глазах других это может показаться злобным».⁶⁶ Тем самым он подтвердил, что Пушкин в своем стихотворении не погрешил против истины.

⁶¹ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 492.

⁶² См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.] С. 658.

⁶³ Этот же заголовок дан стихотворению в изданиях, где корпус лирики Пушкина готовила Т. Г. Цявловская (см., например: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат. 1959. Т. 2. С. 351—735).

⁶⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 3. С. 98, 430.

⁶⁵ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 492.

⁶⁶ Там же.

Работа была продолжена на л. 91 об., где Пушкин перебелил очень мелким небрежным почерком текст стихотворения «Когда-то (помню с умилением)» («(В альбом к(ня)ж(не) А. Д. Абамелек)»), в который тут же внес некоторые поправки. Последний стих не дописан («Как нянька» вместо «Как нянька старая горжусь»). Между л. 92 и 91 об. виден корешок вырванного листа. Возможно, здесь и был черновик этого мадригала. Беловой автограф в альбоме А. Д. Абамелек, в замужестве Баратынской, датирован 9 апреля 1832 г. К этому же времени можно отнести и перебеленный автограф в записной книжке ПД 840.

Следующие листы в ней (л. 91—90 об.) заняты небольшим отрывком из новеллы Сервантеса «Цыганочка» («La Gitanilla»). В библиотеке Пушкина имелась изданная в 1816 г. книга Сервантеса «Novelas exemplares»,⁶⁷ с которой он работал, изучая испанский язык. Текст отрывка в ПД 840 записан на испанском языке: это или запись по памяти, или обратный перевод с французского, носивший учебный характер.⁶⁸ К. Н. Державин указал на связь этого автографа Пушкина с другим — листом ПД 1607, где находится еще один отрывок из «Цыганочки». Здесь запись Пушкина сделана в две колонки: слева французский текст, справа — испанский.⁶⁹ По мнению И. А. Лихачева, автограф ПД 1607, судя по уровню знания испанского языка, предшествовал переводу в записной книжке ПД 840.⁷⁰ Автограф в ней на л. 91—90 об. датирован Т. Г. Цявловской апрелем (следует добавить: не ранее 9) 1832 г.⁷¹ Эта датировка является предположительной, но, по-видимому, на ней и следует остановиться. Сам перевод в ПД 840 записан по отношению к предыдущему автографу даже без пропуска пробельной страницы. Вероятнее всего, он появился в тетради вскоре после беловика «Когда-то (помню с умилением)». Попутно заметим, что нам представляется малоубедительным отнесение в ряде изданий автографа ПД 1607 к царскосельскому лету 1831 г.⁷² (в издании «Рукою Пушкина» датирован Т. Г. Цявловской апрелем 1832 г.). Вопрос о датировке листа ПД 1607 (а он напрямую зависит от текста из «Цыганочки» в записной книжке ПД 840) следует связать с изучением автографов Пушкина, записанных на бумаге одного с ПД 1607 типа (по «Указателю» Б. В. Томашевского, это бумага № 226 или № 229).⁷³ На наш взгляд, такая работа дает некоторые аргументы в пользу начала 1832 г.

Следующая запись сделана Пушкиным на л. 90 в положении корешком вниз: «Полк. Казп. в Фонар(ном) переу-(лке) 46 №». Л. Б. Модзалевский, впервые опубликовавший эту запись, предложил такое прочтение сокращенного в ней имени: «Полковник Казначеев».⁷⁴ Комментарий к записи Модзалевский дал в издании «Рукою Пушкина». Он считал, что в ней речь идет о А. И. Казначееве (1788—1880), правителе канцелярии М. С. Воронцова (в бытность Пушкина в Одессе): «В 20-х и 30-х гг. в Петербурге Казначеев подолгу не жил, и записанный Пушкиным адрес — вероятно, местопребывание Казначеева во время одного из его приездов в столицу».⁷⁵ То, что Пушкин мог встретиться в Петер-

⁶⁷ См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиогр. опис.). С. 188 (№ 721).

⁶⁸ О погрешностях перевода см.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты.* [1-е изд.] С. 86—87.

⁶⁹ См.: *Державин К. Н.* Занятия Пушкина испанским языком // *Slavia.* 1934. XIII. С. 114—120.

⁷⁰ См.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты.* [1-е изд.] С. 87.

⁷¹ См.: Там же. С. 85.

⁷² См., например, комментарий Томашевского к «Каменному гостю» в издании: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 7: *Драматические произведения.* С. 555—556.

⁷³ См.: *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. опис. М.; Л., 1937. С. 333, 334. См. также машинописное дополнение к «Указателю», составленное Б. В. Томашевским и хранящееся в Пушкинском Доме.

⁷⁴ См.: *Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде.* С. 25.

⁷⁵ *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты.* [1-е изд.] С. 336.

бурге со столь приятным для него человеком, как Казначеев, сомнения не вызывает. Однако почему же в записи адреса генерал Казначеев назван полковником? Его производство из полковников в действительные статские советники произошло еще во время жизни Пушкина в Одессе 17 января 1824 г.⁷⁶

Л. Б. Модзалевский полагал, что «Пушкин мог по старой памяти называть Казначеева этим чином».⁷⁷ Предположение это маловероятно. На наш взгляд, запись адреса была связана не с генералом Казначеевым, а с петербургским домовладельцем (полковником или полковницей), у которого Пушкин намеревался снять квартиру. К ее поискам поэт приступил в середине октября 1832 г. после своего возвращения из Москвы (они закончились в первых числах декабря, когда семья Пушкина переехала в дом Жадимеровского). Аргументом в пользу того, что запись адреса в ПД 840 следует отнести ко второй половине октября—ноябрю 1832 г., может послужить рисунок на соседней с ней странице (л. 89 об.). Оба автографа, и запись и рисунок, сделаны одновременно одним и тем же карандашом. По убедительной атрибуции А. И. Фрумкиной, на л. 89 об. Пушкиным был нарисован профиль П. В. Нашокина: «...высокий выпуклый лоб, на который спускается вьющаяся прядь волос (характерная деталь, видная на нескольких портретах Нашокина). Плавная линия бровей, глаза с нависающими верхними и припухлыми нижними веками. Та же форма носа, те же пухлые губы четкого рисунка с чуть приподнятыми уголками, тот же тяжелый подбородок».⁷⁸

В начале осени 1832 г. Пушкин жил в Москве у Нашокина. Уезжая, поэт поручил ему закончить дела по перезалогу своего нижегородского имения. Видимо, в мыслях Пушкина петербургские хлопоты как-то естественно сливались с воспоминанием о Нашокине, занятом в это время устройством его денежных обстоятельств, что и нашло свое отражение на страницах записной книжки ПД 840. Примерно к этому же времени (видимо, конец ноября 1832 г.) относится приходо-расходная запись на л. 1, долгое время остававшемся в записной книжке пробельным:

«дек.(абрь) 1832 Полу-(чить)
500
160».

«О получении каких денег говорит запись, сказать не можем», — отметил в своем комментарии к ней Л. Б. Модзалевский.⁷⁹ Вероятнее всего, это была запись карточных выигрышей.

Следующая большая запись в записной книжке ПД 840 была сделана Пушкиным на л. 88 об.—83 об. Это отрывок из средневекового «Романа о Ренаре» (Лисе) («Le Roman de Renard»), переписанный Пушкиным, по-видимому, с учебной целью: текст был им переведен со старофранцузского на современный французский язык. Публикация отрывка и комментариев к нему принадлежат Д. П. Якубовичу.⁸⁰ Он указал, что при работе над «Романом о Ренаре» Пушкин использовал издание Д. М. Мёна (1826), которое имелось в библиотеке поэта.⁸¹ Автограф Пушкина включает в себя 162 стиха — это только начало «Романа о Ренаре». Д. П. Якубович, отметивший ряд погрешностей во французском тексте Пушкина, считал, что перевод поэта «не преследовал никаких художест-

⁷⁶ См.: Архив Раевских: В 5 т. / Ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1909. Т. 2. С. 230—234.

⁷⁷ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.] С. 336.

⁷⁸ Фрумкина А. И. Два рисунка из записной книжки Пушкина // Московский пушкинист. М., 1997. [Вып.] 4. С. 285. Статья снабжена репродукциями с портретов Нашокина (с. 285—289).

⁷⁹ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.] С. 361.

⁸⁰ См.: Там же. С. 63—82.

⁸¹ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиогр. опис.). С. 323 (№ 1324).

венных целей, а являлся для переводчика как бы проверкой понимания им старофранцузского текста».⁸² В таком случае особую значимость приобретает сам факт обращения Пушкина к этой остросатирической книге, высмеивавшей порядки феодальной Франции. «Роман о Ренаре» известен и в других художественных обработках — немецкой и фламандской. У Пушкина встречаются два упоминания о нем, причем в обоих случаях речь идет о «Рейнеке Фукс» (1794) Гете, стихотворном переложении «Романа о Ренаре». В нем Пушкин ценил не только легкую веселость (см. его письмо к К. Ф. Рылееву от 25 января 1825 г. — XIII, 134), но и поразительную смелость сатирического обличения (статья «О поэзии классической и романтической», 1825 — XI, 37 и 306). Таким образом, Пушкин был знаком с различными переложениями «Романа о Ренаре», и его французский текст вызвал со стороны поэта особое внимание.

Л. 83—82 имеют продольные сгибы наподобие тех, которые иногда делал Пушкин, переводя тексты с одного языка на другой. Это говорит о том, что поэт хотел продолжить работу над «Романом о Ренаре», но оставил это намерение. Малый формат записной книжки не позволял разместить на столь узких колонках стихотворные строки поэмы и их перевод. Может быть, сгибы делались для выписок из словаря вышедших из употребления французских слов, составленного Меоном? Все страницы этого словаря были разрезаны Пушкиным.

Датировка работы Пушкина над «Романом о Ренаре» вызывает большие затруднения. В издании «Рукою Пушкина» об этом почему-то ничего не сказано, но, судя по месту публикации в книге, Д. П. Якубович относил автограф к 1832 г. На наш взгляд, границы датировки отрывка из «Романа о Ренаре» следует расширить: ноябрь 1832 г.—сентябрь (не ранее 4) 1835 г. Последнюю дату мы находим на первом без продольного перегиба листе записной книжки ПД 840 (л. 81 об.): «4 сент. (ября)». Под нею Пушкин сделал развернутую приходо-расходную запись (л. 81 об.—81), всесторонне прокомментированную М. А. Цявловским.⁸³ Две статьи расходов в этой записи («...к Нижегородскому) Губ. (ернатору) за акции» и «По делу Жад. (имеровского)») позволили ему с уверенностью отнести ее к 1835 г. Комментарий Цявловского нуждается лишь в самом незначительном уточнении. По поводу одной из расходных статей этой записи комментатор писал: «Яковлеву — трудно сказать, какого Яковлева разумет запись. Едва ли это Иван Алексеевич Яковлев, которому Пушкин был должен 6000 р. еще с 1829 г. Может быть, это Михаил Лукьянович Яковлев, лицейский товарищ Пушкина, но о долге ему поэта нет сведений».⁸⁴ Думаем, что последнее предположение является верным. Неокругленная сумма долга («495») указывает на то, что он был связан с какими-то деловыми отношениями между Яковлевым и Пушкиным. В декабре 1834 г. из печати вышла «История Пугачевского бунта» Пушкина. В типографских делах по ее изданию Яковлев принимал самое активное участие. Думаем, что 495 рублей долга имели отношение к печатанию этой книги.

Прежде чем назвать последний по времени автограф в записной книжке ПД 840, укажем на цифровую запись в ее пустующей середине (л. 64). Для датировки этих вычислений нет ни малейших оснований, кроме хронологических рамок всей работы Пушкина в записной книжке ПД 840 — 1828—1836:

73 — 6
16 — 53

⁸² Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. [1-е изд.] С. 82.

⁸³ См.: Там же. С. 381—383.

⁸⁴ Там же. С. 382.

Запись впервые напечатана среди «не имеющих толкований» автографов поэта в сборнике серии «Неизданный Пушкин».⁸⁵

Последний автограф в записной книжке ПД 840 сделан на оставшемся незаполненным листе 100 об., ближайшем к записям от 10 марта 1832 г. Это композиция из трех профилей, тесно сцепленных друг с другом, — два мужских и один, обращенный в противоположную сторону, женский (именно так охарактеризовал рисунок на л. 100 об. И. А. Бычков).⁸⁶ Иначе отозвался о нем Л. Б. Модзалевский: «три мужских профиля (один из них автопортрет?)».⁸⁷ Д. П. Якубович, датировавший рисунки 1832 г., также был склонен видеть в одном из профилей (в каком именно, он не указал) автопортрет Пушкина.⁸⁸ В его статье «Пушкин в библиотеке Вольтера» был приведен фотоснимок л. 100 об. из ПД 840 с ошибочной надписью (она находится в противоречии с текстом статьи Д. П. Якубовича): «Автопортретные наброски Пушкина, нарисованные им в записной книжке во время работы в библиотеке Вольтера».⁸⁹ Атрибуцию, связывающую рисунки на л. 100 об. с автопортретами Пушкина, следует решительно отвести. В мужских профилях, нарисованных на этой странице, бросается в глаза четкий, классической лепки подбородок, в то время как в автопортретах (за исключением шаржированных) Пушкин неизменно подчеркивал у себя несколько скошенную его линию. Существует и еще одно предположение о рисунках на л. 100 об.: будто бы нижний профиль передает очертания лица Адама Мицкевича.⁹⁰ На наш взгляд, и эта атрибуция более чем сомнительна. В известных профильных набросках Мицкевича Пушкин старался выделить (иногда даже утрированно) горбинку в верхней части удлиненного носа.⁹¹ На рисунке в записной книжке ПД 840 этого нет.

Верное определение портретным зарисовкам на л. 100 об. дала А. И. Фрумкина: Пушкин изобразил здесь братьев художников А. П. (вверху) и К. П. (внизу) Брюлловых.⁹² Особое сходство отличает нижний рисунок. А. И. Штукенберг (1816—1887) вспоминал о Карле Брюллове: «...он имел <...> антично прекрасную большую голову с глазами, в которых вдохновение, ум, гений, мысль так и блистали, выглядывая то поодиночке, то все вместе. Высокий лоб, увенчанный как у льва, вольными золотистыми кудрями, выдвигался необыкновенно вперед с двумя яблоками над глазами, которые вот так и казались рогами Юпитера — Аполлона...».⁹³ Эти черты прекрасно переданы Пушкиным. Созданный им портрет отличает и необыкновенная обрисовка глаз (их разрез, контрастно зачерненный зрачок). «Глаза и брови придавали всей его физиономии необыкновенное выражение, — вспоминала о Брюллове М. Ф. Ростовская. — Невозможно поверить, чтобы голубые глаза могли владеть таким быстрым и глубоким взглядом».⁹⁴ По верному замечанию А. И. Фрумкиной, рисунок Пушкина

⁸⁵ См.: Дубровский А. В., Краснобородько Т. И., Левкович Я. Л., Фомичев С. А. Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина. СПб., 1997. С. 66. («Неизданный Пушкин»; Вып. 2).

⁸⁶ См.: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 год. С. 56.

⁸⁷ Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. С. 26. Со знаком вопроса (автопортрет?) атрибуция Л. Б. Модзалевского зарегистрирована в кн.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 65 (№ 90).

⁸⁸ См.: Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. С. 920.

⁸⁹ Там же. С. 911.

⁹⁰ См.: Пашнина Г. В. Пушкин и Мицкевич // Вечерний Челябинск. 1988. 4 июня. См. также: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. С. 228 (№ 493).

⁹¹ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. С. 228 (№ 492 и 494).

⁹² См.: Фрумкина А. И. Два профиля в тетради А. С. Пушкина // Сов. культура. 1986. 8 февр. См. также: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. С. 87 (№ 145), 88 (№ 146).

⁹³ Цит. по: Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников / Сост. Н. Г. Машковцев. 2-е изд. М., 1961. С. 145.

⁹⁴ Там же. С. 179.

имеет особое сходство не со знаменитым портретом художника работы В. А. Тропинина (1836), а с его автопортретами 1813, 1834, 1835 и, как это ни странно, 1848 г. (с последним, лучшим из автопортретов Карла Брюллова, удивительнейшим образом перекликается рисунок Пушкина из записной книжки ПД 840).⁹⁵ Видимо, поэту удалось передать в нем то, чем особенно дорожил в себе сам Брюллов, — торжествующую творческую и несколько грубоватую в своем мужском напоре силу. Интересно отметить, что и профиль Александра Брюллова (л. 100 об., сверху) имеет наибольшее сходство с его портретом работы «великого Карла» (1823—1824): здесь, как и на рисунке Пушкина, запечатлено лицо задумчивого, углубленного в себя молодого человека.⁹⁶

Композиция на л. 100 об. представляет собой редкую художественную удачу Пушкина. Лица, изображенные на нем, прекрасны, причем Пушкину удалось передать и их неуловимую родственную близость, и яркое индивидуальное различие. Остается неатрибутированным третий профиль — женский: это лицо очень молодой женщины, как бы затерявшееся среди штрихов, которыми Пушкин обрисовал пышные шевелюры братьев Брюлловых. Возможно, что здесь изображена Александра Александровна Брюллова (1810—1885), рожд. Ралль, жена (с 1831 г.) А. П. Брюллова. В Русском музее (С.-Петербург) хранятся два ее акварельных портрета работы П. Ф. Соколова и А. П. Брюллова.⁹⁷ На них изображена милостивая молодая женщина, и сходством с профилем в тетради Пушкина отмечена, пожалуй, лишь одна, но чрезвычайно характерная деталь лица Брюлловой, особенно заметная в работе ее мужа: значительно приподнятая кверху хрящевая часть носа. В акварели Соколова это сглажено и почти не заметно. Профиль женщины в рисунке Пушкина отличает именно приподнятый (уточкой) кончик носа. Ее профиль смотрит здесь вправо, а такое положение всегда было затруднительно для пера поэта. Небрежный росчерк, которым выполнен женский профиль, делает возможным лишь очень осторожную его атрибуцию. Однако сама композиция рисунка на л. 100 об. указывает, как нам кажется, на родственную близость изображенных на нем людей.

Карла Брюллова Пушкин рисовал дважды. Существует предположение, что первый рисунок был сделан им в 1834—1835 гг. под впечатлением картины «Последний день Помпеи» (тетрадь ПД 845, л. 23).⁹⁸ Поэт набросал по памяти фрагмент картины — лицо юноши, несущего на голове ящик с красками (это был автопортрет Брюллова). Однако профиль в записной книжке ПД 840 был нарисован, несомненно, под впечатлением личного знакомства с художником, состоявшегося в Москве в первых числах мая 1836 г. Дальнейшие встречи Пушкина с Брюлловым в Петербурге были достаточно частыми, и это позволяет датировать рисунок 1836 г. (не ранее начала мая). По-видимому, это был последний автограф Пушкина в записной книжке ПД 840.

⁹⁵ См.: Фрумкина А. И. Два рисунка из записной книжки Пушкина. С. 289—295.

⁹⁶ Ср.: Корнилова А. В. Карл Брюллов в Петербурге. Л., 1976. С. 32/33 (репродукция).

⁹⁷ Портрет Брюлловой работы ее старшего сына П. А. Брюллова, на котором она изображена в старости, воспроизведен в кн.: Оль Г. А. Александр Брюллов. Л., 1983. С. 145.

⁹⁸ См. об этом: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. С. 88 (№ 147).

М. Н. ВИРОЛАЙНЕН

«Я» И «НЕ-Я» В ПОЭТИКЕ ПУШКИНА

200 лет — довольно массивная толща времени, и мы вынуждены пробиваться сквозь нее, обращая к Пушкину поневоле ретроспективный взгляд. Послепушкинская культура выработала множество чрезвычайно дорогих для нас ценностей, от которых мы зачастую не можем отрешиться, осмысляя творчество Пушкина, и которые заслоняют от нас важнейшие черты его художественного мира. Об одной из таких ценностей и пойдет речь.

Послепушкинская русская классическая литература, с ее углубленным изысканным психологизмом, с ее обращенностью к «внутреннему человеку» и к диалектике души, сформировала у нас представление о том, что именно «внутренний человек» является средоточием личности, ее ценностным центром. Вот уже более ста лет, как мы едва ли способны помыслить иначе. Характерна претензия, предъявляемая, например, к Гоголю: он-де не умел изображать человека, его персонажи лишены психологизма, лишены души, более напоминают кукол, чем людей.

К Пушкину мы такой претензии не предъявляем. Он как будто вполне удовлетворяет требованиям, выработанным позднейшей эпохой. Но именно эта удовлетворенность отвлекает наше внимание от того качества его поэтики, которое соответствует прямо противоположным критериям. Речь идет не о способности добраться до внутреннего «Я» — в себе или в изображаемом персонаже, а о способности к отчуждению собственного «Я», к превращению его в «не-Я», в некое объективированное «Он». Такая способность, наблюдаемая на уровне поэтики, является в то же время свойством психологического, нравственного склада Пушкина. Более того: она является свойством его культурной эпохи.

Заметим, что, говоря о способности к отчуждению своего «Я», мы поневоле должны употреблять слово, имеющее негативную «ауру». Нам кажется, что отчуждение — это всегда плохо. Немало культурных усилий было затрачено на то, чтобы выработать подобное отношение.

Уже романтизм сформировал представление об органичной личности как о личности, не утрачивающей внутреннего единства ни в одном из своих проявлений. Когда же это единство нарушалось, то овнешненные, внутренне отчужденные проявления личности неизменно становились предметом либо романтической иронии, либо менее изощренной негативной оценки.

Такое отношение сохранялось на протяжении всего XIX в., им же ознаменовано и начало XX-го, который пошел еще дальше XIX-го в отрицании любых форм отчуждения. Неприемлемым стало не только отчуждение собственного «Я», но и отчуждение от «Я» внешних форм вос-

принимаемого мира. Вспомним пафос Бубера,¹ Сергия Булгакова,² Вячеслава Иванова,³ Бахтина,⁴ пафос обличения субъектно-объектной оппозиции, в рамках которой предмет познания превращается в отчужденный объект. Бубер говорил, что субъектно-объектная оппозиция формирует отношение «Я — Он», которое должно быть заменено на отношение «Я — Ты», снимающее отчуждение: на место отчужденного «Он» должно встать «Ты», равноправное сокровенному внутреннему «Я». Мысль Вячеслава Иванова, устремленная в том же направлении, сложнее, он говорит о том, что в самом человеческом «Я» должны быть обнаружены «Я» и «Ты»: «...то, что есть религия воистину, родилось из „Ты“, которое человек сказал в себе тому, кого ощутил внутри себя сущим, будь то временный гость или пребывающий владыка. (...) Когда современная душа снова обретет „Ты“ в своем „я“ (...) тогда она постигнет, что микрокосм и макрокосм тождественны, — что мир внешний дан человеку лишь для того, чтобы он учился имени „Ты“ и в недоступном ближнем, и в недоступном Боге, — что мир есть раскрытие его микрокосма».⁵

Ценность и значимость подобных духовных устремлений очевидна. Но они совершенно заслонили от нас культурно-психологический смысл устремлений противоположных, при которых само «Я» заменяется на отчужденное, объективированное «Он», на «не-Я». Попробуем через Пушкина восстановить этот смысл, еще раз подчеркнув, что он характеризует не только творческую индивидуальность Пушкина, но и существенные черты той эпохи, к которой он принадлежал.

Способность к самоотчуждению заявлена в первом же дошедшем до нас стихотворении Пушкина — в его лицейском послании «К Наталье» (1813). Содержание этого послания — признание четырнадцатилетнего мальчика в очень личном, сокровенном и «стыдном»: в том, что он влюблен, и в том, что он, так сказать, — «монах». Сюжет задан уже во французском эпиграфе, первоначально предпосланном тексту: «Pourquoi craindrais-je le dire? / C'est Margot qui fixe mon goût»⁶ («Почему я должен бояться сказать это? / Марго пленила мой вкус»). В двух строчках эпиграфа разыгрывается и разрешается конфликт между внутренним, скрытым психологическим состоянием, когда переживание с еще не преодоленной стыдливостью обозначено лишь как «это», — и облегчающим его выговариванием: «Марго пленила мой вкус». А само стихотворение есть акт преодоления конфликта между стыдом, скрывающим внутреннее состояние, и свободой его предъявления в слове. Посмотрим, благодаря чему оказывается возможным такое свободное предъявление.

Стихотворение насыщено множеством литературных клише, которые облачают непосредственное состояние в орнамент поэтической условности, а поскольку возлюбленная — актриса, вступает в силу еще и театральная условность. Лирический герой примеряет маски театральных героев: из комической оперы Аблесимова, из оперы Саккини, из «Севильского цирюльника» и так далее:

Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалась меня
Удержать умильным взором.
Иль седым опекуном

¹ «Я и Ты» (1922), «Вопрос к одинокому» (1936), «Проблема человека» (1943), «Основы межчеловеческого» (1953).

² «Моцарт и Сальери» (1915) (републикация: Пушкин в русской философской критике: конец XIX—первая половина XX в. М., 1990. С. 294—301).

³ «Ты еси» (1907).

⁴ «Проблемы поэтики Достоевского» (1929).

⁵ Иванов Вяч. Ты еси // Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 264, 268.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения: 1813—1817. СПб.: Наука, 1999. С. 323.

Легкой, миленькой Розины
(.)
Я желал бы...⁷

Мальчик менее всего похож на «седого опекуна» — но именно в этом несоответствии он и нуждается. Внутреннее «Я» вытесняется условностью театрального амплуа, маски, игровое отчуждение служит прекрасной защитой, благодаря которой столь трудно выговариваемое признание с легкостью выговаривается в финальной строке:

Знай, Наталья! — я...монах!⁸

Это признание выводит далеко за пределы личного переживания, ибо с момента своего возникновения оно начинает строить культурный миф (Лицей — монастырь), который пройдет через лицейское творчество и на века останется поэтическим признаком, закрепленным за Лицеєм.

Ролевое поведение — поэтическое и жизненное — было чрезвычайно важным этапом формирования молодого Пушкина. На протяжении всех лицейских лет его лирическое «Я» почти никогда не выступает обнаженным — оно выбирает для себя одежды различных поэтических традиций и предстает в этих одеждах, меняясь порой до неузнаваемости. Даже в элегии — жанре, казалось бы, предназначенном для самопредъявления, — лирическое «Я» Пушкина-лицейста ведет себя не столько в соответствии с собственным внутренним состоянием, сколько в соответствии с тем каноном, который диктуется избранным в данный момент образцом жанра: это либо лирическое «Я» унылой элегии, либо совсем иное лирическое «Я» элегии чувственно-гедонистической.⁹

Разумеется, это не значит, что в стихах Пушкина отсутствует лирическая откровенность. Но ей сопутствует еще нечто, откровенности прямо противоположное. Так, в дружеском послании — действительно, подлинно дружеском, поэт как будто бы вполне откровенен, иногда даже подчеркнута свобода от всяческих этикетных норм. Казалось бы, здесь и следует ждать ничем не задрапированной правды, откровенно предъявленного «Я» поэта. А между тем характернейшая черта дружеских посланий Пушкина (возможно, вообще дружеских посланий эпохи) — ориентация на адресата, в соответствии со вкусами которого стилизуется поэтический облик авторского «Я».

Повышенная условность, перебор масок, ролевое поведение, несоответствие с тем или иным жанровым каноном, расхождение собственного поэтического образа с жизненной правдой, которая может оказаться тут же откровенно предъявленной, — все эти случаи дистанцирования собственного «Я» достаточно просты. Попробуем рассмотреть более сложный случай. Он связан с отношениями Пушкина и Музы.

В начале 1820-х гг. Пушкин пишет целый ряд внутренне связанных поэтических текстов: послание «К моей чернильнице», стихотворения «Муза», «Наперсница волшебной старины», «Наперсница моих сердечных дум». В этих текстах олицетворение Музы (либо метонимически связанных с ней чернильницы или лиры) разворачивается в лирический сюжет, причем Муза может выступать как равноправное второе лицо в сюжете, в котором участвуют двое: она и поэт. У нее, как у героини, даже есть реальные прототипы. Так, в первом эпизоде «Наперсницы волшебной старины» поэт — дитя, Муза приходит к нему веселою старушкой, чтобы пленить напевами детский слух и оставить в колыбельке завороченную свирель. В этой старушке угадываются черты бабушки, М. А. Ганнибал, либо нянюшки, Арины Родионовны. Насколько условна столь полнокровная самостоятельность образа, видно по посланию «К моей чернильнице».

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ См. об этом: Вацура В. Э. Лицейское творчество Пушкина // Там же. С. 435—438.

Чернильница — метонимическое обозначение творчества, имманентного свойства поэта. Поэт называет ее наперсницей, так же как в других стихотворениях — Музу и лиру. Это слово, переходящее из текста в текст, знаменательно. Ведь наперсник — это не только вызывающий доверие собеседник, но и ампула классицистической драмы. Для полноты самопредъявления герою классицизма нужен адресат — но адресат, так сказать, вспомогательный, общение с которым не превращается в диалог, а лишь дает повод для монологических высказываний. В наперснике воплощено начало, взывающее к самоотчету или саморефлексии героя. Если герой поддается сиюминутному импульсу, то наперсник, вопрошая, укоряя, напоминая, заставляет героя соотносить его порывы с некоей принятой им же самим более стабильной нормой. Наперсник, таким образом, — другое «Я» героя, более стабильное, более эпическое, чем то его «Я», которое проходит через перипетии драматического действия. Поэтому взаимодействие с наперсником формирует не отношения «Я — Ты», а отношения внутренне расщепленного «Я»: одно из этих «Я» проживает момент непосредственного претерпевания, другое несколько дистанцировано от этой непосредственности. Оно — то же «Я», но «Я» отчужденное.

В стихах Пушкина начала 1820-х гг. апелляция к чернильнице, к лире или к Музе, каждая из которых названа наперсницей, — это апелляция к собственной творческой активности, но активности гипостазированной, отчужденной, дистанцированной, к тому «не-Я», которое выделено из собственного «Я» и получило не только самостоятельное условное поэтическое имя, но и самостоятельную жизнь, способность к равноправному участию в строительстве лирического сюжета.

У Анны Ахматовой есть образ Музы, казалось бы, очень близкий к пушкинскому. Лирическая героиня ждет ночью появления Музы:

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».¹⁰

Именно пушкинская нота, звучащая в этих стихах, позволяет увидеть существеннейшую разницу между двумя поэтами в их представлениях о Музе. К Ахматовой Муза приходит извне, дело поэта — услышать ее и подчиниться ей. Для Пушкина Муза — нечто вроде его близнеца, его «не-Я», кровно связанного с его «Я». Пушкинская Муза не могла диктовать Данту. Кроме того, у Пушкина вообще не Муза диктует поэту, но поэт Музе:

Усядья, муза: ручки в рукава,
Под лавку ножки! Не вертись, резвушка!
Теперь начнем...

(«Домик в Коломне» — V, 85)

А если речь идет о покорности некоей воле, приходящей извне, то ей покоряются оба — и поэт, и Муза:

Веленью Божию, о муза, будь послушна.
(«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» — III, 424)

Таким образом, Муза для Пушкина — не носитель поэтического вдохновения, трансцендентный внутреннему миру поэта, а его собственная имманентная, но отчужденная ипостась. То, что сказано на поэтическом языке Пушкина о Музе, свидетельствует о его способности воспринять свое внутреннее как внешнее, свое «Я» как «не-Я».

Если сюжет отношений Пушкина и Музы достаточно индивидуален, то сама способность самоотчуждения безусловно является культурным навыком.

¹⁰ Ахматова А. Стихи и проза. Л., 1976. С. 278.

Золотой век отличается от позднейших эпох тем, что он наследует от классицизма и просветительства качество, которое может быть названо культурой дистанции. Ориентируясь на эталон и заново порождая эталон, такая культура, строго говоря, не совпадает с ним ни в одной точке. Постоянная ориентация на эталон — эстетический или поведенческий — предполагает и неизменное наличие *дистанции* по отношению к нему. В рамках такой культуры непосредственное «Я» и «Я» поэтическое не тождественны друг другу, но и не разобщены, они пребывают в состоянии соотнесенности.¹¹ Между непосредственным проявлением личности и ее литературным самоформлением обязательно существует некий зазор. Те же отношения установлены между поэзией и бытом. Так, например, реальные дружеские пирушки могут быть соотнесены в стихах с идущим еще от античности эталонным поэтическим топосом дружеского пира-симпосия — но поэзия не стремится без остатка во-брать в себя быт, а быт не тщится до конца уподобиться поэзии.¹²

Именно наличие этой дистанции резко отличает «золотой век» от «серебряного». Когда на башне Вячеслава Иванова будут затеяны пиры-симпосии,¹³ главной задачей их устроителей станет не дистанцированное соотнесение с культурным топосом, а полное его воплощение в реальном быту реальных людей. (Надо заметить, что именно такой тип «симпосиальности» другой своей стороной связан с особенно настоятельно выдвигаемой установкой на диалогичность, на обращенность к «Ты» собеседника.)¹⁴

Если для поэтов «золотого века» всегда существует дистанция между поэзией и миром, между мною и миром, между мною и мною, т. е. между одним моим образом и другим моим образом, то поэты «серебряного века» почти все без исключения стремятся в жизни реализовать собственную литературную репутацию. Расхождение между поэзией и жизнью истолковывается либо как очевидная ущербность жизни, либо как бессилие поэзии. Если поэт «золотого века», создавая свой эталонный образ, может оставаться внутренне свободным от него, то для поэта «серебряного века» расхождение поэтического и жизненного «Я» трактуется как утрата самостождественности, как грех двойничества, как превращение лика в личину или маску. Для личности ценностным остается один только внутренний мир, сокровенное «Я», которое должно соответствовать себе во всех своих проявлениях, не допуская никакого самоотчуждения.

Проследить, как произошла эта культурная трансформация, при которой «серебряный век» выдвинул ценности, прямо противоположные ценностям «золотого века», — дело отдельной большой работы. Важно, однако, отметить, что тенденции, приведшие к подобной перемене, заметны уже в начале XIX в.

¹¹ Между прочим, сходный механизм осуществляется и в рамках совсем иной — фольклорной — культуры, кстати тоже совершенно лишенной того, что мы называем психологизмом. Не только обрядовый фольклор, но и лирическая песня, сказка формируют извне задаваемую модель поведения и чувствования, на которую ориентируется индивидуальное «Я». В результате вырабатывается навык постоянного внутреннего соотнесения «Я» и «не-Я».

¹² Подробнее см. об этом: *Виролainen М.* Две чаши: (О дружеском послании 1810-х годов) // Канун: Альм. СПб., 1998. Вып. 3: Русские пиры. С. 40—69.

¹³ См. об этом: *Шликин А.* Симпосион на петербургской Башне в 1905—1906 гг. // Там же. С. 273—352.

¹⁴ Вячеслав Иванов писал: «...нас, символистов, нет, — если нет слушателей-символистов. Ибо символизм — не творческое действие только, но и творческое взаимодействие, не только художественная объективация творческого субъекта, но и творческая субъективация художественного объекта» (*Иванов Вяч.* Мысли о символизме // Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 610). Комментируя эти слова, А. В. Лавров пишет во вступительной статье к публикации «Воспоминаний» С. В. Троцкого: «„Симпозитальность“ (...) важнейшая и примечательнейшая особенность натуры Иванова (...) породила „симпозитон“ — органически и спонтанно возникавший круг собеседников, участников интеллектуального и духовного пира» (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 41).

Когда Андрей Тургенев, с его масонско-карамзинским духовным воспитанием, клянет себя в дневниках за внутреннюю холодность, не соответствующую избраным им в качестве эталона энтузиастическим идеалам,¹⁵ в этом чувствуется категорическое неприятие дистанции, отделяющей внутреннее «Я» от «Я» эталонного. Разделивший с ним юношеские духовные идеалы Жуковский позднее не сможет принять условность лирического «Я» Батюшкова.¹⁶ Привитая генерации Жуковского и Тургенева привычка к интроспекции и самоанализу — это исток того интереса к внутреннему человеку, который станет доминирующим в послепушкинскую эпоху. Но в первые десятилетия XIX в. актуальным оставался и другой культурный навык, выработанный классицизмом и просветительством: навык *дистанцированного* соотнесения себя с образцами.

Дистанция эта не была жестко установленной. Она могла становиться предметом игры, а кроме того, осмыслялась и переживалась поэтами вполне индивидуально.

Вот маленький, но выразительный штрих. Еще в 1810-х гг. в стихах Дениса Давыдова была сформирована его литературная репутация поэта-гусара, активно поддержанная поэтами его окружения. Репутация включала не только поведенческие, но и некоторые обязательные портретные штрихи, например неперенные гусарские усы. Были и другие портретные детали, получившие статус условных атрибутов, которые формируют поэтический образ. Одна из них стала популярной благодаря строчкам Языкова: «Ты, боец чернокудрявый, / С белым локоном на лбу».¹⁷ В апреле 1836 г. Пушкин писал Языкову: «Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после ваших стихов¹⁸ опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии» (XVI, 105).

Можно себе представить, что, когда в молодости Давыдов «отказывался от назначений, исключавших ношение усов»,¹⁹ в этом была известная доля бравады, игрового поведения. Казалось бы, жест 1836 г. — той же природы. Но в нем чувствуется и нечто другое, пожалуй, даже противоположное. Теперь стареющий поэт всерьез озабочен тем, чтобы его бытовом облик не расхохотался с литературной маской. Дистанция между интимным «Я» и «Я» поэтическим кажется ему компрометирующей, он хочет сократить, уничтожить ее. Комментарий Пушкина («Это знак благоговения к поэзии») вполне серьезен и уважителен, но скрытая ирония (легкая и теплая) все же в нем ощутима — хотя бы через стилистическое несоответствие возвышенного «благоговения» с тональностью гусарских стихов Давыдова.

Если стремление к собиранию личности в некое цельное самотождественное «Я» намечается в пушкинскую эпоху, а окончательно формируется в начале XX в., то точкой, в которой культура фиксирует этот поворот, можно назвать «Записки из подполья». Весь рассказ подпольного человека затеян для того, чтобы добиться самотождественности,

¹⁵ См.: Из дневника Андрея Ивановича Тургенева // Восток — Запад. М., 1989. Вып. 4. С. 106—108, 111, 114, 117—119, 121—124, 130—131.

¹⁶ «Жуковскому, конечно, было известно, что сам Батюшков менее всего был в жизни гедонистом и что описание любовных утех с „Лилой“ совершенно эмблематическое...» (Вацура В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 109). Когда в ответ на «Мои пенаты» Жуковский в послании «К Батюшкову» декларирует неразрывную связь поэзии, красоты и «моральной грации», в этом, как кажется, содержится не столько спор о том или ином типе условного лирического субъекта (Там же), сколько неприятие самой условности поэтического «Я», которой противопоставлено органичное единство личности поэта, неспособной игнорировать моральную сторону поэтических сюжетов.

¹⁷ Языков Н. М. Д. В. Давыдову («Жизни баловень счастливый...») // Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 339. О стилизованном романтическом портрете Д. Давыдова см.: Вацура В. Э. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 40.

¹⁸ Написаны в августе 1835 г.

¹⁹ Вацура В. Э. Денис Давыдов — поэт. С. 40.

утвердить вовне свое внутреннее «Я», уничтожить зазор между ним и тем, как оно предстает миру. Особую проблему составляет для него та самая проблема недостижимых эталонов «высокого и прекрасного». К ней возвращается он неоднократно, с болью и злостью, с недоумением. Дистанцию между «Я» и его эталонным образом подпольный человек не может принять (или даже помыслить) в качестве нормы — и потому он не в состоянии представить себе, как могло взаимодействовать с эталонами предыдущее культурное поколение.

«Золотому веку» в его расцвете такое стремление к самоидентификации «Я» не было свойственно. Пушкин, например, мог в один и тот же день в одном конверте отправить два письма — Дельвигу и Гнедичу, — приложив к каждому из писем по стихотворному посланию, где он предстает в двух образах, между которыми едва улавливаются черты сходства. Кроме того, стихотворный образ из послания Дельвигу открыто противоречит прозаической части письма. Поэзия не только отступает от фактов, но и намеренно компрометирует их. Пушкин уведомляет своего корреспондента: «Кончил я новую поэму, Кавказский Пленник (...) у меня в голове бродят еще поэмы» (XIII, 26) — и в ту же минуту в стихах сообщает ему о собственном творческом бесплодии: «От воздержанья муза чахнет» (II, 168).

Готовность внутреннего «Я» к такому несовпадению образов собственной личности, к их множественности была, кроме всего прочего, и мерой свободы личности. Ведь полностью самоидентификационное «Я» обречено самому себе, как свидетельствует о том история подпольного человека. Да и история культуры XX в., в сущности, говорит о том же.

Еще несколько замечаний о тех явлениях пушкинской поэтики, с которыми связана эта способность к раздвоению внутреннего «Я», к его овнешнению, отчуждению и гипостазированию вплоть до превращения в «не-Я». Вполне очевидно, что она связана с природой пушкинского автобиографизма. Нас всегда смущает чисто автобиографическое прочтение пушкинских текстов — но мы никогда и не отвергаем его полностью. Думается, это происходит не потому, что поэт что-то рассказывает о себе, а что-то досочиняет, черпает из области чистого воображения. Скорее, это происходит в силу парадоксального совмещения «Я» и «не-Я», в силу способности к отделению некоей части внутреннего мира, к приданию ей самостоятельной жизни, к погружению ее в предлагаемые обстоятельства. С этим же, вероятно, связан и пушкинский протезизм.

Классический пример тому — знаменитое, многократно анализированное превращение Музы в Татьяну в главе восьмой «Онегина». Начало этой главы — нечто вроде «авторской исповеди», здесь Пушкин описывает собственный творческий путь, рассказывая о метаморфозах своей Музы, которая в конце концов становится Татьяной. Подобное превращение перестанет казаться нам странным, прихотливым, почти фантастическим, если мы увидим в нем то самое гипостазирование, объективирование собственного «Я», его переход в «не-Я», которое имеет отдельное, отчужденное, полнокровно самостоятельное существование — и все же не порывает близнецных связей с «Я» поэта.

На уровне поэтики здесь проявлено то, что заложено в культуре воспитания и, следовательно, в психологии эпохи.²⁰ Эталонное поведение не предполагает разницы между «Я» и «Он». Кроме того, когда личность формируется по тому или иному образцу, например в соответствии с действительно *извне* заданными ей правилами чести, то эти правила в конце концов становятся частью личности, ее имманентным свойством — однако не тем свойством, которое может быть названо индивидуальным. Соотнося себя с образцом, «Я» постоянно соотносит себя с неким «не-Я», которое, однако, с индивидуальным «Я» оказывается кровно связанным.

²⁰ См. об этом: *Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1999.

Таким образом, пушкинский способ разрешения конфликта, проявившийся уже в лицейском послании «К Наталье» (овнешнение внутреннего состояния, соотнесение его с разного рода культурными клише и — через это — преодоление внутренней проблемы), восходит к тем культурным традициям, связь с которыми все более и более ослабевает в послепушкинскую эпоху. Именно этими традициями определяется не только способность, но и потребность Пушкина к постоянному самоотчуждению, сопровождающему внутреннюю сосредоточенность, к выделению объективированного «не-Я» из внутреннего «Я».

С того момента, когда такая способность культурой утрачивается, вместе с нею навсегда утрачиваются и некоторые фундаментальные свойства личности. К их числу относятся чувство чести и отсутствие страха смерти — то «равнодушие» к смерти, которое описано и доказано Пушкиным и которое совершенно недоступно «внутреннему человеку». Ибо то и другое связано с веками выработывавшимся навыком отстраненного, отчужденного взгляда на самое себя — взгляда, который ошутим в дневниках Пушкина или в «Путешествии в Арзрум», где «Я» существует на тех же правах, что и любое третье лицо, любое «Он».

Е. А. ВИЛЬК

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПУШКИНСКОЙ ОДЫ «ВОЛЬНОСТЬ»: «САМОВЛАСТИТЕЛЬНЫЙ ЗЛОДЕЙ» И САМОВЛАСТНЫЙ НАРОД

Строфа о «самовластительном злодее» в пушкинской оде «Вольность» служит одним из камней преткновения для современного читателя. Текст стихотворения не содержит как внятных отсылок к подразумеваемой здесь конкретной исторической фигуре, так и определенных сигналов к обобщенно-символическому восприятию этого образа. Понимание смысла этой строфы имеет, однако, чрезвычайно важное значение для оды в целом. В. Б. Шкловский вполне правомерно назвал ее «эмоциональным центром всего произведения».¹

Определение Шкловского можно пояснить, представив себе схематично композицию пушкинской «Вольности». В ней выделяется обширное вступление, в котором последовательно сменяются несколько тем: в поэтическом зачине декларированы жанровые и идейные принципы произведения; далее начинается развитие содержательной линии стихотворения, разворачивается обобщенная мрачная картина современности, в которой поправа вольность, по контрасту с идеальным состоянием «равенства перед законом», составляющего сущность вольности, и вслед за этим выдвигается основная политическая концепция оды, завершающая экспозицию, — о равенстве перед законом народа и царя: «И горе, горе племенам, / Где дремлет он неосторожно, / Где иль народу, иль царям / Законом властвовать возможно!» (I, 46). Развитию этой концепции и посвящена центральная часть оды, замыкающаяся увещанием-обращением к царям. Эта центральная часть, в соответствии с установочным двойным отрицанием — «ни народу, ни царям не позволено властвовать законом», — разбита на две половины — о народе, беззаконно казнившем монарха, Людовика XVI, и о беззаконном монархе, Павле I, убитом его подданными. Строфа о «самовластительном злодее», разделяющая оба примера, оказывается, таким образом, в центре самой проблемной части оды.

Впрочем, проблематичность толкования строфы о «самовластительном злодее» в современных комментариях подчеркивается далеко не всегда. Обычно просто поясняется, что под «самовластительным злодеем» поэт имел в виду Наполеона. Действительно, веским основанием для такой интерпретации служит сохранившийся в рукописи оды авторского комментария к строкам: «И се — злодейская порфира / На галлах скованных лежит» — «Наполеонова порфира... Замечание для В. Л. П. моего дяди (родного)» (II, 524). Движение поэтической темы в соседних строфах представляется в этом случае следующим: видя в казни Людовика XVI преступление народа перед законом, поэт указывает на тира-

¹ Шкловский В. Заметки о прозе Пушкина. М., 1937. С. 16.

нию Наполеона как на возмездие, постигшее народ, и затем обрушивает всю силу своего негодования на узурпировавшего власть тирана.

Были, однако, и противники подобного толкования. С принципиально иной интерпретацией выступил В. Б. Шкловский, обративший внимание на странность пушкинских инвектив по адресу Наполеона в 1817 г. и полагавший, что под «самовластительным злодеем» следует понимать Павла I или Александра I.² Мнение Шкловского вызвало аргументированные возражения Б. В. Томашевского,³ на чем полемика в ее явном виде завершилась. Между тем, если позитивные утверждения Шкловского были отвергнуты вполне справедливо, то сами сомнения его в адресации пушкинской инвективы Наполеону следует считать, думается, весьма основательными. В самом деле, Шкловский указывал, что в 1817 г. французский император пребывал уже в заточении на острове Св. Елены, и крайне странным представляется в этих условиях желание ему гибели и «смерти детей». Напомним также, что из детей Наполеона единственно официально признанный и известный современникам герцог Рейхштадтский (король Римский), сын Марии Луизы, умер только в 1832 г. Неловкость трактовки пушкинских слов как агрессивного антинаполеоновского выпада периодически ощущалась исследователями, одни из которых пытались расширительно толковать смысл пушкинских слов, понимая под «детьми» «род злодея», прямых и косвенных наследников Наполеона,⁴ другие предлагали видеть в «злодее» собирательный образ тирана, только частично относящийся к Наполеону.⁵

Но кроме историко-политического диссонанса существуют и другие основания для сомнений в распространенном толковании. Пушкинская инвектива кажется весьма странной и с точки зрения литературной этики того времени. Даже в самый разгар наполеоновской эпопеи, когда в русской поэзии и политической риторике звучали энергичные пожелания скорейшей гибели Наполеону, объектом их был не конкретный человек, которому могли желать смерти или «гибели детей», но превращенный в условно-литературную фигуру и своего рода идеологему образ «антихриста», чудовищного тирана. В то же время в произведениях, написанных вскоре после падения Наполеона, падение это изображалось как полный и завершающий акт возмездия.

Все это характерно и для более раннего решения «наполеоновской темы» в пушкинском творчестве, представленной в стихотворениях «Воспоминания в Царском Селе» (1814), «Наполеон на Эльбе» (1815), «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» (1815) и «Принцу Оранскому» (1816). Имеет смысл присмотреться к ним несколько внимательнее.

Во всех этих стихотворениях, рисующих Наполеона возвышенно-мрачными чертами, военная победа над ним трактуется как последний расчет со злодеем: «Исчез, как утром страшный сон» (I, 82); «И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!» (I, 145); «Уж воздвигал свой шаткий трон... / И пал отторжен от вселенной» (I, 182). Для нашей темы особенно интересно отметить, что в таких стихотворениях, как «Воспоминания в Царском Селе», «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» и «Принцу Оранскому», написанных в те периоды, когда победа над Наполеоном казалась или действительно была полной, вслед за строками о падении тирана возникали мотивы мира и милосердия к побежденным. В данном случае сказывалась логика построения военной оды, созданной еще Ломоносовым и несшей идею благой

² См.: Шкловский В. Заметки о прозе Пушкина. С. 16.

³ См.: Томашевский Б. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. I. С. 167—168.

⁴ Там же. С. 168.

⁵ См.: «...имея в виду прежде всего Наполеона, Пушкин вместе с тем дает в этой строфе некий обобщенный образ тирана (...). Под этот обобщенный образ полностью подходит и другой „увенчанный злодей“ — Павел I» (Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. М., 1950. С. 165). См. также: Пугачев В. В. Предыстория Союза Благоденствия и пушкинская ода «Вольность» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 135.

«тишины», мира, которые в конце концов должны восторжествовать над восставшими силами хаоса. Все это не дает еще оснований распространять идею милосердия и мира-примирения в ранних пушкинских стихотворениях непосредственно на свергнутого императора, гиперболизированный образ которого лишен пока собственно человеческого измерения. Но поэзия Пушкина и в этом ее локусе развивалась по пути нахождения все более индивидуализированного выражения мировых конфликтов. Стихотворение «Наполеон» (1821), знаменующее собой следующий этап развития наполеоновской темы в творчестве Пушкина, уже самым прямым образом связано с мыслью о заочном примирении с грозным завоевателем. Укажем только, что байроновское начало здесь, часто отмечаемое исследователями, многими нитями соединено с прежним одическим образом Наполеона и с одической фигурой милости и тишины, заключающих время военных гроз. Насколько же не вяжется очерченный с сочувствием образ поверженного Наполеона, который, «Забыв войну, потомство, трон, / Один, один о милом сыне / В унынье горьком думал...» (II, 216), с пожеланием «гибели детей» свергнутому императору! Тема прощения великих мира сего, на совести которых немало зла, соединялась в сознании поэта с образом Наполеона и в дальнейшем, получив глубокую разработку в стихотворении «Герой» (1830).

В пушкинском творчестве можно прочертить своего рода единую восходящую линию развития образа Наполеона, в основе которой лежит идея примирения с великим человеком, и единственным резко выбивающимся из нее фрагментом будет «антинаполеоновская» строфа «Вольности». Только здесь мотивы мести и вражды приобретают самодовлеющее значение и не ограничиваются никакими временными пределами. Все это может послужить еще одним косвенным аргументом, заставляющим усомниться в наполеоновской приуроченности строфы о «самовластительном злодее».

Эта филиппика в оде «Вольность» кажется странной и на фоне постепенно установившегося примирительного, «эпического» отношения к Наполеону в русском обществе. Достаточно привести относящиеся ко времени создания «Вольности» слова Н. И. Тургенева, тем более важные, что именно в диалоге с ним создавалась пушкинская ода: «Есть такие происшествия, такие дела, в которых я не хотел участвовать, ни быть их причиной. (...) Так, например, я бы не хотел сделать положение Наполеона столь тягостным, каково оно по описанию Сантика (...) но я ни с кем не буду спорить, что оно несправедливо или бесчестно. Наполеон много наделал незаконного вреда другим. Можно не платить ему той же монетой».⁶

Наконец, пушкинская инвектива в ее «наполеоновском» толковании необычна не только в современном ее созданию литературно-этическом пространстве, не только в рамках пушкинского творчества в целом, но выходит и за пределы этической шкалы, заданной в самой же «Вольности». Получается, что, радуясь «смерти детей», поэт радуется смерти невинных наследников чужих ошибок и преступлений, в то время как только что глубоко сочувствовал оказавшемуся именно в этой ситуации Людовику — «мученику ошибок славных». Этический диссонанс не разрешается и при более или менее абстрактном и расширительном толковании образов «злодея» и его детей.

Все это заставляет задуматься над иными возможностями интерпретации этой строфы.

* * *

Следует начать, по-видимому, с лингвистического аспекта проблемы, т. е. собственно со слова «самовластительный», определяющего таин-

⁶ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1923. Т. 3. С. 101.

ственного адресата инвективы. Кажущаяся прозрачность этого определения весьма иллюзорна. Слово «самовластитель» и однокоренные лексемы «самовластный», «самовластье» претерпели весьма серьезное переосмысление на протяжении XVIII—XX вв., утратив целый ряд значений, присутствовавших в них изначально.

Только к середине XIX в. за словом «самовластие» окончательно закрепилось резко отрицательное значение бесконтрольной деспотической власти и вместе с тем определенного индивидуального качества, которое можно было бы назвать самодурством и произволом.

Пришедшее из церковно-славянского языка слово «самовластие» было калькой греческого понятия *αυτοκρατης* и означало не что иное, как абсолютную полноту власти — и в применении к личности (власть над силами души и силами внешнего мира), и в отношении целостного социально-политического образования. В связи с христианским подходом к личности это понятие встраивалось в определенную смысловую перспективу: изначально благой дар, отражающий богоподобие человека, и одновременно дар крайне опасный, открывающий путь к произволу, своевольству и отпадению от Бога. Можно привести примеры глубоко положительного осмысления в этом ключе понятия «самовластие» в XVIII в.: «...ничем больше наш род от скотов не разнится, как самовластия дарованием...»;⁷ «В сем состоит нашего Произволения самовластие. Великое, дивное и неоцененное человеческого умствования преимущество!»;⁸ «...самовластие есть главное совершенство — зависеть самому существовать от себя, ничего взаимно не приемля от существа отличного».⁹ Другая цитата, взятая из секуляризованной словесности, отражает унаследованную от церковной учительной словесности традицию предостережений в отношении этого благого дара: «Несть бо на сем свете веселостнее человеку самовластия; но аще не вознудаети благоразумным удержанием того самовластия, то породит оно самомнение и высокоумие».¹⁰

Понятие «самовластие» в применении к личному человеческому качеству в литературном употреблении восприняло в основном негативную сторону первоначального семантического поля. Еще в «Рассуждении из натуральной богословии...» (1769) Д. С. Аничкова можно найти указание на этический ряд, в который включается это понятие: «Ибо во всяком человеке, не выключая и просвещенного, действительно примечается столько склонности к тщеславию, самовластия и к самолюбию, сколько и ко лжи».¹¹ Как обозначение одного из отрицательных качеств души понятие «самовластие» вошло и в русскую классическую литературу XIX в. Аничкову вторит Н. Г. Чернышевский: «В каждой многочисленной корпорации есть люди нравственно дурные, люди, которым дорога не столько собственная выгода, сколько возможность удовлетворять дурным страстям: тщеславию, самовластия, лености, низким порокам и т. п.».¹² Ср. в «Отце Сергии» Л. Н. Толстого:

«— Кто вы? зачем вы? — сказал он.

— Да отворите же, — с капризным самовластьем сказала она. — Я измерзла. Говорю вам, заблудилась».¹³

⁷ Барклай Д. Аргенида / Пер. В. К. Тредьяковского. СПб., 1751. Ч. 1. С. 456. Приведенные здесь и далее примеры словоупотребления частично заимствованы из Большой картотеки современного русского литературного языка и Картотеки словаря русского языка XVIII в. Института лингвистических исследований РАН (С.-Петербург), сотрудникам которого автор выражает искреннюю благодарность.

⁸ Тредиаковский В. К. Слово о премудрости // Соч. СПб., 1752. Т. 1. С. 241.

⁹ Кантемир А. Письма о природе и человеке // Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1868. Т. 2. С. 76.

¹⁰ Посошков И. Т. Зеркало очевидное. Казань, 1898. Вып. 1. С. 9 (по рукописи 1708 г.).

¹¹ Аничков Д. С. Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания... М., 1769. С. 22.

¹² Чернышевский Н. Г. Ответ на замечания г. Провинциала // Полн. собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 146.

¹³ Толстой Л. Н. Отец Сергий // Собр. соч. М., 1959. Т. 12. С. 69.

Интересно отметить, что в психологически изолированной прозе Достоевского понятие «самовластие», по-прежнему передающее весьма отрицательное личное качество, укрупняется, в нем словно мерцает первоначальное значение волевого центра личности, источника всех ее спонтанных проявлений. Ср. слова Красоткина Алексея: «Я не приходил из самолюбия, из эгоистического самолюбия и подлого самовластия, от которого всю жизнь не могу избавиться, хотя всю жизнь ломаю себя».¹⁴

Вместе с тем, хотя слово «самовластие» и употреблялось, начиная с XVIII в., в значении определенного человеческого качества, словарями вплоть до тридцатых годов XIX в. оно фиксируется лишь как политическое понятие. Церковно-славянское происхождение слова привело, по-видимому, к включению его прежде всего в круг абстрактно-высоких понятий. И в этом отношении самовластие как свободная, независимая от посторонних вмешательств способность воления некоей политической инстанции носила отнюдь не отрицательный, но, скорее, ценностно-нейтральный характер. Так, в первом издании «Словаря Академии Российской» (1789) слово «самовластный» поясняется как «не зависящий ни от кого; не подлежащий, не подверженный ничьей власти. Правление самовластное».¹⁵ «Самовластитель» здесь же поясняется как «управляющий с беспредельною властью».¹⁶ В издании того же «Словаря» 1803 г. формулировки незначительно изменены: «Самовластный — 1) Облеченный неограниченною властью. Самовластный государь 2) Свойственный самовластителью. Самовластное правление»; «Самовластитель — управляющий с неограниченною властью».¹⁷

Широкую перспективу бытования понятий «самовластие», «самовластный» и производного от них «самовластитель» в ряду политической лексики дают словари иностранных языков XVIII—начала XIX в. Так, трехязычный «Лексикон» С. Волчкова (1755) дает, например, такую группировку однородных политических понятий: «Despotique, commanement despotique, Die höchste Gewalt, Summum imperium — высочайшая власть, самодержавие, самовластие, самодержавство».¹⁸ Во французско-русском словаре 1768 г.: «Pouvoir absolu, indépendant — безусловная, независимая сила, самовластие».¹⁹ В русско-французском словаре 1780 г. приводились такие эквивалентные понятия: «Самовластие — l'indépendance, la souveraineté, le pouvoir souverain; самовластный — indépendant, souverain, despotique; самовластный государь — un Prince souverain».²⁰ Во французско-русском «Лексиконе» 1786 г. прилагательному «souverain» даны следующие варианты перевода: «одновладельческий, самовладельческий, самовластный, самодержавный, независимый, неограниченный. Le prince souverain — самовластный государь»; существительное «souverain» переведено как «монарх, государь, самовластный государь», самодержец».²¹ Во французско-русском словаре 1809 г. слово «souveraineté» пояснено как «самовластие, самодержавие, беспредельная власть, государство».²² Этот круг французских эквивалентов интересующих нас русских лексем практически неизменен во всех словарях начала

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 305.

¹⁵ Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Т. 1. С. 752.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Словарь Академии Российской. СПб., 1803. Т. 4. С. 183.

¹⁸ Волчков С. Новый лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках. СПб., 1755. Ч. 1. С. 712.

¹⁹ Полный французский и российский лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный Собранием ученых людей. СПб., 1768. Ч. 2. С. 310.

²⁰ Нордстон Ив. Российский с немецким и французским переводами словарь. СПб., 1780. Ч. 2. С. 724.

²¹ Полный французский и российский лексикон. СПб., 1786. Ч. 4. С. 672.

²² Французский и российский словарь, сочиненный по лучшим и новейшим французским словарям Иваном Геймом. М., 1809. Ч. 2. С. 241.

XIX в. Еще в русско-французском словаре Филиппа Рейфа, изданном в 1835 г., «самовластие» переводится как «*souveraineté, pouvoir souverain*», «самовластитель — *souverain absolu, autocrate*», «самовластвовать — *regner souverainement, avoir un pouvoir illimité*».²³

Таким образом, словарями второй половины XVIII—начала XIX в. понятия «самовластие», «самовластный», «самовластвовать» и «самовластитель» соотносятся с рядом понятий европейских языков, означающих высшую властную инстанцию, носителя высшей государственной власти или, соответственно, действия или качества этой власти. Особенно показательно настойчивое отождествление этих понятий с французскими терминами, производными от «*souverain*». Это, пожалуй, более всего подчеркивает возможность их ценностно-нейтрального употребления. Кроме того, становится понятно, что наряду с основным кругом значений, связанных с отождествлением высшей власти с властью государя, монарха, понятие «самовластие-*souveraineté*» могло переноситься и на другие формы государственной власти, в частности республиканскую. Ср., например, сообщение в «Ежемесячных сочинениях» 1755 г.: «На том же основании голландцы малую свою землицу республикою учинили, и интересы свои так защитили, что Гишпания со всею своею силою принуждена стала с сею республикою как с самовластною областью поступать».²⁴ Одно из значений слова «самовластие» соответствует, таким образом, современному понятию «суверенитет», возникшему как языковая калька.

* * *

Бытование слова «самовластие» как перевода французского «*souveraineté*» заставляет вспомнить об активном переосмыслении последнего во французской политической литературе предреволюционного и революционного периода, которое произошло благодаря трактату Руссо «Об общественном договоре». Именно Руссо ввел понятие «народного суверенитета», народа как собирательной личности, возникшей благодаря «общественному договору» и названной им подлинным сувереном: «...вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения (...) акт ассоциации создает условное коллективное Целое (...). Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю. (...) его члены называют этот политический организм (...) Сувереном»;²⁵ «подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общею волей, носит (...) имя суверенитета».²⁶ Новация Руссо состоит, таким образом, в том, что наименование «Суверен» оказалось отнесено им не к некоему отдельному высшему по отношению к подданному человеку, или даже политическому учреждению, но к целому сообществу, коллективу, субстантивированному и получившему свое индивидуальное бытие, представленному как целокупная личность.

Согласно Руссо суверен, означающий народ-личность, является высшей и последней инстанцией законотворчества, а само законотворчество должно быть подлинным и единственным выражением власти собирательной народной личности: «Суверен, не имея другой силы, кроме власти законодательной, действует только посредством законов; а так как законы суть лишь подлинные акты общей воли, то суверен может действовать лишь тогда, когда народ в собраньи».²⁷ Соответственно никакие

²³ Рейф Ф. Русско-французский словарь, или Этимологический лексикон русского языка. СПб., 1835. Т. 1. С. 118.

²⁴ Ежемес. соч. 1755. Ч. 1. С. 128.

²⁵ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 161—162.

²⁶ Там же. С. 171.

²⁷ Там же. С. 218.

высшие законы власти над народом-сувереном не имеют: «Поскольку суверен может рассматривать себя лишь в одном-единственном отношении, то он попадает в положение частного человека, вступающего в соглашение с самим собою; раз так, нет и не может быть никакого основного закона, обязательного для народа в целом, для него не обязательен даже общественный договор».²⁸

Суверен-законодатель, по мысли Руссо, обладает и правом смертной казни по отношению к тому, кто нарушил «общественный договор». Под эту кару естественно должен подпадать и высший правитель, узурпировавший в корыстных целях права народа-суверена.

Такого рода идеи и сопровождающая их риторика широко вошли в арсенал политического красноречия эпохи французской революции. Ограничимся только одним примером руссоистской риторики — из оды «Короли» Экушара Лебрена, как известно, наиболее вероятного претендента на роль «возвышенного галла», к которому взывает Пушкин в оде «Вольность».²⁹ Ода Лебрена завершается эффектной строфой:

Tyrans! les nations sommeillent.
Ah! si jamais ils se réveillent,
Ces peuples souverains détrônés les rois!
Si les abus de la puissance
Rendaient à l'homme enfin le premier de ses droits,
La douce et fière indépendance!³⁰

Отметим строку «Народы-суверены, свергнутые с тронов королями!» — в начале XIX в. в качестве равноправного варианта перевода могли бы фигурировать слова «самовластные народы».

История восприятия в России руссоистской концепции народного суверенитета на протяжении XVIII в. исследована в ряде работ Ю. М. Лотмана.³¹ Ученым показано было, в частности, что в сознании русского общества рубежа XVIII—XIX в. идеи трактата Руссо напрямую связывались с событиями французской революции. Отсутствие перевода на русский язык политически острой работы Руссо «Об общественном договоре» и явной полемики вокруг нее не позволяют, однако, говорить о сложившейся традиции перевода центрального в системе Руссо понятия «народный суверенитет». А. Н. Радищев, активнейший сторонник идеи народного суверенитета, пользовался другими словами из приведенных выше словарных синонимических рядов для выражения воспринятой им идеи. В выполненном им переводе «Размышления о греческой истории» Мабли, написанного под влиянием идей Руссо, встречаются, например, такие пассажи: «Народному же телу отдал законодатель сей власть самодержавную, то есть право давать законы, учреждать мир или войну и поставлять судей...»;³² «Самодержавство, коим народ пользовался».³³ В «Путешествии из Петербурга в Москву» концепция народного суверенитета применяется Радищевым в отношении древней новгородской республики и выражена уже иными словами: «Известно по лето-

²⁸ Там же. С. 162—163.

²⁹ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская революционная ода: (Экушар Лебрен) // *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 315—359.

³⁰ *Oeuvres choisies de Le Brun.* Paris, 1821. T. 1. P. 205.

Тираны! народы дремлют.
Ах! если бы они когда-нибудь пробудились,
Народы-суверены, свергнутые с тронов королями!
Если бы преступления власти
Вернули наконец человеку первое из его прав,
Сладостную и благородную независимость! (*фр.*)

³¹ См.: *Лотман Ю. М.* 1) Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. Таллин, 1992. С. 40—99; 2) Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Там же. С. 134—158.

³² *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 235.

³³ Там же. С. 236.

писям, что Новгород имел народное правление. (...) Народ, в собрании своем на вече, был истинный Государь».³⁴ Впоследствии в послании «первого декабриста» В. Ф. Раевского «К друзьям в Кишинев» (1822) концепция народного суверенитета в применении к древнему Новгороду получит опять-таки иное терминологическое выражение:

Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священы времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издаlech
Царей кичливых рамена.³⁵

Среди разнообразия возможных словесных выражений идеи народного суверенитета равноправное положение должно занять и понятие «самовластие». В связи с нашей темой особенно важно, что понятие «своевластитель», этимологически крайне близкое к слову «самовластитель», встречается в записях лицейских лекций А. П. Куницына, из которых юный Пушкин должен был почерпнуть идеи «общественного договора» и соответствующую им терминологию. «Как нравственное, так и физическое лицо, — говорилось в лекции Куницына, — коему вверяется избрание средства для цели государства, называется *своевластителем*, *souverain*. Вверенное своевластителю право избирать средства для цели называется верховной властью».³⁶ «Нравственное лицо» как возможный своевластитель, носитель «верховой власти» расшифровывается Куницыным как «общество (...) которое решит избрание средств по общему согласию или по большинству голосов, или неопределенное нравственное лицо, т. е. временное большинство голосов в собрании всех сочленов».³⁷ Иными словами, возможным «своевластителем» лицейский профессор считал, наряду с монархом, как тот или иной коллективный орган государственной власти, так и решающее большинство всеобщего народного собрания. Политическая концепция Куницына отнюдь не отличалась радикализмом Руссо, рассматривавшего «народ в собрании» как единственного подлинного суверена, но сама терминология Куницына безусловно могла быть использована и в руссоистском ключе.

Вместе с тем нужно более внимательно отнестись как к тому легкому изменению, которое вносит Куницын, заменяя подсказываемое словарями понятие «самовластитель» «своевластителем», так и к тому, что от этого перевода отказывался Радищев, активно употреблявший слово «самовластие» в другом контексте. Несмотря на ценностно-нейтральное значение политического термина, фиксируемое словарями, самовластие как политическое понятие в литературном словоупотреблении второй половины XVIII—начала XIX в. приобретало весьма часто негативную окраску. Это связано, видимо, с представлением об опасном своеволии, заложенном в исходном церковно-славянском понятии и сказавшемся на бытовании слова в значении психологического качества. В политическом обиходе слово «самовластие» очень часто употреблялось как характеристика власти, основанной на произволе и самодурстве, свободной от каких-либо нравственных ограничений.

«Хотя же она совершенную и полную власть имеет, — писал автор статьи в новиковском журнале «Живописец» применительно к Екатерине II, — однако законы постановляет, несмотря на самовластие, но попирая оное, ищет в том не собственной, но общей пользы».³⁸ «Само-

³⁴ Там же. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 262.

³⁵ Раевский В. Ф. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1967. С. 164.

³⁶ Куницын А. П. Энциклопедия прав // Избранные социально-политические и философские сочинения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 609.

³⁷ Там же.

³⁸ Живописец. 1772. Ч. 1. С. 91.

власти» здесь означает возможность власти быть бесконтрольной. Под энергичным пером радикально настроенного Радищева понятие «самовластие» приобрело уже резко негативный смысл дикого эгоистического произвола: «Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! Он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу».³⁹ Определенно отрицательные коннотации, хотя и лишённые взрывного эмоционального заряда Радищева, получило понятие «самовластие» в произведениях Карамзина: «...надобно с великим благоразумием учредить искусственные отношения, — рассуждал автор статьи в карамзинском «Вестнике Европы», — и естли ошибешься в равновесии властей, то откроешь путь к деспотизму или самовластию, ибо верховное начальство необходимо; когда же законодатель не умел согласить его с вольностью, тогда люди сильные или богатые им завладевают и будут пользоваться как своим завоеванием без правил и бережливости».⁴⁰ Именно карамзинское словоупотребление определило в данном отношении языковую норму для художественной и политической литературы начала века. Дальнейшее нагнетание отрицательного оценочного потенциала понятия «самовластие» может быть прослежено в декабристской литературе. Приведем по крайней мере один фрагмент из «Любопытного разговора» М. Н. Муравьева, в котором дано формульное определение самовласти: «„Что значит государь самодержавный?“ — „Государь самодержавный, или самовластный, тот, который сам по себе держит землю, не признает власти рассудка, законов божиих и человеческих; сам от себя, то есть без причины, по прихоти своей властвует“».⁴¹ Самовластие представлено, таким образом, как власть, лишённая какого бы то ни было позитивного основания, извращение власти, требующее скорейшего устранения.

* * *

После этого экскурса в историю понятия «самовластие» можно наконец сформулировать нашу гипотезу о пушкинском «самовластительном злодее». Поэт актуализирует, как нам кажется, обе сферы бытования этого понятия: сферу руссоистской политической теории и русской политической публицистики. Речь идет, иными словами, о народе как самовластном субъекте в соответствии с концепцией «народного суверенитета» Руссо, и в то же время именно эта собирательная личность получает резко негативную оценку. Предположенное толкование проясняет, на наш взгляд, концепцию стихотворения, ибо более четкой и прямой делается центральная мысль поэта о том, что «ни народу, ни царю не позволено властвовать законом». Кроме того, более логичным представляется и соотношение оды с ее источниками и ближайшим литературным контекстом.

Политической концепции пушкинской оды «Вольность», так же как и ее литературным источникам, посвящена весьма обширная литература.⁴² Горячую полемику вызывает при этом соотношение литературной

³⁹ Радищев А. Н. О человеке, его смертности и бессмертии // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 69.

⁴⁰ Вестн. Европы. 1802. Ч. 5. № 20. С. 304.

⁴¹ Муравьев М. Н. Любопытный разговор // Избранные социально-политические и философские сочинения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 331.

⁴² См., например: Лескис Г. А. Политическая лирика Пушкина (1817—1820) // Пушкин в школе. М., 1951. С. 203—233; Томашевский Б. В. Политическая доктрина «Вольности» // Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. С. 156—172; Базанов В. Г. К вопросу об идейной концепции пушкинской оды «Вольность» // Рус. лит. 1961. № 1. С. 39—43; Ланда С. С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России // Пушкин и его время: Исследования и материалы. Л., 1962. Т. 1. С. 111—113; Пугачев В. В. Предыстория Союза Благоденствия и пушкинская ода «Вольность». С. 134—139; Стенник Ю. В. Ода «Вольность» и стихотворение «Деревня» // Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 62—90.

традиции и политической концепции. Проблемой является уже то, связывать ли комплекс идей, высказанных в оде, с той или иной из обнаруживаемых в ней литературных традиций, несущих, в свою очередь, мощный идеологический заряд, или же выводить его непосредственно из сферы политических дискуссий оппозиционных петербургских кружков конца 1810-х гг.

Более подробно складывающаяся картина литературной преемственности может быть очерчена следующим образом. Два имени определяют поэтическую традицию оды «Вольность» — Радищев и Державин. Ода «Вольность» А. Н. Радищева могла быть известна Пушкину только в редакции, включенной в «Путешествие из Петербурга в Москву». С ней перекликаются название и основная тема пушкинской оды — «вольность и закон», — которая была заявлена уже в прозаическом вступлении к оде Радищева, цитировавшего «Наказ» Екатерины: «...вольностью называть должно то, что все одинаково повинуются законам. Следственно о вольности у нас говорить вместе».⁴³ С Радищевым связан и целый ряд реминисценций, суммированных в свое время П. О. Морозовым.⁴⁴ Ряд этот, впрочем, может быть уточнен и расширен. Имя Державина необходимо возникает уже потому, что пушкинская ода написана весьма специфической строфой (с рифмовкой по схеме АБАБВГГВ), восходящей к державинской оде «Вельможа» (1794). О поэзии Державина напоминает также, как отмечалось исследователями, пафос обличительной гражданской оды: «урок царям» и апелляция к «вечному закону».

Кроме имен Державина и Радищева, не названных прямо, но выявляемых из поэтического контекста, в оде присутствует еще и непосредственное обращение, сигнализирующее о поэтической ориентации, — к «возвышенному галлу». Из гипотез о том, кто скрывается под этим именем, до сих пор самая убедительная принадлежит, как отмечалось выше, Б. В. Томашевскому, доказывавшему, что речь идет о поэте революции Экушаре Лебрене, ценившемся в 1810-х гг. наравне с великими французскими описцами прошлого. Связей с какими-либо конкретными одами Экушара Лебрена или иных поэтов французской революции исследователям пока обнаружить не удалось.

Присутствие в семантическом поле стихотворения элементов поэзии Державина и Радищева, чьи политические позиции были весьма различными, привело к полярным мнениям об оде Пушкина. Высказывалась, с одной стороны, мысль о предельной близости Пушкина политическому радикализму Радищева.⁴⁵ В этом случае, между прочим, часто апеллируют к строфе о «самовластительном злодее», корректирующей, как кажется, неприятие казни короля, которое высказано в предыдущей строфе, в сторону радищевской идеи о допустимости народной расправы с деспотом.⁴⁶ Другая крайняя концепция связывает весь комплекс пушкинских идей с гражданскими одами Державина.⁴⁷ В этом случае державинские апелляции к справедливости и законности, сочетающиеся с непреклонной верой в монархический абсолютизм, представляются главным источником пушкинской идеи закона. Вместе с тем большинство исследователей не разделяет эти крайние мнения. «В основе „Вольности“ Пушкина, — писал Б. В. Томашевский, — лежит политическая доктрина, соответствующая взглядам его именно тех лет, когда создавалась эта ода,

⁴³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 354.

⁴⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 514.

⁴⁵ См.: Куканов А. М. Вольнолюбивая поэзия Пушкина 1817—1820 гг. в свете радищевских традиций // Учен. зап. Мордовского ун-та. 1967. Вып. 61. С. 44—113.

⁴⁶ «Горячее и взволнованное осуждение на смерть царя-тирана в пушкинской оде, — отмечает А. М. Куканов по поводу этой строфы, — переключается с радищевским призывом народа к расправе с деспотом» (Там же. С. 68).

⁴⁷ См.: Вальденберг В. Природа и Закон в политических воззрениях Пушкина // Slavia. Praha, 1925. Roc. IV. Ses. 1. S. 71—85.

доктрина, не заимствованная из оды Радищева и во многом расходящаяся с тем, что заключалось в радищевской „Вольности”». ⁴⁸ Расхождения вызваны прежде всего отношением к революционному образу действий и казни монарха. По справедливому мнению исследователя, пушкинская мысль, склонявшаяся к конституционной монархии, принципиально расходилась и с идеологией Державина, отстаивавшего просвещенный абсолютизм. В результате вывод, сделанный Б. В. Томашевским, был следующим: «Обратившись к Державину и Радищеву, Пушкин не последовал ни за одним из них. Его ода совершенно независимо от них решает основные вопросы гражданской свободы. В этом, может быть, заключается скрытая полемика Пушкина с обоими его предшественниками». ⁴⁹ Таким образом, оды Державина и Радищева в отношении оды Пушкина представлялись исследователю своего рода набором исходных элементов, получивших совершенно оригинальное сочетание, которое не имеет ничего общего с их значением в исходных системах. К этой взвешенной концепции близок и Ю. В. Стенник, в своей монографии «Пушкин и русская литература XVIII века» посвятивший «Вольности» и «Деревне» отдельную главу. Исследователь указывает на лексику и поэтические формулы гражданской поэзии XVIII в. как на широкий набор элементов, использованных Пушкиным. ⁵⁰

Отказ от однобоких интерпретаций в концепциях названных выше исследователей вполне правомерен. Вместе с тем несовпадение пушкинской политической мысли с идеалами обоих поэтов-предшественников отнюдь не обязательно означает выстраивание новой идеи на обломках традиции. Такая идея возникает, как правило, не из молчаливого пренебрежения предшественниками, но из активного взаимодействия с ними. Державин и Радищев на протяжении всей жизни воспринимались Пушкиным как наиболее крупные представители русской литературы XVIII в. Уже одно это должно было в глазах поэта выделить их наследие в самостоятельные комплексы, отнюдь не растворяющиеся в общей гамме гражданских мотивов поэзии предшествующей эпохи. К тому же оба они были и острейшими политическими мыслителями, стяжавшими известность и на литературном, и на гражданском поприще, что естественно подталкивало к осознанному диалогу с ними в произведении, поднимавшем их излюбленные темы.

Замечание Б. В. Томашевского, завершившее его анализ литературных источников пушкинской «Вольности», кажется чрезвычайно многозначительным, дающим простор для продолжения исследования. «Существенно лишь то, — писал ученый, развивая свою мысль о слабой связи оды Пушкина с одами его предшественников, — что все три оды (имеются в виду «Вольность» Радищева и Пушкина и «Вельможа» Державина. — *Е. В.*) не представляют собой отвлеченной декламации на общие места гражданских истин, какая встречалась в александровское время у разных поэтов. Это три лирических „рассуждения” на основные вопросы бытия гражданского общества». ⁵¹ Именно акцентированность проблематики «бытия общества», вырастающей из обсуждений скоропреходящих политических мнений, свидетельствует, как нам представляется, в каждом из трех случаев о глубокой связи с традицией: применительно к Радищеву и Державину — с традицией философской и религиозной мысли, применительно к Пушкину — с традицией по преимуществу литературной, впитавшей в себя философскую проблематику.

⁴⁸ Томашевский Б. Пушкин. Кн. 1. С. 153. Критику толкования пушкинской «Вольности» в «радищевском» ключе см., кроме того, в статье: *Вальденберг В.* «Вольность», ода Пушкина, и «Вольность» Радищева // *Slavia*. Praha, 1939. Roc. XVI. Ses. 2—3. S. 269—276, а также в указанных работах В. Г. Базанова и В. В. Пугачева.

⁴⁹ Томашевский Б. Пушкин. Кн. 1. С. 156.

⁵⁰ См.: Стенник Ю. В. Ода «Вольность» и стихотворение «Деревня». С. 69—81.

⁵¹ Томашевский Б. Пушкин. Кн. 1. С. 156.

Характер взаимодействия «начал», ведущих к Державину и Радищеву, обнаруживается уже в соотношении «формы и содержания» пушкинской оды. В державинскую по происхождению строфическую форму поэт заключает гимн Вольности — содержание, немыслимое в системе позитивных идей Державина и отсылающее к знаменитой оде Радищева. Зачин оды с его обращением к олицетворяемой Свободе, пуанта первой строфы с ее угрозой тиранам, эскизная картина мировой истории с периодами господства «предрассудков», способствующих утверждению «неправедной власти», — все эти элементы содержания первых трех строф Пушкина восходят к непосредственно, и опосредованно — через Радищева — к радикальным просветительским установкам и невозможны в подобном виде в стихах Державина. Отношения «формы и содержания» открывают путь и к пониманию концептуальной согласованности политических идей и поэтических миров двух предшественников, претендовавших на глубокое философское обоснование своих политических позиций.

«Основные вопросы бытия гражданского общества» решались обоими поэтами XVIII в. принципиально по-разному. Для того чтобы очертить в необходимом нам объеме эти решения, следует, по-видимому, отойти от набора политических клише — «монархизм», «конституционная монархия», «республика» — и выделить те структуры общества, которыми поэтами придан статус «бытия», подлинно сущего, непреложного основания политического здания.

Концепция Державина сводится к иерархически выстроенному патриархальному обществу. Одна из отчетливых иллюстраций этой концепции содержится в оде «Вельможа»:

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к Богу,
Хранит Царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строго
Наследным перлом жен, детей,
В единомушии — блаженство,
Во правосудии — равенство,
Свободу — во узде страстей.

Блажен народ! — где Царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает, —
Повелевает же сама.

Сим твердым узлом естества
Коль царство лишь живет счастливым, —
Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, Царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.⁵²

Общество, таким образом, представляет единое тело, роль «главы» которого, т. е. решающей инстанции, отдана монарху, царю. Народ же с детской верой полагается на «главу», соблюдая полное единомушие. Не имея своей воли в политическом целом, народ может, однако, испытывать восхищение от переживания общего согласованного действия. В другой державинской аллегории, представляющей общество в виде колесницы (та же картина народа как тела в аллегорическом образе, вос-

⁵² Державин Г. Р. Соч. / С объяснит. примеч. Я. Грога. СПб., 1864. Т. 1. С. 632—633.

ходящем к Платону), выделен именно эстетический момент радости народа, всецело подчиняющегося монарху: «Хоть под ярмом себя считают, / Но, ставя славою общий труд, / Дугой нагнув волнисты гривы, / Бодрятся, резвятся, бегут, / Великолепный и красивый / Вид колеснице придают».⁵³ В этой гармонической картине патриархального общества Державин особую важность придает передаточным и посредующим звеньям между народом и монархом, формирующим иерархическую структуру, «здравым членам тела» — вельможам. Четкое исполнение порученных им функций государственного механизма, ревностность и правдивость в осуществлении роли проводников «информации» от «тела» к «главе» и от «главы» к «телу» составляют, по Державину, основу благополучия государства. Ода «Вельможа» в данном случае затрагивает один из важнейших, если не центральный, вопрос политических мышлений Державина.⁵⁴

Только что данное описание державинской концепции общества требует одного существенного уточнения. Статус государя и иерархия общества, отстаиваемые Державиным, не являются самодовлеющими феноменами, претендующими на самосакрализацию. Новаторство Державина в жанре оды, по замечанию Ю. В. Стенника, связано как раз с тем, что поэт устранил антитезу «земное — божественное», определявшую в стихах Ломоносова отношение подданных и монарха.⁵⁵ Монарх переведен в земной план и онтологически уравниен с простым человеком: «монарх и узник — снедь червей...». Более того, помнит о своей общности с человечеством Державин вменяет в непренную обязанность царю: «Будь страстей своих владетель, / Будь на троне человек».⁵⁶ Иногда царь или даже могущественный вельможа у Державина может быть назван «земным богом», но «земной бог» живет и владевает, сознавая это или нет, перед очами «Всевышнего Бога», который некогда «восстанет» и будет «судить» его по делам его. Права царя даны монарху высшей властью Бога, или высшим Законом. Поэт утверждает, что божественная санкция распространяется именно на общество, организованное по типу патриархальной иерархии, но сами сферы божественного и земной власти при этом различаются. Последнее открывает возможность переинтерпретации державинской системы, сохраняющей дистанцию между небесной властью и земной иерархией, но меняющей соотношение сил внутри иерархии. Иными словами, существует возможность принять основные контуры политического бытия, запечатленные Державиным, оспорив при этом то, на какой именно порядок внутри гражданской иерархии дана божественная санкция. По-видимому, именно эта возможность, реализованная в пушкинской «Вольности», и определила «форму политической концепции» стихотворения.

Согласно Радищеву, «бытие гражданского общества» приобретает совершенно иной вид. Подлинным бытием Радищев вслед за Руссо наделяет народ как целое, как субъект воления, лишенный внутренней иерархичности.⁵⁷ Конкретная иерархическая структура власти рассматривается только как временная администрация, которой народ доверил управление.

Радищевская концепция в образном и метафорическом виде предстает в его оде «Вольность» в строфах о казни преступного короля. Народ, судящий короля, является здесь подлинным государем, который занял престол, похищенный узурпатором: «Сковав сторучна исполина, /

⁵³ Там же. С. 526.

⁵⁴ О политических воззрениях Державина см.: Гордин М. А. Владислав Озеров. Л., 1991. С. 83—86, 115—119.

⁵⁵ См.: Стенник Ю. В. Ода «Вольность» и стихотворение «Деревня». С. 53.

⁵⁶ Державин Г. Р. Соч. / С объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 1. С. 84.

⁵⁷ О роли идеи «народного суверенитета» в работах Радищева см.: Лотман Ю. М. 1) Радищев и Мабли // Лотман Ю. М. Избранные статьи. С. 40—99; 2) Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Там же. С. 134—158.

Влечет его как гражданина, / К престолу, где народ воссел». ⁵⁸ Далее разворачивается обширная обвинительная речь народа, произносимая «с престола» и начинающаяся грозными словами: «Преступник власти мною данной! / Вещай, злодей, мною венчанной, / Против меня восстать как смел?». ⁵⁹ В варианте оды, включенном в «Путешествие из Петербурга в Москву», этот эпизод выделен еще более рельефно. Конец его, содержащий энергичный призыв к казни короля, здесь сжат и содержит завершающую эпизод прозаическую концовку: «„Злодей, злодеев всех лютейший... / Ты все совокупил злодеяния, а жало свое в меня устремил... / Умри, умри же ты стократ”. / Народ вещал...». ⁶⁰ Суд народа над монархом приобретает при этом дополнительный смысл низвержения богоборца восставшим «высшим богом», ибо народ требует к себе обращения как к божеству. «Взывать стал не ко мне, но к Богу, / А мной гнушаться восхотел», «Возмнил, что ты Господь, не я», ⁶¹ — упрекает судья-народ монарха. «Кичливая и строптивая» власть монарха предстает в виде «огромного истукана». В предыдущих строфах оды представлено было «подлинное» божество золотого века народовластия: «закон в виде божества во храме, коего стражи суть истина и правосудие»; «Родства не знает, ни приязни, / Равно делит и мзду и казни; / Он образ Божий на земли». ⁶² Но этот бесстрастный закон — не что иное, как субстантивированная и обожествленная воля народа: «Возникла обща власть в народе, / Сборной всех властей удел. / Ей общество во всем послушно (...) Вот что есть в обществе закон». ⁶³

Все это можно считать великолепной иллюстрацией руссоистской концепции народного суверенитета. Следует отметить, однако, и весьма существенное различие взглядов Радищева и Руссо, которое состоит в том, что человек, по Радищеву, не теряет в гражданском обществе своей естественной свободы, в то время как у Руссо переход от естественного состояния к гражданскому связан с полным подчинением личности коллективному *souverain*'у. ⁶⁴ Эта особенность позиции Радищева получила выражение на многих страницах «Путешествия...», но как раз в оде «Вольность», где речь идет о «массовых процессах» истории, следов ее не так много. Можно было бы и не упоминать об этой детали в связи с нашей темой, тем более что и в пушкинской «Вольности» вопрос соотношения личной свободы и свободы гражданского общества в явном виде не ставится. Но отметить этот нюанс важно, ибо он дает понятие о том позитивном остатке, который сохраняется за вычетом из радищевской концепции представления о народе-суверене, — операции, которую как раз и совершает Пушкин.

Итак, концепции «бытия гражданского» общества Радищева и Державина радикально противоположны. В используемых ими олицетворе-

⁵⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 358.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 360.

⁶¹ Там же. С. 361.

⁶² Там же. С. 356.

⁶³ Там же. С. 355. О внимательном чтении Пушкиным этого фрагмента оды Радищева с ее богоборческими мотивами свидетельствует позднейшая реминисценция в стихотворении из цикла «Подражания Корану» (1824) «С тобою древле, о всесильный», развивающем эпизод богоборчества. Ср. похвалбу монарха у Радищева, предшествующую восстанию народа, и похвалбу пророка у Пушкина:

По воле, рек, шажу злодея,
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется.
Живешь тогда, велю коль жить.
(Там же. С. 357)

Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.

(II, 354)

⁶⁴ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века. С. 80—81.

ниях это проступает самым наглядным образом. Народ, составляющий основание пирамиды, на вершине которой пребывает монарх, и народ, отождествляемый с монархом, *souverain*'ом, — едва ли не зеркальные по образности построения. Но вместе с тем именно эти концепции приводятся во взаимодействие в пушкинской оде. Пушкинская позитивная программа состоит из двух моментов, отсылающих соответственно к системам Радищева и Державина: настойчивая проповедь «вольности святой», свободы и гражданской активности, даруемой народу, и, с другой стороны, уверенное признание иерархии: «Владыки! вам венец и трон / Дает закон, а не природа; / Стоите выше вы народа, / Но вечный выше вас закон» (I, 46). Соотношение «радищевского» содержания и «державинской» формы аналогично суперпозиции двух идеологических систем: в «державинскую» иерархическую структуру общества поэт вписывает народную вольность, «радищевскую» по своим ближайшим истокам. Кавычки здесь необходимы потому, что Державин и Радищев дали гениальные выражения крайних и бескомпромиссных политических позиций XVIII в., и имена их в данном случае служат лишь фиксации идейных полюсов.

* * *

Обращение молодого поэта к наследию Державина и Радищева обусловлено не только политической актуальностью их идей. Политическое «содержание» отнюдь не играло здесь самостоятельной и ведущей роли по отношению к «форме» как таковой, т. е. к факту поэтического высказывания вообще. Создавая «Вольность», Пушкин сознательно формирует образец жанра гражданской оды, впервые появляющейся в его творчестве. Оды Державина и Радищева оказывались наиболее яркими и при этом предельно индивидуальными проявлениями жанра в русской поэзии и уже поэтому требовали к себе особого внимания. Державин явно определял норму жанра, в то время как единственная ода Радищева представляла голос одинокого, но сильного в своей правде оппонента.

Задумываясь в связи с этим о причинах создания пушкинской оды, не следует, по-видимому, придавать столь исключительное значение известному по мемуарам предложению, исходившему то ли от Н. И. Тургенева, то ли от П. П. Каверина, написать стихи на Михайловский замок.⁶⁵ Перед нами, скорее всего, то, что в терминологии Аристотеля называлось «генетической причиной», импульсом, необходимым для становления «вещи». Но наряду с «генетической» должна существовать и «формальная» причина, определившая структуру и форму «вещи». В поисках этой «формальной» причины стоит внимательно отнестись к особенностям творчества Державина, которые могли подсказать структурные черты пушкинской оды и идею переключки-полемики с Радищевым.

Ода «Вельможа», размер которой использовал Пушкин, вероятнее всего, была известна ему по первому тому пятитомного издания Державина, вышедшего в 1808 г. и остававшегося на момент создания пушкинской оды самым доступным собранием стихотворений «певца Фелицы». Первый том при этом по содержанию был несколько обособлен от остальных, ибо, как подчеркивал Державин в преамбуле, сохранял композицию рукописного тома 1795 г., поднесенного им Екатерине и изданного отдельно в 1798 г.⁶⁶ Содержание тома, таким образом, отсылало к определенной эпохе, к концу екатерининского царствования и кануну воцарения Павла и вместе с тем к разгару французской революции. Подбор стихотворений здесь строился по определенным принципам. Об

⁶⁵ См.: *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. 1. С. 170.

⁶⁶ «Читатели благоволят ныне увидеть первую часть в том самом порядке, в каком она (кроме картин) в 1795 году блаженной памяти покойной Государыне Императрице (...) мною лично поднесена была...» (*Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1808. Ч. 1. С. III—IV).

одном из них косвенным образом свидетельствует эпитафия из Тацита: «О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещалось; когда соединены были вещи несовместные, владычество и свобода; когда при самом легком правлении общественная безопасность состояла не из одной надежды и желания, но из достоверного получения прочным образом желаемого».⁶⁷ Похвала екатерининскому царствованию, подразумеваемая здесь, указывает на «две вещи несовместные», соединившиеся в нем. Под «владычеством» здесь следует понимать, конечно же, сильную и действенную монархическую власть, под «свободой» — ту свободу дворянского сословия, которая была провозглашена в начале екатерининского царствования «Манифестом о вольности дворянства». В тематической структуре сборника «две вещи несовместные» предполагают, с одной стороны, тексты, исполненные гражданского пафоса, содержащие обличения, увещевания, уроки сильным мира сего, а с другой стороны — анакреонтику, гораццианские оды, отражающие переживания свободной и независимой личности.

Наряду с одой «Вельможа», напечатанной в первом томе под номером XXXIX, в связи с одой Пушкина наше внимание должно привлечь еще одно стихотворение под номером XXXIV — «На панихиду Людовика XVI» (1793). Оно наиболее резко и отчетливо выражает реакцию Державина на казнь французского короля. Тематически оно близко предшествующей ему в сборнике оде «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» и помещенной в другом томе собрания «Колеснице». Тема французской революции для державинского сборника вообще чрезвычайно важна и составляет то явный, то подразумеваемый второй план и его политических стихотворений, посвященных России. При всей острой критике поэтом недостойных вельмож российское политическое бытие видится ему идеалом на фоне охваченной революционными распрями Франции (и даже Европы в целом). Ср. в оде «Вельможа»: «О росский бодрственный народ, / Отчески хранящий нравы! / Когда расслаб весь смертных род, / Какой ты не причастен славы? / Каких в тебе вельможей нет?».⁶⁸ Оппозиция «здесь — там», «здесь», т. е. в благословенной России, — «там», т. е. в преступной Франции, открывает и его оду «На панихиду Людовика XVI»: «Здесь к небу вознесен на троне, / А там — на плахе Людовик! / О ужас! о превратность мира! / О оборот стыда, честей! / Попранна там в крови порфира, / А здесь приносят жертвы ей!».⁶⁹

Стихотворение это писалось уже после знакомства Державина с «Путешествием...» Радищева⁷⁰ и, следовательно, с одой «Вольность», в связи с чем вполне вероятно полемичность державинских антиреволюционных инвектив и по отношению к радищевской оде. Если в оде Радищева обуюанный справедливым гневом народ судит безмолвного монарха, некогда «кичливого и строптивого», то у Державина кроткий монарх приносит оправдательную речь перед безмолвным народом, а гнев и проклятия на головы преступных подданных призывает сам автор. Зеркальная ситуация «оправдания-обвинения» приводит к целому набору мотивов, повторяющихся в двух одах «с обратным знаком»:

Давно надменья, властолюбя
Сию личину знаем мы;
Ее и Кромвель брал в орудья,
И ею Брут слепил умы.
Открыта днесь сердец их склонность
И мнимых цель геройских дел;
Но пусть тот веру, сей же вольность
Как будто защищать хотел;

Великий муж, коварства полный,
Ханжа и льстец и святотать!
(.)
Я чту, Кромвель, в тебе злодея
(.)
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла, на суде, казнил.

⁶⁷ Там же. С. 1.

⁶⁸ Державин Г. Р. Соч. / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. Т. 1. С. 634.

⁶⁹ Там же. С. 533.

⁷⁰ См.: Макогоненко Г. П. Радишев и его время. М., 1956. С. 405.

А вашей лютости звериной,
Цареубийцы, что причиной?

Тень Людовика зрю стоящу
Окровавленную средь вас,
На лобном месте возносящу
Последний вам свой скорбный глас:
«Что, дети, что, народ мой славный,
Что вам такое сделал я?
Вы скиптр вручили мне державный:
Чем постыдилась власть моя?
Вы имя мне Благого дали,
Вы благодати мои вкушали.

Не я ли дверь отверз темницы,
Где вас томила строга власть?
Не я ли слезы стер вдовицы
И сырых успокоил часть?
Не я ль не пролил капли крови
Во все владычество мое,
Но как отец, весь полн любви,
Всю жизнь мою, все бытие
На ваши посвятив блаженства,
Искал вам благ всех совершенства?

Желали вы иметь свободу,
Чтобы законы написать, —
Я отдал все права народу
И всю мою вам царску власть.
Желали, чтоб я, сняв корону,
Со всеми вами равен был, —
Ни слез не испустив, ни стону,
Я с вами гражданином слыл.
Желали вы, чтоб я судился, —
И я пред вами, прав, явился».⁷¹

Сковав сторучна исполина,
Влечет его, как гражданина,
К престолу, где народ воссел:
«Преступник власти мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти...
(.)

Но ты забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя;
Себе в утеху быть венчанну
Возмнил, что ты Господь, не я;
Мечом мои расторг уставы;
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел...⁷²

По-видимому, даже независимо от того, была ли державинская ода реально ответом на оду Радищева или же здесь сказались общие стереотипы публицистики эпохи революции, сознание, ориентированное на радищевскую «Вольность», должно было воспринимать оду Державина как ее яркую антитезу.

Сделанные выше наблюдения позволяют предположить, что на замысле пушкинской оды сказалось знакомство с державинским сборником в целом. Державин подарил Пушкину строфику его оды. Идея соединения «двух вещей несовместных» — «вольности святой» и царской власти, стержневая в оде Пушкина, кажется, получила импульс от идеи совмещения контрастов социального бытия, отразившейся в державинском сборнике и заявленной в его эпитафии. Полемическое соотнесение текстов Державина и Радищева, касающихся казни монарха, также могло быть подсказано сборником Державина.

И еще один аспект поэтики пушкинской оды находит объяснение благодаря державинскому тому. Он имеет отношение как раз к тому, что вызывает постоянные споры среди исследователей, пытающихся разгадать «темные» места оды «Вольность». В своей краткой преамбуле к собранию стихотворений Державин акцентирует внимание читателя на неясности ряда мест его од и отсутствию комментария к ним: «Наконец исполняя обещание мое Почтенной Публике, издаю четыре части моих сочинений. Не мог я по желанию моему всех их украсить картинками за недостатком художников, предоставляя то будущему времени. Тогда снабжу и примечаниями, как на те места, кои иносказательны, так и на

⁷¹ Державин Г. П. Соч. / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. Т. 1. С. 534—536.

⁷² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 358—360.

те собственные имена, кои мне одному известны, и из скромности, чтоб не сочтено было о них сказанное грубым ласкательством, или моим самохвальством, объявлены не были. — Со временем я, или кто другой по мне, объяснят как их, так и те речения, которые в скрытом смысле употреблены и заключают в себе двойное знаменование; а равно и случаи, для которых что написано, и что к кому относится. Теперь от сего удерживаюсь потому, что или не совсем еще то позволяют обстоятельства; или что опасаясь промедлить временем, будучи известен, что многие охотники моих произведений требуют».⁷³ За легким сетованием на обстоятельства здесь явно просвечивает принципиальная позиция, предполагающая иносказания, «речения», таящие в себе, по авторскому замыслу, двойной смысл, скрытые аллюзии, апелляции к лицам и событиям, остающимся для читателя не вполне ясными. Для Державина подобная позиция имела одновременно смысл и эстетической игры, и политической осмотрительности. Эти особенности оды были хорошо известны арзамасцам и высмеивались как нарочитая темнота. В острой пародийной форме эти приемы использованы впоследствии Пушкиным, в частности в «Оде его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову» (1825), насыщенной абсурдными неясностями и не менее абсурдными примечаниями к ним. Но в оде «Вольность» типичные особенности оды, столь противоречащие «школе гармонической точности» (Л. Я. Гинзбург), использованы поэтом вполне сознательно и как маркирующие особенности жанра, и как средство достижения определенного художественного эффекта. К такого рода темным местам пушкинской «Вольности» относится и скрытый в заглавии намек на оду Радищева, и слова о «возвышенном галле» (ср. у Державина: «собственные имена, кои мне одному известны»), строфа «Увы! куда ни брошу взор...», заключающая туманное иносказательное описание современности, и, наконец, строфа о «самовластительном злодее», относящаяся по державинской классификации к «речениям, которые в скрытом смысле употреблены и заключают в себе двойное знаменование».

* * *

Следует теперь вернуться к интересующим нас строфам о казни Людовика XVI и о «самовластительном злодее» и более внимательно рассмотреть их строение. Отметим прежде всего сгущение ритмических и текстуальных параллелей и смысловых инверсий, отсылающих к оде Радищева и отражающих полемический характер ее использования. Так, две строфы Радищева, предшествующие речи народа, завершаются характерной пуантой с местоимением «се»: «...трепещи, се мститель грядет, прорица вольность» (приводим в прозаическом переложении, данном в «Путешествии...»); «Ликуйте, склепанны народы; / Се право мщенное природы / На плаху возвело царя».⁷⁴ Ср. завершение строфы о казни Людовика: «И се — злодейская порфира на галлах скованных лежит...» (II, 46). «Ликуйте, склепанны народы» у Радищева и «злодейская порфира на галлах скованных лежит» (курсив в обеих цитатах наш. — Е. В.) в оде Пушкина представляются в этой связи полемической перекличкой. Именно эти слова служат логическим переходом к строфе о «самовластительном злодее», которая может быть понята как своего рода полемический ответ на обширную речь народа-суверена у Радищева. Неожиданно возникающие жесткие обертоны можно объяснить воспроизведением интонации Радищева с переменной при этом адресата и адресанта инвективы: проклятия «венчанному» злодею, обрамляющие речь народа у Радищева, и риторически утрированные пожелания ему многократной казни зеркально отражены в проклятии «самовластительного» народа.

⁷³ Державин Г. Р. Соч. СПб., 1808. Ч. I. С. III—IV.

⁷⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. I. С. 357, 358.

Каинова печать богоотверженности «самовластительного злодея» также не случайна и связана с радищевско-руссоистским культом народа-божества. Завершающая пуанта «Упрек ты Богу на земле» видится в этом контексте полемической инверсией приведенной выше радищевской пуанты «Он образ Божий на земли».

При всей жесткости обличения «самовластительного злодея» предположенное понимание снимает бессмысленную жестокость преследования «невинных детей». «Дети» в данном случае означают «сынов народа». Замена «сынов» «детьми» кажется легкой шероховатостью с точки зрения сложившегося фразеологизма. Быть может, источник этого кроется в упомянутой выше державинской оде: «Что, *дети*, что, *народ мой славный*, / Что вам такое сделал я?» (курсив наш. — *Е. В.*).⁷⁵ Поэтическое «вижу» нет надобности толковать как «провижу», как сомнительное предсказание, — это напоминание об *уже* разразившихся над французским народом бедствиях. Поскольку «дети», «сыны народа» и сам персонифицированный народ суть одно и то же общество, принявшее на себя ответственность за казнь короля, «жестокая радость» приобретает этическое содержание, ибо относится к гибели виновного, но не к неким потомкам, неповинным в злодеяниях и ошибках предков.

Пушкинский автокомментарий о «злодейской порфире», которая названа «Наполеоновой порфирой», как будто противоречит нашим рассуждениям. Обратим, однако, особое внимание на иронический тон этого примечания, в котором указан специальный адресат его — простодушный Василий Львович. Примечание это может быть понято в связи с отмеченной выше тенденцией державинской оды, насыщенной «речениями с двойным знаменованием», но подчеркивается им только один, причем поверхностный, пласт значений. Подсказка акцентирует нечто знакомое и ожидаемое простодушным сознанием, воспитанным «школой гармонической точности». Примечание не искажает смысла, хотя резко и нарочито упрощает его. «И се — злодейская порфира / На галлах скованных лежит» — имеет в виду, во-первых, то, что после казни короля порфира, знак власти суверена-владыки, легла на плечи галлов как коллективного суверена («возложить порфиру», «принять порфиру» — традиционные для одической поэзии выражения, означающие дарование и принятие царской власти); во-вторых, то, что гнет этой принятой народом власти оказался мучителен для самого народа. Характерно, что в огромном количестве копий сохранился вариант «И самовластная порфира на галлах скованных лежит» (II, 524), еще более подчеркивающий смысл «порфиры» как политической метафоры, а не конкретной аллюзии. Образ собранных под единой порфирой «галлов» является как раз логическим переходом к строфе, обличающей народ-суверен. Поэтический обзор прошлого предполагает, однако, уплотнение времени: в образе «злодейской порфиры» сконцентрированы не только бедствия первых лет революционных войн и террора, но и наполеоновская эпопея, в глазах пушкинских современников бывшая прямым следствием и продолжением революции. Подобный ассоциативный перенос смысла дополнительно подкреплен и текстом Радищева. После речи народа к королю у Радищева сразу же следует строфа о реальном герое, палаче короля, ставшем вскоре революционным тираном, — Кромвеле. Ассоциативный ход, в результате которого возникает мысль о Наполеоне, Пушкиным вполне учтен и заложен в текст. Шутливое примечание в данном случае свидетельствует об усложнении текста и расхождении его внутреннего содержания, обусловленного поэтической и философской традицией, и поверхностного ассоциативного толкования, опирающегося на публицистические трюизмы и канву общеизвестных исторических событий. Пушкинская ода — это плотный смысловой клубок, но читатель склонен заметить лишь одну блестящую нить в этом клубке «речений с двойным знаменованием».

⁷⁵ Державин Г. Р. Соч. / С объяснит. примеч. Я. К. Грота. Т. I. С. 533.

Итак, политическая максима, высказанная Пушкиным в форме двойного отрицания, — «ни народу, ни царю не позволено властвовать законом» — реализуется в двух последовательных примерах. Первый из них построен как развенчание идеи народа-суверена. Радищев и стоящая за ним руссоистская концепция были объектом полемики, а опорой оставался Державин с его консервативно-традиционной идеологией. Следующий пример можно назвать «антидержавинским». Мы имеем в виду фразу об убийстве Павла I.

Развитие одического повествования здесь может показаться несколько смещающим смысловую линию заявленной антитезы: после демонстрации беззакония, совершенного от лица народа, логично было бы ждать примера царского произвола, в то время как поэт повествует только о следствии тиранического правления, убийстве незаконного монарха. Негодование его обращено именно на это убийство, хотя сам убитый отнюдь не оправдывается. Подобное смысловое смещение, однако, вполне закономерно, если учесть, что острие поэтической критики нацелено на державинский принцип «бытия общества», основанного на патриархально-иерархической схеме. В оптику обличительной оды попадает отношение «вельможи — самодержец», бывшее основным моментом политической концепции Державина.

«Ленты и звезды» на вошедших к Павлу убийцах сигнализируют именно об их принадлежности к категории «вельмож». Ср. высмеивание внешних, бутафорских признаков сына вельможи в оде «Вельможа»: «Не украшение одежд / Моя днесь муза прославляет, / Которое, в очах невежд, / Шутов в вельможи наряжает, / (...) Всяк думает, что я Чупятов // В марокских лентах и звездах» (курсив наш. — *Е. В.*).⁷⁶ Вообще эти строфы пушкинской оды, не будучи специально ориентированы на отдельный конкретный текст Державина, содержат многочисленные реминисценции державинской поэзии.

Именно Державин в стихотворении «Видение мурзы» (1783) впервые разработал мотив видения поэту в ночном Петербурге, с характерным противопоставлением спящих беззаботным сном окружающих и бессонного поэта, с эскизным пейзажем города, в котором выделяются только сверкание невской волны под лунным лучом и окутанные мглой «башни Петрополя». Речь шла о явлении поэту императрицы. Оркестровка державинского видения была, впрочем, вполне мажорная. Ритмически и интонационно пушкинская петербургская медитация значительно ближе к другой ночной медитации Державина. Ср.:

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью, и сквозь роши
Вкруг Измаила ветр шумит
И слышен стон, — что турок мнит? ⁷⁷

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает...
(.)
И слышит Клии страшный глас.

(I, 47)

Ср. далее «турецкий мотив», перекликающийся в том числе и с этим фрагментом Державина: «Как звери вторглись янычары!..».

Вообще поэтические образы ночи, сопровождающиеся нагнетанием тревоги и ужаса перед лицом небытия и становящиеся фоном для исторических медитаций, — один из характернейших топосов поэзии Державина, которым определяется тональность пушкинских строф. Ср.: «Глагол времен! металла звон! / Твой страшный глас меня смущает»⁷⁸ — и «И слышит Клии страшный глас / За сими страшными стенами».

⁷⁶ Там же. С. 622—623.⁷⁷ Там же. С. 483—484.⁷⁸ Там же. С. 87.

Напомним также о синтаксически близких конструкциях из оды «На панихиду Людовика XVI» (1793):

О ужас! о превратность мира! О стыд! о ужас наших дней!
О оборот стыда, честей!⁷⁹ (I, 47)

Подобно тому как только что был инверсирован смысл радищевской инвективы, в данном случае переадресуется инвектива Державина. Вопреки державинскому противопоставлению «здесь — там» (здесь, в России, сохранившей добродетель и верность монарху, — там, в революционной Франции, погрязшей в безначалии и пороке), обличение обращено именно на российские порядки. Поэт обнажает теневую, «подпольную» сторону патриархального правления. Зло конкретного преступления могло бы быть смягчено тем, что «увенчанный злодей» в конце концов убит, но истинное зло коренится в круговой порuke эгоистического произвола, связывающего государя с вельможной иерархией: на «злодея» поднимаются убийцы, «вином и злобой упоенны», внешняя решимость («на лицах дерзость») которых питается не высокими чувствами, но внутренним, «сердечным» страхом.

Следует заметить по этому поводу, что «страх и ужас», вызванные у поэта Михайловским замком, имеют иную эмоциональную природу, чем «ужас» и проклятия в связи с казнью Людовика. Казнь Людовика как убийство невинного человека вызывает вспышку гнева и мстительного чувства к виновнику злодеяния. Убийство же Павла свидетельствует не столько об акте конкретного преступления и конкретных злодеях, сколько о дпящемся преступном состоянии, соотносимом с ночным ужасом. Образ «страшного замка», спящего во тьме, вызывая в памяти мотивы готической литературы, поддерживает ощущение дпящегося состояния родового неискупленного греха. Поэт рисует не что иное, как кризис совести, поразивший систему вельможно-монархического правления.

Оба поэтических примера, развивающих критику двух концепций «бытия гражданского общества», составляют при этом упругое единство, будучи связаны многочисленными параллелями и анафорическими повторами. Ср.: «Молчит закон — народ молчит» — и «Молчит неверный часовой, / Опущен молча мост подъемный»; «Падет преступная секира» — и «Падут бесславные удары»; «Ты ужас мира, стыд природы» — и «О стыд! о ужас наших дней!». В эту же систему параллелей входят выражения «самовластительный злодей» и «увенчанный злодей». «Венец» на челе «злодея» выступает признаком, различающим двух адресатов инвектив: увенчанного суверена-монарха (ср. у Радищева: «Вещай, злодей мною венчанной») и собирательную и не отмеченную знаком венца личность суверена-народа.

* * *

Постараемся теперь подытожить наши наблюдения и сделать некоторые выводы. От первоначально поставленного вопроса о смысле пушкинского выражения «самовластительный злодей» мы перешли к более общей проблеме двух концепций «бытия гражданского общества» и одновременно двух художественных миров, послуживших опорой для пушкинской художественной концепции. Обе художественные и философские системы приведены поэтом в теснейшее взаимодействие. При этом острейшая критика соединяется с принятием позитивного содержания обеих систем. Критика затрагивает именно аспект «бытия общества».

Отвержение «державинского» и «радищевского» «принципов бытия общества» дано как демонстрация отпадения их от высшего мирового принципа бытия: в качестве акта проклятия — в первом случае и как констатация дпящегося состояния погруженности во мрак, в небытие —

⁷⁹ Там же. С. 533.

во втором. Сталкивая обе системы, поэт уничтожает их базовые, «онтологические» принципы. Между тем уничтожение последних не приводит к отказу от всего содержания обеих систем, но ведет лишь к освобождению этих систем от свойственной им монополюльной жесткости, к низвержению кумиров, сотворенных из них, — кумира народовластия и кумира монархически-патриархальной власти. Крушение кумиров освобождает путь «положительным элементам»: иерархии царской власти и народной вольности как таковым, составляющим два взаимодействующих начала. Здесь и проявляется сознательно заложенная парадоксальность пушкинской оды, часто заставляющая исследователей говорить о противоречивости и непоследовательности ее. Перед нами не противоречие мысли, не умеющего связать разнородные идеи, и не безответственная игра антитезами, но операция синтеза, отменяющая непроницаемую замкнутость каждой из идей.

Это позволяет понять как жесткую критику радищевской концепции в пушкинской «Вольности», продолженную через много лет полемикой в «Путешествии из Москвы в Петербург», так и глубокую искренность строки «что вслед Радищеву восславил я свободу», написанной на завершающем этапе творческого пути поэта. Ту же двойственность приятия и отрицания можно было бы отметить и по поводу державинской концепции «бытия общества». Примером продолжения державинских идей могло бы послужить наставление умирающего Годунова царевичу Федору, содержащее безусловно близкие Пушкину мысли о мудром монархическом правлении. По весьма правдоподобному предположению исследователей, одним из источников речи Бориса послужил державинский монолог Василия Темного из его одноименной трагедии, известной современникам в рукописи.⁸⁰

Соединяя элементы «радищевской» концепции народной вольности и «державинской» патриархальной монархии, Пушкин вводит иной принцип «бытия общества», позволяющий им сосуществовать, — «вечный закон». Содержательные очертания этого «закона» в самой оде не вполне прояснены. Вопреки мнению Б. В. Томашевского, здесь явно идет речь не о «естественном законе», т. е. не о принципах нравственности, укорененных в человеческой природе. Об этом свидетельствует отсутствие апелляции к «натуре», «природе», «естеству», которыми пестрела ода Радищева. Пушкинский «закон» безусловно имеет отношение к сфере положительных государственных законов, еще точнее — к конституции, которая должна регулировать взаимоотношения монархической власти и народа. Но содержание понятия «закон» в оде Пушкина явно обширнее: под ним подразумеваются не столько реально действующие или желаемые государственные законы, сколько «вечный закон», служащий для них идеальной основой. Источник «закона» вынесен за сферы общества и природы в некие высшие божественные этажи мироздания. Для самой оды важно, собственно, не отчетливое определение источника закона, но вера в непремненное предстояние народов и властных иерархий перед лицом высшего закона, который утверждает ценность человеческой жизни, свободное сосуществование, дарованное различным элементам общества, — вера в сам принцип законности, которым должна быть пронизана жизнь общества.

«Свергая кумиров», поэт отвоевывает новое пространство, — пространство духовной и политической свободы. В этом смысле сталкивание радищевской и державинской позиций мало подходит под понятие диалога в бахтинском толковании. Это отнюдь не постоянная коррекция одной позиции с учетом со-бытия другой точки зрения. Каждая из позиций прошла горнило преобразования, не уничтожившись, но потеряв претензии на овладение инстанцией закона. Пространство свободы стало

⁸⁰ См.: Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815). Куйбышев, 1959. С. 258.

в действительности неким третьим, включающим в себя диалогически двойственную структуру оды. Это очень своеобразно отражается и в иерархии литературных ориентиров «Вольности». При всей важности радищевской и державинской тем в пушкинской оде ни Радищев, ни Державин все же не введены в нее в качестве прямо называемых авторитетов. Узнаваемые по внятным сигналам текста, но не названные непосредственно, они присутствуют как некие титаны, скрытые под землей, битва с которыми, некогда состоявшаяся, обеспечила наличный порядок и гармонию космоса. Вместо них указан совсем другой литературный ориентир — «возвышенный галл». Безымянность (но отнюдь не бессодержательность) этого ориентира тоже, вероятно, не случайна. Она подразумевает норму и образец, взятые из сферы общепризнанной эстетической и политической классики. Это норма общеевропейского духовного пути, не столько реальная, сколько та, в которую верует юный поэт, выражая свое представление о свободе.

Можно представить себе реальный политический эквивалент идеологии «Вольности». Идея конституционной монархии, опасения тирании нового Робеспьера в кругах радикально настроенных деятелей конца 1810-х гг. дают для этого немало оснований.⁸¹ Но все же далеко не достаточно сводить смысл пушкинской оды к реакции на текущие политические мнения. Понимание оды «Вольность» как произведения, посвященного проблеме «бытия гражданского общества», позволяя с большим правом соотносить ее со зрелой поэзией Пушкина. Низвержение кумиров — «самовластного народа» и «самовластной монархической иерархии» — и в то же время глубокое взаимодействие с двумя освобожденными от замкнутой самодостаточности, «деонтологизированными» истинами представляет, как кажется, один из постоянных элементов поэзии Пушкина. Ода «Вольность», где отказано в праве владеть «законом» «народу или царям», несет в себе первое выражение мысли, прошедшей сквозь все пушкинское творчество и связанной с формулой двойного отвержения и одновременно двойного приятия двух общественных и идейных установок. Вспомним: «Где благо, там уже на страже / Иль просвещение иль тиран» («К морю», 1824 — II, 333), «Зависеть от царя, зависеть от народа — / Не все ли нам равно?» («(Из Пиндемонти)», 1836 — III, 420). Следует, вероятно, поставить вопрос о природе и эволюции этой двойной формулы в пушкинском творчестве, о связи ее, по крайней мере, с трагическими коллизиями «Бориса Годунова» и «Капитанской дочки», в которых важнейшую роль играет тяжба народа и монархической власти.

Важно в любом случае то, что поэт не отказывался от доставившей ему столько беспокойств «Вольности» вплоть до последних лет жизни. Следует присмотреться к поэтическому завещанию Пушкина, к его «Памятнику», к двум вариантам строфы его, содержащей известные слова о Радищеве:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я
свободу

И милосердие воспел.
(III, 1035)

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я
свободу

И милость к падшим призывал.
(III, 424)

Фамилия Радищева в черновом варианте — не единственное, что отсылает здесь к юношеской оде. Сочетание восславления «свободы» и призывания «милосердия» — это указание на два полюса, сближенных поэтом, ибо милосердие прежде всего понималось как прерогатива и

⁸¹ См. в особенности: *Пугачев В. В.* Предыстория Союза Благоденствия и пушкинская ода «Вольность». С. 94—140.

оправдание монархического правления (ср. пушкинские слова о монархе и льстеце: «Он из его державных прав одну лишь милость ограничит...» — III, 90). Беловой вариант сохраняет ту же мысль, вуалируя ее по понятным причинам так, что указание на радищевскую традицию становится менее вычужденным. Эта оглядка в конце жизненного пути на оду «Вольность», может быть, более всего свидетельствует о важности и духовной значимости тех истин, которые обрел в ходе ее создания поэт.

Н. Л. ДМИТРИЕВА

ПУШКИНСКИЕ ЭПИГРАММЫ «НА АГЛАЮ» И ЖАНР ФРАНЦУЗСКОЙ ГРИВУАЗНОЙ ЭПИГРАММЫ

В Кишиневе в 1821—1822 гг. Пушкин пишет целый ряд стихотворений, развивающих образ «Кишинева—Содома»,¹ и в их числе несколько эпиграмм весьма вольного содержания, адресатом которых принято считать Аглаю Антоновну Давыдову, жену В. Л. Давыдова, одного из братьев Давыдовых, владельцев Каменки. Сюда с большим или меньшим основанием относят эпиграммы «Оставя честь судьбе на произвол» (1821), «Иной имел мою Аглаю» (1822), «У Кларисы денег мало» (1822), стихотворение «Кокетке» (1821), а также написанную по-французски эпиграмму «À son amant Eglé sans résistance» (1821) и французский набросок «J'ai possédé maîtresse honnête» (1821). Б. М. Гаспаров считает, что в контексте «Кишинев—Содом» необходим был образ «инфернальной блудницы» и роль эта выпала на долю Аглаи Антоновны Давыдовой.² Для этого, очевидно, имелись основания, однако не все перечисленные эпиграммы могут считаться адресованными непосредственно ей.

Н. О. Лернер писал об эпиграмме на Кларису: «Возможно, что и эта эпиграмма направлена против дочери разорившегося эмигранта Аглаи Давыдовой и ее злополучного мужа».³ Однако большинство исследователей не связывают эпиграмму с именем А. А. Давыдовой, и справедливо: к моменту ее знакомства и романа с Пушкиным она уже давно была замужем — сюжет не имеет параллелей с реальной ситуацией; кроме того, если считать, что в эпиграмме «Иной имел мою Аглаю» приведено настоящее имя героини, почему в данном случае выбрано другое имя?

По поводу французской эпиграммы «A son amant Eglé sans résistance» Н. О. Лернер говорит: «Имя Eglé приводит на память Аглаю Антоновну Давыдову, к которой эпиграмма по содержанию могла относиться».⁴ «По содержанию», однако, эпиграмма, по-видимому, не обязательно имеет отношение к А. А. Давыдовой: нам ничего не известно ни о конкретном случае, который мог вызвать ее появление, ни о том, почему героиня стихотворения пробуждает в своем поклоннике чувство чрезмерного уважения, и, наконец, сама по себе эпиграмма направлена не только и, может быть, не столько против дамы, сколько против кавалера-неудачника.

С эпиграммой «A son amant Eglé sans résistance» соотносят и черновой набросок «J'ai possédé maîtresse honnête», который воспринимается

¹ См.: Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wien, 1992. С. 188—196.

² См.: Там же. С. 193.

³ Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1908. Т. 2. С. 589.

⁴ Там же. С. 586.

в том же ключе, что и остальные названные эпиграммы. Последний набросок, однако, также не может считаться адресованным А. А. Давыдовой, — ничто не указывает непосредственно на нее.

Тем не менее все перечисленные эпиграммы действительно связаны между собой, но не образом «блудницы» Аглаи Давыдовой и даже не вольным их содержанием. Все они (независимо от того, кто является их адресатом) объединены общими чертами — злой иронией, нарочитой откровенностью. Эти черты характеризуют как написанные по-русски эпиграммы, так и те, которые написаны Пушкиным по-французски.

Именно эти особенности характерны для салонной поэзии, в частности для жанра эпиграммы, вошедшей в моду во Франции в XVI в. и получившей особое распространение в XVII в. Жанр этот не умер и в XVIII в. В библиотеке Пушкина сохранились книги, содержащие большое число образцов гривуазной поэзии. Это книга «Le cabinet satyrique, ou Recueil parfait des vers piquants et gaillards de ce temps» (1672. Vol. 2; № 699 по описанию библиотеки Пушкина),⁵ в которой имеется большое число карандашных помет (может быть, и не принадлежащих Пушкину), а также «Anthologie française, ou Choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes...» (Paris, 1816. Vol. 1—2; № 546 по описанию библиотеки Пушкина),⁶ «Сатирический кабинет» содержит эпиграммы, сатиры, сонеты исключительно «двусмысленного» характера. В «Антологии» также встречается немало стихов, стилистически близких пушкинским эпиграммам, — например, в первом томе — «На кокетку» (р. 194), «Аглае» (р. 344); во втором томе — «Пропащая женщина» (р. 140), «Трус» (р. 154), «Слишком доступная красавица» (р. 244), «Любовнице на несколько дней» (р. 345), «Кокетке» (р. 423) и т. д. — перечень может быть продолжен.

Помимо чисто жанрового сходства можно обнаружить и конкретные реминисценции. Так, в сборнике «Сатирический кабинет» (р. 299) имеется стихотворение одного из ярких представителей гривуазного жанра Матюрена де Ренье (Mathurin de Régnier; 1573—1613) «Impuissance. (Imitation d'Ovide)» — «Бессилие. (Подражание Овидию)». Стихотворение представляет собой переложение седьмой «Любовной элегии» из третьей книги «Науки любви» Овидия. Эпиграмма Пушкина не имеет ничего общего с элегией Овидия, но ее французское переложение созвучно пушкинской эпиграмме: дама из стихотворения Ренье, оказавшаяся в той же ситуации, что и героиня Пушкина, спрашивает своего кавалера:

...mais, mon cœur, qu'est-ce qui vous retarde?
N'aurais-je point en moi quelque chose qui peut
Offenser vos désirs, ou bien qu'il vous déplaît?
Ma grâce, ma façon, ha Dieu, ne vous plaît-elle?
Quoi, n'ai-je assez d'amour, ou ne suis-je assez belle?⁷

Ср. у Пушкина:

«Parlez, Monsieur: pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? m'en direz vous la cause?
Est-ce dégoût?» — Mon Dieu, c'est autre chose.⁸
(II, 205)

⁵ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: (Библиогр. опис.) М., 1968. С. 183. [Репринт].

⁶ См.: Там же. С. 141.

⁷ ...но, друг мой, что вас останавливает?
Разве во мне есть что-то, что может
Не удовлетворить ваши желания или не понравиться вам?
Бог мой, разве не привлекают вас моя грация, моя осанка?
Разве я не достаточно страстна или не достаточно красива? (фр.).

⁸ «Скажите, милостивый государь, почему же мой вид
Вас леденит? Не объясните ли причину?
Отвращение?» — Боже мой, не то (фр.).

Характеризуя незадачливого любовника, Пушкин использует то же определение, которое встречается во французском стихотворении, — «perclus» — «бессильный». Конечно, речь не идет о том, что стихотворение Ренье представляет собой источник пушкинской эпиграммы, однако их тональность очень схожа.

Что же касается чернового наброска «J'ai possédé maîtresse honnête», то и для него находятся некоторые параллели: во втором томе «Антологии» (р. 262) напечатана эпиграмма Жана Батиста Руссо (Jean-Baptiste Rousseau; 1671—1741), озаглавленная «Maîtresse comme il la faut» — «Идеальная любовница», дословный перевод названия — «Любовница такая, какая надо, как подобает» (ср. с вариантом пушкинского наброска «Des femmes comme il m'en faut» — «Женщины такие, какие мне подобают»). Далее в тексте Руссо встречается сочетание «maîtresse honnête» — «благопристойная любовница» (ср. с первой строкой пушкинского наброска «J'ai possédé maîtresse honnête»).

В стихотворении «Кокетке», наиболее самостоятельном в ряду рассматриваемых произведений, также можно отметить определенное сходство с эпиграммой, напечатанной во втором томе «Антологии» анонимно, под буквой D*** (р. 352). Эпиграмма называется «À ma première maîtresse» («Моей первой любовнице»):

Pourquoi m'appellez-vous infidèle, volage?
Nous ne pouvions nous aimer bien longtemps:
Vous avez plus de quarante ans;
Moi je n'ai pas encore la moitié de votre âge.
Je promis autrefois de ne changer jamais;
Vous jurâtes aussi d'être toujours la même.
Vous laissez par le Temps moissonner vos attraits,
Et vous voulez que je vous aime!
Je ne vois plus en vous la Belle que j'aimais...
Quelle métamorphose étrange!
Vos yeux mornes n'ont plus ce feu que j'admirais:
Donc c'est vous qui changez, ce n'est pas moi qui change.⁹

Ср. с пушкинскими строками:

И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — не многим боле.
Мне за двадцать...

(II, 224)

Возникает вопрос: почему, однако, в ряду написанных по-русски эпиграмм «во французском вкусе» появляется одна на французском языке: в начале 1820-х гг. Пушкин не прибегает в своем творчестве к французскому языку (для него французский язык как язык творчества был значим только в период ученичества, постижения поэтической азбуки). Н. О. Лернер полагал, что эпиграмма «A son amant Eglé sans résis-

⁹ Почему вы зовете меня неверным, ветреным?

Мы не могли бы любить друг друга очень долго:

Вам больше сорока,

Мне нет еще и половины вашего возраста.

Я обещал когда-то постоянство;

Но и вы поклялись не меняться.

Однако вы позволили времени похитить ваши чары,

И вы хотите, чтобы я продолжал любить вас!

Я не вижу в вас больше той красавицы, которую любил...

Какое странное превращение!

В ваших потускневших глазах нет того огня, что восхищал меня:

Что ж, изменница — вы, я не изменник (*фр.*).

tance» была написана по-французски специально для того, чтобы она наверняка дошла до А. А. Давыдовой. Как известно, она была французской по происхождению, и в связи с этим закономерен «вопрос, знала ли она по-русски, в ее кругу все говорили по-французски».¹⁰ В подтверждение своей версии Н. О. Лернер цитирует письмо Пушкина к брату от 27 июля 1821 г. из Кишинева: «...с моими конституционными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку» (XIII, 30; «конституционные друзья» — члены Тайного общества, сторонники конституционного правления, к ним принадлежал и кружок Давыдовых). Однако, если исходить из того, что эпиграмма высмеивает не только героиню, но и героя, трудно утверждать, до чьего сведения автор стремился довести ее в первую очередь.

Не исключая полностью версию о том, что эпиграмма предназначалась для не знающего или плохо знающего русский язык, предложим другие возможные объяснения того, почему она была написана на французском языке. Во-первых, эпиграмма построена на использовании каламбура: в четвертой строке обыгрывается использование французского фразеологизма «tiser sa révérence» — «откланяться, распрощаться» с одновременным употреблением одного из его компонентов глагола «tiser» в его первичном, основном значении — «тащить, вытаскивать». Очевидно, в 1821—1822 гг. Пушкина сильно занимает жанр гривуазной эпиграммы; по всей видимости, этот интерес обоснован теми настроениями, которые владели им в «Содоме—Кишиневе». Он пишет по-русски ряд стихотворений, выдержанных в подобном стиле, но, вероятно, ему интересно создать образец этого жанра на языке подлинника — и потому он набрасывает эпиграмму вольного характера и по-французски, а также записывает еще четыре строки того же рода на французском языке. Вероятно, в данном случае для него важен не столько конкретный прототип, вдохновивший его на подобное творчество, сколько жанр и стиль. Это подтверждается и употреблением имени «инфернальной блудницы».

Н. О. Лернер считал, что имя «Eglé» — французский вариант имени «Аглая», указывает на А. А. Давыдову.¹¹ Однако еще П. О. Морозов отметил, что имя «Eglé» являлось одним из принятых условных имен в легкой французской поэзии XVII—XVIII вв.¹² В самом деле, в названной выше «Антологии» имя «Eglé» встречается в первом томе на страницах 32, 81, 128, 341, 344, 369, 407, 449. Во втором томе есть и вариант этого имени — «Aglée» (p. 140, 396).

Следует отметить, что имя «Eglé» может использоваться как вполне нейтральное, но нередко оно обозначает определенный женский тип, а именно развратницу.¹³ Например, у поэта Жана Франсуа де Сен-Ламбера (Jean-François de Saint-Lambert; 1716—1803) есть эпиграмма, героиня которой, «la jeune Eglé», некая Аглая, стремится иметь репутацию порядочной женщины. Однако, как она ни старается достичь желаемой цели, она, «подобно Пенелопе, ночью разрушает всю свою дневную работу».¹⁴ В первом томе уже упоминавшейся «Антологии» из пушкинской библиотеки имеется эпиграмма, адресованная некоей «Eglé», страсть которой такова, что Любовь приходится считать не божеством, а, скорее, дьяволом (p. 344). Еще в одном сборнике из библиотеки Пушкина «Chansonnet français» (№ 725)¹⁵ есть стихотворение, в котором перечисляются многочисленные возлюбленные героя (Vol. 4. P. 150—155). Все они названы тем или иным именем и олицетворяют разные стороны любви. Среди них есть и «Eglé»: «La vive Eglé, méprisant le vulgaire, / Publique-

¹⁰ Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. Т. 2. С. 586.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Пушкин А. С. Соч. СПб.: Имп. Акад. наук, 1912. Т. 3. С. 189.

¹³ В греческой мифологии Аглая — старшая из трех харит, богинь прекрасного и радостного.

¹⁴ Anthologie poétique française. XVIII siècle / Choix par M. Allem. Paris, 1966. P. 224.

¹⁵ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиогр. опис. С. 189.

ment / Me traita comme amant» — «Резвая Эгле (Аглая), презирая пошлость, / Перед всеми / Стала обращаться со мной, как с любовником» (автор — M^{érard} de Saint-Just). В первом томе этого же сборника (р. 138) есть еще одно похожее стихотворение «Трудный выбор» (автор — Masson de Morvilliers; 1740?—1789). Здесь также перечисляются имена женщин, среди которых герой стихотворения не может выбрать подходящую ему даму сердца. В их числе — Eglé:

Eglé me plaît, Eglé m'enchanté!
Je suis bien avec son époux:
Pourquoi faut-il que, si touchante,
Son mari soit un peu jaloux?¹⁶

Значимость имени «Eglé» в эпиграмме Пушкина подтверждается тем, что первоначальный вариант имени был «Lais», затем он изменил его на «Eglé».

Может быть, как пишет об этом Б. М. Гаспаров, в выборе имени для Пушкина имела значение и русская традиция его использования: имя Аглая имело литературную предысторию. Оно служило заглавием альманаха, издаваемого в 1794—1795 гг. Карамзиным, и символизировало тип идеальной читательницы. А затем с падением культа «прекрасной читательницы» имя приобрело пародийный оттенок: стало названием сентиментального дамского журнала, издаваемого князем Шаликовым.¹⁷

¹⁶ Эгле (Аглая) мне нравится, Эгле восхищает меня!

Я лажу с ее супругом:

И зачем же надо, при том, что она такая трогательная,

Чтобы ее муж оказался несколько ревнив? (*фр.*)

¹⁷ См.: Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. С. 193—194.

Л. М. ЛОТМАН

**ПРОБЛЕМА «ВСЕМИРНОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ» ПУШКИНА
И БИБЛЕЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЕГО ПОЭЗИИ
И «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ»**

Изучение переломного и исключительного по значению в творчестве Пушкина произведения — трагедии «Борис Годунов», приводит к выводу об особенном многообразии и богатстве источников, которыми пользовался поэт. Широкая область исторических и литературных «воспоминаний»-ассоциаций активизировалась и вовлеклась в творческий процесс при его размышлениях о проблемах государственной власти и соотношении ее с требованиями нравственности, о трагизме истории и средствах художественного воссоздания этого трагизма. Так создавался внутренний подтекст трагедии, не всегда легко распознаваемый читателем, но всегда определявший тон особой значительности, который усиливал, как своего рода «эхо», звучание поэтической речи. Это делало лаконичный текст трагедии особенно емким, содержательным.

Пушкин видел свое значение как главы русских поэтов, но, создавая свои произведения, всегда сознавал, что делает это «в присутствии мировой культуры». Он соотносил историческую жизнь народов, их бытие с их художественным творчеством, но мировая, и прежде всего русская и европейская, культура предстала перед ним не как историческая вертикаль, а как живая горизонтальная структура, существующая рядом с современным мыслящим человеком. Эту его погруженность в мировую культуру отмечали и по-своему толковали впоследствии читатели, литераторы (в том числе Гоголь) и ученые. Наиболее значительными толкованиями этого рода являются суждения В. Г. Белинского о Пушкине как «гении-протее» и Ф. М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» Пушкина. Белинский на многих примерах доказывал, как велика «художническая способность Пушкина свободно переноситься во все сферы жизни, во все века и страны», воссоздавать стиль разных поэтов так, чтобы их живой голос слышался читателю.¹

Белинский видел в Пушкине, прежде всего и исключительно, художника, гуманность и совершенство созданий которого выражают «бесконечное уважение к достоинству человека как человека».² Благодаря этому, а также умению передать дух нации и реальные формы ее существования в художественно совершенных, воплощающих красоту и обаяние жизни образах Пушкин является «истинно народным, истинно национальным поэтом». Свой цикл статей о Пушкине Белинский заканчивает в 1846 г. пророческими словами: «Придет время, когда он будет в России

¹ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 288, 289.

² Там же. С. 579.

поэтом *классическим*, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».³

В 1880 г., в то время, когда в Москве был воздвигнут памятник Пушкину, открытие которого сопровождалось большими общественно-литературными празднествами и собраниями, где публично выступали знаменитые литераторы, в частности Тургенев и Достоевский, никто уже не оспаривал мысль о том, что Пушкин — поэт классический.

Влияние оценок и идей Белинского сказалось в дни «пушкинских торжеств» 1880 г. и в речи Тургенева, и в речи Достоевского. Оба писателя признавали национальный характер содержания пушкинских произведений и совершенство их художественной формы, оба видели в Пушкине гения, достойного занять место в ряду первоклассных мировых поэтов, оба утверждали, что он создал оригинальные образы людей русского общества, имеющие значение исторических типов. Но Достоевский безоговорочно утверждал, что Пушкин принадлежит к разряду поэтов — носителей национальной идеи, которая становится неотъемлемой частью мирового развития, Тургенев же, опираясь на свой опыт трудной и долгой борьбы за приобщение европейских культурных деятелей к русской литературе, ознакомление их, в частности, с творчеством Пушкина, не согласился с этим и предложил оставить этот вопрос «пока открытым».⁴

Оба писателя «споткнулись» на проблеме «переимчивости» Пушкина, его «протеизма» и именно на этом пункте решительно разошлись. Тургенев, вслед за Белинским, объяснял эту черту творчества Пушкина тем, что русский поэт решал задачу формирования новой русской литературы, самобытной и одновременно приобщенной к современному уровню мирового искусства. Достоевский же распространил особенность творчества Пушкина на характер всего русского народа и увидел в этом черту «всечеловека», залог грядущего братства всех наций на основе терпимости и стремления к единению, уникальную всемирную спасительную идею. Современный американский исследователь Маркус Ч. Левитт, подробно проанализировавший пушкинский праздник 1880 г. как явление литературное и политическое, оценил эту идею Достоевского как «риторику парадокса» (подражательность трактуется как проявление высшей творческой оригинальности). По мнению Левитта, успех проникнутого мессианской риторикой вдохновенного обращения Достоевского к аудитории определялся тем, что оно было попыткой утвердить представление о России, сложившееся в национальном сознании.⁵

Левитт считает, что Достоевский видит в «протеизме» Пушкина проявление чудесного, пророческого дара художника, подобного способности апостолов, после того как на них снизошел Святой дух, говорить на разных языках (так называемая глоссолалия).⁶ Он пишет: «Для понимания позиции Достоевского необходимо учитывать то, что он верил в уже вот-вот грядущий апокалипсис, который принесет с собою решение всех проблем русской жизни, и в откликах на свою речь видел признаки исполнения этого предчувствия».⁷

Принять такую оценку позиции Достоевского означает согласиться с тем, что Достоевский в полной мере порвал с реальным и рационалистическим взглядом на действительность, столь присущим его времени и реализму литературы XIX в., и наивно уверовал в чудесное «решение всех проблем русской жизни». В таком случае несоответствие его тол-

³ Там же. См. также с. 439, 433, 441 и 491.

⁴ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. Т. 12. С. 344.

⁵ См.: *Левитт Маркус Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994. С. 147.

⁶ См.: Там же. С. 149—151.

⁷ Там же. С. 158.

кования «отзывчивости» Пушкина подлинной природе этой стороны личности и творчества поэта делается бесспорным.

О. С. Муравьева, проследившая историю мифологических интерпретаций личности Пушкина и концепций таинственного, религиозно-провиденциального значения его творчества, особо отмечает «концепцию Мережковского о символическом Пушкине» как о тайне всей русской культуры.⁸ Констатируя, что она опиралась на идеи Гоголя и Достоевского, исследовательница признает, что «эта концепция обладала большим мифотворческим потенциалом».⁹

Влияние мифологии подобного рода, порой бытовавшей в весьма упрощенном виде, в частности, сказалось в многочисленных обращениях к Пушкину как «учителю» в юбилейных речах и статьях.¹⁰ Между тем Пушкин менее всего был расположен становиться в позу «учителя», носителя доктрины, которую надо внушить читателю, а тем более культурному миру в целом.

Его отношение к поэтам, писателям и философам разных эпох и к современникам носило свободный, «интимный» характер и отличалось стремлением проникнуть в мысль и стиль своего предшественника и, поняв его логику, вступить с ним в живое духовное общение, в спор, в соревнование, в диалог. Эта активность восприятия приводила его подчас к ощущению того, что чужая мысль теснит его. Прилежный, с отроческих лет, читатель русской литературы предшествовавшего века и французской литературы XVII—XVIII столетий, деятели которых более ценили верность традиции, чем неповторимую индивидуальность изобретателей новых форм в искусстве, Пушкин «оправдывался» перед своими современниками — носителями расхожих мнений романтической эпохи. В статье о сочинении Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» он писал: «*Это уж не ново, это было уж сказано* — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. (...) *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет, *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности» (XII, 100).

В бесконечное разнообразие мыслей писателей Пушкин вникал, уединяясь с книгой, в ссылке, в деревне, которая ему вообще представлялась «кабинетом», и в тиши петербургской «белой ночи», в своем кабинете. В статье о «Фракийских элегиях» он снова «оправдывает» глубокое творческое проникновение в художественный мир литературного предшественника: «Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, — или чувство, в смиренном своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь» (XII, 82).

Мотив уединенного общения с книгой проходит через все творчество Пушкина. В 1836 г. он утверждает: «...настоящее место писателя есть его ученый кабинет» (XII, 81).

В стихотворении «Городок» в 1815 г. лицеист Пушкин, следуя за такими образцами, как стихотворения Ж.-Б.-Л. Грессе (Gresset) «Обитель» («La Chartreuse») и К. Н. Батюшкова «Мои пенаты», уже по-своему, со свойственной ему искренностью и способностью к интимному общению, «беседовал» с поэтами, соединяя русских поэтов XVIII в. с французскими и латинскими поэтами разных эпох. При этом он видел в них

⁸ Мережковский Д. С. Лев Толстой и Достоевский // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 9. С. 115.

⁹ Муравьева О. С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995. С. 124.

¹⁰ См.: Там же. С. 121.

друзей и современников, с которыми можно общаться «запросто», называл Лафонтена «Ванюшей»; эти поэты словно живут в его доме. Вместе с тем Пушкин шутливо выражал мысль, что русский поэт (Богданович), идя по стопам иностранного гения (Лафонтен), может открыть свой, не уступающий его произведениям поэтический мир, — мысль, которую впоследствии сформулировал в общем виде как важный принцип литературы. Уже в эти отроческие годы Пушкин мог передать идеи, дух и «большой стиль» поэзии XVIII столетия на собственном поэтическом языке («Воспоминания в Царском Селе»). За современной литературой с ее увлекательными для юного поэта интересами перед лицеистом — автором «Воспоминаний в Царском Селе» вставал образ «полнощного Элизиама» культуры XVIII в. с могучими героями эпохи «военных споров», с иными отношениями власти и поэзии, чем в XIX столетии, с идеалами и заветами, питавшими воинственный дух нового поколения — победителя в войне с Наполеоном. Культура XVIII в. устойчиво сохраняла для Пушкина высокую ценность.¹¹ В частности, для него имели постоянное значение, с одной стороны, опыт освоения этой культурой европейской поэзии и, с другой — осмысления ею поэзии библейской, благодаря чему соединились традиционная национальная культура и литература новой эпохи.¹²

В пору становления новой поэзии, в ходе формирования самого ее языка и споров о стихосложении три наиболее авторитетных поэта избрали для доказательства своей правоты соревнование в переложении псалма 143. Изданная Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым книга «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо...» (СПб., 1744) должна была продемонстрировать на примерах поэтического воплощения разные точки зрения на соотношение метра, жанра и семантики и на то, какой размер — хорей (мнение Тредиаковского) или ямба (Ломоносов) — более соответствует стилю оды возвышенного, в данном случае религиозного, содержания.¹³

Известные поэты демонстрировали свои, чрезвычайно важные для развития поэзии, опыты на материале интерпретации псалмов. Стиль высокой библейской поэзии был им близок и включался в их духовный арсенал. Они рассчитывали на восприятие его читателями, так как Псалтырь была известна всем грамотным людям. Вместе с тем это их литературное «предприятие» знаменовало собою изменение в отношении к духовным текстам, которые стали восприниматься не только как религиозные, но и как художественные, культурные.¹⁴

¹¹ Ю. В. Стенник в статье «Концепция XVIII века в творческих исканиях Пушкина» отмечает, что Пушкин смотрит на XVIII век как человек новой эпохи, дистанцирующийся от традиций XVIII в. Их осмысление у него складывается в стройную концепцию, в которой в течение творческого пути поэта происходят значительные сдвиги и уточнения (см.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 76—87, а также: Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995).

¹² См.: Соловьев И. И. Отражение языка и образов Святого Писания и книг богослужбных в стихотворениях Ломоносова // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1913. Т. 18, кн. 2; Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938. С. 118; Винокур Г. О. Русский литературный язык во второй половине XVIII в. // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 144—151; Живов В. М. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII—начала XIX века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4: (XVIII—начало XIX века). С. 714—722 (гл. 3: Библейско-литургические реминисценции в поэзии высокого стиля).

¹³ Об этой полемике и ее значении см.: Луковский Г. А. К вопросу о русском классицизме: состязания и переводы // Поэтика. Л., 1928. Сб. 4. С. 126—148; Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение: Курс лекций. Л., 1959. С. 337—342; Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 232—246.

¹⁴ Ю. М. Лотман в работе «Об „Оде, выбранной из Иова“ Ломоносова» раскрыл философский и общественный смысл этого произведения, основанного на Книге Иова (см.: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42, № 3. С. 253—262).

Псалмы оставались не только в XVIII, но и в XIX в. излюбленным источником лирических «сюжетов» и поэтических образов. Поэтов в начале XIX столетия в России привлекали также повествовательные эпизоды Ветхого Завета, и особенно Книги Пророков (в частности, Исайи) и Книга Иова. Эти части Библии нашли свое отражение и в поэзии Пушкина. В 1859 г. в книжке 17 журнала «Русская беседа» появилась статья Н. С. Соханской (Кохановской) под названием «Степной цветок на могилу Пушкина», представлявшая собою отзыв на Собрание сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова. Соханская-Кохановская ставила перед собою задачу показать высшее религиозное содержание поэзии Пушкина. В частности, она совершенно справедливо отметила сходство образов стихотворения «Пророк» (1826) с текстом главы 6 Книги пророка Исайи. Конечно, Пушкин использовал библейские образы, строго отбирая их в соответствии с собственным лирическим замыслом. Так, в «Пророке» Пушкина пророк видит не Бога, восседающего в храме, в окружении шестикрылых серафимов, а одного шестикрылого серафима, которого встречает на перепутье. Пушкину важен был образ встречи в пути.¹⁵ Пророк Исайя в библейском тексте подробно описывает серафимов, Пушкин ограничивается эпитетом «шестикрылый серафим». Поэт не вводит наивно-реалистической подробности библейского текста, где серафим взял уголь с алтаря клещами и приложил к устам пророка, и углубляет драматизм «посвящения» человека в пророки; глас Бога, завершающий это посвящение, у Пушкина сохранен; в этом отношении его описание соответствует библейскому тексту.

А. С. Хомяков не согласился с точкой зрения Кохановской, так как считал, что «способности к басовым аккордам недоставало не в голове Пушкина и не в таланте его, а в душе (...) никогда не находившей в себе сил для возрождения».¹⁶

К Книге Иова Пушкин обращался не однажды и всегда с одинаковой свободой интерпретации библейского текста и одинаковой чуткостью к ее поэтическому стилю.

А. Г. Чижов констатирует, что Книга Иова пользовалась особым вниманием Пушкина,¹⁷ и усматривает реминисценции из Книги Иова, воспринятой через «Оду, выбранную из Иова» Ломоносова, в стихотворении Пушкина «Кто, волны, вас остановил» (1823).¹⁸

Поддерживая точку зрения Д. Д. Благого, А. Ильичев находит отголоски ламентаций Иова в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный» (1828), а в стихотворении «Поэт идет — открыты вежды» (1835) отмечает прямую ориентацию на слова Бога в Книге Иова.¹⁹ (Последнее стихотворение было первоначально связано с поэмой «Езерский», но затем вошло в «Египетские ночи».) А. Ильичев утверждает, что с библейской традицией это последнее стихотворение, как и оду Ломоносова «из Иова», роднит «близость синтаксических конструкций, которые представляют собой ряд параллельных вопросительных предложений, объединенных анафорическим зачином», — т. е. структура, по наблюдению В. В. Виноградова, характерная для «библейского стиля» русской поэзии с XVIII в.²⁰

¹⁵ О значении метафоры пути у Пушкина и о ее реализации в стихотворении «Странник» см.: *Тодес Е. А.* К вопросу о каменноостровском цикле // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 30—32.

¹⁶ Цитирую по статье В. А. Кошелева «Пушкин и Хомяков», где тщательно рассмотрен вопрос об отношении Хомякова к Пушкину (Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 39).

¹⁷ См.: *Чижов А. Г.* Как говорит Бог Иова и Ломоносова // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1991. Вып. 24. С. 143.

¹⁸ См.: Там же. С. 143—144.

¹⁹ См.: *Ильичев А.* «Зачем крутится ветер в овраге»: Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии // Там же. С. 146—148. Ср.: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 176.

²⁰ *Ильичев А.* «Зачем крутится ветер в овраге»: Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии. С. 148. См. также: *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941. С. 494.

Популярность и глубокая укорененность в русской поэзии Книги Иова давала Пушкину возможность в подтексте стихотворения приравнять поэта не только к ветру, орлу, любовной страсти, но, в конечном счете, и к Богу-творцу. Можно вспомнить, что ветер и огонь — стихийные проявления Бога Яхве в Библии.²¹ Свою содержательную статью Ильичев заканчивает важным выводом: «Итак, „новые миры” хранят в себе следы предшествующего гения».²²

Ученые, анализирувавшие стихотворение Пушкина «К Н**» («С Гомером долго ты беседовал один», 1832), акцентируют разные стороны его текста, богатого сложными ассоциациями. Б. С. Мейлах выдвинул на первый план своей характеристики этого стихотворения строки о пляске вокруг «от нас созданного кумира», которую застает спустившийся с высот своего творческого «отшельничества» поэт-пророк. Б. С. Мейлах считает приоритетным мотивом стихотворения осуждение всеобщего увлечения надеждами на реформаторскую политику воцарившегося после разгрома декабристского восстания Николая I.²³ Таким образом исследователь фактически уклоняется от анализа художественных средств, которыми пользуется поэт.

В. Э. Вацуро, напротив, именно через рассмотрение стиля и образной системы этого произведения характеризует его содержание. Он помещает в своей книге «Записки комментатора» разбор стихотворения «К Н***» («С Гомером долго ты беседовал один») вслед за статьей, содержащей анализ стихотворения «Пророк». В ней он рассматривает вопрос о том, как Пушкин использует церковно-славянизмы для воссоздания «библейского стиля», как переосмысляет свой первоисточник — эпизод из Книги пророка Исаи, — передавая конкретные черты наивного мироощущения героя и усиливая экстатический лиризм картины «перерождения» человека, превращения его в пророка. В. Э. Вацуро делает вывод о том, что «поэт воспользовался Библией как своего рода исходным материалом. Его пророк не походит ни на Исаию, ни на кого иного из библейских пророков. (...) Пушкин строит самостоятельный образ — в духе источника, но с иным содержанием».²⁴

С этим нельзя не согласиться. Ведь замысел Пушкина состоял не в том, чтобы изобразить библейского пророка, а в том, чтобы выразить мысль о высоком назначении поэта, об общественной его миссии и о страданиях, неизбежных при исполнении им его миссии. Неточными мне представляются лишь слова, которыми ученый формулирует свое представление об отношении поэта к его источнику: «воспользовался Библией как своего рода исходным материалом». Творческое «общение» Пушкина с древним, библейским поэтом носило другой характер. Уже самое родство изображенного им сюжета с библейским высоко подымало тон поэтического повествования. Сюжет о поэте подымался до уровня идеи предназначения человека, наделенного своим даром свыше, и ответственности его перед своим дарованием. Так идея библейского образа входила как составная часть в структуру мысли Пушкина, создавая «второй план» поэтического текста.

Свою статью о стихотворении «К Н**» («С Гомером долго ты беседовал один») В. Э. Вацуро озаглавил «Поэтический манифест Пушкина», подчеркнув, таким образом, сколь значительны были выраженные в этом произведении мысли. Вместе с тем он рассматривает эти мысли как содержание, выявляющее себя через специфическую форму выражения: «Библейский миф образовал иносказательный план стихотворения и дал

²¹ См.: *Аверинцев С.* Древнееврейская литература // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1. С. 275.

²² *Ильичев А.* «Зачем крутится ветр в овраге»: Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии. С. 153.

²³ См.: *Мейлах Б. С.* «С Гомером долго ты беседовал один» // Стихотворения Пушкина 1820—1830 годов. Л., 1974. С. 213—221.

²⁴ *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 10.

ему высокий стилевой регистр, исключая слишком конкретное толкование реалий. Пророк сошел с таинственных вершин и вынес народу „скрижали“, как это было в Библии, — но беседовал он с Гомером, а не с Богом Библии. Сочетание двух культурно-исторических ассоциаций было бы неуместным и незаконным, если бы библейская оболочка стихотворения не определилась сразу же как язык иносказания. (...) Иносказание облеклось в картину, полную чувственной конкретности. „В пустыне под шатром“ — это столь любимая Пушкиным наивная описательная поэзия ветхозаветного текста. Но „безумство суетного пира“, „скачки“, „буйна песнь“ и „кумир“ — уже реалии метафорически расширенные». ²⁵

К этим справедливым заключениям исследователя можно добавить, что, уподобляя Гомера Богу, а поэта пророку Моисею, Пушкин сознает, что библейская «оболочка» запечатлевается в сознании читателя, как и образ античного поэта, с которым «беседовал» много лет, уединившись, поэт современный; все это метафоры мировой культуры, на основе которой создаются новые художественные ценности.

К разряду стихотворений, навеянных образами Книги Иова, можно отнести и четверостишие «Напрасно я бегу к сионским высотам» (1836). Это стихотворение исследователи, по большей части, рассматривают в связи с проблемой замысла так называемого каменноостровского цикла. Н. В. Измайлов пишет об этом «наброске»: «Он близок по теме и образности к „Страннику“, близок вместе с тем и к стихотворениям, его окружающим, на евангельские и религиозные темы, особенно к „Молитве“ — „Отцы пустынноики и жены непорочны...“, поскольку последнее является выражением чувств „падшего“, которого молитва „крепит неведомую силой“». ²⁶

Авторы, писавшие о попытке Пушкина скомпоновать ряд стихотворений 1836 г. в своеобразный цикл, особое внимание уделяли вопросу об идее и композиции этого цикла, о том, какие стихотворения Пушкин определенно ввел в него и какие могут быть к нему присоединены, исходя из его общего замысла. В. П. Старк выдвинул оригинальную мысль о том, что композиция цикла определяется событиями Священного Писания, отраженными в Евангелии и церковных службах Страстной недели. ²⁷ Н. Н. Петрунина, которая считает принципом, определяющим место стихотворений в «цикле», — время их написания, предполагает, что четверостишие «Напрасно я бегу к сионским высотам» по времени его написания должно предшествовать последнему стихотворению цикла «Из Пиндемонта». ²⁸ С этим выразили свое несогласие Н. В. Измайлов и В. П. Старк. ²⁹ Т. Т. Савченко допускает, что это четверостишие могло открывать цикл. ³⁰ С. А. Фомичев значительно расширяет круг произведений, связанных с этим циклом. Он готов согласиться с тем, что четверостишие «Напрасно я бегу к сионским высотам» — незаконченное стихотворение, первоначально долженствовавшее открыть цикл, но затем замененное стихотворением «Отцы пустынноики и жены непорочны». ³¹

Ко всем соображениям, высказанным учеными о «каменноостровском цикле» и о «загадочном» стихотворении «Напрасно я бегу к сион-

²⁵ Там же. С. 24.

²⁶ Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 251.

²⁷ Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 193—203.

²⁸ Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974. С. 72.

²⁹ Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов. С. 251; Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. С. 203.

³⁰ Савченко Т. Т. О композиции цикла 1836 года А. С. Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1979. С. 81.

³¹ См.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 279.

ским высотам», следует добавить, что, хотя в этом произведении со страстной напряженностью звучит основной мотив цикла — самоосуждение и покаяние, здесь он имеет другое «наполнение», чем в молитвах Страстной недели. В Библии многострадальный Иов в словесном «со- стязании» с Богом упрекает его за собственное свое несовершенство, за груз своих грехов, за тяжесть своего раскаяния и строгость божественного возмездия за грехи. Взывая к Богу, он убеждает и умоляет его: «Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня кругом — и Ты губишь меня?»

Вспомни, что Ты как глину обделал меня, и в прах обращаешь меня? (...) Жизнь и милость даровал мне, и попечение Твое хранило дух мой? Но и то скрывал Ты в сердце Своем, — знаю, что это было у Тебя, — что, если я согрешу, Ты заметишь, и не оставишь греха моего без наказания. Если я виновен, горе мне! если и прав, то не осмелюсь поднять головы моей. Я пресыщен унижением; взгляни на бедствие мое: Оно увеличивается. Ты гонишься за мною, как лев, и снова нападаешь на меня, и чудным являешься во мне» (Книга Иова. Гл. 10. Ст. 8—16). Если признать, что эти образы и настроения ближе к четверостишию «На- прасно я бегу к сионским высотам», чем «дух смирения, терпения, любви», выраженный в переложении великопостной молитвы Ефрема Сирина, то попытки включить четверостишие в цикл стихотворений, связанных со Страстной неделей, становятся проблематичными и воз- никает предположение о «родстве» четверостишия скорее со стихотворе- нием «Дар напрасный, дар случайный», чем со стихотворением «Отцы пустынноики и жены непорочны».³²

Стихотворение «Когда владыка ассирийский» (1835), трактуемое библейский сюжет из Книги Юдифи, в статье И. З. Сурат последователь- но рассматривается как символично-дидактическое иносказание. Иссле- довательница пишет: «В библейских образах здесь символизировано то, что поэт вряд ли стал бы декларировать от первого лица: победительная сила веры, ее спасительность „среди дольных бурь и битв”».³³

Об образе крепости:

И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине. —

автор статьи пишет: белизна Ветилуи — образ, который «привнесен сюда как цвет богоявления, богоприсутствия и также как цвет целомудрия, непорочности».³⁴

Исследовательница не замечает, что «иносказание облеклось в кар- тину, полную чувственной конкретности», что «это — столь любимая Пушкиным наивная описательная поэзия Ветхого Завета» (характерис- тики стиля другого стихотворения Пушкина, принадлежащие В. Э. Вацу- ро, — см. выше). И. З. Сурат считает, что Пушкину не нужно было про- должать стихотворение, так как его мысль была уже высказана в начале.

³² М. Ф. Мурьянов в статье «О стихотворении Пушкина „Напрасно я бегу к сионским высотам”», содержащей тщательный разбор этого произведения, отметил, что, открыв свое четверостишие наречием «напрасно», поэт сделал особый акцент на мысли о недостижи- мости высот вождельного идеала: «Бег оказывается не столько движением к высотам, сколько бегством от врага, но ведь победа дается не через бегство, для победы нужно повернуться к врагу лицом!» (Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М., 1991. С. 170). Исследователь усматривает в этом трагическом «самовыражении» поэта отход от церковного учения, порицающего чувство безнадежности (Там же. С. 177). Если мы согласимся, что Пушкин выразил свое настроение, сопоставив его в подтексте с отчаянием преследуемого дьяволом Иова и высшим нравственным осуждением греха, то противоречие со Священным Писанием во многом потеряет свою силу.

³³ Сурат И. З. «Стоит, белеясь, Ветилуя» // Московский пушкинист. М., 1996. [Вып.] 3. С. 149.

³⁴ Там же. С. 145.

Между тем Пушкин пытался продолжить стихотворение и в тексте продолжения использовал прямые речения из 4-й Книги Царств, очевидно находя в этот момент смысл в воссоздании поэтического стиля библейского повествования. В 4-й Книге Царств содержится эпизод о нашествии ассирийцев на Иерусалим с красочными подробностями, мимо которых не прошел Пушкин. Царь ассирийский послал военачальников потребовать полной капитуляции от Иудеи. Рабсак передает это требование ассирийского царя начальнику дворца иудейского царя в следующих словах: «скажите Езекии: так говорит царь великий, царь Ассирийский; что это за упование, на которое ты уповаешь? (...) Ныне же на кого ты уповаешь, что отложился от меня?» (Гл. 18. Ст. 19—20). Приговорные иудейского царя Езекии просят посланца ассирийского царя говорить по-арамейски, так как они понимают этот язык, но не говорить по-иудейски, чтобы его речь не была понята стоящими на стенах осажденного города горожанами.

«И сказал им Рабсак: разве *только* к господину твоему и к тебе послал меня господин мой сказать сии слова? Нет, также и к людям, которые сидят на стене, чтобы есть помет свой и пить мочу свою с вами. И встал Рабсак, и возгласил громким голосом по-иудейски, и говорил, и сказал: слушайте слово царя великого, царя Ассирийского! (...) И пусть не обнадеживает вас Езекия Господом, говоря: „спасет вас Господь, и не будет город сей отдан в руки царя Ассирийского“ (...) ибо так говорит царь Ассирийский (...) Кто из всех богов земля сих спас землю свою от руки моей? Так неужели Господь спасет Иерусалим от руки моей?» (Гл. 18. Ст. 27—28, 30, 31, 35). «Когда услышал *это* царь Езекия, то разодрал одежды свои и покрылся вретисшем, и пошел в дом Господень» (Гл. 19. Ст. 1). Пророк Исайя сообщает, что молитва Езекии услышана Господом и ассирийские войска не войдут в город. Ангел поражает их.

И стиль, и повествовательный сюжет этого и подобных ему эпизодов Библии могли иметь для Пушкина самостоятельную ценность как знаки присутствия мировой культуры в современном сознании и в национальной художественной культуре современности. Эту мысль внушала ему его собственная способность эстетически воспринимать чужой текст и получать от него творческие импульсы.

Характерны прямые фразеологические включения из Библии в стихотворении Пушкина. Это знак траура — покрывание вретисшем и, главное, вопросы, которые у Пушкина задает Олоферн и которые совпадают с теми, что в библейском тексте задает посланник ассирийского царя. Отмеченное совпадение свидетельствует о том, что для поэта, изображавшего борьбу народов, первостепенное значение должна была иметь тема истинной и ложной веры. Конечно, это можно утверждать лишь предположительно.

Говоря о научных работах, посвященных библейским реминисценциям у Пушкина, следует отметить статьи И. Ю. Юрьевой «Библейская Книга Иова в творчестве Пушкина» (Рус. лит. 1995. № 1) и «„Библию, Библию!": Священное Писание в творчестве Пушкина» (Московский пушкинист. М., 1997. [Вып.] 4), а также изданную ею книгу «Пушкин и христианство: Сборник произведений Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания с комментарием» (М., 1999). Работы И. Ю. Юрьевой ценны стремлением автора к полноте выявления христианских религиозных текстов, которые «послужили одним из источников формирования поэтической образности, поэтического языка, в целом поэтики Пушкина».³⁵ Слабой стороной этих работ являются некоторые неточности и, главное, недооценка значения Священного Писания как общей для всей европейской культуры нравственной и художественной основы.

³⁵ Московский пушкинист. М., 1997. [Вып.] 4. С. 119.

Отмечу, что в ранней поэме Пушкина «Гавриилиада» (1821), навеянной французской эротико-сатирической поэмой Э. Парни, отчасти скептическими произведениями Вольтера, вольнодумством Дж. Байрона и других авторов и изобилующей кощунственными шутками, поэт воссоздает живописный фантастический стиль древней культуры («Творец любил восточный пестрый слог») столь убедительно, что ученые усматривают возможность использования им древних апокрифов.³⁶ В этой поэме сочетание вольномыслия, рационалистического скепсиса и точности в воспроизведении эстетического колорита древней культуры является своеобразной формой проявления «всемирной отзывчивости» Пушкина.

Собеседником «оракулов веков», участником обмена идеями и художественными исканиями обширного круга мыслителей и поэтов разных времен Пушкин видел себя уже в 1819 г. В стихотворении «Деревня» молодой поэт, развивая свой излюбленный мотив творчества в уединении, «населяет» это уединение мыслителями, с творчеством которых соотносит собственную напряженную умственную жизнь. Он «сталкивает» гораццианский идеал и непосредственное созерцание красоты любезного ему уединения с миром просветительских идей и подвергает, таким образом, оценке и переоценке свое непосредственное восприятие.

В стихотворении «Деревня» он писал о творчестве в уединении:

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавам
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

(II, с. 90).

С годами ощущение своей связи с мировой культурой у Пушкина принимало все более сознательный характер, что все более отчетливо проявлялось в его повседневных занятиях.

Источники, к которым поэт обращался в процессе своей работы над «Борисом Годуновым» в 1824—1825 гг., поражают разнообразием и широтой. Это отечественная историческая литература — «История государства Российского» Карамзина, произведения современников событий — летописи и памфлеты, жития святых, воспоминания; труды античных историков; политические произведения эпохи Возрождения; суждения историков о французской революции и феномене Наполеона; все эти и многие другие материалы питали ум и воображение поэта.

Из ряда источников, имевших для Пушкина особо важное значение при работе над трагедией, сам Пушкин выделял три литературных явления: «История государства Российского» Карамзина — хранилище и последовательное изложение фактов; летопись — средоточие взглядов и убеждений современников изображенных в трагедии событий; творчество Шекспира — «отца поэтов», давшего образцы поэтической драматургии и характеров героев в драматических ситуациях. Однако исследователи находят у Пушкина лишь частные, редкие случаи следования Шекспиру в изображении характеров и вынуждены констатировать, что построение трагедии Пушкина не соответствует принципам, которые реализовал в своих пьесах Шекспир. У Пушкина нет обязательной для Шекспира последовательности действия, логического нарастания драматизма от акта к акту.

И. В. Киреевский спорил с критиками, требовавшими от Пушкина овладения приемами Шекспира. Он считал, что трагедия «Борис Годунов» строится на других основаниях, чем те, которые определяют дей-

³⁶ См.: Лурье С. «Гавриилиада» Пушкина и апокрифические Евангелия // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 2—3; Алексеев М. П. Заметки о «Гавриилиаде» // Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 293—336.

ствие в большинстве европейских пьес. Не страсти героев, не их поступки, а идея, порожденная давно совершившимся событием — убийством царевича, является силой, двигающей действие в трагедии Пушкина: «...постепенное возрастание коренной мысли в событиях разнородных, но связанных между собою одним источником дает ей характер сильно-трагический и таким образом позволяет ей заступить место господствующего лица, или страсти, или поступка.

Такое трагическое воплощение мысли более свойственно древним, чем новейшим»,³⁷ — пишет критик, но тут же сближает трагедию Пушкина как произведение философское с «Фаустом» Гете, драматургией Шиллера, «Манфредом» Байрона.

В последующей литературе, вплоть до наших дней, сравнением художественных особенностей трагедии Пушкина с пьесами Шекспира аргументируется утверждение, что «Борис Годунов» — произведение не сценичное, не театральное, нарушающее законы драматургии. Неоднократно отмечались такие особенности поэтики трагедии Пушкина, как отрывочность, краткость отдельных ее сцен, при этом современные авторы особенно подчеркивают в качестве отличительной черты пьесы исключительное значение в ней народа, своего рода собирательного героя, активно действующего как некий персонаж. Эту последнюю особенность современные исследователи высоко ценят как открытие Пушкина.

Несоответствие трагедии Пушкина привычным драматическим канонам, ее «эпичность» ощущают театральные режиссеры. Она трудна для воплощения на сцене.

Между тем если мы введем Библию в обширный круг явлений мировой культуры, которыми Пушкин питал свой ум и фантазию, то проявятся не только некоторые вопросы, связанные с трагедией «Борис Годунов», но и особенности восприятия поэтом исторического материала, который он изучал. Современные Пушкину критики хвалили его за то, что он удачно выбрал сюжет для трагедии. Но этот выбор не был случайным. Сюжет своей трагедии Пушкин почерпнул из эпохи напряженных исторических конфликтов, которые явились преддверием катастрофических событий Смутного времени. Таким образом, он заранее предусмотрел, что в его пьесе трагические коллизии не получат своего разрешения.

Тем более органичным и ассоциативно логичным было обращение мысли автора трагедии к Библии. Современный исследователь культуры эпохи эллинизма считает, что Библии присущ стиль «мистического историзма»: «Древнееврейская литература живет идеей поступательного целесообразного движения, возможного только для сознательной воли», — пишет ученый; далее он замечает: «В Библии господствует дрящущий ритм исторического движения, которое не может замкнуться и каждый отдельный отрывок которого имеет свой подлинный и окончательный смысл лишь по связи со всеми остальными. По мере развития древнееврейской литературы этот мистический историзм становится все отчетливее и сознательнее...».³⁸

В духе своеобразного «мистического историзма» в Библии трактуется проблема взаимоотношений народа и царя, власти «мирской» и высшей, божественной. Она проходит через библейское повествование как основополагающая.

Проблема взаимоотношения личности, народа и власти как этическая и политическая сопровождает человечество на всем протяжении развития культуры. Библия — древнейший памятник, где разные стороны этой проблемы рассматриваются как сложный комплекс вопросов, ответы на которые даются в высокой поэтической форме.

³⁷ Киреевский И. В. Обзорение русской литературы за 1831 год // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 107.

³⁸ Аверинцев С. С. Древнееврейская литература. С. 276—277.

Пушкин прекрасно видел архаичность этих библейских «ответов», но творческая мысль, как бы далеко от него по времени она ни была высказана, всегда казалась ему «современной», живой и провоцировала его на реакцию соучастия. Он не мог также не заметить сходства древнейших ситуаций, изображенных в Библии, с теми историческими коллизиями, драматизм которых он воплощал в своей трагедии.

Борис Годунов был первым избранным царем России.³⁹ Избранию его предшествовала острая борьба, но избрание и венчание на царство носили торжественный характер, сопровождалось тщательно разработанным ритуалом,⁴⁰ целью которого было придать этому событию сакральный характер. Ритуал этот, как можно предположить, был разработан ученым и литературно одаренным патриархом Иовом. Этот ритуал воспроизводил библейский рассказ об избрании и возведении на престол первого царя Израиля Саула, что историками не отмечено и не проанализировано.

Иов, поддерживая Бориса Годунова как кандидата на трон, не распространял свои аналогии на дальнейшую судьбу избираемого царя, но Пушкин, для которого библейские образы и сюжеты были привычными атрибутами поэтического арсенала, не мог не заметить сходства судьбы Саула и Бориса Годунова — царей, от которых «отступил Бог» (см.: 1-я Книга Царств. Гл. 18. Ст. 12).⁴¹

Избрание Саула в Библии, как и избрание Годунова на царство, не было легитимным. Избрание Годунова не было легитимно в силу того, что население России привыкло считать законным лишь династический

³⁹ Избранию Бориса Годунова на трон, его личности, царствованию и трагической гибели его семьи посвящена большая историческая литература, в которой, вплоть до нашего времени, ведутся по отдельным вопросам, в частности по вопросу о гибели царевича Димитрия и причастности к ней Годунова, оживленные споры. Назовем несколько работ историков, изучавших эти вопросы: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 2-е изд. СПб., 1818—1829. Т. 10—11; *Погодин М. П.* Об участии Годунова в убийении царевича Димитрия // Моск. вестн. 1829. Ч. 3. С. 90—126; *Устрялов Н. Г.* Соч. СПб., 1831. Т. 1; *Соловьев С. М.* Русская история. Кн. 4 // Соч. М., 1989. Т. 8; *Костомаров Н. И.* 1) Смутное время Московского государства. М., 1868. Т. 1; 2) Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: Борис Годунов. М., 1990. Кн. 1; *Платонов С. Ф.* 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888; 2) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899; 3) Борис Годунов // Собр. соч. по русской истории: В 2 т. СПб., 1994. Т. 2. С. 89—214; 4) Смутное время // Там же. С. 381—496; *Ключевский В. О.* 1) Курс русской истории. Ч. 3 // Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3; 2) Отзыв об исследовании С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» // Там же. М., 1989. Т. 7. С. 122—135; 3) Состав представительства на земских соборах Древней Руси // Там же. М., 1990. Т. 8. С. 277—374; *Скрынников Р. Г.* 1) Борис Годунов и царевич Димитрий // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971; 2) Борис Годунов. М., 1978; 3) Россия в начале XVII в.: Смута. М., 1988; *Зимин А. А.* 1) Смерть царевича Димитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. 1978. № 9; 2) В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.

⁴⁰ Б. А. Успенский в своем капитальном труде «Царь и патриарх: харизма власти в России» отмечает, что особенности поставления на царство Бориса Годунова определили два обстоятельства: Годунов был первым в России избираемым царем и впервые поставлялся на царство русским патриархом. В «Соборном определении об избрании царя Бориса Федоровича Годунова» законность выборного царя обосновывалась ссылками на пример Византии, а в ритуале венчания его на царство сочетались традиции византийского «чина» коронации и русские обряды, сопровождавшие до того поставление на царство. Упоминание в молитве патриарха Иова помазания ветхозаветных царей Саула, Давида и Соломона Б. А. Успенский рассматривает как отголосок византийского «чина» венчания на царство, а уподобление миропомазания при поставлении на царство обряду крещения трактует как черту, характерную для русской традиции (см.: *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. М., 1998. С. 138—139). Б. А. Успенский предполагает возможность того, что в России были знакомы с византийским уставом «о венчании и о поставлении царском» (см.: Там же. С. 109—110).

⁴¹ Фигура библейского царя Саула привлекала мятежных романтиков. Напомню, что Саул — один из героев большой поэмы В. К. Кюхельбекера «Давид» (1827—1829; см.: *Кюхельбекер В. К.* Избр. произв.: В 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 350—474. (Б-ка поэта; Большая сер.)), а Лермонтов создал в 1836 г. «Еврейскую мелодию» по мотивам Дж. Байрона («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!») — лирический монолог от лица Саула.

принцип перехода власти от отца к сыну или более древний от старшего брата к младшему. Годунов был братом Ирины, жены царя Федора Иоанновича, но не самого царя. Еще сложнее обстояло дело с Саулом в Библии. Его избрание было связано с установлением нового института — царской власти, которого не одобрял Бог.

В Книге судей воин-полководец Гедеон на предложение соотечественников стать царем и начать династию царей отвечал: «Ни я не буду владеть вами, ни сын мой не будет владеть вами. Господь да владеет вами» (Гл. 8. Ст. 23).

Дальнейшие события подтверждают мудрость Гедеона, ибо они обнаруживают опасность захвата власти недостойным и жестоким честолюбцем, понравившимся народу как «свой» (сын рабыни). Сын Гедеона и рабыни Авимелех убеждает простых людей: «вспомните, что я кость и плоть ваша» — и они говорят о нем: «он брат наш» (Гл. 9. Ст. 2—3). Свирепый Авимелех убивает своих братьев, чтобы стать царем. Последний из его братьев, чудом спасшийся от его покушения, взойдя на гору, рассказывает народу притчу о деревьях, выбиравших себе царя, об отказе всех деревьев, приносящих плоды, от власти и о готовности терновника подчинить себе все плодоносящие деревья и укрепить власть свою, сжигая всех непокорных, вплоть до кедров ливанских. Это притча об опасности властолюбия при инертности, пассивности народа.

В Исходе и Книге Чисел главными действующими силами были Бог, народ и пророк Моисей, с которым Бог беседует глаза в глаза, уста в уста и которого он знает по имени. В этих книгах в центре не проблема «царь, Бог и народ», а трагизм положения избранника, гения, великого человека, постоянно не понимаемого народом (ср. у Пушкина в «Полководце»: «Народ, таинственно спасаемый тобою, / Ругался над твоей священной сединою» — III, 379). В 1-й Книге Царств ставится проблема, возникающая с формированием государства и царской власти. Народ при этом выступает как главная действующая сила. Пророк Самуил, выражая волю Божию, отговаривает народ от решения избрать царя. Он объясняет, что царь присвоит себе часть прав Бога и заставит сыновей народа воевать, служить при дворе и в органах управления: «И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим; и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам и слугам своим (...) и сами вы будете ему рабами: и восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда» (Гл. 8). Избрание царя Самуил рассматривает как отступничество народа. Излагая отношение Бога к этому акту, он свидетельствует: «так говорит Господь, Бог Израилев: „Я вывел Израиля из Египта и избавил вас от руки Египтян и от руки всех царств, угнетавших вас. А вы теперь отвергли Бога вашего (...) и сказали Ему: царя поставь над нами”» (Гл. 10. Ст. 18—19). Таким образом, конфликт, который находится в центре трагедии Пушкина, в Библии интерпретируется как заложенный в самой природе власти. Народ настаивает на избрании царя, чтобы царь разбирали его распри и вел войны. И пророк Самуил, по воле Божией, выделяет молодого человека, сына знатных и состоятельных родителей, и дает ему понять, что ему надлежит занять высшее место в народе. На это юноша Саул возражает, что он недостаточно знатен, принадлежит к одному «из меньших колен Израилевых» и что племя его в колене Вениаминове занимает скромное положение.

Затем происходят выборы Саула на царство по коленам и племенам, организованные Самуилом; так утверждаются права Саула на престол. При этом и народ сознает греховность самого акта избрания, «ибо ко всем грехам нашим мы прибавили еще грех, когда просили себе царя» (Гл. 12. Ст. 19). На эти сомнения Самуил возражает, что дальнейшая судьба народа, царства и царя зависит от того, будут ли они безупречны

в глазах Бога: «Если же вы будете делать зло, то и вы и царь ваш погибнете» (Гл. 12. Ст. 25).

Будучи избранным, Саул все же не уверен в своем праве на столь высокое положение: он скрывается в обозе, и люди, сомневаясь, «вопросили Господа: придет ли он сюда?». Бог указал, где скрывается избранный, его нашли и привели: «и он стал среди народа и был от плеч своих выше всего народа. И сказал Самуил всему народу: видите ли, кого избрал Господь? Подобного ему нет во всем народе. Тогда весь народ воскликнул и сказал: да живет царь!» (Гл. 10. Ст. 23—24).

Окончательное признание Саула царем и утверждение его во власти происходит тогда, когда он возглавил войско и стал одерживать победы над враждебными соседями.

Нетрудно заметить сходство обстоятельств введения во власть Саула и Бориса Годунова. Подобно тому как пророк Самуил принял решение о воцарении Саула (конечно, по воле Божией) прежде, чем обратился ко всем коленам Израилевым, патриарх Иов определил Годунова как предпочтительную кандидатуру, и только затем произошло широкое для того времени голосование на земском избирательном собрании.⁴² Борис Годунов, как и Саул, сначала не верил утверждениям своего духовного наставника о высоком жребии, который ему назначен, и отказывался занять царский престол, ссылаясь на свое худородство. Ко времени, когда Борис Годунов избирался в цари, он как правитель в царствование Федора Иоанновича занимал исключительно высокое положение в государстве. Его ум, обходительность и величественная внешность давали современникам основание считать, что он на голову выше всего своего окружения⁴³ (в Библии Саул на голову выше окружающих по росту и красивее всех). Будучи избран представительным собранием, Годунов скрылся от народа в монастыре, как Саул в обозе, и лишь после долгих уговоров и уверений, что Бог через своего представителя (пророка в Библии и патриарха в России) назначил его на это место, согласился. Однако и после всех этих предварительных демонстративных действий Годунов не осуществил свое право короноваться. В полной аналогии с тем, как Саул утвердил свое право на власть победой над аммонитянами, Борис Годунов собирает большое войско и идет навстречу крымскому хану, который, по слухам, приближается к Москве (слухи эти стали распространяться с самого начала событий, связанных с избранием Бориса). В Серпухове, не дождавшись неприятеля, он задал пир всему войску, объявив «бегство» хана победой, и только после этого короновался.

Иов в «Повести о житии царя Феодора Иоанновича» пишет о Борисе Годунове как о человеке исключительной мудрости, который в битве с крымским ханом «явил себя непобедимым воеводой», так как «в ратном деле весьма сведущ».⁴⁴ Другой современник, автор известного «Временника Ивана Тимофеева», характеризует поход, предпринятый Годуновым перед коронацией, как пышную пропагандистскую демонстрацию.⁴⁵ Правда, он писал уже при другом царе, В. И. Шуйском.

Пушкин хорошо знал все подробности этого периода жизни Годунова, и, думается, библейская аналогия событиям избрания этого царя

⁴² См.: *Ключевский В. О.* Состав представительства на земских соборах Древней Руси. С. 319—336.

⁴³ С. Ф. Платонов констатирует, что «Борис обладал крупным умом и правительственным талантом и своими качествами превосходил всех своих соперников» (*Платонов С. Ф.* Борис Годунов. С. 115). Отмечая, что «превосходство Бориса было общепризнанным», историк приводит мнение ряда современников Годунова (Ивана Тимофеева, князя И. А. Хворостинина, иностранцев Буссова, Масса и др.) (см.: Там же. С. 115—117).

⁴⁴ Древняя российская вифлиофика Н. И. Новикова. 2-е изд. М., 1789. С. 388—401.

⁴⁵ См.: *Временник дьяка Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.* М.; Л., 1951. С. 57—58. (Лит. памятники).

должна была у него возникнуть.⁴⁶ Очевидно, в его сознании и дальнейшая судьба царя, от которого «отступил Бог», накладывалась на трагическую историю царствования Годунова.

Само имя «Саул» означает: «желанный, испрошенный». В Библии царь Саул был народом «испрошен» на царство, но затем осужден Богом за нарушение его строгих предписаний. Так, он приступил к жертвоприношению, не дождавшись Самуила, ибо ополчение стало разбегаться; не убил царя побежденного народа и не уничтожил лучшие его стада из практических соображений; не убил своего сына Ионафана, одержавшего важную победу, за то, что тот нарушил строгий пост, вкусив каплю дикого меда. Впоследствии, уже оставленный Богом, Саул преследует любимца Бога Давида, объясняя сыну своему Ионафану, что делает это из династических соображений: «Доколе жив будет Давид, не устоишь ни ты, ни царство твое». Давид уклоняется от прямого столкновения с Саулом, уважая его как помазанника, избранника Бога, хотя и развенчанного. Ни соображения государственной целесообразности, ни естественные человеческие чувства не смягчают вины царя перед Богом.

Хотя Моисей учил, что нельзя наказывать детей за отцов и отцов за детей («...написано в книге закона Моисеева, в которой заповедал Господь, говоря: не должны быть наказываемы смертью отцы за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов, но каждый за свое преступление должен быть наказываем смертью» — 4-я Книга Царств. Гл. 14. Ст. 6),⁴⁷ именно гибелью или непокорностью детей наказываются в Библии грешники-цари. Их постигают неотвратимые наказания. Кроткий царь Давид, прославившийся своими победами и благочестием, не был безгрешен, и даже длительное, глубокое раскаяние и покаяние не освободило его от Господней кары — смерти младенца сына.

Библия — книга, полная глубоких религиозных и этических идей, но она и книга историческая. В ее больших разделах — Исходе, четырех книгах Царств и Паралипоменоне, историю творят три силы: Бог, народ и вождь народа или царь. Царь и народ всегда высказывают непокорность, готовность противопоставить свою волю воле Господа, проявить свою греховность. От этого не свободны самые великие цари, любимые Богом и прославившиеся набожностью и воинскими доблестями (Давид) и мудростью (Соломон). Они обречены грешить, так как их власть — власть человеческая, и, соображаясь с интересами этой власти и собственными страстями, они делают «зло перед Господом».

В Библии нет того представления об абсолютной правоте народного мнения, которое приписывается Пушкину интерпретаторами его трагедии. Библия судит народ не менее строго, чем царей. В Книге Чисел Моисей обращается к Богу с жалобами: «...для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего?»; «Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня» (Гл. 11. Ст. 11, 14);⁴⁸ «Когда Ты так поступаешь со мною, то *лучше* умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими, чтобы мне не видеть бедствия моего» (Гл. 11. Ст. 15). Этот взрыв разочарования в своем «общественном» служении вызван тем обстоятельством, что народ захотел вернуться в египетское рабство, так как в Египте ему выдавали мясо в пищу, —

⁴⁶ Отмечу одну из подробностей жизни Годунова, дающую основание для сопоставления и сближения его с Саулом, — суеверие царя Бориса, которое Пушкин подчеркнул уже в первоначальном плане произведения. Затем тема нарушения царем Борисом им же утверждавшихся законов против колдунов и волхвов и несоблюдение им строгих требований религии была воплощена в сцене «Царские палаты» (диалог стольников, толкующих о беседах царя с колдунами, и монолог Годунова). Аналогией этим эпизодам трагедии Пушкина можно усмотреть в библейском рассказе об обращении царя Саула к волшебнице в Аэндоре (1-я Книга Царств. Гл. 28. Ст. 7—25).

⁴⁷ Иное представление о наказании греха в потомстве см.: Исход. Гл. 34. Ст. 6—7.

⁴⁸ Ср. у Пушкина: «Тяжела ты, шапка Мономаха».

эпизод разительный по своему обобщающему, общечеловеческому значению.

Грехи руководителей народа, особенно царей, и неизбежность сурового наказания за эти грехи, как бы уважительны ни были причины, побуждавшие совершать эти грехи, — мотив, который проходит через все библейское повествование. Уже Моисей и первосвященник Аарон за грех сомнения или отступления от воли Божией наказываются тем, что лишаются права видеть плоды своих героических трудов. Наказанию, постигающему грешных отцов через детей, подвергаются цари Саул, Давид и Соломон. К тому же они временно или навсегда лишаются царства. И почти все цари, хроника правления которых дана в Паралипоменоне, тоже грешат и подвергаются неотвратимому наказанию (военному поражению, гибели детей, потере царства). О немногих добродетельных царях говорится бегло, со ссылкой на другие источники.

Таким образом, в сюжетной схеме о грешном царе была заложена идея о неотвратимом и суровом его наказании, и это — несмотря на раскаяние и добрые дела, которые он совершал. Поэтому Пушкину не было необходимости в моралистическом объяснении того, почему Годунов был наказан в его сыне, который лишился жизни и царства: «опорой» реальной исторической ситуации оказывается древнейший традиционный сюжет.

Между тем в литературе, посвященной «Борису Годунову», широко бытует мнение о том, что Пушкин изображает царя Бориса лицемером, все добрые дела которого неискренни и которого поэтому не любит народ; по логике же библейского рассказа никакие добрые дела не могут загладить злое дело и грех. У Пушкина так и трактуется тема соотношения нравственного зла и государственной необходимости, и ему не нужно было изображать царя Бориса лицемером.

При этом взгляд Пушкина на трагизм русской истории был своеобразен и независим.

Известно, что современники Пушкина, такие как Кукольник, эксплуатировали расхожие толкования Священного Писания и создавали драмы, где развязка действия происходила путем прямого вмешательства Божества («Рука Всевышнего отечество спасла»). Богу приписывалась служебная роль непосредственного участника политических происшествий и инициатора водворения порядка в обществе. Потом эта функция перешла в пьесах к царю. Пушкин идет иным путем: он конкретизирует картину исторических событий и образы исторических лиц, принимающих в них участие. На место односложного ответа он ставит многосложный вопрос.

Сложившиеся в процессе исторической жизни народа конфликты, активное участие в них разных групп населения, руководствующихся своими интересами, и самобытных личностей создают ситуацию, которую Ю. М. Лотман образно определил словами: «Клио на распутье». Таким образом, народ, власть, стоящая над народом, и высшие слои общества не только осуществляют принцип свободы воли, признанный Священным Писанием, но и несут свою долю ответственности за происходящее. Это и составляет основу действия в трагедии Пушкина.

Л. Н. Толстой в своей «строгой» книге «Что такое искусство?», осуждая искусство высших классов как искусство, лишенное религиозного содержания, признает народность многих произведений Пушкина, но из их числа исключает трагедию «Борис Годунов», которую считает «рассудочно-холодной».⁴⁹ В этом отрицательном отзыве Толстого, однако, заключено признание того, что трагедия Пушкина — произведение концепционное. Мысль поэта, действительно, направлена на анализ определенной проблемы — проблемы взаимодействия народа и власти в историческом процессе и нравственной ответственности каждой из сторон,

⁴⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Сер. 1. Произведения. М., 1951. Т. 30. С. 124.

в нем участвующих, за свои решения и действия. Реально представленная в трагедии жестокая борьба политических сил, личностей и целых сословий за свои интересы высвечивает широкий спектр общих вопросов, главным из которых является вопрос о роли личности и народа в судьбах страны. «Распутье» истории, кризисная ситуация вызывает к активности и провоцирует ее. И от того, во что выльется эта активность, зависит дальнейшее историческое развитие. Пушкин изображает внутренние борения, которые переживают и народ в целом, и отдельный человек в кризисных обстоятельствах и которые определяют проявление активности, подчас приводящей к катастрофическим последствиям. И народ, и человека он показал как сложное, противоречивое явление, связав судьбу человеческую с судьбою народной. Он открыл психологический метод в русской драматургии, начав «Борисом Годуновым» и продолжив «Маленькими трагедиями». Уникальность «Бориса Годунова» состояла прежде всего в том, что Пушкин впервые в драматургии раскрыл психологию народа через разнообразие народных характеров и состояний, в индивидуальных и массовых ее проявлениях.

Роковые повторения на протяжении веков трагических конфликтов властителей и народов побуждали автора «Бориса Годунова» вступать в «заочные беседы» не только с современными ему историками, но и с «мистическим историком» древности, повествовавшим о библейских событиях. Обращаясь к нему, поэт размышлял над решениями этих вечных проблем. Пушкин с полным основанием мог рассчитывать на то, что читатели, в подавляющем своем большинстве хорошо знакомые с библейскими текстами, способны если не проникнуть вполне в глубину его ассоциаций, то хотя бы ощутить их веяние.

И. В. НЕМИРОВСКИЙ

**ОПРОМЕТЧИВЫЙ ОПТИМИЗМ:
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФОН
СТИХОТВОРЕНИЯ «СТАНСЫ»**

Единственный сохранившийся автограф «Стансов» записан на неровно оборванной сверху части листа. На линии обрыва можно различить буквы, по краям — зачеркнутый текст письма к неизвестной. При этом сами строфы почти не содержат исправлений, что указывает на беловой характер записи, под которой имеется помета: «22. Декабря. 1826. году. Москва у Зуб.(кова)».¹

От полного текста стихотворения, опубликованного в «Московском вестнике» в январе 1828 г., автограф отличается отсутствием строф «В надежде славы и добра ~ Мрачили мятежи и казни», «Но правдой он привлек сердца ~ Пред ним отличен Долгорукой» и первой строки в строфе «Семейным сходством будь же горд ~ И памятью, как он, незлобен». Кроме того, порядок строф в автографе иной, чем в публикации: текст начинается со второй строки («Во всем будь прашуру подобен») строфы «Семейным сходством будь же горд ~ И памятью, как он, незлобен». Однако эти отличия не обязательно свидетельствуют в пользу того, что сохранившийся автограф соответствует какой-то особой редакции стихотворения и что отсутствующие здесь строфы были написаны позднее. Дело в том, что строфы автографа полностью совпадают с опубликованными. Это показывает, что Пушкин в период между написанием автографа и публикацией не возвращался к работе над ними. Отсутствующие строфы и строка, скорее всего, находились на несохранившейся части листа. Можно без оговорок согласиться с публикатором автографа Н. В. Измайловым в том, что перед нами «обрывок» стихотворения (III, 1134).

В пользу того, что стихотворение было закончено именно в декабре 1826 г., говорят следующие соображения: во-первых, писалось оно к годовщине восстания, и, во-вторых, день Николая Мирликийского, т. е. тезоименитство императора Николая, к которому «Стансы» обращены, приходится на декабрь.

Итак, единственное содержательное отличие текста автографа от публикации состоит в том, что в «Московском вестнике» строфа «Семейным сходством будь же горд ~ И памятью, как он, незлобен» оказывается завершающей, и соответственно строка «И памятью, как он, незлобен» становится последней, заключая в себе, таким образом, смысловую рему стихотворения.

¹ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. опис. / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 36.

Чем вызвано это изменение и почему «Стансы», завершённые в конце декабря 1826 г., были опубликованы только более года спустя? Этим и другим проблемам, составляющим историко-биографический фон стихотворения, посвящена настоящая работа.

* * *

Вторая половина пребывания Пушкина в Москве, после повторного возвращения поэта из Михайловского в декабре 1826 г., была омрачена значительными неприятностями: в январе 1827 г. Пушкина привлекли к следствию по «делу» о распространении не пропущенных цензурой строф «Андрея Шенье»; до этого следствие шло без непосредственного вовлечения в него поэта. Последнее обстоятельство не было случайностью и вовсе не означало, что до января 1827 г. («дело» началось в августе 1826 г.) у следователей до Пушкина просто не доходили руки. Имеется свидетельство П. А. Вяземского о том, что разговор о хождении в обществе не пропущенных цензурой строф «Андрея Шенье» имел место во время встречи поэта и императора 8 сентября 1826 г.: «Пушкин здесь и на свободе. Вследствие ли письма его к Государю, или доноса на него, или вследствие того и другого Государь посылал за ним фельдгегера в деревню, принял его у себя в кабинете, говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею. (...) Отрывки из его Элегии Шенье, не пропущенные Цензурой, кем-то были подогреты и пушены по свету под именем 14-го Декабря. Несколько молодых офицеров сделались жертвою этого подлога, сидели в заточении и разосланы по полкам».² Свидетельство Вяземского подтверждается письмом А. Я. Булгакова к брату, К. Я. Булгакову, от 1 октября 1826 г.: «Стихи точно Пушкина; он не только сознался, но и прибавил, что они давно напечатаны в его сочинениях».³ Письма Вяземского и Булгакова подтверждают точку зрения П. Е. Щеголева о том, что «полная свобода», которую обрел поэт после разговора с императором, явилась следствием объяснений, данных Пушкиным в том числе и по поводу «Андрея Шенье».⁴ Ведь список стихотворения, попавший в руки правительства, имел заглавие «На 14 Декабря», и если бы поэт не объяснил, что стихотворение было написано до восстания, благополучный исход беседы был бы под вопросом. Что же изменилось всего за четыре месяца, между сентябрем 1826 г. и январем 1827 г., когда Пушкина все-таки привлекли к следствию по «делу» об «Андрее Шенье»?

Непосредственная тому причина, как нам кажется, заключается в неосторожном поведении самого поэта. Именно в сентябре—октябре 1826 г. он читает не пропущенные цензурой строфы «Андрея Шенье» (те самые, по поводу которых пришлось объясняться), возможно, под заглавием «Пророчество» и уж во всяком случае видя в них доказательство пророческого дара, которым, как ему казалось, он обладал.⁵

Неосмотрительное поведение Пушкина явилось следствием неправильного понимания поэтом статуса, который он обрел после разговора с царем. Поэтому Пушкин оставил без внимания письменное обращение к нему А. Х. Бенкендорфа о том, что «в случае каких-либо новых литературных произведений ваших, до напечатания оных или распространения оных в рукописях, представляли бы предварительно в рассмотрении

² Переписка Александра Ивановича Тургенева с Петром Андреевичем Вяземским. Пг., 1921. С. 42 (письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому из Москвы от 20 сентября 1826 г.).

³ Рус. арх. 1901. № 7. С. 403.

⁴ См.: Щеголев П. Е. Император Николай I и Пушкин в 1826 году // Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 332—333. Другой точки зрения придерживается В. М. Есипов (см.: Есипов В. М. «К убище гнусному явись...» // Московский пушкинист. М., 1998. [Вып.] 5. С. 128—129).

⁵ См. об этом: Немировский И. В. О Пророке и «Пророке» // Рус. лит. 2001. № 2. С. 3—10.

оных, или через посредство мое, или даже и прямо, его императорскому величеству» (XIII, 307). Обращение шефа жандармов к поэту имело место не позднее середины сентября 1826 г., т. е. до того, как двор после коронации покинул Москву; об этом мы узнаем из повторного письма Бенкендорфа к Пушкину от 22 ноября 1826 г. Впрочем, не приходится сомневаться в том, что Пушкин получил и первый «отзыв» шефа жандармов; как язвительно замечает Бенкендорф, «я должен заключить, что оный к вам дошел; ибо вы сообщили о его содержании некоторым особам» (XIII, 307).

Итак, Пушкин, получив в сентябре 1826 г. от Бенкендорфа письменный запрет читать свои произведения, не прошедшие цензуру, сообщает о содержании письма «некоторым особам» и активно продолжает публичные чтения своих произведений, не прошедших цензуру. Более того, он обнародовал строфы из стихотворения, по поводу которого ему уже пришлось объясняться с императором, — из «Андрея Шенье». Если к этому прибавить, что поэт не стал встречаться с шефом жандармов, то можно не сомневаться, что такое поведение производило на современников впечатление бешеной фронды.

«Стансы» были закончены после того, как поэту «вымыли голову» за публичные чтения (ноябрь 1826 г.), но еще до того, как его привлекли к следствию об «Андрее Шенье» (начало января 1827 г.), т. е. в конце декабря 1826 г. Начавшееся следствие сделало явным прямое обращение к императору с панегирическим произведением неудобным. Снова предстояло оправдываться.

Ухудшению отношений с правительством соответствовало одновременное ухудшение взаимоотношений с «московскими друзьями».⁶

Лежащая на поверхности причина осложнений в отношениях с друзьями имела взаимно меркантильный характер: так, Пушкин не получил всей обещанной ему за сотрудничество с «Московским вестником» суммы в 10 000 рублей, в то же время редакция журнала справедливо обижалась на поэта, который не соблюдал эксклюзивный характер их договоренностей и щедро раздавал (или обещал отдать) свои произведения в другие издания.⁷

Но, конечно, не только материальные проблемы с «Московским вестником», обостренные запретом на публикацию «Бориса Годунова» и остановкой цензурного прохождения ряда других произведений поэта, стали причиной тому, что в мае 1827 г. Пушкин оставил Москву и приехал в Петербург. Ухудшение отношений Пушкина с «московскими юношами» стало частным выражением того охлаждения, которое переживала по отношению к Пушкину оппозиционная Москва.

По словам С. П. Шевырева, «Москва неблагоразумно поступила с ним. После неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, возводить на него обвинения в ласкательстве и даже наущничестве перед государем. Это и было причиной того, что он оставил Москву».⁸ Мнение это впоследствии подтвердил Адам Мицкевич; его статью «Биографическое и литературное известие о Пушкине» перевел и снабдил сочувственным комментарием П. А. Вяземский, который и сам мог бы подписаться под следующими словами польского поэта: «Либералы, однако же, смотрели с неудовольствием на сближение двух potentатов (Пушкина и Николая I. — *И. Н.*). Начали обвинять Пушкина в измене делу патриотическому; а как лета и опытность возродили в Пушкине обязанность быть воздержаннее в речах своих

⁶ Подробно об этом см.: *Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши»: вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде: Материалы и исследования. М., 2001. С. 54–105.

⁷ См.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 2. С. 76 (письмо Д. В. Веневитинова к М. П. Погодину от 7 января 1827 г.).

⁸ Цит. по: *Майков Л. Н.* Пушкин. СПб., 1900. С. 35.

и осторожнее в действиях, то начали приписывать перемену эту расчетам честолюбия».⁹ Что же касается П. А. Катенина, в те месяцы также жившего в Москве, то он и вовсе отрицает за Пушкиным пристрастие к либерализму: «...после вступления на престол нового Государя явился Пушкин налицо. Я заметил в нем одну только перемену: исчезли замашки либерализма. Правду сказать, они всегда казались мне угождением более моде, нежели собственным увлечением».¹⁰

П. А. Вяземский, П. А. Катенин, в меньшей степени Адам Мицкевич и С. П. Шевырев — люди из ближайшего московского окружения поэта. Их мнения (даже Мицкевича) о позиции Пушкина после его возвращения из ссылки звучат значительно менее остро (как передача «чужого» мнения), чем суждения других москвичей, с Пушкиным лично не знакомых, например члена конспиративного кружка братьев Критских, М. Лушников: «Пушкин ныне предался большому свету и думает более о модах и остреньких стишках, нежели о благе отечества».¹¹ А. С. Хомяков также лично Пушкина почти не знал; его мнение (правда, позднейшее) о поэте близко к тому, что говорил Лушников: «Пушкин измельчал не в разврате, а в салоне».¹²

На чем же основано столь негативное и распространенное в перепрестольной весной 1827 г. мнение о Пушкине, ведь «Стансы», единственное посвященное Николаю стихотворение этого периода, было еще не известно?

Все приведенные выше негативные отзывы о Пушкине характеризуют второй период пребывания поэта в Москве — между декабрем 1826 г., когда он вернулся из Михайловского, и маем 1827 г., когда уехал в Петербург. Именно в это время поведение Пушкина стало резко не соответствовать тому образу недавно опального и ныне независимого поэта, в котором он явился перед изумленными москвичами в сентябре—октябре 1826 г. Именно тогда поэт устраивал публичные чтения «Бориса Годунова» и других не пропущенных цензурой произведений, в том числе запрещенных строк «Андрея Шенье». Утверждению образа «несмирявшегося» во многом способствовал сам Пушкин, активно распространявший среди москвичей сведения о своем свидании с императором. Смысл пушкинских рассказов об этом разговоре состоял в том, что между ним и властью был установлен равноправный договор и что свобода (в том числе от цензуры) пришла к нему без моральных уступок с его стороны. Вспомним также, что другой важной составляющей пушкинских рассказов о самом себе осенью 1826 г. стали устные новеллы о силах судьбы, хранивших поэта в трагических обстоятельствах декабря 1825 г. и оградивших его от появления на Сенатской площади вопреки его намерениям.¹³

Действия поэта после повторного возвращения в Москву перестали соответствовать этому образу. Эпоха публичных чтений Пушкиным своих новых произведений закончилась, и поэт чаще, чем это хотелось бы его молодым друзьям, начал упоминать о «милостях царских» по отношению к нему. Именно в это время Бенкендорф докладывает императору: «Пушкин автор в Москве и всюду говорит о Вашем императорском Величестве с благодарностью и величайшей преданностью».¹⁴

⁹ *Мицкевич А.* Биографическое и литературное известие о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацууро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 125.

¹⁰ *Катенин П. А.* Воспоминания о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 184.

¹¹ Цит. по: *Лемке М. К.* Тайное общество братьев Критских // Былое. 1906. Июнь. С. 46.

¹² *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1904. Т. 8. С. 366 (недатированное письмо А. С. Хомякова к И. С. Аксакову).

¹³ См.: *Немировский И. В.* Два «воображаемых» разговора Пушкина // Лотмановский сборник. М., 2002. Вып. 3 (в печати).

¹⁴ *Старина и новизна.* 1903. Кн. 6. С. 5 (письмо А. Х. Бенкендорфа к императору Николаю I от 7 января 1826 г.).

При этом возникшие проблемы во взаимоотношениях с властью скрывались даже от близких друзей. Так, Вяземский сразу после разговора с Пушкиным относительно возможности опубликовать в скором времени «Бориса Годунова» сообщает А. И. Тургеневу и Жуковскому в Дрезден 16 января 1827 г.: «Пушкин получил обратно свою трагедию из рук высочайшей цензуры. Дай Бог каждому такого цензора. Очень мало увечья».¹⁵ И это при том, что письмо Бенкендорфа к Пушкину от 14 декабря 1826 г. уже содержало резолюцию императора, делавшую публикацию «Бориса Годунова» невозможной: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал Комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Вальтера Скота» (XIII, 313), — а Пушкин 3 января 1827 г. уведомил Бенкендорфа о том, что «не в силах уже переделать (...) однажды написанное» (XIII, 317).

Более сложным видится вопрос, насколько широко стало известно о привлечении поэта к следствию по «делу» о распространении «Андрея Шенье». Представляется, что и здесь Пушкин хранил не свойственную ему при других обстоятельствах скромность; единственный отзыв об этом принадлежит Н. Д. Киселеву и содержится в письме последнего к брату, П. Д. Киселеву (оба брата к кругу друзей поэта не принадлежали, но были весьма осведомлены в полицейской жизни империи).¹⁶

Итак, «незнание» Вяземского не случайно; Пушкин сам стремится придать своим отношениям с правительством значительно более благополучный характер, чем это было на самом деле. Правда, именно зимой 1827 г., в пору значительного ухудшения отношений поэта с властью, — ухудшения, грозившего ему действительными, а не мнимыми, как весной 1820 г., неприятностями, Пушкин не останавливается перед отправкой декабристам посланий «(Пушину)» и «Во глубине сибирских руд». Но об этом почти никто не знает, а всем бросается в глаза «осторожность» и «осмотрительность» поэта. В декабристской среде рождается легенда о том, что Пушкин будто бы сам стыдится собственного поведения и поэтому в январе 1827 г. говорит А. Г. Муравьевой на прощанье: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести».¹⁷

Отрицательное отношение москвичей к «изменившемуся», «новому» Пушкину в ситуации, когда поэт, казалось бы, мог рассчитывать на взаимопонимание, определялось тем, что Москва находилась в сильной оппозиции по отношению к новому императору и первоначальный «взрыв восторгов» по поводу возвращения поэта из ссылки был формой выражения этой оппозиционности. Современница поэта не случайно сравнила «впечатление, произведенное на публику появлением Пушкина в московском театре (...) с волнением толпы в зале дворянского собрания, когда вошел в нее А. П. Ермолов, только что оставивший кавказскую армию».¹⁸

Кажется, что и декабрьскую трагедию, и июльскую казнь москвичи переживали чуть более эксплицированно, чем петербуржцы. Осведомленный современник так вспоминал о настроении в Москве после восстания: «В Москве высшее сословие или, лучше сказать, люди высшего образования, смотрели на это событие иначе, чем в провинции. Кроме весьма естественного сочувствия либеральным идеям, многие, весьма многие семейства лишились своих лучших членов, которые по прямому

¹⁵ Переписка Александра Ивановича Тургенева с Петром Андреевичем Вяземским. С. 53.

¹⁶ См.: Записки Рукописного отдела Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1987. Вып. 19. С. 77 (письмо Н. Д. Киселева к П. Д. Киселеву от 14 января 1827 г.).

¹⁷ Якушкин И. Д. Из «Записок» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 358.

¹⁸ Свидетельство Е. Н. Киселевой в пересказе ее сына, Н. С. Киселева, цит. по: *Майков Л. Н. Пушкин*. С. 300.

или косвенному участию в заговоре или даже по тесной связи с обвиняемыми были взяты».¹⁹

Особенно резко оппозиционно по отношению к императору были настроены члены того московского кружка, из которого в основном и составился «Московский вестник». А. И. Кошелев рассказывал об этом так: «Хотя в Москве все было тихо и скромно, однако многие, и мы в том числе, были крайне озабочены и взволнованы. Известия из Петербурга получались самые странные и одно другому противоречащие (...) мы ожидали всякий день с юга новых Мининых и Пожарских. Мы, немецкие философы, забыли Шеллинга и комп., ездили всякий день в манеж и фехтовальную залу учиться верховой езде и фехтованию и таким образом готовились к деятельности, которую мы себе предназначили. (...)»

Мы, молодежь, менее страдали, чем волновались, и даже почти желали быть взятыми и тем стяжать и известность, и мученический венец. Эти события нас, между собой знакомых, чрезвычайно сблизили, быть может, укрепили ту дружбу, которая связывала Вeneвитиновых, Одоевского, Киреевского, Рожалина, Титова, Шевырева и меня».²⁰

Возможно, что Пушкин не вполне осознал, что в сентябре 1826 г. москвичи и «короновали» его в пику императору, чьи собственные коронационные торжества в Москве проходили, как сообщает Кошелев, кисло-вато: «Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми (после казни декабристов. — *И. Н.*), нет возможности: словно каждый лишился своего брата или отца. Вслед за этим известием пришло другое о назначении дня коронавания Императора Николая Павловича. Его приезд в Москву, самая коронация, балы придворные, а равно балы у иностранных послов и у некоторых Московских вельмож, — все происходило под тяжелым впечатлением совершившихся казней. Весьма многие оставались у себя в деревнях; и принимали участие в упомянутых торжествах только люди к тому обязанные по службе. Император был чрезвычайно мрачен; вид его производил на всех отгаликивающее действие; будущее являлось более чем грустным и тревожным».²¹ Характерно, что, когда Кошелев сам переехал в Петербург и стал встречать Пушкина в салоне Карамзиных, отношения двух бывших москвичей не сохранили и следа того восторга, с которым славянофилы встретили поэта после его возвращения из михайловской ссылки: «Пушкина я знал довольно коротко; встречал его часто в обществе; бывал я и у него; но мы друг к другу не чувствовали особенной симпатии».²²

Стремление молодых друзей Пушкина «стяжать известность и мученический венец» разделяли многие молодые москвичи, в основном бывшие и настоящие студенты Московского университета. Именно оттуда раздавалась самая резкая критика по адресу Пушкина.²³

¹⁹ Толстой Д. Н. Записки // Рус. арх. 1885. № 2. С. 20, 24.

²⁰ Кошелев А. И. Записки. Berlin, 1884. С. 15, 16.

²¹ Там же. С. 18.

²² Там же. С. 31. Ср. отзыв о Пушкине другого москвича и члена кружка «любомудров», В. П. Титова: «Что касается Пушкина, величайшая услуга, которую я мог оказать вам, это держать его в узде; да не имею к тому способов. Дома он бывает только в 9-ть утра, а я в это время иду на службу царскую; в гостях бывает только в клубе, куда входить не имею права. К тому же с ним надобно нянчиться, до чего я не охотник и не мастер» (Пушкин по документам М. П. Погодина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 694 (письмо В. П. Титова к М. П. Погодину от 18 июля 1827 г.)).

²³ Приведенный выше отзыв о поэте одного из членов кружка братьев Критских, М. Лушников, относится ко времени до публикации «Стансов». После того как это произошло, русское освободительное движение начало свою растянувшуюся на несколько десятилетий полемику с Пушкиным, примером чему может служить стихотворение, вышедшее в 1831 г. из круга сочувственников Лушников и принадлежавшее С. И. Ситникову; направленное против императора Николая («О Николай, не мни, / Что кто-либо из сей земли Славян / Тебя хоть сколько любит... / Не мни, чтоб ты был чем велик: / Твои дела не слава трубит, / Но купленный бродяг язык / В журналах подлых искаженных, / Где истины ни капли нет»), оно своим нижним концом «метит», в числе прочих «бродяг»,

Много позже описываемых событий А. И. Герцен утверждал, что «Николай (...) своею милостью (...) хотел погубить его (Пушкина) в общественном мнении, а знаками своего расположения — покорить его».²⁴ Это мнение отражало представления не только самого юноши Герцена, но и того околоуниверситетского круга, к которому он тогда принадлежал. 29 декабря 1826 г. Н. М. Языков пишет брату, П. М. Языкову, в Симбирск: «Пушкин в большой милости у Государя».²⁵ О милостях императора к Пушкину без обиняков писал анонимный поэт: «Я прежде вольность проповедал, / Царей с народом звал на суд, / Но только царских щей отведал / И стал придворный лизоблюд».²⁶

В Петербурге, куда Пушкин приехал в мае 1827 г., общественная ситуация была иной, чем в Москве. Главный конфидент Бенкендорфа, М. Я. фон Фок, характеризовал ее следующим образом: «Общественное настроение никогда еще не было так хорошо, как в настоящее время (...) нравственная сила правительства так велика, что ничто не может противустоять ей. Это до такой степени справедливо, что если бы злонамеренные вздумали теперь явиться в роли непризнанных пророков, то были бы жестоко освистаны».²⁷

Многие из тех, кто составил пушкинское окружение в Петербурге, в декабре 1825 г. оказались буквально на краю пропасти и прямо или косвенно были привлечены к следствию. Таковы судьбы А. А. Дельвига, О. М. Сомова. В марте 1826 г. за помощь Пушкину в осуществлении его публикаций под полицейский надзор попал П. А. Плетнев.²⁸ Эти люди совершенно не склонны были осуждать поэта за осмотрительное поведение. Литература — это то, чем они зарабатывали себе на хлеб, и они напряженно ждали, как будут складываться отношения новой власти с литературой. Милости императора, скорее мнимые, чем действительные, по отношению к Пушкину не только не настораживают их, но, как сообщает информированный фон Фок, «особое попечение Государя об отличном поэте Пушкине совершенно уверило литераторов, что Государь любит просвещение».²⁹

В Петербурге Пушкин наконец обрел давно искомую им профессиональную среду.

Осмотрительное и осторожное поведение этих людей, находившихся под самым пристальным вниманием правительства, совсем не означало полного примирения с существующим порядком вещей. Так, Дельвиг на страницах «Северных цветов на 1826 год» анонимно печатал Н. А. Бестужева и В. К. Кюхельбекера.³⁰ Именно петербуржцы, включая, конечно, П. А. Вяземского, составили «пушкинский круг писателей», по определению М. И. Гиллельсона.³¹

Однако и по приезде в Петербург Пушкин не спешит обнародовать «Стансы». Но теперь это в первую очередь объяснялось отношениями

в Пушкина, воспринимаемого уже, конечно, через призму обвинений в сервилизме: «Свободы вечевой алкают Россияне, / И скоро загремят Славянские Граждане. (...) / Падешь, злодей, уверясь в том: / Тебе газеты не помогут, / Ни дар твой подлых орденов / За трусов немцам что дается, / Ни лживый бред твоих певцов: / На рынках лишь что раздается, / Что нанят горстью серебра» (цит. по: *Мандрыкина Л. А.* После 14 декабря 1825 года: (Агитаторы конца 20-х—начала 30-х годов) // *Декабристы и их время.* М.; Л., 1951. С. 241).

²⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 206.

²⁵ Языковский архив. СПб., 1913. Вып. 1. С. 290.

²⁶ Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 434.

²⁷ Петербургское общество в начале царствования императора Николая: Письма М. Я. Фока к А. Х. Бенкендорфу, 1826 г. // *Рус. старина.* 1881. № 11. С. 327.

²⁸ См. об этом: Пушкин: Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 150—151.

²⁹ Цит. по: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 68—69.

³⁰ См. об этом: *Ваууро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 117.

³¹ *Гиллельсон М. И.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.

с правительством; «дело» об «Андрее Шенье» продолжается и, как кажется, ничего хорошего Пушкину не сулит; 29 июня 1827 г., после очередного весьма энергичного допроса, Пушкин был вынужден обратиться к Бенкендорфу с просьбой о личном свидании.

Это свидание, состоявшееся 6 июля 1827 г., определило очень многое в пушкинской судьбе, но поскольку никаких высказываний о нем не существует, мы можем лишь догадываться о том, что произошло во время этой встречи, но ничего не знаем на этот счет определенно, как и о знаменитом разговоре Пушкина с царем.

После встречи с шефом жандармов Пушкина более не привлекали к следствию об «Андрее Шенье», притом что само «дело» продолжалось и определение суда имело крайне неблагоприятный для Пушкина характер («О непредоставлении Пушкиным суду доказательств в том, что стихи „Андрей Шенье“ сочинены и пропущены цензурой ранее декабрьских происшествий, и о небрежном хранении им цензурою не пропущенного сочинения, которое могло бы произвести вредное влияние на умы»).³²

Именно после свидания с Бенкендорфом «Стансы», так долго ждавшие своего часа, были 20 июля 1827 г. отправлены в жандармскую цензуру. Посланы они были, конечно, в том виде, в котором были и напечатаны, т. е. свой окончательный вид стихотворение получило не позднее этого дня.

16 июля, в годовщину казни декабристов, также после разговора с Бенкендорфом, был написан «Арион». Нам представляется, что смысл этого стихотворения в значительной степени определен именно этими столь разными в исторической перспективе обстоятельствами — восстанием декабристов и примирением Пушкина с властью.³³ Ведь для Пушкина, как и для многих его друзей, сочувствовавших декабристам, но не связанных с движением организационно, «буря» разразилась не столько во время самого восстания, сколько потом, когда общество переживало правительственные репрессии. Для Пушкина возвращение из ссылки и беседа с императором в сентябре 1826 г. явились не избавлением, вопреки его первоначальным ощущениям, а началом новых серьезных испытаний. Свидание с Бенкендорфом в июле 1827 г. положило им определенный предел и по своим последствиям имело не менее важное значение в жизни Пушкина, чем свидание с императором в сентябре 1826 г. Надежда «на милость царскую», подкрепленная очередным «отпущением», обрела новую пищу и позволила поэту сделать именно на ней смысловой акцент «Стансов»; так строка «И памятью, как он, незлобен» из середины стихотворения переместилась в его финал.

* * *

22 августа 1827 г. Бенкендорф извещает поэта о том, что «стихотворения ваши государь изволил прочесть с особенным вниманием» и что «Стансы» дозволяются к печати (XIII, 355). И почти сразу после получения разрешения на публикацию Пушкин начинает распространять стихотворение в обществе. Первое известное нам (по донесениям фон Фока) чтение «Стансов» имело место 31 августа на новоселье у О. М. Сомова, где среди приглашенных были К. С. Сербинович, в недавнем прошлом ближайший помощник Н. М. Карамзина, и А. А. Дельвиг. Последний подобрал к стихотворению музыку. Присутствовавшие выпили за «здоровье цензора Пушкина (...) обмакивая стансы Пушкина в вино».³⁴

³² Рус. старина. 1889. № 8. С. 322—324.

³³ См.: Немировский И. В. «Декабрист» или «сервилист»? (Биографический контекст стихотворения Пушкина «Арион») // Легенды и мифы о Пушкине: СПб., 1999. С. 174—192.

³⁴ Цит. по: Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. С. 71.

Дельвиг, слышавший первое публичное чтение «Стансов», выражает желание напечатать стихотворение в альманахе «Северные цветы на 1828 год» (XIII, 345) и в ноябре получает на это разрешение цензуры. Однако вместо того чтобы опубликовать «Стансы» в Петербурге, в «Северных цветах» Дельвига, Пушкин в декабре 1827 г., не позднее 17-го, отправляет стихотворение в Москву Погдину (XIII, 350), и оно выходит в первом номере «Московского вестника» за 1828 г. Указавший на это обстоятельство В. Э. Вацуро не дал ему никакого объяснения, отметив только, что такая поспешность не была мотивирована большими «долгами» поэта перед «Московским вестником», потому что, несмотря на них, Пушкин отдает в «Северные цветы на 1828 год» «Графа Нулина», произведение значительно более объемное и дорогое, чем «Стансы». ³⁵

Цензурное разрешение на альманах было получено Дельвигом 3 декабря 1827 г.; «Стансов» не было среди дозволенных к печати произведений Пушкина. ³⁶ Цензурное разрешение на публикацию первого номера «Московского вестника» датируется 9 января 1828 г. ³⁷ «Вестник» поступил в продажу месяцем позже «Цветов», и Пушкин, забирая стихотворение из уже составленного Дельвигом альманаха и посылая его в журнал, понимал, что публикация стихотворения откладывается на этот срок.

Между обнародованием «Стансов» (осень 1827 г.) и их первой публикацией (январь 1828 г.) Пушкин работает над посланием «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю»), где объясняет свою позицию, выраженную в «Стансах».

Упреки в сервиллизме адресовались Пушкину еще до того, как «Стансы» получили публичную известность. Но тогда, в первую половину 1827 г., они исходили не от друзей. «Стансы» обострили взаимоотношения с друзьями. По всей видимости, это были друзья не столько из петербургского окружения поэта, сколько из оставленной поэтом Москвы, скорее всего П. А. Катенин и П. А. Вяземский.

Катенин обратился к Пушкину со своим посланием «Старая быль» 27 марта 1828 г. (XIV, 8), но его невысокое мнение о природе пушкинского либерализма относится к более раннему периоду.

Об ухудшении взаимоотношений поэта с Вяземским во второй половине 1827 г. мы можем судить по косвенным признакам, таким, например, как прекращение переписки между друзьями более чем на полгода с момента отъезда Пушкина из Москвы. По позднему свидетельству Вяземского, Пушкин затаил на него обиду за критический отзыв о «Цыганах». ³⁸ Но, как нам представляется, были и более серьезные поводы для ухудшения взаимоотношений между старыми друзьями: конец 1827 г. — пик оппозиционных настроений Вяземского и очень вероятно, что та часть послания, где отводятся упреки в сервиллизме, была адресована в том числе и Вяземскому.

Черновая редакция стихотворения «Друзьям» в качестве важнейшего содержит мотив «клеветы» («Я жертва мощной клеветы»). Можно понять это так, что в период допечатного обращения «Стансов» (начало сентября 1827 г.—середина января 1828 г.) среди друзей циркулировал некий клеветнический и весьма обидный для поэта слух. Между тем смысл послания «Друзьям» состоит в утверждении свободного характера того исторического оптимизма, который поэт испытал после возвращения из ссылки и встречи с императором; как уже совсем прозрачно Пушкин выразился в черновой редакции послания, «Он (император. — *И. Н.*) не купил хвалы» (III, 644). Следовательно, поэт реагировал особенно бо-

³⁵ См.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 117.

³⁶ См.: Пушкин в печати. 1814—1817. М., 1914. С. 48.

³⁷ См.: Там же. С. 50.

³⁸ Вяземский П. А. Приписка к статье «„Цыганы“». Поэма Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. I. С. 118.

лезненно, когда свободный характер его «хвалы» ставился под сомнение. Именно таким образом отозвался о «Стансах» А. М. Тургенев (1772—1862; родственник А. И., Н. И. и С. И. Тургеневых, мемуарист) 10 января 1828 г., посылая список стихотворения своему приятелю А. И. Михайловскому-Данилевскому, жившему тогда в провинции: «Прилагаю вам стихи Пушкина, impromptu, написанные автором в присутствии государя, в кабинете его величества».³⁹

А. М. Тургенев к числу друзей поэта не принадлежал, при этом он не просто посылает приятелю неопубликованное пушкинское стихотворение, но и сопровождает его «биографическим» комментарием. Это указывает на то, что «Стансы» широко разошлись в списках и что переданный Тургеневым слух к январю 1828 г. был уже общим достоянием.

Нет ничего удивительного, что в таких условиях поэт вынужден был оправдываться и что оправдание это в первую очередь было адресовано тем, чьим мнением Пушкин дорожил более всего, т. е. друзьям.

«Стансы» своими строками «И был от буйного стрельца / Пред ним отличен Долгорукой» отсылают к хорошо известному эпизоду с Яковом Долгоруким, который порвал некий несправедливый указ Петра Великого и был за это не только прощен, но и поощрен великодушным монархом. Благодаря прозрачной параллели «Петр — Николай» осведомленные современники могли бы понять, что под Долгоруким Пушкин имеет в виду родного брата А. И. Тургенева — Н. И. Тургенева.

Н. И. Тургенев, член Коренной управы Союза Благоденствия, в восстании участия не принимал, но за свою роль одного из идеологов движения декабристов был приговорен к смертной казни, замененной на бессрочную каторгу. Пушкин хорошо представлял себе особое положение Н. И. Тургенева в тайном обществе и написал об этом в записке «О народном воспитании»: «Мы видим, что Н. Тургенев, воспитывавшийся в Геттинг.(енском) унив.(ерситете), несмотря на свой политический фанатизм, отличался среди буйных своих сообщников нравственностью и умеренностью — следствием просвещения и положительных познаний» (XI, 45). Записку (датируется 10—15 ноября 1826 г. — см.: XI, 310) отделяло от «Стансов» немногим более месяца.

Пушкин знал также о том, что Н. И. Тургенев как инициатор уничтожения крепостного права «сверху» был близок императору Александру.⁴⁰ Кроме того, Н. И. Тургенев был одним из немногих заметных деятелей александровского царствования, являвшихся противниками военных поселений. По мысли друзей декабриста, прежде всего его старшего брата, А. И. Тургенева, это должно было расположить к нему Николая, еще цесаревичем выступавшего против военных поселений.⁴¹

Беспокойство за судьбу Н. И. Тургенева друзья стали выражать сразу же после восстания, как только причастность его к движению декабристов сделалась известной правительству. В это время и встал вопрос о том, чтобы декабрист сам по своей воле приехал в Петербург из-за границы и оправдался. Этому мнения придерживались Карамзин и Жуковский. Вяземский и, конечно, А. И. Тургенев были против возвращения. О том, как понимал ситуацию Вяземский, позволяют судить его слова, обращенные к А. И. Тургеневу: «Я уверен, что братья твои чужды того, что было безрассудного и злодейственного в замыслах, но все это их не спасет. Поверь мне, что люди истинно благомыслящие в этом деле страшнее и ненавистнее для них самых головорезов. О последних скажут: в них была хмель, она выдохнется. Но хладнокровные, глубокомыслен-

³⁹ Рус. старина. 1890. Т. 68. С. 747—748 (письмо А. Н. Тургенева к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 10 января 1828 г.). Этот слух впоследствии повторил А. В. Дружинин (Б-ка для чтения. 1855. Т. 130. № 3—4. С. 46).

⁴⁰ См. об этом: *Ланда С. С.* Крах просветительской доктрины С. И. Тургенева // Пушкин и его время. Л., 1962. С. 180—181.

⁴¹ См.: *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 344.

ные и честные заговорщики не подадут той же надежды. С ними мира не будет. Я убежден в этом и потому более страшусь за брата твоего, Николая, Орлова, чем за самых бешеных. Что ни говори, а я от него всего страшусь и *ничего не надеюсь*, потому что чудесам не верю. (...) Ты окружен в Петербурге людьми qui sont sous le charme, и мне показалось, что голос мой несоблазненный может предостеречь тебя в чем-нибудь и вывести на свежий воздух из атмосферы околдованной. Разумеется, Карамзин и Жуковский лучшие создания Провидения, но увы! и они под колдовством и советы их в таком случае могут быть не совершенно здоровы». ⁴² Позицию правительства Вяземский представлял себе гораздо лучше, чем находившиеся в момент восстания за границей Жуковский и А. И. Тургенев.

Взгляд на декабрьское восстание как на стихийный мятеж и событие, которое не может иметь большого влияния на текущее состояние дел, был выражен только в первом правительственном сообщении о нем, о чем будет сказано ниже. В дальнейшем эта точка зрения исчезает из официальных сообщений, где начинает доминировать совсем другой взгляд на восстание: оно стало восприниматься как следствие разветвленного заговора, охватившего не только Россию, но и Европу. И это совершенно естественно, потому что только такой подход оправдывал размах следствия, последующих репрессий и казнь тех декабристов, которые, как Пестель и Рылеев, формально в восстании не участвовали и ничьей крови не пролили, но были идеологами движения. Об этом особо говорилось в правительственном «Манифесте» от 19 декабря, написанном М. М. Сперанским под давлением императора: «...по первому обозрению обстоятельств, следствием уже обнаруженных, два рода людей составляли сие скопище: одни заблудшие, умыслу не причастные, другие — злоумышленные их руководители». ⁴³

Таким образом, «буйные стрелы», вопреки пушкинскому стихотворению, понесли подчас не большее, а меньшее наказание, чем идеологи. Приговор Верховного уголовного суда в отношении Н. И. Тургенева подтвердил наихудшие опасения друзей и родственников. Говорили, что М. М. Сперанский плакал, после того как был вынужден его подписать. ⁴⁴ 13 июля 1826 г., в день казни декабристов, А. И. Тургенев уехал из Петербурга, так и не добившись пересмотра приговора своему брату и рассорившись с другом юности, старым «арзамассцем» Д. Н. Блудовым, автором «Донесения Следственной комиссии», за отзывы о Н. И. Тургеневе, там содержащиеся. ⁴⁵

Современники утверждали, что Блудов — автор «Подробного описания происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года» — первого правительственного сообщения о восстании на Сенатской площади, «сделал сие поспешно тут же, не выходя из его (императора. — *И. Н.*) кабинета». ⁴⁶

И Пушкин, якобы также написавший «Стансы» «в кабинете государя», включается современниками в один ряд с такими людьми, как Блудов и Сперанский, попавшими под зловещее обаяние молодого императора и действовавшими под его давлением. А. И. Кошелев, расположенный к Пушкину значительно менее, чем к Блудову, вспоминал о последнем: «В большой упрек ему ставили написанное им донесение Следственной комиссии по делу 14 Декабря. Конечно, оправдывать его

⁴² Переписка Александра Ивановича Тургенева с Петром Андреевичем Вяземским. С. 25 (письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 20 марта 1826 г.).

⁴³ С.-Петербургские вестн. 1825. № 102. 22 дек. С. 1200. Об истории написания «Манифеста» см.: *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Т. 2. С. 467.

⁴⁴ См.: *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 102.

⁴⁵ Эти отзывы и возражения на них см.: *Тургенев Н. И.* Оправдательная записка // Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 162—164.

⁴⁶ *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 т. М., 1928. Т. 2. С. 269—270.

я не буду; но в извинение его могу сказать, что он в этом уступил воле Императора, как по слабости характера, так и потому, что он надеялся смягчить меру наказания для виновных, выставив многих менее преступными...».⁴⁷

Как здесь не вспомнить рассуждение Вяземского о «колдовстве» императора, под которым находились Карамзин и Жуковский!

Тема «колдовского» влияния императора на собеседника широко обсуждалась в обществе после восстания декабристов. Было известно, что молодой император проявил себя не только как усмиритель бунта, но и как незаурядный следователь. В собственных мемуарах Николай подробно рассказывает о проведенных им допросах и о том давлении, которое он оказывал на декабристов — П. Г. Каховского, С. И. Муравьева-Апостола, Пестеля, Артамона Муравьева, С. Г. Волконского и, в особенности, на Михаила Орлова.⁴⁸ А. М. Тургенев, передавая историю создания «Стансов» в письме А. И. Михайловскому-Данилевскому в столь далеком от правды свете, возможно, намекал на то, что у «Стансов» есть еще один «создатель», кроме Пушкина, а именно инспирировавший стихотворение император Николай.

Подобный взгляд на «Стансы», утвердившийся в обществе, не позволял увидеть того, что стихотворение, при всей своей «бодрости», полемизировало с официальными оценками роли Н. И. Тургенева в движении. Пушкин глубоко сочувствовал декабристу и посвятил ложному, к счастью, слуху о его насильственной выдаче одно из самых горьких своих стихотворений «Так море, древний душегубец». Этот текст содержался в письме Вяземскому от 14 августа 1826 г. Вяземский же, вопреки обыкновению, не послал его А. И. Тургеневу, и последний впервые услышал его от самого Пушкина за несколько дней до смерти поэта;⁴⁹ так стихотворение осталось неизвестным не только широкой публике, но и друзьям. Неясно также, знали ли «друзья» о том, что в записке «О народном воспитании» Пушкин заступился за Н. И. Тургенева. Документ этот никогда не был обнародован при жизни поэта, но тот секрета из него не делал и рассказал о записке А. Н. Вульффу. В пересказе последнего упоминание о Н. И. Тургеневе отсутствует.⁵⁰ Но в «Стансах» Пушкин защищает его, пожалуй, еще более определенно, чем в записке. Тем не менее современники продолжали считать, что стихотворение имело «казачный» характер.

В 1827 г. обращение к имени Н. И. Тургенева было особенно актуально для друзей декабриста и болезненно для правительства. Летом 1827 г. Ф. В. Булгарин написал донос о публикации в «Московском телеграфе» цикла статей А. И. Тургенева под общим заглавием «Письма из Дрездена». Имя Н. И. Тургенева здесь прямо не упоминалось, но Булгарин увидел намек на него там, где «явно обнаружено сожаление о погибших друзьях и прошедших золотых временах».⁵¹

* * *

К осени 1827 г., ко времени обнародования «Стансов», когда стало совершенно очевидно, что все надежды друзей в отношении Н. И. Тургенева не оправдались, само выражение надежды на «славу и добро» находилось в противоречии с тяжелым настроением, царившим в обществе. Вяземский писал А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому 27 ноября 1826 г.: «Зачем Козлов приплел к своей Абидосской Невесте дедикацию, отзы-

⁴⁷ Кошелев А. И. Записки. С. 23.

⁴⁸ См.: Николай I. Записки // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 70 и след.

⁴⁹ См.: Рус. арх. 1903. Кн. 1. С. 144 (письмо А. И. Тургенева к И. С. Аржевитинову от 30 января 1837 г.).

⁵⁰ См.: Вульф А. Н. Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 423.

⁵¹ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908. С. 256.

вающуюся семидесятью годами? Досадно и грустно. Хотел бы похвалить поэму, но рука не поднимается упомянуть об эпистоле. Не наше дело судить, а все-таки сто двадцать братьев на каторге. Можно бы полжизнью купить забвение 14-го Декабря, а не то что воспевать его, разве с тем, чтобы призывать милосердие на головы виновных и жертв. Не говорю уже о чувстве, но досаду на неприличие. *C'est aussi un manque de tact*: уж лучше еще печатать детские сказки у Булгарина... Я уверен, что все пойдет по-старому. Полетика говорил мне, что он дает год срока, а пока все еще надеется, но что если после года ничего твердо лучшего не будет, то и он откажется от надежды».⁵² Упомянутый в письме Вяземского поэт И. И. Козлов посвятил свой перевод «Абидосской невесты» Байрона императрице Александре Федоровне. Недовольство Вяземского вызвали, скорее всего, следующие строки посвящения:

...Русского Царя, любви земли родной,
Чей первый царства день был днем безмерной славы,
Спасеньем Алтарей, России и Державы;
Кто с Братом доблестным пример величья дал,
Какого мир земной не зрел и не слышал.

По форме выражения эти стихи, конечно, отличаются от «Стансов», но по содержанию они были не так уж далеки от них, и оценка Вяземским пушкинского стихотворения (нам неизвестная), скорее всего, была еще более горькой. Тем более что поэтических откликов «на день вошествия на престол» было мало. Даже русская официозная литература скупо отозвалась на это событие. Сплошной просмотр периодики за 1826 г. дал относительно небольшое число поэтических откликов. Их общий тон скорее сдержанный, чем бодрый. Вот характерный пример — стихотворение С. Висковатова, интересное использованием поэтической риторики, восходящей к пушкинской «Вольности»:

Восшел на Трон... и в прах мятежны...
И адский умысел открыт.

(.)

А тот не Росс, кто аду внемлет,
Мятежным пламенем горит...

Его душевна казнь объемлет;

Ему громами в слух гремит

Проклятие из рода в роды;

Он ужас Неба, срам природы,

(.)

Монарх! Забудь сих жертв геенны:

Россияне прямые — верны,

Привыкли обожать Царей.⁵³

Эсхатологическим ужасом веет от строк М. Суханова, представившего события воцарения в форме народной песни:

Не средь вечера, средь весення дня,

Вдруг затмилось небо ясное,

Накатились тучи черные,

Громы грянули по всему свету,

И рассыпались из конца в конец

Огнекрылые страшны молния.

Ветры вырвались из пещер своих...

И вселенная содрогнулась:

Воды хлынули из берегов своих,

Поглощали все, что встречалось;

Птицы с гнезд вспорхнув, их покинули,

⁵² Переписка Александра Ивановича Тургенева с Петром Андреевичем Вяземским. С. 50—51.

⁵³ Висковатов С. Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу // Сын отечества. 1826. № 3. С. 303.

И летели в даль незнакомую;
На лугах стада разбежались;
Устрашенные за работою
Земледельцы все с поля бросились.
Лишь одни только звери хищные
Рыщут по лесу, ищут жертв себе,
Утолить свою алчность лютую.

Вдруг явилось солнце красное!
Вмиг рассеялись тучи черные,
Громы, молнии — все утихнули;
В лес сокрылись звери хищные...
(.)
Николай в венце, скипетр приемлет Он
(.)
Блещет правдою, блещет милостью.
Твердый доблестью, как Великий Петр,
Он опорю Царству Русскому.⁵⁴

Литературный полуофициоз весьма чутко, в отличие от «Стансов», выражал содержание полного официоза, т. е. официальных документов, дававших оценку восстанию. Утверждением исторического оптимизма пушкинское стихотворение не соответствовало ни общественному настроению, ни официозу.

Император так рисовал французскому послу Лафероне картину развития русского общества после восстания: «К несчастью, оно (восстание. — *И. Н.*) оставит в России продолжительное и мучительное впечатление. Мятеж, подавленный в зародыше, будет иметь для нас некоторые из злополучных последствий, которые влечет за собой мятеж совершившийся. Он внесет смуту и разлад в великое число семей, умы долго еще останутся в состоянии беспокойства и недоверия. Со временем терпением и мудрыми мерами мне, надеюсь, удастся окончательно рассеять это тягостное впечатление, но потребуются годы, чтобы исправить зло, причиненное нам в несколько часов горстью злодеев».⁵⁵ Возможно, что Лафероне и был первым, кто уподобил Николая Петру Великому в письме к графу Рибопьеру от 20 декабря 1826 г.: «У вас есть властелин, какая речь, какое благородство, какое величие, и где до сих пор он скрывал это (. . .) образованный Петр Великий».⁵⁶

Снова обратимся к донесениям фон Фока, бесценному свидетельству общественного настроения в интересующий нас период. Вот что он писал Бенкендорфу 27 июля 1827 г.: «Вот картина настроения умов и рассуждений, написанная на основании впечатлений, вынесенных из многих разговоров о различных партиях и мнениях.

Левая сторона или, лучше сказать, врали и недовольные, стараются представить все в мрачном свете. Краски их до того темны, что можно подумать, будто бы мы находимся накануне страшных бед. По их словам, все приходит в упадок, все разрушается и никакие усилия правительства не в состоянии восстановить доверие и радикально излечить зло, — не потому что оно застарело, а вследствие недостатка любви к врагу. — Правая сторона видит вещи совсем в другом свете и не только не замечает ничего тревожного, но уверена, что все пойдет отлично.

По мнению некоторых благонамеренных исследователей, оба приведенных мнения преувеличены. (. . .) Если бы ничего решительно тревожного не было бы в эпоху, столь близкую общественному бедствию, если бы можно было бы все сделать по мановению волшебного жезла, — такой порядок вещей действительно возбуждал бы опасения,

⁵⁴ Суханов М. Чувства Русского крестьянина при Священнойшем Короновании Императора Николая Первого // Сын отечества. 1826. № 20. С. 349—350.

⁵⁵ Шильдер Н. К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1901. Т. 1. С. 372.

⁵⁶ Там же. С. 348.

потому что пришлось бы допустить два предположения: или что все управляемые — не более как автоматы, или же что под пеплом таится огонь».⁵⁷

Пушкина, по классификации фон Фока, следует отнести к числу тех, недостаточно осведомленных, кто «не замечает ничего тревожного», но уверен, «что все пойдет отлично». Оптимизм, по мысли пронизательного жандарма, основан на представлении о том, что «все управляемые — не более чем автоматы».

Последнее соображение мы оставляем без комментариев, отметим только, что Пушкин был все-таки не одинок в выражении исторического оптимизма, связанного с началом нового царствования. В значительной степени он восходил к Н. М. Карамзину.

* * *

Карамзину принадлежат и определение восстания как «трагедии безумных либералистов», и одновременно, как это ни парадоксально на первый взгляд, самая восторженная оценка начала нового царствования, выраженные в письме постоянному корреспонденту, И. И. Дмитриеву, от 19 декабря 1825 г.: «Новый император оказал неустрашимость и твердость. (...) Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж. (...) Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов! Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ними не так много! (...) Иногда прекрасный день начинается бурей: да будет так и в новом царствовании! (...) да будет славен Николай Первый между венценосцами, благодетелями России!».⁵⁸

Д. Н. Блудов в самом первом правительственном донесении о событиях 14 декабря, представляя восстание как мятеж «безумцев», которые, «пробыв четыре часа на площади, в большую часть сего времени открытой, не нашли себе других пособников, кроме немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни, также пьяных»,⁵⁹ вопреки распространенному мнению, был гораздо ближе к Карамзину, чем к императору (именно историк рекомендовал своего младшего друга Николаю, когда нужно было срочно составить «Описание...» для «С.-Петербургских ведомостей»). Император был склонен рассматривать восстание иначе — как следствие разветвленного заговора, о чем он писал великому князю Константину в ночь с 14 на 15 декабря: «Я посылаю вам копию рапорта об ужасном заговоре, открытом в армии и который я считаю необходимым сообщить вам ввиду открытых подробностей и ужасных намерений; судя по допросам членов здешней шайки, продолжающимся в самом дворце, нет сомнений, что все составляет одно целое, а что также достоверно, на основании слов наиболее смелых, это то, что речь шла о покушении на жизнь покойного императора, чему помешала его преждевременная кончина. Страшно сказать, но необходим внушительный пример, и так как в данном случае речь идет об убийцах, то их участь не может быть достаточно сурова».⁶⁰

Пушкин, конечно, не мог не читать «Описания...»; «Стансы» своей оценкой восстания как мятежа «буйных стрельцов» ближе всего именно к этому правительственному документу («Вчерашний день будет без сомнения эпохой в истории России. В оный жители узнали с чувством радости и надежды, что государь император Николай Павлович воспринимает венец своих предков. (...) Но Провидению было угодно сей столь вожделенный день ознаменовать и печальным происшествием, которое

⁵⁷ Петербургское общество в начале царствования императора Николая: Письма М. Я. Фока к А. Х. Бенкендорфу, 1826 // Рус. старина. 1881. № 9. С. 179—180.

⁵⁸ *Погодин М. П.* Карамзин Николай Михайлович: Материалы к биографии. М., 1866. Т. 2. С. 466—467.

⁵⁹ С.-Петербургские вед. 1825. № 100. 15 дек. Приб.

⁶⁰ *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 302.

внезапно, но лишь на несколько часов возмутило спокойствие в некоторых частях города»⁶¹). Как уже говорилось, тон правительственных заявлений очень скоро изменился, и уже в «Манифесте» от 19 декабря концепция «заговора» торжествует над концепцией «мятежа». Карамзин от работы над «Манифестом» фактически отстраняется.

В созданных более чем год спустя после появления «Описания...» «Стансах» Пушкин, повторяем, ориентируется именно на этот документ, не заслоненный позднейшими правительственными сообщениями, прежде всего знаменитым «Донесением», писанным все тем же Блудовым, но уже без всякой ориентации на Карамзина. О том, что определение в «Описании...» восставших как «безумцев» было близко Пушкину, говорит и такой факт: когда Дельвиг называет В. К. Кюхельбекера, самого близкого Пушкину участника восстания, «наш сумасшедший Кюхля» (XIII, 260), Пушкин подхватывает эту мысль: «Кюхля (...) охмелел в чужом пиру» (XIII, 262) — и развивает ее во время разговора с императором (в пересказе Л. С. Пушкина, переданном Н. И. Лорером):

« — Можно ли любить такого негодяя, как Кюхельбекер? — продолжал государь.

— (Пушкин:) Мы, знавшие его, считали всегда за сумасшедшего, и теперь нас может удивлять одно только, что и его с другими, сознательно действовавшими и умными людьми, сослали в Сибирь».⁶²

Оценка восставших как «безумных либералистов» содержалась в упомянутом выше письме Карамзина к И. И. Дмитриеву от 19 декабря 1825 г.

Возможно, Пушкин знал содержание этого письма от самого Дмитриева, с которым поэт возобновил знакомство в сентябре 1826 г. 29 сентября он читает «Бориса Годунова» в доме у Вяземского специально для Дмитриева и Д. Н. Блудова. После чтения следует обсуждение трагедии, во время которого не могла не пойти речь о недавно ушедшем из жизни Карамзине, памяти которого Пушкин посвятил «Бориса Годунова».

При очевидно отрицательном отношении Карамзина к восстанию и восставшим в его оценке последних как «безумных либералистов», а самого восстания как спонтанного мятежа крылось желание умалить вину декабристов и защитить общество от правительственного террора. И этим же мотивом руководствовался Пушкин, называя декабристов «буйными стрельцами»; при этом и его представление о восставших как о безумцах, посягнувших «на силу вещей», скорее всего, соответствовало сложившемуся у него к концу 1826 г. взгляду на историю. Подобная позиция не вызывала восторгов у либерально настроенной части общества, в том числе и у самих декабристов, но давала возможность и Карамзину, и Пушкину просить власть о милосердии к восставшим. У Пушкина это «Стансы»; что же касается Карамзина, то молва приписывала ему прямое заступничество за декабристов. Мнение многих выражал декабрист А. Е. Розен, передавая слова, якобы сказанные Карамзиным Николаю: «Ваше величество! Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века».⁶³ Считалось, что если бы Карамзин дожил до суда над декабристами, то смертных казней не было бы вообще. Осведомленный современник вспоминал: «Никто не верил (...) что смертная казнь будет приведена в исполнение, и будь жив Карамзин, ее бы не было — в этом были убеждены все».⁶⁴

Пушкина сближало с Карамзиным и положительное отношение к новому императору. Кажется цитатой из письма Карамзина Дмитриеву слова из «Стансов»: «неутомим и тверд», что, конечно, свидетельствует

⁶¹ С.-Петербургские вестн. 1825. № 100. 15 дек. Приб.

⁶² Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 205.

⁶³ Цит. по: Розен А. Е. Записки моего времени. СПб., 1907. С. 112.

⁶⁴ Оболенский Д. Д. По поводу казни декабристов // Наша старина. 1914. № 2. С. 16.

не о формальном заимствовании, а об общности восприятия фигуры нового императора Пушкиным и Карамзиным.

Оптимизм Пушкина в отношении нового императора понятен: поэт очень не любил прежнего, считал его двоедушным, ленивым, трусливым («в двенадцатом году дрожал»), пренебрегающим национальными интересами. М. Г. Альтшуллер в своей статье, посвященной гражданской лирике Пушкина, показал, что образ нового царя в «Стансах» строится «как противопоставление положительного начала отрицательному опыту предшествующей эпохи».⁶⁵

О суровой критике Карамзиным императора Александра было известно. Об этом вспоминал Н. И. Тургенев: «Император Александр встречал иногда довольно резко оппозицию своим преобразовательным планам не со стороны общественного мнения, которое в России бессильно, а со стороны небольшого числа лояльных и искренних людей. Среди них выделялся Карамзин, историограф империи; пожалуй даже, он был единственным человеком, осмеливавшимся энергично и откровенно излагать свои мнения самодержцу».⁶⁶ О своей критике покойного императора в кругу его семьи сам Карамзин рассказывал М. П. Погодину: «„Пощадите сердце матери, Николай Михайлович...“ Государыня меня оставливала, как будто я говорил только для осуждения! Я говорил так, потому что любил Александра, люблю отечество и желаю преемнику избегнуть его ошибок, исправить зло, им неволью причиненное».⁶⁷ Конечно, Карамзин критиковал императора Александра совсем не так, как Пушкин, который «подсвистывал ему до самого гроба»; Карамзин был близким другом покойного императора. Сближало отрицание прошлого и надежды на будущее.

Погодин, с которым Пушкин много общался по приезду в Москву, мог многое рассказать поэту об отношении историка к декабристам и восстанию: «Припоминаю теперь, что Карамзин говорил очень раздраженным тоном о происшествиях 14 Декабря, которое только что перед тем случилось, бранил предводителей: „каковы преобразователи — Рылеев, Корнилович, который переписывался с памятью Петра Великого“».⁶⁸

Погодин, будущий биограф Карамзина, незадолго до смерти историка специально ездил в Петербург для бесед с ним. В приведенном им отзыве Карамзина о декабристах обратим внимание на то, что историк почти ревнует декабриста Корниловича к Петру Великому.

На фоне значительного сходства в оценках восстания и начала нового царствования между Пушкиным и Карамзиным весьма значимым представляется разница в оценках Петра Великого как исторической личности. Так, пушкинское «Не презирал страны родной: Он знал ее предназначенье» находится в резком противоречии с утверждением Карамзина о полном отсутствии у Петра уважения к собственной стране: «Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. (...) Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? (...) Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр».⁶⁹

⁶⁵ Альтшуллер М. Г. Между двух царей: (Заметки о гражданской лирике Пушкина 1826—1836 годов) // Рус. лит. 2001. № 1. С. 12.

⁶⁶ Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 500.

⁶⁷ Цит. по: Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Т. 2. С. 460—461.

⁶⁸ Имеется в виду посвящение А. О. Корниловичем его альманаха «Русская старина» «памяти Петра Великого» (Там же. С. 471).

⁶⁹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 32, 35.

И уж совсем не в унисон пушкинскому призыву к Николаю в «незлобivosti» походить на пращура звучит карамзинское: «Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. (...) Ничто не казалось ему страшным».⁷⁰

Очень соблазнительно предположить, что записка «О древней и новой России» Карамзина, содержащая те пассажи о Петре, которые мы привели выше, была известна Пушкину в момент написания «Стансов» и что на ее фоне уподобление императора Николая Петру Великому, возможно, и не носило абсолютно панегирического характера. Но, скорее всего, в 1826 г. «Записка» Карамзина текстуально не была известна Пушкину, поскольку представляла собой документ государственной конфиденциальности. В то же время можно предположить, что Пушкину было известно мнение Карамзина о Петре из личного общения, которое до конца 1819 г. было частым, или от общих друзей, в первую очередь от Вяземского. Главный же наш вывод состоит в том, что «Стансы» показывают серьезное идейное движение Пушкина в сторону Карамзина, что нашло отражение не только в этом стихотворении, но и в воспоминаниях поэта о недавно ушедшем из жизни историке. Как показал В. Э. Вацуро, они писались одновременно со «Стансами».⁷¹

Пушкину хотелось бы строить свои взаимоотношения с императором Николаем по той же модели, по которой строил взаимоотношения с императором Александром Н. М. Карамзин. Однако этому мешало не только глубокое нежелание императора Николая видеть в Пушкине Карамзина, но и то, что большинство современников, пожалуй, разделяло эту позицию. В глазах общества Пушкину недоставало главного для того, чтобы претендовать на роль Карамзина, а именно независимости. Вот почему поэт так тяжело переживал подхваченный, к сожалению, даже близкими друзьями слух о том, что «Стансы» инспирированы императором.

Конечно, это было не так; «Стансы», скорее, противоречили официальной позиции, чем находились в согласии с ней.

Попытка объяснить независимый характер своего творчества, предпринятая Пушкиным в стихотворении «Друзьям», успеха не имела; «Стихи „Друзьям“ просто дрянь», — писал по их поводу недоброжелательный Н. М. Языков.⁷²

Оскорбительной на послание «Друзьям» была и реакция императора: «Можно распространять, но нельзя печатать» (III, 1154; подлинник по-французски). Власть не хочет иметь под рукой совершенно ручного, как ей кажется, поэта. Принадлежность, действительная или мнимая, Пушкина к недавней оппозиции представляется более ценным товаром.

В этот критический момент своей жизни Пушкин публикует стихотворение, где роль «небом избранного певца» («Друзьям») из поэтической метафоры становится почти фактом биографии; в третьем номере «Московского вестника» за 1828 г. появляется «Пророк».

Достоверных данных о времени создания стихотворения нет. Определенно можно утверждать лишь то, что оно было послано М. П. Погодину в ноябре 1827 г., как это следует из дневниковой записи последнего от 17 ноября 1827 г.,⁷³ и что в те же недели Пушкин забирает из «Северных цветов» «Стансы» и также отправляет их в «Московский вестник». Ноябрьем 1827 г. Большое академическое собрание сочинений да-

⁷⁰ Там же. С. 35.

⁷¹ См.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 64.

⁷² Языковский архив. Вып. I. С. 371.

⁷³ См.: Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. С. 23.

тирует начало работы Пушкина над посланием «Друзьям» (III, 1155); 5 марта 1828 г. Бенкендорф сообщает Пушкину о запрещении публикации.

Представляется, что «Стансы», «Пророк» и «Друзьям» должны были составить некоторый единый стихотворный комплекс, предназначенный для напечатания в «Московском вестнике» в 1828 г.

Те же причины, которые способствовали завершению стихотворения в декабре 1826 г. — годовщина декабрьского восстания и тезоименитство государя, — заставили Пушкина в конце 1827 г. перенести публикацию «Стансов» с декабря на январь и переместить ее из Петербурга в более нейтральную Москву. Поэт хотел избежать возможных аллюзий.

«Стансы» были неудачной попыткой разговаривать с властью на традиционном для русской культуры языке поэта, обращающегося к царю (отсюда риторическая близость стихотворения к поэзии Державина⁷⁴); «Друзьям» — неудачной попыткой поэтического объяснения с обществом.

«Пророк» совершенно по-новому осмысливает то сложное положение по отношению к обществу и власти, в котором Пушкин ощущал себя в 1827—1828 гг. Это стихотворение обнажает скрытые причины такого положения, манифестируя полную ненужность всяческих объяснений тем обстоятельством, что поэтом во всех его действиях руководит высшая воля. Это, между прочим, указывает на то, что «Пророк» мог существовать в биографическом контексте не только 1828 г., когда был опубликован, но и со второй половины 1826 г., когда сам Пушкин с охотой рассказывал знакомым и не очень знакомым собеседникам о том, как в результате цепи случайностей (читай: «по воле Провидения») он был избавлен от участия в восстании декабристов.

⁷⁴ См.: *Основат К. А.* Об «одическом диптихе» Пушкина: «Стансы» и «Друзьям»: (Материалы к интертекстуальному комментарию) // Пушкинская конференция в Стэнфорде: Материалы и исследования. С. 140—142.

О. С. МУРАВЬЕВА

ПОЛИТИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЭЗИИ

Интерес Пушкина к политике не нуждается в доказательствах, но стихи свои он никогда не стремился использовать как орудия политической борьбы. Как бы ни были порой резки и запальчивы его политические оценки, в основе их всегда лежали не сиюминутные и узконаправленные интересы, а независимые взгляды и убеждения.

Существует два типа восприятия исторических событий (прошлого или современности — в данном случае не имеет значения). Они могут быть материалом для изучения или рассуждения, отстраненного и по возможности объективного. Но они могут и переходить из разряда внешних по отношению к человеку событий в разряд событий его внутренней жизни. Иначе говоря, событие может стать переживанием.¹ Только в этом случае рождается то, что мы вправе назвать исторической или политической лирикой, а не рифмованной риторикой на политические темы. Стихотворения Пушкина, по нашему убеждению, являются именно политической лирикой, а это означает, что прозвучавшие в них политические декларации можно и должно рассматривать лишь в контексте лирического содержания. Неприкрытая субъективность и эмоциональность этих деклараций свидетельствует не об их заведомой удаленности от истины, а о том, что истина присутствует в них в совершенно особом качестве. Точно так же существует значительная разница между исторической картиной прошлого, сложившейся на основании научного изучения, и исторической памятью народа. Последняя может быть крайне пристрастной и несправедливой, но именно в ней запечатлено некое историческое знание, недоступное для самого тщательного научного анализа. Аналогичные образцы индивидуального авторского творчества рождаются лишь при наличии очень большого таланта, причем таланта зрелого.

Многие лицейские стихотворения Пушкина явились откликами на события прошлой или современной истории. Назовем лишь «Воспоминания в Царском Селе» (1814), «Наполеон на Эльбе» (1815), «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» (1815), «Принцу Оранскому» (1816). Зная характер юного Пушкина и круг его интересов, мы можем с уверенностью утверждать, что события, связанные с Отечественной войной 1812 г., переживались им очень горячо. Судя по тому, какой след оставили они в его творчестве, эти исторические события действительно стали фактом его внутренней жизни. Но подлинной исторической лирикой названные лицейские стихотворения, на наш взгляд,

¹ См., например: Хилман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб., 1997. С. 35—37.

еще не стали. Дело не только в том, что у подростка, пусть и гениального, еще не сложились и не могли сложиться собственные исторические концепции и политические убеждения. В его стихотворениях, уже блестящих по форме, еще недостает лирической силы, способной «поднять» такие тяжелые, такие чужие для юного лицеиста пласты жизни. Он не может поэтически освоить известный ему и очень интересующий его фактический материал, ибо пока не накоплен духовный опыт, позволяющий осмыслить этот материал под своим собственным, пушкинским углом зрения. Он ищет, но еще не находит в исторических личностях и событиях того, что созвучно лирическому началу его поэзии.

Качественное различие в поэтическом освоении исторического материала легко продемонстрировать, сравнивая лицейские стихотворения Пушкина о Наполеоне со стихотворением «Герой» (1830). Первые поэтические высказывания Пушкина о Наполеоне почти не несут отпечатка авторской индивидуальности. И политические оценки, и поэтические средства выдержаны здесь в духе русской патриотической лирики и публицистики первой половины 1810-х гг. В дальнейшем Пушкин еще не раз обращался к образу Наполеона, но этот исторический герой раскрылся для него лишь тогда, когда в стихотворении «Герой» он нашел счастливую точку пересечения исторического материала, легенды и современных событий и рассмотрел все это в едином фокусе занимающих его этических проблем. Исторический персонаж, не утратив черт реальной личности, стал пушкинским героем; историческое событие стало поэтическим событием, основой лирического сюжета.

Едва ли не первое стихотворение Пушкина, которое можно считать образцом исторической или политической лирики, — это стихотворение «К Чадаеву» («Любви, надежды, тихой славы», 1818). Общественно-политические проблемы переживаются героем так эмоционально, приобретают для него такой личный, интимный смысл, что оказывается возможным и естественным прямое уподобление этих чувств чувствам влюбленного: «Мы ждем с томленьем упованья / Минуты вольности святой, / Как ждет любовник молодой / Минуты верного свиданья» (II, 72). Трудно найти другое стихотворение, где политика была бы настолько лиричной. Сами по себе политические цели и идеалы здесь, конечно, нечетки и абстрактны. «Обломки самовластья» не более конкретны, чем «звезда пленительного счастья». Но это вовсе не означает, что гражданский пафос в лирическом сюжете стихотворения несуществен, второстепенен. Просто здесь нарушено обычное соотношение объективного и субъективного, внешнего и внутреннего.² Политические цели и идеалы — понятия объективные, существующие вне субъективного переживания, полностью поглощаются этим переживанием и приобретают его характерные черты. Знаменитое обращение: «Пока свободою горим, / Пока сердца для чести живы, / Мой друг, отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!» (II, 72) — поразительно в отношении поэзии, как и в отношении политики. Оно заключает в себе целую концепцию, не развернутую в слове, но определяющую смысл стихотворения. Двадцатилетний Пушкин понимает, что энтузиазм, самоотверженность и стремление к высоким идеалам, увы, преходящи; как правило, они удел лишь юных, не обремененных горьким опытом, не связанных житейскими обязательствами. С мудростью зрелого человека молодой поэт не строит иллюзий, но призывает, пока не поздно, посвятить «прекрасные порывы» отчизне, иначе они останутся бесплодными. Эмоциональность и непосредственность стихотворения сообщают ему убедительность исторического свидетельства о психологическом состоянии молодежи 1810-х гг., мечтавшей о политическом преобразовании России. Позже энтузиазм

² См.: *Маркович В. М.* Чудесное в интимной и политической лирике Пушкина. К проблеме: Пушкин и русский утопизм // *Маркович В. М.* Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы: Статьи разных лет. СПб., 1997. С. 66—94.

сменится фанатизмом, дружеская доверительность — сектантской замкнутостью, появятся ожесточение и подозрительность. Но «пока» это еще «прекрасные порывы» чистых душ, которым не суждено одолеть отечественную косность и равнодушие.

Мы не беремся здесь проследить шаг за шагом, как развивалось в творчестве Пушкина переживание современной ему истории, претворяясь в содержание его поэзии. Рассмотрим несколько стихотворений Пушкина, непосредственно затрагивающих политические события и политические фигуры, и попытаемся показать, каким образом (всякий раз по-своему) политические взгляды и оценки поэта формируют лирический сюжет стихотворения и, в свою очередь, формируются им.

У Пушкина есть стихотворения открыто публицистические, в которых он откликается на политическую злобу дня. В них наиболее явственно, хотя подчас и парадоксально, проявляется отмеченная выше закономерность.

«Стансы» («В надежде славы и добра») (1826) — произведение, удивительно точно выдержанное в традициях русской литературы и общественной мысли. Стремление повлиять на верховного властителя (назывался ли он царем или как-то иначе), побудить его действовать в духе общего блага в России проявлялось во все эпохи, и только крайние радикалы считали его предосудительным. Поэтическая форма пушкинского стихотворения подчеркнуто ориентирована на программные оды Ломоносова и Державина, суть которых была не в лести, а в «поучении». Стихотворение было вполне созвучно также политическим настроениям 1826 г.: и надежда на реформаторские начинания Николая I, и сравнение его с Петром I были весьма популярны в обществе.³ При всем том «Стансы» были встречены, как известно, враждебно и подозрительно. Основания для кривотолков давала двусмысленная ситуация, в которой оказался Пушкин. Он был прощен и обласкан царем, подвергнувшим только что жестоким репрессиям и опале многих друзей и единомышленников поэта. Из этой неловкой ситуации позже пытались найти выход и пушкинисты, предлагая разнообразные и даже взаимоисключающие толкования стихотворения: от излияния верноподданнических чувств до пропаганды декабризма.⁴ Между тем текст стихотворения совершенно прозрачен и не дает простора для хитроумных гипотез. Реальной проблемой представляется то, что сам Пушкин не остановился перед таким сомнительным с этической точки зрения и рискованным с точки зрения общественного резонанса шагом, как публикация этого стихотворения. Естественно предположить, что здесь были какие-то мотивы, непонятные публике. Из всех возможных мы попытаемся выделить именно лирические мотивы, связанные с закономерностями художественного мира Пушкина.

«Стансы» явились непосредственным откликом на знаменитую беседу Пушкина с Николаем I в Чудовом дворце, куда поэт был доставлен прямо из Михайловского. Об этом конфиденциальном разговоре поэта с царем в обществе было много толков, но никто не знал, что незадолго до него у Пушкина состоялся другой, воображаемый разговор с другим царем, Александром I. Текст, дошедший до нас в виде чернового наброска, скорее всего, не предназначался не только для печати, но и для сообщения кому бы то ни было.⁵ Тем более интересно, что Пушкин записал этот сюжет, выразивший, видимо, какие-то очень важные для него мысли.

³ См.: *Корыстева Д. Н.* Тема Петра I в творчестве А. С. Пушкина: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1985. С. 8—11; *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: Из биографии и творчества. М., 1987. С. 34, 44, 49, 52, 61.

⁴ *Мейлах Б. С.* Из истории политической лирики Пушкина: («Стансы» и «Друзьям») // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959. С. 96—107.

⁵ См.: *Бонди С. М.* Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I» // Бонди С. М. Черновики Пушкина. М., 1971. С. 109—139.

Пушкин не любил Александра I и не доверял ему, был лично задет его равнодушием и несправедливостью. Глухая стена отчуждения, стоявшая между ними, позволяла Пушкину видеть в Александре только плохого, с его точки зрения, правителя, но не сложного и умного человека, способного на нетривиальные поступки. Тем не менее Пушкин, очевидно, считал возможным найти решение конфликта на пути личного общения, откровенного разговора с царем. И хотя Пушкин, уступая, может быть невольно, психологической достоверности, приводит мирно начавшуюся беседу к печальному финалу, где царь, рассерженный дерзкими речами поэта, ссылает его в Сибирь, пушкинский замысел свидетельствует о надежде на то, что доброжелательность и открытость могут помочь в самых безнадежных ситуациях. При таком внутреннем настрое поэта приглашение нового царя, Николая I, на конфиденциальную встречу, состоявшийся с ним прямой и доверительный разговор стали для Пушкина чудесным осуществлением фантастической мечты, подтверждением его затаенной, никогда не высказываемой надежды. Конечно, не следует думать, что Пушкин был столь легковверен, что пришел в полное восхищение от Николая I. Но в 1826 г. перспективы начинающегося царствования были еще достаточно туманны для всех, включая самого императора. Благие намерения и смелые планы еще не успели пройти проверку на прочность, хорошие и дурные черты Николая I как человека и политика еще не проявились со всей очевидностью. И вот здесь вступает в силу другой глубоко личный лирический мотив пушкинской поэзии: в ситуации неясной, дающей основания как для надежды, так и для опасения, как для веры, так и для скепсиса, Пушкин неизменно выбирает *возвышенный обман*. Именно в этом состоит художественная идея стихотворения «Герой», написанного через четыре года и тоже имеющего непосредственное отношение к Николаю I. Так и сейчас он готов поверить царю и своей верой подвигнуть его на реальные деяния. Все политические декларации «Стансов» существуют в этом лирическом контексте; изъятые из него и помещенные исключительно в контекст общественно-политической ситуации, они звучат грубее и прямолинейнее, приобретают верноподданнический оттенок.

Несколько иной подход позволяет увидеть лирическую основу таких спорных в политическом отношении стихотворений, как «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», написанных в 1831 г. по следам польского восстания. Шокирующее впечатление всегда производил, главным образом, совершенно неприкрытый имперский пафос этих произведений. Следует подчеркнуть, что в слово «имперский» мы не вкладываем никакого оценочного смысла. Как относился Пушкин к специфике государственного устройства России — это, скорее, вопрос из области истории общественной мысли. Нас в данном случае интересует другое: принадлежит ли этот всплеск имперских настроений к сфере чисто политических интересов Пушкина, не имеющих отношения к его художественным концепциям, или, напротив, он является выражением глубоко органичных для пушкинского творчества настроений?

Доказательством последнего предположения служит, на наш взгляд, не столько даже поэма «Полтава» (1829) (параллель совершенно очевидная), сколько стихотворение «Я памятник себе воздвиг» (1836). Если хрестоматийные строки: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой / И назовет меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой / Тунгус, и друг степей калмык» (III, 424) — перевести на язык политических понятий, то нельзя не признать, что здесь идет речь о русской культурной экспансии, об объединительной и просветительской миссии русской литературы и русского языка. Особенно важно, что эта мысль прозвучала в стихотворении, где Пушкин говорит об итогах своего творчества, о его высших целях и безусловных ценностях. В таком контексте особая межнациональная миссия русского поэта становится осуществлением «веленья Божьего» наряду с пробуждением

«милости» и «чувств добрых». Таким образом, то, что Пушкин крайне болезненно воспринимал любые посягательства на целостность и неделимость Российской империи, объясняется не просто его политическими взглядами, ошибочными или нет. Такие посягательства косвенным образом угрожали его предназначению поэта, каким он его себе представлял. Страстный, негодующий, по-своему вдохновенный пафос оды «Клеветникам России», казавшийся (и не без оснований) Вяземскому неуместным и возмутительным,⁶ был вызван тем, что очень глубокие душевные струны поэта зазвучали здесь в резонанс политическим инвективам, сообщив последним шокирующую многих читателей эмоциональность.

В «Герое» ложной датой под текстом (означающей не день написания стихотворения, а день посещения Николаем I холерной Москвы) Пушкин прямо связывает содержание стихотворения с современным, даже злободневным, событием. Таким образом он переводит заявленную в стихотворении проблему из поэтической реальности в реальность историческую. Поэзия не только осмысляет историю, но и претендует на то, чтобы ее творить. При этом здесь, как и всякий раз, Пушкин рассматривает личности и события под особым, только ему присущим углом зрения, встраивает их в свои концепции, чаще всего не сформулированные в каждом конкретном тексте. Здесь изначально крылась причина неточного общественного резонанса.

Стихотворения Пушкина, в которых затрагивались насущные проблемы недавней истории и политики, исторические персонажи или деятели современности, как правило, вызывали в обществе непонимание и раздражение. Помимо названных произведений нужно упомянуть и «К вельможе» (1830), и «Полководца» (1835), и памфлет «На выздоровление Лукулла» (1835), и эпиграммы на Воронцова. В самом деле, он пишет о трагической участи Барклай-де-Толли, а его обвиняют в неуважении к Кутузову. Он восхищается душевной гармонией человека XVIII столетия, а его подозревают в угодничестве. Он обнажает перед всеми низость и мелочность высоких государственных сановников — его упрекают в пристрастности и бестактности.⁷ Недоразумения возникали во многом из-за того, что внешние обстоятельства, связанные с каждым из этих стихотворений, были или, во всяком случае, казались очевидными, а глубокие внутренние причины рождения стихотворения, скрытые лирические мотивы, звучащие в публицистических пассажах, оставались непонятыми и неслышанными.

Было бы несправедливо упрекать современников Пушкина в глухоте и недалекости. У общественной и политической жизни, в которую вторгались, порой очень резко, пушкинские поэтические выступления, есть своя логика и свои законы, не совпадающие, разумеется, с логикой и законами поэтического творчества. Только в творчестве Пушкин был абсолютно свободен, там он был «царь» и создавал свой мир, похожий и непохожий на реальный. Соответствие требованиям общества, озабоченного прежде всего злободневными (и действительно важными в своей злободневности проблемами), означало для Пушкина необходимость поступиться своей внутренней свободой, впустить в свой мир внешние, посторонние ему силы. На это он пойти не мог ни при каких обстоятельствах. Не признавая для себя никаких законов и целей, кроме внутренних законов и целей искусства, и в то же время периодически вмешиваясь — вольно или невольно — в обсуждение актуальных, болезненных для общества проблем, Пушкин был просто обречен на конфликты

⁶ См.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1884. Т. 9. С. 158.

⁷ См.: *Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б.* «Полководец» Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4—5. С. 150—158; *Вацуро В. Э.* «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 177, 180; *Петрунина Н. Н.* 1) «Полководец» // Там же. С. 278, 294—295; 2) «На выздоровление Лукулла» // Там же. С. 353—360.

и непонимание. Особенно остро это проявлялось в ситуациях, выходящих за пределы собственно литературных коллизий. Например, в тех случаях, когда Пушкин открыто вступал в конфликт с влиятельными людьми, определявшими государственную политику и навсегда вошедшими в российскую историю. Но это уже новый поворот нашего сюжета, требующий постановки новых вопросов.

Как известно, Пушкин начисто погубил историческую репутацию двух крупнейших государственных деятелей Российской империи: наместника Кавказа графа М. С. Воронцова и министра народного просвещения графа С. С. Уварова. Этот факт заставляет задуматься над соотношением литературного и общественно-политического авторитета писателя. Другими словами, имеют ли оценки поэта, пусть даже гениального, статус истины в сферах, далеких от поэтического творчества? В интересующих нас сюжетах этот вопрос может быть конкретизирован: справедлива ли уничижительная оценка, данная Пушкиным Воронцову и Уварову, была ли она следствием личных обид и пристрастий или же явилась свидетельством проницательности гения?

Разумеется, не все поступки Пушкина эстетически значимы, не все его личные оценки допустимо рассматривать в контексте его художественных концепций. Но в тех случаях, когда эти поступки и оценки делаются предметом поэзии и становятся достоянием публики, мы имеем все основания интерпретировать их именно в таком контексте и именно на этом пути искать ответы на сформулированные выше вопросы.

Событийная, фактическая сторона конфликта между Пушкиным и Воронцовым хорошо изучена. Доказано, в частности, что Воронцов слал письма на имя ряда влиятельных лиц, включая императора, с просьбой «избавить» его от Пушкина еще до того, как была написана первая пушкинская эпиграмма, и до того, как Пушкин начал открыто проявлять свои чувства к графине.⁸ Объясняя ситуацию в письме к А. И. Тургеневу (от 14 июля 1824 г.) «по горячим следам», Пушкин пишет о неожиданной, неспровоцированной перемене в обращении с ним Воронцова: «...он начал вдруг обходиться со мной с непристойным неуважением...» (XIII, 102), т. е. на тот момент никакой вины за собой по отношению к графу Пушкин не числил. Очевидно, случилось то, о чем предупреждал Пушкина Вяземский в конце мая 1824 г.: «В случае какой-нибудь непогоды Воронцов не отстоит тебя и не защитит. (...) Он человек приятный, благонамеренный, но не пойдет донкишотствовать против Власти ни за лице, ни за мнение, какие бы они ни были, если Власть поставит его в необходимость объявить себя за них или за нее» (XIII, 94).

Долгое время судьба Воронцова складывалась столь счастливо, что такой необходимости перед ним не вставало.⁹ Родившийся в богатой и знатной семье, получивший прекрасное образование, он сделал быструю и блистательную военную карьеру, став в 33 года генерал-адъютантом. При этом Воронцов не скрывал своих либеральных взглядов: он выступал за отмену крепостного права, его солдаты обучались грамоте и были освобождены от телесных наказаний. Воронцову удавалось удерживаться в положении, для России почти уникальном: он сочетал независимость поступков и убеждений с успешной карьерой. Но настал момент, когда это ненадежное равновесие рухнуло. Император заметно охладил к вольнодумному генералу, и Воронцов впервые столкнулся с несправедливостью и унижением. Не в силах смириться с этим, он оставил военную службу. Воронцову дали понять, что государь недоволен его связями с неблагонадежными людьми, и он был поставлен перед тягостным вы-

⁸ См.: *Абрамович С. Л.* К истории конфликта Пушкина с Воронцовым // *Звезда*. 1974. № 6. С. 191—199; *Аринштейн Л. М.* К истории высылки Пушкина из Одессы: легенды и факты // *Пушкин: Исследования и материалы*. Л., 1982. Т. 10. С. 286—304.

⁹ О личности и судьбе Воронцова см.: *Экштут С. А.* Генерал Воронцов: «полу-герой, полу-подлец» // *Экштут С. А.* В поиске исторической альтернативы. М., 1994. С. 134—149.

бором: сохранить верность друзьям и убеждениям или же получить возможность реализовать себя в полной мере на государственной службе. Судя по всему, Воронцов выбрал второе.

По справедливости следует заметить, что в данном случае нравственный компромисс как будто с лихвой окупался пользой для отечества. Генерал-губернатор Воронцов стал одним из самых талантливых и энергичных администраторов России. Вверенные ему области — Малороссия, Бессарабия и Кавказ, расцвели в годы его правления; все его прогрессивные нововведения и деяния трудно перечислить. Кроме того, он выгодно выделялся среди российского чиновничества своей безукоризненной честностью. На фоне таких заслуг стремление Воронцова сторониться людей «неблагонадежных» из опасения поставить под угрозу свое положение кажется простительным. Но случилось так, что одним из тех, от кого Воронцов предпочел откеститься, стал Пушкин.

Воронцов дал согласие на перевод Пушкина в Одессу после настоячивых просьб своего старого друга А. И. Тургенева. Возможно, впоследствии Воронцов пожалел об этом шаге, который император мог расценить как покровительство ссыльному. Да и молодой человек оказался неблагодарным: своевольным и непочтительным. Видимо, губернатор решил им пожертвовать, чтобы убедить Петербург в своей совершенной лояльности. Воронцов не знал, что тем самым он променял свою репутацию в глазах власти на репутацию в глазах всех поколений пушкинских читателей.

Отношение Пушкина к Воронцову складывалось из многих факторов. Сыграли свою роль и интриги Александра Раевского, и влюбленность Пушкина в жену графа, и, конечно, то «непристойное неуважение», которое глубоко оскорбляло молодого поэта. Но даже если причиной ненависти Пушкина были сугубо личные обстоятельства, результатом этой ненависти стало глубокое проникновение в суть характера Воронцова.

Пушкин угадал в этом обаятельном светском человеке скрытые пороки, известные лишь тем, кто знал графа очень близко, например Ф. В. Ростопчину, Н. Н. Раевскому, С. Н. Волконскому. Поразительно, но этот баловень судьбы был необычайно завистлив; непомерное, ненасытное тщеславие заставляло его зло и ревниво относиться к чужим успехам, делало несправедливым и мелочно мстительным. Темное и недоброе начало причудливо уживалось в душе Воронцова с действительно благородными чувствами и убеждениями; он делал много хорошего, но при этом был совершенно неразборчив в средствах. Постоянные колебания между добром и злом, неизбежные угрызения совести и самооправдания — эта сложная внутренняя жизнь выработала у Воронцова особенную изощренность ума и чувств, которую принято называть тонкостью. («Льстецы героя моего, / Не зная, как хвалить его, / Провозгласить решились тонким...» — III, 453). Эта характеристика прикрывала Воронцова с наиболее уязвимой стороны: подозрительная неотчетливость эстетических и политических принципов получала объяснение в особой сложности и тонкости его натуры. И именно по этому выгодному для Воронцова образу тонкого и сложного человека нанес Пушкин точный и беспощадный удар. Самая известная эпиграмма Пушкина на Воронцова 1824 г. предает осмеянию противоречивость личности Воронцова, представляя его не сложным, а двуличным, не тонким, а безнравственным:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

(II, 317)

«Полу-подлец» — не брань, а злая, но выразительная характеристика человека, пытающегося одновременно и сохранять репутацию порядоч-

ного человека, и (если очень нужно) позволять себе непорядочные поступки.

Среди пушкинских афоризмов и замечаний есть одно неожиданное высказывание: «Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным» (XI, 55—56). Резкость этого заявления кажется странной: нет сомнения, что и сам Пушкин, и его близкие друзья в полной мере обладали и тонкостью ума, и тонкостью чувств. Конечно, резкость объясняется впечатлениями от общения с Воронцовым: следом Пушкин записывает свое стихотворение о «лорде Мидасе» («Не знаю где, но не у нас», 1828). Но это наблюдение отнюдь не исчерпывается личной пристрастностью; оно глубоко и дальновидно. В самом деле, тонкость, т. е. способность улавливать оттенки чувств и мыслей, умение рассматривать факты с разных сторон и развертывать в воображении разные варианты событий, безусловно обогащает внутренний мир, но и подтачивает характер. Послепушкинская русская литература представляет нам в различных вариантах один и тот же классический тип русского интеллигента: тонкого, душевно богатого, но пассивного и нерешительного. Постоянная рефлексия и сомнения мешают ему отдаться чувству, принять решение, совершить поступок. Пушкин и люди его поколения были еще другими; в их натурах тонкость уживалась с непосредственностью и решительностью. Быть может, именно раздражение, оставшееся от знакомства с Воронцовым, позволило Пушкину увидеть некоторые негативные стороны этого качества личности, в полной мере проявившиеся в следующих поколениях его соотечественников.

Воронцов мог производить на людей хорошее впечатление, и в конфликте с Пушкиным он сумел представить себя пострадавшей стороной; даже друзья поэта (А. И. Тургенев, А. Я. Булгаков, В. Ф. Вяземская) винили в случившемся прежде всего его самого. Лишь с течением времени постепенно выходили на поверхность поступки и черты характера Воронцова, заметно меняющие его репутацию. Сам же Пушкин, насколько нам известно, никогда не усомнился в справедливости своей оценки Воронцова, которой суждено было затмить в памяти потомства его несомненные заслуги.

Иные обстоятельства через много лет сопутствовали конфликту Пушкина и Уварова, вылившемуся в памфлет «На выздоровление Лукулла».¹⁰

Фактические обвинения Пушкина по адресу С. С. Уварова ни у кого возражений не вызвали, да и не могли вызвать. Непристойное нетерпение Уварова во время болезни графа Шереметева, от которого он рассчитывал получить большое наследство, его способность буквально пресмыкаться перед начальством были общеизвестны. Однако слова А. М. Языкова: «Уваров совсем не заслуживает, чтобы в него бросали из-за угла грязью» — передавали мнение большинства; и пушкинский «пасквиль», как выразился А. В. Никитенко, встретил в обществе в целом крайне негативную реакцию.¹¹

Почему же, несмотря на свою явную личную нечистоплотность, Уваров пользовался общественной поддержкой и почему его так ненавидел Пушкин?

Уваров, каким он сформировался к середине 1830-х гг., являл собой сложную и темную фигуру.¹² Обладая известными всем пороками, он отличался и несомненными достоинствами: умом, образованностью, увле-

¹⁰ См.: *Петрунина Н. Н.* «На выздоровление Лукулла». С. 323—361.

¹¹ См.: Письмо А. М. Языкова к В. Д. Комовскому // *Исторический вестн.* 1833. № 12. С. 540; *Никитенко А. В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 179.

¹² Об Уварове см.: *Гордин Я. А.* Право на поединки: Роман в документах и рассуждениях. Л., 1989. С. 12—19, 64—73, 116—123.

ченностью своим делом, любезностью и красноречием. С юности за ним закрепился ореол либерала, друга русских и европейских знаменитостей. Идеологическая доктрина и административные методы Уварова у многих вызывали искреннее сочувствие. Политика Уварова основывалась на постулате: русский народ слишком незрел и неопытен, чтобы жить по европейским законам. Теоретически Уваров никогда не ставил под сомнение ценность политических и гражданских свобод, демократических государственных институтов европейского образца. Более того, он считал, что и в России будущее за ними. Но пока Россия до всего этого не доросла, ее нужно подготовить, умело подвести к тому, чтобы она смогла воспринять политические завоевания Европы, избежав потрясающих Европу социальных конфликтов, которые в российский варианте были бы еще более страшны и разрушительны. В этих условиях решающее значение приобретает система образования и воспитания, влияние на умы посредством литературы и журналистики. Рассуждения эти убедительны; их разделяли в разные времена очень многие мыслящие люди либеральных политических взглядов. Но очень многие и попадали при этом в характерную ловушку: приветствуя свободу вообще, противились самым осторожным послаблениям; желая преобразовать Россию, цеплялись за каждую черточку ее традиционного жизненного уклада и т. п. Так и Уваров, воодушевленный великими целями, жестко пресекал любые проявления свободомыслия.

Уваров, скорее всего, прекрасно понимал масштаб дарования Пушкина и его общественное значение. Парадоксальным образом это и стало причиной его ненависти к поэту. Не забудем, что Уваров долго и настойчиво пытался сблизиться с Пушкиным и, лишь натолкнувшись на стойкое сопротивление поэта, занял открыто враждебную позицию. Для него, государственного деятеля, претендующего на формирование образа мыслей общества, человек такого масштаба, как Пушкин, мог быть или союзником, или врагом. Если бы поэт согласился способствовать осуществлению великих замыслов Уварова, он, наверное, обрел бы в лице министра народного просвещения надежного защитника и покровителя. Но демонстративно отказавшись от этой роли, Пушкин стал для Уварова злейшим врагом. Однако в стремлении Уварова подчинить Пушкина общей цензуре (что являлось для поэта источником непрерывных осложнений при публикации его сочинений) личная злоба и мстительность играли все же не главную роль. Речь шла о монополии министра на идеологический контроль над литературой и обществом. Уваров не мог отказаться от этой цели: она виделась ему не служебным долгом, но жизненным предназначением. И именно в этой ситуации проявилась ограниченность личности Уварова. Человек, безусловно, незаурядного ума и дарования, он оказался не в силах понять, что Пушкин представляет собой некую самодостаточную ценность, драгоценное достояние той русской культуры, о процветании которой Уваров столь ревностно заботился. Дав волю личной неприязни и не останавливаясь перед мелкими и крупными подлостями по отношению к великому национальному поэту, главный российский идеолог обнажил ненадежные основы своей идеологии. Общество, впрочем, этого не заметило.

Пушкин, хотя и отклонял попытки Уварова к сближению, некоторое время поддерживал с ним светское знакомство. Поэт бывал на вечерах в доме Уварова, ходатайствовал перед ним за Гоголя, посетил вместе с министром Московский университет. Резко ухудшились их отношения в 1834 г.; Пушкину стало известно, что по требованию Уварова были сделаны цензурные изъятия в тексте его поэмы «Анджело», а затем Уваров счел «возмутительным сочинением» пушкинскую «Историю Пугачевского бунта». Неприятности с цензурой у Пушкина были всегда, но протест у него вызывал не сам по себе контроль над печатным словом (с такой необходимостью Пушкин в общем соглашался), а глупость и мелочность цензурных придираков. Потому и реакцией поэта были, как пра-

вило, не негодование, а ирония и раздражение. Уваров же был отнюдь не глуп и придирался не по мелочам; он посягал на то, чтобы вогнать творчество Пушкина в рамки своих представлений о целях литературы и ее месте в жизни народа. Пушкин не терпел подобных указаний от куда более достойных, чем Уваров, людей; тем более неприемлемы они были со стороны чиновника, прибегающего к административным мерам воздействия.

Собственно идеологического подтекста пушкинская ненависть к Уварову, скорее всего, не имела.¹³ К уваровской пропаганде поэт, наверное, был просто равнодушен. Он не придавал особого значения политической риторике и вряд ли верил, что знаменитая формула Уварова («Самодержавие, православие, народность») может серьезно повлиять на реальную жизнь. Не мог Пушкин и выступать соперником Уварова в борьбе за власть над умами, ибо не признавал за литературой воспитательных функций и сам всегда противился роли «учителя» общества. Но были вещи, за которые Пушкин готов был стоять насмерть: личная независимость и свобода творчества. Не только личные выпады Уварова против Пушкина, но и вся политика министра народного просвещения угрожала этим ценностям. Очевидно, это «невидимое миру» противостояние и вызывало бешеную ненависть Пушкина к Уварову, толкавшую его на вызывающие и рискованные поступки, самым громким из которых стала публикация памфлета «На выздоровление Лукулла».

Смысл памфлета кажется совершенно несоизмеримым очерченной нами коллизии. Пушкин ведь не говорит здесь о политической и идеологической деятельности министра; он говорит только, что тот негодяй и ничтожество. Поэтому, собственно, общество и было столь шокировано пушкинским выпадом. Но, по пушкинской логике, он сказал об Уварове самое главное.

С юности усвоив просветительскую идею, согласно которой общественные нравы являются лучшим показателем состояния общества в целом, Пушкин был убежден, что «гласность прений о действиях так называемых общественных лиц» есть одно из «главнейших условий высокообразованных обществ» (XI, 162—163). С этих позиций публичные выпады против Уварова были для Пушкина вовсе не сведением личных счетов, как их восприняли современники, а общественно значимым актом. Другое дело, что этот акт оказался обществом не востребованным и в этом смысле не состоявшимся.

Вернемся теперь к поставленному выше вопросу о том, обусловлены ли и в какой степени обусловлены пушкинские оценки Воронцова и Уварова его инстинктом художника? Очевидно, что Пушкин оценивает и Воронцова, и Уварова в полном соответствии с этическими принципами, лежащими в основе его художественных концепций. Предпочтение чистоты душевного порыва изощренной и имморальной интеллектуальности, человечность как мера истинной ценности любых деяний; убеждение, что гений простодушен, а великий характер откровенен, — именно с этих позиций Пушкин подходит к анализу личности Петра I, Наполеона, Вольтера, Екатерины II, когда они становятся героями его произведений. Воронцов и Уваров, став героями его произведений, меряются той же мерой — и обнаруживают свою полную несостоятельность как исторические и государственные деятели.

Пушкинская позиция уязвима в том смысле, что она очень легко может быть упрощена до наивности. Получается: главное, чтобы человек был хороший. Но дело, конечно, не в этом. И Наполеона, и Петра I трудно назвать *хорошими* людьми. Как, впрочем, нельзя назвать и *плохими*. Здесь есть определенный масштаб личности, соответствующий мас-

¹³ На идеологическом характере конфликта между поэтом и министром настаивает в своем исследовании Я. А. Гордин (см.: Гордин Я. А. Право на поединок: Роман в документах и рассуждениях. С. 152—169, 188—197, 240—256, 314—342, 384—397).

штабу исторических замыслов и деяний. Причем у Пушкина первое становится залогом второго. В этом смысле человеческая низость и мелочность высших сановников, более того, реформаторов николаевского царствования внушают большие опасения относительно перспектив этого царствования.

Стихотворения Пушкина, являвшиеся предметом рассмотрения в нашей статье, посвящены более или менее конкретным вопросам и проблемам. Но любое из них, как часть политической лирики Пушкина, может быть понято лишь в контексте его исторических и художественных идей, являющихся нерасторжимым целым.

Обладая кругозором и эрудицией хорошего историка, Пушкин, разумеется, подходил к истории не как ученый, а как поэт.¹⁴ Пушкинская историософия нигде прямо не сформулирована; она может быть лишь реконструирована на основе его высказываний и художественных текстов. В рамках нашего сюжета для нас важен один из ее моментов: представление о настоящем как об океане возможностей, лишь часть которых может быть реализована в будущем. У истории есть свои закономерности, но пути ее не прямые, и итоги ее неведомы. Даже близкое будущее, по Пушкину, в принципе непредсказуемо, его невозможно вычислить, спланировать, но вместе с тем в настоящем уже прочерчены его невидимые контуры. Они определены личностями, делающими свой выбор. Поэтому Пушкин всегда столь внимателен к субъективной стороне исторических событий, к позициям непосредственных участников и очевидцев. В его собственной исторической и политической лирике субъективное переживание события во многом формирует его позицию даже по вопросам, подлежащим, скорее, строго объективным оценкам. Личные же конфликты Пушкина с Воронцовым и Уваровым словно раскрывают психологическую основу афористической строфы из стихотворения «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор», 1825), посвященной Александру I. И великие поэты, и государственные деятели — только люди; ими «властвует мгновенье», они рабы «молвы, сомнений и страстей». Но именно те мгновенья, когда, терзаясь страстями и сомнениями, каждый из них делает свой личный выбор, незаметно и неотвратимо влияют на ход истории.

Разумеется, пушкинские эпиграммы на Воронцова и памфлет на Уварова не имели историософского подтекста и не преследовали каких-то далеко идущих целей общественно-политического характера. Воронцов и Уваров стали жертвами Пушкина в силу личной неприязни прежде всего. Но обвиняя недругов в своих стихах, он обвиняет их как поэт, оценивает их личности и поступки так, как он оценивает своих литературных героев. Приговоры поэта, которые кажутся неуместными и неприемлемыми с позиции сиюминутных политических интересов, в более широком историческом контексте обнаруживают глубокий политический смысл. Политика, увиденная сквозь призму поэзии, приобретает иные очертания. В ней проступают несущественные для современников, но значительные по своему историческому смыслу аспекты.

¹⁴ См.: *Бетеа Д.* Славянское дарение, поэт в истории и «Капитанская дочка» Пушкина // Автор и текст: Сб. статей. СПб., 1996. С. 133—134.

Н. К. ТЕЛЕТОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАВДА У ПУШКИНА

Годы жизни Пушкина совпали с чрезвычайными историческими событиями, потрясавшими Европу. Первые московские впечатления основывались на рассказах о якобинской диктатуре во Франции, а губернатор граф Монфор сам был эмигрантом из революционного Парижа. Начало сознательной жизни поэта стояло под знаком двух первых войн с Наполеоном 1805—1806 и 1806—1807 гг. Лицейская жизнь в Царском Селе едва сложилась, когда началась Отечественная война 1812 г.:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

(III, 432)

На шестнадцатом году, в январе 1815 г., Пушкин читает «Воспоминания в Царском Селе», темой которых оказывается путь русской воинской славы — от времен Екатерины до недавних побед над Наполеоном:

О бородинские кровавые поля!
(.)
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас и веру, и закон...

(I, 81—82)

Военное затишье после взятия Парижа, затем 100 дней Наполеона совпадают с окончанием Лицея и активизацией социальной жизни. Возникает Союз Спасения, и атмосфера политики, размышлений и разговоров о будущем России естественным образом пробуждает интерес к историческим параллелям.

Вдохновлявшая будущих декабристов тема смены династии в легендарные времена новгородской вольницы — с далеко идущими смыслами этого переворота, скомпонованными вокруг имени Вадима Новгородского, — заинтересовала и Пушкина. В 1822 г. он начинает поэму о славянине Вадиме, изгнанном скандинавом, но оставляет свой труд. Он понимает, что эти аллегории мало соответствуют проблемам времени.

Напряжение жизни, рождавшей новую историю, открывавшей новый путь для России после 1815 г., захватывает Пушкина: «всемирное не закрывало национального, но действительно требовало его осознания».¹

¹ *Шайтанов И.* Географические трудности русской истории: (Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности) // Вопросы лит. 1995. № 6. С. 188.

Пушкин — современник декабризма, июльской революции 1830 г. во Франции, навсегда изгнавшей династию Бурбонов, восстания в Польше и его подавления в 1831 г. От турецкого владычества освобождается Греция, от гнета Австро-Венгрии — Италия. Все это усиливает интерес к национальным и социальным явлениям, далеко выходящим за локальные пределы — как по пространству, так и по времени возникновения проблем.

Стремление осознать место дворянства в истории наций, ощущение своей принадлежности к этому сословию, призванному решать судьбу государства, акцентировало внимание Пушкина на анализе прошедших веков.

Возникновению исторической темы как важнейшей в размышлениях, а затем в художественном творчестве Пушкина способствовали не только видимые общественные события, но и появление «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, проникнутой идеями возмездия и воздаяния, а потому и утверждавшей божественный промысел в кажущемся хаосе былого. В свою очередь все большее осознание значения творчества Шекспира и, шире, шекспиризма, начиная с 1770-х гг., в Западной Европе, а затем и в России способствовало пониманию важности исторической темы для нравственных исканий первой трети XIX в.

С каждым годом своего творческого пути Пушкин все внимательнее относится к истории отечества — прошедшему как возможному образу будущего, характерам исторических героев. История становится источником его историософии, лирик преобразуется в аэда и словно уподобляется тому Гомеру, о котором писал Андре Шенье в идиллии «Слепец», а Пушкин не случайно переводил его строки:

...висит на поясе бедном простая
Лира, и голос его возмущает волны и небо.
(II, 283)

В самом обращении Пушкина к теме прошлого России нет ничего примечательного. Однако новым был ракурс этой темы. Со всей серьезностью поэт изучает документы, свидетельства эпохи, прежде чем отразить в своем творении известный, как кажется, факт или характер исторического лица. Только достоверное, т. е. достойное веры, доверия, берет он за основу своего художественного письма. Отметим это благоговейное отношение Пушкина к документу, воспринимаемому как истина и потому никогда не вступающему у него в противоречие с художественной правдой.

Он не посягает на историю. Он оживляет ее — такую, какой она предстает перед ним в документальном источнике. Соблазн дублирования науки искусством, создания своего варианта, полемически противостоящего фактическому, примысленного, никогда не коснулся Пушкина. При обращении к историческим материалам он не пользуется правом художника на вымысел. Однако следование фиксированным элементам исторической науки не раз его подводило. Сошлемся на восходящую к легенде концепцию виновности Бориса Годунова, представленную в «Истории» Н. М. Карамзина. В трудах академика С. Ф. Платонова, а затем нашего современника Р. Г. Скрынникова эта версия отвергается вполне убедительно. Кажущаяся логика свершения преступления фиктивна. Но Пушкину достается ненаучная «проромановская» концепция вины, и он точно ей следует.

Документ подвел его и в плане семейном: так называемая Немецкая биография его прадеда Абрама-Ибрагима Ганнибала, составленная А. К. Роткирхом, мужем внучатной бабушки (сестры деда) Софии Абрамовны, оказалась полна разнообразных выдумок. Особенно это касается датировок. Придумав возраст тестя, Роткирх поставил Пушкина перед неразрешимым. Следуя документу, Пушкин отправил своего прадеда во

Францию для обучения фортификационной науке в возрасте не 20, но 27 лет. Великовозрастный ученик не очень соответствовал замыслу художника. Однако достоверность факта в документе не вызывала у Пушкина сомнения, и он сохранил эту деталь в романе.

Вослед Шекспиру и Софоклу Пушкин исповедует веру в существование нравственного закона истории, от нее неотъемлемого. В фиванском цикле о царе Эдипе Софокл создает прецедент для всего Шекспира. Впервые в Новое время изданный в Венеции у Альда Мануция в 1502 г. (так называемая книга-альдина) греческий трагик оказал воздействие на весь XVI в., на рождение театра эпохи Ренессанса. Боги Софокла мстят легендарным героям или вознаграждают их. Они сообразуют свой суд с правом оставить на земле потомка героя или лишить «дурную кровь» этой возможности. Аналитическая форма построения — от незнания к узнаванию причин происходящего, противоположных известному, — также сближает Шекспира с фиванской трилогией. Этот аналитический принцип и закон неукоснительного «Божьего суда» исповедует и Пушкин в трагедии о царе Борисе.

Он извлекает из этой оптимистической основы жизни человечества высшую и необоримую правду. Правду расплаты Бориса Годунова за век Ивана IV, за идеи и методы тех страшных лет, усвоенные и царем Борисом. За поступком Бориса — убийством по его приказу царевича Димитрия — стеной стоят черные дела и его предшественника, и его собственные, в частности несправедливый суд и погубление Захарьинных-Юрьевых, прямых предков Романовых.

Высшее чутье творца позволяет, не устранив ложную концепцию, сохранить значение созданного памятника как живого свидетельства присутствия нравственного начала в историческом движении. Таким образом, трагедия «Борис Годунов» оказывается произведением историософским — по интеллектуальной своей сущности.

Собственно с этой трагедии и начался в 1825 г. поворот Пушкина к исторической тематике.

За ней следует цикл из петровской эпохи — роман «Арап Петра Великого» (1827), поэмы «Полтава» (1828) и «Медный всадник» (1833); последняя создается параллельно с «Историей Петра».

Примечательно, что к теме Петра Пушкин заходит словно с обочины: через личностное, частное, связанное с Ибрагимом, — к его крестному, т. е. царю-преобразователю. В романе Пушкин в некоторой мере пытался изменить самому себе, «уплотнив» генеалогический материал своего родословия: прабабушка Сарра Юрьевна Ржевская, жена Алексея Федоровича Пушкина, оказалась в роли Марии Алексеевны, ее дочери, вышедшей замуж за полуарапа Осипа Ганнибала, причем и Сарру — по роману Наталью — он попытался выдать не за сына, а за отца, т. е. Абрама-Ибрагима Ганнибала.

Еще интереснее использование истории рода Ржевских в романе, где для нас остаются нерасшифрованными имена Валериана, связанного с приверженцами правительницы Софьи, Лыковых, ибо нам неизвестна девичья фамилия Екатерины Никифоровны Ржевской, матери Сарры-Натальи. Расшифровка забытого помогла бы до конца уяснить приведший Пушкина в тупик способ, которым он пытался «вливать» имена и биографии предков в историю петровского времени, но, отступив от точных данных даже, казалось бы, в исторически несущественном — личном, частном родословце, — он утратил свойственную ему манеру синтезирования исторической достоверности и художественной правды. И тогда работа над романом была прервана им в начале главы VII.

Углубляясь в историю, приближаясь к грандиозному образу царя Петра, уже создав «Полтаву», Пушкин прерывает художественное творчество для научных изысканий (с конца 1831 г.), ибо его останавливают размышления о противоречивом характере этого удивительного исторического лица.

Во время работы над источниками, когда уже стали ясны два начала в личности Петра, Пушкин на время покидает путь историографа и возвращается к художественному творчеству, создавая поэму «Медный всадник», где воплощается идея двуединого характера императора, мудрого и своенравного.²

Если, условно говоря, мы называем циклом творения о Петре и его эпохе, то циклом хотелось бы назвать и своеобразную дилогию — научный, исторический труд «История Пугачева» и художественный коррелят его — роман «Капитанская дочка».

Интересуясь проблемой русской иррациональной души и тем, как она проявляет себя в народных массовых движениях, Пушкин идет от столкновения индивидуумов (Петр и Евгений) поэмы к анализу и изображению стихийной воли — русского бунта.

Еще в 1824 г. в письме к брату Льву он называет «единственным поэтическим лицом рус.(ской) ист(ории)» (XIII, 121) Степана Разина, но не обращается к отдаленным событиям, связанным с этим лицом. Скорее всего, Пушкин тогда еще не знал о мучительстве тысяч безвинных, погублении их разгулявшейся чернью под водительством этого атамана, о том, что первый русский корабль «Орел», выстроенный в 1668 г. иностранными мастерами на Оке, был сожжен под Астраханью, а команда порублена, что перебито было почти все население этого захваченного города — казнили страшными способами по 150 и более человек в день, как родителей, так и малолетних детей: воспоминания об этом путешественника Стрюйса еще не были известны. Романтичность Разина («поэтическое лицо») он видит, вероятно, в его бессмысленном радостном самораскрепощении, в легенде о персидской царевне, принесенной в жертву духам волжских зыбей.

Ближе к реальности и интереснее для Пушкина 1830-х гг. история Пугачева. Уже в начале 1832 г., видимо вскоре после получения Пушкиным в подарок от Николая I «Полного собрания законов Российской империи» (в двадцатом томе которого был перепечатан приговор Пугачеву и его сообщникам), поэт делает первые наброски плана будущего романа из эпохи пугачевщины, но затем на время оставляет эту работу, полностью переключившись на новый замысел — повесть «Дубровский» с бунтом ее главного героя à la шиллеровский Карл Моор. Дойдя почти до финала повести и забросив работу над ней, Пушкин в январе 1833 г. возвращается к оставленному замыслу из времени пугачевщины.³ Это вынуждает его глубже познакомиться с характером Пугачева как исторического лица, бунтаря в русском, отнюдь не шиллеровском духе. Пушкину открываются обильные материалы о Пугачеве — и он уходит в них с головой. Пушкин, следовательно, приступает к своему историческому труду в том же январе 1833 г., и произошло это после того, как первые планы будущей «Капитанской дочки» были уже написаны. Как бы оправдываясь, он скажет вскоре, что отвлекся от художественного творчества «для успокоения исторической моей совести» (XVI, 8). Со всей энергией он отдается воспроизведению событий исторических и в мае 1833 г. вчерне завершает «Историю Пугачева». 2 ноября 1833 г. датировано окончание всей работы над «Историей Пугачева».

«Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но нашед множество материалов, я оставил вымысел, и написал Историю Пугачевщины», — сообщает он 6 декабря 1833 г. А. Х. Бенкендорфу, обращаясь через него с просьбой к государю о пре-

² «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом*. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у *нетерпеливого* самовластного помещика» (X, 256). Эти строки относятся к деятельности Петра в 1721 г. и написаны, по-видимому, в 1835 г.

³ Подробнее об этом см.: *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина. Л., 1987. С. 165.

доставлении ему права ознакомиться и с самим секретным делом Пугачева (XV, 98). Исторический труд выйдет из печати в декабре 1834 г. В этом году Пушкин работал и над «Капитанской дочкой». В 1835—1836 гг. он продолжил поиски пугачевских материалов в государственных архивах и частных собраниях, надеясь подготовить второе дополненное издание «Истории Пугачева». К «Капитанской дочке» Пушкин снова обратится в 1836 г., закончив роман в октябре.

Работа над двумя сквозными историческими темами — Петра I и Пугачева — была построена одинаково: она начиналась с воплощения художественного замысла, затем прерывалась историческими изысканиями — и вновь следовал возврат к художественному письму.

Диалог исторической науки и искусства стал всерьез возможен с тех пор, как сложился и овладел умами принцип историзма. Путь новому способу передачи реальности в литературе проложил в 1810-х гг. В. Скотт. Он «первый поставил проблему исторического бытия и судеб страны в плане вполне современном и актуальном. Впервые в английской литературе он создал романы философского и исторического содержания и тем самым оказался великим новатором, увлекшим целое поколение европейских читателей».⁴ Историзм в романах Скотта представлял собой некую сумму особенностей видения. Собственно реализм с его объемной типизацией стал возможен в 1820-е гг. потому, что десятилетием ранее утвердился историзм. Последнее понятие, однако, остается широким и несколько размытым. В романах Скотта обнаружилось необыкновенное внимание к точной детали в описании экстерьера. Здесь все было подчинено правде, исторически выверенной картине — одежда, жилье, пейзаж и другие элементы антуража. Все это, совершенно опускаемое или деформированное в XVII—XVIII вв., стало занимать писателей. Следует, однако, остановиться на завоеванных Скоттом элементах «интерьерных», т. е. новых особенностях в развитии сюжета, новой логике поступков персонажей, самом выборе из бесконечного потока прошлого тех временных и географических точек, на которые вслед за Скоттом обращают внимание Стендаль, Бальзак и другие последователи английского романиста. Среди них и Пушкин, следовавший этой школе.

Скотт подарил современникам новое отношение к проблеме времени — это был *искусный выбор продуктивного исторического момента*, когда прошлое и будущее словно сталкиваются и замирают, обнажая в сегодняшнем дне главное. Сама идея избрания такого момента, отраженного искусством, стала возможна после эстетических открытий, сделанных в 1766 г. Г.-Э. Лессингом в трактате «Лаокоон». И хотя немецкий эстетик, противопоставляя поэзию и живопись, утверждал за поэзией «действие в своем процессе», а за живописью «лишь его мгновение», представление о «нагруженности» этого мгновения тем, что «прорастает» в прошлое и будущее, было очень важно для европейской эстетической мысли и оказалось использованным Скоттом, увидевшим в движении исторического времени как пустоты, так и узлы напряжения, скопления того значительного, что некогда уже знал и выражал в исторических хрониках Шекспир. Лессинг был понят Скоттом не в применении к визуальным искусствам, но, скорее, в психологическом аспекте.

Закон выбора продуктивного момента знал и классицизм XVII в., но нормативность, несвобода определили односторонность в подходе его к реальности; классицизм переводил действие историческое и поступки героев, творящих историю, в психологический план, т. е. в план их внутренней — самих с собою — борьбы. Так называемая борьба долга и чувства полусторических-полулегендарных героев оказывалась в действительности борьбой между двумя чувствами: одним — дозволенным и по-

⁴ Реизов Б. Г. Предисловие // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 14.

ощряемым, и другим, которое рекомендовалось поставить не только в зависимость от первого, но по возможности и вовсе в себе задушить. Это особенно заметно у Расина. Речь идет о борьбе страсти (egos, amor) с нежной привязанностью матери к сыну — каритативностью чувства («Андромаха»), или сына к отцу, т. е. уважением младшего к старшему (respectus), без которого невозможно благородство чувств младшего («Сид» Корнеля). Страсти, носителями которых выступают и Камилла у Корнеля («Гораций»), и Федра в одноименной трагедии, и цепь несчастливо влюбленных: Орест — Гермiona — Пирр («Андромаха»), губительны и сопряжены с тем, что государственный муж, предавшийся страсти, изменяет своему предназначению, т. е. служению отечеству.

Движение истории оказывается до крайности персонифицировано, а сама она сводится к антуражу, фону действия (отлично, однако, известному зрителям XVII в.).

Два вектора чувств, их диалектика были завоеванием XVII в. и вошли как составляющие в словесное искусство следующих столетий.

В рождающемся реализме эпохи Просвещения очерченность, обязательность классицистического отбора уступают место более «мягкой» типизации, но предпочтительность рационализма сохраняется, не давая места изображению свободного развития личности в истории, заменяя эту тему частным бытом либо условными социальными отношениями, не претендующими на историческую широту.

Внимание ко всему чрезвычайному и неповторимому в пору романтизма, само собой разумеется, вычленило личность из истории; дело, однако, ограничивалось тем, что обнаруживалось некое коррелятивное герою и его поступкам начало (например, «Сен-Мар» А. де Виньи). Однако сам интерес к чрезвычайным обстоятельствам порождал поворот к исторической экзотике, что, на следующей ступени, означало путь от «Замка Отранто» Г. Уолпола к историческим балладам, а затем и романам В. Скотта.

Этому последнему английскому романтику удалось перетолковать экзотику предромантизма и романтизма, исторически осмыслить цветистость Средневековья — с замками, турнирами, тайными расчетами и высокими чувствами. Модель готического романа помогла, сохранив занимательность, подать теперь эту экзотику как часть исторически важного. Поступки персонажей перестали быть их личным достоянием — они стали знаками, проявлениями общезначимого.

Отбор материала, типизация освободились от диктата классицизма и предпочтений века Просвещения. Продуктивный момент истории, благодаря рельефности, чисто романтической, заставил обратить на себя внимание, позволил говорить о новом явлении в литературе.

В «Медном всаднике», полотне поистине историческом, Пушкин сумел блистательно передать этот продуктивный момент — месть стихий за насилие над ними; бунт личности, сброшенной в низовые слои общества; грозный ответ покорителя, уверенного в праве насилия во имя грядущего.

Петр и Евгений, государь и мелкий чиновник. Евгений в начальном замысле поэмы должен был быть последним в своем знатном, историческом, однако обедневшем роде. Лишь имя Евгений — «благородный» — осталось напоминанием об этом в окончательном варианте текста.

Поэт создает свой диалог двух правд, нерасторжимых и вечных, — правды Петра I, т. е. государственного строительства во имя общего блага, во имя будущего, и правды бедного Евгения, правды сегодняшней, от которой не может уйти измученный человек.

Обратная сторона обеих правд — уничтожение либо бунт и хаос. Серой невской волной поднимаются обреченные, в мятеже пытаясь отвоевать право на жизнь.

Образ могучего строителя новой России оказывается пропущенным сквозь события давности менее чем десятилетней — наводнение, мятеж

Невы, проявления недовольства «маленьких» людей, погруженных в жизнь семейную, не имеющих исторического дыхания.

Ровно за 100 лет до наводнения 1824 г., спасая тонущего, смертельно простудился и скончался царь Петр. В камне и металле сохраняет он свое властное присутствие над волнами, над стихиями спустя целый век. Бред Евгения заставляет ожить сковывающее петровское, имперское начало. Дорога времени — столетие — завязывается, скручивается неким экспрессивным узлом. Мостом от былого к настоящему оказывается бунтующая — как и прежде! — стихия вод и людских страдающих душ. Наводнение выявляет спавшее, невидимое, казалось бы, несуществующее: никогда маленький человек не откажется от права на свое счастье; никогда великий человек не допустит того, чтобы частное, отдельное, малое вытеснило великое и всеобщее. Вечный конфликт обнаруживает себя в выборе чрезвычайной ситуации, которая, по методу Скотта, должна совпасть и совпадает у Пушкина с решающим моментом в судьбе Евгения и в судьбе города.

Как оказывается, одно из свойств историзма заключается не в воссоздании отрезка истории через действия каких-то персонажей, но в извлечении из нее того, что обнаружит себя в будущем. Время, пространство, сам воздух действия особым образом komponуются вокруг исторически кульминационного момента. Ему чаще всего соответствовал *переломный момент в истории*. Для Скотта — это формирование нации, населяющей Великобританию («Айвенго»), объединение французского королевства («Квентин Дорвард»), утверждение «новой» Англии после революции XVII в. («Вудсток») и т. д.

Для Пушкина — это три избранных им этапа в русской истории. Первый связан с Борисом Годуновым. Трагедия о нем обозначает завершение архаического времени, переходящего в смуту и хаос, чтобы породить новую династию Романовых, при которой стабилизируется жизнь государства, укрепятся и расширятся русские пределы.

Второй этап — петровская эпоха, которая у Пушкина, помимо творений малых форм, найдет свое выражение в романе, двух поэмах, названных выше, и «Истории Петра». Тема манифестирует слияние России, т. е. Восточной Европы, со всем европейским континентом. Особое, возвращенное Россией, обогащается многообразием европейским. Закрытое общество открывается.

Наконец, третья, пугачевская тема была детерминирована как русскими бунтами, так и необходимостью осмыслить революцию 1789—1794 гг. и июльские события 1830 г. во Франции. Ощущение времени, чреватого социальными взрывами, обращает к недавнему прошлому. Европа предстает как образ и прообраз России; русские и западноевропейские формы проявления иррациональных энергий, общее и отличное — вот пафос этой темы. Попутные размышления о значении дворянства для государственного устройства приводят Пушкина к убеждению, что опора властителя на наследственную аристократию есть залог спасения от социальных смут, расшатывающих государство, и, вследствие этого, положение самых незащищенных в нем.

В исторических романах В. Скотт закрепляет *традицию смешения исторических и вымышленных персонажей*, типичную еще для Шекспира. Новым оказывается то, что «ведет» действие именно этот неизвестный истории персонаж. Случайный, казалось бы, человек попадает в сложнейшую ситуацию романа помимо своей воли, без вины и вынужден принимать решения, совершать поступки. При этом он как бы приводит в действие носителей смысла творимой истории. Так, у Пушкина его Евгений, его Гринева, являясь объектами исторического действия, воли истории, вскрывают суть, смысл деятельности носителей этой воли. И Петр I, и Пугачев (сколь ни казался он внеисторичным Николаю I) в диалоге с Евгением и Гриневым вынуждены обнаружить свое подлинное лицо.

Роль исторических персонажей бывает и позитивной, и негативной, они вызваны к жизни некоей силой, которая может быть определена лишь по истечении времени. Движение исторического времени по своим результатам неведомо носителям его — оно во власти самой античной Ананке-Необходимости, стоящей над богами, как во власти ее дочерей Мойр и судьба этих избранников. В смешении исторических и вымышленных героев отражается столкновение двух тем — государственного начала и полубесправных, до поры до времени разъединенных людей социальных низов.

Поднявшийся «в историю» Пугачев есть голос этой «низовой» силы.

Если петровское начало структурирует, то пугачевское вносит деструктивное в ход и замысел истории, эта сила крушит и разрушает — и прежде всего мир социально зависимых низов. Люди этого слоя, все ломая, пытаются уничтожить подходы к будущему. Возникающая воля и вольница оказывается источником проживания своего будущего. «Сегодня» губит завтрашний день.

Но это празднество бурлящих стихий сладостно, как хищный взрыв, как кипение невских волн. Эмоциональный мир, подобно дремлющим во чреве матери Геи титанам, «выбрасывается» наружу и заставляет молчать разум. Это тема романтического Байрона, южных поэм Пушкина, это притча Пугачева — 300 лет жизни ворона или 33 года жизни орла, т. е. его, бунтаря. Это то, что будет названо имморализмом и проявлением дионисизма в конце XIX в. у Ф. Ницше, а затем Вяч. Иванова, которые осмыслили взрывные волны, поднимавшие человечество, как органические проявления иррациональных начал жизни.

Как уже говорилось, в новооткрытом историзме обнаруживается вымышленный персонаж, ведущий интригу, через себя пропускающий нить действия. Иногда это так называемый «маленький человек», литературную жизнь которому в России дал Пушкин. У В. Скотта это благоразумный, вполне порядочный и даже благородный носитель морали современного ему общества, несколько бледно выписанный; у Пушкина он часто представляется более ярким персонажем благодаря уже реалистическому письму.

Можно сказать, что «усредненный» человек в романах Скотта, носитель действия и объект для всяческих исторических экспериментов, продолжал собою не романтическую традицию, но просветительскую. На том же основании возрастает укорененный в своем веке Гринев, расцветивший, однако, теми живыми красками, которых еще не знает XVIII в. и не применяет Скотт. Характер дневникового изложения событий, от первого лица, который использует Пушкин, вручая нить повествования юному офицеру Гриневу (а затем вспоминающему прошлое благополучному супругу Маши Мироновой), еще более отдаляет от манеры английского романиста.

Новый герой — сын эпохи нарождающегося реализма. Историзм способствует освещению писателем как внутренней, так и внешней жизни этого прежде не замеченного литературой персонажа, создает равновесие между историческими героями и мизерной обывательской жизнью. Он, этот средний человек, *homo medius*, лишен романтической исключительности, но оказывается погруженным в сложнейшую ситуацию переломной эпохи и насыщенного событиями исторического времени.

Эти вымышленные персонажи представляют собой *служебный* материал художественного произведения исторической тематики. Они низведены на землю из романтического сфумато — корсаров, гяуров, Гиреев; они скинули одежды цыган, черкесов, морских разбойников.

Примечателен принцип введения в действие этих двух ведущих некий диалог персонажей — исторического и вымышленного, — представленный у Скотта и использованный Пушкиным.

Историческое лицо впервые в романе появляется во время неожиданной встречи с героем в несколько детективных обстоятельствах, без

регалий власти, уже имеющейся или вскоре обретаемой. Маска власти снята — или еще не надета. Подлинное лицо-характер не скрыто. Психологическая правда открывается исподволь. Вспомним встречу Квентина Дорварда с королем Людовиком XI: сначала они беседуют на берегу широкого ручья, через который, с трудом совладав с бурным течением, переправился герой, затем по дороге в гостиницу, где «дядюшка Пьер» (так отрекомендовался Дорварду Людовик) угощает его обильным завтраком и щедро одаривает деньгами; оставшись один, Дорвард терзается в догадках относительно своего нового знакомца. Юноша полагает, что, судя по одежде и повадкам, это зажиточный горожанин в несколько потертой одежде, однако с тугим кошельком у пояса. Этот складывающийся в один мешок Франции все ее разрозненные владения жестокий и хитрый Калита (русское прозвание великого князя Ивана, что собирал в один мешок-калиту все земли Руси) предстает именно обладателем мощны, выдавая тем главное в своих намерениях и функции. Представ на троне, он изумляет шотландского стрелка, однако здесь происходит превращение настоящего лица в мнимое обличье. Сравним эту литературно-психологическую находку английского романиста с пушкинским ее вариантом.

Почти решающим в сокрытии себя — у обоих авторов — оказывается первое бросающееся в глаза — одежда. Пугачев сбрасывает свою рвань и охотно примеряет барский тулупчик, который трещит на нем по всем швам, — так вскоре напаялит он на себя и самозванство, выдавая себя за Петра III. Чужой зайчий тулупчик оказывается аллегорией русского трона: пугачевская версия якобы законной власти также трещит по всем швам. Реальность встречи и дарения сосуществуют с аллегорией, ничуть не заслоня одна другую.

После одежды описывается сам человек. У вожатого, пока безымянного, «живые большие глаза так и бегали. Лицо имело выражение довольно приятное, но плутовское» (VIII, 290). Вороватость засвидетельствована бегающими глазами и плутовским выражением. Отмечается и его черная борода. Как известно, борода позволяет человеку скрыть характерные линии рта, придать благообразию при отсутствии такового, спрятать себя.

И, наконец, буран — символ смуты и хаоса, имеющего наступить вскоре.

Частная, случайная и вместе с тем чрезвычайная встреча один на один Гринева и Пугачева (Савельич не в счет) позволяет выхватить из безвестности одного и подсоединить к другому, призванному войти в историю. Созданный фантазией и вихрем истории призванный вступают у художника в некую тяжбу, где носитель начал истории и ведущий действие герой дают основу повествованию.

В. Скотт замечает и еще одно явление, исторически значимое для XIX в., но восходящее к дальним эпохам, — *национальные и социальные мутации*, исподволь побеждающие тягу к однообразному, надежному, домашнему. Так, в «Айвенго» появляются норманны среди саксонцев, а саксонцы, как известно, поселились среди англов, англы среди бриттов и пиктов. Еврей Исаак и прекрасная дочь его Ревекка дополняют этот пестрый мир, обогащая его новыми человеческими характерами, создавая картину многообразия жизни.

Идею подхватывает Пушкин, весьма кстати помещая своего прадеда арапа Абрама-Ибрагима в рамку петровских национальных и социальных смещений. Однако эта тема мало его увлекает — практически экзотикой африканского лица ограничивается его интерес к историческому слиянию наций. Что касается социальных смещений, скрещений, то и они не слишком занимают его. Однако заслуги и добродетели позволяют его героям перемещаться снизу вверх по сословной лестнице — так, дочь выслужившего офицерский чин честного солдата, а теперь капитана Ивана Миронова представлена достойной разделить супружество с наследником старинного дворянского рода Гринева.

В настоящей работе сделана попытка конкретизировать понятие историзма и определить его особенности, которые восходят к открытиям, сделанным в романах В. Скотта, а затем, начиная с 1820-х гг., использованным европейской литературой. Пушкин, как и его современники, пользуется этими принципами и этими приемами, но на свой лад.

Обращаясь к историческим темам, Пушкин стремится дать сухим документам и забытым фактам и лицам прошлого новую жизнь, поставить это прошлое на службу будущему.

Убежденность в том, что в истории злодейство всегда наказуемо, что истина непременно побеждает, а с нею и нравственный, божественный смысл, который присутствует в поступательном движении истории, хотя его проявление часто во времени далеко отстоит от свершенного преступления, — источник оптимизма писателя.

Именно благодаря убежденности в тайной гармонии Универсума и, в частности, в исторической осмысленности времени Пушкину удается точно передать сумму сведений, ему доступных. Он свидетель истины, призванный свыше к служению ей. И художественная правда свободно, логически следует в его творениях за правдой исторической.

В. П. СТАРК

ПУШКИНЫ В «ИСТОРИИ ПЕТРА» И «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

С историей XVIII столетия, особенно привлекшей внимание Пушкина в конце жизни, тесно переплелась история его рода, которым он по праву гордился. В статье «Опровержение на критики» он писал: «Образованный француз иль англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества» (XI, 162). Те же мысли мы встречаем в неоконченной повести «(Гости съезжались на дачу)» в разговоре русского с испанцем: «Я скажу, например, — продолжал русский с видом самодовольного небрежения, — корень дворянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах истории нашей. (...) Заметьте, что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» (VIII, 42). В «Отрывке» повести, по словам автора «ненаписанной или потерянной», об одном из действующих лиц замечено: «Он столько же дорожил 3(мя) строчками летописца, в коих упомянуто было о предке его, как модный камер-юнкер 3(мя) звездами двоюродного своего дяди» (VIII, 410). В том же роде сказано и в поэме «Езерский»:

Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.
(V, 100)

Все эти высказывания относятся к 1830-м гг., когда Пушкин после смерти дядюшки Василия Львовича получает доступ к семейным бумагам, а по должности историографа, роясь в архивах, встречает имена своих предков в исторических документах. Пушкин стал первым историком собственного рода, посвятив ему «(Начало автобиографии)» и страницы статьи «Опровержение на критики», а также стихотворение «Моя родословная». Все, кто позднее писал о роде Пушкиных, непременно учитывали то, что сказано поэтом о своих предках, в том числе и замечательный генеалог академик С. Б. Веселовский в своей работе «Род и предки А. С. Пушкина в истории», впервые опубликованной в 1969 г. на страницах журнала «Новый мир».¹ Этот труд обрывается как раз на

¹ *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина в истории // *Новый мир.* 1969. № 1, 2.

пороге XVIII столетия. Последняя, двенадцатая его глава «Упадок Пушкиных в последней четверти XVII века» обращена к событиям начала петровского царствования, когда Пушкины оказались замешаны в заговоре против молодого царя. С. Б. Веселовский закончил свой труд словами: «Тесные связи самых выдающихся по служебному положению Пушкиных со старообрядчеством и с мятежными стрельцами сыграли в упадке рода Пушкиных значительную роль, но, конечно, катастрофа 1697 года, разразившаяся над Пушкиными, не имела бы таких губительных последствий, если бы она не совпала с другими симптомами упадка всего рода в целом».²

Автор настоящей работы, не претендуя на то, чтобы в целом представить картину истории рода Пушкиных в XVIII в., ограничивается обращением к двум историческим трудам Пушкина — «Истории Петра» и «Истории Пугачева», в которых упоминания Пушкиных не подверглись до сих пор критическому рассмотрению, а их комментирование порою ошибочно. В «Истории Петра» речь идет о Федоре Матвеевиче Пушкине и его отце, связанных с заговором против Петра I, а также некоем безымянном «капитан-лейтенанте Пушкине», который до настоящего времени правильно не идентифицирован. В «Истории Пугачева» также неверно определен упоминаемый в ней «майор Пушкин» и никак не откомментировано имя «полковника Пушкина» Михаила Алексеича.

«Казненный Пушкин»

Находящийся в набросках статьи «Опровержение на критики» план автобиографии Пушкина включает в себя пункт, обозначенный как «Казненный Пушкин» (XI, 388). В самой статье этот пункт раскрывается, когда Пушкин пишет о своих предках: «При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным» (XI, 161). Давно замечено, что здесь у Пушкина описка: по памяти он назвал Федора Матвеевича Пушкина, о котором идет речь, Федором Алексеичем. В «(Начале автобиографии)» Пушкин уже правильно называет его и его отца: «...окольный Матвей Степанович (подписался) под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным» (XII, 311). Наконец, в «Истории Петра» об этом сказано: «Окольный Алекс.(ей) Соковнин, стольник Фед.(ор) Пушкин и стрелецкий полковн.(ик) Цыклер сговорились убить государя на пожаре 22 янв.(аря) 1697.

Иные писатели утверждают, что жена Ф. Пушкина донесла на мужа своего государю, но по делу видно, что доносителями были два стрельца: пятисоцкий Ларион Елизаров и пятидес.(ятник) Григ.(орий) Силин» (X, 31).

В автографе рукою Пушкина против слов «убить государя на пожаре» на полях написано: «Берхм.(ан). 2 марта (см. Тум.(анский) Ч. V)». Имеется в виду книга В. Бергмана «История Петра Великого» (Пер. с нем. СПб., 1833). Против слов «жена Ф. Пушкина» на полях написано: «дочь Цыклера» (X, 375).

Эти записи свидетельствуют о попытках Пушкина разобраться в противоречиях тех источников, которыми он пользовался. Первое из них касается хронологии событий, связанных с заговором. Позднейшие историки относят раскрытие заговора к более позднему времени. Так, А. Г. Брикнер пишет, ссылаясь на рассказ Гордона в передаче Н. Г. Устрялова: «23 февраля 1697 года, т. е. за две недели до отъезда Петра за

² Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории // Веселовский С. Б., Вернер М. О., Люблинский П. И., Телетова Н. К. Род и предки А. С. Пушкина. М., 1995. С. 108.

границу, на пиру у Лефорта царю донесли, что думный дворянин Иван Цыклер подговаривает стрельцов умертвить его. Рассказывают, что Петр немедленно, в сопровождении нескольких лиц, отправился в дом Цыклера и самолично арестовал преступников.

Заговорщиками оказались: стрелецкий полковник Цыклер и двое родовитых русских вельмож, Алексей Соковнин и Федор Пушкин».³

У Пушкина далее следует: «В Истории Меншикова сказано, что некоторые из оппозиционных вельмож приблизились к нему, стараясь и его привлечь на свою сторону: что таким образом узнал он о заговоре и донес о том государю — *(невероятно)*.

Петр приказал гв.(армии) капитану Лопухину в назначенный час быть с командою в *такой-то* дом (к Соковнину?), а сам не дождавшись приехал туда же с одним деньщиком. (Здесь произошел славный случай: *пора? — нет не пора!* и две пощечины, одна заговорщику, другая вошедшему Лопухину). Заговорщики захвачены были в Преображенск.(ом) и казнены четвертованием 5 марта» (X, 31—32). В других источниках, в том числе у С. Б. Веселовского, казнь заговорщиков относится к 4 марта.

В стихотворении «Моя родословная» Пушкин напишет:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

(III, 262)

С. Б. Веселовский комментирует, с точки зрения историка, эти и другие пушкинские строки, посвященные Ф. М. Пушкину: «Выражения „оппозиция” Пушкиных деятельности Петра I и „неукротимость” родни Ф. М. Пушкина представляются неудачной и неверной характеристикой сообщников Алексея Соковнина и Ивана Цыклера. Немного дерзко звучит и выражение, что Ф. М. Пушкин повешен (не повешен, а обезглавлен) за то, что „не поладил” с Петром I».⁴ С. Б. Веселовский полагал, что поэт не был осведомлен о том, какое участие приняли Пушкины, т. е. «неукротимая родня», в заговоре против Петра I. Он доказывает, что они явились всего лишь второстепенными его участниками, хотя и пострадали после его раскрытия. Ф. М. Пушкин, женившись на Пелагее Алексеевне Соковниной, дочери окольного Алексея Прокофьевича (у Пушкина, как мы помним, ошибочно — «дочь Цыклера»), попал в среду сторонников старомосковского уклада жизни. Отец «не поладившего» с царем, боярин Матвей Степанович Пушкин, тогда самый крупный представитель своего рода на государственной службе, был после казни сына сослан в Енисейск, лишен боярства и имущества. Малолетнего своего внука Федора он взял с собою в Сибирь, где оба они вскоре скончались. Дядя казненного, боярин Яков Степанович, хотя вина его не была доказана, также был удален из Москвы — сначала на Белоозеро, а затем в свою касимовскую деревню, в которой вскоре и умер. За именем мужского потомства эта ветвь Пушкиных угасла.

Следственное дело о заговоре 1697 г. не сохранилось или не найдено до сих пор, не видел его и Пушкин, хотя и был, как известно, допущен к секретным архивам. Тем не менее представляется, что Пушкин вполне составил себе достаточно подробную картину того, что происходило. Конечно, ему не были известны те материалы, прежде всего мемуарного характера, которые имел возможность анализировать С. Б. Веселовский, оценивая степень участия Пушкиных в заговоре. Действительно, главной

³ Брикнер А. Г. История Петра Великого. СПб., 1882. Т. I. С. 268. При этом автор дает сноску: «См. рассказ Гордона и Устрялова, III, 388. Доносчики, Елизарьев и Силин, были награждены; см. П. С. З., V, № 2877. Легендарные черты арестования Цыклера рассказаны у Штелина. Гораздо правдоподобнее рассказ у Перри».

⁴ Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории. С. 135.

его пружиной был Цыклер, бывший в тесных связях с Милославскими, с самой царевной Софьей и к тому же лично недовольный царем. Соковнин же принадлежал к старообрядческому кругу, был близок к опальной боярыне Морозовой, брачными узами был связан с Милославскими. От этой политической и религиозной оппозиции Пушкины могли бы быть в стороне, если бы не второй брак Федора Матвеевича Пушкина, женившегося на дочери Соковнина после смерти в 1693 г. первой жены.

К недоуменным соображениям С. Б. Веселовского необходимо добавить следующее: поэт, называя «казненного Пушкина» пращуром, создает впечатление, что является его прямым потомком. Между тем это совсем не так. В буквальном смысле слово «пращур» означает прямого предка в шестом колене. Таковым по отношению к Пушкину Федор Матвеевич не является, так как ветви, к которым они принадлежали, разошлись еще в десятом колене от Ратши, основателя рода. Их общий предок — это Иван Гаврилович Пушкин, живший в XV в. К шестнадцатому колену по одной ветви относился Федор Матвеевич, к двадцатому по другой — поэт. Федор Матвеевич приходился прапрадеду Пушкина, стольнику Петру Петровичу, шестияродным братом. Так что ни о каком близком родстве между «казненным» Пушкиным и поэтом речи быть не может. Лишь в условно-обобщенном плане можно назвать Федора Матвеевича пращуром Пушкина.

В семье Пушкиных, судя по всему, не совсем точно представляли степень своего родства с казненным. Так, О. С. Павлищева, рассказывая о бабушке Марии Алексеевне, сообщает: «По отцу будучи внучкою Федора Петровича Пушкина, замешанного в заговоре Соковнина, она приходилась внучатною сестрою зятю своему Сергею Львовичу».⁵ Разбираясь в чем-то лучше брата в родословной Пушкиных, она значительно хуже его знала русскую историю. Она путает Федора Матвеевича с тезкою, стольником же Федором Петровичем, их прямым предком, полагая последнего участником заговора. Характерно, что ею тут же поминается стихотворение «Моя родословная», в котором мятежный Пушкин назван «пращуром». Однако вне зависимости от того, кто из них на кого повлиял, брат ли на сестру или сестра на брата, очевидно, что в «(Начале автобиографии)» поэт ни разу не называет Ф. М. Пушкина пращуром, ограничиваясь, говоря о роде в целом, в отношении него выражением «один из них».

Объяснения пушкинским якобы неточностям следует искать в самом замысле Пушкина, в его продуманной концепции преподнесения истории своего рода. Она, несомненно, носит избирательный характер, что определено и планом автобиографии, в котором сюжет «Казненный Пушкин» не может восприниматься вне общего его контекста: «Рача, Гаврила Пушкин. Пушкины при царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я» (XI, 388). Заключительные пункты этого плана объясняют определенную избирательность сюжетов из истории пушкинского рода, на которых поэт останавливает свое внимание; их разработка в некотором смысле тенденциозно акцентируется им. Он выделяет те имена, которые вошли в общую или частную семейную историю как имена гонимых, подвергшихся опалам и казням. В своей собственной судьбе он видит развитие этой роковой семейной темы. Даже в том, что пушкинская запись открывает в «Истории Петра» хронику 1697 г., хотя в начале этого года были и другие события, достойные быть отмеченными в ней, также видится явная избирательность.

Подобная акцентация ведущего мотива гонения разъясняет недоумение С. Б. Веселовского по поводу того, как Пушкин преподносит ситуацию с разговором против Петра I: «опозиция» Пушкиных, «неукротимость родни» и даже такая незначительная, на первый взгляд, деталь,

⁵ Павлищева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 37.

как ошибка с родом казни заговорщиков. Пушкин знал, что заговорщики не были повешены — он собственной рукой делает на этот счет выписку: «казнены четвертованием» (X, 32). Казнь через повешение вызывает ассоциации с казнью декабристов и размышлениями о самом себе в связи с событиями 14 декабря: «...повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (XIII, 291); «И я бы мог, как шут...» — запись Пушкина на листе с рисунками виселицы с пятью повешенными. «Дерзкому» выражению «С Петром мой пращур не поладил» мы находим параллель у Пушкина в характеристике им своих отношений с монархами. Например, в письме жене: «Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим теской; с моим теской я не ладил» (XV, 130).

Что же касается «пращура», то следует отметить тот факт, что детям Пушкина Федор Матвеевич все-таки приходился прямым пращуром, но по линии Наталии Николаевны, так как она была его прапраправнучкой. Дело в том, что дочь Федора Матвеевича Прасковья вышла замуж за сына гетмана Правобережной Украины Александра Петровича Дорошенко, а их дочь Екатерина, в свою очередь, — за Александра Артемьевича Загряжского, деда Наталии Ивановны Гончаровой, урожденной Загряжской, матери Наталии Николаевны.

Капитан-лейтенант Пушкин

В указателе Большого академического полного собрания сочинений поэта (XVII, 291) обозначен как неизвестный Мусин-Пушкин (без имени и отчества) упомянутый Пушкиным в «Истории Петра» некий Пушкин, участник Персидского похода 1722—1723 гг., в ходе которого в июле 1723 г. русские войска осадили, а затем взяли штурмом г. Баку. В этой операции принимали участие и корабли молодого петровского флота. Пушкин пишет: «...судами управляли к.(нязь) Урусов, Пушкин и Соймонов...» (X, 276). Неясно, на каком основании упомянутый Пушкин был отнесен в указателе к Мусиным-Пушкиным. Нам неизвестен ни один представитель этого семейства в качестве моряка — участника Персидского похода и штурма Баку. Между тем в этом походе числился капитан-лейтенант Петр Калинович Пушкин, бывший и при штурме Баку, что отмечено как в его формулярном списке, так и в «Общем морском списке». Находится его имя и в родословной росписи Пушкиных, из которой следует, что он принадлежал к старшей ветви рода.⁶

П. К. Пушкин родился в 1690 г., окончил Московскую Навигацкую школу, из которой в 1708 г. был выпущен волонтером во флот. В 1710 г. он был послан для дальнейшей учебы в Голландию, а по возвращении в 1716 г. в Россию был произведен в лейтенанты. Уже в чине капитан-лейтенанта П. К. Пушкин принял участие в Персидском походе и взятии Баку. Дело происходило в июне—июле 1723 г. Как пишет Пушкин, 20 июня отряд под командованием генерала К. П. Матюшкина, посадившего четыре полка на корабли, одним из которых командовал П. К. Пушкин, вышел из Астрахани и 6 июля прибыл к Баку.

Далее события развивались следующим образом: «Матюшкин послал в город султану приглашение их принять. Ему отказали. Он велел салдатам вылесть на берег. Конница перс.(идская) вышла было из города, но была прогнана. Город был бомбардирован. 25 июля был определен штурм, но не состоялся по причине бури на море (?). Город сдался и 26-го июля был занят, 80 пушек взято. 700 человек гарнизону и начальник их взят в нашу службу» (X, 276). Вопросительный знак, поставленный Пушкиным, показывает, что ему было неясно, каким образом буря на море заставила отложить штурм. Но очевидно, что на кораблях находи-

⁶ См.: *Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В.* Пушкины: Родословная роспись. М., 1932. С. 35.

лась часть пехоты, которую невозможно было ввиду бури высадить на берег, и, конечно же, артиллерия, которая своим огнем должна была поддерживать штурм. Пушкин выделил имя своего родственника, участника описанных событий, но не смог его точно назвать. Теперь мы знаем его имя.

Заслуги П. К. Пушкина не были забыты: позднее он был назначен начальствовать над Морской Академией, был советником Адмиралтейств-Коллегии, а в 1741 г. недолго состоял архангельским губернатором. Дослужился он до чина контр-адмирала. Скончался П. К. Пушкин 27 сентября 1744 г. бездетным или холостым.

У П. К. Пушкина было два брата, которые также не оставили потомства. Об одном из них, Сергее Калиновиче, сержанте Преображенского полка, известно лишь, что он скончался в 1762 г. Другой, Иван Калинович, стольник царицы Прасковьи Федоровны, а затем поручик в Москве, был женат на Татьяне Даниловне Меншиковой, сестре знаменитого сподвижника Петра, которого Пушкин назвал «счастья баловень безродный». Именно И. К. Пушкину были отданы подмосковные имения, в том числе Виноградово, сосланного Матвея Степановича Пушкина, отца казненного Петром I Федора Матвеевича Пушкина. Родство И. К. Пушкина с казненным было столь отдаленным, что он получил село Виноградово отнюдь не по праву, а лишь по свойству своему со всемогущим любимцем царя. Умер он между 1737 и 1742 г., вдова пережила его, скончавшись в 1746 г. «Калиновичи» принадлежали к тому же поколению, что и Петр Петрович Пушкин, отец Александра Петровича и Федора Петровича Пушкиных, т. е. прямой предок поэта как по линии отца, так и по линии матери. Однако они принадлежали к старшей ветви рода, а предки поэта — к младшей, состоя друг с другом лишь в девятой степени родства. Их общим предком был только Григорий Александрович Пушка, принадлежавший к седьмому колену от Ратши. В шестнадцатом колене ветвь «Калиновичей» по мужской линии пресеклась.

Майор Пушкин

Шестнадцатое поколение рода Пушкиных, которое замыкают два прямых предка Пушкина — Александр Петрович и Федор Петрович с братьями и сестрой, открывают уже дети троюродного брата «Калиновичей» Алексея Михайловича Пушкина, достигшего в XVIII в. самого выдающегося положения среди представителей своего рода. Начав службу гардемарином, он был послом, губернатором, а закончил ее тайным советником. Младшего из его сыновей, Федора Алексеевича, как раз и упомянул Пушкин трижды в «Истории Пугачева». В указателе к Большому академическому собранию сочинений поэта его имя не раскрыто, он обозначен только по тексту «Истории»: «майор Пушкин». Обращение к родословной Пушкиных, составленной Б. Л. Модзалевским и М. В. Муравьевым и опубликованной за несколько лет до выхода в свет тома, который включает «Историю Пугачева», вполне позволяет восполнить этот пробел, не устраненный до настоящего времени. В этой родословной относительно службы Федора Алексеевича значится: «...в 1774 г. премьер-майор 2-го гренадерского пехотн.(ого) полка под Оренбургом».⁷

Родился Федор Алексеевич в 1751 г., из пажей в 1767 г. вступил в военную службу поручиком Невского полка. В 1771 г. он уже секунд-майор, участник штурма Перекопа. Восстание Пугачева застает его в чине секунд-майора 2-го гренадерского полка под Оренбургом, в самой гуще событий. Пушкин первый раз упоминает его в главе V, где речь идет о приближении к Оренбургу отряда генерал-майора кн. П. М. Голицына и первых его успехах в столкновении с мятежниками: «Пугачев

⁷ Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись. С. 35.

занял крепости Тоцкую и Сарочинскую, и с обыкновенною дерзостью ночью, в сильный буран, напал на передовые отряды Голицына; но был отражен майорами Пушкиным и Елагиным» (IX, 47).

Во второй раз упомянут майор Пушкин в «Экстракте из журнала...» командующего войсками кн. П. М. Голицына. «Экстракт» содержит 15 пунктов, и только один, как раз последний, пятнадцатый, подробно использовал в своей «Истории» Пушкин; именно в нем отмечены действия некоего «секунд-майора» Пушкина, которого поэт имел все основания считать своим родственником:

«15. Майор Елагин, находясь в деревне Пронкиной с передовым detachmentом, в коем находилось пехоты и кавалерии более 500 человек и 4 орудия, в самую ночную темноту и во время сильного бурана, принужден был выдержать нечаянное от злодеев нападение; он немедленно учредил тут порядок и готов был к обороне, но, по несчастию его, при первой атаке, сей достойный и храбрый офицер убит; потом подоспел туда: Владимирского полка капитан Самарин с гренадерами и с подкреплением роты 2-го гренадерского полка с капитаном Олсуфьевым, кои с отменною неустрашимостию бунтовщиков отбили с их уроном, взяв от них и пушки; и хотя в продолжение сего боя покушались бунтовщики еще ту деревню атаковать со всех сторон, но как покойного генерал-майора Елагина команда по старшинству досталась секунд-майору Пушкину, то и не упустил он доказать своего усердия к службе храбрым и хорошим предводительством: устроил с своей стороны такой порядок к атаке, что злодеи за их продерзость довольно были наказаны. Потом он вышел из деревни для преследования их, сколько по темноте ночи осторожность позволяла.

Сие сражение продолжалось более 3-х часов; наконец злодеи ушли с большою их потерею; между убитыми найден тут главный их начальник Толкачев и несколько старшин; а в плен взято 36 человек. С нашей стороны главный урон состоял здесь в потере вышеозначенного майора Елагина; убит же Чугуевского казачьего полка прапорщик от карабинер, унтер-офицер, карабинеров 2, гренадер 1; тяжело ранены: 2-го гренадерского полка поручик, карабинер 1, гусар 1, гренадеров 2 и канонер 1» (IX, 359).

Так закончилось сражение, в котором отличился майор Пушкин, один из рода Пушкиных, что поэт не преминул отметить, выделив его из десятков других офицеров, чьи имена он опустил в своей «Истории Пугачева». Интересно, что если сравнить процитированный выше фрагмент из главы V «Истории» с текстом «Экстракта», на котором он основан, то можно проследить проделанную Пушкиным работу, которая доказывает его намерение особо отметить роль своего родственника. Прежде всего Пушкин опускает подробное описание заслуг Елагина, который командовал отрядом. Затем он называет Пушкина первым, а Елагина вторым. Если не знать текста «Экстракта», то вообще неясно, кто из них был старшим, а если быть точным, то создается впечатление, что главным действующим лицом был Пушкин, в то время как он вступил в команду только после гибели Елагина. Имена упоминаемых в исходном тексте других офицеров, капитанов Самарина и Олсуфьева, также отличившихся в этом бою, Пушкин вовсе опустил.

Еще раз фамилия Пушкина фигурирует в приложенной к «Истории» летописи Рычкова «Осада Оренбурга», там, где описано поражение Пугачева под Татишевой 22 марта 1774 г.: «24-й легко-полевой команды премьер-майор Швейковский и 2-го гренадерского полка секунд-майор Пушкин были в настоящей атаке и в штурмовании крепости, где, по засвидетельствованию бригадного командира г. генерал-майора Фреймана, отличили себя довольно храбростию» (IX, 338—339).

Относительно имени этого Пушкина, которое мы теперь уточнили, в Большом академическом собрании сочинений сделано указание: «Пушкин (Михаил?), секунд-майор 2-го гренадерского полка» (IX, 904). Какой Михаил Пушкин имелся в виду комментаторами и редактором тома

В. Л. Комаровичем, неизвестно. Между тем в этом полку числился в 1774 г. только один Пушкин — Федор Алексеевич.

В том же году Ф. А. Пушкин был произведен в премьер-майоры, в 1779 г. — в подполковники, а в 1784 г. — в полковники. Позднее он переходит в гражданскую службу, в 1794 г. занимает пост председателя Воронежского верхнего земского суда, в 1797 г. — председателя в Палате суда и расправы Калужской губернии, с 1798 по 1800 г. — калужского вице-губернатора, и, наконец, с 1800 по 1805 г. — воронежского губернатора с чином действительного статского советника.

Женат Ф. А. Пушкин был на княжне Марии Ивановне Оболенской (1764—после 1815). Это же имя и отчество Пушкин даст позднее героине «Капитанской дочки». Можно вспомнить и то, что, делая выписки из «Экстракта» с эпизодом боя под деревней Пронкино, Пушкин отметил не только сухие факты, но даже упоминание погоды, при которой пугачевцы напали на отряд Елагина и Пушкина: «в самую ночную темноту и во время сильного бурана». Этот акцент вызывает в памяти буран и ночную темень в главе II «Капитанской дочки», когда Петруша Гринев впервые встречается с Пугачевым. В пункте 14 того же «Экстракта» среди отличившихся отмечается и подполковник Петр Гринев.

Представляется, что Пушкину имя Федора Алексеевича было известно. Как-никак в 1826 г. дочь этого самого Пушкина едва не стала женою поэта. История первого сватовства Пушкина к своей дальней родственнице Софии Федоровне Пушкиной хорошо известна. Это произошло после его приезда в Москву из михайловской ссылки. Знакомство, очевидно, состоялось через сестру Софии Федоровны, Анну Федоровну, жену приятеля Пушкина В. П. Зубкова. Как пишет позднее Пушкин: «Я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, в третий сватаюсь». Но она предпочла Пушкину В. А. Панина, с которым, кажется, не была счастлива. Пушкинское увлечение С. Ф. Пушкиной оставило след в его творчестве — ей посвящено стихотворение «Нет, не черкешенка она». Исполнились эти матримониальные планы Пушкина, соединились бы две ветви рода — старшая и младшая, разошедшиеся за пятьсот лет до того в седьмом поколении. С. Ф. Пушкина принадлежала к тому поколению рода, к которому относились дед Пушкина Лев Александрович и прадед Алексей Федорович. Если быть совсем генеалогически точным, то, будучи на семь лет моложе Пушкина, она тем не менее приходилась ему шестипородной бабушкой. Следует отметить, что старшая ветвь рода Пушкиных вскоре прекратилась по мужской линии.⁸

«Бывшие Пушкины»

В то время как Ф. А. Пушкин сражался с Пугачевым, два его брата Михаил и Сергей были лишены права именоваться Пушкиными. Дело в том, что в 1722 г. «за воровской умысел к подделыванию ассигнаций» оба они были специальным указом лишены чинов и дворянства, исключены из своей фамилии с наименованием впредь «бывшие Пушкины» и отправлены — старший Михаил в Енисейск, а младший Сергей — в Пустозерск, а затем в Соловки. Во внимание не были приняты никакие прошлые заслуги.

Михаил Алексеевич, воспитанник Московского университетского благородного пансиона, поэт и переводчик, в 1762 г. при восшествии на престол Екатерины II был сержантом Преображенского полка, в чей мундир оделась в этот исторический день 28 июня княгиня Е. Р. Даш-

⁸ Впервые уточнение относительно Ф. А. Пушкина в «Истории Пугачева» сделано нами в статье: *Старк В. П.* «Наследник всех своих родных» // Вышгород. Таллин, 1995. № 1—2. С. 76—77. Ф. А. Пушкину также посвящена статья в изд.: *Оренбургская Пушкинская энциклопедия* / Авт. и сост. Р. В. Овчинников и Л. Н. Большаков. Оренбург, 1997. С. 350—351.

кова. Неизвестно, знал ли об этом факте Пушкин, живо интересовавшийся всем, что относилось к этим событиям. В стихотворении «Моя родословная» Пушкин поминает в связи с этим днем своего деда Льва Александровича, бывшего, как полагал поэт, если судить по стихотворению, в оппозиции императрице:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Падению третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Теперь мы хорошо знаем, что дед Пушкина не сидел в крепости, а даже был пожалован чином подполковника в 1763 г., в то время, когда, по рассказу внука, должен был пребывать в заточении.⁹ Это одна из многих семейных легенд, которую Пушкин принимает, используя ее в художественных целях. В данном случае можно даже говорить о собственной пушкинской версии, против которой, как известно, возражал даже отец Пушкина Сергей Львович, не понимая замысла сына. Подобная интерпретация семейной истории вполне отвечала пушкинской концепции «гонимых предков», которую он последовательно проводит в отношении себя и отдельных своих героев.

Избирательность в отборе преданий и реальных фактов семейной истории очевидна. Пушкину не могло быть неизвестным столь громкое дело о «фальшивых ассигнациях» и «бывших Пушкиных», но оно не укладывалось в его концепцию. Не укладывались в нужный художественский расклад ни Михаил Пушкин, отличившийся 28 июня 1762 г. и произведенный в подпоручики, а на другой год назначенный прокурором Коммерц-Коллегии с чином коллежского советника, ни его брат Сергей, сержант того же Преображенского полка, затем армии капитан, вдруг всего лишившиеся по уголовному делу. С. А. Пушкин еще в 1760 г. был арестован в Париже и два года содержался в тюрьме за мошенничество, именно он вовлек старшего брата в преступный умысел, за что был клеймен буквою «В», не был сослан, как брат, а содержался в крепости, потом в Соловецком монастыре в отдельной камере, где и умер в 1794 г.

Свидетельство того, что Пушкину было известно дело об ассигнациях, находится в материалах по «Истории Пугачева», которые были им собраны. В «Известии о самозванце Пугачеве» косвенно упомянут именно Михаил Алексеевич Пушкин в сообщении о находке 14 сентября 1773 г. у арестованного пугачевского любимца Шелудякова украденного им писанного на холсте образа Иисуса Христа, «который образ, прилучившийся в то время присланный в Оренбург на житье разжалованный статский советник за звание сделанных полковником Пушкиным фальшивых ассигнаций Федор Иванович Сукин, узнал, яко то был из его заимки, купленный у генерал-майора и бывшего здесь обер-коменданта Ланова, и ему, Сукину, того ж часу отдан» (IX, 587).

Михаил Алексеевич продолжил свой род. Он был женат на носительнице одной из самых известных русских княжеских фамилий — княжне Наталии Абрамовне Волконской (1746—1819). Она последовала за мужем в ссылку, ее дети, родившиеся в Сибири, носили фамилию Пушкиных, которой их отец был лишен. Их было трое: Алексей, Варвара и Екатерина, умершая девицей. Варвара Михайловна вышла замуж за князя Сергея Ивановича Гагарина, президента Московского общества сельского хозяйства, была кавалерственной дамой, заметной фигурой

⁹ См.: *Романюк С. К.* К биографии родных Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1989. Вып. 23. С. 9—11; *Старк В. П.* Пушкин и семейные предания его рода // *Легенды и мифы о Пушкине.* СПб., 1994. С. 67—69.

в московских кругах. С Алексеем Михайловичем Пушкиным (1771—1825), поэтом и переводчиком, бывшим генерал-майором, а затем действительным статским советником и камергером, приятелем дядюшки Василия Львовича, поэт был знаком еще в детстве. 7 июня 1825 г. П. А. Вяземский сообщил Пушкину о его кончине: «Бедный и любезный наш Алексей Михайлович умер и снес в могилу неистощимый запас шуток своих на Василья Львовича». Пушкин в ответ написал: «Как жаль, что умер А. (лексей) М. (ихайлович)! и что не видал я дядиной травли!» (XIII, 181, 185—186).

В Русском биографическом словаре, в статье, посвященной М. А. Пушкину, была в свое время допущена грубая ошибка — он был спутан со своим полным тезкой, Михаилом Алексеевичем Пушкиным, братом бабушки поэта Марии Алексеевны.¹⁰ Это заблуждение повторяет, игнорируя другие источники, и наш современник Н. В. Марков в своих статьях, посвященных истории рода Пушкиных.¹¹

В заключение следует подчеркнуть, что поэт несомненно акцентирует свое внимание на Пушкиных, чьи имена он встречал в источниках, которыми пользовался. Он даже сделал, например, выписку в «Истории Петра» с упоминанием «села Пушкино»: «17 сентября (1685 г. — В. С.) (в день св. Софии) боярин кн. Мих. (аил) Иван. (ович) Лыков¹² схватил старого Хованского на дороге в селе Пушкино и сына его на реке Клязьме в его отчине — и привел обоих в окопах в село Воздвиженское, где, прочтя им указ, без всякого следствия, им и стрельцам Одинцову с товарищами отрубили головы» (X, 15). Помимо этого села в «Истории Петра» зафиксированы еще пять подмосковных сел — Коломенское, Воздвиженское, Преображенское, Семеновское и Алексеевское. В этот исторический ряд знаменитых сел поэт ставит и Пушкино, некогда принадлежавшее его предкам. С. Б. Веселовский, отметив, что в Подмосковье с прозвищем Григория Александровича Пушки связано девять селений, пишет: «Наиболее интересным является хорошо известное москвичам Пушкино на р. Уче, в 25 км от Москвы по Ярославской железной дороге. По актам известно, что в конце XV в. оно принадлежало как „старинное“ митрополитам всея Руси, а после учреждения патриаршества стало домовою вотчиной патриархов. Как и когда оно досталось митрополичьему дому, неизвестно. Возможно, что оно было приобретено в третьей четверти XIV в. митрополитом Алексеем непосредственно у Григория Пушки, но не исключена возможность, что оно было отчуждено кем-либо из многочисленных потомков Григория Пушки в XV в.»¹³

Сделанные наблюдения дополняют наши представления о пушкинском обостренном внимании к истории своего рода и должны быть использованы при комментировании «Истории Петра» и «Истории Пугачева» с внесением соответствующих поправок в справочный аппарат томов, включающих эти сочинения поэта.

¹⁰ Русский биографический словарь. Т. Притвиц—Рейс. СПб., 1910. С. 293.

¹¹ Марков Н. В. К родословной Александра Сергеевича Пушкина // Записки краеведческого общества. Липецк, 1995. Вып. 1. С. 86—102.

¹² Кн. Михаил Иванович Лыков (1640—1701), последний в своем роде. Его фамилию Пушкин дает одному из персонажей романа «Арап Петра Великого».

¹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 62—63.

Г. М. СЕДОВА

**ПОВЕСТЬ В. Ф. ОДОЕВСКОГО
«КНЯЖНА ЗИЗИ» И ОДИН ИЗ УСТОЙЧИВЫХ МИФОВ
О СЕМЬЕ ПУШКИНА**

В 1836 г. В. Ф. Одоевский предложил Пушкину для публикации в «Современнике» свою повесть «Княжна Зизи». П. Н. Сакулин считал эту повесть едва ли не лучшим произведением во всей серии так называемых «Домашних разговоров» Одоевского. Исследователь справедливо полагал, что личность и судьба княжны Зинаиды послужили «своего рода коррективом к „Княжне Мими”». Вслед за озлобленной сплетницей Мими Одоевский изобразил другую старую деву — «любящую и самоотверженную натуру».¹ По справедливому мнению Р. В. Иезуитовой, большой заслугой Одоевского-писателя была высказанная в «Княжне Зизи» мысль о том, что «внутри самого общества есть личности, внутренний мир которых не до конца подчиняется обстоятельствам; герои, способные идти наперекор светской этике».²

Идея повести выражена в ее эпиграфе: «Иногда в домашнем кругу нужно больше героизма, нежели на самом блистательном поприще жизни. Домашний круг — для женщины поле чести и святых подвигов. Зачем немногие это понимают?».³ История незаурядной девушки княжны Зинаиды, способной на настоящее, большое чувство и принесшей себя в жертву во имя долга, отражала проблему, созвучную времени. Так называемый «женский вопрос» становился уже не только темой светских разговоров, но готов был выплеснуться на страницы литературных и публицистических произведений. Повесть посвящена одной из постоянных собеседниц Одоевского, которая издавна входила в круг его наиболее близких друзей, — Е. А. Сухозанет, урожденной княжне Белосельской-Белозерской.⁴ Возможно, идея повести была отголоском их бесед о положении женщины в обществе.⁵

¹ Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мысли-тель. — Писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 2. С. 109—110.

² Иезуитова Р. В. Пути развития романтической повести // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 194.

³ Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 262.

⁴ В архиве Одоевского сохранились следы его дружеской переписки с сестрой Е. А. Сухозанет — княгиней З. А. Волконской, и их братом — князем Э. А. Белосельским-Белозерским.

⁵ М. А. Турьян обнаружила в архиве Одоевского документы, которые раскрывают, с ее точки зрения, некие «тайны» личной жизни Одоевского, связанные с его отношениями с Надеждой Николаевной Ланской. Под впечатлением от раскрытия этих «тайн» М. А. Турьян предполагает, что в «Княжне Зизи», как и в предшествующей ей «Княжне Мими», отражены «перипетии жизненной коллизии писателя». См.: Турьян М. А. «Странная моя судьба»: О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991. С. 298, 328.

Главная героиня повести — княжна Зинаида, с ее незаурядными поступками, «странными с точки зрения окружающих», изображена на фоне событий, во многом типичных для современного Одоевского общества. В светской повести первой трети XIX в. воссоздание бытовых типологических ситуаций, знакомых читателю по современной ему жизни, было скорее правилом, нежели исключением.⁶ Одоевский и сам признавал типичность рассказанной им истории юных девушек. Один из его героев иронизировал: «...мать старая дура, в хандре (...) мучит без толка своих дочерей, а дочерям до смерти хочется наряжаться и выйти замуж: это мы каждый день видим...».⁷

Так, как жили юные героини до появления в их доме господина Городкова, жили тысячи других девушек, судьба которых зависела от кошелька и капризов их маменьки. Так жили, судя по воспоминаниям некоторых современников, и сестры Гончаровы, одна из которых стала женой Пушкина. Они также коротали девичество в деревенской глуши под надзором своей деспотичной матери — Н. И. Гончаровой. О ней говорили как о «взбалмошной и властной» женщине, которая «стремилась полновластно распоряжаться судьбою своих дочерей». Пока они были детьми, воспитывала их «в строгости и послушании, оберегая от всякого постороннего влияния», когда подросли — «держала их в ежовых рукавицах».⁸ В письмах из деревни сестры Гончаровы постоянно сетовали на то, что их судьба никого в семье не интересовала. «Брошенные на волю Божию» девушки вели скучную, однообразную жизнь, которую скрашивали только верховые прогулки, чтение книг в огромной дедовской библиотеке да редкие письма от родных, живущих в столице.⁹

В повести Одоевского мать княжон «...все больна, все скучает, всем недовольна». Ее дочери, хотя и живут в Москве, но также никуда не выезжают, томятся от скуки за рукоделием и чтением книг. «К обеду мы ходим вниз, — сообщает княжна Зизи своей подруге, — до ночи сидим с маменькой и молчим. Что ни заговорим, она сердится, беспрестанно жалуется на погоду, и на здоровье, и на людей». Дочери не имеют в доме никакого права голоса: отправиться ли на прогулку, с кем встречаться, куда выезжать, — все это определяет маменька. Даже цвет нарядов девушек зависит от ее каприза. «Когда я сказала, что черноволосым голубой цвет не к лицу, — жаловалась Зизи своей подруге, — маменька по обыкновению рассердилась».¹⁰

Во многом типичны и образы самих сестер Лидии и Зинаиды, описанные Одоевским. Вместе с тем их характеры имеют некоторое сходство с тем, что писали многие биографы Пушкина о его жене и свояченице Александрине Гончаровой. Старшая из героинь Одоевского — холодная, бездушная Лидия, равнодушна ко всему, что не составляет предмет светских развлечений, постоянно окружена роем поклонников. Она с легкостью передала обязанности матери и хозяйки дома своей сестре, которая жаловалась, что даже известие о предстоящем замужестве не вызвало у Лидии никакого душевного волнения. Она «...по-прежнему так же долго спит, так же шьет по канве, так же кушает за обедом и удивляется, отчего я брожу целую ночь как шальная, отчего мне кусок в горло нейдет, отчего я все книги раскидала по полу». С точки зрения сестры, для Лидии «выйти замуж — как выпить стакан воды»; она «холодна как лед».¹¹

⁶ См.: *Иезуитова Р. В.* Пути развития романтической повести. С. 169—199.

⁷ *Одоевский В. Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 264—265.

⁸ *Волкова Т. Н.* Из семейной переписки Гончаровых // *Летописи Государственного Литературного музея.* М., 1936. Кн. 1. С. 389, 392.

⁹ См.: *Ободовская И. М., Дементьев М. А.* Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. 2-е изд. М., 1978. С. 141—145, 186—187, 189—190, 192—195.

¹⁰ *Одоевский В. Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 262—263.

¹¹ Там же. С. 264—265, 273—274, 267.

Примечательно, что и Н. Н. Пушкина казалась некоторым современникам — тем, кто видел ее мельком, холодной и бездушной.¹² Сам же Пушкин после нескольких лет совместной жизни признавался, что жену свою «ничем не заслужил перед богом» (XV, 189).

И все же впоследствии, в особенности в первые десятилетия XX в., биографы Пушкина всячески развивали тезис о жене поэта как о пустой и холодной, «легкомысленной до жестокости» женщине с «убогой душой» и единственной потребностью — «чтобы ее забавляли».¹³ Долгое время считалось, что ее «по-настоящему интересовали только наряды и успехи в свете. В напряженной творческой и умственной жизни мужа она неспособна была принимать никакого участия. (...) К поэзии и литературе она вообще была глубоко равнодушна...».¹⁴

Известно, что в скудости духовной природы и стремлении жить в атмосфере «пошлого ухаживания» упрекал жену поэта и П. Е. Щеголев, который посвятил ее «разоблачениям» не один десяток страниц своего труда о дуэли и смерти Пушкина.¹⁵ М. И. Цветаева резюмировала все, сказанное до нее биографами Пушкина о его жене. По ее мнению, Н. Н. Гончарова вышла замуж «вслепую или вполслепую...», «...без любви, по равнодушию красавицы, инертности неодожденной плоти — шаг куклы...». Цветаева была убеждена, что столь же инертно, безучастно жена поэта «выезжала, блистала, рожала детей...», ибо «зал и бал — единственная родина Гончаровой. Гончарова только в эти часы была. (...) А дома зевала, изнывала, даже плакала. Дома — умирала...».¹⁶

«Вышивающая, зевающая, изнывающая»¹⁷ дома и оживающая только на балах, Натали имела, с точки зрения многих исследователей, свой антипод в семье — Александрина Гончарову. Образ умной, наблюдательной, хозяйственной, «духовно содержательной и культурной девушки»,¹⁸ поклонницы таланта Пушкина и единственной подлинной помощницы в его домашних делах, с конца XIX в. прочно утвердился в литературе о Пушкине.¹⁹ Только введение в научный оборот комплекса семейной переписки Гончаровых в 1975—1985 гг. открыло возможность для пересмотра сложившегося стереотипа (фрагменты архива появлялись в печати и ранее — в 1936 и 1964 гг.). Однако авторы этих публикаций продолжали смотреть на свояченицу Пушкина в рамках привычной схемы.²⁰ А. А. Ахматова первая из пушкинистов попыталась взглянуть на Александрина Гончарову иначе. Всего несколько писем позволили ей

¹² См.: XIV, 136 (приписка С. Д. Киселева в письме Пушкина к Н. С. Алексееву от 26 декабря 1830 г.); *Туманский В. И.* Стихотворения и письма. СПб., 1912. С. 310.

¹³ *Сивовский В. В.* Пушкин: Жизнь и творчество. СПб., 1907. С. 468, 367, 361.

¹⁴ *Вересаев В. В.* Александр Сергеевич Пушкин: (Жизнь Пушкина) // Вересаев В. Загачный Пушкин. М., 1996. С. 105.

¹⁵ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть А. С. Пушкина. М., 1987. С. 47, 50—61 и след.

¹⁶ *Цветаева М. И.* Наталья Гончарова // Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1981. С. 130, 129, 133.

¹⁷ Там же. С. 139.

¹⁸ *Раевский Н. А.* Портреты заговорили // Раевский Н. Избранное. М., 1978. С. 20, 19.

¹⁹ См.: *Сивовский В. В.* 1) А. С. Пушкин по его письмам // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902. С. 455—468; 2) Пушкин. Жизнь и творчество. СПб., 1907. С. 361, 367; *Волкова Т. Н.* Из семейной переписки Гончаровых. С. 392—394; *Милоков П. Н.* Живой Пушкин: Историко-биографический очерк. Париж, 1937. С. 95; *Тыркова-Вильямс А.* Жизнь Пушкина. Париж, 1948. Т. 2. С. 357; Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 гг. М.; Л., 1960. С. 335 (примеч. М. П. Султан-Шах); *Бартенев П. И.* О Пушкине. Страницы жизни поэта: Воспоминания современников. М., 1992. С. 454—455 (примеч. А. М. Гордина); Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 566 (коммент. Я. Л. Левкович); *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина. 2-е изд. СПб., 1999. С. 241—246.

²⁰ См.: *Волкова Т. Н.* Из семейной переписки Гончаровых. С. 421—425; *Яшин М. И.* Пушкин и Гончаровы // Звезда. 1964. № 8. С. 168—189; *Ободовская И. М., Дементьев М. А.* 1) Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975; 2) После смерти Пушкина: Неизвестные письма. М., 1980; 3) Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М., 1985.

сделать вывод о том, что «А. выезжала в свет вместе со своими сестрами, а не занималась хозяйством и детьми» и ничто в ее «...последующей жизни (...) не подтверждает легенду о ее роли „доброе ангела“ в жизни Пушкина».²¹ Но легенда время от времени вновь возникала в литературе о Пушкине.²²

Александрина Гончарова, «живущая» на страницах многих биографий поэта в образе его «доброе ангела», удивительно схожа с героиней повести Одоевского «Княжна Зизи». Как и Александрина, Зизи до переезда к сестре жила взаперти в доме деспотичной матери, увлекалась чтением книг, которые тайком брала из библиотеки покойного отца. Ее интересовали современные журналы и новые авторы. Стихи Пушкина и Жуковского Зизи даже переписала в особую тетрадку. Один из героев повести называет ее женщиной «с большим умом, с начитанностью, с пламенным воображением». В семье Городковых она исполняла ту же роль, которую, как считали многие биографы Пушкина, выполняла в доме поэта Александрина Гончарова. Княжна поселилась у своей замужней сестры (на особой половине) и вскоре стала в доме и ключницей, и нянькой. Фактически она принесла себя в жертву во имя счастья «благородного, честного человека», каким она считала своего зятя. Зизи руководила действиями своей безалаберной сестры, о которой писала: «Я никогда не могла вообразить в ней такой неспособности быть хозяйкою; она не знает цены ничему, даст приказание, затем забудет и прикажет совсем противное; слуги не знают, что делать».²³

Незаметно ведение всего хозяйства Городковых перешло в руки Зизи. Ей нравилось, когда в долгие зимние вечера они с деверем обсуждали домашние дела, он давал ей отчет в управлении их общим имением, оставшимся за сестрами после смерти матери: «...я рассказываю ему о моих хозяйственных распоряжениях, а Лидия дремлет, — ей ни до чего нет дела, — и тогда мне кажется, что я настоящая хозяйка в доме, что я — боюсь вымолвить — жена его...».²⁴

Слушая отчеты о хозяйственных распоряжениях сестры, Лидия вечно «дремлет», потому что занимают ее только светские развлечения. Чтобы заставить мужа не препятствовать своим выездам в свет, она прибегает к самым различным уловкам. Едва оправившись после родов, она «уж горюет только о том, что ей нельзя будет выезжать в продолжение нескольких недель». Княжна Зизи сетует, что, будучи вновь беременна, сестра, «несмотря на все увещевания докторов, танцует без отдыха, — вот что говорится, не сходит с доски».²⁵

Напомним, что в марте 1834 г. Пушкин сообщал П. В. Нащокину: «Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла. Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцевали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресенье перед Великим постом. Думаю: слава богу! балы с плеч долой. Жена во дворце. Вдруг, смотрю — что делается дурно — я увожу ее, и она, приехав домой, — выкидывает. Теперь она (чтоб не сглазить) слава богу здорова и едет на днях в Калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи» (XV, 117).

²¹ Ахматова А. А. Александрина // Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 265—267. Рукопись датирована 1962 г. Впервые опубликована Э. Г. Герштейн: Звезда. 1973. № 2. С. 208—214.

²² См.: Кишкин Л. С. Чехословацкие находки. М., 1985. С. 74—75; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 113—114; Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина: С. 241—249; Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 2001. С. 58, 66—67. Категоричность, с которой А. А. Ахматова пыталась разрушить легенду о дружественных отношениях Пушкина и Александрины, справедливо рассматривается рядом исследователей как «другая крайность» (см.: Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 205—206 (примеч. Я. Л. Левкович); Бартенев П. А. О Пушкине. С. 455 (примеч. А. М. Гордина)).

²³ Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 268.

²⁴ Там же. С. 269.

²⁵ Там же. С. 272.

Лидия способна десятки раз примерять одно и то же новое платье, она «...не вмешивается ни во что, спит половину дня, а другую ездит по магазинам»; Зизи старается удерживать ее от безрассудных трат («...ибо она, как ребенок, готова купить все, что ей на глаза ни попадет»), пытаясь тем самым предупредить «домашние вспышки, которые были бы неизбежны, ибо он (муж Лидии. — Г. С.) большой хозяин и любит во всем порядок...». По мнению близких, Лидия была, как говорится, «без царя в голове», не могла быть ни «...помощницей в жизни, ни другом в печали, ни матерью детей, ни даже хозяйкою дома».²⁶

Как тут не вспомнить запись П. И. Бартенева, сделанную в 1870-х гг. со слов В. Ф. Вяземской, о том, что наряды и выезды поглощали все время Натальи Николаевны, и потому хозяйством и детьми занималась ее сестра Александрина. Далее Бартенев сообщал: «Пушкин подружился с нею».²⁷

Некоторые достаточно типичные характеры и отношения, описанные Одоевским, напоминают то, что происходило в 1830-х гг. в семье Пушкина. Эти совпадения, однако, относятся не ко всем персонажам. Беспощадна характеристика, данная в повести ее главному герою Городкову: «Он подъехал к свояченице с турусами на колесах, свел девку с ума, да и отбивает от нее женихов, а между тем в нераздельном имении то крестьян переведет, то пустошь обменяет, то людей на волю выпустит — вот какой молодец!».²⁸ Как известно, сестры Гончаровы не получили от своих родных никакого имения, а главное — Пушкину никогда не была свойственна роль лицемерного соблазнителя, человека без чести и совести. Следовательно, образ главного мужского персонажа Владимира Городкова никоим образом невозможно связать с Пушкиным. Совпадения можно обнаружить лишь в описании женских характеров.

Такое сходство способно заинтриговать современного читателя, знакомого с литературой о Пушкине и его семье. Но наблюдалось ли оно в действительности и мог ли Одоевский намеренно намекнуть в своем произведении на семейные отношения Пушкина? Если намеки имели место, неясно, принял ли их Пушкин на свой счет или нет? В этой связи необходимо уточнить, когда была задумана и написана повесть, читал ли ее Пушкин, а также определить, каким образом складывались отношения между Пушкиным и Одоевским в 1830-х гг., в особенности в последний год жизни поэта.

История этих взаимоотношений имеет обширную историографию. До начала 1950-х гг. исследователи видели в Одоевском близкого к Пушкину человека и литератора.²⁹ Иначе оценивал их взаимоотношения Ю. Г. Оксман. В комментарии к переписке Одоевского он высказал предположение, что в 1836 г. молодой журналист имел «серьезные основания» быть недовольным издателем «Современника», поскольку, по мнению исследователя, Пушкин «не очень дорожил им как автором и консультантом», нередко отклонял или откладывал предложенные Одоевским публикации. Ю. Г. Оксман считал, что Одоевский сознательно прекратил свою деятельность в «Современнике», поскольку намеревался

²⁶ Там же. С. 269, 268.

²⁷ Рус. арх. 1888. № 7. С. 309.

²⁸ *Одоевский В. Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 287.

²⁹ См.: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. Т. 1, ч. 2. С. 321—330, а также: *Сумцов Н. Ф.* Князь Владимир Федорович Одоевский. Харьков, 1884. С. 16—17; *Пыпин А. Н.* Сверстники Пушкина // История русской литературы. СПб., 1899. Т. 4. С. 443—445; *Измайлов Н. В.* 1) Пушкин и Одоевский // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 289—308; 2) Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 248, 303—325; *Сахаров В. И.* Еще о Пушкине и В. Ф. Одоевском // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 226. Раннюю библиографию истории взаимоотношений Пушкина и Одоевского см.: *Дневник Пушкина.* Пгр., 1923. Примеч. С. 96—98.

в обход Пушкина приступить к изданию собственного журнала «Русский сборник».³⁰

Это предположение плохо согласуется с фактами. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон, М. А. Турьян и другие исследователи убедительно показали, что Одоевский и Краевский не только не строили никаких «тайных» козней за спиной у Пушкина, но видели его в числе участников своего будущего издания.³¹ М. А. Турьян установила, что Пушкину «было хорошо известно как о замысле „Русского сборника“, так и о типе предполагавшегося издания».³² Поэтому нет никаких оснований рассматривать действия Одоевского и Краевского как враждебные по отношению к Пушкину. Тем не менее высказанное Ю. Г. Оксманом предположение продолжает бытовать в литературе.³³ Особую позицию по этому вопросу занял Н. В. Измайлов, который не решился связать термин «предательство» с именем Одоевского. С его точки зрения на эту роль больше подходил соратник Одоевского по журнальной деятельности — молодой предприимчивый делец от журналистики Краевский. Относительно же Одоевского Н. В. Измайлов отметил, что вопрос о его намерениях основать новый журнал — «неясный и еще недостаточно обследованный». Исследователь признавал, что в последний год жизни поэта Одоевский стал его «ближайшим и доверенным помощником в издании „Современника“», что «как журналисты Пушкин с Одоевским выступали бок о бок и, разнясь лишь в оттенках, сходились вполне в основных теоретических воззрениях на современность и во взглядах на общих противников».³⁴

При объяснении поведения Одоевского и Краевского, задумавших издание собственного журнала, нельзя не учитывать положение, в котором оказались молодые журналисты по воле самого Пушкина. Еще в конце 1835 г. они вместе с Пушкиным, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, П. А. Плетневым и другими литераторами задумали издание альманаха энциклопедического типа «Северный зритель». С середины ноября 1835 г. по начало января 1836 г. шел сбор подписей потенциальных участников издания. И вдруг 31 декабря 1835 г. в самый разгар этой работы, неожиданно для ее организаторов, Пушкин обратился к А. Х. Бенкендорфу с просьбой о разрешении издавать собственное периодическое издание «на подобие английских трехмесячных Reviews» (XVI, 69). Уже в январе 1836 г. он приступил к формированию своего издательского портфеля и, по определению В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона, в расширенной форме осуществил издательский проект 1835 г.³⁵

Однако «Современник» в отличие от этого проекта не задумывался Пушкиным как чисто энциклопедическое издание, и поэтому в отечественной журналистике сохранялась своеобразная издательская ниша, которую в любой момент мог заполнить другой журнал. Это не могло не беспокоить Одоевского, давно мечтавшего о собственном журнале с энциклопедической программой. «Неужели одним Булгариным писать и жить

³⁰ См.: Оксман Ю. Г. Комментарий к письму А. А. Краевского и В. Ф. Одоевского к Пушкину // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 293—295.

³¹ Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972. С. 214—215, 312; Турьян М. А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 180; см. также: Могиланский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1949. Т. 6. № 3. С. 209—226; Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 329; Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 437; Орлов Вл. Молодой Краевский // Орлов Вл. Пути и судьбы. Л., 1971. С. 460.

³² Турьян М. А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского. С. 180.

³³ О подобном взгляде на отношение Одоевского к Пушкину см.: Благой Д. Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837) // Литературное наследство. Т. 58. С. 23; Еремин М. Пушкин-публицист. М., 1976. С. 408—412.

³⁴ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. С. 248, 325, 307—308, 311—312.

³⁵ См.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Из истории книги и прессы пушкинской поры. С. 266.

на святой Руси?» — сокрушался он в письме к С. П. Шевыреву.³⁶ Неудивительно, что уже в январе 1836 г. Одоевский взялся за создание проекта такого издания. Предполагалось, что журнал начнет свое существование в новом, 1837 г. Он не мог затронуть интересы «Современника», который был разрешен его издателю только на один год. К тому же в новом проекте Одоевского Пушкину, как и многим литераторам его круга, предлагалось принять участие в роли автора.³⁷

М. А. Турьян увидела в решении Одоевского и Краевского «отсутствии должного пиетета по отношению к Пушкину», нарушение некоей «парнасской субординации». Она полагает, что молодые литераторы называли старому литературному поколению новый стиль отношений.³⁸ Подобная характеристика действий молодых журналистов предстает несколько прямолинейной. Судьба первых номеров «Современника» показала, что Пушкин не имел опыта, необходимого для успешной предпринимательской журналистской деятельности. Одоевский, напротив, таким опытом обладал, и его предложение Пушкину участвовать в новом журнале могло иметь другое объяснение: молодой журналист предлагал поэту сотрудничество, брал на себя все хлопоты, связанные с издательской работой. Это ограждало Пушкина от журналистской суеты, а Одоевскому давало возможность предаться любимому занятию — журнальной деятельности. Такая интерпретация событий тем более вероятна, что Пушкин, по мнению В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона, знал о замысле Одоевского и готов был в нем участвовать.³⁹

Примечательно, что в связи с новыми издательскими проектами Одоевского Пушкин не прерывал с ним отношений. Вероятно, в его действиях он не усматривал ничего, что могло бы дать повод для обид и разногласий. Одоевский также в начале 1836 г. не «обиделся» на Пушкина за его поспешное решение с изданием «Современника» в обход «Северного зрителя», а стал активным помощником в подготовке первых томов его журнала.

Молодой журналист не переставал уважать и ценить Пушкина, о чем свидетельствуют статьи в его защиту, написанные как при жизни поэта, так и после его смерти. В апреле 1836 г. в «Библиотеке для чтения» появился резкий отзыв О. И. Сенковского о программе пушкинского журнала, еще не вышедшего из печати. В ответ анонимный автор «Северной пчелы» пытался защитить «литературную совесть» Пушкина в статье «Несколько слов о „Современнике“». Долгое время считалось, что автором статьи был кто-то из сотрудников «Северной пчелы», едва ли не сам Булгарин. В начале века П. Н. Столпянский и вовсе предложил считать статью пушкинской, предлагая включить ее в состав собрания его сочинений.⁴⁰ Однако В. Г. Березина убедительно показала, что статью написал Одоевский.⁴¹

В июле 1836 г. уже «Северная пчела» повела атаку на «Современник», и Одоевский взялся за написание новой ответной статьи. Ее первоначальный набросок — всего несколько строк, начинался словами: «Славится Россия...».⁴² Из наброска выросла большая полемическая статья «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пуш-

³⁶ РНБ, ф. 850 (С. П. Шевырев), оп. 1, д. 408, л. 8 об.

³⁷ См.: Вацура В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Из истории книги и прессы пушкинской поры. С. 373.

³⁸ См.: Турьян М. А. «Странная моя судьба»: О жизни Владимира Федоровича Одоевского. С. 290—291.

³⁹ См.: Вацура В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Из истории книги и прессы пушкинской поры. С. 373.

⁴⁰ См.: Столпянский П. Пушкин и «Северная пчела» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пгр., 1914. Вып. 19—20. С. 119, 179—190.

⁴¹ См.: Березина В. Г. Из истории «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 298—305.

⁴² См.: Медовой М. И. Неизвестная заметка В. Ф. Одоевского об А. С. Пушкине // Рус. лит. 1969. № 4. С. 186—187.

кина». В течение осени 1836 г. и в январе 1837 г. Одоевский пытался ее опубликовать, но не сумел отыскать издателя, готового выступить против врагов Пушкина. Пик его переговоров по этому поводу с «Московским наблюдателем» пришелся на осень 1836 г. Если бы статья вышла, как планировал автор, в ноябре-декабре 1836 г., Пушкину могла быть оказана неоценимая моральная поддержка, важная для него в тот период. Только в январе 1837 г. С. П. Шевырев объяснил Одоевскому, почему статья не появилась ни в ноябрьском, ни в декабрьском номерах «Московского наблюдателя»: «У нас ничего дурного не позволено сказать ни о Сенковском, ни о Полевом, как будто эти люди заживо святые. Попробуй скажи, тотчас бумага от Уварова».⁴³ Вероятно, по тем же причинам не смог Одоевский опубликовать эту статью и в своих «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“». В печати она появилась лишь через 28 лет — в «Русском архиве» П. И. Бартенева.⁴⁴

В 1837 г. в «Литературных прибавлениях» был напечатан яркий отклик на смерть Пушкина — известный ныне некролог «Солнце нашей поэзии закатилось...». Но только в 1956 г. было подтверждено мнение П. Н. Сакулина, высказанное в начале XX в., что этот анонимный текст принадлежал перу Одоевского.⁴⁵ Р. Б. Заборова, проследив текстовые параллели между некрологом и другими неопубликованными рукописями Одоевского о Пушкине, убедительно аргументировала его авторство.⁴⁶ Эти выводы нашли свое подтверждение в письме С. Н. Карамзиной, обнаруженном в составе так называемой «тагильской находки»: «Одоевский же трогателен своей чуткостью и скорбью о Пушкине — он плакал, как ребенок, и нет ничего трогательнее тех нескольких строк, которыми он известил о его смерти в своем журнале».⁴⁷

Позднее Одоевский подготовил еще одну серьезную публикацию о пушкинском «Современнике», в которую вошла ненапечатанная статья «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина».⁴⁸ 16 июля 1837 г. Краевский сообщал, что и эта статья, им исправленная «и до глупости смягченная, опять запрещена господином Корсаковым».⁴⁹ Для «Отечественных записок» Краевского предназначалась также оставшаяся в рукописи статья Одоевского «Пушкин», частично опубликованная П. Н. Сакулиным, полностью — Р. Б. Заборовой.⁵⁰ Таким образом, в настоящее время насчитывается шесть работ Одоевского, написанных им в 1836—1837 гг. в поддержку Пушкина и его журнала.⁵¹ Хотя при жизни поэта, в 1836 г., была опубликована лишь одна из них, да и та анонимно, очевидно, что Одоевский оказался *единственным* среди друзей и знакомых Пушкина, кто в последний год его жизни пытался публично защитить его как писателя, журналиста и человека.

Известна роль князя Одоевского в редакторской, организационной и типографской работе, связанной с изданием «Современника». Кроме того, он предложил Пушкину для публикации несколько работ литературного и публицистического жанров. Среди них статьи «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» (вошла во второй том) и «Как пишутся у нас романы» (вошла в третий том). Автограф

⁴³ Рус. старина. 1904. № 5. С. 368.

⁴⁴ О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина // Рус. арх. 1864. Стб. 824—831.

⁴⁵ См.: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. Т. 1, ч. 2. С. 328—329.

⁴⁶ См.: Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине. С. 320—324.

⁴⁷ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 гг. С. 176.

⁴⁸ См.: Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине. С. 333—338.

⁴⁹ РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 2, д. 641, л. 23.

⁵⁰ См.: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. Т. 1, ч. 2. С. 327—328; Заборова Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине. С. 333—336 (автограф: РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, пер. 83, л. 11—19).

⁵¹ Первую из полемических статей Одоевского в защиту Пушкина — автора «Руслана и Людмилы» см.: Вестн. Европы. 1821. № 3.

первой хранится в архиве Одоевского. Тексту, напечатанному в «Современнике», предшествует эпиграф из Грибоедова и несколько начальных строк, не вошедших в пушкинский журнал: «Был в Европе век классицизма, век напудренных трагедий и простосердечных комедий, был и прошел; задолго прежде его окончания, по крайней мере во Франции...». Далее рукописный текст практически полностью совпадает с опубликованным в «Современнике»; сличение автографа с публикацией свидетельствует о деликатной замене нескольких отдельных слов и фраз, что несколько не изменило содержания статьи и лишь пошло ей на пользу.⁵² Подпись под статьей — «С. А. С.», вероятно, изменена по воле автора (в печатном варианте — «С. О.»). Утверждения некоторых исследователей о каком-либо диктате со стороны Пушкина как редактора в данном случае не находят своего подтверждения.

Последнее произведение Одоевского, принятое Пушкиным в «Современник», — повесть «Сильфида». Поэт планировал поместить ее в пятом томе журнала. Вскоре Одоевский и Краевский взялись за издание «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“» и сразу получили от Пушкина стихотворение «Аквилон», которое и напечатали в первом номере. Вряд ли поэт стал бы публиковать свое произведение в этом издании, если бы и он сам, и Одоевский испытывали тот нравственный дискомфорт, о котором пишет М. А. Турьян.⁵³

Анализ работы Пушкина над текстом этого стихотворения позволил Р. В. Иезуитовой прийти к убедительному выводу о том, что в последний год своей жизни Пушкин рассматривал его как в определенной степени программное произведение.⁵⁴ Передавая его в «Литературные прибавления», поэт, таким образом, оказывал издателям особое доверие.

Нет, следовательно, никаких оснований для утверждений о соперничестве Пушкина и Одоевского на журналистском поприще. Скорее наоборот: в 1836 г. они были ближайшими сотрудниками в новаторском деле создания журнала, который должен был противостоять официальным изданиям Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча. Мнение о серьезных разногласиях между Пушкиным и Одоевским в 1836 г. следует признать историографическим мифом.

В течение всего этого года Одоевский не расставался ни с Пушкиным, ни с его журналом. В одной из записок этого времени издатель «Современника» писал Одоевскому: «Конечно, Княжна Зизи имеет более истины и занимательности, нежели Сильфида. Но всякое даяние Ваше благо. Кажется письмо тестя — холодно и слишком незначительно. За то в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?) — оно показалось мне не вразумительно. Во всяком случае, Сильфиду ли, Княжну ли, но оканчивайте и высылайте. Без Вас пропал Современник. А. П.» (XVI, 210). Долгое время исследователи относили записку к осени 1836 г.⁵⁵ Такая поздняя датировка не соответствует фактам. Известно, что начиная с середины лета Одоевский предлагал уже готовый текст

⁵² РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, пер. 83, л. 20—37; Современник. 1836. Т. 2. С. 206—217. П. Н. Сакулин заметил, что в рукописи статья имеет перечеркнутый заголовок, относящийся к другому произведению Одоевского — «Бабушка, или Пагубные последствия просвещения». Помета в начале статьи: «Ревель. 1835» — позволила исследователю датировать этот незавершенный литературный замысел (см.: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. Т. 1, ч. 2. С. 125—126). Однако в рукописи зачеркнут не только заголовок, но и подзаголовок — «предисловие или после(слово)». Следовательно, поначалу статья, предложенная Одоевским Пушкину, была задумана как вступительная часть к совершенно другому произведению не публицистического, а художественного жанра.

⁵³ См.: *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...»: О жизни Владимира Федоровича Одоевского. С. 291.

⁵⁴ См.: *Иезуитова Р. В.* «Зачем ты, грозный аквилон...»: (О судьбе одного болдинского автографа) // Пушкинский Музеум: Альб. СПб., 1999. Т. 1. С. 137—143.

⁵⁵ Датировку «конец ноября—декабрь 1836 г.» см.: XVI, 210; «октябрь (?) 1836 г.» см.: *Пушкин А. С.* Письма последних лет. 1834—1837. С. 158—159.

«Сильфиды» вначале в «Московский наблюдатель», затем Пушкину. Нельзя не согласиться с мнением М. А. Турьян, которая относит указанную записку к самому началу лета 1836 г. В это время Пушкин, возвратившись 24 мая из Москвы, приступил к работе над третьим томом «Современника» и рассчитывал, что Одоевский поможет ему пополнить издательский портфель. Исследовательница предположила, что «Сильфида» и «Княжна Зизи» к этому времени были близки к завершению и Одоевский показывал их Пушкину перед своим отъездом в Ревель.

Упоминание о «Княжне Зизи» встречаем и в более ранней записке Пушкина. Она датируется концом февраля—первой половиной марта 1836 г., поскольку содержит упоминание о «Путешествии в Арзрум», опубликованном в первом томе «Современника». Текст записки отражает ход интенсивной работы над журналом как самого Пушкина, так и Одоевского: «Весьма и весьма доволен и благодарен. Если в неделю можно будет отпечатать по пяти листов, то это славно — и дело наше в шляпе. (...) Что ваша повесть Зизи? Это славная вещь» (XVI, 91).

С учетом этого пушкинского замечания можно предложить иное прочтение текста предыдущей записки. Вероятно, в начале лета Пушкин получил от Одоевского уже не две, а одну повесть, причем новую. Характеристика, которую он дал ей в нескольких строках записки, свидетельствует, что та часть «Зизи», с которой он познакомился еще ранней весной, произвела на него гораздо большее впечатление («более истинны и занимательности»). Не желая обидеть автора, издатель «Современника» выразил готовность принять и новое предложение («Но всякое даяние Ваше благо»). При этом он дал понять, что сохраняет надежду и на получение понравившейся повести («Сильфиду ли, Княжну ли (курсив наш. — Г. С.), но оканчивайте и высылайте»).

Известно, что в «Современнике» была опубликована только «Сильфида». Обычно исследователи, за исключением П. Н. Сакулина,⁵⁶ не связывают ее появление в пятом томе журнала с именем Пушкина, поскольку «Современник» на 1837 г. издавали друзья поэта. Однако цензурное разрешение на издание произведений, вошедших в этот том, было получено Пушкиным еще 11 ноября 1836 г. — одновременно с разрешением на выход четвертого тома журнала. Среди повестей, допущенных к печати, была и «Сильфида» Одоевского, имеющая помету: «Ревель, 1836». Следовательно, Одоевский сдержал обещание, данное Пушкину, и завершил работу над повестью летом 1836 г.

С «Княжной Зизи» вопрос сложнее. По мнению М. А. Турьян, повесть, опубликованная в начале 1839 г., «закончена (...) много позже», чем «Сильфида», т. е. после смерти Пушкина.⁵⁷ Исследовательница полагает, что, начиная с «Сильфиды», «природа фантастического властно завладевает творческим воображением писателя» и в последующие годы подобного рода произведения следуют у него одно за другим, «отодвигая на задний план прочие повествовательные жанры».⁵⁸ По мнению В. И. Сахарова, «Княжна Зизи» была завершена еще в 1836 г. Основанием для такой датировки является известное письмо Одоевского к Шевыреву, в котором названы труды князя, подготовленные им для будущего журнала. Перечисляя произведения художественного жанра, он в первую очередь назвал «Княжну Зизи».⁵⁹

⁵⁶ См.: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. Т. 1, ч. 2. С. 69.

⁵⁷ Турьян М. А. Из истории взаимоотношений Пушкина и В. Ф. Одоевского. С. 177. Вместе с тем в монографии 1991 г. исследовательница ориентирует читателя и на другое время написания повести, сообщая без каких-либо пояснений, что «Княжна Мими», опубликованная в 1834 г., была написана «за два года» до «Зизи» (см.: Турьян М. А. «Странная моя судьба...»: О жизни Владимира Федоровича Одоевского. С. 296).

⁵⁸ Там же. С. 299.

⁵⁹ См.: Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 356—357 (примеч. В. И. Сахарова); РНБ, ф. 850 (С. П. Шевырев), оп. 1, д. 408, л. 8.

В пользу такой датировки говорят и следующие обстоятельства. Летом 1836 г., возвратившись из Ревеля, Одоевский, как и обещал, должен был представить в «Современник» одну из новых своих повестей — «Княжну Зизи» или «Сильфиду». Известно, что «Сильфиду» он предложил издателям журнала «Московский наблюдатель». Повесть осталась в Петербурге лишь потому, что московские друзья не имели возможности вовремя выплатить гонорар. Но если по первоначальному расчету Одоевского «Сильфида» отправлялась в Москву, то, следовательно, для публикации в «Современнике» он подготовил понравившуюся Пушкину «Княжну Зизи».

Когда же «путешествие» «Сильфиды» в Москву не состоялось, у Одоевского, похоже, созрел иной план. Предполагая в новом году издавать собственное периодическое издание, он, как искушенный журналист, понимал, что успех во многом будет зависеть от состава первых номеров. В них должны быть помещены произведения, способные привлечь внимание будущих подписчиков. Высоко оцененная Пушкиным «Княжна Зизи» вполне годилась для такой роли. Не случайно в сентябре 1836 г. она оказалась на первом месте в упомянутом выше списке произведений, подготовленных Одоевским для своего будущего журнала. В этой ситуации он мог предложить Пушкину только другую готовую повесть — «Сильфиду», не попавшую в Москву. Через два года, когда собственное периодическое издание («Отечественные записки») стало реальностью, раздел словесности в его первом номере открыла именно «Княжна Зизи». Таким образом, мнение о повести, высказанное уважаемым автором, могло сыграть решающую роль в судьбе ее публикации. Примечательно, что в первом номере «Отечественных записок» на странице, предшествующей «Зизи», опубликовано неизвестное до того времени стихотворение Пушкина «В альбом» («Долго сих листов заветных»)⁶⁰.

Автограф повести «Княжна Зизи» написан на 14 сложенных пополам листах бумаги размером 225 × 370 мм, сшитых шнуром в виде тетрадок.⁶¹ Рукопись сохранилась не полностью — примерно треть текста повести. Это три фрагмента,⁶² между которыми в архивном переплете оказались вклеены чистые листы и автографы других произведений Одоевского, написанных в таких же, как и «Княжна Зизи», самодельных тетрадках и на той же бумаге. Сохранившаяся часть повести — это беловик с мел-

⁶⁰ Отеч. зап. 1839. № 1. С. 2.

⁶¹ РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, пер. 24, л. 33—40, 63—78, 109—110. Бумага одного и того же сорта светло-зеленого цвета. На сгибе листов имеется водяной знак: всячий рог типа валторны с перевязью в виде банта; над ним — литеры BL, под ним — RAPPIN. Литеры, очевидно, обозначают титул и имя баронов Левенвольде — владельцев бумажной фабрики на мызе Раппин в Дерптском уезде Лифляндской губернии (см.: Кукушкина М. В. Филигрны на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 3: XIX—XX вв. С. 285—371; Клепиков С. А. Филигрны на бумаге русского производства XVIII—начала XX в. М., 1978. С. 236). Одоевский мог закупить эту бумагу в Ревеле, где в 1830-х гг. бывал почти каждое лето.

⁶² Первый фрагмент рукописи — ее начало до слов: «Очень бы хорошо сделала, — заметила тетушка» (на четырех сложенных пополам листах — л. 33—40) — и второй фрагмент — продолжение (на восьми таких же листах — л. 63—78) до слов: «...она как ни в чем не бывало! Ей...» — написаны рукой Одоевского одним и тем же пером и чернилами одного типа. Третий фрагмент (на половине страницы такого же сложенного листа — л. 109), который является продолжением предыдущего текста, написан двумя лицами. Начало (до слов: «...отчего я все книги раскидала по полу...») и следующая зачеркнутая фраза: «Неблагодарный! Знает ли он, что во мне происходит» — написаны рукой Одоевского тем же пером и чернилами, что и предыдущие фрагменты. Далее сохранившийся текст (полторы страницы на двух сложенных листах бумаги — л. 109—110) переписан неизвестной рукой и завершается словами: «...иногда в забвении мне кажется, что на меня возложено звание матери». Часть рукописи, которая должна была находиться в середине этого фрагмента, утрачена. Первая страница завершается словами: «ей ли быть женою этого...», а следующая начинается со слов: «часто мне кажется, что все, меня окружающее, тяжелый сон...». Об утрате свидетельствует и нумерация страниц, проставленная рукой Одоевского (первая страница имеет номер 24, следующая — 34).

кими, незначительными исправлениями, сделанными рукой автора (одно-три слова и одна-две фразы на страницу).⁶³

В различных переплетах архива Одоевского находим много тетрадок, сшитых из той же бумаги. Тетрадки создавались, когда писатель приступил к работе сразу над несколькими произведениями большого цикла, подобного «Пестрым сказкам», вышедшим в 1833 г., или будущим «Русским ночам». В правом верхнем углу тетрадок имеются авторские пометы, позволяющие определить, к какому замыслу относится тот или иной автограф: «З. Гр.» («Записки гробовщика»), «Кн. З.» («Княжна Зизи»), «Ж. Б.» («Житейский быт»). Часть этих произведений готовилась для несостоявшегося «Дома сумасшедших»,⁶⁴ часть — для цикла «Домашние разговоры».

В подобных тетрадках содержатся произведения, датировка которых не вызывает сомнения исследователей: это программа и варианты текста повести «Бабушка, или Пагубные действия просвещения» (как уже говорилось, датирована П. Н. Сакулиным 1835 г. по помете, проставленной на заглавном листе),⁶⁵ начало фантастического повествования «Петербургские письма, или 4338 год» (частично опубликовано в 1835 г.),⁶⁶ те фрагменты цикла «Русские ночи», которые были опубликованы в 1836 г.,⁶⁷ а также заметка «Последний день Помпеи»,⁶⁸ в которой дана характеристика картины К. Брюллова, выставленной на обозрение в 1834 г.

В таких же тетрадках тем же почерком и чернилами написаны черновые и беловые части повести «Сегелиель». ⁶⁹ Один из фрагментов имеет законченный характер. Под ним стоит дата: «1832» и подпись: «Безгласный». ⁷⁰ Вероятно, именно этот текст был отклонен Пушкиным весной 1836 г. под предлогом того, что публикация незавершенной повести может повредить ей в глазах читателей. Программа и несколько текстов цикла «Записки гробовщика» находятся в таких же тетрадках и написаны тем же почерком. ⁷¹ Замысел цикла, как известно, относится к 1833 г., а в сентябре 1836 г. Одоевский уже планировал поместить «Записки» (вслед за «Княжной Зизи») в своем будущем журнале.

Фрагменты различных текстов Одоевского, которые находятся на отдельных листах такой же бумаги, не сшитых в тетрадки, зачастую не поддаются датировке, но и они написаны тем же почерком и такими же чернилами, что и произведения, перечисленные выше. ⁷² Среди них программы и фрагменты неопубликованных литературных и публицисти-

⁶³ Исправления сделаны в основном чернилами того же цвета и тем же пером, которыми написан основной текст. Для небольшой их части характерен более мелкий, по сравнению с основным текстом, почерк, чернила более светлого оттенка и более тонкое перо. Эти исправления приближают текст рукописи к ее печатному варианту 1839 г. (см.: Отчет зап. 1839. Т. 1. С. 3—70; *Одоевский В. Ф.* Собр. соч. СПб., 1844. Т. 2. С. 355—436), но не делают ее идентичной ему: в опубликованном варианте имеются незначительные дополнения, которых нет в сохранившемся автографе.

⁶⁴ М. А. Турьян считает, что «мысль о целостном здании» этого цикла «не покидала писателя года до тридцать седьмого» (см.: *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...»: О жизни Владимира Федоровича Одоевского. С. 209). Письмо Одоевского к Шевыреву от 17 ноября 1836 г. позволяет уточнить время отказа писателя от создания и публикации цикла с подобным названием. Диагноз, поставленный в это время властями автору известных «Философических писем», «отрезвил» Одоевского, который дал понять другу, что не станет публиковать произведения под таким названием (РНБ, ф. 850 (С. П. Шевырев), оп. 1, л. 408, л. 9).

⁶⁵ РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, пер. 7, л. 130—136.

⁶⁶ Там же, пер. 23, л. 140.

⁶⁷ Там же, пер. 24, л. 79—213; пер. 20, л. 99.

⁶⁸ Там же, пер. 24, л. 111—114.

⁶⁹ Там же, пер. 25, л. 12—32, 33—45, 46—66, 68—75, 76—84, 88—89.

⁷⁰ Там же, л. 45.

⁷¹ Там же, пер. 20, л. 38—45.

⁷² По бумагам Одоевского 1820—1850-х гг., сохранившимся в его архиве, нетрудно проследить разницу в его почерке: характер написания букв, их наклон, длина и толщина линий менялись приблизительно каждые десять лет. Почерк середины 1830-х гг. трудно спутать с почерком 1820-х или 1840—1850-х гг.

ческих замыслов («Земная жизнь, или Советы юному другу»,⁷³ «Ита-лианские сцены»,⁷⁴ «Ревельские записки»,⁷⁵ «Сон»,⁷⁶ «Попросту»,⁷⁷ «Жи-тейский быт»⁷⁸), а также отрывочные заметки, размышления о науке, искусстве, религии, светском обществе, просвещении.⁷⁹ Таким обра-зом, основной комплекс произведений, написанных на указанных листах бумаги, по большей части сшитых в тетрадки, создавался в середине 1830-х гг., т. е. еще при жизни Пушкина.

Сохранившиеся части рукописи «Княжны Зизи» включают шесть первых писем княжны к своей подруге (последнее — не полностью) и эпиграф, написанный на обороте одного из листов.⁸⁰ Рукопись дальней-шего повествования — письма Радецкого к Марье Ивановне, характе-ристика поведения Городкова по отношению к своей свояченице, а также финал повести, до сих пор не обнаружена.

В архиве Одоевского имеется развернутая программа «Княжны Зизи». Она написана на развороте сложенного пополам полулиста писчей бумаги размером 210 × 350 мм светло-голубого цвета с водяным знаком «Pro Patria».⁸¹ Датировку листа затрудняет отсутствие его второй полови-ны с контрамаркой. Текст написан рукой Одоевского и имеет много-численные исправления и вставки.⁸² Большая часть программы состав-лена от третьего лица, финал — от первого.⁸³

«Молодой человек едет в дом, где находятся две сестры; они обе влюблены в него, одна — явно, другая, княжна Зизи,⁸⁴ заметив это, ста-рается отклониться от него. Он женится на первой.⁸⁵ Мать их умирает, завещая дочери не оставлять сестру, которая совсем не хозяйка.⁸⁶ У пер-вой родятся дети. Княжна Зизи замечает, что муж ее сестры старается отклонить всякого являющегося жениха; она воображает, что это дейст-вие любви, — пугается этого чувства — старается скорее выйти замуж, но муж ее сестры восстает против каждого жениха — любовь к нему⁸⁷ снова возгорается в Зизи,⁸⁸ — но прежде был один человек,⁸⁹ ко-торый более других нравился княжне, — он умирает и пред смертью пишет к ней письмо, в котором открывает, что муж ее сестры для того только препятствует ее замужеству, чтобы воспользоваться ее именем. К ⁹⁰ (2 нрзб) (сообщит княжна Зизи фешенеблю) однажды в Казани сидит с своим братом в обществе одного делового человека — разговор заходит об уме, и он рассказывает разные истории, затем рассказывает историю Городкова и читает письмо его, в коем он просит ускорить

⁷³ РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), пер. 20, л. 67.

⁷⁴ Там же, л. 33.

⁷⁵ Там же, пер. 23, л. 4—8, 139.

⁷⁶ Там же, л. 143.

⁷⁷ Там же, пер. 26, л. 3—8, 11—14, 15—19, 20—55.

⁷⁸ Там же, л. 61, 62, 63—64, 67—68.

⁷⁹ Там же, пер. 20, л. 29—30, 31, 32—32 об., 34, 35, 36, 47, 48, 77, 78, 99; пер. 24, л. 41, 42, 60; пер. 21, л. 67—69; пер. 23, л. 2—3, 144, 145, 146, 147.

⁸⁰ Там же, пер. 24, л. 78 об.

⁸¹ В овальной оgrade изображена повернутая влево фигура в пернатом шлеме с жезлом в правой руке; слева повернутый влево геральдический лев, держащий в правой поднятой лапе меч, а в левой опущенной — молнии. Девиз написан вверху слева (РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), пер. 20, л. 102 об.—103 об.).

⁸² По толщине линий заметно, что вставки и основной текст написаны разными перьями.

⁸³ Программа написана чернилами двух оттенков: основной текст и первая вставка на полях — темными, остальные вставки на полях — светлыми.

⁸⁴ Слова: княжна Зизи — *вписаны над строкой*.

⁸⁵ Было: на другой

⁸⁶ Слова: завещая дочери не оставлять сестру, которая совсем не хозяйка — *вписаны на полях*.

⁸⁷ Слова: к нему — *вписаны над строкой*.

⁸⁸ Было: в ней

⁸⁹ Слово: человек — *вписано над строкой*.

⁹⁰ Было: Прежде сего

дело по казанскому имению его золовки,⁹¹ потому что ему роля влюбленного надоедает.⁹² Это открытие производит на нее три действия: не-доверчивость к любви, желание оставить дом сестры, но позже⁹³ это открытие успокаивает ее тем, что муж ее сестры и не думает об ней — и она решается принести себя в жертву сестре и ее детям; Зизи — ключница в доме; она выезжает мало, отказывает себе во всем — ее не замечают в доме — принимают ее за компаньонку. Муж хотел воспользоваться имением детей, ⟨нрзб⟩ заемных писем, между тем волочитя за другой женщиной — княжна Зизи замечает и ⟨2 нрзб⟩. Ее сестра и муж ее унижают.⁹⁴ Она воспитывает их детей — сгубив себя на век девою.⁹⁵ Однажды, слыша это имя, я стараюсь узнать, кто она. Мне называют ее религиозно, ханжою, старою девою. Я стараюсь понять ⟨нрзб⟩ из ⟨нрзб⟩ ей это ⟨2 нрзб⟩ мне. Я пишу к ней письмо и предлагаю ей свою руку. Она мне отвечает, что ей уже 40 лет — что ее племянница выходит замуж, а что она идет в монастырь».⁹⁶

Опубликованный в 1839 г. текст повести немногим отличается от ранее созданного плана. Сохранившаяся часть автографа лишь в самых незначительных деталях отличается от варианта, опубликованного впоследствии в «Отечественных записках». Черновики написаны будто «на одном дыхании» и подтверждают признание Одоевского, высказанное в 1840 г.: «Большая часть того, что я писал, писано почти прямо набело», «все, что написано мной таким образом, имело успех, все, над чем я *старался* работать, плохо и слабо (...)». Исправлять свое я могу лишь через весьма долгое время».⁹⁷ Следовательно, можно предположить, что текст, созданный еще при жизни Пушкина, вряд ли подвергался существенным изменениям. Хотя повесть была напечатана после смерти Пушкина, факт его знакомства с ее общей фабулой не вызывает сомнения.

Трудно поверить, что Одоевский, сохранявший по отношению к Пушкину неизменно дружеское расположение, мог написать повесть (а тем более познакомить Пушкина с нею), в которой можно было обнаружить какие-либо параллели с семейной жизнью поэта. Сам Пушкин, как известно, прочитав повесть, назвал ее «славной вещью» и даже пожелал напечатать в своем журнале. Следовательно, ни автор повести, ни ее предполагаемый издатель не находили в ней никаких оскорбительных для поэта намеков.

То, что Пушкин не узнал в повести свои семейные отношения, а Одоевский не предполагал задеть своим сюжетом честь семьи Пушкина, позволяет сделать один принципиальный вывод: реальные отношения

⁹¹ *Далее было начато:* чтобы

⁹² *Текст:* К ⟨2 нрзб⟩ (сообщит княжна Зизи фешенеблю) ~ роля влюбленного надоедает — *вписан на полях.*

⁹³ *Далее было начато:* желание

⁹⁴ *Текст:* Муж хотел воспользоваться имением детей, ⟨нрзб⟩ заемных писем, между тем волочитя за другой женщиной — княжна Зизи замечает и ⟨2 нрзб⟩. Ее сестра и муж ее унижают. — *вписан на полях.*

⁹⁵ *Далее было начато:* Однажды в домово́й церкви

⁹⁶ На этом же листе (л. 103 об.) после текста программы имеются две записи, сделанные рукой Одоевского и явно не относящиеся к «Княжне Зизи»: вверху на полях — «[Катя]», ниже: «А. В. видит в Кате женщину замет(ного) (?) круга ⟨нрзб⟩ ветреной и глупой, как обыкновенно бывают компаньонки». Внизу листа справа текст, также написанный рукой Одоевского и адресованный какому-то лицу при передаче ему рукописи или печатного издания: «Je vous ai prévenu que je ne dirai que des bêtises dans ce livre-vinaigrette, qui trouble mes idées — vous avez insisté — ne m'en voulez pas et une autre fois, quand vous me demandez de faire de l'esprit, rappelez-vous que je ne joue pas quand on m'annonce. P(é)t(ers)b(our)g. 25 avril 1838» («Я предупредил Вас, что не скажу ничего, кроме глупостей, в этой пестрой книге, в которой смешаны все мои идеи, — вы настояли — не сетуйте на меня за это, и в следующий раз, когда Вы попросите меня блеснуть умом, вспомните, что я по заказу не выступаю. П(е)т(ер)б(ур)г. 25 апреля 1838» — *фр.*). Какую из своих книг имел здесь в виду Одоевский, — неясно. Возможно, адресат этой записи — Е. П. Ростопчина, которая в конце 1830-х гг. была постоянной собеседницей Одоевского, а весной 1838 г. покинула Петербург.

⁹⁷ РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, пер. 48, л. 52—53 об.

в семье поэта, как в представлении Пушкина, так и с точки зрения Одоевского, были далеки от прямолинейности и однозначности тех отношений, которые изображены в «Княжне Зизи». Однако, как уже отмечалось, именно такими они были представлены в конце XIX—первой половине XX в. в работах многих исследователей жизни поэта. Даже после того, как А. А. Ахматова убедительно показала необоснованность легенды о какой-то особой роли Александрины в доме Пушкиных, эта версия время от времени снова возникала в литературе о поэте. Возможно, это связано с той жесткой оценкой, которую А. А. Ахматова дала Н. Н. Пушкиной. Ведь если жена поэта, являясь «агенткой» Геккернов, предавалась только светским удовольствиям, то роль хозяйки, матери, няньки и т. п. должен был выполнять кто-то другой.

Попробуем уточнить, с какого же времени в биографии Пушкина возникла оказавшаяся столь живучей версия о непростых отношениях в его семье, о необычной роли в его доме свояченицы А. Н. Гончаровой. Мать поэта осенью 1834 г. писала, что семья Пушкиных живет теперь вместе с сестрами Натальи Николаевны и пополам с ними нанимает «очень красивый дом». Пушкин «говорит, что это ему удобно в смысле расходов, но несколько стесняет его, потому что он не любит менять своих привычек хозяина дома».⁹⁸ Ни в это время, ни сразу после смерти поэта никто из его ближайшего окружения не упоминал об особой склонности А. Н. Гончаровой к ведению хозяйства, воспитанию детей и прочим домашним делам. Никакого подтверждения этому нет и в письмах самой Александрины, частично опубликованных в 1936 г., более полно — в конце 1970-х гг. Александрина, как и ее сестры, садится за письмо, чтобы обосновать свои просьбы о деньгах, лошадях, предметах туалета и т. п. Она сообщает брату Дмитрию, что пропустить бал и пару спектаклей по случаю болезни для нее «вовсе не безделица». Ее мало занимают дела брата по имению, и она предлагает ему обсуждать эту тему с сестрами: «они бабы путные и следственно порядком все опишут». Александрина откровенно признается, что «своя рубашка ближе к телу», что самое интересное — говорить о себе самой, своих личных переживаниях. Пока сестры жили в деревне, все их помыслы были связаны с переездом в город — к потенциальным женихам. Письма Александрины того времени полны сетований по этому поводу. В Петербурге она просыпалась «вся в слезах», если видела во сне, что ей предстоит покинуть столицу.⁹⁹

В свете Александрина и Екатерина были приняты лишь как «сестры мадам Пушкиной». Известно, что это дало повод Дантесу назвать Пушкина «трехбунчужным пашой» («Pacha à trois queues»). Друзья повторяли эту шутку, следовательно, никто не находил в ней ничего оскорбительного для поэта. Откуда же пошли разговоры об *особых* отношениях между Пушкиным и его свояченицей? Среди свидетельств современников впервые намек на это находим в письме А. Н. Вульф к Е. Н. Вревской от 12 февраля 1836 г. Со слов сестры поэта она записала, что Пушкин «очень ухаживает за своей свояченицей Алекс(андриной) и что его жена стала большой кокеткой».¹⁰⁰ Как раз на это время пришелся пик напряженных отношений между Пушкиным и семьей Павлишевых в связи с разделом имения.¹⁰¹ Это заставляет с осторожностью относить-

⁹⁸ Н. О. Пушкина — О. С. Павлишевой 7 ноября 1834 г. // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Т. 14. С. 21 (подлинник по-французски).

⁹⁹ Волкова Т. Н. Из семейной переписки Гончаровых. С. 388—425, 98; *Ободовская И. М., Дементьев М. А.* 1) Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. С. 199, 218, 226, 229 и след. 2) После смерти Пушкина: Неизвестные письма. С. 187.

¹⁰⁰ Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пгр., 1915. Вып. 21—22. С. 331 (подлинник по-французски).

¹⁰¹ См.: Письмо О. С. Павлишевой к Н. И. Павлишеву от 31 января 1836 г. // Там же. С. 210—211 (подлинник по-французски).

ся к данному свидетельству. К тому же Ольга Павлищева имела склонность к колким, ироничным высказываниям по адресу членов своей семьи. По справедливому замечанию С. Л. Абрамович, подобные выпады были для нее обычным делом.¹⁰² Что касается самой рассказчицы — Анны Вульф, известно, что она была равнодушна к Пушкину и с особым чувством обиды и зависти наблюдала за теми дамами, которым поэт оказывал знаки внимания.

Ровно через год, 27 января 1837 г., С. Н. Карамзина писала брату, что Пушкины и Геккерны «продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию», и «чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу — по чувству».¹⁰³ Отметим, что, судя по реакции рассказчицы («В общем, все это очень странно»), описанный расклад отношений явился для нее большой неожиданностью. Действительно, еще совсем недавно она не имела и тени подозрений на этот счет. Извещая брата в октябре 1836 г. о возобновлении домашних вечеров, она заметила, что «с первого же дня заняли свои привычные места Натали Пушкина и Дантес (...) Александрина — с Аркадием».¹⁰⁴ Таким образом, С. Н. Карамзина была свидетелем того, что за Александриной ухаживал не Пушкин, а А. О. Россет («давнишняя, страстная и взаимная любовь Сашинки», как писала Н. Н. Пушкина в 1849 г.¹⁰⁵).

А. А. Ахматова, анализируя свидетельства современников, справедливо отмечала, что в январе 1837 г., когда все, даже Карамзины и Вяземские, приняли сторону Дантеса, Софи выражала уже не свое, а чужое мнение, навязанное обществу бароном Геккерном и его так называемым приемным сыном. А. А. Ахматова указала и на того посредника между Геккернами и светским обществом, который распространял эти грязные слухи о Пушкине, — Идалию Полетику.¹⁰⁶ Полвека спустя отголоски этих слухов обнаруживаются в свидетельствах князя А. В. Трубецкого. Рассказчик не скрывал, что сверял свои сведения с воспоминаниями И. Полетики, которой Александрина якобы «созналась» в преступной связи. Повествование сослуживца Дантеса содержит множество вымышленных, театральных сюжетов. В их числе бешеная ревность Пушкина к Дантесу из-за Александрины, ревность, которая якобы и стала причиной дуэли.¹⁰⁷

Эта сплетня, созданная в свое время Геккернами и изложенная А. В. Трубецким, была записана В. А. Бильбасовым 21 июня 1887 г. в Павловске на даче А. А. Краевского. За несколько лет до этой дачной встречи, в 1882 г., П. И. Бартенев опубликовал в своем журнале рассказы о Пушкине покойного А. О. Россета, которые содержали следующее сенсационное сообщение: «...летом 1836 г. шли толки, что у Пушкина в семье что-то неладно: две сестры, сплетни, и уже замечали волокитство Дантеса».¹⁰⁸ Кого из трех сестер имел в виду рассказчик, о каких «толках» и чьих ухаживаниях (Пушкина — за женой и свояченицей или Дантеса — за Натальей и Екатериной) шла речь — П. И. Бартенев умолчал, но указал время возникновения этих слухов. Оказывается, они появились летом 1836 г., когда Н. М. Смирнов уезжал за границу и предлагал Пушкину последовать своему примеру. Известно, однако, что «в марте 1835 г. Смирновы уехали в Берлин и навсегда расстались с Пушкиным», так

¹⁰² См.: *Абрамович С. Л.* Пушкин: Последний год. Хроника. М., 1991. С. 81.

¹⁰³ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 гг. С. 165.

¹⁰⁴ Там же. С. 120.

¹⁰⁵ Цит. по: *Ободовская И. М., Дементьев М. А.* После смерти Пушкина: Неизвестные письма. С. 198.

¹⁰⁶ См.: *Ахматова А. А.* Александрина. С. 259.

¹⁰⁷ Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу: Записан со слов князя А. В. Трубецкого // *Шеголев П. Е.* Дуэль и смерть А. С. Пушкина. С. 351—356.

¹⁰⁸ Рус. арх. 1882. № 2. С. 246.

как вернулись лишь в сентябре 1837 г.¹⁰⁹ В связи с этим указанное свидетельство, составленное в более позднее время, представляется весьма сомнительным.

В публикациях П. И. Бартенева версия о «толках» и сестрах получила свое развитие: если в 1879 г. он писал, что Александру Гончарову Пушкин «удостаивал своєю отменною дружбою», то в 1888 г., ссылаясь на покойных к тому времени князей П. А. и В. Ф. Вяземских, утверждал: «Наряды и выезды поглощали все время. Хозяйством и детьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна, ныне Фризенгоф. Пушкин подружился с нею...».¹¹⁰ Многозначное, поставленное Барте-невым в тексте публикации, скрывало фрагмент, вырезанный им в уже готовой корректуре. В нем речь шла о том, что «одно время» отношения Пушкина и его свояченицы «были так близки, что внушали беспокойство друзьям». Подкрепить это утверждение должны были слова близкого друга Пушкина: «Это же мне говорил и Соболевский, который полушутя напоминал Пушкину, чтобы он держал себя осторожнее со свояченицей». Отметим, что в данном случае П. И. Бартенева также намеревался передать слова уже умершего человека. Так под пером редактора «Русского архива» к одной сплетне прибавлялась новая: любовница оказывалась еще и экономкой, и нянькой. П. И. Бартенева собирался опубликовать и неизвестную до того времени историю с некими дарами, которыми обменивались между собой Пушкин и Александрина: «Раз Пушкин взял у нее какой-то перстень с бирюзью, которая, по суеверным толкам, предохраняет от внезапной смерти, носил этот перстень и назад ей отдал. Потом взял у нее цепочку и, уже лежа на смертном одре, поручил княгине Вяземской возвратить ей эту цепочку, но непременно без свидетелей...».¹¹¹

О какой-то цепочке, которую по просьбе умирающего Пушкина достал из ящика К. К. Данзас, сообщал в 1837 г. и В. А. Жуковский.¹¹² Возможно, это и была та самая цепочка, которую Пушкин отдал затем В. Ф. Вяземской для передачи Александрине. Неизвестно, был ли это памятный знак или возвращение долгов (вспомним заложенное накануне серебром Александрины, на выкуп которого в семье не было средств). Свое особое — «интимное» — значение этот последний дар поэта приобрел позже, когда А. П. Арапова, опираясь на известную версию Трубецкого об адюльтере, украсила эту историю новыми «пикантными подробностями» о крестике Александрины.¹¹³ П. И. Бартенева сразу же отреагировал на это сообщение и внес свои уточнения в воспоминания В. Ф. Вяземской: «Умирающий Пушкин отдал княгине Вяземской нательный крест с цепочкой для передачи Александре Николаевне».¹¹⁴ В 1911 г. в письмах П. Е. Щеголеву от 2 апреля и 14 декабря редактор «Русского архива», вновь ссылаясь на княгиню Вяземскую, еще более категорично утверждал, что Пушкин «был в связи с Александрой Николаевной».¹¹⁵

Анализируя поздние рассказы современников о Пушкине и Александрине, А. А. Ахматова пришла к заключению, что все они восходят к тому же источнику, который питал любопытство С. Н. Карамзиной, — версии Геккернов в изложении Идалии Полетики. Отголоски этих спле-

¹⁰⁹ *Богавская К. П.* Из записок Н. М. Смирнова // *Временник Пушкинской комиссии* за 1967—1968 гг. Л., 1970. С. 13; см. также: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. С. 404—405.

¹¹⁰ Рус. арх. 1879. № 6. С. 255; 1888. № 7. С. 309.

¹¹¹ Приведенный текст, вырезанный П. И. Барте-невым из корректуры, опубликован М. А. Цявловским в 1936 г. (см.: *Летописи Государственного Литературного музея.* Кн. 1. С. 561).

¹¹² См.: *Жуковский В. А.* Черновик письма А. Х. Бенкендорфу. Февраль—март 1837 г. // *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть А. С. Пушкина. С. 210.

¹¹³ См.: *Новое время.* 1907. № 11413. Иллюстр. прил. С. 6.

¹¹⁴ Рус. арх. 1908. № 10. С. 296.

¹¹⁵ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть А. С. Пушкина. С. 361.

тен находим и в записках П. И. Бартенева. Завершала цепь «воспоминаний» А. П. Арапова, которой оставалось лишь воспользоваться тем, что было сказано до нее. Известны три приведенных ею доказательства «преступной связи»: поиски пропавшего шейного креста, необъяснимое нежелание Пушкина проститься со свояченицей перед кончиной и, наконец, загадочное объяснение Натальи Николаевны с бароном Г. Фризенгофом накануне его свадьбы с А. Н. Гончаровой, результатом которого были слезы невесты и изменение отношения барона к Пушкину.

Что до истории с крестом, она явно заимствована у предыдущих «мемуаристов». Нежелание Пушкина проститься со свояченицей — чистой выдумка. Это прощание состоялось утром 28 января.¹¹⁶ Волнение А. Н. Гончаровой накануне свадьбы также могло иметь свое банальное объяснение. Известно, что столовое серебро (приданое Александрины) Пушкин незадолго до гибели отдал в заклад, где большая его часть пропала. Щепетильная Александрина могла быть обеспокоена тем, что это следует объяснить будущему супругу. Последний вряд ли мог одобрить поведение Пушкина, воспользовавшегося имуществом девушки, которая жила с ним под одной крышей. Участие вдовы Пушкина в разговоре будущих супругов является косвенным подтверждением того, что речь шла не о любовных связях поэта и его свояченицы.

На противоречия в истории, рассказанной Араповой, указывала и А. А. Ахматова: «...созданному Араповой образу скромной, умной и доброй некрасивой девушки очень повезло. Никому дела нет, что та же Арапова дальше изображает тетку ведьмой, истеричкой, домашним тираном. (...) Читатель уже поверил, и это навсегда. Цитата окаменела».¹¹⁷

Итак, ранние свидетельства современников Пушкина не содержат точных и подробных сведений о том, что же в действительности происходило в его семье. Похоже, что эта жизнь была хорошо скрыта от любопытных глаз. Поэтому трагедия, произошедшая в доме поэта, обростала слухами и домыслами.

Психологам давно известно свойство человеческой памяти — накапливать ту информацию о прошедшем, которая соответствует общепринятым представлениям, и постепенно заменять в сознании действительное подобным. Вследствие этого по прошествии времени мемуаристы зачастую припоминают совсем не то, что происходило на их глазах на самом деле, а то, что им стало известно об этом событии впоследствии из самых различных источников.¹¹⁸

Спустя несколько десятилетий после смерти Пушкина, когда из сознания современников ускользали реальные факты и обстоятельства, их место незаметно занимали известные штампы, в том числе литературные. Им охотно верили, поскольку, являясь частью обыденного сознания, ходячие истины удивительно схожи с тем, что обычно происходит в повседневной жизни. Подобные метаморфозы случались не только с Пушкиным. «Бедный великий человек! — восклицал в свое время Одоевский. — Чего из него нельзя сделать? И историю, и роман, и биографию, и собрание анекдотов, и ученую диссертацию, портрет, карикатуру (...) словом, вытянуть из великого человека все, что ему никогда в голову не приходило и для чего его Господь Бог отнюдь не сотворил...». В другом случае он писал: «В наше время (...) не осталось (...) ни одного порядочного великого человека, который не был бы оклеветан каким-нибудь романистом». Грязные сплетни и интриги, сплетенные в свете,

¹¹⁶ См.: *Амосов А.* Последние дни и кончина А. С. Пушкина со слов бывшего лицейского товарища и секунданта К. К. Данзаса. СПб., 1863. С. 32. См. также письмо барона Г. Фризенгофа к А. П. Араповой (Красная нива. 1929. № 24. С. 10 (подлинник по-французски)).

¹¹⁷ *Ахматова А. А.* Александрина. С. 265.

¹¹⁸ См.: *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии. СПб., 2001. С. 326—330.

с точки зрения писателя, заволакивали общество, будто тиною. «Жалкое, гадкое и глупое общество! — восклицал он по этому поводу, а о самом себе говорил: — Моя беда в том, что я хочу дышать чистой совестью в гнилой атмосфере...».¹¹⁹

Светские «романисты» сумели на глазах одного поколения создать новую, в известной степени надуманную историю семьи Пушкина. Обратив на это внимание, А. А. Ахматова собиралась предварить свое эссе об Александрине следующим эпитафием: «Из подслушанных разговоров: Один: „Как клевета похожа на правду!“ Второй: „Да. На правду не похожа только сама правда“».¹²⁰

Песулаем, что в основе этих вымыслов были не только светские пересуды и упорное стремление некоторых недоброжелателей поэта очернить его память, но и популярные во второй половине XIX в. произведения художественного жанра, в том числе повесть «Княжна Зизи». Типичные детали светской жизни, верно подмеченные автором повести, в свое время вызвали одобрение Пушкина. Они же, надо думать, способствовали ее литературному успеху. Одоевский и сам замечал, сколь популярными оказывались многие его произведения. Курьезность заключалась в том, что вскоре после их появления в печати некоторые писатели, по утверждению Одоевского, «втихомолку принялись таскать» его сюжеты и мысли, «что кому пришлось по его художеству». Одни заимствовали немного и «с разными прикрытиями», другие, изменив имена действующих лиц, время и место действия, выдавали произведение «за свое». Третьи брали целиком какую-нибудь повесть, «называли биографией и подписывали под ней свое имя». Князь признавался, что сначала ему даже казался забавным «такой род издания» его сочинений.¹²¹

Исследователи давно обратили внимание на то, как некоторые мемуаристы (те же А. В. Трубецкой и А. П. Арапова) с легкостью заменяли неясные для них места в биографии Пушкина известными литературными штампами, черпая их из популярных французских романов, народных сказок или просто из бульварной литературы.¹²² Замечено также, что для некоторых современников Пушкина сюжеты известных литературных произведений становились чем-то вроде клише собственного поведения.¹²³ Зимой 1836—1837 гг. С. Н. Карамзина рассказывала в письмах к брату о событиях в семье Пушкина, пользуясь терминами «участники таинственной драмы», «заключительная сцена эпилога» и т. п.¹²⁴ Графиня С. А. Бобринская также смотрела на неожиданный для всех брак Дантеса как на сюжет из романа: «...это Жюль Жанен, это Бальзак, это Виктор Гюго. Это литература наших дней. Это возвышенно и смехотворно».¹²⁵

Сплетня о семье Пушкина, изобретенная его недоброжелателями в XIX в., не случайно походит на сюжет популярной повести. Типичность и банальность повествования как в «Княжне Зизи», так и в легенде о Пушкине убеждают кажущейся ясностью и правдоподобием. Наверное поэтому некоторые исследователи биографии Пушкина, по традиции, строят свои концепции на версии о любовном треугольнике в семье поэта, об увлечении Н. Н. Пушкиной одними балами и об особом месте, которое занимала в этой семье Александра Гончарова.¹²⁶ Эта сплетня,

¹¹⁹ Рус. старина. 1880. Т. 28. С. 805; РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, пер. 2, л. 3, 4 об.; пер. 23, л. 146; пер. 89, л. 150; пер. 95, л. 26.

¹²⁰ Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 537.

¹²¹ РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, пер. 79, л. 163 об.—164 об.

¹²² См.: Кирпичников А. И. По поводу «Рассказа об отношениях Пушкина к Дантесу» // Рус. старина. 1901. Т. 106. Апр.—Июнь. С. 79; Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. С. 565 (примеч. Я. Л. Левкович).

¹²³ См.: Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина. Январь 1826—январь 1837. СПб., 1994. С. 73.

¹²⁴ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 гг. С. 152—153 и след.

¹²⁵ Цит. по: Востокова Н. Б. Пушкин по архиву Бобринских // Прометей. Т. 10. М., 1974. С. 268.

¹²⁶ См. об этом выше, примеч. 22.

в том или ином виде продолжая свое существование в XXI в., будто подтверждает мнение П. А. Вяземского, высказанное еще в 1837 г., о том, что после смерти «...клевета продолжала терзать память Пушкина, как терзала при жизни его душу».¹²⁷ История с повестью «Княжна Зизи» дает еще одно основание для пересмотра некоторых устойчивых мифов о семье Пушкина.

¹²⁷ Цит. по: *Шеголев П. Е.* Дуэль и смерть А. С. Пушкина. С. 227.

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»: ET IN ARCADIA EGO

О. Мандельштам однажды сказал: «...если когда-нибудь был золотой век, это девятнадцатый. Только мы не знали».¹ Пушкин это знал. Он знал больше: «золотым веком» был не весь девятнадцатый, а только его начало, его первая четверть, которую историки культуры именно так и называют. Этот «золотой век» Пушкин описал во всех деталях в главном труде своей жизни — романе в стихах «Евгений Онегин».

Об «Онегине» написано невероятно много. Читатели и исследователи часто видят в этом классическом романе отражение реалий русской жизни: бытовых, культурных, идеологических. Тон такому пониманию задал В. Г. Белинский: «...в лице Онегина, Ленского и Татьяны Пушкин изобразил русское общество в одном из фазисов его образования, его развития. (...) Везде видите вы в нем (в авторе. — М. А.) человека, душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче, везде видите русского помещика... Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности; но принцип класса для него — вечная истина... И потому в самой сатире его так много любви, самое отрицание его так часто похоже на одобрение и на любование...».²

Идеи Белинского были подхвачены Д. И. Писаревым, увидевшим в Онегине, а заодно и в авторе романа, ничтожного носителя всех пороков паразитического эксплуататорского класса, «испорченного до мозга костей систематической праздностью мысли».³ От Писарева не ускользнуло идиллическое начало в «Онегине»: греза о гармоничной жизни интеллектуально развитой личности в благоприятных обстоятельствах. Естественно, что подобные идеи вызвали у него лишь сарказм: «...золотой век исчез, как легкое сновиденье; и смотрят юные потомки аркадских жителей на богатырский размах „Евгения Онегина“ как на совершенно несообразную грезу...».⁴

И позднее роман Пушкина рассматривался как отражение русской жизни, ее непосредственных реалий и общественных проблем. Этот подход был четко и жестко сформулирован Г. А. Гуковским: «Именно „Евгений Онегин“ был окончательной победой реализма на его первой ступени — исторической, поскольку метод искусства не находит полного применения, пока он не дал ключа к пониманию и истолкованию современности».⁵

¹ Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 271.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 502.

³ Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 319.

⁴ Там же. С. 358.

⁵ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 129.

Как справедливо заметил современный исследователь, давно уже стало ясно, что «стараниями многих искусствоведов слово „реализм” лишилось какого бы то ни было смысла и приобрело характер упаковки, необходимой и достаточной для любого художественного продукта...».⁶ Поэтому прочное прикрепление пушкинского романа к «реализму» сыграло роковую роль в истолковании и понимании «Онегина». В романе ищут и находят точную, по дням, хронологию событий, правдоподобие мельчайших деталей быта, отражение буквально *всех* общественных и идеологических течений и умственных интересов пушкинской эпохи, описание и оценку декабристского движения, реалии пушкинской биографии, включая любовные переживания поэта, и многое, многое другое. Естественно, что при таком подходе роман становится неисчерпаемым кладом для комментаторов, источником размышлений и выводов для историков, историков общественной мысли, социологов, биографов Пушкина и пр.⁷ При этом, правда, исчезает художественное единство текста, то ощущение громадности, устойчивости и воздушности, о котором писала А. А. Ахматова:

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.⁸

Попробуем подойти к «роману в стихах» несколько с иной точки зрения. Представляется, что существенную роль в художественной и идеологической системе романа играет идиллическое начало. Нельзя сказать, что эта проблема не занимала критиков и исследователей. Как мы видели, даже Писарев называл эпоху Онегина «золотым веком». Правда, он вкладывал в это понятие только злую иронию по отношению к самому Онегину и его современникам.

В 1981 г. появилась статья, которая так и называлась: «Идиллические мотивы в „Евгении Онегине”».⁹ В этой статье автор вполне справедливо отмечает наличие в романе, пользуясь термином М. М. Бахтина, «идиллического хронотопа», который сложился в жанре идиллии еще в античные времена и прочно прижился в русской литературе в элегиях Жуковского, Батюшкова и др. В них идиллическое начало обычно было связано с печальными медитациями, сожалением о прекрасном и навсегда ушедшем прошлом.¹⁰ Последнее особенно важно для нашей темы.

Идиллическая жизнь, по представлениям древних, существовала в «золотом веке», идея которого была разработана еще в античности, в поэме Гесиода «Труды и дни» и в «Метаморфозах» Овидия. Античные авторы обычно помещали идиллический мир в Аркадию, горную область в центральной части Пелопоннеса. Таким образом, представление об идеальной, счастливой и беспечальной жизни тесно связывается во времени с «золотым веком», а в пространстве с Аркадией.¹¹ Сожаление об этом

⁶ Даниэль С. М. Библейские сюжеты. СПб., 1994. С. 26. Пользуюсь случаем поблагодарить С. М. Даниэля за ценные советы и замечания, высказанные им при обсуждении замысла этой работы.

⁷ В высшей степени интересно в этой связи процитировать высказывание А. М. Горького, которое как нельзя лучше показывает утилитарный подход к художественному тексту, вытекающий из «реалистического» толкования романа: Пушкин «написал первый русский реалистический роман, — роман, который помимо неувядаемой его красоты имеет для нас цену исторического документа, более точно и правдиво рисующего эпоху, чем до сего дня воспроизводят десятки толстых книг» (цит. по: Бродский Н. Л. «Евгений Онегин» — роман Пушкина / Пособие для учителя. 5-е изд. М., 1964. С. 8).

⁸ Ахматова А. А. Стихи и проза. Л., 1976. С. 354.

⁹ Хаев Е. С. Идиллические мотивы в «Евгении Онегине» // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 82—104.

¹⁰ См. об этом содержательную книгу В. Э. Вацура «Лирика пушкинской поры: («Элегическая школа»)» (СПб., 1994).

¹¹ См.: Кочеткова Н. Д. Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 172—186.

утраченном счастье лучше всего передается знаменитой фразой: «Et in Arcadia ego».

Она появилась как подпись под картиной итальянского художника Гверчино (Гуерчино) в начале XVII в. и стала особенно известной после картины Н. Пуссена, изображавшей могильную плиту с этой надписью. Фразу эту, как показал в своей работе Е. Панофски, можно понимать по-разному: «И я тоже был рожден или и я некогда жил в Аркадии» — либо: «Даже в Аркадии умирают (Даже в Аркадии существую я (Смерть))».¹² Оба этих подхода к действительности, как мы попытаемся показать, имеются в «Евгении Онегине».

Идиллический мир может существовать в отдаленном от автора пространстве или в некоем отдаленном от автора, чаще прошедшем, времени.

При этом мы будем понимать слово «идиллия» не в жанровом, а в семантическом смысле. Для нас идиллия есть некоторое состояние и место, где царствует гармония, где воплощаются мечты об идеальном, совершенном мире, где интеллектуально развитая личность существует в благоприятных обстоятельствах.

Чтобы обосновать представление о пушкинском романе как об идиллии, отодвинутой от автора во времени и пространстве, попробуем в самых общих чертах, суммарно, напомнить историю создания романа — содержание глав, время и место их написания:

Глава первая. Жизнь Онегина в Петербурге. 1823 г. (Кишинев, Одесса).

Глава вторая. Жизнь Онегина в деревне. 1823 г. (Одесса).

Глава третья. Любовь. Письмо Татьяны. 1824 г. (Одесса, Михайловское).

Глава четвертая. Объяснение Онегина с Татьяной. Деревенский быт. 1824—1825 гг. (Михайловское).

Глава пятая. Сельский бал. 1826 г. (Михайловское, Москва).

Глава шестая. Смерть Ленского. 1826 г. (Михайловское).

Глава седьмая. Деревня (без Ленского и Онегина). 1827—1828 гг. (Москва, Михайловское, Петербург, Малинники).

Глава восьмая. Петербург. Любовь Онегина. 1829—1830 гг. (Болдино).

Принято считать, что в «Евгении Онегине» Пушкин очень точно обозначил хронологические рамки своего повествования. Его герой родился в 1795 г., начал светскую жизнь в 1811—1812 гг., уехал в деревню весной 1820 г., убил Ленского 14 января 1821 г., трагическое объяснение с Татьяной произошло в марте 1825 г.¹³ Таким образом, у Онегина как раз оставалось время, чтобы вступить в тайное общество, принять участие в восстании 14 декабря, погибнуть на Кавказе. Воспоминания М. В. Юзефовича об оставленном замысле Пушкина¹⁴ и так называемая «Десятая глава» как будто дают основания для подобных заключений и «продолжений».¹⁵

¹² Ср.: «I, too, was born, or lived in Arcady; Ay, ay, death is even in Arcadia (Even in Arcady there am I (Death))» (*Panofsky E. Et in Arcadia ego: Poussin and the Elegiac Tradition // Panofsky E. Meaning in the Visual Arts. New York. 1955. P. 295, 296, 307*).

¹³ См.: *Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий / Пособие для учителя. 2-е изд. Л., 1983. С. 18—23*.

¹⁴ «...Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 113).

¹⁵ О перерождении, возрождении Онегина, превращении его в декабриста пишет Г. А. Гуковский (см.: *Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. С. 250—274*). С. М. Бонди говорит об этом еще более определенно: «Все это делает достаточно вероятным предположение исследователей творчества Пушкина о том, что в последних главах задуманного Пушкиным большого варианта „Онегина“ действие должно было развиваться так: в десятой главе рассказывалось о политических событиях в России в начале XIX века — царствовании Александра I, борьбе его с Наполеоном, войне 1812—1815 годов, народном движении после войны, образовании тайных революционных обществ (будущих декабристов). Здесь же, очевидно, Онегин, потерпевший полный крах в личной жизни и подготовленный всеми предыдущими событиями к духовному возрождению на почве общественных интересов, участия в революционной борьбе, примыкает к декабристам» (*Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1960. С. 250*).

Правда, сам Пушкин к этому сюжету уже не имеет никакого отношения.¹⁶

В то же время Пушкин как будто сам подтверждает точку зрения исследователей, когда в примечании 17 пишет: «Смеем верить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (VI, 193).

На самом деле, как это убедительно показал В. С. Баевский, никакой точной внутренней хронологии в романе нет.¹⁷ Замечание Пушкина имеет в виду лишь правильную смену времен года в романе. Оно было написано, когда в отдельное издание главы третьей вкралась опечатка: «Зимой летят во весь опор» вместо «Домой летят во весь опор».¹⁸

Суть размышлений Баевского сводится к следующему. Если Онегин родился в середине 1790-х гг., то его бурная светская жизнь: театры, рестораны, балы, любовные похождения — никак не вяжется с величественными событиями 1812—1815 гг. (герою 17—20 лет). Молодой шалопай пьет «вино кометы», пока его сверстники (Чаадаев, Каверин, Грибоедов, Вяземский и многие-многие другие) служат в армии, находятся на полях сражений, где решались судьбы России и Европы. Кстати, блестящий гусар Каверин никак не мог обедать с Онегиным в то самое время, когда с русскими войсками шел от Москвы до Парижа.

Есть в привычной хронологической схеме и много других несообразностей: белые ночи в Петербурге в начале мая, скоропалительный духовный кризис Онегина, занявший при точном расчете времени лишь несколько месяцев, и пр. Все это убедительно и интересно показано Баевским, который пришел, с нашей точки зрения, к справедливому выводу: «Можно сказать, что героям романа в каждом эпизоде столько лет, сколько требует художественная и психологическая правда».¹⁹

А теперь попробуем взглянуть на изображение жизни Онегина с точки зрения реального автора, А. С. Пушкина, не заботясь о точной хронологической прикрепленности событий романа. Выясняется любопытная закономерность. Онегин всегда находится в том пространстве или времени, в той ситуации, в которой хотелось бы быть автору. Можно сказать, перефразируя терминологию М. М. Бахтина, что это «желаемый» хронотоп.

В самом деле, в главе первой Онегин находится в Петербурге, откуда автор изгнан, возвращение куда для него невозможно: «...вреден север для меня». Изображение Петербурга в главе первой превращается, как увидим, в некоторый идеально-прекрасный мир. Начало этому ощущению задано уже в следовавшем за предисловием к этой главе «Разговоре Книгопродавца с Поэтом», впоследствии снятом. Здесь «Наш век — торгаш», «сей век железный» противопоставлен миру вдохновений поэта. Если в одном мире поэт готов продать свою рукопись, то в ином мире, мире «пламенного восторга», господствует муза сладостных даров.

На юге были написаны следующие полторы главы, — поэт был так же далек от идиллического, поэтического мира русской деревни, как и от роскошной северной столицы. Он мог только вспоминать в стихах о своем недолгом пребывании в любимом Михайловском,²⁰ где

¹⁶ См. по этому поводу скептические и весьма убедительные размышления Ю. М. Лотмана (*Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 391—394).

¹⁷ См.: *Баевский В.* Сквозь магический кристалл: Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах А. Пушкина. М., 1990. С. 114—155. Основную традиционную литературу вопроса см. на с. 116 этой работы.

¹⁸ Ср. замечание И. М. Тойбина: «...не события, а время „расчислено по календарю“. Речь идет, несомненно, о календаре природы — о соответствии повествования временам года...» (*Тойбин И. М.* «Евгений Онегин»: Поэзия и история // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 9).

¹⁹ *Баевский В. С.* Сквозь магический кристалл: Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах А. Пушкина. С. 128.

²⁰ Чуть больше месяца, с 11 июля по 20-е числа августа 1817 г. (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1 / Сост. М. А. Цявловский; Отв. ред. Я. Л. Левкович. С. 106—108.*)

...в былые годы
Провел в бездействии, в тени
Мои счастливейшие дни?

(VI, 28)

Главы четвертая, пятая и шестая написаны в Михайловском. Автор как будто соединился наконец со своим героем в том самом Михайловском, где он сейчас живет и которое иногда с нарочитой документальностью возникает на страницах романа в стихах.²¹ Однако и здесь разрыв, но уже ситуационный, между автором и героем сохраняется.

Онегин приехал в деревню по доброй воле, живет здесь тихой, мирной, покойной, «святой» жизнью, пролетающих дней «в беспечной неге не считая». Не то автор. Позади у него столкновение со всемогущим наместником Южного края Воронцовым, пылкая и трагическая любовь. Сюда, в Михайловское, он сослан под надзор и опеку губернских и церковных властей. Это уже настоящая ссылка. Пушкин был обязан «жить безотлучно в поместии родителя своего, вести себя благо нравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосудительными и вредными общественной жизни, и не распространять оных никуда».²² Таким образом, даже те беседы, в которых обсуждались «племен минувших договоры», «плоды наук», «добро и зло», «судьба и жизнь», в сущности были запрещены поэту.

В главах шестой, седьмой, восьмой взгляд автора на события, происходящие в романе, меняется. Круто изменилась биография Пушкина. Судьба бросает его из деревенской хижины в Кремлевский дворец, где он ведет долгую беседу с новым императором. Этой беседе предшествовали крушение старого мира, кровь, трагедия. Пути героя и автора стремительно расходятся.

В 1826—1830 гг., когда Пушкин заканчивает свой роман, герои его еще живут там, в «золотом веке» России. Сам же автор уже смотрит на него из своего настоящего как на далекое и прекрасное прошлое. На двух последних главах романа лежит отпечаток грусти, скорби, трагедии. Это Аркадия, в которой уже не жить поэту и которая уже не существует в настоящем. Здесь как будто раскрывается второй смысл старинного изречения: даже в Аркадии умирают.²³ Впрочем, об этом мы поговорим несколько позднее. А пока попробуем взглянуть на роман не с точки зрения исторических реалий, а как на цельный, замкнутый в себе поэтический мир.

Глава первая представляет собою описание жизни Онегина и его социальной страты в столичном городе С.-Петербурге. Онегинский Петербург несколько не похож на реальную столицу с ее дождями, сыростью, слякотью. Зима здесь красива и привлекательна:

Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.

(VI, 11)

Или:

...снег утренний хрустит.

(VI, 20)

Лето идиллически прекрасно:

...прозрачно и светло
Ночное небо над Невой

²¹ Ср., например, Пушкина, ежедневно купавшегося в Сороти, и Онегина, который «сей Геллеспонт переплывал», русскую одежду Пушкина и Онегина (в черновиках), убранство пушкинского и онегинского кабинетов: портрет Байрона, маленькая скульптура Наполеона (глава четвертая, строфы XXXVI—XXXVII; глава седьмая, строфа XIX).

²² Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. I. С. 436.

²³ См. сноску 12.

И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы
(.)
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
(VI, 24)

Недаром в примечании к этим идиллическим строчкам сам автор отсылает читателей именно к *идиллии* Н. И. Гнедича «Рыбаки», 26 стихов из которой и цитирует. В «Рыбаках» вполне в буколическом духе описана белая петербургская ночь, лодки на Неве, музыка и песни, упомянутые в следующей строфе XLVIII. А чуть позднее, снова подчеркивая литературность своего изображения Петербурга, Пушкин вспоминает и цитирует в примечании описательно-идиллическое с обилием античных реминисценций стихотворение М. Н. Муравьева «Богине Невы».

Столь же безмятежно прекрасен и описанный в главе первой русский дворянский быт. Много места в нем занимает еда. Живописны и красивы окровавленный ростбиф, трюфли, лучший цвет французской кухни, страсбургский пирог, лимбургский сыр, золотой ананас и пр. Эти изысканные кушанья так же определяют спокойный устойчивый уют эстетически совершенного дворянского бытия, как мнимо простая, неприхотливая еда подчеркивает безмятежную прелесть пастушеской жизни в буколиках Феокрита или Вергилия, которых Пушкин и поминает в той же главе первой:

...у меня творога изобилье,
Свежие есть плоды, созревшие есть и каштаны.²⁴

Или:

Медом хотелось бы мне уста твои, Тирсис, наполнить!
Сладостным медом из сот, виноградом от лоз на Айгиле.²⁵

Изящны и красивы вещи, окружающие Онегина и составляющие принадлежность утонченной дворянской культуры: янтарь, фарфор, бронза, граненый хрусталь — лучшие создания человеческих ремесел, призванные украшать жизнь обитателя петербургской Аркадии.

Буколические пастухи проводят свои дни в поэтических состязаниях, сочинении любовных песен и в уходе за стадом. Все это сродни театральному действу. Таким же утонченно изысканным театром является общественная жизнь Онегина. Из настоящего театра, «волшебного края», где для него танцует «блистательная, полувоздушная» Истомина, он попадает на другой не менее яркий и выразительный спектакль, где сам играет заглавную роль:

Взлетел по мраморным ступеням,
Расправил волоса рукой
(.)
Бренчат кавалергарда шпоры,
Летают ножки милых дам...
(VI, 16—17)

Именно здесь проявляет герой свою осведомленность в «науке страсти нежной» и практическое владение ею, о чем автор детально осведомил читателя в начале главы первой.

Однако жизненный пир, участником которого становится герой, не ограничивается предметами материального быта. Напротив, обильное интеллектуальное пиршество и делает роскошный имперский Петербург настоящей Аркадией, землей обетованной. Горы бумаги исписаны, чтобы прокомментировать круг чтения и занятия Онегина. Обычно стараются

²⁴ *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 31.

²⁵ *Феокрит*. *Моск. Бион*. Идиллии и эпиграммы. М., 1958. С. 14.

показать, что герой Пушкина находится на уровне европейской образованности и что его интересы близки декабристским (см. интересные, во многом исчерпывающие комментарии Ю. М. Лотмана). И сам Онегин, и его окружение обладают широкими и разносторонними познаниями и интересами: античность и современные экономические и исторические проблемы, европейская и русская литература, философия и публицистика XVIII—XIX вв. и др. Об этом так много писалось, что приводить цитаты о Гомере, Феокрите, Адаме Смите мы считаем излишним. Заметим только, что многие существенные упоминания имен и идеологических течений, характеризующие политический и литературный кругозор Онегина: де Сталь, Шатобриан, Байрон, Жомини, карбонарии и пр., — встречаются лишь в черновых набросках или в пропущенных строфах. Пушкин не хочет утяжелять повествование. Он сознательно говорит о занятиях и интересах своего героя шутивно, небрежно. Все, что тот знает, пришло к нему легко, без трудов и усилий. Так и должно быть. Ибо герой живет в «золотом веке», в Аркадии, где на поверхности лежат лишь золотистые плоды просвещения, а труд, которым они добыты, скрыт от глаз постороннего. По правилам игры в идиллии должна быть видима только красота бытия.

В черновиках раскрыты, названы многие имена, составляющие обширный и впечатляющий круг чтения Онегина. Так, библиотека Онегина в деревне по первоначальному варианту черновика состояла из писателей, философов, историков XVIII в. и некоторых античных авторов (Юм, Робертсон, Руссо, Мабли, Гольбах, Локк, Кант, Фонтенель, Дидро, Гораций, Цицерон, Лукреций).²⁶ Этот список Пушкин частично реализовал позднее, в главе восьмой, рассказывая о серьезном чтении (историки, философы, ученые) зимой у камелька одинокого, влюбленного в Татьяну Онегина:

Стал вновь читать он без разбора.

(VI, 182)

В главе седьмой Пушкин, может быть имея в виду, что герой обратится к сугубо серьезному чтению позднее, набрасывает второй вариант этой строфы, где на протяжении 14 строк перечисляет наиболее выдающиеся произведения европейского романтизма, входящие в орбиту постоянных интеллектуальных интересов Онегина. Здесь «*весь* (курсив мой. — М. А.) Вальтер Скотт», Бенжамен Констан («Адольф»), Шатобриан («Рене»), Метьюрин («Мельмот-скиталец»), Ж. де Сталь («Коринна»), Байрон («Дон Жуан»).

В окончательном тексте, как он сделал это и в главе первой, Пушкин убирает все конкретные имена, оставляя их эрудиции и образованности читателя. Сохранился лишь Байрон («Певец Гяура и Жуана») и блестящая характеристика романтического героя, к интеллектуальным раздумьям и противоречиям которого причастен сам Онегин:

...два-три романа,

В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

(VI, 148)

²⁶ См.: VI, 438—439. Ср.: Eugene Onegin, a Novel in Verse by Aleksandr Pushkin: In two volumes // Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. Princeton University Press, 1981. V. 2 (Commentary and Index). P. 94—102; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 316—320.

Конечно, подобное напряжение страстей и переживаний далеко от мира чувств идиллических простых и простодушных героев Феокрита, Геснера, Гнедича или Дельвига (впрочем, о последнем разговор особый, и мы к нему еще вернемся). И может показаться странным, что в связи с эгоизмом, озлоблением ума и пр. мы говорим об идиллическом начале в романе. Однако мы уже отмечали, что под идиллией мы имеем в виду полное и совершенное развитие личности, в том числе и, может быть, в первую очередь, интеллектуальное. А это значит, что герои не только находятся на современном уровне развития, но что интеллектуальные проблемы занимают в их жизни главное место и они имеют полную возможность предаваться своим умственным занятиям.

Все, что мы говорили об образовании Онегина, относится и к Ленскому, и к Татьяне. Первый вводит в роман немецкую ученость (Кант) и немецкую литературу (Шиллер, Гете). Как всегда у Пушкина, об этом говорится легко, скороговоркой, как будто небрежно. Но так и должно быть у совершенного, идеального героя, в свои 18 лет обладающего богатством, красотой, поэтическим даром, умом, образованностью.²⁷

Интеллектуальные интересы Татьяны не столь глубоки, но и она читает, страдает, думает. В кругу ее интересов не только уже наивные и устарелые Коттен, Крюднер и Ричардсон («Который нам наводит сон»), но и Руссо, и де Сталь. Несколько позднее Татьяна приобщается к интеллектуальным интересам Онегина.

Деревня в пушкинском романе наиболее идиллична. Не случайно уже упоминавшийся нами исследователь именно в деревенских главах «Онегина» нашел идиллические мотивы. Русская природа, как и петербургская жизнь, оборачивается к читателю своей благостной стороной. Здесь нет грязной и холодной русской осени, о которой одновременно с «Онегиным», к примеру, Пушкин писал, в «Графе Нулине» (1825) и в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» (1830):

...грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег...
(V, 3)

Или:

...серых туч густая полоса.
(.)
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дожливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
(III, 236)

В «Онегине»: «Луга и нивы золотые <...> / Огромный, запущённый сад, / Приют задумчивых дриад» (VI, 31); «...луна обходит / Дозором дальный свод небес, / И соловей во мгле древес / Напевы звучные заводит» (VI, 58). И еще:

Там соловей, весны любовник,
Всю ночь поет; цветет шиповник,
И слышен говор ключевой...
(VI, 141)

Весна здесь лучезарна и безоблачна:

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
(.)

²⁷ Впечатляющий анализ интеллектуальных интересов Ленского см. в упоминавшейся книге В. Э. Вацура «Лирика пушкинской поры: («Элегическая школа»)» (с. 33–34).

Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
(VI, 139—140)

Когда наступает зима, она является автору и героям в своей «холодной красе», это «волшебница Зима»:

На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре
< >
И мягко усталые горы
Зимы блистательным ковром,
Всё ярко, всё бело кругом
< >
На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарю поздней
Сиянье розовых снегов...
(VI, 97—98)

Даже осень в «Онегине» совсем не такая, как мы видели ее в цитированных выше стихах Пушкина. Она близка той поэтической осени, источнику вдохновения, которая описана была поэтом в знаменитом стихотворении 1833 г. В пушкинском романе она столь же поэтична:

Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман
< >
Встает заря во мгле холодной...²⁸
(VI, 89—90)

Столь же беспечален и изыскан, хотя, может быть, и менее прихотлив, чем в столице, деревенский дворянский быт, описанный Пушкиным:

Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина...
(VI, 89)

А зимой:

Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
< >
Прогулки тайные в санях...
(VI, 98)

(Пускай эти зимние наслаждения уже описаны Вяземским, но поэт с удовольствием включает эротику «зимних нег» в изображение красот русской зимы.)

²⁸ В «Отрывках из путешествия Онегина» Пушкин рисует совсем иные картины русской осени: «Люблю песчаный косогор, / Перед избушкой две рябины, / Калитку, сломанный забор, / На небе серенькие тучи, / Перед гумном соломы кучи...». Однако чисто формально «Путешествие» не входит в текст романа. Онегин здесь вырывается из идиллического хронотопа, и автор рассказывает о своих новых эстетических предпочтениях, противопоставляя их поэтическим картинам не только своего раннего творчества, но и «романа в стихах» (см. об этом ниже). Сказанное несколько не противоречит тому, что «Отрывки...» являются полноценной и художественно значимой частью романа, «полноправным, композиционно-содержательным звеном, замыкающим собой стихотворное повествование» (см. об этом: *Чумаков Ю. Н.* 1) «Отрывки из путешествия Онегина» как художественное единство // Вопросы поэтики литературных жанров. Л., 1976. С. 3; 2) «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман. Новосибирск, 1983).

Как всегда в романе Пушкина, быт удивительно поэтичен, и ощущение деревенской уединенной идиллии особенно ему свойственно:

Огонь потух; едва золою
Подернут уголь золотой;
Едва заметною струею
Виется пар, и теплотой
Камин чуть дышит. Дым из трубок
В трубу уходит. Светлый кубок
Еще шипит среди стола.
Вечерняя находит мгла...

(VI, 93)

Или:

Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал...

(VI, 70)

Отметим, что жизнь простого народа (ремесленников в городе, крестьян в деревне) вне поля зрения поэта. Герои романа полностью погружены в свой собственный быт (бытие). Если простолюдины и появляются (очень редко) на страницах романа, то лишь как отдаленный, мимолежный фон, только оттеняющий эту экзистенциальность, полную интеллектуальную (и бытовую) замкнутость существования героев в своем собственном мире. Реалии прозаического (тоже, впрочем, опозитизированного) простонародного быта возникают лишь мимолежно. Таковы немец-хлебник, молочница-охтинка, извозчик, разносчик, купец — в городе. В деревне — дворовый мальчик, бегающий с Жучкой либо подающий, как мы только что видели, сливки, собирающие ягоды девушки, пению которых «с небреженьем» внимает Татьяна, или прядущая при лучине дева, или мужики, которым «ярем барщины» Онегин заменил легким оброком, или те рекруты, которым мать Татьяны «брила лбы», или служанки, которых она же «била осердьясь». ²⁹ Все они составляют не более как необходимое условие идиллического бытия основных героев и возникают на периферии поэтического описания, не останавливая на себе внимания ни автора, ни читателя.

Прав поэтому был Г. В. Плеханов, когда в 1885 г. писал, что «Евгений Онегин» вовсе не интересен для простого народа: «В свое время роман этот наделал много шума, да и теперь еще его с удовольствием читают люди высших классов. Но если, пользуясь воскресным отдыхом, за него возьмется человек, проработавший целую неделю на фабрике, то его вряд ли займут хождения „разочарованного“ барина. Такой человек видел много настоящего, неподдельного горя, но он не знал „хандры“ и „разочарования“, точно так же как не знали этих мудреных вещей те крепостные крестьяне, с которых получал оброк господин помещик Онегин. Рабочий просто не поймет внутреннего содержания этого романа». ³⁰

И немногочисленные читатели Пушкина из крестьян сами чуть позднее вполне подтвердили точку зрения Плеханова. Они с наименьшим интересом относились именно к «Евгению Онегину»: барские проблемы их, очевидно, совсем не занимали. Б. С. Мейлах проанализировал и процитировал многие письма крестьян о Пушкине, написанные в 1899 г. Вот что пишет об «Онегине» один из деревенских «грамотеев», может быть, сельский учитель: «И такое, например, прекрасное произведение

²⁹ В одном из черновых вариантов было гораздо грубее: «Секала жопы...» (VI, 295).

³⁰ Цит. по: Усок И. Е. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и его восприятие в России XIX—XX вв. // Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979. С. 286.

Пушкина, как „Евгений Онегин”, к сожалению, тоже не особенно интересует нашего брата-мужика и читается не многими и не так охотно, как повести Пушкина. Сколько я ни допытывался узнать этому причину от берущих у меня читать эту книгу, но добиться ничего путем не мог. Один, впрочем, страстный любитель чтения из мастеровых (иконописный позолотчик) говорил мне об этом сочинении так: „Ну что же в нем хорошего, не быть (быль, по его понятию, стихами не пишется) и не сказка, а так себе, что-то такое... между правдой и ложью, — поэтому, говорит, оно мне ничуть не нравится, а также не нравится и другим, которым я читал его...”. Другие же, которым я давал эту книгу, так просто отмалчивались на мои расспросы, по всему заметно, что некоторые ее даже не дочитывали, — вот и все, чего я мог добиться от читавших „Евгения Онегина”». ³¹

На умиротворенном, спокойном, лишенном каких бы то ни было социальных конфликтов деревенском фоне происходят, однако, события, никак не вписывающиеся в наше представление о гармоническом, идиллическом бытии. И это прежде всего кровавая дуэль Онегина и Ленского. Дело обстоит, однако же, не так просто.

Дуэль, особенно в России, где поединки были строгайше запрещены, была неременной и обязательной нормой дворянского поведения. Это был жестокий и автоматический регулятор дворянской чести, защиты человеческого достоинства, правило поведения благородного человека. ³²

Пушкин очень хорошо понимал моральную ценность жестокого и кровавого обычая. Он дрался на дуэлях несколько раз. Его роковой поединок был последним и окончательным средством защитить семейную честь, доброе имя жены, утвердить чувство собственного достоинства.

В романе герои с удивительной шепетильностью относятся к вопросам чести (речь идет только об Онегине и Ленском; Зарецкий, лакей Гильо не входят в этот круг). О затеянной дуэли жалеет Ленский, оправдывая свое решение искусственными софизмами, признает свою вину Онегин. Однако механизм запущен, и каждый из героев подчиняется строгим правилам чести, заставляющим человека демонстрировать мужество, хладнокровие, пренебрежение к смерти.

Вместе с тем смерть Ленского несет в себе некоторое очищение, катарсис, она сохраняет в романе высокую атмосферу идеальной, совершенной и в этом смысле идиллической жизни. В самом деле, сразу после гибели поэта автор приступает к обсуждению возможной его участи, если бы Ленский не погиб. Возникает два варианта. Первый: человечество лишилось великого поэта:

Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла.
(.)
Погиб животворящий глас...
(VI, 133)

И второй:

В нем пыл души бы охладел.
(.)
В деревне счастлив и рогат,
Носил бы стеганный халат
(.)
Пил, ел, скучал, толстел, хирел...
(VI, 133)

³¹ Цит. по: *Мейлах Б.* Талисман: Книга о Пушкине. М., 1975. С. 242.

³² См.: *Лотман Ю. М.* 1) Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 92 и след.; 2) Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 164 и след.

Между строфами XXXVII и XXXIX была еще одна, обозначенная в тексте как пропущенная XXXVIII. Она сохранилась в записи В. Ф. Одоевского (ныне утраченной) и была опубликована Я. К. Гротом только в 1887 г. В этой строфе автор примеривал к Ленскому роли политического деятеля, полководца или газетного публициста:

Исполня жизнь свою отравой
(.)
Увы, он мог бессмертной славой
Газет наполнить нумера.
Уча людей, мороча братьий
(.)
Как наш Кутузов, иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев.
(VI, 612; см. также 611)

Бытует мнение, что строфа была выброшена по цензурным соображениям.³³ В этом можно усомниться: строку о Рылееве легко можно было бы опустить, заменив ее точками. Остальные строки были вполне подцензурными. Включение третьего пути нарушало бинарную альтернативу: плохо — хорошо. При этом очевидно, что «третий» путь, с точки зрения автора, был столь же бесперспективен, как и второй: либо беспроектная пошлость, либо «отрава» и обман («мороча братьий»).

При этом возможность опошления (в деревне или на политической арене) делала смерть поэта менее трагичной: лучше умереть в расцвете сил, в пылу поэтических мечтаний, в расцвете любви. Недаром так поэтически-прониновенно описана в романе смерть Ленского:

Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..
(.)
Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
(VI, 130)

В то же время очень важно, что глава шестая целиком написана в 1826 г. 1825 год пролег непроходимой чертой между русским «золотым веком» и новой прагматической культурой. Умер или ушел в схимники император Александр I, при всех своих недостатках человек умный, красивый и добрый. Вслед за этим произошло восстание на Сенатской площади, странная революция, где мечтатели-офицеры и пылкие поэты (обе эти ипостаси часто совпадали) принесли свои жизни на алтарь им самим неясной и неопределенной грезы. Пролилась кровь. Добрый, великодушный, восторженный Кюхельбекер зачем-то стрелял в великого князя Михаила (тот потом выпросил у царя замену для преступника смертной казни двадцатилетней тюрьмой). Зачем-то убили любимца солдат, ученика Суворова, легендарного, блестящего генерала Милорадовича. И сами были готовы к неминуемой гибели. «Мы умрем, ах, как славно мы умрем!» — восклицал накануне страшных событий юноша Александр Одоевский. Вторил ему Рылеев, с которым Пушкин сравнил Ленского: «...последние минуты наши близки, но это минуты нашей свободы; мы дышали ею, и я охотно отдаю за них жизнь свою».³⁴ После этих событий отошел в прошлое и «золотой век» России.

³³ См., например: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 306.

³⁴ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1989. Т. 2. С. 87 (воспоминания Н. А. Бестужева). См.: *Цетлин М.* Декабристы: (Судьба одного поколения). New York, 1954. С. 170, 175.

На фоне этих настроений и воспоминаний описал Пушкин гибель Ленского. Идиллия быстро и безвозвратно уходила, и здесь самое время вспомнить второе толкование знаменитого изречения об Аркадии. Оно как нельзя лучше объясняет важнейшие мотивы последних глав романа: «даже в Аркадии умирают», даже в Аркадии происходят трагические события. Замкнутый идиллический мир красоты и культуры уступает натиску враждебных сил, и этот натиск нарастает от главы к главе.

В главе первой враждебных сил нет совсем. Этому не противоречит несомненный налет иронии, которым проникнута вся эта глава. Пушкин подтрунивает над «ученостью» Онегина:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...
(VI, 7)

Уверяет нас, что наиболее совершенен был его герой в «науке страсти нежной», и с мнимой серьезностью описывает его успехи в практическом приложении этой «науки»:

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать...
(VI, 9)

Кроме этой добродушной иронии, никакого отрицания в главе первой нет. Может быть, вначале Пушкину и виделось его произведение как сатирическое описание далекой петербургской жизни. 1 декабря 1823 г. он писал А. И. Тургеневу: «...я на досуге пишу новую поэму, „Евгений Онегин“, где захлебываюсь желчью». Инерция этого представления чувствуется в предисловии к отдельному изданию главы первой романа. Здесь автор называет себя «сатирическим писателем», но подчеркивает, что его новое произведение не «сатирическое», а «шуточное», похожее на «Беппо», «шуточное произведение мрачного Байрона», «шуточное описание нравов». Тут же он замечает, что первые главы «Онегина», «писанные под влиянием благоприятных обстоятельств (...) носят на себе отпечаток веселости...» (VI, 638).

Та же инерция, видимо, отразилась и в замечании о главе первой в письме к брату от января—февраля 1824 г., где Пушкин жалуется, что А. Н. Раевский не понял «сатиры и цинизма» в главе первой «Онегина». Однако уже в марте 1825 г. Пушкин решительно возражает А. А. Бестужеву, который требовал от автора «Онегина» резкости и сатиры: «...поставил ли ты его (Онегина. — М. А.) в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его (т. е., очевидно, света. — М. А.) резкие черты?». И далее Бестужев противопоставляет Пушкину Байрона, сатира которого всегда «зла и свежа». Пушкин в ответ справедливо замечает, что его корреспондент «смотрит на Онегина не с той точки». Для него его новый роман отнюдь не обличительное произведение, и цели такой поэт перед собой не ставил: «Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в „Евгении Онегине“». ³⁵

Нет никакой сатирической линии и в последующих главах, где окружающий, скорее смешной, чем враждебный, помещичий мир упоминается лишь мимоходом, вроде тех соседей Онегина, от которых герой вполне успешно скрывался на «донском жеребце». Напротив, мир Лариных, как уже отмечалось, ³⁶ описан в основном в идиллическом ключе.

Чуждый идиллии, враждебный ей фольклорный (может быть, точнее, псевдофольклорный) мир появляется только в главе пятой, в сне Татьяны. Эти страшные чудовища не имеют аналогов в русском фольклоре: рак верхом на пауке, череп на гусиной шее, некто в рогах с собачьей мордой, другой с петушьей головой, остов чопорный и гордый, ведьма

³⁵ Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1. С. 472—473, 476.

³⁶ См. упоминавшуюся выше статью Е. С. Хаева.

с козьей бородой, карла с хвостиком, полужуравль и полукот, в черновиках были еще какие-то уроды с мышьиной головой, с хвостом, с козлячьей головой, петухи в цветных ливреях, крысы в розовых ливреях, рыба с лапками и пр. (VI, 389—390). Ю. М. Лотман замечает, что «такое изображение нечистой силы имеет западноевропейское происхождение и не поддерживается русской иконографией и фольклорными русскими текстами».³⁷ Некоторые европейские аналоги безобразным видениям Татьяны приводит Набоков.³⁸

Давно было вполне справедливо отмечено, что приехавшие на именины Татьяны гости напоминают чудовищ из ее сна. Облеченные в плоть и кровь, снабженные значащими именами (Трике, Пустяков, Петушков, Гвоздин) и именами всем известных литературных героев (Скотинины, Буянов), они заполняют пространство романа, и идиллический, прекрасный мир уходящей дворянской культуры начинает сжиматься, как шагреневая кожа.

Особенно мало места остается для этого идеального мира в главах седьмой и восьмой. Пространство заполняется московским, потом петербургским светом: «бессвязный, пошлый вздор», «Не вспыхнет мысли в целы сутки».

Вернувшись в Петербург, Онегин попадает в *другое* время, когда «золотой век» кончился. Мир ничтожный и жалкий (в отличие от главы первой) теперь окружает Онегина и Татьяну, которая пытается в своей гостинной создать некий идеальный топос. Автор старательно и неубедительно старается противопоставить его остальному свету: «легкий вздор» «без глупого жеманства», «Разумный толк без пошлых тем», старик, шутивший «отменно тонко и умно», и пр. По черновикам видно, что Пушкин стремился описать салон Татьяны как последний островок петербургского «золотого века». Здесь умно разговаривают, здесь нет «щекотливости мещанской», здесь принят «слог простонародный», здесь нет холодных насмешек над старомодной деталью туалета и пр. (VI, 626—628). Однако дальнейшего развития эти попытки не получили. Даже гостиную Татьяны заполняют в конце концов в основном тексте романа «необходимые глупцы», «на всё сердитый господин», «перекрахмаленный нахал», «Проласов, заслуживший / Известность низостью души» и пр.

В этом пошлом и злом мире разыгрывается последний акт трагической идиллии нарисованного Пушкиным «золотого века».

Любовь в романе Пушкина прекрасна, но с самого начала несет на себе печать обреченности. В главе четвертой Онегин отвечает на любовь Татьяны так, как должен ответить порядочный человек, в полном соответствии с идеалами чести, уважения к другой человеческой личности, с добротой и мягкостью. Онегин не любит Татьяну, но щадит и ценит ее чувство («...в тот страшный час / Вы поступили благородно», — вспоминает позднее Татьяна). Разговор происходит в деревне, на фоне той природной идиллии, в которой разворачиваются центральные главы романа, а были они написаны, как мы помним, в 1824—1825 гг., когда опальный поэт и сам жил в деревне, в Михайловском.

Иная ситуация в главе восьмой, последней. Она начата в конце 1829 г. и закончена в конце сентября 1830 г. Онегин теперь пылко, поэтично, преданно любит Татьяну:

Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство
(.)
Желать обнять у вас колени
И, зарывав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени...
(VI, 180—181)

³⁷ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 273.

³⁸ См.: Eugene Onegin, a Novel in Verse by Aleksandr Pushkin: In two volumes. V. 2. P. 506—511.

Но и Татьяна любит Онегина, в чем откровенно и признается ему: «Я вас люблю (к чему лукавить?)». И теперь она поступает в полном соответствии с законами чести, морали, долга, теми законами, которыми на всем протяжении романа отмечено поведение его героев, людей «золотого века» России. Верность и долг оказываются важнее любви, сильнее личного счастья.

Татьяна и Онегин прекрасны. Но в новом мире, пришедшем на смену «золотому веку», они обречены, как ранее погибший Ленский. Отсюда и печать глубокой грусти, лежащая на этой главе, и воспоминания об ушедших и погибших друзьях («Но те, которым в дружной встрече / Я строфы первые читал... / Иных уж нет, а те далече, / Как Сади некогда сказал»). И самое главное — это трагичный, кажется, не имеющий аналогов в мировой литературе по событийной незавершенности финал романа, который внезапно оборван автором на мучительном переживании героя:

...Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
(.)
И здесь героя моего
(.)
...мы теперь оставим
Надолго... навсегда...
(VI, 189)

Так заканчивалась последняя глава романа. В отдельном полном издании (1833) этот текст был дополнен «Отрывками из путешествия Онегина». Еще в предисловии к отдельному изданию главы восьмой автор признавался, что «выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России». Перепечатывая роман в полном виде, Пушкин присоединил к нему «Отрывки из путешествия Онегина», сохранив уже сложившуюся структуру из восьми глав и не восстановив первоначальный замысел: три части по три главы в каждой, где «Путешествие» («Странствие») было бы главой восьмой, а заключительной главой была бы глава девятая.

Вторжение в идиллический, замкнутый мир громадной России с ее военными поселениями, Нижним и Великим Новгородом, Астраханью, Одессой разрушало целостный замысел романа. Включение же отдельных сцен в своеобразный эпилог, каким стало «Путешествие», подчеркивало крушение идиллии и выбрасывало героя из идеального хронотопа в Россию *реальную*, ту Россию, где для пушкинских героев уже не было места. Они живут в Петербурге (реже в Москве) или в уединенных усадьбах, своих «дворянских гнездах» (Михайловское, Тригорское, Малинники, Остафьево и пр.). Онегин «Путешествия» — другой, и видит он другую Россию. Такому Онегину нет места на основных страницах романа. Не случайно именно в «Путешествии» появляются «прозаические бредни»: «На небе серенькие тучи / Перед гумном соломы кучи (...) пьяный топот трепака / Перед порогом кабака. (...) завернув на скотный двор...» и т. п. То, что «Путешествие» хронологически будто бы происходит до событий главы восьмой, значения не имеет. Внутренняя хронология романа, как мы видели, не существенна. Она к тому же и весьма неопределенна. Так, действие главы восьмой происходит то ли в 1825 г., то ли, судя по настроению, около 1830 г.

Тем не менее «Путешествие», несомненно, принадлежит роману,³⁹ и автор не преминул завершить «Отрывки из Путешествия» — и тем самым полный, окончательный текст романа — поэтической концовкой, возвращающей нас в идиллический хронотоп:

³⁹ См. упомянутые выше работы Ю. Н. Чумакова.

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Всё молчит;
Лишь море Черное шумит...

(VI, 205)

В 1829 г. вышла из печати книга «Стихотворения барона Дельвига», единственный прижизненный сборник стихотворений поэта. Книга заканчивается, если не считать короткого, в восемь строк, «Эпилога», знаменитой идиллией «Конец золотого века». Здесь рассказывается о смерти (самоубийстве) пастушки Амариллы, обманутой городским юношей Мелетием.

Основная мысль стихотворения Дельвига выражена в его названии: «золотой век» кончился, и Путешественник (начало стихотворения) восклицает, оглянувшись вокруг:

Нет, не в Аркадии я!..

Обман, предательство, коварство пришли в Аркадию и изменили ее облик:

Бедная наша Аркадия! Ты ли тогда изменилась.
Наши ль глаза, в первый раз увидавшие близко несчастье,
Мрачным туманом подернулись? Вечнозеленые сени,
Воды кристальные, все красоты твои страшно поблекли.⁴⁰

Аркадские жители знают, что они «счастливы были», но они также хорошо понимают, что счастье «гость на земле, а не житель обычный».⁴¹

Не случайно, разумеется, что Дельвиг писал свои исполненные глубокой грусти стихи как раз тогда, когда его гениальный друг готовил трагический финал своего романа.⁴² Оба чувствовали, что лучшее время России безвозвратно ушло в прошлое. Название дельвиговской идиллии Пушкин мог бы поставить подзаголовком к своему роману.

Упорядоченность, завершенность, изысканную полноту и гармонию «Онегина» остро ощущали потомки, особенно в «серебряном веке», когда, в предчувствии грядущих катастроф, мечта об ушедшем «золотом веке» становилась особенно осязаемой. Оглядываясь в прошлое, писал Г. Адамович: «...здесь (в «Онегине». — М. А.) жизнь достигла какого-то острия своего, какой-то завершенной формы, и исчезла».⁴³

Таким образом, можно сказать, что «Евгений Онегин» — не «энциклопедия русской жизни» и еще менее «документ эпохи». Это гениальный памятник маленькому отрезку времени и небольшому клочку пространства, на котором возникла и быстро закрылась лучшая, утонченнейшая страница русской культуры, называемая «золотым веком».

⁴⁰ Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 72, 76.

⁴¹ Там же. С. 72.

⁴² Современный исследователь отмечает особый интерес Пушкина к идиллии в 1830-е гг.: «...мысль о „конце золотого века“, о смене неповторимых исторических эпох (...) оживляет у Пушкина интерес к идиллии и антологической лирике в начале 1830-х годов» (Гаспаров М. Л. «Из Ксенофана Колофонского» Пушкина // Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 168).

⁴³ Адамович Г. Комментарии. Washington (D. C.): Victor Kamkin, Inc., 1967. С. 24.

Н. И. МИХАЙЛОВА

**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ**
(О ПОЭТИКЕ ПУШКИНСКОГО РОМАНА В СТИХАХ)

Роман «Евгений Онегин» — «энциклопедия русской жизни». Это емкое определение В. Г. Белинского не вызывает сомнений. Тем интереснее, как нам представляется, обратить внимание на то, что персонажи пушкинского романа — и главные герои, и многочисленные второстепенные лица, мелькающие на фоне широкой картины российской действительности, соотнесены с персонажами мировой истории, литературы, искусства и культуры. Более того, эта соотнесенность пронизывает весь роман, всю его географию. Так, в Петербурге Клеопатра Невы — блестящая Нина Воронская безуспешно соперничает с Татьяной — «...неприступною богиней / Роскошной, царственной Невы» (VI, 177). Онегин появляется в петербургских гостиных, «Как Child-Harold, урюмый, томный» (VI, 21). На петербургской сцене царит «русская Терпсихора» — балерина Истомина. Татьяну окружают «московские цирцеи» (VI, 150) и «младые грации Москвы» (VI, 158). В провинции благоденствуют «деревенские Приамы» (V, 140) — русские помещики. «Сельские циклопы» — кузнецы «Российским лечат молотком / Изделье легкое Европы» (VI, 154). Уездная барышня Татьяна Ларина, «Воображаясь (...) Кларисой, Юлией, Дельфиной», бродит «в тишине лесов» (VI, 55), а ее сестра Ольга напоминает лицом своим Вандикову Мадону (VI, 53). Над могилой «бедного Иорика» — Дмитрия Ларина произносит свой монолог русский помещик Владимир Ленский. По просторам России на неутомимых русских тройках мчатся наши Автомедоны. Подобные примеры можно было бы умножить. Но дело, разумеется, не в числе примеров, хотя их множественность и однотипность уже дают основание предположить, что здесь находят свое выражение некая художественная закономерность. Попытка определить ее истоки, выявить ее значение в романе Пушкина и явилась задачей нашего исследования.

Прежде всего — об истоках пушкинских применений образов мировой культуры в романе «Евгений Онегин». По-видимому, эти истоки нужно искать в русской жизни, в русской дворянской культуре первой трети XIX в. Для этого времени характерно стремление соотнести отечественную историю и литературу с мировой историей и литературой. В 1812 г. русские писатели, журналисты, художники воспевали подвиги русского Курция и русского Сцевола,¹ объявляли завоевателя России

¹ В 1812 г. в «Сыне отечества» была напечатана заметка о «новом Сцеволе» — русском крестьянине, отрубившем себе руку, на которую «французы наложили клеймо» своей армии (Сын отечества. 1812. Ч. 1. № 4. С. 168). Сюжет «Русский Сцевола» стал одним из наиболее популярных в графике 1812 г. (см. гравюры И. Тербенева, И. Иванова, И. Тупылева и др.).

Наполеона «лютым Нероном»,² Александра I сравнивали с императором Августом. «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес» (II, 134) — так Пушкин воспринимал П. Я. Чаадаева. Русскими Брутами видели себя будущие декабристы. О Н. М. Карамзине-историке писали как о русском Таците, И. И. Дмитриева-баснописца называли русским Лафонтеном, К. Н. Батюшкова-поэта именовали русским Парни. Темы, сюжеты, мотивы и образы античной, средневековой и современной европейской литературы и искусства осваивались русскими писателями, художниками, композиторами.³ Мировая культура проникала и в русский быт. Когда мы знакомимся с Клеопатрой Невы в «Евгении Онегине», уместно вспомнить о том, что А. П. Керн изображала Клеопатру в живых картинах на вечере у А. Н. Пенина — ее в этой роли видел там Пушкин.⁴ Когда мы читаем в пушкинском романе стихи о московских грациях и цирцеях, небезынтересно указать на свидетельство Ф. Ф. Вигеля о том, что античность стала русской модой, которая господствовала в убранстве комнат, в прическах, в одежде. «Что же касается до женщин, — писал Ф. Ф. Вигель, — то все они хотели казаться древними статуями, с пьедестала сошедшими: которая оделась Корнелией, которая Аспазией».⁵ Глядя на молодых стройных дам и девиц, «поистине казалось, что легкокрылые Психеи порхают на паркете».⁶ Пожилые и дородные — «и они также из русских Матрен перешли в римские матроны».⁷ Когда мы читаем о том, что Татьяна воображала себя героинями «своих возлюбленных творцов» (VI, 55), или о том, какие позы литературных героев европейского романтизма принимали Онегин и Ленский, то нужно иметь в виду чрезвычайно распространенные в это время литературные модели бытового поведения, построенные не только по русским, но и по европейским образцам.⁸ Мышление Пушкина и его современников было вос-

Лист И. Терebeneва был скопирован в Германии. Сюжет «Русский Сцевола» нашел отражение в английской гравюре, выполненной в 1816 г. Кларком и Дюбургом по рисунку И. Аткинсона. В 1813 г. скульптором В. Демут-Малиновским была создана статуя «Русский Сцевола».

² См., например, «Слово на всерадостный день отправляемого в городе Петрозаводске торжества о взятии столицы французской, говоренное тамошнего духовного училища ректором протоиереем Иосифом Ярославским в Соборной церкви, мая 3 1814 года» (Сын отечества. 1814. Ч. 12. № 23. С. 145).

³ В русской литературе, помимо многочисленных переводов, переложений, подражаний («подражание Горацию», «подражание Парни», «подражание Байрону» и др.), следует особо отметить русские вариации на популярные европейские темы (в данном случае показательны уже сами названия таких романов, как «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» П. Ю. Львова (1789), «Российский Вертер» М. В. Сушкова (1801)). Пример самобытного восприятия русской литературой и искусством античности через европейскую литературу — поэма И. Ф. Богдановича «Душенька», созданная на основе сочинения Лафонтена «Амур и Психея», который в свою очередь переложил почерпнутую из Апулея античную легенду. И иллюстрации Ф. И. Толстого к поэме И. Ф. Богдановича, явившиеся событием в художественной жизни России, не копировали, но творчески воскрешали античность.

⁴ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 380.

⁵ Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 т. М., 1928. Т. 1. С. 177.

⁶ Там же. С. 178.

⁷ Там же.

⁸ См.: Лотман Ю. М. 1) Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов. Л., 1975; 2) Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий / Пособие для учителя. 2-е изд. Л., 1983. Комментарий к «Евгению Онегину» может быть дополнен эпистолярными, дневниковыми, мемуарными свидетельствами о литературных моделях бытового поведения в пушкинское время. Так, в «Замогильных записках» В. С. Печерина есть воспоминания о первой любви, относящейся к 1823 г.: «Все делалось буквально по Руссо. Едва ли кто теперь читает Новую Элоизу (Nouvelle Héloïse), но если вы ее читали, то знаете, что там есть знаменитая сцена первого поцелуя в боскете. Вот эту сцену мы и скопировали» (Русское общество 30-х годов XIX в.: Мемуары современников. М., 1989. С. 157). См. также повесть Ф. Соловьева «Золотая цепочка, или Пять писем одного друга к другому»: «Я гулял с нею, гулял, как Сен-Пре с Юлией» (Метеор: Альманах на 1831 год, изданный Федором Соловьевым. М., 1831. С. 23—24).

питано на образах и стилях мировой культуры, и это нашло отражение в «Евгении Онегине».

Соотнесенность героев романа о русской жизни с персонажами мировой культуры органична, и это, видимо, было важно для Пушкина. В данном случае обратим внимание на его замечание к одному из посланий К. Н. Батюшкова: «Сильваны, нимфы и наяды — меж сыром выписным и гамбургским журналом!!!» (XII, 274). У Пушкина в «Евгении Онегине» другое: не Клеопатра на берегах Невы, но Клеопатра Невы, т. е. уже другая героиня, русская женщина с красотой и характером египетской царицы Клеопатры. Не грации в Москве, но грации Москвы.

Пушкин не переносит героев мировой культуры в русскую жизнь, он использует образы мировой культуры для характеристики русских персонажей. Часто эти характеристики имеют иронический, насмешливый смысл:

Обрадован музыки громом,
Оставя чашку чаю с ромом,
Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков...

(VI, 114)

Иронический эффект создает сочетание бытовых реалий русской жизни с образом, почерпнутым из греческой мифологии. Прекрасный троянский юноша, вершивший суд над тремя богинями, похититель Елены, храбрый воин низведен до «Париса окружных городков» Петушкова. Свой выбор он совершает, «оставя чашку чаю с ромом». Радует его не гром военных сражений (по-фригийски Парис — борец), а гром музыки. Грации Москвы — дочери Лукерьи Львовны, которая «всё белится», Любови Петровны, которая «всё то же лжет», глупого Ивана Петровича и скупого Семена Петровича (VI, 158).

Сатирическое, ироническое соотнесение античных образов с героями «Евгения Онегина» — в русле предшествующей и последующей европейской и русской традиций. Так, можно указать, в частности, на пародирование античности в творчестве Гейне, карикатуры О. Домье на темы античной мифологии, русскую ироиколическую поэму. В сатирической сказке И. И. Дмитриева «Модная жена» (модные жены упомянуты в главе первой «Евгения Онегина») неверная супруга, так же как затем и героиня «Графа Нулина», иронически названа Лукрецией, добродетельной римской матроной, которая не вынесла бесчестья и лишила себя жизни. В шутовой поэме В. Л. Пушкина «Опасный сосед», герой которой Буянов увечовечен в «Евгении Онегине», обитательница борделя Варюшка, принимающая Буянова, купца и дьячка, названа Аспазией, собирающей в своем доме философов, художников и поэтов. Восходящий к образу Буянова герой «Евгения Онегина» Зарецкий — «...некогда буян, / Картежной шайки атаман, / Глава повес, трибун трактирный» (VI, 118) — иронически назван «Новейшим Регулом, чести богом» (VI, 119) и столь же иронически сопоставлен с Горацием.

Соотнося своих героев с героями мировой культуры, Пушкин не всегда ироничен. До сих пор мы приводили примеры интересующего нас соотношения, которое достигается с помощью имен: русский персонаж назван именем персонажа мировой культуры или же сопоставлен с ним путем прямо названного сравнения. Но это лишь надводная, видимая часть «айсберга». Преобладающую роль играют в романе многочисленные цитаты, реминисценции, намеки, которые связывают изображаемую Пушкиным русскую жизнь и русских героев с мировой историей, литературой, культурой. При этом следует отметить, что преимущественно такие герои, как Онегин, Ленский, Татьяна, Автор, окружены этой особой культурной аурой. Онегин и Ленский — своеобразные русские варианты героев европейского романтизма — Адольфа Констана, Чайльд

Гарольда Байрона, Мельмота Метьюрина, Вертера Гете. Связанные с Онегиным и Ленским ситуации и мотивы, будь то письмо Онегина или предсмертная элегия Ленского, окружены отголосками ситуаций и мотивов европейской литературы, на что неоднократно указывалось исследователями и комментаторами пушкинского романа. Татьяна Ларина — идеальный тип русской женщины — выписана на фоне героинь Ричардсона и Руссо. Автор — герой романа «Евгений Онегин» также включен в систему соотношений. Известно, что Пушкина-романтика читатели и критики называли русским Байроном. Пушкин в «Евгении Онегине» сохраняет это сопоставление, но под другим знаком — знаком отрицания, для того, как он пишет,

Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт...

(VI, 28–29)

Автор шутливо сопоставляет себя и с Гомером:

И кстати я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир!

(VI, 113–114)

(В черновых вариантах главы пятой речь шла о своеобразном творческом соревновании Пушкина с Гомером — см.: VI, 405–407.) Дается и сопоставление Автора с Петrarкой:

...обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.

(VI, 25)

При помощи скрытой цитаты Автор уподоблен Овидию.⁹ В конце главы первой Пушкин, как было указано В. В. Виноградовым,¹⁰ перефразировал первую элегию из «Скорбных элегий» Овидия:

Иди же к нежским берегам,
Новорожденное творенье...

(VI, 30)

Ср.:

Так без хозяина в путь отправляешься, малый мой свиток,
В Град, куда мне, увы, доступа нет самому.
Не нарядившись иди, как сосланным быть подобает.¹¹

⁹ Пушкин в южной ссылке сравнивал свою судьбу с судьбой римского поэта-изгнанника («К Овидию», 1821). По свидетельству И. П. Липранди, В. Ф. Раевский называл Пушкина «Овидиевым племянником», Пушкин же «сам любил сравнивать себя с Овидием» (Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 324, 323). В двустишии П. И. Шаликова «К портрету А. С. Пушкина», напечатанном в «Новостях литературы» (1822. Ч. 16. С. 48), говорилось:

Талант и чувства в нем созрели прежде лет.
Овидий наш, он стал ко славе Муз поэт!

В «Записках» Кс. А. Полевого Пушкин назван «русским Овидием» (Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. С. 57).

¹⁰ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 415.

¹¹ Публий Овидий Назон. Скорбные элегии: Письма с Понта. М., 1978. С. 5.

Это объясняет соотношенность русского опального поэта с римским поэтом-изгнанником в романе. В михайловской ссылке Пушкин писал:

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует...
(II, 322)

В романе «Евгений Онегин» русский поэт включен во всемирный союз поэтов древности и современности — недаром его Муза, прежде чем предстать перед Автором и читателями русской «...барышней уездной, / С печальной думою в очах, / С французской книжкой в руках» (VI, 167; французская книжка здесь — важная деталь), являлась ему в образе персонажа античной мифологии: «...как вакханочка резвилась» (VI, 166), и в образе, восходящем к балладе А. Бюргера: «...Ленорой, при луне» (VI, 166).

Изложенное выше позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что в романе «Евгений Онегин» Пушкин с помощью определенных художественных средств включает русскую жизнь в контекст мировой культуры. Русская жизнь, претворенная в пушкинском слове, сама становится равноправным с другими фактом мировой культуры. Думается, что для Пушкина это принципиально значимо. При этом следует отметить, что в пушкинском романе соотношенность русских героев с европейскими героями гармонически уравновешена соотношенностью с героями русской литературы и искусства, с явлениями русской культуры, скорректирована самобытностью русской жизни. Пушкин подчеркивает «неподражательную странность» Онегина. Татьяна, «русская душою», сравнивается со Светланой — героиней баллады В. А. Жуковского. Гомер, Петрарка, Овидий, Байрон окружают Автора «Евгения Онегина» вместе с А. А. Дельвигом, Н. М. Языковым, Е. А. Баратынским, П. А. Вяземским, В. К. Кюхельбекером и другими русскими поэтами, также названными или же процитированными в романе. Цитата из Овидия в главе первой может быть расценена и как цитата цитаты. Слова «Vade, sed incultus» («Иди без прикрас» — *лат.*) поставлены эпиграфом к части II «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова, произведения, которое было предметом пристального внимания Пушкина («Евгений Онегин» также опыт прозаического жанра романа в стихах). Муза — вакханочка и Ленора — лики не только античной и европейской, но и русской поэзии («Вакханка» К. Н. Батюшкова, подражания балладе Бюргера «Ленора» В. А. Жуковского и П. А. Катенина).

«Евгений Онегин» — роман, синтезирующий отечественную и мировую культуры в изображении русской жизни.

Письмо Татьяны написано по-французски (так сказано Автором), но дается в романе в русском переводе: при этом Автор включает в письмо Татьяны цитаты и реминисценции из французской литературы, что неоднократно отмечалось исследователями и комментаторами «Евгения Онегина». Здесь дают о себе знать и роман Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», и элегия М. Деборд-Вальмор. Нельзя не согласиться с Ю. М. Лотманом, полагающим, что вряд ли правомерно отдавать предпочтение какому-либо одному из возможных литературных источников письма Татьяны. Указанная Л. С. Сержаном параллель к словам из письма Татьяны: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала, / Вся обомлела, запылала / И в мыслях молвила: вот он!» (VI, 67) — из элегии М. Деборд-Вальмор¹² не исключает другую параллель к этим же словам, на которую обращает внимание Ю. М. Лотман,¹³ — из повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»: «Наталья в одну секунду вся покраснелась, и сердце ее,

¹² Сержан Л. С. Элегия М. Деборд-Вальмор — один из источников письма Татьяны к Онегину // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33. № 6. С. 543.

¹³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 229.

затрепетав сильно, сказала ей: „Вот он!..”¹⁴ Таким образом, в письме Татьяны звучат мотивы и европейской, и русской литератур. Но в нем говорит сердце пушкинской героини, «русской душою». Если культура чувства, форма его выражения были воспитаны прежде всего европейской литературой, то само чувство национально по тем нравственным ценностям, которые с ним связаны: милосердие («Когда я бедным помогала» — VI, 67), вера («Или молитвой услаждала / Тоску волнуемой души» — VI, 67), долг («Была бы верная супруга» — VI, 66), добродетель («И добродетельная мать» — VI, 66). Но эти же ценности носят общечеловеческий характер; поэтическое слово Пушкина вновь делает их достоянием не только русской, но и мировой культуры.

В рассказе о смерти Ленского — начиная с его предсмертной элегии и кончая описанием его могилы — соединяются мотивы и образы европейской и русской литератур. Ленский в ночь накануне дуэли, «При свечке, Шиллера открыл» (VI, 125). Когда же затем свои стихи «...читает / Он вслух, в лирическом жару» (VI, 125), Пушкин сравнивает его с русским поэтом Дельвигом. Элегия Ленского включает в себя множество цитат, реминисценций, элегических штампов из русской и европейской поэзии — из стихотворений В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, Шиллера и других поэтов.¹⁵ Размышления о трагической гибели Ленского и его возможной судьбе — своеобразная надгробная речь, в которой соединяются традиции русского и европейского церковного красноречия; в качестве сопоставительного материала к исследованию пушкинского текста могут быть привлечены надгробные слова архимандрита Филарета и епископа Боссюэ, речи русских и европейских церковных проповедников.¹⁶ Описание могилы Ленского соотносится с описанием могилы Вертера у Гете и его русских подражателей:

XL

(.)

Есть место: влево от селенья,
Где жил питомец вдохновенья,
Две сосны корнями срослись;
Под ними струйки извились
Ручья соседственной долины.
Там пахарь любит отдыхать,
И жницы в волны погружать
Приходят звонкие кувшины;
Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой.

XLI

Под ним (как начинает капать
Весенний дождь на злак полей)
Пастух, плетя свой пестрый лапоть,
Поет про волжских рыбаей;

¹⁴ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 632. Заметим, что цитаты и реминисценции в «Евгении Онегине» из «Натальи, боярской дочери» не исчерпываются приведенными наблюдениями Ю. М. Лотмана. «О пташка ранняя моя!» (VI, 68) — обращается к Татьяне няня. Ср.: «Мама (няня Натальи. — Н. М.) вставала, одевалась, называла свою барышню раннюю птичкою...» — пишет Н. М. Карамзин (Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 627). «Мне должно после долгой речи / И погулять, и отдохнуть» (VI, 73) — так Пушкин, рассказав о встрече Татьяны с Онегиным в саду, прерывает свое повествование; «...буду продолжать, буду; и, вооружась пером, мужественно начертаю историю Натальи, боярской дочери. — Но прежде должно мне отдохнуть» — так Н. М. Карамзин завершает вступление к своей повести (Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 623).

¹⁵ См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 296—300; Савченко С. Элегия Ленского и французская элегия // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926; Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX в. // Взаимосвязи русской и зарубежной литературы. Л., 1983. С. 110.

¹⁶ См.: Михайлова Н. И. Роман «Евгений Онегин» и ораторская культура первой трети XIX века // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 12.

И горожанка молодая,
В деревне лето провожая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Коня пред ним останавливает,
Ремянный повод натянув,
И, флер от шляпы отвернув,
Глазами беглыми читает
Простую надпись — и слеза
Туманит нежные глаза.

(VI, 134)

Ср.: «На дальнем краю кладбища в сторону поля растут две липы. Под ними хочу я покоиться. (...) Ах, мне хотелось бы, чтобы вы похоронили меня у дороги или в уединенной долине, чтобы священник и левит, благославясь, прошли мимо могильного камня, а самаритянин пролил над ним слезу».¹⁷

На могиле Ленского — «памятник простой». О «памятнике простом» говорится и в стихотворении В. И. Туманского «Вертер к Шарлотте. (За час перед смертью)».¹⁸

В исследовательской литературе отмечены и отзвуки элегии Ш. Мильвуа «Падение листьев» в описании могилы Ленского — здесь обращает на себя внимание такая перекликающаяся с пушкинским текстом подробность, сохраненная в переводе М. В. Милонова:

Лишь пастырь, гость нагих полей,
Порой вечерняя зарницы,
Гоня стада свои с лугов,
Глубокий мир его гробницы
Тревожит шорохом шагов.¹⁹

Небезынтересно указать и на мотивы и образы «Сельского кладбища» В. А. Жуковского, явившегося вольным переводом «Элегии, написанной на сельском кладбище» Т. Грея, которые также дают о себе знать в описании могилы Ленского. См., например:

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить!
Приблизься, почитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить.
Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье, не знал он в мире сем.
Но Музы от него лица не отвратили,
И меланхолии была печать на нем.²⁰

Вообще кладбищенская тема — одна из популярных тем русского сентиментализма. Недаром В. Л. Пушкин в стихотворном «Письме к И. И. Дмитриеву», сетуя о том, что «Все наши стиходеи / Слезливой лирою прославиться хотят», писал:

Все хнычут и ревут, и мысль у всех одна:
То вдруг представится луна
Во бледно-палевой порфире;
То он один остался в мире;
Нет милой, нет драгой!.. она погребена
Под камнем серым мшистым...²¹

Одинокая могила запечатлена на многих рисунках в альбомах первой трети XIX в.,²² и это также, видимо, должно быть учтено при коммен-

¹⁷ Гете И.-В. Избр. произв.: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 120.

¹⁸ Благонамеренный. 1819. Ч. 6. С. 5.

¹⁹ Вестн. Европы. 1812. № 3. С. 203.

²⁰ Жуковский В. А. Стихотворения. СПб., 1816. Ч. 2. С. 35.

²¹ Аониды. 1796. Кн. 1. С. 92—93.

²² См.: Корнилова А. В. Мир альбомного рисунка. Л., 1990. С. 78—81.

тировании пушкинского описания могилы Ленского (заметим, что в альбоме Ольги Ленский рисует «...сельски виды, / Надгробный камень...»). Впрочем, эти изображения в значительной степени условны, лишены местного колорита.

Итак, описание могилы Ленского «литературно», оно пронизано мотивами и образами не только русской, но прежде всего немецкой, французской, английской литературы. И все же показательно, что, при всей «литературности», Пушкин создает своеобразную жанровую картинку чисто русского колорита: сельский пейзаж оживляют фигуры пахаря и жниц, опускающих звонкие кувшины в ручей, пастуха, который у могилы Ленского плетет «свой пестрый лапоть» и «поет про волжских рыбарей», молодой амазонки, остановившей своего коня у надгробного камня. Сохраняя множество эмоциональных оттенков, связанных с традицией и европейской, и русской культур, Пушкин создает оригинальный текст, повествующий о трагедии русской жизни.

Сцена посещения Татьяной кабинета Онегина также насыщена цитатами и реминисценциями. Так, во многом она проецируется на элегию Ш. Мильвуа «Оставленное жилище», которая в свою очередь восходит к элегии Э. Парни «Уборная любви». И французский, и русский поэты описывают покинутый кабинет, показывают его глазами влюбленного человека, который с сердечной тоской пристально всматривается в вещи, напоминающие об ушедшей хозяйке.

Все мирно под сводами
Этого покинутого жилища.
Я окружен тем, что она любила.
(.)

Чуть дальше, в темном углу — одинокая арфа,
Теперь уже молчаливая, покрытая вуалью.
(.)

На диване золотая звезда,
Рожденная роскошью Азии.
Кажется, она еще вдыхает в себя чистую амброзию
С ее волос.
Я вижу подсвечник, который бодрствовал рядом с ней...²³

У Пушкина, как и у Мильвуа, особую роль играет художественная деталь:

И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.
Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал,
На смятом канапе лежал
Манежный хлыстик.

(VI, 146)

Умиленный взгляд Татьяны замечает «и стол с померкшею лампадой», «и груды книг», и портрет Байрона, и статуэтку Наполеона (детали, имеющие не только эмоциональное, но и характеристическое значение). Еще одна возможная параллель — из романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение», французский перевод которого вышел в 1818 г. и мог быть известен Пушкину — автору «Евгения Онегина»: ²⁴ героиня английской писательницы, как и Татьяна Ларина, посещает дом человека, которого любит, приходит в этот дом в его отсутствие, с интересом и волнением всматривается в окружающую обстановку, прислушивается к рассказу домоправительницы о ее хозяйке.

Сцена из «Евгения Онегина», о которой идет речь, как и французская элегия, как и соответствующая сцена из английского романа, про-

²³ Перевод выполнен А. Я. Невским.

²⁴ Указано Е. В. Павловой.

низана романтическим настроением, высоким поэтическим чувством. При этом и здесь воспроизведен местный, русский колорит; пушкинская героиня включена в мир русской усадьбы: вечерние хороводы крестьян, «огонь рыбачий», собаки, «ребят дворовая семья», ключница Анисья.

Рассказ ключницы представляет особый интерес. В отличие от рассказа домоправительницы в романе «Гордость и предубеждение» он имеет самостоятельное значение. Пушкин включает в свое повествование еще один голос — голос простой русской женщины. Но в ее словах много поэзии, они окрашены подлинным чувством. По существу это еще одна не просто русская, но простонародная русская вариация на европейскую тему оставленного кабинета:

Вот это барский кабинет;
Здесь почивал он, кофея кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку поутру читал...
И старый барин здесь живал;
Со мной, бывало, в воскресенье,
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил в дурачки,
Дай бог душе его спасенье,
А косточкам его покой
В могиле, в мать-земле сырой!

(VI, 146)

Подобно тому как в сцене письма Татьяны вызывающий глубокое сочувствие рассказ няни — седой Филиппьевны — по-своему соотносится с историей любви Татьяны, в сцене посещения Татьяной онегинского дома чувства, возникающие у ключницы в оставленном уже навсегда ее старым хозяином кабинете, оказываются равноправными в художественном мире пушкинского романа с чувствами главной героини, которые она испытывает в том же кабинете. Сложная же сопряженность частей в едином пушкинском тексте, многообразие его связей с явлениями русской и европейской культур в конечном счете включают и Татьяну, и ключницу, и няню, и всю русскую жизнь, в которой живут они и их создатель — Автор, в диалог русской и мировой культур, во всеобщее культурное достояние человечества.

Слова Ф. М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» Пушкина так или иначе присутствуют в исследованиях, рассматривающих темы, образы, мотивы мировой литературы, воплощенные в творчестве Пушкина — поэта, прозаика, драматурга, критика, переводчика. Думается, однако, что «всемирная отзывчивость» дает о себе знать и на другом уровне его произведений. В романе «Евгений Онегин» она является характерной особенностью поэтики. Выведенная Ф. М. Достоевским формула русского гения определяет художественную ткань романа в стихах.

Пушкинский текст в творчески преобразованном виде хранит мировую культуру, соединяет в диалоге русскую и мировую культурные традиции. Дальнейшее изучение «Евгения Онегина», как нам представляется, может открыть еще неизвестные нам многообразные связи этого произведения с различными явлениями мировой культуры, выявить тем самым скрытые пока смысловые и эмоциональные оттенки пушкинского текста и дополнить наше представление о пушкинском романе как энциклопедии русской и мировой культур.

Е. Н. ДРЫЖАКОВА

ШЕСТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ «МАСОК» ОНЕГИНА В ВОСПРИЯТИИ А. И. ГЕРЦЕНА

В главе восьмой романа «Евгений Онегин», подводя своего героя к финальному художественному эпизоду, Пушкин наделяет его очередной авторской характеристикой:

Всё тот же ль он, иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской шегольнет иной...

(VI, 168)

Эти «маски» Онегина неоднократно привлекали внимание исследователей. Из них только две — Мельмот и Чайльд Гарольд — названы определенно. «Иные» могут быть восстановлены по предыдущему тексту романа, в частности по упоминанию в главе седьмой «двух-трех романов», «в которых отразился век». В черновиках, как известно, Пушкин назвал этих литературных героев: Мельмот, Рене, Адольф.¹

Современная Пушкину критика, начиная с И. В. Киреевского и Н. А. Полевого, обычно ограничивалась сопоставлением Онегина с байроновскими героями.²

В. Г. Белинский, доказывая «самобытность» и «национальность» пушкинского романа и цитируя упомянутую выше строфу VIII главы восьмой, не поставил перед своим читателем вопроса, что это за «маски» Онегина и зачем они нужны Пушкину. Главной задачей Белинского было *оттолкнуть* Онегина от европейских психологических типов, в то время как Пушкин настойчиво *включал* своего героя в контекст европейской культуры, литературы и общественной мысли. Для Белинского «ключом» к пониманию характера Онегина было именно то, что он «не Мельмот, не Чайльд Гарольд, не демон, не пародия, не модная причуда, не гений, не великий человек, а просто „добрый малый, как вы, да я, да целый свет“».³

¹ См. об этом: *Ахматова А.* «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина // Соч. Мюнхен, 1968. Т. 2. С. 223—256; *Вольперт Л. И.* Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллин, 1980. С. 102—124.

² См.: *Киреевский И.* Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И. В. Избр. статьи. М., 1984. С. 38; *Полевой Н.* «Евгений Онегин», роман в стихах: Сочинение Александра Пушкина // Полевой Н. А., Полевой Кс. А. Литературная критика. Л., 1990. С. 18.

³ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 457.

Может быть, интересно отметить, что, кажется, лишь А. В. Дружинин в статье о молодом Ф. М. Достоевском поставил Онегина и Печорина в один ряд с героями европейских «бессмертных произведений» — Гамлетом, Рене, Оберманом. Впрочем, это замечание Дружинина осталось в его статье, опубликованной лишь в 1983 г.⁴

Тем интереснее для нас включение Онегина как литературного и общественного типа в ряд знаменитых европейских литературных героев в брошюре А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России».

Как известно, эта работа Герцена написана в конце 1850 г. для журнала «Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» и представляет собой ряд статей во исполнение задуманной Герценом программы «знакомить Европу с Русью».

В исторических и политических главах Герцен, как известно, полемизировал с Н. И. Тургеневым и М. А. Бакуниним.⁵ В характеристике литературных явлений Герцен опирался на книгу «Literarische Bilder aus Rußland. Herausgegeben von König» (Stuttgart und Tübingen, 1837). Герцен считал автором этой книги Н. А. Мельгунова, которого хорошо знал и к которому относился несколько иронически.⁶

В книге «Literarische Bilder aus Rußland», которая имела большой успех в Европе и России, содержалась довольно обычная для 1830—1840-х гг. характеристика «Евгения Онегина»: «По форме роман напоминает „Дон Жуана“ Байрона. Тем не менее он принес автору славу поэта самобытного и популярного. Интрига, при всей занимательности, очень слаба и заменяется, как у Байрона, разными отступлениями, которые, впрочем, полны поэзии, изобретательности и остроумия».⁷

Герцен начинает свою интерпретацию Пушкина с повторения общей мысли, что Пушкин — великий русский национальный поэт, но сразу же подчеркивает, что, «углубляясь в себя, он находил в недрах души горькую думу Байрона, едкую иронию нашего века» (Г, 7, 202).⁸ Однако далее Герцен утверждает, что байронизм Пушкина был временным и судьбы этих двух поэтов были совершенно различными. В то время как Байрон, «великая свободная личность», все более и более углублялся в мрачный скептицизм, Пушкин, напротив, «все более успокаивается, погружается в изучение русской истории» и доходит до «узкого патриотизма», который приводит его к признанию «грубой силы государства» и даже к прославлению военной силы России (Г, 7, 203). (Как известно, Герцен и позже не мог простить Пушкину «Бородинской годовщины» и двух-трех «верноподданнических» стихотворений.) Затем Герцен говорит об огромном, исключительном значении романа «Евгений Онегин», подчеркивая, что это «поэтическая автобиография» целого поколения: «Все мы в большей или меньшей степени Онегины» (Г, 7, 204).⁹ При такой

⁴ А. В. Дружинин о молодом Достоевском / Публ. А. Л. Осповата // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Вып. 5. С. 189.

⁵ См.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 416—418. В дальнейшем ссылки на сочинения и письма Герцена даются по этому изданию с указанием обозначения «Г», тома и страницы в тексте статьи.

⁶ В письме к Г. Гервегу от 30 июля 1850 г. Герцен писал: «Мельгунов уже 5-й или 6-й год оплакивает работу Кенига, он ему диктовал ее, находясь под влиянием церковников. Например, он говорит о Хомякове как о великом поэте и т. д. Она мне нужна, чтобы освежить кое-что в памяти» (Г, 24, 126—129; подлинник по-французски).

⁷ Подлинник по-немецки. Цит. по переизданию книги: Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen. 1979. Bd 12. S. 45.

⁸ Русский оригинал работы «О развитии революционных идей в России» неизвестен. Герцен считал оригиналом французский текст 1851 г., на основе которого им были подготовлены два исправленных и дополненных издания, вышедших в 1853 и 1858 гг. Авторизованные русские переводы тоже неизвестны. Собрание сочинений в 30 томах содержит перевод С. И. Рошаль, который мы здесь и в дальнейшем цитируем, сохранив французский подлинник лишь для главной интересующей нас цитаты.

⁹ В немецком варианте текста Герцен утверждал, что невольно («ohne es zu wollen») представил одного из Онегиных в Бельтове (Г, 30, 747).

интерпретации пушкинского героя Герцен, естественно, должен был отвергнуть поверхностное утверждение о сходстве «Онегина» с «Дон Жуаном»: «Те, кто говорят, что пушкинский „Онегин“ — это русский „Дон Жуан“, не понимают ни Байрона, ни Пушкина, ни Англии, ни России: они судят по формальным признакам» (Г, 7, 203). «Формальные признаки» менее всего интересовали Герцена. Для него Онегин был именно психологический тип своего времени, русский психологический тип, но подчеркивание этой *русскости* вовсе не исключало для Герцена сопоставления Онегина с другими европейскими героями: «Onéguine, ce n'est ni Hamlet, ni Faust, ni Manfred, ni Obermann, ni Trenmor, ni Charles Moor; Onéguine est un Russe, il n'est possible qu'en Russie, là il est nécessaire et on l'y rencontre à chaque pas. Onéguine, c'est un fainéant, parce qu'il n'a jamais eu d'occupation; un homme superflu dans la sphère où il se trouve, sans avoir assez de force de caractère pour en sortir. C'est un homme qui tente la vie jusqu'à la mort et qui voudrait essayer de la mort pour voir si elle ne vaut pas mieux que la vie.

Il a tout commencé sans rien poursuivre, il a pensé d'autant plus qu'il a moins fait, il est vieux à l'âge de vingt ans et rajeunit par l'amour en commençant à vieillir. Il a toujours attendu comme nous tous, quelque chose, parce que l'homme n'a pas assez de folie pour croire à la durée de l'état actuel de la Russie... Rien n'est venu, et la vie s'en allait. Le personnage d'Onéguine est si national qu'il se rencontre dans tous les romans et dans tous les poèmes qui ont eu quelque retentissement en Russie, non pas qu'on ait voulu le copier, mais parce qu'on le trouve continuellement autour de soi ou en soi-même» (Г, 7, 73—74).

Эта известная цитата, которую десятки раз повторяли исследователи Герцена и Пушкина, тем не менее в собрании сочинений в 30 томах осталась без комментария. Полагаем, что такой комментарий необходим и будет полезен и герценистам, и пушкинистам.

Герцен сопоставляет Онегина с шестью более или менее знаменитыми европейскими типами. Он как будто отрицает их сходство с пушкинским героем, но это только *как будто*. На самом деле уже сама постановка этих фигур, теней, «масок» рядом с Онегиным делает необходимым их сопоставление. Тем более что сам Пушкин давал нам «ключ» к интерпретации своего героя, неоднократно упоминая о европейских «масках» Онегина (Мельмот, Гарольд, Адольф, Рене). Следует также подчеркнуть, что критика (а в данном тексте Герцен выступает именно как литературный критик), как теперь принято считать, это риторика, т. е. художественное творчество, где слова, конструкции, кроме своих обычных речевых функций, несут специальную информацию за счет особого *поэтического* построения текста. Поэтому для критика подчас не столь существенно *отрицание* каких-то фактов, сколь важно, что факты эти названы, фигурируют.

Итак, Онегин «ни Гамлет, ни Фауст, ни Манфред, ни Оберман, ни Тренмор, ни Карл Мур».

Названные «маски» формально отрицаются, однако перечисляемые далее восемь характерных черт Онегина присущи в той или иной степени каждому из названных персонажей:

1. Онегин — «человек праздный, потому что он никогда и ничем не был занят».
2. Онегин — «это лишний человек в той среде, где он находится, не обладая нужной силой характера, чтобы вырваться из нее».
3. Онегин — «это человек, который испытывает жизнь вплоть до самой смерти и который хотел бы отведать смерти, чтобы увидеть, не лучше ли она жизни».
4. Онегин «все начинал, но ничего не доводил до конца».
5. Онегин «тем больше размышлял, чем меньше делал».

6. Онегин — «старик в двадцать лет и молодеет благодаря любви, начиная стареть».

7. Онегин «постоянно ждал чего-то (...) Ничто не пришло, а жизнь уходила».

8. Онегин, «как и все мы (...) не так безумен, чтобы верить в длительность настоящего положения в России».¹⁰

Ясно, что эта характеристика не вполне годится для того Онегина, который предстает перед нами в тексте пушкинского романа, и совсем не подходит к упрощенному толкованию Белинского: «Добрый малый, как вы, да я, да целый свет». У Герцена, как и у Пушкина, Онегин, учитывая «маски», — очень сложный герой, несущий в себе черты многих европейских литературных типов, которых Герцен и сопоставил с ним.

Какие же конкретно из перечисленных восьми черт Онегина могут быть приписаны каждому из названных европейских типов?

Этот ряд Герцен не случайно открывает Гамлетом. Для него этот тип, эта «маска» — символ «сомнений и раздумий» (Г, 9, 37), а гамлетовский вопрос «быть или не быть» — «вечная песнь, завещаемая из века в век» (Г, 3, 53). И вместе с тем это символ страдающего человека, который «останавливается и думает, думает» (Г, 2, 49). Разрыв Гамлета со своей средой, с «сумасшедшей страной» (Г, 20, 109) приводит этого «добродетельного человека» к тому, что он «потерял веру в добро» и «ему нет спасения» (Г, 21, 162). Гамлетизм Онегина должен был видеться Герцену и в вечных размышлениях пушкинского героя (см. пункт 5), и в его отчуждении от окружающей среды — «лишний человек» (пункт 2).

Фауст назван вторым. Фауст для Герцена — продолжение гамлетизма. Его жизненный вопрос тоже «быть или не быть, он может глубоко падать, унывать, впадать в ошибки, искать всяких наслаждений, но его натура глубоко проникается за коры внешности (...)». Где он (Вагнер. — Е. Д.) видел единство, примирение, разрешение и улыбался, там Фауст видел расторжение, ненависть, усложнившийся вопрос — и страдал» (Г, 3, 78). Однако Фауст, по Герцену, жил не только, чтобы «рефлектировать». Фауст — мыслитель, в нем есть «страдание от мысли», но он испытывает и живую жизнь, «идет на площадь посмотреть на белый свет» (Г, 11, 242), не страшится остановить миг и «выпить все по капле в минуту истинного восторга» (Г, 22, 218). Он готов отдать за это жизнь. Смерть не пугает его. Герцен видит фаустианство Онегина именно в его стремлении испытывать жизнь вплоть до самой смерти (пункт 3). (Может быть, так Герцен интерпретировал историю дуэли в романе?) Герцен меняет возраст Онегина (20 вместо 26) и считает, что от запоздавшей любви Онегин молодеет (пункт 6). Эти фаустовские мотивы, хотя и сильно деформированные, показывают, как далеко уводил Герцен *своего* Онегина от пушкинского героя.

Сразу после Фауста, третьим, Герцен называет Манфреда, героя драматической поэмы Байрона. Онегина сопоставляли с Чайльд Гарольдом, Дон Жуаном, Беппо, но «маски» Манфреда, кажется, никто ему не приписывал. Герцен сопоставляет Онегина с Манфредом потому, что Манфред для него продолжение Фауста. Байроновских героев, Люцифера и Манфреда, а также самого Байрона Герцен считает развитием фаустовского характера в современном ему мире, который становится все более и более мрачным. Ведь у Гете все же возможна победа добра, «вера в спасение» — «*sie ist gerettet!*», а для байроновских героев,

¹⁰ Добавим для полноты перевод двух фрагментов из той же цитаты, не имеющих прямого отношения к рассматриваемой нами проблеме: «Онегин — русский, он возможен лишь в России; там он необходим, и там его встречаешь на каждом шагу»; «Образ Онегина настолько национален, что встречается во всех романах и поэмах, которые получают какое-либо признание в России, и не потому, что хотели копировать его, а потому, что его постоянно находишь возле себя или в себе самом» (Г, 7, 204).

Каина и Манфреда, «нет никакой развязки» (Г, 11, 122), нет и примирения.

Любовь Манфреда погубила женщину, и он готов отдать жизнь, чтобы получить ее загробное прощение. Кроме воспоминаний об этой любви и жажды этого прощения, для Манфреда не существует ничего. История онегинской любви несколько иная, он не погубил женщины, но готов на все во имя своей запоздавшей любви. Манфред Байрона противопоставил себя всему миру, жил один, не хотел общаться с людьми, хотя когда-то мечтал быть просветителем народов. Он не только не боится смерти, но призывает ее. По Герцену (см. пункт 3), Онегин испытывает жизнь вплоть до самой смерти и тоже противопоставляет себя людям. Манфредовская «маска», может быть, слишком трагична для Онегина, но ведь роман остановлен Пушкиным внезапно, просто на «злой минуте» героя, и читателю предоставлена возможность размышлять над его дальнейшей судьбой. По интерпретации Герцена, Онегину, потерявшему шанс на счастье после крушения своей любви, можно приписать и манфредовскую «маску».

Четвертым назван Оберман — герой одноименного романа Э.-П. Сенанкура, впервые напечатанного в 1804 г. Это была лирическая исповедь в письмах, не обращенных, впрочем, ни к кому. Сам Сенанкур в юности бежал в Швейцарию, не желая по требованию семьи стать священником. Вернувшись во Францию, он издал несколько философских трактатов, размышлений «об изначальной природе человека», а позже опубликовал книгу «Oberman. Lettres, publiées par M. Sénancour». Эта едва ли не первая «исповедь души» осталась почти незамеченной на фоне бурных событий во Франции того времени. В 1833 г. Ш. Сент-Бёв выпустил второе издание «Обермана» с собственным предисловием, в котором, в частности, писал: «Оберман Сенанкура отвечал психологии автора, его меланхолическому и страдающему предрасположению, болезненному усилию без ясной цели, задавленному невозможным, его тоске — в самом широком и философском смысле. Отличительная болезнь Обермана была болезнью века».¹¹

Сразу же после выхода второго издания романа Сенанкура Жорж Санд опубликовала в журнале «Revue des Deux Mondes» статью об этом романе, а в 1847 г. вышло третье издание «Обермана» с ее предисловием, в котором она повторила свою статью.

Оберман не был так известен в России, как Вертер, Рене, Адольф и байроновские герои. Пушкин, по всей вероятности, не читал романа Сенанкура, когда писал «Онегина». Издание 1804 г. и две другие книги Сенанкура имелись в библиотеке Пушкина, но разрезаны всего лишь несколько страниц в начале и середине первого тома «Обермана». Тем не менее В. В. Набоков, перечисляя возможных предшественников онегинского типа, упомянул Обермана, полагая, однако, что интерес к Сенанкуру мог возникнуть у Пушкина после окончания «Онегина», когда он в 1831 г. писал для «Литературной газеты» статью «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme (Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма) (...) Les consolations. Poésies par Sainte Beuve (Утешения. Стихотворения Сент-Бёва)...».¹² Пушкин похвалил первую книгу стихотворных исповедей Делорма (Сент-Бёва) именно за «точность изъяснения» «голового сплина» (Х1, 195). Может быть, он обратил внимание и на эпиграф из письма Обермана, имевшийся в книге Сент-Бёва, в котором Оберман как раз жалуется на «опустелое сердце» и «скуку бытия» уже в ранней молодости. Однако никаких упоминаний о романе Сенанкура в известных нам текстах Пушкина нет.

¹¹ Цит. по: *Томашевский Б. В.* Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // Литературное наследство. М., 1941. Т. 43—44. С. 496.

¹² См.: *Eugene Onegin, a Novel in Verse by Aleksandr Pushkin: Parerback edition in two volumes / Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov.* Princeton University Press, 1975. V. 2. P. 154—155.

Герцен, скорее всего, читал «Обермана» в издании 1847 г. Возможно, именно предисловие Жорж Санд, творчеством которой он и его жена так интересовались в то время, привлекло внимание Герцена к роману Сенанкура. Жорж Санд характеризует Обермана, сопоставляя его с Вертером и Рене. По ее словам, Рене «воплощает гениальность, лишённую воли», а Оберман — «моральную высоту без гениальности, болезненную чувствительность, противоестественно ограниченную безволием и отсутствием жажды деятельности». Оберман говорит: «Зачем напрасно желать? Ведь действовать я не могу».¹³ Для Жорж Санд «невозможно сравнивать Обермана с другими образцами человеческого страдания, такими как Фауст, Манфред, Чайльд Гарольд, Конрад и Лара» (631), а Герцен делает именно это сравнение, ставя Обермана в один ряд с Гамлетом, Фаустом и Манфредом.

Оберман, по мнению Жорж Санд, «желчный вольтерьянец», который «сам разоблачает свое бессилие» (632—633). Действительно, в романе Сенанкура мы видим, как Оберман проходит через праздность, опустошенность, смятение, озлобленность, гнев, сомнение, возбуждение, усталость и, преждевременно состарившись, ждет смерти в тоске и скорби с сознанием бесплодно прожитой жизни. Лишь природа и труд связывают его с миром. Он покорился, присмирел и хочет умереть тихо, созерцая бескрайнее небо и полевые цветы. Эта горькая тоска Обермана, его самоанализ и сомнение делают героя 1804 г., с точки зрения Жорж Санд, вполне современным. Она утверждает, что Оберман воплощает «дух общества после 1830 года» (638). Очевидно и Герцен обратил внимание на этот тип, находя в нем черты, созвучные своему времени. Может быть, необычный герценовский ряд: Гамлет, Фауст, Манфред, Оберман — был подсказан Герцену предисловием Жорж Санд. Особенно интересно, что Жорж Санд, как и Герцен, начинает этот ряд с Гамлета: «Скрытный, мечтательный, неуверенный, скорбно-насмешливый, боязливый из нерешительности, желчный из добродетельности, Оберман находится, может быть, в отдаленном родстве с Гамлетом...» (633). Однако Жорж Санд сопоставляет Обермана гораздо в большей степени с Вертером, Рене и Сен-Пре, а Герцен, начиная с Гамлета, избирает другой ряд. Во всяком случае, ставя Обермана четвертым, после Гамлета, Фауста и Манфреда, Герцен сопоставляет Онегина с психологическим типом начала XIX в., который неожиданно оказался современным через 30 лет. У Обермана та же тоска и скорбь от сознания собственного бессилия, которую Герцен видит в пушкинском герое: «Онегин все начинал, но ничего не доводил до конца» (пункт 3); «Он в двадцать лет — старик» (пункт 6); он «постоянно ждал чего-то (...) ничто не пришло, а жизнь уходила» (пункт 7). Именно в перечисленных пунктах можно видеть, что Герцен достаточно определенно «прилагает» к Онегину «маску» Обермана.

После Обермана пятым назван Тренмор. Может быть, он помещен в этот ряд как противопоставление Оберману. Тренмор — наперсник Лелии (героиня одноименного романа Жорж Санд), ее друг и названный брат, к которому обращены многие ее исповедальные письма. В начале романа он предстает перед читателем, по характеристике Лелии, как таинственное, мрачное, отчаявшееся и опустошенное существо, «несчастнейший из людей», чье горе навсегда «притаилось в глубинах сердца».¹⁴ Лелия рассказывает историю Тренмора, который в молодости, обладая гордостью, непомерным тщеславием, огромной силой души и вместе с тем страдая от скуки и отращения к окружающей его жизни, убил женщину и был отправлен на каторгу, откуда, по-видимому, бежал и жил под разными именами. На каторге Тренмор совершенно изме-

¹³ Санд Ж. Собр. соч.: В 9 т. Л., 1974. Т. 8. С. 631. Далее при ссылках на этот том данного издания страницы указываются в тексте статьи.

¹⁴ Санд Ж. Собр. соч.: В 9 т. Л., 1971. Т. 2. С. 19. Далее при ссылках на этот том данного издания страницы указываются в тексте статьи.

нил, понял, как много значит для человека добро и вера в Бога. Он смирился, пройдя полный круг исканий, и теперь, когда происходит действие романа, он видит свою жизненную миссию в том, чтобы наставлять людей, пробуждая в них стремление к праведным делам. Его тайная жизнь — общество карбонариев или связанные с ними масонско-реформаторские ложи, члены которых готовы сражаться с пороками общества, чтобы уничтожить зло и утвердить на земле добро. Тренмор прокликает общество, которое «покровительствует тиранам и порабощает людей свободных» (252). Он верит в приход новой социальной религии, которая должна возникнуть из обломков прежней: «Каждый человек будет гражданином, то есть супругом и отцом, и, наряду с этим, — священником и богословом (...) церковь перестанет быть необходимой» (318). Тренмор был поглощен всеми этими идеями и надеялся на успех своего дела, проявляя и волю, и смелость, и решительность. Это как раз тот герой, который преодолел слабость и сомнения «сынов времени»: Вертера, Рене, Обермана, Адольфа. Более того, похоронив Лелию и Стенио, тех, кто были для него связью с живым миром, Тренмор идет выполнять свой долг перед другими страдающими людьми: «Он взял свой посох и двинулся в путь» (402). На этом кончается роман.

Психологический тип Тренмора, может быть, более других далек от пушкинского Онегина, ибо деятельность — наиболее существенная черта Тренмора. Герцен поставил этого героя Жорж Санд в один ряд с сомневающимися и ищущими, с проклинающими и потерявшимися, потому что у них все же есть общие черты: жгучее страдание, мировая скорбь, отрицание пошлости. Эти же черты роднят с Тренмором и Онегина. Для Герцена пушкинский герой, который «постоянно ждал чего-то» (пункт 7), мог обернуться и Тренмором. Открытый финал пушкинского романа вполне мог быть домыслен Герценом как путь Онегина в тайное общество декабристов. Ведь не случайно позже, в споре с Добролюбовым и Чернышевским защищая лишних людей, Онегинных и Печориных, Герцен писал: «Печальный рок лишнего, потерянного человека только потому, что он развился в человека, являлся тогда не только в поэмах и романах, но и на улицах и в гостиных, в деревнях и городах...». По мнению Герцена, «лишние люди» à la Onéguine «выражали действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни (...). Общественное мнение (...) чуяло в них свои страдания...» (Г, 14, 118—119). В дальнейшем, разъясняя свою позицию, Герцен писал, что «бдительное правительство наше» после 1825 г. «посылало их (лишних людей. — Е. Д.) в каторжную работу» (Г, 14, 325). Насколько мы можем судить, и сам Пушкин не исключал такого финала для Онегина.

От Тренмора-карбонария ход к последней, по Герцену, «маске» Онегина — разбойнику Карлу Моору, не так уж удивителен. Этого шиллеровского героя Герцен любил только в ранней своей молодости, позже предпочитая маркиза Позу, Валленштейна, Фердинанда. Но Карл Моор вместе с другими романтическими персонажами Шиллера остался в его сознании как символ «первого негодования» (Г, 9, 227) против человеческого коварства. Карл Моор не вполне «благородный разбойник», он действительно разбойник. Другое дело, что он становится таковым от ненависти к обществу, которое вполне заслуживает наказания разбоем и смертью. В начале драмы это просто мятущаяся душа, которая «жаждет подвигов и свободы».¹⁵ Но под влиянием обстоятельств он становится негодующим мстителем, начинает презирать человечество и отрекается от милосердия. В финале он закаляет свою верную возлюбленную и называет себя «глупцом», мечтавшим «исправить свет злодеяниями и блюсти законы беззаконием» (260). Не находя иного выхода, он сам обрекает себя на мучительную смерть, т. е. мстит самому себе.

¹⁵ Шиллер Т. Избр. произв.: В 2 т. М., 1959. Т. I. С. 182. Далее при ссылках на этот том данного издания страницы указываются в тексте статьи.

Что тут может быть поставлено в связь с Онегиным? Только одно: страдание. Страдание от того, что мир столь несовершенен, коварен и пошл. Именно в этом романтическом презрении к человеческому несовершенству Карл Моор становится сыном XIX в., а драма Шиллера, напечатанная в 1781 г., оказывается созвучной молодым и горячим бунтарям 1830-х гг. Размышляя об Онегине, Герцен включил в свой сопоставительный ряд не общепризнанных романтических героев времени — Вертера, Гарольда, Адольфа, Рене; не Мельмота, на которого прямо ссылался Пушкин, а Карла Моора, этого негодующего бунтаря. Онегин, конечно, не мог стать разбойником, как Дубровский, но отвергнуть весь порядок вещей, всю деспотическую, как считал Герцен, организацию русской империи, видимо, мог бы. Ведь подчеркивал же Герцен, что Онегин, «как и все мы (...) не так безумен, чтобы верить в длительность настоящего положения в России» (пункт 8).

Итак, в брошюре «О развитии революционных идей в России» Герцен сопоставляет Онегина с шестью европейскими литературными героями, по сути с шестью психологическими типами европейской интеллектуальной истории: Гамлетом, Фаустом, Манфредом, Оберманом, Тренмором и Карлом Моором. Этот необычный ряд сомневающихся и ищущих, богоборцев и смирившихся, проклинаящих и протестующих может быть объединен общими чертами — неприятием окружающего их мира, страданием и вынужденным одиночеством.

Герценовский Онегин так или иначе причастен ко всем шести психологическим типам. Пушкин говорил о «масках» Онегина, которыми его герой мог «шегольнуть». Герцен говорит о символах, ипостасях, т. е. в конечном счете тоже «масках», философов (Гамлет, Фауст) и бунтарей: демонических (Манфред), мстящих (Карл Моор), тихих (Оберман), социальных (Тренмор).

Для Пушкина «маски» Онегина — средство включить своего героя в мир европейских проблем и исканий. При всей странности герценовских «сближений» можно считать, что он понимал пушкинского героя глубже, ближе к автору, чем многие пушкинские современники и ближайшие потомки.

О. В. АСТАФЬЕВА

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СТРОФЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

(К ВОПРОСУ О КОММЕНТАРИЯХ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ)

Давно признано, что текст «Евгения Онегина», насыщенный реминисценциями, скрытыми цитатами, намеками на актуальный культурный контекст, да и просто бытовыми реалиями ушедшей эпохи, нуждается в развернутом комментарии. Однако, несмотря на существование нескольких авторитетных трудов, порой взаимодополняющих, порой взаимоисключающих, все еще существуют лакуны или места, нуждающиеся в уточнениях.

Среди них — первая в ряду так называемых «театральных» строфа XVII главы первой:

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

(VI, 11–12)

Комментируя спектакли или роли, упомянутые в этой строфе, исследователи традиционно обращаются к «Летописи русского театра» П. Н. Арапова. Основанием для такого подхода служит пушкинское утверждение о том, что время в романе расчислено по календарю, а стало быть, спектакли, на которых мог побывать Онегин, следует искать в репертуаре петербургских театров за 1819–1820 гг., к которым отнесено действие главы первой. В результате, имея общий источник изысканий, комментаторы единодушны в выводах. Установлено, что единственная «Федра», шедшая на петербургской сцене в этот период, — это опера на сюжет Расина («музыка соч. Лемаена и Штейнбельта»). 18 декабря 1818 г. она была представлена в бенефис Сандуновой.¹ У комментаторов не вы-

¹ См.: *Арапов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 272; *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина. М., 1964. С. 73; *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий / Пособие для учителя. 2-е изд. Л., 1983. С. 144; *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 133.

зывает сомнения, что Моина — это героиня трагедии Озерова «Фингал»; 30 декабря 1818 г. в этой роли выступала А. М. Колосова.² Что касается Клеопатры, то исследователи пришли к столь же единодушному выводу: установить, какую роль имел в виду Пушкин, не удалось.³

В работах, специально посвященных театральным впечатлениям Пушкина, высказывались и иные соображения. М. Загорский в книге «Пушкин и театр», стремясь связать воедино роли, упомянутые в финале строфы XVII «Евгения Онегина», обратил внимание на пародийные спектакли французской труппы под управлением Тюфякина. По воспоминаниям современников, ее выступления в Петербурге начались со скандальной пародии на «Вертера», которая была яростно обшкана, что вызвало неудовольствие Милорадовича. И хотя упоминаний о пародийных переделках «Федры» Расина и какой бы то ни было «Клеопатры» не сохранилось, Загорский допускает возможность подобных представлений.⁴ А. А. Гозенпуд, исследователь русского музыкального театра, неоднократно высказывал предположение о связи финала строфы XVII с балетными спектаклями. В статье «Пушкин и русский театр десятых годов XIX века» он также обращается к театральным строфам «Евгения Онегина» и пытается не только указать конкретные спектакли, но и мотивировать реакцию на них Онегина. В этой работе исследователь, несмотря на авторитетные возражения Ю. М. Лотмана,⁵ вновь подвергает сомнению связь имени Федры с оперой на сюжет Расина и настаивает на балетном спектакле. По мнению А. А. Гозенпуда, Федра — это персонаж «Тезея и Арианны», героико-трагического создания Дидло, в центре которого — соперничество Федры и Арианны из-за Тезея. Балет мог вызвать неудовольствие любителя антраша недостаточным количеством эффектных прыжков.⁶ В обшканной Онегиным Клеопатре он видит героиню пьесы А. Коцебу «Октавия, или Редкий пример супружеской верности и геройского патриотизма в одной благородной римлянке», ибо это единственная пьеса о Клеопатре, шедшая в Петербурге в 1817—1819 гг.⁷

Спектакль этот давался в немецком театре, посещавшемся весьма разношерстной публикой и предлагавшем представления сомнительного уровня, о чем свидетельствуют в своих воспоминаниях современники. В «Дневнике чиновника» С. П. Жихарева сохранилось описание постановки «Октавии», сыгранной, правда, за 10 лет до появления в театре Онегина, 5 февраля 1808 г. Даже дружеские отношения с исполнителями главных ролей не могли заставить театрала забыть о потраченном на бездарный спектакль рубле: «Надобно же было выдумать такую гиль и разыгрывать с такими египетско-чухонскими ужимками и ухватками, что не будь я приятель Октавии и Октавиана, то лопнул бы от смеху!»⁸ И спустя десятилетие уровень представлений не изменился. Ф. Ф. Вигель так характеризует немецкий театр послевоенного времени: «Несмотря на предпочтение, отданное впоследствии духу германской литературы перед другими, даже немцы лучшего тона никогда не посещают его. Он остался вечернею отрадой всего своекорыстного и трудящегося у нас немецкого населения. Пасторы, аптекари, профессоры и медики занимают в нем

² См.: *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина. С. 73—74; *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 144; *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 134.

³ См.: *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина. С. 73; *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 144; *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 133—134.

⁴ См.: *Загорский М.* Пушкин и театр. М.; Л., 1940. С. 66.

⁵ См.: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 145.

⁶ См.: *Гозенпуд А. А.* Пушкин и русский театр десятых годов XIX века // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 51—53.

⁷ См.: Там же. С. 49—51.

⁸ *Жихарев С. П.* Записки современника. Л., 1989. Т. 2. С. 123.

кресла, булочки, портные, сапожники — партер, подмастерья их, — вероятно, раек».⁹ Представить на таком спектакле и среди такой публики «почетного гражданина кулис» Онегина или Пушкина — трудно. Однако для А. А. Гозенпуда одиозность фигуры Коцебу является дополнительным аргументом в пользу его гипотезы: «Слова „каждый, вольностью дыша” приобретают дополнительный смысл. Они говорят об осуждении не актрисы, игравшей роль египетской царицы, а автора пьесы — Коцебу».¹⁰ Но за что же тогда обшикана Федра? В этом контексте уместнее была бы знаменитая Кора, имя которой вполне вписывается в ритм строки.

Сама история вопроса, многолетние споры вокруг «Федры, Клеопатры» уже указывают на существование проблемы. Если пушкинские строки рассчитаны на ассоциации с конкретными спектаклями, то почему один из них устанавливается легко и несомненно (Моина из «Фингала»), другой с некоторой степенью вероятности (Федра то ли из оперы, то ли из балета), а третий не установлен вовсе (гипотезы Загорского и Гозенпуда весьма спорны)?

В приведенных комментариях очевидна общая особенность: они не столько проясняют пушкинский текст, отвечают на вопросы, сколько провоцируют на новые: почему, за что одни обшиканы, другие охлопаны? Почему рядом соседствуют балетный, оперный и драматический спектакли, дававшие, возможно, разными труппами: французской, немецкой и русской? Существующие комментарии мало способствуют раскрытию зрительских симпатий «почетного гражданина кулис», хотя упомянутые роли явно введены поэтом как элемент характеристики его театральной позиции. Думается, стремление непременно обнаружить конкретные спектакли, которые мог видеть Онегин и героини которых носят названные имена, заслонило общий смысл финала строфы XVII. Попытка увидеть содержательную, а не «репертуарно-календарную» связь между Федрой, Клеопатрой и Моиной представляется оправданной.

* * *

Обратимся к творческой истории интересующих нас строк. Черновая рукопись главы первой находится в так называемой первой масонской тетради (ПД 834, л. 10):

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис
Почетный гражданин кулис
Онегин полетел к Театру —
(VI, 229)

Начало характеристики Онегина как театрала записано почти без исправлений. Это вполне объяснимо — Пушкин использовал строки, не вошедшие в окончательный вариант поэтической части послания к Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша») от 26 сентября 1822 г.

И ты, о гражданин кулис
Театра злой летописатель
Очаровательниц актрис!¹¹
Непостоянный обожатель...
(II, 770–771)

Однако финал строфы, последние пять строк, подвергся основательной правке. Поэт настойчиво искал точную формулу поведения героя

⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 55.

¹⁰ Гозенпуд А. А. Пушкин и русский театр десятилетия XIX века. С. 51.

¹¹ Первые два варианта строки: «Младых трагических актрис»; «Младых пленительных актрис».

в театре. Среди почти не читаемых, зачеркнутых строк — одна, найденная сразу, от которой Пушкин не отказывается, вокруг которой группирует остальные: «Обшикать Федру, Клеопатру». Не стоит игнорировать значимость оригинальной рифмы «театру — Клеопатру», и все же для Пушкина была важна не только фонетическая выразительность этой строчки. Первоначально финал строфы характеризовал театральное поведение самого Онегина и предполагал недвусмысленную цель его посещения театра: «пустить (...) пыль», «в глаза собранья бросить пыль». Зачеркнув эти строчки, поэт записывает сверху: «Где каждый, вольностью дыша...». Введя этот новый поворот темы («каждый», а не только Онегин), Пушкин делает тем самым и театральное поведение героя элементом его характеристики как типичного представителя столичной молодежи. Кстати, мотив публичного неодобрения, в противовес всеобщей хвале, возникающий в следующей строке, также имеет параллель в театральном впечатлении Пушкина, отразившихся в послании к Толстому: «Хвалы я свистом заглушил» (II, 772). Вспоминая давнюю историю с эпиграммой на Колосову, в черновике этого послания Пушкин повторяет строки другого послания, от 5 апреля 1821 г., к другому театралу, П. А. Катенину: «Я свистом гимны заглушил» (II, 181). В этой связи нельзя не вспомнить эпизод из биографии самого Катенина, за демонстративный протест против вызовов М. А. Азаревичевой изгнанного из Петербурга. Отброшенный вариант «он бурный» вполне согласуется с готовностью обшикать Федру и Клеопатру, цариц, исполнительниц главных трагических ролей, вызвав при этом комическую Ежову и даже суфлера. Еще один вариант черновика: «обшикать — а после вызвать». Таким образом, первоначально поведение театралов нарочито, скандально: «всё это только для того, чтоб люди слышали (еще один вариант черновика: «видели». — О. А.) его» (VI, 229).

Шумное, демонстративное обшикивание Федры, Клеопатры должно быть эпатирующим. В этом контексте речь вряд ли может идти об оперной постановке на сюжет Расина, которую столь единодушно называют комментаторы. Спектакль этот был малопримечателен, не удержался в репертуаре, скоро и бесследно сошел со сцены, не вызвав никаких откликов в журналах. Эпатировать «собрание» могло обшикивание самой прославленной трагедии. Рядом с героиней Расина естественно предположить соседство героини Корнеля. Действительно, у последнего есть даже две Клеопатры. Первая — знаменитая египетская царица — выведена Корнелем в трагедии «Помпей». Это нежная и кокетливая возлюбленная Цезаря, которая слегка смущена тем, что ее герой женат, но надеется на обычай развода в Риме и будет терпеливо ждать, пока Цезарь вернется к ней, ради нее покорив вселенную. Другая Клеопатра Корнеля — мстительная и кровожадная сирийская царица, героиня «Родогуны», в борьбе с соперницей готовая жертвовать любовью и жизнью своих сыновей. Хотя этот персонаж в трагедии, безусловно, центральный, Корнель не решился назвать пьесу ее именем из опасения ассоциаций со знаменитой египтянкой. Впрочем, Пушкин мог иметь в виду и какую-нибудь другую из многочисленных трагедий о Клеопатре. То, что речь здесь идет именно о драматических спектаклях, косвенно подтверждается и черновыми строками послания к Толстому, к которым восходит начало строфы: «Младых трагических актрис / Непостоянный обожатель». Об этом же свидетельствуют отброшенные варианты: «Суфлера вызвать»; «Ежову вызвать» (VI, 229). Онегин, как и каждый вольнолюбивый театрал, — непостоянный обожатель очаровательных актрис, готов сначала «обшикать» их за исполнение ролей в прославленных трагедиях, «а после вызвать». В первоначальном варианте финала строфы не так уж и важно, кто и за что обшикан, важно, чтобы на героя обратили внимание.

Знаменательно, что не только в черновике строфы XVII, но и в белой рукописи главы первой нет имени Моины, противопоставленного

«Федра, Клеопатре» и известного по окончательному тексту «Евгения Онегина» (VI, 229; 547). Оно возникает на более позднем этапе.

«Обшикать Федру, Клеопатру, / Моину вызвать...». Пытаясь уяснить логику этого противопоставления, А. А. Гозенпуд высказывал предположение, что Федра, Клеопатра — царицы, а Моина — царевна, и таким образом Пушкин зашифровывает соревнование Е. С. Семеновы, признанной царицы трагической сцены, и А. М. Колосовой, по мнению исследователя, «царевны, так и не ставшей царицей», названной поэтом Моиной в уже упоминавшемся послании Катенину («Кто мне пришлет ее портрет» — II, 181).¹² Предположение это сомнительно прежде всего потому, что Семенова никогда не играла никакой Клеопатры, а в «Федре» выступила впервые только в 1823 г., и видеть ее в этой роли Пушкин не мог. В то же время роль Моины принадлежит Семеновой в равной, если не в большей степени, чем Колосовой. В «Моих замечаниях о русском театре» Пушкин пишет о Семеновой: «Она украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины» (XI, 10).

Названная статья, первый пушкинский опыт театральной критики, созданная как отклик на события, актуальные для театральной жизни именно той поры, к которой отнесено действие главы первой, не раз приводилась в комментариях к театральным строфам «Евгения Онегина».¹³ Прежде всего обращает на себя внимание сходство в описании петербургской публики в статье и главе первой романа. Кроме того, строки о союзе Семеновы и Озерова созвучны строфе XVIII. Думается, этим переключки «Моих замечаний о русском театре» и «Онегина» не исчерпываются. Изучение пушкинской статьи позволяет выдвинуть следующую гипотезу: вводя имя Моины, противопоставляя ее Федре и Клеопатре, Пушкин акцентирует национальные пристрастия своего театрала, делая его сторонником именно русского театра. Таким образом, имена Федры, Клеопатры и Моины подразумевают не противостояние конкретных актрис, но русской и французской драматических трупп вообще.

* * *

«Мои замечания о русском театре», созданные, очевидно, в начале 1820 г., явились откликом на разгоревшуюся в журналах той поры полемику о достоинствах отечественных и французских драматических актеров (Сын отечества. 1820. № 1, 2, 4—6). И название пушкинской статьи, и ее начало свидетельствуют об актуальности этой темы для Пушкина. Он начинает с упреков кривому и безрукому инвалиду, страстному почитателю французских актеров. Персонаж, от лица которого написана вызвавшая негодование Пушкина статья (она печаталась на страницах «Сына отечества» с 29 декабря 1819 по февраль 1820 г.), обосновывал свою беспристрастность в суждениях о превосходстве французской труппы и недостатках русских актеров увечьями, полученными от французов во время войны 1812 г. Высказав сомнение, что «потерянный глаз и оторванная рука» дают право «и криво судить», Пушкин отстаивает достоинства русского драматического театра и русских актеров. Прежде всего называет он исключительное и самобытное дарование Семеновы. В этой связи вновь для сравнения привлекается французский театр, и в частности знаменитая Жорж Веймер: «Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная французская актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства...» (XI, 10). Однако, по свидетельству современников, манера игры Жорж оказалась

¹² Гозенпуд А. А. Пушкин и русский театр десятих годов XIX века. С. 48.

¹³ См.: Бродский Н. Л. «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина. С. 71—74; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 146—147; Гозенпуд А. А. Пушкин и русский театр десятих годов XIX века. С. 44.

сильное воздействие на формирование актерского мастерства Семеновой. Выступлений Жорж, любимицы парижской публики, фаворитки Наполеона, приехавшей в Россию в 1808 г. и имевшей в обеих столицах оглушительный успех, Пушкин не мог видеть, и, давая ее артистической манере столь уничижительную характеристику (бездушная), он основывается на чужих впечатлениях. Однако даже десятилетие спустя Пушкин не может обойти молчанием соревнование этих двух актрис, некогда захватившее театральный мир. Обратимся и мы к этому знаменательному эпизоду.

Гастроли Жорж в России, по слухам, были одним из вопросов, обсуждавшихся на встрече императоров в Тильзите. Тем не менее решение покинуть страстно любимый Париж и ехать в далекую Россию было, по свидетельству актрисы, внезапным и импульсивным. (Жорж покидает город в тот момент, когда театр заполняет публика, пришедшая на ее спектакль.) Успех, который ожидал актрису в России, был огромен. Стены театра буквально дрожали от рукоплесканий, когда Жорж впервые появилась перед петербургской публикой в роли Федры в трагедии Расина. Первенство Екатерины Семеновой, доселе безраздельно господствовавшей на трагической сцене, было поколеблено. Она приняла вызов, вступив с парижской знаменитостью в своеобразное соревнование, стремясь не просто усвоить секреты мастерства Жорж, но и превзойти ее. Исследователь истории русского театра пишет: «Русское театральное общество разделилось на две партии. И апологеты Семеновой выступали не просто как защитники ее таланта и ее художественной самостоятельности, а как защитники русского театрального искусства».¹⁴ Позиция эта была отнюдь не общепринятой, большинство, и прежде всего великосветская публика, оказалось на стороне Жорж. Острота сценической дуэли достигла кульминации во время одновременных выступлений в Москве. Современник этих событий, А. Я. Булгаков, записывает в дневнике: «Только и разговоров в городе, что о соперничестве трагических актрис Жорж и нашей Семеновой. Я с величайшей наглостью утверждаю, что Семенова выше во всем, что касается чувства. (...) Некоторые из моих единомышленников (...) доходят до такой крайности, что свистят Жорж».¹⁵ Актрисы выступали и в одних и тех же, и в разных ролях, давно вошедших в их репертуар, что ярче оттеняло особенности их дарований.

На фоне страстных споров и демонстраций сдержанностью и объективностью выделялась позиция В. А. Жуковского. В «Вестнике Европы» за 1809 г. были опубликованы три его рецензии с подробными разборами выступлений Жорж в разных ролях. Особенно высоко оценивает он «бесподобную игру» французской актрисы в роли Федры. Описывая Жорж в «Дидоне», Жуковский пишет: «Но мы заметим здесь опять, что роли нежных любовниц не свойственны таланту девицы Жорж: Агриппина, Атталия, Клеопатра (в Корнелевой «Родогуне»), Семирамида — вот характеры, единственно ей принадлежащие».¹⁶ Позволим себе хронологическое отступление, доказывающее проницательность Жуковского, который считал роль Клеопатры сценическим достижением Жорж. Покинув Россию после войны и возвратившись в Париж, Жорж не смогла вернуть себе былой славы и любви французской публики. Играя в третьеразрядных театрах, все более опускаясь, спустя 30 лет она поразила Вяземского, с трудом узнавшего в этой жуткой фигуре кумир своей юности. Однако, приняв решение окончательно покинуть сцену, Жорж получила право на прощальный спектакль в «Комеди Франсез» и выбрала для него «Родогуну» Корнеля. По

¹⁴ Лапкина Г. А. История русской театральной критики. Л., 1975. С. 48.

¹⁵ Рус. арх. 1867. Вып. 6. Стб. 1363.

¹⁶ Вестн. Европы. 1809. Дек. № 23. С. 257.

свидетельствам очевидцев, роль Клеопатры она вновь сыграла с мощью и эффектом, свойственными лучшим спектаклям ее молодости.¹⁷

В противоположность Жорж, блиставшей в ролях страстных и даже порочных женщин, Семеновой особенно удавались роли нежных любовниц, не свойственные, как заметил Жуковский, «таланту девицы Жорж». К таким ролям и принадлежит роль Моины в «Фингале», «сотворенная», по словам Пушкина, Семеновой. «Томная, нежная, мечтательная» — таковы эпитеты театральных рецензий. С годами Семенова сделала роль Моины ведущей в спектакле, тонко воплотив элегическое начало, свойственное женским ролям у Озерова вообще. Если Жорж, «бездушная Жорж», поражающая холодным мастерством, — это прежде всего Федра и Клеопатра, то Семенова, пленявшая глубоким проникновением в душевное состояние исполняемого персонажа, — это, конечно, Моина. Соревнование двух знаменитых актрис стало своеобразным отражением противоположных подходов к актерскому искусству. Французская труппа демонстрирует выучку и мастерство, — тогда как русские актеры пленяют подлинностью переживаний и способностью жить на сцене чувствами своих героев.

Тема соперничества Жорж и Семеновой постоянно всплывает в театральных рецензиях и критических статьях конца 1810—начала 1820-х гг., когда полемика о русском и французском подходе к актерскому искусству, о соотношении мастерства и переживания вновь становится актуальной. Возможно, воспоминания очевидцев, а также журнальные отклики на это яркое театральное событие и отразились в окончательной характеристике театральных пристрастий «вольнлюбивого зрителя»: обшкать Федру, Клеопатру — вызвать Моину, явно отдавая предпочтение русскому театру. «Неумеренные восторги и похвалы французским актерам, их выучке, их дарованиям содействовали тому, что любители театра из среды передовой молодежи составили оппозицию французской труппе, противопоставляя ей (...) подлинные актерские таланты русского театра», — пишет исследователь творчества Семеновой.¹⁸ Среди участников этой «оппозиции» — многие члены «Зеленой лампы»: и Я. Н. Толстой, адресат пушкинского послания, и Д. Н. Барков, и Н. В. Всеволожский — возможные кандидаты на роль «почетного гражданина кулис» в этом тексте, и сам Пушкин, — и вообще каждый, кто, «вольностью дыша, готов...».

Подведем итоги сказанному выше. Думается, следует отказаться от традиционного комментария к финалу строфы XVII и видеть в «Федре, Клеопатре, Моине» отсылку к конкретным спектаклям, к конкретным театральным впечатлениям Онегина или Пушкина сезона 1819—1820 гг. Поэт рассчитывает на более широкий круг ассоциаций. Работая над текстом строфы, Пушкин активно использует строки, созданные прежде, и мотивы, возникавшие ранее в связи с его личными театральными впечатлениями. Он движется в направлении все большей типизации: финал строфы из описания театрального поведения Онегина превращается в характеристику вольнлюбивого театрала вообще. Отказавшись от демонстративно-эпатирующего варианта — вызвать суфлера, Ежову в противовес исполнительницам трагических ролей цариц — Пушкин приходит к противопоставлению героинь французской и русской трагедии, за которым стоит предпочтение французскому театру русского. Эти изменения сделали органичным включение двух строф о русском театре, «волшебном крае», созданных в Михайловском год спустя. Строфа XVIII посвящена русскому драматическому театру, переход к воспоминаниям о нем естествен после упоминания Моины; в строфе XIX возникает образ «русской Терпсихоры», который делает органичным возвращение к Онегину,

¹⁷ См.: Швыров А. В. Знаменитые актеры и актрисы. СПб., 1902. С. 146.

¹⁸ Медведева И. Екатерина Семенова. М., 1964. С. 211.

спешащему на новый балет. Строфы эти завершаются горьким предположением:

Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать?

(VI, 12–13)

Эмоциональность проявления зрительских симпатий «каждого, дышащего вольностью», и автора в том числе, готового охлопать, обшикать, вызвать, восторженного ценителя антраша и героинь русской трагедии, поданная с легкой иронией, в итоге оказывается противопоставлена холодному рассеянию Онегина, который, равнодушно пропустив «русской Терпсихоры душой исполненный полет», «отворотился и зевнул» (VI, 13). Пушкинское примечание о балетах Дидло призвано еще более усилить этот эффект.

Х. МЕЙЕР

«ОНЕГИНЫХ ЕСТЬ МНОГО»

(ИМЯ-ЦИТАТА В КАЧЕСТВЕ «ЗАКЛАДКИ»
И ПЕРФОРМАТИВНОГО ПОВТОРЕНИЯ)

У каждого народа есть некоторые имена,
которые, уж не знаю почему, не в чести.

Монтень, «Об именах»¹

Твой образ так загадочен, что я
К тебе взываю: Гамлет...²

Шекспир, «Гамлет», акт I, сцена 4

Повторение (имени)

Вероятно, будет вполне уместно ознаменовать 200-летие со дня рождения А. С. Пушкина³ указанием на повторение одного имени.

Имя собственное 'Онегин',⁴ которое носит пушкинский «роман в стихах» (и его протагонист), было востребовано русской словесностью XIX в. не в первый, а во второй раз; таким образом, оно является повторением. Поскольку литературный дебют этого имени состоялся в 1818 г. в комедии князя А. А. Шаховского (1777—1846) «Не люблю — не слушай, а лгать не мешай. Комедия в одном действии, в вольных стихах»⁵ (т. е. всего лишь за пять лет до того, как был начат «Евгений Онегин»), сам собою встает вопрос о том, что же должно означать это повторение. Отметим, что удивительно не само по себе повторение имени у такого автора, как Пушкин, столь охотно прибегавшего к пародическому; удивителен, скорее, тот факт, что только Л. П. Гроссман в 1920-х гг. назвал литературный источник имени 'Онегин'; но и он не сделал серьезной попытки ответить на только что поставленный вопрос о значении этого повтора.

Потребность разобраться в этом вопросе напрашивается уже ввиду того обстоятельства, что комедия Шаховского едва ли могла ускользнуть от внимания Пушкина (к этому я еще вернусь ниже), а все прочие, в лучшем случае половинчато аргументированные, гипотезы о происхождении имени 'Онегин' (приводятся ссылки на гидроним 'Онега',⁶ на

¹ *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. / Пер. А. С. Бобовича. М., 1980. Кн. 1—2. С. 247. О месте Пушкина в традиции само-о-писания, как она складывается в Новое время, см.: *Meyer H.* «Bite Him»: Emblematic Self-Portraiture and Diabolical Transtextuality // *Poetica*. 1998. Bd. 30. N. 1. P. 129—164.

² *Шекспир В.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 6. С. 30 (пер. М. Лозинского).

³ Статья была впервые напечатана по-немецки в журнале «Die Welt der Slaven» (1999. Bd. 44. S. 335—366). Перевод выполнен Г. Е. Потаповой.

⁴ В настоящей статье я использую три различных написания имени 'Онегин'. Без выделения (Онегин) оно обозначает действующее лицо, в двойных кавычках («Онегин») — произведение, а в одинарных кавычках ('Онегин') — имя как таковое.

⁵ Здесь я вынужден отказаться от попытки охарактеризовать значение князя Шаховского вне узкого контекста его отношений к «Арзамасу» и Пушкину или же описать то, как воспринимали они этого «владельца театра», а также от попытки подробно проанализировать «Не люблю — не слушай...», в том числе сложные межтекстовые и внутрикультурные связи этой пьесы, ставшей для Пушкина текстом-основой. Соответствующий анализ был бы необходим для исчерпывающей разработки затронутой здесь темы. Однако в моих рассуждениях ставятся центральные проблемы, которые могли бы сделаться предметом дальнейших исследований.

⁶ Это объяснение, данное уже В. Г. Белинским, слепо повторяется на протяжении многих эпох. Однако это всего лишь уловка, позволяющая выйти из затруднительного положе-

каких-то случайных ремесленников из Торжка,⁷ на упоительные ассоциации с *негой*⁸ или, наконец, на фонетические свойства этого имени⁹) не особенно убедительны в качестве всеобъемлющих обоснований. Вполне очевидно, что результаты такого исследования будут существенно способствовать уяснению основных приемов и пародийного характера действия в «Онегине».

К приемам я перейду немедленно, к вопросу о действии — несколько позже. В ходе этой аргументации основательность гипотезы о комедии Шаховского как об источнике имени 'Онегин' станет очевидной. Тому, кому влияние комедийной культуры в случае с «Онегиным» кажется в принципе сомнительным, можно только посоветовать перечитать главу первую, так как там содержатся более чем отчетливые отсылки, указывающие на такое влияние (к этой теме я тоже еще вернусь в дальнейшем, прежде всего в связи с упоминанием Шаховского в строфе XVIII). В этот контекст хорошо вписывается еще один общепризнанный факт, касающийся имени 'Ленский': А. С. Грибоедов и А. А. Жандр использовали это имя в своей переделке комедии Н.-Т. Барта «*Les fausses infidélités*» (1768),¹⁰ которой они дали название «Притворная неверность». ¹¹ Эта пьеса была впервые поставлена в Петербурге и Москве в том же году, что и «Не любо — не слушай...» Шаховского.

* * *

(См. Шекспира и Стерна.)
Примечание 16 к «Евгению Онегину»

Имя-цитата демонстрирует свое литературное происхождение. Поэтому можно позволить себе следующие умозрительные соображения: если бы у Евгения Онегина имелась та повторяющаяся имя отца ономастическая единица, которую русские называют отчеством, то он мог бы по двум причинам именоваться 'Александровичем', ибо Онегин — созда-

ния. Дело в том, что никто еще не объяснил сколько-нибудь убедительно, почему именно озеро или река Онега должны были стать источником имени главного героя: ведь ни эти воды, ни окружающие их земли не играют в «Онегине» ни малейшей роли. Главным виновником этой сомнительной линии толкования является, по-видимому, Лермонтов с его 'Печориным', еще одним именем-гидронимом (ср. замечание Белинского об «Онеге и Печоре» в рецензии на «Героя нашего времени» — *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 146).

⁷ В единственной на сей день работе о собственных именах в «Онегине» (впрочем, само ее название выдает, что исследователя больше интересует проблема собственного имени в литературе вообще, чем в конкретном случае с пушкинским романом) В. Н. Михайлов опирается на гипотезы А. Россова и Ю. Ракова, согласно которым имя Онегина восходит к портному или булочнику из маленького городка на полпути между Петербургом и Москвой (см.: *Россов А.* Портной Евгений Онегин // *Вестн. лит.* 1922. № 1. С. 19—20; *Раков Ю.* По следам литературных героев. М., 1974). Однако он никак не обосновывает свою уверенность в том, что это объяснение следует считать наиболее убедительным (см.: *Михайлов В. Н.* О роли собственных имен в литературном творчестве: на материале антропонимов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // *Вопросы русской литературы.* Львов, 1976. Вып. 2 (28). С. 67—76).

⁸ См.: *Альтман М. С.* О собственных именах в произведениях Пушкина // *Учен. зап. Горьковского ун-та. Сер. историко-филологическая.* 1964. Т. 1. Вып. 72. С. 387—398. В данном случае обоснование тоже малоудовлетворительно.

⁹ Этот аргумент нельзя отбрасывать совершенно, и он уже был с пользой применен при анализе «Онегина». Ср. об этом в работе Э. Б. Магазаника и Л. И. Ройзензона, которые указывают на то, что имя и фамилия содержат перевернутый повтор: *Евгений — Онегин* (см.: *Магазаник Э. Б., Ройзензон Л. И.* Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия // *Труды Самаркандского ун-та. Новая сер.* 1971. Вып. 214 (Вопросы ономастики)). Это наблюдение важно для моей задачи постольку, поскольку оно вводит в игру повторение этимологического корня *ген*.

¹⁰ В. В. Набоков и в этом случае приводит название реки (Лена), но упоминает также Грибоедова с Жандром, а кроме того, указывает, что некто Ленский фигурирует в «России» М. Хераскова как советник царя Ивана Грозного (см.: *Набоков В. В.* Комментарии к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 224).

¹¹ *Ложь* играет важную роль и в этом названии.

ние двух Александров (Шаховского и Пушкина). Но — факт, недооцененный исследователями,¹² — отчества в «Евгении Онегине» почти не встречаются.¹³ «Природное» происхождение действующих лиц не становится предметом речи.

Основополагающая концепция, определяющая мой подход к «Онегину», исходит из тесной связи между именем, повторением и перформативностью (performatance — «речепроизводство», т. е. актуализирующее «исполнение», в противоположность общеязыковой «компетенции», если воспользоваться терминологией Н. Хомски). При этом я хотел бы коснуться и эпохального значения оси Шаховской—Пушкин в контексте перехода от Просвещения к романтизму. Тем самым популярнейшая до сих пор линия дискуссии об имени «Онегин» — линия, которая обнаруживала его происхождение в русской топонимике, а значит, возводила литературное имя к имени географическому и делала его «реалистическим» и «почвенным», — принимает радикально новый поворот: Онегин больше уже не стоит на твердой русской земле (или, если угодно, больше не плавает в глубокой русской воде), но скользит по территории литературы и по доскам театральной сцены.

О значимости двух первых теоретических понятий, т. е. имени и повторения, уже было упомянуто выше. Сейчас я хотел бы кратко обосновать введение понятия перформативности, которое является основополагающим для рубежа эпох Просвещения и романтизма, а также (забегая вперед) поставить перформативность в связь с обоими уже названными понятиями.

Если именование (или крещение) новорожденного ребенка является классическим перформативным актом,¹⁴ то именование литературного персонажа обладает еще большей «перформативной потенцией», потому что для человека при определенных условиях все же вполне мыслимо сменить имя, тогда как однажды окрещенная вымышленная фигура может быть переименована только своим создателем (как происходит, например, с Густавом и Конрадом в «Дзядях» Мицкевича). Ибо она является своим именем/именованием или, по меньшей мере, неотделима от него.¹⁵ Если такое имя представляет собой повторение чужого лите-

¹² Такое наблюдения можно было бы ожидать (самое позднее) в упомянутой работе В. Н. Михайлова об именах в «Онегине». Но и он совершенно не касается вопроса об отчествах.

¹³ Возможно, мы действительно сталкиваемся здесь с деформацией, обусловленной стиховой строкой (ср.: Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 52—77). Однако частотное распределение между «Евгением» и «Онегиным», на которое исследователи обращали столь же мало внимания, зависит не от ритмико-метрических обстоятельств, а исключительно от того, насколько эти слова годятся для рифмы. Поразительно, что и этот вопрос В. Н. Михайлов обходит молчанием.

¹⁴ О дефиниции перформативного речевого акта ср. у Дж. Остина (*Austin J. L. How to Do Things with Words. Cambridge, 1994*). Важны здесь и выдвинутые Остином критерии правильного «функционирования» речевого акта, прежде всего требование: «Слова должны произноситься *серьезно*» (*Ibid.* P. 9). Ср.: «Я не должен, например, шутить или писать поэму» (*Ibid.*). С другой стороны, важно и то, что говорящий должен обладать авторитетом, для того чтобы осуществить речевое действие, что полностью соответствует ситуации с автором, именуемым героев. Это означает, что литературное именование одновременно и соответствует критериям речевого акта (автор обладает санкцией именовать), и не соответствует (ведь речь идет как о «шутке», так и о «писании поэмы»). Всепроникающее присутствие лжецов в драматических образцах «Евгения Онегина», о чем уже было упомянуто, делает указанную проблему еще актуальнее.

¹⁵ Ср. замечание С. Крипке о «причинной цепи, соединяющей употребление имени с его интродукцией» (*Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge (Mass.), 1972*; реферировано в кн.: *Fitch G. W. Naming and Believing. Dordrecht (Holland); London; Norwell (Mass.); New York, 1987. P. 68 ff.*). Крипке пишет: «Первоначальное „крещение“ совершается. При этом объектом могут быть экспонируемые имена, либо же референция имени может быть закреплена описанием. Когда имя „передается по цепочке“, то, как я полагаю, получивший имя должен употреблять его, когда он его выучивает, с той же референцией, что и тот, от кого он его услышал» (*Kripke S. Naming and Necessity. P. 96*).

ратурного имени или же имени, уже использованного внутри произведения (как, например, в случае с Гамлетом), это приводит к некоторым эффектам, различным в каждом из обоих названных случаев:

а) Симулируемая именем ультимативная референция¹⁶ колеблется. В первом случае это осуществляется путем открытого представления (т. е. остранения) именованного; во втором — наоборот, через сигнализируемую именем эдиповскую зависимость от отца (или от другого отцеподобного источника имени). В случае с Гамлетом эта зависимость является темой произведения, а ее несбыточное преодоление — двигателем основной линии действия. Поколебленная референция имени¹⁷ может в обоих случаях содержать показания и относительно референции вообще — в том смысле, что наречение имени обнаруживает свой перформативный характер. Кроме того, упреждается позднее осознание проблематичной или нулевой референции собственного имени (вплоть до «незначашего обозначения» («unmeaning mark») Дж. С. Милля¹⁸ и до принадлежащего Б. Расселу ограничения собственных имен указательными местоимениями,¹⁹ употребление которых сопровождается указыванием на подразумеваемый объект).²⁰

¹⁶ Ср. рассуждения Ж. Клерже о «кратилизме» имени, т. е. об особом свойстве, которое суггестивно внушается именем собственным: представляя мотивированный референцией звуковой материал (*Le nom et la nomination: Source, sens et pouvoirs* / Ed. J. Clerget. Toulouse, 1990. P. 34ss.). С этой точки зрения *nomina* и *poetema*, по Клерже, синонимичны, т. е. имя есть *poem*, непосредственно скрепленный с бытием. Литературное именование вполне способно симулировать такой кратилизм. Ср. целиащие в неверные интерпретации тезисов В. Беньямина, но вполне поддающиеся генерализации рассуждения Б. Менке о проблематичной «языковой мистике», т. е. о «мимесисе звуков и вещей» или о «фикции соответствия слова и вещи» (*Menke B. Sprachfiguren: Name — Allegorie — Bild nach Walter Benjamin*. München, 1991. S. 80—81). Ср. также замечания Ш. Шлека о «кратилизме Якобсона» (*Speck S. Von Šklovskij zu de Man: Zur Aktualität der formalistischen Literaturtheorie*. München, 1997. S. 106ff.). Мечтою авангардистски-структуралистского кратилизма стал язык, состоящий сплошь из мотивированных имен собственных. В определенном смысле структурализм отстает от романтизма с его иронией в адрес мнимого всемогущества субъективистского имени собственного (такова, например, игра с «Онегиным» в «Онегине»).

¹⁷ Проблематичная референция имени собственного состоит, как известно, в его свойстве обозначать что-то совершенно определенное, но не быть понятием (а потому являться непереводаемым и т. д.), т. е. гарантировать ультимативную референцию и одновременно вообще не гарантировать референции. О проблемах, которые проистекают из этого основного свойства имени для самых различных областей (философия, искусство, право, религия), см. в уже упомянутом сборнике под редакцией Ж. Клерже «*Le nom et la nomination: Source, sens et pouvoirs*» (Toulouse, 1990).

¹⁸ Здесь следует назвать прежде всего главный труд Милля — «Систему логики» (1843).

¹⁹ «Единственные слова, действительно употребляемые как имена, — слова вроде „это“ или „то“. Можно употребить „это“ как имя, которое должно представлять за отдельную вещь, которую воспринимаешь в это мгновение. Мы говорим: „это — белое“. Если вы соглашаетесь с высказыванием „это — белое“, причем имея в виду такое „это“, которое вы видите, то вы употребляете „это“ как имя собственное...» (*Russell B. Die Philosophie des logischen Atomismus (Auszug) // Eigennamen: Dokumentation einer Kontroverse*. Frankfurt a. M., 1985. S. 69). Согласно этому радикальному тезису, именование — в противоположность описанию (*description*), которое, по Расселу, всегда является составной частью имени в обычном смысле слова, — всегда тесно связано с перформативной конфигурацией, хотя и не является собственно перформативным речевым актом.

²⁰ Последнее замечание можно было бы сформулировать также следующим образом: проблематичность обозначения при помощи имени собственного заключается прежде всего в отсутствии сигнификата. Р. Якобсон делает из этого вывод, что в имени собственном код соотносится с самим кодом (см.: *Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb // Jakobson R. Selected Writings*. The Haag, Paris, 1971. P. 130—147; там же находится его известная фраза об отсутствии «фидишности» в имени «Фифи»). Пользуясь его же позднейшей терминологией, можно было бы сказать, что имя собственное обнаруживает «метаязыковую функцию». Для нас это заключение интересно потому, что пародийное использование повторенного имени в «Онегине» сигнализирует о металитературном способе функционирования текста и демонстрирует такой способ. Ср.: *Menke B. Sprachfiguren: Name — Allegorie — Bild nach Walter Benjamin*. S. 79ff. Представление об имени у В. Беньямина перекликается с представлениями Якобсона в следующем пункте: «Беньямин понимает „имя“ как автореференцию языка — как модус его само-сообщения» (*Ibid.* S. 80).

b) Именуемое таким образом действующее лицо урезается в своей полноценности, а именно как «бродячая» литературная цитата в первом случае или как вечное дитя — во втором.

c) В обоих случаях мы сталкиваемся с тем, что имя *циркулирует* и тем самым сообщает ценность носителю/реципиенту имени (т. е. функционирует как маркировка стоимости), но при этом, как представляется, ограничивает его самоценность,²¹ потому что его идентичность оказывается идентичностью «другого» (для Гамлета это буквально «имя отца»,²² для Онегина — вымышленное лицо, наделенное транстекстуальной генеалогией²³).

d) В обоих случаях имя является знаком перманентного сдвига смысла и указанием на «различие» (*différance*, по Ж. Деррида), потому что, как поясняет Деррида применительно к «политике имени собственного» у Ницше (прежде всего в «Ессе homo»), имя втянуто в непрерывную игру диссимуляции(-ий) («утаиваний») — в особенности это касается самообозначений.²⁴ Как показывает Деррида в своей работе об апо-

²¹ Именно это кажется мне подоплекой практически полного пренебрежения пушкиноведов указанной линией толкования имени 'Онегин': Пушкин обязан был быть самобытным гением, а значит, должен был быть очищен от всех следов подражания, тем более что речь здесь идет о зависимости от «тривиальной литературы». Кроме того, требовалось, чтобы Пушкин непосредственно соприкасался с «русским народом», что делало нежелательным слишком сильное посредничество литературы. Труднее объяснить то, что Набоков, для которого литературность «Онегина» не подлежала сомнению, тоже просмотрел столь очевидный (можно сказать, вопиющий к небу) текст-источник, обнаруживающий литературную опосредованность Онегина, — если только он не игнорировал его намеренно.

²² При сравнении с Гамлетом и его «Nom-du-Père» (в самом имени) бросается в глаза, что отец Онегина («Nom-du-Père» как отчество) — это не могущественный дух, а едва упомянутая и ни разу не названная по имени фигура, чье единственное свойство, достойное упоминания, состоит в способности делать долги. Это свойство в конце концов лишает Евгения Онегина наследства и вынуждает надеяться на наследство дяди, вступить во владение которым он желал бы уже в строфе I романа. Как и в «Гамлете», приключившаяся еще до начала действия смерть отца и связанное с нею спорное наследство (наряду с дядей, как всегда мешающимся в дело) приводят в ход основную нарративную линию. Не исключена здесь и еще одна металитературная линия — имплицитное указание на В. Л. Пушкина.

²³ Рассмотрение цитатного характера треугольника «дядя — сын — отец» делает очевидным, что оба эти случая «неуютной» генеалогии имени состоят в близком родстве и что работа Пушкина с именем и с отношением протагониста к отцу может быть интерпретирована как «литераризация» или («мета)театрализация» шекспировской драмы. Ср. известное замечание Ю. Н. Тынянова о пародировании трагедии в качестве комедии и наоборот («Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 226»). Д. Куонджич истолковывает тезис Тынянова в смысле «радикальной неразрешимости, определяемой карнавальным качеством языка литературы» (*Kujundžić D. Tatjana's Purloined Letter // Wiener Slavistischer Almanach. 1991. Bd. 28. P. 29*). Ср. также его дальнейший анализ тыняновской концепции пародии, особенно его основные положения: «...пародия делает видимой истинную структуру языка» (*Ibid. P. 42*); «Пародия (...) представляет литературность литературы как таковую» (*Ibid. P. 43*); «Пародия позволяет оживить „переживание повторности“ литературного произведения, т. е. одновременно ощутить произведение в его оригинальности и в его конвенциональности» (*Ibid. P. 37*). В последней из приведенных цитат Куонджич ссылается на неоконченный текст Тынянова о пародии, относящийся к 1919 г. (см.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 538—539 (комментарий А. П. Чудакова)).

²⁴ Здесь можно было бы остановиться на вопросе о роли имени '(Александр) (Сергеевич) Пушкин' в «Евгении Онегине» (Ю. М. Лотман оперирует им в форме «П» для обозначения повествователя — см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий / Пособие для учителя. 2-е изд. Л., 1983). Исходящие от 'Пушкина' автобиографическое в «Онегине» состоит, если говорить конкретно, в имплицитно или эксплицитно данном местоимении «я», а также в различных формах его склонения и в притяжательных формах («Я думал уж о форме плана, / И как героя *назову*; / Покамест *моего* романа / Я кончил первую главу» — глава первая, строфа LX и т. д.; курсив мой. — Х. М.). Но это в некотором роде аналогично словам «Я такой-то и такой-то» («Ich bin der und der») в начале «Ессе homo» Ницше, который иронически настаивает на однозначности имени: «При этих условиях возникает обязанность, против которой в сущности возмущается моя привычка и еще больше гордость моих инстинктов, именно обязанность сказать: Выслушайте меня, ибо я такой-то и такой-то. Прежде всего не смешивайте меня с другими» (*Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Избр. произв. М.; Л., 1990. Кн. 2. С. 328*). Деррида пишет по этому поводу: «Жизнь — это утаивание. Говоря „ich bin der und der“, он, по

фатике,²⁵ абсолютное инобытие «настоящего» означаемого (референта), обнаруживающееся в крайнем, на первый взгляд, случае негативной теологии, следует расценивать как указание на принципиально проблематичный статус сигнификата и референта (соответственно иудаистское представление о непроизносимом имени Бога является характерным примером именованного). Постулируемое Деррида отсутствие «первичного следа» становится исходным пунктом для всей динамики отсылок как в случае с «чисто литературным» именем-цитатой, так и в случае с повторением имени внутри «изображенного мира» («Гамлет»), потому что в обоих случаях происхождение выступает как превосходящая силами контингентность, которая в тем большей мере грозит уничтожением носителю имени, чем большей аутентичностью наделяется исходное имя. Несмотря на это, я бы предпочел избрать здесь в качестве путеводной нити не *différance* Деррида, а разрабатывавшуюся Ж. Делезом проблему различия в повторении. Потому что, хотя в *«Онегине»* («Онегине») и обнаруживается характерное для раннеромантических фрагментарных произведений мессианское (т. е. негативно-метафизическое) ожидание некоего никогда не наступающего «абсолютного» смысла, специфика этого произведения состоит, скорее, в «беспонятном» и «бессмысленном» повторении, которое становится утверждающим именно в этом своем «отсутствии смысла».

е) *Вывод:* В обоих случаях проблема повторения выявляется и в качестве основы обозначения, и в качестве камня преткновения для него, ибо ни эквивалентность, ни подобие не обеспечивают в данном случае значения имени, а потому никакого «образования понятия» здесь не происходит. Имя — это чистейшей воды повторение, не получающее никакой семантики. Представляется, что имя воплощает нечто вроде чистой перформативности.

Только что указанная общность обоих случаев повторения имени (литературное заимствование и эдиповская «прививка») представляется показательной, ибо она подтверждает не только то, что известно каждому читавшему Фрейда и Лакана, — а именно что идентичность субъекта всегда следует рассматривать как *переписывание* или как *копирование*. Она показывает также, что определенные литературные произведения инсценируют дело именованного субъекта как *копирование*, — и это гораздо существеннее для той задачи, которую я ставлю перед собой в настоящей статье. В этой связи я хотел бы сослаться на относящиеся к проблеме повторения теории Ж. Делеза. Начиная с «Различия и повторения» (1967) и «Логика смысла» (1967) вплоть до работ о Ницше (1979) и Фуко (1987),²⁶ в работах Делеза доказывается, что повторение, первыми великими теоретиками которого следует признать Кьеркегора и Ницше, никак не может быть сведено к смыслокумулирующим подобиям и эквивалентностям или произведено от них. Напротив, оно связано с блокировкой (*blocage*) понятийного (а значит, с генерализацией кантовской категории прекрасного как того, «что опознается без [посредства] поня-

видимости, противостоит инстинкту утаивания. Можно предположить, с одной стороны, что его контракт противен его природе; против своей воли он вынужден расплатиться по кредиту во имя имени, на свое имя и во имя другого. Но, с другой стороны, подобное предъявляющее само себя предъявление „*ich bin der und der*“ может быть и уловкой утаивания. Оно ввело бы нас в еще большее заблуждение, если бы мы поняли его как простое предъявление идентичности, при условии, что мы уже знали бы, что такое предъявление себя и заявление о своей идентичности...» (*Derrida J. Otobiographies: L'enseignement de Nietzsche et la politique du nom propre. Paris, 1984. P. 50.*)

²⁵ См.: *Derrida J. Sauf le nom. Paris, 1995.*

²⁶ См.: *Deleuze G. 1) Différence et répétition. Paris, 1967; 2) La logique du sens. Paris, 1969; 3) Nietzsche. Berlin, 1979; 4) Foucault. Frankfurt a. M., 1992.* Написанные Делезом совместно с Ф. Гваттари работы «*Анти-Эдип*», «*Кафка*» и «*Тысяча плато*» релевантны здесь постольку, поскольку некоторые их тезисы (как, например, о «*ризомной*» организации) проясняют «*детерриториализующий*» эффект повторения.

тия как предмет *необходимого* удовольствия»²⁷) и с позитивным пониманием *различия*.

Мысль о том, что различие следует строго разграничивать с отрицанием, а повторение — с параллелизмом и что второй член каждой из этих пар нужно рассматривать как вторичный по отношению к первому, является ключевым концептом и при анализе того повторения, о котором идет речь в настоящей статье, т. е. *литературного* повторения имени²⁸ (в обоих поясненных выше значениях). Здесь могут быть (и будут) приняты в расчет многие концептуальные моменты «итерографии»²⁹ Делеза, как например: 1) повторение, проецированное в будущее (вечное возвращение), которое отличается от повторения, основывающегося только на привычке или памяти;³⁰ 2) диспозиция, возникающая после распада когерентности субъекта — и возникающая как раз в повторении;³¹ 3) прямо-таки разрушительная переоценка соотношения между принципом реальности и принципом желания (а также переоценка конфигурации вытеснения) в свете нового толкования фрейдовского «влечения к повторению» («По ту сторону принципа удовольствия»);³² 4) роль иронии в повторении;³³ 5) противоположность повторения и репрезентации;³⁴ 6) проблема маски, переодевания и театрализации при повторении.³⁵

Для меня в особенности важен последний пункт, причем не только потому, что в рассматриваемом случае речь действительно идет об использовании театрального или «метатеатрального» (т. е. потому, что истоки и возникновение пушкинского Онегина и «Онегина» связаны на многих уровнях с театром и театральностью). Театральность³⁶ повторе-

²⁷ Кант И. Критика способности суждения // Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 245 (§ 22).

²⁸ Эта философия повторения касается также строфы, потому что и в этом случае преобладает повторение в делезовском смысле — противоположное параллелизму.

²⁹ Ср. в этой связи также введенное Ж. Деррида понятие «повторяемости» (*itérabilité*), которое поясняется среди прочего в его работе «Сигнатура — событие — контекст» (см.: *Derrida J. Signature — événement — contexte // Derrida J. Marges: De la philosophie. Paris, 1972. P. 365—393*). Особо интересен тот факт, что Деррида принимает в расчет «повторяемость», чтобы релятивизировать бытийную полноту и абсолютное присутствие речевого акта. Ср. также примеч. 36.

³⁰ «Философия повторения проходит все „стадии“ и остается обреченной на то, чтобы повторять само повторение. Но в ходе всех этих стадий она устанавливает свою программу: сделать повторение категорией будущего, воспользоваться повторением привычки и памяти, но воспользоваться ими как *стадиями* и перешагнуть их, бороться одною рукою против Габитуса, другою — против Мнемозины...» (*Deleuze G. Différence et répétition. Paris, 1967. P. 125*).

³¹ «Что касается третьего, открывающего будущее, времени, то оно означает, что событие и поступок обладают скрытой когерентностью, которая исключает когерентность „я“, обращается против приравнявшегося к ним „я“, разбрасывает его тысячей кусков, словно бы создатель нового мира был сметен и развеян, как прах, прорывом того, что он сам пробудил к многообразию» (*Ibid. P. 121*).

³² «Не „повторяют, потому что вытесняют“, — а напротив: „вытесняют, потому что повторяют“» (*Ibid. P. 139*).

³³ «Повторение — дело юмора и иронии; по своей природе оно всегда перешагивание, исключение и всегда утверждает единичность — в противовес подчиненным законам частностям, утверждает универсальное — в противовес обобщенностям, принимаемым за закон» (*Ibid. P. 12*).

³⁴ «Недостаточно (...) представить только новую репрезентацию движения; репрезентация — это уже опосредование. Напротив, речь идет о том, чтобы создать в произведении такое движение, которое сможет взволновать помимо всякой репрезентации» (*Ibid. P. 16*).

³⁵ «Маска — это истинный субъект повторения. Так как повторение по своей природе уклоняется от того, чтобы представлять что-либо, повторенное не может быть представлено, но должно всегда *означаться*, маскируемое тем, чем оно означается, и само являясь маской того, что оно означает» (*Ibid. P. 29*).

³⁶ Под театральностью я понимаю не восходящий к классическим или аристотелевским пиитикам образец развития действия, а возведение таких мотивов, как переодевание, кулисы, поверхность, говорение вслед за кем-то (а значит, суфлирование), в ранг подлинной сущности повторения и всех тех процессов, которые анализируются (и могут быть проанализированы) при помощи мыслительной фигуры повторения в делезовском смысле. В то же время отмеченная Клерже релятивизация имени посредством подчеркивания обнаруживает сходство с тем разрывом между сигнатурой и ее инициатором, который описывает Деррида в работе «Сигнатура — событие — контекст» (см. примеч. 29). Этот разрыв демонстрирует основные свойства «письма» (*écriture*) в смысле Деррида.

ния является ключом также к репрезентации (повторение как основной прием театральной техники инсценируется посредством бессмысленно повторяющейся «театральной жизни» Онегина в главе первой), иронии (если любая «глубина» действующих лиц «разоблачается» как маска маски, то возникает основание для бесконечной «саморефлексии» как иронии иронии), оценке принципа желания и вытеснения (потому что даже буквально, на нарративном уровне, 'Онегин' является убедительным примером того, как соотношение желания и реальности оказывается производным от власти повторения — причем именно вследствие театризации «жизни»), релятивизации субъективности в повторении (потому что носителями имени являются актеры/акторы и комедианты — *acteurs et comédiens*, — которыми дирижирует *facteur* имени) и прежде всего к обращенному в будущее повторению, выходящему за рамки привычки и памяти (хотя в главе первой сила привычки демонстрируется как перманентно повторяющееся настоящее, однако и имя, и строфа указывают на повторение, проецированное в будущее, которое наличествует уже в самих истоках — в строфе I и в комедии Шаховского). Момент перформативности имени³⁷ и названия вводит, таким образом, в важнейшее энергичное поле романа.

Итак, мой главный тезис состоит не в открытии текста-источника, а прежде всего в предположении, что пушкинскому обращению с именем присуще особое свойство, чрезвычайно существенное и для многих других приемов, использованных в романе в стихах. Выяснение этого особого свойства поможет нам не только обнаружить новые аспекты в истолковании пушкинского романа и не только прийти к обобщающему пониманию особой, пародийной пушкинской версии старого риторического учения о подражании (*imitatio*). Одновременно с этим оно будет также содействовать генерализирующему проникновению в механику функционирования имени в литературных произведениях и в языке вообще (в том числе путем рассмотрения малоизученного имени-цитаты). Последнее положение основывается на том убеждении,³⁸ что литературная работа романтиков (а всякая попытка хотя бы частично осмыслить «роман в стихах» как продукт постромантического реализма неминуюмо должна потерпеть крах или остаться в фарватере нормативной идеологии — как, например, идеологии социалистического реализма) всегда является в то же время теорией литературы и языка.³⁹

³⁷ Ср. соответствующее утверждение Ж. Клерже относительно имени у Пруста: «Парадоксальным образом сигнификация, доставшаяся имени от Пруста в его романе-поэме, заставляет нас выйти за его пределы, чтобы достичь берегов места и действия» (*Le nom et la nomination*. P. 31). Суггестивной власти воспоминания, к которой апеллирует Клерже, говоря об именах у Пруста, соответствует перформативное транстекстуальное воспоминание, которое несет в себе имя 'Онегин'.

³⁸ Это положение утвердилось в научном рассмотрении романтической литературы уже давно, начиная по крайней мере с работ П. де Мана о Вордсворте, Клейсте, Руссо и т. д. (см.: *Man P. de. 1) Allegories of Reading*. New Haven; London, 1979; 2) *The Rhetoric of Romanticism*. New York, 1984).

³⁹ Сочетание функции имени собственного с отсутствием «настоящего» носителя является важной составной частью, например, во многих современных теориях имени, подчеркивающих парадоксальный способ его функционирования. О роли определенных писателей (именно в связи с сущностью и возникновением философского понятия) см. в работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» (*Was ist Philosophie?* Frankfurt a. M., 1996. S. 74ff.), где речь идет о соотношении между «концептуальными персонажами» и «эстетическими фигурами». К таким «мыслителям», которые «наполовину» были философами, они причисляют Гельдерлина, Клейста, Рембо, Малларме, Кафку, Мишо, Песоа, Арто и «многих английских и американских романистов, от Мелвилла до Лоуренса или Миллера» (*Ibid.* P. 76). Здесь Делез и Гваттари опираются на свою более раннюю книгу о Кафке (*Deleuze G., Guattari F. Kafka: Für eine kleine Literatur*. Frankfurt a. M., 1976), а именно на концепт «де-территориализации». Представляется, что этот концепт является предпосылкой для «литературы как теории языка».

...Я такой-то и такой-то...
Ф. Ницше, «Ессе homo»⁴⁰

Прибегнув к терминологии Ж. Женета,⁴¹ можно было бы обозначить повторяющееся и повторенное имя как сигнал «палимпсеста» (т. е. как знак гипотекста, указывающий на пародируемый гипертекст). Я предпочел бы говорить здесь о травестировании транстекстуального сигнала — в том числе потому, что предлагаемая Женеттом иерархия «соскабливаемого» и «обнаруживаемого» текстов соответствует нашему случаю лишь весьма относительно.

Непрерывно следует со всей определенностью констатировать тенденцию цитирующего имени к пародии или травестии, потому что это свойство и составляет его специфический способ функционирования. Если же исходить — по Ю. Н. Тынянову⁴² — из того, что степень пародического в произведении находится в прямом соотношении с его литературностью, то значимость этого свойства становится очевидной. Цитирующее имя является весьма значимым частным случаем литературной ономастики.

Эта значимость еще не оценена по достоинству исследователями имен собственных в литературе. Даже в обстоятельных монографиях⁴³ и объемистых сборниках⁴⁴ проблема цитирующего имени не тематизируется. Это особенно удивляет в монографии Г. Шильдберг-Шрота, так как цитирующее имя является чрезвычайно важным вариантом той темы, которая обозначена в заглавии названного исследования, т. е. связи между именем собственным и литературностью. Странствование персонажа, маркированного своим именем как персонаж *литературный*, по страницам литературного произведения очевидным образом отчуждает литературность как таковую.

В случае с 'Онегиным' это свойство тем более важно ввиду того факта, что в «Онегине» цитируется один из известнейших случаев цитирующего имени, а именно 'Йорик' в «Тристраме Шенди» и «Сентиментальном путешествии» Л. Стерна (впрочем, только с помощью названия имени 'Стерн').

* * *

Освободить волю от всех цепей,
сделав повторение самим объектом воления.
Ж. Делез⁴⁵

«Вот мой Онегин на свободе...» — говорится в строфе IV главы первой: абсолютная свобода в повторении с самого начала заложена в пушкинском «романе в стихах». Именно она словесно закрепляется в конце текста с помощью многократно обсуждавшейся формулы «даль свободного романа», — закрепляется как перманентно присутствующая перформативность и перманентный сдвиг смысла. Речь здесь идет не о субъективистской свободе *от* повторения, которая почти с плакатной наглядностью перечеркивается пушкинским стихотворным романом, но о *свободе в повторении* — о той *все-таки утверждающей* свободе, которая подчеркивается почти на всех существенных уровнях построения значения.

⁴⁰ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. С. 328.

⁴¹ Gennete G. Palimpsestes: La littérature au second degré. Paris, 1982.

⁴² См. примеч. 23.

⁴³ См., например: Schildberg-Schroth G. Eigennamen und Literarizität. Neumünster, 1995.

⁴⁴ См., например: Onomastyka literacka / Red. M. Biolik. Olsztyn, 1993.

⁴⁵ Deleuze G. Différence et répétition. P. 13. Этот пассаж относится к Ницше и одновременно представляет собой формулировку одного из основополагающих тезисов работы Делеза, основывающейся прежде всего на Кьеркегоре и Ницше.

Между прочим, и в работе с так называемой «онегинской строфой». Эта последняя в еще более откровенной форме (она не вынуждает обязательно выходить за границы произведения) демонстрирует прием или проблему повторения. Поэтому многие из теоретических выводов этой студии могут быть перенесены на мой более ранний анализ строфы:⁴⁶ строфа и имя взаимно комментируют — и повторяют — друг друга. Однако если я привожу использование имени собственного как бьющий в глаза пример принципа повторения (или как такую «закладку» в тексте, которая всего эффективнее указывает на «влечение к повторению»), то я делаю это не только по причине только что упомянутой релевантности свойств имени собственного и относящихся к нему теорий; из уже упомянутого присутствия театральности в именовании протагониста (притом на нескольких уровнях) проистекает целый ряд важных выводов о роли повторения в «Онегине».

Это выводы отнюдь не только теоретического порядка. Не в последнюю очередь они касаются новой оценки театральности интересов Пушкина в период до его высылки на юг. Оценка эта по-новому освещает общество «Арзамас» и другие объединения театралов, которым Пушкин придавал так много значения в конце 1810-х гг. На основании результатов этого исследования может быть по-новому оценено и значение А. А. Шаховского в литературной жизни той эпохи.

Ибо Шаховской — это не просто один из тогдашних драматургов, но именно тот, кто своей пьесой «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815)⁴⁷ непосредственно спровоцировал возникновение «Арзамаса», благодаря чему борьба между «карамзинистами» (или, по Тынянову, «новаторами») и «Беседой» («архаистами») приняла институтированные формы. Если вспомнить, что одним из самых характерных признаков этого пародийного общества (или, если угодно, этой шутейной организации для организации шуток) было присвоение псевдонимов, то напрашивается вывод, что имя собственное имело для арзамасской культуры особую ценность. Если в дополнение к тому принять в расчет, что все эти псевдонимы восходят к именам или просто словам из баллад Жуковского,⁴⁸ станет очевидным, что «литературное» имя отнюдь не было для арзамасцев неизвестной величиной.

Таким образом, заимствование имени собственного из комедии Шаховского не было для бывшего арзамасца Пушкина просто приемом наряду с другими приемами — оно было пародийным переносом центрального элемента «арзамасского дискурса» в совершенно иную литературную конфигурацию. Здесь можно говорить не только о теоретическом, но также о совершенно конкретном пародировании пародии.

* * *

Подоплекой этого процесса является амбивалентная позиция Пушкина по отношению к Шаховскому. Ее можно было бы обрисовать, используя некоторые из имеющихся свидетельств, но прежде и лучше всего она характеризуется игровой атмосферой «Арзамаса» — сообщества, которое невольно было вызвано к жизни Шаховским и навсегда оставило на личности Пушкина свой особый отпечаток.

⁴⁶ См.: Meyer H. «Быть может, в Лете не потонет / Строфа, слагаемая мной»: Onegins 'Strophe' als Lesezeichen // Die Welt der Slaven. 1998. Bd. 43. S. 33—60.

⁴⁷ Протокол учредительного заседания 14 октября 1815 г. начинался фразой: «В лето первое от Липецкого потопа» («Арзамас»: В 2 кн. / Ред. В. Э. Вацуло, А. Л. Осповат. М., 1994. Кн. 1. С. 265). Эта формулировка мелькает и в последующих протоколах.

⁴⁸ Особенно интересна техника имени в псевдонимах Д. В. Дашкова («Чу!» — частица, часто используемая в балладах Жуковского) и В. Л. Пушкина («Вот» — ср. «Вот я вас» из «Светланы»). Представляется, что указательная функция этих имен полностью соответствует критериям «чистого» имени, выдвинутым Б. Расселом (см.: Russell B. Die Philosophie des logischen Atomismus (Auszug). S. 68—93). Полный список псевдонимов см.: «Арзамас»: В 2 кн. Кн. 1. С. 28.

Самые ранние из сохранившихся металитературных суждений Пушкина носят заглавие «Мои мысли о Шаховском» (1816). Хотя в них выражается позиция однозначно негативная — т. е. соответствующая арзамасской «идеологии», — ясно все же, что поэт с самого начала считал своим долгом уяснить свои отношения к властителю тогдашней русской сцены. Позже Пушкин замыслил написать объемистый роман из жизни петербургского света 1810—1820-х гг., в котором Шаховской должен был играть роль довольно примечательную.⁴⁹

Впервые отмеченный Л. П. Гроссманом тот факт, что имя «Онегин» восходит к комедии Шаховского «Не люблю — не слушай...»,⁵⁰ где оно встречается в общей сложности шесть раз, показателем не только по причине демонстративной интертекстуальности. И не только в интертекстуальном сигнале *par excellence*, т. е. в афоризме,⁵¹ состоит основополагающая роль Шаховского — она состоит, кроме того, в более общей эпохальной значимости его творчества, а также в том, что он дал Пушкину непосредственный предмет для его «противописьма», — так сказать, *письма вдоль и поперек*.

Подробное рассмотрение темы «Пушкин и Шаховской» или же просто анализ позиции первого из них по отношению ко второму могли бы стать предметом отдельного исследования, построенного совсем иначе, чем настоящая статья. К тому же этих тем уже касались другие исследователи. Моя цель (по крайней мере, на чисто фактографическом уровне) — добавить к уже сказанному лишь одну деталь, отсутствие которой — отчасти просто таинственное — в традиционных биографиях Пушкина, монографиях о нем и трудах комментаторов прямо-таки бросается в глаза. Впрочем, этот факт характерен для самоуправствовавшей в XX в. (особенно с 1930-х гг.) пушкинской «администрации», стремившейся к вытеснению всех «неудобных».⁵²

Если от описанной фактической подоплеки опять вернуться к теории и теоретикам, то можно прийти к новому определению места био- и автобиографического как смотровой площадки самой «площадки просмотра» (т. е. места репрезентации как таковой) «Онегина» и Онегина. При рассмотрении этой проблематики популяризаторски-биографическая работа Гроссмана в определенной мере может быть воспринята как методологически «отрицательный пример».

⁴⁹ См.: Гордин М. А., Гордин А. М. Пушкинский век: Панорама столичной жизни. СПб., 1995. С. 270. (Былой Петербург).

⁵⁰ С. Карлинский в своей книге «Russian Drama from Its Beginnings to the Age of Pushkin» (Berkeley; Los Angeles; London, 1985) многократно упоминает комедию Шаховского и книгу Гроссмана, однако не говорит ни единого слова об этом важном интертекстуальном намеке, несмотря на то что у него есть целая глава под названием «Пушкин и неоклассическая драма».

⁵¹ Афоризм был тесно связан с традицией Просвещения, являлся «несущим» звеном всей художественной системы «Горя от ума» и иронически включался в ткань «Онегина». Об афористическом в «Онегине» см.: Альми И. Л. Сентенция в словесной ткани романа «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. 1985. Горький, 1986. С. 25—38. Афористическое, особенно в его соотношении с фрагментарным, сыграло определяющую роль в важном для Пушкина романтическом повторении-отмене Просвещения (повторении=«retrait», если воспользоваться термином Деррида).

⁵² Одно из самых обстоятельных рассмотрений позиции Пушкина по отношению к Шаховскому дано в монографии Н. Г. Литвиненко «Пушкин и театр» (М., 1974). Однако и здесь строго соблюдена каноническая версия этих отношений. Согласно ей, история отношений Пушкина с Шаховским проходит четыре важнейших этапа и характеризуется заметным улучшением. Эти этапы можно описать следующим образом: 1) резкая критика Шаховского в рамках арзамасского сообщества (прекрасный свод соответствующих материалов см.: «Арзамас»: В 2 кн. Кн. 1. С. 239—258); 2) встреча на «чердаке» Шаховского, где Пушкин ближе знакомится с Грибоедовым; 3) тесно связанный с творчеством Шаховского пушкинский набросок комедии об игроке («Скажи, какой судьбой...»); 4) принадлежащие Шаховскому театрално-музыкальные обработки ранних произведений Пушкина. Несмотря на тщательность изложения и на неоднократные упоминания отсылок к Шаховскому в «Онегине», исследователь совсем не касается комедии «Не люблю — не слушай...».

Подобно тому как недефинитивно обнаруживаемая вставка — тот монолог, который Гамлет предписывает выучить своим актерам, — может служить прообразом труднодостижимой «онегинской строфы»,⁵³ процитированное в эпиграфе к нашей статье гамлетовское заклинание духа «отца Гамлета» (как носителя имени произведения) может оказаться весьма полезным при анализе имени Онегина (и «Онегина»). Так как в этом последнем случае имя тоже представляет собой «закладку» (не столько трагическую, сколько комическую или комедийную) — помету, которая не только маркирует чтение, но и является перед читателем, подобно духу. Онегин — это призрак комедии. Но, кроме того, он призрак имени и имя призрака.

Итак, призрак тривиального театра является Онегину — и притом раскрывая тайну, что дом Онегина не там, где до сих пор мнили видеть героя (ср. аллегорически выражающий такое положение вещей мотив постоянного движения Онегина в главе первой).

Как нам предстоит увидеть, в случае с «Онегиным» мы имеем дело с именем имени, т. е. не столько с названием, сколько с *репрезентацией как именем* и с *именем как репрезентацией*. Иначе говоря, имя не таит под собою или в себе какой-то глубины, т. е. идентичности более глубокого порядка, но представляет целый ряд удвоений «на плоскости». Невидимая и отсутствующая часть репрезентации в данном случае особенно прочно закреплена именно на плоскости — как «лежащий на поверхности» элемент исходного текста, т. е. как пишущий (будучи отсутствующим!) Онегин Шаховского.

«Вот мой Онегин на свободе...» — говорится в той строфе, в которой речь идет об изгнании бедного француза *monsieur l'Abbé*, некогда приглашенного в дом Онегиных для воспитания юного Евгения. Строка в высшей степени иронична: «свобода» Онегина состоит во флианровании на манер *dandy*, т. е. в театрально-костюмированном облици. Онегин находится здесь под перекрестным огнем дискурсов «своего» времени. Ключевая лексема («свобода») не случайно выступает в женской (!) парной рифме с «модой» («свободе — моде»). Кроме того, говорится: «Он по-французски совершенно / Мог изъясняться и писал» (глава первая, строфа IV), — значит, Онегин усвоил себе речь *monsieur*. Мы имеем здесь дело с ненавязчивой аллегорией амбивалентного обхождения с Шаховским (одновременного выпроваживания вон и усвоения). Более очевидная «закладка» — маркировка именем «Онегин», которое не может освободиться ни от своего происхождения, ни от своей судьбы («Онегин на свободе...»). Свобода Онегина — это свобода наигранная, театрализованная и тем самым *предписанная*.

Поставленный здесь вопрос об имени является вопросом о сигнатуре — о ее атрибуции или ее инициаторе. Все сводится к тому, что аутентичность любой подписи/сигнатуры (всегда повторенной) подвергается радикальному сомнению.⁵⁴ «Онегинское писание» является

⁵³ «Вы могли бы, если потребуется, выучить монолог в каких-нибудь двенадцать или шестнадцать строк, которые я бы сочинил и вставил туда?» (*Шекспир В.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 65). См.: *Meуer Н.* «Быть может, в Лете не потонет / Строфа, слагаемая мной». S. 33—60.

⁵⁴ О подписи/сигнатуре см. в работе Деррида «Сигнатура — событие — контекст». Он исходит из того, что задается вопросом об основаниях тезиса Дж. Остина, согласно которому инициатор присутствует в сигнатуре. Для Деррида этот тезис представляет собой крайнюю форму вызывающего радикальное сомнение постулата присутствия (в) сигнификации: «Для того чтобы связь с происхождением установилась, должна быть выдержана абсолютная неповторимость события подписания и формы подписи: чистая репродуцируемость чистого

смотровой площадкой аукториального лишь в том смысле, что автор — это не более и не менее как роль в спектакле, т. е. в театрализации письмовыводящей руки.

Отсутствующий Онегин Шаховского как 'Онегин'

Имя длится и по ту сторону того, кто его носит.
Ж. Клерже⁵⁵

«Онегин» — это имя не столько говорящее,⁵⁶ сколько пишущее (а также, конечно, написанное). Этим я хочу сказать, что имя «пояснительно» не потому, что в нем раскрывается понятийная семантика, а как раз потому, что оно «надписывает» действующее лицо и таким образом дает подпись. В этом своем качестве письменного повторения оно движется в сторону от понятия и по направлению к не-понятийному, заключающемуся в имени.

В прежней исследовательской литературе это положение вещей еще не было осознано во всей его важности.

С. А. Фомичев подчеркивает тематические и прочие связи «Онегина» (прежде всего его главы первой) со стихотворной комедией 1810-х гг. (прежде всего с Шаховским, но также с Хмельницким, Жандром, Грибоедовым и т. д.), однако не упоминает о происхождении имени. Согласно Фомичеву, здесь характерны два следующих момента:

1) описание дня светского молодого человека, что, по утверждению Фомичева, можно было встретить только в жанре комедии из современной жизни;

2) использование письма в качестве поворотного пункта в развитии сюжета.⁵⁷

Особенностью пушкинского замысла является перенос на сцену самого театра (ср. формулировку В. В. Мерлина: «Театр выходит на сцену»⁵⁸). Примечательна не интертекстуальность, а демонстративная метаинтертекстуальность.⁵⁹ Потому что эта метаинтертекстуальность является предпосылкой для инсценировки странствия/осциллирования между тек-

события. Бывает ли такое? Встречается ли когда-либо абсолютная однократность события подписания? Бывают ли сигнатуры? Конечно же, каждый день. Реальные последствия подписей — самая обычная вещь на свете. Но условием возможности этих последствий одновременно является (...) условие их невозможности — невозможности их строгой чистоты» (*Derrida J. Marges: De la philosophie. P. 320*).

⁵⁵ Le nom et la nomination: Source, sens et pouvoirs / Ed. J. Clerget. P. 20.

⁵⁶ Происхождение 'Онегина' от реки или озера, т. е. выведение его из конвенциональной ономастики, можно было бы отнести к «говорительной» линии, поскольку она предполагает конкретное присутствие в качестве исходного пункта. То, что колыбелью пушкинского Онегина является писание отсутствующего персонажа у Шаховского, заставляет квалифицировать это имя как «пишущее» — не столько на основании тематизации самого писания, сколько из-за подчеркивания отсутствия.

⁵⁷ С. А. Фомичев указывает, однако, и на то, что письмо Татьяны используется лишь в главе третьей, когда модель, заданная Шаховским, уже перестает быть определяющей: «Предприняв в начале романа лиро-эпическую интерпретацию легкой комедии, Пушкин, перейдя к действию, строит свое произведение совершенно по иным законам» (*Фомичев С. А. У истоков замысла романа в стихах «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. 1981. Горький, 1982. С. 9*). Фомичев справедливо констатирует смену парадигмы, которая, впрочем, происходит уже между главами первой и второй. Но если рассматривать смену парадигмы между главами не только как «развитие автора» (т. е. как результат хронологической дистанции, обусловленной временем возникновения отдельных глав), но и как программное свойство самого произведения (а неразличимость этих двух моментов является одним из заметнейших признаков произведения как «самоинсценировки»), то «вырезанию» письма из «родного» для него жанра тоже следует приписать программное значение. Письменный фрагмент, заимствованный из комедии (из самого ее центра), инструментализуется, чтобы повергнуть именно этот жанр.

⁵⁸ Мерлин В. В. Пушкинский домик. Алма-Ата, 1992. С. 53.

⁵⁹ Ср.: *Sabry R. Quand le texte parle de son paratexte // Poétique. 1987. Т. 18. P. 83—99.*

стами и романтического крушения заповеди оригинальности, возникшей в эпоху Просвещения и гипостазированной в «эстетике гениальности».⁶⁰

Иначе говоря, издавна почтенные классические приемы *imitatio* и *aemulatio* (подражание и соревнование) не только используются или травестируются «метаклассиком» Пушкиным, но возводятся к травестирующему и тривиальному⁶¹ водевилю позднего Просвещения и в этом качестве многократно нарушаемого *mise en abyme* театрализируются в театре и как театр.⁶²

Три упомянутых исследователя, каждый по-своему, обнаружили некоторые аспекты этой ситуации. Тот из них, который впервые упомянул о происхождении имени 'Онегин', едва ли предвидел теоретические и историко-литературные импликации своего открытия.

Л. П. Гроссман в своем изложении интересующих нас обстоятельств занимает характерную для 1920-х гг. промежуточную позицию по отношению к уже упоминавшейся пушкинской «администрации» (хотя Гроссмана как автора более поздней биографии Пушкина в серии «Жизнь замечательных людей» уже никак нельзя отнести к формалистам и едва ли можно сравнивать с Ю. Н. Тыняновым как автором романа «Пушкин»). Несмотря на популяризаторскую установку, уместно ввиду исключительности этого пассажа привести пространную цитату, а именно весь второй раздел из главы «Комедия и водевиль»:

«Шаховской-драматург был во многом связан с Пушкиным. Он любил драматизировать пушкинские сюжеты (...). В свою очередь, впечатление от одной ранней комедии Шаховского своеобразно отразилось на крупнейшем произведении Пушкина.

Изучение комедий Шаховского вносит в Пушкиниану любопытный и до сих пор не отмеченный в ней штрих: оно дает нам возможность установить, откуда Пушкин взял фамилию Онегина.

23 сентября 1818 года на Большом театре „в пользу актрисы г-жи Ежовой“ шла комедия в вольных стихах А. А. Шаховского „Не любо — не слушай, а лгать не мешай“. О внимании к ней молодых театралов свидетельствует впечатление, произведенное ею на Грибоедова. Не только форма вольного стиха, но и ряд отдельных моментов диалога и даже некоторые положения этой пьески Шаховского нашли довольно близкое отражение в „Горе от ума“.

Вот в этой легкой и удачно построенной пьеске неоднократно повторяется та фамилия, которой озаглавлен знаменитый роман в стихах. Персонажи пьесы неоднократно называют одного отсутствующего героя: „Ба, это, кажется, Онегина рука“, „Онегин, друг ее и родственник по мужу“, „Хоть про Онегина, ты помнишь, нам сказали...“, „Онегина руки не можно вам не знать...“, „Онегиных есть много...“, „Поверьте, тетушка, Онегин обманулся“ и проч. Одна из таких стихотворных фраз могла остаться в памяти поэта и предстать перед ним удобной формулой в момент написания первой строфы романа в 1823 году (ср. также амфибрахии в именах романа — Евгений, Владимир, Татьяна).⁶³

⁶⁰ Ср.: *Mortier R.* Originalité: Une nouvelle catégorie esthétique au siècle des lumières. Genève, 1982.

⁶¹ См.: *Thalmann M.* Der Trivialroman des 18. Jahrhunderts und der romantische Roman: Ein Beitrag zur Entwicklung der Geheimbundmystik. Berlin, 1923. (Germanistische Studien; Bd. 24).

⁶² Сходную «двойную театрализацию» можно констатировать, говоря о роли Моцарта в «маленьких трагедиях»: композитор метонимически служит транстекстуальным образцом для дожуановского сюжета в «Каменном госте» — и является живым протагонистом в «Моцарте и Сальери» (см.: *Meyer H.* Romantische Orientierung. München, 1995. S. 221ff. (Slavistische Beiträge; Bd. 333)). *Mise en abyme* (перестановка вниз — фр.; букв.) — термин современной нарратологии; употребляется по отношению к «вставным» элементам, в том или ином аспекте дублирующим произведение, в которое они включены (такова, например, пьеса «Убийство Гонзаго», разыгрываемая актерами в шекспировском «Гамлете»).

⁶³ *Гроссман Л. П.* Пушкин в театральных креслах // Гроссман Л. П. Записки д'Аршиака; Пушкин в театральных креслах. М., 1990. С. 408—409.

Текст Гроссмана «Пушкин в театральных креслах» ориентирован прежде всего позитивистски и квазибеллетристически. Там часто встречаются (собственные и цитатные) нарративные пассажи и в целом заявлена претензия «живо» представить отрезок жизни Пушкина (а именно петербургские годы перед ссылкой, которые Гроссман чрезвычайно театрально обозначает в последней фразе своей работы как «торжественный и радостный пролог одной великой и трагической жизни»⁶⁴) и в то же время эпоху русской театральной жизни (текст носит подзаголовок «Картины русской сцены 1817—1820 годов»). Последний момент доминирует до такой степени, что пять глав посвящены соответственно устройству театрального зала, актерам и трем драматически-театральным жанрам (трагедии, балету, комедии/водевилю).

Только что процитированный отрывок следует непосредственно после рассказа об учреждении «Арзамаса» — того насквозь театрализованного общества, которое было «пущено в жизнь» драмой Шаховского. За этим следует очерк состояния русской комедии в ту эпоху. К онегинской теме автор больше не возвращается.

Замечания Гроссмана об отношениях между заглавным героем его книги, Пушкиным, и тогдашним властителем русской сцены ограничиваются почти одной только биографической областью. Свое открытие, касающееся имени «Онегин», он практически вовсе не анализирует — тематизируется только амфибрахический звуковой облик фамилии «Онегин», как и имен протагонистов: Евгений, Татьяна (Ларина) и Владимир (Ленский).

Как уже было упомянуто, Онегин является в «Не люблю — не слушай...» Шаховского отсутствующим персонажем⁶⁵ и одновременно продуцентом письма, которое приводит к разоблачению закоренелого лгуна Зарницкина (отметим звуковое сходство с «Зарецким» в «Онегине»). Зарницкин пропал восемь лет и теперь возвращается — согласно его собственным (обманным) показаниям — после героических ратных трудов и блестящих заграничных путешествий к своему дядюшке Мезецкому и тетушке Хандриной в их подмосковное имение. Зарницкин измышляет самые неправдоподобные истории, которые по большей части ставят в центр событий поломку кареты (т. е. отсрочку путешествия). В финале выясняется, что, когда у Зарницкина вышли все деньги, он разгласил, будто его тетя Хандрина умерла и будто он ее единственный наследник. Под этим предлогом он занял деньги; в то же время он высматривал себе денежную партию. Он использует именины упомянутой тетушки Хандриной (в этот день совершается действие комедии), чтобы продолжить поиски невесты, и его выбор падает не на кого-нибудь, а на княгиню Лидину, помолвленную с его дядюшкой (об этой помолвке ему на тот момент не известно). Мистификации Зарницкина разоблачаются по почте другом Хандриной по имени Онегин. Мезецкий объявляет по прочтении этого известия: «Он тетушку свою заочно уморил. / Онегин, друг ее и родственник по муже, / Чтоб в том увериться, нарочно поспешил / За ним вдогонку / Прислать ко мне об этом эстафет».⁶⁶ Онегин, таким образом, налицо лишь письменно, и его бумага, оглашенная Мезецким, является единственным прозаическим фрагментом в одноактной комедии. Остальные реплики выдержаны в тех вольных ямбах, которые Грибоедов позже перенял для «Горя от ума».

⁶⁴ Там же. С. 427.

⁶⁵ Аналогичную работу с «не-показывающимся» можно обнаружить в отброшенном в конце концов эпиграфе «Домика в Коломне»: «modo vir, modo femina». Ср.: Meyer H. Die realisierte Travestie und die tra(ns)vestierte Realisierung: Arabeske und Grotteske in Puškins Manuscripten am Beispiel von «Domik v Kolomne» // Zeichen zwischen Klartext und Arabeske / Hrsg. von S. Kotzinger und G. Rippl. Amsterdam; Atlanta, 1994. S. 125—142 (International Forschungen zur Allgemeinen und Vergleichenden Literaturwissenschaft; N 7).

⁶⁶ Шаховской А. А. Не люблю — не слушай, а лгать не мешай // Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII—начала XIX века. Л., 1990. Т. 2. С. 396 (явл. 12).

Комедия «Не любо — не слушай...» была впервые поставлена на сцене Большого театра в Петербурге 23 сентября 1818 г.⁶⁷ Десятилетий Пушкин посетил Шаховского по настоянию Катенина в начале декабря 1818 г. и провел у него, как утверждает Катенин, «один из лучших вечеров в его жизни». ⁶⁸ После того он часто — почти каждый день, если верить хозяину дома,⁶⁹ — посещал Шаховского. Значит, Пушкин определенно должен был познакомиться с этой пьесой, и именно в то время, когда он уже оставил свой арзамасский скепсис по отношению к драматургу. Ввиду этих обстоятельств можно полагать, что комедия «Не любо — не слушай...» сохранилась в его памяти отчетливее всех других произведений Шаховского. На этом фоне особенно значимы поразительные совпадения в развитии действия. Назовем два из них.

В обоих произведениях поездка к дяде (или к тете) служит завязкой действия. Зарницкин выдает свою тетушку за покойницу («Он тетушку свою заочно уморил»), а затем едет к ней и к своему дяде. Онегин также едет к своему больному дяде и думает про себя: «Когда же черт возьмет тебя?» (глава первая, строфа I). В обоих случаях решающим является вопрос наследства. У Шаховского роли разделены между тетей и дядей, но в обоих случаях центральную роль играет пожелание смерти родственнику/родственнице, от которого/которой должно достаться герою наследство. Как Онегин, так и Зарницкин едут в деревню, чтобы на месте осмотреть результаты своего «убийства за письменным столом». И тут становится явной принципиальная разнонаправленность ориентаций: желание Онегина тут же исполняется, в то время как словам лгуна Зарницкина отказано во всякой референции и в конечном счете во всякой действительности. Эта просветительская комедия оставляет «действительности» еще относительно неприкасаемые права: лгун Зарницкин должен уступить поле боя.⁷⁰ В «Онегине» власть («судьбоносность») слова и имени явно возрастают.

Кроме того, в обоих произведениях именины приводят в действие пружину катастрофы. Именины тетушки Марфы Романовны Хандриной сводят вместе тех людей, которые разоблачают Зарницкина как афериста — с помощью послания Онегина. Лживые построения Зарницкина рушатся прежде всего потому, что на празднестве появляется собственной персоной княгиня Лидина (с которой, как уверял Зарницкин, он знаком). Сходную роль играют именины Татьяны по отношению к смертоносной дуэли Ленского с Онегиным. Более того, «пусковая роль» Татьянинных именин может рассматриваться не только как аналог, но и как

⁶⁷ См. примечания А. А. Гозенпуда в издании: Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII—начала XIX века. Т. 2. С. 745. Пушкин в этот день был у Карамзина в Царском Селе (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1 / Сост. М. А. Цявловский; Отв. ред. Я. Л. Левкович. С. 140). Занятно, что М. А. Цявловский не указал в «Летописи» более поздних представлений этой комедии, в отличие от представлений пьес «Казак-стихотворец» (17 июня 1817 г.), «Урок кокеткам» (12 октября 1817 г.), «Полубарские затеи» (21 октября 1817 г.), «Ломоносов» (29 октября 1817 г.), «Крестьяне, или Встреча незваных» (15 ноября 1817 г.), «Новый Стерн» (23 ноября 1817 г.), «Ссора, или Два соседа» (14 декабря 1817 г.), «Пустодумы» (10 октября 1819 г.), на которых Пушкин, «вероятно», присутствовал (Там же. С. 114, 123, 124, 126, 128, 162).

⁶⁸ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 1. С. 169.

⁶⁹ В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому 23 апреля 1819 г.: «Шаховской все еще в Москве. Он мне сказывал, что племянник мой у него бывает почти ежедневно. Я не отвечал ни слова, а тихонько вздохнул» (Там же. С. 178). По-видимому, причиной посетить Москву стала для Шаховского московская премьера «Не любо — не слушай...» 18 апреля 1819 г. (ср.: Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII—начала XIX века. Т. 2. С. 745).

⁷⁰ Бомарше в своей драме «Евгения», которая могла послужить источником имени Евгений в заглавии романа, заходит еще дальше: он предоставляет лгуну и соблазнителю Кларандону возможность испривиться.

реализация «победы правды» у Шаховского. Здесь же следует упомянуть имплицитную силу самого имени, которая воплощается в событиеобразующем овременении (именины — *день имени*).⁷¹

Далее, общие моменты между комедией Шаховского и стихотворным романом Пушкина обнаруживаются на уровне (демонстративной) интертекстуальности, а именно в имеющихся у обоих авторов отсылках к «Клариссе Гарлоу» Ричардсона. Здесь можно отметить одинаковое метонимическое обозначение злодея как Ловласа (ср. в «Не люблю — не слушай...», явл. 9: «Что ж вышло?.. Ловелас как с неба к нам свалился»⁷² — и в «Онегине»: «Не потому, чтоб Грандисона / Она Ловласу предпочла» (глава вторая, строфа XXX);⁷³ «Ловласов обветшала слава» (глава четвертая, строфа VII). На этом примере можно показать различие между интертекстуальностью и демонстративной метаинтертекстуальностью.

По пути «простой» интертекстуальности идет Шаховской. В его короткой, относительно несложной одноактной пьесе отсылка к Ричардсону служит, так сказать, знаком сокращения, указывающим на традицию, которая стоит за его героем.

Интертекстуальность второй степени идет обратным путем. На поверхности «Онегина» нет ни одного действующего лица, которое — подобно «как с неба свалившемуся ловеласу» Зарницкину — можно было бы сравнить с беззастенчивым соблазнителем. От читателя, таким образом, требуется самому составить сеть текстов, которая релятивировала бы действие и обеспечивала связи с другими уровнями. В этой сети и оперирует цитирующее имя (т. е. имя, которое пишет и которое пишут). Оно имеет прежде всего метасигнификативную функцию, которая посредством таких свойств, как «письменность» и «отсутствие» в сочетании с «правдой», указывает на способ писания «Онегина».

Одновременно повествователь в «Онегине» указывает своей интертекстуальностью второй степени на интертекстуальность первой степени у Шаховского и дистанцируется от нее. Таким образом он приходит к метаинтертекстуальности. Иллюзионистски незаметное движение по линии литературных образцов сменяется моделью, которая остраивает движение между текстами и раскрывает его как странствие по лабиринту, обозначающееся блужданием на уровне действия.

На этом фоне можно понять ссылку на Шаховского в строфе XVIII главы первой как игру с обоими видами транс- или интертекстуальности: «Там наш Катенин воскресил / Корнеля гений величавый; / Там вывел колкий Шаховской / Своих комедий шумный рой...». Перед лицом того факта, что наиболее очевидным гипертекстом для «Не люблю — не слу-

⁷¹ В день именин имя не только наделяется всеми полномочиями и выдвигается на передний план; неповторимость, которая характеризует «чистое» (т. е. исключительно декоративное) имя, модифицируется настолько, что подключается омонимия с обозначением небесного патрона. Впрочем, остается сомнительным, активизируются ли святая Марфа (в случае «Не люблю — не слушай...») или святая Татьяна в качестве прообразов. Важнее внутренние связи между именами, как, например, то обстоятельство, что имя и отчество тетушки Хандриной (Марфа Романовна) в тексте Шаховского упоминается только один раз, именно в письме Онегина об изреченном Зарницкиным «смертном приговоре» тетушке («он сделан единственным наследником сестрицы вашей Марфы Романовны, которая, по словам его, скоропостижно умерла» — Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII—начала XIX века. Т. 2. С. 414). Тем самым выстраиваются такие связи между именами, которые могли бы быть не без пользы проанализированы.

⁷² Там же. С. 390. Ср. в той же сцене: «Так этот ловелас как с неба к нам свалился?» (Там же. С. 393); «Но ловеласа мне сегодня ж покажите» (Там же. С. 394).

⁷³ Ср. нарочито лишнее всяких признаков примечание: «Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов». Таким образом, в «Евгении Онегине» три упоминания Ловласа — столько же, сколько в «Не люблю — не слушай...». Это можно было бы объяснить тем, что у Пушкина мы имеем дело с так называемой «фоссианской антономазией», т. е. «поставкой собственного имени вместо родового обозначения» (*Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. Stuttgart, 1990. S. 301, § 581*). Этот прием почти совершенно превращает имя в понятие.

шай...» является «Лжец» («Le menteur», 1643) Корнеля,⁷⁴ переложение французской классики оказывается маркированным даже дважды. Но одновременно «театр выходит на сцену» (Мерлин): интертекстуальность второй степени обеспечивается названием важного образца собственного текста. Сплошная линия гипертекстов оказывается нарушена уже самим «взятием взаймы» имени отсутствующего персонажа «Онегин». Тем самым реферированная классическая линия разрушительно инструментализуется для выработки собственной противоположности.

«Не любо — не слушай, а лгать не мешай» — это поговорка, и комедия Шаховского является непосредственным развертыванием этой поговорки. Это легко воспроизводимое развертывание/реализацию можно было бы сравнить с тем сложным функционированием афористики, которое уходит в организацию «онегинской строфы» как таковой (отчасти благодаря эффекту двух заключительных строк) и отражается в пушкинских эпиграфах.⁷⁵

Важно также, что Зарницкин порождает ложь о лжи, т. е. продуцирует сигнификанты, которые не только не обладают референцией, но и вводят в игру дефицитарную семантику имени вообще и тем самым в определенной степени снимают ложь. Указанная деятельность достигает апогея в попытке Зарницкина объяснить свое лживое сообщение о смерти Онегина (или его присутствие только в «письменном» качестве): «Онегины есть много».⁷⁶ Эта пророческая фраза, которая всего через пять лет, т. е. с возникновением пушкинского Онегина, «Онегина» и «Онегина», вступит в силу применительно к русской литературе, демонстрирует в контексте словесной (и письменной) игры Шаховского ту утрату надежности имени, которую 25 лет спустя Дж. С. Милль переведет в разряд философских понятий своим «незначашим обозначением».⁷⁷

Это означает, между прочим, что отсутствие Онегина указывает не только на многозначность (диссеминацию) имени, но и намекает на ту проблематичную референцию имени вообще, о которой шла речь выше. Цитирующее и цитируемое имя является аллегорией этой проблематичной референции.

«Онегины есть много» — это не только тема и название (в некотором роде имя) моей статьи, но и сигнификативная дилемма каждого имени, которая в «Онегине» принимается в расчет, между прочим, и для того, чтобы в произведении и в качестве произведения «разыграть» ци-

⁷⁴ А. А. Гозенпуд отстаивает точку зрения, согласно которой в случае с Зарницкиным имеет место намек на реальное лицо, а именно на писателя, этнографа, дипломата и издателя «Отечественных записок» П. П. Свиньина (1788—1839), и приводит в доказательство этого тезиса много сходных черт. Однако Гозенпуд не обосновывает исключительности такого соотношения. Поэтому вполне возможно исходить из двойственности или множественности отсылок, к тому же Дорант Корнеля был в ту эпоху наиболее известным «театральным лжецом» (ср. звуковое сходство между Зарницкиным и Дорантом — Пушкин своим Зарецким в «Онегине» делает еще один шаг в этой игре). Пушкину и Шаховскому, знатокам драматургии, было определенно известно, что и для пьесы Корнеля существовал очевидный гипотекст — переработка пьесы «La verdad sospechosa» Хуана Руиса д'Аларкона (1634).

⁷⁵ Ср. работы В. Шмида о развертывании поговорок у Пушкина, например: Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996.

⁷⁶ Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII—начала XIX века. Т. 2. С. 414 (явл. 14).

⁷⁷ Удвоенный Онегин является в этом смысле одним из полуфилософских «концептуальных персонажей» (ср. примеч. 39). Различие, которое проводят Делез и Гваттари между «эстетическими фигурами» и «концептуальными персонажами», имеет большое значение для моего тезиса: «Одни («концептуальные персонажи». — Х. М.) суть способность понятия, другие («эстетические фигуры». — Х. М.) суть способность к аффекту и перцепции. Одни действуют на уровне имманенции, являющем собою образ бытия-мышления (Noumenon), другие — на уровне композиции как образа универсума (Phaenomenon)» (Deleuze G., Guattari F. Was ist Philosophie? S. 74). В интересующем нас случае следовало бы, однако, пойти дальше и рассматривать аффекты и восприятия, связанные с фигурой Онегина, как часть той программной «непонятности», которая ставит имя на службу своей программе.

тату и расположение против смысла и значения. Тем самым эта релятивизация неповторимости имени 'Онегин' обозначает — иронически — неповторимое в «Онегине» и становится благодаря этому, наряду со «строфой», важнейшим описанием (т. е. именем) невозможности спутать его с чем-либо другим. Характер обозначения блокирует любой путь, который мог бы привести от этого имени к обладающему теми или иными свойствами единому субъекту (не говоря уже об «авторе произведения»). Невозможность спутать состоит, таким образом, именно в повторении.

«Театра злой законодатель» — Онегин («Онегин») посылает театр на сцену

Ба, это, кажется, Онегина рука...

*А. А. Шаховской*⁷⁸

Всё хлопает. Онегин входит...

*«Евгений Онегин»,
глава первая, строфа XX*

Игра с именем в «Онегине» как с Онегиным (Шаховского) — это игра с присутствием, равным образом в общем смысле «идентичности» (т. е. «принадлежности»), по видимости присутствующей в имени, и в специфическом смысле «материализации» отсутствующего лица из «Не любо — не слушай...» Шаховского (NB момент не-коммуникации в «имени» самой пьесы), — «материализации» в качестве видимой точки, вокруг которой вращается и на которой держится действие в «Онегине». Онегин как *dramatis persona* (т. е. в театрализованном виде) присутствует на сцене задолго до своего «выхода».⁷⁹

Мы продемонстрируем это на примере той строфы, в которую вмонтировано имя Шаховского. При этом выясняется следующее: подобно тому как мы обнаружили транстекстуальность в средоточии «онегинской строфы», одновременно конституирующей и театрализующей жанр,⁸⁰ так и посреди представленных транстекстуальных отсылок обнаруживается строфа, которая наглядно показывает театрализацию транстекстуальности. Речь идет о строфе XVIII главы первой:

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,

⁷⁸ Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII—начала XIX века. Т. 2. С. 395 (явл. 12).

⁷⁹ Инсценированное имя перечеркивает задачу имени как непереводаемого присутствия его носителя, что неизбежно ведет к сдаче имени со стороны носителя. О позиции Деррида vis-à-vis с именем, отталкивающейся, в частности, от «Задач переводчика» В. Беньямина, см.: *Stiegler B. Die Aufgabe des Namens: Untersuchungen zur Funktion der Eigennamen in der Literatur des zwanzigsten Jahrhunderts. München, 1994. S. 83ff.* Ссылаясь на П. де Мана, исследователь соотносит двойкий характер «задачи имени» с понятием «double bind» (*двойная связь* — *англ.*): «Положение имени собственного в языке есть всегда род перевода. Оно отделено от своего носителя и перенесено/переведено в текст. Оно — одновременно и ближайшим и отдаленнейшим образом — является тем элементом языка, который должен переводиться в самом языке для того, чтобы быть усваиваемым, и, однако, не может переводиться, не будучи измененным» (S. 83—84).

⁸⁰ См.: *Meyer H. «Быть может, в Лете не потонет / Строфа, слагаемая мной». S. 33—60.*

Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.⁸¹

На первый взгляд ностальгическая игра с присутствием и отсутствием,⁸² которая в определенной мере взята вместе с Онегиным у Шаховского и содержится уже в театрализации театра, подчеркивается в этой строфе эмфатической отсылкой в область «другого». Что в целом бросается в глаза в строфе, так это перенасыщенность повторами наречия «там». Семикратное⁸³ появление слова (в среднем по одному словоупотреблению на две строки) ознаменовано столь же головокружительной, сколь и закономерной, градацией: между первыми двумя словоупотреблениями «там» расстояние в три строки, затем — в две строки, затем дважды — по одной строке, потом — ни одной, и, наконец, два последних словоупотребления следуют друг за другом в одной строке.

Здесь можно говорить об апофеозе пространственно инакового «(от)туда», тем более что цитированная строфа вмонтирована в целую цепь строф, посвященных — как и почти вся глава первая — движению к «теме», от которого буквально перехватывает дыхание. В высшей мере значимо, что апофеоз «(от)туда» совершается под знаком референтной отсылки к театру (т. е. к смотровой площадке исполнения — или перформативной смотровой площадке), — отсылки, которая одновременно организует театрализацию (театральной) транстекстуальности и содержит имя того, кто «доставил» Пушкину имя Онегина.

Игру с присутствием усиливают следующие моменты этого «называния по имени» самого имени (или нарекателя имени): 1) качество имени как рифмующего слова, т. е. как «следа воспоминания», указывающего на какое-то место вне себя самого; 2) использование лексемы «кулиса» в этой и предыдущей строфе. Далее мы кратко прокомментируем оба этих аспекта,⁸⁴ так как в них концентрируются основные моменты принятого здесь целостного анализа.

⁸¹ Курсив мой. — Х. М.

⁸² Опозиция «fort/da» (приблизительный русский перевод: «прочь/тут» — далеко не полностью передает смысл названных немецких наречий) рассматривается в работе З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» и в многочисленных комментариях к этому тексту, в которых подчеркивается доминирующая роль отсутствия («принцип смерти»). Один из последних комментариев такого рода — «Einmal ist keinmal» С. Вебера. Особый интерес представляют там замечания о «повторении и расщеплении „da“, которое означает как „здесь“, так и „там“, как „сейчас“, так и „тогда“, и которое прежде всего становится причиной нарушения поступательного, целеустремленного хода мысли. „Da“ есть театральный жест *par excellence*, который словно бы пунктирно обозначает и по слогам скандирует описание вечного возвращения у Ницше» (*Weber S. Einmal ist keinmal: Das Wiederholbare und das Singuläre // Poststrukturalismus. DFG-Simposion 1995 / Hrsg. von G. Neumann. Stuttgart; Weimar, 1997. S. 434*).

⁸³ Наречие «там» в других местах романа редко встречается чаще одного раза в строфе, и никак не чаще трех раз. Первый из трех случаев троскратного его появления находится за три строфы до той, которую мы здесь процитировали, т. е. в строфе XV главы первой. Речь здесь идет о разных мероприятиях, которые Онегин должен посетить за вечер: «Там будет бал, там детский праздник (...) И там гуляет на просторе». В противоположность строфе XVIII, в которой все «там» относится к одному месту, к театру, в строфе XV «там» обозначает разные места. Второй такой случай — в строфе XXXII главы третьей, где речь идет о волнении Татьяны после того, как она написала свое письмо Онегину. Три «там» располагаются в трех последовательных строках и имеют значение внутреннего расчленения пространства: «Но вот уж лунного луча / Сиянье гаснет. Там долина / Сквозь пар яснет. Там поток / Засеребрился; там рожок / Пастуший будит селянина. / Вот утро: встали все давно, / Моей Татьяне всё равно». Наконец строфа из «Путешествия Онегина» содержит три «там» с подобным смыслом, причем речь идет об одном и том же месте: «Я жил тогда в Одессе пыльной... / Там долгие ясны небеса, / Там хлопотливо торг обильный / Свои подъемлет паруса; / Там всё Европой дышит, вее» (VI, 201).

⁸⁴ Подробный анализ этой строфы с ее исключительной насыщенностью именами (Фонвизин, Княжнин, Озеров, Семенова, Катенин, Корнель, Шаховской, Дидло) и разными моментами транстекстуальности мог бы стать задачей отдельного исследования.

Имя как рифма и след

В «Онегине» ведется сложная игра с единичностью — и при этом подчеркивается неповторимость протагониста: рифмы к «Онегину» нет (по крайней мере, в пушкинском романе). И — по крайней мере в главе первой — Онегин мнит себя не в состоянии писать (т. е. повторять пережитое, но также заниматься именно тем родом деятельности, благодаря которому выполняет свою миссию Онегин Шаховского). Многие поверили этой видимости, внушающей «реалистическую» уверенность в невозможности путаницы. Пожалуй, если бы исследователи уделили несколько больше внимания «взятому взаймы» имени «Онегин», то они истолковали бы и этот контраст в смысле индивидуальной единичности.

Однако теперь мы в состоянии интегрировать эти «маленькие» мнимые не-повторения в «большую» конфигурацию принципиальной для всего романа *установки на повторение*.

Именная рифма (тем самым «микрповторение имени»⁸⁵), на которую обращают больше всего внимания, — это в «Онегине», пожалуй, «Ленский — геттингенской» (глава вторая, строфа VI).⁸⁶ Сейчас я хотел бы рассмотреть ее пристальнее и сравнить с рифмовкой имени «Шаховской».

Ленский, путешествовавший в целях образования, не столько познакомился с чужой культурой, сколько полностью воспринял ее. Его обхождение с (культурной) географией характеризуется тотальной ассимиляцией: «С душою прямо геттингенской». Определение «геттингенской» не случайно рифмуется с «Ленский» — и притом при первом же упоминании имени: Ленский целиком вписывается в парадигму и парадигматическое. Синтагматика его движения постоянно «проецируется» на вертикальную (парадигматическую) ось: «Он с лирой странствовал на свете; / Под небом Шиллера и Гете / Их поэтическим огнем / Душа воспламенилась в нем» (глава вторая, строфа IX). Доминирует вертикаль: геттингенское небо над русской провинцией. К тому же странствует Ленский не иначе как с лирой в руке, потому что, не прибегая к этой матрице, он едва ли мог бы сдвинуться с места (ведь он и в провинции тоже полностью удовлетворен: следующей рифмой к «Ленский» оказывается «деревенский» (глава вторая, строфа XII)⁸⁷).

Рифма к «Ленскому» и «Ленский» как рифмуемое слово определяют местонахождение носителя имени в «вертикализованной» культурной географии XVIII в., которая выступает в качестве источника литературной авторитетности, аутентичности и присутствия. Несколько иначе обстоит дело с Шаховским: в этом случае речь тоже идет о происхождении и присутствии, однако уже не географического, а медиумического толка. За этой конфигурацией лучше следить, так сказать, с помощью «горизонтальной» оптики.

Как представляется, строка «Своих комедий шумный рой», в которой реализованы все потенциальные ударения (при анализе строфы XVI главы четвертой мы имели дело с обратным случаем минимальной реализации ударных позиций), намекает на определенную дистанцию по

⁸⁵ Поэтому дуэль между Онегиным и Ленским можно рассматривать следующим образом: метаповторение убивает микрповторение. На уровне обобщения более высокого порядка это звучало бы так: метаповторение убивает слепое (или объектное) повторение.

⁸⁶ См.: *Телетова Н. К.* «Душой филистер геттингенский» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 205—214; *Meyer H.* *Romantische Orientierung*. S. 328—329.

⁸⁷ Рифм к «Ленский» больше нет, кроме указанных двух мест, что подчеркивает противопоставление обоих этих гладко протекающих процессов приспособления или копирования. Еще одну рифму содержит один из многих вариантов черновой редакции строфы IX: «Но вам дороже, знаю сам — / Слеза с улыбкой пополам — / Вы рождены для славы женской / Для вас ничтожен глас Молвы / И жаль мне вас и милы вы — / Не вам чета был строгий Ленской / Его труды конечно мать / Велела б дочери читать» (VI, 272). То, что Ленский не только рифмуется здесь с «женский», но и замещает мать, расширяет горизонт (женских) ассоциаций, окружающих его образ.

отношению к Шаховскому-водевилеисту, ведь полная реализация метрической схемы всегда несет в себе нечто долбяще-монотонное (ср., например: «Когда же черт возьмет тебя?» (глава первая, строфа I); «Прогулки средь вечерней тьмы» (глава вторая, строфа XXII)). Но такой прием может указывать и на точки смысловой концентрации (как, например, в следующих стихах: «Теперь с каким она вниманьем» (глава третья, строфа IX), «Ее сестра звалась Татьяна» (глава вторая, строфа XXIV) или «Не вздумал им пенять на то» (глава четвертая, строфа XVII) и «Младые дни мои неслись» из подробно анализировавшихся нами строф). Здесь, как кажется, автор играет на обоих эффектах, притом в духе характерного для романтизма иронического повторения тривиальной литературы позднего Просвещения — такого повторения, которое одновременно и подчеркивает, и перечеркивает тексты-источники.⁸⁸

Если в этом контексте всплывают параллели, то дело идет не о кумуляции значения, но о диссеминации,⁸⁹ на что указывает частое употребление лексемы «рой», обнаруживающее представление о диффузном, в определенной мере *ризомном*, скоплении («взвихренная масса», по Б. Менке),⁹⁰ — что в целом соответствует построению значения в «Онегине».

Особо важно повторение этой лексемы (опять в позиции рифмующего слова) в строфе, завершающей «театральный дискурс», начатый строфой XVIII. В строфе XXXII говорится об актрисе, удостоенной имени музы, — «Терпсихора» (она не только муза танца, но и муза лирики, а кроме того, мать сирен), — или, вернее, о ее ножке, перед которой невозможно устоять: «Она, пророчествуя взгляду / Неоценимую награду, / Влечет условною красой / Желаний своевольный рой» (глава первая, строфа XXXII). Это становится началом «педалированного отступления» (Набоков).⁹¹ За ним следует — после короткого подхвата нити действия — состоящий из двух написанных и трех «пропущенных» строф пассаж о сплине, или «русской хандре» (строфы XXXVIII—XLII).

Приемы, непосредственно введенные с помощью «ножки» и «хандры» (бегство и рассеивание), предваряются театральным дискурсом, взятым в скобки двумя строфами с лексемой «рой» (т. е. «взвихренными» строфами). Сцена становится смотровой площадкой пространственно инакового. Окружение имени (и нарекателя имени) уводит от любого воображимого центрирования. В этом смысле и следует понимать использование имени «Онегин», которое не создает единства действующего

⁸⁸ Об ироническом повторении Просвещения в романтизме («retrait») см.: Meyer H. *Romantische Orientierung*. S. 41ff. О тривиальной литературе и романтизме см.: Thalmann M. *Der Trivialroman des 18. Jahrhunderts und der romantische Roman: Ein Beitrag zur Entwicklung der Geheimbundmystik*. Berlin, 1923.

⁸⁹ Ср.: Derrida J. *Dissemination*. Chicago, 1981. Различие между полисемией и диссеминацией состоит в том, что первая предполагает как исходную точку первоначальный смысл, в то время как вторая исходит из той концепции, что не может быть никакого первоначального смысла (точно так же как «самого первого следа»). См. в особенности рассуждения о рифме в связи с анализом «Мимики» Малларме (Ibid. P. 256; Деррида обозначает здесь рифму как «магнетизирование двух означающих»). Для «Онегина» с его многочисленными пропусками строф релевантен также находящийся в той же работе Деррида анализ «пробелов», в ходе которого подчеркивается всеприсутствие, а тем самым и не-существование метафоричности: «Диссеминация пробелов (не диссеминация белизны) (Деррида обыгрывает разные значения слова «blanc» — белый цвет и пробел. — X. M.) порождает тропологическую структуру, которая бесконечно циркулирует вокруг себя самой благодаря непрерывному добавлению новых оборотов (ср. «онегинскую строфу» в качестве оборота. — X. M.): возникает *еще больше* метафор, *еще больше* метонимий. Так как все становится метафорическим, больше нет никакого буквального значения, а следовательно, больше нет и метафоры» (Ibid. P. 258).

⁹⁰ Ср. замечания Б. Менке о «вихре», опирающиеся на концепции В. Беньямина: Menke B. *Ornament, Konstellation, Gestöber // Zeichen zwischen Klartext und Arabeske*. S. 307—326.

⁹¹ Pushkin A. *Eugene Onegin: A Novel in Verse / Translated from the Russian, with a Commentary*, by V. Nabokov. Princeton, 1990. Vol. 1. P. 24.

лица и не сигнализирует о таком единстве, а, скорее, показывает в тексте то явным образом диффузное, что есть в нарекании имени (а тем самым и в сигнификации).

Однако вернемся к только что упомянутой «роевой» скобке, точнее говоря, к соответствующим строкам обеих строф:

Там вывел колкий Шаховской } Влечет условною красой
Своих комедий шумный *рой* } Желаний своевольный *рой*

Отклонение от примечательного и в определенной степени близкого к градации параллелизма этих строк, который достигает вершинной точки в «рое» как идентичном объекте семантически (а до определенной степени и фонетически) сходных глаголов «вывел» и «влечет», совершается как раз при назывании имени. Подлежащее «Шаховской» не соответствует творительному инструментальному «условною красой» — подлежащее второго предложения, «ножка», находится за рамками этой микроструктуры. При этом строки ритмически идентичны (— / — / — — — /). Эта рамка создает технические условия для многозначительного сопряжения водевиля Шаховского с эротическим желанием, что семантически осуществляется не только благодаря общей отсылке к театру и к «низкому» или тривиальному происхождению упомянутых явлений, но и благодаря явно «горизонтальному» сцеплению комедий (т. е. сцеплению метонимическому и характеризующемуся способностью его составляющих «бесследно» отделяться друг от друга).

Два следующих появления лексемы обнаруживают столь же разительную позиционную аналогию, причем во втором случае повторяется прилагательное из фрагмента о Шаховском: «Но, получив посланье Тани, / Онегин живо тронут был; / Язык девических мечтаний / В нем думы *роем* возмутил» (глава четвертая, строфа XI, ст. 1—4); «Гремят отдвинутые стулья; / Толпа в гостиную валит: / Так пчел из лакомого улья / На нивы шумный *рой* летит» (глава пятая, строфа XXXV, ст. 1—4).

Связь между этими двумя фрагментами ошеломляюще напоминает ту констелляцию, которую образуют две уже рассмотренные строфы с лексемой «рой». Прежде всего сходство заключается в сочетании театра (или танца) с эротическим желанием.

Впрочем, что касается мотива пчел, то здесь не следует опрометчиво поддаваться соблазну отождествления этого мотива с традиционной метафорой кумуляции смысла и текста. Пушкин отнюдь не мифопоэтичен — он взрывает любую потенциальную кумуляцию (συμ-βαλλεῖν). Во-первых, необходимо отметить, что пчелиный рой здесь *рассеивается*. Во-вторых, следует констатировать, что та ситуация, которая является исходной для описываемого действия, маркирует *окончание* еды, т. е. *окончание* кумуляции пищи («Гремят отдвинутые стулья»), и образует переход к картам и танцам, а значит, опять-таки создает эффект рассеивания. Как раз в том месте, где дается ремотивация автоматизированной метафоры роя, а значит, там, где следовало бы ожидать не диссеминации, а полисемии (т. е. возвращения к аутентичному «первому» смыслу, «первичному следу»), мы сталкиваемся с подчеркиванием рассеивания, скольжения,⁹² *летающих* мыслей («думы *роем*»).

Имя («Шаховской»), как источник имени («Онегин»), указывает, таким образом, не только на демонтаж субъективности — в смысле авторства, голоса повествователя, а также единства (или присутствия) действующего лица — и тем самым на деконструкцию герменевтически-структуралистской дихотомии «чужое — свое» (все это можно было бы резюмировать одним понятием — «децентрация»), но и на решительную деэссенциализацию литературного и сигнификативного «первичного следа» в форме имени. Отсутствие Онегина на сцене, имевшее место

⁹² Ср. связь между кулисой (coulisse) и скольжением (couler).

у Шаховского, тем самым «реализуется». Театральное имя театрализуется, т. е. инсценирует свою собственную не-референтность и превращается в медиум.

Следует констатировать, что едва ли можно представить себе подход к Онегину, который в большей степени вводил бы в заблуждение, чем поиск системно-иерархических подчинений и деформаций, т. е. новых пунктов, под которыми могли бы «собираться» смысловые единицы. Мыслитель системный *in nuce* (или *in spe*), Ю. Н. Тынянов должен был последовательно разбиться — или поскользнуться — на имени 'Онегин'.⁹³

La coulage des coulisses⁹⁴

...и все бренное пребывает
в непрестанном течении и вращении.

Монтень⁹⁵

Медиумичность и перфомативность сгущаются в мотиве кулис, который, подобно имени Шаховского, выступает в маркированном месте строфы, а именно в строках, связанных парной мужской рифмой.⁹⁶

Кулиса здесь — совсем не покров, который скрывает истину и может быть поднят. *За кулисами* ничего не происходит (французы сказали бы не *за*, а *в кулисах* — *dans les coulisses* или *en coulisse*). Кулисы выступают здесь в своем качестве чего-то *сдвигаемого*, реализуя тем самым свою этимологию (французское *coulisse* происходит от *couler* — скользить, течь). Поэтому неудивительно, что «кулис» рифмуется с возвратным глаголом движения «неслись». На сходную сигнификативную стратегию указывает и то обстоятельство, что двестише начинается характернейшим повторением лексемы «там» (слова-маркера пространственно инакового). И если говорится, что в этом месте неслись «младые дни» «я»-повествователя, то эти слова можно прочесть как еще один ответ на вопрос о *происхождении*, который ставится в «Онегине» вновь и вновь.

Точно так же как *рой* в оргии рассеивания отсылает к фрагментам, расположенным далее по тексту, лексема *кулис(а)* отсылает к более ранней строфе, а именно к предшествующей, где она рифмуется с *актрис* — и опять в маркированной позиции парной мужской рифмы, однако не в конце строфы (наиболее экспонируемая позиция), а в ст. 7—8, образующих ее середину: «Театра злой законодатель, / Непостоянный обожатель / Очаровательных актрис, / Почетный гражданин кулис, / Онегин полетел к театру...» (глава первая, строфа XVII, ст. 5—9).

Мы возвращаемся к нашему исходному тезису, согласно которому мы имеем дело не только с риторизацией (как, например, при включении топоса «мир — театр») и не только с игрой вокруг субъекта. Повторение *актрис* (которых Онегин *обожает*) посредством *кулис* и в *кулисах* (в которых Онегин *обитает*: ведь он их *гражданин*) сигнализирует

⁹³ См. полемику с работой Тынянова «О композиции „Евгения Онегина“» в моей уже упоминавшейся статье о строфе: *Meuser H.* «Быть может, в Лете не потонет / Строфа, слаемая мной». С. 33—60.

⁹⁴ Скольжение кулис (*фр.*)

⁹⁵ *Монтень М.* Опыт: В 3 кн. / Пер. А. С. Бобовича. Кн. 1—2. С. 450.

⁹⁶ Тот факт, что в первой черновой рукописи («Евг(ений) пьет шумит — но снова / Доносит бдительный брегет / Что Шаховского / Что новый начался балет» (VI, 228)) имя не образовывало мужской рифмы и не находилось на особо маркированном месте, а было поставлено в родительном падеже на незаметном месте строфы XVII, свидетельствует о сознательной перестановке имени или об определенном отношении к нему. Окончательная редакция строфы с упоминанием Шаховского возникла уже после завершения главы. В первой черновой версии строки располагались в обратном порядке: «Живых комедий пестрый рой / Там вывел колкий Шаховской» (VI, 259).

не только о массивированной релятивизации субъектного в задействованных фигурах (актрисы = сценические реквизиты), но и прежде всего о распылении референций и «способов существования» имени. Сходную роль играет другая парная рифма — «законодатель — обожатель», которая, так сказать, замыкает накоротко объект вождления и законодателя той констелляции, в которой выступает вождленный объект. Тот, кто пытается принимать здесь в расчет «чистое» (т. е. пара- и синтагматическое) структурное мышление, ориентированное на коды и координаты, пренебрегает (прагматической) степенью рефлексии, с которой мы в данном случае сталкиваемся: все мыслимые «оси» здесь оказываются умышленно переломлены.

Очень важна центральная роль имени в указанном фрагменте: имя становится вершинной точкой целого ряда театральных метафор и притом располагается сразу же после красноречивого словосочетания «гражданин кулис». Важно также несколько курьезное повторение слова «театр» в начале и в конце этого пассажа, что можно истолковать как еще одно указание на «театрализацию театра». Поэтому можно и нужно прочитать прилагаемую к Онегину характеристику «театра злой законодатель» как отсылку к имени и к его заданию в тексте «Онегина»: имя 'Онегин' восходит к театру, конституирует театр (так сказать, дает ему «конституцию»), само является театром (театра) и спешит (дословно: «летит») в театр. Имя — это показ, представление (шоу), а от непосредственной прикрепленности к субъекту (как к своему «смыслу») оно должно полностью отказаться.

Таковы свойства и задачи имени в «Онегине» (и имени 'Онегин'), на которые здесь необходимо было указать.

В заключение: строфа и имя как маркеры оборота и сигнатуры

С конца, с начала и кругом.

*«Евгений Онегин»,
глава четвертая,
строфа XXVIII, ст. 4*

Имя в качестве «точки разбегания» и инструмента «распыления» является одновременно и центральным, и примечательно периферийным. Оно еще и потому было так основательно потеснено в своей децентрирующей центральности и продолжает оттесняться (если не говорить о галлюцинаторных, т. е. «реалистических», идеологах XIX в.), что оно одновременно и перечеркивает, и подчеркивает воспоминание как повторение (примерно то же справедливо и для строфы).

Я сделал строфу XVIII главы первой романа оперативным центром анализа для того, чтобы еще раз показать, что любая строфа может быть означена (назначена) в качестве децентрирующего центра, но прежде всего потому, что таким образом инсценируется характерная для имени игра с субстанциальным присутствием при одновременном отсутствии (*там, там*). Тем самым очерчивается основополагающий принцип романтического письма, в определенной мере его специфический почерк, который отчетливо отклоняется от почерка классического Просвещения и «реализма» именно в разъясненных здесь пунктах. «Деформирующая» работа строки и «подчинение» героя, как чисто объектно ориентированного фактора (*factor*), — и в противоположность рассматривавшемуся здесь «носителю» (*facteur*) и адресу по имени 'имя' — ничего не вносят в прояснение этой специфики, а, скорее, вытесняют ее. Потому что эту «деформацию», если такое понятие вообще применимо, следует рассматривать как свойство всякой «поэзии».

При этом Онегин выступает отнюдь не в качестве «деформированного героя», но в качестве утверждающе-пародирующего повторения «остроумного» Онегина из комедии Шаховского, главной задачей кото-

рого является писать из отсутствия и в качестве отсутствия. В этом состоит его литературная перформативность. Поэтому его повторение в имени и как имени не является «смыслоаккумулирующим» параллелизмом, но знаком того «смыслораспыляющего» качества, которое потенциально присутствует в каждом имени.

Когда я утверждаю, что цитирующее (т. е. повторяющее что-то находящееся вне текста) имя 'Онегин' выступает союзником (повторяющейся внутри текста) «онегинской строфы» под знаком утверждающей беспонятийности и что оба эти приема должны рассматриваться как «закладки», т. е. как существенные факторы сигнификативных и метасигнификативных стратегий текста, тем самым я хочу включить «Онегина» и Онегина в ту романтическую переориентацию литературности,⁹⁷ которая обнажила смысл и бессмыслицу повторения именно в перформативном и амбивалентном статусе имени.

⁹⁷ Такая переориентация явилась в том числе и перечеркивающим повторением Просвещения.

Дж. Т. ШОУ

ПУШКИН ОБ АМЕРИКЕ: СТАТЬЯ «ДЖОН ТЕННЕР»¹

1

При изучении деятельности Пушкина-публициста, особенно истории издания им журнала «Современник» в последний год жизни, обращает на себя внимание его стремление расширить тематику материалов, публикуемых в «литературном журнале». Наряду с вопросами литературы редактор предполагал рассматривать и социальные, и политические проблемы.² Правила российской цензуры того времени и отношения Пушкина с цензорами были таковы, что все написанное или опубликованное им тщательно проверялось. Одним из возможных способов затрагивать в журнале социальную и политическую проблематику было включение ее в статьи, имеющие литературную первооснову.

Статья Пушкина «Джон Теннер» (1836), которая была опубликована в третьем номере его журнала,³ представляет собой такое сочетание литературных и внелитературных проблем. Исследователи творчества Пушкина видят в этой статье основное свидетельство его стремления расширить проблематику журнала.⁴ Эта большая по объему статья — прекрасный образец таких попыток. Статья содержит обширные выдержки из книги «Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера во время тридцатилетнего пребывания среди индейцев», опубликованной в Нью-Йорке в 1830 г.; французский перевод этой книги вышел в Париже в 1835 г.⁵ «Рассказ» Теннера дает чрезвычайно увлекательное опи-

¹ Статья была впервые опубликована в сборнике, посвященном 70-летию Д. Чижевского: *Shaw J. Th. Pushkin on America: His «John Tanner» // Orbis Scriptus: Festschrift für D. Tschizewskij zum 70 Geburtstag. München, 1966. S. 739—756* (перепечатана в собрании сочинений Дж. Т. Шоу под заглавием «Pushkin on America and His Principal Sources: „John Tanner“»: *Shaw J. Th. Collected Works: In 2 Vol. Los Angeles, 1995. Vol. 1: Pushkin: Poet and Man of Letters and His Prose. P. 231—259*). Перевод выполнен Е. А. Мустафиной по изданию 1966 г., в которое автор внес единственное уточнение (см. сноску 30).

² См. подробно об этом: *Еремин М. П. Пушкин-публицист. М., 1963; Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 431—451; Городецкий Б. П. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 218—267; Березина В. Г. Из истории «Современника» Пушкина // Там же. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 278—312. Библиографию по теме см.: *Shaw J. Th. The Problem of Persona in Journalism: Puškin's Feofilakt Kosičkin // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, 1963. P. 303.**

³ Современник. 1836. № 3. С. 205—256 (см.: XII, 104—132).

⁴ См.: *Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. С. 439; Еремин М. П. Пушкин-публицист. С. 276—281.*

⁵ Американское издание «A Narrative of the Captivity and Adventures of John Tanner During Thirty Years Residence Among the American Indians» (New York, 1830) было «подготовлено к печати» Эдвином Джеймсом и снабжено его предисловием. Эта книга недавно была переиздана с дополнительным предисловием Ноэля М. Лумиса (Миннеаполис, 1956).

сание жизни, обычаев и традиций американских индейцев, особенно тех племен, которые жили на территории Канады. Теннер просто и бесхитропно описывает, как еще мальчиком он был захвачен индейцами, как жил среди них. В книге Теннера нет каких-либо общих выводов, в ней есть лишь личный опыт и личные наблюдения. Манера Пушкина переводить, сжато излагая рассказ Теннера, может стать предметом специального исследования. В настоящей работе рассматриваются только вступление и заключение статьи Пушкина «Джон Теннер», которые содержат гораздо более общие выводы о жизни в Америке, чем книга Теннера.

Пушкин в своей статье предваряет рассказ Теннера общими замечаниями, не характерными ни для книги самого американца, ни для предисловий к американскому или французскому изданиям. Э. Джеймс поместил в американском издании довольно длинное предисловие (р. XVII—XXXI — см. сноску 5), которое, хотя и содержит его мнение о Джоне Теннере и издаваемой книге, в основном посвящено проблемам индейцев в Америке и путям улучшения условий их жизни. Еще более пространное предисловие Блоссвиля (Blosseville, 1, I—XL), французского переводчика и редактора, включает в себе кроме размышлений о Джоне Теннере, его книге и подлинности описываемых событий нападки на «англоамериканцев» за их бесчеловечное отношение к американским индейцам. Выводы Пушкина в статье «Джон Теннер» глубже и обобщеннее, чем рассуждения американского и французского издателей. Пушкин формулирует свое отношение не только к судьбе Теннера, его книге, участи индейцев в Америке, но и к социальным учреждениям и общественной жизни (нравам) Соединенных Штатов. Пушкин, в отличие от Джеймса и Блоссвиля, завершает рассказ о книге Теннера глубоко продуманным выводом.

Суждения Пушкина, высказанные им во вступлении и заключении к статье «Джон Теннер», являются основным источником, по которому можно судить о его представлениях об Америке и его отношении к ней. Более ранние упоминания Америки в творчестве Пушкина немногочисленны и случайны.⁶ Они показывают, как мало интереса Пушкин

Редактор, переводчик и автор вступительной статьи к французскому изданию «Mémoires de John Tanner, ou Trente années dans les déserts de l'Amérique du Nord» (Paris, 1835. Vol. 1—2) — Эрнест де Блоссвиль. Цитаты из предисловия и примечаний Блоссвиля приводятся в тексте данной статьи по этому изданию.

⁶ Известны следующие упоминания Пушкиным Америки и американцев. Открытие Карамзиным российской истории он сравнил с открытием Америки Колумбом («Отрывки из писем, мысли и замечания», 1828 — XI, 57). Пушкину, проявившему свой собственный националистический интерес, который состоял в сохранении и расширении Российской империи (или рассказчику от первого лица в его «Путешествии из Москвы в Петербург»), 1833—1834), было совершенно понятно неприятие Екатерины Великой американской войны за независимость: «Он (Радишев. — Дж. Т. Ш.) — мартирист, — сказала она Храповицкому (см. его записки), он хуже Пугачева; он хвалит Франклина. Слово глубоко замечательное: монархия, стремившаяся к соединению во едино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии» (XII, 33). В 1834 г. Пушкин писал о Вольтере: «...в восторге благословляет внука Франклина и приветствует Новый Свет словами, дотоле неслыханными» (XI, 272, 507). Можно встретить у Пушкина еще несколько упоминаний Франклина (XI, 32, 272, 507; XII, 33, 37; XIII, 201), одно — Вашингтона Ирвинга (в статье «Джон Теннер»), несколько — Фенимора Купера (VIII, 407, 954, 1002—1003, 1027; XI, 363) и одно — президента Монро в «коллективном» стихотворении 1833 г. (причем в его имени у Пушкина три слога — Монрое) (III, 487). Есть несколько упоминаний Пушкиным Русской Америки, т. е. Аляски, принадлежавшей тогда России. Например, его упоминание Екатерины Великой как правительницы «трех частей света» («История Пугачева», 1833 — XI, 106). Его интерес к Русской Америке был, конечно, подогрет личным знакомством с Ф. И. Толстым «Американцем»; имел значение в этом плане и тот факт, что его друзья Рылеев и Сомов были служащими Русско-Американской компании. Пушкина волновало существование рабства в Северной Америке; свою роль сыграл здесь пасквиль Булгарина (1830). Упоминание Булгариным некоего поэта в испанской Америке, потомка мулата, купленного «шкипером» за «бутылку рома», было, без сомнения, направлено против Пушкина (Сев. пчела. 1830. № 94. 7 авг.). Стихотворение «Моя родословная» (1830) стало ответом на это оскорбление. В черновике стихотворения «Осень (Отрывок)» Пушкин упоминает как одно из мест, куда его могла бы унести мечта, «девственные леса / Малой Америки — Флориды (?)» (III, 935). Еще

проявлял к Америке, что удивительно для человека, столь глубоко интересовавшегося проблемами революции, конституции, свободы и равенства.

Свои знания об Америке Пушкин в основном почерпнул из нескольких работ, опубликованных на французском языке в 1835 г. — за год до появления пушкинской статьи. В статье «Джон Теннер» упомянута кроме «Записок» Теннера книга Алексиса де Токвиля «De la Démocratie en Amérique».⁷ В библиотеке Пушкина находятся не только французское издание «Записок» Теннера с предисловием Блоссвиля и два тома четырехтомного труда Токвиля об Америке, но и социальный роман Гюстава де Бомона «Marie, ou l'Esclavage aux États-Unis» («Мария, или Рабство в Соединенных Штатах»),⁸ дающий широкую панораму жизни в Америке. Книги Токвиля и Бомона явились результатом их девятимесячного пребывания в Соединенных Штатах в 1831—1832 гг. Целью их поездки было изучение пенитенциарной системы Америки.⁹ Работа Блоссвиля также связана с этой поездкой. Он перевел «Записки» Теннера по экземпляру, купленному Токвилем непосредственно у Джона Теннера (см. об этом далее). Хотя все упомянутые книги различны по жанру, манере письма, содержанию и отношению к описываемым фактам, в каждой из них присутствует упоминание о двух других книгах: сообщается либо о том, что книга только что опубликована, либо о ее предстоящем издании.

Таким образом, в 1836 г. Пушкин располагал тремя взаимосвязанными документальными свидетельствами о жизни в Соединенных Штатах. В двух из них был сделан акцент на таких особенностях американской действительности, как рабство, расовые предрассудки и колониальная экспансия, которая была направлена на захват территорий, населенных менее цивилизованными народами. Эти проблемы были затронуты в книге Бомона «Мария...»¹⁰ и в изданных Блоссвилем «Записках» Теннера.

одно высказывание Пушкина об Америке содержится в черновике его неотправленного письма к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Оно будет рассмотрено в связи со статьей «Джон Теннер».

⁷ *Tocqueville A. de. De la Démocratie en Amérique. Bruxelles, 1835. Vol. 1—2.* Ссылки на это издание даются в тексте данной статьи. Пушкин умер за три года до того, как в 1840 г. были опубликованы еще два тома, завершившие книгу Токвиля.

⁸ В библиотеке Пушкина находятся издание книги Теннера под редакцией Блоссвиля (см. сноску 5), парижское четвертое издание книги Токвиля 1836 г. и третье издание «Марии...» Бомона: *Beaumont G. de. Marie, ou l'Esclavage aux États-Unis. Paris, 1836. Vol. 1—2* (недавно в Соединенных Штатах был опубликован сокращенный перевод этой книги на английский язык: *Beaumont G. de. Marie, or Slavery in the United States / Translated by Barbara Charman; With an Introduction by Alvis L. Tinnin. Stanford, 1958*). Кроме указанных книг в библиотеке Пушкина есть французский перевод книги английского автора о поездке в Америку: *Hamilton [Th.], colonel. Les hommes et les mœurs aux États-Unis d'Amérique / Traduit par le comte D. L. C. Paris, 1834.* Английское издание было опубликовано анонимно под названием «Люди и нравы в Америке» в 1833 г. Пушкин мог прочитать о рабстве в британских колониях в «Дневнике одного из владельцев земли в Вест-Индии, который велся во время пребывания на острове Ямайка» Мэтью Грегори Льюиса, автора знаменитого готического романа «Монах» («Дневник...» опубликован посмертно в Лондоне в 1834 г.). См. об этом: *Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 350, 155, 346, 245, 274* (в указанном порядке); *Городецкий Б. П. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. С. 226* (приведен список упоминаний Америки в русской прессе в 1830-е гг., с которыми, безусловно, был знаком Пушкин). Также не вызывает сомнений тот факт, что Пушкин интересовался обзорами книг об Америке, которые публиковались во французских периодических изданиях.

⁹ См. подробнее об этом: *Pierson G. W. Tocqueville and Beaumont in America. New York, 1938.* Эта работа также дает оценку книг, написанных Токвилем и Бомоном после поездки в США. Осмотр тюрем описан в их совместном труде «Пенитенциарная система» («Du système pénitentiaire», 1833).

¹⁰ «Мария...» Бомона — первый социальный роман о судьбе негров. Он на семнадцать лет предвосхитил роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (1852) и на двадцать восемь лет — освобождение негров. Различные аспекты жизни в Соединенных Штатах освещаются в романе с привлечением многочисленных документальных ссылок, включая свидетельства негров-рабов и освобожденных от рабства (*Beaumont G. de. Marie... Vol. 2. P. 179—250*), а также с приложением обзора под названием «Древнее состояние и современные условия жизни индейских племен в Северной Америке» (*Ibid. Vol. 2. P. 302—389*). Эти ссылки позво-

В центре книги Токвиля — проблемы американской политической и социальной демократии, ставшей результатом мирной революции, которая, казалось, была завершена в годы правления администрации Эндрю Джексона.¹¹ Автор пытается осознать, что этот опыт может значить для Европы в эпоху приближающейся социальной и политической демократизации.¹² Неудивительно, что Пушкин нашел много общего между Америкой и Россией. В России существовало крепостное право. Россия, как и Соединенные Штаты, на протяжении всего XIX в. стремилась достичь Тихоокеанского побережья путем колониальной экспансии. В России зарождалось явление, которое Пушкин обозначал как процесс социальной демократизации. Исследователями отмечалось, что в статье высказано отношение Пушкина к крепостному праву в России и колониальным захватам.¹³ Но из поля зрения исследователей ускользало отношение

ляют дать объективный комментарий на основе фактического материала и сгладить впечатление от эмоциональных выступлений главного героя, Людовика, история разочарования которого в американском образе жизни составляет сюжет книги.

¹¹ К 1830 г. Соединенные Штаты превратились из представительской республики, где аристократия занимала все общественные должности и была в центре общественной жизни, в эгалитарную в социальном и политическом отношении демократию, которая была характерна для администрации президента Эндрю Джексона. Отказ от имущественного ценза дал возможность ввести всеобщее избирательное право для белого мужского населения. Простые люди занимали государственные должности на всех уровнях власти и доминировали в обществе и прессе. Не имея внешних врагов, американцы спокойно и целенаправленно захватывали обширные территории по направлению к Тихому океану. Реформа пенитенциарной системы к тому времени уже началась, но движение аболиционистов и сторонников трезвого образа жизни лишь зарождалось. Проблема судьбы индейцев только-только обозначилась. Впечатляющая победа Джексона на выборах 1828 г. означала конец правления федералистской партии; иностранные наблюдатели не видели возможности для зарождения еще одной могущественной политической партии в Америке. Для периодической печати были характерны крайне эгалитаристские взгляды и политические кампании с оскорблением отдельных общественных деятелей. Вашингтон Ирвинг и Фенимор Купер к тому времени уже получили известность не только в Америке, но и в Европе. Уже готовилось прийти им на смену новое поколение американских писателей — Брайант, По, Лонгфелло, Готорн, Холмс, Уитьер, что означало рождение самобытной американской литературы.

¹² Токвиль спокойно и беспристрастно изучал американские институты — местные, на уровне штата и федеральные, — а также образ жизни в широком смысле этого слова. Он тщательно отмечал как положительные, так и отрицательные стороны жизни и старался предугадать как будущие успехи, так и грядущие бедствия. Он особенно интересовался тем, может ли политическая демократия привести к выбору достойных людей для занятия государственных должностей, а также способна ли она дать наиболее справедливое законодательство. Токвиль заметил, что политическая демократия привела к понижению общего уровня государственных служащих в Соединенных Штатах по сравнению с теми, кто управлял делами при президенте Вашингтоне и его последователях. Токвиль также обратил внимание на принцип уравнительности в обществе, где отсутствовал низший класс, а люди, по своему рождению и образованию принадлежавшие к высшему классу, не занимали лидирующего положения и под давлением общественного мнения вынуждены были считать всех равными себе во всех отношениях. Что касается американских учреждений, Токвиль увидел постепенное усиление влияния штатов на федеральное правительство и законодательной власти на исполнительную. Причем обе они полностью зависели от мнения большинства, которое выражалось на часто проводимых выборах. Поистине Токвиль не нашел ни в законах, ни в государственных учреждениях Соединенных Штатов ничего, что могло бы предотвратить постоянное грубое давление большинства на меньшинство, ничего, что могло бы защитить от «тирании большинства» (знаменитое выражение Токвиля), хотя он и подметил немало положительного. Со времени своего появления и по сей день книга Токвиля «De la Démocratie en Amérique» остается, возможно, самой известной книгой о государственных учреждениях и образе жизни в Америке. Она была сразу же высоко оценена по обе стороны Атлантики. Хотя многие из наблюдений Токвиля сегодня устарели, а его предостережения уже оправдались или же оказались необоснованными, эта книга сохраняет свое значение основного исследования принципов государственного управления и общественной жизни в Америке. Многие из главных проблем демократии, отмеченные Токвилем, до сих пор актуальны в мире.

¹³ См.: *Березина В. Г.* Из истории «Современника» Пушкина. С. 287; *Еремин М. П.* Пушкин-публицист. С. 279—280. Исследователи отмечают, что замечания Пушкина о колонизации в Америке имеют отношение к России. М. П. Еремин указывает, кроме того, что, описывая рабство в Америке, Пушкин также имеет в виду Россию.

Пушкина к проблеме социальной демократии, что, конечно, имеет не менее важное значение.

Не прояснены до сих пор связь между вступлением и заключением к статье Пушкина «Джон Теннер» и вопрос об источниках этой статьи. Но именно исследование источников, которыми пользовался Пушкин, может дать представление не только о Пушкине-журналисте, но и о направлении и объектах его размышлений. Мы начнем с изучения высказываний Пушкина о Джоне Теннере, его книге, судьбе индейцев в Америке, затем перейдем к его рассуждениям о Соединенных Штатах и, наконец, к заключению пушкинской статьи, которое связывает воедино его собственные рассуждения и историю Джона Теннера.

2

Хотя Пушкин в своей статье «Джон Теннер» говорит только о книге, изданной в Нью-Йорке с предисловием американского редактора, на самом деле он пользовался изданием Блоссвиля. Даже заголовок, который приводит Пушкин («Записки»), — это, без сомнения, перевод французского названия «Mémoires». Нет свидетельств того, что Пушкин вообще видел американское издание. Единственная ссылка Пушкина на американского редактора (XII, 110) сделана по ссылке Блоссвиля (Blosseville, 1, 328). Неудивительно, что Пушкин, рассуждая в своем кратком вступлении о Джоне Теннере и американских индейцах, пользовался предисловием издателя. Но значение и суть этих рассуждений требуют специального рассмотрения.

Пушкин пишет: «В Нью-Йорке недавно изданы „Записки Джона Теннера“, прошедшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями» (XII, 105). Это прямое указание на предисловие Блоссвиля: «John Tanner, dont les Mémoires d'une vie de trente années, parmi les Indiens, dans l'intérieur de l'Amérique du Nord, ont paru à New York en 1830...»¹⁴ (Blosseville, 1, I). Пушкин только слегка изменил эту фразу. Он заменил «внутреннюю часть» («l'intérieur») на «пустыни», «индейцев» на «диких обитателей», «1830 г.» на «недавно».

Пушкин охарактеризовал эту книгу как «самый полный, и вероятно последний, документ бытия народа, коего скоро не останется и следов», и «летописи племен безграмотных». Это немного измененное высказывание Блоссвиля: «Les Mémoires de Tanner sont les dernières annales d'un peuple que la Providence semble avoir condamné à disparaître du sol de ses aïeux»¹⁵ (Blosseville, 1, XVI; здесь и далее курсив мой. — *Дж. Т. Ш*). Рассуждение Пушкина о том, что «Записки» «разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека» (XII, 105), — по сути, краткое изложение довольно длинного пассажа из предисловия Блоссвиля (Blosseville, 1, XII—XIV), где последний обвиняет Монтескье, Бюффона, Рейналя и особенно Руссо в том, что они «ont sans cesse confondu l'état de nature avec l'état sauvage...»¹⁶ (Blosseville, 1, XII). Пушкин характеризует «показания» Теннера как «простодушные» и «бесстрастные» (XII, 105), следуя характеристикам Блоссвиля: «original simplicité», «extrême simplicité»¹⁷ (Blosseville, 1, XII, XXVII), «naïveté du récit»¹⁸ (Blosseville, 1, XI) — и его определению Теннера: «Il n'y a pas d'amertume»¹⁹ (Blosseville, 1, XXVI). Выбор Пушкиным слова «показания» обусловлен выбором Блоссвилем определения Теннера как

¹⁴ «Джон Теннер, чьи мемуары о тридцатилетнем пребывании среди индейцев Северной Америки, вышли в свет в Нью-Йорке в 1830 г.» (фр.)

¹⁵ «Мемуары Теннера — это, по-видимому, последняя летопись народа, который Провидение приговорило к исчезновению с земли своих предков» (фр.)

¹⁶ «постоянно путали естественное состояние человека с диким состоянием» (фр.)

¹⁷ «подлинная простота»; «чрезвычайная простота» (фр.)

¹⁸ «наивность повествования» (фр.)

¹⁹ «он человек неозлобившийся» (фр.)

«témoin»,²⁰ который дает «déposition»²¹ перед «le tribunal de l'histoire»²² (Blosseville, 1, XXVI).

Выводы Пушкина относительно «Записок» Теннера, приведенные во вступлении, следует сравнить с первоисточником. Он вновь обращается непосредственно к Блоссвилю за информацией и даже отдельными фразами. Пушкин пишет: «Достоверность сих „Записок” не подлежит никакому сомнению. Джон Теннер еще жив; многие особы (между прочими Токвиль, автор славной книги: «De la démocratie en Amérique») видели его и купили от него самого его книгу. По их мнению, подлога тут быть не может» (XII, 105). Блоссвиль посвятил длинный пассаж защите подлинности книги Теннера (Blosseville, 1, II—X). Он говорит о встрече Бомона и Токвиля с Теннером в Америке и о том, что они убедились в «искренности рассказчика»: «Hâtons-nous donc de dire que MM. de Beaumont et de Tocqueville ont rencontré Tanner à l'entrée du lac Supérieur: ils ont longuement conversé avec cet Américain, qui leur a paru ressembler bien plus encore à un sauvage qu'à un homme civilisé, et il n'est pas resté dans leur esprit le moindre soupçon contre la sincérité de son récit. Les mémoires ont été traduits d'après un exemplaire qui appartient à M. de Tocqueville et dont le premier feuillet porte l'annotation suivante: acheté de Tanner lui-même sur *Steam-boat*, l'Ohio, en août 1831»²³ (Blosseville, 1, X).

Токвиль в своей книге (Tocqueville, 2, 331—332) упомянул о встрече с Теннером, хотя и мельком. Представления Бомона и Токвиля о жизни американских индейцев основаны именно на книге Теннера. Пушкин видит в стиле книги доказательство ее подлинности: «Да и стоит прочитать несколько страниц, чтобы в том удостовериться: отсутствие всякого искусства и смиренная простота повествования ручаются за истину». Пушкин опять заимствовал почти все выражения, в которых Блоссвиль говорит о подлинности книги: «l'absence de toute espèce d'art et la naïveté du récit»²⁴ (Blosseville, 1, XI). Блоссвиль находит для книги такие слова, как «vérité»²⁵ (Blosseville, 1, XI), «simplicité»²⁶ (Blosseville, 1, XII, XXVII) и «humbles mémoires» (Blosseville, 1, XI).²⁷ Таким образом, пушкинские характеристики книги Теннера непосредственно заимствованы из довольно длинного пассажа, входящего в предисловие Блоссвиля.

Как и многие другие произведения Пушкина-публициста, статья «Джон Теннер» не подписана его именем. Подпись, которую использовал Пушкин — «The Reviewer» (по-английски) (XII, 132), явно восходит к предисловию Блоссвиля к книге Теннера, где это слово в английском написании встречается дважды (Blosseville, 1, III, XXXVII), последний раз со сноской: «Reviewer, faiseur de revue. Cette désignation qui n'a pas encore d'équivalent en français s'applique surtout, dans la langue des deux Angleterres, aux auteurs de la partie critique des revues»²⁸ (Blosseville, 1, XXXVII). В предисловии Блоссвиля можно найти довольно длинное рассуждение о трудности перевода книги Теннера (Blosseville, 1, XXIV—XL).

²⁰ «свидетеля» (фр.)

²¹ «показание» (фр.)

²² «судом истории» (фр.)

²³ «Итак, поспешим сказать, что господа Бомон и Токвиль встретили Теннера у Верхнего озера. Они долго разговаривали с этим американцем, который, по их мнению, был похож скорее на дикаря, чем на цивилизованного человека, и в их сознание не закралось и тени сомнения в правдивости рассказа. Мемуары были переведены с экземпляра, принадлежащего господину Токвилю, и запись на первой странице гласит: приобретено лично у Теннера на *steam-boat* (пароходе — англ.), Огайо, август 1831 г.» (фр.)

²⁴ «отсутствие всякой искусственности и наивность повествования» (фр.)

²⁵ «правда» (фр.)

²⁶ «простота» (фр.)

²⁷ «смирненные воспоминания» (фр.)

²⁸ «Обозреватель, автор обзора. Этот термин, который пока не имеет эквивалента во французском языке, относится в языке двух Англий прежде всего к авторам критического раздела журналов» (фр.)

Он обращает внимание на различие в британском и американском вариантах английского языка и на обилие диалектизмов в рассказе Теннера (Blosseville, 1, XXXVII—XXXVIII). Может быть, именно это упоминание американизмов подтолкнуло Пушкина к использованию в своей статье одного из них — «yankee» — со сноской «издателя»: «Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен» (XII, 132).

С литературной точки зрения самое интересное заимствование Пушкина из Блоссвиля относится к изображению американских индейцев в художественных произведениях. Пушкин пишет: «Нравы северо-американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. „Дикари, выставленные в романах, — пишет Вашингтон Ирвинг, — так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных”. Это самое подозревали и читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями» (XII, 105).

Весь абзац с цитатой из Вашингтона Ирвинга можно найти у Блоссвиля: «Autant que je puis en juger, — dit Washington Irving, — l'Indien des fictions poétiques est, comme le berger du roman pastoral, une pure personification d'attributs imaginaires»²⁹ (Blosseville, 1, XI).

Цитата Пушкина — прямой и точный перевод цитаты Блоссвиля из Вашингтона Ирвинга.³⁰ Процитировав Ирвинга, Блоссвиль тем не менее приводил описания индейцев Северной Америки, принадлежащие Шатобриану и Куперу, в доказательство подлинности книги Теннера, утверждая, что эти описания вполне достоверны. Специально с этой целью Блоссвиль упомянул «Les Natchez» (1826) и «Le Dernier des Mohicans» (первое американское издание — 1826). Обе книги вышли через несколько лет после того, как было опубликовано высказывание Ирвинга. Таким образом, Пушкин был первым, кто с недоверием отнесся к суждениям

²⁹ «Насколько я могу судить, — писал Вашингтон Ирвинг, — индеец поэтических вымыслов, подобно пастуху пасторального романа, это чистое олицетворение воображаемых характерных черт» (фр.)

³⁰ Речь идет о цитате из «Поездки в прерию» («A Tour of the Praries», 1835) Вашингтона Ирвинга. Это было замечено Б. М. Марьяновым в его статье «Об одном примечании к статье А. С. Пушкина „Джон Теннер”» (см.: Рус. лит. 1962. № 1. С. 64—68). Работа Б. М. Марьянова вышла в свет в то время, когда данная статья была в печати. Пушкин давно знал об отношении Вашингтона Ирвинга к проблеме изображения индейцев в романах. В библиотеке Пушкина находится французский перевод его «Книги эскизов»: *Washington Irving. Esquisses morales et littéraires*. Paris, 1822 (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиогр. опис. М., 1988. С. 256. № 1018). В этой книге есть глава «Черты характера индейцев», где говорится: «Возможно, сохранятся какие-нибудь неясные воспоминания о них (индейцах. — *Дж. Т. Ш.*), скорее всего, в романтических мечтах поэта, а люди будут представлять их в лесах и на полянах, как фавнов, сатиров и других лесных богов древности». «Книга эскизов» была впервые напечатана в 1819—1820 гг. Публикуя эту статью в 1966 г., автор высказывал гипотезу, что у Блоссвиля приведен свободный парафраз отрывка из «Черт характера индейцев» Ирвинга, где Ирвинг указал на неточность «литературной» характеристики американских индейцев. Эта гипотеза была использована в работе: *Boden D.* Das Amerikabild im russischen Schriften bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Hamburg, 1968. Об этом исследовании см.: *Алексеев М. П.* К статье Пушкина «Джон Теннер» // *Временник Пушкинской комиссии*. 1966. Л., 1969. С. 50—56. А. Н. Николюкин отметил, что в 1835 г., за год до того как Пушкин написал свою статью, несколько сообщений об американских индейцах, включая и характеристику Вашингтона Ирвинга («Индейцы, которых я видел в реальной жизни, совершенно не похожи на тех, которых изображают в поэзии»), были опубликованы в «Библиотеке для чтения» (Т. 10. С. 44—61) (*Николюкин А. Н.* Литературные связи России и США. М., 1981. С. 232—233). К. Проффер указывал, что высказывание Ирвинга, приведенное Блоссвилем, взято из книги «The Stryon's Miscellany». Он считал, что рассматриваемый фрагмент пушкинской статьи является парафразом отрывка из «The Stryon's Miscellany» (см.: *Proffer Carl R.* Washington Irving in Russia: Pushkin, Gogol, Marlinskij // *Comparative Literature*. 1968. Vol. 20. N 4. P. 329—342). Библиографию исследований, посвященных статье Пушкина «Джон Теннер», см.: *Альтшуллер М.* Пушкин о проблемах демократии: («Джон Теннер») // *Russian Language Journal*. 1984. Vol. 30. N 129. P. 69—78.

Шатобриана и Купера. Сегодня критика романтизации индейцев у Шатобриана и Купера стала общим местом в литературе. Как и многое другое в творчестве последних лет жизни Пушкина, эти его суждения отражают движение от увлечения экзотическими и примитивными героями в сторону интереса к изображению реальной жизни. Хотя надо признать, что в книге Теннера его более всего привлекли приключения главного героя, которые европейцу казались яркими и необычными.

Пушкин посвятил целый абзац рассуждениям о судьбе индейцев в Америке, их положению в то время и возможным переменам этого положения. Абзац в основном заимствован у Блоссвиля, хотя, возможно, здесь есть и влияние Токвиля и Бомона. Без сомнения, Пушкин знал мнения всех троих французов, когда писал: «Отношения Штатов к индейским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей» (XII, 104). Далее Пушкин утверждает, что «явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие Американского Конгресса осуждены с негодованием...» (XII, 104). Пушкин здесь опять заимствует тон и фразеологию Блоссвиля, резко осуждая действия американцев, которые вынуждали индейцев дешево продавать свои земли методами, описанными позднее русскими писателями — С. Т. Аксаковым в «Семейной хронике» и Л. Н. Толстым в притче «Много ли человеку земли нужно». Особенно резкое осуждение со стороны Пушкина вызвало насильственное переселение индейцев на другие земли. У Блоссвиля в предисловии сказано: «Si de loin en loin un magistrat plus formaliste, un administrateur plus habile à sauver les apparences, semble rendre hommage au droit des gens par un mensonge de plus, la guerre de *chicane* ne connaît pas un seul instant d'armistice; et les formes de la procédure, cherchant en vain à déguiser l'abus de la force, rendent *l'injustice* plus *révoltante* encore, en lui donnant *l'hypocrisie* pour *auxiliaire*»³¹ (Blosseville, 1, XIX—XX); «Et, dans cette œuvre d'extermination, elle (la république anglo-américaine) veut encore mentir à l'univers; elle veut, aux yeux des nations, se parer des semblants de la religion et de *l'humanité!*» (Blosseville, 1, XXI).²

Описание Токвилем и Бомоном индейцев и размышления об их судьбе основаны на их собственных наблюдениях. Выводы Пушкина основаны на суждениях Блоссвиля и впечатлении от вымышленного героя книги Бомона. Пушкин следует за Блоссвилем и в обвинениях американского Конгресса (Blosseville, 1, XIX, XXIII), причем оба они находятся под влиянием книги Токвиля. Но если бы стремление к точности было у них столь же сильным, как негодование, они бы обратили внимание на то, что Токвиль разделяет интересы отдельных штатов и федерального правительства. В то время как некоторые штаты стремились ускорить захват земель, принадлежавших индейцам, федеральное правительство старалось, пусть и не очень эффективно, улучшить положение индейцев (Tocqueville, 2, 311—346).

Следующие рассуждения Пушкина также отражают мысли Блоссвиля. Пушкин пишет: «... так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон» (XII, 104). Выше мы уже обратили внимание на использование Блоссвилем слова «*chicane*». В абзаце, наиболее близком по содержанию только что процитированному пушкинскому высказыванию, Блоссвиль пишет с него-

³¹ «Если иногда какой-либо чиновник-формалист, администратор, ловко соблюдающий внешние приличия, делает вид, что считается с правами людей, используя очередную ложь, то война *крючкотворов* ни на минуту не прекращается; и формальности процедуры, безуспешно стараясь замаскировать злоупотребления силы, делают *несправедливость* еще более *возмутительной*, поскольку *лицемерие* используется как *вспомогательное средство*». (фр.)

³² «И в этом деле истребления она (англо-американская республика) намерена лгать всему миру и в глазах народов приукраситься видимостью религии и *гуманизма!*» (фр.)

дованием и иронией: «Mieux vaut mourir lentement par les effets du *rhum* que d'être exterminé en masse par *le fer* et *le feu* de la conquête espagnole...»³³ (Blosseville, 1, XXIV). Опуская упоминание испанцев, Пушкин переносит обвинения на американцев за использование подобных методов.³⁴ Пушкин здесь не разъясняет, что он подразумевает под «средствами более нравственными». В своем «Путешествии в Арзрум» (написано в 1829—1836 гг., опубликовано в 1836 г.) Пушкин говорит почти то же самое о цивилизации, пришедшей на Кавказ, который был завоеван Россией: «Есть средство более сильное, более нравственное (чем влияние «роскоши». — *Дж. Т. Ш.*), более сообразное с просвещением нашего века: проповедование Евангелия. (...) Кавказ ожидает христианских миссионеров» (VIII, 449).³⁵ Итак, Пушкин считает «неизбежным законом» то, что более цивилизованный народ покоряет менее цивилизованный; долг же покорителей заключается лишь в том, чтобы использовать «средства более нравственные», а не «ром и ябеду», как американцы, или огонь и меч вместе с водкой и ябедой, как русские. Таков контекст, в котором следует воспринимать мысль Пушкина о том, что «Записки» Теннера «будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации» (XII, 105). У Пушкина, конечно, не было необходимости обращаться к предисловию Блоссвиля, чтобы сформулировать мысль о распространении одновременно цивилизации и христианства среди народов, стоящих на более низкой ступени развития. Блоссвиль в свою очередь тоже видел долг цивилизованных христиан в распространении повсюду цивилизации и христианства. Он думал, что это могло бы быть достигнуто французами и римской католической церковью без злоупотреблений, допускаясь «англоамериканцами». (Токвиль, однако, считал одинаково неэффективными попытки как протестантов, так и католиков обратить индейцев в христианство — *Tocqueville*, 2, 323.)

Следующее утверждение Пушкина: «Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся...» (XII, 104) — повторяет предупреждение не только Блоссвиля, Токвиля и Бомона, но и всех, кто занимался этой проблемой в то время. Такое же предупреждение звучит в названии романа Купера «Последний из могикиан». Любопытно, что Пушкин выражает озабоченность судьбой индейцев в одном из своих самых поэтических описаний: «...и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревьями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский» (XII, 104—105). Эта мысль Пушкина совершенно не соответствует ни предисловию Блоссвиля, ни какому-либо утверждению Токвиля, хотя последний несколько раз в своей книге рассуждает о географии Америки и распространении цивилизации в Соединенных Штатах. Яркая деталь — развевающийся американский флаг — несомненно принадлежит Пушкину, в то время как упоминание пироскафов навеяно, скорее всего, описанием уже упоминавшейся встречи Токвиля и Теннера на борту пироскафа «Огайо».³⁶ В этом утверждении Пушкин, склонный к национализму и увлеченный идеей государственности, очевидно (возможно, невольно), думает об экс-

³³ «Лучше умереть медленно от *рома*, чем быть полностью истребленным *огнем* и *мечом* при испанском завоевании» (*фр.*)

³⁴ Высказывание Блоссвиля отражает мысли Токвиля, но тон и выбор определений у Блоссвиля и Токвиля сильно различаются.

³⁵ Черновик пушкинского «Путешествия в Арзрум» еще более выразителен: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их с привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» (VIII, 1034). Черновой набросок Пушкина о христианизации заканчивается очень эмоционально: «Лицемеры! Так ли исполняете долг христианства? Христиане ли вы?» (VIII, 1036).

³⁶ Пароходы упоминаются также в романе Бомона. Пушкин мог прочитать в книге Гамильтона о важности таких внутренних портов, как Луисвилл, Цинциннати, Мемфис, Новый Орлеан, а также портов на Великих озерах.

пансии России на Восток, что приводит к необычному для его прозы лиризму. Пушкин поддерживает продолжение колонизации земель, население которых находится на более низком уровне цивилизации, однако хотел бы, чтобы это делали более «нравственными средствами» — такими, как обращение в христианство, а не методами «огня и меча», как испанцы (и русские), или «рома и ябеды», как американцы (и русские).

3

Как мы убедились, Пушкин часто опирается на мнение Блоссвиля, хотя и не упоминает его имени. Общими для вступления к статье Пушкина и предисловия Блоссвиля к книге Теннера являются упоминаемые факты, темы, тон и даже фразеология рассуждений о Джоне Теннере, его книге и судьбе индейцев в Америке. Прямое упоминание в статье «Джон Теннер» «славной книги „De la démocratie en Amérique”» (XII, 105) Алексиса де Токвиля указывает исследователям на источник, которым пользовался Пушкин, чтобы получить представление об Америке. Свое мнение о Соединенных Штатах Пушкин выразил в первом абзаце статьи. Назвав имя Токвиля, он как бы приглашал читателей прочитать книгу «De la démocratie en Amérique» и сопоставить ее со статьей «Джон Теннер». Пушкин не мог не обратить особое внимание на высказывания Токвиля о России и Соединенных Штатах, которые последний приводит в своей книге. А. И. Тургенев включил заключительный абзац книги Токвиля в свою статью «Париж. (Хроника русского)», опубликованную Пушкиным в «Современнике». ³⁷ Токвиль пишет: «Il y a aujourd’hui sur la terre deux grands peuples qui, partis de points différents, semblent s’avancer vers le même but: ce sont les Russes et les Anglo-Américains. Tous deux ont grandi dans l’obscurité; et tandis que les regards des hommes étaient occupés ailleurs, ils se sont placés tout à coup au premier rang des nations, et le monde a appris presque en même temps leur naissance et leur grandeur.

Tous les autres peuples paraissent avoir atteint à peu près limites qu’a tracées la nature, et n’avoir plus qu’à conserver; mais eux sont en croissance: tous les autres sont arrêtés ou n’avancent qu’avec mille efforts; eux seul marchent d’un pas aisé et rapide dans une carrière dont l’œil ne saurait encore apercevoir la borne.

L’Americain lutte contre les obstacles que lui oppose la nature; le Russe est aux prises avec les hommes. L’un combat le désert et la barbarie; l’autre, la civilisation revêtue de toutes ses armes: aussi les conquêtes de l’Americain se font-elles avec le soc du laboureur, celles du Russe avec l’épée du soldat.

Pour atteindre son but, le premier s’en repose sur l’intérêt personnel et laisse agir, sans les diriger, la force et la raison des individus.

Le second concentre en quelque sorte dans un homme toute la puissance de la société.

L’un a pour principal moyen d’action la liberté; l’autre, la servitude.

Leur point de départ est différent, leurs voies sont diverses; néanmoins, chacun d’eux semble appelé par un dessein secret de la Providence à tenir un jour dans ses mains les destinées de la moitié du monde» (Токвиль, 1, 430—431). ³⁸

³⁷ Современник. 1836. № 1. С. 274.

³⁸ «В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англо-американцы. Оба этих народа возникли из безвестности. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе. Все остальные народы, по-видимому, уже достигли тех пределов, которые положила им природа, им оставалось лишь сохранять имеющееся; эти же постоянно растут. Развитие остальных народов уже остановилось или требует бесчисленных усилий, они же легко и быстро идут вперед к пока еще неизвестной цели. Американец преодолевает природные препятствия, русский сражается с людьми. Первый противостоит пустыне и варварству, второй — хорошо вооруженным цивилизованным на-

Для русского читателя книга Токвиля стала неожиданным откровением, поскольку в ней предсказывалось, что если политическая демократия в Америке умрет, то социальная демократия — требование равенства — приведет не к правлению аристократии, а к самодержавию, при котором равенство будет обязательным для всех, кроме самодержца.

О книге Токвиля и о российском обществе Пушкин говорит в черновике неотправленного письма к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., где признает свое авторство статьи «Джон Теннер». Это сопоставление предполагает, что размышления о российском обществе в черновике письма следует сравнивать не только с «Философическим письмом» Чаадаева (1836), но и с общими высказываниями Пушкина об американском обществе из его статьи «Джон Теннер». Вот цитата из чернового наброска письма Пушкина, где он рассуждает о российском обществе: «Voilà déjà 140 ans que la (...) *Табль о рангах* balaye la noblesse; et c'est l'Emp.(ereur) actuel qui le premier a posé une digue (bien faible encore) contre le débordement d'une démocratie, pire que celle de l'Amérique (avez-vous lu) Tocqueville? (...) je suis encore tout chaud et tout effrayé de son livre). (...) Ce qu'il fallait dire et ce que vous avez dit c'est que (...) notre société actuelle est aussi méprisable que stupide (...) que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir (...) justice, droit et vérité; [ce mépris] [cynique] [pour tout] ce qui n'est pas [le matériel, et l'utile] nécessité.³⁹ (...) Ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme. Il fallait ajouter (non comme concession, mais comme vérité) que le gouvernement est encore le seul (...) Européen de la Russie, [et que malgré tout ce qu'il a de lourd et de pénible et de cynique] et que tout brutal [et cynique] qu'il est, il ne tiendrait qu'à lui de l'être cent fois plus. Personne n'y ferait la moindre attention»⁴⁰ (XVI, 260—262, 422). Как говорит Пушкин в окончательном варианте письма: «Quoique personnellement attaché de cœur à l'E.(mpereur), je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi; comme homme de lettre, je suis aigri; comme homme à préjugés, je suis froissé...»⁴¹ (XVI, 172, 393).

«Предрассудки» Пушкина касаются допетровской аристократии. Он объясняет, почему для него неприемлемы равенство и социальная демократия, которые появились в России с Табелью о рангах. В рассу-

родам. Американец одерживает победы с помощью плуга земледельца, а русский — солдатским штыком. Первый для достижения целей полагается на личный интерес и дает полный простор силе и разуму людей. Второй отдает всю власть в обществе в руки одного человека. В основе деятельности одного лежит свобода, другого — рабство. У них разные исходные точки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждому из них когда-нибудь стать хозяином судеб половины мира» (*фр.*; здесь и далее переводы фрагментов из книги Токвиля даются по изданию: *Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992* — с некоторыми уточнениями).

³⁹ Ср. довольно общие рассуждения Токвиля о преимуществах и недостатках демократии. Он пишет о демократии: «Mais s'il vous semble utile de détourner l'activité intellectuelle et morale de l'homme sur les nécessités de la vie matérielle...» («Но если вы считаете полезным направлять интеллектуальную и нравственную деятельность человека на удовлетворение нужд жизни материальной...» — *фр.*) (Токвиль, 2, 153).

⁴⁰ «Вот уже сто сорок лет, как (...) *Табль о рангах* сметает дворянство; и нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократии, худшей, чем в Америке (читали ли вы Токвиля? ...) я еще весь разгорячен его книгой и совсем напуган ею). (...) Что надо было сказать и что Вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо (...) что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу (...) справедливости, праву и истине [это презрение] [циничное] [ко всему], ко всему, что не является [материальным, полезным] необходимостью. (...) Это циничное презрение к мысли и достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что правительство всё еще единственный (...) европеец в России [и что несмотря на всё то, что в нем есть давящего, тяжелого, циничного], и сколь бы жестоко [и цинично] оно ни было, только от него зависело бы быть сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания». (*фр.*)

⁴¹ «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен...» (*фр.*)

дениях о российском обществе слово «циничный» повторяется не менее четырех раз, включая места, которые Пушкин вычеркнул. Следует обратить внимание на то, что Пушкин отождествляет «циничное» с материальным, полезным, необходимостью («le matériel», «l'utile» «nécessité») — с тем, что в его представлении противоположно идеалам «долга, справедливости, права, истины» и «достоинству человека». Хотя Пушкин считал российское правительство (т. е. Николая I) «давящим, тяжелым, циничным», он полагал, что изменения к лучшему в российском обществе могут происходить только по воле правительства. Таким образом, Пушкин был против не только общества «новых дворян», т. е. царских фаворитов и их наследников, но и против тех, кто выдвинулся на государственной или военной службе. О степени впечатления, которое произвела на Пушкина книга Токвиля, можно судить по его отзыву об этой работе: «...я еще весь разгорячен его книгой и совсем напуган ею», а также по его отзывам о «демократии» в России, «худшей, чем в Америке». Эмоциональный накал этих выражений — совершенно чуждый рассуждениям Токвиля — показывает, что для Пушкина опыт развития демократии в Америке имел прямое отношение к зарождению демократии в России. Интерес Пушкина к Америке не был интересом стороннего наблюдателя или ученого. Это был интерес человека, «напуганного» движением общества по пути развития социальной демократии не только за границей, но и в России, что подтверждается пушкинским анализом «демократии» вообще и выводами Пушкина о «демократии в Америке». Почти каждое слово в его рассуждениях имеет отношение к России. Его эпитеты и заключения эмоциональны — особенность, абсолютно не свойственная книге Токвиля.

В первом абзаце, где Пушкин пишет об Америке, говорится: «С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подбострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами» (XII, 104).

Пушкин начинает с упоминания во множественном числе европейцев, описывающих американскую жизнь. Как мы уже видели, у Пушкина были экземпляры книг об «исследованиях» американских нравов и общественных учреждений, написанных Бомоном и Токвилем. Получило отражение в его статье и возмущение Блоссвиля обращением с индейцами в Северной Америке. Все писавшие об Америке в то время, особенно Токвиль, отмечали выгодное географическое положение этой страны, у которой не было врагов на границах и было много свободных земель, что способствовало увеличению территорий и приросту населения. Особую гордость американцев вызывали их общественные учреждения. Пушкин не разъясняет, какие вопросы «полагали давно уже решенными», когда и как их решили.

Абзац включает длинное предложение, характеризующее американское общество. Последнее упоминание в этом списке, относительно поведения и манер богатого человека, целиком заимствовано у Токвиля; и исследователи пушкинской статьи совершенно правы, определяя весь абзац как изложение мыслей Токвиля. У Токвиля сказано о богаче: «*Voyez-vous cet opulent citoyen? Ne dirait-on un Juif du moyen âge qui craint de laisser soupçonner ses richesses? Sa mise est simple, sa démarche est modeste; entre les quatre murailles de sa demeure on adore le luxe; il ne laisse pénétrer dans ce sanctuaire que quelques hôtes choisis, qu'il appelle insolemment ses égaux. (...) Mais le voici qui sort de chez lui pour aller travailler dans un réduit poudreux qu'il occupe au centre de la ville et des affaires, et où chacun est libre venir l'aborder. Au milieu du chemin, son cordonnier vient à passer, et ils s'arrêtent: tous deux se mettent alors à discourir. Que peuvent-ils dire? Ces deux citoyens s'occupent des affaires de l'État, et ils ne se quitteront pas sans s'être serré la main*»⁴² (Токвиль, 2, 14—15).

Заимствуя у Токвиля, Пушкин сжато излагает основную мысль и в то же время усиливает эмоциональную окраску лексики. «Простое платье» («*Sa mise est simple*») превращается в «оборванный кафтан». Вместо «сапожника» у него обобщающее «надменная нищета», хотя из работы Токвиля ясно видно, что сапожник в Америке вовсе не является нищим и как к нищему к нему не относятся. Опуская тему обсуждения, «*affaires de l'État*», Пушкин обращается не к политической демократии, а к демократии социальной.

Рассмотрим и другие выводы Пушкина. Он начинает описание американского общества словами: «*Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)...*». Почти совпадающее по смыслу высказывание Токвиля относится к жителям северной части Соединенных Штатов: «*Depuis son enfance, il s'occupe à combattre la misère, et il apprend à placer l'aisance au dessus de toutes les jouissances de l'esprit et du cœur. Concentrée dans les petits détails de la vie, son imagination s'éteint, ses idées sont moins nombreuses et moins générales, mais elles deviennent plus pratiques, plus claires et plus précises. Comme il dirige vers l'unique étude de bien-être tous les efforts de son intelligence, il ne tente pas à y exceller; il sait admirablement tirer parti de la nature et des hommes pour produire la richesse; il comprend merveilleusement l'art de faire concourir la société à la prospérité de chacun de ses membres et à extraire de l'égoïsme individuel le bonheur de tous*»⁴³ (Токвиль, 2, 418).

И опять высказывание Токвиля получает у Пушкина дополнительную эмоциональную окраску. Токвиль не упоминает ни «страсти к довольству», ни «неумолимого эгоизма». В отличие от Пушкина Токвиль отмечает не только отрицательные стороны жизни общества, но и воз-

⁴² «Видите вы этого богатого гражданина? Не правда ли, он похож на средневекового еврея, который боится, как бы не догадались о его богатствах? Он в простом платье, походка его скромна; дома у себя в четырех стенах он обожает роскошь; в эту святая святых он допускает только нескольких избранных гостей, которых имеет дерзость называть своей ровней. (...) Но вот он выходит из дому, чтобы направиться на работу в какую-нибудь запыленную конторку, занимаемую им в центре города, в его деловой части, где каждый может заговорить с ним, обратиться к нему. Дорогой он встречает своего сапожника. Они останавливаются: оба принимаются рассуждать. О чем же они могут говорить? Эти два гражданина рассуждают о государственных делах и, прежде чем проститься,жимают друг другу руку». (фр.)

⁴³ «С детства он вступает в схватку с нищетой и привыкает ценить *обеспеченную жизнь выше всех умственных и душевных наслаждений*. Из-за сосредоточенности на мелочах воображение его слабеет, его мысли не слишком глубоки, но зато практичны, ясны и четки. Поскольку все усилия его ума направлены на единственную цель — достижение благосостояния, он и не стремится к большему. Он прекрасно умеет использовать природу и людей для производства материальных благ и замечательно овладел искусством заставлять общество служить процветанию каждого из его членов и использовать присущий индивиду эгоизм для всеобщего блага». (фр.)

растающее благосостояние и пользу для общества тех качеств, которые он описывает. Высказывание же Пушкина прямо соотносится с его обвинением русского общества того времени в материализме (см. об этом выше).

Слова Пушкина «большинство, нагло притесняющее общество» явно отражают высказывание Токвиля о «тирании большинства» сравнительно бедных людей над богатыми в политической и социальной жизни. Хотя Токвиль не видел верного способа избежать «тирании большинства», он тем не менее посвятил целую главу «причинам, которые сдерживают тиранию большинства в Соединенных Штатах». Многие исследователи прошлого и настоящего считают, что он не привел ни одного убедительного примера такой тирании.⁴⁴ Выражение Пушкина «нагло» совершенно чуждо стилю Токвиля и не соответствует содержанию его книги.

Далее Пушкин указывает на «рабство негров посреди образованности и свободы». Такая аномалия, как рабство в Америке (хотя оно было полностью отменено во всех французских колониях только в 1848 г., а в английских колониях в 1858 г.), отмечалась всеми писавшими об этой стране. Сочувствие Пушкина к судьбе расы, которая, как и он сам по одной линии, происходила из Африки, выражено ярко. Без сомнения, в подтексте этого высказывания ощущается негодование по поводу существования крепостного права (того же рабства) в России. Выражение «посреди образованности и свободы» предполагает, как это ни парадоксально, озабоченность Пушкина распространением и успехами всеобщего образования в Америке и существованием вследствие этого политической свободы. И то и другое резко противоречило положению в России.⁴⁵

Слова Пушкина о «родословных гонениях в народе, не имеющем дворянства», также содержат полемическую направленность. Токвиль говорил об уничтожении права первородства и привилегий аристократического класса в Америке (Tocqueville, 1, 53—56; 2, 12—15), но у него нет выражения «родословные гонения». Пушкин, гордившийся собственным шестисотлетним дворянством со стороны отца, высказывает с большой эмоциональностью убеждение в невозможности отказа от привилегий, получаемых по праву рождения и воспитания. Прочитываемый абзац ясно демонстрирует тот факт, что эмоциональный тон высказываний Пушкина относится вовсе не к описанию Америки, а отражает его озабоченность положением дел в России. Российское дворянство все

⁴⁴ См., например, предисловие Генри С. Коммаджера к сокращенному изданию: *Tocqueville A. de. Democracy in America*. New York, 1947. P. XIV—XV. Блоссвиль рассматривал «тиранию большинства» в связи с расовым вопросом; он приводил в качестве примера отношение к индейцам (Blosseville, 1, XX). Бомон и Токвиль считали проявлениями этой «тирании» выступления против негров (они ссылались на беспорядки в Балтиморе, которые произошли за тридцать лет до этого, в 1812 г.). Токвиля более всего интересовали природа, преимущества и недостатки демократии, как таковой, безотносительно к историческим условиям в каком-либо конкретном месте; его главным образом волновало доминирующее положение среднего класса по отношению к людям, принадлежавшим по своему рождению, образованию и богатству к высшему классу. Упоминание беспорядков в Балтиморе могло напомнить Пушкину холерные бунты в России 1830—1832 гг. Они его ужаснули.

⁴⁵ М. П. Еремин (Пушкин-публицист. С. 278—279) совершенно справедливо отмечает близость высказываний Пушкина Радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву» (1790) и его интерес к этой книге во время написания «Джона Теннера». Факты, приведенные Радищевым, без сомнения, повлияли на Пушкина, определив его неприятие колониальной политики и крепостного права в России, — неприятие, явно стоящее за осуждением положения индейцев и негров в Америке. Однако, хотя Еремин видит много общего в высказываниях Радищева и Пушкина, близость последнего (тематическая и лексическая) к Токвилю и Блоссвилю намного заметнее. Следует отметить, что Радищев, критиковавший рабство в Соединенных Штатах, приветствовал в то же время свободу печати в Америке. Пушкин же, несмотря на все трудности, связанные с цензурой, никогда не высказывался в пользу свободы печати, а наоборот, часто выступал против нее. Б. П. Городецкий («Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. С. 266) считал отношение Пушкина к этой проблеме «наиболее прогрессивным для своего времени». Об отношении Радищева к рабству в Америке см.: *Thaler Roderick P. Aleksandr Nikolaevich Radischev: A Journey from St. Petersburg to Moscow*. Cambridge, 1958. P. 148—149 (p. 184—185 — о высокой оценке Радищевым свободы печати).

более и более погружалось в нищету и вытеснялось новыми людьми: либо царскими фаворитами, либо теми, кто выдвинулся на государственной или военной службе.⁴⁶ Следующие выводы Пушкина касаются американцев и политической демократии: «...со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму...». Ни один из известных источников пушкинской статьи, не говоря уже о Токвиле, не содержит такого словосочетания, как «алчность и зависть», в качестве основной характеристики американских избирателей. Токвиль, правда, говорит о «зависти», которую испытывает простой человек, наблюдая любое проявление превосходства со стороны государственного служащего (Tocqueville, 2, 55—57, 218), ибо, исходя из эгалитаристской идеи, управляющий и управляемый абсолютно равны и кандидат на государственную должность или чиновник, ее занимающий, должны действовать как представители народа.⁴⁷ Пушкинские характеристики «управляющих» — «робость и подобострастие» — представляют собой его собственное мнение, эмоционально более ярко окрашенное по сравнению с высказываниями Токвиля. «Робостью» Пушкин, вероятно, считает требование к государственному служащему полагаться для определения правильности проводимой политики на мнение большинства, а не на собственную мудрость. «Подобострастие» заключается в том, что чиновник считает каждого избирателя равным себе. Это определение Пушкина, а не Токвиля. Пушкинское рассуждение о «добровольном остракизме» талантливого человека можно соотнести со следующими словами Токвиля: «Aux États-Unis, le peuple n'a point la haine pour les classes élevées de la société; mais il se sent peu de bienveillance pour elles, et les tient avec soin en dehors du pouvoir; il ne craint pas les *grands talents*, mais il les goûte peu. (...) Tandis que les instincts naturels de la démocratie portent le peuple à écarter les hommes distingués du pouvoir, un instinct non moins fort porte ceux-ci à *s'éloigner de la carrière politique*, où il leur est si difficile de rester complètement eux-mêmes et de marcher sans s'avilir»⁴⁸ (Tocqueville, 2, 57). Мысль Токвиля о том, что «талантливые люди» избегают политической карьеры», у Пушкина превращается в утверждение о «добровольном остракизме». Слово «талантливый» у Пушкина может относиться как к художнику, так и к политическому деятелю. Нечеткость этого определения, безусловно, неслучайна, так как оно подразумевает деятельность не только государственного служащего, но и художника в условиях американской демократии, а следовательно, деятельность художника (т. е. и самого Пушкина) в условиях развивающейся социальной демократии в России.

⁴⁶ Из содержания книги Бомона «Мария...» можно вывести другое толкование пушкинских слов о «родословных гонениях». Основной темой этой книги является нетерпимость белых по отношению к неграм, беспощадная дискриминация тех, у кого есть хотя бы капля негритянской крови. Токвиль также выражал озабоченность этой проблемой. Если Пушкин действительно имел в виду в своем высказывании неприязненное отношение к мулатам, тогда это намек на нападки Булгарина, который отзывался о нем в 1830 г. как о потомке негра-раба.

⁴⁷ Токвиль постоянно отмечает в своей книге, что самым важным для американцев является личное благополучие; что же касается их отношения к индейцам, Токвиль считает американцев «le peuple (...) le plus avide du globe» (самым алчным народом в мире — *фр.*) (Tocqueville, 2, 330). Однако он говорит об американцах как о народе, а не как об избирателях. Использование Пушкиным слова «алчность» по отношению к избирателям, скорее всего, подразумевает коррупцию и «купленные» выборы — идея, которая отсутствует в книге Токвиля.

⁴⁸ «В Соединенных Штатах народные массы не испытывают никакой ненависти к высшим классам общества, но и особой благосклонности к ним они также не питают и старательно не допускают их к власти; не страх испытывают они перед *талантливыми людьми*, но они их плохо переносят. (...) Природа демократии такова, что она заставляет народные массы не допускать выдающихся людей к власти, а эти последние, движимые не менее сильным природным инстинктом, *избегают политической карьеры*, где трудно оставаться самим собой и не замарать своей чести». (*фр.*)

Теперь мы можем осмыслить центральную сентенцию пушкинского вступления: «Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось». Пушкин уже упоминал полемические выводы Токвиля о том, почему «поколебалось» «уважение» к американскому «народу». Что касается американского «уложения», то в высказывании Пушкина ничего не говорится ни о структуре власти — местных органах, управлении штата или федеральных органах, ни об американской конституции. Отсутствие у Пушкина интереса к этому вопросу ясно видно из того факта, что в его экземпляре книги Токвиля часть, относящаяся к структуре управления и конституционным органам, осталась неразрезанной.⁴⁹ В контексте же всего абзаца характеристика американского «уложения» как «плода новейшего просвещения» (это обычно означало у Пушкина высокую оценку) представляется довольно иронической.

Самое резкое утверждение Пушкина выглядит следующим образом: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве». В контексте всей статьи это высказывание может быть отнесено не к демократии вообще, а к демократии в Соединенных Штатах, особенно если подразумевается отношение к меньшинствам. Блоссвилль выделял « *cynisme des actes*»⁵⁰ по отношению к индейцам (Blosseville, 1, XXI). Во всех остальных обзорах того времени также отмечались расовые предрассудки и плохое обращение с людьми другого цвета кожи в Соединенных Штатах. Следует заметить, что Пушкин нигде не говорит «эта демократия», а просто — «демократия». Как доказывают некоторые детали заключительного, довольно длинного пассажа цитируемого выше первого абзаца статьи Пушкина, он имеет в виду прежде всего социальную демократию, эгалитаризм, доминирующую роль простых людей в общественной жизни. Этот абзац удивительно перекликается с его критикой российского общества и «*démocratie*».⁵¹ «Цинизм», очевидно, обозначает преимущественную заинтересованность в материальном благополучии, а не в идеалах «долга, справедливости, права и истины», а также «мысли и достоинства человека». Пушкин считает такой «цинизм» «отвратительным». Собственные аристократические предубеждения Пушкина не мешали ему признавать индивидуальные достоинства человека низкого происхождения. В отказе же простого человека при «демократии» признавать как высшую заслугу факт благородного происхождения и талант он увидел «жестокое предрассудки», а в требовании равенства — «нестерпимое тиранство». Отмеченный Токвилем факт отсутствия в Соединенных Штатах абсолютных гарантий против «тирании большинства» был выбран как доказательство

⁴⁹ См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина: (Библиогр. опис.). С. 350. № 1440. В пушкинском экземпляре первого тома разрезаны только с. 1—45, а во втором — все страницы.

⁵⁰ «цинизм поведения» (*фр.*)

⁵¹ Слово «демократия», употребляемое Пушкиным, — это транслитерация термина Токвиля «*démocratie*», которым Пушкин воспользовался в черновике письма Чаадаеву (см. об этом выше), где он явно говорит о социальной демократии. Сам Токвиль употреблял слово «*démocratie*» с меньшей определенностью. Дж. В. Пирсон следующим образом комментирует использование Токвилем этого термина: «Иногда Токвиль придавал ему буквальное значение: управление людьми, политическое самоуправление. Но чаще он имел в виду равенство: или политическое равенство в самом узком смысле; или гражданское, социальное, экономическое равенство; или равенство как тенденцию свести воедино разные управления; или равенство как общее условие. В некоторых случаях он даже употреблял слово „*démocratie*” вместо понятия „*peuple*”, придавая ему дополнительное значение „массы”, предполагающее неконтролируемость, необузданность инстинктов» (*Pierson G. W. Tocqueville and Beaumont in America. P. 158*). Пушкин употребил слово «демократия» только еще один раз (также в 1836 г., слегка варьируя правописание); при этом он имел в виду социальную демократию. Он говорил о простых людях Франции: «Народ (...) властвует со всей отвратительной властью демократии» (XII, 66). В статье «Джон Теннер» Пушкин характеризует «демократию» словом «отвратительная». Здесь четко видна его аристократическая предубежденность.

того, что «нестерпимое тиранство» существует внутри «демократии». Пушкин испугался возможных отрицательных сторон демократического правления, а на положительные стороны, которые так тщательно выделил Токвиль, просто не обратил внимания. Хотя в оценках Токвиля постоянно ощущается его либеральный аристократизм, он всегда старается быть сдержанным и объективным. В его книге нет таких выражений, как «отвратительный цинизм» или «нестерпимое тиранство».

Вывод Пушкина, которым заканчивается первый абзац: «...такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами» — верен только с оговорками и характеристиками, которые он не приводит. Вступление Пушкина изобилует отрицательными обобщениями, причем он не делает никаких пояснений к своим выводам. Пушкин не рассматривает проблему с разных точек зрения, как это делает Токвиль в своей книге — основном источнике пушкинских представлений об Америке. Вступление написано в таком негодующем тоне и с такой эмоциональной окраской, которые совершенно чужды работе Токвиля. Гуманизм Пушкина по отношению к национальным меньшинствам, особенно неграм и — имплицитно — к индейцам, ярко выражен во вступительном абзаце. Но еще более ярко выражено неприятие Пушкиным эгалитарного общества.

Тон пушкинского вступления и его слова: «...я еще весь разгорячен его книгой и совсем напуган ею» — показывают его неприятие процессов демократических преобразований, происходящих в Америке. Он боялся, что то же самое может произойти и в России. В стихотворении «Из Пиндемонти» (1836) Пушкин поставил в один ряд власть (т. е. самодержца) и народ, задавая вопрос:

Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно?

(III, 420)

Очевидно, Пушкин предвидел «тиранство» развивающейся социальной демократии, и в любом случае совершенно ясно, что в политическом отношении «тиранство» самодержавия было для него ничем не хуже того, что можно было, по его мнению, ожидать от политической демократии. Такова была цена, которую Пушкин заплатил за патриотизм, высказанный им в письме к Чаадаеву после суровых обвинений российского общества своего времени: «...mais je vous jure sur mon honneur, que pour rien au monde je n'aurais voulu changer de patrie, ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée»⁵² (XVI, 172, 393).

4

Как уже отмечалось, Пушкин в отличие от редакторов книги Теннера сделал свое заключение в статье «Джон Теннер». Приведем его полностью: «Ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками. Он в тяжбе со своею мачехою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству. Он очень выгодно продал свои любопытные „Записки“ и на днях будет, вероятно, членом *Общества Воздержности*. Словом, есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим *yankee*, с чем и поздравляем его от искреннего сердца» (XII, 132).

Пушкин добавил примечание «от издателя» к названию «Общество Воздержности»: «Общество, коего цель — истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков» (XII, 132). Он также сделал сноску к слову «yankee» (см. об этом выше).

Пушкин мог узнать, что Теннер живет среди «образованных» белых «соотечественников» из книги Теннера, из предисловия Блоссвиля и ра-

⁵² «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал» (фр.)

боты Токвиля. Из «Записок» Теннера Пушкин мог узнать, что Теннер пытался отсудить у мачехи деньги за нескольких негров-рабов, оставленных ему по завещанию отца (Blosseville, 2, 275). Ни в книге Теннера, ни в предисловиях французского или американского издателей нет ни слова о том, что «Записки» были «выгодно проданы». Пушкину принадлежит и предположение, что Теннер собирается вступить в «Общество Воздержности»; о факте же существования таких обществ он мог узнать из книги Токвиля, который писал: «Les sociétés de tempérance sont des associations dont les membres s'engagent à s'abstenir de liqueurs fortes...»⁵³ (Tocqueville, 2, 147).

Заключительное предположение Пушкина об «американизации Джона Теннера» никак не соотносится ни с одной из книг, которые послужили источниками его статьи. «С фигой в кармане» Пушкин пишет, что Теннер, который так долго жил среди индейцев (сначала поневоле, а потом добровольно) и усвоил все их обычаи и представления, очень скоро привыкнет к обычаям и порядкам «образованных» белых людей. Это подразумевает, что Теннер готов получить выгоду и от существования рабства.⁵⁴ Утверждение Пушкина — без каких-либо веских доказательств, — что Теннер «выгодно продал» свои «Записки», отражает его уверенность в том, что Теннер научился «торговать», как все белые американцы. Упоминание «Общества Воздержности», с одной стороны, характеризует американские нравы того времени, а с другой — вполне обоснованно, поскольку к этому времени Теннер уже был непьющим. В отличие от Пушкина, который выражает «надежду», что «Теннер со временем сделается настоящим yankee», ни Блоссвилль, ни Эдвин Джеймс даже не предполагали возможности быстрой американизации Теннера. Очевидно, Пушкин противоречит сам себе: ранее в статье он утверждал, что «Джон Теннер сохранил вид, характер и предрассудки дикарей, его усыновивших» (XII, 110).⁵⁵ Этот заключительный абзац — с предположениями, неточными деталями, с «надеждой» — выполняет полемическую функцию. Он должен связать воедино представление Пушкина об американском обществе, изложенное им во вступлении к статье «Джон Теннер», рассказ Теннера, который раскрывает его характер, и заключение, предполагающее, что «индейские» черты личности Теннера вряд ли менее достойны, чем привычки «цивилизованных» людей, которые он старается перенять у своих «образованных соотечественников».

Интерес Пушкина к «Запискам» Теннера как к литературному труду, изображающему жизнь индейцев, проявился во внимательном обобщении фактов, приведенных Джоном Теннером, и в тщательном переводе. Он предоставляет читателю достаточно материала, чтобы подтвердить свое негативное отношение к романтизации индейцев Шатобрианом и Купером. Как и американский и французский редакторы «Записок» Теннера, Пушкин использует его рассказ как повод для высказывания своих мыслей об Америке, выходя далеко за пределы содержания книги Теннера. Пушкин разделяет глубокое негодование Блоссвиля, французского редактора, по поводу отношения к американским индейцам, хотя, как и Блоссвилль, считает колонизацию неизбежной, а поднятие уровня культуры менее развитых народов и их христианизацию долгом более развитых христианских государств. Как и Токвиль, Пушкин говорит об аномалии существования рабства в стране «образованности и свободы». Что

⁵³ «Общества Воздержности — это организации, члены которых обязуются воздерживаться от крепких напитков...» (фр.). Ср.: в романе Бомона «Мария...» отец невесты Людовика вступает в Общество Воздержности, когда планирует занять государственную должность (см.: *Beaumont G. de Marie... Vol. 1. P. 56, 275*).

⁵⁴ В 1830 г. сам Пушкин заложил в ипотеку крепостных имения Кистенево, свадебный подарок отца, чтобы подготовиться к свадьбе.

⁵⁵ В действительности Теннер так до конца и не принял общества белых людей и сам не был принят им (см. предисловие Ноэля М. Лумиса к изданию книги Теннера — р. XIV—XVI).

касается колониальной политики и рабства, Пушкин имплицитно проводит параллели с положением дел в России, осуждая крепостное право и колониальную политику.

Статья Пушкина «Джон Теннер» показывает, что Пушкин вряд ли интересовался американской системой управления, но он очень интересовался социальной демократией (эгалитаризмом) в Соединенных Штатах и высказывал свое неприятие этой системы. Черновик письма Чаадаеву помогает понять суть его резких нападок на социальную демократию в Соединенных Штатах: они обусловлены страхом Пушкина перед развитием социальной демократии в России. Он очень резко критиковал «ущемление прав» наследственной аристократии и смену доминирующей роли класса высшего по рождению и образованию эгалитарной социальной демократией.

Как и другие русские писатели дворянского происхождения в XIX в., Пушкин в *les belles lettres*⁵⁶ и публицистике пишет либо о дворянах, либо о крестьянах. В Америке, описанной Токвилем, не было ни дворян, ни крестьян. Пушкин был так «разгорячен» и «напуган» изображенной Токвилем картиной американской демократии, что, хотя и основывался в своих рассуждениях на книге Токвиля, высказал мнения, совершенно чуждые первоисточнику по тону и эмоциональной окраске. Изображение Америки, предложенное Пушкиным, ни в коей мере не основано на беспристрастном переложении книги Токвиля.

Не следует предполагать, что негодование Пушкина и очень эмоциональные эпитеты, не свойственные обычно его стилю, связаны исключительно с его стремлением выразить свое отношение к Америке. Его эмоциональность, как и подбор фактов для комментария, показывает, что он имел в виду Россию, размышляя о развитии Америки. Американская тема дала Пушкину возможность высказаться полемически остро о колонизации, крепостном праве и развитии социальной демократии в России.

⁵⁶ художественных произведениях (фр.)

В. Э. ВАЦУРО

АЛЕКСАНДР ЧАВЧАВАДЗЕ И РУССКАЯ РОМАНСНАЯ ЛИРИКА (РАЗЫСКАНИЯ)

Эти очерки были прочитаны впервые в виде доклада в 1987 г. в Тбилиси, на конференции, посвященной двухсотлетию со дня рождения Александра Чавчавадзе.

Они создавались в тесном общении с грузинскими филологами, исследователями двух литератур. С чувством любви и благодарности автор вспоминает встречи и беседы с Ваном Семеновичем Шадури, Игорем Богомоловым, Нодаром Поракишвили, Линой Хихадзе, Мери Христесашвили.

К этому перечню дорогих ему имен автор должен добавить еще одно, уже принадлежащее истории. В ночь на 28 июля 1996 г. не стало Константина Сергеевича Герасимова — ученого и поэта, ценителя и знатока старинной книги, человека редких интеллектуальных и душевных качеств. Он был одним из украшений тбилисского культурного мира и тбилисцем по всему своему духовному складу, носившим в себе поэзию и предание, мировосприятие и жизненную философию уникального города.

Пусть эти заметки будут скромной данью его памяти.

Романс «Черный цвет» и его автор

С тех пор как в 1879 г. в «Альманахе» Г. Туманишвили было опубликовано стихотворение А. Чавчавадзе «Русская песня», вопрос о связи поэта с традицией русской романсной лирики неоднократно привлекал к себе внимание.

Уже в XIX в. романс А. Чавчавадзе исполнялся грузинским хором, как бы вернувшись в породившую его литературно-музыкальную стихию. В 1886 г. издатели сочинений Н. Бараташвили указывали на его русский источник — романс «Черный цвет, мрачный цвет», который присутствовал, по-видимому, и в поэтическом сознании Н. Бараташвили в момент создания его лирического шедевра «Голубой цвет».

В последние десятилетия И. С. Чистова и В. С. Шадури привели ряд новых данных, свидетельствующих о широком распространении «Черного цвета» в литературном и бытовом обиходе. Он записывается в семейные альбомы — русские и грузинские. Он входит в русскую литературу как один из характернейших образцов «низового» романса; в 1830—1840-е гг. появляется ряд его переработок и аналогов, проникающих и в «высокую» лирику (например, у В. Г. Бенедиктова), — а несколько позднее он получает сюжетные и характерологические функции в реалистической прозе и драматургии: в «Семейной картине» А. Н. Островского,

в «Селе Степанчикове» Ф. М. Достоевского, в «Мещанах» А. Ф. Писемского; по-видимому, в 1850-е гг. он попадает в песенники с именем Ломакина.¹

Именно этот текст, известный по альбомным записям 1830-х гг. и более позднего времени и разысканный И. С. Чистовой в песеннике 1859 г., и лег в основу стихотворения А. Чавчавадзе. И русский подлинник, и грузинский перевод состоят из 24 стихов (шести катренов); А. Чавчавадзе сохранил его метроритмическую организацию (впервые введенную им в грузинскую поэзию), движение лирической темы и даже ряд сюжетных и образных деталей, вплоть до синтаксического параллелизма в первой строке, определяющего всю тональность стихотворения, — здесь вводится организующий его центральный образ, который затем варьируется, то возникая в функции эпифоры рефренного характера и сближаясь с редифом восточной поэзии, то включаясь в прихотливую систему изоморфных синтаксических конструкций. Едва ли не песня Земфиры из пушкинских «Цыган» («Старый муж, грозный муж») послужила жанровой моделью неизвестному поэту, — как «Цыганская песня» она была в 1825 г. напечатана отдельно от поэмы в «Московском телеграфе» вместе с нотами М. Ю. Виельгорского и приобрела большую популярность; уже в 1820-е гг. она попадает в песенники.² Структурная близость к привычному и любимому романсу; романтический лирический сюжет и стилистика; наконец, некий личный, интимный смысл, который получил «Черный цвет» для семьи А. Чавчавадзе после гибели Грибоедова, — все это могло послужить стимулами для грузинского поэта, написавшего, как предполагают, свой романс для дочери Нины.³ К сожалению, до сих пор дата создания романса неясна; как почти все стихи А. Чавчавадзе, его перевод почти не поддается датированию. Только теперь мы можем сказать точно, что он сделан не ранее 1828 г. Дело в том, что существует его забытая и не учтенная никакими библиографиями публикация в журнале «Славянин», издававшемся А. Ф. Воейковым в качестве литературных приложений к газете «Русский инвалид».

* * *

Публикация «Черного цвета» в «Славянине» — факт чрезвычайно любопытный, потому что он ставит перед исследователями целый ряд совершенно новых проблем.

Прежде всего текст «Славянина» дает сокращенную редакцию романса, состоящую из 12 строк. Она соответствует первой половине уже известного текста, но с одним, очень важным, разночтением, меняющим смысл целого.

Приводим ее:

ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ

Черный цвет, мрачный цвет,
Ты мне мил навсегда!
Я клянусь, не влюблюсь
В цвет другой никогда!
И принудить меня,
И заставить меня
Разлюбить черный цвет —
Силы нет, власти нет!

¹ См.: Чистова И. С. О кавказском окружении Лермонтова (по материалам альбома А. А. Капнист) // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л., 1979. С. 205—207; Шадури В. С. Новое о М. В. Дмитревском — приятеле Лермонтова и декабристов // Там же. С. 220—222.

² См. примеч. В. Е. Гусева в кн.: Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1963. С. 1000.

³ См. об этом: Шадури В. С. Новое о М. В. Дмитревском — приятеле Лермонтова и декабристов. С. 221.

Отчего ж я в него
Влюблена, спросит свет.
Я скажу: черный цвет —
Друга цвет моего.⁴

Легко заметить, в чем основное отличие этого текста от традиционного и соответственно от романса А. Чавчавадзе. Он написан от имени женщины и обращен к разлученному с ней возлюбленному, носящему «черный цвет». Редакция эта, несомненно, авторская, — и возможны два предположения: либо она была затем переработана и дописана самим автором, либо подверглась нередкой в практике бытования романсов фольклоризации, в результате которой героиня превратилась в героя и появились дополнительные 12 строк, попавшие в поле зрения и А. Чавчавадзе, и составителей поздних песенников, и «альбомных поэтов», нередко переписывавших чужие стихи. Против этого последнего предположения, однако, говорит необычность самого характера фольклоризации: как правило, стихи не дописываются, а сокращаются и варьируются; в данном же случае продолжение производит впечатление органического развития поэтической мысли, а не чужеродного добавления. Таким образом, возникает вопрос о возможности второй авторской редакции, но он осложняется прежде всего тем, что автор «Черного цвета» скрылся за анаграммой. В песеннике 1850-х гг. слова романса приписаны Ломакину, но это явная ошибка. Г. Я. Ломакин — композитор 1840-х гг., писавший музыку, в частности, на тексты Кольцова; под интересующим же нас текстом стоит цифровая анаграмма: «1....3...» (по традиционной расшифровке: «А....Г...»; менее вероятно — «А...В...») — и рядом помета: «Лагерь на реке Араксе».

Стихи возникли, таким образом, в непосредственной близости от места службы самого А. Чавчавадзе во время русско-персидской войны и в широком смысле слова принадлежали его сослуживцу.

* * *

Анаграммой «1....3...» в «Славянине» 1828 г. подписаны еще два стихотворения.

Одно из них — «К надежде», также с пометой: «Лагерь на Араксе, в ноябре 1827 года», прямо касалось военных событий и вместе с тем содержало намек на подневольную службу:

Сын Севера, могу ли я
Счастливым быть, переселенный
В край чуждый, солнцем опаленный,
В страну, где буйная струя
Кипит Аракса под скалами,
Где неба пламенного зной
И с недоступною главой,
С несокрушимыми снегами
Восточным солнцем Арагат;
И вид бесплодьем омраченных
Степей и битвам обреченных,
Где вновь войны блесит булат
И виден свежий след, пробитый
Аббас-Мирзы лихим конем,
По коему бежал разбитый
Наследник шаха со стыдом,
Страшась рабов своих измены
И плена тягостных оков,
Как русский внес своих орлов
Твердыни Эриванской в стены.

⁴ Славянин. 1828. № 21. С. 317.

Стихотворение оканчивалось ламентацией с явно автобиографическим смыслом:

И неизбежный жребий мой:
Отечества за рубежами
Все жизни испытав беды,
Ее окончить под шатрами
В степях кочующей орды.⁵

«Черный цвет» получал, таким образом, автобиографический контекст: «друг» лирической героини носил цвет несчастья; это был изгнанник, возможно политический ссыльный. Номер 23 «Славянина» содержал подписанное теми же инициалами стихотворение «Фанни» с пометой: «Кр. Шуша», — итак, неизвестный поэт побывал и в знаменитой крепости в Карабахе, в течение сорока восьми дней выдерживавшей осаду тридцатитысячного войска Аббаса-Мирзы, — судя по дате, уже после снятия блокады. Он явно принадлежал к Кавказскому корпусу, где служили переведенные на Кавказ ссыльные декабристы.

Внимательный читатель «Славянина» мог отметить для себя и третье стихотворение неизвестного «1..3..», помещенное годом ранее и содержащее целый ряд дополнительных биографических реалий. Это был «Ответ С. Г. Хомутову», — по-видимому, Сергею Григорьевичу Хомутову (1792—1852), участнику Отечественной войны, свитскому офицеру, оставившему свои записки о кампании 1813—1814 гг. Поэт вспоминал о своей «пылкой юности», проведенной на «службе царской», и о полученных боевых ранах. Помета «1825 года. Могилев на Днестре» — могла несколько конкретизировать поэтизм «сын Севера».⁶

Этим, однако, исчерпывались сведения, которые могли бы получить об авторе «Черного цвета» читатель воейковского журнала и современный исследователь.

Последний, впрочем, может добавить к списку еще два стихотворения — «К Полине» и «Вопрос Софии», подписанных «1.3, Могилев на Днестре» и напечатанных в воейковских же «Новостях литературы».⁷

* * *

Мы не можем сейчас судить, в какой мере неизвестный «1....3...» был узнаваем за пределами небольшого круга своих знакомых в 1820—1830-е гг., но современный филолог может назвать его имя, обратившись к воейковским «Литературным прибавлениям к Русскому инвалиду». Это, несомненно, А. Гвоздев, чьи послания были опубликованы в газете в 1832 г. Самое раннее из них, «Послание к П—у», датировано: «Могилев, 1826». Стихи эти весьма примечательны: они обращены к поэту — властителю сердец поколения, — и написаны как бы от имени многих; лирический герой выступает в коллективном обличье. Эти стихи, несмотря на их пространность, стоит привести полностью, ибо они адресованы Пушкину; имя адресата раскрыто в цензурных документах.⁸ Датировать их точнее мы не можем; известно, когда могилевский поэт писал свое восторженное поэтическое приветствие: до или после освобождения Пушкина из ссылки. Вероятнее все же последнее, — и, скорее всего, известие об этом освобождении и послужило толчком к написанию. При всех обстоятельствах стихи Гвоздева, не обладающие особыми поэтическими достоинствами, очень важны как историко-литературный факт и должны занять в поэтической Пушкиниане совершенно особое

⁵ Там же. С. 315—316.

⁶ Там же. 1827. № 11. С. 204—205.

⁷ Новости литературы. 1826. Апр. С. 63; Июль—авг. С. 95.

⁸ РНБ, ф. 831, Цензурные материалы, т. 5, л. 171.

место: это единственное большое стихотворение о Пушкине, написанное в не остывшей еще декабрьской политической атмосфере и свидетельствующее о восторженном отношении к поэту в литературных кругах провинции:

ПОСЛАНИЕ К П—У

Парнасский бог тебе открыл
Недаром тайны муз святыя;
Недаром он тебе вручил
Поэта струны золотые;
Ты с ними наших чувств творец
И наших дум властитель полный —
Все силы душ, порыв сердец
Тебе внимающих покорны...
Святую ль славить ты любовь —
И все поэта верят лире,
Что без любви нет счастья в мире
И что блажен лишь тот, чья кровь
Волнуется от взоров страстных —
Кому улыбка уст прекрасных
Дороже лавров и венца —
И увлеченные сердца
Твоею песнью сладкогласной
Трепещут в неге сладострастной.

Иль запоешь другой порой:
Что наша жизнь, друзья, скажите?
С бедой неравный, вечный бой —
В ней дни счастливые сочтите,
И каждый мало их начтет:
Суровое, без сожаленья,
Путем терновым с дня рожденья
Несчастье к гробу нас ведет —
И каждый шаг на сей дороге
Родит отчаянье в сердцах —
Проклятья грозные в устах
И мысли черные о Боге.
Негодования краток миг:
И дружба нежная учащем
В стихах пленительных твоих
Мирит с судьбой нас и с несчастьем,
И с самой волей Божества.
Ты, дружбы нежной похвалою,
Миришь врагов между собою!
Поешь ли шумны торжества —
Стихи твои так быстры, живы,
Очаровательны, легки,
Как полек взгляд красноречивый,
Как в резвых танцах их шаги;
Как их небрежный и красивый
И вкусом данный им убор;
Остры злословия без жала;
Как за обедом разговор
После заздравного бокала.

Иль загремишь гимн Славе ты:
О юноша с душой высокой!
Беги опасной красоты,
Любви богини светлоокой;
Не верь улыбке хитрых жриц —
Их речи и лобзанья ложны,
Непостоянны, ненадежны,
Как розы нежные их лиц.
Забудь и негу, и забавы
Их увлекательных бесед,

Внемли взываньям громкой Славы —
Стремись за ней путем побед:
С ней сын земли, как дух небесный,
Промчится через тьмы веков;
И только с бытием миров
Окончит бег свой в поднебесной...
И мы, как в мраке ночи, туч
Дорогу странник потерявший
Благословляет молний луч,
Ему путь верный указавший,
Так мы, о милый наш певец,
Твою песнью освещенны,
Клянемся путь избрать священный
И Славы заслужить венец.

Когда ж на лире запоешь
О счастья благоденья, —
В душах мгновенно ты зажжешь
Святое чувство состраданья;
И с благотворною рукой,
И с словом нежного участия
Добра прекрасною стезей
Идем в обитель мы несчастья.

О друг мой! Феб тебе открыл
Недаром тайны муз святые —
Недаром он тебе вручил
Поэта струны золотые.
Когда коснешься к ним рукой,
Твои все чувства и все думы,
Как ветер, летят сквозь лес угрюмый,
Как света луч сквозь мрак ночной,
Они так быстро обтекают
Тебе внимающих сердца
И, их пленяя, увлекают
Под власть чудесного певца.⁹
Могилев, 1826.

* * *

Если стихи к Пушкину выразительнее прочих определяли поэтическую ориентацию Гвоздева, то другие послания в «Литературных прибавлениях» свидетельствовали о его прямых дружеских связях в литературном мире, и — что особенно важно для нас — самым непосредственным образом были связаны со стихами, подписанными «1....3...», и в их числе с «Черным цветом». Все они адресованы «Ю. И. П—у» — Юрию Игнатьевичу Познанскому, земляку и, по-видимому, сослуживцу Гвоздева (он упоминает, что их судьба свела «в стране Аракса дикой, знойной» и соединила общая тоска по «родине бесценной»). Познанский был в 1820-е гг. довольно известным поэтом и переводчиком, одним из первых пропагандистов поэзии А. Мицкевича, которого знал лично; как и Гвоздев, он некоторое время служил в Могилеве.¹⁰ Одно из посланий Гвоздева («Я видел славных дев Востока»)¹¹ написано в 1828 г. в Шуше, — там же, где и стихотворение «Фанни», подписанное «1....3...». В стихах, адресованных Ю. И. Познанскому, есть сквозные темы, — те же самые, что и в «Ответе С. Г. Хомутову», — вплоть до текстуальных переключек: та же тоска по родине, те же упоминания об изгнании в южную страну, где поэту суждено окончить свои дни «в шат-

⁹ Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. № 39. 14 мая. С. 310—311.

¹⁰ См. о Ю. И. Познанском: *Баскаков В. Н.* Забытый переводчик Мицкевича // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 33—46 (здесь же упоминания о посвящениях ему Гвоздева).

¹¹ Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. № 18. 2 марта. С. 144.

ре кочующей орды».¹² Из этих перетекающих из стихотворения в стихотворение тем едва ли не центральной является тема любви к некоей «красавице»-невесте, разлученной со своим женихом:

Еще обманчивой надежде
Мне сладко верить, что, как прежде,
У ней другого друга нет,
Что носит цвет она печальный
И ждет возврата моего...¹³

Здесь — прямое продолжение темы «Черного цвета». По временам она сменяется пессимистическим предчувствием:

Моя не сбудется мечта:
Моей красавица не будет —
Меня забыла иль забудет...¹⁴

Это послание имеет помету: «Тифлис: 1828».

Пути автора «Черного цвета» и будущего его переводчика сблизилась до предела — хотя и не пересеклись, ибо в 1828 г. А. Чавчавадзе в Тифлисе не было. Однако можно думать, что в столице Грузии остался некий след поэзии Гвоздева, а может быть и след его личности, и что это обстоятельство сыграло роль, когда А. Чавчавадзе остановил свой выбор на «Черном цвете».

Мы можем лишь гипотетически реконструировать творческую историю этого стихотворения, но несомненно, что вторая его часть, известная по поздней публикации, есть вариация отмеченных нами мотивов, кристаллизовавшихся в стихах конца 1827—1828 гг.:

И пусть вдруг милый друг
Позабудет меня,
Черный цвет, мрачный цвет
Все любить буду я.
У меня мысль одна —
Черный цвет и она;
С ней навек я солью
Мрачну душу свою,
Расставаясь с землей,
Облекусь в черный цвет.
А пока в очах свет, —
Я влюблен в черный цвет.¹⁵

Теперь становится понятным, почему произошла смена лирического героя и адресата, — она предопределена сомнениями и предчувствиями самого автора послания, который потерял уверенность, что «красавица» не сможет «разлюбить» «цвет» своего друга. Теперь он может говорить только от своего имени.

Эти сомнения («Меня забыла иль забудет») и составляют эмоциональное содержание второй части, в которой звучит, кроме них, предощущение скорой гибели.

Все эти мотивы второй редакции, возможно также созданной именно в Тифлисе в 1828 г., совершенно точно переданы в переводе А. Чавчавадзе.

Гвоздев не ошибся в своем мрачном ожидании. К строке его послания «В стране Аракса дикой, знойной»:

«Вот мой удел: мой близок час! —

¹² Гвоздев А. Ю. И. П.—у // Там же. № 54. 6 июля. С. 431.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. № 20. 9 марта. С. 159.

¹⁵ Цит. по: Чистова И. С. О кавказском окружении Лермонтова (по материалам альбома А. А. Капнист). С. 205.

Познанский сделал примечание: „Это последнее стихотворение А. И. Гвоздева и последняя о нем весть из-за Кавказа. Он верно предрек свою участь. Ю. П.—ский”». ¹⁶

Поэт погиб, видимо, где-то в районе «замка Ахсуглан», как значится в помете под его стихотворением.

* * *

Мы можем теперь выйти за пределы тех данных, которые сообщили нам стихи Гвоздева, помета при них и примечание Познанского. Но прежде нужно исправить опечатку, которая может повести рассуждение по ложному пути. Инициалы Гвоздева не «А. И.», а «А. Н.», как значится и в упоминавшихся нами цензурных материалах.

Теперь у нас есть основания отождествить его с подполковником квартирмейстерской части при штабе 1-й армии Александром Николаевичем Гвоздевым, имя которого называлось на процессе декабристов. П. П. Титов, адъютант главнокомандующего 1-й армией и член Северного общества, показывал, что в ноябре 1825 г. он принимал Гвоздева в свою полууправу. О нем в 1826 г. спрашивали Рылеева, но Рылеев о Гвоздеве ничего не знал. ¹⁷ Имя его попало в «Алфавит декабристов», но лишь в последнем издании «Алфавита» мы находим его связную биографию, составленную по материалам следственного дела. ¹⁸

Гвоздев родился в 1794 г., участвовал в Отечественной войне и за отличие в сражении произведен в 1813 г. в прапорщики. При Дрездене и Кульме он отличился снова, получил чин поручика и ордена Владимира 4-й степени с бантом и Анны 2-й и 4-й степеней. С марта 1819 г. он служил в Литовско-Виленской губернии.

Все это вполне соответствует датам и пометам под стихами. В 1825—1826 гг. Гвоздев еще в Могилеве, но с июля 1826 г. — под секретным надзором. Гроза над его головой разразилась в конце года: его арестуют за сокрытие своей принадлежности к тайному обществу и 6 ноября предадут военному суду. Как сообщал еще Е. Г. Вейденбаум, он был выдержан четыре месяца в Бобруйской крепости, а после освобождения в мае 1827 г. переведен на Кавказ в 42-й егерский полк. В Бобруйске вместе с ним отбывали шестимесячное заключение И. Г. Бурцов, которого затем отправили в Тифлисский пехотный полк; в 42-м же полку вместе с Гвоздевым служили и другие «прикосновенные»: А. М. Миклашевский, Д. А. Искрицкий; как и Гвоздев, они состояли под строгим секретным надзором. ¹⁹

Отсюда и мотивы изгнанничества, ностальгии, предчувствия смерти в стихах 1827—1828 гг.; отсюда и мотив насильственной разлуки, лежащий в поэтическом подтексте «Черного цвета».

Все это этапы единой, внешней и внутренней, биографии, оборвавшейся в 1828 г., к которому относятся все последние стихи поэта А. Н. Гвоздева; эту же дату называют в качестве года гибели ссыльного полковника квартирмейстерской службы. Он был исключен из списков умершим приказом от 16 декабря 1828 г.

Ю. И. Познанский откликнулся на его смерть стихотворением «А. Н. Гвоздеву»; он упомянул и о «неумолимом гневном роке», сразившем его друга

¹⁶ Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1832. № 54. 6 июля. С. 431.

¹⁷ См.: Восстание декабристов. Л., 1926. Т. 8. С. 62, 303; *Снытко Т. Г.* Рылеев на следствии // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. С. 186.

¹⁸ См.: Декабристы: Биографический справочник / Изд. подгот. С. В. Мироненко; Под ред. акад. М. В. Нечкиной. М., 1988. С. 50—51. Ср.: Движение декабристов: Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР / Сост. Л. П. Петровский. М., 1975. Вып. 1: А—Г. С. 211.

¹⁹ См.: *Вейденбаум Е.* Декабристы на Кавказе // Рус. старина. 1903. № 6. С. 497—498; ср.: *Шадури В.* Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958. С. 137—138, 152, 158—159, 233.

«во цвете лет», и о поэтическом предвещании Гвоздева, сложившего голову «в степях кочующей орды»; расхожий элегический мотив забытой могилы приобрел в его стихах биографическую конкретность:

Напрасно друг тебя зовет —
Он и могилы не найдет,
Где ты лежишь, — и не прольет
Слез утешительных над ней...²⁰

Итак, последний, драматический акт этой биографии разыгрывался там, где пролегал жизненный и служебный путь грузинского военачальника и поэта, принимавшего в своем доме осужденных по делу 14 декабря, сражавшегося рядом с ними во время русско-персидской войны и следившего за их судьбой и литературной работой.

Дошли ли до А. Чавчавадзе какие-то известия об авторе «Черного цвета» или выбор им этого стихотворения для перевода был более или менее случайным, продиктованным своими, внутренними причинами? Мы не знаем этого, — и в нашем распоряжении есть только один — или еще один — факт тяготения грузинского поэта к интимной лирике, вышедшей из декабристской или околодекабристской среды.

«Я не скажу тебе „люблю”»

Если история «Черного цвета», только что прошедшая перед нами, дает основания для гипотез мировоззренческого и биографического порядка, то второй романс, переведенный А. Чавчавадзе и начинающийся строкой «Я не скажу тебе „люблю”», не ставит перед исследователем таких проблем. Тем не менее и здесь остаются неясные вопросы, ответить на которые необходимо хотя бы в комментаторских целях.

Интересующее нас сейчас стихотворение в свое время считалось оригинальным и в качестве произведения А. Чавчавадзе было включено в собрание его сочинений 1940 г. Позднее был установлен его русский источник. Это был тот самый текст, который известен нам сейчас в альбомной записи Ю. П. Лермонтова (отца поэта).²¹ Запись была сделана Ю. П. Лермонтовым в селе Кротоново 26 августа 1816 г. в альбоме его сестры, тетушки М. Ю. Лермонтова, Е. П. Лермонтовой, в замужестве Свинойной. По-видимому, около этого времени мать поэта, М. М. Лермонтова, вписывает французский текст этого стихотворения в альбом своей двоюродной сестры М. А. Хастатовой-Шан-Гирей.²²

Первые владельцы альбома считали этот романс произведением самого Ю. П. Лермонтова.²³ Такая точка зрения существовала и в литературе о Лермонтове.²⁴ Она сказалась и на исследованиях, посвященных А. Чавчавадзе; возникло даже предположение, что грузинскому поэту стали каким-то образом известны неизвестные сочинения, вышедшие из семьи Лермонтова. Гипотеза эта в научной литературе, впрочем, поддержки не получила;²⁵ большинство исследователей считает, что А. Чавчавадзе перевел один из распространенных в 1810-е гг. романсов.

Предположение это, конечно, правильно, — и мы сейчас можем назвать автора этого романса. Им был довольно известный в Петербурге и Москве Степан Дмитриевич Нечаев (1792—1860). Перу этого поэта принадлежали многочисленные элегии, послания, описательные стихо-

²⁰ Сын отечества и Северный архив. 1834. № 11. С. 137 (подпись: «Ю. П. Киев»).

²¹ См.: Мануйлов В. А. Семья и детские годы Лермонтова // Звезда. 1939. № 9. С. 113.

²² См.: Сандомирская В. Б. Альбом с рисунками Лермонтова: (Лермонтов и М. А. Шан-Гирей) // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. С. 137—138.

²³ См.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1953. Т. 2: М. Ю. Лермонтов. С. 170.

²⁴ См., например: Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов: Биография. М., 1945. С. 12—15.

²⁵ См. историю вопроса в издании: Богомолов И. С. Александр Чавчавадзе и русская культура. Тбилиси, 1964.

творения; он пробовал себя в жанрах «мыслей» и критических исторических этюдов. В начале своей деятельности он общался с преддекабристскими и декабристскими кругами, участвовал в «Полярной звезде», приятельствовал с А. А. Бестужевым и сочувствовал романтическому направлению, хотя отнюдь не безоговорочно. Его стихи, послужившие источником для А. Чавчавадзе, были напечатаны в первой майской книжке «Вестника Европы» за 1816 г.

Вот их журнальный текст, который лег в основу всех последующих альбомных списков:

НА СЛОВО «ЛЮБЛЮ»
(Сочинено в Липецке в 1815 году)

Я не скажу тебе *люблю*,
Всеобщей моде подражая;
Здесь часто говорят *люблю*,
Совсем о том не помышляя.

И слово ли одно *люблю*
В себе всю нежность заключает?
Нет! мало говорить *люблю*,
Коль сердце то ж не повторяет.

Кто чаще всех твердит *люблю*,
Тот редко и любить умеет;
Иной не вымолвит *люблю*, —
А чувством сильным пламенеет.

Так я — не говорю *люблю*,
Храня молчанье осторожно;
Но верно так тебя *люблю*,
Как только лишь любить возможно!²⁶

Стихи Нечаева, несомненно, переводные, — на это указывает французский их текст, записанный М. М. Лермонтовой.

Источник их пока остается неустановленным, но в данном случае нам он не столь уж важен; А. Чавчавадзе, конечно, отправлялся не от него, а от русского перевода, который к 1820-м гг. полностью вытеснил из обихода французский оригинал. Судя по дате в копии Ю. П. Лермонтова — 26 августа 1816 г., русская версия романса была замечена сразу же и получила распространение в списках. Ю. П. Лермонтов копировал со списка, — это ясно из сопоставления его записи с текстом журнала. Без имени стихи Нечаева попадают в альбомы, — они встречаются вплоть до 1830-х гг.; в это время они уже факт массовой альбомной лирики (см., например, их в альбоме, принадлежавшем неизвестной владелице, по-видимому вовсе не связанной с литературными кругами (ИРЛИ, Отд. пост., 9664), или в альбоме С. Г. и В. Г. Родзянок 1810—1820-х гг. (СПбГТБ, ф. 1000, оп. 4, № 129)). Однако память о них сохраняет и профессиональная литература; еще в 1824 г. Б. М. Федоров публикует свой романс, написанный «на голос: „Я не скажу тебе: «люблю», Всеобщей моде подражая”»:

Я не скажу вам, кто она,
Чтоб то вы сами оттадали:
Любезней многих здесь она;
Ее любезней не видали...²⁷

Любопытно, что этот «перепев» в свою очередь был замечен: еще в 1830-е гг. будущий знаменитый художник и полупрофессиональный поэт П. А. Федотов переписывает его в свою тетрадь.²⁸ Но Б. М. Федоров

²⁶ Вестн. Европы. 1816. № 9. С. 68.

²⁷ Федоров Б. Незнакомка: Романс // Новости литературы. 1824. Дек. С. 93—94.

²⁸ См.: Кузнецов Э. Федотовские полковые дни // Панорама искусств. М., 1987. [Вып.] 10. С. 74.

демонстративно ориентировался на образец — романс Нечаева, который оказывался своего рода жанровой моделью.

Подобно романсу «Черный цвет», о котором мы говорили выше, он словно концентрировал в себе репрезентативные черты целой традиции, но уже не романтического, а галантно-сентиментального ромansa (вплоть до ключевого слова «люблю»), еще в большей мере, чем в «Черном цвете», сближавшегося с восточным редифом. Интерес А. Чавчавадзе к этому романсу мог подогреваться его литературным воспитанием, — круг его чтения, как известно, включал и ярко выраженные образцы классицистской лирики, и сентиментальную литературу. Все это переплавлялось затем в горниле его собственного творчества, приобретало черты его индивидуальной поэтической манеры и вливалось в общий поток грузинской романтической поэзии.

Н. Н. СКАТОВ

«СПАСИТЕЛЬ ПУШКИН!..»

(ПУШКИН В ТВОРЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НЕКРАСОВА)

«Спаситель Пушкин!..» — восклицает в знаменитом некрасовском стихотворении спорящий с Гражданином Поэт. «Спаситель» — формула, в безусловной справедливости которой, впрочем, не сомневался и сам Некрасов. Явно и для него апелляция к Пушкину оказывалась в споре о назначении поэта доказательством абсолютным и всепобивающим, безусловным и окончательным, первым и последним.

Собственно, только так понимая Пушкина, и можно назвать его «спасителем», а Некрасов понимал Пушкина именно так. Во всяком случае ко времени создания стихотворения «Поэт и Гражданин» (1856). Правда, так было не всегда.

Когда в 1852 г. умер Гоголь, Некрасов написал что-то вроде поэтического некролога «Блажен незлобивый поэт», — стихи о Гоголе, но, может быть, еще больше — о себе и своей судьбе. Они и самоотчет, и программа — первые в ряду тех некрасовских стихов, которые, как и подобные пушкинские, лермонтовские, называют стихами о поэте и поэзии.

Недаром позднее эти стихи о Гоголе почти неизменно будут относиться к самому Некрасову:

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

Однако стихотворение это не об одном, а о двух поэтах: оно и о другом, «незлобивом» поэте:

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,

Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...¹

Но кто же этот другой, «незловивый» поэт? Уже довольно давно «подозрение пало» на Пушкина. Позднее в литературе высказывалось предположение, что под этим «незловивым» поэтом имеется в виду Жуковский,² которому, кстати сказать, жить оставалось тоже совсем немного: он переживет Гоголя на несколько месяцев и умрет весной того же 1852 г.

Но вряд ли кто в начале 1850-х гг. думал о Жуковском как о живом явлении современной литературы. Тем более никому бы не пришло в голову объявить его символом и знаменем целого направления. Менее всего Некрасову. Да он Жуковского, к которому почти за пятнадцать лет до этого ходил со своим первым сборником стихов и которому тогда подражал, просто забыл. Только через три года вспомнит, перечитает и напишет в письме от 30 июня—1 июля 1855 г. Тургеневу: «Перечел всего Жуковского — чудо-переводчик и ужасно беден как поэт. (...) Странно, как он — такой мастер переводить, не чувствовал слабости собственных своих произведений! Впрочем, вкус-то у него не совсем был ясен: сколько он и дряни перевел наряду с отличными вещами!» (Н, 14₁, 205).

Нет, не мог Некрасов, даже со всеми поправками и преувеличениями, писать о таком поэте: «В ком мало желчи...» (какая, хотя бы малая, желчь у Жуковского?), «Он прочно властвует толпой», «Ему сочувствие в толпе, / Как ропот волн, ласкает ухо» (какое могло быть сочувствие в толпе поэту, о котором Пушкин уже в 1824 г. писал брату в письме от 13 июня: «Славный был покойник!..» — XIII, 98).

Нет. Мог быть только один поэт, чьему «великому уму» к тому времени уже *дивились*, кто продолжал *прочно властвовать толпой*, кто действительно всегда был *чужд сомнения в себе*, к тому же поэт, равновеликий Гоголю и даже больший, чем Гоголь, а в стихотворении, конечно же, заложена идея такой равновеликости — иначе о чем и говорить. Ну не о равновеликости же Жуковского с Гоголем мог тогда думать Некрасов. Да, в России мог быть только один такой поэт — Пушкин!

Нет, конечно, в стихотворении Некрасова не буквальный образ Пушкина, как, кстати, и не буквальный образ Гоголя. Но все же наиболее вероятно, что за одним типом поэта стоит Гоголь, а за другим — Пушкин. Именно такому восприятию Пушкина Некрасовым должны были способствовать и уроки Белинского, который с конца 1830-х гг. и до собственного конца истолковывал позднего Пушкина в примирительном духе, и общение с Боткиным и Дружининым — «друзьями спокойного искусства» — действительными знатоками и ценителями Пушкина, и вся атмосфера подготовки к печати пушкинского издания и пушкинских материалов, осуществлявшейся еще одним «другом спокойного искусства» — Анненковым. Именно тогда Некрасов знакомился с некоторыми произведениями пушкинской Музы, одно из которых породило полемику — некрасовскую «Музу» (1852):

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. I. С. 97—98. В дальнейшем ссылки на произведения Некрасова даются по этому изданию с указанием обозначения «Н», тома и страницы в тексте статьи.

² См.: Гин М. Незловивый поэт и поэт-сатирик // Гин М. От факта к образу и сюжету. М., 1971. С. 173—180.

Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

(Н, I, 99)

Предмет полемики — стихотворение Пушкина 1822 г. «Наперсница волшебной старины» с такими, в частности, стихами:

Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заморозила.

(II, 242)

Образы пушкинского стихотворения Некрасовым привлечены и сразу же отвергнуты: «Ты, детскую качая колыбель» — у Пушкина, «Играла бешено моею колыбелью» — у Некрасова; «И меж пелен оставила свирель» — у Пушкина, «В пеленках у меня свирели не забыла» — у Некрасова. В последнем случае уже само слово «пеленки» на фоне пушкинских «пелен» прозвучало как дерзкий вызов.

Да и хронологически некрасовская «Муза», в сущности, есть продолжение стихов «Блажен незлобивый поэт»: «антипушкинская» «Муза» написана вскоре, почти вслед «прогоголевским» стихам «Блажен незлобивый поэт». И это, конечно, еще один аргумент в пользу Пушкина, как «незлобиво» тогда для Некрасова поэта.

Некрасов достаточно деликатен, и непосредственного вызова Пушкину здесь нет. Это полемика не — прямо — поэтов, но — косвенно — Муз. И даже здесь она носит скрытый характер, так как в 1854 г., когда в первом номере «Современника» появилась некрасовская «Муза», стихотворение Пушкина «Наперсница волшебной старины» еще не было напечатано.

Тем не менее в стихотворении Некрасова образ Музы явно полемичен по отношению к гармоническому образу Музы, девы-любвицы в пушкинском стихотворении. Некрасовская Муза совсем новая и необычная. И дело не только в том, что «Неразделимые и Муза и Любовь» разделились. Декларированный образ некрасовской Музы сложен и совсем не исчерпывается образом Музы — мятежницы и мстительницы, как это часто понимается сейчас и как воспринималось тогда: на рисунке той поры, сделанном знаменитым М. О. Микешиним, эта Муза напоминает Свободу на баррикадах у Э. Делакруа. Ведь это и образ Музы «Всечасно жаждущей, униженно просящей, / Которой золото — единственный кумир...». Это Муза, в стоне которой услышалось все «в смешении безумном»:

Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.

(Н, I, 100)

Некрасов поведал сам, смятенно вглядываясь в «смешение безумное», о «непонятности» своей Музы:

Так вечно плачущей и непонятной девы
Лелеяли мой слух суровые напевы...

(Там же)

По поводу «Музы» Тургенев 18, 23 ноября (30 ноября, 5 декабря) 1852 г. написал: «...скажу тебе, Некрасов, что твои стихи хороши — хотя не встре-

чается в них того энергического и горького взрыва, которого невольно от тебя ожидаешь...».³

Такого «взрыва» в стихах Некрасова действительно нет. При всем громком словесном пафосе стихотворение имеет довольно вялый финал с уходящим в песок многоточием:

Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила...

(Там же)

Интересно, что полемизирует с Пушкиным Некрасов пушкинским же стихом; недаром чуткий Тургенев, возможно еще не знавший, что «Муза» Некрасова обязана своим происхождением пушкинскому стихотворению, отметил сразу же: «...первые 12 стихов (...) напоминают пушкинскую фактуру».⁴ «Взрыва» нет, потому что нет таких итогов и разрешений, которые появятся в творческом развитии Некрасова позднее.

Следует сказать, что оба этих стихотворения Некрасова, и особенно «Блажен незлобивый поэт», есть еще увертюра к тому грандиозному журнальному действу, которое вскоре разыграется в связи со спорами о «гоголевском» и «пушкинском» направлении.

Чернышевский напишет «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855—1856). Ему ответит Дружинин в своих статьях «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856). Борьба «гоголевского» и «пушкинского» направлений, вернее, того, что будут вкладывать в эти понятия разные участники борьбы, надолго займет журнальные и книжные умы и сердца.

Но ведь в 1852 г. «Очерки гоголевского периода русской литературы» еще не написаны. Да пока никто и не знает никакого Чернышевского. А Дружинина хотя и знают, однако и в помине нет его примечательных статей о Пушкине.

Так что Некрасов с удивительным эстетическим и общественным чутьем первый и — тогда — единственный уже расставил фигуры, определил, возможно не во всем вполне отдавая себе отчет, позиции, и, по сути, предугадал все дальнейшее развитие партии. Но в этом развитии партии его собственная позиция оказалась совсем не такой, какой она вроде бы определилась к началу 1850-х гг.

В середине 1850-х гг. Пушкин вновь оказался в центре внимания — и не только в связи с начавшимся обсуждением вопроса о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в развитии литературы, но, так сказать, сам по себе. Тем более что в 1855 г. вышло новое собрание сочинений Пушкина, подготовленное П. В. Анненковым, а также его материалы к биографии поэта. Значение Пушкина, исторически обусловленное и в исторические рамки заключенное, все более начинало открываться в своей безусловности и абсолютности. Недаром издание Анненкова вызвало громадный интерес и многочисленные журнальные отклики. Откликнулись и чуткий на все значимое Чернышевский, и Дружинин. И получилось, что, во многом выиграв у Дружинина по «делу» о «пушкинском» направлении в современном литературном развитии, Чернышевский проиграл Дружинину по «делу» о самом Пушкине.

Статьи Чернышевского о Пушкине написаны с прямой учительной целью — учиться, учиться и учиться у Пушкина: гуманизму, началам красоты и добра, наконец, самому умению учиться, в частности особому

³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987. Т. 2. С. 168.

⁴ Там же.

отношению к книге: «Страсть к чтению сохранилась у Пушкина до конца жизни. Редко можно встретить человека, который бы прочел так много книг, как он. Потому и неудивительно, что он был одним из образованнейших людей своего времени...».⁵

Но, очевидно, по Чернышевскому, только «своего времени»: «В произведениях Пушкина мы находим доказательства того, что он был человек с большою начитанностью, но если бы он вместе с этою начитанностью обладал большею основательностью в своих понятиях о многих важных вопросах человеческой жизни, то, без сомнения, достоинство его творений было бы еще выше».⁶

При всем том статьи Чернышевского о Пушкине отличает прежде всего не отсутствие историзма, в чем их иной раз упрекают, видя и в этом проявление просветительства.

Прошлые заслуги Пушкина в истории русской литературы и — шире — русского сознания Чернышевский понимал и высоко ценил. Может быть, даже выше, чем это сделал Белинский, и гораздо выше, чем это вскоре сделает Добролюбов. Но, отдавая дань историческому значению Пушкина, Чернышевский, по сути, оставляет в стороне «вечное», «абсолютное», непреходящее его значение. И опять-таки еще резче это проявится у Добролюбова: «Как поэт известного времени и народа, он должен был принадлежать своему времени, своему народу, он не был из числа тех титанических натур, которые, сознав свое разумное превосходство, становятся над толпою...».⁷

Как бы выпавший из времени Дружинин здесь-то оказался гораздо подготовленнее, чтобы оценить то, что стало все более осознаваться многими, — вневременное значение Пушкина: «По некоторым качествам повествователя, как-то: по способности замысла, по обилию поэтического чутья, облагораживающего каждый предмет, взятый истинным повествователем, — Александр Сергеевич не имел поэтов себе равных между величайшими поэтами нашего столетия. (...) Мы скажем с полной уверенностью, что по сочинению своих повествовательных вещей Пушкин превосходил и Байрона, и Мура, и Ламартина, и Крабба, и Вордсворта, и Кольриджа, и Гейне»;⁸ «Кроме Гете и Мильтона с Шекспиром, мы не знаем поэтов, которых белый стих мог бы идти рядом с бесподобным стихом, которым мы не можем достаточно надивиться, читая „Русалку“ Пушкина»;⁹ «Под „Медным всадником“ и одновременными с ним произведениями — величайший поэт всех времен и народов, без стыда, может поставить свое имя».¹⁰

Дружинин не случайно обращался к Пушкину для защиты принципов «вечного» искусства: пушкинская поэзия колоссальных, далеко выходящих за пределы своего времени масштабов действительно могла быть неотразимым примером такого искусства. Дружининские статьи стали одной из первых развернутых оценок Пушкина как явления громадного, «мирового масштаба».

Некрасов, не колеблясь, принял позицию Дружинина и сразу после появления этих статей написал автору 6 августа 1855 г.: «Я ужасно жалел, что эти статьи не попали в „Современник“, — они могли бы быть в нем и при статьях Чернышевского, которые перед ними, правда, сильно бы потускнели» (Н, 14₁, 209). Но это в частном письме. А вот и печатно — в «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года»: «В „Библиотеке для чтения“ мы считаем также долгом указать на помещенные недавно три статьи под названием „А. С. Пушкин и последнее издание его сочине-

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 327.

⁶ Там же.

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 297—298.

⁸ Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 84.

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ Там же. С. 92.

ний”, чтоб иной читатель не пренебрег их прочтением. Вот статьи, каких мы желали бы как можно более, вот какова должна бы быть русская критика! „Умно, благородно, верно, светло и горячо!” Это не покажется удивительным, если мы скажем, что автор статей — один из даровитых русских писателей, г. Дружинин; но и у этого писателя немного найдется произведений, которые удались бы так цельно, от которых веяло бы такой прекрасной любовью к родному слову, к искусству!» (Н, 11₂, 146—147).

Все это понятно, так как в отличие от Чернышевского у Некрасова с Дружининым общее понимание природы художественных талантов. «Дарования, — писал Некрасов Боткину 16 сентября 1855 г., — всегда разделялись и будут разделяться на два рода: одни колоссы, рисующие человека так, что рисунок делается понятен и удивителен каждому без отношения к месту и времени (таковы Шекспир, пожалуй, отчасти наш Пушкин и т(ому) под(обные)), другие: которые не могут иначе понять и изображать человека, как в данной обстановке и т. д. ...» (Н, 14₁, 223).

Это понятно и еще по одному обстоятельству. Середина и вторая половина 1850-х гг. для Некрасова время творческого самоопределения. Без Пушкина невозможно представить ни умственных осмыслений, ни теоретических и исторических осознаний, ни насущнейших собственных творческих поисков Некрасова. Сам он все более становится общенациональным поэтом, осваивающим Россию в ее целом. Отсюда яростная защита Некрасовым-критиком поэта Пушкина от критика Кс. Полевого в «Заметках о журналах за ноябрь месяц 1855 года»: «Мы первые знаем, что Пушкин не нуждается в защите, и пишем эти строки только для успокоения нашего личного негодования... да еще, может быть, с благодарностью прочтут нас люди очень молодые, но успевшие уже полюбить литературу и в ней Пушкина» (Н, 11₂, 214).

Очень характерны здесь слова о «личном» негодовании, о «личном» отношении. Отсюда — и на первый взгляд неожиданно для Некрасова — призыв, конечно вроде бы всегда своевременный, но могущий показаться в этот момент не таким уж современным и до того именно Некрасовым так не провозглашавшийся: учиться у Пушкина: «...поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину, и если Бог дал вам талант, *идите по следам Пушкина*» (Там же).

Вся вторая половина 1850-х гг. в большой мере проходит для Некрасова под знаком Пушкина. Пушкин задает истинные масштабы, определяет критерии, выстраивает иерархию — первое условие творческого восприятия мира. Некрасов действительно идет «*по следам Пушкина*».

Когда в 1856 г. появилась первая поэтическая книга Некрасова (не считая, естественно, юношеского сборника «Мечты и звуки»), она открылась стихотворением «Поэт и Гражданин». Автор едва успел с его завершением, — присоединенное к уже набранному сборнику, оно набиралось другим шрифтом. Но случайная издательская накладка сработала исторически, была воспринята как глубокий замысел и на самом деле неожиданно и дополнительно подчеркнула значение «Поэта и Гражданина» как творческой декларации. Однако стихотворение далеко не однозначно, если обратиться к нему во всех его слагаемых, а не к тем или иным отдельным фразам. Вряд ли случайно стихотворение развилось из другого стихотворения «Русскому писателю» (1855), которое действительно носило характер прямой декларации.

Новое же произведение из монолога стало диалогом, из проповеди — исповедью. Каждый его тезис рождает антитезис: противоречия, так сказать, внутри Поэта, но и противоречия внутри Гражданина, наконец, противоречия между Поэтом и Гражданином.

«Во всем этом водовороте, — отметил Дружинин в статье о Некрасове, не только тогда не опубликованной, но и не законченной, — сильных стихов, поэтических отрывков, непонятных намеков и весьма старых

умствований есть некоторая прелесть, но нет мысли практической и отчетливой. Вообще во многих стихотворениях Некрасова под железным стихом скрыта шаткость поэтического взгляда и недоверие к своему призванию — недостатки эти в „Поэте и Гражданине” сильнее, чем где-либо». ¹¹

А единственный безусловный авторитет, непререкаемое абсолютное начало, утверждающееся в этих стихах, — Пушкин.

Вот почему когда Поэт восклицает: «Спаситель Пушкин!» — то это вопль самого Некрасова, действительно спасавшегося в эту пору Пушкиным. И от упреков и призывов Гражданина он тоже спасается стихами Пушкина:

Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.

(III, 142)

Теми стихами, которые в обстановке конце 1850-х—начала 1860-х гг. рассматривались как одиозные и часто привлекались в защиту принципа искусства для искусства его сторонниками или служили — уже для деятелей радикального лагеря — предметом нападок на самого Пушкина как на сторонника искусства для искусства. Но самое замечательное, что истинность этих слов Пушкина признает не только Поэт, но и Гражданин. Иначе говоря, Пушкин абсолютно прав и в этих словах, так же как и в восславлении свободы («вслед Радищеву», по известной его черновой записи, — III, 1034), прав безусловно, в каждой строке и навсегда. И возражения Гражданина, и самовозражения Поэта — героя стихотворения, а за ним и его автора — это не опровержение неопровергаемого Пушкина. Это лишь опровержение поэта, который — «не Пушкин». Но и «не Пушкин» стремительно пошел именно по следам Пушкина.

В том же 1856 г. Некрасов уезжает за границу и, глядя, так сказать, внешним оком на Европу, внутренне продолжает жить русской жизнью. И не только журнально-издательскими ее событиями, но прежде всего писательски. Некрасов и в Италии, по его словам, «писал о русских ссыльных»: такой его своеобразной «итальянской поэмой» стала поэма о русской Сибири. Поэма, особенно во второй, в известной мере главной части, романтична. И в этом смысле она действительно «итальянская». Возможно, именно отрыв от реальной отечественной действительности помогал писать и закончить на идеальной итальянской почве эту русскую романтическую поэму.

«Идеальные» же вершины Италии помогли Некрасову как никогда высоко подняться на русскую «идеальную» вершину — к Пушкину.

Грубо говоря, в поэме «Несчастные» (1856) «новое» содержание, пестрое и разнообразное, «низкое» (особенно во второй, «каторжной» части) облеклось в «старую» форму пушкинской романтической поэмы. Поэма эта и началась-то еще в России как стихотворение «Совет. (Подражание Пушкину)» (1855). И антипушкинское содержание с почти прямой полемикой (картины Петербурга в первой части, например) также реализовалось в поэме Некрасова в пушкинской форме:

О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых,
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Пленный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвье полночи безлунной,

¹¹ Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. С. 279.

В движенье гордой суеты!

(.)

Все так. Но если ненароком
В твои пределы загляну,
Купаясь в омуте глубокою,
Переживая старину,
Душа болит. Не в залах бальных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но редкий солнца луч... о нет!
Твой день больной, твой вечер мгlistый,
Туманный, медленный рассвет
Воображенье мне рисует.

(Н, IV, 31—32)

Некрасов работал самозабвенно: «24 дни, — сообщает он Тургеневу в письме от 25 ноября 1856 г., — ни о чем не думал я, кроме того, что писал. Это случилось в первый раз в моей жизни — обыкновенно мне не приходилось и 24 часов остановиться на одной мысли. Что вышло — не знаю...» (Н, 14₂, 38).

Некрасов — великий поэт действительно проник в тайну другого великого поэта — Пушкина. И речь не о внешних приметах стихов: так после Пушкина писала почти вся русская поэзия. Некрасов писал, как Пушкин. Это действительно было чудо: «Это случилось в первый раз в моей жизни». Еще бы — в поэзии *побыть Пушкиным*. Некрасов это сумел. Недаром Тургенев с его безотказным, почти абсолютным музыкальным, поэтическим — во всяком случае на пушкинское начало — слухом иной раз проговаривался о некрасовских стихах этой поры: «пушкински хороши». А здесь — целая поэма! И «*пушкински хороша*». Но, строго говоря, это довольно двусмысленный комплимент *некрасовским* стихам. И недаром уже при восприятии собственно некрасовских стихов тургеневский слух иной раз сбивался, а потом и совсем сбился.

Смятенность Некрасова («Что вышло, не знаю...») понятна. «Вышла» хорошая, но не «своя» поэма.

Однако «спаситель Пушкин» спасал на пути и к *своей* поэме. Видимо, только отдавшись Пушкину, проникнувшись Пушкиным, ощутив пушкинское вдохновение и пушкинскую творческую свободу, можно было обрести свободу в своем собственном творчестве. И тем самым избавиться от самого Пушкина.

Как только появилась *своя* поэма, «спаситель Пушкин» уже оказался не нужен.

С начала 1860-х гг. с выходом к «почве» народной жизни на вершине собственного творчества при создании поэм «Коробейники» (1861) и «Мороз Красный нос» (1863) Некрасов к Пушкину больше не обращается. Но с конца 1860-х гг., когда в его поэзии явно проступают кризисные явления и по многим причинам как более общего, так и более личного характера идет поиск новых поэтических путей, вновь дает о себе знать необходимость самоопределения. После долгого перерыва появляются новые стихи о месте поэта, о его предназначении, о собственном творчестве («Элегия», 1874). И в этом, может быть, самом пушкинском стихотворении Некрасова, представляющем собой одно из наиболее принципиальных произведений в его позднем творчестве, снова возникает «спаситель Пушкин», помогая Некрасову ориентироваться, определяться и самоукрепляться.¹²

¹² См.: *Скатов Н.* Пушкинское стихотворение Некрасова («Элегия») // О Некрасове: Статьи и материалы. Ярославль, 1975. Вып. 4. С. 109—115.

Р. В. ИЕЗУИТОВА

А. Н. АПУХТИН И ПУШКИН

Трудно найти другого поэта XIX в., для которого Пушкин значил бы больше, нежели для Алексея Николаевича Апухтина. Его первый биограф М. И. Чайковский писал: «Главную роль в жизни Апухтина играл Пушкин. С детских лет, по собственному его выражению, он обожал и знал наизусть любимого поэта и до самой кончины неизменно оставался верен своему культу. Пушкин — поэт, драматург, романист и человек — был в одинаковой степени возвышенным идеалом всей его жизни. Он не только поклонялся ему как величайшему писателю, — он любил его, как любят живых людей, со всеми его недостатками».¹

Основы такого поистине трепетного, благоговейного отношения к Пушкину были заложены еще в семье, и более всего этим обязан он своей матери, Марии Андреевне Апухтиной (урожденной Желябужской). К сожалению, биографические сведения о М. А. Апухтиной весьма скудны: неизвестны ни дата ее рождения, ни обстоятельства ее жизни до замужества. Между тем документальные данные такого рода могли бы пролить свет на культурную среду, которая сформировала литературные вкусы и увлечения будущего поэта, ибо, по общему признанию всех близко знавших Апухтина, роль матери в формировании его духовного облика была исключительной. Потеряв ее в годы ранней юности, поэт пронес через всю свою жизнь благоговейное уважение к ее памяти. Посвященные ей стихи поэта окрашены горечью невозможной утраты.

Об отце поэта — Николае Федоровиче Апухтине — известно немногим более. Опираясь на документальные данные, выявленные нами в архиве Департамента герольдии,² попытаемся (хотя бы в самом общем виде) наметить вехи его жизненного пути. Прodelать подобную работу необходимо еще и потому, что Апухтина глубоко волновала судьба старинных дворянских родов, принадлежность к одному из которых ощущалась им не только в личном, но и в творческом плане (см., например, его стихотворение «Дилетант» (начало 1870-х гг.), продолжающее тему «Моей родословной» Пушкина). Н. Ф. Апухтин был потомком старинного дворянского, но разорившегося рода. Как следует из переписки А. В. Жиркевича (биографа поэта) и А. Н. Апухтина, в личной библиотеке Апухтина было многотомное издание труда Руммеля и Голубцова «Родословный сборник русских дворянских фамилий», в части 6 которого

¹ Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин: Биограф. очерк // Апухтин А. Н. Соч.: В 2 т. СПб., 1895. Т. 1. С. XVII.

² См.: Дело о дворянстве рода Апухтиных // РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 2448.

были записаны родовитые предки поэта как со стороны отца, так и со стороны матери.³

По годам почти сверстник Пушкина, отец Апухтина прошел жизненный путь, типичный для дворянина пушкинской эпохи. Согласно «Свидетельству», выданному Орловской духовной консисторией и Орловским дворянским депутатским собранием, «г. Апухтин в службу вступил в Екатеринославский кирасирский полк юнкером (1)821 мая 27, произведен корнетом (1)823 мая 25, поручиком (1)825 июня 18. Назначен гевальдигером во 2-ю (ныне 1-ю) Кирасирскую дивизию (1)829 апреля 23, штабс-ротмистром (1)830 октября 2, ротмистром (1)833 марта 30, а с 26 апреля 1835 г. состоял в 1-м резервном Кавалерийском корпусе, по Высочайшему приказу по домашним обстоятельствам уволен от службы с награждением чином майора и с мундиром».⁴ Данные «формулярного списка» Н. Ф. Апухтина не дают, разумеется, основания судить о содержательной стороне биографии отца поэта; существенно, однако, что начало его службы в армии совпало со временем тех глубоких внутренних брожений, которыми были ознаменованы преддекабрьские годы и которые не могли совершенно не коснуться молодого офицера. Едва ли он остался в стороне и от тех настроений, которые вызвали в военной среде декабрьские события.

Исходя из представления о характере матери поэта, мы вправе предположить в ее избраннике если не глубокое духовное родство с нею, то во всяком случае некоторую общность культурных интересов. Несомненно связанный с женитьбой выход Н. Ф. Апухтина в отставку в 1835 г. (еще в молодые лета) характеризует, на наш взгляд, его неудовлетворенность военной службой, а переход на службу гражданскую (уездным судьей в Болхове) объясняется не только необходимостью содержать семью, но и стремлением быть полезным отечеству на ином, мирном поприще. Отец будущего поэта небогат: он владлец 100 душ и 1100 десятин земли, о чем имеется соответствующий документ из личного дела А. Н. Апухтина (хранящегося в архиве Департамента юстиции). На запрос Министерства юстиции (от 9 января 1860 г.), направленный в Училище правоведения, которое окончил будущий поэт, он отвечает: «Имею честь уведомить канцелярию Департамента Министерства юстиции, что за отцом моим состоит в Калужской губернии, Ковельского уезда, имение в 100 душ крестьян и 1100 десятин земли. Титулярный советник А. Апухтин».⁵

В этом имении, расположенном на границе Калужской и Орловской губерний (вблизи уездного города Болхова) и носящем поэтическое название Павлодар, 16 ноября 1840 г. родился А. Н. Апухтин, здесь прошли его детские годы. Некоторые подробности, относящиеся к дате рождения будущего поэта, мы узнаем из «Свидетельства», выданного Орловской духовной консисторией отцу Апухтина: «По указу его Императорского величества дано сие свидетельство из Орловской духовной консистории Болховского уездного суда судье майору Николаю Федорову сыну Апухтину, по прошению его, о времени рождения и крещения сына его Алексея, на случай внесения его в дворянскую родословную книгу, а по возрасту для определения его в какое-либо казенное учебное заведение и потом в государственную службу, в том, что рождение и крещение онного Алексея в поданной города Болхова соборной Спасопреображенской церкви от священно- и церковнослужителей за 1840-й год метрической книге запискою значится так: Болховского уездного суда у судьи майора

³ Подробнее см.: Новые материалы об А. Н. Апухтине из архива А. В. Жиркевича / Публ. Н. Г. Подлесских-Жиркевич, примеч. С. В. Сапожкова и Н. Г. Подлесских-Жиркевич // Рус. лит. 1998. № 5. С. 154–155.

⁴ РГИА, ф. 1346, оп. 16, д. 2446.

⁵ РГИА, ф. 1405, оп. 57, д. 5263, л. 7. Не совсем ясно, идет ли в этом документе речь только об имении отца, или же А. Н. Апухтин имеет в виду имение (небогатое) и своей матери.

Николая Федорова Апухтина и законной его жены Марии Андреевой, кои оба православного исповедания, родился сын Алексей того тысяча восемьсот сорокового года ноября шестнадцатого, а крещен двадцатого числа; восприемники были Калужской губернии, Лифинского уезда, сельца Бутенева помещик штабс-ротмистр Андрей Алексеев Желябушский и болховского городничего майора Петра Барышникова жена Агриппина Алексеевна. Молитвовал и крестил протоиерей Петр Максимов с причетом своим». Документ датирован: «Апреля 22 дня 1843 г.».⁶

К 1843 г. Н. Ф. Апухтин уже отец двух детей.⁷ Желая обеспечить их будущее, Николай Федорович в том же 1843 г. обратился в Орловское депутатское собрание с просьбой о «сопричислении» к дворянскому роду Апухтиных двух его малолетних сыновей: «...г. Апухтин 23 апреля сего года вошел с прошением в Депутатское собрание с причислением к роду сыновей его Алексея и Николая и выдачи ему, просителю, грамоты о дворянстве, а сыновьям его копий с протокола, представив при том указ об отставке, о службе его, данный 15 сентября 1835 года за № 3184».⁸ Как явствует из «дела», все запрошенные документы были выданы просителю 28 июня 1843 г., а копии с них (по ним мы и публикуем все эти документы) были переданы в Департамент герольдии.

Столь подробное изложение вопроса о происхождении Апухтина (помимо необходимости поставить на твердую документальную основу изучение его биографии) оказывается далеко не бесполезным для понижения особенностей его мироощущения; во всяком случае, оно помогает многое уяснить в его духовном облике. Сознание своей принадлежности к древнему дворянскому роду — основа социального самочувствия Апухтина — было одной из главных причин его «фрондерства», безусловно сказавшегося и на его литературной позиции. Но это же сознание определяло и ту культурную атмосферу, в которой рос и формировался будущий поэт.

Критически оценивая свои детские стихотворные опыты, Апухтин писал: «Мне было девять лет, когда я написал первое стихотворение, которое теперь затеряно, но содержанием которого служила, сколько мне кажется, религиозная молитва. В других стихотворениях, написанных дома (т. е. до поступления в училище. — *Р. И.*), я воспевал то гения, то луну, то добродетель. Из этих заглавий уже видно, что я не обращал никакого внимания на собственные впечатления, а повторял с чужого голоса старые, избитые мысли». Первые «собственные впечатления» относятся к началу учебы Апухтина в Училище правоведения: «Целый год я не мог привыкнуть к новой жизни, в которую судьба меня забросила, и потому все написанное мною в это время носит отпечаток грусти, жестокой, безотрадной тоски».⁹ К числу подобных «впечатлений», повлиявших на юного Апухтина, принадлежат и впечатления от самостоятельно прочитанных на школьной скамье поэтических произведений,

⁶ РГИА, ф. 1346, оп. 16, д. 2446, л. 43—43 об.

⁷ В документах Орловского депутатского собрания имеется копия с метрических свідетельств о рождении сыновей Н. Ф. Апухтина: «...у майора Николая Федоровича Апухтина и законной жены его Марии Андреевны родились дети: Алексей 1840 г(ода) ноября 16 и Николай 1842 года ноября 2 числа» (Там же, л. 44 об.).

⁸ РГИА, ф. 1346, оп. 16, д. 2446, л. 44. Публикуемые официальные документы характеризуют Н. Ф. Апухтина как заботливого отца. О судьбе трех братьев поэта — Николая (1842—1878), Афиногена (1849—1908) и Владимира (1851—1927) — см.: Новые материалы об А. Н. Апухтине из архива А. В. Жиркевича // Рус. лит. 1998. № 4. С. 157, 154—160; № 5. С. 135—136. Из публикуемой переписки А. В. Жиркевича с В. Н. Апухтиным известно, что братья (особенно Афиноген), сыгравшие неблаговидную роль в последние месяцы жизни поэта, после его кончины продали на аукционе его личные вещи и библиотеку.

⁹ Из письма А. Н. Апухтина к П. А. Валуеву от 14 февраля 1856 г. (цит. по: *Апухтин А. Н.* Стихотворения. Л., 1961. С. 366 (публикация в комментариях Р. А. Щаевой)). Р. А. Щаевой была проделана большая исследовательская работа по собиранию и осмыслению творческого наследия Апухтина (см. список его стихотворений (в том числе и самых ранних, и неопубликованных) в указанном выше издании на с. 385—391).

ибо страстно влюбленная в русскую поэзию М. А. Апухтина привила любовь к ней и своему сыну.

Написанные в Петербурге во время учебы стихи обнаруживают те высокие образцы, на которые равнялся юный автор. Это Жуковский («Цветок»), Лермонтов («Подражание арабскому», «Облака»), увлечение которыми не выходит, однако, за рамки ученичества, но прежде всего Пушкин, восприятие которого характеризуется стремлением проникнуть в самую сущность пушкинских представлений о назначении поэзии.¹⁰ В стихотворениях Апухтина 1854 г. «Поэт» и «Два поэта» немало прямых реминисценций из пушкинского «Пророка», из поэтических манифестов «Поэт», «Поэт и толпа», «В часы забав иль праздной скуки», «Эхо», но главным в «программных» выступлениях юного автора является утверждение высокой самооценности поэзии, ее независимости от мнений и нужд «толпы», стремящейся поставить поэзию на службу своим сиюминутным, мелочным интересам. При очевидной несамостоятельности заявленных юным Апухтиным деклараций, в них выразились представления о назначении поэзии как высокого искусства, которым он не изменял в течение всей жизни.

В день своего рождения, 15 ноября 1857 г., юный автор устами посетившей его «божественной Музы» выразил свое понимание сущности поэзии как следование завету Пушкина: «Веленью Божию, о муза, будь послушна»:

«Я в голос твой пролью живые звуки рая,
И пусть не слушают его,
Но с ним твоя печаль, как пыль, исчезнет злая
От дуновенья моего!
Но в час, когда томим ты мыслью беспокойной,
Меня, посланницу любви,
Для желчных выходов, для злобы недостойной
И не тревожь, и не зови.»
(«Сегодня мне исполнилось семнадцать лет»)¹¹

Годы учебы в Училище правоведения (1852—1859) лишь укрепляют приверженность Апухтина к пушкинскому направлению в поэзии. Этому в немалой степени способствовала и репутация «будущего Пушкина», с которой юный Апухтин поступил в училище и которая неизменно сохранялась во время его учебы.

Честолюбивый директор училища А. П. Языков, мечтая о славе Царскосельского лицея, воспитавшего Пушкина, всячески покровительствовал юному правоведу и даже способствовал появлению в печати первых его стихотворений. Так, при его содействии в газете «Русский инвалид» (1854. № 240) появилось стихотворение «Эпаминонд», которым юный поэт отозвался на героическую гибель адмирала Корнилова, смертельно раненного при обороне Севастополя. Публикация сопровождалась пояснением, что автор стихотворения является «воспитанником Училища правоведения 5 класса и что ему всего 14 лет». Аналогия с Пушкиным напрашивалась сама собою. Пушкин, по собственному признанию, начал писать «с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени» (XI, 157). Что же касается Апухтина, то в его дальнейшей судьбе первое выступление в печати сыграло особую роль. В письме к П. А. Валуеву он так охарактеризовал свои первые шаги на литературном поприще: «Война дала новую пищу перу моему, и стихотворения, посвященные

¹⁰ Подробнее о значении пушкинской традиции для формирования Апухтина см.: *Иезуитова Р. В.* 1) Последний романтик // Апухтин А. Н. Песни моей отчизны. Тула, 1985. С. 318—320; 2) «Звезда разрозненной плеяды» // Рус. речь. 1990. № 6. С. 10—14.

¹¹ *Апухтин А. Н.* Соч. М., 1985. С. 56. В дальнейшем ссылки на произведения Апухтина даются по этому (наиболее полному) изданию с указанием обозначения «А» и страницы в тексте статьи.

прославлению успехов русского оружия, обратили на меня внимание начальства Училища».¹² Несомненно подражая Пушкину, ярко и масштабно отразившему в своей лицейской лирике события Отечественной войны 1812 г., юный автор попытался осмыслить современную ему Крымскую войну в таких стихотворениях на военную тему, как «Молитва русских», «Чудеса», «Мысли в домике Петра Великого» и др. Однако «вторым Пушкиным» в этих достаточно слабых, верноподданнических, хотя и исполненных искреннего патриотического пафоса, стихах он не стал. Несмотря на весь героизм солдат и офицеров русской армии, Крымская война не обернулась для России великой славой, а стала подлинной национальной драмой, трагическим финалом николаевского царствования.

Литературный дебют Апухтина тем не менее оказался удачным. Он был замечен читателями, а попечитель училища принц П. Г. Ольденбургский, по инициативе которого оно и было открыто в 1835 г., заметил и одобрил талантливого юношу. В своем письме Алексею Апухтину он писал: «Душевно благодарю тебя, любезный Апухтин, за прекрасные стихи твои на смерть Корнилова. Продолжай по-прежнему вести себя хорошо, учиться прилежно и усовершенствовать твой талант, и ты будешь утешением твоих родных и всех тех, которые тебя любят».¹³

Среди тех, кто поддержал юного поэта в самом начале творческого пути, — не только его «начальство», но и самые знаменитые в те годы писатели, перед которыми Апухтин благоговел и с которыми мечтал познакомиться. Знакомства в литературной среде начались с И. С. Тургенева. По свидетельству А. В. Жиркевича, Апухтин пришел к Тургеневу «с восторженной похвалой о „Детстве” Л. Толстого». Далее события развернулись следующим образом: «Как-то Апухтин получил письмо от Тургенева, который приглашал его к себе на обед, говоря, что „идол” его, А(пухтина), Толстой у него обедает. Толстой тогда еще был офицером. Апухтин видел его в первый раз, тут у них и завязалось знакомство».¹⁴ Обед этот состоялся, как это явствует из дневниковой записи А. В. Дружинина, 5 декабря 1855 г.¹⁵ Этот год можно считать начальной вехой в литературной биографии Апухтина. Характерно, что своим первым литературным наставником Апухтин, по-видимому, был склонен считать не Фета, с которым был также лично знаком, а Тургенева, чему в немалой степени способствовали удачно сложившиеся добрососедские отношения по орловским и калужским имениям семейств Тургеневых и Апухтиных. Как вспоминал о брате В. Н. Апухтин, «лет около 13 он написал пародию на стихотворение Фета, оканчивающуюся словами: „Лучше же всех несравненный, единственный Фет”». Стих этот без ведома автора оказался напечатанным, что поставило «в неловкое положение» Апухтина, поскольку Тургенев и Фет приезжали к родителям поэта в имение Павлодар «на охоту». «Фет, встретив нас, младших детей, обратился со словами: „Где ваш старший брат, я приехал надрать ему уши”, и долго не могли разыскать Алексея Николаевича, пока нашли со стихами: Прости, поэт».¹⁶ Следствием одной из встреч с Тургеневым стало письмо (к сожалению, несохранившееся) Апухтина к нему, в котором, как это следует из ответного письма писателя, юноша поделился сомнениями в отношении своего будущего предназначения и прислал

¹² Цит. по: *Апухтин А. Н.* Стихотворения. С. 367.

¹³ ИРЛИ, Р. III, оп. 1, д. 1571, л. 1. См. также: Рус. лит. 1998. № 4. С. 153.

¹⁴ Рус. лит. 1998. № 4. С. 142.

¹⁵ А. В. Дружинин записал: «Толстой представил мне мальчика — поэта Апухтина из Училища правоведения» (*Дружинин А. В.* Повести. Дневники. М., 1986. С. 359).

¹⁶ Подробнее см.: Рус. лит. 1998. № 5. С. 157—158. В. Н. Апухтин допускает неточности в хронологии. Подобный факт мог иметь место не ранее 1858 г., к которому относится публикация (без указания автора) пародии на Фета — и не в «Современнике», а в журнале «Иллюстрация» (1858. № 12) в составе рецензии на «Стихотворения А. Фета» с предисловием И. С. Тургенева (1856).

ему на суд два своих стихотворения. Тургенев посоветовал ему меньше думать «о своих страданиях и радостях» и глядеть на «свою личность» «как на форму, которую должно наполнить добрым и дельным содержанием». Оценивая присланные стихи, Тургенев достаточно откровенно заметил, что они «точно так же могут быть произведениями молодости истинного поэта, как и молодости искусного дилетанта».¹⁷ Последнее, видимо, настолько запало в душу Апухтина, что он воспользовался соображениями Тургенева, значительно переосмыслив их, на основе пушкинской «Моей родословной», в остроумном памфлете «Дилетант».

Замеченный корифеями тогдашней литературы (как в свое время Пушкин был замечен Державиным, Карамзиным и Жуковским), начинающий поэт переживает настоящий взлет творческой активности. Он пробует свои силы в разных жанрах (элегия, послание, поэтический экспромт, мадригал), в поисках новых художественных средств для выражения своего лирического «я» обращается к стихотворному переводу (из Беранже, Гейне, Ленау, Байрона), находит свои особенные, апухтинские краски и неповторимые лирические интонации в пейзажных зарисовках. Самым убедительным примером влияния Пушкина на Апухтина как переводчика может служить его перевод («Молодая узница») из А. Шенье, который стал одним из его любимых поэтов. «Меня удивило и то, — сообщает А. В. Жиркевич, — что Апухтин советовал мне читать французских авторов, особенно Андре Шенье (...). Сегодня он, например, привел одну строчку из Шенье по-французски и затем передавал ее же по-русски Пушкиным как образец дословности перевода».¹⁸

Последние проведенные на школьной скамье годы отмечены самым пристальным вниманием Апухтина к Пушкину. Юный автор по-прежнему и даже чаще, чем раньше, реминисцирует из Пушкина, но это прежде всего феномен памяти Апухтина, мгновенно запоминавшего услышанные или прочитанные им стихи и, разумеется, знавшего наизусть свои собственные. Важнее, однако, другое — прочувствованное и осознанное восприятие не только творчества, но и самой личности Пушкина, что в свою очередь стимулировало интерес Апухтина к его биографии.

Выход из печати подготовленного П. В. Анненковым нового собрания сочинений поэта с «Материалами для биографии А. С. Пушкина» в первом томе пришелся как раз на время интенсивной творческой работы Апухтина.¹⁹ Зная, какое значительное место занимал в его поэзии Пушкин, не будет натяжкой предположить, что ни издание в целом, ни в особенности мастерски написанная Анненковым биография Пушкина (на основе впервые опубликованных рукописей поэта, а также воспоминаний и свидетельств его современников) не прошли мимо Апухтина. И если в предшествующие годы сведения Апухтина о Пушкине, как правило, не выходят за рамки общепринятых, то отныне перед ним раскрываются неизвестные страницы жизни поэта, новые грани его личности; расширяется сфера восприятия творчества Пушкина в целом. Следы этого влияния очевидны: так, резкие инвективы обращения «К славянофилам» (1856), пушкинские интонации «Русских песен» (1857) были бы невозможны без стихотворения «Клеветникам России» и драмы «Русалка». Пушкинское начало, естественно и органично входя в художественную ткань апухтинских стихов, ассимилируется иной поэтикой, обогащая стилистику и ритмику его поэтической речи. Выразительным примером

¹⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987. Т. 3. С. 338.

¹⁸ Рус. лит. 1998. № 4. С. 128, 149. В комментариях к этой дневниковой записи указано, что Апухтину были известны по крайней мере три пушкинских перевода из Шенье: «Покров, упитанный язвительно кровью», «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает», а также «Близ мест, где царствует Венеция златая».

¹⁹ Пушкин А. С. Соч. СПб., 1855—1857. Т. 1—7. В примечаниях к отдельным произведениям указывались даты и давались краткие комментарии.

усвоения пушкинского мотива художественной системой Апухтина может служить изящная осенняя зарисовка в лирической миниатюре «Осенней ночи тень густая» (1868) с ее последним четверостишием:

Какие б вынес я страданья,
Чтоб в этот миг из-за кустов
Твое почувствовать дыханье,
Услышать шум твоих шагов!

(А, 116)

Ср. с концовкой пушкинского стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку»):

Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово деды милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

(II, 144)

От ученического подражания «образцам» и «кумирам» к сознательному следованию пушкинским традициям — таким представляется путь Апухтина к зрелому мастерству, которое позволит этому лирику превратиться из «второго Пушкина» (а затем и «второго Некрасова») в самостоятельного, похожего лишь на самого себя автора.

Но прежде чем этот процесс даст первые результаты, еще продолжится его учеба у Пушкина, в том числе и «по Анненкову». Так, после публикации в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» пушкинского лирического шедевра «К няне» счастливые детские воспоминания Апухтина обретают опору в поэтической традиции, и он вслед за Пушкиным создает свою «Няню» (1855), может быть первое навеянное анненковским изданием стихотворение, написанное 13 ноября, незадолго до дня рождения автора. Познакомившись, видимо, со стихотворением Пушкина «Ответ анониму» (1856) (о котором речь идет и в «Материалах для биографии А. С. Пушкина»), Апухтин сочиняет свое, под тем же заглавием, но с диаметрально противоположным смыслом: его аноним в отличие от пушкинского не доброжелатель, а грубый клеветник. Подобных совпадений в заглавиях (вряд ли случайных) немало и в зрелой лирике Апухтина, не боявшегося переключек с Пушкиным, но умевшего по-своему интерпретировать его образы и мотивы. Это не полемика и не пародия, а нечто иное, что-то вроде вариаций на пушкинские темы.

Нельзя не усмотреть, например, следы влияния «Подражаний Корану» Пушкина на структуру и символику апухтинского цикла «Реквием» (конец 1860-х гг.). Различия общего колорита — восточного у Пушкина и христианского (православного) у Апухтина — очевидны, но тем более неожиданными окажутся сближения в изображении картин Страшного Суда. У Пушкина:

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

(II, 354)

У Апухтина:

И доброго, и вредного посева
Плоды пожнутся все тогда...
То будет день тоски и гнева,
То будет день унынья и стыда!

(А, 122)

Возможно, автор этих строк был знаком и с пушкинским стихотворением «Сеятель» («Свободы сеятель пустынный»), которое было известно

современникам Апухтина, хотя в России не публиковалось.²⁰ Но далеко не все ранние поэтические опыты Апухтина, отмеченные влиянием Пушкина, имели своим источником печатные издания его сочинений.²¹ Это в особенности касается тех из них, которые были непосредственно посвящены Пушкину, и прежде всего стихов, написанных Апухтиным ко дню 19 октября 1858 г., который отмечался в Александровском лицее, куда юные правоведаы, дружившие с лицеистами, были приглашены в этот день на праздничный бал. На это событие Апухтин отозвался двумя стихотворениями. Первое из них, казалось бы никак не связанное с праздником, — «Глянь, как тускло и бесплодно». Видимо, день этот был пасмурным, дождливым, что и запечатлел поэт. Тоскливая погода по контрасту с царившим в этот день праздничным весельем на балу настроила Апухтина на грустный лад и заставила задуматься о трагической судьбе знаменитого лицеиста. Об этом он пишет во втором из упомянутых стихотворений «19 октября 1858 года», посвященном памяти Пушкина:

Курчавым мальчиком под сень иных садов
Вошел он в первый раз, исполненный смущенья;
Он помнил этот день среди своих пиров,
Среди невзгод и заточенья.

(А, 65)

Ср. пушкинские «Воспоминания в Царском Селе» (1829):

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный,
Вхожу с поникшею главой.

(III, 189)

Апухтин был знаком с традицией ежегодно отмечать день 19 октября в Лицее не только праздничным торжеством, но и специально написанными к этому дню стихами — лицейскими годовщинами с их мотивами воспоминаний, дружеских застолий, тостами за товарищей. Из пяти написанных Пушкиным лицейских годовщин Апухтин не мог знать только шуточный экспромт «Усердно помолившись Богу» (1828).²² Во всяком случае в его собственном поэтическом отклике на 19 октября 1858 г. есть прямая реминисценция из первой и самой знаменитой лицейской годовщины Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор») (1825): «...пируйте, о друзья!». Взяв за основу лирического сюжета именно эту строчку, Апухтин наполнил ее не светлыми надеждами, как у Пушкина, а скорбью и горькой, даже язвительной, иронией: «Увы! Где ж те друзья! Увы, где тот поэт?» — вопрошает автор и отвечает строками, восходящими к «Смерти поэта» Лермонтова:

Невинной жертвою пал труп его кровавый...
Пируйте ж, юноши, его меж вами нет,
Он не смутит вас дерзкой славой.²³

(А, 65)

²⁰ Впервые: Полярная звезда на 1856 год. Лондон, 1856. Ч. 2. С. 16. До этого оно бывало в рукописных списках, по одному из которых, переданному А. И. Герцену в Лондон, видимо, П. Л. Пикулиным, и было опубликовано (см.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 25—31).

²¹ Нам неизвестно, какие издания сочинений и отдельных произведений Пушкина имелись в домашней библиотеке Павлодара. Скорее всего, это были альманахи пушкинского времени («Северные цветы», «Невский альманах» и др.), какие-то из прижизненных изданий его произведений, но, возможно, и отдельные тома посмертно изданного собрания сочинений (1838—1841), тираж которого был очень значительным для того времени (10 000 экземпляров).

²² «19 октября» (1825), «19 октября 1827» («Бог помочь вам, друзья мои») (печатались при жизни Пушкина); «Чем чаще празднует Лицей» (1831) и «Была пора: наш праздник молодой» (1836) (опубликованы Жуковским в т. 9 посмертного издания).

²³ Ср.: «Погиб поэт! — невольник чести — / Пал, оклеветанный молвой...» (*Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. Л., 1979. Т. 1. С. 372). Источником знакомства с лермонтовским сти-

В последних строках Апухтин приоткрывает завесу над обстоятельствами гибели Пушкина на дуэли с Дантесом, подробности которой не были известны в подцензурной печати, но бытовали в печати бесцензурной и устных преданиях.

Апухтин мог знать (и, скорее всего, знал, чем и объясняется трагический пафос стихотворения) эти подробности от своего товарища по учебе в Училище правоведения Сергея Борисовича Данзаса. Его отец — Борис Карлович Данзас, родной брат Константина Карловича Данзаса, лицейского друга и секунданта Пушкина на дуэли с Дантесом. Оба брата принадлежали к числу близких друзей Пушкина, а Б. К. Данзас, также воспитанник Лицея, входил в декабристское «Общество Семиугольной звезды» и привлекался к следствию по делу о тайных обществах (был арестован и заключен в один из казематов Петропавловской крепости). После освобождения из крепости он встречался и общался с Пушкиным — особенно часто по следам декабрьских событий осенью—зимой 1826—1828 гг.

С. Б. Данзас — родной брат Т. Б. Семечкиной (урожд. Данзас) — впоследствии хранительницы семейных реликвий Данзасов, среди которых были и бумаги, касающиеся дуэли Пушкина.²⁴ К сожалению, прямых свидетельств, указывающих на С. Б. Данзаса как на главный источник получения Апухтиным сведений о дуэли Пушкина, пока не обнаружено. Однако, учитывая дружеский характер их отношений, сохранившихся и после окончания Училища, а также достаточно отчетливые следы знакомства Апухтина в его ранних стихах с «потаенным Пушкиным», можно отнести эту осведомленность Апухтина на счет общения с живыми носителями семейных традиций Данзасов и прежде всего с С. Б. Данзасом. Т. Б. Семечкина вспоминала: «Конечно, все самое ценное было собрано уже моим дядей, секундантом Пушкина. Он хранил это просто как самое дорогое для себя. Семьи у него не было, и моему отцу все досталось в первоначальном виде».²⁵ Дети Б. К. Данзаса росли в атмосфере воспоминаний о Пушкине. Мало вероятно поэтому, чтобы семейные рассказы о трагической кончине Пушкина не коснулись молодого поколения Данзасов.

Не остался Апухтин и в стороне от интереса к вольнолюбивым стихам Пушкина, запрещенным в России, но широко бытовавшим в копиях и списках; стихи эти также нередко становились источниками его собственных произведений. В преддекабрьские годы, свидетельствует И. И. Пущин, «везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его (Пушкина) „Деревня“, „Ода на свободу“, „Ура! в Россию скачет...“ и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов».²⁶ О Пушкине, «коего дозволенные стихи приводили нас в восторг, а недозволенные имели в себе такую всеобщую завлекательность», — пишет в своих записках А. Г. Хомутова, входившая в близкие ему литературные круги.

Однако в николаевскую эпоху не только распространение, но и чтение «недозволенных» стихов было далеко не безопасным занятием, да и сами удаляющиеся во времени события 14 декабря 1825 г. и связанная с ними литературная деятельность Пушкина и декабристов постепенно утрачивали свою живую актуальность. После воцарения Александра II, объявления в 1856 г. общей амнистии декабристам и последующего воз-

хотворением могла послужить его первая публикация в «Полярной звезде на 1856 год» (Лондон, 1856. Кн. 2. С. 33—35; без 16 заключительных строк, которые распространялись в копиях).

²⁴ См. подробнее: *Киселева Т., Мужельская Л., Шевырева Л.* Уголок А. С. Пушкина в Саратове // *Временник Пушкинской комиссии.* 1964. Л., 1967. С. 79—81.

²⁵ Там же. С. 79.

²⁶ Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 85.

вращения из Сибири многих из них положение с бытованием такого рода сочинений весьма заметно изменилось, вызвав новый всплеск общественного внимания к ним. Все это не могло не затронуть воспитанников Училища правоведения, а тем более юного Апухтина, считавшего Пушкина своим кумиром.

Последние два года учебы отмечены особенно пристальным вниманием Апухтина к вольнолюбивым стихам Пушкина. О том, что эти произведения были хорошо известны Апухтину и его сверстникам, достаточно отчетливо говорится в его незавершенном романе из эпохи Крымской войны и предреформенной России, над которым писатель работал незадолго до своей смерти.²⁷

В нем Апухтин воссоздает картину постепенного обновления всех сторон русской жизни после кончины Николая I и прослеживает судьбу поколения 1850-х гг., оказавшегося на перепутье двух исторических эпох — прежней, ведущей к пушкинскому времени с его духовными исканиями и нравственными проблемами, и нынешней — с ее жестким прагматизмом.

Роман строился на воспоминаниях и личных впечатлениях автора, молодость которого пришлось как раз на эту поворотную в истории России эпоху. Герои романа имеют реальные прототипы из числа товарищей Апухтина по Училищу правоведения, однако автор делает их (и это показательно) воспитанниками Александровского лицея, в чем нетрудно усмотреть стремление обозначить связь с традициями Царскосельского лицея с его знаменитым девизом «Для общей пользы».

Главный герой Владимир Угаров — лицеист, а затем и выпускник Александровского лицея, — образ несомненно автобиографический. Апухтин наделяет его страстной любовью к Пушкину. Приехав на каникулы в родные места, Угаров встречается у друзей с соседом по имени Н. Н. Камневым, славянофилом по своим убеждениям, в молодости знавшим Чаадаева и Пушкина. Происходит весьма знаменательная сцена.

«— Присутствие молодого лицеиста, — многозначительно заявляет Камнев, — не будет здесь лишним (...) так как я только что хотел прочитать вам стихотворение, принадлежащее перу одного лицеиста.

И, эффектно откинувшись на спинку кресла, он, понизив голос, начал:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье...

Когда он кончил, Угаров робко спросил, какой лицеист был автором этих стихов. Камнев задумчиво облокотился на стол и отвечал глухим голосом:

— Лицеист этот плохо учился, плохо служил, плохо женился и даже, как утверждали под конец его жизни иные критики, плохо писал... Лицеист этот был Пушкин.

При последних словах Камнев победоносно и строго вскинул глазами на Угарова.

Угаров, знавший наизусть Пушкина, сознался, что это стихотворение он слышал в первый раз.

— Мало ли чего еще вы не знаете и не можете знать! — воскликнул Камнев и прочитал несколько стихотворений Пушкина, бывших тогда под строгим запретом цензуры» (А, 270).

Как показывает раннее творчество Апухтина, несмотря на «строгий запрет», сам он уже тогда был хорошо знаком с такими произведениями Пушкина, например, как ода «Вольность». Строчка «Куда ни кинешь

²⁷ Подробнее см.: А, 530 (комментарий М. В. Отрадина). Заглавие «Неоконченная повесть» роман получил при его первых публикациях в конце 1890-х гг.

взор пылливый» из апухтинской «Близости осени» явно восходит к пушкинскому тексту:

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы...
(II, 45)

Многие стихотворения Апухтина этого времени буквально сотканы из пушкинских реминисценций, восходящих в том числе и к «недозволенным к печати» его произведениям. Естественно возникает вопрос об источниках знакомства Апухтина с запрещенными стихами Пушкина. Считается, что Апухтин ознакомился с ними по рукописным спискам и копиям. Однако твердых оснований для этого утверждения в нашем распоряжении не имеется. Зато та же «Неоконченная повесть» содержит указание на знакомство автора (а также и героя Владимира Угарова) с изданиями «Вольной русской типографии» А. И. Герцена в Лондоне, в частности на страницах романа упоминаются «тоненькие книжечки» «Голосов из России», нелегально доставлявшиеся в страну и широко бытовавшие среди российского образованного общества 1850—1860-х гг.²⁸ Н. Я. Эйдельман приводит весьма характерный для того времени пример почти повсеместного интереса к герценовским изданиям: «Весной 1857 г. во время заседания Государственного совета граф С. Г. Строганов оторвал клочок бумаги и написал сидевшему рядом шефу жандармов князю В. А. Долгорукову: „Не хотите ли, князь, я уступлю Вам Полярную звезду за 5 р. серебром, за что сам купил“. Долгоруков также на клочке отвечал ему: „Лучше скажите мне, откуда достаете Вы так дешево эту книгу“».²⁹

Имеет смысл перечислить те произведения Пушкина, которые впервые были опубликованы (или заново напечатаны) в «Полярной звезде». В книге 2 (Лондон, 1856) появились: «Вольность», «Деревня», «Кинжал», «Послание к Чаадаеву», «Послание к М. Орлову», «В Сибирь», пропущенные строфы из стихотворения «Наполеон», «Сеятель», «Моя родословная», «Два кладбища», «Мирская власть», «На выздоровление Лукулла», «Христос воскрес». Этот список был дополнен еще несколькими неизданными стихотворениями, не вошедшими в т. 7 (дополнительный анненковское издания Пушкина, но опубликованными в книге 4 «Полярной звезды» (Лондон, 1858): «В. Л. Пушкину» (частично напечатано еще в «Полярной звезде» Рылеева и Бестужева), «Цензору», «На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной».³⁰

Наряду с запрещенными стихами Пушкина в «Полярной звезде» публиковались стихи Рылеева, а также материалы по истории декабрьского восстания, воспоминания о казни декабристов и многие другие, столь же острые в политическом отношении материалы.

Смягчение цензурного режима, последовавшее после смерти Николая I, и появление в столичных кругах вернувшихся из Сибири декабристов создавали благоприятную почву для проникновения в литературу прежде запретных сюжетов и тем, все еще, с точки зрения власти, в достаточной мере опасных, в особенности если речь шла о юном авторе, творившем на школьной скамье.

Накануне памятного дня Апухтин пишет два стихотворения, датируя их 13 декабря 1858 г. Эти поэтические переводы, казалось бы с самим

²⁸ Там же. С. 382. Даже в 1880-е гг., когда создавался роман, нельзя было упоминать в печати «Полярную звезду» (постоянно публиковавшую не только запрещенные стихи Пушкина, но и произведения декабристов и различные мемуарные материалы о них) и «Колокол». Ссылка на «Голоса из России», где также публиковалась запрещенная литература, указывает на главный источник знакомства с нею Апухтина.

²⁹ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». С. 74.

³⁰ Названия стихотворений Пушкина даются нами по «Полярной звезде» А. И. Герцена, печатавшего эти тексты под заглавиями доставленных ему из России списков. В послании «Орлову» ошибочно указан адресат — Михаил Орлов вместо Алексея Орлова, к которому и обращено пушкинское стихотворение.

событием не связанные, своеобразно отразили вызванные им настроения и мысли. Первое из них — уже упомянутый перевод элегии А. Шенье «Молодая узница». Популярная в России, она послужила основой для баллады Жуковского «Узник» (1820), а затем была переведена полностью И. Козловым (1826). Можно не сомневаться в том, что Апухтину были известны оба этих произведения, но его перевод был, скорее всего, вдохновлен «Андреем Шенье» Пушкина, впервые опубликованным в 1826 г. Пушкинский текст, по первоначальному замыслу названный «Певец в темнице», отсылал к теме узничества, весьма значимой в русской поэзии 1820-х гг., а трагическая судьба французского лирика проецировалась современниками на судьбы декабристов, что нашло отражение в возбужденном против Пушкина «Деле об Андрее Шенье» в связи с распространением в списках не пропущенного цензурой отрывка из пушкинской элегии, озаглавленного «На 14 декабря». Апухтин не мог знать подробностей «Дела», но до него вполне могли дойти какие-то отзвуки разговоров на эту тему (хотя бы с С. Б. Данзасом). Но даже если последнее предположение не найдет документального подтверждения, выбор темы, текста А. Шенье для перевода и в особенности дата стихотворения, напоминая о событиях 14 декабря 1825 г., позволяют усмотреть в стихотворении Апухтина нечто большее, чем обычный ученический опыт. Лирическая интонация, настойчиво подчеркиваемая мысль о бесчеловечности страданий, доставшихся на долю молодой узницы, мотив жадности жизни — все это придает поэтическому переводу Апухтина особую, пушкинскую окраску. Подобно пушкинскому Андрею Шенье, герой Апухтина тоже поэт. Жалобы узницы он (тоже узник этой тюрьмы) перелагает в «стройные стихи»:

Так, пробудясь в тюрьме, печальный узник сам,
Внимал тревожно я замедленным речам
Какой-то узницы... И муки,
И ужас, и тюрьму — я все позабыл
И в стройные стихи, томясь, передавал
Ее пленительные звуки.

(А, 68)

Стихотворение Апухтина проникнуто верой в бессмертие поэтического слова, как и знаменитое пророчество Андрея Шенье в элегии Пушкина:

Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!

(II, 399)

Можно поэтому справедливо полагать, что, при всей очевидности сюжетных различий сопоставляемых текстов, они совпадают в главном.

Для второго перевода Апухтиным было выбрано стихотворение Гейне «Die heil'gen drei Könige aus Morgenland» («Три святых царя из восточной страны»), и выбрано также, по-видимому, не случайно. В основе стихотворения — евангельская притча о вифлеемской звезде и царях, интерпретированная Гейне в слегка ироническом ключе, что отчасти сохраняется и в переводе. Однако ирония смягчается в последнем четверостишии, где Апухтин воссоздает атмосферу великого таинства рождения Иисуса Христа:

Над домом Иосифа встала звезда;
Цари туда тихо вступали;
Теленок ревел там, ребенок кричал,
Святые отцы подпевали.

(А, 68)

Исполнявшаяся в 1858 г. 33-я годовщина трагических событий на Сенатской площади напоминала о возрасте Христа, которому в 33 года предстояли крестный путь, распятие, погребение и таинство воскресения из мертвых. Возможно, указанная аллюзия входила в намерения Апухтина, выбравшего именно этот оригинал для своего перевода. Что же

касается звезды, то она могла ассоциироваться с «Полярной звездой» (альманахом Рылеева и Бестужева), воскрешенной Герценом и Огаревым. В таком контексте перевод Апухтина прочитывается как завуалированный отклик на декабрьские события 1825 г.

Подводя итоги сказанному, следует более отчетливо, чем это делалось до сих пор, определить поистине колоссальное значение Пушкина для творческого формирования Апухтина, испытавшего влияние тех же пушкинских идей, которые сформировали и поколение шестидесятников. Ко времени окончания Училища правоведения весной 1859 г. поэтические и общественные ориентации начинающего автора определяют его место в литературной жизни: он становится участником некрасовского «Современника», ему прочат славу «второго Некрасова», и сам знаменитый поэт дорожит его сотрудничеством в своем журнале. Отметим, что Апухтин с редким единодушием был принят в журнале «Современник» не только Некрасовым и Панаевым, но также Тургеневым, а ранее того и Толстым.³¹ Молодой автор дебютирует в «Современнике» циклом «Деревенские очерки» (1859), в котором отдает дань некрасовскому направлению русской поэзии, но главным образом продолжает пушкинские поэтические традиции в изображении России народной, крестьянской. Заглавие очерков, имевших большой читательский успех и заслуживших одобрение критики, «подсказано» пушкинской «Деревней» с ее резкими инвективами по адресу «барства дикого». В цикле звучат интонации, темы и мотивы вольнолюбивой поэзии Пушкина. Так, например, стихотворение «Селенье» (1858), написанное «во след» пушкинской «Деревне», построено, как в этом нетрудно убедиться, на контрасте мирных сельских видов и картин крепостного разорения русской деревни:

Но как зреющее поле,
Не цветут твои жнецы;
Но в ужасной, дикой доле,
В сокрушительной неволе
Долго жили их отцы.

Как бы вторя Пушкину, молодой поэт обращается к «жнецам» (символизирующим русский народ) с призывом:

Братья! Будьте же готовы,
Не смущайтесь — близок час:
Срок окончится суровый,
С ваших плеч спадут оковы,
Перегнившие на вас!

(А, 77)

В этом стихотворении Апухтин использует также образы и лексику послания Пушкина «Во глубине сибирских руд», однако переосмысливает их в духе нового времени, которое принесло освобождение декабристам, но по-прежнему оставило в рабстве народ. Поэт снова вспоминает пушкинскую «Деревню» с ее строками:

Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...

(II, 91)

Он выражает надежду, что наступит день свободы и для поработенного народа:

О, тогда-то на селенье
Луч могучий просвещенья
С неба вольности блеснет.³²

(А, 77)

³¹ Подробнее об этом см.: *Коварский Н. А.* А. Н. Апухтин // Апухтин А. Н. Стихотворения. С. 6—8.

³² Характерно, что стихотворение Апухтина подверглось цензурной правке: из него были изъяты поэтические строки, навеянные «запрещенными стихами» Пушкина, с которыми, очевидно, был знаком цензор.

Все стихотворение представляет собою сложную контаминацию пушкинских идей, обретающих новое звучание в самый канун ожидаемых в обществе реформ.

В годы общественного подъема 1859—1861 гг. начинается и служебная деятельность Апухтина, о которой мы знаем очень немногое. Надо сказать, что она не прошла бесследно для поэта, оставив любопытные следы в его литературном творчестве, в частности дав обильный материал для его прозы.

23 мая 1859 г. Апухтин был определен на службу в Департамент Министерства юстиции. В связи с тем что он был казеннокоштным воспитанником училища (это, очевидно, было связано с недостаточной материальной обеспеченностью его семьи), он должен был безвозмездно отслужить 6 лет. До определения на штатное место в этом департаменте (так как к моменту поступления в него Апухтина такового не оказалось) ему выплачивалось денежное пособие по 221 руб. 10 коп. (серебром) в год. Это обстоятельство, а также приведенные выше данные о состоянии семейства Апухтиных позволяют предполагать, что средства юного поэта были достаточно скромными; он, впрочем, и не стремился улучшить свое материальное положение усердной службой, отдавая в эти годы главные силы литературной деятельности. Между тем, как об этом свидетельствуют документы о служебной деятельности Апухтина, хранящиеся в архиве Министерства юстиции,³³ уже в июне 1859 г. он был «назначен для занятий в I Отделении Департамента Министерства юстиции, но с самого времени своего назначения, несмотря на напоминание господина начальника Отделения (...) в Отделении ничем не занимается». Нечто подобное происходило в свое время и с Пушкиным, закончившим в июне 1817 г. Лицей и принятым на службу в Коллегию иностранных дел, где он в сущности только числился, т. е., как позднее скажет об этом один из героев романа Апухтина, «плохо служил». Причины служебных неудач, разумеется, не были связаны с творчеством Апухтина, а заключались в отсутствии интереса к чиновничьей деятельности, в нежелании проявить себя на этом поприще. Не поладив уже с первым своим начальником М. Топильским, Апухтин намеревался далее служить по выборам дворянства, однако, как указывается в личном его деле, к новой службе так и не приступил. М. Топильский пишет, что, «не имея штатного места и не занимаясь ничем в I Отделении Департамента Министерства юстиции, в которое был назначен для занятий», Апухтин «продолжает получать назначенное ему впредь до определения на штатное место из сенатских сумм жалование». Для исправления нерадивого служащего начальник предложил «поставить г. Апухтина в необходимость заниматься назначением в штатную должность с определению по оной ответственности», а для того чтобы «изменить настоящее служебное положение г. Апухтина, оказывающееся несообразным ни с пользою службы, ни с назначением чиновника», порекомендовал «определить г. Апухтина на имеющуюся в III Отделении Департамента Министерства юстиции вакансию младшего помощника столоначальника. С таким назначением прекратится производство г. Апухтину получаемого им совершенно даром содержания, а г. начальника Отделения я буду просить доставлять мне каждую неделю сведения о том, каким образом исполняет г. Апухтин свою обязанность, и сим способом служебные занятия г. Апухтина будут состоять под надлежащим учетом». Документ датирован 11 мая 1861 г. «О результатах сей меры» 20 мая 1861 г. сообщал директору I Отделения Департамента Министерства юстиции уже новый начальник Апухтина: «В исполнение предписания Вашего превосходительства имею честь донести, что младший помощник столоначальника Апухтин в течение прошедшей недели является ежедневно на службу и

³³ РГИА, ф. 1405, оп. 57, л. 5263.

занимается составлением доклада». Однако, как это следует из дальнейшего хода событий, Апухтин образцовым чиновником так и не стал, но на службе продолжал числиться, не получая нареканий от нового начальника, который оказался более снисходительным к даровитому юноше. Через год он запросился в положенный ему двадцатидевятидневный отпуск. Прошение об отпуске в Орловскую губернию по «домашним обстоятельствам» датировано 19 июня 1862 г.³⁴ Еще через год, в мае 1863 г., Апухтин снова подает прошение об отпуске в Орловскую губернию (и снова по семейным обстоятельствам), но на этот раз на четыре месяца.

Среди материалов о служебной деятельности Апухтина сохранились и другие документы, относящиеся к этому времени. Так, по прошению г-жи Яфимович, вдовы генерал-майора, Отделение судебной полиции возбудило «дело о взыскании денег за квартиру с служащего в Департаменте юстиции титулярного советника Апухтина, который, по сведениям адресного стола, значится выбывшим 4-го июня в г. Москву». Имеется в виду 4 июня 1863 г., так как следующий ответный документ датирован 7 сентября 1863 г. Это запрос, направленный в Департамент юстиции: «Куда и на какой срок уволен в отпуск г. Апухтин и не известно ли, где он в настоящее время имеет жительство». Выясняется, что из отпуска Апухтин еще не вернулся, а между тем ему был присвоен очередной чин. Вот текст полученного на запрос ответа: «Вследствие отношения за № 24 444 от Министрства юстиции имеем честь сообщить, что состоящий при сем *коллежский ассессор* Апухтин уволен в отпуск с 3 мая сего 1863 г. на четыре месяца в Орловскую губернию, но из такового *по настоящее время еще не явился*».³⁵ В том же личном деле Апухтина находится еще один запрос «о взыскании французским подданным Ди Пиетро с дворянина Алексея Апухтина по счету 106 р. 75 коп.». Истец (модный петербургский портной) просит также сообщить, вернулся ли его должник из отпуска. На оба этих запроса 11 декабря 1863 г. был получен следующий ответ: «Ассессор Апухтин, не возвращаясь из дозволенного ему отпуска, определен на службу старшим чиновником особых поручений при начальнике Орловской губернии».³⁶

О службе Апухтина в Орле почти не сохранилось никаких свидетельств, за исключением некоторых автобиографических признаний в его прозаических произведениях. Вспоминая свою молодость, герой «Дневника Павлика Дольского» рисует выразительную картину либеральных настроений в среде провинциального чиновничества, поспешный переход в лагерь реформаторов даже прежних помещиков-крепостников, например самого губернатора, известного противника проводимой Александром II реформы, ставшего после манифеста 1861 г. ее ярким сторонником.

1860-е гг. проходят у Апухтина под знаком глубокого и мучительного кризиса: подобно Павлику Дольскому, он переживает крушение своих иллюзий и вследствие этого демонстративно отказывается от какой-либо общественно-литературной деятельности. «Для чего трудиться? С кем бороться? — напишет он из Орла ближайшему из друзей П. И. Чайковскому. — В те времена, когда в России несколько дворян занимались литературой, я еще мог бы быть писателем, но теперь никакие силы не заставят меня выйти на арену, загроможденную подлостями, доносами и ... семинаристами».³⁷

Обличая современных булгаринных, Апухтин вспоминает о той полемике, которую вела в свое время с официозной, продажной журналистикой объединившаяся вокруг Пушкина литературная аристократия.

³⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 57, д. 5263, л. 41—41 об.

³⁵ Там же, л. 41 об. (курсив мой. — Р. И.).

³⁶ Там же, л. 51.

³⁷ *Чайковский М.* Жизнь Петра Ильича Чайковского. М., 1900. Т. 1. С. 242.

Нестареющие идеалы истины, добра и красоты Апухтин и на этот раз обретает в творчестве Пушкина, которое в условиях пореформенной России вновь оказывается в центре общественно-литературной борьбы. Своеобразие позиции Апухтина выразилось в том, что он не примкнул ни к одному из воюющих между собой лагерей: ни к разночинцам (которых он презрительно именует «семинаристами»), ни к адептам «чистого искусства» с их узкоэстетическим подходом к пушкинскому наследию и воинственным пафосом защиты «поруганных» идеалов искусства от нападков нигилистов. Называя участников полемики «современными витиями», Апухтин гневно обличает их:

Я устал от ваших фраз бездушных,
От дрожащих ненавистью слов!

(А, 95)

В ожесточенных критических спорах 1860-х гг. Апухтин оказывается «над схваткой», демонстративно устранившись не только от журнальной полемики, но и от всякого участия в литературной жизни. Он почти перестает печататься, пишет для себя и близких друзей, но вместе с тем два года, проведенных в Орле, вдали от главных культурных центров, позволили Апухтину выработать в отношении Пушкина свою собственную, самостоятельную позицию, которую он не менял и в дальнейшем. Судить о ней мы можем по весьма немногочисленным высказываниям в дневнике и письмах, по его программным стихам, прямо отсылающим к Пушкину,³⁸ а также по лекциям о Пушкине, с которыми он выступил в пользу вновь учреждаемого в г. Орле благотворительного общества.

М. И. Чайковский вспоминал: «Питая какой-то болезненный страх к „улице“, толпе, публике, он *публично* выступает в Орле на кафедре в качестве лектора о Пушкине».³⁹ Тексты этих лекций до нас не дошли, вероятно, их и не было: Апухтин, скорее всего, ограничился подготовительными материалами к ним, которые могли быть утрачены во время одной из поездок поэта. И тем не менее мы имеем возможность ознакомиться с содержанием этих лекций по отчету в местной газете «Орловские губернские ведомости».⁴⁰ Автор отчета (скорее, рецензент) описывает непривычную для местной публики манеру общения лектора с аудиторией: «Изложение г. Апухтина отличается легкостью, приятностью, последовательностью, начитанностью об избранном им предмете, но, пересыпанное нередко фактами, ничего не приносящими для оценки литературного достоинства произведений, скорее походит на беседу в кружке добрых приятелей, чем на строгое классическое исследование, к которому нас приучили уже некоторые русские критики». Как показывает дальнейшее изложение, рецензент имел в виду Белинского, и прежде всего знаменитый цикл его статей о Пушкине. Именно с этих позиций он оценивает главные идеи выступления Апухтина, упрекая его в отсутствии строгой систематичности изложения. «Г. Апухтин, — сообщает он, — счел нужным сделать обозрение всем значительным деятелям, предшествовавшим появлению светила русской поэзии А. С. Пушкина».⁴¹ Суждения Апухтина о предшественниках Пушкина показали ре-

³⁸ Ср. пушкинскую «Царскосельскую статую» с «Ниобеей» (1867) Апухтина. В «Моления о чаше» (1868) ощущается влияние пушкинских стихотворений каменноостровского цикла 1836 г.; в стихотворении «Приветствую вас, дни труда и вдохновенья» (1870, 1885(?)) оживают и наполняются иным, пессимистическим настроением строки пушкинской «Деревни». Апухтина продолжает волновать образ пушкинской Музы («Музе», 1883), вариации на темы поэта и поэзии звучат в стихотворении «Перед судом толпы коварной и кичливой» (1893).

³⁹ Чайковский М. Алксей Николаевич Апухтин: Биогр. очерк. С. XVIII.

⁴⁰ См.: Две лекции г. Апухтина «О жизни и сочинениях Пушкина» // Орловские губ. вед. 1865. № 16. 18 апр.

⁴¹ Возможно, выражение «светило русской поэзии» принадлежит Апухтину; в таком случае можно говорить о его знакомстве с «Некрологом», посвященным Пушкину В. Ф. Одоевским.

цензенту поверхностными и во многом несправедливыми. Однако он не учел того обстоятельства, что Апухтин не стремился повторить уже ставшие к тому времени общепринятыми оценки В. Г. Белинского, а высказал мнение, поразительнейшим образом совпадавшее с соответствующими суждениями Пушкина. «Начиная от Кантемира, — пишет рецензент об Апухтине, — переходя через Ломоносова, Тредьяковского, он остановился на Державине, которому довольно долго посвятил свое внимание». Не соглашаясь с оценками этих поэтов Апухтиным, рецензент, опираясь на Белинского, разъясняет, в чем, по его мнению, состояли их исторические заслуги: «...дидактический тон Кантемира вызван тем, что „смешно было бы (...) воспевать любовь и другие чувства, когда еще не умели читать и многие даже не хотели ничему учиться“, а ода Ломоносова „На взятие Хотина“ была как бы литературный *Ботик*, по образцу которого создавался потом целый флот громадных кораблей мыслей и творчества наших писателей». Особое возмущение рецензента вызвало суждение Апухтина о Державине, идущее вразрез с общепринятой точкой зрения: «Мы не спорим, что Державин злоупотреблял иногда своим призванием, принимая подчас способность писать стихи, и притом столь несовершенные, за поэзию», но, по мнению рецензента, не было ни малейших оснований для «разжалования г. Апухтиным этого старинного вождя в парнасские рядовые».⁴²

Переходя далее к оценке суждений Апухтина о пушкинском творчестве, рецензент замечает, что «все сказанное Апухтиным было так незначительно, что, признаемся, мы почти вовсе не заметили содержания, кроме того разве, что Пушкин писал обыкновенно осенью, а иногда лежа в постели. — Нет! нам этого мало!». Между тем эти живые подробности, характеризующие особенности творческого процесса Пушкина, представляли немалый интерес для слушателей, привыкших к книжному, достаточно заштампованному восприятию образа поэта. К сожалению, рецензент не смог ни оценить этих наблюдений, ни подробно рассказать о них. Кое-что, однако, он все же заметил, например то, что далеко не все знаменитые произведения Пушкина были обстоятельно «разобраны» лектором. Так, анализируя «Полтаву», Апухтин не воздал «должной хвалы» батальным сценам поэмы, «ничего не сказал о несравненном образе Марии, который справедливо считается полнейшим женским типом его (Пушкина) творчества», но зато уделил особое внимание образу Мазепы. Надо думать, что Апухтин, не следуя устоявшимся оценкам, предложил своим слушателям новый подход как к поэме в целом, так и к отдельным ее образам. К сожалению, самая суть высказанных в лекциях суждений оказалась за пределами понимания рецензента. По мнению последнего, Апухтин не сказал ничего интересного и о «маленьких трагедиях» Пушкина, за исключением лишь «Скупого рыцаря», которым, как он пишет, «мы остались довольны». Особых возражений не вызвал у рецензента и апухтинский взгляд на «Бориса Годунова» как на произведение шекспировского масштаба и духа, но занявший центральное место в лекциях «Евгений Онегин», по мнению рецензента, также не был оценен по достоинству: «...любопытно было бы видеть сравнение этого идеала (т. е. Онегина. — *Р. И.*) с прототипом его Чайльд Гарольдом, который подал Пушкину первую мысль перенести разочарованность на русскую почву». Как видим, и в этом случае рецензент «навязывает» Апухтину традиционный взгляд на пушкинский роман, а собственные суждения Апухтина оцениваются как несерьезные. Из всего сказанного в отчете о лекциях Апухтина, посвященных Пушкину, следует вывод, что новизна и неожиданность взгляда Апухтина на творчество и личность Пушкина не были поняты его слушателями, мнение которых выразил рецензент.

⁴² Ср. со следующим отзывом Пушкина о Державине: «Кумир Державина 1/4 золотой, 3/4 свинцовый доныне еще не оценен» (XIII, 178).

По-видимому, опубликованный в местной газете отчет о лекциях Апухтина лишней раз убедил поэта, что ему следует избегать публичных выступлений, но предпринятая им попытка осмыслить для себя творчество Пушкина дала результаты в его собственной литературной деятельности, в частности помогла ему определиться в полемике вокруг Пушкина, вызванной появлением статей Писарева.⁴³

После возвращения из Орла в Петербург занятая Апухтиным в литературных кругах фрондерская позиция укрепила его приверженность к Пушкину. «Ради великого учителя, — свидетельствует М. И. Чайковский, — А(лексей) Н(иколаевич) решает на такие действия, которые всем лицам, близко его знавшим, кажутся совершенно ему несвойственными (...). Нескороко измененный, не любящий никаких внешних беспокоевств, считающий путешествие в купе I класса „тяжким наказанием“, боязливый даже во время езды в карете по городу — он отваживается на путешествие, при полном отсутствии комфорта, только для того чтобы поклониться могиле великого поэта, причем действительно подвергается опасности. Двое бродяг делают попытку остановить тарантас, и только благодаря энергии спутника и хорошим лошадям А(лексей) Н(иколаевич) избегает большой неприятности, может быть — смерти».⁴⁴ Поездка эта, состоявшаяся в 1870 г., отразилась в следующих стихах Апухтина, затерявшихся среди журнальных публикаций и не вошедших ни в одно из прижизненных собраний его стихов:

С детских лет твой гений чтя глубоко,
Подчинясь великому уму,
Я пришел со стороны далекой
Поклониться праху твоему.
И когда по каменным ступеням
Шел туда я, где стоит твой крест,
Как упасть хотелось бы коленям,
Как рыдать хотелось бы устам!⁴⁵

В проходивших в Москве 6 (18) июня 1880 г. торжествах в связи с открытием памятника Пушкину (работы А. М. Опекушина) Апухтин не участвовал, хотя принимал самое живое участие в сборе средств на этот памятник. М. И. Чайковский вспоминал, что, «щепетильный во всяких разговорах о деньгах, — он суетится, ездит, просит, чтобы собрать сумму на памятник Пушкину, и к 400 р. своей коллекты присоединяет из своих, по его собственному выражению, „ограниченных средств“ — 100 рублей».⁴⁶ Не приглашенный на этот праздник, он пишет из Петербурга П. И. Чайковскому исполненное горькой обиды письмо: «В этот знаменитый день, пока на бульваре сердца России М. и Г. открывали плохой памятник великому поэту, причем ругались и дрались „по маленькой“, чтобы не потерять привычки, бедный, всеми забытый поэт Апухтин сидел на своем диване и томился размышлениями самого грустного свойства. Он думал, что имеет не меньше прав принять участие в празднике. Во-первых, он с детских лет обожал и знал наизусть любимого поэта. Затем, когда М. и Г., вслед за Писаревым, глумились и издевались над великой тенью, Апухтин всеми силами защищал тогда вышедшее из моды и поруганное знамя». Очевидно, Апухтин имел здесь в виду прежде

⁴³ В сущности, главным поводом к выступлению Апухтина стала статья Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский», первая часть которой, посвященная роману «Евгений Онегин», появилась в журнале «Русское слово» (1865, кн. 4) незадолго до выступления Апухтина. Оно состоялось, что называется, по горячим следам и явилось одним из первых публичных возражений Писареву. На это указывается в отчете, где упоминается (без имени автора) его статья, «имеющая целью доказать ложность нашего искусства и ниспровергнуть в прах все священные для нас авторитеты: Жуковского, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и других» (Орловские губ. вед. 1865. № 16. 18 апр.).

⁴⁴ Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин: Биогр. очерк. С. XVIII.

⁴⁵ Апухтин А. Н. Песни моей отчизны. С. 329—330.

⁴⁶ Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин: Биогр. очерк. С. XIX—XX.

всего свои лекции о Пушкине: их антиписаревский контекст, к сожалению, не был подробно охарактеризован в «Орловских губернских ведомостях», и таким образом мы лишены возможности познакомиться с аргументацией защитника «поруганного знамени», которому «казалось, что если бы воскрес Пушкин, то предпочел бы его, Апухтина, стихи стихам М. или, чего Боже избави! даже Г., буде таковые бы оказались. Конечно, он бы мог напомнить о себе, но не сделал этого из скромности, а может быть, из гордости. Так или иначе, но он *забытый*. И целый день преследовали его эти мысли, которые по возвращении его домой разрешились приливом кромешной тоски. Чтобы развлечься, он надел белый халат, зажег все свечи и начал декламировать любимые стихотворения Пушкина, переходя с кресла на кресло и проливая обильные слезы».⁴⁷

В орбиту пушкинского влияния в самом начале 1890-х гг. входит и проза Апухтина, значительно потеснившая его поэзию. Он мог бы сказать вслед за Пушкиным:

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят...
(VI, 135)

Повести Апухтина «Архив графини Д.» и «Дневник Павлика Дольского» воскрешают давно забытый жанр светской повести и заставляют вспомнить незавершенные произведения Пушкина («Роман в письмах»), «(Гости съезжались на дачу)», опубликованные среди других набросков и планов Пушкина П. В. Анненковым, а затем и В. Е. Якушкиным.⁴⁸ Во всяком случае, совпадение сюжетной схемы «Архива графини Д.» с незавершенными пушкинскими произведениями о судьбе светской женщины, вступившей в конфликт с законами и обычаями большого света, едва ли может быть истолковано как простая случайность. Особенно очевидна эта связь при сопоставлении «Архива графини Д.» с «(Романом в письмах)», к которому, на наш взгляд, восходит положенная в основу повести Апухтина фабула — переписка двух подруг. У Пушкина это две светские девушки, Лиза и Саша, у Апухтина — замужние светские дамы, Мэри Боярова и Китти Д. В пушкинском романе намечаются две возможные линии сюжетного развития: идиллическая, возникающая как реализация стремлений Владимира, и драматическая, обозначенная в сомнениях и колебаниях Лизы. Поразительна та интуиция, с которой Апухтин постигает пушкинский замысел. Он реализует сюжетную ситуацию «(Романа в письмах)» не только на материале иной исторической эпохи, но и показывает финал тех событий, завязка которых словно запрограммирована в пушкинском «(Романе в письмах)». Китти Д., сеющая вокруг себя ложь и обман, до конца сохраняет верность лицемерной морали светского общества, тогда как Мэри Боярова под влиянием подлинного и глубокого чувства переживает духовное воскрешение, нравственное преображение.

В «Дневнике Павлика Дольского» подобный перелом происходит в судьбе главного героя. По существу в этой повести переосмыслена онегинская ситуация, но только, в отличие от Онегина, признающего: «Я знаю: век уж мой измерен» (VI, 181), Павлик Дольский дожил до

⁴⁷ Там же. О противоборстве разных точек зрения на пушкинское творчество в процессе подготовки и проведения торжеств 1880 г. см.: А. С. Пушкин: Pro et contra. СПб., 2000. Т. 1. С. 646—647. Под «г. М.» Апухтин явно подразумевает А. Н. Майкова, стихотворение которого, написанное ко дню открытия памятника Пушкину («Пусть сбирала и скрепляла»), было прочитано на обеде в Благородном собрании 6 июня 1880 г. Господин Г. — видимо, Я. К. Грот, член комиссии по сооружению памятника. Подробнее см.: Венюк на памятник Пушкину. СПб., 1880. С. 28—29, 36, 302—303.

⁴⁸ Сведения о публикации этих произведений (см.: VIII, 1050—1051) не могли не привлечь внимание такого знатока Пушкина, как Апухтин, которому принадлежал один из ценнейших пушкинских автографов — беловая рукопись глав четвертой и пятой «Евгения Онегина» (см.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. М.; Л., 1964. С. 23).

наступления старости. На ее пороге он испытал горечь и счастье неразделенной любви, однако его избранница напоминает не Татьяну, а Ольгу Ларину. Связанная с избранницей Павлика Дольского сюжетная линия реализуется почти по Пушкину, с той лишь разницей, что уездную барышню заменяет институтка Лидия, а улана — кавалергард. Вне особого «пушкинского контекста» обе повести Апухтина воспринимаются как запоздалые рецидивы изжившей себя, казалось бы, светской повести, но, соотношенные с ним, они выявляют жизнеспособные элементы пушкинской традиции, ее глубинные художественные потенции.

Завершая тему, вернемся к годам ранней юности Апухтина, когда он, как мы предполагали, мог познакомиться с обстоятельствами дуэли и смерти Пушкина благодаря С. Б. Данзасу. Но Апухтин, как и другие его современники, знал подробности последних дней жизни великого поэта также из опубликованной в томе 5 «Современника» (1837) статьи В. А. Жуковского «Последние минуты Пушкина», в которой с огромной художественной силой был воссоздан образ поэта, достойно, мужественно и по-христиански мудро встретившего свой смертный час. Не приходится сомневаться в том, что Апухтин всю свою жизнь помнил, как окончил дни его любимый поэт, и, завершая собственный жизненный путь, желал быть достойным своего великого наставника и учителя. Близкий друг Апухтина и двоюродный брат П. И. и М. И. Чайковских Г. П. Карцев писал А. В. Жиркевичу о предсмертной болезни Апухтина: «Всю последнюю неделю он был в спячке, изредка просыпался и тогда немедленно, не говоря ни про что другое, начинал декламировать Пушкина, и только одного Пушкина; тут можно было убедиться, какой гениальной памятью обладал этот человек!». И далее следует описание «последних минут» Апухтина, которое, как нам представляется, не требует никаких комментариев: «Накануне смерти он пожелал видеть священника, сам сделал все распоряжения для принятия его, приказал одеть себя во все чистое и исповедался и причащался, сняв халат, в одном чистом белье. Исповедовал его молодой священник-магистр, которого после исповеди, длившейся 25 минут, спросили: „Как вы находите, батюшка, была ли исповедь искренней?“. На что священник ответил: „Я желал бы, чтобы всякий умирающий отходил из жизни так, после такой исповеди, как этот господин...“».⁴⁹ Так завершился жизненный и творческий путь последнего из романтиков пушкинской ориентации, сделавшего достоянием своего времени неисчерпаемые, животворные начала поэзии Пушкина.

⁴⁹ Рус. лит. 1999. № 3. С. 146.

II. МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

И. С. ЧИСТОВА

Л. Р. КОГАН — ПУШКИНИСТ

Имя Льва Рудольфовича Когана мало о чем говорит современному филологу. Оно хорошо знакомо, пожалуй, лишь биографам А. Н. Островского; составленная Коганом «Летопись жизни и творчества» драматурга¹ является для них настольной книгой, первым и необходимым, наряду с библиографией, источником, без которого невозможна сколько-нибудь серьезная исследовательская работа. Заметим — и это вещь общеизвестная, — что при огромной важности справочного пособия — будь то биографический словарь, библиография, летопись или семинарий — имя его автора, как правило, остается в тени: последний оказывается в положении гораздо менее выигрышном, чем, скажем, автор сборника историко-литературных статей или монографии. Обычно — и это тоже очевидно — обозначенные два направления в литературоведении — справочно-библиографическое и собственно исследовательское — не вмещаются в деятельность одного лица. Л. Р. Коган является в этом отношении одним из немногих исключений из правила; он в равной степени увлеченно и успешно занимался темами и прикладными, и чисто исследовательскими, требующими от исполнителя умения корректно оценить поэтический текст, показать формирование и проявление его эстетического смысла. Свидетельством высокого филологического профессионализма являются прежде всего исследования Л. Р. Когана, посвященные Пушкину. К сожалению, силою обстоятельств, от Когана не зависящих, эти его работы не вошли в научный оборот и до сих пор существуют в виде единиц хранения одной из архивных коллекций Российской национальной библиотеки. В настоящем сообщении речь пойдет о монографии Л. Р. Когана, оформленной в виде докторской диссертации (она не была защищена), «Пушкин в Одессе».²

Несколько слов о биографии Л. Р. Когана. Он родился в 1885 г. в Одессе в семье инженера-технолога, получил прекрасное домашнее воспитание. Мать Л. Р. Когана была хорошей пианисткой и очень рано приобщила сына к музыке; в 4 года мальчик бегло говорил по-немецки и по-французски и много читал. Пушкин сразу вошел в число особенно любимых авторов. «Музыка пушкинского стиха действовала на меня неотразимо, — вспоминал впоследствии Коган. — Когда мне исполнилось 9 лет, отец подарил мне большую толстую книгу, на титульном листе которой я прочитал: „Сочинения Пушкина“. (...) Я пережил один из

¹ Коган Л. Р. Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М., 1953.

² РНБ, ф. 1035 (Л. Р. Коган), д. 58—61. В дальнейшем ссылки на эту монографию даются в тексте.

счастливейших дней моей жизни. Я не мог оторваться от книги (...) перечитывал звучные названия (особенно пленительно звучал «Бахчисарайский фонтан»), с удовольствием встретил уже знакомые сказки и стихотворения. Я не только радовался, но и гордился: у меня все сочинения Пушкина! (...) Я начал читать все подряд. Первая же поэма „Руслан и Людмила” совершенно меня заворожила».³ Окончив Вторую одесскую гимназию, Коган поступил на историко-филологический факультет Одесского университета; наиболее яркое впечатление этого периода — знакомство с фондами прекрасной библиотеки университета, которой заведовал С. П. Шестериков. «Библиотека Воронцова» буквально поразила воображение начинающего пушкиниста. Со студенческих лет он начал собирать материал об одесском периоде пушкинской биографии; продолжал эту работу и в годы, отданные в основном преподавательской деятельности, — после университета Коган вел уроки литературы в средних учебных заведениях и читал лекции в Одесском, а затем в Харьковском институте народного образования. Во второй половине 1920-х гг. он переехал в Ленинград; в 1928 г. начал работать в Библиотечном институте (тогда Коммунистический политпросветинститут им. Н. К. Крупской); когда в 1932 г. там была организована кафедра истории литературы, заведовать ею было поручено Когану.

К замыслу монографии «Пушкин в Одессе» Л. Р. Коган пришел с опытом библиотечаря-библиографа (он на протяжении многих лет составлял соответствующую тематическую картотеку), лектора (помимо институтских занятий Коган был одним из ведущих сотрудников Ленинградского Пушкинского общества и имел репутацию блестящего интерпретатора пушкинских текстов) и беллетриста: в 1936 г. был закончен роман о Пушкине одесского периода — «Изгнанник». Роман издан не был (возможно, он не удовлетворил автора), рукопись не сохранилась, и потому мы не можем судить ни о его достоинствах, ни о его недостатках. Можно лишь сказать, что тема для воплощения в романтическом жанре была выбрана абсолютно точно: по характеристике Ю. М. Лотмана, «месяцы пребывания в Одессе напоминали насыщенный авантюрный роман: общение с политическими заговорщиками и раскинутая вокруг него (Пушкина) шпионская сеть, любовь и ревность, сиюминутный преследователь и помощь влюбленных женщин, планы бегства за границу (...) а на заднем плане — лица всех социальных состояний и национальностей, включая „корсара в отставке” мавра Али, в красных шароварах и с пистолетами за поясом».⁴

Все обозначенные выше особенности творческой личности Л. Р. Когана нашли свое отражение в его монографии, написанной в своей историко-краеведческой части обстоятельно — так, как будто ее писал историк, в собственно филологической — так, как должен писать специалист-литературовед, и в целом — изящно и увлекательно, как удается только талантливому прозаику.

Свою монографию (объем ее 60 а. л. и 16 л. примечаний) сам Л. Р. Коган рассматривал как первый шаг в создании (в перспективе большим коллективом ученых) многотомной фундаментальной биографии Пушкина: «При нынешнем состоянии пушкиноведения (...) необходима предварительная разработка материалов по отдельным периодам жизни Пушкина. Окончательная биография поэта должна быть синтезом подобных частных исследований. Предлагаемая работа (...) охватывает всего один год жизни Пушкина, именно время пребывания поэта в Одессе с августа 1823 г. по конец июля 1824 года» (д. 58, л. 6). Коган привлек к исследованию большое количество источников, огромный материал — в том числе и не появившийся в печати. «Учитывая недостаточность наших сведений о Пушкине 1823—1824 гг., мы считали необходимым

³ Коган Л. Р. Воспоминания // РНБ, ф. 1035, д. 33, л. 81, 86 об., 93.

⁴ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1981. С. 110.

произвести дополнительные изыскания локальных одесских материалов, до сих пор довольно скудных. С этой целью мы обследовали сохранившиеся дела архивов одесского генерал-губернатора, одесского градоначальника и одесской городской думы за соответствующие годы. Все эти дела хранятся в одесском областном архиве. Изучение их позволило извлечь ряд документов, ценных для понимания общественной обстановки, в которую попал Пушкин после переезда в Одессу» (д. 58, л. 29).

Общий план книги, детально представленный в ее оглавлении, выглядит следующим образом.

Глава I. Переезд Пушкина в Одессу. Разделы: приезд Пушкина в Одессу летом 1823 г.; назначение графа Воронцова генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабской области; перевод Пушкина на службу в Одессу; личность и карьера графа Воронцова.

Глава II. Пушкинская Одесса. Разделы: город Одесса, порт; уличная жизнь; общественная жизнь при Ришелье и Ланжероне; общественные развлечения, театр; одесская пресса; литературная и научная жизнь в Одессе.

Глава III. Условия жизни Пушкина в Одессе. Разделы: Воронцов и одесское общество; оппозиция одесской буржуазии графу Воронцову; материальное положение Пушкина; бюджет Пушкина в Одессе.

Глава IV. Политические взгляды Пушкина.

Глава V. Пушкин и литературная жизнь 1823—1824 гг. Разделы: Пушкин и журналистика; отношение Пушкина к «Полярной звезде» Бестужева и Рылеева; взгляды Пушкина на критику; Пушкин и цензура; взгляды Пушкина на профессионализацию литературы.

Глава VI. Творческий метод Пушкина. Разделы: интерес Пушкина к теоретическим литературным вопросам; историко-литературные экскурсии Пушкина; оценка русского литературного наследства; отношение Пушкина к наследию классической мировой литературы; неудовлетворенность поэта современной ему русской литературой; Пушкин и романтизм; роль байронического романтизма в творчестве Пушкина; критический реализм Пушкина; особенности творческого метода поэта.

Глава VII. Творчество Пушкина в Одессе. Разделы: отношение Пушкина к своему труду; объем написанного Пушкиным в Одессе; первые главы «Евгения Онегина»; начало «Цыган»; одесская лирика Пушкина.

Главы VIII—X. Пушкин и одесское общество. Разделы: Пушкин и одесская аристократия; Пушкин и Александр Раевский; Пушкин и круг чиновников; Пушкин и одесские литераторы; Пушкин и Туманский; Пушкин и одесские ученые; Пушкин и одесская буржуазия (Сикард, Лучич, Ризнич); причины интереса Пушкина к одесским негоциантам; Пушкин и А. Ризнич.

Глава XI. Пушкин и Воронцов. Разделы: отношения Пушкина и Воронцова осенью и зимой 1823 г.; вопрос о доносе генерала Скобелева; популярность Пушкина в Одессе; нападки на Воронцова со стороны его петербургских врагов; Пушкин и Воронцова.

Глава XII (заключительная). Ссылка Пушкина. Разделы: Пушкин и Воронцов в апреле—мае 1824 г.; командировка Пушкина на борьбу с саранчой; ходатайство Пушкина об отставке; приезд княжны Вяземской; попытки друзей помочь Пушкину; отношения между Воронцовым и Пушкиным в июне—июле 1824 г.; царский приказ о ссылке Пушкина; отъезд Пушкина из Одессы.

Как следует из плана книги, ее автор показывает жизненный и творческий опыт Пушкина одесского периода его жизни во всем многообразии и богатстве. Кропотливая работа над созданием основательной фактической базы, фундамента исследования, сообщила его книге чрезвычайную обстоятельность, историческую конкретность, но не сделала ее описательной. У Л. Р. Когана на основании тщательного изучения исторических, биографических документов, на основании анализа пушкин-

ских произведений в их историко-бытовом контексте сформировалась четкая концепция одесского года Пушкина, причем автору удалось без-ошибочно обозначить важнейшие, узловые моменты этого периода и именно вокруг них расположить экспонируемый материал. Что для Когана главное в одесской жизни Пушкина? Это двойная реальность: на поверхности — блеск и легкость; за ними — мучительные переживания, изнуряющие материальные заботы. Финансовые трудности, которые испытывал в Одессе Пушкин, в изображении Когана не просто житейская деталь; это значимый сюжет. Потому так подробно изучен и представлен бюджет Пушкина во время его пребывания в Одессе — доходы и расходы поэта на фоне реальной стоимости городской жизни для человека пушкинского круга:

«...с первых дней пребывания Пушкина в Одессе и до отъезда — непрерывные жалобы на недостаток в деньгах и нужду. <...>

Попытаемся установить, откуда проистекала эта нужда, представить себе бюджет Пушкина за год его пребывания в Одессе. Каковы были доходы поэта? Они слагались из трех источников: 1) из жалованья от казны, 2) из литературного гонорара, 3) из случайных доходов.

Жалованье Пушкин получал крайне неаккуратно, с большим опозданием. Всего им получено было с конца июля 1823 г. по конец июля 1824 г.:

30 июля (в Кишиневе) 225 р. асс. и 1 р. сер. (январская треть — с опозданием на три месяца),

13 декабря (в Одессе) 225 р. асс. и 60 коп. сер. (майская треть — с опозданием почти на 2.5 мес.),

4 февраля (в Одессе) 225 р. асс. и 1 р. сер. (сентябрьская треть — с опозданием более чем на 1 месяц),

23 июня (в Одессе) 225 р. асс. и 1 р. сер. (январская треть 1824 г. — с опозданием более чем на 1.5 мес.),

29 июля (в Одессе) 150 р. асс. (в счет майской трети, истекавшей 31 августа).

Всего, следовательно, Пушкин получил в счет жалованья около 1060 р. асс. Помимо этого, Пушкин получил от канцелярии генерал-губернатора 400 р. на прогоны по поездке в места, пораженные саранчой. Следовало же ему получить, по числу верст на две лошади, всего около 133 р. Следовательно, 267 рублей можно причислить в доход Пушкина.

Итого, по имеющимся данным, за год жизни в Одессе Пушкин получил от казны 1327 рублей.

Литературный заработок Пушкина составил из гонорара за стихи, помещенные в „Полярной звезде на 1824 год“, и из гонорара за „Бахчисарайский фонтан“. <...>

Вероятно, мы не очень уклонимся от истины, приняв литературный заработок Пушкина за все время его пребывания в Одессе в сумме 3000 р. Этот заработок почти втрое превышал жалованье Пушкина, полученное за год в Одессе. <...>

Общая сумма выводится нами с некоторым преуменьшением <...> около 5427 рублей. Если из этой суммы вычесть одновременно уплаченный долг Инзову — 360 р. <...> и крупный единовременный же расход на покупку коляски <...> то оставшаяся сумма уменьшится до 3427 р. асс., что составит до 9 р. 41 к. асс. в день и до 282 р. 30 к. асс. в месяц, в среднем. Мог ли Пушкин просуществовать на эти средства? Каковы могли быть его повседневные расходы на самые насущные нужды?

Несмотря на то что, по причине порто-франко, Одесса считалась городом дешевым, на самом деле жизнь была здесь в некоторых отношениях совсем не дешева. В середине 1820-х гг. номер в гостинице обходился в 1 р. 50 к. сер. в день; значит, одна квартира обходилась Пушкину до 45 р. сер. в месяц. Сносно питаться в то время можно было примерно за 1 р. сер. в день. Следовательно, только за квартиру и стол у Пушкина должно было уходить в месяц до 75 р. серебром. Те 282 р.

30 к. асс., которыми он мог располагать в месяц, по ценам того времени составляли около 81 рубля. Следовательно, на все, кроме квартиры и питания, расходы Пушкину оставалось всего 6 рублей сер. в месяц, а между тем нужно было тщательно следить за своим платьем (бывая в доме Воронцова и в других аристократических салонах, нельзя было быть небрежным в одежде), за обувью, прокормить и одеть своего слугу, запастись топливом (в гостиницах помещение сдавалось без отопления). Если привозное вино, устрицы и табак стоили дешево (бордо или бургонь — 40—50 к. бутылка, лучшее шампанское — 1 р. 60 к., ведро хереса и мадеры — 5 р., сотня устриц — 1 р.; лучший крошенный табак — 20—40 к. фунт), то все же, при своем бюджете, Пушкин не мог на них раскошелиться вволю.

При таких условиях мало-мальски заметный проигрыш в карты мог нанести сокрушительный удар шаткому бюджету. <...>

Немало было и других расходов: Пушкин вел интенсивную переписку, а отправка письма стоила недешево; приходилось бывать у знакомых за городом летом, а извозчики стоили дорого; являлась необходимость выразить кому-то внимание, сделать подарок и т. д. <...>

Пушкин систематически сидел бы без денег. Чуть получалась мало-мальски значительная сумма, она шла на погашение долгов, — и снова безденежье. <...> Поистине Пушкин имел основание быть недовольным и горько жаловаться» (д. 58, л. 149—151, 152, 154—157).

Был и еще один аспект этой проблемы, на который обращает внимание Л. Р. Коган: «Вопрос о своем материальном обеспечении перерастал для Пушкина в вопрос о защите материальных интересов писателей в государственном порядке. Пушкин всячески стремился добиться признания литературы делом общегосударственным. Пушкин был убежден в необходимости профессионализации писательского труда. Это убеждение твердо сформулировано было поэтом именно в Одессе» (д. 58, л. 305).

Столь же обстоятельны описания и точен анализ и других выделенных Коганом важнейших для одесской биографии поэта моментов: это тяжелое разочарование, вызванное как политическими событиями в России и за ее пределами, так и поведением — общественным и житейским — близких друзей, недавних единомышленников; это и любовные коллизии. Явления и факты представлены живо, ярко, в необходимой полноте и конкретности, во всей их реальной сложности.

В работах биографического жанра (а таковой и является книга Л. Р. Когана) внимание автора, как правило, акцентировано на бытовых моментах, житейских ситуациях. В центре оказывается, например, вопрос о прототипах, демонстрация существующих на этот счет легенд и собственных версий. В монографии Когана пушкинские тексты рассматриваются не как словесная иллюстрация какой-то жизненной ситуации, но как эстетический феномен, понять который возможно лишь проникнув в его художественную структуру.

Автор пытается следовать за творческой мыслью Пушкина, и поэтому основой анализа текстов становится их тщательное текстологическое изучение. Особенно показателен в этом отношении анализ одесских глав «Евгения Онегина»: «Наблюдения над черновиками и беловыми списками» начальных глав «Евгения Онегина» позволяют видеть, как «из массы поразительно подобранных мелочей создается цельная и яркая картина жизни молодого сибарита. Черновики обнаруживают кропотливую работу над подбором характерных деталей» (д. 59, л. 110, 135). Слово и стих в «Евгении Онегине» — предмет особенно пристального внимания автора: «Переплетение разнообразных тональностей (от сатиры до элегии. — И. Ч.) приводит к искуснейшей полифонии, которая и составляет одну из главных особенностей „Евгения Онегина“»; «Искусство выделения основного тона при аккомпанировании других голосов, никогда не исчезающих совершенно, но сплетающихся в тональный фон, отли-

чают мастерство Пушкина начиная с первых же одесских глав» (д. 59, л. 219, 220).

Число примеров, подтверждающих высокий профессионализм Когана-исследователя, нетрудно умножить.

Можно было бы продемонстрировать построенные на анализе рабочих тетрадей Пушкина отрывки, посвященные датировке «Цыган» и ряда лирических стихотворений, или этюд о наброске «Недвижный страж дремал на царственном пороге», где своеобразно сочетаются балладное и одическое начала. Ограничимся рассуждением Л. Р. Когана о неправомерности точной атрибуции одесских любовных стихов: «В поле зрения исследователей находились 14 произведений Пушкина, якобы имевших отношение к Ризнич. Было потрачено много кропотливых усилий и остроумия, чтобы доказать эти атрибуции. И тем не менее в большинстве своем стихи этого якобы цикла не имеют никаких отличительных черт, которые бы позволили отнести их к определенному лицу» (д. 60, л. 119). И еще одно любопытное замечание: «В противоположность общему мнению, в отрывке из „Путешествия Онегина“, в стихах о молодой негоциантке и ее муже, дремлющем в ложе, нельзя видеть портретного изображения четы Ризнич. Ризнич — любитель музыки и директор оперного театра меньше всего был способен дремать и храпеть во время спектакля. А „негоцианток молодых“ в театре можно было встретить в немалом количестве» (д. 60, л. 133).

О книге Когана можно говорить много. Но, полагаем, лучше предоставить слово ее автору. Какой же была Одесса в начале 1820-х гг., какой увидел ее Пушкин?

«Одесса, основанная в 1794 году и развивавшаяся очень быстро благодаря выгодному торговому положению, ко времени поселения в ней Пушкина имела не менее сорока тысяч жителей. Построенная на месте бывшей турецкой крепости Хаджибей, вдоль высокого берега довольно обширной бухты, Одесса в дальнейшем своем строительстве углублялась в приморскую степь. Главный строитель нового города, военный инженер де Волан, прекрасно спланировал территорию, предназначенную для заселения. В прокладке и застройке улиц и площадей соблюдались правила, принятые в лучших новейших городах Европы. Улицы были ровные и широкие, переулков — небольшое количество. Центральная часть разделялась на квадраты приблизительно равной величины. В пушкинское время город был невелик. Основная часть его, более или менее компактно застроенная, тянулась от Карантинной балки до Соборной площади, так что Канатная улица за Карантинной балкой была еще окраиной, которая только-только застраивалась. По ту сторону Соборной площади уже начинался пригород. Названия улиц Кузнечной, Дегтярной, Садовой показывают это наглядно. <...>

В пушкинское время территория собственно города занимала примерно не более 1,5 км в длину и 1 км в ширину.

Центр города жался к морю. Нынешний приморский бульвар в 1823 г. только-только прокладывали: снесли старые крепостные казармы, трассировали аллеи и засаживали их чахлыми и плохо прививавшимися деревьями из Казенного сада. С крутого обрыва, долгое время служившего местом свалки, от Торговой улицы спускалась крутая тропинка к морским купальням с восточной кофейней, содержимой каким-то греком. От бульвара также спускалась тропинка, впоследствии покрытая деревянной лестницей <...> к Практической гавани. Главными же артериями, соединявшими город с портом, были спуски Ланжероновский и Карантинный.

Центральным местом нагорной приморской части Одессы являлась театральная площадь. <...> В навигационное время театральная площадь была многолюдна, так как служила местом встреч негоциантов-экспортеров, купцов, маклеров и прочего торгового люда. Здесь всегда можно было получить из уст в уста сведения о новоприбывших судах, о ценах

на товары, о последних заграничных новостях — экономических и политических, здесь же совершались на словах коммерческие сделки. Театральная площадь являлась как бы одесским форумом. По окончании навигации местом встречи купцов служило казино. <...>

Квартал Ришельевской улицы, выходящий к театру, имел наиболее выигрышный вид. С правой стороны, если идти от театра, расположен был <...> двухэтажный дом, на месте бывшего домика герцога Ришелье. Здесь были лавки и популярная кофейня. <...> На противоположной стороне — большой дом или, вернее, два дома принадлежали разбогатевшему парикмахеру, занявшемуся торговыми делами — Рено. <...> Его владение по Ришельевской улице было крупнейшим в Одессе пушкинского времени и в описи одесских домов оценено в 200 тысяч рублей. В угловой части дома помещалось casino, упомянутое в „Евгении Онегине”. Это casino, основанное тем же Рено, было коммерческим кафе, заменявшим биржу. Здесь же была и зала для собраний, где иногда устраивались концерты филармонического общества (преимущественно летом, во время купального сезона). Рядом помещалась одна из крупнейших и лучших лавок, принадлежавшая купцу Фендериху, торговавшему различными заграничными товарами. В другой части дома (на Ришельевскую улицу — двухэтажному, а по спуску Дерибасовской ул. — трехэтажному) находилась гостиница Рено. Здесь и поселился Пушкин. Дома на улицах не отличались ни величиной, ни красотой архитектуры. За исключением торгового центра, где было много лавок, они строились по преимуществу как особняки по стандартным фасадам, изданным правительством еще в 1804 г. Нижние этажи домов в центральной части города и в местах торговли обычно строились под каменными сводами для торговых помещений.

Таким образом в пушкинское время Одесса представляла собой в архитектурном отношении город весьма однообразный, и только отдельные здания (дома Нарышкиных, Потоцких, усадьбы Разумовского, Ришелье, городской театр, городская больница и др.) выделялись прекрасной архитектурой, да руины старой крепости пленяли своей живописностью. Только при Воронцове стали отходить от этих стандартов и строить в стиле ампира, в значительном большинстве случаев не выдержанном.

Если театральная площадь была центром жизни негоциантов-экспортеров и вообще всех людей, связанных с портом, то базарная площадь являлась таким же центром для „внутренней” торговли. Помимо обычного привоза продуктов, которыми торговали прямо с возов или с земли, отчасти с рундуков, здесь находились лавки русских купцов, доставлявших из внутренних губерний железо, стальные и чугунные изделия, лес, посуду, ситцы и пр.

Улицы — мостовые и тротуары — были крайне неблагоустроены. Ко времени вступления Воронцова в должность генерал-губернатора большинство улиц не было даже замощено. <...> Сделаны были попытки вымостить центральные улицы местным материалом, известняком, по системе Мак-Адама, но результат получился плачевный. Известняк дробился в мелкую пыль, в дождливую погоду превращался в непролазную грязь. Пыль и грязь были истинным бичом города. <...> Вдоль улиц прорыты были сточные канавы, иногда распространявшие зловоние. На углах улиц они были перекрыты деревянными мостками. Зеленых насаждений было мало. Акации на улицах прививались с трудом, имели чахлый вид и сильно страдали от пыли. Единственный в Одессе сад, подаренный городу Иосифом де Рибасом, названный „Казенным садом”, был невелик и давал мало тени. <...>

Город был плохо освещен. Только с 1824 г. первобытное освещение салом сменилось конопляным маслом, горевшим в 400 фонарях, снабженных высеребрёнными рефлекторами. Более или менее достаточное количество этих фонарей освещало центральную часть города, прочие улицы с вечера погружались во мрак. Еще в 1823 г. Пушкин видел фо-

нари с салными плошками. Для торжественных иллюминаций применялись опять-таки плошки с салом, расставленные по краям тротуаров. Они чадили и распространяли вонь.

Город сильно страдал от недостатка питьевой воды. Ее приходилось доставлять в бочках из окрестных балок. Продажа воды в Одессе была хоть трудным, но не безвыгодным промыслом: водовозы получали по рублю за бочку — деньги по тому времени немалые. (...)

Из всех этих подробностей видно, что пушкинская характеристика Одессы: „Там все Европой дышет, веет” — должна быть принята с очень большими оговорками. (...)

Вся жизнь Одессы так или иначе была связана с портом. Он кормил город, создавал его благополучие. (...) С введением порто-франко в 1817 г. при Ланжероне (...) жизнь одесского порта оживилась чрезвычайно. Порто-франко вызвало громадный прилив капиталов в Одессу, способствовало огромному росту торговли и строительству города, притоку населения. Крупные экспортные конторы и торговые дома, владевшие большими магазинами для зерна и флотилиями судов, насчитывались десятками. Вокруг экспортных операций кормилось огромное количество людей: помимо экспортеров-негоциантов комиссионеры, маклеры, шкипера, матросы, грузчики, фурщики, чумаки, привозившие зерно из Подолии и других соседних губерний, служащие в конторах и магазинах, всевозможные агенты, строительные рабочие и т. д. Потребность в людях была огромная. Поэтому в Одессу стекалось множество беглых крепостных, уверенных в том, что здесь полиция разыскивать их не станет. Действительно, от них и не требовали паспортов, и не поуждали возвращаться к владельцам. В порту и в городе находилось множество иностранцев, из коих многие, особенно итальянцы, греки, сербы, оседали надолго и принимали даже русское подданство. Во времена Ришелье и Ланжерона в Одессе охотно селились и французы. Турки, персы, левантинцы, албанцы, кроаты, сербы встречались на каждом шагу. Болгары разводили огороды вокруг города, немцы имели несколько своих колоний и целый квартал за новым базаром. Они усердно ремесленничали, евреи занимались мелкой торговлей, комиссионным делом, маклерством; польские помещики, как и сербы, греки и итальянцы, преимущественно интересовались торговыми операциями. Движение этой огромной массы разноплеменных людей в порту и на городских улицах создавало пеструю и яркую картину» (д. 58, л. 73—91).

Примечательно, что приведенный очерк написан не просто живо, увлекательно, ярко, он целенаправлен; четко ориентированный на пушкинский текст очерк оказывается превосходным историческим, бытовым фоном к хорошо известным одесским строфам «Евгения Онегина».

Л. Р. Коган написал в 1940 г. талантливую работу. Оценивая ее сейчас, мы, конечно же, заметим и проявившееся в книге жесткое дыхание времени, и то, что во многом она перекрыта новейшими исследованиями, как, скажем, в случае с текстологией «Цыган» и датировками ряда одесских стихов; факты, обнаруженные Коганом в архивах, наверняка известны современным историкам пушкинской Одессы из их собственных архивных разысканий.

И тем не менее книга Когана — самое полное и единственное в таком объеме монографическое исследование одесской биографии Пушкина во всех возможных аспектах, с учетом самых мелких деталей и незначительных на первый взгляд частных. И в этом ее главная ценность.

Отечественная война явилась рубежом в личной и научной биографии Л. Р. Когана. Законченную в конце 1940 г. диссертацию защитить не удалось. Затем начало войны, блокада, эвакуация — в Ессентуки, Новосибирск, Алма-Ату. В Алма-Ате в область научных занятий ученого вошел Островский. В 1945 г. Коган вернулся в Ленинград и продолжал работу в Библиотечном институте, но ни о какой интенсивной научной

деятельности уже не могло быть и речи. Время печально известной борьбы с космополитизмом (вторая половина 1940-х гг.) очень сильно сказалось на судьбе Л. Р. Когана. Его не печатали, само пребывание Когана на кафедре было под угрозой. Он тяжело болел; в период улучшения занимался библиографической работой, собирал материалы к «Летописи жизни и творчества А. Н. Островского», писал мемуары, не слишком рассчитывая на публикацию. Скончался Л. Р. Коган в 1959 г., так и не дождавшись выхода в свет ни книги воспоминаний, ни своей монографии о Пушкине.

С. В. ДЕНИСЕНКО

ПУШКИНСКИЕ СЮЖЕТЫ И ТЕКСТЫ НА СЦЕНЕ В 1837—1850 гг.

Настоящая статья посвящена инсценировкам пушкинских недраматургических произведений на драматической и музыкальной сцене в годы, следующие сразу после гибели поэта (1837—1850), и хронологически продолжает наш обзор прижизненных «пушкинских» инсценировок.¹

Напомним, что при жизни Пушкина было поставлено восемь спектаклей на сюжеты его произведений.² Популярность в 1820-е—начале 1830-х гг. «волшебных балетов» Ш. Дидло дала рождение «пушкинским» спектаклям «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника» и «Кавказский пленник, или Тень невесты»; восторженное отношение публики к «драме ужасов», с мотивами рока и мести, с порывами и страстями, породило «Финна», «Керим-Гирея» и «Хризоманию» А. А. Шаховского, «Цыган» В. А. Каратыгина, «Черную шаль» А. П. Глушковского и «Пятнадцать лет разлуки» К. А. Бахтурина.

Всплеском «пушкинских» постановок год смерти поэта «на театре» отмечен не был: в 1837 г. продолжали идти «Керим-Гирей» (спектакли 26 мая, 2 июня и 29 декабря) и «Пятнадцать лет разлуки» (спектакль 3 сентября). В последующее десятилетие возобновляли «Цыган» и «Пятнадцать лет разлуки», «Керим-Гирея» и «Хризоманию». Но все эти постановки уже не пользовались успехом у зрителей и критики о них не писали.

«Имя Пушкина, конечно, хорошо знали, но много ли его читали? — другой вопрос, тем более что первое посмертное собрание его сочинений стоило дорого. (...) Даже трагическая смерть Пушкина произвела впечатление только в Петербурге», — такое объяснение непопулярности Пушкина в этот период на театральной сцене давал музыковед и композитор М. М. Иванов.³ Вывод автора представляется спорным. Думается, что дело, скорее, в изменении сценических приоритетов. Времена волшебных балетов Дидло и мелодраматических пантомим Глушковского миновали — и в течение нескольких десятилетий не появится ни одного «пушкинского» балета. Однако, начиная с «Руслана и Людмилы» М. И. Глинки, имя Пушкина станет постоянным на афишах оперных спектаклей.

¹ См.: *Денисенко С. В.* Переработки пушкинских текстов и сюжетов для музыкальной и драматической сцены при жизни поэта // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 2002. Вып. 3. С. 217—243.

² Подробнее об этом см.: *Пономарева Е. А.* Пушкин на московской сцене // Пушкин и Москва. М., 1999. С. 74—84; *Щербакова М. Н.* Пушкин и современники: Страницы театральной истории. СПб., 1999. С. 10—102.

³ *Иванов М. М.* Пушкин в музыке. Б. м., 1899. С. 38.

Немногочисленные попытки «приспособить» пушкинские произведения к жанру драмы оказались менее удачными. Зато в рассматриваемый период произведения Пушкина начали «приспосабливать» к популярному тогда жанру водевиля — и весьма успешно.

К жанру «водевиля с переодеванием» весьма подходил сюжет пушкинской «Барышни-крестьянки». Еще по выходе повести в свет «Северная пчела» писала: «Все действие основано на переодевании — старое средство французских комедий. Вероятно ли, чтобы молодой человек не узнал своей любовницы потому только, что она нарумянила щеки, насурьмила брови, надела пукли?»⁴ Повесть могла бы служить основой и для «водевиля характеров» по расстановке в ней персонажей: здесь и расторопная служанка, и чопорная бонна — старая дева, и простоватый герой-любовник, и хитроумная влюбленная, и незадачливый провинциал-помещик.

В 1837 г. на Александринской сцене появился водевиль «Невеста наяву и во сне, или Барышня-крестьянка» — «оригинальная шутка-водевиль в одном действии с хором и танцами» неизвестного автора.⁵ Сюжет этого водевиля лишь отдаленно напоминал пушкинский. Впрочем, имени Пушкина на афише обозначено и не было. Пьеса давалась 23 и 26 августа 1837 г. в бенефис комического актера М. В. Величкина и имела успех. Театральный обозреватель «Северной пчелы» отмечал: «„Барышня-крестьянка“ сложена, кажется, нарочно для того, чтобы девица Величкина (дочь бенефицианта. — С. Д.) имела случай надеть сарафан и повязку, пропеть две русские песни, поплясать и поговорить по-французски».⁶

Е. И. Ольдекоп в цензорском разрешении дал пьесе уничижительную характеристику: «Эта пьеса самая пустая. Молодой Вельский видел во сне, что он влюбился в крестьянку, и объявляет своему дяде Громилову, что он непременно женится на крестьянке и ничего не хочет знать о нареченной ему невесте Оленьке, дочери помещика Трубицына. Громилов просит Оленьку надеть сарафан и показаться Вельскому вместе с девушками. Вельский, увидев Оленьку, падает к ее ногам, объявляя, что это та самая крестьянка, которую он видел во сне... Все кончено».⁷ Содержание водевиля понятно уже из рапорта цензора. Добавим только, что диалоги персонажей перемежаются куплетами (например, куплеты Трубицына о «нынешних временах и нравах» или куплеты слуги Гришки: «Да уж мне эти господа, / Порядком любят побраниться, / И черт, исправный хоть куда, / По ним ни к черту не годится»). Комическая героиня разговаривает на смеси русского с французским, что уже должно было предопределить успех. Решив переодеться крестьянкой, она вместе с хором крестьян выходит к своему потенциальному жениху и, между прочим, исполняет присланную ей «вчера тетенькой из Москвы» «русскую песню» «Девочки-красавицы, душеньки-подруженьки»⁸ (взятую без изменений из «Евгения Онегина»). В финале все усаживаются за стол и пьют здоровье жениха и невесты. В дальнейшем этот водевиль, «скроенный на скорую руку» для бенефисного выступления (что было обычной театральной практикой), не шел.

Первой инсценировкой пушкинской повести назовем «оригинальный водевиль в двух действиях» «Барышня-крестьянка» популярного водевильного автора Н. А. Коровкина с музыкой И. А. Рупина. Его премьера состоялась в Александринском театре 5 мая 1839 г. Пушкинский текст

⁴ Р. З. (Зотов Р. М.) Новые книги // Сев. пчела. 1834. № 192. 27 авг.

⁵ Рукопись хранится: СПбГТБ, 1.6.5.98.

⁶ Сев. пчела. 1837. № 206. 13 сент.

⁷ Цит. по: Инсценировки произведений Пушкина в драматической цензуре / Публ. В. М. Абрамкина // Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 260.

⁸ Скорее всего, это песня для голоса с фортепиано Д. Н. Кашина (М.: Венцель, 1835). Кроме того, пушкинский текст был положен на музыку А. М. Анитовой (СПб.: Литографовальня Линдрота и К°, 1831) и А. С. Даргомыжским (СПб.: Бернгард, 1849).

в пьесе был переделан в диалоги с традиционными водевильными куплетами. Сюжет весьма приближен к повести, но «сжат» во времени, поскольку «ритмы водевиля требовали более резкой смены сцен, эпизодов, и Коровкин подчинял инсценировку этому правилу».⁹ Спектакль пользовался зрительским успехом («Водевильчик прошел весьма живо», — заметил А. И. Вольф в своей «Хронике»¹⁰), но, как это часто бывало, заслужил неодобрение критики. «Плохой водевиль, переделанный из превосходной повести», — характеризовала спектакль «Галатее».¹¹ «Из прекрасной живой повести водевиль вышел довольно слабый», — отмечалось в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду».¹² Обозреватель «Репертуара русского театра» был более корректен: «Помнится, прежде называли оригинальную пьесу еще не напечатанную. Пора бы оставить это название, не называющее ничего и отзывающееся чем-то похожим на „товар лицом продан“. Как бы то ни было, а водевиль „Барышня-крестьянка“ очень недурен, хотя многое в нем (а в особенности куплеты) отзывается поспешностью срочной работы».¹³ «Северная пчела» считала, что сравнение спектакля с повестью Пушкина не в пользу водевиля: «Хотя водевиль и назван оригинальным, но собственно оригинального в нем ничего нет, кроме одной мысли Пушкина нарядить барышню крестьянкою. Но в повести подробности рассказа, слог, искры ума наблюдательного и быстрого придают ей прелесть, сцена требует своего колорита: если не полных характеров, так по крайней мере резких очерков. Переделка не посчастливилась Н. А. Коровкину. „Барышня-крестьянка“ слабее предыдущих его водевилей». Однако «русский колорит» водевиля «Северной пчелой» был встречен одобрительно: «Гораздо приятнее видеть такую русскую пьесу, чем нелепые переделки (с французского. — С. Д.)».¹⁴

В пьесе были переделаны имена (старший Берестов — Лев Иванович, Муромский — Иван Петрович) и введен еще один персонаж — сосед-помещик Илья Иванович Бубнов.

Водевиль начинался разговором Лизы и Насти о Берестове, в ходе которого у героини созрела мысль о переодевании в крестьянку. Напрасно служанка предостерегала госпожу: «Сударыня! Остерегитесь! / Беда бывает от затей. / Не в шутку, сами не влюбитесь / Вы с этой шуткою своей. / Тут нужны ловкость и уменье, / Ну, вдруг узнают вас? — беда!». В ответ ей было: «Но разве встретит затрудненье / В притворстве девушка когда?». В это время Берестов беседовал с Бубновым о Муромском, село которого, кстати, называлось Причудино: «И сад он английский развел, / И печь для ростбифа устроил, / И англичанин взят для пчел, — / А все дохода не удвоил! (...) Уж как голубчик ни хитрится, / А все на английский манер / Хлеб русский что-то не родится!». Тут как раз — «ритмы водевиля!» — Муромский падает с лошади, Берестов ему помогает, помещики мирятся и решают поженить своих детей. Муромский приглашает Берестова к себе («уходя, они оба напевают совершенно разные мотивы»).

Тем временем произошла встреча Алексея с «крестьянкой» Лизой-Акулиной. «Алексей: Чего тебе меня бояться, / Ведь я на волка не похож. Лиза: Да как же с волком те равняться, / Когда ты так собой пригож. / Но ласки все твои напрасны; / Свет нынче стал уж вот каков: Нам волки стали неопасны, / А господа страшней волков». Алексей учит ее грамоте: «всего пять слов (так! — С. Д.) — „приду“» («Возьми же с со-

⁹ Шкилева Л. Ф. К истории инсценировок повестей Пушкина («Барышня-крестьянка», «Станционный смотритель») // Болдинские чтения. Горький, 1976. С. 159.

¹⁰ Вольф А. Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. СПб., 1877. Ч. 1. С. 76.

¹¹ Галатее. 1839. Т. 5. № 44. С. 625.

¹² Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1839. № 20. С. 433.

¹³ Репертуар русского театра. 1839. Т. 2. С. 6. «На московской сцене он (водевиль) шел очень хорошо», — отмечалось там же (с. 19).

¹⁴ Сев. пчела. 1839. № 114. 25 мая.

бой эту страничку, и когда ты захочешь меня видеть, напиши эти пять слов и положи письмецо свое в это дупло»).

Муромский в ожидании гостей отдает распоряжения прислуге: «Сервиз к столу подать московский, / А если спросят... ну, соврать: / Из Лондона-с... и гость таковский, / Ему вовек не разобрать».

Мисс Жаксон в этом водевиле только упоминалась, она «уехала в гости», и потому Лиза спокойно воспользовалась ее косметикой: «Я нарумянюсь, набелюсь, / И вдруг, с поддельными кудрями, / К вам рыжей барышней явлюсь. / Навешу множество цепочек / И бриллиантовую нить, / И из журналов модных строчек / Начну тирады говорить...».

В результате отцы поладили между собой, а дети — нет. Лиза представляется полнейшей душой (вот ее разговор: «Как стали дешевы именья, / Зато как сбруя дорога» и проч.), отчего Алексей приходит в ужас: «Навряд ли в английскую утку / Влюбиться может русский гусь!». Герои холодно прощаются. Когда старший Берестов продолжает настаивать на женитьбе сына, Алексей решает поговорить с барышней и объяснить, что любит другую. В это время «Лиза выходит из своей комнаты в простом платье с письмом в руках». Финальный хор исполняет куплеты: «Мы ладно и славно окончили дело; / Затеи, по счастью, нам все удались, / Теперь и за свадьбу мы примемся смело!».

«Образ Муромского в водевиле исходит из пушкинского описания и в то же время обновляется в духе модной национальной, отчасти урапатриотической тематики. (...) В ряде случаев удачно перенесен пушкинский текст, особенно в сценах Лиза — Настя, Лиза — молодой Берестов. (...) Пушкинский текст давал отличный материал для создания характерного языка — одного из обязательных признаков водевиля. Коровкин же здесь следовал банальным, псевдовыразительным приемам. Упрощение пушкинского слова вело к упрощению характеров. (...) Коровкин нарочито стремится придать пушкинской прозе водевильную легкость», — отмечала исследовательница этой пьесы Л. Ф. Шкилева.¹⁵

Водевиль Коровкина продержался на московской и петербургской сценах еще четыре сезона¹⁶ и возобновлялся позднее, в 1880—1890-е гг. Отметим, что к пушкинской «Барышне-крестьянке» драматический и музыкальный театр будет обращаться еще не раз.¹⁷

* * *

Самым крупным «пушкинским» театральным событием 1840-х гг., конечно же, стала постановка «волшебной оперы» в пяти действиях и семи картинах М. И. Глинки «Руслан и Людмила».¹⁸ Как вспоминал сам Глинка,¹⁹ обратиться к пушкинскому «Руслану» ему посоветовал А. А. Шаховской. Начало работы Глинки над оперой относят к 1836 г.

¹⁵ Шкилева Л. Ф. К истории инсценировок повестей Пушкина («Барышня-крестьянка», «Стандионный зритель»). С. 160—161.

¹⁶ Пьеса издана: Репертуар русского театра. 1839. Кн. 6. В Петербурге спектакли прошли 5, 8, 16 мая, 13 июня, 6 июля, 25 августа, 11 сентября, 1 декабря 1839 г.; 21 января, 9 мая, 10 декабря 1840 г.; 18 августа, 22 октября 1841 г.; 19 и 31 июля, 16 декабря 1842 г.; 19 августа 1843 г.; в Москве — 27 октября, 9 и 27 ноября 1839 г.; 19 февраля, 21 июля 1840 г.; 16 и 28 июня 1842 г.

¹⁷ В XIX в. были поставлены: «Лизинька» (опера, 1871) Джованни фон Зайца, «Барышня-крестьянка» (опера в двух действиях, 1875) И. П. Ларионова, «Барышня-крестьянка» («сцены из помещицкой жизни для народного театра», 1889) А. Я. Алексеева-Яковлева, «Барышня-крестьянка» (оперетта, 1899) И. Ф. Деккер-Шенке.

¹⁸ Либретто: СПб., 1842; партитура под ред. Н. А. Римского-Корсакова, М. А. Балакирева, А. К. Лядова издана: СПб., 1878; клавир издан: СПб.: Стелловский, 1842—1843 (в отрывках); М.: Юргенсон, 1881 (полностью). Перечень посвященных опере статей см.: Музыкальная библиография русской периодической печати 19 в. М., 1966. Т. 3 / Сост. Т. Ливанова. С. 87—91.

¹⁹ См.: Глинка М. И. Записки. М., 1988. С. 79.

(по преданию, Пушкин одобрил выбор сюжета). В «Записках» Глинки имеется упоминание, что либретто было написано по плану К. А. Бахтурина: «Я писал оперу по кусочкам и урывками. (...) В 1837 или 1838 году, зимою, я однажды играл с жаром некоторые отрывки из оперы „Руслан”. Н. Кукольник, всегда принимавший участие в моих произведениях, подстрекал меня более и более. Тогда был там между посетителями Константин Бахтурин; он взялся сделать план оперы и намахал его в четверть часа под пьяную руку, и вообразите: опера сделана по этому плану! Бахтурин вместо Пушкина! Как это случилось? — Сам не понимаю».²⁰ «Осмотревшись, однако же, я нашел, что общей связи между частями новой моей оперы не было», — отмечал композитор.²¹ В составлении либретто принимали участие В. Ф. Широков и сам композитор, а также Н. А. Маркевич, Н. В. Кукольник и М. А. Гедеев (авторы в печатном издании либретто не были обозначены). К апрелю 1842 г. партитура была готова. С августа начались репетиции, во время которых композитор вносил в музыкальный текст некоторые изменения. Премьера состоялась в Петербурге 27 ноября 1842 г. (дирижер К. Ф. Альбрехт, режиссер М. С. Лебедев). Несмотря на неуспех («первое представление „Руслана и Людмилы” утомило всех длиннотою пьесы, незанимательностью завязки»²²), спектакль в этом сезоне давался часто (31 раз), в следующие сезоны количество спектаклей уменьшалось: в сезон 1843—1844 гг. — 12, в сезон 1844—1845 гг. — 6, а в сезон 1846—1847 гг. — всего один спектакль. Премьера в Москве в Большом театре состоялась 9 декабря 1846 г. После значительного перерыва опера была возобновлена: в Петербурге в 1857 г., в Москве — только в 1890 г.²³ и с тех пор уже не сходила со сцены.²⁴

Появление оперы положило начало бурной полемике в прессе (выступления В. Ф. Одоевского, Ф. А. Кони, О. И. Сенковского, Ф. В. Булгарина, Р. М. Зотова, В. С. Межевича); впрочем, основная полемика разгорелась позднее, после смерти Глинки, между А. Н. Серовым и В. В. Стасовым. «Булгарин не ограничился статьей, написанной им до первого представления, он со всевозможной злобою критиковал музыку и слова и, что было презабавно, строго разбирал преимущественно слова, мною написанные. Сенковский постоянно защищал меня, и, как известно, очень умно и ловко. Князь Одоевский написал также о моей опере претипую статью», — отмечал в своих «Записках» Глинка.²⁵

Ф. А. Кони, разбирая недостатки оперы, писал: «Во-первых, композитор выбрал сказочный, фантастический род; во-вторых, он выбрал либретто, лишенное всякой тени смысла. (...) Происшествия не вяжутся; все они — отдельные эпизоды из жизни действующих лиц, нет общей нити главного события и потому нет драматического интереса. Об идее и говорить нечего. Тут взята простая сказка, как ее изображают суздальские художники».²⁶ По мнению критика, у Пушкина «эпизоды состав-

²⁰ Там же. С. 87—88. «Изложенная в „Записках” версия Глинки о сочинении плана оперы К. А. Бахтуриным „под пьяную руку” была подвергнута сомнению В. В. Стасовым при первой публикации плана в 1871 г. (Русская старина, март)» (Розанов А. С. Комментарий // Глинка М. И. Записки. С. 174).

²¹ Глинка М. И. Записки. С. 101.

²² Репертуар русского и Пантеон всех иностранных театров. 1842. № 23. С. 22.

²³ В. В. Стасов опубликовал два письма В. Ф. Одоевского, в одном из которых, между прочим, говорилось о московском возобновлении оперы: «К наслаждению вновь послушать „Руслана” примешивалось горькое чувство, которое мало-помалу образовалось в мысль не только шальную, но даже дерзкую. Вымолвлю ее поскорее, пока хватает духа: необходимо переделать либретто „Руслана”, разумеется сохранив бережно всю музыку Глинки» (Ежегодник императорских театров: Сезон 1892—1893 гг. СПб., 1894. С. 484). О постановках оперы см. статьи В. Фермана «Пушкин в музыкальном театре» и Л. Гроссмана «„Руслан и Людмила” и балетный театр пушкинской эпохи» («Руслан и Людмила»: Сб. статей к постановке оперы в Большом театре СССР. М., 1937. С. 16—38, 39—53).

²⁴ Перечень представлений оперы с 1842 по 1892 г. см.: Ежегодник императорских театров: Сезон 1891—1892 гг. СПб., 1893. С. 347—352.

²⁵ Глинка М. И. Записки. С. 109.

²⁶ Репертуар русского и Пантеон всех иностранных театров. 1842. № 11—12. С. 141.

ляют целые отдельные поэмы, богатые вымыслом, роскошным описанием. Автор либретто „Руслана и Людмилы” предоставил описания г. Роллеру (художнику и машинисту сцены. — С. Д.), великому мастеру поэтически писать природу; вымысел и поэзию выкинул для краткости, а голую сказку — бледную и бедную событиями, растянул в бесконечность и развел в самых водяных стихах. (...) Глинка скрыл все грехи автора либретто». ²⁷ Далее критик отмечал: «Это, скорее, большая фантастическая оратория, исполненная на сцене, в костюмах и с декорациями. Везде видно, что компонисту хочется обратить ее в оперу, придать ей драматизм. Но это не в его власти, когда в самой поэме нет драмы. Вся вина такого недостатка на либреттисте. (...) Баллада Финна превосходна, в высшей степени человечна и правдоподобна, и потому так понятна каждому слушателю». ²⁸ Свое выступление Кони завершал так: «Для составления слов оперы обыкновенно достаточно какого-либо анекдота или предания, к которому приделают вступительные сцены, потом прибавят вставные сцены. (...) (Опера Глинки) — сцены без последовательности и без толку, бессмысленные стихи подле звучных стихов Пушкина, отсутствие всякого действия, пренебрежение всеми драматическими и оперными эффектами». ²⁹

Ф. В. Булгарин в «Северной пчеле» вслед за «Пантеоном» говорил о неуспехе спектакля, о скуке, которую испытывают слушатели, о том, что великолепны только декорации. ³⁰

Р. М. Зотов в той же «Северной пчеле» заявлял, что Глинка не оправдал ожиданий публики («Переводы да переводы нам давно надоели. Национальная гордость с жадностью ожидает, требует своего — и она права»), и критиковал либретто: «Каждый грамотный человек на Святой Руси, верно, знает поэму Пушкина. Из нее-то сделано либретто для оперы. По-видимому, что могло быть богаче и прекраснее этой поэмы! Какой разгул для воображения! Какие восхитительные картины оставил нам Пушкин в своем произведении! И что же? На сцене вышла самая запутанная опера! Сцены ничем не оправданные, холодные, пустые, — не веришь себе!». Отмечалось также, что номера сюжетно «плохо связаны», что есть «пропуски в драматургии» и проч. «Автор либретто слишком уверен, что всякий зритель оперы знает характеристику действующих лиц в поэме Пушкина. (...) Кто не помнит поэмы Пушкина? Автор либретто не хотел воспользоваться прелестными сценами, описанными в поэме, как-то: зеркало, шапочки-невидимки (так! — С. Д.) и проч.» ³¹

Положительным был отзыв «Библиотеки для чтения» (здесь была напечатана рецензия В. Ф. Одоевского, в которой произведение Глинки называлось «шедевром от первой до последней ноты» ³²). Недовольство рецензента касалось только партии Головы («долго! слишком долго!» ³³) и балета четвертого акта: «Балет этого акта тоже подлежит сокращению: танцы дев, обольщающих Ратмира, прелестны, музыка танцев исполнена невыразимой грации, томления, сладострастия. Но все это — долго!» ³⁴

Позднее А. Н. Серов в большой статье «Руслан и русланисты», опубликованной в нескольких номерах «Музыки и театра» в 1867 г., резко отрицательно отнесся к выбору поэмы Пушкина в качестве оперного сюжета (основываясь, кстати, на разборе «Руслана и Людмилы» В. Г. Белинским): «В наше время ни один даровитый музыкант не выбрал бы

²⁷ Там же. С. 142.

²⁸ Там же. С. 148—149.

²⁹ Там же. 1842. № 24. С. 19.

³⁰ См.: (Булгарин Ф. В.) Первые впечатления, произведенные оперою «Руслан и Людмила» // Сев. пчела. 1842. № 269. 1 дек.

³¹ Р. З. (Зотов Р. М.) Смесь // Сев. пчела. 1842. № 275. 8 дек.

³² (Одоевский В. Ф.) Опера в Петербурге // Б-ка для чтения. 1842. Т. 55. Отд. 7. С. 157.

³³ Там же. С. 165.

³⁴ Там же. С. 168.

эту детски-слабую и нисколько не национальную поэму для широко-русской оперы».³⁵ Критик отмечал, что «обворожительно-прелестный стих поэмы — для оперы не находка; в тех редких случаях, где поэт говорит не от себя, а от лица действующих, стих на сцене будет едва заметен, пропадет под музыкой».³⁶ И далее: «Оставаясь в пушкинском, полуироническом отношении к героям поэмы и их подвигам, не гоняясь нимало за местными красками и за русской народностью, но желая сохранить яркую причудливость картин и положений, эту поэму для театра можно бы превратить или в балет, или в комико-фантастическую оперу в самом легком, шаловливом стиле».³⁷ Резюме было следующим: «Автор или авторы текста (...) подошел или подошли к этому сюжету именно с серьезной, трагической стороны!!! Да ведь это злейшая пародия на дело! Что бы сказали о переделке Шекспировой драмы „Ромео и Юлия“ в оперу-водевиль?».³⁸

Относительно либретто можно только добавить, что в нем довольно много переключек с либретто балета «Руслан и Людмила». Балет Дидло и Глушковского Глинке был хорошо знаком, и в своем спектакле он, безусловно, воспользовался драматургией этой первой инсценировки поэмы. Композитор, таким образом, придерживался пушкинского сюжета, уже адаптированного к сценическим условиям. Так же как и в балете, похищение Людмилы происходило не в спальне новобрачных, а в пиршественной зале под гром и дым. Но если в балете роль Финна была отведена доброй волшебнице Добrade (сюжету любви Финна и Наины была посвящена волшебная трилогия «Финн» Шаховского), то автор либретто оперы следовал Пушкину. Впрочем, и это вызвало недовольство рецензентов: «Руслан в пещере Финна, и словоохотливый старик поет ему балладу в 109 стихов. Это весь рассказ Пушкина, весь эпизод Финна и Наины. Там он очень занимателен. В поэме некуда торопиться. (...) Но в опере должно быть единство интереса: нас теперь занимает участь Людмилы».³⁹ Как и в балете, в опере присутствует Голова (кстати, это «голова богатыря Полкана» — имя то же, что и в балетной постановке). Любопытно, что Глинка в третьем действии своей оперы вслед за Дидло и Глушковским ввел балетную сцену обольщения Руслана волшебницами, вызванными Наиной⁴⁰ (напомним: у Пушкина они обольщают только Ратмира, в балете — только Руслана, у Глинки — и Ратмира, и Руслана). Но в оперу введен новый персонаж — Горислава, покинутая возлюбленная Ратмира, которая в замке сетует на свою печальную судьбу и призывает Ратмира (героиню с таким именем мы встречаем в одном из ранних «пушкинских» спектаклей — это невеста Пленника в балете «Кавказский пленник, или Тень невесты» Дидло (1823)). Еще одна сцена, взятая композитором из балетного спектакля, — дворец Черномора. Так же как и там, появляется Черномор, во дворце начинаются танцы,⁴¹ которые прерываются звуками рога, возвещающими о прибытии Руслана. В остальном Глинка придерживался пушкинского сюжета.⁴²

³⁵ Музыка и театр. 1867. № 4. С. 51.

³⁶ Там же. С. 52.

³⁷ Там же. С. 53.

³⁸ Там же. С. 54.

³⁹ Сев. пчела. 1842. № 275. 8 дек. А. Н. Серов в цитированной выше рецензии писал о балладе Финна: «Финн — то лицо оперы, на долю которого пришлось наибольшее количество стихов текста, прямо взятых из пушкинской поэмы. Это самое и сгубило его. Он — бесподобно-омузыкаленный пушкинский рассказ» (Музыка и театр. 1867. № 45. С. 106).

⁴⁰ О хореографии в опере Глинки см.: *Красовская В.* Русский балетный театр. М.; Л., 1958. С. 209—211.

⁴¹ О «кавказском колорите» в этой сцене А. Н. Серов писал: «Театральная натяжка, вздор, вроде национальных танцев в „Коньке-горбунке“» (Музыка и театр. 1867. № 5. С. 73).

⁴² «Из всех авторов и произведений, музыкально иллюстрировавших Пушкина и наиболее точно передающих характер и дух нашего поэта, на первый план надобно, конечно,

Популярность новой оперы у зрителей объясняет появление в 1843 г. водевиля Н. Акселя «Еще Руслан и Людмила, или Новый дом сумасшедших». ⁴³ Современники усмотрели в нем пародию на оперу (что, нам кажется, не совсем верно): «Аксель (Линдфорс, молодой офицер Генерального штаба) написал „Еще Руслан и Людмила“, пародию à propos на оперу Глинки, сыгранную в ту же зиму на Большом театре. Пародия оказалась очень веселенькою. Самойлов и Мартынов смешили до слез». ⁴⁴ Герой водевиля («Настоящий богатырь: дерется напропалую — вчера Ивану глаз подбил!») влюблен в дочь помещика Рябцова, бывшего доктора, содержащего дом сумасшедших. Чтобы завоевать сердце возлюбленной, он прикидывается душевнобольным и представляется Русланом Лазаревичем, скачет на палочке и напевает: «Ты видишь ли, конь мой, вершину тех гор, / Челом подпирающих тучи? / В выси неприступной живет Черномор — / Волшебник и злой, и могучий. / Там в башне томится, доставшись врагу, / Младая княгиня Людмила! / Избавить от плена ее я могу! / Все может Русланова сила!». Этот водевиль шел в течение трех сезонов и исчез со сцены вместе с первой постановкой «Руслана и Людмилы» Глинки. Впрочем, позднее он иногда игрался на сцене провинциальных театров.

* * *

Попытки «приспособить» пушкинские произведения к жанру драмы, как мы уже отмечали выше, оказались менее удачными. Премьера «Евгения Онегина» ⁴⁵ — «драматического представления в 3 действиях, 4 отделениях, в стихах» (переделка «романа А. С. Пушкина, с сохранением многих стихов его») Г. В. Кугушева — состоялась 24 апреля 1846 г. в Александринском театре с музыкой А. Ф. Львова, в Москве в Большом театре — 4 сентября 1846 г. с музыкой А. Н. Верстовского. А. И. Вольф отмечал в «Хронике»: «Переделка, не заключающая в себе ничего драматического, конечно, не имела успеха; но не могу, однако, не вспомнить, как прелестно были прочтены многие сцены В. В. Самойловою (Татьяна), и в особенности знаменитое письмо и встречу замужней Татьяны с Онегиным». ⁴⁶ Эта пьеса — первая и единственная инсценировка «Евгения Онегина» в драматическом театре в XIX в. Она написана «онегинским стихом» с многочисленными вкраплениями пушкинского текста, сделанными, надо признать, довольно умело. Как обычно в инсценировках, авторский текст был переделан в диалоги.

Спектакль пользовался успехом у публики — и рецензентами это приписывалось только Пушкину. Театральный обозреватель «Северной пчелы» писал: «Конечно, каждый из зрителей, и не видав пьесы, мог заранее знать, в чем дело, и быть вполне уверенным, что из поэмы, продолжающейся несколько лет, нельзя сделать драмы, разыгрываемой

поставить Глинку и „Руслана“. Та общая гармоничность целого вместе с простотою и богатством деталей, яркость и вместе целомудренная сдержанность в красках, горячий подъем поэтического чувства, оставляющий, однако, большую свободу настроению самого читателя, — все эти качества, составляющие сущность поэтического творчества Пушкина, наконец, общий народный характер этого творчества, нашли яркое выражение в музыке Глинки. Последний не заботился о безусловно точной передаче каждого стиха Пушкина, но такая погоня и не составляет истинной задачи музыки. Литературный текст есть только канва, на которой фантазия богато одаренного композитора расширяет свои музыкальные узоры, придерживаясь данного рисунка» (*Иванов М. М.* Пушкин в музыке. С. 131—132).

⁴³ Рукопись хранится: СПбГТБ, 1.2.1.123.

⁴⁴ *Вольф А.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. С. 100. На с. 102 обозреватель отмечал успех оперы Глинки.

⁴⁵ Пьеса издана: *Кугушев Г. В.* Драматические сочинения. Б. м. 1898. Т. 1. С. 77—118. В Петербурге спектакли прошли 24, 26, 29, 30 апреля, 2, 6, 8, 12, 16, 23 мая 1846 г.; 25, 27 августа, 9, 15 сентября 1848 г.; 14, 23 ноября, 2, 5, 31 декабря 1849 г.; 12 января, 1 февраля, 26 мая 1850 г.; в Москве — 4, 9, 17 сентября 1846 г.

⁴⁶ *Вольф А.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. С. 118.

в продолжение двух часов. (...) Но как же не взглянуть на подобную новость, как не послушать стихов нашего великого поэта! Все бросились в этот спектакль, и если не нашли пьесы, то все были довольны поэмою, потому что всякий знал ее наизусть. (...) И как ни слабо вышло все это сценическое творение, но мы все-таки благодарны этому г. составителю за удовольствие, доставляемое нам стихами Пушкина. (...) Пьесы тут нет и не могло быть, а есть только отрывки из поэмы Пушкина».⁴⁷ Несколько позднее рецензент газеты высказался более резко: «Сколь завлекательны восемь глав упомянутого романа (...) столь же несообразна композиция, в которой действующие лица с переменою декораций блуждают по сцене как китайские тени, и не видишь пределов терпению».⁴⁸

Критик «Репертуара и Пантеона» был более благосклонен: «Всякое создание, первоначально назначенное только для избранных сынов эпохи, мало-помалу переходит и должно переходить в достояние толпы, массы, в собственность народа. (...) Мы (...) с радостью встретили эту попытку приблизить к понятиям толпы идеал, смутно тревоживший целую эпоху (...) в целом остались довольны ее исполнением. (...) Ни в поэме Пушкина, ни в пьесе нет ничего драматического, ибо самый образ Онегина принадлежит к числу тех лиц без личности, которые носят в себе задачу целой эпохи, а не задачу собственного бытия. Онегин в жизни действительной был бы, вероятно, слиянием Онегина и Ленского, был бы тем, чем был сам поэт. (...) Некоторые места переделки доказывают, что ее автор или не совсем понял основную идею характера Онегина, или — что еще хуже — хотел сузить широкие размеры пушкинского идеала». Рецензент также выражал недовольство сценой «волокичества Онегина за Ольгой» и монологом Онегина после убийства Ленского: «Наша благодарность была бы полнее, если бы он более скрыл самого себя и вернее, объективнее переделал поэта».⁴⁹

В «отделении первом» («Письмо») этой драмы происходит чаепитие в доме Лариных. Зарецкий, ближайший друг дома, сплетничает об Онегине («Он дамам к ручке не подходит» и проч.). Чтобы дать представление о псевдопушкинской речи персонажей, приведем отзыв Зарецкого о Ленском: «Владимир малый добрый, скромный, / Красавец, в полном цвете лет, Восторженный, притом влюбленный, / Поклонник Канта... и поэт». В это время Ленский и Онегин в другой комнате играют в шахматы. Когда они выходят, старушка Ларина настойчиво потчует их «брусничной водой». Онегин общается с Татьяной — и находит ее весьма скучной. Когда гости уезжают, Татьяна в своей комнате стоит у окна, вздыхает и пишет письмо. Далее следует диалог с няней, взятый полностью из романа.

В «отделении втором» («Проповедь и дуэль») Онегин рассказывает Ленскому о письме Татьяны. Затем, оставшись один, он разрабатывает следующий коварный план: «Я все как надобно устрою, / Татьяне проповедь скажу / И Ленскому глаза открою. / Он будет благодарен мне». Появляется Ольга, которой Онегин признается в любви. Ленский все это слышит. Далее следуют проповедь Онегина (под песню девушек «Девуцы-красавицы») и его дуэль с Ленским.

«Отделение третье» («Встреча») и «отделение четвертое» («Отповедь») весьма приближены к пушкинскому тексту. В финале (после слов героини: «Я буду век ему верна!!!») следует «мимическая сцена»: «Татьяна тихо и спокойно идет к двери. Онегин делает отчаянное усилие следовать за нею, но, изнеможенный, опускается в кресло. Князь Дольский оказывается у входа. Занавес быстро опускается».

⁴⁷ Сев. пчела. 1846. № 98. 3 мая.

⁴⁸ Там же. № 208. 17 сент.

⁴⁹ Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров. 1846. Т. 14. С. 43—45.

В 1840-е гг. театр еще несколько раз обращался к Пушкину, но эти пьесы либо были поставлены на сцене позднее, либо были запрещены цензурой.

Не увидело света драматическое представление по «Бахчисарайскому фонтану» Н. Сементовского (Харьков) «Пленница». В цензурном запрещении (от 23 марта 1842 г.) отмечалось: «Автор (...) искажил его (сюжет Пушкина. — С. Д.) самым нелепым образом. Грабежи казаков, буйства, ругательства на поляков составляют главные и занимательнейшие черты этой бессмыслицы». ⁵⁰ Такая же судьба постигла пьесу Г. Н. Р... «Братья разбойники» (цензурное запрещение от 15 июля 1842 г.). Весьма любопытен эмоциональный цензурский рапорт М. А. Гедеонова: «К стихам Пушкина приделал свои стихи Г. Н. Р...! Из уважения к первому русскому поэту должно бы запретить такие приделки. Еще бы если эта приделка была нравственная. (...) Сперва г-жа Сосницкая, теперь г-жа Яковлева представляют тайно от своего начальства и незаконным порядком запрещенную пьесу в надежде, что ценсура позабудет о прежнем своем решении. Таковые поступки мне кажутся оскорбительными для ценсуры. Г-жа Яковлева, вероятно, предполагает, что ценсура решает сегодня так, а завтра иначе». ⁵¹ Мотивировки цензурных запрещений драмы в трех действиях «Кочубей» Н. Кулжинского (от 5 сентября 1842 г.: «Смерть Кочубея составляет главный ее интерес» ⁵²) и драматического представления в пяти действиях «Мазепа» Г. С. Солодовникова (от 11 января 1844 г.: «История Мазепы и связь его с Марией составляли сюжет нескольких пьес, которые запрещены» ⁵³) были столь же безапелляционны.

Кроме того, в нашем обзоре мы должны упомянуть об опере А. А. Алябьева «Бахчисарайский фонтан», сведениями о которой мы не располагаем. Известно лишь замечание на этот счет М. М. Иванова: «Исполнялась ли эта опера — не могу ответить в настоящую минуту; возможно, что давалась на московской сцене. (...) Не знаю, существует ли фортепианное издание „Бахчисарайского фонтана“ (...) его мне не приходилось видеть». ⁵⁴

Как следует из предлагаемого обзора, русский театр в рассматриваемый период еще с осторожностью обращался к текстам и сюжетам недавно погибшего поэта. Несмотря на то что в начале 1840-х гг. вышло в свет первое полное собрание сочинений Пушкина и ощущался некоторый всплеск интереса публики и критики к творчеству «первого поэта России», вызванный не в последнюю очередь публикацией ранее неизвестных произведений (например, «Дубровского»), период 1837—1850 гг. можно назвать переходным в инсценизации пушкинских произведений. В дальнейшем практически все поэмы, сказки и художественная проза Пушкина станут материалом музыкальных и драматических постановок.

⁵⁰ Инсценировки произведений Пушкина в драматической цензуре / Публ. В. М. Абрамкина. С. 237.

⁵¹ Там же. С. 237—238.

⁵² Там же. С. 238.

⁵³ Там же. С. 239.

⁵⁴ Иванов М. М. Пушкин в музыке. С. 49.

А. В. АРХИПОВА

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОВИИ» — ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ОПЫТ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

К началу 1820-х гг. идея реформирования драматического рода и прежде всего высокой трагедии становится в России особенно актуальной. Разные поэты ищут разные пути этого реформирования. Пушкин работает над исторической народной драмой, впервые используя в русской литературе достижения шекспировской поэтики. Позднее, в 1830-е гг., его «Борис Годунов» становится образцом для всех русских трагедий на историческую тему, в том числе и для «Прокофия Ляпунова», написанного Кюхельбекером. Но в 1820-х гг. Кюхельбекер стоит еще на иных позициях, стремясь к обновлению драматургической поэтики преимущественно за счет воспроизведения исторического и национального колорита. Так, он пытается воссоздать особенности античного театра как в переработанных («Агамемнон» Эсхила, где использованы античные стихотворные размеры), так и в оригинальных (историческая трагедия «Аргияне», в которую были введены древнегреческий хор и множество элементов исторического колорита) сочинениях. Публикуемый ниже драматургический опыт на библейскую тему — тоже эксперимент подобного рода.

В известной работе Ю. Н. Тынянова «В. К. Кюхельбекер», которая написана в значительной степени на основании материалов архива Кюхельбекера, принадлежавших Тынянову, о «Возвращении Товии» сказано следующее: в Москве «осенью 1823 г. (до 23 сентября) (Кюхельбекер) переделывает „для здешних музыкантов“ либретто оратории Гайдна „Возвращение Товия“ («Il ritorno di Tobia»; 1774, первая оратория Гайдна, либретто Газтано Джованни Боккерини). Под „здешними музыкантами“ следует прежде всего понимать Верстовского, друга сестер Кюхельбекера и его приятеля, в это время сблизившегося с Грибоедовым, писавшего музыку к водевилю „Кто брат, кто сестра“, тогда же написанному Грибоедовым и Вяземским. Судя по списку исполнителей, имеющемуся на рукописи, „Возвращение Товия“ исполнялось тогда же в Москве».¹

Сведения эти, вероятно, почерпнуты Тыняновым из какого-то письма Кюхельбекера. Слова «для здешних музыкантов», видимо, цитата из этого письма, а 23 сентября 1823 г., по всей вероятности, дата письма. Письмо это до нас не дошло, но рукопись «Возвращения Товии» известна,² и ее анализ позволяет сделать некоторые выводы об этом сочинении Кюхельбекера, не во всем совпадающие с приведенными Ю. Н. Тыняновым сведениями.

Рукопись стихотворного драматического произведения на 8 листах (16 страниц) большого формата и не очень хорошей сохранности (листы надорваны, бумага загрязненная, в пятнах) никак не озаглавлена. Начальное обозначение: «Действие первое» — указывает, что предполагалось продолжение, хотя бы «действие второе». Впрочем, текст обрывается внезапно, и, следовательно, перед нами или часть драмы (последующие листы утрачены), или вообще лишь начальный фрагмент произведения.

Рукопись представляет собою беловик со значительной правкой, увеличивающейся к концу текста. Помимо зачеркиваний и изменений стихотворного текста на отдельных страницах находятся предварительные наброски на полях. В архивном описании указано,

¹ Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы. Л., 1939. Т. 1. С. XXXVII—XXXVIII. (Б-ка поэта; Большая сер.). В настоящей публикации в отличие от статьи Ю. Н. Тынянова для драматургического опыта Кюхельбекера принято название «Возвращение Товии» в соответствии с текстом автора (где форма именительного падежа этого имени — Товия) и библейским текстом.

² См.: РГБ, ф. 218, № 361.10 (Кюхельбекер), 449.1.20.

что это «список рукой неустановленного лица не ранее 1821 г. С многочисленными (позднейшими?) исправлениями рукой Кюхельбекера», т. е. предполагается, что перед нами писарская копия. В большой работе сотрудницы Российской государственной библиотеки Е. П. Мстиславской «Творческие рукописи В. К. Кюхельбекера» этот текст назван «списком с авторской правкой перевода либретто оперы Боккерини „Возвращение Товия“». ³ Однако внимательный анализ почерка, каким переписан текст и каким произведена правка, позволяет предположить, что это почерк одного лица — Кюхельбекера и что мы располагаем беловым автографом с позднейшей правкой. Об этом говорят и отдельные характерные для Кюхельбекера начертания букв, и особенное сходство с почерком Кюхельбекера в тех строках, где каллиграфическое письмо переходит в скоропись. Вполне возможно, что Кюхельбекер, находясь, как мы знаем, в 1823—1824 гг. в стесненном материальном положении, просто не имел денег, чтобы нанять переписчика. Наличие беловика указывает на завершенность определенной стадии работы.

Однако через какое-то, может быть и очень непродолжительное, время автор вновь вернулся к тексту и стал его поправлять. Правка носила в основном стилистический характер и в ряде случаев указывает на то, что исправленный вариант не являлся окончательным, так как в результате правки в отдельных строках нарушился стихотворный размер (см., например, ст. 22, 68, 318, 334).

«Список исполнителей», о котором упоминает Тынянов, действительно, написан на первой странице рукописи карандашом рукой Кюхельбекера, но он говорит, скорее, о предварительных соображениях (может быть, это только предположения Кюхельбекера о возможных исполнителях, может быть, результат каких-то переговоров с некоторыми из них), так как касается всего четырех исполнителей, в то время как в тексте их восемь, не считая статистов. ⁴ Все это не дает оснований говорить, что перед нами законченное произведение, которое могло исполняться на сцене.

На наш взгляд, невозможно определенно утверждать, к какому драматическому жанру может быть отнесено сочинение Кюхельбекера. Связь его с текстом либретто Г. Дж. Боккерини «Возвращение Товии» несомненна: здесь та же тема, заимствованная из Библии (Книга Товита), та же ситуация: слепой Товит и его жена Анна на дороге за городом с волнением ожидают сына Товию, посланного отцом в Раги Мидийские к Гавайлу, который должен вернуть Товиту старый долг. Страдания Анны, считающей, что сын их погиб в пути, и уверенность Товита в благополучном исходе дела, неожиданное возвращение Товии и счастливый конец — все эти общие детали у Кюхельбекера и Боккерини указывают, что русский поэт использовал текст либретто оратории Гайдна.

Мы не располагаем точными сведениями о том, где и когда мог слышать Кюхельбекер ораторию «Возвращение Товии», и слышал ли он ее вообще. Известно, однако, что произведение Гайдна, в том числе и его оратории, очень часто исполнялись в русских концертных собраниях первой трети XIX в. ⁵ Кюхельбекер мог слышать «Возвращение Товии» также во время заграничного путешествия. Интерес к Гайдну мог поддержать и близкий к Кюхельбекеру в этот период В. Ф. Одоевский, обращавшийся к творчеству австрийского композитора как музыкальный критик. ⁶ Что касается текста либретто Г. Дж. Боккерини, то он издавался, и Кюхельбекер мог знать его по венскому изданию 1808 г. с параллельной публикацией на итальянском и немецком языках. ⁷

Однако несомненно, что Кюхельбекер сделал не точный перевод, а создал свою вариацию на эту библейскую тему.

Он увеличивает количество действующих лиц, удлинняет монологи, вводя в них рассказ о предыстории того, что происходит на сцене, сочиняет новые эпизоды. Действие у него начинается с появления одинокого пастуха Нефоалима со стадом овец. Нефоалим — прислужник из дома Товита, находящийся, как и его хозяин, в изгнании и тоскующий о родине, о «божественном Сионе». Тоску свою он изливает в песне, текст которой является вольным переложением псалма 136. Обращение Кюхельбекера к этому псалму не случайно. В русской поэзии тех лет он не раз служил для выражения граждан-

³ Записки Отдела рукописей. М., 1975. Вып. 36. С. 11. (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Е. П. Мстиславская допустила ошибку, назвав ораторию Гайдна оперой Боккерини.

⁴ Фамилии предполагаемых исполнителей указаны без инициалов. К сожалению, сведений об этих актерах (или любителях) не удалось найти ни в периодической печати тех лет, ни в театральных библиотеках С.-Петербурга и Москвы. (Нами просмотрены архивные рукописные картотеки Б. Л. Модзалевского в Пушкинском Доме и В. Н. Всеволодского-Гернгросса в С.-Петербургской государственной театральной библиотеке.)

⁵ См.: *Альбрехт Е. К.* Общий обзор деятельности С.-Петербургского филармонического общества. СПб., 1884; *Гозенлуд А. А.* Дом Энгельгардта. СПб., 1992. С. 21—33.

⁶ От общих восторженных оценок музыки Гайдна в статьях и рецензиях 1820-х гг. Одоевский в 1830-х гг. перешел к разбору некоторых сочинений этого композитора. См.: В. Ф. Одоевский: Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 116, 167, 189—190 и след. (по указателю).

⁷ См.: *Il ritorno di Tobia. Azione Sacra per Gio. Gastone Boccherini Lucchefee...* Viena, 1808.

ских патриотических и тираноборческих настроений. Широко известно переложение этого псалма Федором Глинкой — «Плач пленных иудеев» — с его знаменитой концовкой:

Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют.

Появившееся в печати в «Полярной звезде» на 1823 г. стихотворение Глинки, возможно, подтолкнуло Кюхельбекера к использованию того же псалма в «Возвращении Товии».

Диалоги Нефоалима и Эсфири, воспитанной в доме Товита сироты, принесшей еду для вечерней трапезы, появление Анны, набросившей с упреками на Эсфирь, — все эти сцены, отсутствующие в либретто Боккерини, погружают происходящее в бытовую атмосферу, заземляют его.

Кюхельбекер использует библейские тексты, опущенные в либретто Боккерини, чтобы полнее обрисовать характеры старого Товита и особенно Анны, разработав их со множеством психологических подробностей. Так, Анна ворчит на Эсфирь за ее якобы непослушание, упрекает мужа и в том, что он утратил свое некогда прочное материальное положение, и в том, что он из корыстолюбия послал за деньгами в опасный путь их единственного сына. В то же время Анна добра, справедлива, предана мужу; она способна быстро переходить от одного настроения к другому. Материал для этих сцен Кюхельбекер почерпнул из Книги Товита. В гл. 2, ст. 11—14, и гл. 3, ст. 1—6, описана ссора Анны с Товитом (по другому поводу) и приведен горестный монолог Товита. Кюхельбекер перенес эти сцены в свое сочинение, связав их со спорами об участии Товии.

Из Книги Товита заимствована история Сарры и ее обреченных на смерть женихов (Гл. 3. Ст. 7—15); монолог Товита (Гл. 4. Ст. 3—19), содержащий поучения сыну перед отправкой его в Раги, Кюхельбекером перенесен в конце имеющегося у нас фрагмента, в сцену благословения молодых Товии и Сарры; сетования Анны на мужа тоже почти целиком взяты из Библии (Гл. 5. Ст. 18—20), как и рассказ о встрече Товии и Рагуила, отца Сарры (Гл. 7. Ст. 1—8), и ряд других мест драмы. Более тщательное следование ветхозаветному тексту, более подробная и обстоятельная обрисовка героев и перипетий сюжета отличает текст Кюхельбекера от либретто Боккерини.

Есть и другие отличия. У Боккерини первым возвращается Рафаэлло, ангел, сопровождавший Товию, и начинает рассказ о путешествии, постоянно перебиваемый дошедшей до крайней степени волнения Анной. У Кюхельбекера все собравшиеся за городом в ожидании Товии видят приближающийся караван и бросаются к нему, оставляя в одиночестве и смятении слепого Товита.

Главное отличие драматического произведения Кюхельбекера от музыкального либретто заключено в самой стихотворной фактуре. Его «Возвращение Товии» написано все одним размером — белым пятистопным ямбом, вводимым в эти годы в русскую стихотворную драму, в то время как в либретто Боккерини использованы различные размеры, соответствующие музыке Гайдна. Отсутствует у Кюхельбекера и хор, занимающий большое место в оратории.

Представляется поэтому возможным предположить, что Кюхельбекер, используя образы Гайдна и Боккерини, пытался создать не текст для оратории, а драматическое произведение, решая целый ряд литературных задач, представлявшихся ему актуальными.

Известно, что Кюхельбекер был в эти годы (1822—1825) борцом за высокое гражданское искусство, образцы которого видел в искусстве античном и в библейских образах. Его отношение к Библии как к литературному памятнику определенной исторической эпохи, характерное для тогдашнего предромантического и романтического восприятия Священного Писания, в значительной степени отразилось в «Возвращении Товии». Помимо стремления обрисовать психологически достоверные характеры библейских персонажей, никак не модернизируя их, поэт старается воссоздать бытовую и языковую атмосферу архаичной эпохи. Он подчеркивает многие бытовые детали (стада овец, дающие молоко и сыр, вечерняя трапеза с перечислением блюд и т. п.), отсутствующие и у Боккерини, и в Книге Товита. Особенно тщательно работал Кюхельбекер над языком своей драмы, стремясь придать ему древний, архаичный колорит. Стилистическая правка призвана была в ряде случаев этот архаизм усилить (см., например, ст. 73, 80, 242, 286). Для этого обильно используются славянизмы — постоянная принадлежность высокого стиля, согласно классической иерархии XVIII в. Однако следует иметь в виду, что начиная с эпохи русского предромантизма славянизмы были не столько призваны создавать высокий стиль, сколько служили средством исторической стилизации, при этом сочетаясь подчас со словами «низкими» и «грубыми». Эту роль выполняли славянизмы и в произведениях на античный сюжет (например, перевод «Илиады» Н. И. Гнедича), создавая эквивалент древнего народного языка.

Кюхельбекер много экспериментировал в этом направлении. «Возвращение Товии» можно считать одним из ярких экспериментов в области языка. Следует отметить здесь и роль А. С. Грибоедова, который оказал в этом отношении влияние на Кюхельбекера. Известно, что во время их совместного пребывания на Кавказе началось изучение ими Библии как литературного памятника. Грибоедов указал Кюхельбекеру на ее «красоты». В 1824 г., когда Кюхельбекер стал одним из издателей альманаха «Мнемозина», Грибоедов дал для первой его книжки свое стихотворение «Давид» — стилизованное переложение псалма 151, в котором использование архаичной лексики превосходило все тогда распространенные нормы. Нечто подобное делает Кюхельбекер и в «Возвращении Товии». Можно

предположить также, что самый замысел создания драматического произведения на этот сюжет возник не без воздействия Грибоедова. Грибоедов во время своей службы в Персии в 1819 г. проезжал город, принятый им за Раги Мидийские, что, видимо, произвело на него сильное впечатление. В своих «Путевых заметках» он дважды упоминает об этом месте, «куда сын Товитов ходил за десятью талантами».⁸ Несомненно, Грибоедов рассказывал об этом Кюхельбекеру, когда они вместе читали Библию, что отчасти и натолкнуло последнего на мысль использовать этот библейский сюжет.

В Москве осенью 1823 г. Кюхельбекер вновь встретился с Грибоедовым. Их общение с композитором А. Н. Верстовским, для которого Кюхельбекер писал либретто «Гренадские мавры», возможно, также повлияло на возникновение идеи переделать на русский лад либретто оратории Гайдна. Однако, как нам думается, эта работа переросла в другую — в создание самостоятельного драматического сочинения, которое, впрочем, осталось незавершенным.

Драматургический опыт Кюхельбекера указывает на взаимодействие культур и искусств. Итальянский текст Боккерини, музыка Гайдна, Библия, переведенная на церковнославянский язык, в равной мере послужили стимулами для литературного эксперимента русского поэта-романтика.

⁸ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 298, а также с. 310, 564, 570.

Действие первое

Явление 1

Нефоалим один и стадо овец.¹

Здесь на берегу чужих потоков
Любимцев Божиих сыны,
Потомки радостных пророков
Сидим, тоской омрачены.

* * *

Туда в псалмах и гласах слезных,²
Туда я рвусь в родную даль,
Там вести вокруг могил любезных³ —
Как горлица, моя печаль.

* * *

«Воспой одну от песней ваших!» —
10 Надменный мне вещал злодей.
Тебя ли, слава предков наших,
Я воспою среди цепей!

* * *

Но мой язык прильни к гортани,
Потухни взор, заглохни слух,⁴
Иссохните, как трости, длани,
Затмись в холодных персях дух, —

¹ В правом верхнем углу карандашная запись:

Эсфирь — Г. Доронинова (?)
Анна — Г. Орлова
Товия — Г. Головачев
Мироям — Г. Пашковская

² Было: а. И глачу я в псалмах унылых б. Туда в псалмах и плачах слезных

³ Было: могилы милых

⁴ Было: Потухни мой и взор и слух

Когда тебе неверным буду,
Святой отцов моих закон;¹
Когда в слезах своих забуду
20 Тебя, божественный Сион!

Явление 2

Нефоалим, Эсфирь.

Нефоалим

Но что — кто стонет здесь? кто сокровенный,
Кто свое уныние слил с моим?²
Ха, это ты любезное дитя!
И ты меня подслушала, Эсфирь?

Эсфирь

Нередко я твоим внимаю песням,
И всякий раз невольно плачу я.³

Нефоалим

Или мои ты песни постигаешь?

Эсфирь

Нет, не всегда, а слышу, говоришь
Об Иордане ты и об Сионе,
30 И об врагах, о наших падших братьях,
О наших прошлых,⁴ лучших временах.
Об них и мой отец в кругу родимых,
Рыдая, часто, часто вспоминал.
Ах, нет уже его! — Его злодеи
Жестокие схватили, поразили
И труп его избросили из стен —
Но старец ласковый Товит земле
Его предал и нас, сирот несчастных,
Приял в свой дом, как чад своих, лелеет.

Нефоалим

40 Благой и добрый муж! — всегда, Эсфирь,
Он был таков — он друг и щит убогих.
И с гладным хлеб свой, и с нагим одежду,
И дом свой он всегда делил с бездомным!

Эсфирь

Почто ж сей праведник свой век прискорбный
Влачит в глубокой, тяжкой слепоте?⁵

Нефоалим

Кто служит Богу — так Товит вещает:
Тот обретет по скорби⁶ утешенье,
И будет искуплен от бед, и милость

¹ Было: Святой Карателя закон

² Было: С моим свое уныние сливает.

³ Далее было:

О Нефоалим! [но эти слезы] почему же, друг,
[Столь сладостны мне эти слезы]
[Не знаю, почему отрадны мне]
Мне эти слезы столько сладостны.

⁴ Было: И об таких-то

⁵ Было: В глубокой слепоте проводит?

⁶ Было: по грусти

Его по наказанью осенит.

- 50 Бог по грозе выводит в небо солнце
И наши вопли обращает в радость,
И милосердому хвала и слава!
Но мне поведай, ныне ты из града
Кем послана сюда к стадам Товита.

Эсфирь

- Он мне велел: «Трапезу уготовь
Там близ дороги ¹ в Мидию и в Раги;
Уж две седмицы протекли, как сына
Я жду обратно в дом свой опустелый;
Воссяду ныне при пути и стану
60 О нем пришельцев вопрошать, грядущих
От Экватаны, от полночных стран.²
И днесь Ахиахар, мой благодетель
И кровный нам, разделит с нами брашно». ³
И яствы я в кошницах принесла:³
Румяные плоды и хлеб душистый,
Горячее пшено с ягненком нежным,
И золотой благоуханный мед;
«Придаст к ним Нефоалим млеко и сыр!»⁴ —
Так я помыслила,⁵ и шла, и вдруг
70 Тебя услышала; тогда же ношу ⁶
Там за кустом поставив, все забыла.
Но Рувим ⁷ не идет? А мать Анна
Ему рекла, да понесет ковры.⁸
Вот он идет... напрасно я пеняла!⁹

Нефоалим

Овец я загоню и к вам немедля
С богатым даром стада возвращусь.

Явление 3

Анна

- Еще не уготована трапеза;
А полный час, как ты изшла ¹⁰ из града.
Эсфирь! с тобою не минуешь гнева!
80 И вижу, ты вменяешь в суету
Мои советы, просьбы, увещанья!!¹¹

Нефоалим
(возражает)

Не огорчай Эсфири, мать Анна!
Она в твоём не приобыкла ¹² доме,

¹ Было: Там по дороге

² Было: От Экватаны и от стран[ах] полночных.

³ Было: И се я принесла в кошницах яствы

⁴ Было: а. А ты млеко и свежий сыр прибавишь б. Прибавишь к ним млеко и свежий сыр

⁵ Было: Так я подумала

⁶ Было: Твой голос слышу, и тогда я ношу

⁷ Было: Что ж Рувим(м)

⁸ Было: Ему сказала понести ковры.

⁹ Было: Но это он. Напрасно я пеняла.

¹⁰ изшла *вписано*.

¹¹ Было:

И вижу я, ты ни во что не ставишь
Всех просьб, всех увещаний и советов:
Мой труд тебя исправить бесполезен.

¹² Было: не обжилася

Еще не ведает, сколь милосерда
При всех твоих словах суровых ты!¹

Анна

Замолкнешь ли когда, вещун незванный?
Мой долг смирать детей и домочадцев:
Уж без того беспечны вы и дерзки!
Во всем же виновен мой старик упорный,
90 Противник строгости и враг порядка!
Ведут его! — скорее режьте хлебы!²

Явление 4

Анна, Товит, Ахиахар, прежние.

Анна

Да будет благодатным гостем нам
Ахиахар! возлечь благоволи,³
Вкуси от яств, тобой же дарованных,⁴
Всем нашим мы тебе одолжены!

Товит

Речей подобных, Анна, не вещай:
Ты ведаешь, не любит их наш кровный;
Не любит он, когда ему на память
Его благотворенья приведешь.⁵

Анна

100 А ты противоречить любишь мне!⁶
Ты укрывал рабов Сеннахирима,
Неистовым на муку обреченных.
Так, признаюсь, и я твои безумства,
Твоя жена, по слабости делила!
Ты погребал убитых и казненных,⁷
И сам за то едва избегнул казни;
Ты был купцом царя Енемессара
И в Рагах свой излишек расточил;
И ныне был бы ты бездомным нищим,⁸
110 Скитался бы изгнанником в пустынях:
Но в Нинивию снова Ахиахар
Призвал тебя,⁹ когда Сеннахирима
Зарезали сыны, и Сахердан
По нем благой властитель воцарился;

¹ Было:

Она еще не знает, сколь добра
И ты при всех словах своих суровых.

² Было: Но вот его ведут! разрежьте хлебы!

³ Было: воссядь и се вкуси

⁴ Было: От наших яств, тобой нам подаренных!

⁵ Было: Его благотворения приводят.

⁶ Далее было:

а. Но помни, да во всем *(нрзб)* мне
Тебе всегда была *(?)* *(нрзб)* позабуду
Твоя было нас мудрость погубила.

б. Но помни, губит нас твоя премудрость, старец!

Рядом на полях наброски:

Нет, старец, я вовек не позабуду [нет, не забудут веки:]
И мне никто не возбранит [— мне] веки
Товит

Он нам тебя из ссылки возвратил

⁷ Ты погребал убитых и казненных *вписано*.

⁸ Было: При возрасте твоём ты был бы нищим

⁹ Вместо: Скитался бы изгнанником ∞ Призвал тебя — было:

Но нам Ахиахар тебя из ссылки
Вновь возвратил

С тех пор Ахиахар тебя, слепца,¹
Хранит и пестует, и нас питает!
Не поминай его благотворений,²
Но я — я помню их и — милость (?) помню.³

Ахиахар

- О Анна, мне дозволь благоговеть
120 Пред мудрым сим наследником пророков.
В терпении равен Иову, он верой
Подобен Аврааму и Давиду:
Я ж, грешный, облегчая жребий ваш,⁴
Стремлюсь достойным быть щедроты Бога.
Бог облачил меня в мирскую славу,
Меня нарек ближайшим Сахердану
И окружил соблазнами языков.
Здесь укрепляюсь в правде и законе;
Не я Товиту — он мне благодетель.
130 О вашем же убытке в Рагах знаю.⁵
Сребро сие дано им Гаваилу,⁶
Верь мне: оно вам с лихвой возвратится,⁷
За ним Товит отправил в Раги сына.
Он возвратится; ты дождись конца,
Не осуждай до времени Товита.⁸

Анна

- Нет! не вещай мне о серебре ничтожном,
Ахиахар! Клянусь, не причисляю
Себя к женам и кротким и примерным;
Но, брат мой, я чужда любостыжания,⁹
140 Пусть он тебе речет, как я молила,
Да не отпустит в даль Товии.¹⁰
Почто идти ему! я говорила!
Рукам он нашим жезл, ногам подпора,
Душе веселие, когда пред нами
Заботливо он входит и исходит.
Не возвратить вовеки нам богатство,
А пусть его я вижу пред собою;
И если жить еще нам дастся Богом;
Товит! нам чада нашего довольно.
150 Товит же мне отвечивал тогда:
Не сетуй; очи матери живым
И бодрым в Нинивии узрят сына,¹¹

¹ Было: [И днесь] Ахиахар тебя слепого ныне

² Было: Не поминай, когда [возможешь] тебе возможно

³ Далее на полях густо зачеркнутые строки, запись продолжена внизу страницы:

И самому себе ты никогда
Советником [премудрым] счастливым не бывал!
Итак, меня избавь твоих советов!

⁴ Вместо: жребий ваш — было: ваши скорби

⁵ О вашем же убытке в Рагах знаю. вписано на полях. Ранее было: Но я ведаю об его убытке в Рагах.

⁶ Было: Сребро же, данное им Гаваилу

⁷ Было: Верь мне, вам скоро с лихвой возвратится

⁸ Вместо: Он возвратится ~ Товита. — было: Не осуждай, дождись его прихода.

Далее были наброски:

Дождись его
Не осуждай до времени отца

⁹ Было: а. Но я всегда была чужда корысти б. Но буду ввек чужда любостыжания презренного

¹⁰ Было: Да не отпустит сына в даль чужую.

¹¹ Вместо: И если жить еще ~ узрят сына — было:

Довольно нашего нам будет чада.
И мне тогда отвечивал Товит:
Не сетуй; очи матери увидят
Живым и бодрым в Нинивии сына.

Он идет здоров и придет здоров обратно!
Благой хранитель спутствует ему,
Его Господень Ангел осеняет!
Но нет его: отец жестокий сына¹
Надменною надеждой погубил!²

Товит

О Господи! ты праведен и благ,
Твои дела, твои советы, милость,
160 И справедлив твой строгий суд над грешным;
Меня же ныне помяни и призри,
Да не воздастся мне по преступленьям,
По мере беззаконья моего!
Твой страшен гнев: я в скорбях изнываю!
Непостижимы все твои судьбы!
И не ропщу: ты сотвори со мною,
Как пред твоею волею угодно!
Но повели отнять мой дух от тела,
Зане во мне болезни без числа,
170 И лживые я слышал поношенья!
Да разрешусь и буду я землю:
Ах, ныне лучше смерть, чем жизнь моя!
Дозволь, от мук да отойду туда,³
Где вечный сон усталого прикроет!
Не отвращай, о милосердый, слуха;
Молитве сердца моего внемли!

Анна

Увы!⁴ простишь ли матери несчастной,
Товит! слова, внушенные тоской?⁵
Печаль вовек речей не размеряет⁶ —
180 Увы! сколь я виновна пред тобой!
Но отрекись от горестных вещаний,
Да не услышит их Господень слух,⁷
Да к гробу не пойду я сиротою!
Погибнул отрок наш в чужбине дальней!
Он был мне жизнь и свет моих очей.⁸
Нет в мире мне, не будет мне отрады,⁹
Еще ли гневом Бога поражусь?

Товит

С главы твоей снимаю укоризну,¹⁰
Утешься, Анна, Анна, сын твой жив!¹¹

Анна

190 О, не прельщай меня! ты сам не веришь
Своим речам; сам страдаешь ты, как я.

¹ Было: Но нет его: его отец жестокий

² Далее было:

И вот, Ахиахар, его дела!
Дивись (же?) подвигам святого мужа!

³ Было: в то место

⁴ Вместо: Увы! — было: Товит

⁵ Было: а. Глагол, внушенный пылом и тоской? б. Слова, внушенные мне скорбью злой?

⁶ Было: Печаль вовеки слов не размеряет

⁷ Вместо: Господень слух — было: Каратель грозный

⁸ Было: Тебя лишаясь, свет моих очей.

⁹ Далее было: Но при тебе (я) менее уныла!

¹⁰ С главы ∞ укоризну вписано.

¹¹ Было: Престань, умолкни, Анна; сын твой жив.

Ты в ночь не спишь и нехотя десницу
К любимым даже яствам протираешь,
И каждый день сюда на путь исходишь,
И клонишь слух, и длани отверзаешь,
И молча в Нинивию вспять течешь.

Товит

Престань: он жив; еще его обнимешь.

Анна

200 Не я, но ты престань; ах! тщетно, старец,¹
Во мне надежду хочешь воскресить.²
Погибнул отрок мой, навек погибнул.³
Не он при смерти вежды мне смежит!⁴

Эсфирь

Скорее, Рувим, Нефоалим! взгляните,
Пыль поднялась столпом, в туманах праха⁵
Там на пути из Экватаны вижу
Рабов, коней, вельблюдов, колесницу
И в колеснице юную жену.
И вот вперед⁶ два всадника несутся,
Один помчался к нам! другие же
Расположились у ручья под пальмой.⁷

Рувим

210 Он соскочил с коня! он к нам идет.
И мнится, мне сии черты знакомы.

Нефоалим

Встань, Анна, он! воспрянь!⁸ се сын твой, мать.

Анна

Мой сын! его я зрю — я зрю тебя,
Мое дитя, и ныне да умру!

Ахиахар

Владыка наших душ! ты наказуешь
И милуешь служителей своих.
Бегу и я, да обниму его!
Забывши древность ног, уж Анна там,
Она на выю сына с воплем пала,
220 И мать и сын, безмолвные, рыдают.

(Все убегают.)

¹ *Было:* Не я, а ты престань; напрасно, старец

² *Было:* а. Ты силишься согреть во мне надежду, б. В моей груди согреть надежду мнишь!

³ *Вместо:* навек погибнул. — *было:* погибнул милый!

⁴ *Было:* Ах, он мне не смежит пред смертью веждей!

⁵ *Было:* Столпом поднялась пыль среди тучки праха

⁶ *Было:* А впереди

⁷ *Было:* Под пальмой у ручья расположились.

⁸ *Было:* Встань, Анна, это он!

Явление 5

Товит

Он здесь, и я, я не могу к нему!
Увы, и все покинули меня!¹
Где он! да раз еще прижму я к персям,
Да раз еще его благословлю!
Где ты, Товия мой! где? или не дастся
Твой лик любезный осязать слепцу!²

Явление 6

Товия

Родитель мой! На Бога уповай,
И се я не одних твоих объятий,
Я твоего воззренья наслажусь!³

Товит

- 230 Что мне творит возлюбленный Товия?
О страх, о радость! Ночь моя прешла!..
С зениц моих спадает пелена ⁴ —
Так! так! я вижу, вижу: это ты —
Вот Анна, вот Ахиахар, вот Рувим,
Вот Нефоалим, и вот Эсфирь;
Я с всеми вами был разлучен!
Но ты, ты возвратил мне всех любезных!⁵
Товия, сын мой, ты орудье неба.
Благослови язык мой имя Бога,
240 Всех Ангелов его благослови!
Приди ж, мое дитя! ты возмужал,
Возрос,⁶ и рамена твои широки,
И мышцы, сын мой, ныне крепки стали,⁷
Брада твоя покрылась первым пухом,
Уже не отрок ты и посмуглел.⁸
Но путь твой долог был и многотруден!⁹
Почто умедлил? мать твоя и я,¹⁰

¹ Увы ∞ меня! *вписано на полях.*

² *Вместо:* Где ты ∞ осязать слепцу! — *было:*

Где ты, Товия, сын мой! Где? Слепцу, да
Твой лик любезный осязать дозволю!

³ *Было:* Я удостоюсь твоего воззренья!

⁴ О страх, о радость! ∞ спадает пелена — *вписано между строк и на полях. Было:* С зениц моих слетает ночь густая. *Далее наброски:* Ах. [Я] с вами [со всеми]

⁵ *Вместо:* Вот Нефоалим ∞ всех любезных! — *было:*

Эсфирь, Нефоалим, их всех я вижу
Я разлучен был тяжкою разлукой.
Но с ними ты меня соединил.

⁶ *Было:* Ты вырос

⁷ *Было:* И мышцы стали крепки: ты уже не отрок

⁸ *Было:* Мой сын под зноем солнца посмуглел

⁹ *Далее было:* Не встретились с тобой страдания, чадо? *Внизу листа незачеркнутый вариант:* Или встречал страдания какие?

¹⁰ *Внизу листа слева и между строк наброски:*

Господь наш, Товит, и милосерд и дивен
Нет, не забыл меня он до конца
Он меня тобой щедрости
Твоей рукою мне отдал
Сладкий свет
Меня извлек он из бездонной тьмы

Справа на полях наброски:

Ахиахар

Сколь дивен наш Господь в своих святых!

Мы по тебе тужили, наше чадо.¹
Но се Господь нам даровал тебя.²
250 Вещай, поведай нам, не умолчи
Нам ничего! И где твой верный спутник?
Что не предстанет он, да примет мзду:³
Зане тебя привел к нам невредима?

Товия

О нем ли возвестить забуду я.
Отец мой, знай, ему я боле должен,⁴
Чем возмогу до гроба уплатить.
Твое серебро он взял у Гаваила,
И ты прозрел его благим советом.
А мне он даровал еще другое
260 Добро: родитель, для меня оно
С одним твоим целеньем не сравнится.⁵
Иные же все блага превзойдет.⁶
Но вы потом услышите ту повесть.
Услышите ныне, как уврачевал⁷
Тебя⁸ мой брат, мой верный Азария!
Мы в полдень шли песчаным берегом Тигра
И се, усталые, на скат воссели,
И ноги жаркие в прохладу влаги
Я опустил: вдруг диво жадное —
270 Неведомая рыба встрепенулась,
Разверзла страшный зев: я встрепетал;⁹
Мне ж Азария рек: дерзай, Товия!
Чудовище на сушу извлеки!
И рыбу раздробив, мы насытились;
Но друг мне наказал: ее ты печень
И желчь и сердце положи сохранно.
И желчию отгонишь слепоту,¹⁰
И от куренья печенью и сердцем
Всяк злобный Демон отбежит.¹¹

Ахиахар

Товит¹² —

280 Воистину премудрого вождя
Избрал ты сыну! где его обрел?

Анна

Дозволь, любезный брат мой, и тебя,¹³
Кто вождь сей, словом кратким извещу;¹⁴

Анна

Сколь благ в своих щедротах бесконечных.

Далее было:

Не повстречал ты каких

¹ Было: Мы по тебе тужили и страшились.

² Было: И се Господь нам даровал веселье.

³ Вместо: мзду — было: плату

⁴ Было:

О нем ли возвестить, о мой родитель,
Забуду я? ему я боле должен

⁵ Было:

Блаженство: для меня оно почти
Равно с твоим целением, родимый.

⁶ С одним твоим ∞ превзойдет. *вписано*.

⁷ Услышите ∞ уврачевал *вписано*. Ранее было: Я расскажу, как чаровал тебя

⁸ Вместо: Тебя — было: Мой друг

⁹ Было: И страшный разверзает зев: я вздрогнул

¹⁰ И желчию ∞ слепоту *вписано*.

¹¹ Далее было: далече

¹² Товит *вписано*.

¹³ Было: Дозволь мне, милый ближний, я тебе

¹⁴ Было: Кто он, коротким словом извещу

Или отход Товии помнить надо,
 Как помню оный я? — Идти на площадь
 Товии повелел его отец ¹
 И в Раги, в путь найти себе клеветра.
 Когда же он привел к нам Азарию,
 Наш старец спросил: скажи нам имя,²
 290 Скажи свой род и племя нам ³ поведай.
 Пришлец отвечивал: чего желаешь,
 Вождя ли сыну, имя ли клеветра?
 И вопрошенный вновь: я Азария —
 Он возгласил. Товит же рек обоим:⁴
 «Грядите! Ангел Божий спутствует
 Тебе, мой сын, и ты благоуспеешь!»
 Но продолжай, Товия, да не прервет
 Тебя (в) повествовании никто!⁵

Товия

Мы наконец достигли Экватаны,
 300 И се в виду бойниц огромных града ⁶
 Незапно мне мой спутник возвестил:⁷
 О брат мой! в дом да внидем Рагуила!
 И у него есть дочь младая Сарра:
 Умом она подобна древней Сарре;
 Красою же всех сверстнех ⁸ превышает;
 И Рагуил Товиту друг и кровный,
 И се в жену ее себе потребуй!
 Она же семерых была невестой,
 И женихи, я ведал, все погибли,
 310 Лукавым бесом, злобным Асмодеем
 Удушены при вшествии в невестник;
 Я возразил: «Отцу я сын единый,
 И ежели умру, он сиротою,
 Он в землю снидет старцем одиноким».
 «Держай и не страшись! — вещал мне спутник. —
 У беса отнята над чистым сила.⁹
 Взошед к жене, на углях воскури
 И печень ты, и сердце рыбы! он отбегнет
 И не придет к вам назад вовеки.
 320 Ты ж ночь ту до утра зывай, молись,
 И да с тобою воззовет и Сарра!»
 Мы в Рагуилов дом вошли. У прага
 Приветствовала Сарра и ввела нас.
 Жене ж вещал, я слышал, Рагуил:¹⁰
 «Как сходен с сыном брата моего,
 С Товитом юноша! — Откуда, други?» —
 Он спросил нас. «От сынов
 Израйлевых, плененных в Нинивию». —
 «Вам ведом ли наш брат Товит?» — он рек.¹¹

¹ Или отход Товии ∞ повелел его отец *вписано на полях. Ранее было:*

- а. Зане отход Товии живо помню,
Товит ему велел идти на площадь*
- б. Начато: Исход Товии я ль не помню?*
- в. Никто, как я, отход Товии помню!*

² *Было:* Отец наш спросил: реки нам имя

³ нам *вписано.*

⁴ *Было:* Тогда нам старец молвил

⁵ *Было:* Тебя никто в твоём рассказе дивном (?)!

⁶ *Было:* И се (в) виду огромных башен града

⁷ *Вместо:* возвестил — *было:* возглаголил

⁸ *Вместо:* сверстнех — *было:* сверстниц

⁹ *Было:* Отъята у него над чистым сила. *Далее было:* Одних терзает развращенных Демон.

¹⁰ *Было:* И Рагуил жене своей сказал

¹¹ *Было:* «Наш брат Товит знаком ли вам?»

- 330 «Он ведом нам». — «Он здравствует и жив?»¹ —
«Он жив и здравствует!» — и я воскликнул:²
«Он мне отец!» Воспрянул Рагуил,
Облобызал меня и рек с слезами:
«Будь мной благословен, о доброго,
Благого человека сын!» Уведав,
Что ты ослеп, он о тебе скорбел,
И Една с ним, жена, и Сарра дочь
Скорбели о тебе. Но я шепнул:
«Поведай, брат мой, Азария, старцу,
340 О чем глаголил на пути!» Тогда³
Узнал мое хотенье Рагуил
И правды не сокрыл от нас и долго
Моим молениям уступить не смел,
Когда же наконец нас сочел, он плакал
И бледен был от грусти и боязни.
Но помнил я советы Азарии,
И ночь моя спокойно протекла.
Завтра ж Рагуил благословил,
И с ним и мы благословили Бога.
350 Потом, созвав родных, друзей и ближних,
Он пиром угощал их две седмицы,
А брат мой Азария прибыл в Раги,
И долг свой Гаваил ему вручил
И, приглашенный, с ним притек на брак мой.
Но своего стяжанья половину
Нам отдал Рагуил и наконец
Нас отпустил, мольбам моим внимая:
Зане я ведал, каждый день считаешь.

Товит

- 360 О сын мой! благо будь тебе, что внуков
При древности увидеть нам даешь;
И благо будь тебе, что ты избрал
От дочерей рода нашего! Но что,
Что не течет она в объятья наши?

Товия

Она идти, робея, не решилась
Но вот грядет, и с нею Азария.

Явление последнее

Азария, Сарра, рабы, рабыни, прежние.

Товит

Да внидешь с миром в дом свой, дочь моя!
И да размножишься, и старость вас
Да посетит, согласных и блаженных.

Анна

- 370 Будь в домоводстве мне десной рукою,
И все плодись от взора твоего.

¹ «Он ведом ~ и жив?» — *вписано между строк и на полях.*

² *Было:*

Мы отвечали:

«Знаком!» — «Здравствует ли он?» —

«И жив и здравствует!» — и я прибавил

³ *Вместо:* Тогда — *было:* И се

Сарра

Не презрите своей рабы покорной,
 Вас буду чтить, как чтила я отца,
 Как чтила мать; повинюсь во всем
 Вешаньям всем и наказаньям вашим.
 Вы ныне мне родители: ваш лик
 Мне вместо лика Бога самого,
 А ты, Товия, верую, забвеню
 Ты не предашь последних слов родимой.
 «Мой брат возлюбленный, — рекла она, —
 380 Да будет над тобой Господь небес,
 И се тебе вручаю¹ дщерь мою,
 Да я возвеселюсь о вас и дале
 Не опечалишь ты, и добрый слух
 Об детях наших я всегда услышу!»²
 Она окончила, и ты клялся,
 И звук речей твоих: «Исполню клятву!» —
 Мне говорил: «Я отдалася другу».
 Но с трепетом и Анне и Товиту
 В мечтах боязненных я предстояла,
 390 Зане, хотя молвой их благодать знала,
 Не отходя от родных никогда,
 Страшилась я, да свекру и свекрови
 Не ужогу при строгом, первом взгляде,
 И ах! чужую приняли, как чадо;
 Меня ласкают, как дитя родное:
 Не обретают слов мои уста!³

Товит

Будь с вами Бог, и чтите, дети, Бога
 Все ваши дни! пусть даже ваша мысль
 Его законов не преступит! помните,
 400 Что сотворил он вам, как вас ущедрил!
 От многого ты милостыню многу,⁴
 О сын мой, раздавай! когда ж умалит
 Господь остаток ваш, от малого
 Не бойтесь уделять,⁵ и пусть не видит
 Того, что вы даете, ваше око.
 От нищего лица не отвращайте,
 Тогда от вас вовек не отвратится
 И Божие лицо. Не огорчи
 Жены твоей, Товия, прилеплясь
 410 К чужим женам и к дщерям инородных,
 Над родом же своим не возноситесь;
 Любите ваших братьев; ведайте,
 Гордыня — мать разврата, а разврат —
 Странаньям глада, гибели отец!
 Не удержи, мой сын, обещанной
 Наемникам награды ни на миг.⁶

¹ *Вместо:* вручаю — *было:* дарую

² *Было:* Об детях наших да услышу я!

³ *Вместо:* Не обретают слов мои уста! — *было:*

Но я должна молчать среди восторга;
 Мои уста не обретают слов!

⁴ *Было:* От множества ты милостыню щедро

⁵ *Вместо:* уделять — *было:* раздавать

⁶ *Вместо:* Не удержи ~ ни на миг. — *было:*

Не удержи, мой сын,
 Обещанной награды ни на миг.

Далее было:

Дарам Благого радуйся, но пей
 В умеренном веселии вино,
 И да не ходит на пути твоём
 С тобою пьянство. От всякого

Признательный, прими совет полезный;
Совет же мудрых слушай и лови!
Когда умру и погребешь меня,¹
420 Чти мать твою и, что угодно ей,
Твори и не забудь ее заботы,
Страдания и скорби о тебе.
Когда умрет, ее в едином гробе
Со мною заключи. — А Господа,
О чада, славьте, днем и ночью славьте,
Зане великое на вас явил!
И днесь к тебе я обращаюсь, муж
По сердцу Божию! Чем возмогу
Тебе воздать? И если мне речешь:
430 «Будь раб мой!» — не сочту того превыше²
Заслуг твоих: прими же половину
Сокровищ всех, нам чрез тебя стяженных.

Рафаил

Благословите, возносите Бога
И проповедуйте его повсюду.
Добро хранить во тьме Цареву тайну,
Дела же Бога славно возглашать!³
И не утаю от вас я ничего.
Когда, Товит, молился ты в печалях
И в тот же час твоя невестка Сарра
440 Пред Господом, уединясь, скорбела,
Молитвы ваши Ангел принимал
И приносил их в уши Пресвятого.
Когда свой плащ ты отдавал нагому
И голодного питал, тогда при том
Присутствовал неведомый свидетель;
И в день, когда ты встал и пир покинул
И тайно мертвого прикрыл за градом,
Ты не укрылся от него средь ночи:
Товит, я был с тобой, и я был послан
450 Тем, кто созвездья созвал и сочел,
Кто мысли смертных слышит и считает, —
Был послан исцелить тебя, о старец,
И Сарру исцелить, твою невестку!
Я Рафаил, единый от семи
Владык, несущихся пред славой Бога
И приносящих пред него мольбы.
Не бойтесь! мир с вами! славьте Бога:
Вы мнили, с вами пью и снедь вкушаю —
Но вас виденье обольщало: ныне
460 Я вознесусь к Пославшему меня!

Мариям

Где отрок тот? он был и нет его!
Он здесь стоял, — куда ушел прекрасный?

¹ Когда умру ∞ меня *вписано*.

² *Вместо*: не сочту того превыше — *было*: я не сочту то превыше

³ *Вместо*: возглашать — *было*: открывать

М. А. ТУРЬЯН

К ВОПРОСУ О ПОЗИТИВИСТСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ПОЗДНЕГО В. Ф. ОДОЕВСКОГО: ПИСЬМА К О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ И В. В. ДЕРИКЕРУ

Отношения В. Ф. Одоевского с сестрой Пушкина, Ольгой Сергеевной Павлищевой, прослеживаются довольно скупо. Нет сомнения, однако, что знакомство их, по крайней мере светское, — давнишнее, с начала 1830-х гг. Так, Н. О. Пушкина в письме к дочери от 3 марта 1834 г., рассказывая новости о людях из близкого им обоим окружения, упоминает и «Ольгу Одоевскую».¹ В длительные наезды Ольги Сергеевны из Варшавы в Петербург в 1835—1836 гг., когда она оставалась здесь более года, и в 1843 г. знакомство с Одоевскими явно поддерживалось. Свидетельство тому — единственное сохранившееся ее письмо князю, рекомендуемое молодого польского пианиста Шустера.²

Когда осенью 1851 г. Павлищева вернулась из Варшавы в Петербург насовсем, друзья Пушкина, как рассказывает Л. Н. Павлищев, и в их числе чета Одоевских, стали частыми ее посетителями; при этом Павлищев упоминает Одоевских как «давнишних друзей» матери.³ Тогда же Ольга Сергеевна увлеклась модными спиритуалистическими идеями. Известно, что еще в 1830-е гг. она серьезно интересовалась френологией и хиромантией и даже будто бы предсказала Пушкину раннюю насильственную смерть.⁴ В начале же 1850-х гг. Одоевский, как некогда это было и с другой просвещенной дамой, Е. П. Ростопчиной, становится, судя по всему, ее конфидентом.

Публикуемое письмо В. Ф. Одоевского к О. С. Павлищевой — ответ на ее не дошедший до нас «рассказ» (возможно, и устный) — весьма примечательно по многим отношениям. Оно касается злободневной в начале 1850-х гг. темы столотверчения и связанных с этим, как мы сказали бы теперь, проблем подсознательного. Не помеченное датой самим Одоевским, это письмо как окончательно сложившийся целостный текст датируется тем не менее довольно точно июлем 1854 г. по дате письма В. В. Дерикера (21 июля 1854 г.), цитируемого здесь Одоевским. В. В. Дерикер, журналист, переводчик (1815—1878; см. о нем подробнее: наст. изд. С. 420), выступал также в печати как автор популярных медицинских пособий; некоторые из них были, в частности, посвящены вопросам физиологии. Дерикер, как это явствует из его письма, — человек весьма ориентированный в проблемах, которых касается Одоевский. В силу этого корреспондент Павлищевой, по собственным его словам, и прочитал Дерикеру начало своего письма, поместив его ответные рассуждения с незначительными купюрами в своем письме к Ольге Сергеевне (подробнее об этом см. ниже, примеч. 31, 33, 34). Более того, Одоевский отреагировал на эти рассуждения Дерикера отдельным письмом, впрочем незаконченным, которое также представлено нами в данной публикации.

Однако некоторые детали содержания письма В. Ф. Одоевского к О. С. Павлищевой дают основание полагать, что сам «рассказ» Павлищевой и первые стимулированные им письменные наброски Одоевского относятся к более ранней поре — не позднее 1852 г.: это подтверждается тем обстоятельством, что писателем вскользь упомянут сюжет об имении Ольги Сергеевны. Речь здесь может идти только о разделе болдинского поместья С. Л. Пушкина, предпринятого после его смерти в июле 1848 г. и завершившегося лишь к указанному выше сроку (подробнее см. ниже, примеч. 19).

¹ См.: Мир Пушкина: Семейные бумаги Пушкиных — Ганнибалов. СПб., 1993. Т. 1: Дневники-письма Н. О. и С. Л. Пушкиных. 1828—1835. С. 210.

² См.: РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 2, № 844.

³ Павлищев Л. Из семейной хроники: Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 72.

⁴ См.: Там же. С. 19, 361; Лернер Н. Сестра Пушкина // Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1907. Т. 1. С. 82—86.

Письмо В. Ф. Одоевского к О. С. Павлищевой отражает и несколько других бытовых эпизодов (упоминания о некоем «уродце К.», о «семействе Б.»), которые, как и сюжет с именем, также говорят о тесном общении корреспондентов, что, по воспоминаниям того же Л. Н. Павлищева, как раз имело место в самом начале 1850-х гг.

В начале 1860-х гг., готовя к печати заново отредактированное и дополненное собрание своих сочинений, — к сожалению, так и не вышедшее в свет, — Одоевский вновь возвращается к своему научному посланию Павлищевой и намеревается его опубликовать в качестве известного продолжения «Писем к графине Ростопчиной о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, магии, кабалистике, алхимии и других таинственных науках»: оно поименовано им в оглавлении переплета 79, который заключает в себе материалы, предназначенные во второе издание «Сочинений», под титулом: «Дополнения к изданию сочинений кн. Одоевского 1844 г.».⁵ Писатель помещает здесь «Примечание к „Русским ночам“», затем свое последнее письмо к графине Ростопчиной «Колдовство XIX столетия», опубликованное в «Отечественных записках» (1839. Т. 5. № 8—9) и не вошедшее в «Сочинения» 1844 г., вслед за ним «статью без заглавия», описанную им как «попытка научно объяснить сбывающиеся иногда предсказания сомнамбулов, мистиков и т. п.» (см. ниже, примеч. 8), далее — «Письмо к С. С. Павлищевой (так в тексте. — М. Т.) о столоверчении»,⁶ затем письмо Дерикера⁷ и, наконец, свой ответ ему.⁸ Характерная для Одоевского (в данном случае, очевидно, еще за давностью лет) описка в инициалах Павлищевой — лишнее доказательство чисто теоретического, «безадресного» характера вновь возникшего интереса к некоему им самим написанному. О непосредственной связи этого письма с аналогичными по смыслу и жанру «Письмами к графине Ростопчиной» говорит и тот факт, что первоначально, по мысли Одоевского, в новых «Сочинениях» они должны были соседствовать: ранее в оглавлении за «Колдовством XIX столетия» следовала «Статья без заглавия. Письмо С. С. Павлищевой». Затем слова: «Письмо С. С. Павлищевой» — были зачеркнуты, и Одоевский заменил «Письмо» другой, уже упоминавшейся выше статьей о предсказаниях сомнамбулов и мистиков. А с «Письма О. С. Павлищевой» была снята копия, в которую авторской рукой внесены поправки.⁹ И в оригинале, и в копии «Письма О. С. Павлищевой», а также в письме Дерикеру обращение отсутствует. В оригинале имеется явно позднейшая карандашная помета Одоевского: «О столоверчении» (л. 58); аналогично — также карандашом — помечена и копия с добавлением названия: «Письмо к С. С. Павлищевой» (л. 96).

Все эти факты свидетельствуют в пользу того, что научно-философское послание к Павлищевой, подобно «Письмам к графине Ростопчиной...», вообще изначально мыслилось Одоевским как сочинение публицистическое, назначавшееся в печать. Местонахождение же автографа — архив писателя — ставит под сомнение и самую отправку письма адресату.

Так или иначе, вернувшись к работе над давним текстом, Одоевский набрасывает ряд заметок, сопровождаемых пометами: «Письмо к Павлищевой», «К письму Павлищевой» и «В письме к Павлищевой».¹⁰ Наиболее важные из них мы приводим в соответствующих местах комментария.

«Письмо О. С. Павлищевой» — один из немногих в архиве позднего Одоевского целостных документов, дающих представление о сложившейся у писателя в 1850—1860-е гг. системе позитивистских воззрений.

1

Письмо В. Ф. Одоевского к О. С. Павлищевой

О столоверчении

Июль 1854 г.—начало 1860-х гг.

Ваш прекрасный рассказ глубоко заинтересовал меня. Вы позволите мне бросить на бумагу несколько замечаний о том, как, с моей точки

⁵ П. Н. Сакулин датирует письмо к О. С. Павлищевой концом 1850-х—началом 1860-х гг., явно ориентируясь на эту позднейшую его доработку (см.: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 2. С. 289—290).

⁶ РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевский), оп. 1, пер. 79, л. 58—95.

⁷ Там же, пер. 70, л. 137—140.

⁸ Там же, л. 141—143.

⁹ Там же, пер. 79, л. 96—136 об.

¹⁰ Там же, пер. 32, л. 33, 47—52, 78 и — под литерой «П» — л. 159 об.; пер. 22, л. 127—128 — под литерой «В».

зрения, мне представляются те странные и любопытные явления, среди которых Вы были и свидетельницей, и действующим лицом.

Прежде всего оставим пока в стороне вмешательство духов, демонов и других подобных тому существ в это дело. Мы об них упомянем после. Вообще если мы не имеем права отвергать сверхъестественного, то есть недоступного ни положительным, произвольным опытам, ни вычислениям, ни измерениям, то точно так же мы не вправе допускать сверхъестественного в тех случаях, где мы не истожили всего запаса наших сведений и всех *возможных приемов* наблюдения.¹ Паровая машина, громоотвод, театр марионеток могут показаться проявлением сверхъестественной силы, если мы не дадим себе труда анализировать причины или, лучше сказать, *условий* этих явлений.

Несколько слов о самом движении стола или столика. Мы из физиологии знаем, что никакой мускул не может долго находиться в напряженном состоянии; если он вытянут, то он (незаметно для нас, без сосредоточенного внимания) старается *сократиться*, согнуться; если он согнут, он старается *выпрямиться*. Пальцы, как бы спокойно ни были наложены на стол, чрез несколько времени (смотря по физической силе делающего опыт)* *устают* и перстные мускулы начинают *сокращаться* сами собою — и первый толчок столу дан; за произведенным движением рука следует бессознательно и производимое *ею* движение принимает за производимое столом. Усталость пальцев усиливается, когда к ней присоединяется давление мускулов артерий и вен запястья *от сжатия посторонней руки*. Движение больших столов может быть произведено лишь *суммою мускульных сокращений*, соразмерною тяжести испытываемого стола; вот почему для большого стола нужна дюжина участвующих. Для убеждения в этом был предложен самый простой опыт: на столик стоит насыпать немного какого-либо мелкого порошка — плауна,² песка, просто пыли. Наложив пальцы на такой стол, Вы увидите чрез несколько времени, что стол останется неподвижен, а пальцы Ваши *проведут борозды* времени по песку: явное доказательство, что *источник* движущей силы не в столе, а просто в Вашей руке.

Предвижу возражение: столы не только движутся, но и *пишут независимо от воли производящего опыт*. Впрочем, посыпанный песком стол не будет и писать.

Вы видите, что я даю этому возражению форму самую широкую; я не прибегаю к обыкновенным ссылкам на воображение, на содействие самого испытателя составу слов, выписываемых столом; я принимаю явление во всей его чистоте и добросовестности.

Итак, мы имеем дело с явлением, *действующим на наши чувства, нами производимым, но без нашего сознания или, по крайней мере, без участия нашей воли*. Так ли? Признаюсь, что это явление объяснить гораздо труднее, чем движение стола, ибо здесь представляется весьма многосложный процесс нашего многосложного организма.

Постараемся разобрать его по частям и посмотреть, не найдем ли чего подобного в других явлениях организма, доступных и нашему опыту, и нашему наблюдению. Мало людей, которые, закрывая глаза, не видели бы разных, то появляющихся, то исчезающих фигур, особенно засыпая. Эти фигуры, весьма разнообразные у разных людей, суть наши сны наяву; они являются и исчезают большею частию без нашей воли, хотя мы еще и сохраняем наше самосознание. Их наблюдали физиолог Миллер и поэт Гете; Гете мог видеть то, что он сильно себе воображал: цветок, статую, человека; Миллеру они представлялись без всякого участия его воли.³ И такова связь между этими призраками и настоящими

* Сила, которую может преодолевать мышца, вычислена положительно. Мускул, имеющий одну квадратную линию (то есть вот такую величину: □), может преодолеть тяжесть в полтора фунта. Мускульная сила человека больше силы других животных. Лошадь поднимает втрое больше своего веса, человек — в пять и шесть раз.

сновидениями, что страдающим бессонницею советуют, закрыв глаза в постеле, следить за этими призраками — и они мало-помалу переведут засыпающего в состояние настоящего сна. Я это испытывал неоднократно на самом себе и почти всегда с успехом; совершенное отсутствие этих призраков есть для меня всегда признак упорной бессонницы; большею частию они состоят для меня из *отрывков* виденного, читанного или слышанного мною в продолжение дня, к коим примешиваются также отрывки из прежних событий жизни, иногда лица, то красивые, то безобразные, никогда мною не виданные, цветы, арабески, здания, геометрические фигуры и прочее тому подобное.

Следственно, вот род явлений, нами видимых и происходящих в нас естественно, как голод, как жажда, — *без содействия нашей воли*.⁴

Сюда же можно отнести те призраки, которые остаются в нашем глазе после того, как мы долго смотрели на светлые или сильно освещенные предметы, как например на солнце, лампы, стекольные рамы и прочее тому подобное. Аберкромби, английский врач, рассказывает про одного своего приятеля, который, наклонив голову, долго рассматривал гравюру, представлявшую Мадонну с Младенцем. Подняв голову, он в отдаленном углу увидел женщину во весь рост *натуральной величины* с ребенком на руках. После первой минуты удивления он заметил, что этот призрак был точным отпечатком гравюры.⁵

Сюда же можно отнести так называемые *посфены*, или призраки, появляющиеся при нажатии глазного яблока.

Я не буду говорить здесь о всех видениях, производимых разного рода болезнями, опиумом, гашишем, вдыханием разного рода газов (каков, например, *dentoxide d'azote*^a), которых образование в некотором количестве не невозможно в спертom воздухе комнат, наконец, голодом, жаждою, разными физиологическими причинами в женщинах, особенно в девушках, — все это Вы находили, вероятно, в разных книгах; обращусь к собственным моим наблюдениям.

Тому год поступил в Лечебницу для приходящих Общества посещения бедных⁶ странный больной, обративший на себя особое мое внимание: *ему кто-то наговаривал в уши*.

На мои расспросы он отвечал мне следующее:

«Это началось вот как: в Казани (или в Воронеже, не помню) у нас было дело по наследству; я с братьями останавливался в доме одного нашего общего знакомого. Братья мои часто спорили и кричали, рассуждая о делах. Однажды вечером после долгого спора разошлись, я также ушел в свою комнату. Но едва лег я в постелью, как услышал, что снова братья мои заспорили; но посреди их голосов не слыша голоса хозяина, я счел нужным встать и идти к нему с просьбою, чтобы он уговорил моих братьев перестать, ибо в ночное время их крик может растревожить соседей. Мы пошли с хозяином в гостиную, где спорили братья. Но там все было пусто. Я подумал, что мне это приснилось, и снова удалился в свою комнату; но едва я лег в постелью, как снова услышал, что братья громко спорят, но только на этот раз к ним присоединился и голос хозяина. Тогда я понял, что это что-то во мне недоброе. С тех пор и началась моя болезнь; сперва я слышал разговоры разных людей, *потом начал* говорить со мною, бранить меня самыми несносными словами, пророчить мне всякие беды, напоминать мне все неприятности в моей жизни, дразнить меня, насмехаться надо мною. Вот и теперь, как шел я в Лечебницу, он громким голосом кричал мне в ухо: „Что? Идешь лечиться? Не вылечишься, не вылечишься, не вылечишься”».

Я советовал больному сколь возможно рассеивать себя, ходить в театр, на гулянье, быть вообще с людьми.

^a пятиокись азота (фр.)

«Это мне уже советовали, — отвечал мне больной, — я для того даже нанял себе комнату в вокзале, чтобы быть больше с людьми; и действительно, теперь идет лучше; когда я в обществе, то ничего не слышу, и только когда я один, то начинает опять меня бранить».

Этот больной в течение нескольких месяцев был совершенно вылечен, — кажется, морфином и другими столь же не сверхъестественными средствами. Историю его болезни можно найти в архиве Лечебницы.

Будь этот человек посувернее, попадись он в руки людям, которые думают, что этого рода болезни должно лечить не иначе как нашептыванием или отчитыванием, тогда, будьте уверены, что он бы вскоре дошел до конвульсий — и до сумасшествия, даже до бешенства с разными видениями и другими принадлежностями.

Из этого примера можно заключить, каким образом наш собственный организм, по причинам чисто физическим (ибо они были удалены физическими средствами), может быть подвержен такой галлюцинации⁷ — или *обаянию*.

Перенесите эту возможность или, лучше сказать, нашу способность к галлюцинациям из глаза и уха — к руке, и Ваш просвещенный ум легко усмотрит *физиологическую возможность* писать слова, имеющие смысл, без полного сознания своей воли, но в некотором состоянии греза, — чего примеры знаем уже в натуральных сомнамбулах, которые читают и пишут в состоянии сна. Различие пишущего столиком от настоящего сомнамбула такое же, как между вышеописанными *предсонными* призраками и настоящими сновидениями. Здесь лишь низшая шаткая ступень сомнамбулизма, произведенная внутренним напряжением.⁸

Остается вопрос: каким образом это *столописание* делается обстановкою для известного лица — умершего, а вероятно, и живого, если бы только сделать опыт, какой в этом роде был сделан г-ном Каганье во Франции, который достиг до того, что его сомнамбулы беседуют с *духом* живого человека, *не знаем для того самого человека*.⁹

Здесь объяснение еще труднее, ибо этого опыта нельзя всякому повторить по произволу, как можно повторять, например, опыты с электрическими (может быть, еще более чудными) явлениями. Успех зависит от организма самого испытателя, как показывает вышеупомянутый пример физиолога Миллера и поэта Гете. Под мою рукою не двигался и не писал ни один стол, и на все мои вопросы столы всегда отвечали вздором; правда, что я им задавал всегда математические задачи; по-видимому, духи не сильны в математике — что, однако ж, довольно странно.

Итак: в этих явлениях *столописания снаряд в самом испытателе*. Ниже мы припомним другие явления, в коих происходит нечто подобное, а прежде всего обратим внимание на то, что каждый, при некоторой наблюдательности, может заметить в самом себе.

В числе метеорологических явлений есть так называемый мираж (mirage);* он состоит, как известно, из отражений какого-либо на земле находящегося предмета (корабля, дерева, человека) в облаках или в парах над горизонтом, где тот предмет является тысячекратно повторенным в самых разнообразных видах. Это явление сравнивают с соединением кусков зеркала или другого отражающего тела, составленного из мелких частиц.

Нечто подобное происходит и в человеческом организме; мы уже видели тому пример в *предсонных призраках*; но это подобие идет гораздо далее, и органический мираж во столько выше оптического, во сколько человек выше грубых бессознательных сил, действующих в низших слоях природы.¹⁰

* Его иногда переводят областным словом «mareво» — но не знаю наверное, одно ли это и то же.¹¹

Обратите внимание на ту вереницу мыслей и образов, которые пробегают чрез Вашу голову в течение дня; Вы в этом духовном мираже найдете отражения Вами сказанного, слышанного, читанного, думанного вчера, на прошлой неделе, в прошедшем году. Этот мираж осложняется чудною способностью, общею всем людям и называемою *сопряжением понятий*. Одна мысль, одно слово, один звук, даже запах припоминает Вам весьма далекую мысль, забытое событие, забытое чувство. Иногда это, так сказать, *соприкосновение* одной мысли к другой совершается так быстро, что мы не можем даже заметить их последования, и невольно себя спрашиваем: отчего эта мысль пришла мне в голову? Если Вы могли удержать нить, которою эта мысль привязывалась к предшедшей, Вы, в большей части случаев, отыщете и весь ряд Ваших предшествовавших мыслей; Вы будете удивлены, какие неизмеримые пространства пробежала мысль Ваша в течение нескольких минут. Эта операция довольно трудна и требует даже некоторого навыка *смотреть за собою*; по большей части нить прерывается.

Этот электрический ток наших представлений весьма замечателен в сновидениях; какой-нибудь стук, от которого Вы пробудились *во время сновидения*, делается частью самого этого сновидения, он обращается, например, в выстрел или что-либо подобное, в чем Ваше сновидение находит *развязку*. Это явление показывает, с какою неизмеримою быстротою наша мыслительная способность может *произвести обстановку* какого-либо призрака.

Подобное явление мы встречаем в так называемых *автодидактах*, то есть в детях, которые, по особой способности, могут в одно мгновение производить вычисления, для которых опытному счетчику нужны время, перо и бумага; например, вычислить, сколько секунд в столетии со столькими-то днями. Автодидакты так скоро пробегают все периоды мышления, нужные для решения задачи, что *никогда не могут объяснить процесса своих вычислений*. Здесь то, что в нашем бестолковом психологическом языке называют *инстинктом*, который в человеке есть не что иное, как ускоренное мышление.¹²

Во всех разговорах с духами столов происходит не что другое, как умственный мираж прошедших событий, мыслей, слов — осложненный сопряжением понятий. Стол без всякого волшебства *отражает* весь этот процесс, в Вас самих совершающийся. Это явление совершилось бы точно так же, если бы Вы просто взяли карандаш в руку и с *бессознательным напряжением* пустили его бродить по бумаге. Стол служит только пособием для *сосредоточения внимания*, которым, подобно многим другим приемам (бессоннице, темноте, тишине, уединению, голоду и прочее тому подобное), *экзальтируются* наши нервы и делаются способными возобновлять в мозгу все когда-либо бывшие в нем впечатления, точно так же как впечатление освещенной рамы возобновляется в темном месте, к которому мы обратили глаза.¹³

Вот отчего столы так хорошо знают прошедшее, а о будущем толкуют то, что Вы бы сами подумали, *подумавши сознательно*.

Вот отчего столы называют себя или именами историческими, или именами родных. Индийцу отвечал бы Вишну; египтянину (описанному Лабордом)¹⁴ в капле чернил представляется султан с его придворными.

Anima foeminae,^a которое написал Ваш стол, есть слово, которое когда-либо не могли Вы не слышать или где-нибудь не прочитать, — но Вы забыли это слово, оно Вам представилось, пробежав — *по закону сопряжения* — тысяча^b посредствующих понятий, *которых Вы не заметили*.

Возьмите ряд шаров, прикасающихся друг к другу; ударьте в этот ряд шаром А; тогда шар Z отскочит, а шары В, С, D, Е, F и прочие

^a Душа женщины (лат., архаич.)

^b Так в рукописи.

останутся неподвижны, хотя очевидно, что чрез них пробежала сила удара, без чего бы шар Z не отскочил. Это механическое явление, как мне кажется, до некоторой степени объясняет ту возможность, которая существует для нас: *пропускать* чрез наше мышление ряд понятий и не замечать их прохождения — до понятия, представления или слова Z.

Я настаиваю на этом явлении, ибо оно очень важно в нашем психологическом процессе; повторяю, что убедиться в нем положительным опытом можно лишь при пособии навыка.

Пойдемте дальше. А(лександр) С(ергеевич) Вам представился — *как Вы его знали*; иначе и быть не могло; «je l'aime bien tendrement»^a — этого выражения Вы или другие, его знавшие, не могли не подумать, как равно и следующего за ним: «en plaisantant».^b Все это, при данных обстоятельствах, совершенно сообразно его характеру или, лучше сказать, воспоминаниям об его характере, о его способе выражаться.¹⁵ К Вашим воспоминаниям присоединились и другие элементы: понятия о первом и втором Небе — прямо из Шведенборга;¹⁶ страх: нет ли тут чего-либо нечистого? — породил в Вашем мышлении все последующие явления, согласные с Вашими религиозными убеждениями; появление К. есть результат маленького раскаяния, зародившегося в Вашей доброй душе при воспоминании о насмешках над этим уродцем.¹⁷

В семействе Б. то же самое: воспоминания, смешанные с собственными понятиями испытателей.¹⁸

Поездка в деревню есть явное следствие беспокойства об имени, подозрения на управителя,¹⁹ примешавшегося к чудесным опытам и потому принявшим форму совета от мужа.^{a, 20}

Предвижу возражения: опыты производились частью детьми, в которых нельзя предполагать знания тех или других обстоятельств; вопросы производились другим лицом посредством сжатия руки.

Прежде нежели войдем в сферу явлений еще более сложных, нежели все те, о которых доселе шла речь, позволю себе, на основании двадцатипятилетних наблюдений²¹ над сотнями детей, заметить, что дети, особливо умные, развитые дети, гораздо более знают, нежели как мы вообще полагаем. Дети любопытны, они подмечают каждое мимоходом сказанное слово, особенно то, которое от них скрывают; дети хитры и скрытны; наконец, дети тщеславны; ничто их так не прельщает, как играть ролю — *faire de l'effet*.^c Всем этим маленьким страстям своим они удовлетворяют посредством своей весьма последовательной логики, чему помогает и то, что они не столько рассеяны житейскими заботами, как взрослые. Детский ум работает беспрестанно, и весьма часто совсем не над тем, чего бы хотели отец или мать. Но все это — мимоходом, ибо степени и направление детского разума могут быть весьма различны.

В уровень с чудным явлением девочки, отвечающей, посредством стола, на безмолвные вопросы лица, держащего ее за руку, я ставлю другое не менее чудное явление, а именно меня самого, в сию минуту пишущего эти строки.

Каким образом бестелесная моя мысль достигает моей телесной руки, составленной из костей, хрящей, мускулов, нерв, кожи и крови, и обращается, посредством моей руки, в письмо, в процесс весьма сложный, ибо, сверх моего напряжения выразить мысль, я должен вспоминать буквы азбуки, их значение, очертание, значение слов, их грамматическое согласование, и еще с претензиями на чистоту и точность слога, и притом не забывать давать суставам и мышцам пальцев надлежащее движение, не забывать и опускать перо в чернилицу; да к тому же

^a «люблю ее (его) очень нежно» (фр.)

^b «шутя» (фр.)

^c Так в рукописи.

² производить впечатление (фр.)

я теперь курю — процесс также довольно сложный, в котором соединяются все явления пневматической машины.

Я не знаю, попадалось ли Вам на глаза напечатанное, тому лет пять, в журналах письмо на мое имя от Матвея Волкова о его наблюдениях по части так называемого животного магнетизма?²²

Это письмо не только интересно, но и важно по своему содержанию, ибо Волков — глубокий математик, человек ума не только положительного, но и скептического, и который убеждается в истине чего-либо, когда истина эта приведена к формуле: $a + v$.

Мы с ним спорили о животном магнетизме; я допускал явления этого рода, он им не верил. Так мы расстались. В путешествии за границей он встретил магнетизера, которого сомнамбулка имела способность *видеть или воображать себе то, что держащий ее за руку человек думает*.

Эту чету Волков избрал предметом своих наблюдений, со всею своею настойчивостию и с тем неумолимым анализом, к которому приучают точные науки. Его наблюдения продолжались довольно долго, и он разнообразил свои опыты, как разнообразят их при изучении какого-либо предмета по части физики или химии. Письмо его состоит в исчислении всех тех предположений, кои он изобретал, чтобы увериться в фальши опытов магнетизера, после чего он благородно сознается, что ни одно из его предположений не имело оснований.

Волков убедился в неподдельности следующего явления, неоднократно повторенного: кто-либо из присутствовавших брал за руку сомнамбулку, и она рассказывала, что *он себе воображал*; если державший воображал себе сад, она рассказывала, что видит деревья, дорожки, беседки; точно так же она рассказывала подробности сражения, пожара и прочее тому подобное; и замечательно, что, чем живее воображал себе что-либо *рукодержатель*, тем яснее и отчетливее были представления сомнамбулки. Подобные факты Вы, вероятно, встречали в книгах о животном магнетизме, но я немногим из них вполне верю; в этих рассказах замешано бывает самолюбие магнетизера. Но свидетельство Матв(ея) Волкова имеет для меня иное значение и по его характеру, и по его положительному, строгому, наблюдательному уму, и, наконец, по тому, что описанное им явление было в совершенном противоречии с его прежними убеждениями, а он и доходит до них, и расстаётся с ними весьма нелегко. Это явление я принимаю за факт, приобретенный наукою.

Приведу еще свидетельство, которому вполне доверяю; один из моих приятелей, человек весьма умный и занимающийся медициною, посещал одну из сомнамбулок покойного Пашкова²³ и приносил ей *волосы* своей жены; другого сообщения никогда не было, но сомнамбулка всегда весьма верно рассказывала все припадки больной; зато все ее указания для излечения больной были весьма сбивчивы; как Пашков верил гомеопатии, то, разумеется, и его сомнамбулка была гомеопатка; но только она прописывала несколько гомеопатических лекарств вместе, что, как известно, противно коренному закону гомеопатии, по коему всякое лекарство должно быть употребляемо в чистом виде и без всякой лекарственной примеси.

Вот два факта, показывающие: 1) возможность в природе безмолвного сообщения ощущений между двумя организмами и 2) возможность передачи ощущений посредством материяльного предмета.

Для положительной науки этого пока довольно. Явление возможно; оно может быть повторено при известных обстоятельствах; в условиях этого явления нет ничего чудеснее того, когда мысль наша переходит из духовной своей сферы в руку и потом в перо. Объяснить ни того ни другого явления мы еще не можем, — но законы того и другого нам известны. Мы знаем, например, что больною рукою писать нельзя, что и здоровой руке нужен для того некоторый навык, что для писанья нужна сосредоточенность внимания, что больная голова будет диктовать

руке какую-нибудь нелепость, и прочее тому подобное. Но если нет никакого логического повода предполагать, что мысль переходит в перо действием какого-либо демона, то так же точно нет повода предполагать такого действия в двух фактах, мною описанных, а равно и в математиках-автодидактах. Мы знаем очень хорошо законы и условия горения свечки; мы можем указать на все необходимые периоды горения, начиная от сделавшегося жидким стеарина до обращения его в невидимые газы, но сущность огня нам неизвестна; мы не можем объяснить, например, отчего огонь и греет, и светит? Но из этого не следует, что мы для объяснения этого явления должны принять толкование каких-то островитян, которые убеждены, что огонь есть животное, ползающее по дереву и его поедающее. Это толкование имеет много сходства с предположениями о действии демонов.

Я привел Вам до сих пор немного фактов, но согласитесь, что они вполне обнимают ту задачу, которую мы себе задали: отдать себе отчет в явлениях, действующих на наши чувства без нашего сознания или без участия нашей воли, и что к этим фактам подходят все чудеса столописания, которые столь же чудесны и не чудесны, как все естественные явления, и в той же мере не превосходят нашего разумения.²⁴ Все чудеса столописания объясняются несколькими физиологическими данными. Вы напрягаете свой организм, чудесность столописания сосредоточивает Ваше внимание, все Ваши воспоминания прильнули к заданному вопросу, и Вы пишете столом, как автодидакт делает вычисление, — бессознательно, но с некоторою последовательностью, какая бывает и в сновидениях; если напряжение Ваше не полно, внимание не сосредоточено — стол пишет каракули. Если, напротив, напряжение сильно, то в Ваши представления вмешиваются и предчувствия, которые, как я заметил уже, суть не иное что, как *ускоренная мысль*, пробегающая, незаметно для Вас, чрез целые ряды понятий, а потому как бы предсказывающая будущее (Вы видите, что я допускаю и эту возможность); но будьте уверены, что до такого предсказания и более верного Вы бы дошли и логическим путем, сосредоточив несколько Ваше внимание, точно как всякий, знающий математику, может вычислить вычисляемое автодидактом, но только с тою разницею, что математик действует сознательно, может отдать себе отчет в своих действиях и *проверить* себя, чего автодидакт никогда не может. Точно так же астроном вычисляет затмение, врач предсказывает действие лекарства и ход болезни, политик предвидит развязку общественных событий. Эти явления, может быть, чудеснее всех других родов предсказаний, но никому еще, кроме иезуитов, не приходило в голову приписывать их демонскому наваждению, как равно и паровую машину или электрический телеграф, которые, право, чуднее столописания.

Ускорение мышления, имеющее вид бессознательности, происходит с каждым из нас гораздо чаще, нежели как предполагают. Сядься писать, Вы имеете в голове общую мысль, но когда Вы углубились в работу, тысячи *неожиданных* мыслей льются из-под Вашего пера. Кто, особливо в произведениях чисто литературных или поэтических, мог сказать наперед, какой вид получит его первоначальный образ?

Обратите внимание на поверье: *переспать* через трудную задачу; оно имеет основание в нашем организме. Прямыми физиологическими опытами живосечения и наблюдениями над человеком в разных ужасных болезнях, о коих я не буду распространяться, доказано, что одни из наших нерв суть орудия чувствительности, другие — орудия движения; раздражение первых порождает боль, раздражение других заставляет животное, например, вертеться в одну сторону. Нечто подобное замечается в наших духовных орудиях. Во время сна наши духовные способности (не знаю какие — наша психологическая номенклатура основана на мечтаниях) раздвоятся; одни как бы засыпают, другие действуют с большою силою. Что казалось неразрешимым в течение дня, когда раздра-

жение внешними событиями (которому подвергаются некоторые из наших духовных сил) мешает действовать другим нашим духовным силам, то является очень просто при пробуждении; некоторые из наших духовных сил трудились над решением задачи, в то время когда наш организм спал. Я говорил с Шеллингом об этом замечательном психологическом процессе, и он сообщил мне, что, когда он забудет что-либо, ему стоит заснуть хоть на 5 минут, чтобы вспомнить забытое.²⁵ Такие явления всякий заметит в самом себе, если только даст себе труд *замечать*. Известно, что философ Кондильяк, поэт Вольтер обязаны сну лучшими своими идеями; но еще важнее свидетельство физиолога Бурдаха о том, что сновидение было началом разных физических положений, впоследствии развившихся в его мышлении.²⁶

Напряжение организма и сосредоточенность внимания производят действие, подобное сну; некоторые из наших способностей, назначенных ведать то, что вне нас, как бы выглядывать из окошка, подавлены этим напряжением, другие, которые распоряжаются нашим внутренним хозяйством, действуют смелее.

Скажу и про собственные мои наблюдения. Воспитанный в школе, я до сих пор, среди самых разнообразных обстоятельств жизни, сохранил способность писать, несмотря на слышимые мною разговоры, и даже говорить в то же время. Но последнее мне стоит некоторого усилия. Всего легче работается мне ночью в совершенной тишине; тогда я могу писать прямо набола, как, например, вот это мое к Вам письмо. Большая часть моих повестей мне привиделась во сне; когда меня что-либо затрудняет, я стараюсь об этом думать *засыная*, — поутру почти всегда задача решена.

Картина, которую Вы мне показывали, *нарисованная столом*, есть один из замечательнейших фактов, но он доказывает только то, что Ваша дочь имеет удивительную способность к живописи;²⁷ ей нужно только усилить свое внимание, уединить себя от рассеивающих внешних впечатлений, убедиться, что она и без стола может рисовать прекрасно, и она, поверьте, нарисует точно такую же картину и еще лучше, ибо без стола рисовать легче.

Наблюдение Волкова, по моему мнению, вполне объясняет, почему ребенок, пишущий столом, отвечает на недоступные ему вопросы, когда Вы его держите за руку; Вы его просто магнетизируете; он пишет то, что Вам *мнится*. Это не иное что, как весьма известное в магнетических сеансах *transmission de la pensée*.^a

Следовало бы теперь поговорить о магнетизме, но его явления Вам слишком известны, а сущность необъяснима — как горение стеариновой свечки. По моим наблюдениям, магнетизация происходит между всеми людьми, беспрестанно изменяется, смотря по разным неисчислимым обстоятельствам организма, иразнится лишь степенями. Замечали ль Вы людей, которым Вы верите только, пока они Вам говорят, и только по их уходе разуверяетесь в истине и основательности ими сказанного? Эти люди действовали на Вас магнетически; с их уходом — сеанс кончился, Ваш организм приходит в первобытное состояние. Но такие повторенные сеансы могут превратиться в полную магнетизацию — Ваше убеждение будет покорено этому чисто физическому влиянию. В этом, мимоходом будь сказано, тайна иезуитов, которую они тщательно скрывают и для чего они вооружаются против распространения магнетизма.

Приемы иезуитов и других землепроходцев известны; желая завлечь добычу в свои сети, агент втирается в знакомство и даже в приятельство своей жертвы; он старается видеть ее часто, но не вдруг заговаривает о папизме; он говорит о предметах посторонних и, чтобы заставить себя слушать, о предметах, интересных для жертвы; мало-помалу его *атмосфера* делается для нее необходимостью, сладостью — как атмосфера

^a передача мыслей (фр.)

всякого магнетизера для его пациента. Когда мало-помалу иезуит покорил себе тело своей жертвы, он принимается и за ее душу. Такие факты нередки; стоит на них обратить внимание.

Магнетическое влияние людей одного на другого замечается повсюду; мы действуем друг на друга не только духом, но и телом. Из двух встречающихся людей почти всегда один покоряет другого, а этот в свою очередь покоряет третьего. Иногда встречаются равные силы, и это бессознательное противоборство порождает большую часть бессознательную ненависть. Отсюда взаимное влияние супругов на их характеры; отсюда подражательность детей — самых лучших субъектов для магнетизации.

Нет сомнения, что магнетизм известен был с древних времен в Индии, в Китае и проч. Не этому ли знанию должно приписать затворничество богдыхана²⁸ в Китае, микадо²⁹ в Японии, запрещение смотреть на него, удаление от сообщества с людьми, кроме некоторых избранных для надзора за этими мнимыми властителями соглядатаев. Микадо в Японии не только не должен быть никому видим, но для лучшей безопасности он не должен даже *двигаться*.

Когда Вы хотите убедить человека, Вы невольно до него дотрогиваетесь, берете его за руку, за плечи. Ваш физический инстинкт (отличный от духовного) руководит Вас в этом случае так же, как руководит ребенка, который тянется к матерней груди.

Надлежало бы также коснуться до того чудного снаряда в нашем организме, где разыгрываются все эти истории и который называется нервами; но, во-первых, это повело бы нас слишком далеко, а письмо это и без того длинно, а во-вторых, одно анатомическое и динамическое описание нерв мало служит к объяснению магнетических явлений. Нужно бы заговорить о так называемом нервном *токе* (*fluide nerveux*) — но это еще — terra ignota.^a Наука подметила некоторые явления этого процесса, но пока еще не успела так побрататься с ним, как, например, с электричеством; с нервным током нельзя еще производить опытов по произволу. Маттеуччи открыл в электрическом *гнойсе* (который, как известно, может стрелять электричеством, когда захочет) полный электрический снаряд; предполагали, что этим наблюдением объясняется и действие нерв; но Маттеуччи с благородным смиренномудрием науки после долгих изысканий должен был признаться, что электричество — одно, а нервные явления — другое.³⁰ В науке я признаю только то, что доказывается, как $A + B = A + B$.

Но по чувству беспристрастия я приведу здесь несколько отрывков из письма того самого моего приятеля, о коем я упоминал выше, которому я читал начало моего к Вам письма и который смотрит на это дело несколько иначе, как я, хотя мы и согласны в главных положениях.

Вот что он пишет:³¹

«Я совершенно согласен, что столы вертятся от сокращения мускулов и, пожалуй, от толчков артерияльных пульсаций. Но, сверх того, нужно, кажется, иметь еще в виду и нервную систему, под управлением которой совершаются все движения в организме. Нет такого материалиста, который бы не признавал токов, или движений, в магните, в гальванических и электрических проводниках, потому что эти токи, хотя невесома и невидимы, однако ж, проявляясь в действии, становятся осязаемыми и явно материальными. Откуда же затруднение признать в нервной системе живого организма подобное же, хотя и своеобразное, движение, которое точно так же осязательно, когда проявляется в действии? Назовите его как угодно, движением, током, животным магнетизмом, — это все равно. Но нельзя не признать, что такое движение есть: без него не было бы жизни. Если же оно есть, то оно нимало не сверхъестественно и нисколько не меньше материально, чем магнит-

^a незнакомая область знания; букв.: неведомая страна (*лат.*)

ность, электричество и гальванизм. Напротив, это явление столько же материяльное и механическое, как и самое осязательное движение колеса или рычага. Посредством этого нервного движения мы переставляем ноги, разводим руками, чувствуем и мыслим, — явления изумительно чудесные, когда подумаешь, однако ж никто не называет их сверхъестественными.

Как нервный, так и магнитный и электрический токи становятся осязательными и видимыми только тогда, когда проявляются в действии. Сами по себе они одинаково невидимы. Но последним посчастливилось у физиков, и они награждены титулом «невидимая материя» и по праву первородства произведены в чин действительных вещей. А нервный ток, как младший брат, еще не дослужился, вот и вся беда. Пусть только физики согласятся признать, что все эти токи, а также и свет, и тепло, и звук* — только различная форма движения, для которого, кроме самых движимых тел, не нужно никакой особой невесомой материи, никакого эфира, — и дело пойдет на лад.

Предположим, что это уже признано, несмотря что Лонже, Маттеуччи, Дюма не нашли в нервах *электричества* посредством гальванометра,³² — что, мимоходом сказать, вовсе не удивительно. Удивительно оно было бы только тогда, когда бы нервная система была простая электрическая машина или гальванический прибор из цинка и меди.

Одною магнитною полосой можно намагнитить другую полосу; гальванический и электрический токи передаются другим телам, и тела эти приводятся такою передачей в механическое движение. Где же основание не допускать возможности *передачи* другим телам нервного электричества, животного магнетизма, нервного тока или нервного движения?³³ Как скоро в голове есть понятие, *каким образом совершается* процесс этого столотписания (то есть посредством передачи нервного движения данному проводнику), то уже нет никакой возможности увлечься до способности *бессознательно* действовать и из грез и видений отвечать на какой бы то ни было вопрос. Вот почему у понимающих дело, точно так же как и у *неверующих* (хотя и вовсе ничего не понимающих), стол не может писать. У последних он даже не вертится, несмотря на неизбежное и ничем не устранимое сокращение мускулов и пульсацию. Это объясняется тем же нервным движением и похоже на прикосновение отрицательным полюсом магнита. Это отрицательное явление, может быть, лучше всего доказывает необходимость участия нервного тока и передачу его движимым столом и карандашом. Если бы не боялся наскучить Вам, я рассказал бы несколько фактов в подтверждение, потому что сам вертел и *не вертел* стола, шляпы и всякую всячину. Одно только замечу, что у людей, поставленных в потребную позицию и совершенно не знающих, что из того выйдет, все всегда вертится. Написать же посредством стола я никогда не мог ни одного слова, потому что не мог забыть своего понятия о нервах и мозге. Писать *посредством стола* могут только люди, у которых под влиянием верования в духов нервное возбуждение доведено до мершения и иногда, может быть, до ясновидения.³⁴

Хранится: пер. 79, л. 58—95 (беловой автограф); л. 96—136 об. (копия).
Печатается по автографу с учетом позднейшей авторской правки.

¹ ...если мы не имеем права отвергать сверхъестественного ~ и всех возможных приемов наблюдения. — Аналогичный тезис был сформулирован Одоевским еще в письме V к графине Ростопчиной: «Руководствуясь известными законами, открываемыми нам физикою и химиею, мы должны в каждом непонятном явлении стараться отделить обстоятельства, которые объясняются сими законами; когда же сии науки перестают помогать нам в этом деле, тогда мы еще можем прибегнуть к аналогии с явлениями другого рода, более нам известными; вообще непонятное для человека есть только не довольно исследованное» (*Безгласный (Одоевский В. Ф.) Колдовство XIX столетия: (Письмо V-е к графине Ростопчиной) // Отч. зап. 1839. Т. 5. № 8—9. Смесь. С. 21—22).*

* Боюсь химиков, а не то я сюда же прибавил бы и запах, и вкус.

² Плаун — здесь, очевидно, ил.

³ Их наблюдали физиолог Мюллер и поэт Гете ~ его воли. — Речь идет, скорее всего, об Иоганнесе Петере Мюллере (Müller, 1801—1858) — немецком естествоиспытателе, одном из основоположников современной физиологии; известен, в частности, своими трудами по физиологии центральной нервной системы и органов чувств, считается создателем психофизиологического направления. Мюллер был лично знаком с Гете и состоял с ним в переписке; в его ранних трудах заметно влияние натурфилософских и естественнонаучных идей Гете. В 1832 г. Мюллер был избран иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. О предсонных «призраках» Гете в связи с анализом природы собственной творческой фантазии см.: *Dilthey W. Das Erlebnis und die Dichtung. Leipzig, 1988. S. 151—164.* На протяжении жизни Гете являлся для Одоевского эталоном художника-философа, сочетавшего в своем творчестве и восприятии мира рациональное и интуитивное познание. К личному психофизиологическому опыту Гете, описанной им возможности «быть в состоянии полусна, словом, почти наяву видеть грезы», Одоевский апеллирует уже в «Письмах к графине Ростопчиной» (см.: *Безгласный (Одоевский В. Ф.) Колдовство XIX столетия: (Письмо V-е к графине Ростопчиной).* С. 25).

⁴ ...большею частью они состоят ~ нашей воли. — Эту мысль Одоевский собирался, очевидно, развить, — в одной из позднейших заметок, относящихся к «Письму О. С. Павлищевой», значится: «В сновидениях индивидуальность человека, его физиологические потребности, голод, жажда, его собственные желания, опасения смешиваются с происходящими дня, чужими и своими, — человек как бы теряет регулятор, там все его силы направляются равномерно — в сновидениях человек почти сумасшедший» (пер. 32, л. 33; опубликовано без указания на принадлежность заметки к тексту «Письма О. С. Павлищевой»: Рус. арх. 1874. Кн. I. № 2. Стб. 288). Феномен «предсонных призраков», остро интересовавший Одоевского на протяжении всей жизни, он впервые художественно воплотил еще в 1833 г. в рассказе «Игоша» (подробнее см.: *Турьян М. А. «Игоша» В. Ф. Одоевского: (К проблеме фольклоризма) // Рус. лит. 1977. № 1. С. 132—136.*) Ср. также близкие к этим рассуждения Одоевского 1830—1840-х гг. о природе сна, связанные с интересом писателя к проблеме инстинктуального и рационального познания (см.: *Безгласный (Одоевский В. Ф.) Колдовство XIX столетия: (Письмо V-е к графине Ростопчиной).* С. 24—25, а также: *Одоевский В. Ф. Наука инстинкта. Ответ Рожалину; Психологические заметки // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 200—201, 220.* (Лит. памятники)).

⁵ Аберкромби, английский врач ~ гравюры. — Джон Аберкромби (Abercrombie) (1780—1844) — точнее, шотландский врач, получивший наибольшую известность своими исследованиями в области патологической анатомии и патологии нервной системы. Одоевский дословно пересказывает случай зрительной галлюцинации, описанный Аберкромби в его многократно переиздававшейся книге «Сведения об интеллектуальных силах» («Inquiries Concerning the Intellectual Powers», 1830; см.: Sixteenth ed. London, 1860. P. 48). Аберкромби пытался совместить научные наблюдения с догмами религии. В библиотеке Одоевского находилось французское издание книги Аберкромби «Болезни головного и спинного мозга» (*Des maladies de l'encéphale et de la moëlle épinière. Bruxelles, 1837*) (см.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. М., 1988. № 1222). Аберкромби был, между прочим, лечащим врачом В. Скотта.

⁶ Общество посещения бедных — благотворительное общество, образованное в Петербурге в 1846 г. и под бесценным председательством Одоевского просуществовавшее девять лет. Одной из целого ряда практических мер по оказанию помощи нуждающимся было открытие в апреле 1850 г. Лечебницы для приходящих — первой в столице бесплатной больницы для бедных, в которой практиковали лучшие медики Петербурга: Н. И. Пирогов, Н. Ф. Арендт и др. После закрытия Общества больница продолжила свое существование под патронажем великой княгини Елены Павловны, получив название Максимилиановской (по имени попечителя Общества герцога Максимилиана Лейхтенбергского). Подробнее см.: *Боцяновский В. Князь В. Ф. Одоевский и «Общество посещения бедных в С.-Петербурге».* СПб., 1899.

⁷ ...наш собственный организм ~ может быть подвержен такой галлюцинации... — Проблема галлюцинаций, или «способности к видениям», объясняемой, по убеждению Одоевского, исключительно патологией органов чувств, он посвящает значительную часть своих «Писем к графине Ростопчиной о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, магии, кабалистике, алхимии и других таинственных науках» (1839) (см.: *Одоевский В. Ф. Соч. СПб., 1844. Ч. 3. С. 314—343.*)

⁸ Различие пищевого столиком от настоящего сомнамбула ~ произведенная внутренним напряжением. — В неопубликованной статье Одоевского с карандашной пометой: «О предсказаниях сомнамбулов и т. п.», назначавшейся им в переиздание собрания своих сочинений (пер. 79, л. 48—57, копия с авторской правкой), писатель подробно развивает круг обозначенных в «Письме О. С. Павлищевой» проблем, связывая их с малоизученными процессами подсознательного (см. также вступительную заметку к публикации).

⁹ ...опыт, какой в этом роде был сделан г-ном Казанье во Франции ~ не знаем для того самого человека. — Людовик Альфонс Каганье (Cahagnet) (1809—1885) — французский спирит; происходил из бедной семьи и до своего увлечения идеями магнетизма сменил профессии токаря, продавца, фотографа. Впоследствии завоевал известность своими магнетическими сеансами, работая главным образом с сомнамбулами, среди которых была некая Аделаида Мажито, обладавшая даром ясновидения. Принадлежит к спиритуалистической

школе, Каганье пытался согласовать свои взгляды с религией. Был организатором Общества магнетизеров-спиритуалистов (1850) и Общества последователей Сведенборга (1853), в котором председательствовал до конца жизни. При недостатке образования явился автором многочисленных сочинений, суммировавших его учение и спиритуалистический опыт; пять из них были в библиотеке Одоевского (см.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. № 1673—1677).

¹⁰ *В числе метеорологических явлений ~ действующих в низших слоях природы.* — Примечательно, что спустя несколько десятилетий аналогичную попытку «медицинского» анализа «органического» и «оптического» миража — мистических по форме явлений психической патологии — предпринял и А. П. Чехов в своем рассказе «Черный монах» (1894).

¹¹ *Его иногда переводят областным словом «марев» ~ одно ли это и то же.* — Согласно В. И. Далю, слово «марев» адекватно по смыслу слову «мираж» в восточных регионах России (см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 328, 298).

¹² *Подобное явление ~ ускоренное мышление.* — Ср. с неопубликованной статьей Одоевского «(О предказаниях сомнамбулов)»: «Предведение инстинктивное, сомнамбулическое, мистическое, иногда оправдываемое событиями, имеет весьма много сходного с тем психологическим процессом, который замечается в автодидактах-математиках, которые легко и мгновенно разрешают самые сложные математические задачи, требующие от обыкновенного математика усилий и времени» (пер. 79, л. 49—49 об.). Проблема инстинктуального и рационального познания — одна из основных в художественно-философской системе взглядов Одоевского. Уже в 1830-е гг., в поисках гармонического равновесия рациональных и инстинктуальных возможностей человека, Одоевский, отталкиваясь от натурфилософских идей и естественнонаучных наблюдений «рациональных» мистиков (прежде всего Л.-К. Сен-Мартена и Дж. Пордеча), пытался трактовать инстинктуальные «прозрения» как явление физиопсихическое. Наиболее полное философское и теоретическое обоснование эта сложная система взглядов нашла в заметках Одоевского «Наука инстинкта. Ответ Рожалину», в «Психологических заметках» и, наконец, в «Русских ночах» (см. примеч. 4). Художественным их воплощением отмечены «Орлахская крестьянка» (1838) и диалог «Саламандра» (1841) (подробнее см.: *Турьян М. А.* «Странная моя судьба...»: О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991. С. 305—321).

¹³ *Стол служит только пособием для сосредоточения внимания ~ в темном месте, к которому мы обратили глаза.* — Ср. с позднейшей заметкой Одоевского, имеющей помету «В письмо к Павлищевой»: «Мы не видим многих явлений, которых действительность несомненна: вне себя движения часовой стрелки на часах, роста растений; в нашем организме мы не можем распознать всех элементов, необходимых для того, чтобы написать строку: каким образом мы в одно и то же время думаем и о построении выражаемой мысли, и о способе ее выражения, и об соблюдении законов того языка, на коем пишем, и об очертании букв. В быстрой трели фортепьянист не видит движения собственных пальцев.

Видеть внутреннее движение еще труднее. Так, например, как растолковать себе явление, носящее название сметливости. Человек входит в комнату — и разом смекает все отношения между лицами, в ней находящимися; кажется, для этого необходим строгий анализ всех подробностей; таков — медицинский глаз, глаз полководца; говорят: он разом расчел, — правда, что разом — но не расчел, ум его с неимоверно быстрою проделал все эти расчеты бессознательно. Меня могут остановить на этом слове, но у меня есть неотразимый аргумент: математики-автодидакты, которые мгновенно произносят результат самых огромных вычислений; до сих пор еще не удалось выпытать, какою методою они мгновенно сосчитывают, например, число секунд в целой жизни человека, не забывая и високосных годов. Они сами не знают, как это вычисление в них сделалось. (...) Точно так же мы не можем отдать себе отчета в так называемых предчувствиях; в писании, в рисовании посредством вертящегося стола» (пер. 32, л. 47—48; опубликовано с некоторыми неточностями, без указания на принадлежность заметки к тексту «Письма О. С. Павлищевой»: Рус. арх. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 289—290).

¹⁴ *...египтянину (описанному Лабордом)...* — Имеется в виду Леон Эмануэль Симон Лаборд (Laborde), граф де (1807—1869) — французский археолог, художник и писатель; неоднократно путешествовал по Востоку и отобразил свои впечатления в рисунках и описаниях; автор «Путешествия в Каменную Аравию» (*Laborde L. de, Linant. Voyage de l'Arabie Pétrée.* Paris, 1830). Какое из нескольких описаний египтян Одоевский имеет в виду, неясно.

¹⁵ *А(лександр) С(ергеевич) Вам представился — как Вы его знали ~ о его способе выражаться.* — Об увлечении О. С. Павлищевой столоверчением и о ее «беседах» с тенью Пушкина вспоминает Л. Н. Павлищев, описывая известный эпизод, когда, якобы по приказанию брата, Ольга Сергеевна уничтожила свою «Семейную хронику». Запечатлен в мемуарах Л. Н. Павлищева и аналогичный упоминаемому здесь сеанс столоверчения с вызыванием тени Пушкина, имевший место осенью 1853 г. в Москве у Нашокиных — также с участием ребенка (см.: *Павлищев Л.* Из семейной хроники: Воспоминания об А. С. Пушкине. С. 74—75).

¹⁶ *...понятия о первом и втором Небе — прямо из Шведенборга...* — Эмануэль Сведенборг (Swedenborg) (1688—1772) — шведский ученый-натуралист, впоследствии теософ и духовидец. Одоевский имеет в виду один из важнейших постулатов учения Сведенборга,

основанного, согласно введенному теософом принципу соответствий, на выявлении «внутреннего, духовного смысла» Апокалипсиса. По Сведенборгу, преследование и отрицание Христа навлекло на человечество второй, после потопа, Страшный Суд, что привело к разрушению Первого Неба и Первой Земли — символов Древнейшей Церкви. После Страшного Суда, свершившегося на небесах, Господом было создано новое Небо, образованное «из тех, которые со времени пришествия Господа и до сего времени вели жизнь веры и благолепия» (суммарное изложение этого учения, подробно развернутого в трудах «Небесные тайны», «О небесах, о мире духов и об аде», см.: *Сведенборг Э. Новый Иерусалим и его небесное учение*. Воронеж, 1996. С. 28—32). Теософское учение Сведенборга завоевало в мире огромную популярность, в том числе и в России, и обрело многочисленных последователей, образовавших сведенборгианскую секту со своей особой церковью. Была увлечена шведским теософом и О. С. Павлищева. «Продолжаешь ли ты читать и изучать Лафатера и Сведенборга», — спрашивал ее отец в письме от 23 июля 1834 г. (Мир Пушкина: Фамильные бумаги Пушкиных — Ганнибалов. Т. 1. С. 235). По свидетельству Л. Н. Павлищева, позже его мать к учению Сведенборга охладела (см.: *Павлищев Л. Из семейной хроники: Воспоминания об А. С. Пушкине*. С. 75, 78). Пережил период увлечения Сведенборгом и Одоевский. Среди его бумаг сохранилась чрезвычайно важная запись (датируется временем не ранее 1859 г.), в которой Одоевский, затрагивая тот же круг проблем, что и в «Письме О. С. Павлищевой», напрямую связывает явления медиумизма с именем шведского теософа: «Медиамизм многие называют временным помешательством; это выражение неточно; есть нечто сходное между этим физиологическим состоянием и влиянием вина, опиума, хашиша. Медиамизм есть то состояние, когда интеллигенция действует так быстро, что не может следить за фазами собственной деятельности, — словом, то же, что мы видели в математических автодидактах.

Шведенборг был в последние годы в таком состоянии. Не похвалюсь, да и никто бы мне не поверил, что я прочел все его сочинения, — нет такого усидчивого терпения, нет такого искусства читать, которые могли бы преодолеть умственное томление, производимое десятками томов, где без церемонии решаются важнейшие вопросы жизни без всяких иных доказательств, кроме утверждения самого автора, что он все это видел и слышал. Но мне известно многое и из подлинных степеней Сведенборга, и из его последователей или его школы (Новый Иерусалим). Между Шведенборгом и другими медиумами он, человек глубокой учености, не знавший себе равных в ту эпоху, *вызывал сам себя*. NB. Его видения не открыли ему более семи планет, хотя он 23 раза был на Юпитере. St. Martin был ошеломлен открытием семи планет. Мистицизм не подвинул науку ни на шаг». Против этого текста на полях — две записи: «Физиологического факта в мистицизме точно так же не заметили, как алхимики кислорода»; «Медиамизм есть завидное поэтическое состояние» (пер. 22, л. 36). В библиотеке писателя имелось девять сочинений теософа (см.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. № 3754—3762).

¹⁷ ...*появление К. ~ над этим урождем*. — О ком здесь говорится, неясно. Этот текст — позднейшая вставка в автографе (л. 74 об.); в копии он отсутствует.

¹⁸ В *семействе Б. ~ испытателей*. — Кто имеется в виду, неясно.

¹⁹ ...*явное следствие беспокойства об имени, подозрения на управителя...* — Эти слова — позднейшая вставка на полях автографа (л. 74 об.). Речь здесь может идти о разделе болдинского имущества С. Л. Пушкина (см. вступительную заметку к публикации), предпринятого его наследниками зимой 1849 г. Согласно семейному решению, Льву Сергеевичу отходило Болдино, детям Александра Сергеевича — Кистеневу и деревня Львово, а Ольге Сергеевне за ее долю полагалась денежная компенсация. Оформление раздела затанулось года на три. Все это время — вплоть до 1852 г. — имением управлял И. М. Пеньковский. Известно, что опекуны детей поэта — Н. Н. и П. П. Ланские — относились к нему с подозрением; возможно, их сомнения разделяла и Ольга Сергеевна (см.: *Щеголев П. Е. Пушкин и мужики*. М., [1928]. С. 189—212; *Черейский Л. А. Пушкин и его окружение*. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 324).

²⁰ ...*и потому принявшим форму совета от мужа*. — Заканчивающийся этими словами фрагмент текста, который включает упоминания Александра Сергеевича, Сведенборга, К., семейства Б., управителя, демонстрирует ассоциативный метод анализа психических процессов — в данном случае природы сновидений, — в высшей степени свойственный позднему Одоевскому. «Сны часто представляют нам то, что могло бы случиться *при данных обстоятельствах*, — писал он в одной из неопубликованных заметок. — Так, вы намеревались посетить человека — но что-то вам помешало; во сне вы видите, что вы действительно его посетили, он говорит вам то-то, вы отвечаете — иногда то и другое весьма разумно и именно о предмете, для которого вы хотели видиться с этим человеком. Этим явлением доказывается, что логическая связь понятий образуется в нас незаметно для нас, в то время даже, когда вы думаете совсем о другом» (пер. 22, л. 138 об.). В архиве Одоевского сохранились, например, аналитические записи собственных снов — с 19 на 20 августа 1860 г. и с 16 на 17 июня 1861 г., — сопровождаемые конкретным перечислением «происшествий дня и других поводов грезы» и объяснением их «сопряжения в сновидении» (пер. 32, л. 174 об.—175, 179 об.—180).

²¹ ...*на основании двадцатипятилетних наблюдений...* — В автографе было: пятнадцатилетних. Исправлено Одоевским в копии (л. 115 об.).

²² ...*напечатанное, тому лет пять, в журналах письмо на мое имя от Матвея Волкова ~ магнетизма?* — Подразумевается статья М. С. Волкова «Животный магнетизм: магнетиче-

ские представления в Баден-Бадене в июле 1844 г. (Князю В. Ф. Одоевскому)», напечатанная в «Отечественных записках» (1845. № 2. Отд. 2. С. 39—61). О дискуссиях Одоевского и Волкова по поводу животного магнетизма подробнее см.: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. Т. 1, ч. 1. С. 380, 608—611.

²³ ...*один из моих приятелей ~ покойного Пашкова...* — «Приятель» — В. В. Дерикер (см. вступительную заметку к публикации). Андрей Иванович Пашков (1792—1850) — участник Отечественной войны 1812 г., с 1819 г. — полковник лейб-гвардии Гусарского полка, с 1826 г. — генерал-майор в отставке. В начале 1840-х гг. увлекся магнетизмом и вскоре стал известен как магнетизер, исцеляющий нервных больных. После нескольких заметных удач приобрел широкую практику и не оставлял ее до смерти. К его магнетическим сеансам в лечебных целях прибегала, например, А. О. Смирнова-Россет (см.: *Смирнова-Россет А. О.* Дневники. Воспоминания. М., 1989. С. 482).

²⁴ ...*отдать себе отчет ~ не превосходят нашего разума.* — Эту мысль Одоевский развивает и в двух неопубликованных заметках, относящихся к «Письму О. С. Павлищевой»: 1) «*Видение.* (Письмо к Павлищевой). Один человек помешался на следующей задаче: он боится потерять ключи от шкафа и для того всегда запирает их под особый ключ; но он может потерять и этот ключ? Куда запереть его? В тот же шкаф? Точно в таком положении находятся защитники спиритизма. По их учению, духи не всякому позволяют видеть их проделки. Если в обществе есть человек не легко увлекающийся, но привыкший к положительному наблюдению, к беспощадному анализу всякого явления, какую бы кличку ему ни придавали, — духи не являются, и какой-нибудь medium объявляет, что в обществе есть *неверующий*, пришедший не для усовершенствования себя (то есть не для голословного принятия всяких рассказов), а из одного любопытства — и спектакль отказан. С другой стороны, спириты именно веру свою в вызывание духов основывают на произвольных ими чудных явлениях, на *фактах*, как они говорят. Другими словами: они основывают свою веру на чудесах; но, наоборот, чтобы чудеса совершились, требуется вера, так как одним ключом хотят запереть второй, а второй первым. Отчего честная наука не боится беспощадной пытливости, а, напротив, на всех языках призывает эту пытливость к общему дружному действию?» (пер. 22, л. 27 об.); 2) «*Видение* (в письме Павлищевой)). Пьяный матрос, проходя мимо офицера и не ожидая его вопроса, отвечает: „Никак нет-с“. Стало быть, предполагаемый матросом вопрос в нем явственно выговорился» (там же, л. 28).

²⁵ *Я говорю с Шеллингом ~ чтобы вспомнить забытое.* — Одоевский лично встречался и беседовал с Шеллингом во время своего путешествия в Германию в 1842 г. Пересказанный здесь разговор сохранился в записи их беседы, сделанной Одоевским в путевом дневнике (см.: *Одоевский В. Ф.* О литературе и искусстве. М., 1982. С. 138—141). Писатель вспоминает это признание Шеллинга и в статье «(О предсказаниях сомнамбулов)», где также предваряет свой пересказ аналогичным, но более развернутым психофизиологическим анализом состояния «предсонья»: «То, что в автодидакте происходит по особому сопряжению его духовных сил, то во всяком человеке бывает случайно; таким образом, думая о каком-либо предмете во время сна, отрываемые от сего процесса разными другими заботами, мы ложимся в постель, и в тот самый особый момент между сном и бдением, когда легкое засыпание удалит от нашего внимания все впечатления, оставленные в мозгу посторонними заботами, — главный предмет нашего мышления возникает пред нами и разрешение его мгновенно является нашему уму совершенно неожиданно; можно подумать, что часть нашей умственной силы работала над этим предметом неведомо нам самим, — тогда как наше внимание было отвлечено работами другой части нашей умственной силы над другими предметами. Оттого многие находят необходимым *перестать* чрез какое-либо предприятие, оттого после, а иногда и во время сна мы вспоминаем забытые имена, числа, происшествия...» (пер. 79, л. 53 об.—54 об.).

²⁶ ...*философ Кондильяк, поэт Вольтер ~ свидетельство физиолога Бурдаха ~ впоследствии развившихся в его мышлении.* — Этьен Бонно де Кондильяк (Condillac) (1715—1780) — французский философ, основоположник современного сенсуализма; согласно развитой им теории познания, объяснял духовные способности человека и все психические процессы, в том числе мышление, преобразованиями чувственных восприятий, представляющих собой единственный источник познания. Этому посвящен его двухтомный труд «*Traité des sensations*» (1754; рус. пер. — «Трактат об ощущениях», 1935). Кондильяк явился также одним из основоположников ассоциативной психологии. Вольтер подобные мысли высказывал в «Философском словаре» и в «Вопросах к Энциклопедии» (см., например: *Voltaire. Oeuvres complètes.* Paris, 1826. Т. 58. Р. 179—183). Карл Фридрих Бурдах (Burdach) (1776—1847) — выдающийся немецкий физиолог, биолог-трансформист додарвиновского времени. Находился под влиянием натурфилософских идей Шеллинга и, будучи с 1811 по 1813 г. профессором Дерптского университета, явился одним из первых пропагандистов этих идей в России. Наиболее известная его работа по физиологии — «*Физиология как опытная наука*» (*Die Physiologie als Erfahrungswissenschaft.* Leipzig, 1826—1840. Bd. 1—6). Вопросам физиологии нервной системы и психологии посвящен третий том. Французский перевод этой книги имелся в библиотеке Одоевского (см.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. № 1660). Подробнее см.: *Райков Б. Е.* Германские биологи-эволюционисты до Дарвина. Л., 1969. С. 153—191.

²⁷ ...*Ваша дочь имеет удивительную способность к живописи...* — Дочь О. С. Павлищевой — Надежда Николаевна Павлищева (1838—1909), впоследствии замужем за итальян-

ским певцом и композитором Иосифом (Пепино) Панэ; художница, ученица И. К. Айвазовского; за свои картины была удостоена Большой академической серебряной медали (см.: Мир Пушкина: Фамильные бумаги Пушкиных — Ганнибалов. Т. 1. С. 9). О рисовании столом ср. позднейшую запись Одоевского к «Письму О. С. Павлищевой»: «Относительно таланта стола — мы не знаем, как варится кастрюлька вдохновения, — зарождение идей во сне — сопряжение разных систем сил души — если каждая ячейка одарена физической силой, то жизнь и ее выражения есть сопряжения: так больший или меньший паровик, большее или меньшее трение между частями, способ устройства параллелограмма сил условливают характер машины» (пер. 32, л. 33; опубликовано без указания на принадлежность этого текста к «Письму О. С. Павлищевой»: Рус. арх. 1874. Кн. 1. № 2. Стб. 288).

²⁸ *Богдыхан* — наименование императора Китая в русских грамотах XVI—XVII вв.

²⁹ *Микадо* — титул императора Японии.

³⁰ *Маттеуччи открыл в электрическом гньюсе ~ другое.* — Шарль Маттеуччи (Matteucci) (1811—1865) — итальянский физик, занимался проблемами статического и динамического электричества. Сделал себе имя исследованиями физиологических эффектов, вызываемых воздействием электричества. Электрический гньюс, или гньюс, или электрический скат, — род рыб, обладающих электрическими органами, связанными с нервными окончаниями. Электрический скат производит электрические разряды произвольно, в целях самозащиты или овладения добычей. Выработываемый им ток вызывает обычные электрические явления. Вслед за Маттеуччи электрического ската стали использовать при проведении экспериментов по изучению влияния электричества на биологические объекты. Эта проблема, видимо, привлекала пристальное внимание Одоевского, о чем свидетельствует одна из его записей, датированная временем не ранее 1859 г.: «Нет ли аналогии между гипнотизмом и в особенности медианизмом с электрическою батареею электрического выюна (на полях и ската?), который по произволению может стрелять его» (пер. 22, л. 36 об.). В библиотеке Одоевского имелось одно из сочинений Маттеуччи (см.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. № 3013). Пятнадцатью годами ранее в «Письмах к графине Ростопчиной...» Одоевский, уже тогда интересовавшийся природой электричества, также отмечал разительное сходство между «сущностью физиологических явлений, происходящих в нашем организме и известных под названием животного магнетизма», и явлениями электричества, иллюстрируя это положение аналогичным примером: «...всякий живой организм есть электрический снаряд, что всего яснее замечается в известном угре, который для своей защиты, следственно по произволу, производит электрические удары» (Отч. зап. 1839. Т. 5. № 8—9. Смесь. С. 22). Одна из позднейших заметок к «Письму О. С. Павлищевой» (пер. 32, л. 33) свидетельствует, что Одоевский намеревался прибегнуть также к примерам из опытов английского физика Э. Грея над электричеством, описанных в «Вестнике естественных наук» (1859. № 9. Стб. 1074—1104).

³¹ *...несколько отрывков из письма того самого моего приятеля ~ Вот что он пишет.* — Речь идет о В. В. Дерикере. Ниже приводится начало письма В. В. Дерикера к В. Ф. Одоевскому от 21 июля 1854 г., не вошедшее в «Письмо О. С. Павлищевой»:

«Ваше сиятельство князь Владимир Федорович,

Позвольте прибавить несколько слов ко вчерашнему разговору о способах толкования движения столов. Главная ошибка ученых-физиков, бравшихся опровергнуть возможность чудес, рассказываемых неучеными и легковверными производителями опытов, состоит в том, что физики, — по крайней мере, сколько мне случалось слышать и читать, — слишком односторонно брались за дело, сражались против сверхъестественного и тем самым признавали его существование. Как природные материалисты, они обыкновенно самоуверенно нападают на спиритуалистов-духовидцев и, не признавая естественно возможного ничего, кроме материальных и чисто механических явлений, через это слишком ограничивают самую материю — механизм. Столы вертятся, в этом нет сомнения. Столами даже пишут, даже прекрасно пишут, как мы знаем. Последние явления Вы превосходно начали объяснять. Но первое самое движение (средством произвольного сокращения мускулов) мне кажется недостаточным» (пер. 79, л. 137—137 об.).

³² *...Лонже, Маттеуччи, Дюма не нашли в нервах электричества посредством гальванометра...* — Франсуа Ашиль Лонже (Longet) (1811—1871) — французский врач и физиолог; занимался исследованиями в области экспериментальной физиологии, изучал феномен генеральности, воздействие электрических токов на мозг и нервную систему. Часть экспериментов проводил совместно с Маттеуччи. Результат их был суммирован в книге «Зависимость мускульных сокращений от силы электрического тока» («Rapport entre le sens du courant électrique et les contractions musculaires dues à ce courant», 1845). Известно, что Маттеуччи проводил свои опыты с помощью гальванометра — высокочувствительного электроизмерительного прибора. О Маттеуччи см. выше, примеч. 30. Жан Батист Дюма (Dumas) (1800—1884) — французский химик; с 1845 г. — иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук; автор ряда открытий в области органической химии. Занимался также физиологическими опытами — в частности, изучая функции нервных окончаний и мышечных волокон на лягушках, по аналогии с действием электрических токов пришел к не подтвердившемуся впоследствии выводу о наличии электрических токов в мышечных волокнах. В библиотеке Одоевского было одно из сочинений Дюма (см.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. № 2136).

³³ *...или нервного движения?* — Далее в письме Дерикера следует текст, опущенный Одоевским: «Я уже позволил себе заметить, что это движение столько же материально,

как и все другие. Материялисты только не хотят признать этого, опасаясь дать слишком большую потачку спиритуалистам. Из этого следует, что последние, хотя и сумасбродствуют, доходят до мерещенья, галлюцинации и помешательства, однако ж остаются ближе к истине: они по крайней мере исправимы, потому что еще способны принять естественное объяснение. Но первых гордость погубила. Объясните нервное движение любому спиритуалисту, беседующему с пишущим столом; объясните ему передачу нервного движения стола, и он, поняв естественное явление, хотя и очень чудесное, перестанет видеть духов, и стол будет ему писать вздор, будет отвечать нескладно, как стол» (пер. 79, л. 138 об.—139).

³⁴ ...и иногда, может быть, до ясновидения. — Окончание письма Дерикера, не вошедшее в «Письмо О. С. Павлищевой» Одоевского: «Но нельзя же действительно пишущему спиритуалисту доказывать, что он не пишет. Нужно объяснить, как и почему пишет, в чем Вы, без сомнения, и успеете как нельзя лучше. Я совершенно уверен, что не сказал ничего такого, к чему Вы сами не придете или не пришли уже по той логической дороге, по которой повели речь. Я придрался единственно к возможности побеседовать об интересном предмете и вместе к случаю еще раз выразить мое искренне душевное удовольствие, что после такой страшной болезни видел Вас здорового и бодрого.

С душевным уважением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего сительства покорнейшим слугой. В. Дерикер» (пер. 79, л. 140).

2

Ответ В. Ф. Одоевского В. В. Дерикеру

Июль 1854 г.

Разделяя во многом мысли, выраженные в этом замечательном письме, я не могу, однако же, согласиться с предположением почтенного г-на Дерикера о том, что так называемый нервный ток принимает участие в движении стола, то есть тела, имеющего тяжесть. Это предположение имеет некоторое основание в опытах Рейхенбаха¹ над действием мускульного напряжения на свободно висящую стрелку; но эти (опыты) отнюдь не доведены до необходимой в науке определенности — и, по крайней мере, сколько мне известно, — эти опыты замерли по невозможности какого-либо положительного, неоспоримого результата; если не ошибаюсь, в этих опытах повторилось всем известное явление звона, производимого пальцем над стаканом; кольцо над стаканом или другое тело, повешенное на нитке, которую вы держите *в руке* (необходимое условие!), действительно чрез несколько времени придет в движение, так что будет ударять о стенки стакана, но тут, как известно, нет никакого нервного тока, а происходит просто от разницы температуры внутри стакана с температурой, распространяющейся от вашей руки; при встрече двух даже весьма мало разнящихся между собою температур всегда происходит движение воздуха, или род небольшого ветра, достаточного для приведения в движение кольца, повешенного на нитке. Следственно, дело объясняется весьма просто; уверенность, что кольцо ударяет в стенки именно столько раз, сколько в ту минуту часов, есть, очевидно, не иное что, как игра воображения.

Наконец, остроумное предложение Либиха² столодвигателям класть руки не на стол, а *под* стол вконец разбило все предположения о каком бы то ни было токе при этой операции. Остается от всех многочисленных столоверчений, которые доныне благополучно продолжаются, лишь утверждение г-на Агенора Гаспареня³ о том, что ему удалось *накладыванием* рук не только привести в движение стол, но и заставить его *приподняться* (!!), — но, прибавляет добросовестный, хотя и заблуждающийся, испытатель, что этот опыт удавался лишь в *сухую* погоду, а не в сырую. Когда дело доходит до барометра и гигрометра,⁴ тогда исчезает — увы! — вся поэзия мистицизма, — но для того чтобы позволить себе гипотезу об участии здесь нервного или иного какого-либо тока, нужны еще опыты, опыты и опыты. Впредь до этих опытов я не могу допустить гипотезы г-на Дерикера.

Но в его письме есть одно место, которое припоминает мне мысль, вложенную мною в уста одного действующего лица,⁵ которое, разумеется, толкует ее сообразно своему характеру, а именно что слова, «которые встречаются в первых параграфах всякой философской книги, как вещи совершенно всякому известные и понятные», на самом деле не имеют никакого определенного значения, не выводятся ни из какого начала, а просто берутся напрокат из домашних разговоров. Таково, например, слово «невесомая материя» или «невесомое тело», которое без церемоний приставляется к явлениям электричества, гальванизма, света, тепла и в этом отношении похоже на название, случайно написанное на переплете книги и не имеющее ничего общего с самим содержанием книги. То же, к сожалению, должно заметить вообще о выражениях «вещество, материя, дух, энтелехия,⁶ элемент, эфир», которые беспрестанно встречаются в метафизических трактатах. Тепло — или так называемый теплотвор — никто не назовет духом; но какое право мы имеем назвать его и телом? Мы тепла отдельно от тела, например хоть от воздуха, получить не можем, точно так же как пламени отдельно от горящего тела, будет ли то дерево, уголь или газ. То, что мы означаем словом «тепло», есть известное *состояние* металла, глины, воздуха; понятие об этом состоянии мы можем отделить лишь в нашем уме, представить его себе условно, отвлеченно, — но отнюдь не в действительности. Точно то же должно заметить об электричестве, гальванизме, свете и проч(ем) т(ому) п(одобном). Это условное разделение явлений на два отвлеченных понятия есть основание, на котором построены все системы материалистов.

В новейшее время⁷ один немецкий мыслитель, отвечая материалистам, говорит: вы говорите о материи как об основе предметов, но покажите мне *чистую* материю, которая бы не была материя плюс сила, но материя минус сила, материя, так сказать, бессильная, адинамическая.

Хранится: пер. 79, л. 141—143.

¹ ...в опытах Рейхенбаха... — Речь идет о Карле Рейхенбахе (Reichenbach, 1788—1869) — немецком ученом-естественнике, занимавшемся также животным магнетизмом. Как раз в начале 1854 г. в Москве вышел перевод его книги «Одо-магнетические письма, содержащие в себе изложение явлений и действий новооткрытой силы природы». В библиотеке Одоевского имелись французское и немецкое издания этого, а также двух других сочинений Рейхенбаха (см.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. № 3458—3462).

² ...остроумное предложение Либиха... — Юстус Либих (Liebig) (1803—1873) — немецкий химик, с 1830 г. — член-корреспондент Петербургской Академии наук; в ряду прочего изучал также химизм физиологических процессов. В библиотеке Одоевского было представлено семь специальных трудов Либиха по проблемам органической химии и физиологии (см.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. № 2868—2874).

³ ...лишь утверждение г-на Агенора Гаспареня... — Агенор Гаспарен (Gasparin), граф де (1810—1871) — французский политический деятель и писатель, также отдавший дань проблемам столоверчения. В библиотеке Одоевского хранились четыре его издания, в том числе «Столоверчение с точки зрения сверхъестественного и вызывания духов» (Les tables tournantes du surnaturel en général et des esprits. Paris, 1854) (см.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. № 2382—2385).

⁴ Гигрометр — прибор для измерения влажности воздуха.

⁵ ...вложенную мною в уста одного действующего лица... — Здесь Одоевским обозначена сноска, но текст ее отсутствует. Речь идет о следующем рассуждении Фауста, одного из героев «Русских ночей»: «...слова: „единство“, „предмет“ обыкновенно встречаются в первых параграфах всякой философской книги, как вещи совершенно всякому известные и понятные, но, признаюсь, они-то меня и останавливают. Есть ли что-либо неопределенное слова: *единство*? Разве слово еще более сбивчивое: *предмет*? — Соединение же этих двух слов составляет для меня нечто вовсе непонятное...» (Одоевский В. Ф. Русские ночи. С. 133).

⁶ Энтелехия — одно из центральных понятий философии Аристотеля, обозначающее единство основных принципов бытия: материи, формы, действующей причины и цели.

⁷ В новейшее время... — Здесь Одоевским обозначена сноска, но текст ее отсутствует. Речь идет о Шеллинге. Одоевский, скорее всего, имеет в виду его трактат «Об отношении

реального и идеального в природе», предваривший 2-е издание раннего труда философа «О мировой душе» (1-е изд. 1798, 2-е изд. 1806). Именно здесь Шеллинг афористически формулирует свое понимание материи не как одного атрибута, выражающего всю бесконечную сущность, но как «замкнутой и тождественной в себе троичности» (Шеллинг Ф. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 34–35). Те же идеи он развил позже и в своих мюнхенских лекциях «К истории новой философии» (1827).

А. В. ШАРОНОВА

О. И. СЕНКОВСКИЙ В ПИСЬМАХ К А. В. НИКИТЕНКО (1833—1848)

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится коллекция писем (62) О. И. Сенковского к А. В. Никитенко,¹ относящихся к 1833—1848 гг. Это было время подготовки к печати т. I журнала «Библиотека для чтения» (под редакцией Сенковского), которая началась, по-видимому, осенью 1833 г., и издания дальнейших его томов, — время, отчасти совпавшее с периодом цензурства Никитенко (апрель 1833—июль 1848 г.). Вероятно, письма готовились к публикации, так как все они пронумерованы и в деле хранятся писарские копии 43 из них.² Два письма³ были впоследствии полностью опубликованы В. А. Кавериним⁴ и Н. В. Швецовой.⁵ Представляется важным введение в широкий научный оборот значительной части этой коллекции.⁶ Во-первых, от обширного эпистолярия Сенковского практически ничего не осталось: за исключением большой коллекции писем к А. В. Старчевскому конца 1840—1850-х гг.,⁷ все известные нам собрания содержат 2—3, редко 7 его писем. Огромный редакторский и личный архив, по свидетельству Старчевского, был уничтожен самим писателем, чтобы его не опубликовала А. А. Сенковская после его смерти⁸ (Сенковский резко отрицательно относился к «преданию печати» «безжалостным потомством» «всех лоскутков бумаг» известных людей).⁹ Во-вторых, в отличие от разбросанных по архивам отдельных писем материалы Пушкинского Дома имеют широкий временной и тематический диапазон. В этом диапазоне особенно интересны, с нашей точки зрения, два больших периода издания «Библиотеки для чтения», в которые А. В. Никитенко был постоянным цензором журнала: первый — от подготовки первого тома журнала осенью 1833 г. до конца 1837 г.; второй — с 1844 г. по 1848 г.¹⁰ Из 91 тома «Библиотеки для чтения» Сенковского он цензуровал 53. Сенковский обращается к Никитенко также и как к цензору своих и чужих книг.

¹ ИРЛИ, д. 18671, л. 1—110.

² Там же, л. 111—154.

³ Там же, л. 76—77 (письмо 43) и л. 84—85 (письмо 47).

⁴ См.: *Каверин В. А.* Барон Брамбеус: История Осипа Ивановича Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929. С. 59—61 (далее: Каверин). Кавериним опубликованы также несколько отрывков из писем Сенковского (см. комментарий к письмам 1, 19, 20, 31).

⁵ См.: Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 114, 116.

⁶ За пределами данной публикации остались два упомянутых выше напечатанных письма; шесть писем, характеризующих малоизученный период издания «Сына отечества» 1839—1841 гг. под редакцией А. В. Никитенко и нуждающихся, как нам представляется, в отдельной публикации, а также короткие записки, не имеющие научного интереса.

⁷ ИРЛИ, ф. 583, д. 43, 44, 616.

⁸ Сенковский «поставил себе за правило уничтожать все письма, кем бы ни было и о чем бы то ни было писанные к нему» (*Старчевский А. В.* Последние десять лет жизни барона Брамбеуса (Осипа Ивановича Сенковского) // Наблюдатель. 1884. № 8. С. 221—222). По мнению Старчевского, часть писем Сенковского из общего огромного их количества могла сохраниться у наследников Кукольника, Волкова, Бенедиктова и других сотрудников журнала, — на издание его писем «потребовалось бы не менее десяти томов» (Там же. С. 223—224).

⁹ Рус. старина. 1890. Т. 67, № 8. С. 319—321 (письмо О. И. Сенковского к Е. Н. Ахматовой от 10 июня 1843 г.).

¹⁰ В 1837—1843 гг. цензорами «Библиотеки для чтения» (тома 26—61) преимущественно были: А. И. Фрейганг, П. А. Корсаков, А. Н. Очкин, а также С. С. Куторга, А. Л. Крылов, П. И. Гаевский, В. П. Лангер, Е. И. Ольдекоп. Отдельные тома (36, 53) цензуровал и А. В. Никитенко.

Несомненна информативность этого материала для истории русской журналистики и цензуры; вместе с тем он важен и для характеристики личностей адресанта и адресата. Публикуемые письма говорят о том, что в течение долгих лет тесного сотрудничества между цензором и редактором журнала сложились неплохие личные отношения, несмотря на случившиеся иногда размолвки и следовавшие за ними периоды охлаждения. Можно говорить даже об особой форме приятельства между ними. Сенковский пишет Никитенко не только как цензору, но и как своему автору и сотруднику, как давнему приятелю, человеку пусть и не самому близкому, но верному и надежному. Желанием упростить отношения с цензором, сведя их к неформальным отношениям двух коллег и приятелей, объясняются призыв содействовать предприятию (т. е. по сути сотрудничать с журналом) и многократные просьбы не отдавать материалов в Цензурный комитет, решать все спорные вопросы между собой, полагаться на честное слово. Вся эта тактика имела одну цель — быстрое разрешение цензурных проблем, необходимое для обязательного выхода первого числа каждого месяца новой книжки «Библиотеки для чтения». Этой цели приносились в жертву зачастую и неприкосновенность авторского замысла, и полнота журнальных материалов. Мысль о том, что цензор и редактор журнала не враги, а коллеги, совместно трудящиеся на благо отечественного просвещения, была равно близка и Сенковскому (весьма либеральному в свое время цензору), и Никитенко. Возникновение доверительных отношений с цензором было, таким образом, связано не только с необходимостью обеспечить успешный ход журнального процесса, но и с характерами и убеждениями адресанта и адресата (см. запись в дневнике Никитенко об «ожесточенных прениях с Сенковским» по поводу исключения некоторых фраз в его «Записках домового»: «Он восстал, но в заключение уступил мне, однако не столько как цензору, сколько приятелю, который убеждал его со стороны вкуса и приличия. Мы расстались вполне миролюбиво»¹¹). Часто в записях Никитенко мы встречаем мысли, созвучные высказываниям Сенковского (см., например, письмо 31), — очевидно, доводы их автора казались цензору убедительными. Не случайно Никитенко не захотел быть цензором «Современника»: «...с Пушкиным слишком тяжело иметь дело»¹², но долгие годы был цензором «Библиотеки для чтения». После многих лет общения он сохранил к Сенковскому уважение. Проскальзывающие, несмотря на комплименты и уступчивость, в письмах редактора иронические, а временами и высокомерные нотки не оставили у Никитенко неприязненного чувства, которое, к сожалению, часто возникало у людей, общавшихся с Сенковским, и мешало дальнейшему сближению, оставляя его в одиночестве, литературном и личном. В письмах редактора ярко отразились непрерывность всепоглощающего журнального процесса и страстная, «опрометчивая»¹³ натура их автора. И, конечно, эти письма становятся еще более интересными, если рассматривать их вместе с другими письмами Сенковского, так как предоставляют возможность увидеть не только явное, но и тайное, узнать, что говорится автором о цензуре и цензором об авторе, как отличается отношение редактора к исправлению чужих и своих произведений.

Необходимое предваряющее замечание к комментарию: «Библиотека для чтения» выходила ежемесячно книжками, которые потом по две переплетались в тома. Таким образом, в год выходило 12 книжек, или 6 томов (кроме 1834 г.: 12 книжек, но 7 томов, так как тома 1 и 6 состоят из одной книжки). Нумерация страниц шла внутри тома отдельно по каждому из 7 отделений. По номеру книжки и дате цензурного разрешения, указываемых в примечаниях, устанавливается время подготовки материалов журнала. Обычно это месяц, предшествующий выходу книжки (так, например, февральская книжка готовилась в январе, и т. д.). Письма датируются на основании публикации упомянутых в них художественных произведений и статей в журнале Сенковского.

¹¹ Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 176.

¹² Там же. С. 180.

¹³ Там же. С. 133, 135.

1

15 августа 1833 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич,

Принимаю смелость рекомендовать Вам подателя этой записки, г. Есипова,¹ молодого литератора с дарованиями, служащего по Комитету цензуры иностранной и которого успехами я очень интересуюсь. Он перевел известный роман Виктора Гюго, первый из его романов по времени издания, под названием «Ган Исландец». Будучи цензором,² я одобрил его к печати: теперь он скоро выйдет в свет и требует только выпускного билета. Сделайте одолжение, примите на себя труд рассмотреть его и выдать билет. Г. Есипов боится, чтоб другой ценсор, если это

сочинение будет рассматриваемо вновь, не наделал ему излишних придирок, что легко может случиться от невежд и лицемеров.³ Вы сами удостоверитесь, что роман есть самый невинный: он написан еще в то время, когда автор имел более стыда и нравственного чувства, чем теперь. Даже Вы заметите, что в нем нет никакой цели, ни нравственной, ни безнравственной. Это простой рассказ и отзывается крайнею юностью сочинителя, не имеющего еще никаких решительных мнений. Характеристика его состоит единственно в накоплении трупов и черепов и мрачных картинах дикой природы. Страсти в нем очень слабо обрисованы.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою.

Сенковский.

15 авг. (уста).

(P. S.) Завтра я приеду к Вам в Ценсурный комитет: привезу мое «Путешествие»⁴ и желаю повидаться как с Вами, так и с попечителем.⁵ Вообразите, какая неприятность: мы ошиблись в расчете: я писал эти «Путешествия» для «Новоселия», и мы рассчитывали, что все 3 составят только 12 листов печати: теперь выходит, что их будет 25, и я принужден напечатать их особою книжкою, а для «Новоселия» состряпать что-нибудь другое.⁶ Это лишняя работа, а у меня времени так мало.

Хранится: л. 61—62 (№ 35).

Год устанавливается по упоминанию готовившейся к печати ч. 2 «Новоселья» (ценз. разр. — 18 апр. 1834 г.).

Отрывок из постскриптума опубликован: Каверин. С. 173.

¹ Имеется в виду Григорий Васильевич Есипов (о нем см.: Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 245—246). Его перевод романа В. Гюго «Ган Исландец» (Han d'Islande. Paris, 1832) был опубликован в 1833 г. Небольшую положительную рецензию на него см.: Б-ка для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 6. С. 47.

² О. И. Сенковский с 1828 по апрель 1833 г. занимал должность цензора в С.-Петербургском цензурном комитете. А. В. Никитенко был назначен цензором на его место (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 539; ф. 777, оп. 1, д. 1199).

³ Небезосновательность опасений Есипова и Сенковского доказывает история, произошедшая чуть позже с книгой И. Яковенко «Революция в Молдавии и Валахии». В рукописи она была разрешена Сенковским-цензором, но вызвала сомнения другого цензора — А. Л. Крылова, пытавшегося воспрепятствовать ее публикации. Вопрос разрешило Главное управление цензуры, потребовавшее лишь изменения названия и исключения некоторых «официальных актов» (РГИА, ф. 777, оп. 27, д. 27, л. 55 об.—56, 77—77 об.).

⁴ Имеются в виду «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» (СПб., 1833).

⁵ Речь идет о попечителе С.-Петербургского цензурного округа (1832—1842), председателе С.-Петербургского цензурного комитета князе Михаиле Александровиче Дондукове-Корсакове (1794—1869).

⁶ В сборнике «Новоселье» (СПб., 1834. Ч. 2) были опубликованы следующие произведения О. И. Сенковского: «Чин-Чун, или Авторская слава» (С. 9—44), «Счастливец. Восточная повесть» (С. 81—106), «Похождения одной ревижской души» (С. 130—236).

2

25 сентября 1833 г. С.-Петербурге

Милостивый государь Александр Васильевич,

Смирдин¹ сообщил мне, что Вы желали видеться со мною по случаю некоторых перемен, которые находите Вы нужным сделать в его объявлении.² Я очень сожалею, что время никак не позволяет мне этого удовольствия, и прошу Вас сделать самим те перемены, какие сочтете Вы уместными, или указать их, то они будут сделаны. Но возвратите Смирдину программу, ему нужно напечатать к 1 числу около 20 000 (?)^а эк-

^а Цифру можно прочитать и как 30 000.

земляров, и он не успеет. Объявление о подписке есть вещь пустая, мгновенная; этого разбирать никто не станет, потому что разбиратели все участвуют в предприятии;³ а дело состоит в точности и в том, чтоб сказать то, что нужно сказать по разным весьма важным для нас причинам. Программу писали вместе я и Греч.⁴

С истинным почтением имею честь пребыть, милостивый государь, Вашим покорн(ым) слугой.

Сенковский.

Понедельник.

Хранится: л. 3—4 (№ 2).

Датируется по почтовому штемпелю отправления: «1833. сен.(тября) 25. Полдень» и по указанию в письме дня недели.

¹ Александр Филиппович Смирдин — основатель и владелец (1834—1840) журнала «Библиотека для чтения».

² Вероятно, затруднение цензора было вызвано тем, что программа журнала в рекламном объявлении об издании с 1834 г. «Библиотеки для чтения» несколько отличалась от программы, ранее высочайше утвержденной. Первоначальный проект журнала, который был поддержан литературным сообществом и цензурой (в лице С. С. Уварова), предполагал, что «Библиотека для чтения» будет неким продолжением «Новоселья», периодическим литературным сборником. Участие в журнале лучших русских литераторов, «только издателем» которых должен был быть А. Ф. Смирдин, представлялось в цензуре как главный аргумент в пользу благонадежности и полезности издания. Николай I, как известно, не считал этот аргумент существенным, обратив внимание лишь на обещание редакции «не подражать другим журналам подлою бранью» (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1183, л. 3—4 об., 8—8 об.). Небольшие изменения, которые осенью 1833 г. сделал Сенковский в проекте программы, предлагаемой вниманию будущих читателей журнала, тем не менее полностью отменяли главное положение: участники издания названы просто авторами, но не определяющей силой журнала, и «Библиотека для чтения» является не сборником их трудов, а именно журналом со своей редакцией. После выхода первых номеров журнала эта концепция редактора «Библиотеки для чтения» ни у кого уже не вызвала сомнений (см.: Б-ка для чтения. 1834. Т. 2, кн. 1. С. I—IV), а мотив «обмана» надолго определил отношение литераторов к журналу (см.: Шаронова А. В. К проблеме взаимоотношений редактора и авторов «Библиотеки для чтения» // Рус. лит. 2000. № 3. С. 83—95).

³ Список из 56 авторов, значившийся сначала в программе, а затем и на титуле журнала, произвел сильное впечатление на современников и оградил «Библиотеку для чтения» от критических нападков до появления ее первого номера, так как включал в себя литераторов всех направлений, взглядов и дарований, «почти всех известных русских писателей».

⁴ Николай Иванович Греч (1787—1867) — с осени 1833 г. и по конец 1834 г. редактор О. И. Сенковского. С февраля и до конца 1834 г. единственный официальный редактор журнала при фактическом редакторском главенстве Сенковского. Степень и формы участия его в редактировании издания не вполне ясны. До ухода Греча из журнала Сенковский неоднократно ссылался на него как на своего коллегу (см., например, письмо 11), после его ухода утверждал, что деятельность Греча ограничивалась чисто корректорскими функциями: Н. И. Греч 13 месяцев «был ко-редактором Б(иблиотеки) д(ля) ч(тения)» (Б-ка для чтения. 1838. Т. 27. Отд. 6. С. 26—30), это «лучший корректор» в русской литературе (Б-ка для чтения. 1836. Т. 15. Отд. 6. С. 19).

3

Август (после 15)—октябрь 1833 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич,

Смирдин сказывал мне вчера, что Вы ему говорили, что, просмотрев бегло мое «Сент(иментальное) путешествие»,¹ Вы находите необходимым представить его в Комитет. Я уже формально просил Вас о том, чтоб Вы никогда моих сочинений не представляли туда, и Вы мне то обещали;² теперь еще раз повторяю мою просьбу: *не представляйте ничего моего в Комитет*. Если какие-нибудь места усомнят Вас и г. попечителя, я готов смягчить, переменить, переделать и даже выкинуть. Но не сводите меня с Вашим народом. Я надеюсь, что, прочитавши это «Путе-

шествие», Вы найдете его совершенно невинною шуткою, которой главная мысль состоит в том, что люди сами пишут для себя законы и делают все навывор(от) предписанному. Я когда что-нибудь пишу, то пишу всегда так, как сам пропускал бы чужое сочинение.³ В «Выходе Сатаны»,⁴ который прошел чрез 5 ценсур, было множество гораздо сильнейших вещей. Скажите, когда должен я явиться к Вам за этою статьею, и примите благосклонно изъявление совершенной моей преданности и уважения, с которым имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою.

Сенковский.

Хранится: л. 65—66 (№ 37).

Датируется по времени нахождения в цензуре «Фантастических путешествий Барона Брамбеуса», представленных в середине августа (см. письмо 1) и вышедших до 1 ноября 1833 (см.: Сев. пчела. 1833. № 248. 1 нояб. С. 989—992).

¹ Имеется в виду «Сентиментальное путешествие на гору Этноу» — ч. 4 «Фантастических путешествий Барона Брамбеуса».

² Журналы С.-Петербургского цензурного комитета свидетельствуют, что А. В. Никитенко действительно был цензором, весьма редко обращавшимся в Комитет за разрешением возникших у него сомнений и предпочитавшим решать их с авторами и редакторами. Чаще всего обращались в комитет П. И. Гаевский и А. Л. Крылов (РГИА, ф. 777, оп. 27, д. 27—29; см. Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книге и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 272—333). Именно по этой причине Сенковский настойчиво добивался поручения цензорства «Библиотеки для чтения» Никитенко вместо первоначально назначенного Крылова (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1183; л. 9—9 об.; см.: Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 132—133).

³ См. примеч. 2 к письму 1.

⁴ Речь идет о произведении О. И. Сенковского «Большой выход у Сатаны» (Новоселье. СПб., 1833. Ч. 1. С. 129—186).

4

8 ноября 1833 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич,

Я уже второй день стражду ужасною мигренью, так что сегодня даже не могу быть в университете. Сделайте одолжение дружеское, представьте мое поздравление и извинение князю, который сегодня, кажется, именинник.¹ Ежели у Вас есть проценсурованные статьи, то благоволите прислать их с подателем. Жуковского пьеса мне не нравится.² Сделайте милость, прочитайте всю его тетрадку и подпишите: Вы скажете мне Ваше мнение об его пьесах, и я увижу, ту ли из них одобрите Вы и предпочтете прочим, которую считаю я по своему разумению лучшею. Надо взять на первый номер то, что действительно заслуживает чтения.³

Мое почтение! У меня голова болит так ужасно, что не могу писать более.

Сенковский.

Я просил бы Вас очистить эту тетрадку на сей неделе, ибо с понедельника начинаем мы печатать.

Хранится: л. 78—79 (№ 44).

Датируется по упоминанию готовившегося к печати т. I «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 31 дек. 1833 г.) и по дню архистратига Михаила, именинам князя М. А. Дондукова-Корсакова.

¹ О князе М. А. Дондукове-Корсакове см. примеч. 5 к письму 1.

² Вероятно, как и многие авторы, участвовавшие в «Библиотеке для чтения», В. А. Жуковский отдал редактору в период подготовки т. I не одно, а несколько своих произведе-

ний («тетрадку»), предоставив редактору самому выбрать стихотворение для публикации (осенью 1833 г. Сенковский был «завален» рукописями русских литераторов — см.: *Сенковская А. А.* О. И. Сенковский: Биографические записки его жены. СПб., 1858. С. 99). Установить, о каком именно произведении Жуковского идет речь, невозможно. В 1834 г. в «Библиотеке для чтения» были опубликованы «Норманский обычай» (Т. 1); «Старый рыцарь» (Т. 2, кн. 1), «Рыцарь Роллон» (Т. 2, кн. 2); «Суд в подземелье» (Т. 3, кн. 1); «Уллин и его дочь» (Т. 4, кн. 1); «Божий суд» (Т. 6); впоследствии: поэма «Ундина» (1835. Т. 12, кн. 1; 1837. Т. 20, кн. 1) и «Две всемирные истории, письмо из Швейцарии» (1835. Т. 9, кн. 2). Все критические высказывания о Жуковском в «Библиотеке для чтения» дипломатично вежливы («высокое искусство» — 1834. Т. 3, кн. 2. Отд. 5. С. 37; любовь к нему сродни «привязанности к родной песне, основанной на чувстве любви к родине, на личных воспоминаниях наших» — 1844. Т. 62, кн. 2. Отд. 5. С. 29; «отличный вкус», «неподражаемая грация» — Там же. Отд. 6. С. 56; «благоуханная и чистая поэзия», «гармоническая душа», «стих катится жемчужиной по бархату» — 1844. Т. 66, кн. 2. Отд. 6. С. 28, и т. п.). Сенковский, однако, не любил русского гекзаметра и всегда резко отрицательно высказывался о нем и о белом стихе («С легкой руки Жуковского (...) явилось много охотников писать гекзаметрами. Нет ничего легче (...) надобно только стараться, чтобы строки были (...) как можно длиннее, без рифмы, без строгого неизменного метра. При всем том, — странное дело! — одни только длинные строки В. А. Жуковского читаются с таким удовольствием, что кажутся короткими и даже стихами»; ему «только и позволен русский гекзаметр» — 1839. Т. 33, кн. 2. Отд. 6. С. 19; 1844. Т. 62, кн. 2. Отд. 6. С. 56). Единственное исключение — разгромная статья о переводе «Одиссеи» Гомера (1841. Т. 45, кн. 2. Отд. 6. С. 37—39; имя переводчика не названо): в ней не только дана «формальная пародия гомерического метра», но и «весь Гомер уничтожен оптом».

³ В стихотворном разделе т. 1 кроме «Норманского обычая» Жуковского были напечатаны «Гусар» А. С. Пушкина и произведения И. И. Козлова и Г. Р. Державина.

5

9 ноября (?) 1833 г. С.-Петербург

Очень, очень вам благодарен. Я все еще стражду, вот уже третий день. Проклятая осень! Коли б мороз, по крайней мере! Нельзя ли прислать мне завтра Жуковского? — Хоть не подписавши. Вы подпишете на корректурных листах, теперь только прочитайте и скажите, можно ли печатать. Мое почтение.

Сенковский.

Хранится: л. 104 (№ 60).

Датируется по связи с предыдущим письмом.

6

Конец декабря 1833 г. С.-Петербург

Почтеннейший Александр Васильевич, чтоб ускорить дело, сам я посылаю Вам книгу, из которой взята повесть «Перст Божий». Она начинается на стр. 241 (?).^а У Вас запрещена повесть под заглавием «Les Sept Péchés Capitaux» в сочинении «Книга рассказчиков» — «Le Livre des Conteurs»,² а это совсем другое сочинение, состоящее из 7 повестей, только под тем же заглавием. Посылаю Вам только 1-й том, потому что 2-й том остался у Очкина,³ и он не отсылал его ко мне. Но, кажется, Вы можете верить *моему слову*, что книга в двух томах и совсем не зависима от той, о которой сказано в Вашем списке. Впрочем, и на этом томе найдете Вы № I, что доказывает существование № II. До какой степени она переделана, Вы можете судить по числу страниц и листов. Здесь она занимает 15 листов печати, а у нас 2 листа и $\frac{3}{4}$. Следственно, ничто не может останавливать Вас в пропуске статьи, совершенно нрав-

^а Цифру можно прочитать и как 271.

ственной и благонамеренной. Чтобы не навлечь Вам неприятности со стороны невежд, могущих смешать заглавие запрещенной повести с заглавием этого сочинения, я согласен вовсе не упоминать о заглавии. В этом томе найдете Вы 4 повести. «Перст Божий» есть 4-я повесть этой части. Во втором томе есть еще 3 повести. Если мне не верите, пошлите к Очкину и потребуйте от него представления Вам 2-й части. Но, кажется, Вы можете верить мне. Итак, сделайте одолжение, не удерживайте нас ни минуты лишней: мы пропали, если Вы не будете содействовать предприятию. Напишите ко мне хоть слово, чтоб я знал, подписана ли статья или нет, и был спокоен ночью.

Ваш amicissimus⁴

Брамбеус.

Хранится: л. 68—69 (№ 39).

Датируется по времени подготовки к печати т. 1 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 31 дек. 1833 г.), где был опубликован перевод повести «Перст Божий». Судя по содержанию до выхода журнала оставалось немного времени. Это дает основание предполагать, что письмо было написано в конце декабря 1833 г.

¹ Имеется в виду сочинение: *Brucker R. Les Sept Péchés Capitaux*. Paris, 1833. Т. 1—2. Раймон Брюке (Raymond Brucker) (1805—1875) — редактор газеты «Фигаро». Писал также в соавторстве с другим редактором «Фигаро» — Мишелем Массоном (1800—1883), под псевдонимом, составленным из имен соавторов. «Перст Божий, повесть Мишель-Ремона» из т. 1 этого издания в переводе А. Н. Очкина см.: Б-ка для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 2. С. 1—44.

² В 1832 г. была запрещена книга «*Les Sept Péchés Capitaux: L'Avarice*» Э. Сю (Paris, 1831). Издание «*Le Livre des Conteurs*» разыскать не удалось.

³ Амплий Николаевич Очкин (1791—1865) — постоянный переводчик «Библиотеки для чтения» (по утверждению А. В. Старчевского — в 1834—1845 г. — см.: Исторический вестн. 1886. Т. 23. № 2. С. 365; ИРЛИ, ф. 583, д. 31, л. 17). Подписанных его переводов в журнале за 1834—1835 гг. — 16 (из них полным именем подписаны только три, остальные — буквой «О»). После 1836 г. имя переводчика в «Библиотеке для чтения» указывалось крайне редко.

⁴ Шутливая производная форма от латинского «amicus (друг)», образованная по образцу превосходной степени прилагательного, т. е. «друг в высшей степени».

7

2 января 1834 г. С.-Петербург

Почтеннейший Александр Васильевич, поздравляю Вас с Новым годом *от всего сердца*, и Вы в этом можете быть уверены. Это первое дело и самое важное. Второе: посылаю Вам прекрасную статейку Дениса Давыдова;¹ прочитайте ее, подпишите и возвратите мне как можно скорее. Она идет сейчас же в печать, если последует начальническое Ваше разрешение. Я сообщаю ее Вам в рукописи для того, чтоб не вышло потом недоразумения. Вам предписано представлять министру военному о *военных действиях*.² Здесь о военных действиях не говорится ни слова, и все дело о похождениях одного поручика, совершенно личных. Я думаю, что это совсем не подходит под распоряжение, которое лишило нас прекрасного рассказа Греча о действиях Сухтелена.³ Если Вам какое слово не нравится, исключите.

Вам истинно преданный

Сенковский.

2 января.

Хранится: л. 19—20 (№ 12).

Год устанавливается по упоминанию публикации Д. В. Давыдова (Б-ка для чтения. 1834. Т. 2, кн. 1; ценз. разр. — 31 янв. 1834 г.).

¹ Речь идет о статье Д. В. Давыдова «Знакомство с фельдмаршалом графом Каменским» (Б-ка для чтения. 1834. Т. 2, кн. 1. Отд. 1. С. 19—31).

² Осенью 1833 г. было запрещено помещать в журналах и газетах статьи о военных событиях без предварительного согласования с Военным министерством (см.: РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 590; ф. 777, оп. 1, д. 1208).

³ Вероятно, имеется в виду запрещение отрывков из статьи Н. И. Греча «Письмо в Париж к Я. Н. Толстому» (Б-ка для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 1. С. 159—180). 13 декабря 1833 г. А. В. Никитенко представил донесение, что в этой статье «на стран(ицах) 12, 16, 19 и 20 на обор(оте) описываются современные военные события, что по Высочайшему повелению, объявленному Комитету в предписании Главного управления цензуры от 5-го сего декабря за № 452, предварительно должны быть рассматриваемы военным министром»; статья путешествовала по цензурным ведомствам до 4 января 1834 г., и только 10 января, уже после выхода статьи в свет, Комитет вернул ее Никитенко для «окончательного рассмотрения и исправлений согласно замечаниям г. военного министра» (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1184). Очевидно, Сенковский напечатал статью, исключив эти отрывки. Статья посвящена современному состоянию русской литературы; в конце ее говорилось об умерших в 1833 г. известных людях, и, возможно, именно в связи с этим упоминался П. П. Сухтелен, генерал-адъютант, участник множества военных кампаний, скончавшийся в марте 1833 г.

8

Январь 1834 г. С.-Петербург

Имею честь препроводить при сем к Вам, почтеннейший Александр Иванович,^a «Замечания на сочинение Державина».¹ Не говорили ли Вы Его сиятельству, что я, хотя болен, желаю к нему явиться, и не назначил ли он на то определенного дня и часа?..² Также, когда прикажете мне явиться к Вам или в Комитет за «Мазепку»?..³

Мое почтение.

Сенковский.

Хранится: л. 107 (№ 62).

Датируется по времени подготовки к печати т. 2, кн. 1 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 31 янв. 1834 г.), где была опубликована статья О. И. Сенковского о «Мазепе» Ф. В. Булгарина.

¹ По всей вероятности, имеется в виду книга «Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елисавете Николаевне Львовой, в 1809 году. Изданные Ф. П. Львовым» (СПб., 1834). Рецензия на нее, состоявшая преимущественно из цитат, была опубликована в «Библиотеке для чтения» позднее, летом 1834 г. (Т. 4, кн. 2. Отд. 6. С. 21—25; ценз. разр. — 30 июня 1834 г.). Ранее Сенковский был цензором этой книги. Не решаясь самостоятельно пропустить ряд мест, он обратился в Комитет с аргументированной просьбой позволить ему пропустить и сомнительные отрывки — «из уважения к памяти великого поэта и государственного мужа» (ИРЛИ, д. 19350).

² Вероятно, желание явиться к М. А. Дондукову-Корсакову, невзирая на болезнь, связано с формальной отставкой О. И. Сенковского от редакции журнала в конце января 1834 г. Холодный тон послания цензору объясняется тем, что оскорбленный редактор заподозрил его «в каких-то кознях». Никитенко, по его словам, «не оправдывался и не спорил, а попросил его переговорить с князем. Тот объяснил ему все дело и приказания, данные министром. После этого он опять приходил ко мне для примирения». Попечитель не принял просьбы Сенковского об отставке и из университета. «Князь возвратил ему просьбу и успокоил его тем, что буря, на него воздвигнутая, временная» (Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 135). «Отречение» Сенковского от «Библиотеки для чтения» было опубликовано в «Северной пчеле» 31 января 1834 г. (№ 25. С. 97—98).

³ Речь идет о статье: О. О...О! (Сенковский О. И.). Мазепа, роман Булгарина // Б-ка для чтения. 1834. Т. 2, кн. 1. Отд. 5. С. 1—44 (атрибуцию П. С. Савельева см.: Сенковский О. И. Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1858. Т. 1. С. СХХII).

^a Так в рукописи.

3 февраля 1834 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич,

С Вашего одобрения, с одобрения двукратного — в рукописи и потом в корректурных листах, — напечатана в «Новоселье» моя статья («Похождения одной ревижской души») ¹ в числе 3500 экземпляров. Одна эта статья стоит Александру Филипповичу: печать и бумага — 2400 рублей, а с другими расходами издания — 5400 рублей. Вам известно, ибо это не секрет, что все «Новоселие» печатается единственно для этой статьи; большая часть этой книги уже напечатана на том основании, что моя статья была одобрена Вами. Вам, вероятно, известно, что издание это стоит около 25 000 рублей, а то, что уже напечатано, причинило издателю издержек с лишком на 13 000 рублей. Вы знаете, что «Новоселье» должно выйти к 17 числу текущего месяца.² Остановив эту статью, по неизвестным мне причинам, Вы остановили всю книгу, которая издается для ней и без нее не представляет хозяину ничего, кроме верного убытка. Покорнейше прошу Вас решить это обстоятельство, представив, если Вам угодно, статью на суд Его превосходительства г. управляющего министерством,³ и подумать о том, кто заплатит 5400 рублей понесенных издержек, если Вы станете удерживать ее далее.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь пребыть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою.

Сенковский.

3 февраля, 1834.

(P. S.) Это письмо написано мною по просьбе самого А. Ф. Смирдина, которого приводите Вы (в) отчаяние: он теряет чистых издержек 13 000 рублей, не смея Вам, из учтивости, объяснить своего положения и убытка, который Вы ему наносите.

Хранится: л. 5—6 (№ 3).

¹ См. примеч. 6 к письму 1.

² Выход ч. 2 «Новоселья» планировался к 19 февраля (см.: Сев. пчела. 1834. № 1. С. 1; Б-ка для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 6. С. 52), но «непредвиденные обстоятельства (возможно, как раз те, о которых говорится в этом письме. — А. Ш.) помешали исполнению сего обещания» (Б-ка для чтения. 1834. Т. 2, кн. 2 (объявл.)), и она вышла только в двадцатых числах апреля (ценз. разр. — 18 апр. 1834 г., см.: Б-ка для чтения. 1834. Т. 3, кн. 2. Отд. 5. С. 42; Сев. пчела. 1834. № 87. 17 апр. С. 1).

³ До весны 1834 г. во всех официальных документах Сергей Семенович Уваров (1786—1855) именовался «управляющим делами министерства», позже — министром народного просвещения.

Июль 1834 г. С.-Петербург

Сделайте одолжение, почтеннейший Александр Васильевич, прочитайте статью Арсеньева:¹ я не решусь печатать ее, пока Вы ее не подпишете; в одном месте, об Академии наук, я сам вымарал; но во многих других местах, где он судит о действиях Петра В(еликого),² я не смел ничего предпринять, не зная Ваших правил. Если Вы сами не решитесь пропустить ее, то сделайте одолжение, внесите в Комитет: по крайней мере Вы отклоните от себя притязания со стороны автора. Мое глубочайшее почтение.

Сенковский.

Хранится: л. 80—81 (№ 45).

Датируется по времени подготовки к печати т. 5, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 авг. 1834 г.), где была опубликована статья К. И. Арсеньева. Работа над т. 5, кн. 2 осуществлялась, вероятно, в июле, так как в августе А. В. Никитенко не было в Петербурге: он сопровождал М. А. Дондукова-Корсакова в служебной поездке.

¹ Имеется в виду статья К. И. Арсеньева «Путевые записки: Ямбург. Нарва. Гдов. Псков. Изборск. Печоры. Псковская губерния. Рига. Ливония» (Б-ка для чтения. 1834. Т. 5, кн. 2. Отд. 3. С. 93—120).

² В печатном тексте статьи содержатся два небольших эпизода, посвященных Петру I, который карал виновных и возвеличивал достойных (Там же. С. 93, 95).

11

Сентябрь 1834 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич,

Я прочитал еще раз статью Ф. В. Булгарина,¹ и, поговоривши об ней с Гречем,² мы решили просить Вас, так как дело к спеху, представить ее предварительно г. министру и получить его разрешение или наставление. Я смягчил все жесткие или неуместные выражения, но далее не могу нарушать смысла доводов автора, а между этими доводами статья о браке мне кажется очень сомнительною. То, что автор называет *свободным* мнением писателей новой словесности о браке, скорее следовало бы назвать *ошибочным*. Притом же автор не попадает на вопрос: он хочет сказать, как будто эти писатели занимались исключительно восстановлением вольности развода, между тем как они отрицают самый брак, как *состояние противное природе*, — это их любимая тема.

Прошу Вас покорнейше без церемонии переправить эти доводы своею ценсорскою властью: Вы окажете мне одолжение, — я не люблю этих *свободных* мнений о браке, который есть основание общества и его порядка.³ Но во всяком случае, сделайте милость, представьте всю эту статью Его высокопревосходительству⁴ и как можно скорее исходатайствуйте его наставление: в этом месяце у нас только *три* недели.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою.

Сенковский.

На обороте: Отправить это письмо к г. цензору вместе со статьею Ф. В. Булгарина.

Хранится: л. 43—44 (№ 25).

Датируется по времени подготовки к печати т. 6 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 27 сент. 1834 г.), где была опубликована «Петербургская чухонская кухарка» Ф. В. Булгарина.

¹ Имеется в виду статья Ф. В. Булгарина «Петербургская чухонская кухарка, или Женщина на всех правах мужчины. La femme émancipée des st.-simoniens: Эпилог к философическим глупостям XIX в.» (Б-ка для чтения. 1834. Т. 6. Отд. 1. С. 88—99). Обращение к А. В. Никитенко здесь тем более интересно, что цензором этого тома официально числился В. Семенов: вернувшись из служебной поездки, Никитенко заболел и отсутствовал на заседании Комитета 4 сентября (см.: РГИА, ф. 777, оп. 27, д. 27, л. 80). Вероятно, с этим обстоятельством связано и упоминание о трех неделях в конце письма.

² См. примеч. 4 к письму 2.

³ О. И. Сенковский неоднократно объяснял свое отрицательное отношение к французской юной словесности ее «враждой против семейного начала — единственного, которое дано в удел человеку» (спор с Н. А. Полевым в феврале 1834 г.: *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 138). Главная обязанность словесности — в пестовании идеи семейного счастья, «единственного достояния смертного сердца» («Оно неприкосновенно: никакая людская власть не простирает на него свои права, и самый закон с почтением кладет свой жезл там, где начинается его царство. Кукла (...) раб обстоятельств (...) человек является полным человеком только в этом (личном) быту; здесь он (...) может сказать: „В мире

есть только Бог и я!" Как он мал, странен и смешон, выступив за эту черту! как велик и почтенен, когда опять затворился в этом завороженном кругу, когда опять сделался самим собою (...) и взял на руки свое домашнее счастье»; глубоко личные размышления по этому вопросу см. в статье Сенковского «Брамбеус и юная словесность» (Б-ка для чтения. 1834. Т. 3, кн. 1. Отд. 1. С. 33—60), где выстраданность темы прикрыта буффонадностью ее изложения.

⁴ Речь идет о министре народного просвещения С. С. Уварове.

12

Январь 1835 г. С.-Петербург

Я был у Вас, во-первых, потому, чтобы поблагодарить Вас за Вашу «Кульман»,¹ которою я восхищен, — превосходная статья; во-вторых, чтобы удостоверить Вас, что «Записки Мирабо»² не запрещены; вот я Вам привез свидетельство за подписью Беллизара,³ что они у него продаются; из всего многотомного сочинения удержана только одна часть 5-я, о которой мы и не говорим. Я удивился, когда мне сказали, что Вы находите что-то в этой статье, совершенно монархической, благонамеренной, написанной в лучшем возможном духе. Ведь когда есть что-нибудь сомнительное, то я сам наперед Вам сказываю, чтобы Вы остерегались. Сделайте одолжение, не удерживайте долго у себя, решите чем-нибудь, нам надобно печатать.⁴

Сенковский.

Хранится: л. 74—75 (№ 42).

Датируется по времени подготовки к печати т. 8, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 янв. 1835 г.), где была опубликована статья о «Записках Мирабо».

¹ Имеется в виду статья А. В. Никитенко «Елизавета Кульман» (Б-ка для чтения. 1835. Т. 8, кн. 1. Отд. 1. С. 39—85).

² Речь идет об издании «Mémoires biographiques, littéraires et politiques de Mirabeau, écrits par lui-même, par son père, son oncle et son fils adoptif» (Paris, 1834), т. 4 и 5 которого были запрещены.

³ Фердинанд Михайлович Беллизар (1798—1863) — придворный книготорговец, содержатель книжного магазина, издатель «Revue Étrangère» и «Journal de St. Pétersbourg». В прошении о разрешении издавать «Библиотеку для чтения» А. Ф. Смирдин ссылался на пример «здесьних французских книгопродавцев Беллизара и Комп.» (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1183, л. 1).

⁴ Имеется в виду статья «Записки Мирабо и Барбе-Марбуа» (Б-ка для чтения. 1835. Т. 8, кн. 2. Отд. 3. С. 61—105; без подписи).

13

1 августа 1835 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич,

Предисловие к жизни Вальтера Скотта, Аллена Каннингама,¹ писанное моей молодой притеснительницею, доставило мне истинное удовольствие, и я поставил бы себе в честь и величайшую приятность познакомиться с прекрасным врагом моим. Не можете ли Вы пособить мне в этом предприятии, так как секрет ее имени, вероятно, не секрет для Вас?² Я не могу лучше доказать того, сколько высоко ценю дарование девицы Д***, — кажется, Д***?³ — как изъявляя искреннее мое желание видеть труды ее в нашем журнале, который она, вероятно, не откажется украшать ими. Сделайте одолжение, скажите мне ее фамилию и жительство и испросите у нее позволения для меня явиться к ней с почтением.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою.

Сенковский.

Августа 1, 1835.

Хранится: л. 7—8 (№ 4).

¹ Имеется в виду издание: О жизни и произведениях сира Вальтера Скотта: Сочинение Аллана Каннингама / Перевод девицы Д.... СПб., 1835. В предисловии к нему переводчица резко критикует трактовку современного исторического романа и значения В. Скотта, данную О. И. Сенковским в статье о романе Ф. В. Булгарина «Мазепа» (см. примеч. 3 к письму 8). Сенковский определял современный исторический роман как уродливое сочетание истории и литературы, в котором нет ни той ни другой. В. Скотт, в силу своей гениальности, породил огромное число последователей, превративших историю в «сказку», что, по мнению критика, нанесло огромный вред серьезному познанию обществом своей истории. Переводчица книги А. Каннингама придерживалась по этому вопросу более традиционной точки зрения. Рецензия на перевод книги (Б-ка для чтения. 1835. Т. 11, кн. 2 (ценз. разр. — 30 июля 1835 г.). Отд. 6. С. 26—28) была написана в стиле Барона Брамбеуса: «Одно из тех существ розовых, молодых, прелестных (...) с горячим сердцем, с томным голубым глазом, с улыбкою и вздохом на устах, — воздушное как вздох и мгновенное как улыбка (...) которое усердно читает романы с такою же верою, с какою мы читаем действительность (...) напало на Барона Брамбеуса, объявило ему войну, упорную, непримиримую, кровавую; преследует его со всем ожесточением невинности, со всей враждою души кроткой и нежной. О, стоكرат счастливый Брамбеус! На тебя нападают девицы. (...) Эта внезапная вражда кажется нам очень подозрительною. (...) Женщины всегда так начинают войну, когда хотят быть побежденными». Автор уверяет читателей, что это кончится непременно свадьбой между «смертельным врагом Вальтера Скотта» и «пламенной защитницею того же Вальтера Скотта», что брак их будет счастлив, а после смерти соседи скажут: «Добрые люди, примерные супруги; они ссорились только раз в жизни, и то в предисловии».

² А. В. Никитенко был цензором данной книги.

³ Сведений о девице Д*** и участии ее в «Библиотеке для чтения» разыскать не удалось. Рукопись была сдана в цензуру чиновником А. Правиковым вместе с рукописью другой книги (см.: РГИА, ф. 777, оп. 27, л. 29, л. 4 об.—5).

14

Сентябрь 1835 г. С.-Петербург

Узнав, что Вы нездоровы, я был у Вас, чтоб навеститься, и с удовольствием узнаю, что Вам лучше. Будить Вас не смею.

Сенковский.

(P. S.) Кстати: пропорция больных к умирающим в С.-П(етер)бургской больнице взята из отчетов медицинского совета и печатается у нас каждый год. Вы ее вычеркнули в статье «Статистика среднего человека».¹ Позвольте оставить ее, потому что это официально и тут нет никакого секрета. В прошлом году это было напечатано и в «Б(иблитеке) для ч(тения)» из сочинения доктора Гаевского.²

Хранится: л. 103 (№ 59).

Датируется по времени подготовки к печати т. 12, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 сент. 1835 г.), где была опубликована «Статистика среднего человека».

¹ Имеется в виду статья «Статистика среднего человека (по сочинениям современных зарубежных статистиков)» (Б-ка для чтения. 1835. Т. 12, кн. 2. Отд. 3. С. 144—166), напечатанная без подписи (по атрибуции В. В. Григорьева, автор — П. С. Савельев; см.: *Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева*. СПб., 1861. С. 22—23). Все статистические данные, приведенные в статье, основаны на европейском материале; лишь на с. 159 содержались сведения, касающиеся России: «Из некоторых таблиц смертности в английских госпиталях видно, что там умирает 1 больной из 16. В Hôtel-Dieu, в Париже, умирает один на 6,8; в Pitié один на 8,2; в Женевской больнице один на 11; в Императорской С.-Петербургской больнице один на 4,5; в Сан-Матео, в Павии, один на 10,7; в клинике профессора Томмазини, в Болонии, один на 7,7».

² Речь идет о публикации «Медико-топографические сведения о С.-Петербурге» (Б-ка для чтения. 1834. Т. 5, кн. 1. Отд. 6. С. 16—17; без подписи). В статье говорилось: «Мы воспользуемся в другом месте „Б(иблитеки) для ч(тения)“ любопытными показаниями скромного сочинителя, подписывающегося буквами С. Г. (С. Ф. Гаевский), а здесь коснемся только некоторых обстоятельств. По его исчислению, в Петербурге умирают каждый

год средним числом 10 000 человек; по сведениям автора „Панорамы С.-Петербурга” — 15 500. Мы бы желали, чтоб который-нибудь из двух почтенных сочинителей объяснил нам эту разительную разницу. (...) Смертность в большей части петербургских госпиталей чрезвычайно мала: как 1 из 16 или 7 человек на 100. В этом удостоверяют официальные ведомости, и дело не подлежит сомнению». О. И. Сенковский с большим уважением относился к статистике, часто публиковал статистические статьи и данные, по самому роду своему «обреченные постоянному вниманию публики», устрашающие «читателя рядами своих чисел» (Б-ка для чтения. 1835. Т. 12, кн. 2. Отд. 5. С. 35). Семен Федорович Гаевский (1778—1862) — врач, с 1833 г. — почетный лейб-медик двора, с 1837 г. — директор Медицинского департамента и гражданский генерал-штаб-доктор.

15

5—19 ноября 1835 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич,

Препровождаю к Вам подлинник статьи о князе Меттернихе: благоволите рассмотреть его; Вы можете засвидетельствовать, что он *весьма и тщательно* переделан для перевода, и в переводе я еще очень много переправил, взвешивая каждое употребленное слово.¹

С истинным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою.

Сенковский.

Суббота.

Хранится: л. 46—47 (№ 27).

Датируется по «Делу о запрещении для журнала „Библиотека для чтения” статьи „Князь Меттерних” в связи с ее политическим содержанием» (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1291, л. 1—6), которое открывает донесение А. В. Никитенко в Цензурный комитет 19 ноября 1835 г., и по указанию в письме дня недели.

¹ Главное управление цензуры признало статью «не соответствующую с литературною целью „Библиотеки для чтения”» и обязало С.-Петербургский цензурный комитет, «чтоб оный вообще имел в виду, что статьи политического содержания не должны были входить в состав „Библиотеки” по самому плану сего издания». Статья была удержана при делах Комитета (см.: РГИА, ф. 777, оп. 27, д. 29, л. 1 об.).

16

Декабрь 1835 г.—январь (до 16) 1836 г. С.-Петербурге

Голицын написал те же вещи, только гораздо обширней, с *движениями* военными, по-французски.¹ (Я в русском вычеркнул все движения). Французская рукопись отправлена уже к военному министру и поступила к Шуберту.² Я справлялся и узнал, что она будет вся пропущена. Покуда наш номер выйдет, французская рукопись будет возвращена от военного министра. Я счел нужным уведомить Вас об этом; может быть, оно послужит к Вашим соображениям и уволит Вас от лишних хлопот по пустякам.

Я могу постараться, чтобы одобрение военного министра пришло непременно перед концом месяца для французской рукописи.³

Хранится: л. 18 (№ 11).

Датируется по датам двух донесений Цензурного комитета в Главное управление цензуры о книге Н. Б. Голицына — 30 ноября и 11 декабря 1835 г. (РГИА, ф. 777, оп. 2, д. 28, л. 110, 115), и дате предписания военного министра — 17 января 1836 г. (РГИА, ф. 777, оп. 27, д. 29, л. 7 об.—8).

¹ Имеется в виду книга Н. Б. Голицына «Офицерские записки, или Воспоминание о походах 1812, 1813 и 1814 гг.» (М., 1838; на фр. яз.: СПб., 1849). В «Библиотеке для

чтения» из этой книги были опубликованы два отрывка под названием: «Очерки военных сцен 1812—1814 г.» (1836. Т. 14, кн. 2; ценз. разр. — 30 янв. 1836 г.) и «Очерки военных сцен 1814 г.» (1836. Т. 16, кн. 1; ценз. разр. — 30 апр. 1836 г.).

² Возможно, имеется в виду Ф. Ф. Шуберт (1789—1865), генерал-лейтенант, астроном и геодезист, член Статистического отделения Совета Министерства внутренних дел, член Совета Императорской Военной академии.

³ 17 января 1836 г. военный министр разрешил к напечатанию книгу «Souvenirs et impressions pendant les compagnies de 1812, 1813 et 1814» на французском языке и в русском переводе с исключением ряда отрывков (касающихся духа армии при отступлении от Смоленска, неудовольствия общества Барклаем-де-Толли, московского пожара), отметив особую необходимость воспрещения их в русском переводе, так как он назначен для помещения в журнале и, «следственно, для всеобщего чтения» (РГИА, ф. 777, оп. 27, д. 29, л. 7 об.—8).

17

Февраль 1836 г. С.-Петербург

Я болен, почтеннейший Александр Васильевич, и не мог повидаться с Вами. Пользуюсь посещением А. Ф. Смирдина, чтобы напомнить Вам обещание Ваше насчет г. Злобина,¹ с которым я очень желаю познакомиться.

Вам душевно преданный

Сенковский.

Хранится: л. 105—106 (№ 61).

Датируется по времени подготовки к печати т. 15, кн. 1 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 28 февр. 1836 г.), где был опубликован перевод К. К. Злобина.

¹ Имеется в виду К. К. Злобин, которому принадлежал опубликованный в «Библиотеке для чтения» перевод «Капитан Ост-Индской службы. Английская быль. Статья г. Гука» (1836. Т. 15, кн. 1. Отд. 2. С. 25—52). Константин Константинович Злобин (1814—1878), закончил в 1834 г. Петербургский университет, служил сначала в Министерстве внешних дел по Департаменту полиции исполнительной, а затем в сентябре 1836 г. перешел вторым переводчиком в Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел; впоследствии директор Государственного и Петербургского архивов Министерства иностранных дел, один из основателей и член Совета Русского исторического общества. В 1836 г. входил в дружеский кружок молодых литераторов и ученых, группировавшийся вокруг «Библиотеки для чтения». Участниками кружка были В. В. Григорьев, П. С. Савельев, Т. Н. Грановский, П. П. Ершов и В. В. Голенишев-Кутузов, а также печатавшиеся в «Библиотеке для чтения» Е. П. Гребенка, В. Г. Бенедиктов, А. В. Тимофеев, Е. Ф. Корш (см.: *Григорьев В. В.* Т. Н. Грановский и его профессорство в Москве // Рус. беседа. 1856. Т. 3. Смесь. С. 35, 40—41).

18

Февраль 1836 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич,

По скорости дела, так как Плюшар¹ убедительно просил меня объявить еще в нынешнем месяце об его «Военном лексиконе»² да об его брате,³ я велел набрать ночью страничку и печатать, не дожидаясь Вашего одобрения, будучи уверен, что Вы не найдете ни слова противного ценсорской совести в этих статейках. Дайте им свое благословение, и я буду спокоен. Я встал ночью, чтоб известить Вас об этом, и, пожелав Вам доброго утра, опять ложусь, с теми же чувствами почтения и душевной вам преданности.

Сенковский.

Хранится: л. 52 (№ 30).

Датируется по времени подготовки к печати т. 15, кн. 1 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 28 февр. 1836 г.), где были опубликованы упомянутые в письме заметки.

¹ Речь идет об Адольфе Александровиче Плюшаре (1806—1865), книгопродавце и издателе. В его «Энциклопедическом лексиконе», вышедшем в это время, О. И. Сенковский принимал самое активное участие как автор и редактор, его же он усердно пропагандировал среди русской публики.

² Объявление об издании «Военного лексикона» с рекомендацией его читателям (программа, адресат издания, сотрудники, редакторы, изобилие словарных статей, объем) см.: Б-ка для чтения. 1836. Т. 15, кн. 1. Отд. 6. С. 18—19.

³ Имеется в виду Евгений Александрович Плюшар (ок. 1810—после 1865) — живописец, портретист, с 1839 г. академик, участник росписи Исаакиевского собора. В «Разных известиях» о Е. А. Плюшаре сообщалось: недавно вернулся из Италии, «привез нам с собою необыкновенный талант по части портретной живописи» и уже сделал в Петербурге несколько портретов: «Сходства у него разительны, необыкновенны, убийственны», все стремятся в его мастерскую полюбоваться на картины (Там же. С. 20).

19

Март 1836 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич!

Сделайте одолжение, уведоьте меня дружески, есть ли какие-нибудь посторонние причины для того, чтобы не сказать правды о книге Шевырева?¹ Если они есть, то я надеюсь, что Вы не скроете их от меня. Если нет, то скажите мне правду, чтобы я знал, в чем дело. Я вижу, что Вы помарали в критике² такие вещи, которые вовсе не подлежат суду цензуры, как например рассуждение общее о том, как должны быть писаны *книги* ученые,³ как например выписка из предисловия книги Жана-Жана,⁴ как другая выписка из предисловия одной немецкой книги о санскритской словесности⁵ и множество других мест. Я теряюсь в догадках — и не придумая причин уничтожения того, что всего писалось и печаталось. Ради Бога, скажите мне причину этого. Если есть необходимость *смягчить дело* по каким-нибудь высшим уважениям, то я готов уничтожить еще более Вашего; но если нет никакого, почему же Вы запрещаете проучить поделом надменного мальчишку, который пишет глупости магистральным тоном и ничего ровно не смыслит!

Вам преданный

Сенковский.

На обороте: Весьма нужное.

Хранится: л. 39—40 (№ 23).

Датируется по времени подготовки к печати т. 15, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 марта 1836 г.), где была опубликована статья, посвященная книге С. П. Шевырева «История поэзии».

Отрывок опубликован: Каверин. С. 79.

¹ Речь идет о книге «История поэзии. Чтение адъюнкта Московского университета Степана Шевырева» (М., 1835. Том первый, содержащий в себе Историю поэзии Индейцев и Евреев, с приложением двух вступительных чтений о характере образования и поэзии главных народов Западной Европы).

² Подразумевается статья «История поэзии, чтения г. Шевырева» (Б-ка для чтения. 1836. Т. 15, кн. 2. Отд. 5. С. 23—52), принадлежавшая, по атрибуции А. Е. Шикло, Н. А. Полевому (см.: Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 206). Однако отдельные фрагменты статьи явно принадлежат О. И. Сенковскому: рассуждения о восточной литературе и невежестве Шевырева в этом вопросе, о стиле и языке книги, о скрытом плагиате автора. Они чрезвычайно характерны для него и тематически, и стилистически. О большом вкладе Сенковского в написание этой статьи говорит и это письмо: с таким жаром он отстаивал перед цензурой именно свои статьи. Вероятно, первоначальный вариант Н. А. Полевого был сильно переработан редактором, и здесь нужно говорить о двойном авторстве. Статья ярко демонстрирует своеобразие критики журнала, когда, при формальном соблюдении требований о неприемлемости брани, антикритики и других цензурных правил, определяющей ее чертой оказывалась полемическая острота, озадачивающая цензора. В «Библиотеке для чтения» были помещены также статья о «Теории поэзии»

С. П. Шевырева (1837. Т. 22, кн. 1. Отд. 5. С. 6—23) и иронический комментарий по поводу войны («детского спора») из-за «Истории поэзии» Шевырева между «Московским надзирателем... Согладачаем... или как бишь его зовут» и «Темноскопом, журналом, если это правда, современного просвещения» (1836. Т. 17, кн. 2. Отд. 6. С. 44—45).

³ Ср.: Б-ка для чтения. 1836. Т. 15, кн. 2. Отд. 5. С. 23—25.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Этот пассаж отсутствует в опубликованном тексте статьи.

20

Апрель 1836 г. С.-Петербурга

Я был вчера у Сербиновича,¹ оно действительно так было, как мы с Вами говорили. Сергей Семенович² сам заговорил с ним первый о поэме Тимофеева и сказал, что ее можно было бы изменить. Тогда Сербинович, по просьбе автора, докладывал ему нарочно, что Тимофеев хочет сделать все изменения, какие нужны, и желает знать, позволят ли ему тогда напечатать. Сергей Семенович сказал: «Почему ж нет! Надо только видеть, какие будут его изменения». Вот вся история, как Сербинович мне ее рассказывал. Сербинович хотел сам наперед видеть изменения Тимофеева. Я пошлю его к нему.³

В чем состоит дело о «Рошине»;⁴ если нужно переменить что-нибудь, то назначьте мне, ради (Бога), я все изменю; нельзя ли обойтись без министра; статья слишком велика, и задержание 7 листов причинит мне крайнее расстройство. Скажите, Бога ради, что нужно сделать, в чем сомнение; я изменю ее так, что не только Загоскин, но сам черт ее не узнает. Напишите мне сегодня несколько слов; я пришлю завтра ранехонько взять ваш ответ.

На обороте: Ради Бога уважь(те) мое ^a

Хранится: л. 33 (№ 19).

Датируется по времени подготовки к печати т. 16, кн. 1 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 апр. 1836 г.), где была опубликована повесть М. Н. Загоскина «Кузьма Рошин, истинное происшествие».

Отрывок опубликован: Каверин. С. 69.

¹ Константин Степанович Сербинович — в 1833—1856 г. редактор «Журнала Министерства народного просвещения», с октября 1836 г. директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода.

² О С. С. Уварове см. примеч. 3 к письму 9.

³ Речь идет о поэте Алексее Васильевиче Тимофееве (1812—1883). Его произведения (31 стихотворное и 4 прозаических (одно — в соавторстве с О. И. Сенковским)) публиковались в «Библиотеке для чтения» в 1834—1839 гг. В критических рецензиях журнала он характеризуется как очень одаренный и от книги к книге все более совершенствующийся молодой поэт (1834. Т. 4, кн. 2. Отд. 6. С. 21; 1834. Т. 5, кн. 1. Отд. 6. С. 8; 1835. Т. 12, кн. 2. Отд. 6. С. 19; 1835. Т. 13, кн. 2. Отд. 6. С. 18—19; 1837. Т. 22, кн. 1. Отд. 6. С. 13), проложивший «себе тропинку подле столбовой дороги Пушкина», но пишущий слишком быстро и легко и несколько однообразный, мало читающий, не овладевший искусством «спасительных поमारок»: «Писать хорошо — великое искусство, но хорошо вымарывать — еще большее» (1837. Т. 21, кн. 1. Отд. 6. С. 10—12; кн. 2. Отд. 6. С. 42—43; 1838. Т. 25, кн. 1. Отд. 6. С. 1—3). Возможно, речь идет о поэме «Древний и новый человек», публикация которой в журнале была запрещена в марте 1836 г. «Несмотря на чистоту и справедливость основной мысли сего сочинения» (нравственная победа христианства над язычеством) и варианты исправлений, предложенные автором, А. В. Никитенко, Комитет и министр не разрешили напечатать его, так как борьба Прометея с богами могла ассоциироваться с восстанием против властей: «борьба сия притом выражена слишком сильно»; цензоры также не одобрили заимствования автором идей и многих выражений из Библии и священных гимнов. Резолюция Уварова от 27 марта 1836 г.: «Лучше сей пьесы не печатать» (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 867, л. 2).

⁴ Имеется в виду повесть М. Н. Загоскина «Кузьма Рошин, истинное происшествие» (Б-ка для чтения. 1836. Т. 16, кн. 1. Отд. 1. С. 17—105). В письме Загоскину от 1 июля

^a Текст поврежден.

1836 г. (см.: Рус. старина. 1902. Т. 111. № 7. С. 90—92) Сенковский дает «полный отчет во всем, что приключилось» с его «превосходной быльё» в цензуре: «...вся вторая часть „Рошина“ была обречена цензурою запрещению (по причине описания бунта. — *А. Ш.*), а без второй части первая не могла быть напечатана». Но драматический рассказ редактора о мучительной борьбе за публикацию повести Загоскина, в которой был и момент отчаяния, когда он уже «хотел приказать разобрать набор», и которая все же закончилась победой — выходом повести, хотя и в измененном виде, по-видимому, не впечатлил Загоскина, и до 1844 г. он своих сочинений в «Библиотеку для чтения» не отдавал, несмотря на постоянные комплиментарные рецензии о его произведениях в журнале, в которых отмечался особый, русский талант рассказчика: «золотое перо», «наш любимый романист» (1834. Т. 1. Отд. 6. С. 44—46; 1836. Т. 16, кн. 1. Отд. 5. С. 1—28; 1837. Т. 23, кн. 1. Отд. 6. С. 11—12; 1838. Т. 31, кн. 1. Отд. 6. С. 11—13; 1840. Т. 38, кн. 1. Отд. 6. С. 6—11; 1841. Т. 47, кн. 1. Отд. 6. С. 3). См. также письмо Сенковского Загоскину от 6 февраля 1840 г. с уверением в неизменной дружбе: «...противное было бы для меня слишком тягостно» (Рус. старина. 1902. Т. 111. № 7. С. 92—93). В 1835 г. аналогичная история произошла с публикацией повести Загоскина «Три жениха. Провинциальные очерки» (Б-ка для чтения. 1835. Т. 10, кн. 1. Отд. 1. С. 25—100). Тогда Сенковскому удалось добиться понимания автора. В письме Загоскину от 6 мая 1835 г. редактор рассказывает, как до кровавых слез страдал он, когда принесли к нему «ее (повесть) всю помаранную красными чернилами», как, «пристрастившись к (...) повести, как к собственному дитяти (...) старался отстоять всякое слово» и с помощью титанических усилий «спас по крайней мере смысл (...) сочинения» (Рус. старина. 1902. Т. 111. № 7. С. 87—90). Сохранился черновой вариант ответа Загоскина (РНБ, ф. 291 (Загоскин), д. 37).

21

Сентябрь 1836 г. С.-Петербург

Почтеннейший Александр Васильевич, Вы перепортили мне в «Летописи» статью о «Нумерации домов»¹ совсем напрасно. Вы, верно, думали, что эта книга официальна. Ничего не бывало; это *частная* и несчастная спекуляция чиновников канцелярии военного губернатора, которые думали заработать и между тем потеряли. Я обещал им поддержать их творение, потому что оно не продается, а Смирдин из угождения им принужден был купить несколько сот экземпляров. Вот вся история. Этой невинной книжки нельзя поддержать иначе как иперболами и шутками: что сказать об ней серьезно? Серьезно можно сказать только, что они потеряли печать и бумагу. Надо оказать услугу этим добрым людям, которые хотели быть литераторами посредством «Нумераций», и похвалить книгу с той стороны, с которой она может продаваться.

Ваш преданный

Сенковский.

На обороте: Отправьте эту записку с ценсорскими листами.

Хранится: л. 82—83 (№ 46).

Датируется по времени подготовки к печати т. 18, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 сент. 1836 г.), где была опубликована статья «Нумерация домов».

¹ Имеется в виду статья «Нумерация домов» (Б-ка для чтения. 1836. Т. 18, кн. 2. Отд. 6. С. 55—56; без подписи).

22

Февраль 1837 г. С.-Петербург

Почтеннейший Александр Васильевич,

Вы получите критику о книге Данилевского «Описание похода во Францию 1814 года».¹ Я боюсь, чтобы Вы в чем-нибудь не затруднились, так как это дела военные, и спешу Вас уведомить, что эту статью писал я сам, употребляя везде точные слова автора, высочайше утвержденные. Для Вашего спокойствия я даю Вам *мое честное слово*, что нет в этой

статье ни одного выражения, ни одного обстоятельства, которого бы не было в его книге. Я старался везде рассказывать словами автора, до такой степени, что, где он говорит «победа», «сражение», «поражение», «низложение», я употребляю те же слова. Все это делал я нарочно для того, чтобы и Вам, и мне спать покойно и чтобы Вас не затрунить. Можете полагаться смело на мою осторожность.

В статье «Несчастье»,² которую Вы ко мне прислали с замечанием, что неловко вводить Сенат в повесть и говорить о деле, проигранном в Сенате, и о поклонах этого человека сенатским, я отовсюду исключил «Сенат», так что его и следу не осталось, хотя этим уничтожился весь анекдот, впрочем справедливый. Места, которые Вы помарали, я, само собою разумеемся, уничтожил. Вместо «Сената» я поставил «Исакиевский мост», отчего рассказ сделался чище невской воды.

Я прохворал две недели и не только не выздоровел, но мне еще стало хуже. Вчера я ощутил сильную лихорадку. Сегодня она меня не покидает. Я не в состоянии выходить со двора и *хлопотать*. Сделайте мне дружеское одолжение, не задержите корректур последних листов, чтобы книжка могла быть готова завтра к двенадцати часам.

Вам душевно преданный

Сенковский.

Хранится: л. 41—42 (№ 24).

Датируется по времени подготовки к печати т. 21, кн. 1 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 3 марта 1837 г.), где были опубликованы рецензия на книгу А. И. Михайловского-Данилевского и повесть А. А. Ивановского «Несчастье».

¹ Речь идет о рецензии, посвященной «Описанию похода во Францию в 1814 году» А. И. Михайловского-Данилевского (Б-ка для чтения. 1837. Т. 21, кн. 1. Отд. 5. С. 1—40). По атрибуции А. Е. Шикло, статья принадлежит Н. А. Полевому (см.: *Шикло А. Е.* Исторические взгляды Н. А. Полевого. С. 206); по атрибуции А. В. Старчевского (см.: ИРЛИ, ф. 583, д. 31, л. 20) — О. И. Сенковскому (последняя атрибуция подтверждается содержанием данного письма).

² Имеется в виду повесть А. А. Ивановского «Несчастье» (Б-ка для чтения. 1837. Т. 21, кн. 1. Отд. 1. С. 49—64). Повесть действительно стала «чище невской воды», так как в результате изъятия запрещенных отрывков потеряла всякий смысл: молодой человек стоит возле здания Сената и кланяется всем идущим по Исакиевскому мосту со стороны Васильевского острова, около него появляется другой чудак и рассуждает при скоплении зевак о том, что есть «несчастье», на примерах из русской истории XVIII в. (возвышение и падение людей, а именно А. Д. Меншикова, Б.-Х. Миниха, А. И. Остермана, А. П. Бестужева-Рюмина, строивших дома на этом месте).

23

22 марта 1837 г. (?) С.-Петербург

Милостивый государь, Александр Васильевич,

Я виноват, что не предупредил Вас, что стихотворение Глинки о Пушкине было уже у министра и подписано в рукописи цензором Петром Александровичем Корсаковым и что оно набрано по рукописи проценсурованной и снабженной печатью Комитета. Поэтому я покорнейше прошу Вас вырезать эту статью ножницами из корректурных листов, а остальное подписать и возвратить. На обертке журнала мы выставим подписи двух цензоров, Вашу и Петра Александровича,¹ и дело будет с концом. Вам не нужно будет понапрасно таскать^а по дурной дороге и ждать доклада у г. министра. Согласны ли Вы на это? Если согласны, то напишите одно слово ко мне. Да, впрочем, Вам иначе и нельзя сделать: мне кажется, что для Вас самих неловко переценсу-

^а Так в рукописи.

вывать то, что уже одобрено Вашим товарищем. Всего лучше выставить две подписи, и тогда *suum cuique*.⁶

Вам душевно преданный

Сенковский.

22 янв(аря), 1827.⁶

Хранится: л. 1—2 (№ 1). Внизу л. 1 запись карандашом неизвестной рукой: «Стих Глинки напечатать, но двух подписей ценсурных не надо».

В дате письма описки: не 1827, а 1837 г., не 22 января, а, возможно, 22 марта, учитывая время подготовки к печати т. 21, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 марта 1837 г.), где было опубликовано стихотворение Ф. Н. Глинки «Воспоминание о поэтической жизни Пушкина».

¹ Стихотворение Ф. Н. Глинки «Воспоминание о поэтической жизни Пушкина» (Б-ка для чтения. 1837. Т. 21, кн. 2. Отд. 1. С. 85—91) готовилось также к изданию отдельной книгой и в связи с этим проходило цензуру (ценз. разр. — 11 февр. 1837 г.). Отдельное издание вышло не позднее мая 1837 г. (рецензия: Б-ка для чтения. 1837. Т. 22, кн. 2. Отд. 6. С. 4; ценз. разр. — 30 мая 1837 г.). Обозначение имен двух цензоров в журнале появилось несколько позже (см. об этом и о П. А. Корсакове примеч. 3 к письму 24).

24

Май 1837 г. С.-Петербург

Почтеннейший Александр Васильевич, Вы меня ужасно расстроили, удержав всю статью «Бал в Подолии и Пир на Кавказе». Я не знаю, чем заменить ее; и время так коротко. Но если препятствие состоит в польском мятеже, о котором здесь говорится в первой части, то во второй части статьи, «Пир на Кавказе», нет никакого мятежа. Я думаю, что эта вторая половина может быть пропущена: она совершенно невинна.¹ Там было, в конце, упомянуто имя Мержеевича (*нрзб*):² я его уничтожил, тем более что и без него можно обойтись. П. А. Корсаков³ согласен на пропуск этой второй части. Я надеюсь, что и Вы согласитесь и подпишете ее, как он уже подписал.

Душевно Вам преданный

Сенковский.

Бога ради, не вносите в другой раз статей «Б(иблиотеки) для ч(тения)» в Комитет. Марайте что угодно. А если нельзя пропустить всей статьи, напишите ко мне пару слов. Я уничтожу статью или изменю ее совершенно, но я не желаю подвергать статей суждению Комитета.

Хранится: л. 36—37 (№ 21).

Датируется по времени подготовки к печати т. 22, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 мая 1837 г.), где была опубликована повесть «Пир на Кавказе».

¹ См.: *Джегитов*. Пир на Кавказе // Б-ка для чтения. 1837. Т. 22, кн. 2. Отд. 1. С. 119—132. Псевдоним «Джегитов» (как и псевдоним «П. Глебов», также встречающийся в «Библиотеке для чтения») в 1830-е гг. использовал Н. П. Титов (см.: *Временник Пушкинской комиссии*. 1981. Л., 1985. С. 154—159), но принадлежит ли ему данная статья, сказать с уверенностью нельзя.

² В конце повести рассказчик слышит упоминание о М* и, уверившись, что это его знакомый, подольский помещик, спешит к нему. Контекст говорит об опущенном начале статьи.

³ П. А. Корсаков (1790—1844) был назначен вторым цензором «Библиотеки для чтения» на заседании Комитета 13 апреля 1837 г., где и было принято постановление о двух цензорах для журналов (см.: РГИА, ф. 777, оп. 27, д. 30, л. 18 об.). Однако в своем дневнике Никитенко утверждает, что для «Библиотеки для чтения» он «получил Гаевского» (*Никитенко А. В. Дневник*. Т. 1. С. 200).

⁶ каждому свое (*лат.*)

⁶ Так в рукописи.

23 или 30 июня 1837 г. С.-Петербург

Милостивый государь, Александр Васильевич,

Прац¹ в отчаянии, что Вы ему так долго не возвращаете конца повести «Женщина-писательница».² Я прибегаю к Вашей благосклонности: сделайте одолжение, возвратите ему этот конец, который нужно печатать, потому что за ним остановилось несколько листов. Я сам бы приехал просить Вас о том, но нездоров: я принужден был переехать с дачи в город, чтобы мой доктор мог приходить ко мне почаще, и очень страдаю.

Полагаясь на Ваше дружеское ко мне расположение, я еще раз повторяю мою (просьбу) и прошу Вас быть уверенным в моей совершенной преданности.

Сенковский.

Среда.

На обороте: Смертельно нужное.

Хранится: л. 34—35 (№ 20).

Датируется по времени подготовки к печати т. 23, кн. 1 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 июня 1837 г.), где была опубликована повесть Н. Н. Веревкина «Женщина-писательница», и по указанию в письме дня недели. В июне 1837 г. среда приходилась на 2, 9, 16, 23 и 30 числа. Судя по содержанию письма наиболее вероятны 23 или 30 июня.

¹ Э. Прац — владелец типографии, в которой печаталась «Библиотека для чтения» в 1836—1839 гг. (т. 14—37).

² Имеется в виду повесть Н. Н. Веревкина (псевдоним: «Рахманный») «Женщина-писательница» (Б-ка для чтения. 1837. Т. 23, кн. 1. Отд. 1. С. 17—134).

Сентябрь 1837 г. С.-Петербург

Очень благодарен Вам, почтеннейший Александр Васильевич, что Вы написали мне о Бардовском. Я переменял и сказал, что только можно было сказать в его пользу. Но, между нами, его «География» — настоящий хаос: ни системы, ни методы, ни толку. Имена собственные перековерканы до того, что узнать их нельзя. Я читал ее прежде, хоть то, что сказано было об ней, сказано не мною.¹

В «Разных известиях» Вы найдете статежку² о тайном корреспонденте «Берлинских ведомостей», подлеще, которого прогнали из шпионов за глупость и вздорные статьи. Этот дурак, которого имени я не знаю, написал недавно в «Берлинских ведомостях» величайшие глупости о России по случаю ссыльных в Сибирь. Статистику ссыльных составляли у Сперанского;³ трудился над нею директор Величкин. Сперанский ужасно был взбешен, присылал ко мне Величкина просить, чтобы порядочно *отделать* этого дурака, и потом просил меня сам об этом. Статежка эта, следственно, сделана по их желанию. Так как он исходатайствовал у государя позволение напечатать эту «Статистику» и как они хотят издать сведения о ссыльных за десять лет, то для них очень важно, я полагаю, остановить эти толкования. Вот история, которую я Вам сообщаю по секрету для Вашего сведения о поводах к статежке. Я думаю, что, зная причину, Вы не затруднитесь пропустить ее.

Сенковский.

Хранится: л. 57—58 (№ 33).

Датируется по времени подготовки к печати т. 24, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 сент. 1837 г.), где были опубликованы рецензия на «Всеобщую географию» В. С. Бардовского и статья Сенковского в «Разных известиях».

¹ Василий Степанович Бардовский (1804—1874) — директор Первой петербургской гимназии. Рецензию на его «Всеобщую географию, для первоначального преподавания, составленную по Гольтье, Бальби и Мальт-Бруну» (СПб., 1837) см.: Б-ка для чтения. 1837. Т. 24, кн. 2. Отд. 6. С. 50—51. В рецензии отмечалось, что книга «нуждается в системе и могла б быть яснее», но «автор ее, сколько нам известно, один из лучших практических преподавателей», при втором издании «придаст ей более методы». Автор статьи — Н. А. Полевой (по атрибуции А. Е. Шикло; см.: *Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого*. С. 207).

² Статью в «Разных известиях» (подразделе отд. 6 «Литературная летопись»), написанную Сенковским, см.: Б-ка для чтения. 1837. Т. 24, кн. 2. Отд. 6. С. 64—67. В предыдущих томах (т. 22, кн. 2. Отд. 6. С. 69 — анонс; т. 23, кн. 2. Отд. 6. С. 74—75 — рецензия) сообщалось о «Статистических сведениях о ссыльных в Сибири в 1833 и 1834 годах», изданных по высочайшему соизволению «с самым просвещенным усердием и с открытостью, неизвестною другим правительствам». Берлинская «*Staatszeitung*» перепечатала рецензию из «Библиотеки для чтения» с прибавлением рассуждений некоего тайного корреспондента о декабристах, затем она была перепечатана другими немецкими, английскими и французскими изданиями. Сенковский раздражается филиппикой против «злокачественного иностранца», который ест «нашу хлеб-соль», который бы помер «с голоду без благодатной русской копейки» и который вместо благодарности рассеивает «за границу всякие нелепости о гостеприимной земле, где народное великодушие терпит глупость из уважения к ничтожеству». Далее следует «опровержение»: большие фрагменты текста на французском языке (из «*Journal des Debats*») изредка перемежаются короткими ироническими вопросами и восклицаниями: «Где они теперь? и сколько их было?» (речь во французской статье идет о декабристах, но сам Сенковский их не упоминает); «Слышали ль вы такие новости! Из людей непростого состояния, приговоренных к ссылке в Сибирь, всего находится там только один губернский секретарь, сосланный за взятки!» и т. п., скорее привлекающими внимание к французскому тексту, чем опровергающими его. Характерно, что текста самого Сенковского в статье ничтожно мало по сравнению с объемом иностранных цитат, что позволяет говорить о стремлении редактора ознакомить русских читателей с мнением «злокачественного иностранца».

³ Имеется в виду Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839), в 1826—1837 гг. — начальник II Отделения собственной Его императорского величества канцелярии.

27

Ноябрь 1837 г. С.-Петербург

Почтеннейший Александр Васильевич, в пиесе «Праздник на бумажной фабрике»¹ я повсюду заменил слово «церковь» словом «школа» и вместо «освящали церковь» поставил «открывали школу». Таким образом все остальное спасается, и никакая злая сила, хоть бы и хотела, не может ни к чему придаться, по моему мнению. Но и Вы уж слишком строги! Церковь прочь; это и дело; но столь невинное и истинно русское обыновение качать на руках своих господ, право, не заключает в себе ничего предосудительного: напротив того, это черта благородная, обычай родной, и дай Бог, (чтобы) все крестьяне, доколе стоять будет Россия, ему следовали. Если Вы думаете, что сама хозяйка может этим обидеться, то я имею честь Вас уверить положительно, что пиеса доставлена мне *от самих хозяев*, при письме, которое у меня хранится, с просьбою о напечатании. Я знаю, что там есть «школа», которая и очень здесь кстати для замены слова «церковь». А чтобы не подать никакого повода к спору, то я даже вымарал и первоначальную букву фамилии хозяйки: таким образом, нет и следа, к кому относится вся пиеса. Сделайте одолжение, не противьтесь этим изменениям и пустите пиесу доброго крестьянина в люди.

Вам душевно преданный

Сенковский.

(Р. С.) Слова «пили здравие Синода» Вы, верно, помарали для того, что речь везде была о церкви; но теперь, как нет церкви в деле, то они могут, мне кажется, остаться; когда в предыдущем стихе сказано, что «пили здравие царя», так уж наверное нет вреда сказать, что «пили здравие Синода» после царского.

Хранится: л. 86—87 (№ 48).

Датируется по времени подготовки к печати т. 25, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 нояб. 1837 г.), где было опубликовано стихотворение «Праздник на бумажной фабрике».

¹ Имеется в виду «Праздник на бумажной фабрике. Соч. одного из мастеровых той же фабрики» (Б-ка для чтения. 1837. Т. 25, кн. 2. Отд. 1. С. 66—72).

28

Июнь 1838 г. (?) С.-Петербург

Почтеннейший Александр Васильевич, Вы изволили говорить со мною о стихах Венедиктова:¹ если можно, пришлите мне теперь пару его лучших пьес; я помещу их с удовольствием в нынешней книжке, тем более что мне бы не хотелось давать Сорокина² два раза сряду и что все три стихотворения, которые избрал я для книжки, немножко схожи содержанием, — всюду смерть да смерть. Для лета это скучно.

Ваш искренно преданный

Сенковский.

Хранится: л. 70—71 (№ 40).

Датируется по времени подготовки к печати т. 29, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 июля 1838 г.), где было опубликовано стихотворение «Заветная звезда» М. Венедиктова (по-видимому, опечатка). Это единственное стихотворение М. Венедиктова, появившееся в «Библиотеке для чтения» летом.

¹ Никаких сведений о поэте М. Венедиктове обнаружить не удалось. В «Библиотеке для чтения» были напечатаны также его стихотворения «Песня закубанских горцев» (1835. Т. 9, кн. 2; ценз. разр. — 30 марта 1835 г.) и «Два голоса» (1837. Т. 25, кн. 1; ценз. разр. — 31 окт. 1837 г.).

² М. П. Сорокин (ум. 1848) — поэт, переводчик и рецензент, сотрудничал в «Литературной газете», «С.-Петербургских ведомостях», «Пантеоне», а также в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара. В «Библиотеке для чтения» были опубликованы его стихотворения «Победа Вакха» (1835. Т. 10, кн. 1; ценз. разр. — 29 апр. 1835 г.), «Призраки, из В. Гюго» (1835. Т. 10, кн. 2; ценз. разр. — 30 мая 1835 г.), «Песнь пловцов» и «Алфей и Аретуза» (1838. Т. 30, кн. 2; ценз. разр. — 30 сент. 1838 г.). В письме, по всей вероятности, идет речь о двух последних произведениях.

29

22 августа 1839 г. С.-Петербург

Вот, почтеннейший Алексан(др) Васильевич, тот феномен, мой наборщик, Василий Васильевич Дерикер, который так прекрасно переводит Эленшлегера.¹ Доставьте ему средство и совет, как посещать некоторые лекции в университете; о денежных способах для него я уж подумаю коренным образом. Надобно нам с Вами очистить это прекрасное дарование (оно уже открыто) и образовать его для святой Руси. Подвиньтесь на доброе дело, обласкайте, укрепите дух его. Типографии он не должен оставлять пока. С чувством пожимаю Вашу руку.

Сенковский.

22 авг(уста), 1839.

На обороте: На Сенной, в Спасском переулке, в доме Ростовцовой. Василий Васильевич Дерикер.

Хранится: л. 9—10 (№ 5). Запись на обороте сделана карандашом.

¹ Василий Васильевич Дерикер — наборщик журнала в типографии Э. Праца. Помещая в «Библиотеке для чтения» первую публикацию В. В. Дерикера — перевод «Гагбарт и Сигна. Скандинавская драма Эленшлегера, в 5 действиях, в стихах» (1839. Т. 36, кн. 1. Отд. 1. С. 1—94), редактор так представлял читателям своего нового сотрудника: «Редактор „Библиотеки для чтения“ недавно нашел у себя, на бильярде, присланный или принесенный неизвестно кем перевод Эленшлегеровой трагедии „Гагбарт и Сигна“, который с первого взгляду поразил его своими достоинствами (...). Словом, великая радость редактора от подобной находки; и трагедия, по прочтении, отправлена для набора в типографию. Можно судить о его изумлении, когда вскоре потом открылось, что автор этого прекрасного перевода — один из наборщиков „Библиотеки для чтения“, по имени Василий Васильевич Дерикер, бедный и скромный молодой человек, лет двадцати двух, который тяжким типографским трудом вырабатывает полтора ста рублей в месяц для содержания своей матери и себя!.. Это талант в полном смысле слова самородный. Дерикер, как он сам говорит, все свое образование почерпнул из того, что набирал „Библиотеку для чтения“, и из статьи этого журнала об Эленшлегере в первый раз узнал он о существовании знаменитого датского поэта. Несмотря на занятия свои в типографии, он нашел время изучить его творения и начал теперь учиться латинскому языку. Само собою разумеется, что будет сделано все, что только можно, для доставления столь примечательному природному дарованию способов развиться университетским образованием и усовершенствоваться для пользы и славы русской словесности» (Там же. Отд. 6. С. 27—28). Впоследствии В. В. Дерикер — постоянный сотрудник журнала, переводчик сначала поэтических произведений (для отд. 1 «Русская словесность»), позже, в 1843—1848 гг., иностранных романов (для отд. 2 «Иностранная словесность»). Только подписанных им было опубликовано в журнале 14 произведений (имя переводчика в отд. 2 указывалось редко). В 1847—1848 гг. был помощником по редакции (см.: ИРЛИ, ф. 583, д. 31, л. 17), во время болезни Сенковского пытался взять на себя и редактирование журнала, но неудачно, и осенью 1848 г., в самое тяжелое для издания время, из него ушел, «просто бросил журнал на произвол судьбы» (*Старчевский А. В.* Воспоминания старого литератора: (История «Библиотеки для чтения», 1848—56 гг.) // Исторический вестн. 1891. Т. 45. № 8. С. 314). Способности Дерикера как переводчика высоко оценивались О. И. Сенковским (см. его письмо к В. В. Дерикеру — ИРЛИ, Р. III, оп. 1, д. 1891).

30

Август 1839 г. С.-Петербург

Отец родной, Александр Васильевич, Вы нас зарезали! Возвратите, ради красных чернил! — статью «Черный лес».¹ Прац приходил сегодня ко мне и плачет как бобр, что Вы останавливаете его трудолюбивые порывы. Вот Вам формы, подписанные Фрейгангом,² с переменами, сделанными по его желанию: может быть, они облегчат Вам труд; если Вы согласны с его мнением, то подпишите формы Фрейганговы, и дело с концом.

Преданнейший
Сенковский.

Хранится: л. 25—26 (№ 15).

Датируется по времени подготовки к печати т. 36, кн. I «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 31 авг. 1839 г.), где была опубликована повесть «Черный лес» неизвестного автора.

¹ Речь идет о повести «Черный лес» (Б-ка для чтения. 1839. Т. 36, кн. 1. Отд. 1. С. 97—132), подписанной: «Автор повести „Красный всадник“». В т. 20, кн. I «Красный всадник» подписан: «Виктор С.» Об авторе ничего не известно. Старчевский обе повести атрибутировал О. И. Сенковскому (см.: *Старчевский А. В.* Корректирные листы статьи о О. И. Сенковском для словаря Крайя // ИРЛИ, ф. 583, д. 31, л. 19). Однако атрибуции Старчевского (см.: там же, л. 18—22) зачастую недостоверны, особенно это касается художественных произведений: он приписывает Сенковскому повести и даже стихотворения, подписанные псевдонимами, в том числе В. Ф. Одоевского, М. Н. Загоскина, В. А. Солоницына. В данном случае речь может идти лишь о редакторских изменениях текста повести, принадлежавших Сенковскому, но не о его авторстве.

² Имеется в виду Андрей Иванович Фрейганг (1805—?), второй цензор тома. В 1838—1839, 1841—1846 гг. цензуровал 35 томов «Библиотеки для чтения». Был известен как цензор «сухой, равнодушный и педантичный» (*Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины»: Из истории книги и прессы пушкинской поры. С. 273). В 1842 г. сотрудник Сенковского сообщил ему о возвращении Фрейгангом статьи для журнала, но с такими большими поправками, что редактору самому нужно посмотреть ее. Сенковский ответил: «Что тут и смотреть! Перегадил, фетюк! Нельзя ничего изменять, а то еще, пожалуй, остановит выход книжки. Соблюдайте все его поправки, но смотрите, чтобы смысл везде был; если для смысла нужно, то убавьте или прибавьте что-нибудь по усмотрению» (ИРЛИ, ф. 583, д. 43, л. 28).

31

25 марта 1845 г. С.-Петербург

Милостивый государь Александр Васильевич,

Я узнал случайно, что высшему начальству сделано донесение на некоторые из здешних журналов, в том числе и на «Библиотеку для чтения»: их обвиняют в отступлении от своих первоначальных программ.¹ Если об этом будет суждение в Ценсурном комитете, который, без сомнения, не отвергнет приличных объяснений со стороны обвиняемых, то позвольте представить через Вас, как самого старинного цензора «Б(ибблиотеки) для ч(тения)», некоторые замечания касательно этого журнала.

«Б(ибблиотека) для ч(тения)», быть может, единственный из всех наших журналов, который в течение двенадцати лет не сделал ни малейшего изменения ни в своем виде, ни в форме, ни в содержании: каковы были первые ее книжки, таковы и все доньше. «Б(ибблиотека) для ч(тения)» всегда строго держалась пределов и духа своей программы.

Она, по своей программе, никогда не допускала у себя ни малейшего следа *полемики*, что, как известно, в литературном свете и языке всегда значило — критика на критику, война с журналами или сочинителями посредством антикритик. Никогда «Б(ибблиотека) для ч(тения)» не входила в споры с другими журналами, никогда не заводила с ними *войны* (*полемика*, как Вы знаете, значит *война*),² никогда не заводила споров с ними: в «Б(ибблиотеке) для ч(тения)» принято правилом не опровергать статей других журналов, не упоминать даже об их существовании, разве только в таком случае, когда можно похвалить их; это правило «Б(ибблиотека) для ч(тения)» всегда гласно и всенародно проповедовала на Руси и никогда сама от него не отступала.³ Вы и А. И. Фрейганг,⁴ как самые постоянные цензоры этого журнала, можете засвидетельствовать сами истину слов моих, и я ссылаюсь охотно на ваше свидетельство. С сочинителями также «Б(ибблиотека) для ч(тения)» никогда не входила в полемику: в «Критике» или в «Летописи» она однажды скажет о книге свое мнение и после того уже к нему не возвращается. Вы сами знаете, сколько раз суждения ее возбуждали гнев сочинительского самолюбия, которое раздражалось против нее бранными статьями в других журналах и в отдельных брошюрах: отвечала ли когда-нибудь «Б(ибблиотека) для ч(тения)» на подобные статьи, *воевала* ли с сочинителями? Во все существование «Б(ибблиотеки) для ч(тения)» был только один пример ответа на авторскую антикритику, которая вышла из всех пределов приличия в известной брошюре одного врача: исключение это было сделано с разрешения высшего начальства, которое признало само необходимым восстать против пасквиля, направленного на нескольких почтенных ученых.⁵

В программе «Б(ибiblioteки) для ч(тения)» назначено было давать в двух первых отделениях *повести*. Статьи этого отделения иногда назывались *романами*. Я не думаю, чтобы это было отступление. Как профессор словесности, Вы еще лучше моего знаете, что в европейских литературах никогда не было определенной разницы между *повестью* и ро-

маном; общее название — *повесть*, а кто хочет, тот *повесть* называет *романом*, *былью*, *рассказом*. Объем не служит здесь правилом. Вам известно, что Вальтер Скотт всем своим романам дал название *повестей*, *powel*, и что один из самых прелестных романов, «Un roman en deux chapitres» («Роман в двух главах»), называется *романом*, не имея более 80 страниц печати. В русской литературе сколько книг в двух и трех томах названы на заглавном листе *повесть* и сколько брошюрки с названием *роман*! Во втором отделении программа назначала помещать иностранные *повести* и другие сочинения. Если она часто помещала в этом отделении так называемые *романы*, то и Вам, и каждому известно, что слово *роман* стоит в заглавии подобных статей только потому, что в подлиннике сочинение называется *романом*, но что статья, собственно, — *повесть*, сделанная из этого романа через сокращение нескольких томов подлинника иногда в несколько печатных листов. Никогда полные переводы иностранных романов не помещались в «Б(иблитеке) для ч(тения)», и эта система не принята редакцией.

С половины прошлого года книгопродавец, у которого помещается контора журнала,⁶ стал прилагать к «Б(иблитеке) для ч(тения)» перевод известного романа Евгения Сю «Вечный жид», но также перевод неполный, с пропусками и изменениями. Это его *подарок* подписчикам. Статья эта не входит в состав журнала, который также не может никому запретить делать от себя подарки тем, кто ведет дела с его комиссионерами. Все, что сделала редакция в этом случае, мне кажется, заслуживает совершенное одобрение. Чтобы листы этого добровольного подарка не терялись, она позволила переплести их под одну обертку с журналом, но с тем, чтобы подарок подвергся такой же двойной цензуре, как и сам журнал, к которому его прила(га)ют. Очищенный двумя цензурами иностранный роман редакция считала совершенно безопасным для русских читателей: нравственные понятия выигрывают в этом случае очень много. Книгопродавец имеет полное право подарить этот роман подписчикам журнала в виде особенной книги с гораздо менее строгою цензурою, — с одобрением одного цензора, рассматривающего (его) как книгу, а не как журнал.* Не давая он даром — перевод все-таки явился бы отдельною книгою и разошелся бы в числе нескольких тысяч экземпляров: доказательством служит то, что, несмотря на приложение «Вечного жида» к «Б(иблитеке) для ч(тения)», книгопродавец продает его еще и отдельно в значительном количестве. Теперь предстоит вопрос в ценсурном отношении: лучше ли дать русской публике роман этот с журнальною, двойною, цензурою или с обыкновенною, книжною? Вы согласитесь сами, что для иностранной книги, возбуждавшей в такой высокой степени всеобщее любопытство, весьма благоразумно и полезно явиться у нас в том виде, в каком она теперь является. Лучше ли, чтобы «Вечный жид» выходил по-русски очищенный по-журнальному или чтобы разошлось его лишних 3000 или 4000 экземпляров во французском подлиннике? «Б(иблитека) для ч(тения)», как Вам известно, читается только образованным классом русского общества, читающим в то же время и французские книги: каждый из ее подписчиков, если б не было этого приложения, прочитал бы непременно «Вечного жида» в подлиннике. Лучше ли в политико-экономическом отношении, не говоря уже о ценсурном, ободрять привоз иностранного товара в огромном количестве и отдавать за него деньги за границу или посредством переводу удержать эту сумму (в) государстве, в пользу наших бумажных и типографских заведений?⁷

Все эти уважения я считаю нужным представить на уважение Ваше и надеюсь, что, если зайдет речь о предмете, Вы благоволите сообщить

* Подарок так же легко может быть сделан отдельно от журнала, как и вместе с журналом.

их сущность Вашим сочленам, разумеется, если сочтете это приличным и полезным.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугою.

Сенковский.

25 марта, 1845.

Хранится: л. 11—12 (№ 6).

Отрывок опубликован: Каверин. С. 63—64.

¹ А. В. Никитенко описывал эту ситуацию следующим образом. По инициативе нового председателя Цензурного комитета П. А. Плетнева, действовавшего, по собственному убеждению, «в пользу литературы», началось «притеснение журналов, ему неприятных, а они почти все ему неприятны, ибо не обращают внимания на его бедный „Современник“». Он решил проверить, «издаются ли журналы точь-в-точь по программе, которая была утверждена правительством». Оказалось, что все журналы в большей или меньшей степени от своих программ отступали. Никитенко считал это естественным, учитывая стремление русских журналов быть энциклопедическими, ибо «специальные журналы еще не могут у нас существовать», и конкуренцию между ними. «Цензура заботилась только о том, чтобы журналы не нарушали правил ее», и на отступления от программ не обращала внимания. В результате даже министр оказался в затруднении, ибо он ежегодно подтверждал разрешение издания журналов в существующем виде. Никитенко поспорил с Плетневым и даже, как ему казалось, убедил его, но тот все-таки получил предписание у министра о введении журналов в пределы их первоначальных программ. «На этот раз, однако, весь Комитет восстал». Плетнев был разбит по всем пунктам. «Была прочитана статья устава, по которой права председателя являются очень ограниченными в том, что касается цензурования». Плетнев пробовал «придаться и к „Библиотеке для чтения“: в программе ее объявлено, „что она будет печатать переводные повести, а она печатает *романы*, как например „Вечный жид“». На это Никитенко возразил: «— Какую же существенную разницу полагаете вы, — спросил я, — между повестью и романом? Мы оба с вами профессора словесности, и я, по крайней мере, не могу определить иначе повесть, как „повесть есть роман“, а роман — как „роман есть повесть“» (*Никитенко А. В. Дневник*. Т. 1. С. 290—296). Впрочем, «восстание» Комитета против Плетнева нисколько не поколебало общую тенденцию ужесточения цензуры (см.: Там же. С. 294—296).

² Французское слово «*polémique*» происходит от греческого «*polemikos*» (воинственный, враждебный).

³ Справедливость заявлений Сенковского убедительно проанализирована (см.: Каверин. С. 62—65, 75—92 и след.). О принципиальном отказе от антикритик и отрицательных упоминаний о других журналах как программе («Алкоран») «Библиотеки для чтения» неоднократно говорится в письмах Сенковского к Старчевскому, в 1850-е гг. нарушавшему это журнальное правило Сенковского (см.: ИРЛИ, ф. 583, л. 43, 44). Так, например, «Отечественные записки» до 1849 г. были упомянуты в «Библиотеке для чтения» только один раз — в статье А. В. Никитенко (в нейтральном контексте).

⁴ О А. И. Фрейганге см. примеч. 2 к письму 30.

⁵ Имеется в виду статья «Опыт медицинской полемики, или Отчет прагматического сочинения о Ганеманне и гомеопатии. СПб., 1841» (Б-ка для чтения. 1841. Т. 46, кн. 2. Отд. 5. С. 57—98). Рецензируемое сочинение, по сути, было антикритикой на разгромную статью Сенковского «О Ганеманне и гомеопатии. Прагматическое сочинение. СПб., 1840» (Б-ка для чтения. 1840. Т. 40, кн. 1. Отд. 5. С. 1—48), посвященную другой книге того же автора. Интересно, что, ни разу прямо не ответив своим многочисленным полемистам, Сенковский был задет выпадом против статьи на философско-медицинскую тему: «...непостижимо, почему эта критика не нравится прагматическому сочинению, когда она всем так нравится». Он приводит мнения известных врачей, сообщает даже, что статья переведена и послана в Германию для публикации. Защищая «своим правосудием» известных медиков С. Ф. Гаевского (о нем см. примеч. 2 к письму 14) и И. Т. Спасского от клеветы и оскорблений, Сенковский не дает в обиду и себя — Барона Брамбеуса, написавшего замечательную, «для профана в медицине, статью».

⁶ Речь идет о Матвее Дмитриевиче Ольхине (1806—1853) — книгопродавце, открывшем книжный магазин в Петербурге в сентябре 1842 г. («по славным следам А. Ф. Смирдина»: Б-ка для чтения. 1842. Т. 54, кн. 2. Отд. 6. С. 56); с 1842 до весны 1848 г. «Библиотека для чтения» вверяла «ему все дела своей конторы» (Б-ка для чтения. 1843. Т. 56, кн. 1. Отд. 6. С. 37). Издательская неразборчивость и погоня за быстрой наживой скоро разорили Ольхина. О переходе конторы журнала к В. П. Печаткину см.: Б-ка для чтения. 1848. Т. 88, кн. 1. Отд. 6. С. 17.

⁷ Роман Е. Сю «Вечный жид», публиковавшийся во второй половине 1844 г., в состав журнала не входил и в содержание не включался. Это был своего рода пробный вариант увеличения объема иностранного отдела. См. примеч. 2 к письму 34. По-видимому, логика, к которой прибегает Сенковский в этом письме, какое-то время казалась убедительной для цензуры.

Декабрь 1845 г. С.-Петербург

Что за весть доходит до меня! Вы хотите взять на себя критику? Да я руками и ногами уцепляюсь за Вас. Отче наш! берите! пишите! Я не такой же дурак, чтобы умного человека из рук выпустить. Я просто в восхищении. Поговорите со мною: я снова болен. Мы сладим, и оба будем довольны.² Человека и слогом и умом отыскать — благодать Божья. Я наполовину выздоровел от одного этого известия. Сделайте мне еще радость, повидайтесь со мною, старый друг.

Ваш весь
Сенковский.

Хранится: л. 59—60 (№ 34).

Датируется по времени подготовки к печати т. 74, кн. 1 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 31 дек. 1845 г.), где была опубликована первая статья из цикла критик А. В. Никитенко.

¹ А. В. Никитенко публиковал свои статьи в отд. 5 «Критика» «Библиотеки для чтения» начиная с т. 74, кн. 1, по т. 76, кн. 2, и в т. 78, кн. 1, — соответственно в январе—июне и октябре 1846 г. (6 статей): «Сочинения Державина», «Заметки за границею в 1840 и 1843 гг., Ф. П. Л.», «Петербургский сборник. Изданный Н. Некрасовым», «Столетие России с 1745 по 1845 г., Н. Полевого», «Брынский лес, соч. М. Загоскина», «Московский литературный и ученый сборник».

² Редакторские обязанности трактовались Сенковским весьма широко. Вникая во все вопросы, связанные с изданием журнала, он писал и подготавливал значительное число его материалов, а также правил большую часть статей своих сотрудников. Убеденный, что без его «вникания во все», что касается «Библиотеки для чтения», она «упадет», Сенковский, однако, в 1840-е гг. начинает тяготиться журналом (см.: *Ахматова Е. Н.* О. И. Сенковский (Барон Брамбеус): Воспоминания // Рус. старина. 1889. Т. 62. № 5. С. 282) и активно ищет «дельных» сотрудников (см. письмо В. А. Солоницына к Е. Ф. Коршу от 20 мая 1841 г. — РГБ, ф. 465, к. 2, д. 93, л. 1—7). Отд. 5 («Критика») и 6 («Литературная летопись») Сенковский считал главными в журнале и поэтому особенно остро нуждался в серьезном критике. Степень заинтересованности редактора в сотрудничестве с А. В. Никитенко в это время была столь высока, что для него было сделано единственное за всю историю журнала исключение: все его статьи подписаны, не изменены редактором, более того, зачастую выражают суждения, не согласные с мнением О. И. Сенковского, которое тот излагал параллельно в отд. 6 с подчеркнутым предпочтением мнения «одного из моих ученых друзей, умного и опытного знатока литературного дела»: «...он скажет все, что нужно и обо всем, что заслуживает внимания, и скажет лучше моего» (Б-ка для чтения. 1846. Т. 75, кн. 1. Отд. 6. С. 5). См. также примеч. 1 к письму 33.

Январь—февраль 1846 г. С.-Петербург

Благодетельный Александр Васильевич,

Все готово — а конца «Критики» нет! Погубили! Я приказал, чтобы книжка непременно вышла первого числа — потому что это так и должно быть; а они мне отвечают: все готово — только конца критики нет! Ради Христа, давайте: если не готово у Вас, то я прикажу выставить: *статья первая* — и печатать, что есть, а Вы кончите в месяце будущем.¹ Но книжка должна выйти завтра.

Ваш преданный
Сенковский.

На обороте: Весьма нужное.

Хранится: л. 23—24 (№ 14).

¹ В тексте письма описка: до мне

Датируется по времени подготовки к печати т. 74, кн. 2 «Библиотеки для чтения» (ценз. разр. — 30 янв. 1846 г.) и т. 75, кн. 1 (ценз. разр. — 28 февр. 1846 г.). Критические статьи А. В. Никитенко с продолжением были помещены: «Заметки за границей в 1840 и 1843 гг., Ф. П. Л.» — т. 74, кн. 2; продолжение — т. 75, кн. 1; «Петербургский сборник. Изданный Н. Некрасовым» — т. 75, кн. 1; продолжение — т. 75, кн. 2.

¹ Сенковский был недоволен необязательностью А. В. Никитенко как сотрудника журнала: «...сколько раз обещал доставлять мне статьи, но обещаниями дело и кончилось» (в пересказе А. В. Старчевского: Наблюдатель. 1884. № 7. С. 254). Аналогично характеризует Никитенко сотрудник «Библиотеки для чтения» в 1841—1843 гг. В. А. Солоницын: «Никитенко (...) человек, как мне теперь стало известно, пустой и ленивый: много говорит, может быть, отчасти и смыслит дело, но ровно ничего не делает и даже заставляет крепко сомневаться, что его теоретические познания, если он их имеет, могут приносить какие-нибудь практические плоды» (см.: его письмо к Е. Ф. Коршу от 20 мая 1841 г. — РГБ, ф. 465, к. 2, д. 93, л. 1—7).

34

15—19 января 1848 г. С.-Петербург

Я прибежал к Вам — в университет — сюда — повсюду — и очень сожалею, что Вас не застал, — во-первых, для того чтобы поблагодарить Вас за дружеское Ваше расположение; во-вторых, чтоб потолковать с Вами порядком об этом деле. Что же это? видно, для меня есть особенные законы, которые для других недействительны. У других идет постоянно по два романа и даются прибавления; мне же тотчас грозят опалой, как скоро я посмею делать то, что делают другие. Соизвольте же принять в соображение и растолковать в нужном случае кому следует, что там, где 1-е, 3-е, 4-е, 5-е, 6-е и половина 7-го отделений¹ совершенно ори(ги)нальны, кажется, можно дать *две статьи* переводные во 2-м и 7-м отделениях.² Не забудьте, что в нынешнем году я дал огромный русский роман, и роман прекрасный, Вельтмана,³ обширное оригинальное «Путешествие Загоскина»⁴ и другие большие сочинения оригинальные — другие журналы не дали сочинений оригинальных в таком объеме. Еще я должен представить Вам: в книжке 35 листов; в них 20 оригиналы и только от 14 до 15 переводы, и переводы двух статей собственно. Вторая из этих статей отнюдь не целый роман, а только 6 листов печати, один томик, и более не выходило еще. Повести бывали листов по 15, а шесть листов идет уже в *целый* роман. Сообразите, прошу, все это дружеским сердцем и защитите от притеснений; право, не стерпишься, тем более что они будут иметь вид одной только личности, если осуществятся. Я постараюсь увидиться с Вами завтра в университете.

Целую Вас за все.

Хранится: л. 67 (№ 38).

Датируется на основании следующих соображений. Одновременная публикация в «Библиотеке для чтения» двух романов А. Дюма в отд. 2 и 7 шла начиная с т. 85, кн. 1. Этими романами были «Записки врача» (Mémoires d'un médecin. Paris, 1846—1848. Vol. 1—19) и «Виконт де Бражелон» (Le vicomte de Bragelonne. Paris, 1848—1850. Vol. 1—26). После того как в т. 86, кн. 1 (ценз. разр. — 5 янв. 1848 г.), была напечатана ч. 11 «Записок врача», продолжение публикации этого романа было запрещено по личному указанию Николая I. 14 января 1848 г. Цензурный комитет получил предписание от С. С. Уварова о прекращении дальнейшего печатания романа. 15 января об этом распоряжении были извещены цензоры. Судя по содержанию письма Сенковский ничего определенного еще не знает и предполагает, что цензурные претензии к журналу вызваны одновременной публикацией в нем двух романов А. Дюма. 20 января 1848 г., когда Сенковский пишет письмо председателю Цензурного комитета М. Н. Мусину-Пушкину, редактор уже знает, какой роман запрещен, и безуспешно пытается добиться разрешения закончить публикацию хотя бы в сокращенном виде (см.: РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 2050, л. 1—4, 6, 9—11).

¹ Имеются в виду «Русская словесность» (отд. 1); «Иностранная словесность» (отд. 2); «Науки и искусства» (отд. 3); «Промышленность и сельское хозяйство» (отд. 4); «Критика» (отд. 5); «Литературная летопись» (отд. 6); «Смесь» (отд. 7).

² С 1845 г. «Библиотека для чтения» последовательно увеличивала объем своего иностранного отдела. Ранее переводы художественных произведений печатались в отд. 2, а в отд. 7 изредка публиковались небольшие отрывки из иностранных книг, имевшие форму анекдота, случая из жизни, описания нравов, исторической сценки и т. п. со стертой литературной первоосновой. В отд. 7 также была постоянная рубрика «Словесность во Франции (Англии, Германии)» (позже: «Литературные новости во Франции (Англии, Германии)»), в которой сами произведения никогда не печатались, а давался лишь критический обзор общего направления или отдельных произведений европейской современной литературы, пересказывалось краткое содержание новых романов и литературные сплетни. С 1845—1846 гг. в отд. 7 появляются собственно литературные переводы (Диккенс, Сулье, Мериме и др.). Появляется рубрика «Современные романисты» с биографическими статьями французских критиков о О. Бальзаке, А. Дюма, Ж. Санд, Ч. Диккенсе и др. Но Сенковский не мог бесконечно расширять отд. 7 (традиционно небольшое). И в 1846 г. в журнале появляются «Приложения», заключающие в себе переводные иностранные романы, внесенные, однако, в содержание журнала и переплетаемые с ним в один том. С т. 74 по т. 82 (1846—1847) в «Библиотеке для чтения» были напечатаны подобным образом романы Ф. Сулье, Ш. Ребо, А. Дюма, Э. Сю, Т. Готье и Ж. Санд. В связи с распоряжением министра народного просвещения от 5 июня 1847 г. по С.-Петербургскому цензурному комитету (см.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. СПб., 1862. С. 241) об ограничении публикации переводных романов или повестей в полном виде в петербургских журналах и новом порядке цензурования переводов, особенно современных французских писателей, с т. 83 (ценз. разр. — 4 июля 1847 г.) «Приложения» исчезли (летом 1847 г. был запрещен к публикации в «Библиотеке для чтения» роман Э. Сю «Гордость» с уже оплаченным переводом и готовой корректурой (см. письмо О. И. Сенковского к А. В. Старчевскому — ИРЛИ, ф. 583, д. 43, л. 52)), но в отд. 7 иностранные повести продолжали печататься. О распоряжении министра и порядке выполнения его см.: *Никитенко А. В. Дневник*. Т. 1. С. 307.

³ Имеется в виду роман А. Ф. Вельтмана «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (Б-ка для чтения. 1846. Т. 76, кн. 2; Т. 77, кн. 1, 2; Т. 78, кн. 1, 2; Т. 79, кн. 1, 2; 1847. Т. 82, кн. 1, 2; Т. 83, кн. 1; Т. 85, кн. 2; 1848. Т. 86, кн. 2; печатался в отд. 1).

⁴ Речь идет о публикации «Путешествие и открытия лейтенанта Л. Загоскина в Русской Америке» (Б-ка для чтения. 1847. Т. 83, кн. 1, 2; Т. 84, кн. 1, 2; Т. 85, кн. 1, 2; печаталась в отд. 3).

35

Апрель 1848 г. С.-Петербург

Великодушнейший Александр Васильевич!

Прочитайте это ангельское письмо, которое получил я прямо с неба, вчера, с полным благоуханием святости, и да тронется сердце Ваше херувимским гласом молодой и благолепной монахини-пиитиссы (?)¹ — возвратите ей тетрадь стихотворений, которая у Вас находится! Вы не можете представить себе, как меня беспокоят и мучат этим духовным делом. Один архимандрит и два монаха ездят ко мне непрерывно навещиваться, и, право, мне кажется, что они поставили у моих дверей черта с экзекуцией, потому что у меня все эти дни нервы ужасно расстроены и какое-то непонятное беспокойство, тревожные сны, дикие видения терзают меня всякую ночь. Видите, каких бедствий Вы причиною! Вы как раз рассорите меня с небом и святыми его. Подмахните — и нечистая сила исчезнет. Умоляю! Кланяюсь!

И, в дополнение, целую ручки Вашей супруги,² которая обещала мне принять надлежащие меры к исполнению сего дела.

Сенковский.

Хранится: л. 63—64 (№ 36).

Датируется по дате цензурного разрешения сборника стихотворений Е. Н. Шаховой «Мирянка и отшельница» (3 мая 1848 г.).

¹ Вероятно, речь идет о цензуровании сборника «Мирянка и отшельница. Стихотворения Елисаветы Шаховой в двух частях» (СПб., 1849). В «Библиотеке для чтения» в 1837—1838 гг. были опубликованы пять стихотворений Елизаветы Никитичны Шаховой (1821 — после 1877); первое, «Видение девушки», — с рекомендацией обратить внимание на новый поэтический талант, четырнадцатилетнюю поэтессу (Б-ка для чтения. 1837. Т. 21,

кн. 2. Отд. 6. С. 64). Е. Н. Шахова выпустила четыре стихотворных сборника, в 1845 г. ушла в Спасо-Бородинский монастырь, постриглась в 1863 г. (см. краткий биографический очерк, написанный ее внуком Н. Н. Шаховым: Собрание сочинений в стихах Елисаветы Шаховой. СПб., 1911. С. XIV). А. В. Никитенко цензуровал только сборник «Мирянка и отшельница». К Сенковскому Е. Н. Шахова, вероятно, обратилась как к посреднику.

² Речь идет о К. К. Никитенко (урожд. Любошинской) (ум. 1893).

36

Май 1848 г. С.-Петербург

Добрый друг, благодарю за монахиню,¹ но мне пишет Дерикер,² что от Вас еще не возвращены многие формы «Б<иблиотеки> для ч<тения>». В чем дело? Просветите, ради Бога! — и милость учините, поспешите возвратить формы, чтобы книжка *вылезла*.³

Вам преданный
Сенковский.

Хранится: л. 29—30 (№ 17).

Датируется по связи с предыдущим письмом.

¹ См. примеч. 1 к письму 35.

² См. примеч. 1 к письму 29.

³ Речь идет о т. 88, кн. 2 «Библиотеки для чтения».

А. И. САПОЖНИКОВ

ПИСЬМА П. П. СВИНЬИНА
К А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ
(1830—1837)

Павел Петрович Свиньин (1787—1835) принадлежал к старинному дворянскому роду, ведущему свое начало от выходца из Литвы Григория Андреевича, которому были пожалованы поместья в 1434 г. Его отец, генерал-поручик Петр Сергеевич Свиньин (1734—1813), был сенатором. Старший брат, Петр Петрович Свиньин (1784—1841), также стал сенатором и имел чин тайного советника. Причиной появления в литературе утверждений о незначности этой фамилии являлась, скорее всего, ее неблагозвучность.

В историю русской культуры имя Свиньина вписано давно, но оценка его деятельности не вполне однозначна. Свои первые басни и стихи Свиньин начал публиковать в 1803 г. в журнале «Утренняя звезда», будучи учеником Благородного пансиона при Московском университете. В 1805 г. он поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел, став, таким образом, одним из «архивных юношей». В следующем году его отправили к вице-адмиралу Д. Н. Сенявину, находившемуся с эскадрой в Средиземном море, в качестве секретаря для иностранной переписки. В 1811—1813 гг. Свиньин служил секретарем русского генерального консула в Филадельфии. В Америке вышла его первая книга — «Sketches of Moscow and St. Petersburg» (Philadelphia, 1813), переизданная в 1814 г. в Лондоне под названием «Sketches of Russia». Летом 1813 г. он служил при Главной квартире русской армии, находившейся на территории Германии, его неоднократно посылали с депешами в Лондон. В конце 1814 г. он вернулся в Россию.

В Петербурге Свиньин издает книги об Америке («Взгляд на республику Соединенных Американских областей», 1814; «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», 1815) и Англии («Ежедневные записки в Лондоне», 1817), а также о морском походе Сенявина («Воспоминания на флоте», 1816—1818). Это был своеобразный отчет о заграничных путешествиях. Литературную ориентацию Свиньина в известной мере определило то обстоятельство, что он примкнул к лагерю А. С. Шишкова и «Беседы любителей русского слова». С 1818 г. Свиньин издает журнал «Отечественные записки», эпиграфом к которому стали следующие стихи: «Любить Отечество велит природа, Бог. А знать его — вот честь, достоинство и долг!». Это был первый русский историко-археологический журнал,¹ тираж которого в годы наибольшей популярности достигал огромной по тем временам цифры в 1400 экземпляров.²

Книга Свиньина «Взгляд на республику Соединенных Американских областей» привлекла внимание председателя Комитета министров князя Н. И. Салтыкова, который в тот период, пока император Александр I находился на Венском конгрессе, являлся первым лицом в государстве. По инициативе Салтыкова Свиньина командировали летом 1815 г. в Бессарабию для обозрения и описания этой недавно приобретенной территории, изучения местного законодательства и нужд населения. Кроме того, он получил предписание собирать жалобы, рассматривать их на месте и представлять в Комитет министров вместе со своим заключением. Трудно сказать, каким образом стала возможной столь необычная командировка, почти ревизия, и чем было вызвано покровительство Салтыкова. Возможно, сыграла роль протекция старшего брата Свиньина, близкого к правительственным кругам.³

¹ Подробнее см.: *Данилов В. В.* Дедушка русских исторических журналов // Исторический вестник. 1915. № 7. С. 109—129; *Формозов А. А.* Первый русский историко-археологический журнал // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 208—212.

² В 1970 г. в Нидерландах в серии «Slavistic printings and reprintings» вышло факсимильное издание «Отечественных записок» П. П. Свиньина, что свидетельствует об интересе, проявляемом к этому журналу до сих пор.

³ См.: Письмо П. П. Свиньина к П. П. Свиньину от 25 февраля 1816 г. из Кишинева // РНБ, ф. 679, д. 30, л. 1.

В Бессарабии Свињин, имевший всего лишь чин коллежского асессора (равноценный чину капитана в армии), возглавил борьбу молдавского дворянства с управляющим этой областью, генерал-майором И. М. Гартингом. Секретные донесения Свињина Комитету министров сыграли немаловажную роль в удалении Гартинга с занимаемого им поста. В архиве Свињина сохранились любопытные документы, которые он не решился представить правительству, — благодарственные письма молдавского дворянства на имя его и князя Салтыкова. В одном из них говорилось: «Мы, избранные от лица бессарабского народа, почитаем долгом принести Вашей светлости нашу нижайшую благодарность за избрание г-на Свињина, столь почтенного и достойного чиновника, к узанию наших прав, обычаев и обязанностей. Благоразумные меры, принятые им к выполнению сего поручения, его непоколебимые правила чести и справедливости удостоверяют нас, что он представит Вашей светлости сведения нелицемерные и достоверные о нашем отечестве, — сведения, основанные на наблюдениях беспристрастного, умного и опытного человека».⁴ Кишиневский литератор К. Стамати поставил в саду своего дома памятник в его честь — колонну с бюстом Анакреона и надписью «В память П. П. Свињину».⁵ Финал командировки был неудачным: Гартинг приложил все усилия, чтобы его очернить, покровитель Салтыков летом 1816 г. умер, и отчет Свињина в Комитете министров прошел без успеха.⁶ Впоследствии разговоры о пребывании в Бессарабии были для Павла Петровича «ножом острым», особенно когда речь заходила о дарах, полученных им от местных жителей.

В 1824 г. Свињин вышел в отставку по болезни с чином статского советника, и с этого времени литература и издательская деятельность становятся его основным занятием. Им были опубликованы такие издания, как «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей» (1816—1828) и «Указатель главнейших достопримечательностей, сохраняющихся в Мастерской Оружейной палаты» (1826), не утратившие своего значения и поныне.

В начале 1830-х гг. дела Свињина обстояли не лучшим образом: «Отечественные записки» прекратили свое существование, и он уезжает в костромское имение. В сельской глуши Свињин написал два исторических романа: «Шемякин суд, или Последнее междоусобие удельных князей русских» (1832) и «Ермак, или Покорение Сибири» (1834), не имевших успеха у современников. Кроме того, Свињин работал над «Историей Петра Великого» и «Живописным путешествием». Он надеялся, что эти сочинения принесут ему прижизненную славу, но надежды его не сбылись. Остался незавершенным немало занимавший его проект издания исторического сборника «Галицкий отшельник».

Свињин принадлежал, как принято сейчас говорить, к «литераторам второго плана». Не будучи выдающимся писателем, он тем не менее внес заметный вклад в развитие литературного процесса. Интерес к историческим романам «Шемякин суд» и «Ермак» отмечается в наши дни: в 1994 г. они были переизданы тиражом в 20 000 экземпляров.

Немаловажный вклад внес Свињин и в сохранение памятников русской культуры, — ему принадлежал «Русский Музеум» — собрание универсального характера, включавшее в себя живопись, скульптуру, нумизматическую и минералогическую коллекции, старинные изделия, библиотеку и собрание рукописей. Историки признают Свињина «собирателем первого национального музея».⁷ Известно, что в 1829 г. он пытался продать свой «Русский Музеум» богатому откупщику А. И. Яковлеву. В 1833 г. Павел Петрович предложил правительству создать на основе его собрания «Русский отечественный музей», но этот проект остался на бумаге. Спустя год, в марте 1834 г., из-за финансовых затруднений он распродал свои коллекции с аукциона, на котором все рукописи и мозаичный портрет Петра I работы М. В. Ломоносова приобрела Российская академия.⁸

Пушкин и Свињин были достаточно хорошо знакомы. В конце 1820-х гг. на квартире Павла Петровича часто проходили литературные вечера, которые посещали И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч и др. На одном из таких вечеров, в июне 1827 г., Пушкин читал две новые главы «Евгения Онегина». К тому времени Свињин уже поместил хвалебную рецензию о «Евгении Онегине» в «Отечественных записках». Начиная с 1828 г. отношения между ними стали более прохладными, но тем не менее сохранялись. Известно, что в 1833 г. поэт брал у Свињина для чтения «Записки» А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II, и мемуары герцога Лирийского (1670—1734), испанского посла в России в 1727—1730 гг.

Пушкин, как и многие современники, был невысокого мнения о литературном даровании Свињина, которого неоднократно высмеивали за его страсть к вымыслу и «умение», опираясь исключительно на фантазию, описывать места, в которых он никогда не бывал. Наиболее известные примеры — басня А. Е. Измайлова «Лгун» и сказка А. С. Пушкина «Маленький лжец». Последняя начинается словами: «Павлуша был опрятный, доб-

⁴ Письмо князю Н. И. Салтыкову от молдавских жителей от 26 апреля 1816 г. // РНБ, ф. 679, д. 18, л. 1.

⁵ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. I. С. 341.

⁶ См.: Отрывок из жизни Павла Свињина // РНБ, ф. 679, д. 19, л. 1—2.

⁷ *Афиани В. Ю.* Судьба рукописей «Русского Музеума» П. П. Свињина // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1982 г. Л., 1984. С. 116—122.

⁸ См.: Там же. С. 117.

рый, прилежный мальчик, но имел большой недостаток. Он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать». Однако многие выпады против Свинына могут быть объяснены литературной полемикой тех лет, его славянофильскими пристрастиями.

Неоднократно высказывалось суждение, что поездка Свинына в Бессарабию стала основой сюжета «Ревизора», подаренного Пушкиным Гоголю. Его трудно оспорить, однако ситуация, в которой протекали реальные события, была совершенно иной. О приезде именно Свинына в Бессарабию, в отличие от инкогнито Хлестакова, были извещены все присутственные места и должностные лица, получившие приказ оказывать ему всяческое содействие.⁹ Бессарабия, недавняя турецкая территория, присоединенная к России только в 1812 г., и ее столица Кишинев имели мало общего с русской губернией и провинциальным городом, описанными у Гоголя. Образ жизни и обычаи отличались разительно, а Свинын, которого встречали как освободителя, более походил на героя восточных сказок.

В 1830-е гг. Пушкин и Свинын одновременно работали над «Историей Петра Великого». Свинын заинтересовался личностью Петра и историей его царствования в 1825 г., когда «Отечественные записки» были на подъеме и там публиковалось много материалов на эту тему. Сбор материалов по теме шел исподволь, но не целенаправленно. В 1830 г. он засел за работу в деревенской тиши, вдали от библиотек и архивов, что неминуемо отразилось на источниковедческой базе исследования.

Труд должен был выйти в свет в шести томах, о судьбе его мы знаем немного. В письме к неизвестному, относящемся к 1833 г., Свинын сообщал, что представил сочинение в Российскую академию.¹⁰ В 1837 г. Российская академия рассматривала его просьбу об издании книги и рассылке объявления о подписке от имени Академии (см. письмо 12).¹¹ В настоящее время известно местонахождение только первой части рукописи.¹²

В конце 1831 г., работая над т. 3, Свинын с раздражением узнает, что Пушкин также начал писать «Историю Петра», причем поэту открыты все государственные архивы (см. письмо 8). Раздражение это понятно: возможности авторов, а что самое главное — их способности, были несопоставимы, и Свинын прекрасно это осознавал. По этому поводу очень верно заметил О. М. Сомов в письме к М. А. Максимовичу от 20 августа 1830 г.: «Скажу вам приятную новость: Пушкин сделан историографом Петра Великого, причислен к Иностранной коллегии, и велено открыть ему все возможные архивы. Он живет покуда в Царском Селе, в котором покуда не было холеры. Спасибо царю за Пушкина; а желал бы я видеть рожу Свинына, когда он услышит эту новость. Он уже двенадцать лет корпит над какою-то историею Петра Великого; думаю, наглал в ней донельзя».¹³

4 декабря 1831 г. в «Северной пчеле» было опубликовано письмо Свинына с сообщением о ходе работы над «Историей царствования Петра Великого» (см. письмо 9). По сути это был авторский манифест, занявший половину газетного номера, где Свинын, в частности, писал: «Пленясь славою, счастьем быть историком сего благодетеля России, сего идеала человеческого величия, я ничего не пощадил для получения сего права и ласкаю себя надеждою, что история, мною составляемая, если не будет совершенно достойна Великого Петра, то по крайней мере удовлетворительнее всех изданных о нем доселе повествований. Ласкаю себя надеждою, что в ней найдутся и многие важные события, ускользнувшие от прочих историков, равно как и раскрытие истинных причин всего темного, недосказанного в них. Наконец, вопреки иностранным писателям и слепым последователям их, я докажу — не словами, не догадками, а фактами, что Петр I, отправляясь в чужие края за *просвещением*, — был *просвещеннейший* монарх времени; что в сардамских домах работал он топором не для образования себя, а для других важнейших причин».¹⁴

Затем Свинын едет в Москву, где 24 января 1832 г. читает отрывок из своего сочинения на заседании Общества истории и древностей российских при Московском университете (см. письмо 10). Он стремился сделать свою работу достойным гласности и утвердить за собою приоритет в освещении темы. В его действиях можно увидеть своеобразный вызов Пушкину, который делал только первые шаги в прозе, и — тем более — в исторических трудах.

Отмечу, что не один Свинын скептически оценивал шансы Пушкина на новом для него поприще. Вот что писал об этом Н. М. Языков к М. П. Погодину 3 октября 1833 г.: «У нас был Пушкин — с Яика — собирал-де сказания о Пугачеве — много-де собрал — по его словам разумеется. Заметно, что он вторгается в область Истории (для стихов еще бы туда и сюда) — собирается собирать плоды с поля, на ком он ни зерна не посеял — писать Историю Петра, Екатерины I и далее вплоть до Павла Первого (между нами)».¹⁵

⁹ См.: Письмо И. М. Гартинга к П. П. Свиныну от 10 октября 1815 г. // РНБ, ф. 679, д. 41, л. 1—2.

¹⁰ См.: РНБ, ф. 679, д. 35, л. 1.

¹¹ См.: *Афиани В. Ю.* Судьба рукописей «Русского Музеума» П. П. Свинына. С. 119.

¹² *Свинын П. П.* История царствования Петра Великого // РНБ, ф. 679, д. 24.

¹³ *Пушкин.* Письма / Под ред. Л. Б. Модзалевского. Л., 1935. Т. 3. С. 362.

¹⁴ Письмо П. П. Свинына к его превосходительству А. И. Михайловскому-Данилевскому об истории Петра Великого, им составляемой // Сев. пчела. 1831. № 276. 4 дек. С. 3—4.

¹⁵ Цит. по: Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 715.

Осторожно высказался по этому поводу и директор Лицея Е. А. Энгельгардт: «Пушкин, говорят, занимается историею Петра Великого. Сомневаюсь, это не по нем».¹⁶

Поэт узнал о московском демарше Свиньина от А. И. Тургенева, писавшего князю Вяземскому 25 января 1832 г.: «Кланяйся Пушкину: он обещал написать мне с okazji: напомни ему. Скажи, что я слушал в Историческом обществе вступление в историю Петра I Свиньина и архивские замечания на оное Малиновского и прагматические Антона Антоновского. Жалею, что и я сделал одно: о мужественном виде младенца Петра. — Исправлять не должно Геня-писателя». М. И. Гиллельсон полагал, что в этом письме речь идет о первых страницах «Истории Петра», прочитанных или пересказанных Пушкиным при его встрече с Тургеневым в декабре 1831 г.¹⁷ В действительности Тургенев сообщал о выступлении соперника Пушкина на заседании Общества истории и древностей российских и фразы: «Исправлять не должно Геня-писателя» — относится к Свиньину.

Пушкин и Свиньин были не единственными соперниками в разработке петровской темы. В январе 1836 г. с просьбой допустить его в государственные архивы для сбора материалов по истории Петра Великого к Николаю I обратился историк Н. А. Полевой, но получил отказ, поскольку император нашел «неудобным, чтобы два лица, посвятившие труды свои одному и тому же предмету, почерпали необходимые сведения из одного и того же источника».¹⁸ Определяющую роль при этом сыграла либеральная репутация Полевого. Сложившуюся ситуацию обрисовал И. М. Снегирев в одном из своих писем: «Н. Полевому государь, столь благодетельный, позволил писать под августейшим покровительством его Историю Петра I. Итак, теперь три историографа Петра I: Пушкин, П. Свиньин (своекоштный) и Полевой. Всякий из них представит особенное, рассматривая сего героя с разных сторон».¹⁹ В 1843 г. вышла четырехтомная «История Петра Великого» Полевого, основанная исключительно на печатных источниках и не оставившая значительного следа в историографии.

После смерти Пушкина император предлагал пост историографа Петра князю Вяземскому, рассказавшему об этом в своих записках: «Однажды, по кончине Пушкина, император Николай в благоволительном разговоре со мною спросил меня, не возьмусь ли я продолжать труд Пушкина относительно истории Петра Великого? С благодарностью, но и с сознанием способностей и недостатков своих отклонил я милостивое и лестное предложение».²⁰

В 1842 г. написание истории Петра I было поручено профессору С.-Петербургского университета Н. Г. Устрялову, который к тому времени уже был историографом царствования самого Николая I. В 1858—1863 гг. вышли в свет пять томов его незавершенного исследования, воспринятого современниками довольно прохладно. Несмотря на все усилия, в николаевскую эпоху так и не появилось фундаментальной истории Петра Великого.

Вниманию читателей предлагаются письма П. П. Свиньина к другому литератору пушкинской эпохи, члену Российской академии А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790—1848) известен прежде всего как автор фундаментальных военно-исторических трудов, посвященных войнам России первой четверти XIX в. Кроме того, современники знали его как плодовитого и, что самое главное, осведомленного мемуариста, находившегося в свите императора Александра I на Венском и Ахенском конгрессах.

В 1813 г., будучи штабным офицером, Михайловский-Данилевский в Главной квартире русской армии познакомился с дипломатическим чиновником Свиньиним. Оба были молоды и занимались литературой; начиная с 1815 г. их статьи регулярно появляются в «Сыне отечества». В 1820-е гг., когда Свиньин издавал «Отечественные записки», Михайловский-Данилевский опубликовал восемь статей в его журнале.

В 1831 г. Михайловский-Данилевский выпустил в свет две книги своих мемуаров: «Воспоминания: Из записок 1815 года» и «Записки 1814 года», впоследствии выдержавшие четыре переиздания и переведенные на немецкий язык. В 1834 г. увидели свет его «Записки о походе 1813 года», которые, несмотря на название, представляли собою историческое исследование. Эти книги обратили на себя внимание императора, и 28 августа 1834 г. военный министр граф А. И. Чернышев сообщил генерал-майору А. И. Михайловскому-Данилевскому высочайшее повеление составить описание похода 1814 г. Фактически это было назначение официальным военным историографом, которому вскоре были созданы все условия для работы: спустя год Михайловского-Данилевского произвели в генерал-лейтенанты и назначили в Сенат, заседаний в котором он практически не посещал. В дальнейшем чины, ордена и различные пожалования сыпались на него как из рога изобилия, даже Н. М. Карамзин не удостоился таких почестей после выхода в свет «Истории государства Российского».

¹⁶ Пушкин. Письма. Т. 3. С. 363.

¹⁷ См.: Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977. С. 33.

¹⁸ Рус. старина. 1897. № 11. С. 385.

¹⁹ Цит. по: Пушкин. Письма. Т. 3. С. 566.

²⁰ Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 206.

Письма Свиньина к Михайловскому-Данилевскому уже привлекали внимание пушкинистов. Фрагменты двух из них (от 30 мая и 12 июня 1827 г.), где речь идет о Пушкине, опубликованы в т. 58 «Литературного наследства» (1952). В этой публикации использовались письма, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук, но, как оказалось, они имеются и в других архивохранилищах. Судьба личного архива Михайловского-Данилевского была сложной и запутанной, в настоящее время он разделен между тремя архивохранилищами С.-Петербурга: ИРЛИ, РНБ и ПФА РАН.²¹ В каждом из них имеются письма Свиньина. Публикуемые ниже письма хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: большинство — в архиве А. И. Михайловского-Данилевского (ф. 488, д. 32), одно — в архиве Н. К. Шильдера (ф. 859, кн. 32, д. 29, л. 37—38 об.).

²¹ В С.-Петербургском филиале Архива Российской академии наук хранятся три письма Свиньина к Михайловскому-Данилевскому, относящиеся к 1836 г. В них содержится проект издания «Журнала для военных».

1

Начало 1830 г. С.-Петербург (?)

Сделайте одолжение, батюшка Александр Иванович, потрудитесь прочесть сию статейку и золотым перышком Вашим сдобрить мое маранье о Полтавской битве.¹ Шутки в сторону, сделайте одолжение, не допустите меня напечатать врази о сем знаменитом деле, творите (?), выправьте, сдобрите каким-нибудь стратегическим замечанием à la Napoléon, не жалеите наборщиков, марайте, а пожалейте меня... Скажу Вам признательно, что за скоростию я взял эту статью прямо из моего журнала, не успев выправить и сличить с описаниями сего славного дела. К описанию Пскова, который приготовлен был на место сей статьи, испортилась картинка.²

Повергая мою покорнейшую просьбу, с истинным почтением и совершенной преданностию имею честь быть

Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Пав. Свиньин.

Р. С. Вистицкий в своей «Тактике» говорит: «Петр под Полтавой вознаграждал необразованность своих войск противу искуснейших в те времена воинов и истребил противные силы, поместя в своем боевом порядке в приличных местах редуты, которые шведы брав расстроились. Тогда Петр напал на них, не дав им времени устроиться, победил и истребил всю шведскую армию...».³ Надо бы это сказать здесь?

Хранится: л. 46—47.

Датируется по времени публикации упоминаемой статьи Свиньина о Полтаве в «Отечественных записках».

¹ Речь идет о статье Свиньина «Полтава, из Живописного путешествия по России...» (Отеч. зап. 1830. Ч. 42. № 120. С. 1—43; ценз. разр. — 4 апр. 1830 г.).

² Имеется в виду статья Свиньина «Воспоминания и наблюдения во Пскове издателя „Отечественных записок“ в 1827 году, с видом города» (Отеч. зап. 1830. Ч. 43. № 123. С. 1—30). Иллюстрация к статье действительно испорчена, в экземпляре РНБ название гравюры — «Вид города Пскова» — вписано рукой на подклеенном листе бумаги.

³ П. П. Свиньин неточно процитировал следующую статью: Краткое изложение тактики генерал-майора Вистицкого // Отеч. зап. 1826. Ч. 27. № 76. С. 208.

14 июля 1830 г. Богородское

Село Богородское.¹ 1830.
14-го июля.

Почтеннейший друг Александр Иванович!

Полагая, что Вы уже возвратились из Вашего герцогства,² принимаюсь за перо, чтоб из тихого, уединенного отшелья напомнить Вам о себе, напомнить о том, который всею душою Вам предан, знает отдавать цену Вашим достоинствам; наконец, который надеется, что обязательнейший Александр Иванович и в вихре света, и в очарованиях двора пожертвует несколькими часами для благодетельствования старому, верного ему приятеля, для сдержания давнишнего своего обещания... Из остатков «Отечественных записок»,³ или, лучше сказать, от крох, осталось у меня статей 20 или 30 весьма любопытных, *самых любопытных*, разумеется, что в том числе я полагаю в первом месте две прекрасные статьи, вылившиеся из-под прекрасного пера Вашего: «Ахенский конгресс» и «Путешествие Александра в Крым»,⁴ кои я берег для теперешнего случая, как порох в глазе,⁵ кои должны украсить, оживить, одушевить моего «Галицкого отшельника».* А как дикарь сей намерен показаться в свет в декабре месяце,⁶ то я и поспешаю покорнейше просить Вас, батюшка Александр Иванович, доставить мне как можно поскорее эти статейки. Признаюсь, каюсь, что (в первый раз) корысть управляет нынешним моим предприятием: хочется, батюшка, выручить тысячи две для пропитания на будущий год, ибо так издержался, что доходишки пойдут на уплату процентов. К счастью, еще никому не плачу оброка здесь, как, бывало, почтенному Александру Ивановичу, который вместе с сердцем закабалил было и мой кошелек!⁷

Что Вам сказать о моем житье-бытье? Лишь никому не сказывайте: я начинаю существовать, начинаю быть человеком и не только не сожалею о веселостях столиц, но, признаюсь, и не вспоминаю о них:

Там люди в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни бальзамом лугов;
Людей боятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей;
Главы пред идолами клонят
И просят — денег да цепей...⁸

К сожалению, я еще не совсем устроился в моем Богородском; но надеюсь, что красоты местоположений, приятности сада и дома вместе с спокойствием и тишиною пособят мне лучше всего кончить мои литературные труды: «Историю Петра Первого»⁹ и «Живописное путешествие»,¹⁰ кои должны увенчать мою старость лаврами или тернием...

Милостивой государыне Анне Павловне¹¹ покорнейше прошу засвидетельствовать мое глубочайшее почтение, а милых малюток Ваших¹² расцеловать за меня. Был, есть и буду навсегда

Вашего превосходительства преданнейший и покорнейший слуга

Пав. Свиньин.

Хранится: л. 139—140 об. На письме помета: «Отв(ечено) 12 августа».

¹ Село Богородское — имение Свиньина в Костромской губернии, неподалеку от Галича.

² Вероятно, Свиньин намекает на имение Михайловского-Данилевского, подаренное ему женою, — село Юрьево Сергачского уезда Нижегородской губернии.

* Так назовется исторический альманах мой.

³ Ч. 44 «Отечественных записок» (последняя) получила цензурное разрешение 8 октября 1830 г., т. е. уже после написания этого письма.

⁴ Эти статьи были обещаны Свиныну Михайловским-Данилевским еще в 1823 г. В письме от 3 января 1828 г. Свинын просил украсить журнал воспоминаниями, «...в особенности же статейками о путешествиях покойного императора по Крыму и в конгрессы» (ИРЛИ, ф. 527, л. 130, л. 173). В письме от 26 апреля 1828 г. он вновь затронул эту тему: «Итак, я начинаю еще питать надежду, что следующим добрым деянием Вашим будет исполнение давнишних Ваших обещаний, от коих я никак не могу освободить Вас — по степени моего к Вам уважения! Итак, я наконец получу, за мое долгое терпение, длинную выписку из драгоценных записок Ваших, которые украсят, поддержат „Отечественные записки“. Пять лет, как я имею от Вас *письменное* свидетельство, что „Путешествие в Крым“, „Ахенский конгресс“ и прочее переплетаются. Впрочем, если у Вас нет писца, то я пришлю к Вам на почтовых самого искусного?» (ИРЛИ, ф. 527, л. 249—250 об.). С подобными просьбами к Михайловскому-Данилевскому обращался не один Свинын. В 1824 г. издатель журнала «Новости литературы» А. Ф. Воейков просил его прислать «отрывки из любопытных записок Ваших» (Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1824 год // Рус. старина. 1900. № 10. С. 215—216). Статью об Ахенском конгрессе см.: Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1818. Путешествие с Александром I на Ахенский конгресс // Рус. старина. 1897. № 11. С. 331—353; № 12. С. 539—567; 1898. № 1. С. 159—184. О статье, посвященной путешествию Александра I, см. примеч. 3 к письму 11.

⁵ Ср. с поговоркой: сыночек один, как порох в глазу (т. е. мил, дорог).

⁶ Этот сборник так и не был издан.

⁷ Речь, по-видимому, идет об успехах Михайловского-Данилевского в карточной игре.

⁸ Неточная цитата из поэмы «Цыганы». У Пушкина:

Там люди в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

⁹ Работу над «Историей Петра Великого» Свинын закончил в 1833 г. (см. вступительную заметку к публикации).

¹⁰ Вероятно, имеется в виду книга «Картины России и быт разноплеменных ее народов, из Путешествий П. П. Свинына» (СПб., 1839), увидевшая свет уже после смерти автора.

¹¹ Анна Павловна Михайловская-Данилевская (урожд. Чемоданова) (1801—1832) — жена А. И. Михайловского-Данилевского с 1817 г., владелица обширных имений в Нижегородской губернии (более трех тысяч душ).

¹² Дети А. И. Михайловского-Данилевского: Иван (род. 1818), Лидия (род. 1821), Леонид (род. 1823), Антонина (род. 1829).

3

28 августа 1830 г. Шемякин стан

Шемякин стан. 1830.

28 августа.

Почтеннейший, любезнейший друг Александр Иванович! Если письмо мое могло доставить Вам удовольствие посреди всех веселостей Ревеля,¹ в атмосфере двора, то можете посудить, в какое восхищение привело оно отшельника, страшавшегося паче всего быть забытым теми, коих он так много любит и почитает, начиная с милого, обязательного Александра Ивановича. Так, батюшка, я приму Ваше одолжение с величайшею благодарностию, и, несмотря на жадность свою и уверенность в интересе записок Ваших, не хочу, однако, излишне обременять Вас и прошу не более двенадцати (больших) скорописных листов, например, Вашей руки. Хорошенького должно везде понемногу употреблять! Вот, например, мои отрывки из «Истории Петра Великого» и романа «Шемякин суд»² будут вдвое больше; это балласт, без коего нельзя обойтись. Если Вы находите, что Венский конгресс любопытнее Ахенского, то благоволите прикинуть из шалости, из сострадания... ибо главная моя надежда на Ваши статейки!³

Если б не проклятый Музеум,⁴ который нередко переносит меня в Петербург, то я совершенно бы забыл о столице и суэтах мирских, я совершенно бы был счастлив занятиями деревни и кабинета, кои, смею сказать, оба прекрасны. Не говоря о видах, кои представляются из сего последнего, скажу только, что стены обставлены нарядными шкафами, в коих около 4-х тысяч книг,⁵ и пять столов, обтянутых сукном, разделены по занятиям. Здесь марается «История Петра I» — и подле все материалы, на другом мое «Путешествие»⁶ — и под рукою нужные пособия; там роман; на четвертом составляется альманах.⁷ Контора же моя внизу, сообщаемая с кабинетом круглою висячею лестницею. Там и все периодические издания, коих еженедельно получаю более 30-ти! Я не забыл, батюшка, устроить и широкенький диван у окошка, чтоб положиться с книгою в руках!

Я получил Вишнякова⁸ молотилку, но еще ее не пробовал, как должно, ибо не умеем натянуть веревки, и должен был списаться об этом. Готовлю землю под свекловицу.⁹

Слышали ли Зонтаг?¹⁰ Если б я был в Петербурге, то, наверное, она бы у меня была в гостях, ибо имела ко мне рекомендательные письма из разных мест, кои прислала сюда из Москвы.

Отставка Карла X¹¹ лишит меня удовольствия съездить еще раз, на старости, в Париж с моим «Путешествием». Видите ли, как все мои надежды лопают(ся)? Весьма обяжете, если уведомите о новостях, кроме тех, кои помещаются в газетах.

Жена моя¹² и я свидетельствуем совершенное почтение милостивой государыне Анне Павловне,¹³ усердно поздравляя ее с наступающим днем ее ангела, а Вас с прошедшим, and I beg you to remember me to Miss Lidia.^{a,14}

Всею душою и сердцем преданный покорнейший слуга

Пав. Свиныйн.

Хранится: л. 142—143 об.

¹ Август 1830 г. Михайловский-Данилевский провел с семьей в Ревеле, будучи в отпуске.

² Речь идет о романе «Шемякин суд, или Последнее междоусобие удельных князей русских. Исторический роман XV столетия» (СПб., 1832. Ч. 1—4).

³ См. примеч. 4 к письму 2.

⁴ См.: Краткая опись предметов, составляющих Русский Музеум Павла Свиныйна. СПб., 1829.

⁵ О библиотеке Свиныйна, находившейся в его имении, ничего не известно. Имеются сведения о том, что в состав принадлежавшего ему «Русского Музеума» входили 1200 русских книг и 200 иностранных сочинений о России (см.: *Ивакк У. Г.* Частные библиотеки в России. СПб., 1912. Ч. 2. С. 40).

⁶ См. примеч. 10 к письму 2.

⁷ См. примеч. 6 к письму 2.

⁸ Иван Петрович Вешняков (род. 1792) — офицер-квартирмейстер, в 1813—1814 гг. состоял при начальнике Главного штаба князе П. М. Волконском; в Главной квартире русской армии он имел возможность познакомиться с Михайловским-Данилевским и Свиныйным.

⁹ Свекловица — порода толстой красной или белой свеклы, используемой для варки сахара.

¹⁰ Генриетта Зонтаг (1805—1854) — известная немецкая певица, в 1830—1837 гг. выступала в Петербурге и Москве.

¹¹ Под отставкой короля Карла X (1757—1836) Свиныйн подразумевает Июльскую революцию во Франции. 16 мая 1830 г. Карл X распустил Палату депутатов, 26 июля была отменена конституция. Парижане ответили на государственный переворот строительством баррикад. 29 июля революция победила, и король был вынужден бежать. 2 августа он отказался от престола в пользу своего внука Луи-Филиппа.

¹² Надежда Аполлоновна Свиныйна (урожд. Майкова) (1803—1857).

¹³ См. примеч. 11 к письму 2.

¹⁴ Лидия, старшая дочь А. И. Михайловского-Данилевского, изучала английский язык.

^a и прошу Вас передать привет мисс Лидии (англ.).

8 ноября 1830 г. Шемякин стан

Шемякин стан. 1830.
8 ноября.

Галицкий отшельник напоминает о себе милому, почтеннейшему генералу-литератору, напоминает об обещании его украсить его альманах трудами своими, которые издатель «Отеч(ественных) зап(исок)» давно считал в числе своих сокровищ...¹ Ради Бога, любезнейший Александр Иванович, поспешите доставкою мне обещанных статей, без коих не может составиться мой альманах, хотя все другие писатели выполнили свои обещания, в том числе и добрый Александр Семенович доставил отрывок из похода своего в 1812 году, весьма любопытный и переписанный своею рукою;² а составление альманаха для меня необходимо:³ хлеб, батюшка, очень худо родился, а сена вовсе нет... Сжальтесь надо мною, смилуйтесь над бедняком, который не престанет любить и уважать Вас всюю душою и передаст чувства сии сыну Аполлону, которого честь имею рекомендовать Вашему превосходительству.⁴

П(авел) С(виньин).

А propos! Мы все, мелкопоместные помещики, полагаемся на царскую милость принимать в рекруты не менее 20 лет! Верите ли, что у всех нас нет ни одного холостого старее 18-ти, а потому придется ставить женатого. Вы, господа богачи, члены царской Думы, вы не понимаете, какое это делает расстройство нам, бедным помещикам?

NB. Потрудитесь приложенную при сем записку доставить Вашему приятелю Андрею Терентьевичу,⁵ которую я нарочно не печатаю, чтобы Вы прочли и были моим судьбою и заступником.

Хранится: л. 105—105 об. Надпись на конверте: «Его превосходительству милостивому государю Александру Ивановичу Михайловскому-Данилевскому. В С.-Петербурге».

¹ См. примеч. 4 к письму 2.

² Александр Семенович Шишков (1754—1841) — адмирал, президент Российской академии; имеется в виду отрывок из мемуаров: Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре I в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831.

³ См. примеч. 6 к письму 2.

⁴ Речь идет о новорожденном сыне Свиньины Аполлоне (род. 1830).

⁵ Имеется в виду Андрей Терентьевич Ильин (1788—1853) — действительный статский советник, близкий друг А. И. Михайловского-Данилевского.

15 декабря 1830 г. Шемякин стан

Шемякин стан.
1830. 15 декабря.

Почтеннейший друг Александр Иванович!

Примите мое искреннейшее поздравление с наступающим Новым годом и не менее усердное пожелание Вам и почтеннейшему семейству Вашему всех возможных благ и совершенного здоровья.

Холера, проклятая холера¹ не допустила меня выполнить моего непременного желания быть к Новому году в С.-Петербурге, ибо нужно 20 дней простоять в карантине, чтоб добраться до Вас.

Ожидание меня в Петербурге, без сомнения, удерживало Вас, почтеннейший Александр Иванович, выполнить Ваше обещание украсить

мой сборник двумя прекрасными статейками несравненного пера Вашего. Узнавши, что приезд мой отложен, Вы, я надеюсь, поспешите выслать ко мне труды Ваши,² за коими «Галицкий отшельник»³ остается во тьме моего сельского кабинета и без коих он не будет сметь явиться в свет! Я уверен, что Вы одобрите меня за то, что я мое издание назвал не *альманахом*, а *сборником* и тем воскресил старинное русское обыкновение; ибо предки наши любили записывать в книгу все что ни читали или слышали любопытного — церковное и светское, государственное и семейное. Эти книги назывались *сборниками*, и весьма сожалительно, что большая их часть погибла в огне, когда отбирались у бояр и дворян все метнические книги...

Моя литературная спокойная жизнь встревожена была балами, обедами, маскарадами, которые продолжались в Галиче целый месяц по случаю рекрутского набора, для коего съехалось дворянство из 4-х уездов. На последнем маскараде было около 120 персон и несколько сарафанов, облитых брильянтами и жемчугом! Каков Галич? Если б не излишняя строгость наборщиков, которые браковали за *тупоумие*, за *некрасивые глаза*, за *бледность в лице* и т. п., то мы бы очень повеселились и не заботились о Ваших петербургских и варшавских происшествиях...⁴

А гротос! Скажите, батюшка, чем и как улучшаете Вы Ваши луга? Я хочу посеять клеверу и луцерны, сборонив только и накидав навозу, как видел в Америке?

Я и жена моя⁵ приносим совершенное наше почтение милостивой государыне Анне Павловне⁶ и с таким же пребудет навеки

Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Пав. Свинын.

Хранится: л. 156—157 об.

¹ Вторая пандемия азиатской холеры продолжалась с 1826 по 1837 г. Начавшись в Индии, в августе 1829 г. она перешла границы Российской империи и в июне 1831 г. достигла Петербурга. Жертвою холеры в Петербурге стали более 7000 человек. 22 июня 1831 г. в Петербурге на Сенной площади вспыхнул бунт, в результате которого были убиты несколько врачей и разгромлен ряд лазаретов.

² См. примеч. 4 к письму 2.

³ См. примеч. 6 к письму 2.

⁴ Под «петербургскими происшествиями» Свинын, очевидно, имеет в виду угрозу холеры, нависшую над Петербургом, которую его жители ощущали уже в конце 1830 г. «Варшавские происшествия» — начавшееся 17 ноября 1830 г. восстание в Варшаве. Сначала повстанцам удалось вынудить отряд русских войск под командованием цесаревича Константина Павловича отступить в пределы России. После этого началась Польская война 1831 г., в которой поляки потерпели сокрушительное поражение.

⁵ См. примеч. 12 к письму 3.

⁶ См. примеч. 11 к письму 2.

6

14 мая 1831 г. Шемякин стан

14 мая 1831.

Шемякин стан.

Почтеннейший друг Александр Иванович!

Письмо Ваше и книжка доставили мне двойное удовольствие и счастье, польстив, или, лучше сказать, утешив, мое сердце и голову! Так, почтеннейший Александр Иванович, сколь приятно мне было узнать, что Вы помните о «Галицком отшельнике»,¹ столь же много наслаждения доставило мне чтение прелестного, прелюбопытного творения Вашего:² я его проглотил, кой час получил с почтою, и в восхищении забываю даже, что это собственность «Отечественных записок», которые бы не

угасли, обладая сею драгоценностию... Бог Вам судья! Кажется, искреннее негодование и зависть журналиста могут послужить автору лучшим свидетельством его мнения об издании его, но вдобавок скажу только, что крайне желательно, что необходимо даже для Истории, чтоб при полном издании Ваших воспоминаний³ Вы были бы *почистосердечнее* и сколь можно более передали потомству слова и суждения незабвенного Александра.⁴ Тогда творение Ваше будет драгоценно не только для русских, но и для иностранцев, не только для современников, но и для грядущих веков. Это уже не «Письма русского офицера» или «Записки морского офицера»,⁵ в коих первый восхищается одною природою, а другой переделывал на новый лад «Путешествие вокруг света»⁶ и прочих старинных странствователей английских и итальянских, мало читаемых публикою...

Я был еще в Петербурге, когда получено было известие, что Вы ранены,⁷ и можете поверить, любезнейший друг Александр Иванович, сколь искреннее участие я принимал в Вашем несчастье. По крайней мере, эта кровь за славу отечества, которому предстоит большое бремя... Но если грозная, неумолимая судьба определила непременно нанести Вам удар, то зачем в плечо, а не в левую руку, чтоб нельзя было держать карт, и *Вам*, и *нам* было бы легче, особливо бедному моему тестюшку?..⁸ Зная, что никакие убеждения на него не подействуют, я решился отпеть несколько молебнов Федоровской Божией матери, чтоб укротила его высокомерие, дерзость состязаться с Вами в пикет,⁹ в который он мне проиграл более трех тысяч руб., а я перед Вами, как крот перед орлами, и в счастья, и в умении! Но шутки в сторону — пощадите отца семейства, моего батюшку...

Поздравляю Вас, батюшка Александр Иванович, с брильянтами;¹⁰ и здесь вижу благоразумие моего друга, который уже давно подобрал порядочный букет и на грудь, и на шейку из звезд и крестов.¹¹

У нас стоит прекраснейшая весна, и я вполне наслаждаюсь жизнью... То копаюсь в саду, то пишу моего «Шемяку»,¹² который подвигается довольно успешно и явится в столице по первому зимнему пути. И у меня в лице Василья Васильевича Темного выведен добрый, великодушный, умный Александр, но переменчивый в мнениях, управляемый иностранцами, кидющийся из одной крайности в другую от непостоянства в характере и угрызения совести после злодейства с Косым...¹³

Я только что начал читать Петра Ивановича и нахожу его гораздо благопристойнее и опрятнее своего батюшки.¹⁴

Жена моя¹⁵ и я свидетельствуем свое совершенное почтение милостивой государыне Анне Павловне¹⁶ and my best compliments to Miss Lidia and Master John.^{a, 17}

Навек ваш преданнейший и покорнейший слуга

Пав. Свиньин.

Желал бы, крайне желал, чтоб Вы взглянули на мои свекловичные поля?

Хранится: л. 186—187 об.

¹ См. примеч. 6 к письму 2.

² Речь идет о книге А. И. Михайловского-Данилевского «Воспоминания: Из записок 1815 года». Цензурное разрешение на ее издание было получено 1 февраля 1831 г.

³ При жизни мемуариста его воспоминания 1814—1815 гг. издавались только в краткой «официозной» редакции. Впервые они были опубликованы полностью лишь в наше время (см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары: 1814—1815. СПб., 2001).

⁴ Т. е. императора Александра I (1777—1825), флигель-адъютантом которого Михайловский-Данилевский был в 1813—1823 гг.

^a и мои наилучшие пожелания мисс Лидии и мистру Ивану (англ.).

⁵ Имеются в виду книга Ф. Н. Глинки «Письмо русского офицера...» (М., 1815—1816. Ч. 1—8) и книга В. Б. Броневского «Записки морского офицера...» (СПб., 1818—1819. Ч. 1—4).

⁶ Вероятно, речь идет о следующем произведении: *Вальтер Р.* Путешествие около света, которое в 1740, 41, 42, 43, 44 годах совершил адмирал лорд Ансон. СПб., 1751; 2-е изд. СПб., 1789.

⁷ 13 февраля 1831 г. в сражении с польскими повстанцами при Грохове А. И. Михайловский-Данилевский был контужен ядром в левое плечо с переломом кости.

⁸ «Тестюшка» — Аполлон Александрович Майков (1761—1838), действительный статский советник и камергер, директор Императорских театров (1821—1825). Автор нескольких од на различные случаи (казуалий), комедии «Неудачный заговор, или Помолвил, да не женился» (СПб., 1794).

⁹ Пикет — карточная игра, относящаяся к разряду коммерческих. Игрок мог придерживаться выбранной им стратегии, продумывать вперед ходы, что делало игру интеллектуальным состязанием. В отличие от азартных карточных игр ставки в пикете были, как правило, невысокими.

¹⁰ 13 апреля 1831 г. А. И. Михайловский-Данилевский был награжден золотой шпагой, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость».

¹¹ В 1831 г. Михайловский-Данилевский имел ордена: Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Станислава. Кроме российских наград он имел несколько иностранных орденов: австрийский Св. Леопольда 3-й степени, прусский «Pour le mérite», баденский Церингенского Льва, гессен-кассельский Золотого Льва.

¹² См. примеч. 2 к письму 3.

¹³ Василий Косой (1433—1448) — удельный князь звенигородский, ослеплен в 1436 г. по приказу московского князя Василия Темного (1415—1462), который в 1446 г. был ослеплен князем Дмитрием Шемякой. Свиньин проводит параллель между князем Василием Темным и императором Александром I, до конца жизни терзавшимся своей причастностью к убийству отца.

¹⁴ 14 мая 1831 г. Ф. В. Булгарин получил цензурное разрешение на издание книги «Петр Иванович Выжигин. Нравоописательный исторический роман XIX в.», являющейся продолжением предыдущей книги «Иван Выжигин. Нравственно-сатирический роман» (СПб., 1829).

¹⁵ См. примеч. 12 к письму 3.

¹⁶ См. примеч. 11 к письму 2.

¹⁷ Имеются в виду старшие дети Михайловского-Данилевского (см. примеч. 12 к письму 2).

7

29 июля 1831 г. Богородское

Богородское. 1831. 29 июля.

Почтеннейший друг Александр Иванович!

Ожидая ежедневно обещанных записок 1814 г.,¹ я умедлил несколько ответом на приятнейшее письмо Ваше от 18 июня. Зная, сколь много я ценю Вашу дружбу, Вы, конечно, поверите, что умею оценивать и каждое слово, Вами написанное, и сколько благодарен за те выходки (хотя небольшие), где видна Ваша ко мне доверенность, где говорит Ваше русское сердце (напр(имер) о фельд(маршале) Эриванском),² столько плачусь на каждом известии или новости, давно прочитанной в газетах!.. Так, батюшка Александр Иванович, грех Вам терять Ваше драгоценное время на эти уловки неискренности; оставим это для корреспонденции с Москвою (так, по крайней мере, я поступал с моими тетушками и дядюшками, к коим должен был писать все петербургские новости!) Нет! Мы, провинциалы, право, стоим того, чтоб друзья наши не запирали пред нами души своей, и готовы поплатиться тою же доверенностию. В доказательство сего скажу Вам наше горе и горе несчастное: тысячи выпущенного вами народа, без пособия, без денег, неожиданно возвратились на родину и рассеивают такие ужасы, что надобно русское благонравие, русскую преданность к вере и царю, чтоб умы не помутились. Однако на прошедшей неделе у нас в Галиче народ схватил жида, который одною рукою покупал крупу, а другою держался за карман с деньгами, и представил в полицию. Городничий выпустил, найдя его паспорт по форме, и буйная чернь начала на него грозиться... К несчастью, вчера в городе в доме к(нязя) Шаховского умер человек вне-

запно, по рассказам с явными признаками холеры, а народ толкует об жиде... Сохрани Бог, если не поправится хлеб, выгоревший от засухи. Петербургские питатели усугубят голод! Притом действия правительства так непостижимы, так переменчивы, что мы не знаем — кому и чему верить: существует ли холера или нет? Прилипчива ли она или нет? Она ли или другое что выгнало рабочих наших из Петербурга? Право, не мешало бы, скажу даже — очень бы нужно, все это пояснить и не давать злонамеренным пугать народ и толковать о беспечности или... правительства. Прочтите, мой почтеннейший друг, эти строки доброму, благороднейшему министру-патриоту Николаю Петровичу Новосильцеву,³ скадав ему мое усерднейшее почтение и признательность за его память: сердце сердцу весть подает — я также часто о нем думаю и многого ожидаю от его благонамеренности!.. Скажите ему еще, батюшка, чтоб они были осторожнее как можно во всех своих предписаниях, ибо мы, провинциалы, *на досуге* толкуем и жуем каждое слово их и есть люди, которые и в дремучих лесах галицких, унжинских и т. п. умеют понимать каждую мысль, каждое действие! Например: губернаторам велено было собрать формуляры дворян, вышедших в отставку после 12-го года. Так как воля правительства исполнялась многими безграмотными исправниками, кои (для шумка ради) кричали отцам семейства: «Лоб!»,⁴ мера сия крайне *напугала* дворянство. Кажется, это бы лучше и скромнее можно было сделать чрез предводителей? Ах! Сколько бы господам министрам нужно послушать правды от провинциалов; ибо только здесь отражаются все их действия и могут иметь полезные или вредные последствия... Видите ли, что я пред Вами *весь на улице*, как говорят у нас в Галиче о чистосердечном человеке... Надеюсь, что Вы поплатитесь тою же монетою и во многом меня успокоите.

Теперь о настоящем: видно, бедствия написаны в судьбах не для одной столицы Севера: и нас постигли многие беды и горести, в том числе град выбил у меня весь хлеб, я лишился самого лучшего человека, камердинера, которым Вы любовались, — он утонул, купая лошадей, и проч. и проч. Но все это ничто в сравнении с общим бедствием, и как скоро подобные несчастья изглаживаются, когда счастливы в семействе, в недрах истинного благополучия...

Покорнейше прошу засвидетельствовать мое совершенное почтение милостивой государыне Анне Павловне⁵ and my best compliments to your amiable children.⁶

На всю жизнь преданнейший и покорнейший слуга

Пав. Свиньин.

Поблагодарите Максима Федоровича,⁷ что он помнит еще галицкого пустынноика, который никогда не изменится к нему в чувствах совершенного уважения и преданности.

А пропос! Нельзя ли, батюшка, приказать сделать для меня в Вашей усадьбе *пожарную трубу* и переслать в Кострому с нынешнею навигациею. Что будет стоять, с благодарностию заплачу.

Хранится: л. 231—232 об.

¹ Речь идет о книге: *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки 1814 года. СПб., 1831. Цензурное разрешение на ее издание датировано 20 мая 1831 г.

² Иван Федорович Паскевич, граф Эриванский (1782—1856) — русский генерал, которому в июне 1831 г. было поручено подавление восстания в Польше. Вероятно, Михайловский-Данилевский сообщил Свиньину об этом назначении.

³ Николай Петрович Новосильцев (1789—1856) — управляющий Министерством внутренних дел.

⁴ При отборе рекрут приемщик обычно говорил «Лоб» или «Затылок», что значило «Годеи» или «Не годеи». В данном случае слово «Лоб» истолковывалось как отзыв из

^a и мои наилучшие пожелания Вашим милым детям (англ.).

отставки, что противоречило «Жалованной грамоте на вольности дворянства» (1762), освободившей дворян от обязательной службы.

⁵ См. примеч. 11 к письму 2.

⁶ См. примеч. 12 к письму 2.

⁷ Вероятно, речь идет о сенаторе Максиме Федоровиче Ставицком (1778—1841).

8

12 ноября 1831 г. Богородское

12 ноября 1831.
Богородское.

Наконец Аполлон Александрович¹ разрешил причину мучительного молчания доброго, почтеннейшего Александра Ивановича на длинное-преддлинное послание мое, пущенное к нему в прошедшем сентябре месяце! Теперь я ожил и лучше соглашаюсь сносить его несправедливость, чем забвение, лучше хочу слышать, что он сердится на мое молчание, чем думать, что я надоел ему своею болтовнею, напугал своею откровенностию? Да, батюшка Александр Иванович, я действительно начинал полагать, что Вы боитесь беседовать с провинциалом, который слишком смело навязывал Вам некоторые поручения к Николаю Петровичу,² который, зная любовь Вашу к отечеству и общему спокойствию, спрашивал, есть ли, была ли в Петербурге холера и как верить слухам и рассказам выходцев из Петербурга, кои так настрашали нас, дворян, что мы скоро не будем сместь унимать их буйства, а лекари заперлись в домах своих? и проч. и проч. ...

Но обратимся к литературе: я еще повторяю Вам, почтеннейший Александр Иванович, мою искреннейшую благодарность за наслаждение, которое доставили мне Ваши прелестнейшие записки, и, вопреки московскому мыслителю,³ чрезвычайно ими доволен. Право, не сердится ли он на Вас за то, что Вы не поместили любимого Вашего анекдота о кабриолете и вопросе Брозина⁴ о кухне английской, которые бы прославили бывшего его наставника, издателя «Отечественных записок»? Шутки в сторону: какая дерзость и надменность этого г. Полевого! И по этим-то критикам судят почтенных авторов...

Читали ли Вы «Повести Белкина»?⁵ Как Вам кажутся? По-моему, проза не поддержит славы творца «Руслана», и я не понимаю, как правительство могло возложить на поэта дерзкого, своенравного, прихотливого писать «Историю Петра Великого» (если это правда)⁶ Удивляюсь, как и Пушкин взялся за предмет столь трудный, скучный, многодельный? Впрочем, чему удивиться: нынешним гениям все возможно: он, чай, не откажется пойти в адмиралы?

Любовались Вы, батюшка, на новые (произ)ведения князя Шаликова?⁷ Право, можно подумать, что он пишет в Тегеране!.. Попадался ли Вам 30 № «Московских ведом(остей)»? Прочтите речь на восшествие Елизаветы на престол.⁸

Растолкуйте принятие в службу Ермолова?⁹

Прошу засвидетельствовать мое глубочайшее почтение мил(остивой) госуд(арыне) Анне Павловне,¹⁰ а деточек Ваших¹¹ перецеловать.

Был, есть и будет навек Вам преданнейшим и покорнейшим слугою
Пав. Свинын.

Хранится: л. 252—253 об. Надпись на конверте: «Его превосходительству милостивому государю Александру Ивановичу Михайловскому-Данилевскому. В С.-Петербурге».

¹ См. примеч. 8 к письму 6.

² См. примеч. 3 к письму 7.

³ Николай Алексеевич Полевой (1796—1846), которого Свинын именует «московским мыслителем», — писатель, критик, издатель «Московского телеграфа» (1825—1834), одного

из самых популярных журналов того времени. В 1834 г. журнал был закрыт правительством. Рецензию Н. А. Полевого на книгу Михайловского-Данилевского см.: Моск. телеграф. 1831. № 15. С. 383—384.

⁴ Павел Иванович Брозин (1787—1845) — офицер-квартирмейстер, в 1813—1814 гг. состоял при князе П. М. Волконском.

⁵ Речь идет о книге А. С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.» (СПб., 1831). Цензурное разрешение на ее издание было получено 1 сентября 1831 г.

⁶ 23 июля 1831 г. А. С. Пушкин был зачислен в Коллегию иностранных дел и получил официальное разрешение пользоваться государственными архивами для работы над «Историей Петра Великого». Современники расценили этот факт как назначение Пушкина историографом царствования Петра I.

⁷ Петр Иванович Шаликов, князь (1768—1853) — редактор «Московских ведомостей» (1813—1838), издатель «Дамского журнала» (1823—1833). О каких новых произведениях Шаликова идет речь, установить не удалось.

⁸ Имеется в виду следующая публикация: Новые материалы по истории России во второй четверти XVIII века // Моск. вед. 1831. № 30. 15 апр. С. 1376—1378.

⁹ Алексей Петрович Ермолов (1772—1861) — известный русский полководец, генерал-от-инфантерии. В 1816—1827 гг. — главнокомандующий в Грузии и командир Отдельного Кавказского корпуса. Император Николай I относился подозрительно к полководцу, отличавшемуся независимым характером. В марте 1827 г. Ермолов подал прошение об отставке, что вызвало толки в обществе. В 1831 г. его назначили членом Государственного совета, но на заседания он не ездил и по-прежнему жил в Москве.

¹⁰ См. примеч. 11 к письму 2.

¹¹ См. примеч. 12 к письму 2.

9

4 декабря 1831 г. Богородское

Богородское.
1831. 4-го декаб(ря).

Почтеннейший друг Александр Иванович!

Чтоб лишить Вас малейшего права пенять на мое молчание, или, лучше сказать, на мою нечувствительность к Вашему милому, чрезвычайно любопытному и обязательному письму (что на днях повторил мне еще брат Никита), я решился оправдаться публично, решился напечатать в «Северной пчеле», что добрый, милый, почтенный Александр Иванович несправедливо нападает на бедного провинциала, отнимая у него возможность чувствовать цену столь лестной и приятной переписки, какова может быть и должна быть с творцом «Воспоминаний 1815»¹ и «Записок 14-го года»,² где каждая строка дышит остроумием и занимательностью!!

Шутки в сторону: на прошедшей почте я отправил к Гречу³ письмо об успехах «Истории Петра Великого», которое я адресовал на Ваше имя, желая, во-первых, именем Вашим украсить сии строки, излившиеся при получении мною известия, будто Пушкину поручено сочинение сей „Истории“;⁴ во-вторых, действительно, батюшка Александр Иванович, я воспользуюсь Вашим обещанием просмотреть и исправить мою «Историю» со стороны военной и скоро начну с «Полтавской битвы», которую доставлю Вам со всеми противоречиями и несообразностями, которые найдены мною во множестве описаний сего славного дела?⁵ А потому, кому же, как не Вам, мог адресовать я отчет об успехах шестилетнего труда моего, труда, занимающего весь ум мой и воображение?

Не смею писать Вам более, ибо не знаю, имеете ли Вы время на столь неинтересную переписку; но кой час получу хоть строку в ответ на три письма мои — тотчас дам полный ход моему перу, которое никогда не притупится, чтоб излить чувства того душевного почтения и совершенной преданности, с коюю я имею честь быть

Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Пав. Свиньин.

Покорнейше прошу засвидетельствовать мое глубочайшее почтение милостивой государыне Анне Павловне ⁶ и напомнить обо мне милым детям Вашим.⁷

Хранится: л. 259—260 об.

¹ См. примеч. 2 к письму 6.

² См. примеч. 1 к письму 7.

³ Николай Иванович Греч (1787—1867) — журналист, издатель «Сына отечества» (1812—1839), соиздатель «Северной пчелы» (1825—1860).

⁴ См. вступительную заметку к публикации. В указанном письме Свиньин, в частности, писал: «Когда половина труда моего, т. е. три тома, совершенно отделаются, я приступлю к подписке, и между тем как они будут печататься, надеюсь кончить и остальные, так что гг. подписчики получат, прочитают и обсудят труд мой вполне» (Сев. пчела. 1831. № 276. 4 дек. С. 4). См. также письмо 8 и примеч. 6 к нему.

⁵ Ср. письмо 1.

⁶ См. примеч. 11 к письму 2.

⁷ См. примеч. 12 к письму 2.

10

14 февраля 1832 г. Москва

Москва. 1832. 14 февраля.

Почтеннейший друг Александр Иванович!

Всякий другой на моем месте, не получая ответа на многократные письменные и печатные послания свои, перестал бы беспокоить Вас своим писанием, подумал бы, что Вы не желаете продлить переписки; но я слишком много люблю Вас и ценю Вашу дружбу, чтоб так легко отказаться от Вас! Утешаю себя мыслию, что кучи дел государственных и экономических, обязанности большого света и проч. и проч., в том числе и беспрерывные победы на зеленом поле,¹ отовладали у Вас все время, не позволяют Вам пожертвовать ни одной минуточкой для старого Вашего друга, который, как бы Вы его ни огорчали, как бы Вы его ни *мальтретировали*,² — не перестанет любить и уважать Вас всем сердцем и душою.

Я надеялся все это сказать Вам изустно, но обстоятельства переменились, и я вместо Петербурга возвращаюсь в мирное свое Богородское, в уединенный свой кабинет — заняться «Историєю Петра Великого», историєю, затмившею всю мою душу и воображение. Я было вез с собою и несколько отрывков, желая предоставить их на просвещенный суд Ваш, но беру их с собою назад, ограничась только чтением их в *Обществе древностей*, где приняты они были довольно благосклонно. (См.: Московские ведомости. № 13.)³

Отмена поездки в Петербург была причиною и того, что я вынужденным нашелся сделать величайшую уступку в продаже романа моего «Шемякин суд»;⁴ к тому еще удружил мне и приятель мой Полевой, который пишет также роман из сей эпохи и уже запродавал Ширяеву за 10 000 руб. Бог знает, когда он его кончит, со всем тем десять тысяч вытащил у меня из кармана!⁵ Вот каковы в Москве литературные корсары?

Поговорил бы с Вами и больше, но боюсь наскучить, а потому ограничиваюсь уверением в совершенном почтении и таковой же преданности

Вашего превосходительства покорнейшего слуги

Пав. Свиньина.

НВ. Покорнейше прошу засвидетельствовать мое глубочайшее почтение милостивой государыне Анне Павловне ⁶ и пожелать ей всех воз-

можных удовольствий на предстоящей масленице, от коей мы бежим в наши леса галицкие.

Хранится: л. 266—267. На конверте: «Его превосходительству милостивому государю Александру Ивановичу Михайловскому-Данилевскому. В С.-Петербурге».

¹ Намек на карточную игру.

² От фр. *maltraiter* — грубо обращаться, обижать.

³ В указанной газетной заметке, в частности, говорится: «Действительный член П. П. Свиньин прочел отрывок из сочиненной им Истории царствования Петра I, коею он занимается в продолжение 7 лет» (Моск. вед. 1832. № 13. С. 584). См. также вступительную заметку к публикации.

⁴ См. примеч. 2 к письму 3.

⁵ Вероятно, речь идет о книге Н. А. Полевого «Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV-го века» (М., 1832. Ч. 1—4). Цензурное разрешение на первый том последовало 25 сентября 1831 г., на последний — 3 июня 1832 г. Александр Сергеевич Ширияев (ум. 1841) — московский книгопродавец и издатель.

⁶ См. примеч. 11 к письму 2.

11

14 апреля 1832 г. Богородское

14 апреля 1832.
Богородское.

Христос воскрес!

Любезнейший, почтеннейший друг Александр Иванович!

Письмо Ваше от 25 марта пришло в самый день Светлого праздника, как нарочно, чтоб подарить меня золотым, самым приятнейшим яичком! Добавлю — и без малейшей лести — оно было немалой причиной, что я праздник провел с необыкновенным веселием: столько я ценю Вашу дружбу! И как страстные любовники прощают, при первой улыбке своей любезной, ее неверности, терзания и муки, так и я забываю все неприятные догадки, кои порождало Ваше молчание на четыре письма мои? И даже досаду на столь малое знание света, на излишнее тщеславие — требовать, чтоб человек в Вашем положении, любимый всеми и уважаемый, с Вашими правами на блеск в свете, наконец, по утрам занятый государственною службою и полезными кабинетными трудами, а ввечеру *победами* на зеленых полях,¹ — требовать, чтоб мог уделить несколько минут в неделю на беседы с деревенским отшельником! Еще раз покорнейше благодарю Вас, почтеннейший друг Александр Иванович, за приятнейшее письмо Ваше и драгоценнейший подарок. Прибавления, сделанные Вами к интереснейшим запискам Вашим,² придали им (выражаясь словами издателя «Телеграфа») «европейское достоинство», они останутся для Европы и для потомства важнейшими документами величия Александра, которое еще не все обнаружено свету, сколько по собственной его скромности, столько и по какой-то непростительной таинственности его историков. Теперь остается Вам, любезнейший друг, описать Ваше путешествие с покойным императором по России с такою же откровенностию и еще большею подробностию.³ Вы это обязаны сделать для отечества и собственно для памяти незабвенного Александра, который столько любил Вас! Надеюсь, что и строгий г. Полевой останется доволен сим трудом Вашим?

Теперь позвольте доставить Вам билет на получение моего маранья «Шемякин суд». Роман сей уже печатается и скоро выйдет в свет.⁴ Надеюсь, что Вы будете снисходительны, сколько по дружбе Вашей к автору, столько и потому, когда узнаете, что весьма много *любопытного* я согласился выкинуть, дабы под старость не нажить себе неприятелей. В том числе пять-шесть примеров судопроизводства Шемяки и несколь-

ко деяний достойных его царедворцев! Теперь я принялся крепко за «Историю Петра»; но, несмотря на мое усердие, на богатство источников, часто прихожу в отчаяние, чувствуя несовершенство своих способностей, боясь, что не в состоянии буду оправдать ожиданий публики и воздвигнуть монумент, достойный моего героя!

Неужели Пушкин решился взяться за сию обузу? Другое дело, если б он написал поэму вроде «Генриады» или «Владимира». Я уверен, что автор «Бахчисарайского фонтана» превзошел бы Вольтера⁵ и Хераскова,⁶ но сочинитель «Повестей Белкина» не обещает быть достойным историком великого Петра, где нужен не один слог, но глубокомыслие, постоянство и — терпение. Впрочем, мне весьма лестно иметь столь знаменитого антагониста, так как и в «Шемяке» мне соперничествует Полевой, *обязавшийся* Ширяеву *поставить* такой же роман за 10 000 руб. к 1832 году? Деньги взял, а еще только кончил первый том!*.⁷

Меж тем как у Вас гул колоколов, клики полутрезвого народа, пляшущего в грязи, стук карет и дрожek, скачущих взад и вперед для выполнения законов приличий, честолюбия, лести или видов корысти, — знаменует пришествие весны и праздников, у нас журчание вод, разорвавших снежные свои оковы, мелодическое пение птичек, тихие круги родственников и искренних друзей говорят сердцу и душе об оживлении природы и окончании Великого поста. Неужели Вы и нынешнее лето решились дышать зловонием столицы? Если поедете в Нижний, то вспомните обещание Ваше посетить галицкого отшельника, который пребудет по всю жизнь

Вашим преданнейшим и покорнейшим

Пав. Свиньин(ым).

Милостивой государыне Анне Павловне⁸ честь имею свидетельствовать мое и жены моей⁹ искреннейшее почтение.

NB. В Петербург я не попал по болезни жены и тещи,¹⁰ из коих последней имел несчастье лишиться, а первую едва довез до деревни...

Хранится: л. 288—289 об.

¹ См. примеч. 1 к письму 10.

² В 1832 г. Михайловский-Данилевский дополнил свои мемуары и издал их одной книгой: Записки 1814—1815 годов. 2-е изд. СПб., 1832. Цензурное разрешение было получено 12 января 1832 г.

³ А. И. Михайловский-Данилевский подготовил описание этого путешествия, но опубликовано оно было только в конце XIX в. (см.: Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского: Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818 году // Рус. старина. 1897. № 7. С. 69—102; № 8. С. 333—356).

⁴ Цензурное разрешение на издание романа Свиньина «Шемякин суд» было получено 27 января 1832 г.

⁵ Вольтер (1694—1778) — французский писатель и философ; в своей поэме «Генриада» воспел короля Генриха IV.

⁶ Михаил Матвеевич Херасков (1733—1897) — русский писатель, автор поэмы «Владимир возрожденный» (1785).

⁷ См. примеч. 5 к письму 10.

⁸ См. примеч. 11 к письму 2.

⁹ См. примеч. 12 к письму 3.

¹⁰ Речь идет о Наталии Ивановне Майковой (урожд. Серебряковой) (1768—1832).

* Вообразите, что он вероломного, бесчестного Шемяку представил образцом великодушия, справедливости и прочих добродетелей — вопреки Карамзина и прочих историков, летописей и преданий.

29 августа 1837 г. Богородское

Богородское. 1837. 29 августа.

Почтеннейший друг и величайший из литературных чародеев, милый мой Александр Иванович!

Узнав из прелестного письма Вашего, что Вы уже на 7-м томе «Истории 12 года»,¹ я не мог не порадоваться столь непостижимой для меня поспешности, и если убеждаюсь в возможности сего чуда, зная необыкновенную легкость пера Вашего, единственное искусство обнимать и излагать самые важные истины с неподражаемыми свободою и заманчивостью, совершенное знание своего дела, полноту материалов и т. п., то удивляюсь не менее твердости характера. Как возможно не поддаться соблазнам большого света, поглощающим и время, и здоровье обыкновенного смертного! Как можно сохранить свободу мыслей, любовь к кабинету после блестящего балу княгини Белосельской,² музыкального вечера графини Лаваль,³ пышного, роскошного обеда Филькельмона,⁴ посреди Сената, академий, комитетов, пестроты *гонёров*,⁵ приятной одурливости карманной книжки и проч. и проч.?? Нет! Это свыше человечества... Вы один в состоянии повелевать собою и торжествовать над слабостями людей обыкновенного разбору, в числе коих я занимаю первое место: признаюсь, что я не устоял бы от подобных соблазнов столы и не только в состоянии бы был заняться чем-нибудь дельным, но кинул бы перо, забыл бы азбуку... И этот слабый смертный дерзает мечтать о честолубии, о бессмертии! Галицкий отшельник, отказавшийся от чинов, крестов и почестей, — хочет жить в потомстве! Да! он будет жить столетия, если, по обещанию Вашему, Вы не откажете ему не только *светленький*, хоть самый *темненький* уголок в бессмертном Вашем творении? И если служба отечеству не ограничивается одною шпагою или шарканием пред кумирами, то и я служил в 1812 году моему отечеству — с пользою, деятельно: «National intelligencer»⁶ был наполнен статьями моими вопреки хвастливых бюллетенев Наполеоновых; наконец, я издал в начале 1813 г. книжку о России,⁷ которая имела необыкновенный успех и влияние на умы американцев. Несколько тысяч экземпляров ее разлились по Новому Свету, рижанерские, каракасские журналы отзывались о ней с восхищением, а в отечестве — не сказали мне даже малейшего *спасибо*. Министерство не заметило даже сего, смею сказать, подвига его чиновника?? Один только «Вестник Европы» возвестил как о *феномене* о сей книжке,⁸ и один благородный *Владимир Измайлов*, в «Московском Музеуме», понял мысль мою и действия.⁹ Пошлю Вам, батюшка, единственный экземпляр сей редкой книжицы, вручаю вам вместе и славу свою...

Так как Академия не рассудила напечатать моего объявления от своего лица, то я решился приостановиться преждевременным приглашением публики к подписке,¹⁰ не желая ни в чем подражать Фаддею Булгарину, хотя, правду сказать, *безденежная подписка* на его «Россию» выгребла ему много денежек из России, доставила ему около 100 т(ысяч) рублей.¹¹

После дождливого лета настала у нас ясная теплая осень; бегу в сад подышать чистым воздухом, помечтать на свободе глаз о бывалом и предстоящем, о том и о сем, бегу на деревенский раут...

Всеподд(аннейший) Вам пребываю

П(авел) С(виньин).

Хранится: ф. 859, к. 32, № 29, л. 37—38 об. Надпись на конверте: «Его превосходительству милостивому государю Александру Ивановичу Михайловскому-Данилевскому, в С.-Петербурге, у Исакия, в своем собственном доме».

¹ Свиньин ошибался. Когда в январе 1838 г. Михайловский-Данилевский закончил работу над «Описанием Отечественной войны в 1812 году» и представил рукопись Николаю I, она состояла из пяти томов. Через год, после устранения замечаний, сделанных императором, графом А. И. Чернышевым, князем И. Ф. Паскевичем и князем П. М. Волконским, рукопись сократилась до четырех томов. В таком виде она и была опубликована в 1839 г.

² Вероятно, речь идет о падчерице графа А. Х. Бенкендорфа княгине Елене Павловне Белосельской-Белозерской (1812—1888).

³ Александра Григорьевна Лаваль (1772—1850), графиня, жена французского эмигранта на русской службе, тайного советника, графа И. С. Лавалья. По свидетельству современников, в доме графини Лаваль на Английской набережной собирался «высший Петербург».

⁴ Шарль Луи Карл Людвиг Фикельмон, граф (1777—1857) — австрийский посланник в Петербурге в 1829—1839 гг. Его жена Дарья Федоровна была внучкой знаменитого русского полководца М. И. Кутузова.

⁵ От фр. *honneurs* — почести.

⁶ Журнал «National intelligencer and Washington advertiser» выходил с перерывами в течение всего XIX в., в том числе в 1807—1818 гг.

⁷ Имеется в виду издание: *Svenin P. Sketches of Moscow and St. Petersburg. Philadelphia, 1813* (см. вступительную заметку к публикации).

⁸ См.: *Каченовский М. Т. Известие о новой американской книжке // Вестн. Европы. 1813. Ч. 70. № 14. С. 149—151.*

⁹ Владимир Васильевич Измайлов (1773—1830) — писатель и издатель. Свиньин приводит неточные сведения: хвалебная рецензия была посвящена книге «Опыт живописного путешествия по Северной Америке» и появилась в «Российском Музеуме, или Журнале европейских новостей», издаваемом Владимиром Измайловым (1815. Ч. 4. № 10—11. С. 155—172). Рецензия заканчивалась панегириком автору: «Дарование есть прекрасная вещь в мире, но добродетель еще прекраснее дарования. А кто соединяет их, тот достоин славы».

¹⁰ Речь идет об «Истории Петра Великого» (см. также вступительную заметку к публикации).

¹¹ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789—1859) — литератор, издатель. Вероятно, имеется в виду книга «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий» (СПб., 1837). На титульном листе книги было обозначено авторство Булгарина, но настоящим автором ее является Николай Алексеевич Иванов (1813—1869).

III. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

В. Э. ВАЦУРО — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПУШКИНА

Вадим Эразмович Вацуро (1935—2000), один из крупнейших отечественных историков литературы, ученый с мировой известностью и непререкаемым научным авторитетом, современным филологическим сознанием воспринимается как прямой преемник и продолжатель традиций «великой пушкинистики». В наследии ученого работы, посвященные творчеству Пушкина, действительно занимают особое место, хотя научные интересы В. Э. Вацуро никогда не замыкались в узкой области пушкиноведения.

Широта исследовательских интересов В. Э. Вацуро определилась рано. Первые его печатные работы были посвящены М. Ю. Лермонтову, изучение которого В. Э. Вацуро начал еще на университетской скамье. Вскоре по окончании университета (1959) в круг его непосредственных занятий попадают литература XVIII в., Карамзин, русско-европейские литературные взаимосвязи. Каждой из этих областей изучения В. Э. Вацуро продолжал уделять внимание на протяжении всей жизни. В историю лермонтоведения он вошел как один из создателей «Лермонтовской энциклопедии» (1981), автор более двух десятков ставших на сегодняшний день уже классическими статей о Лермонтове. К числу первых серьезных работ ученого относятся подготовленное им (совместно с Л. Е. Бобровой) полное комментированное собрание стихотворений И. И. Хемницера (1963) и посвященное ему исследование (1964); в последующие годы он был неперменным автором сборников «XVIII век», участником «Словаря русских писателей XVIII века» (1988. Вып. 1). В 1960-е гг. зарождается еще одна тема, сквозной нитью прошедшая через всю научную биографию В. Э. Вацуро, — тема рецепции готического романа в России. Особенное внимание В. Э. Вацуро уделял этой теме последние годы. Монографическому исследованию «русской готики» посвящена незавершенная и не увидевшая света при жизни автора книга. В 1960-е гг. В. Э. Вацуро начинает и свои занятия Пушкиным.

С 1962 г. В. Э. Вацуро работает в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Он сотрудничает в специальных пушкиноведческих изданиях — «Временнике Пушкинской комиссии» и «Пушкин: Исследования и материалы», принимает участие в коллективных трудах Института — сборнике «Пушкин: Итоги и проблемы изучения» (1966) и томе «Пушкин: Письма последних лет. 1834—1837» (1969), завершившем прерванное издание Б. Л. и Л. Б. Модзалевских. Широкую известность В. Э. Вацуро приносит написанная совместно с М. И. Гиллельсоном книга «Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского „Биографические и литературные записки о Денисе

Ивановиче Фонвизине”» (1968). В этой книге, вволившей в научный оборот новый автограф Пушкина, что в современной пушкинистике уже само по себе является сенсацией, определился исследовательский почерк В. Э. Вацура как историка литературы, особенности метода литературоведческого анализа и взгляда на предмет изучения. Лаконичные пушкинские пометы требовали от комментатора привлечения самого широкого историко-литературного и бытового контекста, раздумий над историческим и социологическим мышлением Пушкина, его политическими взглядами и т. д. Текст погружал исследователя и читателя в напряженную атмосферу интеллектуальной жизни пушкинского круга, становился своего рода «ключом» к пониманию самых глубин литературного развития эпохи и творческого мышления автора, и одновременно сам мог быть по-настоящему прочитан и понят только исходя из этого контекстуального знания.

На архивном материале, на поиске, подборе и сопоставлении неизвестных или не привлекавших ранее исследовательского внимания фактов была построена следующая книга В. Э. Вацура, написанная вновь в соавторстве с М. И. Гиллельсоном в том же 1968 г., но по некоторым обстоятельствам времени вышедшая лишь спустя четыре года, — «Сквозь „умственные плотины“: Из истории книги и прессы пушкинской поры» (1972; 2-е изд. 1986). Третья, «„Северные цветы“: История альманаха Дельвига—Пушкина» (1978), подготовленная рядом предварительных частных статей, на долгое время стала одним из основных исследований в области пушкинской литературной биографии и литературно-бытового окружения поэта второй половины 1820-х гг. В ряде работ В. Э. Вацура обращался к наиболее значительным фигурам пушкинской эпохи и пушкинского литературного круга — А. А. Дельвигу (в частности, полное собрание сочинений и писем Дельвига, 1986), В. А. Жуковскому, К. Н. Батюшкову, Д. В. Давыдову, Е. А. Баратынскому. Стилль и метод работы В. Э. Вацура, однако, сами по себе неизбежно вовлекали в орбиту его исследовательского внимания все более и более широкий историко-литературный материал. Значительное число его статей и публикаций было посвящено литераторам второго и третьего ряда (О. М. Сомов, Аркадий Родзянка, В. Г. Тепляков, Александр Крюков, Надежда и Серафима Тепловы, К. С. Сербинович, М. А. Бестужев-Рюмин, В. А. Ушаков и др.). Один из инициаторов биографического словаря «Русские писатели. 1800—1917», В. Э. Вацура сам написал десятки статей, был постоянным редактором и рецензентом, прочитывавшим насквозь тома словаря, широко делился материалами своей рукописной картотеки. Работы В. Э. Вацура создавали полную картину литературной жизни XVIII—XIX вв. во всем ее многообразии и в динамике, со всеми ее нюансами и полутонами. Творчество же Пушкина выступало своеобразным центром этого сложного литературного мира, одновременно и «точкой отсчета», и фокусом, в котором сходились важнейшие историко-литературные, стилистические, языковые, формально-поэтические, социокультурные и прочие проблемы эпохи. Не случайно в последнем авторском сборнике В. Э. Вацура («Пушкинская пора», 2000) статьи разных лет и разной тематики собраны вместе под именем Пушкина.

Особое значение в изысканиях В. Э. Вацура имела работа с мемуарными и эпистолярными источниками. Он выступил публикатором нескольких значительных эпистолярных комплексов: писем И. И. Дмитриева, Андрея Тургенева, Н. М. Карамзина, участвовал в издании «Переписка А. С. Пушкина» (1982). В 1974 г. под редакцией В. Э. Вацура вышел двухтомник «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» — свод мемуарных свидетельств, никогда до этого не издававшихся с такой степенью полноты и комментированности (переиздан в 1985 и 1998 гг.). Появившиеся на страницах «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» в 1979 г. статьи В. Э. Вацура «Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы)» и «Из альбомной ли-

рики и литературной полемики 1790—1830-х годов» уже прямо вели в сферу литературного быта и готовили следующую книгу — «С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской эпохи» (1989). Понимание «литературного быта» и изучение его в трудах В. Э. Вацуро в определенной мере реализовывало теоретические положения «позднеформалистических» разработок Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума, прямым последователем которых, при всей научной симпатии к их работам, В. Э. Вацуро, впрочем, никогда себя не числил. Коллега, ученик, собеседник М. П. Алексеева и П. Н. Беркова, Б. В. Томашевского и Т. Г. Цявловской, В. А. Мануйлова и Н. В. Измайлова, он был носителем «живого» филологического знания. Он и на самом деле не был ничьим «прямым преемником», широко вбирая и перерабатывая в собственном научном творчестве лучшие традиции и достижения разных школ и генераций классической русской филологии.

Внимание к изучаемому литературному произведению, отсутствие абстрактных теоретических построений, строгая, почти математическая логика доказательств — отличительные черты исследовательской манеры В. Э. Вацуро. Он был виртуозным мастером краткого историко-литературного этюда. Его мелкие филологические заметки, разыскания и комментарии, собранные позднее в одну книгу «Записки комментатора» (1994), являют примеры блестящих образцов жанра. При этом В. Э. Вацуро были равным образом чужды и любая фетишизация факта, и узкобиографический подход. Знаменательно в этой связи полное отсутствие в его научном наследии каких-либо штудий в области собственно биографии Пушкина. И биография писателя, и история литературы складывались для него из пересечения и взаимопроникновения жизненной и литературной стихий. Никогда не рассматривая литературу как имманентно развивающуюся систему, он в то же время всегда ощущал ее как составляющую общеинтеллектуального пространства, одно из проявлений духовной сферы деятельности человечества, зависимой от историко-социальной реальности, но жестко ею не определяемой. В книге «Лирика пушкинской поры: „Элегическая школа“» (1994) такой «синтетический» подход к описанию литературного явления, его генезиса, внутренних и внешних связей и исторических преломлений применен к изучению жанровой поэтики — истории поэтических идей и поэтических форм. Книга, посвященная «элегической школе» 1800—1810-х гг., допушкинской поэтической генерации, была задумана и написана как необходимое введение к общему очерку становления и развития поэтической системы Пушкина. Последней теме В. Э. Вацуро посвятил ряд частных статей, составивших в целом некоторый подготовительный материал к обобщающей книге о пушкинской элегии, написать которую ученый так и не успел.

В книгах, подготовленных в серии «Библиотека поэта» (в частности, первом критическом издании Д. В. Давыдова, 1984), в академическом собрании сочинений Н. А. Некрасова (1981. Т. 1) В. Э. Вацуро показал себя блестящим ученым-текстологом. Эта сторона его филологического таланта в полной мере проявилась при подготовке нового академического собрания сочинений Пушкина, которому в последнее десятилетие своей жизни ученый отдал много сил. Член редколлегии, редактор первого и второго томов, В. Э. Вацуро стал одним из авторов научной и текстологической концепции нового издания, принципы которой в значительной мере были воплощены им в первом томе, вышедшем в год Пушкинского юбилея.

В. Э. Вацуро стоял у истоков многих исследовательских начинаний, выступал редактором и куратором таких важнейших пушкиноведческих работ, как словарь Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (1975. 2-е изд., доп. и перераб. 1988), антология «Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827» (1996); с 1981 г. входил в редколлегию «Временника Пушкинской комиссии». Он также был членом редколлегии серий «Литературные па-

мятники», «Литературные мемуары», «Переписка русских писателей», «Из литературного наследия», «Новая библиотека поэта», ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия»; руководил учениками и аспирантами. Талант, образованность и эрудиция, любовь к изучаемому предмету и тонкое его понимание, блеск и обаяние мысли, огромная внутренняя энергия научных работ В. Э. Вацура на протяжении всей его жизни оказывали постоянное влияние не только на учеников и коллег, но и на исследователей, казалось бы, совершенно далеких от него по духу и методу.

Е. Л.

Библиография трудов В. Э. Вацура *

1958

1. Первая Межвузовская конференция по творчеству М. Ю. Лермонтова. Ленинград. Май 1958 г. // Рус. лит. 1958. № 3. С. 259—260. В соавт. с С. Б. Латышевым.

1959

2. Драматургия Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 3. С. 719—731. В соавт. с В. А. Мануйловым. (См. № 6, 86).

3. Поэмы М. Ю. Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 645—655. В соавт. с В. А. Мануйловым. (См. № 7, 89).

1960

4. М. Ю. Лермонтов: Семинарий / Под ред. В. А. Мануйлова. Л.: Учпедгиз, 1960. 461 с. В соавт. с В. А. Мануйловым и М. И. Гиллельсоном.

5. Третья научная межвузовская Лермонтовская конференция. Ленинград. Май 1960 г. // Рус. лит. 1960. № 3. С. 237—238.

1962

6. Драматургия М. Ю. Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3. С. 719—729. В соавт. с В. А. Мануйловым. (См. № 2, 86).

7. Поэмы М. Ю. Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 2. С. 645—655. В соавт. с В. А. Мануйловым. (См. № 3, 89).

1963

8. Пушкиниана в периодике и сборниках статей (1961—1962) // Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 63—83.

9. XV Всесоюзная Пушкинская конференция. Ленинград. 4—6 июня 1963 г. // Вестн. АН СССР. 1963. № 8. С. 121—122.

10. XV Всесоюзная Пушкинская конференция. Ленинград. Июнь 1963 г. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1963. № 5. С. 458—461.

11. Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. Н. Л. Степанова; Сост. Л. Е. Бобровой; Подгот. текста и примеч. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацура. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 381 с. (Б-ка поэта; Большая сер. 2-е изд.).

1964

12. Всесоюзная Пушкинская конференция // Вестн. АН СССР. 1964. № 9. С. 140—141.

* Библиография составлена О. В. Миллер.

13. К вопросу о философских взглядах Хемницера // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Под ред. П. Н. Беркова и И. З. Сермана. М.; Л.: Наука, 1964. С. 129—145.

14. Лермонтов и Марлинский // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения. 1814—1964 / АН СССР. Ин-т мировой лит.; Отв. ред. У. Р. Фохт. М.: Наука, 1964. С. 341—363.

15. Ранняя лирика Лермонтова и поэтическая традиция 20-х годов // Рус. лит. 1964. № 3. С. 46—56.

16. XVI Всесоюзная Пушкинская конференция. Ленинград. Июнь 1964 г. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1964. № 5. С. 458—460.

1965

17. «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творчестве Лермонтова // Рус. лит. 1965. № 3. С. 184—192.

18. Научные сессии, посвященные 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1965. № 1. С. 90—94. В соавт. с И. Е. Усок и А. Дадашзаде.

19. XVII Пушкинская конференция. Псков. Июнь 1965 г. // Рус. лит. 1965. № 4. С. 228—230.

20. XVII Пушкинская конференция в Пскове // Вестн. АН СССР. 1965. № 8. С. 103—104.

21. Юбилейная Лермонтовская конференция // Рус. лит. 1965. № 1. С. 226—228.

1966

22. Неизвестная статья А. А. Перовского о «Руслане и Людмиле» // Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л.: Наука, 1966. С. 48—55.

23. Сороковые годы; Пушкин и деятельность тайных обществ. § 1; Пушкин и общественно-литературное движение в период последекабрьской реакции. § 1, 3 // Пушкин: Итоги и проблемы изучения / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л.: Наука, 1966. С. 33—36, 168—177, 198—205, 213—235.

1967

24. Неизвестные строки Пушкина // Наука и жизнь. 1967. № 1. С. 135—137. В соавт. с М. И. Гиллельсоном.

25. Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Л.: Сов. писатель, 1967. (Б-ка поэта; Большая сер. 2-е изд.).

Т. 1 / Общ. ред. и вступ. ст. К. И. Чуковского; Ред. т. Б. Я. Бухштаб; Подгот. текста и примеч. В. Э. Бограда, В. Э. Вацуру. 682 с.

Т. 2 / Общ. ред. К. И. Чуковского; Ред. т. С. А. Рейсер; Подгот. текста и примеч. М. Я. Блинчевской, В. Э. Вацуру и др. 703 с.

26. Пометы Пушкина на книге Вяземского // Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л.: Наука, 1967. С. 17—20.

1968

27. К изучению «Литературной газеты» Дельвига — Сомова // Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л.: Наука, 1968. С. 23—36. (См. № 248).

28. Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6 / Подгот. текста и коммент. А. Д. Алексеева, А. И. Батюто, И. А. Битюговой, В. Э. Вацуру и др. М.: Юрид. лит., 1968. 696 с.

29. Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / Подгот. текста, ст. и коммент. В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсона. М.; Л.: Наука, 1968. 128 с.

Рец.: Павлова И. // Звезда. 1969. № 10. С. 220—221; Фризман Л. // Новый мир. 1969. № 8. С. 280—281; Виноградов Л. Пушкин: Лед и пламень полемики // В мире книг. 1975. № 10. С. 80—82.

30. «Подвиг честного человека» // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1968. Т. 5. С. 8—51.

31. Русская литература XIX века // Советское литературоведение за пятьдесят лет / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Ин-т мировой лит. Л.: Наука, 1968. С. 92—95, 105—109.

1969

32. Барант А.-П.-Б., Бируков А. С., Борро Дж., Булгарин Ф. В., Ваттемар А., Винченгероде Ф. Ф., Воейков А. Ф., Вульф А. Н., Вульф Е. Н., Вяземский П. А., Глинка С. Н., Глинка Ф. Н., Голицын Н. Б., Греч Н. И., Давыдов Д. В., Дашков Д. В., Доливо-Добровольский Ф. И., Дондуков-Корсаков М. А., Екатерина II, Жандр А. А., Загоскин М. Н., Ишимо-

ва А. О., Каверин П. П., Катенин П. А., Козловский П. Б., Конисский Г., Корнуолл Барри, Крылов А. Л., Лангер В. П., Люценко Е. П., Мальцов И. С., Местр Ж., Мордвинов А. Н., Надеждин Н. И., Никитенко А. В., Никитин, Окулов М. А., Олег, Перфильев С. В., Петр I, Плетнев П. А., Погодин М. П., Полевой К. А., Полевой Н. А., Потоцкая М. А., Пугачев Е. И., Радищев А. Н., Разин С. Т., Рейф Ф. И., Семен А. И., Сенковский О. И., Сиркур А., Смирдин А. Ф., Соболевский С. А., Сталь А.-Л.-Ж., Тардиф де Мелло, Токвиль А.-Ш.-А., Тургенев А. И., Устрялов Н. Г., Фариков А. Ф., Феофан Прокопович, Фонвизин Д. И., Хвостов А. С., Хлюстин С. С., Хмельницкий А. И., Чаадаев П. Я., Шаликов П. И., Шванвич А. М., Шванвич М. А., Шекспир В., Шеглов Н. П., Языков А. М., Языков Н. М., Языков П. М. // Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837 / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1969. 528 с. Подпись: В. В.

33. Николай Васильевич Измайлов: [К 75-летию со дня рождения] // Рус. лит. 1969. № 1. С. 247—251.

34. К биографии поэта пушкинского окружения [А. А. Крылова] // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л.: Наука, 1969. С. 61—63.

35. К истории пушкинских изданий: (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1969. Т. 6. С. 284—297.

36. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1969. Сб. 8. С. 190—209.

37. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1969. Т. 6. С. 150—170.

38. Пушкинская конференция в Пскове // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л.: Наука, 1969. С. 69—72.

1970

39. Пушкин в общественно-литературном движении начала 1830-х годов: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1970. 20 с.

40. Русская эстетика XVIII века // Рус. лит. 1970. № 1. С. 227—234. В соавт. с М. Г. Альтшуллером.

Рец. на кн.: Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л.: Просвещение, 1968.

41. Уолпол и Пушкин // Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л.: Наука, 1970. С. 47—57.

1971

42. В. В. Виноградов: [Некролог] // Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л.: Наука, 1971. С. 120—123.

43. Глинка Ф. Н., Одоевский А. И., Раевский В. Ф., Синегуб С. С., Чаадаев П. Я. // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь. М.: Просвещение, 1971. С. 244—246, 483—484, 556—557, 587—588, 677—679.

44. Пушкин и Аркадий Родзянка: Из истории гражданской поэзии 1820-х годов // Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л.: Наука, 1971. С. 43—72. (См. № 248).

45. Театр, музыка, литература // Вопр. лит. 1971. № 3. С. 237—238.

Рец. на кн.: Гозенпуд А. Русский оперный театр XIX в. (1836—1856). Л.: Музыка, 1969.

1972

46. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л.: Наука, 1972. С. 30—44. В соавт. с Э. Г. Герштейн.

47. Из истории литературных полемик 1820-х годов: [Роль А. А. Крылова] // Вопросы литературы и фольклора / Воронеж. ун-т. Воронеж, 1972. С. 161—174.

48. Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Т. 1 / Биогр. справки, сост., подгот. текста, примеч. В. Э. Вацура. Л.: Сов. писатель, 1972. 792 с. (Б-ка поэта; Большая сер. 2-е изд.).

49. Сквозь «умственные плотины»: Из истории книги и прессы пушкинской поры. М.: Книга, 1972. 319 с. В соавт. с М. И. Гиллельсоном.

Рец.: Вигилянский В. // Новый мир. 1973. № 12. С. 277—278; Фризман Л. Трудные судьбы мысли // В мире книг. 1973. № 6. С. 73; Смирнов И. // Звезда. 1973. № 5. С. 218—219. (См. № 128).

1973

50. К литературной истории стихотворения Некрасова «Землетрясение» // Некрасовский сборник / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1973. Сб. 5. С. 276—280.

51. От бытописания к «позиции действительности». Гл. II, разд. 5, § 1 // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Под ред. Б. С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. С. 200—223.

52. Первый русский переводчик «Фариса» А. Мицкевича [В. Н. Шастный] // Славянские страны и русская литература / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1973. С. 47—67.

53. Роман Клары Рив в русском переводе // Россия и Запад: Из истории литературных отношений / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1973. С. 164—183.

1974

54. Из пушкинских маргиналий: (Пометы на книге Вяземского о Фонвизине) // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1974. Т. 10. С. 114—131. В соавт. с М. И. Гиллельсоном. (См. № 62).

55. Из разысканий о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л.: Наука, 1974. С. 100—108. (См. № 197).

Содерж.: Пушкинский анекдот о Павле I; «Побежденная трудность»; Пушкинская поговорка у Лермонтова; К истории пушкинского экспромта.

56. «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 20—30-х годов. Л.: Наука, 1974. С. 177—212. (См. № 248).

57. Новые материалы о дуэли и смерти Лермонтова: Письмо А. С. Траскина к П. Х. Граббе // Рус. лит. 1974. № 1. С. 115—125.

Рец.: Горская Е. Новое о дуэли и гибели Лермонтова // Ставроп. правда. 1974. 23 июня.

58. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацууро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М.: Худож. лит., 1974. 542 с., 559 с. (Сер. лит. мемуаров). (См. № 119, 222).

59. Пушкин в сознании современников // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацууро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 5—40. (Сер. лит. мемуаров). (См. № 120, 223).

60. Пушкин и Бомарше: (Заметки) // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1974. Т. 7. С. 204—214. (См. № 197).

61. Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л.: Наука, 1974. С. 55—62.

1975

62. Из пушкинских маргиналий: (Пометы на книге Вяземского о Фонвизине) // Прометей. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1975. Т. 10. С. 114—131. В соавт. с М. И. Гиллельсоном. (См. № 54).

63. К изучению «Дум» К. Ф. Рыльева // Рус. лит. 1975. № 4. С. 101—107.

64. Г. П. Каменев и готическая литература // XVIII век / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1975. Сб. 10. С. 271—275.

65. Мнимое четверостишие Баратынского: [По поводу статьи В. В. Кожина «Легенды и факты: Заметки о Грибоедове, Баратынском, Есенине» (Рус. лит. 1975. № 2)] // Рус. лит. 1975. № 4. С. 154—156.

66. «Священный союз народов» // Литературное наследие декабристов / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Отв. ред. В. Г. Базанов, В. Э. Вацууро. Л.: Наука, 1975. С. 265—279. (См. № 248).

1976

67. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820—1840-х годов: (Этюды и разыскания) // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1976. Т. 1. С. 231—272.

68. 80-летие Михаила Павловича Алексеева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. № 3. С. 280—283. В соавт. с Н. Я. Дьяконовой.

69. Из наблюдений над поэтикой «Вия» Гоголя // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции / АН СССР. Отд.-ние лит. и яз. Ин-т рус. лит. М.: Наука, 1976. С. 307—311.

70. К генезису пушкинского «Демона» // Сравнительное изучение литератур: Сб. статей к 80-летию акад. М. П. Алексеева / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1976. С. 253—259. (См. № 248).

71. М. Ю. Лермонтов // Русская литература и фольклор: Первая половина XIX в. // АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1976. С. 210—248.

72. Некрасов и К. А. Данненберг // Рус. лит. 1976. № 1. С. 131—144.

1977

73. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург» // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л.: Наука, 1977. С. 43—63. (См. № 197).

74. Грибоедов в романе В. С. Миклашевич «Село Михайловское» // А. С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции. Л.: Наука, 1977. С. 235—256. (См. № 248).

1978

75. Лермонтовская энциклопедия: [К истории создания] // Рус. лит. 1978. № 4. С. 157—160.

76. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм: Сб. статей / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Отв. ред. К. Н. Григорьян. Л.: Наука, 1978. С. 118—138. (См. № 248).

77. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М.: Книга, 1978. 287 с.

Рец.: Проскурин О. Альманах «Северные цветы» // Вопр. лит. 1981. № 3. С. 251—259; Ходоров А. // Звезда. 1979. № 9. С. 222; Buch W. // Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1981. Bd. 42. H. 2. S. 428—432.

1979

78. Из альбомной лирики и литературной полемики 1790—1830-х годов // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 61—62.

79. Из неизданных отзывов о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л.: Наука, 1979. С. 98—110.

80. Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л.: Наука, 1979. С. 46—65.

81. К цензурной истории «Демона» // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Редкол.: М. П. Алексеев (отв. ред.), А. Глассе, В. Э. Вацуро и др. Л.: Наука, 1979. С. 410—414. (См. № 197).

82. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 3—56.

83. Последняя повесть Лермонтова [«Штосс»] // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Редкол.: М. П. Алексеев (отв. ред.), А. Глассе, В. Э. Вацуро и др. Л.: Наука, 1979. С. 223—252.

84. Поэты [пушкинской плеяды] // Аврора. 1979. № 6. С. 95—105.

1980

85. Дмитриев И. И. Письма / Публ. В. Э. Вацуро // Письма русских писателей XVIII века: Сб. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1980. С. 416—458.

86. Драматургия Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Редкол.: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро и др. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1980. Т. 3. С. 575—583. В соавт. с В. А. Мануйловым. (См. № 2, 6).

87. Один из источников «Огородника» [«Перстень» (гл. из «Тарантаса» В. А. Соллогуба)] // Некрасовский сборник / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1980. Т. 7. С. 106—111.

88. Парадоксы дилетантизма: О пушкиноведении и «полемических заметках» [П. В. Бекедина в журнале «Дон»] // Лит. обозрение. 1980. № 1. С. 107—112.

89. Поэмы М. Ю. Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Редкол.: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро и др. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1980. Т. 2. С. 525—533. (См. № 3, 7).

90. «Пророк» [А. С. Пушкина] // Аврора. 1980. № 8. С. 123—129. (См. № 197).

1981

91. «А. Д. З. ...», Батюшков К. Н., Бестужев А. А., Булгарин Ф. В., «Глупой красавице», Греч Н. И., Грузинов И. Р., Губер Э. И., «Жалобы турка», Жанры, «Жена Севера», «Журналист, читатель и писатель», Издания, «К Грузинову». «К Д[урно]ву», Каверин П. П., Корд Ф. Ф. (в соавт. с Н. М. Владимирской), Красов В. И., Лермонтоведение, «Мадригал», Майер Н. В., Мельгунов Н. А., Менцов Ф. Н., Мур Т., Мэтьюрин Ч. Р., «На буйном пиршестве задумчив он сидел», «На темной скале над шумящим Днепром», Ознобишин Д. П., «Опасение», Орлов В. И., Оссиан, «Отрывок», «Пленный рыцарь», Поэма (в соавт. с Т. А. Недосекиной), «Поэт» (1828), Приписываемое Лермонтову (в соавт. с О. В. Миллер), Проза, «Расстались мы, но твой портрет», «Романс» («Ты идешь на поле битвы»), «Современник», Стилизация, Стромиллов С. И., «Ты молод, цвет твоих кудрей», «Умирающий гладиатор» (частично), Фольклоризм, Цензура, «Цефей», Циклы, Шаликов П. И., Шевырев С. П., Языков Н. М. // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов.

энциклопедия, 1981. С. 27, 50—51, 57—58, 71—72, 113, 119—120, 122, 123, 159—163, 170—172, 183—187, 208, 209, 212, 231, 233, 242—250, 269, 276—277, 323—324, 327, 329, 331, 353, 355—357, 359—360, 421, 438—441, 445—449, 462—463, 473—474, 517—518, 528—530, 555, 585, 590, 597—599, 607—610, 617, 621—622, 642.

92. К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты» // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л.: Наука, 1981. С. 5—21.

93. Нужное издание // Вопр. журналистики. Тбилиси, 1981. № 7—8. С. 500—502. В соавт. с Г. М. Фридендером и Т. С. Царьковой.

Рец. на кн.: Новые материалы к истории русской литературы и журналистики второй половины XIX века. Тбилиси, 1977.

94. Повести Белкина // Пушкин А. С. Повести Белкина. 1830—1831. М.: Книга, 1981. С. 7—60; Примеч. С. 325—368. (См. № 197).

95. Поэзия пушкинского круга; Поэзия 1830-х гг.; Е. А. Баратынский // История русской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 324—342, 362—392.

96. Тайны поэта? Нет, тайны времени... / Интервью взял Л. Сидоровский // Смена. 1981. 26 июля.

97. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980 [Рец.] // Вопр. лит. 1981. № 12. С. 260—266.

98. Byron in Russia. Byron and XIX century Russian Literature // Byron's political and cultural influence in XIX century Europe: A Simposium / Ed. by P. G. Trueblood. London, 1981. With N. Diakonova.

1982

99. Биография как творчество // Лит. газ. 1982. 15 дек. С. 5.

Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Александр Пушкин: Биография писателя. Л., 1982.

100. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // История русской драматургии: XVII—первая половина XIX века / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1982. С. 327—367. (См. № 248).

101. «Кавказ» Михаила Туманишвили: Из истории грузинского поэтического пушкинизма // Лит. Грузия. 1982. № 12. С. 181—198.

102. Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. / Сост. и коммент. В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсона, И. Б. Мушиной, М. А. Турьян. М.: Худож. лит., 1982. 494 с., 575 с. (Переписка рус. писателей).

1983

103. М. П. Алексеев как исследователь Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. Т. 11. С. 323—327. Подпись: В. В.

104. К биографии В. Г. Теплякова // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. Т. 11. С. 192—213. (См. № 248).

105. В. А. Мануйлову — 80 лет // Лит. газ. 1983. 21 сент. С. 5.

106. Мицкевич в стихах Лермонтова // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История: Сб. статей к IX Международному съезду славистов / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1983. С. 109—129.

107. О пушкиноведческих работах Н. В. Измайлова // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. Т. 11. С. 336—338.

108. Ответственность слова // Лит. обозрение. 1983. № 9. С. 60—62.

Рец. на кн.: Гинзбург Л. О старом и новом. Л.: Сов. писатель, 1982.

109. Поэма М. Ю. Лермонтова «Казначейша» в иллюстрациях М. В. Добужинского // Лермонтов М. Ю. Казначейша. Л.: Художник РСФСР, 1983. С. 1—4 прил. В соавт. с А. В. Корниловой.

110. А. С. Пушкин и книга / Сост., вступ. тексты и примеч. В. Э. Вацуру. М.: Книга, 1982. 396 с.

111. Художественная проблематика Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Избр. соч. / Сост. В. Э. Вацуру, И. С. Чистова; Примеч. И. С. Чистовой. М.: Худож. лит., 1983. С. 5—34. (Б-ка классики. Рус. лит.).

1984

112. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Д. В. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацуру. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 5—48. (Б-ка поэта; Большая сер. 2-е изд.).

113. Три рукописи — один сюжет: Архивный поиск // Лит. газ. 1984. 25 июля. С. 6. (См. № 197).

Содерж.: Материалы о Денисе Давыдове в Публичной библиотеке (Ленинград).

114. Четыре рассказа о Денисе Давыдове: К 200-летию со дня рождения поэта-партизана // Звезда. 1984. № 7. С. 192—207. (См. № 197).

115. Михаил Павлович Алексеев (1896—1981) // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л.: Наука, 1985. С. 199—204. Без подписи.
116. Из разысканий в области русской романтической поэтики // Теория и история литературы: (К 100-летию со дня рождения акад. А. И. Белецкого) / АН УССР. Ин-т лит. Киев: Наукова думка, 1985. С. 109—116. (См. № 197).
Содерж.: Тассовский мотив в «Мстиславе Мстиславиче» П. А. Катенина; Один из источников пародии Достоевского.
117. Н. В. Измайлов (1893—1981) // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л.: Наука, 1985. С. 196—199. Без подписи.
118. Литературная школа Лермонтова // Лермонтовский сборник / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Редкол.: И. С. Чистова, В. А. Мануйлов, В. Э. Вацуро. Л.: Наука, 1985. С. 49—90. (См. № 248).
119. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1985. 544 с., 575 с. (Сер. лит. мемуаров). (См. № 58, 222).
120. А. С. Пушкин в сознании современников // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. С. 5—26. (Сер. лит. мемуаров). (См. № 59, 223).
121. Пушкинские «литературные жесты» у М. Ю. Лермонтова // Рус. речь. 1985. № 5. С. 17—21.
122. Русский сонет 1820-х годов и европейская романтическая традиция // Гармония противоположностей: Аспекты теории и истории сонета / Тбил. ун-т; Тбил. пед. ин-т иностр. яз. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1985. С. 88—100.

1986

123. Антон Дельвиг — литератор // Дельвиг А. А. Соч. / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Э. Вацуро. Л.: Худож. лит., 1986. С. 3—20.
124. Из записок филолога // Рус. речь. 1986. № 3. С. 5—22. (См. № 197).
Содерж.: «Площадной шут» в пушкинской эпиграмме; Заметка к тексту Баратынского.
125. Из записок филолога // Рус. речь. 1986. № 4. С. 17—21. (См. № 197).
Содерж.: Тощий кот на кровле; «Могильный голос» Вольтера в пушкинском послании.
126. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 305—323. (См. № 197).
Содерж.: Послание Пушкина к Филимонову и др.
127. «Книг, ради бога, книг!»: (А. С. Пушкин) // «Они питали мою музу...»: Книги в жизни и творчестве писателей / Сост. С. А. Розанова. М.: Книга, 1986. С. 8—28. (Наедине с книгой).
128. Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книге и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1986. 382 с. В соавт. с М. И. Гиллельсоном. (См. № 49).
Рец.: Яковлев С. Циничное презрение к мысли // Новый мир. 1987. № 5. С. 263—267; Ходоров А. Служение и честь // Нева. 1987. № 6. С. 171—172.

1987

129. Дельвиг и искусство // Сов. искусствознание. М., 1987. Вып. 22. С. 333—350. (См. № 197).
130. Заметки к пушкинским воспоминаниям о Дельвиге: Дельвиг и Гельти // Zeitschrift für Slawistik. 1987. Bd. 32. H. 1. S. 54—59. (См. № 197).
131. Из записок филолога // Рус. речь. 1987. № 3. С. 31—33. (См. № 197).
Содерж.: Булгарин и граф Хвостов; «Влажный дым» водопада.
132. Из записок филолога // Рус. речь. 1987. № 6. С. 19—25. (См. № 197).
Содерж.: «Тень зари»; «Неприятель на носу»; Простодушие гения: (Заметки о Пушкине).
133. Александр Крюков и его стихи // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1987. Т. 14. С. 252—258.
134. «Моцарт и Сальери» в «Маскараде» Лермонтова // Рус. лит. 1987. № 1. С. 78—88. (См. № 197, 219).
135. «Опыт прямодушия»: Из истории литературно-критических воззрений Пушкина // Лит. обозрение. 1987. № 2. С. 4—7.
136. «Отшельник» И. Чавчавадзе и русская литературная традиция // Творческое наследие Ильи Чавчавадзе и литература народов СССР: Тез. докл. и сообщений Всесоюз. науч. конф. Телави; Кварели, 1987. С. 23—25.
137. Проблема «Пушкин и мировая литература» в трудах М. П. Алексеева // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1987. С. 581—592.

138. Александр Пушкин [— читатель] // Кн. обозрение. 1987. 6 февр. С. 6.

139. Тургенев А. И. Письма к В. А. Жуковскому / Публ., вступ. ст. и примеч. В. Э. Вацуро и М. Н. Виротайнен // Жуковский и русская культура / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1987. С. 350—431.

140. Pг. Mérimée — А. С. Пушкин / Сост. З. И. Кирнозе; Коммент. В. Э. Вацуро и др. М.: Радуга, 1987. 432 с.

1988

141. Антоновский М. И., Второв И. А., Вындомский А. М. // Словарь русских писателей XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1988. Вып. 1. С. 35—37, 179—181.

142. Из записок филолога: Перевод до оригинала: [«Подражание Шенье» Е. А. Баратынского]; Петрарка в стихах на смерть Пушкина: [«А. С. Пушкин» В. А. Жуковского] // Рус. речь. 1988. № 4. С. 27—30. (См. № 197).

143. Из литературных отношений Баратынского // Рус. лит. 1988. № 3. С. 153—163. (См. № 248).

144. История одной ошибки: [Об авторстве стихотворения «К Морфею»] // Рус. речь. 1988. № 5. С. 17—23. (См. № 197).

145. Лермонтов и Серафима Теплова // Литература и искусство в системе культуры / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. С. 399—405. (См. № 197).

146. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х годов: (Разыскания) // Литературные связи славянских народов: Исследования. Публикации. Библиография / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Отв. ред. В. Н. Баскаков. Л.: Наука, 1988. С. 22—57.

1989

147. Айбулат, Алексеев Ф. А. (в соавт. с А. И. Рейтблатом), Башилов А. А., Бестужев-Рюмин М. А., Бриммер В. К., Великопольский И. Е., Волков П. Г., Вуич Н. Е., Глебов А. Н., Глебов Д. П. // Русские писатели 1800—1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев; Редкол.: В. Э. Вацуро (зам. гл. ред.) и др. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 26, 186—187, 261—262, 327—328, 403—404, 466, 498, 572—573.

148. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1989. Сб. 16. С. 139—179. (См. № 248).

149. Из записок филолога: К 175-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова // Рус. речь. 1989. № 5. С. 16—22. (См. № 197).

Содерж.: «Камень, сложенный потоком...»; Стихи Лермонтова и проза Карамзина.

150. Карамзин Н. М. Записка И. В. Лопухину; Баратынский Е. А. Письмо А. А. Елагину; Трубешкой Е. И. Письмо И. А. Якубовичу; Жуковский В. А. Письмо И. Ф. Крузенштерну / Публ. В. Э. Вацуро // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М.: Книга, 1989. С. 332—338.

151. Карамзин возвращается // Лит. обозрение. 1989. № 11. С. 33—39.

Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

152. Лирика Пушкина // Пушкин А. С. Избр. лирика. М.: Дет. лит., 1989. С. 5—24.

153. Литературное движение начала [XIX] века: Карамзин. Жуковский. Батюшков; Лермонтов // История всемирной литературы: В 9 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит.; Гл. ред. Ю. Б. Виппер. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 292—303, 360—369.

154. О литературном источнике стихотворения А. Чавчавадзе «Человек в разные периоды жизни» // Труды Тбил. ун-та. 1989. Т. 285: Литературоведение. С. 38—43.

155. [Ответы на вопросы редакции «Литературного обозрения» о состоянии современного пушкиноведения] // Лит. обозрение. 1989. № 6. С. 16—17.

156. Почти неизвестный Тютчев // Рус. речь. 1989. № 4. С. 14—20. (См. № 197).

157. С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989. 414 с. Рец.: Нешумова Т. // Лит. обозрение. 1990. № 9. С. 62.

158. «Стансы винограду»: Из записок филолога // Рус. речь. 1989. № 3. С. 24—27. (См. № 197).

159. Французская элегия XVIII—XIX веков и русская лирика пушкинской поры; Справки о русских поэтах-переводчиках; Комментарии к русским стихотворениям; Стихи русских поэтов, посвященные Андре Шенье // Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В. Э. Вацуро. М.: Радуга, 1989. С. 27—48, 591—605, 606—668, 669—674. (См. № 248).

160. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1989. Т. 13. С. 222—241. (См. № 248).

1990

161. Жизнь и поэзия Надежды Теплово // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1989 / АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1990. С. 16—43. (См. № 248).

162. «Князь, наперсник Муз» в пушкинском «Городке»: Из записок филолога // Рус. речь. 1990. № 3. С. 8—12. (См. № 197).

163. Лермонтов Михаил Юрьевич // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь / Под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. Т. 1. С. 409—416.

1991

164. Из записок филолога: Бунина или Бакунина? // Рус. речь. 1991. № 5. С. 3—6. (См. № 197).

165. Карамзин Н. М. Из неизданных писем / Публ. В. Э. Вацуро // Рус. лит. 1991. № 4. С. 88—98.

166. Кукольник Н. Анекдоты / Вступ. заметка В. Э. Вацуро // Искусство Ленинграда. 1991. № 1. С. 66—75.

167. Г. П. Макогоненко как исследователь Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 322—324. Подпись: В. В.

168. Борис Соломонович Мейлах // Пушкин: Исследования и материалы Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 310—312. Подпись: В. В.

169. Поэтический манифест Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 65—72. (См. № 197).

170. Судьба «русского Фауста» // Турьян М. А. «Странная моя судьба»: О жизни В. Ф. Одоевского. М.: Книга, 1991. С. 5—10.

1992

171. Будем работать в стол — благо опыта не занимать // Лит. газ. 1992. 11 нояб. С. 6.

172. «В его свободе есть закон»: Штрихи к портрету Ю. Лотмана // Лит. газ. 1992. 26 февр. С. 6.

173. Встреча: Из комментариев к мемуарам о Карамзине // Н. М. Карамзин: Юбилей 1991 года: Сб. науч. тр. / Сост. Н. И. Михайлова, С. О. Шмидт. М., 1992. С. 111—126. (См. № 197).

174. Григорьев В. Н., Грузинов И. Р., Дашков Д. В., Деларю М. Д., Дельвиг А. И., Дельвиг А. А., Дуров А. Х., Зайцевский Е. П., Зыков Д. П., Илличевский А. Д., Княжевич Н. М., Козлов В. И. // Русские писатели 1800—1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев; Редкол.: В. Э. Вацуро (зам. гл. ред.) и др. М.: Большая рос. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 36—37, 50, 89—90, 97—99, 197—198, 317, 363—364, 411—412, 568, 591—592.

175. Загадочная эпиграмма А. С. Пушкина // Рус. речь. 1992. № 3. С. 12—17. (См. № 197).

176. К изучению лицейской лирики Пушкина: Из работ над академическим собранием сочинений Пушкина // Рус. лит. 1992. № 4. С. 59—72. (См. № 197).

Содерж.: Реликты псевдопушкинианы в академическом собрании; Об адресате послания «К другу стихотворцу».

177. К литературной истории «Старой были» Катенина // Катенинские чтения: Тез. докл. Кострома, 1992. С. 11. (См. № 216).

178. Лермонтов и Андре Шенье: К интерпретации одного стихотворения [«К *** (О, полно извинять разврат)»] // Михаил Лермонтов. 1814—1989: Норвич. симпозиум / Под ред. Е. Эткинды. Норфилд: Рус. шк. Норвич. ун-та, 1992. С. 117—130.

179. Ненастное лето в Женеве, или История одной мистификации // Бездна: Темат. вып. журн. АРС. СПб., 1992. С. 36—47.

180. О тексте поэмы М. Ю. Лермонтова «Каллы» // В честь 70-летия проф. Ю. М. Лотмана / Тарт. ун-т. Каф. рус. лит. Тарту, 1992. С. 232—248.

181. «Перед Пушкиным мы в долгу...» / Диалог В. Э. Вацуро и С. А. Фомичева (записал И. Фояков) // Лит. газ. 1992. 3 июня. С. 6.

182. Поэтический мир Сергея Вольфа // Рус. мысль. Париж, 1992. 8 янв. С. 11.

183. Приписываемое Пушкину [стихотворение «Цель моей жизни»] // Новое лит. обозрение. 1992. № 1. С. 251—256. (См. № 197).

1993

184. М. Горбачев как феномен культуры // Культурологические записки. 1993. Вып. 1. С. 207—225.

185. Две заметки к пушкинским текстам // Пушкинский журнал = The Puškin journal. 1993. Т. 1. № 1. С. 21—35. (См. № 197).

Содерж.: Один из источников «Окна»; Пророчество Андрея Шенье.

186. Карамзин Н. М. Письма к В. М. Карамзину (1795—1798) / Публ. В. Э. Вацуро // Рус. лит. 1993. № 2. С. 80—132.

187. Некрасов и петербургские словесники // Рус. речь. 1993. № 5. С. 8—13. (См. № 197).

188. «Полный» Пушкин — впервые?: Первый том академического собрания сочинений ждет своего издания / Записала И. Муравьева // Невское время. 1993. 11 марта.
189. Последняя элегия Батюшкова: К истории текста // Рус. речь. 1993. № 2. С. 8—22. (См. № 197).
190. Послесловие [к роману Б. Садовского «Пшеница и плевелы»] // Новый мир. 1993. № 11. С. 143—150.
191. Умер Юрий Михайлович Лотман // Лит. газ. 1993. 3 нояб. С. 3.
192. Василий Ушаков и его «Пиковая дама» // Новое лит. обозрение. 1993. № 3. С. 103—119. (См. № 248).
193. Чужое «я» в лермонтовском творчестве // Russian literature. Amsterdam, 1993. Vol. 33. N 4. P. 505—519.

1994

194. Бунт эрудита против современности // Рус. мысль. Париж, 1994. 14—20 апр. Рец. на кн.: Герасимов К. Из глубины. Тбилиси, 1992.
195. В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас»: Сб. в 2 кн. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуру и др. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 1. С. 5—27. Рец.: Rossi V. // Russica Romana. Roma, 1995. Vol. 2. P. 428—430.
196. Грибоедовский замысел трагедии «Родина и Зенобия» // Проблемы творчества А. С. Грибоедова: Сб. ст. / РАН. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия; Отв. ред. С. А. Фомичев. Смоленск: Траст-ИМАКОМ, 1994. С. 162—193. (См. № 248).
197. Записки комментатора. СПб.: Акад. проект, 1994. 349 с. (См. № 55, 60, 73, 81, 90, 94, 113, 114, 116, 124—126, 129—132, 134, 142, 144, 145, 149, 156, 158, 162, 164, 169, 173, 175, 176, 183, 185, 187, 189).
- Содерж.: «Пророк»; Поэтический манифест Пушкина; «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»; Кто был пушкинский «друг стихотворец»?; «Князь, наперсник муз» в пушкинском «Городке»; «Стансы винограду»; Бунина или Бакунина?; Загадочная эпиграмма Пушкина; «Тень зари»; Пророчество Андрея Шенье; Послание Пушкина к Филимонову; Бомарше в «Моцарте и Сальери»; «Могильный голос» Вольтера в пушкинском послании; Устная новелла Пушкина; Простодушие гения; «Неприятель на носу»; Булгарин и граф Хвостов; Тоший кот на кровле; Приписываемое Пушкину; Встреча: (Из комментариев к мемуарам о Карамзине); Последняя элегия Батюшкова; Торквато Тассо и «Мстислав Мстиславич» Катенина; Дельвиг и искусство; Дельвиг и немецкие поэты; История одной ошибки; «Гей» или «Игея»: (Заметка к тексту Баратынского); Перевод до оригинала; Почти неизвестный Тютчев; Рассказы о Денисе Давыдове; «Моцарт и Сальери» в «Маскараде»; Лермонтов и Серафима Теллова; «Камень, сглаженный потоком»; Запись в цензурной ведомости; Некрасов и петербургские словесники; «Великий меланхолик».
- Рец.: Немзер А. Торжество смысла // Сегодня. 1994. 26 окт.; Мазья М. Лаборатория творчества // Нева. 1995. № 6. С. 198—199; Лурье С. // Невское время. 1995. 12 июля; Эльзон М. Д. Занимательность науки // Russian studies. 1995. Т. 1. № 3. P. 443—445.
198. Козлов И. И., Колачевский Н. Н., Коншин Н. М., Кропоткин Д. А., Кругликов Г. П., Крылов А. А., Крюков А. П., Лермонтов М. Ю., Манассеин П. П., Мейснер А. Я. // Русские писатели 1800—1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев; Редкол.: В. Э. Вацуру (зам гл. ред.) и др. М.: Большая рос. энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 5—8, 20—21, 61—62, 161—162, 167, 175—176, 185—186, 329—338, 505, 570—572.
199. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа» / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: Наука, 1994. 240 с.
- Рец.: Немзер А. От скорби и скуки к утехам наслаждения // Сегодня. 1994. 20 авг. С. 12; Коровин В. И. Исследование об «элегической школе» // Новое лит. обозрение. 1995. № 11. С. 310—318; Leighton L. G. // Slavic and East European journal. 1996. Vol. 40. N 2. P. 372—373; Morgan J. // Pushkin Review. Bloomington, 1998. Vol. 1. P. 161—162.
200. Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет (1813—1817) / Ред. В. Э. Вацуру; Тексты проверили и примеч. составили В. Э. Вацуру и др. СПб.: Наука, 1994. С. 383—403.
201. Пушкинское переложение из «Книги Иудифь» // Jews and Slavs. Jerusalem, 1994. Vol. 2: The Bible in the thousand years of Russian literature. P. 135—144.
202. Случай имитации рукописного источника в русской литературе 1820-х годов // Рукопись сквозь века: (Рукопись как культурный феномен на различных этапах литературного развития) / РАН. Ин-т мировой лит.; Ин-т совр. текстов и рукописей (Франция). Москва; Париж; Псков, 1994. С. 77—84.
203. Энциклопедический тупик // Лит. газ. 1994. 27 апр. С. 6.

1995

204. «Должно быть, Пушкина сочинение» / Диалог В. Э. Вацуру и С. А. Фомичева // Вести. 1995. 26 сент.
205. Из истории «готического» романа в России: (А. А. Бестужев-Марлинский) // Russian Literature. 1995. Vol. 38. N 2. P. 207—225.

206. Культура обойдется без властей // Невское время. 1995. 11 февр.
207. «Полночный колокол»: Из истории массового чтения в России в первой трети XIX в. // Чтение в дореволюционной России: Сб. науч. трудов / Сост. и науч. ред. А. И. Рейтблат. М.: Новое лит. обозрение, 1995. [Вып. 2]. С. 5—28.
208. Пушкин и Данте // Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. [Вып.] 1. С. 375—391. (См. № 248).
209. «Сказка о золотом петушке»: (Опыт анализа сюжетной семантики) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 122—133. (См. № 248).
210. Три Клеопатры // *Dissertationes Slavicae. Sectio Historiae litterarum*. Szeged, 1995. T. 21. S. 207—217.

1996

211. Два стихотворения Анны Радклиф в русских переводах // Россия. Запад. Восток: Встречные течения: К столетию со дня рождения акад. М. П. Алексеева / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: Наука, 1996. С. 247—255.
212. [Преамбула к статье М. С. Кайсарова «Скромный ответ на нескромное замечание г. К—ва»] // Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацууро, С. А. Фомичева. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр, 1996. С. 359—361. (Пушкинская премьера). (См. № 257).
213. А. Радклиф, ее первые русские читатели и переводчики // Новое лит. обозрение. 1996. № 22. С. 202—225.
214. «Сын Курбского» // Русское подвижничество: Сб. к 90-летию Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1996. С. 159—170.
215. Сюжет «Боярина Орши» // Концепция и смысл: Сб. статей в честь 60-летия проф. В. М. Марковича / СПб. ун-т. СПб., 1996. С. 186—196.
216. Сюжет «Старой были» П. А. Катенина // Труды Отд. древнерус. лит. / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: Наука, 1996. Т. 50. С. 785—791. (См. № 177).
217. «La tragédie» romantique et Voltaire: (Contribution à l'analyse de «Boris Godounov» de Pouchkine) // *Romantisme: Revue du dix-neuvième siècle*. Paris, 1996. N 92. P. 55—60.

1997

218. К истории эпиграмм Пушкина на Карамзина // Новое лит. обозрение. 1997. № 27. С. 112—131. (См. № 248).
219. «Моцарт и Сальери» в «Маскараде» Лермонтова. [Отр.] // «Моцарт и Сальери», трагедия Пушкина: Движение во времени: Антология трактовок и концепций от Белинского до наших дней / РАН. Ин-т мировой лит.; Сост. и коммент. В. С. Непомнящего. М.: Наследие, 1997. С. 718—722. (См. № 134, 197).
220. Страницка из жизни Грибоедова: (Неизданные письма Ф. В. Булгарина к Н. А. Полевому) // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию проф. С. А. Фомичева / Новгород. ун-т. Новгород, 1997. С. 167—179.

1998

221. Некрасов, Плетнев и Никитенко в 1839 году: [Письмо П. А. Плетнева к А. В. Никитенко] // Некрасовский сборник / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: Наука, 1998. [Вып.] 11—12. С. 189—191.
222. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацууро, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. СПб.: Акад. проект, 1998. 528 с., 655 с. (Пушкинская б-ка). (См. № 58, 119).
223. Пушкин в сознании современников // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. В. Э. Вацууро, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 3-е изд., доп. СПб.: Акад. проект, 1998. Т. 1. С. 5—26. (Пушкинская б-ка). (См. № 59, 120).
224. «Тень, знай свое место!»: Пушкинисты о сегодняшней пушкинистике // Лит. газ. 1998. № 22. С. 11. В соавт. с С. А. Фомичевым.

1999

225. «Видок Фиглярин» // Новый мир. 1999. № 7. С. 193—196.
226. Еще раз об академическом издании Пушкина: (Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта) // Новое лит. обозрение. 1999. № 37. С. 253—266.
227. Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. / РАН. Ин-т рус. лит.; Ред. т. В. Э. Вацууро; Подгот. текстов и примеч. В. Э. Вацууро и др. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 417—439.
228. Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / РАН. Ин-т рус. лит.; Ред. т. В. Э. Вацууро; Подгот. текстов и примеч. В. Э. Вацууро и др. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 419—438.

229. Нечаев С. Д., Норов Ав. С., Одоевский В. Ф. (в соавт. с Г. В. Зыковой и Е. Г. Мешериной), Панаев В. А. // Русские писатели 1800—1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П. А. Николаев; Зам. гл. ред. В. Э. Вацуру. М.: Большая рос. энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 292—293, 359—361, 392—403, 514—516.

230. Об одной литературной пародии Некрасова «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке» // *Acta philologicae*: Сб.: Проф. А. Б. Муратову ко дню 60-летия / Под ред. П. Е. Бухаркина; СПб. ун-т. СПб., 1997. С. 104—113.

231. Продолжение спора: О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я» // *Звезда*. 1999. № 6. С. 142—159.

232. «Родамист и Зенобия» / Подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуру // Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. / Редкол.: С. А. Фомичев (гл. ред.), В. Э. Вацуру, А. Л. Гришунин, Н. Н. Скатов. СПб.: Нотабене, 1999. Т. 2. С. 195—200, 446—453.

233. «Сиерра-Морена» Н. М. Карамзина и литературная традиция // XVIII век: Памяти П. Н. Беркова (1896—1969) / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21. С. 327—336.

234. София: Заметки на полях «Косморамы» В. Ф. Одоевского // *Slavic Almanach*. 1999. Т. 5. № 7—8. С. 86—96. (См. № 252).

235. Спящая красавица и поцелуй любовника: (К истории поэтического мотива у А. С. Пушкина) // Традиция и литературный процесс: К 60-летию Е. К. Ромодановской / РАН. Сиб. отд.-ние. Новосибирск, 1999. С. 206—214.

236. Утраченные стихи Пушкина: («Арзамасская речь») // *Рус. речь*. 1999. № 3. С. 10—18.

2000

237. Беседа с В. Э. Вацуру по следам «круглого стола» «Пушкин и христианство» / Ведущий Л. С. Дубшан // *Новое лит. обозрение*. 2000. № 42. С. 209—212.

238. «Вольтеровский» эпизод в биографии Пушкина // Там же. С. 146—149.

239. Готический роман в России (1790—1840): Фрагменты из книги // Там же. С. 125—145. Содерж: Псевдорядклифана; Из главы «Шиллеризм» [Н. Гнедич]; (Лермонтов и традиции западноевропейского готического романа (М. Льюис)).

240. Заметки к теме «Пушкин и „Арзамас”» // Там же. С. 150—160.

241. М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Поэзия. Драматургия. Проза / Сост. И. С. Чистова; Ин-т «Открытое о-во». М.: Слово, 2000. С. 5—10.

242. Незамеченные источники идилии Гоголя «Ганс Кюхельгартен» // Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко: Сб. статей, воспоминаний и документов / Под ред. В. М. Марковича, А. А. Карпова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. С. 117—127.

243. Несколько слов об Эйдельмане-пушкинисте // *Новое лит. обозрение*. 2000. № 42. С. 197—208.

244. То же // Эйдельман Н. Я. Статьи о Пушкине. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 10—23.

245. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» // А. С. Пушкин: Pro et contra: Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост. В. М. Маркович и Г. Е. Потапова. СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманит. ин-та, 2000. Т. 2. С. 474—490. (Рус. путь).

246. «Полярная звезда» декабристов — «Полярная звезда» Герцена: Диалог В. Э. Вацуру и Н. Я. Эйдельмана // *Новое лит. обозрение*. 2000. № 42. С. 177—196.

247. Пушкин и Денис Давыдов в 1818—1819 гг. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию С. О. Шмидта / Ист.-арх. ин-т. М., 2000. С. 150—154.

248. Пушкинская пора: Сб. ст. СПб.: Акад. проект, 2000. 624 с.

Содерж.: И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века; Пушкин и Аркадий Родзянка: (Из истории гражданской поэзии 1820-х годов); Эпиграммы Пушкина на Карамзина; К истории элгии «Простишь ли мне ревнивые мечты»; К генезису пушкинского «Демона»; Пушкин в московских литературных кружках середины 1820-х годов: (Эпиграмма на А. Н. Муравьева); К изучению «Литературной газеты» Дельвига — Сомова; «К вельможе»; «Сказка о золотом петушке»: (Опыт анализа сюжетной семантики); Пушкин и Данте; «Священный союз народов»; Грибоедовский замысел трагедии «Родамист и Зенобия»; Грибоедов в романе В. С. Миклашевич «Село Михайловское»; Из литературных отношений Баратынского; Юность «Мельмота»: [В. Г. Тепляков]; Жизнь и поэзия Надежды Тепловой; Василий Ушаков и его «Пиковая дама»; Литературная школа Лермонтова; Русская идилия в эпоху романтизма; Французская элегия XVIII—XIX веков и русская лирика пушкинской поры; Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов. (См. № 27, 44, 56, 66, 70, 74, 76, 92, 100, 104, 118, 143, 148, 159—161, 192, 196, 208, 209, 218).

Рец.: Немзер А. // *Время*. 2000. № 73. 4 июля; Шемелева Л. М. Презумпция смысла // *Лит. газ.* 2000. 5—11 июля. С. 10.

249. Пушкинская шутка; Русский спиритуалистический сонет романтической эпохи: Из сонетного творчества И. И. Козлова; Ю. Н. Тынянов и А. С. Грибоедов: Из наблюдений над романом «Смерть Вазир-Мухтара» / Публ. Т. Ф. Селезневой; Предисл. М. Турьян; Послесл. О. Супрунук // *Звезда*. 2000. № 11. С. 146—161.

250. Александр Радищев: [Статья для «Пушкинской энциклопедии»] // *Новое лит. обозрение*. 2000. № 42. С. 169—176.

251. Орест Сомов и Вашингтон Ирвинг // *Restraductorica: Перевод и сравнительное изучение литератур: К 80-летию Ю. Д. Левина*. СПб.: Наука, 2000. С. 138—145.

252. София: Заметки на полях «Косморамы» В. Ф. Одоевского // *Новое лит. обозрение*. 2000. № 42. С. 161—168. (См. № 234).

253. Un épisode «voltairien» dans la biographie de Pouchkine / Trad. de J. Bonamour // *L'Universalité de Pouchkine / Institut d'études slaves*. Paris, 2000. P. 44—48.

2001

254. В. А. Жуковский: Фрагмент из кн. «Готический роман в России. 1790—1840» / С предисл. А. Долинина // *Всемир. слово*. 2001. № 14. С. 148—152.

255. О «Моларте и Сальери»: (Интервью радиостанции «Свобода». 1997 / Публ. Т. Нещумовой и Т. Селезневой) // *Рус. яз.* 2001. № 5. 1—7 февр. С. 5—7.

256. Первый русский переводчик «Витязя в тигровой шкуре» [И. В. Бардинский] // *Пушкинская конференция в Стэнфорде: Материалы и исслед.* / Под ред. Д. М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина, Л. С. Флейшмана. М.: Объед. гос. изд-во, 2001. Вып. 7. С. 490—509.

257. [Преамбула к статье М. С. Кайсарова «Скромный ответ на нескромное замечание г. К—ва»] // *Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827* / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, С. А. Фомичева; РАН. Ин-т рус. лит.; Пушкинский театр. центр в СПб. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001. С. 368—373. (См. № 212).

258. «Санктпетербургский зритель» // *Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830* / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой; РАН. Ин-т рус. лит.; Пушкинский театр. центр в СПб. СПб., 2001. С. 536.

2002

259. Готический роман в России. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 544 с.

260. Стихотворение Пушкина «Недоконченная картина» // *Пушкин и его современники*. СПб.: Акад. проект, 2002. Вып. 3 (42). С. 389—396.

260а) Лирика пушкинской поры (2-е изд.) СПб., 2002.

261. Комментарии к стихотворениям «Вольность. Ода», «Свобода». Поздняя ред. (в соавт. с Е. О. Ларионовой, А. И. Роговой); «Кривцову» (в соавт. с И. С. Чистовой); «Торжество Ваха», «К Ж(уковскому). По прочтении изданных им книжек „Для немногих“»; «Жуковскому». Поздняя ред.; «Послушай, дедушка, мне каждый раз»; «К портрету Жуковского»; «(На Карамзина)» («В его „Истории“ изящность, простота»); «(На Каченовского)» («Бессмертной рукой раздавленный зюил»); «Орлов с Истоминой в постеле»; «Мечтателю»; «И я слышал, что Божий свет»; «(На Стурдзу)» («Холоп венчанного солдата!»), «(Записка к Жуковскому)» («Раевский, *молодец* прежний»), «Недоконченная картина», «(К портрету Дельвига)» («Се самый Дельвиг тот, кто нам всегда твердил») (в соавт. с Е. О. Ларионовой); «Могучий бог садов — паду перет, паду перет тобой», «Дубравы, где в тиши свободы» (в соавт. с Е. О. Ларионовой и И. С. Чистовой), «(Колосовой)» («О ты, Надежда нашей Сцены»), «[Красноречивый забияка]», «(Отрывки „Арзамасской речи“»); «Я вкрут Стурдзы хожу» // *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т.* / РАН. Ин-т рус. лит.; Редкол.: В. Э. Вацуро и др. СПб.: Наука, 2003. Т. 2.

Редактирование

262. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия; Отв. ред. В. Э. Вацуро. Л.: Наука, 1975. 520 с.

263. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Редкол.: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро и др. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1979. 656 с.

264. А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Ред. В. Э. Вацуро. М.: Худож. лит., 1980. 448 с. (Сер. лит. мемуаров).

265. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. / Под общ. ред. В. Э. Вацуро и др. М.: Худож. лит., 1980. 476 с., 487 с. (Сер. лит. мемуаров).

266. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4 / АН СССР. Ин-т рус. лит.; Редкол.: В. А. Мануйлов (отв. ред.), В. Э. Вацуро и др. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1981. 592 с.

267. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов; Ред. разделов «Произведения Лермонтова» и «Лермонтов и русская литература» В. Э. Вацуро. М.: Сов. энциклопедия, 1981. 784 с.

268. Черейский Л. А. Современники Пушкина: Документ. очерки / Науч. ред. В. Э. Вацуро. Л.: Дет. лит., 1981. 271 с.

269. И. А. Крылов в воспоминаниях современников / Ред. В. Э. Вацуро. М.: Худож. лит., 1982. 503 с. (Сер. лит. мемуаров).

270. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1—2 / Вступ. ст. и коммент. И. Л. Андроникова; Редкол.: В. Э. Вацуро и др. М.: Худож. лит., 1983. 446 с., 542 с.
271. Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11 / Ред. Д. Д. Благой, В. Э. Вацуро и др. Л.: Наука, 1983. 360 с.
272. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3—4 / Вступ. ст. и коммент. И. Л. Андроникова; Редкол.: В. Э. Вацуро и др. М.: Худож. лит., 1984. 543 с., 257 с.
273. Временник Пушкинской комиссии. 1981 / Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1985. 223 с.
274. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20 / Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1986. 215 с.
275. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22 / Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1988. 207 с.
276. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия; Отв. ред. В. Э. Вацуро. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.
277. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23 / Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1989. 206 с.
278. Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. Т. 1 / Гл. ред. П. А. Николаев; Редкол.: В. Э. Вацуро (зам. гл. ред.) и др. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 672 с.
279. Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская; Отв. ред. В. Э. Вацуро. М.: Наука, 1989. 790 с. (Лит. памятники).
280. Литература о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Библиогр. указ. 1825—1916 / АН СССР. Б-ка. Ин-т рус. лит.; Сост. О. В. Миллер; Под ред. Г. В. Бахаревой и В. Э. Вацуро. Л.: БАН, 1990. 346 с.
281. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24 / Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1991. 216 с.
282. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25 / Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1991. 218 с.
283. Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. Т. 2 / Гл. ред. П. А. Николаев; Редкол.: В. Э. Вацуро (зам. гл. ред.) и др. М.: Большая рос. энциклопедия; Фианит, 1992. 622 с.
284. Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. Т. 3 / Гл. ред. П. А. Николаев; Редкол.: В. Э. Вацуро (зам. гл. ред.) и др. М.: Большая рос. энциклопедия; Фианит, 1994. 592 с.
285. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 26 / Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1995. 255 с.
286. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27 / Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1996. 256 с.
287. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. / РАН. Ин-т рус. лит.; Редкол.: В. Э. Вацуро и др.; Ред. т. В. Э. Вацуро. СПб.: Наука, 1999. 840 с.
288. Пушкин и его современники. Вып. 1 (40) / Редкол.: Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев. СПб.: Акад. проект, 1999. 350 с.
289. Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. Т. 3 / Гл. ред. П. А. Николаев; Редкол.: В. Э. Вацуро (зам. гл. ред.) и др. М.: Большая рос. энциклопедия; Фианит, 1999. 704 с.
290. Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев — литератор / Ред. В. Э. Вацуро. СПб.: Изд-во Д. Буланина, 2001. 242 с.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абамелек А. Д. см. Баратынская А. Д.
 Аббас-Мирза 306, 307
 Аберкромби Д. 381, 390
 Аблесимов А. М. 95
 Абрамкин В. М. 353, 361
 Абрамович С. Л. 172, 213, 216
 Август 235
 Аверинцев С. С. 136, 141
 Адамович Г. В. 233
 Адрианова-Перетц В. П. 144
 Азаревичева М. А. 254
 Айбулат 458
 Айвазовский И. К. 394
 Аксаков И. С. 151
 Аксаков С. Т. 292
 Аксель Н. 359
 д'Аларкон Х. Р. 276
 Александр I, император 69, 103, 157,
 164, 165, 167, 169, 170, 172, 173, 177,
 192, 220, 229, 235, 256, 345, 428, 431,
 433, 434, 436, 438, 439, 444, 445, 462
 Александр II, император 192, 332, 337
 Александра Федоровна, императрица
 160
 Алексеев А. Д. 452
 Алексеев М. П. 84—86, 140, 291, 450,
 454—457, 461
 Алексеев Н. С. 200
 Алексеев Ф. А. 458
 Алексеев-Яковлев А. Я. 355
 Алексей, митрополит 197
 Али (Морали) 344
 Альбрехт Е. К. 363
 Альбрехт К. Ф. 356
 Альд Мануций 180
 Альми И. Л. 269
 Альтман М. С. 260
 Альтшуллер М. Г. 3, 164, 291, 453
 Алябьев А. А. 361
 Аммосов А. Н. 215
 Анакреон 117, 429
 Андроников И. Л. 464
 Анитова А. М. 353
 Аничков Д. С. 105
 Анна, княгиня 12
 Анненков П. В. 12, 135, 316, 318, 328,
 329, 341
 Ансон Д. 438, 439
 Антоновский А. 431
 Антоновский М. И. 458
 Апулей 235
 Апухтин Алексей Н. 4, 323—342
 Апухтин Афиноген Н. 325
 Апухтин В. Н. 325, 327
 Апухтин Н. Н. 325
 Апухтин Н. Ф. 323—325
 Апухтина М. А. 323—326
 Апухтины 323
 Арапов П. Н. 251
 Арапова А. П. 214—216
 Арендт Н. Ф. 390
 Аржевитинов И. С. 159
 Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
 Аринштейн Л. М. 172
 Аристотель 116, 396
 Арсеньев К. И. 406, 407
 Арто А. Ф. 266
 Архипова А. В. 4
 д'Аршиак О. 272
 Аспазия 235, 236
 Астафьева О. В. 3
 Аткинсон И. 235
 Афиани В. Ю. 429, 430
 Ахматова А. А. 97, 200, 201, 212—216,
 219, 243, 453
 Ахматова Е. Н. 398, 424
 Баевский В. С. 221
 Базанов В. Г. 110, 112, 454
 Байрон Д. Н. Г. 8, 16, 66, 104, 140—142,
 160, 185, 222, 224, 230, 234, 235, 237,
 238, 241, 243—250, 319, 328, 339, 345,
 456
 Бакунин М. А. 244
 Бакунина В. И. 459, 460
 Балакирев М. А. 355
 Бальби А. 418
 Бальзак О. де 66, 182, 216, 426
 Баранов Д. О. 66
 Барант А.-П.-Б. 452
 Бараташвили Н. 304
 Баратынская А. Д. (урожд. Абамелек) 89
 Баратынский Е. А. 238, 239, 449, 454,
 456—458, 460, 462
 Барбе-Марбуа Ф. 408
 Бардовский В. С. 417, 418
 Барклай Д. 105
 Барклай-де-Толли М. Б. 171, 411
 Барков Д. Н. 257
 Барсуков Н. П. 150
 Барт Н.-Т. 260
 Бартдинский И. В. 463
 Бартенев П. И. 10, 19, 200—202, 205,
 213—215
 Барышников П. 325

* Указатель составлен А. С. Лобановой и Л. А. Тимофеевой.

- Барышникова А. А. 325
 Басаргин Н. В. 158
 Баскаков В. Н. 309, 458
 Батюто А. И. 452
 Батюшков К. Н. 99, 133, 219, 235, 236, 238, 449, 455, 458, 460
 Бахарева Г. В. 464
 Бахтин М. М. 95, 219, 221
 Бахтурин К. А. 352, 356
 Башилов А. А. 458
 Бекедин П. В. 455
 Белецкий А. И. 457
 Белинский В. Г. 131, 132, 218, 234, 243, 246, 259, 260, 316, 319, 338—340, 357, 461
 Беллизар Ф. М. 408
 Белосельская-Белозерская Е. А. см. Сухожанет Е. А.
 Белосельская-Белозерская Е. П. 446, 447
 Белосельский-Белозерский Э. А. 198
 Бенедиктов В. Г. 304, 398, 411
 Бенкендорф А. Х. 60, 61, 67, 84, 149—152, 154, 155, 162, 166, 181, 203, 214, 447
 Беньямин В. 262, 277, 280
 Беранже П.-Ж. (Béranger P.-J.) 66, 328
 Бервик И. Ф. Дж., герцог Лирийский 429
 Бергман В. 189
 Березина В. Г. 204, 285, 288
 Березкина С. В. 3, 7
 Берков П. Н. 450, 452, 462
 Бестужев А. А. (псевд. — Марлинский) 230, 291, 313, 333, 335, 345, 452, 455, 460
 Бестужев Н. А. 154, 229
 Бестужев-Рюмин А. П. 415
 Бестужев-Рюмин М. А. 449, 458
 Бетеа Д. М. 177, 463
 Бильбасов В. А. 213
 Бион 223
 Бируков А. С. 452
 Битюгова И. А. 452
 Бичер-Стоу Г. 287
 Благой Д. Д. 103, 135, 203, 464
 Блинчевская М. Я. 452
 Блоссвиль Э. де (Blosseville E. de) 286, 287, 289—294, 296, 298, 300—302
 Блудов Д. Н. 158, 162, 163
 Бобович А. С. 259, 282
 Бобринская С. А. 216
 Бобринские 216
 Боброва Л. Е. 448, 451
 Богаевская К. П. 214
 Богданович И. Ф. 134, 235
 Богомолов И. С. 304, 312
 Боград В. Э. 452
 Боккерини Г. Д. 362—365
 Большаков Л. Н. 195
 Бомарше П.-О.-К. де 274, 454, 460
 Бомон Г. де (Beaumont G. de) 287, 290, 292, 293, 296, 298—301
 Бонди С. М. 3, 5—7, 10, 11, 14—22, 25, 28, 30, 32—35, 37—42, 49, 51, 52, 54, 169, 220
 Борис Годунов, царь 123, 142—146, 179, 180, 184, 339
 Борро Д. 452
 Боссюэ Ж.-Б. 239
 Боткин В. П. 316, 320
 Боцяновский В. 390
 Бочкарев В. А. 123
 Брайант У. К. 288
 Брикнер А. Г. 189, 190
 Бриммер В. К. 458
 Бродский Н. Л. 219, 251, 252, 255, 312
 Брозин П. И. 441, 442
 Броневский В. Б. 438, 439
 Брут (Марк Юний Брут) 46, 117, 235
 Брюке Р. 404
 Брюллов А. П. 92, 93
 Брюллов К. П. 92, 93, 209
 Брюллов П. А. 93
 Брюллова А. А. (урожд. Ралль) 93
 Бурбер М. 95
 Булгаков А. Я. 149, 174, 256
 Булгаков К. Я. 149
 Булгаков С. Н. 95
 Булгарин Ф. В. 61, 70, 159, 160, 203, 206, 286, 299, 337, 356, 357, 405, 407, 409, 429, 438, 439, 446, 447, 452, 455, 457, 460, 461
 Бунина А. П. 459, 460
 Бурбоны, династия 179
 Бурдах К.-Ф. 387, 393
 Бурцов И. Г. 311
 Буссов К. 144
 Бухаркин П. Е. 462
 Бухштаб Б. Я. 452
 Бычков И. А. 76, 77, 92
 Бюргер А. 238
 Бюффон Ж.-Л.-Л. 289
 Вагнер Р. 246
 Вадим Новгородский, князь 13, 30, 47, 178
 Валуев П. А. 325, 326
 Вальденберг В. 111, 112
 Вальтер Р. 438, 439
 Ван Дейк А. 234
 Ваньер (Wagnière) Ж.-Л. 85
 Василий Косой, князь 438, 439
 Василий Темный, князь 123, 438, 439
 Ваттемар А. 452
 Ваууро В. Э. 4, 6, 12, 31, 96, 99, 136, 138, 151, 154, 156, 165, 171, 191, 200, 203, 204, 219, 220, 225, 235, 268, 331, 402, 421, 429, 448—464
 Вебер С. (Weber S.) 278
 Вегнер М. О. 189
 Вейденбаум Е. Г. 311
 Великопольский И. Е. 458
 Величкин 417
 Величкин М. В. 353
 Величкина, актриса 353
 Вельтман А. Ф. 425, 426
 Венгерос С. А. 12, 35, 111, 126, 129, 378
 Веневитинов А. В. 153
 Веневитинов Д. В. 150, 153
 Венедиктов М. 419
 Вергилий (Публий Вергилий Марон) 223
 Веревкин Н. Н. (псевд. — Рахманный) 417
 Вересаев В. В. 200
 Верстовский А. Н. 359, 362, 365
 Веселовский С. Б. 188—191, 197
 Вешняков И. П. 435
 Вигель Ф. Ф. 158, 235, 252, 253
 Вигилянский В. 453
 Вильгорский М. Ю. 305
 Вильгельм, принц Оранский 103, 167
 Вильк Е. А. 3

- Виноградов В. В. 8, 134, 135, 237, 453
 Виноградов Л. 452
 Винокур Г. О. 134
 Винценгероде Ф. Ф. 452
 Виньи А. де (Vigny A. de) 66, 183
 Виппер Ю. Б. 458
 Виротайнен М. Н. 3, 76, 77, 82, 98, 458
 Висковатов С. И. 160
 Вистицкий, генерал-майор 432
 Витале С. 201
 Владимир Мономах, князь 145
 Владимир Святославич, князь 12—15, 18
 Владимирская Н. М. 455
 Воейков А. Ф. 305, 307, 434, 452
 Волян де см. Деволлан (Деволант) Ф.-П. П.
 Волков М. С. 385, 392, 393, 398
 Волков П. Г. 458
 Волкова Т. Н. 199, 200, 212
 Волконская З. А. (урожд. Белосельская-Белозерская) 198
 Волконская М. Н. (урожд. Раевская) 6, 10, 19, 59
 Волконская Н. А. см. Пушкина Н. А.
 Волконский П. М. 84, 435, 442, 447
 Волконский С. Г. 159
 Волконский С. Н. 173
 Волчков С. С. 106
 Вольперт Л. И. 243
 Вольтер (наст. имя и фам. — М.-Ф. Аруэ) 82—86, 92, 140, 176, 286, 387, 393, 445, 457, 460—462
 Вольф А. И. 354, 359
 Вольф С. 459
 Вордсворт У. 266, 319
 Воронцов М. С. 89, 171—174, 176, 177, 222, 344, 345, 347, 349
 Воронцова Е. К. 172, 173, 345
 Востокова Н. Б. 216
 Вревская Е. Н. 212
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 363
 Всеволожский А. В. 51
 Всеволожский Н. В. 51, 52, 257
 Второв И. А. 458
 Вуич Н. Е. 458
 Вульф Алексей Н. 159, 452
 Вульф Анна Н. 212, 213
 Вульф Е. Н. 452
 Вындомский А. М. 458
 Вяземская В. Ф. 174, 202, 213, 214, 345
 Вяземский П. А. 12, 23, 25, 31, 48, 60, 149—152, 154, 156—160, 163, 165, 171, 172, 197, 203, 213, 214, 217, 221, 226, 238, 256, 274, 362, 431, 448, 452, 454

 Г. Н. Р. 361
 Гагарин С. И. 196
 Гагарина В. М. (урожд. Пушкина) 196, 197
 Гаевский П. И. 398, 402, 416
 Гаевский С. Ф. 409, 410, 423
 Гайдн И. 362—365
 Гамильтон Т. (Hamilton Th.) 287, 293
 Гансеманн (Ганеман) С. 423
 Ганнибал А. П. 179, 180, 186
 Ганнибал М. А. (урожд. Пушкина) 96, 180, 191, 197
 Ганнибал О. А. 180
 Ганнибал С. А. см. Роткирх С. А.
 Ганнибалы 378, 392, 394
 Гартинг И. М. 429, 430

 Гаспарен А. де 395, 396
 Гаспаров Б. М. 126, 130
 Гаспаров М. Л. 11, 233
 Гваттари Ф. (Guattari F.) 264, 266, 276
 Гверчино (Гуерчино) 220
 Гвоздев А. Н. 307, 309—312
 Гедеонов М. А. 356, 361
 Гейм И. 106
 Гейне Г. 236, 319, 328, 334
 Геккерт Л. Б. 212—214
 Гельдерлин И.-Х.-Ф. 266
 Гельти Л.-Х.-Г. 457
 Генрих IV, король 445
 Герасимов К. С. 304, 460
 Гервег Г. 244
 Герцен А. И. 154, 243—250, 330, 333, 335, 462
 Герштейн Э. Г. 201, 453
 Гесиод 219
 Геснер С. 225
 Гете И.-В. 14, 16, 91, 141, 225, 235, 237, 239, 240, 245—250, 252, 279, 319, 380, 382, 390
 Гиллельсон М. И. 6, 31, 151, 154, 165, 191, 200, 203, 204, 220, 235, 331, 402, 421, 429, 431, 448, 449, 451, 452—454, 456, 457
 Гин М. М. 316
 Гинзбург Л. Я. 119, 456
 Гласе А. 455
 Глебов А. Н. 458
 Глебов Д. П. 458
 Глебов П. см. Титов Н. П.
 Глейтман Г. 215
 Глинка М. И. 352, 355—359
 Глинка С. Н. 452
 Глинка Ф. Н. 364, 415, 416, 438, 439, 452, 453
 Глушковский А. П. 352, 358
 Гнедич Н. И. 15, 29, 30, 81, 82, 100, 223, 225, 255, 364, 454, 462
 Гоголь Н. В. 94, 131, 133, 175, 291, 315—318, 340, 430, 454, 462
 Гозенпуд А. А. 252, 253, 255, 274, 276, 363, 453
 Голавочев, актер 365
 Голенищев-Кутузов В. В. 411
 Голицын Н. Б. 410, 452
 Голицын П. М. 193, 194
 Голубцов В. В. 323
 Гольбах П.-А. 224
 Гольтзе 418
 Гомер 81, 82, 136, 137, 179, 224, 237, 238, 403
 Гончаров А. Н. 61
 Гончаров Д. Н. 212
 Гончарова А. Н. см. Фризенгоф А. Н.
 Гончарова Е. Н. 199—202, 212, 213
 Гончарова Н. И. (урожд. Загряжская) 60, 63, 192, 199, 201
 Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Гончаровы 199—201, 212
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 117, 140, 224, 235, 236
 Горбачев М. С. 459
 Гордин А. М. 200, 201, 269
 Гордин М. А. 114, 269
 Гордин Я. А. 174, 176
 Гордон П. 189, 190
 Городецкий Б. П. 285, 287, 298
 Горская Е. 454

- Горчаков В. П. 23, 24
 Горький А. М. 219
 Гостомысл 30, 47
 Готорн Н. 288
 Готье Т. 426
 Гофман М. Л. 79
 Граббе П. X. 454
 Грановский Т. Н. 411
 Гребенка Е. П. 411
 Грей Т. 240
 Грей Э. 394
 Грессе Ж.-Б.-Л. 133
 Греч Н. И. 206, 401, 404, 405, 407, 429, 442, 443, 452, 455
 Гречаная Е. П. 81
 Грибоедов А. С. 206, 221, 260, 269, 271—273, 305, 362, 364, 365, 429, 454, 455, 460—463
 Грибоедова Н. А. (урожд. Чавчавадзе) 305
 Григорьев В. В. 409, 411
 Григорьев В. Н. 459
 Григорьян К. Н. 455
 Гринев П., подполковник 195
 Гришунин А. Л. 462
 Гроссман Л. П. 259, 269, 272, 273, 356
 Грот Я. К. 113, 114, 117, 118, 120, 229, 340, 341
 Грузинов И. Р. 455, 459
 Губер Э. И. 455
 Гудон Ж.-А. 84, 85
 Гуковский Г. А. 134, 218, 220
 Гусев В. Е. 305
 Гюго В. (Hugo V.) 66, 216, 399, 400, 419
- Д***** 408, 409
 Давид, царь 142, 145, 146
 Давыдов А. Л. 44, 126
 Давыдов В. Л. 44, 126
 Давыдов Д. В. 99, 404, 449, 450, 452, 456, 460, 462
 Давыдова А. А. (урожд. герцогиня де Граммон) 44, 47, 126—130
 Давыдовы 30, 129
 Дадашзаде А. 452
 Даль В. И. 391
 Данзас Б. К. 331
 Данзас К. К. 214, 215, 331
 Данзас С. Б. 331, 334, 342
 Даниил, князь 30
 Данилов В. В. 428
 Даниэль С. М. 219
 Данненберг К. А. 454
 Данте Алигьери 8, 9, 20, 97, 461, 462
 Дантес Ж.-Ш. 212—214, 216, 331
 Дарвин Ч. 393
 Даргомыжский А. С. 353
 Дашков Д. В. 268, 452, 459
 Дашкова Е. Р. 195, 196
 Деборд-Вальмор М. 238
 Деволант (Деволант) Ф.-П. П. 348
 Деккер-Шенке И. Ф. 355
 Делакура Э. 317
 Деларю М. Д. 459
 Делез Ж. (Deleuze G.) 264—267
 Делорм И. см. Сент-Бев Ш.-О.
 Дельвиг А. А. 32, 49, 56, 58, 66, 67, 75, 100, 154—156, 163, 225, 233, 238, 239, 449, 452, 455, 457, 459, 460, 462, 463
- Дельвиг А. И. 459
 Дементьев М. А. 199, 200, 212, 213
 Демут-Малиновский В. И. 235
 Денисенко С. В. 8, 43, 352
 Державин Г. Р. 111—124, 166, 169, 328, 339, 403, 405, 424
 Державин К. Н. 89
 Державина О. А. 144
 Де Рибас И. см. Рибас О. М. де
 Дерикер В. В. 378, 379, 393—395, 419, 420, 427
 Деррида Ж. (Derrida J.) 263—265, 269—271, 277, 280
 Дзегитов см. Титов Н. П.
 Джеймс Э. 285, 286, 302
 Джексон Э. 288
 Дилло Ш. 252, 258, 278, 352, 358
 Дидро Д. 224
 Ликкенс Ч. 426
 Димитрий, царевич 142, 180
 Ди Пиетро, портной 337
 Дмитриевский М. В. 305
 Дмитриев И. И. 66—68, 74, 75, 162, 163, 235, 236, 240, 449, 455, 458
 Дмитрий Шемьяка, князь 439, 444, 445
 Добролюбов Н. А. 249, 319
 Добужинский М. В. 456
 Долгорукий (Долгорукой) Я. Ф. 148, 157
 Долгоруков В. А. 333
 Доливо-Добровольский Ф. И. 452
 Долинин А. 463
 Домье О. 236
 Дондуков-Корсаков М. А. 400, 402, 405, 407, 452
 Доронинова, актриса 365
 Дорошенко А. П. 192
 Дорошенко П. Ф. (урожд. Пушкина) 192
 Достоевский Ф. М. 95, 106, 131—133, 242, 244, 305, 457
 Дружинин А. В. 157, 244, 316, 318—321, 327
 Дрыжакова Е. Н. 3
 Дубельт Л. В. 57
 Дубровский А. В. 8, 19, 92
 Дубшан Л. С. 462
 Дурнов Д. 455
 Дуров А. X. 459
 Дьяконова Н. Я. (Diakonova N.) 454, 456
 Дюбург, гравёр 235
 Дюма А. 425, 426
 Дюма Ж.-Б. 389, 394
- Евсевий Памфил 84
 Ежова Е. И. 254, 257, 272
 Екатерина I, императрица 430
 Екатерина II, императрица 109, 111, 116, 117, 121, 176, 178, 191, 195, 286, 429, 452
 Елагин А. А. 194, 195, 458
 Елена Павловна, великая княгиня 390
 Елизавета Петровна, императрица 441
 Елизаров (Елизарьев) Л. 189, 190
 Еремин М. П. 203, 285, 288, 298
 Ермак Тимофеевич, атаман 70, 429
 Ермолов А. П. 152, 441, 442
 Ершов П. П. 411
 Есенин С. А. 454
 Есипов В. М. 149
 Есипов Г. В. 399, 400
 Ефремов П. А. 12

- Жадимеровский П. А. 90, 91
 Жандр А. А. 260, 271, 452
 Жанен Ж. 66, 216, 412
 Желябушский А. А. 325
 Женет Ж. (Gennete G.) 267
 Живов В. М. 134
 Жиркевич А. В. 323—325, 327, 328, 342
 Житомирская С. В. 87, 464
 Жихарев С. П. 252
 Жомини Г. 224
 Жорж (наст. имя и фам. — М.-Ж. Вей-мер) 255—257
 Жуйкова Р. Г. 10, 28, 32, 47, 92, 93
 Жуковский В. А. 14, 19, 43, 57, 99, 149, 152, 157—159, 201, 203, 214, 219, 238—240, 256, 257, 268, 316, 326, 328, 330, 334, 340, 342, 402, 403, 449, 458, 463
 Заборов П. Р. 239
 Заборова Р. Б. 203, 205
 Загорский М. Д. 252, 253
 Загоскин Л. 425, 426
 Загоскин М. Н. 66, 413, 414, 420, 424, 452
 Загряжская Е. А. (урожд. Дорошенко) 192
 Загряжский А. А. 192
 Зайц Д. фон 355
 Зайцевский Е. П. 459
 Занд К. 47
 Захарьины-Юрьевы 180
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
 Зимин А. А. 142
 Злобин К. К. 411
 Зонтаг Г. 435
 Зотов Р. М. 353, 356, 357
 Зубков В. П. 14, 148, 195
 Зубкова А. Ф. (урожд. Пушкина) 195
 Зыков Д. П. 459
 Зыкова Г. В. 462
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 180, 260
 Иван Калита, князь 186
 Иванов В. И. 95, 98, 185
 Иванов И. А. 234
 Иванов М. М. 352, 359, 361
 Иванов Н. А. 447
 Ивановский А. А. 415
 Иваск У. Г. 435
 Иезуитова Р. В. 4, 6, 47, 79, 80, 151, 191, 198—200, 206, 220, 235, 326, 331, 429, 454, 457, 461
 Иеремия, пророк 46
 Иероним Блаженный (Стридонский) 84
 Измайлов А. Е. 70, 429
 Измайлов В. В. 446, 447
 Измайлов Н. В. 59, 60, 68, 69, 71, 72, 81, 83, 88, 137, 148, 202, 203, 450, 453, 456, 457
 Илличевский А. Д. 459
 Ильин А. Т. 436
 Ильичев А. В. 135, 136
 Инзов И. Н. 30, 48
 Иоаким, патриарх 30
 Иов, патриарх 142, 144
 Иов, пророк 134, 135—139
 Иосиф Ярославский, протоиерей 235
 Ирвинг В. (Irving W.) 286, 288, 291, 463
 Ирина, царица 143
 Исая, пророк 135, 136, 139
 Искрицкий Д. А. 311
 Истомина А. (Е.) И. 223, 234, 463
 Иустин Философ 84
 Ишимова А. О. 452, 453
 Каверин В. А. 398, 400, 412, 423
 Каверин П. П. 116, 221, 453, 455
 Каганье Л.-А. 382, 390, 391
 Казначеев А. И. 89, 90
 Кайсаров М. С. 461, 463
 Каменев Г. П. 454
 Каменский М. Ф. 405
 Каннинггам А. 408, 409
 Кант И. 224, 225, 264, 265
 Кантемир А. Д. 105, 339
 Капнист А. А. 305, 310
 Карамзин А. Н. 213, 216
 Карамзин В. М. 459
 Карамзин Н. М. 13, 30, 43, 66, 70, 110, 130, 140, 142, 155, 157—159, 162—165, 179, 188, 235, 238, 239, 274, 286, 328, 431, 448, 449, 453, 458—462
 Карамзина С. Н. 87, 205, 213, 214, 216
 Карамзины 153, 200, 205, 213, 216
 Каратыгин В. А. 352
 Карл X, король 435
 Карлинский С. 269
 Карлова Э. Ф. 67
 Карпов А. А. 462
 Карцев Г. П. 342
 Катенин П. А. 49, 151, 156, 238, 254, 255, 274, 275, 277, 278, 453, 457, 459, 461
 Кафка Ф. 264, 266
 Каховский П. Г. 159
 Каченовский М. Т. 14, 447, 463
 Кашин Д. Н. 353
 Келер (Келлер) Е. Е. 84
 Кениг С. 244
 Керн А. П. 235
 Киреевский И. В. 140, 141, 153, 243
 Кирнозе З. И. 458
 Кирпичников А. И. 216
 Киселев Н. Д. 152
 Киселев Н. С. 88, 152
 Киселев П. Д. 152
 Киселев С. Д. 200
 Киселева Е. Н. 152
 Киселева Т. 331
 Кишкин Л. С. 201
 Кларк А. 235
 Клейст Г. 266
 Клеопатра, царица 234—236, 251—257, 461
 Клепиков С. А. 208
 Клерже Ж. (Clerget J.) 262, 266, 271
 Ключевский В. О. 142, 144
 Княжевич Н. М. 459
 Княжнин Я. Б. 277, 278
 Коварский Н. А. 335
 Коган Л. Р. 343—351
 Кожин В. В. 454
 Козлов В. И. 459
 Козлов И. И. 159, 160, 334, 403, 460, 462
 Козловский П. Б. 453
 Колачевский Н. Н. 460
 Колосова А. М. 52, 252, 254, 255, 463

- Колумб Х. 286
 Кольридж С. 319
 Кольцов А. В. 306
 Комарович В. Л. 195
 Коммаджер Г. С. 298
 Комовский В. Д. 174
 Кондильяк Э.-Б. де 387, 393
 Кони А. Ф. 452
 Кони Ф. А. 356, 357
 Конисский Георгий 453
 Констан Б. 224, 236, 243, 245, 247, 249
 Константин Павлович, великий князь 162, 437
 Коншин Н. М. 460
 Корд Ф. Ф. 455
 Корде Ш. 47
 Корнелия 235
 Корнель П. 183, 254, 256, 275, 276—278
 Корнилов В. А. 326, 327
 Корнилова А. В. 93, 240, 456
 Корнилович А. О. 164
 Корнуолл Барри (наст. имя и фам. — Б. У. Проктер) 453
 Коровин В. И. 460
 Коровкин Н. А. 353—355
 Корсаков П. А. 205, 398, 415, 416
 Корш Е. Ф. 411, 424, 425
 Корыстева Д. Н. 169
 Костомаров Н. И. 142
 Коттен М.-С. 225
 Кохановская Н. С. (наст. фам. — Соханская) 135
 Коцебу А.-Ф.-Ф. фон 252, 253
 Кочеткова Н. Д. 219
 Кошелев А. И. 153, 158, 159
 Кошелев В. А. 135
 Крабб Д. 319
 Краваль Л. А. 27, 28
 Краевский А. А. 76, 77, 203—206, 213
 Край К. 420
 Краснобородько Т. И. 5, 8, 19, 27, 32, 44, 92
 Красов В. И. 455
 Красовская В. 358
 Крипке С. (Крірке С.) 261
 Критские, братья 151, 153
 Кромвель О. 117, 120
 Кропоткин Д. А. 460
 Кругликов Г. П. 460
 Крузенштерн И. Ф. 458
 Крылов А. А. 453, 460
 Крылов А. В. 400
 Крылов А. Л. 398, 400, 402, 453
 Крылов И. А. 429, 463
 Крюднер В. Ю. 225
 Крюков А. П. 449, 457, 460
 Ксенофан Колофонский 233
 Кугушев Г. В. 359
 Кузнецов Э. 313
 Куканов А. М. 111
 Кукольник Н. В. 146, 356, 398, 459
 Кукушкина М. В. 208
 Кулакова Л. И. 453
 Кулжинский Н. 361
 Кульман Е. Б. 408
 Куницын А. П. 109
 Купер Дж. Ф. 286, 288, 291—293, 302
 Курбский А. М. 461
 Курций Марк 234
 Куторга С. С. 398
 Кутузов М. И. 171, 229, 447
- Куюнджич Д. (Kujundžić D.) 263
 Кьеркегор С. 264, 267
 Кюхельбекер В. К. 4, 142, 154, 163, 229, 238, 362—365
 Кюхельбекер Юлия К. 362
 Кюхельбекер Юстина К. 362
- Лаборд Л.-Э.-С. 383, 391
 Лаваль А. Г. 446, 447
 Лаваль И. С. 447
 Лавров А. В. 98
 Лакан Ж. 264
 Ламартин (Lamartine) А.-М.-Л. де 66, 319
 Лангер В. П. 398, 453
 Ланда С. С. 110, 157
 Ланжерон А. Ф. 345, 350
 Ланов, обер-комендант 196
 Ланская Надежда Н. 198
 Ланская Наталья Н. см. Пушкина Н. Н.
 Ланской П. П. 392
 Лапкина Г. А. 256
 Ларионов И. П. 355
 Ларионова Е. О. 463
 Латышев С. Б. 451
 Лафатер И. К. 392
 Лафонтен Ж. де 134, 235
 Лафероне П.-Л.-О. 161
 Лебедев М. С. 356
 Лебрен Э. (Ле Брен; Le Brun) 108, 111
 Левенвольде, бароны 208
 Левин Ю. Д. 463
 Левитт М. Ч. 132
 Левкович Я. Л. 3, 6, 8, 12, 19, 31, 32, 43, 55, 59, 70, 80, 82, 83, 92, 151, 191, 200, 201, 216, 220, 221, 235, 274, 331, 429, 454, 457, 461
 Лемке М. К. 151, 159
 Лемуан (Лемаен) Ж.-Б. 251
 Ленау (наст. имя и фам. — Ф. Нимбш Эдлер фон Штреленау) 328
 Лермонтов М. Ю. 142, 168, 247, 249, 260, 305, 310, 312, 315, 326, 330, 331, 340, 448, 451—464
 Лермонтов Ю. П. 312, 313
 Лермонтова Е. П. см. Свиньина Е. П.
 Лермонтова М. М. 312, 313
 Лернер Н. О. 126, 128, 129, 378
 Лесман М. С. 458
 Лессинг Г.-Э. 182
 Лесскис Г. А. 110
 Лефельдт В. 461
 Лефорт Ф. Я. 190
 Либих Ю. 395, 396
 Ливанова Т. Н. 355
 Липранди И. П. 45, 237
 Лирийский, герцог см. Бервик И. Ф. Дж.
 Литвиненко Н. Г. 269
 Лихачев Д. С. 461, 464
 Лихачев И. А. 89
 Лозинский М. Л. 259
 Локк Д. 224
 Ломакин Г. Я. 305, 306
 Ломоносов М. В. 103, 114, 134, 135, 169, 274, 339, 429
 Лонгфелло Г. У. 288
 Лонгшан (Longchamp) Ф. 85
 Лонже Ф.-А. 389, 394
 Лопухин, капитан 190
 Лопухин И. В. 458
 Лорер Н. И. 163

- Лотман Л. М. 3
 Лотман Ю. М. 108, 114, 115, 134, 146,
 151, 220, 221, 224, 228, 229, 231, 235,
 238, 239, 251, 252, 255, 263, 344, 456,
 458—461
 Лоуренс Д. Г. 266
 Луи-Филипп, король 435
 Лукреций (Тит Лукреций Кар) 224
 Лукреция 236
 Лумис Н. М. 286, 302
 Лурье С. 140, 460
 Лучич Ф. Л. 345
 Лушников М. 151, 153
 Лыков М. И. 197
 Лыковы 180
 Львов А. Ф. 359
 Львов П. Ю. 235
 Львов Ф. П. 405
 Львова Е. Н. 405
 Льюис М. Г. 287, 462
 Люблинский П. И. 189
 Людовик XI Бурбон, король 186
 Людовик XVI Бурбон, король 102, 104,
 117—119, 122
 Люценко Е. П. 453
 Лядов А. К. 355
- Мабли Г.-Б. де** 108, 114, 224
Магазаник Э. Б. 260
Мажито А. 390
Мазепа И. С. 60, 339, 405, 409
Мазур Н. Н. 150
Мазья М. 460
Майер Н. В. 455
Майков А. А. 438, 439, 441
Майков А. Н. 340, 341
Майков Л. Н. 150, 152, 200
Майкова Н. И. 445
Мак-Адам 349
Макогоненко Г. П. 117, 459, 462
Максимилиан Лейхтенбергский, герцог
390
Максимов П. 325
Максимович М. А. 430
Малиновский А. Ф. 431
Малларме С. 266, 280
Мальт-Брун К. 418
Мальцов И. С. 453
Ман П. де (Man P. de) 266, 277
Манассеин П. П. 460
Мандельштам Н. Я. 218
Мандельштам О. Э. 218
Мандрыкина Л. А. 154
Мануйлов В. А. 171, 312, 450, 451, 455—
 457, 463
Марат Ж.-П. 47
Мария-Луиза, императрица 103
Маркевич Н. А. 356
Марков Н. В. 197
Маркович В. М. 168, 461, 462
Марлинский (Marlinskij) А. А. см. Бес-
тужев А. А.
Мартынов, актер 359
Марьянов Б. М. 291
Масса И. 144
Массон М. 404
Маттеуччи Ш. 388, 394
Матюшкин К. П. 192
Мацулевич Ж. 85
Машковцев Н. Г. 92
- Медведева И. Н.** 257
Медовой М. И. 204
Межевич В. С. 356
Мейер Х. (Meyer H.) 3, 259, 268, 270,
 272, 273, 277, 279, 280, 282
Мейлах Б. С. 136, 169, 227, 228, 453, 459
Мейснер А. Я. 460
Мелвилл Г. 266
Мельгунов Н. А. 244, 455
Менке Б. (Menke B.) 262, 280
Менцов Ф. Н. 455
Меншиков А. Д. 190, 193, 415
Меон Д. М. 90, 91
Мережковский Д. С. 133
Мериме П. (Mérimée P.) 426, 458
Мерлин В. В. 271, 276
Местр Ж. де 85, 453
Метгерних К.-В. 410
Метьюрин Ч. Р. 224, 237, 243, 245, 455
Мешерина Е. Г. 462
Микешин М. О. 317
Миклашевич В. С. 455, 462
Миклашевский А. М. 311
Миллер Г. 266
Миллер И. П. см. Мюллер И. П.
Миллер О. В. 455, 464
Милль Д. С. 262, 276
Милонов М. В. 240
Милорадович М. А. 229, 252
Милославские 191
Мильвуа Ш. 239—241
Мильтон Д. 319
Милюков П. Н. 200
Минаев Д. 8
Минин-Сухорук К. М. 153
Миних Б.-Х. 196, 415
Мирабо О.-Г.-Р. 408
Мирнов Н. М. 213
Мироненко С. В. 311
Михаил Павлович, великий князь 229
Михайлов В. Н. 260, 261
Михайлова Н. И. 3, 239, 459
Михайловская-Данилевская А. А. 433,
 434, 441, 443
Михайловская-Данилевская А. П. 433—
 435, 437, 438, 440—443, 445
Михайловская-Данилевская Л. А. 433—
 435, 438—441, 443
Михайловский-Данилевский А. И. 157,
 159, 414, 415, 428—447
Михайловский-Данилевский И. А. 433,
 434, 438—441, 443
Михайловский-Данилевский Л. А. 433,
 434, 441, 443
Мицкевич А. 69, 92, 150, 151, 261, 309,
 454, 456, 458
Мишо А. 266
Могилянский А. П. 203
Модзалевский Б. Л. 84—86, 89, 90, 127,
 129, 154, 155, 192, 193, 291, 300, 363,
 448
Модзалевский Л. Б. 5, 8, 57, 68, 73, 76,
 77, 82, 84, 89, 90, 92, 148, 171, 287,
 430, 448
Моисей, пророк 137, 143, 145, 146
Монро Дж. 286
Монтень М. де 259, 282
Монтескье Ш.-Л. 289
Монфор, граф 178
Мординов А. Н. 67, 84, 453
Морозов П. О. 12, 35, 111, 129

- Морозова Ф. П. 191
 Мосх 223
 Моцарт В.-А. 65, 95, 272, 457
 Мстислав, князь 13, 70
 Мстиславская Е. П. 363
 Мужельская Л. 331
 Мур Т. 319, 452, 455
 Муравьев А. З. 159
 Муравьев А. Н. 66, 458, 462, 464
 Муравьев М. В. 192, 193
 Муравьев М. Н. 110, 223
 Муравьева А. Г. 152
 Муравьева И. 460
 Муравьева О. С. 3, 100, 133
 Муравьев-Апостол С. И. 159
 Муратов А. Б. 462
 Мурьянов М. Ф. 138
 Мусин-Пушкин М. Н. 425
 Мусины-Пушкины 192
 Мустафина Е. А. 285
 Мушина И. Б. 456
 Мюллер (Миллер) И.-П. 380, 382, 390
 Мюссе А. де 66
 Мюссе П. де 66
- Набоков В. В. (Nabokov V.) 224, 231, 247, 251, 252, 260, 263, 280
 Надеждин Н. И. 453
 Наполеон I Бонапарт 102—104, 120, 134, 140, 167, 168, 176, 178, 220, 222, 229, 235, 241, 256, 333, 432, 446
 Наполеон II, герцог Рейхштадтский 103
 Нарышкины 349
 Нашокин П. В. 64, 90, 201
 Нашокины 391
 Невский А. Я. 241
 Недосекина Т. А. 455
 Некрасов Н. А. 4, 315—322, 329, 335, 424, 425, 450, 452—455, 459—462
 Нельсон Г. 229
 Немзер А. 460, 462
 Немировский И. В. 3, 149, 151, 155
 Непомнящий В. С. 461
 Нерон (Клавдий Цезарь Нерон), император 235
 Нечаев С. Д. 312—314, 462
 Нечкина М. В. 311
 Нешумова Т. 458, 463
 Никитенко А. В. 174, 398—427, 453, 461
 Никитенко К. К. 427
 Никитин И. С. 453
 Николаев П. А. 458—460, 462, 464
 Николай I, император 60, 61, 67, 136, 148—166, 169—172, 177, 181, 184, 222, 296, 331—333, 401, 417, 418, 425, 430, 431, 442, 447
 Николюкин А. Н. 291
 Ницше Ф. 185, 263, 264, 267, 278
 Новиков Н. И. 109, 144
 Новосильцев Н. П. 440, 441
 Нордстон И. 106
 Норов А. С. 462
- Ободовская И. М. 199, 200, 212, 213
 Оболенская М. И. см. Пушкина М. И.
 Оболенский Д. Д. 163
 Овидий (Публий Овидий Назон) 127, 219, 237, 238
 Овчинников Р. В. 195, 197
- Огарев Н. П. 335
 Огонь-Догановский В. С. 64, 65, 75
 Одинцов Б. 197
 Одоевская О. С. 378
 Одоевский А. И. 153, 229, 453
 Одоевский В. Ф. 4, 198—217, 229, 338, 356, 357, 363, 378—396, 420, 459, 462, 463
 Озеров В. А. 114, 252, 253, 255, 257, 277, 278
 Ознобишин Д. П. 455
 Оксман Ю. Г. 202, 203, 244
 Окулов М. А. 453
 Олег, князь 453
 Оленина А. Н. 235
 Оленина А. А. 81
 Олуфьев П. М. 194
 Оль Г. А. 93
 Ольдекоп Е. И. 353, 398
 Ольденбургский П. Г. 327
 Ольхин М. Д. 422, 423
 Опекушин А. М. 340
 Орлов А. Ф. 333, 463
 Орлов В. И. 455
 Орлов В. Н. 203
 Орлов М. Ф. 24, 30, 32, 158, 159, 333
 Орлов Ф. Ф. 23
 Орлова, актриса 365
 Орловы 196
 Осипова П. А. 68
 Осповат А. Л. 268, 463
 Осповат К. А. 166
 Оссиан 455
 Остерман А. И. 415
 Остин Дж. (Austin J.) 261, 270
 Остин Джейн 241, 242
 Островский А. Н. 304, 343, 350, 351
 Отрадин М. В. 332
 Охотин Н. Г. 463
 Очкин А. Н. 398, 403, 404
- Павел I, император 102, 103, 116, 121, 122, 430, 454
 Павлищев Л. Н. 378, 391, 392
 Павлищев Н. И. 212
 Павлищева Н. Н. см. Панэ Н. Н.
 Павлищева О. С. (урожд. Пушкина) 4, 191, 212, 213, 378, 379, 390—395
 Павлова Е. В. 241
 Павлова И. 452
 Павский Г. П. 87
 Панаев В. И. 335
 Панин В. А. 195, 462
 Панофски Е. 220
 Панэ И. 394
 Панэ Н. Н. (урожд. Павлищева) 387, 393, 394
 Парни Э.-Д.-Д. 140, 235, 241
 Паскевич И. Ф. 439, 440, 447
 Пашков А. И. 385, 393
 Пашковская, актриса 365
 Пашнина Г. В. 92
 Пеллико С. 133
 Пеньковский И. М. 392
 Перикл 234
 Перовский А. А. 452
 Перри Д. 190
 Перфильев С. В. 453
 Песоа Ф. 266
 Пестель П. И. 158, 159

- Петр I, император 71, 72, 84, 86, 157, 161, 164, 165, 169, 176, 180—185, 189—193, 197, 295, 327, 406, 407, 429—435, 441—445, 447, 453
- Петр III, император 186, 196
- Петрарка Ф. 237, 238, 458
- Петровский Л. П. 311
- Петрунина Н. Н. 137, 171, 174, 181
- Печаткин В. П. 423
- Печерин В. С. 235
- Пикулин П. Л. 330
- Пиотровский Б. Б. 458
- Пирогов Н. И. 390
- Пирсон Дж. В. (Pierson G. W.) 287, 300
- Писарев Д. И. 218, 219, 340
- Писемский А. Ф. 305
- Платон 114
- Платонов С. Ф. 142, 144, 179
- Плетнев П. А. 57, 60, 61—63, 154, 203, 423, 453, 461
- Плеханов Г. В. 227
- Плюшар А. А. 411, 412, 419
- Плюшар Е. А. 411, 412
- По Э. А. 288
- Погодин М. П. 59, 60, 61, 66—68, 142, 150, 153, 156, 158, 162, 164, 165, 430, 453
- Подлесских-Жиркевич Н. Г. 324
- Пожарский Д. М. 117, 153
- Познанский Ю. И. 309—311
- Полевой К. А. 205, 237, 243, 320, 453
- Полевой Н. А. 66, 243, 407, 412, 415, 418, 424, 431, 441—445, 453, 461
- Полетика И. Г. 213, 214
- Полетика П. И. 160
- Поливанов Л. И. 12
- Полихроны К. 32, 33, 47
- Пономарева Е. А. 352
- Пономарева С. Д. 450, 458
- Поракишвили Н. 304
- Пордеч Дж. 391
- Посошков И. Т. 105
- Потапова А. И. 44
- Потапова Г. Е. 259, 462
- Потоцкая М. А. 453
- Потоцкая С. К. 27
- Потоцкие 349
- Правиков А. 409
- Прасковья Федоровна, царица 193
- Прац Э. 417, 420
- Прокопович Ф. 453
- Проскурин О. А. 455
- Проффер К. Р. (Proffer C. R.) 291
- Пруст М. 266
- Пугачев В. В. 103, 110, 112, 124
- Пугачев Е. И. 66, 68, 69, 181, 182, 184—186, 193—196, 286, 430, 453
- Пуссен Н. 220
- Пушка Г. А. 193, 197
- Пушкин А. А. 192
- Пушкин А. М. 193, 196, 197
- Пушкин А. П. 193
- Пушкин А. Ф. 180, 191, 195
- Пушкин В. Л. 102, 120, 188, 197, 236, 240, 263, 268, 274, 333
- Пушкин Г. Г. 191
- Пушкин И. Г. 191
- Пушкин И. К. 193
- Пушкин Л. А. 195, 196
- Пушкин Л. С. 19, 37, 61, 63, 129, 163, 181, 230, 392
- Пушкин М. А. 189, 195—197
- Пушкин М. С. 189, 190, 193
- Пушкин П. К. 189, 192, 193
- Пушкин П. П. 191, 193
- Пушкин С. А. 195, 196
- Пушкин С. К. 193
- Пушкин С. Л. 61 («родителям»), 191, 193 («отца»), 196, 378, 392
- Пушкин Ф. А. 189, 193—195, 197
- Пушкин Ф. М. 189—193
- Пушкин Ф. П. 191, 193
- Пушкин Ф. Ф. 190
- Пушкин Я. С. 190
- Пушкина А. Л. 333
- Пушкина А. Ф. см. Зубкова А. Ф.
- Пушкина В. М. см. Гагарина В. М.
- Пушкина Е. М. 196
- Пушкина М. А. см. Ганнибал М. А.
- Пушкина М. И. (урожд. Оболенская) 195
- Пушкина Н. А. (урожд. Волконская) 196
- Пушкина Н. Н. (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская) 60—65, 67, 69, 73, 75, 192, 198—202, 212—216, 392
- Пушкин Н. О. (урожд. Ганнибал) 61 («родителям»), 193 («матери»), 212, 378
- Пушкина П. А. (урожд. Соковнина) 189, 190
- Пушкина С. Ф. 195
- Пушкина С. Ю. (урожд. Ржевская) 180
- Пушкина Т. Д. (урожд. Меншикова) 193
- Пушкины 90, 188—197, 213, 214, 378, 392, 394
- Пушин И. И. 152, 331
- Пыпин А. Н. 202
- Радишев А. Н. 108—124, 286, 298, 321, 453, 462
- Радклиф А. 461, 462
- Раевская Екатерина Н. 9, 14
- Раевская Елена Н. 14
- Раевская М. Н. см. Волконская М. Н.
- Раевская С. А. 10, 14
- Раевские 9, 90
- Раевский А. Н. 27, 173, 230, 345
- Раевский В. Ф. 45—47, 109, 237, 453
- Раевский Н. А. 200
- Раевский Н. Н. (младший) 8, 61, 463
- Раевский Н. Н. (старший) 27, 173
- Разин С. Т. 181, 453
- Разумовский А. К. 349
- Райков Б. Е. 393
- Райсберг Д. 215
- Рак В. Д. 3, 5, 11, 13, 20
- Раков Ю. 260
- Ралли З. 48
- Расин Ж. 61, 183, 251, 252, 254, 256
- Рассел Б. (Russell B.) 262, 268
- Ратша 191, 193
- Рахманный см. Веревкин Н. Н.
- Ребо Ш. 426
- Реизов Б. Г. 182
- Рейналь Г.-Т.-Ф. 289
- Рейсер С. А. 452
- Рейтблат А. И. 458, 461
- Рейф Ф. И. 107, 453
- Рейхенбах К. 395, 396
- Рейхштадтский, герцог см. Наполеон II
- Рембо А. 266
- Рено И. П. 349

- Ренъе М. де 127, 128
 Ржевская Е. Н. 180
 Ржевская С. Ю. см. Пушкина С. Ю.
 Ржевские 180
 Рибас О. М. де 349
 Рибопьер А. И. 161
 Рив К. 454
 Ризнич А. 345, 348
 Ризнич Й. (И. С.) 345, 348
 Римский-Корсаков Н. А. 355
 Ричардсон С. 225, 234, 237, 275
 Ришелье Л.-Ф.-А. 345, 349
 Робертсон У. 224
 Робеспьер М. 124
 Рогова А. И. 463
 Родзянка А. Г. 449, 453, 462
 Родзянка В. Г. 313
 Родзянка С. Г. 313
 Рожалин Н. С. 153, 390, 391
 Розанов А. С. 356
 Розанова С. А. 457
 Розен А. Е. 163
 Ройзензон Л. И. 260
 Роллер А. Л. 357
 Романовы, династия 179, 180, 184, 191
 Романюк С. К. 196
 Ромодановская Е. К. 462
 Россет Александра О. см. Смирнова-Россет А. О.
 Россет Аркадий О. 213
 Россов А. 260
 Ростовская М. Ф. 92
 Ростовцова, домовладелица 420
 Ростопчин Ф. В. 173
 Ростопчина Е. П. 211, 378, 379, 389, 390, 394
 Роткирх А. К. 179
 Роткирх С. А. (урожд. Ганнибал) 179
 Рошаль С. И. 244
 Рудыковский Е. П. 11
 Руммель В. В. 323
 Рупин И. А. 353
 Руссо Ж.-Б. 128
 Руссо Ж.-Ж. 107—109, 114, 115, 224, 225, 234, 235, 237, 238, 266, 289
 Рылеев К. Ф. 91, 158, 164, 229, 286, 311, 333, 335, 345, 454
 Рычков П. И. 194
 Юрий, князь 188
- С. Д. П. см. Пономарева С. Д.
 Савельев П. С. 409, 411
 Савченко С. 239
 Савченко Т. Т. 137
 Садовойской Б. 460
 Сайтов В. И. 68
 Саккини А. М. К. 95
 Сакулин П. Н. 198, 202, 205—207, 209, 379, 393
 Салтыков Н. И. 428, 429
 Сальери А. 65, 95, 272, 457
 Самарин М. А. 194
 Самойлов В. М. 359
 Самойлова В. В. 359
 Самуил, пророк 143—145
 Санд Ж. (наст. имя и фам. — А. Дюпен, по мужу — Дюдеван) 245, 247—250, 426
 Сандомирская В. Б. 10, 20, 21, 57, 58, 62, 78—80, 312
- Сандунова Е. С. 251
 Сантик 104
 Сапожков С. В. 324
 Сапожников А. И. 4
 Саул, царь 142—146
 Сахаров В. И. 202, 207
 Сведенборг (Шведенборг) Э. 384, 391, 392
 Свиный А. П. 436
 Свиный Г. А. 428
 Свиный Павел П. (Svenin P.) 4, 66, 276, 428—447
 Свиный Петр П. 428
 Свиный Петр С. 428
 Свинына Е. П. (урожд. Лермонтова) 312
 Свинына Н. А. 435, 437, 438, 445
 Селезнева Т. Ф. 462, 463
 Селиванова С. Д. 15—19, 25, 30, 32
 Семн А. И. 453
 Семенов В. 407
 Семенова Е. С. 52, 255—257, 277, 278
 Сементовский Н. 361
 Семечкина Т. Б. (урожд. Данзас) 331
 Семирамида, царица 256
 Сенанкур Э.-П. 244, 245, 247, 248, 250
 Сенковская А. А. 398, 403
 Сенковский О. И. 4, 204, 205, 356, 398—427, 453
 Сен-Ламбер Ж.-Ф. де 129
 Сен-Мартен Л.-К. 391
 Сент-Бев Ш.-О. (псевд. — Ж. Делорм) 247
 Сенявин Д. Н. 428
 Сербинович К. С. 155, 413, 449, 453
 Сервантес Сааведра М. де 89
 Сержан Л. С. 238
 Серман И. З. 452
 Серов А. Н. 356—358
 Сидоровский Л. 456
 Сикард К. Я. 345
 Силин Г. 189, 190
 Синегуб С. С. 453
 Сиповский В. В. 200
 Сиркур А. 453
 Ситников С. И. 153
 Скатов Н. Н. 4, 322, 462
 Скобелев И. Н. 345
 Скотт В. 16, 152, 182—187, 224, 390, 408, 409, 422
 Скрынников Р. Г. 142, 179, 200, 201
 Смирдин А. Ф. 400, 401, 406, 408, 411, 414, 423, 453
 Смирнов И. А. 30
 Смирнов И. П. 453
 Смирнов Н. М. 213, 214
 Смирнов-Сокольский Н. П. 285
 Смирнова-Россет А. О. 87, 88, 213, 393, 464
 Смит А. 224
 Снегирев И. М. 431
 Снытко Т. Г. 311
 Собаньская К. А. 27, 28
 Соболевский С. А. 214, 453
 Соймонов Л. Я. 192
 Соковнин А. П. 189—191
 Соковнина П. А. см. Пушкина П. А.
 Соколов П. И. 66, 74, 75
 Соколов П. Ф. 93
 Соллогуб В. А. 455
 Соловей Н. Я. 79
 Соловьев С. М. 142

- Соловьев Ф. 235
Соловьева О. С. 76, 77, 82, 83
Солодовников Г. С. 361
Соломон, царь 142, 145, 146
Соломицын В. А. 420, 424, 425
Солосин И. И. 134
Сомов О. М. 154, 155, 286, 430, 449, 452, 453, 462, 463
Сорокин М. П. 419
Сосницкая Е. Я. 361
Софокл 56, 180
Софья Алексеевна, царевна 180, 191
Соханская Н. С. см. Кохановская Н. С.
Спасский И. Т. 423
Сперанский М. М. 158, 417, 418
Ставицкий М. Ф. 440, 441
Сталь А.-Л.-Ж. де 224, 225, 234, 453
Стамати К. 429
Старк В. П. 137, 195, 196
Старчевский А. В. 398, 404, 415, 420, 423, 425, 426
Стасов В. В. 356
Стендаль (наст. имя и фам. — А.-М. Бейль) 182
Стенник Ю. В. 110, 112, 114, 134
Степанов Н. Л. 451
Стерн Л. 26, 267, 274
Стопьянский П. Н. 204
Строганов С. Г. 333
Стромилов С. И. 455
Стрюйс И. 181
Стурдза А. С. 463
Суворов А. В. 65, 66, 229
Сукин Ф. И. 196
Султан-Шах М. П. 200
Сулье Ф. 426
Сумароков А. П. 134
Сумцов Н. Ф. 202
Супронюк О. К. 462
Сураг И. З. 138
Суханов М. 160, 161
Сухозанет Е. А. (урожд. Белосельская-Белозерская) 198
Сухтелен П. П. 404, 405
Сушков М. В. 235
Сцевола (Гай Муций Сцевола) 234, 235
Сю Э. 66, 404, 422, 423, 426
- Тардиф де Мелло 453
Тартаковский А. Г. 87, 456
Тассо Т. 457, 460
Тацит (Публий Корнелий Тацит) 117, 235
Телетова Н. К. 189, 279
Теннер Дж. (Tanner J.) 285—303
Теплова Н. С. 449, 458, 462
Теплова С. С. 449, 458, 460
Тепляков В. Г. 133, 449, 456, 462
Теребенев И. И. 234, 235
Тертуллиан 84
Тимофеев А. В. 411, 413
Тимофеев И., дяк 144
Титов В. П. 153
Титов Н. П. (псевд. — П. Глебов, Джегитов) 416
Титов П. П. 311
Тодес Е. А. 135
Тойбин И. М. 221
Токвиль А.-Ш.-А. де (Tocqueville A. de) 287, 288, 290, 292—303, 453
- Толкачев М. 194
Толстой Д. Н. 153
Толстой Л. Н. 105, 133, 146, 292, 327, 335
Толстой Ф. И. 14, 235, 286
Толстой Я. Н. 49, 50, 52, 53, 253, 254, 257, 405
Томашевский Б. В. 49, 52, 54, 56, 57, 64, 68, 72, 79, 88, 89, 103, 108, 110—112, 116, 123, 134, 148, 247, 450
Томмазини, врач 409
Топильский М. 336
Траскин А. С. 454
Тредьяковский В. К. 105, 134, 339
Тропинин В. А. 93
Троцкий С. В. 98
Трубецкой А. В. 213, 216
Трубецкой Е. И. 458
Туманишвили Г. 304
Туманишвили М. 456
Туманский В. И. 189, 200, 240, 345
Тупылев И. 234
Тургенев А. М. 157, 159
Тургенев Александр И. 149, 152, 157—160, 172—174, 230, 294, 431, 453, 458
Тургенев Андрей И. 99, 449
Тургенев И. С. 132, 316—318, 322, 327, 328, 335
Тургенев Н. И. 104, 116, 157—159, 164, 244
Тургенев С. И. 157
Тургеневы 104
Турьян М. А. 4, 198, 203, 204, 206, 207, 209, 390, 391, 456, 459, 462
Тынянов Ю. Н. 261, 263, 267, 268, 272, 282, 362, 363, 450, 462
Тыркова-Вильямс А. 200
Тютчев Ф. И. 458, 460
Тюфякин П. И. 252
- Уваров С. С. 172, 174—177, 205, 402, 406—408, 413, 423
Уитьер Дж. Г. 288
Уолпол Г. 183, 453
Урусов П. С. 192
Усок И. Е. 227, 452
Успенский Б. А. 142
Устрялов Н. Г. 142, 189, 190, 431, 453
Ушаков В. А. 449, 460, 462
- Ф. П. Л. 424, 425
Фариков А. Ф. 453
Федор Годунов 123
Федор Иоаннович, царь 143, 144
Федоров Б. М. 313
Федотов П. А. 313
Фейнберг И. Л. 84
Фендерих, купец 349
Феокрит 223—225
Ферман В. 356
Фет А. А. 327
Фикельмон Д. Ф. 447
Фикельмон Ш.-Л.-К.-Л. 446, 447
Филарет, архимандрит 239
Филимонов В. С. 457, 460
Флейшман Л. С. 463
Фок М. Я. фон 154, 155, 161, 162
Фомичев С. А. 3, 5, 8, 12, 19, 22, 31, 43, 48, 55, 59, 82, 92, 137, 271, 278, 459—464

- Фонвизин Д. И. 31, 277, 278, 449, 452—454
 Фонтенель Ле Бовье Б. де 224
 Фояков И. О. 459
 Формозов А. А. 428
 Фохт У. Р. 452
 Франклин Б. 286
 Фрейганг А. И. 398, 420, 421, 423
 Фрейд З. 264, 278
 Фрейман Ф. Ю. 194
 Фридендер Г. М. 137, 456
 Фридлунд А. 215
 Фридрих II, король 85
 Фризенгоф А. Н. (урожд. Гончарова) 199—202, 212—216
 Фризенгоф Г. 215
 Фризман Л. Г. 452, 453
 Фрумкина А. И. 90, 92, 93
 Фуко М. 264
- Хаев Е. С. 219, 230
 Хастатова-Шан-Гирей М. А. см. Шан-Гирей М. А.
 Хворостинин И. А. 144
 Хвостов А. С. 453
 Хвостов Д. И. 119, 457, 460
 Хемницер И. И. 448, 451, 452
 Херасков М. М. 260, 445
 Хилман Д. 167
 Хихадзе Л. 304
 Хлюстин С. С. 453
 Хмельницкий А. И. 453
 Хмельницкий Н. И. 271
 Хованский И. А. 197
 Ходоров А. Е. 455, 457
 Холмс О. У. 288
 Хомски Н. 261
 Хомутов С. Г. 307, 309
 Хомутова А. Г. 331
 Хомяков А. С. 135, 151, 244
 Хохлова Н. А. 464
 Храповицкий А. В. 286, 429
 Христесашвили М. 304
- Царькова Т. С. 456
 Цветаева М. И. 200
 Цезарь (Гай Юлий Цезарь) 46, 254
 Цетлин М. О. 229
 Циклер (Цыклер) И. И. 189—191
 Цицерон (Марк Туллий Цицерон) 224
 Цявловская (Зенгер-Цявловская) Т. Г. 8, 32, 35, 81, 82, 88, 89, 450
 Цявловский М. А. 8, 12, 32, 35, 43, 45, 60, 81, 82, 84, 91, 214, 221, 274
- Чаадаев П. Я. 24, 168, 178, 221, 235, 287, 295, 300, 301, 303, 333, 453
 Чавчавадзе А. 4, 304—314, 458
 Чавчавадзе И. 457
 Чавчавадзе Н. А. см. Грибоедова Н. А.
 Чайковский М. И. 323, 337, 338, 340, 342
 Чайковский П. И. 337, 340, 342
 Черейский Л. А. 32, 201, 214, 392, 450, 463, 464
 Чернышев А. И. 65, 67, 74, 75, 431, 447
 Чернышевский Н. Г. 105, 249, 318—320
 Чехов А. П. 391
 Чижевский Д. И. (Tschizëvskij D.) 285
 Чижов А. Г. 135
- Чистова И. С. 304, 305, 310, 456, 457, 462, 463
 Чудаков А. П. 263
 Чуковский К. И. 452
 Чумаков Ю. Н. 226, 232
- Шадури В. С. 304, 305, 311
 Шайтанов И. 178
 Шаликов П. И. 130, 237, 441, 442, 453, 455
 Шан-Гирей М. А. 312
 Шаронова А. В. 4, 401
 Шатобриан Ф.-Р. 224, 243, 244, 247—249, 291, 292, 302
 Шахов Н. Н. 427
 Шахова Е. Н. 426, 427
 Шаховской, князь 439
 Шаховской А. А. 259—261, 266, 268—279, 281—283, 352, 355, 358
 Шванвич А. М. 453
 Шванвич М. А. 453
 Шведенборг Э. см. Сведенборг Э.
 Швейковский А. 194
 Швецова Н. В. 398
 Швыров А. В. 257
 Шевырев С. П. 150, 151, 153, 203, 205, 207, 209, 412, 413, 455
 Шевырева Л. 331
 Шекспир У. 61, 140, 141, 179, 180, 182, 184, 234, 244—246, 248, 250, 259, 260, 262—264, 270, 272, 319, 320, 339, 358, 453
 Шеллинг Ф. 153, 387, 393, 396, 397
 Шелудяков Д. 196
 Шенье А. 45, 81, 149, 179, 328, 334, 458—460
 Шереметев Д. Н. 174
 Шестериков С. П. 344
 Шикло А. Е. 412, 415, 418
 Шиллер Ф. 141, 181, 225, 239, 245, 249, 250, 279, 462
 Шильдберг-Шротт Г. (Schildberg-Schroth G.) 267
 Шильдер Н. К. 161, 162, 432
 Широков В. Ф. 356
 Ширяев А. С. 443—445
 Шишкин А. Б. 98, 134
 Шишков А. С. 87, 428, 436
 Шкилева Л. Ф. 354, 355
 Шкловский В. Б. 102, 103
 Шмид В. 276
 Шмидт С. О. 459, 462
 Шоу Дж. Т. (Shaw J. Th.) 285
 Шпек Ш. (Speck S.) 262
 Штейнбельт Д. 251
 Штелин Я. Я. 190
 Штукенберг А. И. 92
 Шуберт Ф. Ф. 410, 411
 Шувалов И. И. 86
 Шуйский В. И. 144
 Шустер, пианист 378
- Щастный В. Н. 454
 Щацева Р. А. 325
 Щеглов Н. П. 453
 Щеголев П. Е. 6, 59, 149, 200, 213, 214, 217, 392
 Щемелева Л. М. 462
 Щербакова М. Н. 352

Эйдельман Н. Я. 169, 330, 333, 462
Эйхенбаум Б. М. 450
Экштут С. А. 172
Эленшлегер А. 419, 420
Эльзон М. Д. 460
Энгельгардт В. В. 363
Энгельгардт Е. А. 431
Эсхил 362
Эткинд Е. Г. 459
Этьен Р. 84
Эфрос А. М. 67

Юзефович М. В. 220
Юм Д. 224
Юнг Э. 66
Юрьев Ф. Ф. 49, 51
Юрьева И. Ю. 139

Языков А. М. 174, 453
Языков А. П. 326
Языков Н. М. 64, 99, 154, 165, 238, 430,
453, 455
Языков П. М. 154, 453
Якобсон Р. 262
Яковенко И. 400
Яковлев А. И. 429
Яковлев И. А. 91
Яковлев М. Л. 91
Яковлев П. Л. 70
Яковлев С. 457
Яковлева, актриса 361
Яковлева А. Р. 67, 73, 96
Якубович Д. П. 84—86, 90—92
Якубович И. А. 458
Якушкин В. Е. 10, 12, 13, 40, 341
Якушкин И. Д. 32, 33, 152
Ярославский И. см. Иосиф Ярославский
Яфимович, вдова 337
Яшин М. И. 200

Allem M. 129
Austin J. см. Остин Дж.

Barthelemy J.-J. 86
Beaumont G. de см. Бомон Г. де
Béranger см. Беранже П.-Ж.
Biolik M. 267
Blousseville см. Блоссвиль Э. де
Boden D. 291
Bonamour J. 463
Buch W. 455

Chapman B. 287
Clerget J. см. Клерже Ж.

D. L. C. 287
Deleuze G. см. Делез Ж.
Delorme J. см. Сент-Бев Ш.-О.
Derrida J. см. Деррида Ж.
Diakonova N. см. Дьяконова Н. Я.
Dilthey W. 390

Fitch G. W. 261

Gennete G. см. Женет Ж.
Guattari F. см. Гваттари Ф.

Hamilton Th. см. Гамильтон Т.
Hugo V. см. Гюго В.

Irving W. см. Ирвинг В.

Kotzinger S. 273
Kripke S. см. Крипке С.
Kujundžić D. см. Куюнджич Д.

Lamartine см. Ламартин А.-М.-Л. де
Lausberg H. 275
Le Brun см. Лебрен Э.
Leighton L. G. 460
Longchamp см. Лонгшан Ф.

Man P. de см. Ман П. де
Marlinskij см. Бестужев А. А.
Masson de Morvilliers 130
Menke B. см. Менке Б.
Mérard de Saint-Just 130
Mérimee P. см. Мериме П.
Meyer H. см. Мейер Х.
Morgan J. 460
Mortier R. 272

Nabokov V. см. Набоков В. В.
Neumann G. 278

Pierson G. W. см. Пирсон Дж. В.
Proffer C. R. см. Проффер К. Р.

Rippl G. 273
Rossi V. 460
Russell B. см. Рассел Б.

Sabry R. 271
Schildberg-Schroth G. см. Шильдберг-Шрот Г.
Shaw J. Th. см. Шоу Дж. Т.
Speck S. см. Шпек Ш.
Stiegler B. 277
Svenin P. см. Свиньин Павел П.

Tanner J. см. Теннер Дж.
Thaler R. P. 298
Thalman M. 272, 280
Tinnin A. L. 287
Tocqueville A. de см. Токвиль А. де
Trueblood P. G. 456
Tschizewskij D. см. Чижевский Д. И.

Vigny A. de см. Виньи А. де

Wagnière см. Ваньер Ж.-Л.
Weber S. см. Вебер С.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА*

- Аквилон** («Зачем ты, грозный аквилон») 206
- Анджело**, поэма 175
- Андрей Шенье** («Меж тем, как изумленный мир») 45 («Андрей Шенье в темнице»), 149—152, 155, 334
- «**Аптеку позабудь ты для венков лавровых**» 11, 13
- ⟨**Арап Петра Великого**⟩ 179, 180, 186, 197
- ⟨**Арзамасская речь**⟩ см. «Венец желаниям! Итак, я вижу вас»
- Арион** («Нас было много на челне») 155
- «**Арист! И ты в толпе служителей Парнаса**» см. К другу стихотворцу
- Барышня-крестьянка** (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 353—355
- Бахчисарайский фонтан**, поэма 27, 46, 48, 63, 65, 344, 346, 352, 361, 445
- «**Беги, сокройся от очей**» см. Вольность. Ода
- «**Бессмертною рукой раздавленный Зоил**» см. ⟨На Каченовского⟩
- «**Близ мест, где царствует Венеция златая**» 328
- Борис Годунов**, трагедия 3, 55, 57, 58, 60—65, 75, 123, 124, 131—147, 150—152, 163, 180, 184, 339, 362, 461
- Бородинская годовщина** («Великий день Бородина») 170, 244
- Братья разбойники**, отрывок из поэмы 48, 63, 65, 361
- «**Была пора: наш праздник молодой**» 330
- В альбом** («Долго сих листов заветных») 208
- В альбом** («Пройдет любовь, умрут желанья») 27
- ⟨**В альбом княжне А. Д. Абамелек**⟩ («Когда-то (помню с умилением)») 89
- ⟨**В альбом А. О. Смирновой**⟩ («В тревоге пестрой и бесплодной») 87, 88
- «**В его „Истории“ изящность, простота**» см. ⟨На Карамзина⟩
- «**В жизни мрачной и презренной**» см. Эпиграмма ⟨На гр. Ф. И. Толстого⟩
- «**В младенчестве моем она меня любила**» см. Муза
- «**В надежде славы и добра**» см. Стансы
- «**В наше время молодому человеку...**» см. Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Телякова, 1836
- В Сибирь** см. «Во глубине Сибирских руд»
- «**В твою светлицу, друг мой нежный**» 48
- «**В те дни, когда мне были новы**» см. Демон
- «**В тревоге пестрой и бесплодной**» см. ⟨В альбом А. О. Смирновой⟩
- «**В часы забав или праздной скуки**» 326
- ⟨**Вадим**⟩, поэма 43, 44, 46, 47 («к замыслу произведения о Вадиме»)
- «**Вам Музы, милые старушки**» см. В. С. Филлимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак»
- «**Ведите же прежде телят**» 46
- «**Великий день Бородина**» см. Бородинская годовщина
- «**Венец желаниям! Итак, я вижу вас**» 462, 463
- «**Вечерня отошла давно**» 48
- «**Вечерняя заря в пучине догорала**» см. Наполеон на Эльбе (1815)
- Виноград** («Не стану я жалеть о розах») 24
- «**Вкруг я Стурдзы хожу**» см. ⟨На Стурдзу⟩
- Владимир**, поэма 12, 13, 15
- «**Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий**» 179
- «**Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пищет**» см. Несчастье Клита
- «**Во глубине Сибирских руд**» 152, 332, 333, 335
- Война** («Война!.. Подъяты наконец») 39
- Вольность. Ода** («Беги, сокройся от очей») 3, 102—125, 160, 331—333, 463
- ⟨**Воображаемый разговор с Александром I**⟩ («Когда б я был царь...») 151
- ⟨«Два „воображаемых“ разговора Пушкина»⟩, 169
- «**Воспитанный под барабаном**» см. ⟨На Александра I⟩
- Воспоминания в Царском Селе** («Воспоминаньями смущенный») 178, 330
- Воспоминания в Царском Селе** («Навис покров угрюмой ноши») 103, 134, 167, 178
- «**Воспоминаньями смущенный**» см. Воспоминания в Царском Селе
- Гавририада**, поэма 140
- Герой** («Да, слава в прихотях вольна») 104, 168, 170, 171

* Указатель составлен А. С. Лобановой и Л. А. Тимофеевой.

«Гляжу, как безумный, на черную шаль» см. Черная шаль
(Гнедичу) («С Гомером долго ты беседовал один») 136
«Горишь ли ты, лампада наша» см. (Из письма к Я. Н. Толстому)
Городок (К***) («Прости мне, милый друг») 133, 459, 460
(Гости съезжались на дачу...) 188, 341
«Грамматика не предписывает законов языку...» см. (Заметки и афоризмы разных годов)
Граф Нулин, поэма 63, 65, 156, 225, 236
«Гречанка верная! Не плачь — он пал героем» 39
«Гроза луны, свободы воин» см. Дочери Карагеоргия
Гусар («Скребницей чистил он коня») 403

«Дар напрасный, дар случайный» 135, 138
«Да, слава в прихотях вольна» см. Герой
Два кладбища см. «Когда за городом, задумчив, я брожу»
19 октября («Роняет лес багряный свой убор») 177, 330
(19 октября 1828) («Усердно помолившись Богу») 330
«Д.— (Д.(ельвиг)) говаривал...» см. (Заметки и афоризмы разных годов)
Дельвигу («Друг Дельвиг, мой парнасский брат») 56, 100
Демон («В те дни, когда мне были новы») 454, 462
(Денису Давыдову) («[Красноречивый забияка]») 463
Деревья («Приветствую тебя, пустынный уголок») 110, 112, 114, 140, 331, 333, 335, 338
Джон Теннер 285—303
(Дневник 1833—1835 гг.) 87, 101
«Довольно битвы мчался гром» см. Принцу Оранскому
«Долго сих листов заветных» см. В альбом
«Должно ли сперва поговорить о себе...» см. Мои замечания об русском театре
Домик в Коломне, поэма 65, 82, 97, 273
Дочери Карагеоргия («Гроза луны, свободы воин») 18, 22, 24
«Друг Дельвиг, мой парнасский брат» см. Дельвигу
Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю») 125, 156, 165, 166, 169
«Дубравы, где в тиши свободы» 463
Дубровский 181, 250, 361
«Духовной жаждою томим» см. Пророк

Евгений Онегин, роман в стихах 3, 35, 36, 45, 49, 63—65, 77—81, 100, 218—284, 339—341, 345, 347—350, 353, 359, 360, 429
Египетские ночи 135
«Его стихов пленительная сладость» см. К портрету Жуковского
(Езерский) 70, 76, 77, 82, 83, 135, 188
«Если с нежной красотой» 5

«[Жуковской Как ты шалишь и как ты мил]» 14, 19

Жуковскому («Когда, к мечтательному миру») 44, 463

(Заметки и афоризмы разных годов) («Грамматика не предписывает законов языку...», «Д.— (Д.(ельвиг)) говаривал...») 58, 66, 67, 75
(Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского о Фонвизине) 31, 448—449, 452, 454
(Замечания на черноморских и донских казаков) 19
Записка к Жуковскому («Раевский, молодец прежний») 463
«Зачем безвременную скуку» см. К***
«Зачем крутится ветер в овраге» 135, 136
«Зачем ты, грозный аквилон» см. Аквилон

«И я слышал, что Божий свет» 463
«Из Азии переехали мы в Европу на корабле...» см. Отрывок из письма к Д.
Из Ксенофана Колофонского («Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают») 233
Из Пиндемонти («Не дорого цену я громкие права») 124, 137, 301
(Из письма к В. Л. Пушкину) («Христос воскрес, питомец Феба») 333
(Из письма к Я. Н. Толстому) («Горишь ли ты, лампада наша») 49, 52, 253, 254
Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью») 328
«Издrevле сладостный союз» см. К Языкову
«Иной имел мою Аглаю» см. (На А. А. Давыдову)
Иностранке («На языке, тебе невнятном») 47
История Петра 84, 180, 184, 188—193, 197, 430, 431, 441, 442
История Пугачева 66, 68, 69, 91, 175, 181, 182, 184, 185, 188, 189, 193—197, 286

К*** («Зачем безвременную скуку») 9, 11, 13, 14, 16, 329
К Аглае см. Кокетке
К вельможе («От северных оков освобождая мир») 171, 454, 462
К Вяземскому («Так море, древний душегубец») 159
К другу стихотворцу («Арист! И ты в толпе служителей Парнаса...») 459, 460
К Ж(уковскому). По прочтении изданных им книжек «Для немногих» («Когда, к мечтательному миру») 463
К моей чернильнице («Подруга думы праздной») 96, 97
К морю («Прошай, свободная стихия») 124
К Н* см. (Гнедичу)
К Наталье («Так и мне узнать случилось») 95, 96, 101
К няне см. (Няне)
К Овидию («Овидий, я живу близ тихих берегов») 237
[К переводу Илиады] («Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера») 81

- К портрету Вяземского** («Судьба свои дары явить желала в нем») 23
(К портрету Дельвига) («Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил») 463
К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость») 463
(К портрету Чадаева) («Он вышней волею небес») 235
К Чадаеву («Любви, надежды, тихой славы») 168, 333
«К чему холодные сомненья» см. Чадаеву
К Языкову («Издревле сладостный союз») 238
К Языкову («Языков, кто тебе внушил») 20
Кавказский пленник, повесть 5 («Кавказ»), 9, 10, 11 («Кавказ»), 12, 13, 14 («Кавказ»), 15—33, 35 («Кавказ»), 37, 38 («Кавказ»), 39, 43—45, 48, 63, 65, 100, 352, 358
«Как брань тебе не надоела?» 14
«Каков я прежде был, таков и ныне я» 80
Каменный гость 65, 89, 272
Капитанская дочка 124, 177, 181, 182, 184—186, 195
Катинину («Кто мне пришлет ее портрет») 254, 255
Кинжал («Лемносской бог тебя сковал») 43, 46, 47, 333
Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии») 170, 171, 328
«К. (нязь) Г. — [со мною не знаком]» 44
«Когда б писать ты начал сдуру» 14
«Когда в листах воспоминанья» 44
«Когда в объятия мои» 57—59, 62, 63, 68, 75
«Когда великое свершалось торжество» см. Мирская власть
«Когда владыка ассирийский» 138, 460
«Когда за городом, задумчив, я брожу» 333
«Когда, к мечтательному миру» см. К Жуковскому
«Когда-то (помню с умилением)» см. (В альбом княжне А. Д. Абамелек)
Кокетке («[И вы поверить мне могли]») 47, 126, 128
(Колосовой) («О ты, Надежда нашей Сцены») 463
«[Красноречивый забияка]» см. (Денису Давыдову)
«Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера» см. [К переводу Илиады]
Кривцову («Не пугай нас, милый друг») 463
«Кто видел край, где роскошью природы» 27, 44
«Кто, волны, вас остановил» 135
«Кто мне пришлет ее портрет» см. Катинину

«Лемносской бог тебя сковал» см. Кинжал
«Лук звенит, стрела трепещет» см. Эпиграмма (Из Антологии)
«Любви, надежды, тихой славы» см. К Чадаеву

Маленькие трагедии 65, 147, 272, 339
Маленький лжец (Детская книжка) («Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик...») 429—430

Медный всадник. Петербургская повесть 58, 66, 69—77, 82, 83, 180, 181, 183, 184, 319
«Меж тем, как изумленный мир» см. Андрей Шенье
Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслажденье») 463
Мирская власть («Когда великое свершалось торжество») 333
«Мне вас не жаль, года весны моей» 18, 20
«Могущий Бог садов — паду перед тобой» 463
Мои замечания об русском театре («Должно ли сперва поговорить о себе...») 255
Мои мысли о Шаховском («Шаховской) никогда не хотел учиться своему искусству...») 269
«Мой первый друг, мой друг бесценный!» см. (И. И. Пушкин)
Молдавская песня см. Черная шаль
Молитва см. «Отцы пустынники и жены непорочны»
Моцарт и Сальери 65, 95, 272, 457, 460, 461, 463
Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом») 188, 190, 191, 196, 286, 323, 328, 333
(Мстислав), планы поэмы 13
Муза («В младенчестве моем она меня любила») 96

(На Александра I) («Воспитанный под барабаном») 462
На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году («Утихла брань племен; в пределах отдаленных») 103, 167
(На Воронцова) («Полу-милорд, полукупец») 173
На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому («Ты угасал, богач молодой!») 171, 174, 176, 333
(На А. А. Давыдову) («Иной имел мою Аглаю») 126
«На днях выйдет из печати...» см. Об обязанности человека. Сочинение Сильвио Пеллико
(На Карамзина) («В его „Истории“ изящность, простота») 463
(На Каченовского) («Бессмертною рукой раздавленный Зоил») 463
(На Каченовского) («Хаврониос! ругатель закоснелый») 14
На перевод Илиады («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи») 82
На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной см. Элегия на смерть Анны Львовны
(На Стурдзу) («Холоп венчанного солдата») 463
(На Стурдзу) («Вкруг я Стурдзы хожу») 463
На 14 декабря см. Андрей Шенье
«На языке, тебе невятном» см. Иностранке
«Навис покров утрюмой ноши» см. Воспоминания в Царском Селе
«Наперсница волшебной старины» 49, 96, 317

- «Наперсница моих сердечных дум» 48, 49, 96
- Наполеон («Чудесный жребий совершился») 104, 333
- Наполеон на Эльбе (1815) («Вечерняя зоря в пучине догорала») 103, 167
- «Напрасно я бегу к сионским высотам» 137, 138
- «Нас было много на челне» см. Арион (Начало автобиографии) («Несколько раз принимался я за ежедневные записки...») 188, 189, 191
- «Не даром ты ко мне воззвал» см. (В. Ф. Раевскому)
- «Не дорого цену я громкие права» см. Из Пиндемонти
- «Не знаю где, но не у нас» 173, 174
- «Не пугай нас, милый друг» см. Кривцову
- «Не смотря на великие преимущества» см. Отрывок
- «Не стану я жалеть о розах» см. Виноград
- «Не тем горжусь я, мой певец» см. (В. Ф. Раевскому)
- «Недвижный страж дремал на царственном пороге» 348
- Недоконченная картина («Чья мысль восторгом угадала») 463
- «Несколько раз принимался я за ежедневные записки...» см. (Начало автобиографии)
- Несчастье Клиты («Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет») 82
- «Нет, я не льстец, когда царю» см. Дружьям
- (Няне) («Подруга дней моих суровых») 329
- «О дева-роза, я в оковах» 24
- «О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье» см. Ответ анониму
- О народном воспитании («Последние происшествия...») 157, 159
- О новейших романах («Barnave, Confess(i-on)...») 58, 65, 75
- «О ты, который сочетал» см. Орлову
- «О ты, Надежда нашей Сцены» см. (Колосовой)
- «О чем, прозаик, ты хлопчешь?» см. Прозаик и поэт
- «О чем шумите вы, народные витии» см. Клеветникам России
- Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико («На днях выйдет из печати...») 133
- «Овидий, я живу близ тихих берегов» см. К Овидию
- Ода его снят. гр. Дм. Ив. Хвостову («Султан ярится. Кровь Эллады») 119
- Ода на свободу см. Вольность. Ода
- «Однажды странствуя среди долины дикой» см. Странник
- «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает» см. Осень (Отрывок)
- «Он вышней волею небес» см. (К портрету Чадаева)
- Опровержение на критики 32, 61, 188, 189, 191
- «Орлов с Истоминой в постеле» 463
- Орлову («О ты, который сочетал») 333
- Осень (Отрывок) («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает») 72, 286
- «Оставляя честь судьбе на произвол» см. Эпиграмма (На А. А. Давыдову)
- Ответ анониму («О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье») 329
- «Откуда чудный шум, неистовые клики?» см. Торжество Вахха
- (Отрывки «Арзамасской речи») см. «Венец желаниям! Итак, я вижу вас»
- Отрывки из писем, мысли и замечания 286
- Отрывок («Не смотря на великие преимущества...») 188
- Отрывок из Андрея Шенье см. «Каков я прежде был, таков и ныне я»
- Отрывок из письма к Д. («Из Азии переехали мы в Европу на корабле...») 19
- «От северных оков освобождая мир» см. К вельможе
- «Отцы пустынноики и жены непорочны» 137, 138
- «Ох, тетенька! ох, Анна Львовна» см. Элегия на смерть Анны Львовны
- «Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик...» см. Маленький лжец
- Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»
- Певец в темнице см. Андрей Шенье
- Пиковая дама 460, 462
- Пир во время чумы 65
- «Поверь, безумные забавы» см. «Когда в объятия мои»
- Повести покойного Ивана Петровича Белкина 276, 441, 442, 445, 456, 460, 462
- (Повесть из римской жизни) («Цезарь путешествовал...») 66, 67, 74, 75
- «Погасло дневное светило» 10, 13, 18, 21, 39
- Подражание турецкой песне см. «О дева-роза, я в оковах»
- Подражания Корану 115, 329
- «Подруга дней моих суровых» см. (Няне)
- «Подруга думы праздной» см. К моей чернильнице
- «Пока не требует поэта» см. Поэт
- «Покойник, автор сухощавый» 58, 74
- «Покров, упитанный зыательною кровью» см. Из А. Шенье
- Полководец («У русского царя в чертогах есть палата») 143, 171
- Полтава, поэма 57—60, 63—65, 68, 72, 75, 80, 170, 180, 339, 361
- «Полу-милорд, полу-купец» см. (На Воронцова)
- (Послание к «Зеленой лампе») 43, 44, 49—56
- Послание к М. Орлову см. Орлову
- Послание к Чадаеву см. К Чадаеву
- Послание В. Л. Пушкину («Скажи, парнасский мой отец») 333
- (Послание Филимонову) см. В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак»
- Послание Чадаеву см. Чадаеву
- Послание цензору («Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой») 333
- «Послушай, бабушка, мне каждый раз» 463
- Поэт («Пока не требует поэта») 326

- Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной») 58, 62, 68, 74, 326
 «Поэт идет — открыты вежды» 135
 «Поэт по лире вдохновенной» см. Поэт и толпа
 «Приветствую тебя, пустынный уголок» см. Деревня
 Принцу Оранскому («Довольно битвы мчался гром») 103, 167
 Прозаик и поэт («О чем, прозаик, ты хлопчешь?») 64 («Прозаику»)
 «Пройдет любовь, умрут желанья» см. В альбом
 Пророк («Духовной жаждою томим») 135, 136, 149, 165, 166, 326, 455, 460
 «Прости мне, милый друг» см. Городок (К***)
 «Простишь ли мне ревнивые мечты» 456, 462
 «Прощай, свободная стихия» см. К морю
 Путешествие в Арзум во время похода 1829 года 101, 207, 293
 (Путешествие из Москвы в Петербург) 123, 285—287, 298, 454
 (В. Л. Пушкину) см. Послание В. Л. Пушкину
 (И. И. Пушкину) («Мой первый друг, мой друг бесценный!») 152
- «Раевский, *молодец* прежний» см. Записка к Жуковскому
 (В. Ф. Раевскому) («Не тем горжусь я, мой певец») 45 («Не даром ты ко мне воззвал»), 46
- Разговор книгопродавца с поэтом («Стишки для вас одна забава») 63, 64, 221
 «Ревет ли зверь в лесу глухом» см. Эхо (Роман в письмах) 341
 «Роняет лес багряный свой убор» см. 19 октября
 «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» 225
 Русалка, драма 319, 328
 Руслан и Людмила, поэма 6—8, 14, 15, 33, 36, 38, 63, 65, 205, 344, 352, 355—359, 441, 452
- «С тобою древле, о всесильный» (Подражания Корану. IV) 115
 Свобода см. Вольность. Ода
 Свободы сеятель пустынный» 329, 333
 «Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил» см. (К портрету Дельвига)
 «Сижу за решеткой в темнице сырой» см. Узник
 «Скажи, какой судьбой друг другу мы попались» 269
 «Скажи, парнасский мой отец» см. Послание В. Л. Пушкину
 Сказка о золотом петушке 461, 462
 Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 58, 66—68, 72—75
 Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 65, 66
 Сказки. Ноël («Ура! в Россию скачет») 331
 «Скребницей чистил он коня» см. Гусар
- Скупой рыцарь 65, 339
 «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи» см. На перевод Илиады
 «Смеясь жестоко над собратом» см. Моя родословная
 Стансы («В надежде славы и добра») 148—166, 169, 170
 Станционный смотритель 354, 355
 «Стишки для вас одна забава» см. Разговор книгопродавца с поэтом
 Странник («Однажды странствуя среди долины дикой») 135, 137
 «Судьба свои дары явить желала в нем» см. К портрету Вяземского
 «Султан явится. Кровь Эллады» см. Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову
 Сцены см. Маленькие трагедии
- «Так и мне узнать случилось» см. К Наталье
 «Так море, древний душегубец» см. К Вяземскому
 Торжество Вахха («Откуда чудный шум, неистовые клики?») 463
 «Ты богат, я очень беден» см. Ты и я
 «Ты в страсти горестной находишь наслажденье» см. Мечтателю
 «Ты влнешь и молчишь; печаль тебя сдает» 328
 Ты и я («Ты богат, я очень беден») 462
 «Ты угасал, богач молодой!» см. На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому
- «У Кларисы денег мало» 126
 «У русского царя в чертогах есть палата» см. Полководец
 «Увы! зачем она блистает» 8—10, 20
 «Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой» см. Послание цензору
 Узник («Сижу за решеткой в темнице сырой») 47, 48
 «Ура! в Россию скачет» см. Сказки. Ноël
 «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила» см. Царскосельская статуя
 «Усердно помолвившись Богу» см. (19 октября 1828)
 «Утихла брань племен; в пределах отдаленных» см. На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году
 «Участь моя решена. Я женюсь...» 57, 58, 63, 64, 73, 75
- В. С. Филимонову, при получении поэмы его «Дурацкий колпак» («Вам Музы, милые старушки») 457, 460
 Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова, 1836 («В наше время молодому человеку...») 133
- «Хаврониос! ругатель закоснелый» см. (На Каченовского)
 «Холоп венчанного солдата» см. (На Стурдзу)
 «Христос воскрес, питомец Феба» см. (Из письма к В. Л. Пушкину)

Царскосельская статуя («Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила») 338
«Цезарь путешествовал...» см. (Повесть из римской жизни)
Цензору см. Послание цензору
Цыганы, поэма 63, 65, 156, 305, 345, 348, 350, 352, 434

Чедаеву («К чему холодные сомненья») 24

«Чем чаще празднует лицей» 330

Черная шаль («Гляжу, как безумный, на черную шаль») 23—25, 352

«Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают» см. Из Ксенофана Колофонского

«Чудесный жребий совершился» см. Наполеон

«Чья мысль восторгом угадала» см. Недоконченная картина

«Шах(овской) никогда не хотел учиться своему искусству...» см. Мои мысли о Шаховском

Элегия на смерть Анны Львовны («Ох, тенька! ох, Анна Львовна») 333

Эпиграмма (Из Антологии) («Лук звенит, стрела трепещет») 458, 462 («Эпиграмма на А. Н. Муравьева»)

Эпиграмма (На А. А. Давыдову) («Оставь честь судьбе на произвол») 126

Эпиграмма (На гр. Ф. И. Толстого) («В жизни мрачной и презренной») 14

Эхо («Ревет ли зверь в лесу глухом») 326

«Я видел Азии бесплодные пределы» 10—11, 13, 33—42

«Я не люблю твоей Корины» 51

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный» 97, 123, 124, 170, 321, 326

«Языков, кто тебе внушил» см. К Языкову

Ямб см. Поэт и толпа

«A son amant Eglé sans résistance» 126—129

«Barnave, Confess(ion)...» см. О новейших романах

«J'ai possédé maîtresse honnête» 126—128

Table-talk 86

Vie, poésie et pensées de Joseph Delorme (...)
Les consolations, poésies par Sainte-Beuve... 247

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------	---

I. СТАТЬИ

В. Д. Рак. Записная книжка Пушкина ПД 830. (История заполнения: л. 1—42 об.)	5
С. А. Фомичев. Записная книжка Пушкина ПД 830. (История заполнения: л. 43—66 об.)	43
Я. Л. Левкович. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839. (История заполнения)	57
С. В. Березкина. Записная книжка Пушкина ПД 840. (История заполнения)	76
М. Н. Виротайнен. «Я» и «не-Я» в поэтике Пушкина	94
Е. А. Вильк. К интерпретации пушкинской оды «Вольность»: «самовластительный злодей» и самовластный народ	102
Н. Л. Дмитриева. Пушкинские эпиграммы «на Аглаю» и жанр французской гривуазной эпиграммы	126
Л. М. Лотман. Проблема «всемирной отзывчивости» Пушкина и библейские реминисценции в его поэзии и «Борисе Годунове»	131
И. В. Немировский. Опрометчивый оптимизм: историко-биографический фон стихотворения «Стансы»	148
О. С. Муравьева. Политика сквозь призму поэзии	167
Н. К. Телетова. Историческая достоверность и художественная правда у Пушкина	178
В. П. Старк. Пушкины в «Истории Петра» и «Истории Пугачева»	188
Г. М. Седова. Повесть В. Ф. Одоевского «Княжна Зизи» и один из устойчивых мифов о семье Пушкина	198
М. Г. Альтшуллер. «Евгений Онегин»: Et in Arcadia ego	218
Н. И. Михайлова. «Евгений Онегин» в контексте европейской культуры. (О поэтике пушкинского романа в стихах)	234
Е. Н. Дрыжакова. Шесть европейских «масок» Онегина в восприятии А. И. Герцена	243
О. В. Астафьева. Театральные строфы «Евгения Онегина». (К вопросу о комментариях и интерпретациях)	251
Х. Мейер. «Онегиных есть много». (Имя-цитата в качестве «закладки» и перформативного повторения)	259
Дж. Т. Шоу. Пушкин об Америке: статья «Джон Теннер»	285
В. Э. Вацура. Александр Чавчавадзе и русская романсная лирика. (Разыскания)	304
Н. Н. Скатов. «Спаситель Пушкин!». (Пушкин в творческом развитии Некрасова)	315
Р. В. Иезуитова. А. Н. Апухтин и Пушкин	323

II. МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

И. С. Чистова. Л. Р. Коган — пушкинист	343
С. В. Денисенко. Пушкинские сюжеты и тексты на сцене в 1837—1850 гг.	352
А. В. Архипова. «Возвращение Товии» — драматургический опыт В. К. Кюхельбекера	362
М. А. Турьян. К вопросу о позитивистских воззрениях позднего В. Ф. Одоевского: письма к О. С. Павлишевой и В. В. Дерикеру	378

А. В. Шаронова. О. И. Сенковский в письмах к А. В. Никитенко (1833—1848) . . .	398
А. И. Служников. Письма П. П. Свиньина к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1830—1837)	428

III. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

В. Э. Вацура — исследователь Пушкина	448
Библиография трудов В. Э. Вацура	451
Указатель имен	465
Указатель произведений Пушкина	478

Научное издание

Пушкин: Исследования и материалы

Том XVI—XVII

Сборник научных трудов

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук*

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*
Технический редактор *Е. И. Егорова*
Корректоры *О. М. Бобылева, О. И. Буркова,*
Ю. Б. Григорьева и Л. Д. Колосова
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 29.08.02. Подписано к печати 29.07.03.
Формат 70×108 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 42.7. Уч.-изд. л. 46.4. Тираж 1000 экз.
Тип. зак. № 4290. С 151

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-028294-4

97850201282940

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкин. Исследования и материалы. Том XVI—XVII. Сборник научных трудов. — СПб.: Наука, 2003. — 485 с.

ISBN 5-02-028294-4

Книга продолжает серию публикаций, посвященных комментированию и текстологическому описанию пушкинских текстов для нового Академического Собрания сочинений. В том включены исследовательские статьи и публикации неизданных материалов, а также статьи, посвященные проблемам поэтики и литературных связей Пушкина.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»**

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-05-67

**Магазины «Академкнига» с указанием отделов
«Книга — почтой»**

690088 Владивосток-88, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 73; (код 10375-17) 232-00-52,
232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр., 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85